

Е.А. Преображенский

НОВАЯ ЭКОНОМИКА

Е.А. Преображенский
НОВАЯ ЭКОНОМИКА

(теория и практика):
1922–1928 гг.

Издательство
Главархива Москвы
Москва 2008

Утверждено Редакционным советом
Главного архивного управления города Москвы

Составители:

М.М. Горинов, кандидат исторических наук
С.В. Цакунов, кандидат экономических наук

Рецензенты:

д.и.н. В.П. Булдаков, д.и.н. А.К. Соколов

П 72 Е.А. Преображенский. Новая экономика (теория и практика): 1922–1928 гг. Т. I. Опыт теоретического анализа советского хозяйства; Т. II. Конкретный анализ советского хозяйства / Сост. М.М. Горинов., С.В. Цакунов. – М.: Издательство Главархива Москвы, 2008. – 640 с.: ил.

ISBN 5-7228-0136-4

В настоящем издании предпринята попытка реконструкции работы Е.А. Преображенского «Новая экономика». В силу ряда причин автору не удалось завершить свой главный труд.

Основной корпус текста «Новой экономики», близкий авторскому замыслу, воссоздан по опубликованным частям и фрагментам книги, а также другим работам автора, написанным в русле ее проблематики. Публикуются также архивные материалы, связанные с работой Е.А. Преображенского над книгой.

Издание адресовано тем, кто хочет глубже понять суть процессов, происходивших в России после того, как страна приступила к созданию новой социалистической экономики.

ББК 63.3(2)5

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В 1920-е гг. перед большевистским руководством с необычайной остротой встала необходимость теоретического осмысления пути России к социализму. Это было связано с тем, что прежние теоретические схемы прямого, скачкообразного, чуть ли не одномоментного перехода развитых капиталистических стран к коммунизму (см., прежде всего, «Манифест коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Критику Готской программы» К. Маркса, «Государство и революцию» В.И. Ленина) безнадежно устарели. Скачка не получилось. Первый раунд мировой коммунистической революции закончился «вничью»: пролетариат победил, но лишь в одной, причем далеко не самой развитой капиталистической стране. В результате Советская Россия оказалась вынуждена одновременно решать три комплекса взаимосвязанных проблем: 1) своего выживания как звена мировой революции (возможно ли оно, выживание, в принципе, и если да, то куда направить главные усилия – на «подрывную деятельность» в цитаделях капитализма или на внутреннее хозяйственное строительство и др.); 2) преодоления технико-экономического отставания от стран-лидеров (какими темпами, путем привлечения иностранных займов и инвестиций и/или исходя преимущественно из внутренних источников накопления и др.); 3) собственно перехода к социализму и коммунизму. И если при осмыслении последней проблемы точка отсчета имела (см. упомянутые выше работы), то пути решения первых двух, их соподчинения с третьей приходилось искать с нуля.

Остроту ситуации усугубляли два обстоятельства. Во-первых, к концу Гражданской войны в руках советского правительства оказались колоссальные хозяйственные ресурсы, в распределении которых рыночные механизмы играли ничтожную роль. Следовательно, вставала задача срочной, безотлагательной теоретической разработки законов функционирования «новой экономики»: пропорций и механизмов планового распределения ресурсов как внутри обобществленного сектора экономики, так и с учетом организации обмена этого сектора ресурсами с негосударственным сектором и др. Иначе советской экономике грозил перманентный кризис с его неизбежным политическим результатом – крахом пролетарской диктатуры. Во-вторых, при беспрецедентной концентрации ресурсов в руках большевистской партии та не обладала

спаянным руководством. Лишившись исторического вождя, В.И. Ленина, большевистский ареопаг погрузился в длительную борьбу за лидерство. В результате постановка, осмысление и решение назревших теоретических проблем зачастую являлись функцией от борьбы «вождей» за власть.

Однако, несмотря на столь неблагоприятный контекст, именно тогда, в 1920-е гг., создается богатейший теоретический «задел», который в дальнейшем хотя и был «похоронен» в «спецхране», но не исчез, проявляясь то в виде отголосков в выхолощенных «советских» дискуссиях, то в качестве важнейшей точки отсчета развития марксистской мысли вне пределов СССР (в частности, при разработке моделей преодоления отсталости стран «третьего мира»), то как важнейший импульс сегодняшних поисков альтернативы капиталистической глобализации, загнавшей человечество в тупик. И пожалуй, одним из важнейших, на наш взгляд, результатов развития марксистской мысли в Советском Союзе 1920-х гг. явилась теоретическая работа Е.А. Преображенского «Новая экономика».

У этой книги непростая судьба. Навешанный на Е.А. Преображенского оппонентами ярлык «троцкиста» не позволил ему не только полностью напечатать, но, видимо, и дописать свой главный труд до конца. Предпринятые составителями изыскания пока, к сожалению, не позволили найти авторский текст неопубликованных частей «Новой экономики» (весьма возможно, что он и не сохранился). Однако в ходе поисков были обнаружены интересные архивные материалы, прямо или косвенно связанные с работой Е.А. Преображенского над книгой. В совокупности с опубликованными частями и фрагментами «Новой экономики», а также другими его работами, написанными в русле ее проблематики, они позволяют, на наш взгляд, воссоздать основной корпус текста «Новой экономики», близкий авторскому замыслу.

В настоящем издании трудов Е.А. Преображенского предпринята попытка такой реконструкции. Материалами для нее послужили: 1) предисловие автора к 1-му изданию «Новой экономики», в котором тот излагает свой замысел книги в целом; 2) текст 2-го издания «Новой экономики»; 3) опубликованные фрагменты, принадлежность которых «Новой экономике» указана автором; 4) напечатанные материалы, не отнесенные Е.А. Преображенским к «Новой экономике», но которые могли лечь в основу ее ненаписанных глав; 5) архивные материалы, прямо относящиеся к «Новой экономике»; 6) архивные документы, которые, судя по общему замыслу книги, могли стать ядром ненаписанных глав.

Итак, согласно Предисловию Е.А. Преображенского к 1-му изданию «Новой экономики», книга должна была состоять из двух томов.

В первый том он планировал включить две части: 1) «историческую» – «краткий обзор социалистических и коммунистических представлений о социализме»; 2) «теоретическую» – характеристику методологии изучения советского хозяйства, анализ основных законов, регулирующих его развитие; а также Приложения, посвященные полемике с оппонентами.

С реконструкцией этого тома, и прежде всего его «теоретической» части, особых проблем нет. Она в окончательном виде полностью опубликована во 2-м издании «Новой экономики», по тексту которой нами и воспроизводится (см. т. I, ч. 2 настоящего издания). «Из второй, исторической части первого тома, – отмечал Е.А. Преображенский, – опубликованы были первая глава и половина второй. Вся вторая часть, если обстоятельства позволят, будет сдана в печать к осени настоящего 1926 г.». К сожалению, «обстоятельства не позволили»: вторая половина второй главы исторической части так и не увидела свет. Глава же первая и первая половина второй в настоящем издании воспроизводятся по тексту, опубликованному в выпусках «Вестника Коммунистической академии» (см. т. I, ч. 1). Что касается Приложений, то они печатаются по тексту 2-го издания «Новой экономики» с некоторыми добавлениями как ранее опубликованных материалов, так и разысканных в архиве (см. Приложения).

Сложнее обстоит дело со вторым томом. «Второй том, – отмечал Е.А. Преображенский в Предисловии к 1-му изданию «Новой экономики», – будет посвящен конкретному анализу советского хозяйства, т.е. советской промышленности, советскому земледелию, системе обмена и кредита, экономической политике Советского государства, а также и исследованию зачатков социалистической культуры. В ближайшее время будет опубликована важнейшая первая глава второго тома, рассматривающая проблему хозяйственного равновесия при конкретном капитализме и в экономике СССР».

Действительно, «важнейшая первая глава второго тома» увидела свет в двух выпусках «Вестника Коммунистической академии» и в настоящем издании публикуется по их тексту (см. т. II, ч. 1). Однако другие главы второго тома не были напечатаны. Поэтому в качестве «компенсации» в настоящее издание включены материалы Е.А. Преображенского (в том числе архивные), которые, на наш взгляд, могли лечь в основу его работы над неопубликованными (ненаписанными?) главами второго тома «Новой экономики», посвященными «конкретному анализу советского хозяйства» (см. т. II, ч. 2), а также «исследованию зачатков социалистической культуры» (см. т. II, ч. 3). В Приложениях ко второму тому помещены ключевые главы футурологической работы Е.А. Преображенского «От нэпа к социализму», в которой спрогнозированы ведущие тенденции, конфликты и сроки исчерпания нэповской экономической модели, а также обзорная статья составителей, посвященная характеристике экономических работ Е.А. Преображенского.

При подготовке к печати настоящего издания названия томов, частей, глав и их нумерация, сделанные составителями, поставлены в квадратные скобки, без скобок принадлежат перу Е.А. Преображенского.

Унифицированы авторские шрифтовые выделения (курсив, полужирный, разрядка), сделанные Е.А. Преображенским в опубликованных работах, поскольку одни и те же понятия в них переданы по-разному.

В соответствии с современными нормами написания унифицированы используемые сокращения, числа, ссылки на литературу, а также пунктуация и орфография.

Археографическая подготовка документов проведена в соответствии с «Правилами издания исторических документов» (1990). Опечатки, грамматические ошибки оригиналов текста исправлены без оговорок. Ряд уточнений даны в квадратных скобках.

Научно-справочный аппарат издания включает предисловие, примечания, список сокращений и именной указатель.

Составители благодарят за помощь в подготовке настоящего издания директора ГА РФ С.В. Мироненко, заместителей директора ГА РФ В.А. Козлова и Л.А. Роговую, директора научной библиотеки ГА РФ Э.Л. Гараненкову, сотрудника ГА РФ А.А. Федюхина, работников РГАСПИ Л.П. Кошелеву, А.С. Массальскую, Е.П. Караваеву, А.А. Ощепкову. Особые слова благодарности сотрудникам ЦНИИПАФ Главархива Москвы, принимавшим участие в работе над книгой. Отдельная благодарность Н.А. Тесемниковой за помощь в розыске и содействие в археографической обработке архивных документов. Настоящее издание было бы невозможным без заинтересованного участия английского журналиста Саймсона Пирани. Составители особенно признательны профессору Университета Торонто (Канада) Ричарду Б. Дею, по сути инициировавшему данный проект и поддерживавшему составителей и авторский коллектив на всех этапах его осуществления.

М.М. Горинов, С.В. Цакунов

[ПРЕДИСЛОВИЕ]

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ*

Предпринятая автором работа по теоретическому изучению советской системы хозяйства, начало которой представляется здесь вниманию читателей, должна составить два тома. Настоящая книга является первой теоретической частью первого тома. Вторая, историческая часть этого тома, будет посвящена краткому обзору социалистических и коммунистических представлений о социализме. Из публикуемой книги две главы, вторая и третья, были уже напечатаны в «Вестнике Коммунистической академии»; точно так же в том же журнале был опубликован печатаемый ниже, в приложении, мой ответ т. Бухарину. Впервые появляются в печати первая методологическая глава и ответ некоторым другим моим оппонентам.

Из второй, исторической части первого тома опубликованы были первая глава и половина второй. Вся вторая часть, если обстоятельства позволят, будет сдана в печать к осени настоящего 1926 г.

Второй том будет посвящен *конкретному* анализу советского хозяйства, т.е. советской промышленности, советскому земледелию, системе обмена и кредита, экономической политике Советского государства, а также и исследованию зачатков социалистической культуры. В ближайшее время будет опубликована важнейшая первая глава второго тома, рассматривающая проблему хозяйственного равновесия при *конкретном* капитализме и в экономике СССР.

Глава о социалистическом накоплении воспроизводится здесь с небольшими изменениями, в которых я учел те из возражений второстепенного значения, которые я считаю правильными. Кроме того, я исключил из изложения термин эксплуатация по отношению к процессу отчуждения части прибавочного продукта частного хозяйства в фонд социалистического накопления. Затем я сделал небольшую перестановку материала из второй главы в третью в интересах большей связности изложения.

Что же касается возражений по существу, которые я считаю неправильными, а также ожесточенных политических нападок, которым подверглась вторая глава книги, посвященная закону первоначального социалистического накопления, то, подводя некоторые итоги полемики, я должен сказать на эту тему следующее.

Возражения методологического характера сводились, во-первых, к тому, что нельзя при исследовании советского хозяйства абстрагироваться от экономической политики Советского государства, хотя бы дело шло об абстрагировании на определенном этапе исследования. Это первое возражение, если на нем настаивать, с неумолимой логической неизбежностью угрожает отбросить оппонентов на позиции Штаммлера и его школы, а также к точке зрения субъективной социологии Михайловского, Кареева и т.д. Вместе

* Из книги Е.А. Преображенского «Новая экономика».

с тем, эта позиция не позволяет в области экономической теории выбраться из болота вульгарной политической экономии, хотя бы и в советском издании, а тем самым не дает сделать ни одного действительного шага вперед в деле научного изучения советского хозяйства.

Второе методологическое возражение было направлено против развиваемого в настоящей книге положения о том, что хозяйственное равновесие в советской экономике складывается на основе борьбы двух антагонистических законов – закона ценности и закона первоначального социалистического накопления, что означает отрицание единого регулятора во всей системе* .

Возражавшим против этой постановки вопроса пришлось, во-первых, выдать свое натуралистическое, не историческое понимание закона ценности, когда форму регулирования хозяйственных процессов при товарном производстве смешивают с регулирующей ролью в экономике общества *трудовых затрат вообще*, какую роль эти затраты играли и будут играть *во всякой* системе общественного производства. Во-вторых, оппонентам пришлось, признавая закон ценности единым регулятором хозяйственной системы СССР, вступить в коренное противоречие как с положением о социалистическом типе нашего государственного хозяйства (как бы примитивен ни был этот тип), так и с для всех очевидным фактом борьбы в нашей экономике начала товарного хозяйства с социалистическими тенденциями развития. Тем самым оппоненты вынуждены приближаться к меньшевистской концепции нашего хозяйства, как исторически запоздавшего побега капиталистической экономики.

Основное возражение против сформулированного мною закона первоначального социалистического накопления, более полно обоснованного лишь в настоящей книге, сводилось к следующему аргументу: «Да, говорят оппоненты, социалистическое накопление у нас есть, но никакого закона первоначального социалистического накопления нет, или, по меньшей мере, существование его не доказано». Одним словом, борьба социалистического планового начала с рынком есть, но борьбы закона ценности с законом первоначального социалистического накопления нет. Всю глубину и неотразимость этого возражения легче всего понять без лишних слов, если изложить его так, как это сделал в личном разговоре со мной один из моих читателей. Он сказал так: «К чему говорить о каком-то законе социалистического накопления? Сколько советское правительство в пределах возможного постановит накопить, столько и будет накоплено». В такой интерпретации закон социалистического накопления сводится к закону Совнаркома о социалистическом накоплении. Я убежден, что между первой и второй аргументациями нет никакой принципиальной разницы. Допускать объективную закономерность по отношению ко всем процессам и тенденциям товарного хозяйства, концентрирующимся в законе ценности, и отрицать объективную закономерность процесса расширенного социалистического воспроизводства, антагонистически развертывающегося вопреки и в борьбе с законом ценности и диктующего с внешне принудительной силой определенные пропорции накоплений Советскому государству в каждый данный хозяйственный год, значит исключать последний процесс из сферы действия закона причинности, значит покидать почву детерминизма, т.е. почву всякой науки вообще. Если же дело обстоит не столь трагически, то мои оппоненты должны прямо и честно сказать: «Закон здесь есть, но какой это закон – мы не знаем». Такой ответ, правда, не очень бы рекомендовал моих критиков по части понимания законов развития советского хозяйства, но в этом случае, по крайней мере, они не мешали бы другим работать над теоретическим исследованием этих законов. Можно известную сумму знаний возвести в теорию, но нельзя создавать

* См. об этом отчет о прениях на трех заседаниях Ком[мунистической] академ[ии], посвященных обсуждению моего доклада на тему «Закон ценности в советском хозяйстве». (Прим. автора.)

теорию незнания: нельзя с ограниченным или, если хотите, неограниченным самодовольством выдавать общие фразы о нэпе, о борьбе двух начал и т.д. за пределы достижимого в деле анализа нашего хозяйства; нельзя тип вульгарного советского экономиста, являющегося пока, за известными исключениями, героем дня в нашей экономической печати, периодической и непериодической, считать нормальным типом советского, марксистского, большевистского экономиста вообще.

Следующее возражение касается неэквивалентного обмена с частным хозяйством. Должен откровенно признаться перед читателем: я до сих пор не знаю в точности, где кончаются в этом возражении соображения политического порядка, соображения пропаганды и, наконец, просто недоразумения и где начинается самое обыкновенное теоретическое невежество. При капитализме неэквивалентный обмен между крупным производством и мелким, в частности неэквивалентный обмен между капиталистической промышленностью и крестьянским земледелием, вынужденным в известной мере приспособляться в области цен к стоимостным отношениям крупного капиталистического земледелия, является, если говорить о сфере чисто экономических отношений и причин, простым выражением более высокой производительности труда в крупном производстве по сравнению с мелким. У нас неэквивалентный обмен сейчас связан прежде всего с технической отсталостью нашей промышленности, более низкой производительностью труда в ней, в сравнении с передовыми капиталистическими странами, с более высокой себестоимостью изделий и, наконец, с исторически и экономически неизбежным отчуждением на основе политики цен части прибавочного продукта частного хозяйства в фонд социалистического накопления. Значит, на весь период, пока мы технически не догоним капитализма и не закончим периода первоначального социалистического накопления, у нас неизбежно будет существовать неэквивалентный обмен с деревней и по причинам, которые обуславливают неэквивалентный обмен в мировом хозяйстве, определяющем в нормальных условиях предельные цены на наши продукты сельского хозяйства, и по причинам, специфически связанным с условиями существования советской системы хозяйства. Когда последние причины отпадут, первые останутся. Это, во-первых. А во-вторых, как раз развитие крупного и среднего кооперативного и социалистического земледелия и пропорция обмена веществ в нем с государственной промышленностью будут диктовать некооперированному земледелию, т.е. долгое время большинство деревни, неэквивалентный обмен как раз не вследствие недоразвитости и отсталости социалистической промышленности, а, наоборот, благодаря развитию кооперативно-социалистического сектора земледелия и росту производительности труда в нем. При таком положении неэквивалентный обмен будет лишь простым выражением невыгодности мелкого производства в сравнении с крупным. И, наоборот, эквивалентный обмен в этих условиях означал бы лишь налог на социализм в пользу мелкого производства, налог на машину в пользу трехполья, сохи и хозяйственной азиатчины. Это ли предлагают мои оппоненты? И что вообще они предлагают кроме беспомощных фраз в духе подновленного народничества?

В заключение я хотел бы сказать два слова о практическом значении серьезного теоретического изучения советского хозяйства. Руководители капиталистических предприятий, а также капиталистические правительства могут позволить себе роскошь невежества в вопросах экономической теории. Закон ценности надежнее их самих, их директоров и профессоров и их парламентов выполняет функцию регулятора хозяйства и поправляет все их просчеты. У нас, где существует централизованное государственное хозяйство пролетариата и закон ценности ограничивается или частично замещается плановым началом, предвидение играет совершенно исключительную роль в сравнении с капиталистической экономикой, а ошибки в предвидении благодаря централизации руководства могут иметь более тяжелые последствия, чем ошибки руководителей частного

хозяйства, где тенденции в одном направлении перевешиваются часто по закону больших чисел, обратными влияниями. Но если управлять и правильно руководить – значит предвидеть, то предвидеть – значит освещать прожекторами теоретического анализа ту сферу явлений, где как раз зарождаются причины, следствия которых мы хотим знать заранее. Там, где интуиция такого гения и гениального экономиста, каким был Ленин, не может уже нам помочь в форме личного воздействия, теория является единственно верным и наиболее демократическим средством, которое обеспечивает для всех работников научное предвидение в области планового руководства. Отсюда чисто производственная роль правильной научной теории советского хозяйства; отсюда и тот еще недостаточно сознаваемый у нас факт, что социализация промышленности по самому своему существу означает перемещение ответственности в деле хозяйственного руководства в сторону науки в размерах, совершенно невиданных для капиталистической экономики. Растущая роль Госплана является прямым показателем этого процесса.

Но теория советского хозяйства может быть создана лишь в результате коллективной работы. А потому задача настоящего труда будет в значительной степени выполнена уже в том случае, если настоящий опыт побудит других экономистов заняться тем же предметом и если общими усилиями мы двинем вперед ту работу, выполнения которой настойчиво требует от нас развивающееся социалистическое хозяйство страны.

Преображенский Е.А. Новая экономика.

2-е изд. М., 1926. С. 7–12.

Том I

**ОПЫТ
ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
СОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВА**

ЧАСТЬ 1

[СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ И КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СОЦИАЛИЗМЕ]

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ И КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СОЦИАЛИЗМЕ*

Как будет выглядеть социалистическое общество в конкретности? Как на деле произойдет ликвидация стихийного рыночного регулирования и его место займет социалистический план? Какова будет организационная структура тех органов, которые будут созданы работниками для руководства хозяйством? Какова будет система распределения продуктов в социалистическом обществе? В каких отношениях будет находиться социалистическая часть хозяйства к досоциалистическим формам и как будет происходить отмирание последних? Чем будет отличаться человеческий тип, выработанный эпохой товарного производства, от работника социалистического хозяйства? Будет ли социалистическое хозяйство иметь иную техническую базу, чем капитализм, и какова будет эта новая база?

Ко всем этим вопросам и к ряду других, с ними связанных, социалистическая мысль обращалась не раз. В этой части**, которой мы начинаем книгу о новой экономике, мы хотим дать исторический очерк конкретных представлений социалистов и коммунистов о социализме. Но мы заранее ограничиваем этот очерк вот с какой стороны. Представления о социализме в строго научном понимании этого слова могут возникать лишь на базе капиталистического производства. Попытки вплетать в историю социализма различные конструкции мысли и утопии, возникавшие на базе других способов производства и имевшие совсем иной социально-классовый смысл, представляют из себя, с одной стороны, грубое отступление от марксизма, а с другой – говорят о том, что авторы таких попыток сами не ясно представляют себе существо социалистического хозяйства вообще. Поэтому мы наш краткий обзор начинаем с представлений и конструкций о социализме, возникших в период начавшегося развертывания капиталистического производства, т.е. с так называемых великих утопистов.

Необходимо заметить еще следующее.

Конструкция социалистического общества есть теоретическое преодоление капитализма. Но если *такое* преодоление капитализма, если такая социализация производства возможна до пролетарской революции, то никакая *действительная* социализация производства без пролетарской революции невозможна. А отсюда следует тот очевидный вывод, что все конструкции социалистического производства, которые либо абстрагируются от пролетарской революции и диктатуры пролетариата, либо рассматривают пролетарскую революцию как тот торжественный момент, когда у социалистов в

* Эта статья представляет начало первой части подготовляемой к печати книги «Новая экономика» (прим. автора). Опубликовано в журнале «Вестник Коммунистической академии» № 12–13 за 1925 г.

** В оригинале – главы.

парламенте будет на один голос больше, чем у открыто буржуазных партий, – все эти конструкции неизбежно пропускают первую стадию существования социалистического производства и прямо перепрыгивают ко второй.

Ниже мы более подробно остановимся на этих утопиях XX в., а теперь отметим, с какой стороны и в каком объеме вопрос о завоевании власти пролетариатом, вопрос о необходимости для рабочего класса гражданской войны связан с конкретными представлениями о первой стадии строительства социалистического хозяйства. Вопрос о диктатуре пролетариата поставлен Марксом и получил наиболее полное развитие и обоснование у Ленина. В нашей работе нас интересует этот вопрос не сам по себе. Нас интересует, как будет влиять на структуру социалистического хозяйства первого периода продолжительность и разорительность гражданской войны, как общество, отброшенное в результате гражданской войны назад в смысле своей производительной способности, будет при социалистической организации хозяйства преодолевать развал и продвигаться вперед, и какие закономерности будет оно развивать в этот период своего существования. Нас интересует вместе с тем и вопрос о структуре хозяйства социалистического государства, находящегося более или менее длительный период в состоянии внешней войны, потому что эпоха распада капитализма и пролетарских революций есть в то же время эпоха социалистических внешних войн.

Наш очерк ни в малейшей степени не претендует на полноту. Что же касается расположения материала, то я держался хронологического порядка. Это имеет свои удобства, но и недостатки. Основной недостаток состоит в том, что взгляды Маркса и Энгельса на социализм, примыкающие и логически, и по своему классовому содержанию к нашим коммунистическим представлениям о социализме, отделены от последних в изложении представлениями о социализме II Интернационала, синдикалистов и немецкой литературы о социализме*, тем не менее хронологическое изложение приходится предпочесть, потому что оно позволяет рассматривать представление о социализме не как идею, саморазвивающуюся по своим внутренним законам, а как выражение классово-вой борьбы пролетариата на каждой данной ступени ее развития или ее деградации.

Посмотрим же, как из скорлупы товарно-капиталистических представлений об обществе, и разбивая эту скорлупу, вылупливались первые ласточки социалистических построений.

* Обзор представлений о социализме II Интернационала и немецкой литературы о социализме Е.А. Преображенскому издать не удалось.

[Г Л А В А 1]

ВЕЛИКИЕ УТОПИСТЫ

1. Сен-Симон

Незрелому состоянию капиталистического производства и незрелости классовых противоречий соответствовали и незрелые теории.

Энгельс

Сен-Симона лишь с очень большой натяжкой можно причислить к социалистам. Скорее оценка его как социалиста является недоразумением. Ниже читатель увидит, на чем основывается это наше мнение. Однако разбор взглядов Сен-Симона в нашем очерке обязателен, потому что он первый выдвинул необходимость планового хозяйства. Вместе с тем или, вернее сказать, именно *благодаря тому*, что он поднялся на такую огромную высоту в этом центральном вопросе социализма, он должен был затронуть, он затронул и весьма интересно осветил ряд отдельных проблем социализма: о ликвидации классовой борьбы и связанных с этим преимуществ для внеклассового общества, о непроизводительном потреблении, о системе воспитания, о роли науки при плановом хозяйстве и т.д.

Существо взглядов Сен-Симона на организацию хозяйства сводилось к следующему. Производство является основным занятием людей, с ним связано существование всякого общества. Основным же производительным классом являются работники физического труда и их организаторы и руководители, т.е. промышленники, люди науки и техники. Между тем в современном обществе (т.е. современном для Сен-Симона обществе) господствующим классом, управляющим и командующим, является паразитическая феодально-аристократическая знать. Этот последний класс должен быть отстранен от господства, и вместо него должны управлять промышленники, используя аппарат королевской власти. Только при господстве этого класса не только в производстве, но и в государстве возможна организация всего хозяйства на новых основах: плановое начало, ликвидация классовой борьбы, прекращение непроизводительного потребления, гораздо больше, чем теперь, применение науки к производству и научная организация всего общества, новая система воспитания и т.п. По вопросу о том, кто такие промышленники и почему они должны были господствовать в современном Сен-Симону обществе, последний писал:

«В о п р о с . Кто такой промышленник (industrielle)?

О т в е т. Промышленник – это человек, который занимается производством или доставкой для различных членов общества того или другого или многих продуктов для удовлетворения физических или духовных потребностей членов общества; поэтому земледelec, сеющий хлеб и разводящий домашних животных и птиц, является промышленником. Промышленниками являются каретник, кузнец, слесарь, столяр; фабриканты ботинок, шляп, драпа, кашемира также являются промышленниками; промышленники также: купец, извозчик, матрос торгового корабля. Взятые в целом, все промышленники, занятые производством или доставкой всем членам общества материальных ресурсов, удовлетворяющих их физические или духовные потребности и склонности, образуют три больших класса: земледельцев, фабрикантов и купцов.

В о п р о с. Какое положение в обществе должны занимать промышленники?

О т в е т. Класс промышленников должен занимать первое место, потому что он является самым важным из всех классов общества; потому что он может обойтись без всех других классов, тогда как ни один из этих других классов не может обойтись без него; потому что он существует на свои собственные ресурсы, живет на свой личный труд. Другие классы должны работать на него, потому что эти классы являются его креатурами и живут на его счет; одним словом, раз все делается *благодаря* промышленности, то все должно делаться для промышленности» (*Saint-Simon. Catechisme des industriels // Oeuvres choisies. Т. 3. Bruxelles, 1859. P. 65–67*).

В том же произведении Сен-Симон резюмирует существующее положение так. Франция, являющаяся по существу нацией промышленной, имеет над собой правительство феодальное (Там же. С. 83).

Так как огромное большинство общества состояло и всегда будет состоять из работников физического труда, то организаторы и руководители этого труда тем самым являются естественными представителями большинства нации (*Opinions littéraires, philosophiques et industrielles // Там же. Т. 3. С. 239*). О том что рабочие физического труда являются фундаментом всей современной общественной пирамиды, что над ним непосредственно возвышаются организаторы производства, ученые и деятели искусства, а правящая знать и бюрократия – лишь паразиты на этом производственном организме, Сен-Симон пишет в заключение отрывка «О социальной организации» (*De l'organisation sociale // Там же. Т. 3. С. 281–282*).

Вот этим-то руководителям современной промышленной системы, т.е. наиболее крупным аграриям, фабрикантам, купцам, банкирам, по мнению Сен-Симона, должна быть предоставлена власть. Они должны составить индустриальный совет (*Conseil des industrielles*), который должен весть финансами и руководить всей системой.

Тоже своего рода власть совета!

Из сказанного выше совершенно очевидно, что Сен-Симон, при всех его симпатиях к трудящимся и бедным классам общества, симпатиях, которые он неоднократно выражал во многих своих произведениях, отчасти по недоразумению, считается социалистом. Он был скорее идеологом наиболее прогрессивной промышленной буржуазии своего времени, оттертой от власти в период реставрации дворянством, и в первую голову был рупором промышленной технической интеллигенции. Но взгляды Сен-Симона все же интересны для истории социалистических представлений о социализме, потому что в известных частях они ведут за пределы капитализма. Вальтер Ратенау также был лишь представителем буржуазного порыва к преодолению анархии капиталистического хозяйства, одним из умнейших людей буржуазного мира, утопии которого насчет централизованной организации капиталистического производства и распределения есть лишь меланхолический вздох смертельно больного организма современного буржуазного общества. И как взгляды не социалиста Ратенау и его деятельность во время войны в министерстве снабжения нельзя обойти при историческом очерке социалистических

представлений о социализме, так нельзя пройти мимо взглядов защитника диктатуры промышленности и промышленников Сен-Симона.

Уже Сен-Симон вполне ясно представлял себе, как велики издержки классового общества на внутреннюю борьбу и как увеличился бы человеческий натиск на природу, если бы новая общественная организация освободила для производства те силы, которые в современном обществе идут на внутренние междуклассовые конфликты.

«До настоящего времени люди оказывали чисто индивидуальное и обособленное воздействие на природу. Больше того, их усилия в весьма значительной части всегда взаимно уничтожались, так как до настоящего времени человечество было разделено на две неравные части; из них меньшая тратила постоянно все свои силы, и даже часто часть сил большей, в целях господства над последней, между тем как большая употребляла значительную часть своих сил для борьбы против этого господства. Несомненно, однако, что и при такой огромной трате сил человечество достигло все же в наиболее цивилизованных странах довольно значительной степени достатка и благосостояния. Судите поэтому, какой степени процветания оно достигло бы, если бы не растрчивалось напрасно ни одно усилие, если бы люди, перестав господствовать друг над другом, объединились вместе, чтобы оказывать коллективное воздействие на природу, и если бы народы придерживались той же системы в отношении друг к другу» (Сен-Симон. Избр. соч. Госиздат, 1922. С. 8).

В том же отрывке о теории общественного устройства Сен-Симон настойчиво утверждает, что производительным трудом является труд, направленный к воздействию человека на вещи. Наоборот, воздействие человека на человека означает двойную трату сил и лишь тогда может быть полезно, когда этим путем косвенно можно воздействовать на природу¹.

Эти глубокие мысли Сен-Симона начинают проверяться на опыте первых лет социалистического строительства СССР. Ниже мы увидим, сколько средств расточает капитализм на одну стачечную борьбу и сколько их сберегает пролетарская промышленность благодаря тому, что стачка перестала быть орудием классовой борьбы.

Что касается зародыша идеи планового хозяйства, то она заключалась в том единстве цели, которое Сен-Симон считал абсолютно необходимым в системе нового общества; а также в наиболее разумной и научной организации труда, в наиболее «полезном комбинировании всех отдельных работ в области науки, искусств и ремесел» (Там же). Эти зародыши мысли о плановом хозяйстве логически неизбежно приводят Сен-Симона к такому пониманию роли государства, которое находится в вопиющем противоречии со взглядами манчестерцев в Англии и физиократов во Франции, т.е. с типично буржуазной точкой зрения на государство в период начала развертывания капиталистического способа производства. Сен-Симон пишет: «Всеми признано, что почти все меры, посредством которых правительство пыталось оказывать влияние на общественное благосостояние, в конечном счете лишь оказались вредными для общества, из этого факта и был сделан вывод, что самое лучшее, что могут сделать правительства для счастья общества, это – не вмешиваться. Но эта точка зрения, правильная только по отношению к существующей политической системе, явно неправильна, если ее понимать в абсолютном смысле, она имеет смысл лишь до тех пор, пока мы не возвысились до представления о другой политической системе» (Там же. С. 11).

Сен-Симон полагал, что государственные функции подавления и управления должны уменьшаться в обществе, где цель политической системы состоит не в защите интересов меньшинства, а в содействии благосостоянию большинства трудящихся. Сен-Симон защищает такую политическую систему, целью которой является труд и его наиболее целесообразная организация.

По вопросу о наиболее целесообразной системе распределения и о стимулах к труду Сен-Симон защищал ту точку зрения, что институт прибыли является полезным для общества потому, что благодаря этому институту происходит смычка между личным и общественным интересом. От взглядов Сен-Симона в этом пункте определенно отдает Бенгамом. Вот что писал об этом, между прочим, Сен-Симон: «Для достижения духовного и материального благосостояния общества необходимо насколько возможно поощрять и стимулировать труд в области земледелия, промышленности и торговли. Необходимо стимулировать приманкой частных выгод всякие предприятия, имеющие своим объектом постройку каналов, дорог и мостов, а также работы по осушению почвы, поднятию целины и ирригации. Не надо придирааться (*chicaner*) к доходам, которые приносят работы общественного значения, и не следует возражать против того, что они поступают целиком в распоряжение тех, кто эти работы предпринимает» (*Oeuvres choisies*. Bruxelles, 1859. Т. 2. Р. 443–444).

В другом месте, в «*Catéchisme des industriels*», Сен-Симон пишет следующие слова, подчеркнутые вместе с предшествующим абзацем курсивом: «Известно, что дело, в котором заинтересовано все общество, оказывается, в конце концов, ничьим делом, что личный интерес есть единственный агент, который может направлять (*diriger*) общественный интерес. Вся трудность заключается в том, чтобы найти комбинацию, при которой личный интерес совпадал бы с общественным» (Там же. Т. 3. С. 99).

Из приведенных цитат мы видим, что Сен-Симон является энергичным защитником института прибыли. Но его защита является условной, условной в том смысле, что он рассматривает прибыль как функцию производства. Следовательно, с того момента, когда институт прибыли превращается не в стимул, а в препятствие к развитию производительных сил, он, по духу учения Сен-Симона, уже не имеет оправдания. Роскошь такой защиты прибыли могла себе позволить или очень молодая, полная сил и веры в свое будущее буржуазия, либо ее техническая интеллигенция, для которой буржуазная форма организации производства не является альфой и омегой всякого целесообразного производства вообще, какой она представляется самой буржуазии.

Но Сен-Симон поднимает вместе с тем и огромной важности общий вопрос о стимулах к труду и о сочетании индивидуального интереса с общественным. Этот вопрос имеет колоссальнейшее значение для социализма. Он имеет колоссальное значение для периода, когда институт прибыли превращается объективным ходом развития капитализма из стимула к развертыванию производства и производительных сил в институт только частного обогащения и расхватывания прибавочной стоимости, когда отдельный производитель включается в грандиозную систему мирового хозяйства, когда это мировое хозяйство после социальной революции превратится в плановое хозяйство. Вопрос о стимулах к труду при социалистическом, т.е. при плановом, хозяйстве стоит совсем иначе, чем вопрос о стимулах к труду для организаторов буржуазного производства в период его развития. Нам нужно взять проблему социалистического общества, выдвинутую Сен-Симоном. Постановка же этого вопроса для социалистического общества и ответ на него будет, как мы увидим ниже, чрезвычайно непохожим (за исключением внешней формы) на то решение, которое считал правильным Сен-Симон.

Мы не будем здесь касаться подробно вопроса о том, каким образом Сен-Симон считал возможным осуществить свою «промышленную систему». Заметим только, что его предложение добиться реорганизации существующей системы путем подачи королю петиции, подписанной 25 млн французов, очень мало отличается от утопии Каутского и других социал-демократов о «завоевании» власти пролетариатом через петицию избирательных бюллетеней. В том и другом случае предполагается, что одна система сменяет другую без революции.

2. Фурье

Для историка конкретных представлений социалистов о социализме Фурье имеет значительно больший интерес, чем Сен-Симон. Фурье меньше всего можно упрекнуть в том, что его представления о социалистической системе являются слишком общими. Наоборот, излишняя конкретизация у Фурье придает многим местам из его работ впечатление несерьезности, утопического доктринерства и мелочности. Наряду с гениальными местами, полными глубины и исторического реализма, вы встречаете мертворожденные конструкции и схемы и такую педантическую мелочность и точность в описании будущей системы, которая не только не имеет ничего общего с научной гипотезой, но даже и не забавна в качестве утопической беллетристики.

Так как наша задача по отношению к Фурье ограничивается лишь изложением его представлений о социализме, и притом таких представлений, которые сохранили свой интерес и по сей день, мы не будем вдаваться в критику его взглядов и просто пройдем мимо того, что для нас не интересно в его системе.

Основные недостатки современного ему общества Фурье видел в нецелесообразной организации труда, в нецелесообразном характере распределения и в неспособности использовать для блага общества все положительные и все отрицательные черты человеческого характера.

Основной недостаток в области организации производства Фурье видел в раздробленности труда, в полной несогласованности отдельных работ. Вот к чему сводил он все эти недостатки: «Наемный труд есть косвенное рабство. Он влечет за собой отсутствие экономии в механизме производства, воровство, обман, общее недоверие, перерывы в работе из-за отсутствия средств, борьбу конкурирующих предприятий, несоответствие между индивидуальными и коллективными интересами, отсутствие единства плана и исполнения его» (*Théorie de l'Unité Universelle*, IV).

Что касается системы распределения, она допускает существование огромного количества паразитов, к числу которых Фурье относил: женщин, детей, прислугу (домашние паразиты). Затем армии и флоты, сборщики налогов, фабриканты, купцы, транспортные агенты, агенты положительного разрушения и агенты отрицательного производства² (социальные паразиты). Праздные по закону, софисты праздные вообще отщепенцы. В частности, в «*Théorie de quatre mouvements*», в главе о преступлениях в торговле, Фурье с замечательной яркостью доказывает паразитизм торгового аппарата, огромное расточение сил общества на современную систему обмена вообще (в том числе на базары и т.д., *Théorie etc.* Лейпциг. 1808. P. 310–371).

Что же противопоставляет Фурье современному обществу в области производства и распределения?

Ассоциацию на основе укрупнения производства, его механизации, наиболее целесообразного разделения труда и организации по определенному плану. Конкретной формой наиболее целесообразной организации Фурье, как известно, считал фаланстер, самопотребляющую коммуну в составе в среднем трехсот семей, с общим числом взрослых и детей в 1500–1600 душ.

В фаланстер должны были входить не только люди различных профессий, люди как промышленного труда, так и земледельцы, но и люди различного социального положения. Фаланстер должен был объединить труд, капитал и талант. Утомительно читать у Фурье подробное расписание, кто что должен делать в фаланстере, как жить, как делить доход и т.д. Нас интересует в его построении то, что интересно для нашего времени. На этом только мы и остановимся.

Идея фаланстера Фурье является одним из самых ярких примеров того, как бесцельно сознание даже самого гениального и самого прогрессивного идеолога передо-

вого класса вырваться из цепей бытия там, где само бытие не толкает мысль далеко вперед.

Фаланстер Фурье – это не крупное производство с далеко идущим разделением труда, не предприятие, входящее в общую цепь таких же крупных предприятий, совместно образующих единый комплекс социалистического хозяйства на данной территории. Нет. Фаланстер Фурье – это комбинация ремесленного типа промышленности и мелкого интенсивного земледелия в одну самопотребляющую коммуну. Это попытка теоретически вырваться из на $\frac{5}{6}$ ремесленного, на $\frac{1}{6}$ мануфактурного производства Франции. Ремесленными же средствами Фурье не мог дойти до представления не только о мировом хозяйстве как едином организме (какового единства в его время не существовало и в действительности), но даже до представления о хозяйстве Франции, как внутренне связанной системе, что уже было фактом. В этом пункте Фурье делает шаг назад по сравнению с Сен-Симоном. Следовательно, ни по вопросу о новой технической базе социализма, ни по вопросу об организации единого хозяйственного комплекса, социалистически руководимого, ни тем более о социалистической организации мирового хозяйства мы ничего не найдем и *не должны искать* у Фурье. Его социализм был во всех этих пунктах ремесленным социализмом.

В построениях Фурье сохраняют свое значение, а не только исторический интерес, следующие проблемы: 1) борьба с непроизводительным потреблением, 2) в частности, борьба против огромных издержек обращения, неизбежных при товарном хозяйстве; 3) ликвидация противоречия между городом и деревней в форме соединения промышленного труда с земледельческим; 4) организация общественного питания и ликвидация индивидуальной кухни; 5) политехническое образование и переход работника от одних видов труда к другим; 6) соединение детского воспитания с трудом; 7) использование тех стимулов человека к труду и к полезной для общества деятельности, которые не могли быть использованы и которые, наоборот, заглушались в капиталистической системе.

Что касается борьбы с непроизводительным потреблением, в особенности с расходами на торговый аппарат – распределение, то в основном Фурье видел решение этого вопроса в переходе к ассоциированному труду по типу фаланстеров. Фаланстер тем самым, что он должен был явиться, по мысли Фурье, самоудовлетворяющей себя коммунной, делал излишним в старом объеме торговое посредничество и всю систему капиталистического обмена, хотя торговый обмен между фаланстерами оставался. Фурье решал вопрос путем натурализации хозяйства, т.е. принципиально правильно с точки зрения социализма, но только его натурализованное хозяйство не было социалистическим в современном смысле. Проблема остается проблемой. Как увидим ниже в главе о системе обмена, затруднения в борьбе с издержками распределения останутся и после социализации производства, т.е. после отмирания системы денежного товарообмена. Затруднения будут заключаться в том, что производительность труда в промышленности росла при капитализме и тем более будет расти при социализме быстрее, чем растет рационализация механизма распределения. Если в единицу времени, благодаря постепенному росту производительности труда, достигается производство не одной, а двух единиц продукта, то для системы распределения здесь получается вдвое больше работы, раз рационализация распределения не идет вперед в ногу с рационализацией производства. А это неизбежно должно привести к поискам новых путей распределения, которые, быть может, приведут в ряде отраслей к особым формам децентрализации не только распределения, но и производства и к иной системе отношений между промышленностью и земледелием. Если решение проблемы, предлагавшееся Фурье, неприемлемо для социалистической организации труда, как она мыслится нами теперь, то само *направление*, в котором искал решение Фурье, отнюдь нельзя считать непригодным. А суть этого

направления лежит в области соединения промышленности с земледелием, и в этом отношении он верно уловил тенденцию социализма. Заметим здесь, кстати, что позиция Фурье в отношении торговли является более прогрессивной (в социалистическом смысле), чем позиция Сен-Симона. Сен-Симон считал занятие того, кто доставляет продукты (*mettre à la portée*), следовательно, не только транспорт, но и торговлю – трудом производительным. Купец занимает видное место в его категории (*industrielles*), тогда как Фурье считает торговцев паразитами и стоимость всего процесса обращения в современном ему, т.е. в товарном, хозяйстве рассматривает как *faux frais**.

Мы подошли уже к следующему пункту воззрений Фурье, имеющему актуальное значение для социализма, – к проблеме преодоления противоречия между городом и деревней. Ниже мы еще не раз вернемся к этому пункту, в частности к постановке его в программе РКП. Теперь же напомним, как решал проблему Фурье. В его фаланстер на $\frac{1}{8}$ должны были входить капиталисты, ученые и артисты, а на остальные $\frac{7}{8}$ как работники промышленности, так и работники земледелия.

Производственные мастерские, общественные учреждения и жилая часть помещаются в одном здании, специально для этого выстроенном. Культивируемые поля, огороды и сады окружают этот промышленный и вместе с тем земледельческий центр, который не является ни городом, ни деревней в современном смысле. Работники фаланстера продают часть своей продукции другим фаланстерам и покупают сами от других фаланстеров то, что по природным и иным условиям сами не производят или производят недостаточно. Но в основном, в главной своей части, потребности работников ассоциации удовлетворяются внутри фаланстера. Фурье прекрасно сознавал все преимущество соединения промышленности с земледелием не только с точки зрения огромной экономии в труде, в доставке продуктов, их хранении и т.д., но и преимущества с точки зрения гигиены, здравоохранения³.

Фурье очень убедительно защищает преимущества общественной кухни и общественного питания над домашней индивидуальной кухней – вопрос, который сохраняет полную актуальность для эпохи социалистического строительства. Он убежден, что такая организация не только гораздо выгоднее с общественно-экономической точки зрения – это всем ясно, – но и окажется более привлекательной для всех членов семьи, ранее собиравшихся только вокруг «своего» стола.

Что касается организации труда со стороны его разнообразия и перехода от одной профессии к другой, то этому вопросу Фурье придавал огромное значение. Он считал, что лучшим способом поднять интенсивность труда и его привлекательность является переход от одного вида работы к другому на протяжении одного и того же рабочего дня. В числе прочих условий, необходимых для усиления любви к труду и для его привлекательности, Фурье находил необходимым следующие меры:

«1) Чтобы каждый работник входил в ассоциацию и получал дивиденд, а не заработную плату.

2) Чтобы каждый, будь то мужчина, женщина или ребенок, получали вознаграждение пропорционально трем факторам (*facultès*): *капиталу, труду и таланту*.

3) Чтобы сеансы работ менялись, примерно восемь раз в день, потому что при выполнении как земледельческих, так и промышленных работ энтузиазм не может поддерживаться дольше чем на 1,5–2 часа.

4) Чтобы работы выполнялись компаниями добровольно соединившихся друзей, стимулируемых и интригуемых взаимным соперничеством.

5) Чтобы условия работы в мастерской и агрокультурные работы привлекали работника чистотой и изяществом.

* Ненужные издержки (*фр.*).

6) Чтобы разделение труда было доведено до высшего предела, дабы использовать каждый возраст и каждый пол на той работе, которая ему наиболее подходит.

7) Чтобы при этом разделении все мужчины, женщины и дети пользовались полным правом на труд и правом выбирать себе в любое время такую отрасль работы, которая им больше нравится, при условии соблюдения честности и способности к избранной работе.

Наконец, самое главное, чтобы народ пользовался при этой новой системе гарантированным минимумом благосостояния, который был бы достаточен на сегодняшний день и на будущий и освобождал человека от всякого беспокойства за себя и свое семейство» (Théorie del l'Unité Universelle. Oeuvres complètes. Paris. T. 2. P. 15–16).

Оставляя фантастическую систему распределения в пункте 2-м, мы должны отметить, что все остальные пункты сохраняют полный интерес для строившегося социалистического общества. Разумеется, переход от одной работы к другой через каждые 1,5 часа немыслим при теперешней технике и той научной организации труда, которая возникает на базе этой техники. Тут фантазия Фурье была целиком во власти полуремесленного типа производства его времени. Но основная линия предложений Фурье совершенно правильна. Необходимо стремиться к политехнизму в обучении и делать возможным для работника переход, по крайней мере, от одной профессии к другой. Для социалистического хозяйства, которое не может, как капитализм, иметь резервную армию промышленности на случай расширения производства, резервом рабочей силы должна служить способность работников к разным видам труда, многосторонняя его квалификация. Сохраняют все свое значение также мысли Фурье насчет привлекательной обстановки труда, насчет соединения разнообразия в труде для *отдельного работника* с самым законченным разделением труда для *ассоциации*.

Фурье принадлежит огромная заслуга в правильной (с социалистической и педагогической точки зрения) постановке вопроса об общественном воспитании и о детском труде. Разрыв обучения с трудом характерен для буржуазно-помещичьей системы образования. Наоборот, социалистическая система воспитания должна строиться на соединении обучения с трудом, на переходе детской игры в труд, на ликвидации пропасти между книжкой и станком, и прежде всего на ликвидации права родителей на воспитание своих детей. Гениальность Фурье проявилась, пожалуй, больше всего в том, что в этом пункте он предвосхитил на столетие-полтора вперед организацию воспитания, необходимую для социализма.

Вопрос о стимулах к труду играет важнейшую роль во всей системе взглядов Фурье. Его ассоциация и по способу ее формирования (добровольное сообщество), и по способу управления (ареопаг, решения которого, однако, не обязательны, потому что он должен действовать только авторитетом своего совета) предполагает не только чрезвычайно высокий уровень сознательности и социального инстинкта, но и личную заинтересованность каждого в труде, и именно таком труде, который одновременно полезен для всех. Отсюда огромная роль внутренних стимулов к труду вместо внешнего принуждения. В числе этих стимулов Фурье намечает добровольный выбор труда, привлекательность обстановки труда, дивиденд сверх прожиточного минимума, соревнование индивидуальное (в своей группе работающих), соревнование коллективное (фаланстера с фаланстером), общественное одобрение, использование всех наклонностей человека, всех его индивидуальных свойств на пользу труду. Чрезвычайно важен также тот пересмотр страстей и пороков человека, который произвел Фурье под новым углом зрения. Он нашел в результате своего анализа, что многие из так называемых пороков при соответствующей организации общества превратятся в стимулы к труду и к деятельности на пользу общества. Мы не будем останавливаться на конкретных взглядах Фурье в этой области. Отметим лишь, что сама постановка этого вопроса, как мы заметили выше,

говоря о Сен-Симоне, имеет огромное значение для социализма. Вопрос о том, что заменит внешнее принуждение к труду, существовавшее при рабстве и крепостничестве; что заменит бич голода при капитализме; какие стимулы к труду могут сменить стимул личной выгоды товарного общества; что мы можем достать из сундука нашего зоологического наследия при социализме, чего не могли использовать при системе товарного хозяйства; что мы должны отбросить из наследия этой последней системы – все эти вопросы так или иначе затрагиваются Фурье. А это все вопросы, над которыми еще много раз задумается после своей победы рабочий класс и его мыслящий авангард.

В заключение я хотел бы отметить одну мысль Фурье, которая ставит его на целую голову выше тех «социалистов» II Интернационала, которые под человечеством разумели лишь его цивилизованную часть, под рабочим классом лишь рабочий класс Европы и Америки, под социализмом лишь продукт мирной парламентской сделки между аристократией рабочего класса и капиталистическим классом, сделки, совершаемой на неразогнутой спине угнетенных трудящихся масс колоний. Об этих народах, не входящих в семью цивилизованных народов и в то же время составляющих *большинство человечества*, Фурье писал: «Деятели неточных наук, претендующие работать на благо человеческого рода! Неужели вы думаете, что шестьсот миллионов варваров и дикарей не входят в состав человечества? Между тем ведь они страдают, а что вы сделали для них? Ничего. Ваши системы приложимы лишь к цивилизации...» (*Théorie de quatre mouvements*. P. 409). Правда, в симпатиях Фурье к нецивилизованным народам было много элементов, общих у него с Руссо. Фурье считал, например, преимуществом нецивилизованных народов, что они на протяжении тысячелетий сохраняют основы своего социального строя, тогда как у цивилизованных народов всякие новшества отцветают, не успев расцвести. Его протест против буржуазно-помещичьей цивилизации имел достаточно реакционный привкус. Но важно для нас здесь то, что Фурье в своих построениях не забывал о большей части человечества и в этом смысле не находился подобно Макдональдам и Шейдеманам в идейном плену у империалистических плантаторов, для которых территория человечества ограничивается капиталистически развитыми странами.

В истории часто бывает, что какая-либо социальная конструкция или отдельная мысль, вырастающая как реакционный протест против данной экономической системы и ее прогрессивного развития на другом историческом этапе, когда данная система сама становится препятствием к развитию, обретает новое бытие. Она начинает бить данную систему, если можно так выразиться, с исторического тыла. Она включается теперь как отдельное звено в цепь идей новой революционной критики, направленной против данной системы.

Все это целиком относится ко многим мелкобуржуазным критикам капитализма, это относится также и к Фурье, в работах которого причудливо переплетается мелкобуржуазный и реакционный протест против капитализма с подлинно социалистической критикой. А вместе с тем часть его мыслей, исторически возникших как мелкобуржуазный протест против развертывания капиталистических отношений, воскресает к новой жизни в системе взглядов современного коммунистического пролетариата на социализм, в наших взглядах на отдельные стороны и черты подлинной социалистической системы общества.

3. Кабэ

Утопия Кабэ «Путешествие в Икарию» представляет для нас интерес в том отношении, что автор дал нам законченную картину коммунистического производства, как это производство мыслилось французскому социалисту 1840-х гг.

По сравнению с Фурье Кабэ сделал большой шаг вперед прежде всего потому, что его представления о будущем обществе складывались под впечатлением не только французской экономики того времени с ее сравнительно слабым развитием крупнокапиталистического производства, но и под впечатлением машинной индустрии Англии, с которой Кабэ познакомился во время своего пребывания в этой стране. Разумеется, коммунизм Кабэ весьма примитивного свойства, как и техническая база этого «коммунизма». Курьезно теперь читать, с каким энтузиазмом наш утопист пишет об общественных дилжансах Икарии как об идеальном способе передвижения внутри большого столичного города, о стоке уличной воды в подземные трубы, об огромных мастерских для каждой профессии (в сущности, мануфактурного типа) и т.д. Кабэ здесь дает не картину того, что будет в коммунистическом обществе, а того, чего не было во Франции 1840-х гг. Все это с успехом и в гораздо более широком масштабе уже осуществил капитализм в передовых буржуазных странах до всяких социалистических революций. Но все эти наивности не являются главными и основными в работе Кабэ. Существенный интерес его утопий заключается в том, что он дает нам продуманную в основных чертах систему замкнутого натурального коммунистического хозяйства. Представления Кабэ о коммунизме весьма типичны и являлись ходячими представлениями на этот предмет у большинства социалистов второй половины прошлого века.

Рассмотрим ближе наиболее интересные для нас места из утопии Кабэ. Рисуя основные черты социального устройства коммунистической Икарии, Кабэ пишет: «Подобно тому, как мы (т.е. икарийцы. – *Е.П.*) образуем единое общество, единый народ, единую семью, так и наша земля, со всеми ее рудниками внутри и постройками над поверхностью ее, образует единое *владение* (*domaine*), которое является нашим общественным владением.

Все движимое имущество членов общества, со всей продукцией земли и промышленности, образует единый *общественный капитал* (*capital social*)⁴.

Это общественное владение (*domaine*) и этот общественный капитал, как неделимое целое, принадлежат народу, который их обрабатывает и эксплуатирует на основах коммуны, который ими распоряжается сам или через своих выборных и затем поровну делит все продукты» (*Cabe. Voyage en Icarie. Paris, 1842. P. 35*).

Рассматривая будущее общество как единый производственный коллектив, как одну большую коммуну с многомиллионным населением, конструируя, как увидим дальше, и соответствующую систему распределения, Кабэ делает огромный шаг вперед от торгующих друг с другом и производственно автономных фаланстеров Фурье, он изгоняет также претензии кроткого «капитала» Фурье на участие в производстве и распределении на особых основаниях.

Промышленность Кабэ – это нечто среднее между английской фабрикой и французской мануфактурой 1840-х гг.; все это увеличено в размерах, так сказать, помножено на некоторый коэффициент забегающей вперед фантазии автора – и только. Что же касается источников движущей энергии, то здесь Кабэ еще целиком во власти пара и ничего не знает и не подозревает о роли электричества в качестве технической базы будущего общества.

Земледелие же будущего общества наш утопист мыслит в форме мелкого фермерского производства, разумеется, без применения наемной рабочей силы, но с применением «максимума всевозможных машин». Что этот максимум является с точки зрения рационального крупного земледелия минимумом, это ясно само собою. Сельское хозяйство Икарии – это рационализированное мелкое хозяйство французского крестьянина средней руки.

Противоположность между городом и деревней преодолевается не полностью, не путем урбанизации деревни, а лишь частично, с одной стороны, путем уравнительного

распределения продуктов всего национального производства города и деревни, а с другой стороны, путем свободной смены промышленного труда на сельскохозяйственный и обратно, потому что вся молодежь обучается сельскохозяйственному труду еще до выбора профессии.

Средства транспорта являются для коммунистического общества весьма жалкими. Верх достижений – это 12 железных дорог, затем летают немного на воздушных шарах, на небольшие расстояния ездят на дилижансах, а продукты развозят даже на собаках.

Размеры коммуны определяются правительством республики на основе статистического подсчета. Здесь перед нами уже законченная система планового хозяйства, сменяющего товарное производство и товарный обмен. Купли и продажи нет.

«После того как таким образом (т.е. комитетом ученых) выработан список продуктов питания, республика производит их силами своих рабочих и земледельцев и распределяет их между семьями. Так как каждый может получить лишь то, что распределяет республика, то никто, как ты видишь, не может потреблять другой пищи, кроме той, которую назначает республика» (Там же. С. 52).

«Она производит сначала самое необходимое, затем полезное и, наконец, приятное – все в максимально возможных размерах.

Республика делит продукты между всеми поровну и именно таким образом, что каждый гражданин получает поровну с другими таких продуктов питания, которых хватает для всех, и получает по очереди их, если продуктов хватает каждый год и каждый день лишь для части населения» (Там же. С. 53).

Равенство Кабэ, как видим, отнюдь не является коммунистическим. Это такое понятие о равенстве, которое еще не выходит из рамок капиталистических представлений, вернее из рамок товарного производства, хотя бы эти понятия и были реакцией против капиталистического неравенства. Система распределения продуктов республики с точки зрения организационной (все свозится в огромные магазины и затем распределяется между гражданами) весьма напоминает наркомпродовский способ распределения в период нашего военного коммунизма. Если бы не было известно, что наша организация распределения периода военного коммунизма была необходимой частью экономики гражданской войны, можно было бы подумать, что мы в 1918–1920 гг. начисто списывали у Кабэ. Вообще Кабэ вопросами распределения занимается с большим интересом, чем вопросами производства. Жесткая регламентация предметов питания и определенного типа одежды, которые производятся и распределяются республикой, была бы целесообразна, если бы Икартия была такой же «коммуной» нищих, какой была в период военного коммунизма РСФСР. Но ведь у него все в избытке, и каждый гражданин имеет королевский стол ежедневно. Эта регламентация плюс предписания комитета по питанию, диктующего время еды, количество и качество блюд и т.д., очень мало пахнет полнокровным коммунизмом, со свойственной для него величайшей эластичностью всей системы. Это скорее отражение в социалистическом зеркале фантазии Кабэ характерных черт традиционного французского бюрократизма. Любопытно, что уже в построениях Оуэна, представителя «самоуправляющейся» Англии, мы не находим такой регламентации.

Впрочем, внутри мастерских правила работы устанавливаются самими работниками, которые выбирают и свою администрацию, пункт, который имеет столь важное значение в построениях гильдейских социалистов (Там же. С. 105).

Из любопытных особенностей утопии Кабэ надо отметить: 1) Наличие государства при отсутствии классов, вследствие чего этому государству у него нечего делать, кроме выполнения функций ВСНХ. 2) Огромную роль конкуренции в деле выполнения работ по конкурсам, проводимым республикой. 3) Довольно реакционную систему воспитания, в большинстве домашнего, а не общественного. Реакционный семейный быт, вплоть

до того, что для выхода «замуж» нужен сговор между родителями. 4) Занятия науками, искусствами и т.д. являются не работой *сверх* обязательного для всех минимума физического труда, а составляют профессии специалистов этого дела, т.е. разрыв науки и физического труда, составляющий отличительную черту эксплуататорских систем, у Кабэ продолжает существовать. Вдобавок, коммунистическое общество Кабэ не может жить без божьего благословения, т.е. без религии и без специалистов по религии, т.е. без попов, «труд» которых считается общественно-полезным и вознаграждается на общем основании.

Таковы в кратких чертах взгляды Кабэ на будущее общество, поскольку они имеют интерес для нашего исследования.

Кабэ не чужда идея о переходном периоде от капитализма к коммунизму. Во всяком случае, от «Октябрьской революции» в Икарии до организации полного коммунизма проходит пятьдесят лет. Особенности этого наиболее интересного для нас периода Кабэ, однако, представляет себе крайне смутно и лишь в общих чертах. Что же касается перехода к этому переходному периоду, т.е. способа выхода из капиталистического общества, то здесь Кабэ, в общем, остается на уровне остальных утопистов, т.е. он не связывает судьбы социализма с классовой борьбой пролетариата и с победой рабочей революции. Поэтому-то никто из утопистов, и Кабэ в том числе, не могли сказать ничего вразумительного об экономической структуре переходного периода.

Хотя Икария Кабэ рождается из гражданской войны, и в этом гениальность его прогноза, однако этот прогноз сам автор как бы не принимает всерьез и не им руководствуется в своей практической борьбе за социализм. Кабэ участвует в организации коммуны, которая должна побить капитализм конкуренцией своей более высокой организации и, как все подобные начинания, побивается конкуренцией капитализма.

4. Роберт Оуэн

Если работы Роберта Оуэна далеко уступают произведениям Фурье и Кабэ по размаху фантазии, они обнаруживают огромное преимущество в другом отношении, преимущество, связанное с воздействием на идеологию Оуэна экономической базы более высокоразвитого капитализма. А это делает некоторые из его построений более современными и менее старомодными в сравнении с французами. В этом изложении, как и при замечаниях о французских утопистах, нас интересует не вся система взглядов Оуэна, а только та их часть, которая связана с конкретными представлениями Оуэна о социалистическом обществе.

В работах Оуэна, посвященных будущему обществу, проблема воспитания нового человека занимает непропорционально много места в сравнении с другими проблемами социализма. В нашем изложении взглядов Оуэна мы не делаем особого ударения на этом вопросе, а ставим его в общий ряд с другими проблемами.

Рассмотрим последовательно взгляды Оуэна на систему производства будущего общества, на систему распределения, на систему воспитания и, наконец, на пути выхода к социализму из капиталистического общества.

По мнению Оуэна, совершенное будущее общество должно быть организовано сознательно, на наиболее рациональных началах. Наиболее же рациональной организацией, которая должна сменить теперешнюю стихийно сложившуюся общественную постройку, он считал научную организацию всего общества. Точно так же он считал необходимой и научную организацию производства. Нигде, быть может, предчувствие будущего не оказалось столь верным и пророческим, как в этом прогнозе Оуэна о научной организации производства.

При такой организации прежде всего надлежит ликвидировать противоречие между городом и деревней. Как и многие другие социалисты, Оуэн был горячим сторонником соединения промышленности с земледелием, несмотря на то что для него, как жителя капиталистически высокоразвитой страны, были особенно очевидны трудности проведения этой меры. Соединить ремесленный или полуремесленный труд с земледелием – как представлял себе это дело Фурье – есть вещь куда более простая, чем соединить крупное машинное и весьма специализированное производство с земледелием. Ниже мы увидим, что Оуэн считал возможным и по этим, и по другим мотивам (сокращение издержек обращения) приближать не продукты питания и товары к человеку, а человека к продуктам питания и другим благам⁵.

Ему не могло прийти в голову, что частично эта проблема разрешается не только путем приближения некоторых отраслей промышленности к источникам сырья (что шло по линии взглядов Оуэна), но и революцией в транспорте. Именно эта революция, вместо перенесения деревни в город и обратно, делает возможным быстрое перенесение жителей и продуктов города в деревню и наоборот, т.е. укорочает не в пространстве, а во времени расстояние между городом и деревней. (К этой проблеме мы еще не раз вернемся в дальнейшем изложении.) К числу чисто экономических мотивов за слияние земледелия с промышленностью Оуэн прибавлял мотив другого порядка: по его убеждению, большой современный город портит человеческий характер и делает невозможным рациональное воспитание (*Owen Robert. The look of the new moral world. London, 1849, T. 2. P. 16 и passim*).

Производство, по Оуэну, должно быть организовано таким образом, чтобы максимальное количество продуктов, и самого лучшего качества, производилось с минимальным количеством труда, поставленного в лице производителей в наилучшие условия в процессе работы. Для достижения такого эффекта необходимы как технические предпосылки, так и соответствующая структура хозяйства. Что касается технических предпосылок, то Оуэн здесь считает необходимым употребление самых усовершенствованных машин и полное использование науки для производства. Что же касается самой системы хозяйства, то здесь Оуэн является противником денежного обмена, производства ради прибыли, или, точнее говоря, он является противником товарной системы хозяйства вообще. Наиболее производительным труд будет, по его мнению, только тогда, когда производство будет вестись непосредственно для потребления, а не для прибыли, не для продажи за деньги и для дальнейших перепродаж.

Для рационализации производства, по его мнению, необходимо целесообразное и, по существу, очень сложное деление страны на определенные части. Затем необходимо скомбинировать соответствующим образом промышленное производство с сельскохозяйственным, расставить людей на работу с максимальным учетом их природных склонностей и призвания и затем установить определенные пропорции между отдельными отраслями труда.

Чтобы провести все это, необходимо «распустить» теперешнюю организацию общества (*dismiss at once all the existing divisions, institutions and arrangements*) (Там же. С. 19).

Такая организация общества и производства приведет не только к увеличению количества и качества продукции, но и к экономии расходов на надзор, администрирование и т.д. Она будет означать также ликвидацию паразитических классов и групп современного общества.

Но такой тип организации приведет к колоссальной экономии и в другой области, в области распределения, к которому мы теперь переходим.

Подобно Фурье, Оуэн был энергичнейшим противником капиталистической системы обмена и распределения. Он считал ее верхом бессмысленности и расточительности.

ти. В частности, он считал деньги совсем ненужным инструментом обмена, без которого общество научится постепенно обходиться.

В вышецитированной большой книге о будущем обществе, дающей резюме социалистических взглядов Оуэна, последний писал: «Распределение благ при современной системе ложится мертвой тяжестью на производителей и является наиболее деморализующим началом для общества» (Там же. Ч. 2. С. 22). «Агенты распределения не прибавляют никакой новой ценности к распределяемым ими благам, они прибавляют лишь издержки на их содержание». «Поэтому прямой интерес всякого общества состоит в том, чтобы на распределение благ тратить минимальное количество труда, чтобы после изготовления продукта в месте производства затраты на транспорт и утери в пути свелись к минимуму». «При разумной научной организации общества потери, связанные с продолжительным транспортом и нерациональным хранением в лавках и складах, могут быть избегнуты» (С. 24).

Что же предлагает Оуэн вместо товарно-денежной системы распределения и современной капиталистической торговли?

Вместо существующей организации производства и распределения, когда процесс производства резко отделен от процесса распределения, когда это разделение еще больше увеличивает скученность в городах и отрыв человека от природы, вместо всего этого Оуэн предлагает тесное соединение процесса производства, распределения и потребления и ожидает огромных выгод от подобного переустройства существующих отношений. «Когда это устройство будет проведено в жизнь и будет в полном ходу, тогда будет очевидна разница между ныне действующим принципом доставлять продукты питания и другие жизненные средства к человеку и между приближением человека к его пище и потребляемым им благам, т.е. приближением к месту, где эти продукты питания и другие блага добываются и производятся» (Там же. С. 26).

Здесь Оуэн затрагивает вопрос, имеющий огромное значение для социалистической организации общества. Его лозунг «Минимум обращения и трат на обращение» есть актуальнейшая проблема социалистической рационализации распределения промышленности по территории и сокращения издержек на аппарат распределения. В главах об экономике промышленности и о системе обмена в хозяйстве СССР мы еще вернемся ко всем этим проблемам. Заметим лишь, что эта проблема для социалистической промышленности несравненно сложнее и трудней, чем это мыслил себе Оуэн. Дело идет не только о сокращении расходов на транспорт от места производства к месту потребления, но и о не менее важной проблеме: о сокращении расходов на транспорт сырья и топлива к месту производства. Сперва должен быть решен вопрос о сосредоточении промышленности в месте производства сырья, а затем уже можно говорить о дальнейшей рационализации. Но решение этого последнего вопроса до крайности осложняет всю проблему приближения потребителя к месту производства. Распределение булочных по стране⁶ и распределение металлургических заводов – две вещи совершенно различные. Трудно этого достигнуть «наиболее простым и рациональным» делением общества, потому что наиболее рациональное, с точки зрения сокращения издержек, производственное деление общества никогда не будет и наиболее простым. Но в основном здесь Оуэн прав. При научной организации производства, имеющей задачу только наиболее рациональное распределение промышленности по территории при максимальной урбанизации деревни, возможно достигнуть минимума расходов на промежутке между производством и потреблением.

Но кроме чисто физического приближения потребителя к продукту, кроме сокращения между ними и пространства и времени, приближение может быть достигнуто на почве социально-экономической, т.е. путем уничтожения всей теперешней системы распределения. Продукт отдаляется от потребителя не только вследствие отрыва промышленности от земледелия и сосредоточения промышленности в пунктах, отдаленных от

потребления, но и благодаря баррикаде денежно-товарной системы всего обмена. Рационализация производства и распределения не достижима без ликвидации товарного хозяйства и всей денежной системы капиталистического общества. Оуэн это заметил, но он, подобно всем социалистам, не понимавшим взаимной зависимости всех частей капиталистической системы и примата производства, набрасывался с преувеличенной энергией на отдельные стороны товарно-капиталистической системы, особенно на деньги. Он набрасывался здесь на то, что является важным, но не самым важным. Указав на нелепость с общественной точки зрения производства ради денег вместо производства ради потребления, Оуэн писал: «В правильно и рационально организованной системе общества золото, серебро или бумажные кредитные билеты никогда не будут употребляться в качестве посредника при распределении благ» (С. 26). Оуэн считал, что социалистическое производство есть производство для потребления. Только при такой системе общества делается возможным ликвидировать огромный и дорогостоящий аппарат товарно-капиталистического распределения, резко обособившийся от производства, ликвидировать современную торговлю, приблизить производство к потреблению и сэкономить для производства огромные расходы, растрчиваемые теперь на процесс обращения. Все это – вопросы, которые сохраняют всю свою актуальность для нашей экономики сегодняшнего дня и на долгие десятки лет сохраняют свой интерес и значение.

Перейдем теперь к взглядам Оуэна на воспитание. Вопросу воспитания нового человека все социалисты-утописты придавали весьма большое значение. Оуэн уделяет ему совершенно исключительное внимание. О какой бы проблеме он ни начал говорить, он всегда подходит к вопросу о воспитании. Мы уже говорили выше, почему этот вопрос имеет первостепенное значение для социализма и почему нам, отнюдь не с узко-педагогической точки зрения, важно осветить постановку того вопроса у социалистов прошлого столетия.

В вопросах воспитания основная мысль, которую Оуэн упорно развивает и доказывает, заключается в том, что человеческая природа всех людей одинакова. Человеческий характер дается не от природы, а формируется в процессе воспитания. Из ребенка путем соответствующего воспитания можно сделать все что угодно. В своей брошюре о воспитании человеческого характера Оуэн пишет: «Все без исключения дети представляют из себя пассивную и удивительным образом составленную смесь; из них посредством внимательного с начала до конца ухода, основанного на полном знании дела, можно в массе добиться формирования любого характера» (*Essays on formation of the human character by Robert Owen. London. P. 12*). «Кардинальная ошибка, внедряемая в сознание всех, начиная с самого детства, заключается в том, что люди сами формируют свой характер...» (Там же. С. 50).

Возражая энергично против мысли о том, что люди различных профессий могут иметь различные характеры, наклонности и привычки от природы, а не в результате воспитания, Оуэн говорит: *«Нет! Человеческая натура, за исключением несущественных различий, присущих каждому сложному продукту природы, во всех случаях одна и та же; она без всяких исключений бесконечно пластична; путем правильного воспитания из массы детей одного класса можно воспитать взрослых людей другого класса; их можно даже заставить верить и объявлять то или иное дело правильным и благородным, умирать, защищая его, хотя бы их родители считали все это ложным и порочным и сами в свою очередь были бы способны добровольно пожертвовать жизнью против него»* (Там же. С. 66).

Какую роль играли все эти педагогические воззрения Оуэна во всей его системе, мы поймем, если вспомним, что наш утопист отвергал революционный путь в борьбе за социализм. При таких условиях иллюзия о перевоспитании человечества мирным путем представлялась обходной дорогой насильственной социалистической революции. Оуэновские

взгляды на воспитание были связаны, с одной стороны, с общим его взглядом на пути и способы выхода из капиталистического общества, а с другой стороны, давали очерк системы воспитания в самом будущем обществе. Что касается последнего, то система воспитания в нем рисовалась Оуэну следующим образом. Дети, особенно в переходный период, удаляются от своих невежественных родителей, могущих вредно повлиять на формирование их характера, и сосредоточиваются в особых воспитательных учреждениях. Только в переходный период, в виде уступки старому быту, на ночь дети возвращаются родителям. Воспитание является, таким образом, общественным. Оно соединяется с трудом, и дети, прошедшие все необходимые его ступени, должны сделаться работниками всех основных отраслей промышленности и земледелия. Труднейший вопрос для системы Оуэна, вопрос о том, как возможно посредством старых учителей воспитать нового человека, в сущности, не был и не мог быть удовлетворительно решен Оуэном, несмотря на то что эта трудность была ему ясна и несмотря на то что программу будущего воспитания он расписал довольно подробно в пятой части своей книги «New moral world», под заголовком «Of the social state of man». Если Бланки также придавал огромное значение просвещению масс и воспитанию нового человека, то он ставил эту проблему перед обществом после социалистической революции, при диктатуре пролетариата, тогда как Оуэн носился со своими воспитательными планами и хотел приступить к их реализации в условиях капиталистической системы. Оуэн доказывал, что принципы его воспитания «безвредны» для капиталистов. Тем самым он доказывал, что они бесполезны для пролетариата, для дела его действительного освобождения.

Основная ошибка Оуэна, как и других утопистов, состояла, как известно, в том, что они отрицали классовую борьбу пролетариата и не понимали, что только на бушующих волнах классовой борьбы пролетариата их утопии могли бы приплыть к берегам действительности. Но ошибка их была не только в том, что они не увязали социализма с классовой борьбой пролетариата, но и в том, что неправильно понимали самое существо социализма в одном из решающих пунктов. Например, Роберт Оуэн допускал, что социализм, начинающийся мелкими ручейками добровольных объединений, может победить капитализм на основе формального равенства в конкурентной борьбе. В сущности, мы имеем здесь перед собой концепцию, в основе которой лежит аналогия с первыми шагами капиталистического развития в окружении докапиталистических форм. В основе же этой аналогии лежит как раз полное непонимание исторических особенностей капитализма и социализма. Капиталистическая мануфактура, а тем более капиталистическая машинная фабрика могла бить ремесло в свободной конкурентной борьбе, если можно так выразиться, в рассыпном строю и без радикального изменения политической системы. Между тем социализм может развить свои преимущества перед капитализмом, лишь противопоставляя ему научную и плановую организацию хозяйства *по всей линии крупного производства вообще*. Это замечание еще пригодится нам ниже, при анализе советской экономики. Здесь же надо только отметить, что надежда Оуэна на победу нового общества над старым путем успешного развития мелких ассоциаций типа коммун связана с непониманием не только политических предпосылок победы социализма, но и технико-экономических предпосылок. Ниже мы увидим, что утописты и II Интернационал повторяют, но только с известной модификацией, основную ошибку утопистов (разумеется, с точки зрения стратегии капитала это отнюдь не является ошибкой).

Все практические попытки Оуэна начать, в обход революции, реформирование капиталистического общества кончились, как известно, полной неудачей: и его рабочая биржа, и Новая Гармония и т.д. Но было одно исключение. Как раз на участке обмена Оуэн имел известный успех, успех не в смысле реформирования капитализма в социалистическом духе, а в смысле рационализации капиталистического обмена и сокращения

(хотя и крайне скромного) издержек обращения для потребителей. Но это доказывало лишь, что если система капиталистического обмена поддается небольшой рационализации и принимает кооперативную поправку, то система капиталистического производства отвергает всякие коррективы и может быть рационализирована лишь путем пролетарской революции и организации государственного хозяйства пролетариата. И если кооперация сыграла огромную роль для рациональной организации обмена при диктатуре пролетариата и при социалистическом строительстве хозяйства, как сыграет эту роль и при трансформировании мелкого производства государственным хозяйством, то все это будет достигнуто не благодаря Оуэновским методам, а несмотря на его ошибку в основном вопросе строительства социализма.

Взгляды Оуэна интересны для нас теперь также и потому, что его с не меньшим, а, я думаю, с гораздо большим правом, чем Морриса и Рескина, можно считать отцом гильдейского социализма в Англии. «Generate Union classes of the production» Оуэна был предтечей гильдейской лиги строителей Англии. Его взгляды на организацию производства, распределение, самоуправление очень близки гильдейским социалистам. Есть между ними сходство и в основном, что касается пути выхода из капитализма: и здесь, и там это достигается в обход единственно историей данного пути – в обход диктатуры пролетариата.

Заканчивая с утопистами, я хочу привести пару строк из Маркса и Энгельса, в которых последние давали характеристику утопистам и их эпигонам.

В «Коммунистическом манифесте» читаем: «Значение критически утопического социализма и коммунизма стоит в обратном отношении к историческому развитию... Если основатели этих систем были во многих отношениях революционерами, то их ученики образуют всегда реакционные секты. Они неизменно держатся образа мыслей своих учителей, игнорируя весь дальнейший ход развития пролетариата» (Коммунистический манифест. Под ред. Рязанова. 3-е изд. С. 100).

А в предисловии к «Крестьянской войне в Германии» Энгельс говорит: «Немецкий теоретический социализм никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна, трех людей, принадлежавших, при всей фантастичности и утопизме их учений, к наиболее выдающимся умам всех времен, гениально предвидевших и предвосхитивших множество вещей, правильность которых мы теперь доказываем научно» (русский перевод Котляра, Пг.: Госиздат. С. 23).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эти взгляды Сен-Симона несколько противоречат его мнению о том, что после ликвидации рабства различные классы отличаются друг от друга «лишь оттенками».

² См. «Отрицательное расширенное воспроизводство» в «Экономике переходного периода» Н. Бухарина.

³ Надо заметить здесь, что Фурье считал промышленный труд подсобным занятием для труда земледельческого. В этом отношении его взгляды являются не только не прогрессивными, но реакционными даже для его времени.

⁴ Ниже мы увидим, что Кабэ нечаянно обронил здесь термин, которого не избежать нашим экономистам при анализе государственного капитала. Если по отношению к коммунистическому обществу этот термин не нужен, для экономики перехода его трудно заменить чем-либо другим.

⁵ Когда у нас в 1918–1920 гг. говорили, что мы возьмем людей к хлебу вместо того, чтобы везти хлеб к людям, то этот оборот был плагиатом у Оуэна.

⁶ Ниже мы увидим, что кроме проблемы наиболее рационального распределения промышленности по данной стране перед социализмом стоит вопрос о наиболее рациональном распределении индустрии по всему миру.

[ГЛАВА 2]

КОММУНИСТЫ

[1.] Огюст Бланки

Бланки с полным правом может быть отнесен в нашем историческом очерке к коммунистам. Но если мы его ставим в рассматриваемом вопросе в один ряд с Марксом и Энгельсом, то это ни в малейшей мере не относится ко всем другим областям его взглядов, ни к его тактическим методам. Небольшие статьи Бланки, посвященные социальным и экономическим вопросам, представляют из себя нечто до крайности жалкое и убогое в сравнении с работами основателей научного коммунизма. В этих работах, собранных в двух томиках под заголовком «*Critique sociale*» (Paris, 1885), Бланки касается ряда экономических проблем, но подходит к ним как революционно-демократический публицист, подходит крайне поверхностно, говорит массу наивностей, и лишь кое-где его выручает социалистический инстинкт. Вообще, Бланки не был литератором, он был человеком непосредственного дела. В сравнении с его жизнью, полной героизма и эпической красоты, в сравнении с его борьбой за диктатуру пролетариата, печатные листки большинства его литературных произведений кажутся каким-то случайным недоразумением. Но здесь есть одно серьезнейшее исключение. Литературная работа, о которой я говорю, составляет такое исключение именно потому, что касается как раз той области, где Бланки был велик, касается революции и диктатуры пролетариата.

Среди ряда статей, трактующих различные социально-экономические темы поверхностно и дилетантски, заблудилась замечательная работа, написанная Бланки в 1869–1870 гг., называемая «*Le communisme, l'avenir de la société*». В этой замечательной статье или брошюре Бланки, с одной стороны, резко выступает против социалистов-утопистов, особенно против сен-симонистов и фурьеристов, вскрывая их контр-революционную позицию в реальной политической борьбе рабочего класса; с другой стороны, он развивает свои взгляды насчет задач революционного пролетариата на другой день после переворота.

В своем обращении к социалистическим утопиям Бланки сходится с теоретиками научного коммунизма¹. Утописты довольно обстоятельно расписывали прелести будущего общества, но отрекались от классовой борьбы пролетариата, т.е. отрекались от единственного реального пути, который ведет к преодолению капиталистических отношений и к постройке нового общества. Наоборот, Бланки центр тяжести переносит именно на эту проблему. Только ее он считает достойной обсуждения. Как мы увидим ниже,

именно здесь лежит общий водораздел между различными социалистическими течениями и социалистическими теориями, с одной стороны, и между коммунизмом, с другой. Бессмысленно обсуждать вопрос о деталях в структуре будущего общества, если обходится вопрос о революции, о диктатуре пролетариата, если обходится вопрос о тех неизбежных процессах, которые являются предпосылками для всякого социалистического строительства.

В статье «Секты и революция», в связи с вопросом о возможности или, вернее, о невозможности дать заранее описание социалистического общества, Бланки пишет следующее: «Возможно ли построить теперь же, сразу здание, откуда будет изгнан капитал? Имеем ли мы план, материалы, все элементы этого драгоценного здания? Сектанты говорят: да. Революционеры говорят: нет, потому что гораздо лучше знают то будущее, которое принадлежит социализму» (*Critique sociale*. Т. 2. С. 114).

«Сен-симонисты, фурьеристы сами осудили себя благодаря своему узурпаторскому самонению и бесплодности всех их произведений. Всякий социальный догматизм сам собой погибнет» (Там же. С. 115).

«Никто не знает, никто не обладает секретом будущего... Только революция, расчищая почву, прояснит горизонт, снимет с него постепенно вуаль, откроет путь, или, верней, многочисленные тропы, которые поведут к новому обществу» (Там же. С. 116)².

В этом пункте Бланки оказался величайшим реалистом. Стоит лишь вспомнить о тех тропинках и обходных дорогах, которыми мы идем к социализму в период так называемого нэпа. Но одну основную дорогу Бланки видел ясно и своротов с нее не признавал: эта дорога – диктатура пролетариата.

Посмотрим же, что писал Бланки в своей вышеупомянутой работе на интересующую нас тему.

Он заявляет категорически, что коммунизм является синонимом революции, он должен избегать утопических одеяний, он не должен отделять себя от политики, которая является его служанкой. На другой день после революции он находит необходимым провести немедленно следующие меры в области экономической:

1) Приказ всем руководителям промышленных и торговых предприятий, под страхом изгнания с территории, сохранить временно при существующем *status quo* данное положение, как в смысле персональном, так и вознаграждения. Уладить дело с этими руководителями должно государство. Смена управления там, где предприниматели будут изгнаны за отказ подчиниться распоряжению.

2) Созыв компетентных собраний (*assemblées*) для урегулирования вопроса о таможнях, о рудниках и больших промышленных компаниях, о кредите и о средствах обращения.

3) Собрание, с заданием набросать основы рабочих объединений.

Этими распоряжениями предпринимателям удар со стороны капитала будет отражен. На первое время это самое главное. Рабочие смогут, однако, теперь ждать не на мостовой новых социальных мероприятий (*Le communisme, l'avenir de la société // Critique sociale*. Т. 1. Р. 204–205).

В области финансов Бланки декретирует: «Аннулирование государственных долгов. Создание комиссии для решения вопроса о сберегательных кассах. Замена всех прямых и косвенных налогов единым прямым прогрессивным подоходным налогом и налогом на наследства» (Там же. С. 206).

Из мероприятий, отнесенных Бланки в разряд политических и воспитательных, необходимо для полноты картины отметить: уничтожение армии и бюрократии. Немедленное увольнение всех чиновников высшего и среднего разрядов, с временным оставлением низших. Национализация всех имуществ церкви и конгрегации. Уничтожение уложения о наказаниях, а также административного кодекса. Арбитраж в гражданских

делах, третейский суд в уголовных. Всеобщее вооружение рабочих и республиканского населения. «Никакой свободы для врагов».

Таким же языком рабочей диктатуры говорит Бланки в вопросе об организации новой власти.

[2.] «Диктатура Парижа (Dictature parisienne)»

Апелляция ко всеобщему голосованию в 1848 г. была сознательной изменой. Известно, что вследствие удушения прессы после 18 брюмера провинция сделалась добычей духовенства, чиновничества и аристократии. Требовать права голоса для такого населения – значит требовать этого права для его господ...

Обращение к выборам на другой день после революции может преследовать лишь две цели, одинаково преступных: либо вырвать вотум насилем, либо восстановить монархию. Могут сказать, что так рассуждают именно те, кто опирается на меньшинство и на насилие. Нет. Большинство, завоеванное террором или затыканием рта, является не большинством граждан, а стадом рабов. Это трибунал слепых, который семьдесят лет шел за одной из двух партий. Он сам должен будет следовать следующие семьдесят лет *за противоположной партией*. Так как эти партии не могли защищать перед судом истории (plaider) свое дело *одновременно*, они должны будут выступить с такой защитой своего дела одна после другой... (С. 207).

«В 1848 г. республиканцы, забыв о преследованиях их на протяжении 50 лет, согласились на полную и безусловную свободу для своих врагов. Это был торжественный и решающий момент. Он более не вернется. Победители, несмотря на долгие и жестокие обиды, проявили инициативу, подали пример.

Каков же был результат? Истребление...

В день, когда намордник (bâillon) спадет с уст пролетариата, он будет надет на уста капитала.

Один год диктатуры Парижа в 1848 г. сберег бы для Франции и для истории четверть столетия, которое подходит к концу. Если теперь нужен будет не год, а десять лет диктатуры, никаких колебаний. В конце концов, правительство Парижа есть правительство всей страны, осуществляемое через страну, единственно законное правительство. Париж не является муниципальным городом, ограниченным своими местными интересами, он является истинным представительством нации» (С. 207–208).

Главным препятствием для осуществления коммунизма после захвата власти пролетариатом Бланки считает невежество всего населения, и в том числе недостаточные успехи просвещения среди пролетариата. Любопытно, что и главным препятствием для осуществления равенства в распределении Бланки считает недостаточное просвещение среди пролетариата. Вспоминая опыт 1848 г., Бланки пишет: «В 1848 г. большинство рабочих плохо приняло равенство в оплате, несомненно трудно совместимое с недостаточными успехами образования» (Там же. С. 213).

Любопытны взгляды Бланки на крестьянский вопрос при диктатуре пролетариата. Он рекомендует величайшую осторожность по части внедрения коллективизма в деревне, которая живет в несравненно большей темноте и невежестве, чем город. Бланки не считает безнадежным доказать крестьянам, что коммунизм есть для них «не угроза, а надежда».

«Если, – говорит он, – политическая ассоциация на территории Франции уже существует, то почему не может возникнуть и экономическая ассоциация страны, как естественное дополнение первой?»

«Но нужно решительно заявить, – говорит Бланки, – что никто никогда не может быть принужден насильно присоединиться с своим участком к какой-либо ассоциации, а там,

где это может иметь место, это должно быть всегда результатом вполне и безусловно добровольного решения» (С. 210). Должно быть непременно объявлено, что конфискация крупного землевладения церкви и аристократии ни в коей мере не заденет интересов мелкой и средней собственности³. «То, что нужно вымести железной метлой из страны, без колебания и без жалости, это аристократию и духовенство. К границе, марш!» (С. 211).

Бланки отказывается отвечать на вопрос, через какой промежуток времени коммунизм может воцариться во Франции. Он снова подчеркивает, что главным препятствием является темнота и невежество всей страны, темнота, размеры которой недостаточно видны из такого освещенного пункта, каким является Париж. В этом вопросе, т.е. в вопросе о роли просвещения и воспитания, Бланки, как видно из предыдущего, сходиллся с утопистами, но коренная разница в их взглядах состояла в том, что *утописты считали возможным создание, путем воспитания, нового человека в старом обществе, тогда как Бланки считал необходимым сначала опрокинуть старое общество, чтобы воспитать нового человека.*

Перейдем теперь к оценке взглядов Бланки. Мы оставляем в стороне его экономическую публицистику. Мы оставляем без рассмотрения и его маленькие по размеру и энергичные статьи, написанные в 1870 г. и изданные в 1871 г. под заглавием «La patrie en danger». Эти статьи, показывающие, как ручей рабочего социализма, соединившийся во временный союз с патриотическим потоком, опрокинувшим монархию, примчал ладью социализма к Парижской коммуне, – не представляют, однако, ничего особенно интересного для нашей темы. Мы не занимаемся здесь также историей вопроса о диктатуре пролетариата, как историко-политической проблемой. Нас интересует у Бланки идея диктатуры пролетариата и программа экономических мероприятий на другой день после захвата власти прежде всего потому, что он решительно порывает с утопическими представлениями о социализме и начинает с того звена, которое отсутствовало у великих утопистов первой половины XIX в., которое отсутствовало и отсутствует у жалких утопистов II Интернационала, которое налицо у Маркса и Энгельса, которое есть в программе и проведено в жизнь у большевиков. Идея диктатуры пролетариата, означавшая в переводе на язык тогдашней Франции диктатуру рабочего Парижа над крестьянством и мещанством провинций, эта идея у Бланки есть исходный пункт всяких представлений о социализме (или коммунизме, в его терминологии). Связь конкретных представлений о социализме с идеей диктатуры пролетариата и гражданской войны – это есть самое существенное, что разделяет революционные и научно-коммунистические представления о социализме от социалистических, утопических и оппортунистических представлений о нем. При такой квалификации взглядов на социализм на одном полюсе оказываются сторонники диктатуры Бабеф, Маркс, Энгельс, Бланки и большевики (несмотря на огромное различие в теории), на другом – противники диктатуры и гражданской войны, т.е. утопический социализм, социалисты II Интернационала, все буржуазные мечтатели о социализме типа катедер-социалистов и т.д. Эта квалификация, верная под углом зрения общей истории мирового рабочего движения, оказывается верной и по линии того специального вопроса, которым мы занимаемся.

Первые годы и первые десятилетия практического строительства социализма протекают в условиях диктатуры пролетариата. Это обстоятельство накладывает печать на всю обстановку, на все условия социалистического строительства. Какое огромное значение имеет этот факт для всей экономики строящегося социализма, это мы увидим ниже. Но даже и без детального анализа этого вопроса совершенно ясно, что структура нового общества в условиях диктатуры и структура его в условиях мирной эволюции от капитализма к социализму, как представляли и представляют себе дело великие утописты начала и маленькие утописты конца XIX столетия, – должны различаться кардинальным образом. Гениальный прогноз Маркса и Бланки полностью оправдался, как на увертюре к пролетарской

революции в Европе, на опыте Парижской коммуны, так и на первой победоносной рабочей революции, на Октябрьской революции российского пролетариата, и на дальнейшем строительстве социализма в СССР. Без идеи диктатуры пролетариата невозможен никакой действительно научный прогноз насчет структуры социалистической экономики в отношении наиболее интересного для нас периода, периода первых десятилетий строительства социализма. Гениальная концепция Бланки в вопросе о диктатуре сразу переносит проблему строительства нового общества с небес утопии и балатурающего прожектерства на твердую почву исторической реальности. Это колоссальнейший шаг вперед в деле научного понимания того, что такое социализм, колоссальный шаг, который Бланки сделал, благодаря верному революционно-пролетарскому инстинкту и политической дальновзоркости и *несмотря на полное незнакомство с теорией марксизма*. Наоборот, французский марксизм ухитрился, *несмотря на знакомство с теорией Маркса*, вытравить из идеологии партии идею диктатуры и в этом пункте представлял не шаг вперед от Бланки, а глубочайшую оппортунистическую реакцию против и Бланки и революционного марксизма. За идею диктатуры было заплачено рабочей кровью. И у Маркса и у Бланки она появляется впервые лишь после кровавого подавления парижского пролетариата в 1848 г. Представления о социализме были поставлены на реальный базис. А в следующую эпоху, эпоху приспособления социализма к капитализму, в эпоху II Интернационала, из представлений о путях к новому обществу была выброшена идея диктатуры, после чего все рассуждения о будущем обществе приняли характер неоптопизма.

Заканчивая с Бланки, мы должны попутно заметить, что пора уже реабилитировать его от ренегатской социал-демократической критики периода II Интернационала и поставить его в истории революционного рабочего движения на должное место. Пора также дать правильную оценку взаимоотношений бланкизма с марксизмом и тем установить прямое родство большевизма с бланкизмом, как с первым действительно революционным движением авангарда пролетариата⁴, ставившим перед собой завоевание диктатуры как ближайшую практическую цель.

Заканчивая с Бланки, мы должны заметить, что идею диктатуры у него нельзя изучать без *исторического* анализа взглядов Бабефа, который «был одновременно последним якобинцем и первым представителем современного социализма» (*Levalis A. Auguste Blanqui. Paris. P. 6*).

[3.] Маркс и Энгельс

В лице Маркса и Энгельса коммунизм в области теории проделал *путь от утопии к науке*. Основатели научного коммунизма с величайшей подозрительностью относились ко всему тому, что заставило бы их проделывать *обратный путь от науки к утопии*. Отсюда их величайшая осторожность при всяких формулировках, которые претендовали бы на описание конкретных сторон социалистического общества. В своем письме к Марксу от 28 мая 1876 г. Энгельс ядовито замечает по поводу Либкнехта, что последний стремится «восполнить пробел в нашей теории и иметь ответ на каждое филистерское возражение, а также картину будущего общества, потому что филистер всего этого требует». В этом пункте Маркс и Энгельс никогда не шли навстречу⁵ обывательскому любопытству насчет будущего общества, поскольку удовлетворить это любопытство, не сходя с почвы науки, было невозможно. В этом пункте взгляды Бланки полностью совпадали со взглядами Маркса и Энгельса.

Но значит ли это, что у Маркса и Энгельса вообще нет абсолютно ничего относительно будущего общества, значит ли это, что соответствующая часть нашей работы должна выглядеть как лист неписаной бумаги, если мы не хотим заниматься сочинительством того, что Маркс и Энгельс не сочиняли?

Нет, дело обстоит не так и несколько сложнее. У Маркса и Энгельса мы не найдем никаких описаний и замечаний о будущем обществе, которые означали бы разрыв с наукой и апелляцию к утопии, но мы находим в их работах ряд таких замечаний о будущем обществе, которые они не только могли делать, не сходя с почвы науки, но и *должны* были делать *как раз в интересах научного анализа капиталистического общества*. За исключением соответствующих страниц из «Критики Готской программы» и некоторых замечаний по случайным поводам, огромное большинство мест из Маркса, касающихся отношений будущего общества, представляют из себя продолжение научного анализа капиталистической системы. И это вполне понятно. Не каждый коммунист может дать правильный теоретический анализ капиталистической системы в целом. Но тот, кто дает такой анализ, не может не быть коммунистом. «Капитал» мог написать только коммунист, потому что детальное выяснение капиталистической системы в целом неизбежно требует противопоставления капитализму той экономической формации, в которую капитализм с железной необходимостью переходит. Точно так же и отдельные стороны капиталистического хозяйства делались отчетливо ясными Марксу в своем историческом своеобразии не только при противопоставлении докапиталистическим формам, но и при противопоставлении к отношениям социалистического или коммунистического общества.

Лишь продумав до конца вопрос о трансформации производственных отношений капитализма в более высокую форму, Маркс был в состоянии с такой классической ясностью и прозрачностью описать капитализм в его чистом виде, как законченную систему, взятую в целом и в условиях движения. Иногда, при описании капиталистических отношений и для большей отчетливости такого описания, для того, чтобы описываемая форма выделялась своими особенностями не только в рамке прошлого, но и будущего, Маркс бросал беглый взгляд в это будущее, помогая тем самым читателю понять лучше ту или другую особенность капитализма. Несомненно, Маркс в качестве научного прогноза и рабочей гипотезы имел в своей голове довольно законченное представление о социализме, по крайней мере в общих чертах. Но из этой картины в его работах мы находим либо отрывки, либо формулировки крайне общие, максимально алгебраические. Однако, если собрать все эти отрывки вместе, мы получаем гораздо больше того, что мы находим в сочинениях Маркса при беглом чтении, без специального изучения этого вопроса. Читатель в этом ниже убедится.

В противоположность великим утопистам 1820–1840-х гг. и в противоположность жалким реакционным утопистам II Интернационала, Маркс и Энгельс (так же, как и Бланки) мыслили себе выход из капиталистического общества лишь путем рабочей революции и диктатуры пролетариата. Следовательно, и их представления о социализме предполагали более или менее длительный период переходного состояния. В их представлениях о социализме не было того провала, который мы видим у утопистов, как бы малы численно и по размерам ни были их замечания на эту тему, и какой бы общий алгебраический характер они ни имели. Принципиальную важность такого взгляда на гибель капитализма и переход к новому обществу мы уже подчеркнули, когда говорили о Бланки. Именно здесь лежит водораздел между, с одной стороны, коммунистическими и, с другой стороны, социалистическими, в том числе социал-демократическими, представлениями о социализме.

История вопроса о диктатуре пролетариата не входит в нашу тему, а что касается, в частности, Маркса и Энгельса, то эти стороны их взглядов достаточно выяснены прежде всего в ряде работ Ленина. Нам предстоит здесь рассмотреть лишь их взгляды на структуру социалистического и коммунистического общества.

Маркс первый выдвинул мысль о том, что законченное коммунистическое общество необходимо отличать от переходных форм от капитализма к коммунизму. Мы не находим у него, правда, сколько-нибудь законченного изложения мысли насчет отличия

социализма от коммунизма, но из ряда его формулировок видно, что он различал эти два этапа в развитии общества. Он различал их не только с той точки зрения, что при социализме существуют еще классы, а следовательно, и государство, но и с точки зрения системы производства и распределения при социализме и при коммунизме. Мало этого. Мы находим у него еще и то, что можно было бы назвать переходными мерами от капитализма к социализму, а не к коммунизму.

Таковы, прежде всего, некоторые из программных пунктов «Коммунистического манифеста» и «Требований Коммунистической партии в Германии» (документа, подписанного комитетом союза во главе с Марксом и Энгельсом). Из «Манифеста» необходимо вспомнить здесь следующие места. Авторы документа писали: «Пролетариат воспользуется своим политическим господством, чтобы постепенно отнять у буржуазии весь капитал, чтобы централизовать все орудия труда в руках государства, т.е. организованного в качестве господствующего класса пролетариата, и, по возможности, скорее увеличить массу производительных сил. Конечно, сначала это может совершаться только путем деспотических вторжений в право собственности и в буржуазные условия производства, следовательно путем мероприятий, которые, с экономической точки зрения, кажутся недостаточными и ненадежными, но которые в ходе движения перерастут самих себя и неизбежны, как средство для преобразования всего способа производства. Эти мероприятия будут, конечно, различны в различных странах» («Коммунистический манифест» с введением и прим. Д. Рязанова, 2-е изд. Пг., 1923. С. 87). Из десяти требований, которые должен был, по мысли авторов «Манифеста», осуществить в первую голову победивший пролетариат, мы упоминаем лишь такие, которые идут дальше требований самой радикальной буржуазно-демократической революции. Это:

1) «Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и исключительной монополией».

2) Кроме централизации транспорта, «увеличение числа государственных фабрик и орудий производства, возделывание и улучшение полей по общему плану».

3) «Одинаковая трудовая повинность для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия».

4) «Соединение земледельческого труда с фабричным, постепенное уничтожение различий между городом и деревней».

5) «Общественное и даровое воспитание всех детей. Устранение фабричной работы детей в современной ее форме. Соединение воспитания с материальным производством и т.д.» (Там же. С. 88).

В «Требованиях Коммунистической партии в Германии» есть другие вариации. Например, в § 7 национализируются, кроме имений государя и феодалов, также «все рудники, копи и т.д.», и «на этих землях ведется, в интересах всего общества, хозяйство в крупном масштабе и при помощи наиболее современных вспомогательных средств, даваемых наукой» (Там же. С. 331, в немецком издании Грюнберга, выпуск 5-й «Die Londoner Kommunistischer Zeitschrift». S. 91–92). Необходимо отметить еще в «Требованиях»⁶ равенство вознаграждения всех государственных чиновников, организацию национальных мастерских и государственное обеспечение безработных и инвалидов труда. Чрезвычайно, наконец, любопытна мотивировка в § 10. Весь этот параграф гласит: «На место всех частных банков выступает государственный банк, бумаги которого имеют узаконенный курс. Эта мера делает возможным регулирование всего кредитного дела в интересах всего народа и, таким образом, подрывает господство крупных собственников денег. Мало-помалу, замещая золото и серебро бумажными деньгами, она удешевляет необходимое орудие буржуазного оборота, всеобщее средство обмена и позволяет использовать золото и серебро во внешних отношениях. Эта мера, в конце концов, необходима для того, чтобы приковать к правительству интересы консервативных буржуа» (С. 332).

Из всех процитированных мною и изложенных пунктов «Манифеста» и «Требований» совершенно очевидно, что, выражаясь на нашем жаргоне, Маркс и Энгельс советовали после завоевания пролетариатом власти начать с нэпа весьма умеренного свойства, гораздо более умеренного, чем наш теперешний нэп.

Пролетариат должен был начать лишь с этого, и только затем «постепенно отнять у буржуазии весь капитал»⁷. Глубочайшая трезвость Маркса и Энгельса в этом пункте достаточно подтверждена нашим опытом, поскольку дело идет о нецелесообразности всеобщей национализации сразу, на другой день после захвата власти. Гениальная осторожность у них и в отношении к денежной системе: о быстрой ликвидации денег и о натурализации обмена нет ни слова, хотя вообще место насчет «консервативных буржуа» и кажется несколько наивным. Однако ход событий, по крайней мере, российской революции поправил эту схему в другом отношении. Он показал, что пролетариат либо вообще не побеждает, и тогда он не в состоянии провести почти ни одного из требований «Манифеста», вплоть до просто радикально-демократических; либо он побеждает по всей линии и тогда он не может ограничиться теми размерами национализации, которые очерчены в «Манифесте» и в «Требованиях».

После этого периода, после второго письма ЦК Союза коммунистов к местным организациям в Германии, письма, замечательного прежде всего с политической точки зрения, у Маркса и Энгельса мы находим снова места о будущем обществе и путях к нему, главным образом уже в последние полтора-два десятилетия жизни Маркса. Мы находим несколько мест в «Капитале», в «Переписке», в «Критике Готской программы», в «Анти-Дюринге» и в «Гражданской войне во Франции». Рассмотрим все, что мы можем найти в этих работах и что относится главным образом к организации хозяйства.

Начнем с общей характеристики переходного периода.

Наиболее часто цитировавшееся место Маркса из «Критики Готской программы» гласит: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного преобразования одного в другое. Ему соответствует и политический переходный период, во время которого государство не может быть ничем иным, кроме революционной диктатуры пролетариата» (Критика Готской программы. Госиздат, 1923. С. 69). Что же касается характеристики самого революционного процесса с политической точки зрения, то это не входит в нашу тему. Приведем лишь одно место из Энгельса, которое показывает, что он не имел никакого отношения к филистерским представлениям германской с[оциал]-д[емократии] о пролетарской революции.

«Большая ошибка немцев заключается в том, что они представляли себе революцию как нечто такое, что может быть закончено за ночь. На самом деле она представляет длящийся многие годы процесс развития масс с ускоренным темпом движения. Всякая революция, которая была закончена за ночь, устраняла только уже заранее безнадежную реакцию (1830 г.) или же вела прямо к противоположному в сравнении с тем, к чему стремились ее участники (1848 г. во Франции)». (Архив Маркса и Энгельса «Письма Ф. Энгельса к Э. Бернштейну». С. 349.)

Энгельс считал очень трудным ответить на вопрос, как конкретно сложатся условия в переходный период в сфере экономической, в сфере организации нового переходного общества. Он и другим не советовал давать дилетантские ответы на этот вопрос. Так, в письме к Конраду Шмидту от 1 июня 1891 г. [он писал]: «Ваш план – переходные этапы к коммунистическому обществу – стоит того, чтобы над ним подумать. Но я вам посоветую выполнить его только в результате продолжительной работы (ponit prae matur in annum). Это труднейший материал из всех существующих, потому что условия постоянно меняются. Каждый новый трест⁸, например, изменяет их, и пункты для атак совершенно меняются даже в течение десятилетий» (Письма, перев. Адоратского. С. 288).

Однако сам Энгельс делал кое-какие замечания насчет будущего. Так, например, в одном из писем к Марксу, относящемся еще к 1851 г., он, размышляя о личном составе аппарата пролетарской власти после переворота, делал следующее предложение: «Хорошо было бы рекомендовать повсюду вести пропаганду среди приказчиков, конторщиков. На случай, если бы пришлось организовать управление, — подобного рода люди незаменимы. Они привыкли к усидчивой большой работе, к ведению книг, легко доступных обозрению. Коммерция — это незаменимая практическая школа для хороших канцеляристов. Наши юристы и т. д. для этого не годятся. Конторщики для ведения книг и отчетности, талантливые образованные люди для редактирования депеш, писем, документов — вот что нам надо. С шестью конторщиками и приказчиками я организую любую отрасль управления в тысячу раз проще, доступнее для обозрения и практичнее, чем с 60 статскими советниками и студентами юридического факультета. Эти последние не могут писать разборчиво и так запакостят книги, что ни один черт не поймет» (Там же. С. 30).

К той же мысли Энгельс возвращается 40 лет позже, уже на склоне лет, когда перспектива перехода власти к пролетариату, по его мнению, была близка. Так, в письме к Бебелю от 24 октября 1891 г. он ставит вопрос о том, как отнесется техническая интеллигенция к пролетарской власти в случае «преждевременного» перехода власти к пролетариату, и предсказывает нечто вроде того саботажа, с которым мы имели дело в 1917 г. Вот что он писал в этом письме: «Для того чтобы овладеть производительными силами и пустить их в ход, нам нужны технически подготовленные люди и множество таких людей. Таких людей у нас нет, мы даже до последнего времени радовались тому, что мы по большей части избавлены от так называемой «образованной» публики. Теперь другое дело. Теперь мы достаточно сильны, чтобы быть в состоянии переварить любое количество образованного творага, и я предвижу, что в ближайшие 8–10 лет к нам примкнет достаточно молодых техников, врачей, юристов, учителей, чтобы организовать управление фабрик и крупных поместий руками партийных товарищей для нужд нации. Тогда взятие власти явится совершенно нормальным и произойдет относительно гладко. Но если мы придем к власти преждевременно, благодаря войне, то техники будут нашими принципиальными врагами и будут обманывать и предавать нас, как только могут; нам придется прибегать к устрашению их, и нас все-таки будут обманывать. Во французской революции это случалось в малом размере постоянно. Там им пришлось заполнять даже в обычной администрации второстепенные должности, — а на них, в сущности, и лежит действительная работа, — старыми реакционерами, и те мешали и парализовали все. Поэтому я надеюсь и желаю, чтобы наше развитие, совершающееся со спокойствием и неуклонностью естественного процесса, продолжало бы идти старым путем» (Там же. С. 292).

Перейдем теперь к представлениям Маркса и Энгельса об экономике социалистического общества. Основная черта всех их экскурсий в эту область — это крайняя осторожность, крайняя общность формулировок. Из этих формулировок можно сделать вывод: чем меньше конкретности, тем долговечней то или другое положение. Мы в СССР уже имеем некоторый опыт социалистического строительства и на собственном опыте можем видеть, как правильны были все эти осторожные и общие формулировки, как долговечны, как мало пришлось бы брать назад из сказанного их авторам. Со всем иное дело с чисто конкретными предположениями. Пример у нас здесь же налицо — приказчики Энгельса, с помощью которых он собирался пустить в ход машину нового государства.

Начнем с технической базы социалистической экономики. В первом томе «Капитала» Маркс заметил, что «экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда» (Капитал. Т. 1. С. 156. Пер. Степанова). Эта

мысль, с одной стороны, является выводом из анализа техники различных экономических систем, а с другой стороны, уже а priori предполагает различие технической базы капитализма в сравнении с социалистической экономикой. Маркс, по всей вероятности, и был убежден в том, что основной технической базой капитализма являлось применение пара, тогда как характерной чертой техники социалистического общества будет электрификация. За это предположение говорит тот факт, что Маркс чрезвычайно интересовался всеми успехами только что начинавшихся в его время опытов производственного использования электричества. В письме к Энгельсу от 5 мая 1851 г. он запрашивает своего друга насчет применения электричества к земледелию (по-видимому, для ускорения прорастания семян и вегетации), о чем он прочитал в одном журнале, и требует от Энгельса пояснений. Во время Лондонской выставки 1864 г. Маркс сильно заинтересовался успехами электротехники, а перед смертью, как заявил Энгельс в речи при похоронах своего друга, Маркс весьма интересовался опытами Депре с передачей электрического тока на большие расстояния. Выводы из этих опытов сделал Энгельс, которому больше, чем Марксу, удалось проследить за успехами электротехники. В своем письме к Бернштейну от 27 февраля 1883 г. он писал на интересующую нас тему следующее: «Новейшее открытие Депре, что электрические токи очень высокого напряжения со сравнительно слабой потерей силы могут передаваться по простой телеграфной проволоке на неслыханные до сих пор расстояния и быть примененными на конечном пункте, — дело это находится еще в зародыше — окончательно освобождает промышленность почти от всех местных границ, делает возможным употребление даже самых отдаленных водяных сил. И если даже вначале этим воспользуются только города, в конце концов оно должно стать самым могущественным рычагом для уничтожения антагонизма между городом и деревней. Но что вместе с этим производительные силы примут такие размеры, при которых они перерастут руководство буржуазии, совершенно очевидно» (Архив. С. 342).

В этой замечательной цитате мы находим две чрезвычайно важные и прямо пророческие мысли Энгельса. Во-первых, мысль о том, какую роль должна играть электрификация в деле преодоления противоположности между городом и деревней, — вопрос, к которому мы еще вернемся не раз, в том числе при анализе взглядов Ленина на социалистическую экономику. Во-вторых, мысль о том, что электрификация чисто технически разрывает оболочку капиталистической собственности и требует разрыва этой оболочки и социально, т.е. требует социализации производства. Как бы ни была высока приспособленность и гибкость капиталистической собственности в этом пункте, обнаруженная в последние два десятилетия, основная мысль Энгельса оказывается абсолютно верной⁹.

Разумеется, пролетариат, овладев властью, организует производство, используя ту технику, которую он получает от капитализма, и хронологически история социалистической экономики должна считаться с момента революции. Но, по мысли Маркса (а также, как увидим ниже, и Ленина), социалистическое производство может выявить свои характерные черты в отличие от капиталистической экономики лишь тогда, когда оно будет в состоянии опереться на новую техническую базу.

Относительно организации производства в социалистическом обществе формулировки Маркса и Энгельса являются весьма алгебраическими, тем не менее они сохраняют все свое руководящее принципиальное значение, поскольку путем сравнения с капиталистической системой рельефно оттеняют своеобразные особенности социалистической структуры.

Мы начнем с обзора тех мест из Маркса и Энгельса, которые относятся непосредственно к производству, затем перейдем к местам, где проблема производства трактуется вместе с проблемой распределения, либо где дело идет только о распределении.

Вопрос о социалистической организации производства есть прежде всего вопрос о плановом хозяйстве, о формах организации планового хозяйства. Но вместе с тем это и

вопрос о ликвидации товарного хозяйства, ликвидации стихийно регулирующего начала в нем – закона стоимости и о замене действия этого закона бухгалтерией общественного хозяйства. Противопоставление в самой общей форме анархического товарного производства плановому социалистическому производству мы находим у Маркса и Энгельса весьма часто в различных их работах. Мы приведем здесь только те места, относящиеся к этому вопросу, которые имеют более конкретный характер.

В «Анти-Дюринге» Энгельс пишет: «Силы, проявляющиеся в обществе, действуют подобно силам природы: слепо, насильственно, разрушающе, пока мы их не знаем и не умеем учитывать их действие. Когда же мы начинаем познавать их, понимать их действие, их тенденцию и последствия их действия, тогда только от нас зависит подчинять их все более и более нашей воле и посредством их добиваться осуществления наших целей. В особенности это приложимо к мощным силам современного способа производства. Пока мы упрямо отказываемся от задачи постигнуть их природу и их свойства, – а против такого понимания протестует самый способ капиталистического производства и его защитники, – до тех пор эти силы действуют помимо нас, против нас и господствуют над нами, как это мы обстоятельно доказали выше. Но с тех пор как их природа познана, в руках ассоциированных производителей они могут превратиться из демонов властителей в их послушных слуг... Когда мы сможем именно так управлять современными производительными силами, на основании знания их природы, тогда вместо анархии общественного производства выступит общественно-плановое регулирование производства, сообразно потребностям как всего общества, так и каждого в отдельности» (Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft. Stuttgart, 1921. S. 301). Далее Энгельс говорит о новой форме распределения и о связи последнего с новым, т.е. плановым способом производства. Тот факт, между прочим, что Энгельс и в этом, и в ряде других мест говорит сразу и о ликвидации стихийности, и о плановом хозяйстве, и о способе распределения, доказывает, что для него было в ту пору еще невозможно дифференцировать эти проблемы и более конкретно осветить каждую из них. О ликвидации закона стоимости как регулятора производства и о ненужности для социалистического общества прибегать к косвенному пути для определения количества общественно необходимого труда, требующегося для производства отдельных видов продуктов, Энгельс писал: «Общество может прямо рассчитать, какое количество рабочих часов заключается в паровой машине, в гектолитре пшеницы последнего урожая, в сотне квадратных метров материи определенного качества. Ему не может прийти в голову количество труда, которое отложилось (niedergelegt) в продуктах и которое он знает полностью и прямым путем, выражать через весьма относительное, колеблющееся, недостаточное, хотя раньше необходимое, вспомогательное мерило, через исключительный продукт, вместо того чтобы измерять его естественной, адекватной, абсолютной мерой – временем» (Анти-Дюринг. Нем. изд. С. 335). (Кстати, в возмутительнейшем русском переводе «Анти-Дюринга» («Московский рабочий». 1922) вместо последней мысли фигурирует нечто как раз обратное. С. 175.)

Останавливаясь на том же вопросе и противопоставляя стихийному регулированию всех процессов товарного хозяйства сознательное регулирование планового социалистического хозяйства, с присущей ему ясностью внутрипроизводственных отношений, Маркс в первом томе «Капитала» писал следующее: «Весь продукт союза свободных производителей есть общественный продукт. Часть этого продукта в свою очередь служит средствами производства. Но другая часть потребляется определенными членами союза как средства существования. Следовательно, она должна быть распределена между ними. *Способ этого распределения будет изменяться соответственно характеру самого общественно-производственного организма и ступени исторического развития производителей.* Лишь для того чтобы провести параллель с товарным производством, мы предположим, что доля каждого производителя в средствах существования

определяется его рабочим временем. При этом условия рабочее время играло бы двойную роль. Его общественно-плановое распределение устанавливает надлежащее отношение между различными трудовыми функциями и различными потребностями. С другой стороны, рабочее время служит вместе с тем мерой индивидуального участия производителей в совокупном труде, а следовательно, и в индивидуально потребляемой части всего продукта. Общественные отношения людей к их работам и продуктам их труда остаются здесь прозрачно ясными, как в производстве, так и в распределении» (Маркс. Капитал. Пер. Степанова. С. 47; Kapital. Т. 1, 5-е немецкое издание. Гамбург. С. 45).

Что касается организации планового хозяйства, то конкретно на эту тему мы ничего не находим у Маркса и Энгельса, кроме интересных двух мест из «Капитала»:

«Ведение книг, как средство контроля и идеального объединения всего процесса, ставится тем необходимее, чем более процесс расширяется до общественных размеров и чем более он утрачивает чисто индивидуального характера. Таким образом, ведение книг более необходимо при капиталистическом производстве, чем при раздробленном ремесленном и крестьянском производстве, оно более необходимо при коллективном производстве, чем при капиталистическом. Но издержки по ведению книг сокращаются с концентрацией производства, и сокращаются тем больше, чем больше оно превращается в общественное счетоводство» (Капитал. Т. 2. С. 111).

«По уничтожении капиталистического способа производства, но при сохранении общественного производства, определение стоимости¹⁰ по-прежнему продолжает господствовать, в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными отраслями производства, наконец, охватывающая все это бухгалтерия становятся важнее, чем когда бы то ни было» (Капитал. Т. 3. Ч. 2. С. 389).

В третьем томе «Капитала» мы находим также интересное место о роли кредитной системы в переходный период от капитализма к социализму. Марксу была ясна роль этого «мощного рычага» в деле подхода к плановому хозяйству, но он тут же предупреждает от ошибочной мысли насчет того, что кредитная система в дальнейшем может существовать и при полной победе социалистического производства.

«Не подлежит, наконец, никакому сомнению, что кредитная система послужит мощным рычагом во время перехода от капиталистического способа производства к способу производства ассоциированного труда, — однако лишь как один из элементов в связи с другими великими органическими переворотами в самом способе производства. Напротив, иллюзии относительно чудодейственной силы кредитного и банковского дела, в социалистическом смысле, вытекают из полного непонимания капиталистического способа производства и кредитного дела, как одной из его форм. Раз средства производства перестали превращаться в капитал (что подразумевает также уничтожение частной земельной собственности), кредит, как таковой, не имеет уже никакого смысла, — это и поняли, впрочем, даже сен-симонисты» (Капитал. Т. 3. Ч. 2. С. 148)¹¹.

Выше мы видели, что Маркс предсказывал для будущего общества огромный рост значения общественного счетоводства, причем концентрация и рационализация всего производства могут и не привести к росту затрат на этот аппарат, заменяющий капиталистический рынок. (Нельзя сказать, чтобы в период военного коммунизма мы организовали бухгалтерию государственного хозяйства в этом отношении «по Марксу».) С другой стороны, он в «Капитале» и Энгельс в «Анти-Дюринге» указывали на то, что система капиталистического надзора за трудом является ненужной в социалистическом обществе, поскольку дело идет о надзоре класса за классом, а не технического руководителя за исполнителями». «Этот труд главного надзора необходим при всех способах производства, основанных на противоположности между рабочим, как непосредственным производителем, и собственником средств производства. Чем боль-

ше эта противоположность, тем больше роль этого верховного надзора за рабочими. Поэтому своего максимума она достигает в системе рабства. Но он необходим и при капиталистическом способе производства, так как здесь процесс производства есть одновременно и процесс потребления рабочей силы капиталистом. Совершенно так же, как в деспотических государствах, труд верховного надзора и всестороннего вмешательства правительства охватывает обе стороны: и исполнение общих дел, вытекающих из природы всякого общества, и специфические функции, вытекающие из противоположности между правительством и массой народа» (Капитал. Т. 3. Ч. 1. С. 370; см. об этом также в том же томе. С. 373).

Говоря в другом месте о настойчивом стремлении капиталистов во что бы то ни стало экономить на средствах производства, что заставляет их приспособить к этой задаче организацию труда, Маркс писал: «Задача состоит в том, чтобы ничто не расточалось и не пропадало даром, чтобы средства производства расходовались лишь настолько, насколько этого требует само производство. Достигается это частью при помощи дрессировки и обучения рабочих, частью при помощи дисциплины, которой капиталист подчиняет комбинированных рабочих и которая становится излишней в таком общественном строе, где рабочие трудятся за свой собственный счет, как она уже теперь становится почти совершенно излишней при поштучной плате» (Капитал. Т. 3. Ч. 1. С. 58; см. об этом: Там же. С. 60).

При производственных отношениях социалистического общества капиталистическая дисциплина со всем штатом надсмотрщиков класса эксплуататоров отпадает. Эти, как и другие непроизводительные расходы общества, вызывавшиеся необходимостью поддерживать самую систему капиталистической эксплуатации, отпадают, как издержки управления, не относящиеся к производству. «Эта доля будет с самого начала весьма значительно урезана в сравнении с теперешним обществом и будет уменьшаться в той мере, в какой будет развиваться новое общество» (Маркс К. Критика Готской программы. Госиздат, 1923. С. 52).

«Но главные массы непроизводительно растрчиваемых при капитализме сил и средств связаны с анархичностью его структуры, с проистекающими отсюда кризисами, с методом распределения через торговлю, с тем фактом, что величайшая экономия для отдельного капиталиста оказывается бесполезной растратой с точки зрения общества». Наконец, «капиталистическое производство, несмотря на все свое скопидомство, несомненно, расточительно в обращении с человеческим «материалом...» (Капитал. Т. 3. Ч. 1. С. 62).

Так, описывая капитализм, Маркс или прямо или косвенно освещал отдельные стороны того способа производства, который сменяет этот капитализм. Если не всегда можно ответить на основе этого описания, что будет в будущем вместо того или иного капиталистического института, зато на основе анализа только одного капиталистического производства можно всегда почти сказать, какие стороны системы особенно характерны для капитализма и должны рухнуть вместе с ним, какие допускают известную трансформацию в переходный период.

Маркс и Энгельс неоднократно останавливались на вопросе о необходимости прибавочного труда в будущем обществе и о необходимости расширенного воспроизводства, или, выражаясь в терминах эпохи капитализма, на необходимости накопления.

В третьем томе «Капитала» Маркс писал на эту тему следующее: «Прибавочный труд вообще, как труд сверх данного количества потребностей, всегда будет существовать. Но при капиталистической, как и при рабской системе и т.д., он имеет антагонистическую форму и дополняется полной праздностью известной части общества. Определенное количество прибавочного труда требуется и в качестве страхования против случайностей, вследствие необходимого, соответствующего развитию потребностей и

прогрессу населения, постоянного расширения процесса воспроизводства, что с капиталистической точки зрения называется накоплением» (Капитал. Т. 3. Ч. 2. С. 356).

Ниже в том же томе Маркс снова возвращается к этому вопросу и пишет: «Но постоянный капитал, который... не представляет продукта вновь присоединенного труда, хотя этот продукт невозможно было бы произвести без него, – этот постоянный капитал подвергается во время процесса воспроизводства, в вещественном отношении, случайностям и опасностям, которые могут его уменьшить... Вследствие этого часть прибыли, следовательно, прибавочной стоимости, а потому и прибавочного продукта, в котором (если рассматривать его с точки зрения стоимости) получает свое выражение лишь вновь присоединенный труд, служит страховым фондом... Это – единственная часть дохода, которая не потребляется как доход и не служит непременно фондом накопления. Служит ли она фактически фондом накопления или лишь покрывает недочеты воспроизводства, это зависит от случая. *Это также единственная часть прибавочной стоимости и прибавочного продукта, а следовательно, и прибавочного труда, которая наряду с частью, служащей для накопления, следовательно, для расширения процесса воспроизводства, должна сохраниться и по уничтожению капиталистического способа производства»* (Капитал. Т. 3. Ч. 2. С. 385; курсив мой. – Е.П.).

Итак, по Марксу, прибавочный продукт необходим и в социалистическом обществе:

- 1) для расширенного воспроизводства, или, оставляя старый термин, для накопления;
- 2) для создания страхового фонда. Расширенное же производство, или накопление, необходимо вследствие прогресса населения и роста потребностей. Что же касается страхового фонда, то он нужен для восполнения постоянного капитала и действия случайностей, «которые могут его уменьшить». Если же уменьшение этого капитала произошло в огромном размере при переходе от капитализма к диктатуре пролетариата, если для строящегося социалистического общества необходимо начать переход на иную техническую базу с самого первого периода его существования, то дело будет уже идти не о прибавочном продукте и накоплении в нормальных условиях функционирования социалистического производства, а о прибавочном продукте и о предварительном накоплении, которое делает возможным само это социалистическое производство. Отсюда с неизбежностью мы приходим к проблеме предварительного социалистического накопления, о котором более подробно будет сказано в другой главе этой работы.

Полемизируя с Дюрингом, Энгельс также доказывал нелепость такой системы распределения в будущем обществе, которая игнорирует «самую важную прогрессивную функцию общества – накопление» (Анти-Дюринг. Нем. изд. С. 338).

Что касается производительной способности нового общества в сравнении с капиталистическим, то об этом мы находим следующее весьма интересное место в письме Энгельса к Ланге от 23 марта 1866 г.

«Вы сами ставите вопрос, каким образом можно согласовать возрастание населения с возрастанием средств существования. Но, кроме одной фразы в предисловии, я не нашел ни одной попытки разрешения этого вопроса. Мы исходили из того, что те же самые силы, которые создали современное буржуазное общество – паровая машина, современное машинное производство, массовая колонизация, железные дороги и пароходы, мировая торговля – и которые теперь работают уже над его разрушением (Zergrütung) и над его окончательным уничтожением, благодаря непрерывно повторяющимся торговым кризисам, – что эти средства производства и сообщения будут также вполне достаточны для того, чтобы в течение короткого времени превратить все соотношение в противоположное (das Verhältniss umzukehren) и поднять настолько производительную силу каждого отдельного человека, что он сможет производить достаточное количество для потребления двух, трех, четырех, пяти, шести человек; что современная городская промышленность сможет теперь выделить достаточно сил, являющихся для нее лишними,

для того чтобы применить к сельскому хозяйству совсем иные силы, чем это было до сих пор; что теперь можно приступить к применению в сельском хозяйстве новейших научных открытий, и применить их в крупных размерах и с той же последовательностью, как и в промышленности; что эксплуатацию областей Юго-Восточной Европы и Западной Америки, удобренных самой природой и по плодородию неисчерпаемых, можно теперь производить в грандиозном размере, совсем иначе сравнительно с тем, как это делалось до сих пор. Если все эти области будут перепаханы и будут приближаться недороды, то будет достаточно времени предупредить об опасности» (Письма. Пер. Адоратского. Изд-во «Московский рабочий». С. 119).

Перейдем теперь к проблеме распределения в будущем обществе. Интересно отметить здесь, что если по отношению к системе производства мы почти не находим в вышеприведенных местах из Маркса и Энгельса отдельных формулировок, характеризующих, с одной стороны, отношения социалистического, с другой стороны, отношения коммунистического общества, то, наоборот, в связи с проблемой распределения различие между социализмом и коммунизмом проводится у них более отчетливо. При обсуждении именно этой проблемы и у Маркса (в «Критике Готской программы»), и у Энгельса (письмо к Конраду Шмидту от 5 августа 1830 г., см. ниже) мы находим более отчетливые формулировки самой идеи переходного периода, а также мысль об эволюции самого социалистического способа производства. Это отчасти объясняется, вероятно, тем, что все представления о будущем обществе, выраставшие в кругах вульгарного мелкобуржуазного социализма, главным образом выдвигали проблему распределения и заставили Маркса и Энгельса более точный ответ дать именно на этот вопрос.

Марксу и Энгельсу прежде всего пришлось позаботиться о том, чтобы самый вопрос о распределении в будущем обществе был правильно поставлен и чтобы распределение не отрывалось от системы производства данного общества, чтобы оно рассматривалось в тесной связи с проблемой производства.

Рассматривая этот вопрос в «Критике Готской программы», Маркс писал: «Всякий раздел средств потребления есть только результат данного раздела самих средств производства. Последний же обуславливает характер данного способа производства. Так, капиталистический способ производства зиждется на том, что вещественные условия производства находятся в руках не рабочих, тогда как масса является собственником только личного условия производства – рабочей силы. Раз элементы производства распределены таким образом, то нынешнее распределение средств вытекает из него само собою. Если вещественные условия производства будут составлять товарищескую собственность самих рабочих, то точно так же получится само собою отличное от нынешнего распределение средств потребления. Вульгарный социализм (а от него, в свою очередь, часть демократии) перенял от буржуазных экономистов манеру рассматривать распределение как нечто независимое от способа производства, потому он изображает социализм вращающимся главным образом вокруг распределения. После того как действительное отношение достаточно выяснено, к чему снова возвращаться вспять?» (Цитирую по вышеуказанному изданию Госиздата. С. 57.)

Продолжая эту мысль, Маркс в той же работе говорит: «Представление о социалистическом обществе как царстве равенства есть односторонне французское представление, примыкающее к старому девизу «Свобода, равенство, братство»; это представление имело в свое время и на своем месте оправдание, как *ступень развития*, но теперь должно быть преодолено, как и все односторонности прежних социалистических школ, так как вызывает только путаницу в умах и так как найдены более точные представления о деле» (Там же. С. 90).

Энгельс останавливается на том же вопросе в нижеприводимом письме к К. Шмидту, но затрагивает его с другой стороны.

Для него является бесспорным положение, что система распределения определяется системой производства. Но он высказывает еще и другую мысль, а именно, что даже при раз данной системе производства способы распределения могут меняться в зависимости от количества продуктов, подлежащих распределению. Иными словами, если производство организовано на социалистических началах, то методы распределения при недостатке тех или иных продуктов и при необходимости регламентации будут иными, чем в том же обществе, когда избыток продукции будет делать такую регламентацию излишней.

Вот, что писал Энгельс: «Вот тоже в «Volkstribune» появилось обсуждение вопроса о распределении продукта в будущем обществе, будет ли оно происходить соответственно количеству труда или иначе. К вопросу подходили очень *материалистично*, в противоположность известным идеалистическим формам о справедливости. Но удивительно, как это никому не пришло в голову, что способ распределения существенным образом зависит от *количества* вещей, подлежащих распределению, и что это количество, конечно, меняется вместе с прогрессом производства и общественной организации, а следовательно, и способ распределения может меняться. Но для всех участников обсуждения, по-видимому, *социалистическое общество* представляется раз навсегда установленной, определенной, неизменной вещью, а не чем-то таким, что постоянно меняется и прогрессирует. Поэтому, согласно им, оно должно иметь раз навсегда установленный определенный способ распределения» (Письма. Перевод Адоратского. С. 274–275).

Ниже мы еще вернемся к этой и к другой глубокой мысли Энгельса об эволюции социалистического производства и распределения и увидим, как блестяще подтвердились эти мысли на опыте нашего социалистического строительства. Теперь же посмотрим, как представляли себе основатели научного коммунизма систему распределения, освобожденную от типично капиталистических черт, т.е. превращение прибавочной ценности в прибавочный продукт, а заработной платы – в средний рацион работника социалистического общества.

Вот что писал об этом Маркс: «Сведем заработную плату к ее общей основе, т.е. к той части продукта собственного труда, которая входит в личное потребление рабочего; освободим эту долю от капиталистических ограничений и расширим размеры потребления до тех пределов, которые, с одной стороны, допускаются наличной производительной силой общества (т.е. общественно-производительной силой собственного труда, как действительно общественного), которых, с другой стороны, требует полное развитие индивидуальности; сведем далее прибавочный труд и прибавочный продукт к тем размерам, которые при данных общественно-производительных условиях необходимы, с одной стороны, для образования страхового и резервного фонда, с другой стороны, для непрерывного расширения воспроизводства, сообразно общественной потребности; присоединим, наконец, к необходимому и прибавочному труду то количество труда, которое работоспособные члены общества должны затратить в пользу еще или уже неработоспособных его членов. Производя эти операции, мы действительно устраним специфически капиталистические черты, как в заработной плате, так и в прибавочной стоимости, как в необходимом, так и в прибавочном труде, – и перед нами окажутся уже не те формы, но лишь их основы, общие всем общественным способам производства» (Капитал. Т. I. Ч. 4. С. 414–415).

Но наиболее полно о распределении в будущем обществе и о переходном периоде к коммунизму Маркс высказался в «Критике Готской программы». Мы приведем поэтому полностью то место, которое относится к этому вопросу. Выписка будет очень длинной. Несмотря на это и несмотря на то что это место не раз цитировалось в социалистической и коммунистической литературе, мы не можем удовлетвориться здесь простым изложением Маркса. Я должен вообще здесь заметить, что считаю необходимым при изложе-

нии взглядов Маркса и Энгельса на социализм оперировать чаще подлинными цитатами из их произведений. Только подлинные цитаты, приведенные в некоторую систему, могут дать нам правильное представление об их взглядах на этот вопрос. С другой стороны, только при таком текстуальном изложении мы в состоянии, на основании нашего опыта социалистического строительства, оценить, насколько оказались верными их прогнозы. Теперь происходит в полном смысле слова историческая проверка этих прогнозов. В этом случае необходима величайшая осторожность, всякое изложение не может не быть несколько субъективным и односторонним, и потому должно уступить свое место подлинным словам авторов.

Обратимся поэтому к тексту Маркса. В вышеназванной работе он писал следующее: «Внутри товарищеского, основанного на общем владении средствами производства общества производители не обменивают своих продуктов; столь же мало употребленный на продукты труд является здесь как ценность этих продуктов, как вещественное свойство, которым они обладают. Ведь теперь – в противоположность капиталистическому обществу – индивидуальные труды становятся составными частями совокупного труда уже не окольным путем, а непосредственно. Таким образом, выражение «доход от труда», которое следует отвергнуть уже ввиду его двусмысленности, теряет всякий смысл.

Здесь мы имеем дело с коммунистическим обществом не в том виде, в каком оно развилось на своей собственной основе, а, наоборот, в каком оно еще только выходит из капиталистического общества, – значит, еще покрытым во всех отношениях – экономическом, нравственном, умственном – родимыми пятнами старого общества, из лона которого оно выходит. Сообразно с этим отдельный производитель получает от общества обратно, за всеми вычетами, ровно столько, сколько отдает ему, а отдает оно ему свое индивидуальное количество работы. Так, общественный рабочий день представляет сумму индивидуальных рабочих часов; индивидуальное рабочее время отдельного производителя есть доставленная им часть общественного рабочего дня, его доля в нем. Он получает от общества квитанцию в том, что отдал ему столько-то труда (за вычетом труда в пользу общественных фондов), и за эту квитанцию получает из общественных складов средства потребления в количестве, стоящем такого же количества труда. Сколько труда он отдал обществу в одной форме, столько же и получает обратно в другой.

Здесь, очевидно, господствует принцип, тождественный с тем, который регулирует товарный обмен, поскольку последний есть обмен равноценностей. Содержание и форма изменились, потому что при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего, кроме своего труда, а с другой стороны, ничто не может перейти в собственность индивидуума, кроме индивидуальных средств потребления. Но что касается распределения их между отдельными производителями, то здесь господствует тот же самый принцип, что и при обмене товарных эквивалентов; известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой.

Поэтому здесь *равное право* – все еще по своему принципу *буржуазное право*, хотя принцип и практика и не ссорятся более, тогда как при товарном обмене обмен эквивалентов существует только в *среднем*, а не в каждом отдельном случае.

Несмотря на этот прогресс, *равное право* все еще заключено в буржуазные рамки. Право производителей *пропорционально* доставленному ими труду; равенство состоит в *равенстве мерил* – труда.

Но один человек превосходит другого физически или умственно, следовательно, доставляет за то же время больше труда или же может работать дольше; и труд, чтобы служить мерилем, должен определяться по протяженности или напряженности, иначе он перестал бы быть мерилем. Это равное право есть неравное право для неравного труда. Оно не признает никаких классовых различий, потому что каждый есть только

рабочий, как и все прочие; но оно молча признает неравную индивидуальную одаренность и работоспособность за естественные привилегии. *Поэтому оно по своему содержанию есть право неравенства, как и всякое право.* По своей природе право может состоять только в применении общего мерила; но неравные индивиды (а они не были бы различными индивидами, если бы не были неравными) имеют общую мерку лишь постольку, поскольку их рассматривают под одним углом, понимают только с одной стороны, – в данном случае, например, *только как рабочих*, и ничего больше, отвлекаясь от всего прочего. Далее, один рабочий женат, а другой нет, у одного больше детей, чем у другого, и проч. Поэтому при равной работоспособности, а значит, и равном уделе в общественном потребительном фонде, один получает фактически больше другого, является богаче другого и проч. Для устранения этих зол право должно бы быть вместо равного неравным.

Но этих зол нельзя избежать в первой фразе коммунистического общества, когда оно только что вышло из капиталистического общества после долгих мук родов. Право никогда не может быть выше экономической формы и обусловленного ею культурного развития общества.

Лишь на высшей стадии коммунистического общества, лишь когда исчезнет холопская иерархия индивидов при разделении труда, а с нею и противоречие между умственным и физическим трудом; когда самый труд станет первой жизненной потребностью, а не только средством к жизни; когда вместе с всесторонним развитием личности вырастут и производительные силы и все родники общественного богатства изобильно потекут, – лишь тогда узкий буржуазный правовой кругозор будет совершенно покинут и общество напишет на своем знамени: «С каждого по его способностям, каждому по его потребностям» (С. 53–56).

Нам в дальнейшем еще не раз придется останавливаться на этих замечательных страницах, дающих краткое, но классическое по ясности изложение коммунистических взглядов на будущее общество и его этапы. Нам придется говорить об этом месте Маркса и при анализе взглядов Ленина на социализм и, в частности, на вопрос о распределении, поскольку Ленин переводил на язык арифметики эти алгебраические формулы Маркса; придется говорить о нем и при рассмотрении проблемы ликвидации разрыва между наукой и физическим трудом и т.д. Пока же необходимо отметить следующее.

Мысль о том, что принцип равенства представляет из себя лишь реакцию против капиталистического или феодального неравенства и обеими ногами стоит на почве классового общества, появляется в системе Марксовых взглядов отнюдь не только с 1870-х гг. Это та мысль, которую Маркс развивал еще в самых первых своих коммунистических работах, начиная со «Святого Макса», т.е. начиная с его критики «Штирнеровского индивидуализма». Это доказывает всю глубину Марксовой абстракции, доказывает, как глубокое и верное понимание существа классового общества и, в частности, капиталистического общества, уже дает возможность правильно уловить основные черты его антипода – коммунистического строя.

Во-вторых, необходимо отметить, что в цитированном месте Маркс говорит, с одной стороны, о «первой фазе коммунистического общества», с другой стороны, о его «высшей фазе». Он не употребляет здесь слово социализм в противопоставлении коммунизму. Но по смыслу этого места совершенно ясно, что «первая фаза коммунистического общества» – это тот самый период, который в другом месте Маркс называет «периодом революционного преобразования» капиталистического общества в коммунистическое, периодом, когда государство не может быть ни чем иным, кроме революционной диктатуры пролетариата». Иными словами, «первая фаза» – это есть социализм, система общества, когда еще не ликвидировано классовое деление общества, хотя и ликвидированы в основном эксплуататорские классы, когда именно поэтому еще

существует государство, когда и на системе распределения еще зияет «родимое пятно» капиталистического строя.

Чтобы закончить с распределением и перейти к вопросу о разделении труда, прежде всего к проблеме ликвидации отрыва науки от физической работы, мы приведем здесь одно место из «Анти-Дюринга», которое одинаково относится и к вопросу о распределении, и к последней, названной нами, теме.

Главу о простом и сложном труде Энгельс заканчивает следующими строками: «Как же разрешается теперь весь важный вопрос о более высоком вознаграждении за сложный труд? В обществе частных производителей издержки по подготовке обученных рабочих несут отдельные лица или их семейства; частным лицам поэтому поступает и более высокая плата за квалифицированный труд; как за более искусно работающего раба платят больше, так и квалифицированному рабочему платят дороже. Наоборот, в социалистически организованном обществе упомянутые издержки несет общество, поэтому обществу же принадлежат и плоды, т.е. большие ценности, произведенные квалифицированным трудом. Сам рабочий не может претендовать на добавочное вознаграждение. Отсюда, кстати сказать, следует и тот вывод, что пресловутое право работника «на полный продукт труда» и с этой точки зрения хромает на обе ноги» (manchmal seinen Nacken hat). (Цитированное выше издание. С. 213–214.)

Это место из Энгельса имеет крайне важное принципиальное значение для правильной постановки вопроса об оплате квалифицированных рабочих и чернорабочих в нашей государственной промышленности. Более того, оно относится также и к проблеме оплаты красных рабочих инженеров, несмотря на все своеобразие условий, в которых протекает в крестьянской стране строительство социализма на первых этапах. Но обо всем этом у нас еще будет речь впереди.

Что же касается вопроса о ликвидации разрыва между наукой и физическим трудом, разрыва, который так характерен для всех эксплуататорских систем общества и который представляет из себя лишь один из видов господства человека над человеком, то над этой проблемой задумывались уже утописты. Но они не могли разорвать здесь с теми представлениями, которые навязывались им капиталистическими отношениями. У Кабэ, например, профессия ученых существует в обществе наряду с профессиями портных, печатников, земледельцев и т.д., у Фурье «талант» имеет право на особое вознаграждение и т.д. Обособление умственного труда рассматривается еще как один из видов необходимого разделения труда в обществе, а не как монополия на образование, на науку, на техническое руководство производственным процессом в руках господствующих классов, монополия, представляющая из себя лишь другую сторону монополии собственности на орудия производства. Роскошные цветы наук и искусств Руссо еще заслоняют собой зверское лицо эксплуататорского класса, осуществляющего здесь в самой утонченной форме свое господство над трудящимися массами, которые обладают тоже монополией, но только монополией на физический труд и на подчинение образованным эксплуататорам. Наоборот, у Маркса и Энгельса мы находим до конца продуманную, с коммунистической точки зрения, постановку этого вопроса и совершенно точные формулировки самой проблемы.

Мы уже читали выше у Маркса строки о «холопской иерархии индивидов при разделении труда» и связанном с этим «противоречием между умственным и физическим трудом». Более подробно на этом пункте останавливается в «Анти-Дюринге» Энгельс. В главе книги «Очерк теории» Энгельс указывает на связь между разделением труда и классовым делением общества. Он указывает на то, что это разделение труда и разделение на классы, имеющее свое историческое оправдание, связано с недостаточным развитием производительных сил и должно отпасть на более высокой ступени этого развития (С. 303 и 304). Мы не будем здесь касаться вопроса о том, как надо понимать эти места «Анти-

Дюринга» в духе всех других работ Энгельса и Маркса. Заметим только, что Энгельс говорит здесь, разумеется, не об уничтожении разделения труда в *процессе производства*, а об уничтожении закрепленного, окостеневшего разделения людей по профессиям в обществе, а также о разделении труда, связанном с разделением на классы. Развитие производительных сил в том смысле ликвидирует старое разделение труда, что оно, с одной стороны, благодаря новой системе образования – о чем ниже, – делает возможным и легким переход от одной профессии к другой, а с другой стороны, освобождая от труда большую часть дня работника, делает для него возможным овладение наукой. Когда прибавочного продукта в обществе было мало, а весь день работника был занят физическим трудом, то за счет этого прибавочного продукта могли получать образование лишь немногочисленные группы эксплуатируемых классов. Наоборот, социалистическое, а еще больше коммунистическое общество, обеспечивая полностью материально *всех* работников, *всем* им обеспечивает и большой досуг, а тем самым *всем* им обеспечивает в области науки и искусства то, что было закрепленной фактической монополией эксплуатирующего меньшинства. Эта монополия теперь, т.е. в новом обществе, не только не является неизбежной и нужной, а, наоборот, делается препятствием для более быстрого развития техники, науки, производительных сил и самих производителей. Новое общество, писал Энгельс, «будет иметь своей предпосылкой более высокую ступень развития производства, при которой присвоение отдельными классами средств производства, продуктов, а вместе с тем политического господства, монополии на образование и умственное руководство будет не только излишним, но сделается, наоборот, преградой для политического, экономического и интеллектуального развития» (Там же. С. 304)¹².

В том же «Анти-Дюринге» и на ту же тему Энгельс писал еще следующее: «Место теперешней должна занять такая организация производства, при которой, с одной стороны, никто не сваливает на другого своей обязанности участвовать в производительной работе, в этой естественной предпосылке человеческого существования, а с другой стороны, производительный труд из орудия порабощения превращается в средство освобождения человека, поскольку он дает возможность каждому развить и проявить на деле во всех направлениях всю сумму его физических и умственных способностей, и потому из страдания превращается в наслаждение» (Там же. С. 317).

На ту же тему и в том же «Анти-Дюринге» Энгельс писал: «С точки зрения социализма, стремящегося ликвидировать превращение рабочей силы в товар, имеет огромное значение то положение, что труд не имеет стоимости, не может ее иметь. Вместе с этим отпадают всякие попытки, которые Дюринг унаследовал от стихийного рабочего социализма, регулировать распределение средств существования в будущем обществе, как своего рода более высокую заработную плату. Из этого же положения следует тот вывод, что над распределением, если его принципы определяются экономическими мотивами, должны господствовать интересы производства; для производства же будет наиболее выгоден такой способ распределения, который позволяет *всем* членам общества возможно более всесторонне развить, сохранить и использовать их способности. Для господина Дюринга, унаследовавшего привычные представления образованных классов, должно, конечно, казаться чудовищным, что не будет существовать ни извозчиков, ни архитекторов по профессии и что человек, который в течение получаса давал указания в качестве архитектора, будет затем некоторое время управлять повозкой, пока ему не потребуются снова перейти к работе архитектора. Хорош социализм, который увечивает работу извозчика в качестве профессии!» (Анти-Дюринг. С. 212–213).

Это замечательное место, где представление о будущем обществе в рассматриваемом нами пункте увязано с основной идеей Марксовой теории капитализма, с идеей ликвидации закона стоимости вместе с ликвидацией капитализма, представляет из себя яркую и точную принципиальную формулировку взглядов научного коммунизма на воп-

рос о ликвидации противоречий между наукой и трудом, на вопрос о ликвидации «холопской иерархии инвалидов при разделении труда». Но здесь Энгельс дает характеристику положения в коммунистическом обществе. Для нас же представляет огромный и злободневный интерес и другой вопрос, вопрос о том переходном пути развития, который должно пройти социалистическое общество, чтобы достигнуть этого конечного пункта. В частности, мы интересуем вопросом о том, почему на восьмом году пролетарской диктатуры мы так мало продвинулись вперед в решении рассматриваемой проблемы. Известный ответ мы можем получить из другого места у Энгельса, подходящего к той же проблеме с другой стороны. Рассматривая вопрос о разделении на классы с точки зрения разделения труда в обществе и с точки зрения размеров прибавочного продукта, Энгельс говорит: «Заметим здесь, кстати, что все существовавшие до сих пор исторические противоречия между эксплуатирующими и эксплуатируемыми, между господствующими и угнетенными классами, находят свое объяснение в той же относительно недостаточно развитой производительности человеческого труда. Поскольку действительно трудящееся население настолько поглощено своей необходимой работой, что у него не оставалось времени для участия в общественных делах общества – в руководстве трудом, в государственных делах, в суде, в искусстве, науке, и т.д., – постольку должен был всегда существовать особый класс, который был свободен от настоящего труда и выполнял эти функции; при этом он никогда не упускал случая, защищая свои интересы, сваливать на трудящихся все большее и большее бремя труда. И только связанный с развитием крупной промышленности огромный рост производительных сил позволяет распределить труд между всеми членами общества без исключения и благодаря этому настолько сократить рабочий день каждого, что для всех остается достаточно времени, чтобы принять участие в выполнении общественных функций, как в сфере теоретической, так и практической деятельности. Только теперь, поэтому, всякий командующий и эксплуатирующий класс сделался лишним, более того, сделался преградой для общественного развития, и только теперь он неумолимо будет устранен, хотя бы вся «непосредственная власть» находилась еще в его руках» (Анти-Дюринг. С. 130–131).

Это место из Энгельса дает нам основной, принципиальный ключ для ответа на поставленный выше вопрос. Если у нас в СССР существует диктатура пролетариата и юридический «каждая кухарка может управлять государством», то фактически пролетариат вынужден разрезать свое классовое тело на части по профессиям и на профессию управления и руководства трудом выделять наиболее подготовленный для этого, более развитый и более культурный авангард, используя также при этом старую интеллигенцию. Материальная нужда и сравнительно длинный, 8-часовой, рабочий день, связанные с низким уровнем производительности труда, а также унаследованный от старого строя низкий культурный уровень не дают возможности быстро двинуться вперед в деле ликвидации естественно складывающейся и на этом уровне объективно неизбежной «иерархии инвалидов». При таких условиях выделяемая пролетариатом и проходящая высшую школу рабочая интеллигенция, вместе со старыми руководящими кадрами, при отсутствии какой-либо формальной монополии на управление и руководство, неизбежно обособляется на основе разделения труда от рабочих у станка и все обратные переводы к станку, с одной стороны, и выдвижения новых групп рабочих в руководящий кадр долго еще останутся слабым паллиативом. Лишь быстрый рост промышленности и быстрое увеличение производительности труда в ней могут ускорить движение вперед по пути превращения производственно занятых рабочих в фактических руководителей государства и промышленности. Но к этому вопросу мы еще вернемся в главе о накоплении социалистической культуры и социалистических навыков к труду.

Мы не будем останавливаться на некоторых других местах из Маркса и Энгельса на ту же тему. Эта мысль ясна. Будущее общество, ликвидируя всю систему эксплуатации,

ликвидирует и противоречие между физическим трудом и наукой и тем самым ликвидирует и особую касту, особый цех деятелей науки. Каждый должен заниматься и физическим трудом и, в меру способностей и призвания, наукой. И каждый член общества, даже самый одаренный, должен знать, что ученым он может и не быть, а работником физического труда быть обязан.

В теснейшей связи с этой проблемой находятся взгляды Маркса на трудовое воспитание детей, на соединение при воспитании физического труда с обучением науке, взгляды, развитые как в «Капитале», так и в Программе I Интернационала. Ввиду того что эта сторона взглядов Маркса достаточно пропагандировалась у нас в СССР и достаточно известна не только педагогическим кругам, я не буду на ней здесь останавливаться. Суть взглядов Маркса на воспитание в связи с проблемой ликвидации противоречия между физическим и умственным трудом заключается в том, *что участие детей в производительном труде наряду с изучением науки есть лишь обратная сторона обучения наукам всех работников производительного труда.*

Вопросу о противоречии между городом и деревней все утописты, как мы видели, уделяли очень много внимания. Однако их заслуга заключалась скорее в постановке этого вопроса и в выяснении причин и отрицательных последствий этого разрыва, чем в открытии путей к преодолению его. Маркс и Энгельс также уделяли этому вопросу много внимания. Заканчивая в I-м томе «Капитала» главу о машинах и крупной промышленности, Маркс, с одной стороны, указал на прогрессивную сторону этого процесса, который накапливает в растущих городах «силу исторического движения общества», а с другой стороны, подчеркнул его отрицательные стороны, в том числе тот факт, что развитие городов за счет деревни «препятствует обмену веществ между человеком и землей» и ведет к деградации сельского населения. В том же «Капитале» Маркс дает яркую картину того отупения, к которому приводит оторванная от земледелия работа городского пролетария.

Энгельс в «Анти-Дюринге» также в нескольких местах касается этого вопроса. Он говорит о том, что «первое большое разделение труда, т.е. разделение труда между городом и деревней, приводит к разрыву самого человека. Жителя деревни это разделение лишает возможности умственного развития, а жителя города прикрепляет к однообразной работе, притупляет и лишает необходимых предпосылок для физического развития» (С. 314).

Описав последствия концентрации промышленности в городах, Энгельс пишет: «Только уничтожение капиталистического характера современной крупной промышленности может прорвать этот заколдованный круг, ликвидировать это вновь и вновь возникающее противоречие. Только то общество, которое распределяет свои производительные силы по единому, строго продуманному общему плану, в состоянии осуществить такое размещение индустрии по стране, какое будет в наибольшей степени соответствовать как ее собственному развитию, так и поддержанию, т.е. развитию остальных элементов производства» (Там же. С. 319). «Уничтожение противоречия между городом и деревней не только возможно, но оно стало прямой необходимостью для самого индустриального производства»... (С. 319–320). «Уничтожение разрыва между городом и деревней не является, таким образом, утопией даже и с точки зрения возможно более равномерного распределения крупной промышленности по всей стране. Несомненно, цивилизация в лице больших городов оставила нам наследство, для ликвидации которого требуется много времени и усилий. Но это наследство должно быть и будет ликвидировано, хотя бы это и был весьма длительный процесс» (С. 320).

Все эти положения Энгельса являются бесспорными для современного коммунизма, они вошли, в частности, и в программу РКП. Но один пункт мотивировки Энгельс-

са является спорным. В числе прочих доказательств возможности рассеяния крупной промышленности по стране он приводит тот факт, что «капиталистическая промышленность уже теперь сделалась относительно независимой от локальных границ места производства своего сырья» (С. 320), и приводит пример текстильной, отчасти металлургической промышленности с привозной рудой и т.д. Мне кажется, что первая задача научной социалистически-плановой организации производства в этом вопросе будет заключаться в возможном приближении промышленности к источникам сырья. И только под контролем этой задачи, и не для всех отраслей, можно будет ставить проблему равномерного распределения промышленности по стране. Энгельс смотрел на вопрос немного с английской, или европейской, точки зрения. Разумеется, если текстильное сырье везут в Англию с расстояния в 3000 верст, то вопрос о том, будет ли *при прочих равных условиях* текстильная фабрика на 50 верст ближе или дальше от источников сырья, не имеет существенного экономического значения. Но ведь при организации планового мирового социалистического хозяйства отнюдь не обязательно исходить из *сосредоточения промышленности в бывших капиталистических странах как непреложного и не подлежащего изменению факта*. Для мирового хозяйства самый вопрос стоит иначе. Дело здесь идет не о распределении по стране внутри высокопромышленных стран крупной индустрии, а о рассеянии высоко[развитых] промышленных концентратов по всему миру. Если для будущего общества необязательно жить в тех городах, которые настроил капитализм, подчиняясь экономическим законам своего существования и развития, то для него столь же необязательно поддерживать и сложившееся распределение промышленности между странами, которое также подвержено эволюции, как показал факт индустриализации колоний за время мировой войны. К этому вопросу мы еще вернемся в главе об экономике нашей промышленности, но уже не в общей постановке, а в связи с вопросом о наиболее целесообразном распределении государственной промышленности на территории СССР.

Перейдем теперь к вопросу об организации земледелия в социалистическом обществе и об отношениях между социалистическим хозяйством и мелким крестьянским производством.

Маркс неоднократно подчеркивал, что капитализм ведет хищническую политику по отношению к земле. Он говорил, что «всякий прогресс в капиталистическом земледелии есть прогресс не только в искусстве подвергать рабочего ограблению, но вместе с тем в искусстве ограбления почвы, всякий прогресс во временном повышении ее плодородия есть в то же время прогресс в разрушении постоянных источников этого плодородия» (Капитал. Т. 1. С. 507).

В третьем томе «Капитала» он писал: «Совершенно консервативные агрикультурхимики, как, например, Джонстон, признают, что действительно рациональное земледелие на каждом шагу наталкивается на непреодолимые помехи, полагаемые частной собственностью... Но агрикультуре, которой приходится считаться прежде всего с совокупностью постоянных потребностей и сменяющихся человеческих поколений, противоречит и зависимость культуры особых земледельческих продуктов от колебания рыночных цен, и постоянное изменение этой культуры при таких колебаниях цен, и весь дух капиталистического производства, направленные на непосредственную, возможно быструю денежную выгоду» (Капитал. Т. 3. Ч. 2. С. 157–158, примечание).

Но общественный контроль над производством сырья и продуктов питания при капитализме невозможен.

«Всякая мысль о совместном, решительном и дальновидном контроле над производством сырого материала – контроле, который в общем и целом совершенно несовместим с законами капиталистического производства и потому всегда остается платоническим благопожеланием или ограничивается исключительно совместными действиями

капиталистов в моменты большой непосредственной опасности и беспомощности, – уступает место вере, что предложение и спрос будут взаимно регулировать друг друга» (Капитал. Т. 3. Ч. 1. С. 96–97).

А отсюда, а также и по другим мотивам Маркс делает вывод о том, что при капитализме рационализация земледелия на основе использования всех данных науки и техники невозможна.

«Мораль истории, которую можно извлечь также из непосредственного исследования земледелия, заключается в том, что капиталистическая система противодействует рациональному земледелию, или, другими словами, рациональное земледелие несовместимо с капиталистической системой (хотя последняя и благопрियтствует его техническому развитию) и требует или руки мелких самостоятельных работающих крестьян, или же контроля ассоциированных производителей» (Капитал. Т. 3. Ч. 1. С. 98).

Это знаменитое место из «Капитала» народники и оппортунисты всех стран не раз цитировали для доказательства того, что и Маркс считал невозможной полную победу крупного производства над мелким в земледелии и признавал возможность и экономическую целесообразность существования мелкого самостоятельного крестьянского хозяйства. На самом же деле для всякого, кто знаком с основным ходом мысли Маркса, очевидно, что это место из Маркса есть аргумент *не за мелкое крестьянское хозяйство, а против капитализма*. К числу прочих аргументов против капитализма прибавляется добавочный аргумент против капитализма в земледелии и тем самым аргумент за социалистическую организацию последнего.

Что же касается взаимоотношений между социалистическим производством и мелким крестьянским хозяйством после пролетарской революции, то в своей брошюре «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» Энгельс писал: «Каково же наше отношение к мелкому крестьянству? И как нам придется с ним поступать, когда государственная власть очутится в наших руках?

Во-первых, безусловно правильно следующее положение французской программы: мы заранее предвидим неизбежную гибель мелкого крестьянина, но ни в коем случае не призваны ускорять ее каким-либо вмешательством с нашей стороны.

А во-вторых, точно так же очевидно, что, обладая государственной властью, мы не будем думать о том, чтобы насильно экспроприировать мелких крестьян (с вознаграждением или нет, это безразлично), как это мы вынуждены будем сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам состоит прежде всего в том, чтобы их частное производство и частную собственность перевести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели. И тогда у нас, разумеется, будет достаточно средств, чтобы предоставить крестьянину все преимущества, которые и теперь уже должны быть ему разъяснены» (Энгельс. Крестьянский вопрос. Под ред. Плеханова. Пг.: Госиздат. С. 37). И далее, указав на неизбежность гибели самостоятельного крестьянского хозяйства при капитализме, Энгельс пишет: «Так теперь обстоит дело, и вот являемся мы и даем крестьянам возможность ввести самим крупное производство не за капиталистический, а за их собственный общий счет. Неужели нельзя дать понять крестьянам, что это в их собственных интересах, что это их единственное средство спасения?» (Там же. С. 38).

Энгельс писал эти строки, во-первых, до начала пролетарской революции, во-вторых, исходя прежде всего из положения пролетариата в индустриальных странах. Он не мог знать о массе новых *добавочных* проблем, которые встают при решении крестьянского вопроса перед пролетариатом, осуществляющим диктатуру и социалистическое строительство в *крестьянской*, а не в промышленной стране. Но тем не менее общая принципиальная постановка Энгельса оправдалась полностью на опыте нашей револю-

ции и, как увидим ниже, Ленин часто ссылался на приведенный взгляд Энгельса для обоснования политики РКП по отношению к деревне.

Наше изложение взглядов Маркса и Энгельса на будущее общество слишком затянулось. Мы можем пока на этом кончить, чтобы ниже, однако, еще вернуться к некоторым местам из их работ. Мы познакомились здесь с коммунистическими взглядами на социализм Бланки и революционного марксизма. В дальнейшем мы проследим развитие этих взглядов у коммунистов другой эпохи, т.е. у большевиков, как за время военного коммунизма, так и за период нэпа.

Но перед этим, следуя взятому нами хронологическому методу изложения, нам придется исследовать представления о социализме II Интернационала, различных ветвей синдикализма и немецкой литературы о социализме.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Коммунизм не утопия. Он продукт нормального развития и не состоит в родстве с тремя или четырьмя системами, вытупившимися в готовом виде из фантазирующих мозгов» (*Critique sociale*. Т. 1. P. 198).

² Писано Бланки в 1865 г.

³ Бланки – сторонник распределения земли по рабочей силе. «Труд, – говорит он, – дает право лишь на такой участок, который может быть обработан лишь самим владельцем» (*Critique sociale*. Т. 2. P. 47).

⁴ Та оценка, которую давал бланкизму сам Маркс, существенным образом отличается от традиционной филистерской критики бланкизма представителями с[оциал]-д[емократического] оппортунизма.

⁵ Briefwechsel. Т. 4. S. 378.

⁶ Интересно, что в первом наброске «Манифеста», сделанном Энгельсом, т.е. в «Grundsätze des Kommunismus», этот пункт гласит так: «Постепенная экспроприация крупных землевладельцев, фабрикантов, владельцев ж.д. и пароходов, частью путем конкуренции с ними государственной промышленности, частью прямо, с вознаграждением их бумажными деньгами» (Moskau, 1918).

⁷ Интересно вспомнить в связи с этим следующее место из статьи Энгельса против буржуазного радикала Гейнцена, написанной в 1847 г.: «Все мероприятия с целью ограничения конкуренции, с целью ограничения скопления больших богатств в руках немногих, всякое ограничение или упразднение права наследства, всякая государственная организация работы – все эти мероприятия в качестве революционных мероприятий не только возможны, но и необходимы. Они возможны потому, что весь восставший пролетариат стоит за ними и вооруженной рукой охраняет их. Они возможны, несмотря на все выдвинутые против них экономистами затруднения. Все эти затруднения заставят только пролетариат идти все дальше и дальше до полного упразднения частной собственности. Пролетариат вынужден будет это сделать, чтобы не потерять снова того, что было им уже завоевано. Они возможны как подготовительные мероприятия, как переходные, промежуточные ступени к управлению частной собственностью, но только в качестве таковых» (Коммунисты и К. Гейнцен. Опубликовано Д.Б. Рязановым в «Под знаменем марксизма» за 1923 г. № 4–5. С. 12).

⁸ Кстати, следует напомнить о замечательном прогнозе Энгельса насчет неизбежности мировой империалистической войны, сделанном в примечании ко 2-й части третьего тома «Капитала» (С. 28).

⁹ См., например, интересную работу нашего видного инженера и работника Госплана Горева об электрификации во Франции.

¹⁰ Совершенно ясно, что дело здесь идет о стоимости в ином смысле слова.

¹¹ Очень важно и место в «Капитале» страницей выше, кончающееся строками: «...банки и кредит становятся в одно и то же время и самым сильным из средств, выводящих капиталистическое производство за его собственные пределы, и одним из самых могучих очагов кризисов и спекуляций» (С. 147–148). См. также о роли кредитной системы при переходе к социализму в открытом письме К. Маркса о Прудоне (*Socialdemocrat*. 1865).

¹² Это относится также и к ликвидации неравенства между полами. Энгельс напоминает в «Анти-Дюринге» о глубокой мысли Фурье, что степень эмансипации, которой достигает женщина в той или иной системе общества, служит мерилем его общей эмансипации (С. 278).

[Г Л А В А 3]

ФРАНЦУЗСКИЙ СИНДИКАЛИЗМ

При изучении социалистических представлений о социализме мы не можем обойти взглядов на этот вопрос как французского синдикализма, так и его английской ветви, т.е. гильдейского социализма. В этом нашем исследовании нам придется говорить не только о конкретных представлениях синдикалистов о будущем обществе на другой день после социальной революции, но также и о взглядах синдикалистов на пути выхода из капиталистического общества, т.е. рассмотреть синдикалистскую теорию революции. С этой точки зрения в нашем исследовании о синдикализме придется затронуть не только проблемы, непосредственно касающиеся нашей темы, но и некоторые политические проблемы. Кроме того, мы должны заметить, что при оценке взглядов французского синдикализма на будущее общество нам придется оперировать не только всем тем, что написано было теоретиками синдикализма на эту тему *до мировой войны*, но также и сказать несколько слов об отношении некоторых синдикалистов к русской революции и к советской системе. Это интересно сделать не только потому, что русские читатели мало, например, знают об отношении к русской революции таких теоретиков синдикализма, как Сорель, Берт и т.д., но и потому, что отношение синдикализма к мировой войне и русской революции играет огромную роль для историко-социологического анализа этого течения в рабочем движении.

Как и в предыдущих наших исторических очерках, мы остановимся только на основных моментах синдикалистской идеологии и привлечем к рассмотрению лишь наиболее видных представителей франко-итальянского и английского синдикализма.

Французский синдикализм в некоторых отношениях был, во-первых, реакцией на поражение французской Коммуны, потому что означал сворот с пути борьбы за диктатуру пролетариата. С другой стороны – французский синдикализм был реакцией против реформизма и оппортунизма в рабочем движении Запада, реакцией, которая заслуживает теперь, после краха II Интернационала, нового анализа и отчасти новой оценки.

Любопытно отметить, что первый рабочий конгресс во Франции, собравшийся 2 октября 1876 г. в Париже, принял, между прочим, следующую резолюцию: «Мы хотели, чтобы конгресс был исключительно рабочим и каждый понял наши соображения. Не нужно забывать, что все системы, все утопии, с которыми обращались к работникам, никогда не исходили от них самих; все они исходили от буржуазии, имевшей, без сомнения, благие намерения, но искавшей лечение от наших зол в идеологических конструкциях вместо того, чтобы исходить из наших потребностей и из реального положения вещей. Если бы мы не решили в качестве совершенно необходимой меры, что надо быть

рабочим, чтобы говорить и вотировать на конгрессе, мы снова видели бы перед собой повторение того, что происходило в другую эпоху, т.е. мы имели бы дело с конструкторами буржуазных систем, которые лишь мешали бы нашим дебатам и придали бы им характер, который мы всегда отвергали»¹.

Что синдикализм представлял из себя реакцию на поражение французской Коммуны, это видно не из того, что он отворачивался от интеллигентов-реформистов и выходцев из буржуазных кругов, но из того, что он отбрасывал от себя и революционные элементы рабочего движения, стремившиеся к захвату власти. Синдикализм отрицательно относился не только к реформизму, но и к бланкизму, о родстве которого с большевизмом мы говорили уже в следующей главе.

Что касается синдикалистской реакции против реформизма, то она приобретала тем более яркий, отчетливый характер, чем больше оппортунистическими делались социалистические партии, входившие в II Интернационал, чем больше лезли к министерским портфелям ренегаты от социализма типа Мильерана, Вивiani, Бриана и т.д.

Основные элементы теории французского синдикализма сводятся к следующим положениям:

1) Будущее общество, созданное в результате уничтожения капиталистической системы и построенное на основе самоуправляющихся синдикатов, даст гораздо больший простор развитию производительных сил, чем капитализм.

2) Выйти из капитализма рабочий класс может лишь в результате ожесточенной классовой борьбы. Эта борьба должна вестись не на базе теперешней политической системы, не внутри ее, не путем использования ее институтов (как, например, парламентаризма), а вне ее. Современное буржуазное государство должно быть не преобразовано, а разрушено.

3) В теперешних условиях революционной борьбы методы баррикадной борьбы были бы осуждены на кровавый неуспех. Единственным методом специфически пролетарской борьбы является всеобщая стачка, которая позволяет рабочему классу реализовать всю его мощь, как производителя.

4) Современный парламентский социализм есть не орудие пролетарской борьбы за новую систему общества, а борьба одной части буржуазного общества с другой из-за власти. Рабочий класс должен держаться в стороне от этой борьбы.

5) Революционный синдикализм, выступая против буржуазного государства и стремясь его разрушить, тем самым вступает на путь антимилитаризма и антипатриотизма.

6) В области теории революционный синдикализм объявляет себя школой *нео-марксизма*, употребляя выражение Сореля, или *марксистским синдикализмом*, по терминологии итальянского синдикалиста Оливетти. Он стремится взять «все революционное, что есть у Маркса», освободив его учение от оппортунистических искажений парламентского социализма. С другой стороны, он «дополняет и исправляет» Маркса, соединяя его с Прудоном и исходя из опыта революционного синдикалистского движения.

7) Структуру будущего общества синдикализм представляет себе в форме добровольной кооперации синдикатов, руководящих производством каждый в своей отрасли. Принудительная капиталистическая дисциплина сменяется рабочим самоуправлением на фабриках.

8) Почти все синдикалисты (за исключением итальянца Леоне) отрицают всякий переходный период от капитализма к социализму и отрицают также какое бы то ни было рабочее государство переходного типа.

Остановимся теперь более подробно на некоторых из этих положений.

Против государства

Необходимо прежде всего отметить, что в довоенный период деятельности II Интернационала именно синдикалистам принадлежит заслуга защиты Марксовой теории государства в том пункте, где дело идет о неизбежном разрушении капиталистического государства в результате социалистической революции. Синдикалисты неправильно усвоили *общую теорию* Маркса о государстве, но в отношении *буржуазного* государства они стояли тогда на позиции гораздо более близкой к революционному марксизму, чем огромное большинство «ортодоксальной» социал-демократии из II Интернационала. В этом можно убедиться хотя бы из следующих двух-трех цитат. Вот что пишет, например, о государстве главный теоретик французского синдикализма Сорель в своих «Размышлениях о насилии»: «Синдикалисты не предлагают реформировать государство, как это предлагали люди XVIII в. Они хотят его уничтожить, потому что хотят реализовать мысль Маркса о том, что социалистическая революция не должна окончиться заменой одного правящего меньшинства другим. Синдикалисты еще более резко выявляют свою доктрину, они дают ей более отчетливое идеологическое обоснование, когда, следуя Коммунистическому манифесту, объявляют себя также антипатриотами»².

На ту же тему другой видный французский синдикалист и ученик Сореля, Эдуард Берт, пишет: «Отрицание армии и отечества со стороны революционного синдикализма означает окончательный разрыв рабочего класса с государством; гедистская идея завоевания государства с целью разрушить капитализм является чудовищной иллюзией. Вопрос стоит теперь совсем не так, чтобы воспользоваться государством против класса капиталистов, а чтобы одним ударом свалить государство и капитализм, ибо государство является лишь простым продолжением капиталистического патроната, и в качестве хозяина оно еще более тиранично, чем частные хозяева, потому что оно собирается отказаться в праве стачек своим служащим и делает из своих общественных функций настоящее общественное рабство»³.

Пуже говорит о «сведении государства к нулю»⁴.

Разумеется, не все синдикалисты отрицают государство по таким же мотивам, по каким его отрицает революционный марксизм. Синдикалисты, вышедшие из анархической среды, совсем иначе мотивируют этот пункт. Возьмем для образчика Пеллютье. В своей «Истории бирж труда» он пишет на эту тему следующее: «Люди, которые верят в государство-провидение и для которых «научный социализм» состоит в государстве-патроне, испытывают известную антипатию к свободным ассоциациям людей, где администрируемые дискутируют чаще, чем это допускается для сохранения спокойствия администраторов»⁵.

Эта мотивировка необходимости разрушения государства носит анархический, индивидуалистический характер и не имеет ничего общего с марксизмом. Но нужно заметить, что анархисты типа Пеллютье находились в меньшинстве среди теоретиков синдикализма, большинство которых в той или другой степени было заражено марксизмом.

Против парламентаризма

В теснейшей связи с этими общими взглядами синдикалистов на государство находится их позиция в вопросе о парламентской борьбе, а также в вопросе о захвате власти пролетариатом.

Синдикалисты красноречиво доказывали, что парламентские социалисты не имели ничего общего с рабочей революцией и с рабочим социализмом и представляли в своей борьбе лишь столкновение одной части буржуазного общества с другой.

«Все депутаты говорят, что никто так не походит на представителя буржуазии, как представитель пролетариата», – говорил Сорель⁶.

Еще более ярко выразил эту мысль Лягардель в статье «Мангейм, Рим и Амьен», сказавши: «Социализм, руководимый компромиссами Жоресов или революционными фразами Гедов, не порывает с капиталистическим миром, а прирастает к нему»⁷.

Противопоставляя парламентской борьбе социалистических партий пролетарский характер синдикалистского движения, Лягардель писал: «Разрыв между буржуазным обществом и рабочим движением происходит в действительности только на почве производства. Именно в качестве производителя промышленный рабочий возмущается против капиталистической системы производства и того социального порядка, который им порожден; равным образом в качестве производителя он создает новые учреждения, свергая традиционные системы морали и права». Противопоставляя далее «рабочего от станка» мелкобуржуазному интеллигенту, выходцу из другого класса, Лягардель пишет: «Социализм классовой борьбы стремится к разрыву между миром капиталистическим и миром рабочим. Основной вопрос состоит, следовательно, в том, чтобы определить – на какой почве происходит этот разрыв. Синдикализм отвечает, что он происходит исключительно на экономической почве. В мастерской, в синдикате, в стачке синдикализм восстает против патроната и его опоры – государства. В этом возмущении он вырабатывает новое рабочее право, которое является антитезой права капиталистического и которое уничтожает иерархическое разделение на хозяев и рабов. На других почвах разрыва нет. Тут происходит слияние рабочего, который смешивается с буржуазией или мелким буржуа в политических комитетах, в философских, литературных или артистических обществах, принадлежит к общей жизни современного общества и тем самым сливается с ним»⁸.

Синдикалисты не только против парламентской борьбы, они против политической борьбы вообще, они против создания политической партии пролетариата, так как, по их мнению, политические партии объединяют людей по убеждениям, а не по классу, следовательно, людей разных классов. Только синдикаты, как производственные организации, являются единственными классовыми организациями пролетариата. Синдикалисты не только против политической борьбы и парламентской, в частности, но и против всякой борьбы за захват власти пролетариатом.

С этой точки зрения интересно следующее место из Сореля: «Все люди моего возраста⁹ находились под сильнейшим впечатлением тех несчастий, которые вызвало неблагоприятное революционером, овладевших правительственной властью в покинутом Тьером Париже. И, однако, лидеры Коммуны стояли значительно выше террористов 1793 г.»¹⁰.

Далее Сорель говорит, что если такому типу, как Мильеран, дать власть в руки, то это может иметь катастрофические последствия. Сорель не может себе представить иного «захвата власти», кроме перехода ее к Мильеранам. Но и к бланкизму он, как и другие синдикалисты, относился совершенно отрицательно. Он полагал, что «ничего великого не может получиться от рабочего движения, руководимого политиками»¹¹.

Еще энергичнее писал на эту тему Пеллютье в 1899 г. в своем письме к анархистам: «Мы являемся революционерами всегда и во всем, людьми действительно без бога, хозяина, отечества, непримиримыми врагами всякого деспотизма морального и физического, индивидуального или коллективного, т.е. врагами всяких законов и диктатур (в том числе и диктатуры пролетариата) и страстными приверженцами культуры soi-même»¹².

Я привел эти цитаты из отдельных синдикалистских авторов не затем, чтобы подвергать их обсуждению. Правильность синдикалистской критики, направленной против оппортунистического парламентаризма и оппортунистического социализма вообще, подтверждена позорной историей II Интернационала¹³.

Неправильность синдикалистских позиций в вопросе о политической борьбе вообще и о диктатуре пролетариата в частности опровергнута опытом русской революции.

Я остановился на этой части взглядов синдикалистов только потому, что они теснейшим образом связаны с их общей теорией революции, т.е. с теорией выхода из капиталистического общества. А эта последняя теория неразрывно связана с их представлениями о социалистическом обществе на другой день после переворота.

Выход из капитализма. Всеобщая стачка

Предложение о всеобщей стачке было впервые выдвинуто Пеллютье и принято на Турском конгрессе федерации рабочих социалистов Запада (бруссистов). Отвергнутая социалистическими конгрессами идея всеобщей стачки, наоборот, была подтверждена конгрессами синдикалистов, и в том числе знаменитым Амьенским конгрессом. Мы видим, таким образом, что если все основные аргументы против участия социалистов в парламенте, какие мы встречаем в догме французского социализма, были выдвинуты еще в 1878 г. механиком Балливе (Ballivet) на рабочем конгрессе в Лионе, и если, таким образом, синдикалистский антипарламентаризм, несомненно, рабочего происхождения, то идея всеобщей стачки выдвинута интеллигентом Пеллютье. Но это, разумеется, не значит, что эта идея вообще была только интеллигентского происхождения. Эта идея находилась в теснейшей связи с отрицанием парламентской, а главное, вообще политической борьбы, реакцией, которая наступила во французском рабочем движении после кровавой неудачи Коммуны. А всеобщая стачка и есть способ уклониться от политической борьбы с буржуазным государством и капитализмом и заменить вооруженное восстание гораздо более легким и гораздо менее рискованным скрещиванием рук. С этой точки зрения всеобщая стачка, которую синдикалисты внешне обставляли весьма революционной фразеологией, была, несомненно, шагом назад не только по сравнению с позицией революционного марксизма, но и по сравнению с французским бланкизмом и с практикой Коммуны.

Посмотрим, однако, каким образом сами синдикалисты мотивировали в защиту этого единственно верного, с их точки зрения, орудия борьбы за социализм.

Послушаем сначала Сореля, который дал наиболее законченное обоснование идеи Пеллютье.

«Социальная революция, — пишет он, — представляет из себя развитие той войны, по отношению к которой каждая большая стачка представляется только отдельным эпизодом; вот почему синдикалисты говорят о такой революции на языке стачек; для них социализм сводится к идее, к ожиданию, к приготовлению всеобщей стачки, которая подобно наполеоновской битве должна уничтожить весь осужденный на смерть режим»¹⁴.

И далее, в другой своей работе — «Социалистическое будущее синдикатов», Сорель писал о всеобщей стачке, что она «наиболее ясным способом выражает тот факт, что времена политических революций кончились и что поэтому пролетариат не позволит конструироваться новой иерархии... Защитники всеобщей стачки способны заставить исчезнуть все то, что занимало старых либералов: красноречие трибунов, искусство управлять общественным мнением, комбинации политических партий. Все это было бы от старого мира, а разве социализм не утверждал, что он способен создать новое общество? Ни один социалистический писатель, слишком пропитанный буржуазными традициями, не способен, однако, понять подобного *анархического безумия*; он спрашивает себя — а что должно последовать за всеобщей стачкой? Ничего другого, кроме общества,

организованного согласно самому плану производства, т.е. истинного социалистического общества»¹⁵.

Мы просим читателя заметить последнюю часть этой цитаты, которая нам будет нужна несколько позже и в которой Сорель говорит о внезапности перехода от капиталистического общества к полному социализму. А пока остановимся на других формулировках идеи всеобщей стачки.

В резолюции Турского конгресса, о котором мы уже упоминали выше, мы читаем следующее: «Среди мирных и легальных средств... есть одно, которое должно ускорить трансформацию в области экономической и обеспечить, не вызывая возможности реакции, победу четвертого сословия. Этим средством является всеобщее и одновременное прекращение производства, т.е. всеобщая стачка, которая, даже если она будет продолжаться в течение непродолжительного времени, способна привести рабочую партию к осуществлению требований, сформулированных в ее программе»¹⁶.

Из этого обоснования всеобщей стачки мы можем усмотреть с полной очевидностью основные мотивы, которые лежали в основе предлагавшегося метода борьбы. Основной мотив, совершенно не затушеванный в этой резолюции, говорит о достижении успеха революции путем употребления вполне «легального» средства – всеобщей стачки. От этой резолюции веет такой же реакцией на поражение коммунаров, которую мы могли видеть в вышеприведенной цитате из Сореля по вопросу о политической борьбе и захвате власти.

Сорель различает всеобщую стачку, которая усиливает позицию одних политиканов против других, от всеобщей стачки, имеющей целью победу над всем буржуазным обществом. К первому разряду он относит бельгийскую стачку в защиту всеобщего избирательного права. Он против такого централизованного синдикалистского движения, которое помогает пользоваться силой организованных рабочих парламентским социалистам для их политических целей, в то время как «народ остается всегда мирным животным, носящим вьючное ярмо».

Синдикалисты высказывались всегда против создания политической партии пролетариата, которая существовала бы вне синдикатов. Но это не значит, что борьбу за социализм и, в частности, период непосредственной схватки с капитализмом они рассматривали только как борьбу всей массы рабочих, без выделения при этом в пролетариате более передовых элементов. В своей работе «Размышления о насилии» Сорель упоминает о немногочисленных избранных элементах рабочего класса, которые ведут классовую борьбу, когда вся масса еще не поднялась. Он пишет: «Это те, которые двигают вперед пролетарскую мысль, создавая такое идеологическое единство, в котором пролетариат нуждается, чтобы завершить свое революционное дело»¹⁷. На эту же тему Берт в статье «Анархизм и капитализм» пишет: «Революционный синдикализм предлагает, разумеется, в качестве психологического условия, необходимого и предварительного, формирование избранных рабочих кадров (*élite ouvrière*), воодушевленных тем энтузиазмом, который царил в армиях республики»¹⁸. Сорель приписывает классовой борьбе ту заслугу, что она порождает эти избранные рабочие кадры, напоминающие художников средних веков, конструкторов соборов или солдат 1792 г.

Здесь мы видим синдикалистский зародыш мысли о политической партии, объединяющей авангард пролетариата. Изгнав эту партию из одного окна, синдикалисты вынуждены впустить ее в другое. Но эта маленькая поправка на партию несколько, разумеется, не спасает их всеобщей стачки от основного ее порока – от бесконечной утопичности по части ожидаемых результатов.

Но прежде чем перейти к дальнейшему развитию этих синдикалистских утопий в их представлениях о социализме, мы хотим здесь привести одно место из Сореля, которое, с одной стороны, касается вопроса о всеобщей стачке, а с другой стороны,

затрагивает одну чрезвычайно важную проблему социалистической теории, с которой нам придется иметь дело в дальнейшем.

В своих «Размышлениях о насилии» Сорель пишет: «Всеобщая стачка является тем, что я сказал – мифом, в котором заключается весь социализм, т.е. организацией образов, способных вызвать инстинктивное чувство, которое соответствует различным проявлениям войны, начатой социализмом против современного общества. Стачка пробуждает в пролетариате чувства наиболее благородные, наиболее глубокие, наиболее активные, какими только он обладает. Всеобщая стачка группирует эти чувства в одно целое и, соединяя их, сообщает каждому из них максимум интенсивности»¹⁹.

Всеобщие стачки, как удачные, так и неудачные, отнюдь не являются мифом. Они случались не раз в прошлом и, вероятно, будут иметь еще место в будущем. Но всеобщая стачка, которая могла бы ниспровергнуть капитализм и буржуазное государство, не перерастая в восстание, действительно является мифом, но уже не в сорелевском, а в самом настоящем смысле слова. Таких стачек не было и не будет.

Но если Сорель ошибался со всеми синдикалистами в вопросе всеобщей стачки, как в единственном средстве для революционного переворота, он в данном случае наткнулся на верную и глубокую мысль о чрезвычайно важном организующем значении стачки для рабочего класса с точки зрения построения будущего общества. В сущности, стачка, как величайшей важности феномен не столько для реконструкции капитализма, сколько для конструкции социалистического начала внутри капиталистического общества, еще ждет специального социологического исследования. В стачке, с одной стороны, проявляется, с другой стороны – крепнет новая система отношений между производителями, резко противоположная системе отношений товарного хозяйства, в том числе системе отношений, слагающихся на базе капиталистической конкуренции. Ниже мы еще вернемся к этому вопросу, когда будем говорить о новых стимулах к труду при социализме и о новом принципе взаимоотношений между отдельным работником и коллективом²⁰.

О подготовке к новому обществу в недрах старого

Поскольку синдикалисты считали возможным внезапный переход от капитализма к социализму и с этой точки зрения приписывали чудодейственный эффект всеобщей стачке, они, естественно, должны были задуматься над вопросом о том, каким образом возможна фактически эта внезапная трансформация, которая предполагает неизбежно глубокое и быстрое преобразование всей психологии современного рабочего класса. Отсюда их внимание к вопросу о назревании социальной революции в рамках самого капитализма. Отсюда все их надежды на то, что уже внутри капитализма синдикаты проделают такую эволюцию, которая сделает их способными не только совершить переворот, но и построить социалистическое общество на другой день после переворота. На эту тему в резолюции знаменитого Амьенского конгресса синдикатов, состоявшегося в 1906 г., мы находим следующее место: «Синдикат, являющийся в настоящее время организацией рабочего сопротивления, явится в будущем производственно-распределительной организацией, основой социального переустройства». В этом же смысле итальянский синдикалист Леоне в своей работе «Синдикализм» писал: «В недрах этих новых органов социального преобразования, которые мы имеем в лице профессиональных союзов, формируется способность технических и политических навыков, необходимых для ведения материального производства на социальном базисе, резко отличном от современного»²¹.

У Эдуарда Берта мы находим на эту тему следующие строки, которые, между прочим, показывают, как велики были разногласия по основным вопросам внутри самих синдикалистов и как велика была дистанция, которая отделяла идеологию того же Пел-

лютье от мировоззрения Берта и Леоне. В своей работе «Идеология производителей» Берт писал: «Благодарность, которую синдикализм питает к капитализму, относится не только к созданным им материальным богатствам, но, главным образом, к моральной и духовной перемене, произведенной им в недрах рабочих масс; железной дисциплиной капитализма рабочие были вырваны из своей первобытной линии и индивидуалистического анархизма и сделались способными к коллективному, все более совершенствующемуся труду». Капиталистическое принуждение было необходимо, ибо оно «дисциплинировало человечество и сделало его способным возвыситься до свободного добровольного труда»²².

На эту же тему Сорель пишет в «Размышлениях о насилии»: «Гражданская война, которую пролетариат неустанно prepares в недрах синдиката, способна создать элементы новой цивилизации производителей». Развивая в разных местах своих работ ту же мысль и доводя до апогея и свою утопию, Сорель договаривается до утверждения, что пролетариат в состоянии проделать значительную часть работы по уничтожению современного общества уже в недрах самого этого общества. Пролетариат должен, по его мнению, «использовать влияние, которое он приобретает как в общественном мнении, так и во власти, чтобы закрепить существующие отношения политической организации, вырвать у государства и у муниципалитета одну за другой все их функции, чтобы обогатить ими формирующийся пролетарский организм, т.е. прежде всего синдикат»²³.

На эту же тему фантазировали и другие идеологи синдикализма. Особенно усердствовал в этом путаный и плоский Лабриола, который в своей работе «Реформизм и синдикализм» мечтал об организации синдикатов, охватывающих всех рабочих данной отрасли, заключающих соглашение с предпринимателями от имени рабочих, получающих за синдицированных рабочих зарплату от предпринимателей, с тем чтобы распределять эту коллективную зарплату между организованными в синдикаты рабочими по принципу «справедливости».

Построив такое государство в государстве, Лабриола мечтает дальше об аренде такими синдикатами капиталистических фабрик и о других способах оттеснения капиталистов от экономической власти.

Реформистский характер подобных фантазий, еще более характерный, как увидим ниже, для гильдейского социализма, ничем не отличается от реформистских иллюзий парламентских социалистов, которые удерживали рабочий класс от революционной борьбы, успокаивая его надеждами на то, что Мильераны, Бернштейны, Каутские и т.д. окажутся в большинстве в парламенте и принесут избавление рабочему классу.

Переходный период к коммунизму

Переходим теперь ко взглядам синдикалистов на то, что мы называем *переходным* периодом. Формулировки синдикалистов здесь большей частью негативного характера, начиная с отрицания самой принципиальной возможности что-либо сказать об этой эпохе.

Сорель проявляет внешне научную осторожность, переходящую в рисовку, когда говорит, что «переход от капитализма к социализму надо мыслить себе как катастрофу, процесс которой ускользает от описания»²⁴.

Однако никто из синдикалистов, не исключая самого Сореля, не остался верен этой заповеди воздержания, когда дело шло о полемике против идеи диктатуры пролетариата. Сорель полагает, что весь этот эпизод ускользает от описания, ускользает от предвидения: это не относится только к его предвидению насчет того, что этот период будет исключать какую бы то ни было организацию рабочей власти²⁵. Он пишет на эту тему в

цитированном труде следующее: «Допуская также, что диктатура пролетариата должна продолжаться долго и исчезнуть, уступая в конце концов место анархическому обществу, нам забывают объяснить, как это может все произойти. Царский деспотизм не пал сам собой или вследствие доброты суверена; нужно быть очень наивным, чтобы предполагать, что люди, которые воспользуются демагогической диктатурой, легко откажутся от ее выгод»²⁶. Итальянец Оливетти, вторя Сорелю, пишет: «Идея государственного социализма обрисовывает нам уже теперь новую аристократию завтрашнего дня в виде централизованной бюрократии, руководящей распределением богатств, и в виде интеллигенции буржуазного происхождения, господствующей благодаря своей высокой культуре и своим административным и организаторским способностям... Поставьте избранных рядом с аморфной, неорганизованной массой и у вас снова появится новое классовое господство»²⁷.

Леоне пишет о французской Коммуне: «Коммуна... этот славный эпизод пролетарской революции, заставил убедиться наконец даже наиболее ярких поклонников творческой силы пролетарской власти в тщетности всякой исключительно политической революции, т.е. революции, которая не является выражением предшествовавшего созревания в подчиненном классе технико-экономических способностей к ведению производства»²⁸.

Впрочем, справедливость требует отметить, что Леоне, синдикалист, наиболее близкий к марксизму из всех других, считает тем не менее неизбежной организацию пролетарской власти в переходный период. У него мы находим следующее интересное место, которое можно рассматривать как начало перехода синдикализма на марксистскую позицию в вопросе о диктатуре пролетариата, перехода, который некоторые революционные синдикалисты проделали гораздо более решительно в результате мировой войны и русской революции. Леоне пишет: «В результате всеобщей стачки буржуазное государство окажется лишенным всякой власти, всякой санкции на новую пролетарскую власть, которая в продолжение периода революционного перехода должна будет принять характер политического органа»²⁹.

Мы не будем здесь останавливаться на синдикалистской критике теории пролетарской диктатуры. Весь этот вопрос уже решен историей. Что же касается опасности создания новой аристократии при диктатуре пролетариата, опасности, на которую указывали часто синдикалисты, то, разумеется, тенденции в этом направлении могут существовать при медленном развертывании производственных и культурных успехов социализма. Но к этому вопросу мы вернемся несколько ниже.

Мы должны остановиться здесь еще на двух местах из Сореля, где он высказал, с одной стороны, верную, с другой стороны – неверную мысль. Сначала о неверной мысли. С некоторой долей революционного кокетства Сорель упрекает французскую буржуазию в том, что она разложена пацифизмом и неспособна защищать интересы своего класса. Он как бы жалел об этой слабости буржуазии, которая с этой стороны не дает достаточно толчков к пробуждению классовой борьбы пролетариата. Сорель как бы провоцировал буржуазию к более энергичной защите капитализма. Давно прошли времена, когда все это писалось. Горе коммунизма оказалось в 1917–1925 гг. не в том, что европейская буржуазия была слаба, а в том, что она оказалась гораздо сильнее и способнее к сопротивлению, чем русские капиталисты в 1917 г. В тесной связи с этой концепцией стояла у Сореля мысль о том, что социальная революция не может победить в период экономического декаданса буржуазного общества. В этом пункте Сорель напрасно ссылался на Маркса, которого он или не понял совсем, или понял некоторые места из его работ слишком буквально. По этому вопросу у Сореля мы находим следующую мысль: «Марксистская теория революции предполагает, что капитализм будет поражен в сердце тогда, когда он еще полон сил, когда он заканчивает выполнять свою историческую мис-

сию, обладая полной производительной способностью, когда экономика еще находится в состоянии прогресса. Маркс, казалось, не ставил вопроса насчет того, что могло бы произойти в случае экономического декаданса»³⁰.

В другом месте той же работы Сорель пишет: «Я уже обратил внимание на ту опасность, которую представляла бы для будущей цивилизации революция, которая произошла бы в эпоху экономического декаданса. Все марксисты, по-видимому, не отдавали себе достаточного отчета во взглядах Маркса на этот вопрос»³¹.

История, как известно, не подтвердила сорелевских взглядов в этой области. Мировая война, породившая русскую революцию и попытки пролетарских восстаний в других странах, как раз означала собой начало экономического декаданса капитализма; она явилась той формой, в которой производительные силы буржуазного общества начали возмущаться против производственных отношений капитализма, начали разрывать капиталистическую оболочку.

Но история, по-видимому, подтвердит другую мысль Сореля, касающуюся переходного периода, а именно, мысль о том, что «в действительности существует столько же социализмов, сколько есть больших наций»³².

Это верно не только в том отношении, что социалистическое движение в каждой капиталистической стране имело и имеет свои особенности, но и в том смысле, что мы, по-видимому, будем иметь столько же своеобразных особенностей в социалистической организации различных стран, сколько существует отдельных крупных капиталистических организмов. Особенно на первом этапе строительства социализма.

Сорель не развил и не обосновал достаточно эту мысль, и вряд ли этот вопрос был для него ясен настолько, насколько он ясен теперь нам. О том, что социалистическая структура отдельных крупных стран, которые покончили с капитализмом, будет различаться между собой, мы имеем полное основание говорить, если продумаем достаточно положение Ленина о последствиях неравномерного развития капитализма. Неравномерность развития капитализма не только объясняет победу социалистической революции в СССР раньше других стран, не только объяснит вероятное отставание американского пролетариата от рабочего класса Европы в деле социалистической революции, но и обусловит собой различный темп социалистического строительства в различных странах после победы пролетарской революции. Нужен будет известный срок, пока социалистические страны будут подтягиваться к одному уровню, причем, вероятно, наиболее промышленные страны в этом движении будут впереди стран аграрных с большим удельным весом мелкобуржуазных форм хозяйства. Иными словами: неравномерность развития капитализма приводит к неравномерности развертывания социализма.

Таким образом, мы не находим у синдикалистов никакой теории переходного периода. Синдикалисты ограничивались лишь возражением против идеи рабочего государства в переходный период и создания новой аристократии. При этом из этих возражений не видно, считали ли они переходный период, в частности переходное рабочее государство, *объективно исключенным по самому ходу событий* или же, по их мнению, ни рабочего государства, ни переходного этапа в области экономического строительства *не должно быть*, с точки зрения лишь синдикалистского идеала. Там, где синдикалистам приходилось говорить о процессе перехода от капитализма к социализму в положительной форме, их утверждения кратки и наивны. Например, Артур Лабриола без дальнейших доказательств просто декларирует, что «замена капиталистической фабрики социалистической совершится не постепенно, а вдруг»³³.

А Эдуард Берт утверждает не только это, но одним росчерком пера ликвидирует вместе с капиталистической фабрикой и государство. Он пишет: «Так же как синдикализм надеется освободить фабрику от хозяйской опеки, он таким же ударом надеется избавить общество от опеки государства»³⁴.

Берту не приходит в голову мысль о том, что если бы даже социалистические фабрики сразу выросли на развалинах капиталистических там, где существовало *капиталистическое* производство, то это все не коснулось бы производства докапиталистического, мелкобуржуазного, мелкокапиталистического. В той же Франции не меньше $\frac{2}{3}$ всех производственно-занятых лиц связано не с крупным и средним капиталистическим производством, а с мелким. Иными словами, даже после социалистической революции, если бы даже она произошла по рецепту синдикалистов, в обществе остались бы классы. А раз существовали бы классы, то об исчезновении государства могут говорить только те, кто не имеет ни малейшего представления об историческом происхождении и социальной сущности этого института.

Надо только удивляться, как теоретики синдикализма, начиная с Сореля, которому были хорошо известны соответствующие места из Маркса и Энгельса о переходном периоде от капитализма к коммунизму, могли настаивать на столь наивных представлениях о внезапном чудесном превращении одной системы общества в другую. Это тем более удивительно, что Сорель цитировал даже знаменитое письмо Маркса, посвященное критике Готской программы, а также ссылался на Марксову теорию переходного периода в своей полемике против оппортунистов. Он заметил в соответствующих местах Маркса то, что било против оппортунизма, но упорно игнорировал все то, что противоречило синдикалистским взглядам³⁵.

Для синдикалистов, поскольку они стали на точку зрения внезапной трансформации одной системы общества в другую, стояли две возможности – либо они должны были ждать полного вызревания пролетариата в недрах капитализма по крайней мере пару столетий, чтобы он сделался способным³⁶ ниспровергнуть одним ударом капитализм и сразу организовать новую систему производства, т.е. им предстояло превратиться в реформистов, хвостистов, но только несколько другого сорта, чем Жорес, Бернштейн и т.д. Либо они должны были преувеличивать силы и социалистическую зрелость пролетариата, прикрашивать то, что есть, и приписывать рабочему классу качества, которые он еще только должен приобрести.

Мы видим, что синдикалисты делали и то и другое вместе. Под прикрытием революционных фраз они определенно скатывались к программе бернштейновского вращивания в капитализм, говоря о подготовке пролетариата к ниспровержению существующей системы. Мы видели уже, до чего договорился в этом направлении Лабриола. На этом вопросе не раз останавливались также Сорель и другие теоретики синдикализма. Приведем здесь следующее место из статьи Сореля «О социалистическом будущем синдикатов»: «Именно уже в недрах капиталистического общества должны развиваться не только новые производительные силы, но также и отношения новой социальной системы, а именно, то, что можно назвать моральными силами будущего».

Вообще, мысль о том, что элементы социализма подготавливаются уже внутри самого капиталистического общества вместе с силами, которые должны его ниспровергнуть, есть одно из фундаментальных положений Маркса. Сорель здесь только повторил то, что было сказано Марксом и Энгельсом, начиная с первых их работ. Но никогда ни Маркс, ни Энгельс не говорили о том, что *все элементы* социализма в *одинаковой степени* могут быть подготовлены уже при капиталистической системе. Иначе незачем было бы создавать не только разграничение между понятиями социализма и коммунизма, но и писать, как это делал Маркс в «Критике Готской программы», о родимых пятнах капитализма на теле нового общества. Основная ошибка синдикалистов в вопросе о внезапной трансформации капиталистического общества в коммунистическое (они говорили о социализме, но это не точно, потому что социализм без государства – это коммунизм) состояла не только в игнорировании неизбежности сохранения некоторых классов после социалистической революции и неизбежности организации рабочего государства, но и в

совершенно неверном представлении о самом процессе подготовки рабочих к социализму в недрах старого общества. Эта подготовка ни в коем случае не может быть в одинаковой степени законченной уже в рамках капиталистической системы. И на основе Марксова анализа капитализма, и на основе Марксова представления о переходном периоде, и, наконец, на основе опыта нашей революции мы должны различать следующие моменты в деле этой подготовки. В недрах капитализма полностью созревают *физические силы* пролетарской революции, т.е. те силы, которые обеспечивают возможность «преодоления сопротивления эксплуататоров», разрушения капиталистического государства и разгрома буржуазной контрреволюции. Но уже иначе обстоит дело с подготовкой рабочего класса к *управлению* новой системой производства. Когда разрушение капитализма закончено, при активном участии всей рабочей массы начинается строительство новой производственной системы, где руководящая роль *неизбежно переходит к наиболее подготовленным, наиболее культурным, наиболее сознательным, наиболее дисциплинированным элементам* рабочего класса. Здесь сразу должно выявиться наличие в рабочем классе различных слоев с точки зрения их зрелости для социалистического строительства. В этот период рабочий класс семимильными шагами начинает наверстывать в области культурной все то, что он не успел завоевать и что он *объективно не мог завоевать*, оставаясь угнетенным классом в недрах капитализма. Достаточно сказать, что рабочий класс выходит из капитализма с совершенно различной технической подготовкой. Наряду с квалифицированными рабочими он включает кадры полуквалифицированных и, наконец, огромную массу совершенно неквалифицированных рабочих сил. Достаточно указать и на то, что рабочий класс оказывается совершенно неоднородным в деле выработки социалистических стимулов к труду. В результате нужен еще очень длительный промежуток времени, пока на базе сильно возросшей производительности труда, на базе сильно возросшего общественного богатства, на базе сокращения рабочего времени и всеобщего распространения политехнического образования среди работников вся масса пролетариата более или менее выровняется в своей технической и культурной подготовке и сделается в состоянии не только участвовать в производстве, но и управлять им. Нужен значительный промежуток времени, чтобы было ликвидировано деление рабочей массы на застывшие профессии, нужно большое время, чтобы можно было осуществить полностью программу соединения физического труда с наукой, нужен большой промежуток времени, чтобы новое общество могло сорганизовать соответствующую ему систему воспитания молодежи и полностью ликвидировало привилегии на науку только для меньшинства работников.

В приведенных нами цитатах из ряда синдикалистских авторов мы можем выделить три наиболее существенные проблемы, интересные для синдикалистских представлений о социализме: 1) вопрос о ликвидации капиталистической дисциплины и замене ее свободным сотрудничеством свободных производителей; 2) проблему уничтожения профессий в будущем обществе и 3) опасение насчет возможности образования новой аристократии, если социалистическая революция закончится организацией нового рабочего государства.

Что касается первого вопроса, то мы здесь не намерены останавливаться на нем. Ниже мы встретимся с той же проблемой у гильдейских социалистов, которые развили этот пункт гораздо более подробно, чем синдикалисты французские, и там дадим оценку взглядов тех и других сразу.

Что касается пункта об уничтожении профессий в будущем обществе, то на эту тему синдикализм не сказал ничего нового в сравнении с марксизмом, в частности с теми блестящими местами, которые посвятил этой проблеме Энгельс в своем «*Анти-Дюринге*». Вопрос здесь стоит не об том – сохранит ли будущее общество существующее теперь деление на застывшие профессии со всеми профессиональными привилегиями.

Насчет уничтожения профессий при коммунизме не может быть никаких сомнений. Проблема заключается в другом – каким образом *реально будет происходить процесс отмирания профессионального деления в обществе в переходную эпоху* и какие нужны будут для этого социально-экономические предпосылки.

Что же касается мысли Сореля и других синдикалистов о неизбежном создании новой аристократии при рабочем государстве и о необходимости делать новую революцию для свержения этого нового правящего класса, то здесь мы ограничиваемся пока следующим.

Мы уже выше указывали на то, что переход от капитализма к коммунизму был бы возможен лишь в том случае, если бы буржуазное общество к периоду своей гибели уже подготовило все элементы коммунизма, как материальные, так и моральные. Между тем этого нет и быть не может. Рабочий класс делается способным разрушить буржуазную систему раньше, чем в состоянии построить бесклассовое общество, раньше, чем способен будет руководить хозяйством *не только через свой авангард*, а и всей массой. Подготовка пролетариата не только к коммунизму, но и к более или менее далеко идущей социалистической структуре производства может закончиться полностью лишь после социалистической революции. Эта подготовка будет длиться довольно долго. Прежде чем социалистическое государство организует такую систему массового воспитания, которая обеспечит одинаковую техническую и общую подготовку для *каждого* работника, рабочему классу придется строить хозяйственную систему и руководить ею, опираясь на те свои передовые элементы и на те *буржуазные* элементы, которые он получил от капитализма. Здесь мы будем иметь перед собой приспособление строящегося социализма к тому недостаточному наследству, которое он получит от старого строя. Дело идет здесь не о выделении *правящего класса* из пролетариата, а о наиболее целесообразном разделении труда внутри одного и того же класса. Неравенство проистекает здесь не из различных прав на орудия производства, а из различной подготовки отдельных слоев пролетариата к новой системе производства. Можно сколько угодно декларировать насчет немедленного осуществления равенства – *фактического* равенства в этот переходный период быть не может. В этот период будет реализовываться лишь все более усиливающаяся тенденция к этому равенству. Успехи в этом направлении будут расти прямо пропорционально успехам социалистической промышленности, росту производительности труда, росту материального достатка и сокращению рабочего времени пролетариата. Нельзя, разумеется, отрицать того, что при медленном развитии производительных сил на первых ступенях социалистического строительства рядом с прогрессивными тенденциями будут развиваться и тенденции обратного порядка. В частности, мы будем наблюдать, как наблюдаем отчасти и теперь в СССР, некоторые консервативные тенденции, стремление закрепить привилегии руководящих элементов в хозяйстве и в государстве за определенным кругом людей и их потомством³⁷. Но эти консервативные тенденции не представляют никакой опасности в социалистическом обществе, которое быстро развивает производительные силы. Они будут очень скоро сметены прогрессивными тенденциями, которые будут побеждать без каких бы то ни было революционных потрясений. Но более подробно к этому пункту мы еще вернемся ниже.

Будущее общество

Несмотря на то что синдикалисты во главе с Сорелем отказываются³⁸ в одних местах своих работ от изложения своих конкретных взглядов на будущее общество, в других местах они все же не выдерживают характера и делают экскурсии в это будущее. Эта часть синдикалистской теории имеет для нас особенный интерес.

Взгляды синдикалистов на будущее общество изложены весьма сумбурно, без размежевания отдельных проблем. Иногда в одной и той же формулировке вы находите несколько слов и по вопросу о дисциплине в будущем обществе, и насчет организационной структуры его, и о системе распределения, и о системе воспитания и т.д. Поэтому ниже мы часто будем цитировать, при обсуждении одной проблемы, синдикалистских авторов, которые одновременно высказывались сразу и о других проблемах.

Больше всего при своих экскурсиях в будущее общество синдикалисты интересовались проблемой ликвидации капиталистической дисциплины и организацией свободного труда. Организацией производства как такового, отличием всего комплекса социалистического хозяйства от буржуазного они почти не интересовались и, распределяя так свой интерес к будущему обществу, они ясно говорили о том, что у них, собственно, болело больше всего при капитализме. В «Размышлениях о насилии» Сорель писал: «Маркс совершенно так же, как и синдикалисты, предполагает, что революция будет абсолютной и бесповоротной, потому что она имеет своим объектом передать производительные силы в руки *свободных людей*, т.е. людей, которые способны работать в мастерской, созданной капитализмом, не нуждаясь в начальниках»³⁹. Далее Сорель обрушивается на представления социалистов о будущем обществе, поскольку социалисты не мыслят его без деления на два класса – управляемых и управляющих. При этом, как и другие синдикалисты, Сорель не делает различия между новым классом, который мог бы оказаться у власти, и между авангардом пролетариата, который, будучи выделен из общей рабочей массы на организационные функции, лишь отражает в своем лице различие между отдельными слоями пролетариата по их подготовке к социализму. Эти различия, как мы уже сказали, являются прямым наследием капиталистического общества, переходящим автоматически в первую фазу социализма.

На ту же тему Берт пишет: «Можно одним словом определить и охарактеризовать капиталистическую фабрику, сказав, что она – принудительное сотрудничество, покоящееся на насилии, а про социалистическую можно сказать, что она будет свободным сотрудничеством»⁴⁰. Берту не могла прийти в голову мысль о том, что разница далеко не только в этом, что дело не только в принуждении, потому что добровольность сотрудничества будет на первом этапе социализма вообще еще сравнительно минимальной. Во-первых, чтобы есть – работнику *придется* работать. Это принуждение будет зависеть не от системы организации общества, а от взаимоотношений между обществом и природой. От этого принуждения не освободит будущее человечество ни социализм, ни коммунизм. Во-вторых, ему придется работать в отраслях, где он *более нужен*. Его выбор здесь уже ограничен. В-третьих, его выбор ограничен, потому что работники наследуют от капитализма узкую специализацию, значит, не смогут технически менять профессию сообразно своим склонностям. Значит, принуждение будет существовать и на первом этапе социализма, только оно будет сознаваться как необходимое, и в этом будет вся свобода. Наконец, неправильно видеть всю разницу между капиталистической и социалистической фабрикой лишь в исключении хозяйского принуждения. Социалистическое хозяйство – это огромный единый организм, фабрика – это только его ячейка, которая отнюдь еще не дает полного представления о целом. Характернейшая разница будет заключаться не только в противоположности между свободой и необходимостью, а между социалистическим хозяйством как организованным целым, с одной стороны, и между кучей автономных производителей, автономных фабрик и трестов капитализма, с другой. Отсюда проистекает масса особенностей социалистической структуры, которые отличают его от капитализма в целом ряде пунктов. К этой теме Берт возвращается в своей работе «Les derniers Aspects du Socialisme» (цит. издание) на с. 53, 67, 71–72. Необходимо, впрочем, отметить, что этот автор стремился отмежеваться от анархистов, подчеркивая, что «синдикальное руководство, которое сменит собою руководство патрона, будет,

без сомнения и с большим правом, такое же твердое, такое же суровое, такое же безжалостное для недисциплинированных, ленивых, недобросовестных, как при капитализме»⁴¹. Немецкий синдикалист Эртер пишет на эту же тему следующее: «Синдикалисты убеждены в том, что организация социалистической формы хозяйства не может быть установлена ни правительственными решениями, ни государственными декретами, а только путем сплочения всех рабочих умственного и физического труда в каждой отдельной отрасли производства; сами производители должны взять в свое ведение каждое отдельное предприятие так, чтобы отдельные группы предприятий и отраслей производства явились самостоятельными членами общей хозяйственной системы и путем взаимного свободного соглашения в интересах всего общества планомерно организовывали общее производство и распределение. В случае победоносной революции, если перед рабочим встанет проблема социалистического строительства, биржи труда превратятся в своего рода местные статистические бюро, которые возьмут в свое ведение все дела – продукты, питание, платье и т.д., биржи труда имели бы своей задачей организовать потребление, и через всеобщую федерацию бирж труда нетрудно было бы произвести учет всего потребления страны и организовать его простейшим образом»⁴².

Одним словом, в будущем все делается «простейшим» образом. Ни одна из важнейших и труднейших проблем организационного строительства социализма, как мы видим, совершенно не чувствовалась синдикалистскими теоретиками.

На интересующую нас тему в докладе, представленном от имени биржи труда города Нима, мы находим следующую интересную конструкцию будущей организации хозяйства: «Каждая профессия организуется в синдикат; каждый синдикат выбирает совет, который мы могли бы назвать профессиональным советом труда; эти синдикаты в свою очередь федерируются по отраслям производства в национальном и интернациональном масштабе.

Собственность не является больше индивидуальной: земля, рудники, заводы, мастерские, средства транспорта, дома и т.д. делаются общественной собственностью. Общественной собственностью! Это необходимо понять, а не исключительной и не отчуждаемой собственностью работников, которые пускают их в ход. Если мы не хотим видеть между корпорациями конфликтов, которые возникли между капиталистами, если мы не хотим, чтобы общество не сделалось снова жертвой конкуренции – на этот раз конкуренции коллективных корпораций вместо индивидуальных капиталистов!.. Допустим, обществу необходимо данное количество хлеба, одежды; землевладельцы, портные получают от общества или в денежной форме, поскольку деньги еще будут существовать, или в форме меновых ценностей средства индивидуального или производительного потребления, произведенного другими работниками. Вот на какой базе нужно организовать работу, чтобы общество было действительно обществом равных!.. Биржи, зная то количество продуктов, которое должно быть изготовлено, уведомляют об этом профессиональные советы труда каждой корпорации, которые употребляют для производства необходимых продуктов всех членов своих профессий. На основе своей статистики биржи знают о количестве готовых продуктов или подлежащих изготовлению в их районе. Они будут руководить обменом продуктов между территориями, которые по их природным данным заняты специальным производством, как Крезе, например, металлургией, Лимож – фарфором, Эльбеф – тонким сукном, Рубе – текстилем, различные области нашей страны – вином. Эти области производят продукты, благодаря которым население этих пунктов может себя снабдить всем тем, что ему необходимо для его существования и интеллектуального развития»⁴³.

Федеральный комитет бирж труда в своем докладе на эту же тему пишет: «Социальная революция должна иметь своей задачей уничтожение меновой ценности, капитала, который она производит, институтов, которые она создает. Мы исходим из такого

принципа, что дело революции заключается в освобождении людей не только от всякого авторитета, но и от всяких институтов, которые не имеют непосредственной задачей развитие производства. Поэтому мы не можем представить себе будущего общества иначе как в качестве «добровольной, свободной ассоциации производителей». Какова же роль этих ассоциаций?.. Каждая из них занята своей отраслью производства... Сколько нужно каждый день, чтобы добыть гранит, размолоть муку, организовать спектакли для данного населения?.. Сколько рабочих, сколько артистов необходимо для этого? Сколько материалов и сколько производителей требуется для соседних ассоциаций? Как разделить задания между ними? Как установить общественные склады, как утилизировать те научные открытия, которые станут известными? Зная в первую голову соотношение между производством и потреблением, рабочие ассоциации утилизируют сфабрикованные или добытые их членами материалы. Зная, равным образом, количество продуктов, которое им нужно, и то, которое они произвели, они делают заказы в другом месте на добавочных работников, которые им необходимы, или на специальные продукты, которые не заготавливаются в их местности по природным условиям»⁴⁴

Из этих цитат мы видим, что, по мысли синдикалистов, весь организационный скелет будущего социалистического общества построен на профсоюзах. Такое построение вполне естественно, раз синдикалисты исключают переходный период, существование рабочего государства и всю организующую роль в области производства переносят на синдикаты. Им не чужда также и мысль о том, что эти синдикаты не должны делаться собственником их орудий производства, ни мысль об организации известного синдикального центра, который займется согласованием размеров производства и потребления в стране. Мы не можем принципиально возражать против такой схемы, поскольку она относится к коммунистическому обществу. Мы не можем, конечно, представить себе уже теперь конкретно организационной структуры законченного коммунистического общества, но в принципе против синдикалистской концепции так же не приходится возражать, как и против полного уничтожения государства в будущем. В коммунистическом обществе, после ликвидации государства и застывших профессий, в том числе и специализации на организационных функциях, останутся только производители и их организации. Другой вопрос, будет ли много сходства между этими организациями и теперешними профессиональными союзами. Любопытно здесь отметить, что и в программе нашей партии профсоюзам в деле руководства хозяйством отводится совершенно исключительная роль. Вот что гласит в этом пункте наша программа, к комментированию которой мы еще не раз вернемся в ходе нашей работы.

«Организационный аппарат обобществленной промышленности должен опираться в первую голову на профессиональные союзы. Они должны все больше освобождаться от цеховой узости и превращаться в крупные производственные объединения, охватывающие большинство, а постепенно и всех поголовно трудящихся данной отрасли производства.

Будучи уже согласно законам Советской республики и установившейся практики участниками всех местных и центральных органов управления промышленностью, профессиональные союзы должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством как единым хозяйственным целым».

Приведенная нами схема синдикалистской организации общества совершенно обходит проблему организации земледельческого труда. Если можно себе представить организацию производства через профсоюзы в крупной промышленности или в бывшем капиталистическом земледелии, то совершенно не видно, каким образом синдикальная организация может быть распространена на самостоятельное крестьянское хозяйство. Впрочем, это не единственный вопрос, на который мы не находим никакого ответа у теоретиков синдикализма.

По вопросу о воспитании синдикалисты стоят в общем и целом на марксистской точке зрения, т.е. они считают необходимым соединить воспитание с трудом. В своей статье «Социалистическое будущее синдикатов» Сорель на эту тему пишет: «Чтобы ученичество дало необходимые результаты, его необходимо перенести на фабрику, так как старая система подготовки, которая держала ремесленника в узких пределах рутины, не годится для индустрии, подверженной частым трансформациям. Обучение должно быть связано с ручным трудом»⁴⁵.

Точно так же синдикализм примыкал к марксистскому положению о ликвидации застывших профессий и профессиональных привилегий и высказывался за ликвидацию противоречий между наукой и трудом. «Социализм, – пишет Леоне, – будет могилой для интеллигентов как касты. При нем неизбежно должна исчезнуть всякая разница между ручным и умственным работником... Чудовищное разделение людей на физических и интеллектуальных тружеников покажется нашим потомкам невероятным, удивительным созданием капиталистической эры»⁴⁶.

Синдикалисты также останавливались на вопросе о новых социалистических стимулах к труду, но не развили этой проблемы. Например, Сорель примыкает к тому положению коммунизма, что каждый работник будущего общества должен давать коллективу по своим способностям максимум возможного, не переводя своих усилий на звонкую монету соответствующего вознаграждения от общества⁴⁷.

Но ни Сорель, ни другие синдикалисты не исследовали вопроса, каким образом рабочий, вышедший из товарного хозяйства и привыкший руководствоваться стимулами к труду, воспитанными в нем именно товарным хозяйством, может стать сразу на другие рельсы в хозяйстве коллективном. Мы отчасти видели выше и еще увидим ниже, что дело здесь обстоит несравненно сложнее, чем его представляли себе, например, утописты с Фурье во главе.

Сорель, как известно, был инженером. В качестве инженера, знавшего структуру крупной капиталистической фабрики и основные стимулы развития капиталистической техники, он, естественно, должен был задуматься над проблемой технического прогресса при социализме. Он высказал несколько интересных соображений насчет того, как избежать в будущем обществе узкой специализации, рутины, диктатуры посредственности, и отметил, между прочим, какую роль в техническом прогрессе играют незаметные и небольшие, но многочисленные изобретения и усовершенствования, которые делают рабочие в процессе производства⁴⁸.

Антипатриотизм и антимилитаризм

Капитализм группирует людей по национальностям, создавая национально-хозяйственные организмы, связанные национальными и капиталистическими государствами, между тем как переход к социализму есть переход к иной, интернациональной группировке людей в производстве. Этот переход экономически подготавливается уже на базе капитализма международным разделением труда, мировой капиталистической торговлей и всеми прочими тенденциями к созданию мирового хозяйственного целого. При таких условиях патриотизм есть реакция, есть борьба с прогрессивными тенденциями экономики, есть попытка замкнуться в рамки национального объединения в области политической, уже прорванным мировым хозяйством в области экономики. Подготовка людей к новой группировке в масштабе мировых связей, мирового разделения труда, находит свое выражение прежде всего и больше всего в действительном интернациональном объединении пролетариата. Включаясь в объединенную организацию революционного интернационала, рабочие различных стран разрывают идейно национальные

клетки, в которые их замыкает капитализм, и с этой стороны психологически подготовляются к созданию нового общества. С этой точки зрения антипатриотизм рабочего, направленный прежде всего против собственного государства, является до крайности важным элементом в деле подготовки не только революции, сокрушающей материальную организацию капитализма, но и новой системы производственных связей между производителями. Если буржуазный характер социализма подтверждается во время войны тем, что руководимые этим социализмом элементы оказываются в орбите национально-государственного объединения и, следовательно, во власти патриотизма, шовинизма и т.д., то степень психологической подготовки рабочих к созданию мирового социалистического хозяйства измеряется, между прочим, степенью глубины и широты рабочего антипатриотизма и антимиитаризма. Революционные синдикалисты, надо отдать им теперь в этом должное, разорвали здесь с оппортунистическим социализмом еще до мировой войны, и в этом пункте правильность их тактической линии целиком была оправдана историей. Еще задолго до войны в своих «Размышлениях о насилии» Сорель писал, что «антипатриотизм делается существенным элементом синдикалистской программы».

Берт в статье «Анархизм и синдикализм» писал: «В революционном синдикализме находит свое выражение оппозиция между демократией и социализмом, между гражданином и производителем, оппозиция, которая находит свое наибольшее выявление и в то же время абстрактное завершение в решительном отрицании идеи отечества, отождествляемой с идеей государства»⁴⁹.

Гриффюель, бывший одно время секретарем Генеральной федерации труда, развивал в «L'action syndicaliste» мысль Коммунистического манифеста о том, что у пролетария нет отечества⁵⁰. Достаточно сопоставить соответствующие страницы из Гриффюеля и других синдикалистов с анкетой о патриотизме и социализме, произведенной среди деятелей II Интернационала, чтобы убедиться, насколько трусливой, увертливой, либо открыто капитулянтской перед буржуазным патриотизмом была позиция последних.

Синдикалисты не только правильно логически связывали свою позицию против государства вообще с отрицанием данного буржуазного государства, а следовательно, всех его атрибутов и всей его внешней политики, но и на практике вели антимиитаристскую пропаганду перед мировой войной не только на фабриках, но и в казармах, пропаганду, от которой позорно устранились правая и центр II Интернационала, в том числе и его гедистский отряд во Франции.

Кстати, здесь полезно будет напомнить о том, что цитированный нами не раз теоретик синдикализма Берт еще лет за семь до мировой войны указывал на то, что Гед является лишь вторым изданием патриота 1792 г., что он враждебно настроен против антипатриотического и антимиитаристического движения синдикатов и, наконец, что вся позиция Геда в вопросе о патриотизме и государстве резко противоречит всему духу революционного марксизма. Тем самым Берт предсказал еще задолго до войны позорную измену социализму со стороны Геда, измену, которая явилась полной неожиданностью для тех, кто считал его настоящим последовательным революционным марксистом⁵¹.

Синдикализм, ревизионизм и марксизм

Большая часть всего литературного материала, оставленного теоретиками синдикализма, направлена против социалистического оппортунизма всех видов. За исключением синдикалистов анархического толка вроде Пеллютье, большинство синдикалистских теоретиков претендовало на то, что они являются единственными и истинными последователями революционного марксизма. Синдикалисты вполне правильно и

своевременно отметили полный разрыв с марксизмом не только со стороны оппортунистов типа Бернштейна, которого они хвалили за смелое признание этого факта, но также и против так называемых «ортодоксов» типа Каутского. Сорель не раз указывал на то, что у этих «учеников» Маркса от марксизма осталась только одна терминология: «Сохранение марксистского языка со стороны людей, сделавшихся совершенно чуждыми идеям Маркса, составляет большое несчастье для социализма»⁵².

В этой синдикалистской критике реформизма и идеологии II Интернационала вообще правильные положения причудливо переплетаются с неверными. Мы остановимся здесь сначала на политической стороне синдикалистской критики. Синдикалисты вели резкую кампанию против парламентского кретинизма оппортунистов, и здесь они были правы. Но вместе с тем они восставали и против *революционного* использования парламента со стороны действительно революционных марксистских элементов.

Выступая против подчинения рабочего движения через оппортунистический социализм буржуазному руководству, они выбрасывали из ванны вместе с водой и ребенка, выступая против *всякой политической борьбы вообще*. Это привело их к резкому столкновению с бланкизмом не только в его отрицательных, но и в его положительных сторонах. Например, Сорель, противопоставляя марксизму бланкизм, дошел до утверждения, что «марксизм отличается от бланкизма, между прочим, и тем, что отрицает понятие партии, столь существенное в воззрениях классических революционеров, и возвращается к понятию класса» (*Sorel. Evolution du socialisme*). Нечего указывать на то, что у Маркса класс никогда не противопоставлялся партии в том смысле, как это в данном случае делает Сорель.

Французские синдикалисты вполне своевременно объявили социалистической интеллигенции Франции войну, поскольку она использовала рабочее движение, и прежде всего парламентскую борьбу, для сделок с буржуазией от имени и за счет рабочего класса. Но сами лидеры революционного социализма были все интеллигентами⁵³. Исторически их борьба с реформистской интеллигенцией оказалась лишь борьбой за влияние на рабочий класс со стороны того же самого социального слоя, только ближе стоявшего к пролетариату со стороны идеологической. Вместо того чтобы нападать на *реформизм* интеллигенции, они нападали на интеллигенцию как таковую и ее руководящую роль в рабочем движении и тем самым использовали этот аргумент для прикрытия своей собственной кандидатуры на этот пост. Вообще говоря, история политической борьбы знает и такой метод добиваться своей цели⁵⁴.

Синдикалисты вполне правильно указывали на то, что социалисты II Интернационала порвали с Марксовой теорией революции. Но с другой стороны, они сами предъявляли смешную претензию на то, что между «идеей всеобщей стачки и между основными положениями марксизма существует в основном полное тождество»⁵⁵.

Это изложение белого и черного в синдикалистской критике реформизма можно было бы продолжать долго. Я ограничусь сказанным и перейду к позиции, которую занимали синдикалисты по отношению к общетеоретическим положениям марксизма. Я остановлюсь главным образом на Сореле, который является признанным теоретиком именно французского синдикализма. Сначала два слова о писательской индивидуальности этого автора.

Талант Сореля как литературной индивидуальности похож на поверхность пруда, на которую бросают сразу несколько камней, дающих от себя круги в самых различных направлениях. Бессистемные, мало связанные мысли, тянущиеся как макароны в еде. Автор идет в изложении своими собственными индивидуальными путями, очень мало думая о сбережении труда и интересах своих читателей. Все его работы, не исключая наиболее законченной, как «Размышления о насилии», явно рассчитаны на насилие над размышлением читателя. Своей склонностью к углубленности Сорель немного напо-

минает Руссо, отличаясь от последнего значительно более слабой энергией всего мыслительного процесса и большим беспорядком во всей системе. В его социологических рассуждениях масса плоских идеологизмов, которые он сам, однако, формулирует так, как если бы дело шло о новых крупных открытиях. Яростно нападая в области политики на буржуазных сынков от интеллигентского французского социализма, Сорель сам методологически стоит обеими ногами на почве этого буржуазного интеллигентского способа исследования идеологий, который заключается в сопоставлении различных систем и идей, если можно так выразиться, в историко-горизонтальном разрезе, метод, при котором теряется всякая связь идеологии с ее социальной базой. Отсюда все его скучнейшие упражнения над древним христианством, протестантизмом, католицизмом, идеологией буржуазных революций и проч. Все эти куски идеологии берутся без их социальных характеристик, следовательно, без их подлинного исторического лица. Вместо научного историко-социологического изучения – какая-то игра в карты из идеологических иероглифов; вместо научных выводов – поверхностный дилетантизм и более или менее остроумные выдумки; вместо научного описания исторического процесса – процесс описания кругов, расходящихся в мозгу автора от того или иного умственного толчка, полученного при чтении той или иной книги. Вследствие дефективного эклектического метода, свой очень большой талант Сорель довольно безжалостно расплескал в работах, солидных по объему, но по содержанию стоящих во всех отношениях ниже способностей автора. Он был своеобразным индивидуалистом в области мысли, причудливо отражая своим творчеством индивидуальные и индивидуалистические черты не столько французского *рабочего движения* своего времени, сколько психологию социалистической и анархистической интеллигенции. Сорель был последним вздохом социалистического гения Франции, имевшего свое богатое прошлое в виде Бабефа, Сен-Симона, Фурье, Кабэ, Бланки, Лафарга и Геда, но не имевшего, не имеющего и, быть может, не способного вообще уже иметь своих продолжателей.

Сорель неоднократно заявлял о том, что он является марксистом, но что он считает нужным дополнить Маркса, с одной стороны, Прудоном, а с другой стороны – опытом синдикального движения. Уже из одного этого намерения посадить за один стол пролетарской идеологии автора *«Философии нищеты»* вместе с автором *«Нищеты философии»* видно, как глубоко Сорель усвоил марксизм. В своей оценке Прудона и Маркса Сорель является, само собой разумеется, самым безнадежным эклектиком. В Прудоне ему нравится то, что мы назвали бы теперь идеологией взбесившегося мелкого буржуа. Ему нравится анархистическая критика государства Прудона, его критика парламентаризма, критика буржуазной демократии⁵⁶ и всякие сантиментальные пошлости на счет справедливости, добродетели, общего блага и т.д. В Марксе ему нравится могучий идейный натиск на буржуазное общество, обоснование насильственной революции против капитала, признание только за пролетариатом освободительной миссии, борьба за освобождение пролетариата от мелкобуржуазных влияний.

Таким же эклектиком Сорель является и во всем том, что касалось марксистского метода исследования. Сорель считал себя сторонником исторического материализма, но усвоил его плохо. Удельный вес сорелевского марксизма в области теории легче всего проверить не по количеству цитат, которые Сорель приводит из Маркса, и не по количеству одобренных замечаний, которыми он сопровождает эти цитаты, а приложением метода Маркса к трактовке тех или иных кусков конкретной человеческой истории⁵⁷. Сорель много занимался различными историко-социологическими проблемами, казалось бы – где как ни здесь должен был он блеснуть глубиной исторического анализа в духе Маркса и сталью его железа диалектической логики, чуждой как эклектизма, так и дилетантской игры в различные «соображения» и догадки об исторических фактах. Увы! Как раз по историческим, вернее философско-историческим, упражнениям Сореля можно

видеть, до какой степени он несерьезно усвоил теорию исторического материализма, как мало извлек из нее ценного и как далеко был от ее умелого систематического научного приложения. Читая все рассуждения Сореля об античной истории, реформации, о буржуазных революциях и т.д., видишь, что марксизм был у него лишь в одной части мозга, а главное помещение в последнем было занято Прудоном, Ренаном, Бергсоном и самой плоской эклектикой, имеющей только обманчивую внешность углубленности.

Что касается других синдикалистских теоретиков, то одни, как, например, Берт, в основном лишь излагали мысли своего учителя и делали их более удобочитаемыми; другие, как Лабриола, вульгаризировали и марксизм и синдикализм. Лягардель был талантливым публицистом синдикализма преимущественно по политическим проблемам. Наиболее близким к марксизму, как я уже сказал, из синдикалистов был итальянец Леоне, который, как мы видели, в вопросе о государстве приблизился к позиции революционного марксизма. У этого автора меньше всего влияния прудонизма и незаметно мелкобуржуазной французской риторики. Особое место среди французских синдикалистов занимает Пеллютье, давший немало материала для сорелевских «Размышлений». Съедаемый чахоткой, за короткий промежуток жизни, который ему отпустила природа, он торопился вместе с кусками легких выбросить из себя всю массу ненависти, которая накопилась у него против буржуазной цивилизации, капиталистического государства, капиталистического угнетения, с одной стороны, и против мелкобуржуазного парламентского социализма – с другой. Если многие из рядовых синдикалистов проделали эволюцию к большевизму, если нашу революцию и большевистскую партию приветствовали среди всеобщего воя противников такие теоретики синдикализма, как Сорель и Берт, – Пеллютье вряд ли покинул бы свою анархистическую берлогу, вряд ли пережил бы какую бы то ни было эволюцию. Подобно Геду, он знал движение лишь по прямой, куда бы оно ни заводило.

Синдикалисты и большевизм

В заключение нам приходится сказать несколько слов о том, как отнеслись теоретики синдикализма к русской революции и к тактике большевистской партии. Если не только жоресисты, но и гедисты сплошь относились презрительно и враждебно к Октябрьской революции и к большевистской партии, то синдикалисты в этом отношении резко раскололись на два лагеря. Одна часть синдикалистов, вроде Лягарделя, поплелась за патриотической волной 1914 г. и приняла участие в общем шовинистическом психозе буржуазии. Наоборот, другая часть – и это весьма знаменательно – осталась верной своим позициям антипатриотизма и заняла враждебную позицию против мировой войны. Эта часть синдикалистов поняла исторический смысл Октябрьской революции в России и открыто выступила с выражением симпатии большевикам. Так, например, Сорель в послесловии к последнему изданию своих «Размышлений о насилии» поместил защитительную речь в пользу Ленина. В этом послесловии он, между прочим, писал: «Я не имею никакого основания предполагать, что Ленин заимствовал свои идеи из моих книг; но, если бы это имело место, я немало был бы рад тому, что участвовал в формировании взглядов человека, который мне представляется в одно и то же время и наиболее великим теоретиком, какого социализм имел со времен Маркса, и шефом государства, гений которого напоминает Петра Великого».

«В момент падения Парижской коммуны Маркс написал манифест Интернационала, который современные социалисты рассматривали как наиболее законченное изложение политической доктрины учителя. Речь, произнесенная Лениным в мае 1918 г. о проблемах Советской власти, имеет не меньшее значение, чем этюд Маркса о гражданской войне 1871 г. Быть может, большевики потерпят поражение на долгий срок под ударами

наемников, вдохновляемых антантовской плутократией, но идеология новой формы пролетарского государства⁵⁸ не погибнет, она будет жить в мифах, которые будут иметь своим содержанием народное предание о борьбе, которую вела Республика Советов против коалиции великих капиталистических держав». Сорель кончает свою апологию следующими словами: «Презрение демократическим плутократам, которые хотят победить Россию голодом; я сейчас только старик, которому осталось немного жить. Но как бы я хотел, чтобы раньше, чем сойти в могилу, я мог бы увидеть униженной гордую буржуазную демократию, цинически торжествующую сегоднешний день»⁵⁹.

А в своем предисловии к последнему изданию «Материалов к теории пролетариата», вышедших в 1921 г., Сорель перед самой смертью писал: «Идея конструировать правительство производителей не погибнет; ...нужно быть слепым, чтобы не видеть, что русская революция является зарей новой эры»⁶⁰.

Берт, устанавливая в своей статье «Большевизм и синдикализм» точки соприкосновения между этими двумя направлениями в рабочем движении, ставил вопрос – почему многие революционные синдикалисты приветствовали русскую революцию, тогда как не только жоресисты, но и гедисты, все без исключения, отнеслись к ней враждебно. Берт соглашается с тем, что русская революция представляет собой тип такой революции, которой не предвидели синдикалисты. Но это не мешает и ему приветствовать в ее лице победу рабочего класса над буржуазным обществом⁶¹.

Преображенский Е.А. Социалистические и коммунистические представления о социализме // Вестник Коммунистической академии. М., 1925. № 12. С. 19–75; № 13. С. 3–33.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Pelloutier Fernand.* Histoire de Bourses du travail. 3-mejed. Paris, 1921. P. 77.

² *Sorel Georges.* Reflexions sur la violence. 4-e edition. Paris, 1919. P. 163.

³ *Berth Edouard.* Les derniers aspects du socialisme. Paris, 1925. P. 65.

⁴ *Pouget Emile.* La confederation generale du travail. Paris, 1908. P. 45.

⁵ *Pelloutier F.* Histoire etc. P. 261.

⁶ Reflexions. P. 55.

⁷ *Lagardelle Hubert.* Manheim, Rome, Amien.

⁸ Ibid.

⁹ Сорель родился в 1847 г., умер в 1921 г.

¹⁰ *Sorel G.* Materiaux d'une theorie du proletariat. Paris, 1921. P. 248–249.

¹¹ Materiaux. P. 277.

¹² *Pelloutier.* Histoire etc.

¹³ Необходимо отметить, что синдикалисты, исходя из своей позиции в вопросе о государстве и проявляя верное классовое чутье, были решительными противниками буржуазной демократии и разоблачали ее настоящий классовый смысл (см. об этом «Материалы к теории пролетариата» Сореля. С. 118).

¹⁴ *Sorel.* Reflexions. P. 434.

¹⁵ *Sorel.* Materiaux. P. 60.

¹⁶ *Pelloutier.* Histoire. P. 116.

¹⁷ *Sorel.* Reflexions. P. 432.

¹⁸ *Berth.* Les derniers aspects etc. P. 74.

¹⁹ *Sorel.* Reflexions. P. 182.

²⁰ По вопросу о выходе из капитализма см., кроме приведенных мест, у Сореля С. 249, 432, 434, 435 из «Reflexions», С. 123, 132, 410 из «Materiaux» и С. 64 из «La decomposition du marxisme», 3-me ed. P. 64.

²¹ *Леоне*. Синдикализм. Пер. Кирдцова. М., 1907. С. 75.

²² *Берт*. Идеология производителей. Социальное движение в современной Франции. Изд. Дороватовского и Чарушниковой, 1908. С. 122–123. Продолжая дальше эту мысль, Берт доходит даже до такой формулировки, что «анархизм можно назвать философией буржуазии, доведенной до своего логического конца».

²³ *Reflexions*. P. 132.

²⁴ *Ibid*. P. 217.

²⁵ Сорель считает в высочайшей степени спорным то различие социализма (по Сорелю, коллективизма) и коммунизма, которое приводит Маркс в «Критике Готской программы», приписывает это построение Маркса влиянию на последнего «гегелевских идей» и обнаруживает при этом непонимание термина коммунизм, под которым никогда не понималась «la conception marxiste de l'esprit libre». См. об этом: *Les illusions du progress*. 3-me ed. Paris, 1921. P. 347–348.

²⁶ *Reflexions*. P. 253.

²⁷ *Оливетти*. Проблемы современного социализма. М., 1908. С. 230.

²⁸ *Леоне*. Синдикализм. С. 154.

²⁹ Там же. С. 160.

³⁰ *Sorel*. *Reflexions*. P. 121.

³¹ *Ibid*. P. 197.

³² *Sorel*. *Materiaux*. P. 202.

³³ *Лабриола Артур*. Реформизм и синдикализм. Пер. Кирдцова. С. 239.

³⁴ *Берт* Э. Идеология производителей. Цит. изд. С. III.

³⁵ Указывая на необходимость считаться с концепцией Маркса о переходе капитализма к социализму, Сорель писал: «Эта концепция хорошо известна; но к ней необходимо постоянно возвращаться, потому что о ней часто забывают или, по крайней мере, ее неправильно оценивают официальные социалистические писатели. Необходимо настаивать на такой концепции всякий раз с особенной силой, когда приходится размышлять над той антимарксистской трансформацией, которой подвергся современный социализм».

³⁶ Большой еще вопрос, делается ли пролетариат более способным к социалистическому перевороту, если слишком долго «вызревает» для этой операции в рамках капитализма. Не начинается ли здесь новый процесс, процесс перерождения пролетариата и органического приспособления его к капитализму?

³⁷ Маленький пример, если, допустим, ответственный советский работник или специалист стремится к тому, чтобы отдавать своих детей не в общие школы, не в фабзавучи и т.д., а стремится дать им непременно высшее образование тогда, когда по материальным и культурным условиям государство может предоставить это образование лишь ничтожному меньшинству наиболее способных, то он стремится сделать свою профессию наследственной, независимой от личных качеств и заслуг работника. Между тем, его личное привилегированное положение связано, наоборот, с его личными заслугами и его особенной пользой для государства и общества.

³⁸ Нужно заметить, что от Сореля не ускользнула трудность всей этой проблемы, поскольку он ставил вопрос о том, каким образом принудительная дисциплина капитализма может смениться совершенно сознательным добровольным участием в труде в интересах всего общества. Однако он отделался от этого капитальной важности вопроса голой аналогией между работниками будущего общества и солдатами Великой французской революции.

Предчувствуя упреки, которые могли бы быть брошены синдикализму насчет того, что их представления о будущем носят только негативный, отрицательный характер, Сорель, напрасно прячась за авторитет Маркса и пытаясь обосновать эту свою позицию, апеллирует к принципам научного социализма. Так, в «Размышлениях о насилии» он писал: «Маркс отбрасывал всякую попытку, имеющую целью формулировать условия существования будущего общества; было бы неправильно настаивать на таком описании, потому что мы видим, что Маркс разрывает здесь с буржуазной наукой (ставит себя вне буржуазной науки). Теория всеобщей забастовки также отрицает эту науку, и поэтому ученый не откажется от случая обвинить новую школу в том, что она располагает только негативными данными. Что же касается их, то они выдвигают благородную цель конструировать всеобщее счастье» (*Reflexions*. P. 205). Здесь Сорель напрасно ссылается на Маркса, потому что одно дело фантазировать насчет будущего общества и строить разные утопии, другое дело вывести основы будущего из самого анализа капитализма. Как мы видели уже в предыдущей главе, Маркс и Энгельс в общем давали, хотя и в очень общей форме, некоторые положения о структуре будущего общества. Они не могли бы дать полного анализа капитализма, если бы не имели перед собой

представления о системе общества, которая должна его сменить. Впрочем, Сорель здесь не остался верен сам себе и, как увидим ниже, несколько раз затрагивал даже детальные вопросы будущего производства.

³⁹ Reflexions. P. 240.

⁴⁰ Идеология производителей. С. 121.

⁴¹ Les derniers aspects etc. P. 73.

⁴² Эптер. Чего хотят синдикалисты. М.: Голос труда. С. 18.

⁴³ Pelloutier. Histoire. P. 251–252.

⁴⁴ Ibid. P. 253–254.

⁴⁵ Sorel. Matériaux. P. 142.

⁴⁶ Леоне. Синдикализм. С. 68.

⁴⁷ См.: Reflexions. P. 377.

⁴⁸ См. об этом соответствующие места в «Avenir socialistes ties syndicats», а также «Reflexions». P. 384–385.

⁴⁹ Berth. Derniers aspects etc. P. 104.

⁵⁰ Griffuelhes Victor. L'action syndicaliste. Paris, 1908. P. 37–43.

⁵¹ Любопытно отметить, что в избирательном манифесте гедистской рабочей партии, опубликованном в 1893 г., говорилось, что «французская рабочая партия есть единственная «патриотическая» партия».

⁵² Reflexions. P. 72.

⁵³ Пеллютье, Сорель, Лягардель, Гриффюель, Берг, Лабриола, Оливетти, Леоне были все сплошь интеллигентами.

⁵⁴ Между прочим, именно во Франции роль интеллигенции как идеолога различных классов и роль ее в качестве кадров управления (журналисты и адвокаты играют доминирующую роль в парламенте и в местном самоуправлении) особенно велика. Но и рабочий класс здесь не спешит выделять идеологов из собственной среды. Это одинаково относится как к синдикалистам, как к социалистам всех видов, так, к сожалению, и к коммунистам.

⁵⁵ Sorel. Reflexions. P. 185.

⁵⁶ Надо заметить, что Прудон местами неплохо критиковал буржуазную демократию.

⁵⁷ См., в частности, его неудачные попытки применения метода исторического материализма в работе «La ruine du monde antique».

⁵⁸ Характерно, что Сорель приветствовал новую форму пролетарского государства, несмотря на то что она исключалась синдикалистской концепцией революции; тем самым он признался в ошибке ради существа дела. И в этом его вторая заслуга.

⁵⁹ Reflexions. P. 442 et 454.

⁶⁰ Matériaux. P. 53.

⁶¹ См.: Berth. Les derniers aspects du socialisme. P. 8, 9, 12, 13, 15, 17, 26, 39.

ЧАСТЬ 2

[ОСНОВЫ ТЕОРИИ СОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВА]

ГЛАВА 1

О МЕТОДЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВА*

Почему мы ставим вопрос о методе изучения советского хозяйства? Разве не является самой собой разумеющимся, что мы должны изучать наше хозяйство, руководствуясь марксистским методом?

Вопрос этот приходится ставить вот почему. Разумеется, не может быть ни малейшего сомнения в том, что при изучении нашего хозяйства мы можем, должны и будем держаться общих основ марксистского метода, поскольку дело идет о методе диалектического материализма вообще и в частности об общесоциологическом методе Маркса. Наоборот, поскольку дело идет о методе, применявшемся Марксом в его политической экономии, т.е. поскольку дело идет о методе изучения производственных отношений чистого капитализма, мы обязаны поставить методологическую проблему, потому что самый материал исследования существенным образом меняется. Меняется материал исследования, раз дело идет об исследовании не только закономерностей капиталистического развития, но и закономерностей капиталистической деградации, отмирания капиталистических отношений производства, когда дело идет, наконец, об анализе закономерностей новой экономики, сменяющей капитализм и носящей все следы экономики смешанного, переходного типа. Маркс исследовал в «Капитале» *классический капитализм*; нам предстоит исследовать, вероятно, не совсем классический, возможно даже совсем не классический, но тем не менее живой, реальный и исторически первый опыт конкретной товарно-социалистической системы хозяйства. Лишь в одном случае проблема метода не стояла бы перед нами, а именно, если бы мы исходили из той предпосылки, что метод исследования, примененный Марксом в «Капитале», есть *только* общесоциологический метод исторического материализма, либо что в «Капитале» дано такое применение метода исторического материализма, которое целиком и полностью, без малейших изменений и вариаций, применимо к изучению любой системы хозяйства, как существовавшей до товарного хозяйства, так и сменяющей товарное хозяйство. Но такая точка зрения, в свою очередь, предполагает в качестве молчаливой логической предпосылки, что теоретическая политическая экономия есть не только наука, изучающая лишь исторически определенную, а именно товарную и товарно-капиталистическую систему отношений производства, но и наука о производственных отношениях людей вообще. Мы знаем, что среди марксистов есть немногочисленная группа сторонников именно такой точки зрения, что было продемонстрировано, в частности, на докладе

* Глава первая книги Е.А. Преображенского «Новая экономика».

И.И. Скворцова в Коммунистической академии «О предмете и методе политической экономии». Однако нужно считать фактом, совершенно неопровержимым и лишним раз доказанным прениями по докладу т. Скворцова, что такой взгляд на политическую экономию полностью противоречит всему тому, что сам Маркс писал о предмете и методе политической экономии, противоречит всей его теории капиталистического хозяйства, данной в «Капитале» и других работах, и опирается, если говорить об основателях научного коммунизма, лишь на две-три неточных формулировки Фридриха Энгельса.

Но если считать установленным, что Марксова политическая экономия есть наука о товарной и товарно-капиталистической системах хозяйства, то тем самым мы вплотную подходим к следующему вопросу, а именно к вопросу о том, есть ли в методе, примененном Марксом в «Капитале», некоторые специфические элементы, связанные с особенностью самого материала научного исследования, или нет. Если окажется, что такие элементы есть, то возникает дальше вопрос о том, какие из этих элементов сохраняются и какие отпадают или нуждаются в вариациях при переходе к анализу такой системы хозяйства, которая исторически сменяет капитализм, если не говорить о необходимости вариаций уже при анализе и самого капитализма в монополистической стадии и в период его распада.

Совершенно очевидно, что мы не можем ответить на все поставленные только что вопросы, если не остановимся в немногих словах на методе Марксовой политической экономии как раз в интересующем нас аспекте. После этой методологической экскурсии нам будет легче разобраться и в вопросе о методе теоретического анализа советской экономики.

Метод Марксовой политической экономии

Для понимания метода, примененного Марксом в «Капитале», мы располагаем, с одной стороны, рядом прямых методологических формулировок Маркса, разбросанных среди его работ, с другой стороны, конкретными исследованиями, где применение этого метода показано на деле.

Затрагивая вопрос о методе, Маркс неоднократно пытался объяснить разницу в применении метода материалистической диалектики в зависимости от конкретного материала исследования. Он указывал на то, что, например, изучение явлений природы в тех случаях, когда нельзя наблюдать явление в чистом виде, может происходить путем организации экспериментов, обеспечивающих такое наблюдение. Наоборот, «при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции» (предисловие к «Капиталу»). Здесь Маркс дает первое большое подразделение материала исследования, к которому мы подходим с диалектическим методом, т.е. деление на природу и на человеческое общество. По отношению к общественным процессам, которые нельзя повторить или воспроизвести искусственно, он считал необходимым замещать возможные результаты эксперимента силой абстракции. В сущности говоря, метод исторического материализма есть в высокой степени абстрактный метод исследования, потому что в едином комплексе социального организма, где непосредственные отношения в процессе производства теснейшим образом переплетены с тем, что принято в марксистской терминологии называть «надстройкой», марксист начинает анализ с трансформирующего центра всех изменений и всего движения, т.е. с экономики, отделяя ее силой абстракции на определенной стадии исследования от всего прочего.

Но разница в применении метода не ограничивается только этим. Когда базис абстрагирован от надстройки, когда мы приступаем к исследованию этого базиса, в данном случае к исследованию товарно-капиталистического хозяйства, то самый материал

исследования, специфическая особенность закономерностей именно капиталистической системы, требует у нас дальнейшего напряжения силы абстракции. Дело в том, что закономерности в развёртывании капиталистического способа производства имеют свои особенности. Для того чтобы уловить основной диалектический закон развития капиталистического хозяйства и его равновесия вообще, нужно, во-первых, подняться над всеми теми явлениями конкретного капитализма, которые мешают понять эту форму и ее движение в наиболее чистом виде. Маркс пишет об этом: «... В теории предполагается, что законы капиталистического способа производства развиваются в чистом виде. В действительности всегда имеется налицо лишь некоторое приближение, но приближение это тем больше, чем развитей капиталистический способ производства, чем меньше он искажается и осложняется пережитками прежних экономических состояний»¹.

Следовательно, для понимания законов капитализма необходимо конструировать понятие чистого капитализма, что Маркс и делает в «Капитале». Но этого мало. Здесь в применении абстракции еще нет наиболее характерной разницы между общесоциологическим методом Маркса и методом его политической экономии. Разница начинается дальше, когда как раз при анализе этого чистого капитализма вскрываются такие особенности этой структуры хозяйства, которые требуют абстрактно-аналитического метода, адекватного особенностям материала исследования. Капитализм – это система хозяйства, которое, с одной стороны, является единым, цельным организмом, со взаимной связью и взаимозависимостью всех своих частей, а с другой стороны, неорганизованной системой хозяйства, в котором равновесие достигается чисто стихийным путем, и в то же время, а также и благодаря всему этому, отношения между людьми овеществлены, материализованы. Суть вещей и форма их проявления не совпадают. Имманентные законы развития и равновесия системы пробивают себе дорогу через массу случайностей, встречных тенденций и могут быть уловлены лишь на основании глубокого критического и притом абстрактного анализа основного закона системы и форм его проявления, т.е. путем установления закона ценности, этого закона саморегулирования капиталистического механизма. Чем более чистым мы представляем себе капитализм, чем отчетливей нам делаются все имманентные законы его развития и равновесия, тем очевидней, с другой стороны, делается нам как раз особенность самого *типа* закономерностей капиталистического хозяйства, конкретный смысл самого слова «закон» применительно к этой форме. «Вообще при капиталистическом производстве всякий общий закон осуществляется лишь как господствующая тенденция, весьма запутанным и приблизительным образом, как некоторая средняя постоянных колебаний, которая никогда не может быть точно установлена»². Очень важно отметить, что Маркс говорит здесь о запутанности и приблизительности проявления какого-либо закона не применительно к конкретному капитализму, где все это может быть вызвано искажающими влияниями других экономических форм, например, пережитками феодализма. Нет, Маркс говорит как раз о чистом капитализме, о капитализме вообще, для анализа которого нужна *вторая ступень* абстракции. Можно представить себе капитализм в стадии, когда он охватил все мировое хозяйство и в сфере производства имеет лишь два класса: капиталистов и рабочих, а в то же время понимать законы капитализма в духе вульгарной экономии, т.е. выдавая за науку фотографические снимки обывательского сознания с овеществленных отношений товарного производства. Как раз анализ *чистого* капитализма обнаруживает тоже в наиболее чистом виде эту специфическую черту закономерности в товарном хозяйстве, которая присуща лишь неорганизованному и в то же время единому и связанному хозяйственному комплексу. А отсюда и особый методологический подход к изучению хозяйства этого типа. Только методом абстрактно-аналитической диалектики и только исходя из концепции закона ценности можно проследивать весь этот архизапутанный для исследования и сложный комплекс. По отношению к экономическим фор-

мам, где *еще* не действует закон ценности, а также по отношению к форме, где он *уже* не будет действовать, не нужна та вторая ступень абстракции и то осложнение методологических приемов, которые характерны для Марксовой политической экономии, характерны для «Капитала». Для пояснения этой мысли остановлюсь на одном примере. Закон отклонения цены от ценности, который является лишь формой проявления закона ценности, имманентно присущ капиталистической системе, как таковой он вытекает из моей структуры капитализма и свойственного ему метода достижения равновесия во всей системе производства, обмена, распределения. «...Именно эта отличительная черта (т.е. количественное несовпадение между ценой и величиной ценности. – *Е.П.*) делает ее (т.е. цену. – *Е.П.*) наилучше приспособленной к современному способу производства, при котором правило может прокладывать себе путь сквозь беспорядочный хаос явлений только как слепо действующий закон средних чисел»³. При таких условиях только благодаря открытию закона ценности, как центрального закона товарно-капиталистической системы, удастся через «беспорядочный хаос явлений» уловить закономерность всей системы и ее движения, а затем логически вывести из действия закона ценности все категории политической экономии как научные описания тех реальных производственных отношений капитализма, которые стихийно складываются на почве действия этого закона в реальной жизни.

При этом делается вполне понятным и тот факт, почему вся эта конструкция выглядит в изложении как априорная конструкция, хотя сам Маркс пришел к ней через критическую проработку огромного фактического материала. Только благодаря комбинированному изучению конкретных фактов с абстрактной, анализирующей работой мысли он построил свою теорию абстрактного капитализма, в которой реальный капитализм, освобожденный от всего случайного и нехарактерного для этой экономической формы, живет и движется, освещенный всеми цветами радуги, и в свою очередь вся конструкция бросает обратно сноп изумительно яркого света на капиталистические отношения реального мира.

Политическая экономия и социальная технология

Политическая экономия есть наука, вскрывающая законы развития, равновесия и отчасти законы распада товарного и товарно-капиталистического способа производства, как беспланового, неорганизованного способа производства. Антиподом товарного производства, исторически сменяющим его, является плановое социалистическое хозяйство. Но если в сфере экономического бытия товару капиталистического способа производства в хозяйстве плановом противостоит продукт, ценности – измерение рабочим временем, рынку в качестве сферы проявления закона ценности – бухгалтерия планового хозяйства, прибавочной ценности – прибавочный продукт, то в сфере науки политическая экономия уступит свое место социальной технологии, т.е. науке о социально организованном производстве.

«Политическая экономия не есть технология», – говорил Маркс во введении «К критике политической экономии», подчеркивая этим, что политическая экономия имеет прямой и непосредственной своей задачей анализ не отношений человека к природе, а отношение людей друг к другу в процессе производства (как они складываются в товарном и товарно-капиталистическом хозяйстве). Но тем самым политэкономия и не есть социальная технология. Она изучает лишь производственные отношения стихийно-неорганизованной формы хозяйства, с присущими только этой форме типами закономерностей, с типами закономерностей, как они проявляются на основе действия закона ценности. Проявляются же здесь закономерности таким образом, что результат действия закона

совершенно не совпадает с целями, планами, желаниями и ожиданиями агентов производства, поскольку они калькулируют лишь в пределах весьма ограниченного экономического поля и по самому существу всей системы не могут никогда предвидеть, к чему приведут по своим конечным объективным последствиям во всем хозяйстве их разрозненные действия, их разрозненные стремления, их несогласованные планы. И знание законов капиталистического производства и обмена, очень важное для понимания того, что произойдет в производстве при тех или иных условиях, не может устранить господства вещей над людьми там, где в сфере бытия существуют и действуют производственные отношения именно товарного хозяйства. Если бы все капиталисты и купцы современного мирового хозяйства в совершенстве знали «Капитал» Маркса, они калькулировали бы в пределах своей сферы деятельности, вероятно, лучше и, возможно, делали бы меньше глупостей, но не могли бы преодолеть тех последствий в хозяйстве, которые вытекают из его неорганизованности, стихийности, из отсутствия предварительного учета его возможных результатов и планового распределения производительных сил. Бытие оказывается сильнее сознания. В «Анти-Дюринге» Энгельс, высмеивая попытку Дюринга консервировать закон ценности в сфере распределения «в будущем обществе», писал: «Обмен труда на труд на основе равенства оплаты, поскольку такой обмен имеет какой-либо смысл, следовательно, обмениваемость продуктов одинакового общественного труда друг на друга, следовательно, закон ценности является *основным законом именно товарного производства*, тем самым и высшей формы последнего – капиталистического производства. Этот закон проявляется в современном обществе так же, как проявляются все экономические законы при системе частного производства: как слепо действующий закон природы, лежащий в мире вещей и отношений, не зависимый от воли и деятельности производителей»⁴.

Спрашивается теперь, что же изменяется в этом отношении при переходе общества к вполне организованному, плановому социалистическому производству? Подчинена ли деятельность людей здесь необходимости, существует ли и здесь также закономерность в сфере общественных отношений? Разумеется, да. Думать иначе, значило бы опрокидывать всю теорию диалектического материализма и заменять ее мирозерцанием, основанным на рецидиве философии свободной воли, если не индивидуальной, то коллективной. Если считать свободу осознанной необходимостью, то закономерность в области экономической и социальной деятельности людей продолжает господствовать и здесь, но только меняет свою форму. Закон «прокладывает себе дорогу» при плановом хозяйстве иначе, чем при неорганизованном товарном хозяйстве. Но закономерность есть и здесь, хотя бы ввиду этой разницы формы, и термин «закон» считали нужным заменить другим. А поскольку закономерность прокладывает себе дорогу иным способом, постольку изменяется и метод улавливания этой закономерности. Варьирует метод вследствие изменения материала исследования, одна социальная наука сменяет другую при переходе к исследованию этого изменившегося материала.

Посмотрим более конкретно, в чем меняется материал исследования и почему политическая экономия должна уступить свое место другой науке. На эту тему мы находим в «Анти-Дюринге» Энгельса следующую классическую формулировку, которую и он, и Маркс повторяли не раз в других местах и которая в значительной ее части нередко понимается упрощенно, если не сказать вульгарно. Я имею в виду знаменитую фразу насчет «прыжка в царство свободы».

«Вместе с обобществлением средств производства устраняется товарное производство и вместе с тем и господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства сменяется планомерной сознательной организацией. Прекращается индивидуальная борьба за существование... Совокупность жизненных условий, окружающих человека и господствовавших над ним, подпадает теперь под господство и

контроль людей, которые только теперь впервые делаются сознательными, действительными господами природы, так как они и поскольку они делаются господами условий их собственной общественности. *Законы их собственной общественной деятельности, которые им противостояли до сих пор, как чуждые и господствующие над ними законы природы, применяются (angewandt) с полным знанием их сущности и тем самым покоряются.* Общественные условия существования самих людей (Vergesellschaftung), которые противостояли им до сих пор, как дар природы или истории, делаются теперь продуктом их собственной свободной деятельности. Объективные, чуждые силы, которые до сих пор господствовали над обществом, вступают под контроль самих людей. Только теперь могут люди вполне сознательно делать свою историю, только теперь привнесенные ими в действие общественные силы преимущественно и во все растущем масштабе будут иметь желательные для людей результаты. Это будет скачком человека из царства необходимости в царство свободы»⁵.

В связи с этим вопросом полезно вспомнить также, что говорил Маркс о свободе и необходимости в области экономики.

«Царство свободы решается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону собственно материального производства. Как дикарь, чтобы удовлетворить свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный, и он должен делать это во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С его развитием расширяется его царство естественной необходимости, потому что его потребности расширяются; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что социализированный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы, напротив, он, как слепая сила, господствовал над нами в том, что они совершают его с наименьшей затратой силы и при условиях, наиболее достойных и адекватных их человеческой природе. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческой силы, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня – основное условие» (Капитал. Т. 3. Ч. 2. С. 357).

Из этих формулировок Энгельса и Маркса читатель может видеть, что ни Энгельс, ни Маркс не говорят о ликвидации «законов общественной деятельности» людей, хотя конкретно исторический закон ценности, т.е. закон, определяющий деятельность агентов производства в неорганизованном товарном обществе, и прекратит свое существование вместе со всем этим типом производства. А Маркс, кроме того, делает крайне важное замечание о том, что при социализме как раз рост потребностей должен увеличить рост необходимости, т.е. в данном случае рост экономической необходимости их удовлетворения. При социализме, а затем коммунизме законы применяются, используются людьми, и в этом смысле люди ими овладевают. Но овладеть можно лишь тем, что есть: овладеть силой пара, овладеть стихийным действием законов природы вообще – это не значит уничтожить эти законы. Это значит лишь направить их действие по желательному руслу. Хотя, само собой разумеется, овладеть «законами своей собственной общественной деятельности» значит в то же самое время серьезнейшим образом изменить форму проявления этих законов. В этом и состоит разница между законами капиталистического производства и социально-экономическими закономерностями планового социалистического хозяйства. Детерминизм господствует и здесь, но формы обусловленности, формы причинности другие. Поясним это на наиболее простом и типичном

примере, где наиболее ярко выступает структурная разница между капитализмом и социализмом, с вытекающей отсюда разницей в формах закономерности.

Допустим, в какой-либо капиталистической стране имеется недопроизводство кожаной обуви в сравнении с наличным платежеспособным спросом на этот товар на рынке. Во-первых, диспропорция обнаруживается *post factum*, после того как повышенный спрос создан. Иначе и быть не может при отсутствии общей организации производства, учета его размеров и размеров платежеспособного спроса. Правда, капиталистическое общество вырабатывает свои паллиативные способы учета будущего спроса, но они лишь смягчают неизбежные кризисные колебания, но не могут их устранить, поскольку система распределения производительных сил остается системой товарного хозяйства⁶. Повышенный спрос вызывает повышение цен на обувь, следовательно, происходит непредвиденное и несущее одним приятные, другим неприятные сюрпризы иное распределение национального дохода в сравнении с тем, каково оно было бы при равновесии спроса и предложения. За этим следует расширение производства в существующих предприятиях кожаной промышленности, приток новых капиталов, быть может, новое строительство. Так как размеры добавочного спроса так же точно неизвестны, как неизвестен был раньше, до предупреждения со стороны рынка, факт недопроизводства, то добавочное производство может перевалить, и чаще всего именно переваливает, через рамки добавочного спроса, полоса недопроизводства сменяется полосой перепроизводства, со следующим за ней падением цен, новым стихийным перераспределением национального дохода и капиталов между различными отраслями, и так вплоть до следующей диспропорции. Соответствие спроса с предложением оказывается случайностью, диспропорция в ту или иную сторону – правилом. Так прокладывает себе путь через действие закона ценности необходимость достижения равновесия между производством и платежеспособным спросом. Законы общественной деятельности людей в сфере производства противостоят агентам производства, как чуждые им, слепые, не контролируемые силы природы. Как для достижения равновесия при такой системе в сфере бытия нужен регулятор, присущий лишь данной системе, так и для понимания всего этого механизма и лишь ему присущих форм проявления закономерности нужны особые методологические приемы.

Посмотрим теперь, как же будет прокладывать себе путь закономерность в аналогичном случае при плановом хозяйстве. Допустим, повышение потребности на обувь имеет место при социалистическом обществе. Статистика социалистического производства учитывает его в основном еще *заранее*, на основании тех методов учета массового потребления, которые будут выработаны при этой форме производства. Рост потребностей здесь, вызванный ростом населения и другими подпадающими учету причинами, будет принят во внимание при составлении производственной программы обувной промышленности со всеми вытекающими отсюда последствиями для других отраслей. Но самый факт роста потребности в кожаной обуви (поскольку он не поддается изменению путем сознательного влияния самого общества на замену одного типа обуви другим или само производство не вызывает сознательно новой потребности) *есть факт объективный*. Регулирующие центры хозяйственной жизни могут *приспособиться* к этому объективному факту, но не могут его ликвидировать, отменить. А приспособление производства к потребности в одной отрасли вызовет ряд необходимых мер в распределении рабочих сил в смежных отраслях, в том числе и таких, как производство кожаного сырья, которое, поскольку дело идет о животноводческом сырье, более, чем другие отрасли, зависит от природных условий. Затруднение может быть частью преодолено благодаря использованию страховых резервов распределения, которые при плановом хозяйстве всегда будут играть огромную роль. Но и в этом и другом и третьем случаях закономерность, как внешне принудительный факт, остается, но прокладывает себе путь

совсем иным способом, чем в товарном хозяйстве. Она прокладывает себе путь не через рынок, извещает о своем прибытии не *post factum*^{*}, а прокладывает путь *предварительно*, *ante factum*, к сознанию *регулирующих хозяйственных органов общества*. Не цены на рынке *после производства*, а колонки цифр социалистической бухгалтерии *до производства* бьют тревогу и давят на сознание планирующих центров: они извещают руководящие хозяйственные центры о нарастании новых потребностей, а тем самым о той экономической необходимости, к которой надо приспособляться. Эта антиципация закономерности составляет как раз первую характерную черту нового, социалистического производства, отличающую его от старого. Эта отличительная черта проявляется и в том, что взаимозависимость отдельных частей производственного механизма дает себя знать также не стихийным путем, а в уравнениях пропорциональности, предварительно намечаемых Госпланом социалистического хозяйства. Господство общества над производительными силами достигается в результате предвидения намечаемых мер, их последствий и тех предпосылок, которые для этого нужны. При таком приспособлении к экономической необходимости чрезвычайно увеличивается количество методов и возможностей достигнуть новой цели. Даже при тех же рабочих силах и материальных ресурсах, что и при капитализме, здесь достигается огромное повышение возможностей хозяйственного маневрирования, и уже одно только изменение качества экономической структуры дает возможность повысить количество достигаемого результата.

Но поскольку меняется форма проявления экономической необходимости и форма реакции на нее организованного общества в сфере бытия, постольку меняется и метод изучения этой необходимости и приспособление к ней и в сфере познания, и в сфере науки с ликвидацией закона ценности в области экономического бытия ликвидируется и старая политическая экономия. Ее место занимает теперь новая наука, наука о предвидении экономической необходимости в организованном хозяйстве и наиболее целесообразном производственном и ином достижении того, что необходимо. Это совсем другая наука, это социальная технология, наука об организованном производстве, об организованном труде, наука о системе производственных отношений, где закономерности в экономической жизни проявляются в новых формах, где нет уже овеществления человеческих отношений, где с ликвидацией товара исчезает и товарный фетишизм, где предвидение результатов экономических мероприятий и изучение того, что *будет*, занимают не менее, а скорее более важное место, чем учет их объективных последствий, чем анализ того, что *было* и почему *было*. Эта наука в известном смысле так же отличается от политической экономии, как рынок товарного хозяйства будет отличаться от кабинетов регулирующих социалистических органов вместе с их крайне сложной и разветвленной нервной системой социального предвидения и планового руководства.

Метод исследования товарно-социалистической системы хозяйства

Сложней обстоит дело при анализе системы хозяйства, где действует одновременно и плановое начало в тех пределах, которые вытекают из достигнутой степени организации хозяйства, и одновременно существует и закон ценности с его внешне принудительной силой действия. Исследование хозяйства такого типа трудно прежде всего потому, что ни одна, ни другая формы производства не даны в их чистом виде. Если закон ценности, поскольку он проявляется в такой системе, – это наш старый знакомый, достаточно изученный и на примере классического капитализма, и по отношению к системе простого товарного производства, то, наоборот, плановое хозяйство – это незнакомец, который

^{*} *Post factum* (лат.) – после того как что-либо уже произошло.

впервые выступает на историческую арену в нашей экономике и только отчасти приоткрывает нам свое лицо. Мало того. Этот закон ценности и плановое начало, основные тенденции которого принимают в советском хозяйстве форму закона первоначального социалистического накопления, действуют внутри единого хозяйственного организма, противопоставленные один другому в результате победы Октябрьской революции. В итоге ни тот, ни другой закон не проявляются в их чистом виде. Пролетарское государство одновременно и руководит государственным хозяйством и руководит политикой внутренней и внешней, стремясь к сохранению данной системы, к ее укреплению, к победе в ней социалистических начал. Оно встречает при этом противодействие со стороны мирового капитализма извне, частного хозяйства – внутри. В результате линия его экономической политики, реальные результаты, достигаемые в хозяйственной области, пролегают не по линии оптимума закона первоначального социалистического накопления, а по линии некоторой равнодействующей, складывающейся в результате данного соотношения сил между социалистическими тенденциями и встречаемыми на их пути противодействующими влияниями.

Совершенно очевидно, что при таких условиях простое описание того, что есть и было, не будет наукой в настоящем смысле этого слова. Маркс говорил, что если бы форма проявления и сущность вещей совпадали, то никакая наука не была бы нужна. Это относится не только к вульгарным экономистам, описывающим лишь поверхность явлений капиталистической экономики, но является предупреждением и против всякого будущего рецидива вульгарной экономии, в том числе против вульгарного изучения советского хозяйства. Описание того, что является результатом борьбы двух начал в нашей экономике, неспособно объяснить, почему получается именно такой, а не иной результат, неспособно дать прогнозы по отношению к будущему. Следовательно, и здесь необходимо прибегнуть к абстрактно-аналитическому методу исследования и попытаться вскрыть сталкивающиеся тенденции сначала в их чистом виде. При этом главная трудность заключается не в анализе закона ценности и даже не в тех искажениях и ограничениях действия закона ценности, которые мы постоянно наблюдаем в нашем хозяйстве. Во-первых, здесь мы знаем, что подвергается искажению и ограничению. Мы можем фотографию искаженного закона ценности сравнить с оригиналом. С другой стороны, мы имеем уже некоторый изученный опыт искажений закона ценности при монополистическом капитализме, следовательно, не все возможные искажения действия этого закона являются для нас новинками и сюрпризом. Главная трудность заключается как раз на стороне закона первоначального социалистического накопления. Наиболее трудно вскрыть в чистом виде тенденции именно этого закона и потом объяснить все ограничения, которым подвергаются присущие ему тенденции в результате действия закона ценности.

При самой попытке анализировать закон в чистом виде и проследить отклонения от него мы встречаемся со следующими затруднениями и отчасти возражениями, формулирующими эти затруднения. Во-первых, можно ли вообще говорить о законе в применении к процессу первоначального социалистического накопления и не правильной ли говорить просто о плановом начале в его действии? Во-вторых, можно ли и правильно ли методологически анализировать действия закона в чистом виде, допуская на определенной стадии исследования абстрагирование от реальной экономической политики Советского государства, диктуемой и всей совокупностью политической обстановки? Наконец, в-третьих, можно ли вообще исходить из предпосылки, что в нашем хозяйстве борются два основных закона? Какой же из них является тогда единым регулятором хозяйства?

К ответу на первый вопрос мы отчасти уже подготовлены предыдущим изложением. Мы можем говорить о законе первоначального социалистического накопления вот в

каком смысле. Законом в общесоциологическом смысле мы называем постоянство следствий при воспроизводстве относительно тех же самых причин, относительно той же самой социальной обстановки (абсолютных повторений не бывает ни в природе, ни тем более в обществе). Закон в экономическом смысле – это постоянство следствий, вытекающее из воспроизводства определенного типа отношений производства. Пример: закон ценности начинает действовать всюду, где появляются производственные отношения товарного и товарно-капиталистического хозяйства. Допустим теперь, что в обществе начинает действовать плановое начало. Перестает ли действовать закон причинности, ликвидируется ли закономерность в сфере производственных отношений? Выше мы уже ответили на этот вопрос отрицательно. Закономерность лишь складывается иначе, она прокладывает себе пути сначала к сознанию: то, что экономически необходимо, сознается заранее, учитывается предварительно и потом приводит к организованному действию в определенном направлении. Разница только в этом⁷. Но раз новый тип производственных отношений начинает пробивать себе дорогу, то прежде всего и больше всего он должен бороться за свое существование и свое укрепление, что в нашем хозяйстве, в условиях роста капиталистических отношений внутри и при капиталистическом окружении вовне, означает бороться за свое существование путем воспроизводства социалистических отношений каждый раз *в расширенном масштабе*, с определенным, объективно навязываемым Советскому государству *масштабом расширения*. Это – вопрос жизни и смерти для всей системы. Но бороться за воспроизводство отношений данного типа, т.е. социалистического типа, значит бороться за увеличение средств производства, принадлежащих пролетарскому государству, во-первых, за объединение вокруг этих средств все большего и большего количества рабочих, во-вторых, за поднятие производительности труда во всей системе, в-третьих. А это и значит бороться за расширенное воспроизводство данной системы, бороться за максимум первоначального социалистического накопления. Вся совокупность тенденций, и сознательных и полусознательных, направленных к максимальному развертыванию первоначального социалистического накопления, и есть та экономическая необходимость, тот принудительный закон существования и развития всей системы, который воспроизводит постоянно свое давление на сознание коллектива производителей государственного хозяйства и снова и снова приводит их к повторению действий, направленных к достижению оптимума накопления в данной обстановке. Необходимость этих действий сознается, хотя и не всегда отчетливо⁸, но это меняет форму проявления закона, а не отменяет его. Если бы мы плохо сознавали необходимость действовать, и притом действовать с возрастающей скоростью и энергией в духе накопления, нас стали бы подстегивать объективные факты, как рост товарного голода, рост частного накопления, угроза существованию всей системы вследствие слабости нашей промышленной и военно-промышленной базы и т.д. При таких условиях возражения против термина «закон» на основании только того, что изменяется форма его проявления, что изменяется характер, каким он детерминирует волю людей, свелись бы к филологическому доктринерству, не более.

Следовательно, мы можем говорить о законе первоначального социалистического накопления. Но мы не только можем, но и *должны* о нем говорить, если хотим научное исследование нашего хозяйства и его особенностей *продвинуть* вперед.

Часто приводится такой аргумент против: зачем говорить о каком-то законе, когда дело идет просто о борьбе социалистического планового начала со стихией товарного хозяйства? Это возражение человека, который упорно не желает идти в баню, находя, что и так хорошо. Я согласен, что для тех, кто не желает заниматься научным анализом нашего хозяйства и теперешней фазы развития социалистического начала в этом хозяйстве, можно и не двигаться дальше. Но каждый, кто хочет *идти вперед*, согласится, что фраза о борьбе социалистически планового начала со стихией товарного производства

ничего не говорит о своеобразии, об особенностях, о специфических чертах именно *теперешнего периода* этой борьбы. Эта фраза, сколько бы ее ни преподносили нам в разных формах, остается бессодержательной и пустой формулой, если мы не вложим в нее конкретного содержания, связанного с настоящим периодом и настоящей социально-экономической обстановкой существования государственного хозяйства. Борьбу с товарным хозяйством мы вели при военном коммунизме, ведем теперь и будем вести ее через десять и через двадцать, и, надо думать, и через тридцать лет, будем вести и тогда, когда наша социалистическая промышленность подведет под себя новую техническую базу, будет составлять, быть может, район в системе социалистического производства Европы и т.д. Неужели же по отношению к столь разной обстановке, столь разным технико-производственным отношениям, столь разной системе связей организованного хозяйства с частным мы будем довольствоваться все одной и той же общей фразой, которая, разумеется, останется верна и 20 и 40 лет, но именно поэтому будет всегда достаточно бессодержательна?

Наоборот, как только мы пытаемся продвинуться от этой общей фразы к более конкретному анализу закономерностей данного периода существования нашей экономики, как только мы конкретно поставим вопрос, что же на данном историческом перегоне означает борьба планового начала с товарным хозяйством, мы сейчас же наталкиваемся на проблему первоначального социалистического накопления, на все закономерности этого процесса; познавательное содержание нашего анализа обогащается рядом обобщений, которые позволяют схватить и основные очертания имманентного закона, присущего данной стадии борьбы планового начала с законом ценности, и отделить случайное от общего, второстепенное от существенного, форму проявления от существа дела.

Второе возражение методологического характера, уже высказанное некоторыми оппонентами после появления в печати второй главы настоящей книги, заключается в указании на неправильность отделения при анализе экономики Советского государства от политики Советского государства. Это возражение совершенно несостоятельно и бьет против общесоциологического метода Маркса, против теории исторического материализма. Отнюдь не случайно, что в своей первой капитальной экономической работе, т.е. «К критике политической экономии», Маркс предпослал предисловие, в котором изложил свой общесоциологический метод. Своим построением о «базисе и надстройке» он обосновал свое право начать анализ капиталистического общества с «базиса», хотя бы определенная надстройка при этом всегда предполагалась, как объективный социальный факт. В теоретической экономии абстракция начинается уже с самого начала исследования, поскольку эта наука начинается именно с базиса. Это не умаляет роли надстройки и важности изучения этой стороны отношений людей в товарном хозяйстве; но не с этого начинается исследование. В первоначальном наброске плана «Капитала» у Маркса значился раздел и о государстве, но он предполагал перейти к этому вопросу в дальнейшем, после анализа капиталистического хозяйства в собственном смысле слова. Почему же и при *теоретическом анализе* советского хозяйства нельзя также начинать с базиса? Мои оппоненты в этом пункте, сами того не сознавая, переключиваются от марксистского метода в лагерь известного немецкого социолога Штаммлера и его школы, а также подают руку всем другим критикам марксизма, которые нападали на теорию исторического материализма как раз за ее принципиальную методологическую постановку вопроса о базисе и надстройке. Вот что писал на интересующую нас тему сам Штаммлер. В своей работе «Хозяйство и право» он говорит, что в политической экономии невозможна чисто хозяйственная точка зрения сама по себе, не зависящая от совершенно определенного социального регулирования и логически им не обусловленная. Возражая против отделения в исследовании политики и права от экономики и выступая, в частности, против предисловия Маркса «К критике политической экономии», Штаммлер писал: «Таким

образом, правильно будет противопоставлять не хозяйственную жизнь, экономическое производство или экономическую структуру и тому подобное, с одной стороны, правовому порядку и политической надстройке, с другой, а материю социальной жизни и ее форму, как два элемента единого продукта общественного бытия человека»⁹. И еще: «Кто хочет взять в качестве непосредственного предмета своего научного исследования само социальное хозяйство, как связанное сотрудничество, тот не может выставить и обосновать ни одного социально-научного тезиса, который не предполагал бы заранее определенного регулирования социальной жизни. Всякое исследование о земельной ренте, заработной плате, проценте на капитал или предпринимательской прибыли так же зависит от наличности конкретного правопорядка, как и все учение о деньгах, кредите, образовании цен или любая глава из политической экономии»¹⁰.

Я не буду приводить еще и других столь же характерных цитат. Совершенно очевидно, что оппоненты оказались в весьма неприятной для них компании видного критика марксизма с его школой с Бирманом, Дилам, А. Гессе, Р. Штольцманом, а также с российскими субъективными социологами, к которым они рискуют подойти еще и с другого пункта своих позиций.

Мои оппоненты приводят в подтверждение правильности своих возражений формулу, которую любил повторять Ленин, насчет того, что политика есть концентрированная экономика. Они не доказывают лишь, как это для понимания концентрата можно избежать предварительного анализа того, что концентрируется в политике¹¹. Впрочем, если им угодно начинать анализ с того, чем марксисты обыкновенно кончают, то пусть попробуют. Мы их послушаем. Я же остаюсь на почве марксизма и считаю, что надо начинать анализ с базиса, с действия закономерностей экономической жизни, а потом объяснять и необходимость определенной политики. Именно так действовал Маркс при анализе и капиталистического *производства* и всей системы капиталистического *общества*. Отвечая на фактически делавшиеся ему и возможные возражения по отношению к «Капиталу», он в письме к Кугельману от 11 июля 1868 г. писал: «Задача науки состоит именно в том, чтобы объяснить, как проявляется закон ценности, следовательно, если бы захотели сразу «объяснить» все кажущиеся противоречащими закону явления, то пришлось бы дать науку раньше науки». Мои оппоненты, очевидно, считают себя сильней Маркса и находят возможным «дать науку раньше науки». Мне эта задача явно не по силам. Я подожду, пока они начнут исследование по своему методу. История будет им признательна, если они дадут «раньше науки» что-нибудь иное, кроме обыкновенной вульгарной экономии на новой почве, образчиков которой мы имеем достаточно в наших экономических журналах и газетах. Я же задаюсь скромной задачей сначала абстрагироваться от реальной экономической политики государства, которая есть равнодействующая *борьбы* двух систем хозяйства и соответствующих классов, исследовать в чистом виде движение к оптимуму первоначального социалистического накопления, вскрыть действие противоборствующих тенденций по возможности в чистом виде, а затем уже попытаться понять, почему равнодействующая реальной жизни проходит именно по данной линии, а не по другой.

Разумеется, подобного рода анализ труден постольку, поскольку сознательно проводимая экономическая политика государства представляет из себя весьма часто не реакцию на встретившиеся на практике затруднения при развертывании социалистического воспроизводства, но и продукт *учета заранее этих затруднений*, антиципации их. То что является внешне вынужденной (вследствие сопротивления частного хозяйства) политикой, имеет вид свободно проводимых решений. Экономическая необходимость прокладывает себе путь в одеянии внешне свободного выбора линии определенной политики. Сознательными решениями регулирующих органов государства одинаково являются и решения, которые продиктованы оптимумом первоначального социалистического

накопления, и решения, которые продиктованы необходимостью *урезать этот оптимум* вследствие сопротивления частного хозяйства и классов, его представляющих. Отделить здесь оптимум в его чистом виде от реальной политики, вынужденной отступать от этого оптимума, представляет из себя задачу очень трудную. Для решения этой задачи нужен конкретный анализ всей хозяйственной и политической обстановки в каждый отрезок времени или, по крайней мере, в определенный период экономического развития. Эта трудность вытекает, следовательно, из самого типа наших производственных отношений, *из перекрещивания в них социалистических начал с началом товарного производства*. Здесь как раз мы и имеем тот пункт, где при применении общих основ марксистского метода исследования приходится модифицировать те методологические приемы, которые Маркс применял при анализе производственных отношений чистого капитализма. Именно здесь (хотя и не только здесь) мы и встречаемся с тем изменением самого материала исследования, который вынуждает нас в известном смысле переходить с почвы политической экономии на почву другой науки, которая представляет из себя переход от политической экономии к социальной технологии. Эту переходную науку еще предстоит создать коллективными усилиями наших экономистов. Эта наука должна будет подвергнуть изучению вопрос о том, как проявляются закономерности экономической жизни при смешанной, товарно-социалистической системе хозяйства, как детерминируется воля участников коллективного производства, связанного тысячами нитей с частным хозяйством, и как будут складываться отношения в частном хозяйстве, развивающемся как частное хозяйство или приспособляющемся к государственному хозяйству, в обстановке растущего ограничения закона ценности плановым началом. Новое возникает здесь ведь не только в самом государственном хозяйстве, но отчасти и в частном, существующем в обстановке, когда так называемые командные высоты заняты *коллективным хозяйством* пролетариата. Тот методологический прием, который я применяю в настоящей работе и который состоит в попытке выделить сначала в чистом виде тенденции двух борющихся начал, двух методов распределения рабочих сил и средств производства, для объяснения экономической равнодействующей реальной жизни, я ни в какой степени не склонен рассматривать как единственно возможный прием. Если кто-либо из исследователей (именно исследователей, а не представителей вульгарной экономии) предложит другой методологический прием, который окажется более пригодным и более родственным самому существу нашей экономики, такую попытку надо будет только приветствовать.

Из сказанного отчасти видно, что успешное научно-теоретическое исследование нашей экономики требует, с одной стороны, более обстоятельного анализа самого понятия закона, закономерности, необходимости в условиях развертывания коллективного хозяйства, а с другой стороны – продолжения начатого в гениальных работах Ленина *социологического* анализа всей системы *советского общества*, как совершенно новой и своеобразной социальной формации. Это требует огромной, постоянно возобновляемой и постоянно проверяемой на опыте коллективной работы мысли всех наших теоретиков.

Перехожу, наконец, к третьему затруднению и третьему возражению, возникающему на базе этого затруднения. Не вытекает ли из предыдущего, что в нашем хозяйстве с его борьбой двух начал имеется почва и для двух разных регуляторов всей системы в целом? Может ли это быть вообще, и к чему тогда сводится известное единство всей системы хозяйства, как связанного хозяйственного организма?

Что в нашей системе борются два начала, это есть факт, никем не оспариваемый, кроме, разумеется, тех, кто все наше хозяйство рассматривает лишь как одну из разновидностей буржуазно-капиталистической экономики. Но если в едином хозяйственном организме имеется в наличии борьба двух начал, как антагонистическая форма движения вперед всей системы, свойственная диалектическому процессу развития вообще,

то вопрос надо ставить не так: может ли быть при таком положении два регулятора, а может ли *не* быть двух регуляторов. Единой может быть лишь каждый данный момент *равнодействующая* двух борющихся сил, реально складывающееся в каждый данный момент распределение труда и средств производства между системами и рыночная форма связи между ними, больше всего меняющая свое *содержание* как раз на противоположных полюсах хозяйственного целого.

Если каждое начало борется за преобладание во всей системе, тем самым оно борется за тот тип регулирования, который органически свойственен данной системе производственных отношений, взятой в ее чистом виде. Поясним это на таком примере. Допустим, в нашем хозяйстве возобладали бы товарно-капиталистические отношения, что в сфере политики означало бы неизбежно ликвидацию диктатуры пролетариата, а в сфере экономики – свободное развертывание товарно-капиталистического регулятора хозяйства, т.е. закона ценности. Распределение общественного труда и средств производства складывалось бы тогда так, как оно складывается всегда при действии закона ценности, т.е. произошла бы такая перестановка рабочих сил и средств производства, которая *лучше всего стихийно воспроизводит товарно-капиталистические отношения*. С ликвидацией монополии внешней торговли произошла бы ликвидация одних предприятий, развертывание других, при уменьшении индустриализации страны в целом, и весь этот процесс был бы стихийно подчинен задаче воспроизводства капиталистических отношений внутри страны и в тех капиталистических странах, которые увязались бы в весь этот процесс буржуазной реконструкции нашего хозяйства. Теперешняя промышленность СССР и существующие пропорции в хозяйстве, в частности распределение производительных сил между тяжелой и легкой промышленностью, между городом и деревней, самым существенным образом изменили бы свой облик. Спрашивается, присуща ли нашему частному хозяйству, во-первых, и капиталистическим странам – во вторых (усиленно добивающимся в качестве своей программы-минимум ликвидации монополии внешней торговли и социалистического протекционизма), тенденция, давление в этом направлении? Разумеется, да. А если да, то им присуще стремление к *своему* типу регулирования, который и пробивает себе дорогу всюду там, где не встречается с противодействием, идущим из другого сектора хозяйства.

Теперь об этом секторе, т.е. о государственном хозяйстве. Если бы оно получило максимум возможностей к перестройке всей системы, прежде всего благодаря победе пролетарской революции в Европе, то, разумеется, при оформлении социалистических отношений, как полностью и безусловно господствующего типа во всем хозяйстве, не только победило бы плановое начало, как метод организации и руководства хозяйством, но пропорции в распределении труда и средств производства были бы существенно иными как в сравнении с теперешним положением, так тем более в сравнении с тем положением, которое получилось бы в результате победы капиталистической формы и при действии именно закона ценности как единого регулятора хозяйства.

Но если это так, то, спрашивается теперь, тогда, когда социалистический сектор ведет борьбу за свое существование и развитие, проявляется ли с этого конца действие другого регулятора, пытающегося подчинить себе всю систему, иначе ее переконструирование, а для этого собирать все больше и больше ресурсов для организации труда по-новому и вокруг все более и более растущих количественно и повышающихся качественно средств производства? Безусловно, да. И теперь только надо более отчетливо уяснить себе, в чем состоит действие того закона, в котором концентрируется и в котором находит свое выражение весь этот процесс.

Допустим на минуту, что мы с известного момента имеем в нашей системе хозяйства, взятой в целом, не процесс расширенного воспроизводства, а процесс простого воспроизводства. При таком положении, несомненно, сфотографированное, допустим, в

1926 г. распределение производственных сил и многое другое в экономике страны имело бы иной вид, чем при теперешнем положении, когда система находится в движении, когда мы имеем дело с расширенным воспроизводством и в государственном, и в частном хозяйстве. Но в чем же состояло бы это изменение? На этот вопрос мы отчасти можем ответить по аналогии с распределением производительных сил при простом и расширенном воспроизводстве в капиталистическом хозяйстве. Читавшие второй том «Капитала» знают, что Маркс дает там сначала схему распределения производительных сил при простом воспроизводстве, а затем – схему распределения при расширенном. При той же общей сумме капитала во всем хозяйстве пропорции распределения внутри каждого подразделения на $c+v+m^{12}$ и между обоими подразделениями тогда совсем иные. Они как бы выстроены в боевом походном порядке, в них фотографируется пропорциональность динамики расширенного воспроизводства. В нашем хозяйстве, при расширенном воспроизводстве в государственном хозяйстве и частном, расстановка производительных сил, пропорции между социалистическим сектором и частным, а также пропорции между отраслями социалистического сектора не только должны быть иными в сравнении с простым воспроизводством, но они иные и в сравнении с пропорциями расширенного капиталистического воспроизводства при данном уровне индустриализации и неизбежно иные каждый данный год в сравнении с предыдущим. Каждый новый год для государственного хозяйства, если оно находится в состоянии развития, означает: 1) абсолютное увеличение производства в сравнении с предыдущим, 2) относительное возрастание его в сравнении с ростом частного производства и 3) каждый раз иную расстановку сил внутри его самого, вызываемую как раз пропорциональностью расширенного социалистического воспроизводства данного года. Но закон, который регулирует весь этот процесс: и перегруппировку, и нарастание социалистических отношений производства, и перекачку ценностей из частного хозяйства, и есть закон первоначального социалистического накопления. В каждый данный год он принудительно диктует нам внутри всего государственного хозяйства такое распределение производительных сил, которое антиципирует распределение их и для *будущего* года и отчасти на несколько лет вперед. Достигнутая уже государственным хозяйством степень организованности, как бы она ни была скромна вообще и насколько бы ниже она ни была *уже имеющихся объективных возможностей* для такой организованности, во-первых, и самый характер наших капитальных работ, особенно нового строительства, во-вторых, требуют в каждом данном году таких перегруппировок производительных сил, которые частично предвосхищают пропорции в хозяйстве будущих лет. Иначе мы в 1926 г. будем создавать неизбежно для 1930 г. и товарный голод, и разрыв равновесия между нашим хозяйством и мировым, и разгром, в интересах частного хозяйства, наших импортных планов, подчиненных задаче индустриализации страны, и т.д. То что Госплан уже перешел к выработке пятилетнего плана, не есть случайное обстоятельство. Такое углубление планирования не только есть наше завоевание, но и настоятельная необходимость, которая диктуется коллективному хозяйству прямо как внешне принудительный закон. Октябрьская революция имеет на этом фронте борьбы свою логику. Но если переход к такому планированию неизбежен, и *мы не можем, это не в нашей власти, от него отказаться* или увильнуть, раз мы социализировали промышленность и транспорт (иначе в Октябре не надо было братья за оружие), то отсюда с неизбежностью вытекает уже в 1926 г. такая группировка производительных сил внутри государственного хозяйства, которая не только должна отвечать запросам всего хозяйства в целом для данного года, но и предвидеть, по возможности, пропорции воспроизводства за несколько лет, чего капиталистическое хозяйство не может делать в таком размере и в такой форме по самой своей структуре. Если мы отчасти вытесняем спасительное для неорганизованного хозяйства действие закона ценности и с его минусами, и с его *плюсами*, мы должны соответствен-

но заместить регулирующую деятельность этого закона другим законом, имманентно присущим государственному хозяйству на данной стадии его развития, законом первоначального социалистического накопления.

Но если этот закон диктует нам определенные пропорции внутри государственного хозяйства, *расходящиеся* с теми пропорциями, которые диктуются рыночной обстановкой *данного года*, то точно так же определенный размер всего процесса расширенного воспроизводства с его количественной стороны, следовательно, объективно необходимый минимум накопления материальных ресурсов (и за счет собственных ресурсов государственного хозяйства, и за счет перекачки части прибавочного продукта в социалистический сектор из хозяйства частного) также *принудительно* диктуется нам со стороны определенных *пропорций*. Мы можем за пределами этого минимума иметь известное свободное поле для маневрирования, но недостижение минимума будет бить нашу систему в форме кризиса недопроизводства, что мы имеем налицо в 1925 и 1926 гг. А этот кризис, вызывая рост частного накопления вследствие роста розничных цен, ослабляет наши позиции в борьбе с буржуазными элементами нашего хозяйства и является опасным и для валюты, и для реального уровня заработной платы, и опасным политически. А все это в целом, с точки зрения рассматриваемой здесь проблемы, говорит за то, что закон первоначального социалистического накопления является регулятором и с этого конца. *Непонимание того, что такой закон есть, что он имеет принудительный характер для государственного хозяйства и влияет на частное, не только есть теоретическая ошибка, не только упрямство мысли, консервативность, но и вещь опасная практически, опасная с точки зрения борьбы всей нашей системы коллективного хозяйства за ее существование.*

Я должен с особенной настойчивостью подчеркнуть опасность теоретической отсталости на этом пункте потому, что с централизацией всего государственного хозяйства и руководства им предвидение играет для развития нашей системы и ее сохранения совершенно исключительную роль, несравнимую с ролью предвидения при стихийном типе регулирования. А отсюда и огромная не только научная, а прямо *производственная* роль правильной теории советского хозяйства. Когда в капиталистической стране в парламенте идет непрерывная болтовня и склока, когда в сфере науки каждый приличный буржуазный экономист и финансист, гуляя по поверхности хозяйственной жизни, считает долгом щегольнуть парадоксами своего собственного изобретения, чтобы чем-либо отличаться от других, то подобному роскошь и в управлении, и в науке буржуазное общество может себе позволить *потому, что функцию регулирования хозяйства умней и надежней всех его политиков и профессоров, взятых вместе, выполняет закон ценности*. Не только своекорыстные классовые интересы буржуазии (что так ярко доказал Маркс), но и сама *структура* капиталистического производства низводят экономическую науку в лучшем случае до роли фотографического аппарата текущей конъюнктуры, либо ее терпят в качестве умной ненужности. Ошибки буржуазных экономистов очень мало могут отразиться на успехах капиталистического накопления. В нашем же хозяйстве, где роль предвидения так велика и так быстро растет, где ошибки экономической политики так болезненно изживаются всем хозяйственным организмом и так искривляют движение вперед, у нас экономическая наука, у нас теоретическое предвидение, у нас правильный анализ системы хозяйства должны получить совершенно исключительное значение. И, наоборот, нам практически, хозяйственно, политически делаются опасны ошибки в сфере экономической теории. В частности, нам вредно и даже опасно долго игнорировать в сфере теории наличие в нашей системе не «просто» социалистического накопления (чтоб констатировать этот факт, не нужно даже вульгарной экономии), а закона первоначального социалистического накопления, как объективного фактора, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Некоторые наши экономисты не могут принципиально допустить, что в нашем хозяйстве действует не один, а два регулятора. Это не плод глубокого усвоения науки теоретической экономии, а самый несомненный продукт научного предрассудка, неумение метод марксистской диалектики применять в новых условиях. Это – догматизм и педантизм, не более. Эти экономисты привыкли к анализу развитого капитализма и к концепции единого регулятора, поскольку этот регулятор при капитализме действительно является единым. И они обнаруживают не только консервативность, не только робость мысли, а вступают в противоречие с духом марксизма, с общесоциологическим и общеполитическим методом Маркса, когда боятся перейти от теоретической экономии на дистанцию, хотя бы немного соответствующую тому отходу от капитализма, который проделало наше хозяйство в сфере *бытия*. Они боятся на деле показать, что политическая экономия изучает лишь исторически преходящий тип производственных отношений, что трансформация ее в другую науку после социалистической революции совершенно неизбежна, если неизбежно вообще движение вперед в сфере теории. Эта робость мысли, социальных корней которой я пока не берусь искать и говорю только о логических, тем более непонятна, что ведь и закон ценности не свалился же сразу с неба, его действие разворачивалось вместе с развертыванием товарного хозяйства, единым регулятором он не является не только в нашем хозяйстве, но и не всегда являлся в прошлом. Разве в тот период, когда товарное хозяйство разъедало и рассасывало цеховую систему, закон ценности не сталкивался с еще не ликвидированной цеховой системой регламентации труда? Ведь этот дуализм в прошлом, на заре развития капитализма, есть факт. Почему этот факт невозможен при начавшемся отмирании капиталистических отношений?

Тем, кому нечего возразить на этот аргумент, остается, по-видимому, покинуть сферу методологической дискуссии и перенести ее на другую почву, а именно заявить следующее: «Все дело в оценке удельного веса планового начала, вы его переоцениваете, мы же держимся почвы действительности». Допустим, так. Однако перехитрить в сфере логики социально-экономические последствия Октябрьской революции вряд ли возможно. Как говорится в одном веселом анекдоте, здесь «есть две возможности», и обе их мы разберем. Либо в нашем теперешнем хозяйстве в качестве регулятора действует в основном один закон, закон ценности. Но тогда каким же образом на основе этого закона, который, если понимать так, как понимал его Маркс, должен стихийно воспроизводить капиталистические отношения, может идти расширенное воспроизводство социалистических отношений, да еще при подъеме социалистического *качества* этих отношений?

Если это положение верно, то не правы ли меньшевики в их анализе нашей системы, не прав ли покойный Парвус, который считал, что хозяйство у нас вполне буржуазное, с огромными возможностями развития по американскому типу, но что рабочая власть, с ее вмешательствами в производственный процесс, является главным препятствием к развитию производительных сил хозяйства того типа, который у нас есть на деле, т.е. буржуазного типа хозяйства, т.е. регулируемого законом ценности. Если наше планирование сводится лишь к тому, что мы улавливаем неизбежное действие закона ценности и под его диктовку пишем то, что он бы нам прописал в порядке стихийного пинка в спину и в затылок (в случае неудачного «улавливания»), то не в праве ли мы спросить: не является ли в этом случае все наше планирование, все наше «социалистическое» регулирование лишь *функцией* закона ценности? Каким же образом мы можем тогда *не* воспроизводить в расширенном масштабе именно капиталистических отношений и того распределения производительных сил, которое отвечает задаче именно капиталистического воспроизводства и в пропорциях хозяйства, и в отношениях производства? Что-нибудь одно. Или эти отношения не могут длительное время находиться во внутреннем противоречии со своим «регулятором», либо регулятор у нас не этот, или, верней, не только этот. Я думаю, что наши экономисты, с которыми я полемизирую в данном слу-

чае, будут решительно отвергать, что они стоят на вышеизложенной точке зрения, и побоятся делать такие выводы.

Но тогда остается другая возможная постановка вопроса, а именно, что у нас в нашем хозяйстве идет *борьба* двух начал, хотя бы начало социалистическое и было весьма слабо, слабей, чем в данной работе я его оцениваю. Этот факт борьбы двух начал формально все признают. Но ведь для борьбы, как известно, нужно минимум два борющихся субъекта. Дуализм уже налицо. Борьба, если она действительно ведется, не может не быть борьбой за два разных *типа* организации труда, за различное распределение производительных сил, за два метода регулирования. Каким же тогда образом может отсутствовать и другой регулятор, антагонистический закону ценности? Это никак невозможно ни логически, ни на деле. А в таком случае я очень бы советовал нашим экономистам, о которых идет речь, ввести минимум «планового начала» в свои мысли и показать, как они сводят баланс в области теоретической между положением о «последовательно-социалистическом типе» нашей государственной промышленности, находящейся в стадии расширенного социалистического воспроизводства (а не в стадии расширенного разведения ее товарным хозяйством), и между своими упрямыми утверждениями насчет единого регулятора. Пора, давно пора подвести баланс в этом вопросе. Отделяться здесь фразой о борьбе планового социалистического начала с рынком никак нельзя. Как мы уже указывали выше, в период военного коммунизма также шла борьба планового начала со стихией товарного хозяйства, она будет вестись в какой-то мере и через 20–30 лет. Спрашивается, чем же характеризуется именно *теперешний тип этой борьбы* от того, что было семь лет назад, и от того, что будет через 25 лет? В чем состоит, в чем выражается закономерность этой борьбы как раз со стороны социалистического сектора нашего хозяйства? Если вы отвергаете закон первоначального социалистического накопления, какую концепцию предлагаете вы?

Движущей силой капиталистического производства является стремление к прибыли, его регулятором – закон ценности. Капитализм удовлетворяет потребительские нужды общества именно через такой механизм. В частности, рабочий получает свою долю из фонда средств потребления через продажу рабочей силы. Чем же в этом пункте отличается государственное хозяйство от капитализма? С одной стороны, оно уже не является производством ради прибыли, ради прибавочной ценности. С другой стороны, оно не является *еще* производством во имя и ради потребления работников государственного хозяйства и тем менее всех субъектов частного хозяйства. В нашем государственном хозяйстве заложено здесь внутреннее противоречие. Это противоречие связано и с его природой, и с условиями борьбы за его существование и развитие. С одной стороны, оно может быть опрокинуто, если не выполняет функции всякой исторической системы производства, если оно не удовлетворяет общественных потребностей данной эпохи; с этого конца его стимулом, подгоняющим его кнутом, является потребительский нажим рабочих и крестьян, который действует и прямо, т.е. не через механизм стремления к наибольшей прибыли, как при капитализме, и многими косвенными путями (невозможность обеспечить в нужных пропорциях обмен веществ с частным хозяйством и т.д.). Государственное хозяйство только еще нащупывает здесь, особенно внутри своей системы, лишь *ему* присущие факторы стимулирования и их организационное оформление. С другой стороны, оно может опрокинуться в своем подвижном равновесии, если необходимая пропорция расширенного воспроизводства, диктуемая всей хозяйственной обстановкой, не будет гарантирована достаточно и постоянно растущим размером накопления прибавочного продукта в материальной форме, что всегда означает ограничение индивидуального потребления. Между одной и другой тенденцией внутри государственного хозяйства нет противоречия, принимающего форму антагонизма между классами, но противоречие вообще есть. Это противоречие целиком характеризует и самый закон

первоначального социалистического накопления, там, где дело идет о распределении. С одной стороны, расширенное воспроизводство в социалистическом секторе означает автоматическое количественно возрастающее воспроизводство социалистических отношений производства с соответствующей каждому году пропорцией распределения производительных сил. А с другой стороны, это количественное расширение социалистических отношений, требующее отчуждения определенной массы прибавочного продукта и из государственного хозяйства, с подчинением роста зарплаты функции накопления, ведет к ограничению роста качества социалистических отношений, задерживает отрыв уровня зарплаты от стоимости рабочей силы. В этом сказывается не только противоречие самого закона, но и его исторически-преходящий характер. Это очень важно иметь в виду с точки зрения методологического анализа всего хозяйства и, в частности, формы проявления свойственных ему закономерностей.

Когда же экономисты, о которых шла выше речь, говорят об улавливании действия закона ценности нашим плановым регулированием, то они делают вышеразобранные ошибки не только потому, что считают складывающиеся на основе действия закона ценности пропорции в хозяйстве естественными и для хозяйства, развивающегося не в капиталистическом направлении. Они не только не отдают себе отчета о важности тех изменений, которые внесены во все хозяйство изменением в строении крестьянского бюджета в результате революции, не только не хотят понять, что ценностный регулятор принудительно оттесняется и объективно не может не оттесняться и замещаться регулятором развивающегося коллективного сектора хозяйства, но, по-видимому, смешивают субъективно необходимую пропорциональность в хозяйстве с *методами достижения этой пропорциональности*, а значит, индустриализацию страны при диктатуре пролетариата смешивают с нарастанием крупного производства вообще. Между тем не только форма ценности, но и то, что мы называем ценностными отношениями со стороны трудовых затрат, изменяется как вследствие роста техники и производительности труда, так и вследствие превращения всего государственного хозяйства в единый трест, что при росте научной организации труда во всем государственном хозяйстве создает новый фактор, порождаемый кооперацией огромных связанных экономических тел. Эта особенность нашего государственного хозяйства, вытекающая из его социалистической природы, не может сказаться столь заметно при низкой технике, но явится фактором огромного значения при приближении технического уровня нашей промышленности к технике передовых капиталистических стран. Можно ли сказать, что изменения, идущие с этого конца, связаны с действием закона ценности, а не с его ликвидацией или ограничением, а не с борьбой за существование и развитие нашего государственного хозяйства, как типа коллективного хозяйства? Ни этого факта, ни столь упорного нашего стремления к вытеснению из торговли частного капитала и замещению его госторговлей и кооперацией мы не можем понять, если будем считать закон ценности основным регулятором всего нашего хозяйства. Как раз с точки зрения издержек на аппарат частный капитал для всего хозяйства «выгодней», производительность труда в частной торговле выше, однако мы идем здесь вперед вопреки закону ценности, идем по линии другого закона, подчиняемся действию другого регулятора.

Второе, что надо отметить, это, по-видимому, происходящее смешение пропорциональности в хозяйстве, которая объективно необходима для каждой системы общественного производства с разделением труда, с исторически преходящим методом достижения такой пропорциональности на основе закона ценности. Правильное, пропорциональное распределение труда нужно и для капитализма, и для социализма, и для нашей теперешней товарно-социалистической системы хозяйства. Но если бы даже было доказано – а я показал невозможность такого доказательства, – что фактически складывающееся у нас на основе борьбы распределение производитель-

ных сил каким-то чудом соответствует тому распределению, которое сложилось бы у нас при господстве капиталистических отношений на основе действия закона ценности, т.е. что пропорции внутри коллективного производства на данной стадии индустриализации страны соответствуют капиталистическим, то *даже и тогда* еще не было бы доказано положение о едином регуляторе. Откуда следует, что нужные нам пропорции *диктуются* законом ценности, как регулятором, и только через него могут быть найдены, раз закон ценности исторически и, если хотите, материально, физически связан, неотделим от товарного производства, как производства, где господствует частная собственность на орудия производства. Разве замена частной собственности общественной по отношению ко всем командным высотам есть только формально-юридический акт, без изменения *существа* системы? Почему невозможно такое положение, что мы нужные пропорции находим в основном нашими методами, которые, несмотря на крайнюю ничтожность нашего опыта в деле планового регулирования, выше, совершенней методов достижения равновесия стихийным путем? Почему уже теперь невозможно объективно такое положение, когда общие линии пропорциональности мы намечаем через *наши методы* статистического учета потребностей и платежеспособного спроса, методы, включающие в себя и учет возможностей нашего влияния на частное хозяйство, и нашу зависимость от него, в то время как закон ценности вносит стихийным путем лишь коррективы? А если это возможно, если это возможно хотя бы наполовину, то говорить, что у нас в основном один регулятор – значит грубейшим образом смешивать форму регулирования на основе трудовых затрат *при капитализме* с той объективно-хозяйственной необходимостью в пропорциональном распределении труда, которая существует не для одного только товарного и товарно-социалистического хозяйства и не только капиталистическими методами может устанавливаться. При товарно-социалистической системе как раз эта пропорциональность может устанавливаться *только* на основе борьбы с законом ценности, она всегда будет равнодействующей борьбы, хотя бы направление действия закона ценности и закона социалистического накопления совпадало иногда в частных случаях в реальной обстановке.

Могут сказать: но ведь товарно-денежная форма отношений является господствующей, разве это не делает неизбежным существование одного регулятора, именно закона ценности? Это возражение существенно, но оно является скорее формальным и в значительной степени скользит по поверхности явлений.

Если мы бросим беглый взгляд и на общую историю человечества: на историю классово-борьбы, и на историю экономических форм, идет ли движение вперед антагонистическим путем или мирно-эволюционным, или перемежаясь то так, то этак, – как правило, всегда и везде изменение содержания предшествует изменению формы отношений между людьми. Так же обстоит дело и в системе хозяйства, созданной Октябрьской революцией. Нашему государственному хозяйству форма связи с частным хозяйством навязывается частным хозяйством и автоматически проходит и внутрь отношений самого государственного хозяйства. Частное хозяйство, как хозяйство индивидуальное, не может развиваться без меновой формы отношений (достаточно вспомнить опыт с продрозверсткой), государственное же хозяйство при старой форме обмена может чрезвычайно далеко продвинуться, изменяя *содержание* общественных отношений производства. Смешивать здесь форму с содержанием и с удельным весом того и другого в данный момент еще отчасти простительно для юриста. Для экономистов же марксистов такое смешение извинить никак нельзя, как нельзя их простить и в том случае, когда объективно принудительные последствия социализации промышленности и транспорта для всей системы регулирования хозяйства они схватывают также больше с формальной стороны, а не по существу.

Затем необходимо здесь же устранить одно недоразумение, которое может возникнуть у читателей при чтении следующих глав книги. У нас часто ограниченность возможностей планового регулирования хозяйства доказывается ссылками на многочисленные ошибки и просчеты Госплана и других органов, руководящих хозяйством. Оговариваюсь, что при теоретическом анализе нашего хозяйства мы считаем необходимым установить и оценить лишь те возможности регулирования, которые существуют *объективно* и зависят от реального соотношения сил между государственным и частным хозяйством, от оптимально возможной на данной ступени степени организованности государственного хозяйства, от влияния на наше государственное хозяйство рыночных отношений внутри и от давления мирового рынка извне. Мы не можем уменьшать объективные возможности планирования на всю сумму наших ошибок и неумения планировать. Это значило бы сваливать на историческую необходимость каждый просчет, в том числе и неудачное распределение людей на разные функции. Точно так же и наше недостаточное понимание той системы хозяйства, которой мы руководим, и ее законов, и проистекающие отсюда ошибки, какие бы серьезные объективные последствия они ни имели, также неправильно относить за счет экономической необходимости, уменьшая на соответствующий процент при теоретическом анализе те возможности сознательного регулирования, которые *объективно заложены в нашей системе*.

Преображенский Е.А. Новая экономика. 2-е изд. С. 49–85.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Маркс.* Капитал. Т. 3. Ч. 1. С. 153. Перевод Степанова.

² Капитал. Т. 3. Ч. 1. С. 139. Перевод Степанова.

³ Капитал. Т. 1. С. 72. Перевод Степанова.

⁴ *Engels F. Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft.* Stuttgart, 1920. S. 339.

⁵ Анти-Дюринг. То же немецкое издание. С. 306.

⁶ При монополистическом капитализме, который означает рост организованности производства и обмена на капиталистической же базе, учет производства и отчасти учет платежеспособного спроса поставлены, естественно, лучше, чем при полной свободе конкуренции.

⁷ В своей «Программе по политической экономии» т. А. Кон по вопросу о методе изучения советского хозяйства пишет: «Мы считаем, однако, необходимым категорически подчеркнуть, что, *вводя в курс теории капитализма вопрос о преломлении капиталистических законов в советской экономике*, мы не собираемся попутно с политической экономией *изучать теорию советского переходного хозяйства* или, тем паче, экономическую политику советской власти. Мы отдаем себе ясный отчет в том, что в нашей экономике сочетаются принципы причинные с принципами целевыми и что поэтому *изучение советской экономики на оси причинности невозможно*. Мы прекрасно понимаем, что при теоретическом изучении нашей экономики основные проблемы политической экономии (проблема стоимости, денег, прибавочной стоимости, дохода и пр.) в значительной степени модифицируются и оттесняются на задний план новой основной проблемой стихийных и плановых начал в нашей экономике. Мы ни на минуту не забываем, что наша экономика является переходной по самому своему существу и что поэтому модифицируются даже методологические приемы исследования» (С. 19–20).

Автор абсолютно прав, что теоретический анализ нашего хозяйства, как хозяйства особого типа в сравнении с капитализмом, требует даже модификации методологических приемов исследования, что как раз я и доказываю в этой книге. Но он не прав – или в формулировке только, или же по существу, – когда говорит о невозможности «изучения советской экономики на оси причинности». Поскольку закон причинности остается в силе и для планового хозяйства и лишь изменяется форма его проявления, изменяется лишь форма детерминирования воли, как коллективной сознательной воли, постольку и изучение закономерностей нашей экономики, как и всякое научное изучение вообще, остается изучением «на оси причинности», лишь меняются методологические приемы исследования. Замечу, кстати, что автору следовало бы

изменить «в программе» формулировку насчет земельной ренты при советской системе, заменив утвердительное предложение вопросительным.

⁸Переход к сознательно плановому регулированию и исторически, и имманентно связан с социализацией орудий производства; такое регулирование после социалистической революции *неизбежно*. Однако совсем другой вопрос, в какой степени оно является «сознательным». Если бы даже было верно, что понятие «закон» отпадает там, где появляется сознательное управление производством, то о законе мы можем говорить как будто уже по одному тому, что сознательность и предвидение у нас еще являются довольно скромными.

⁹*Stammler R. Wirtschaft und Recht. Leipzig, 1906. S. 324.*

¹⁰*Ibid. S. 192.*

¹¹Указание на то, что у нас государство руководит социалистическим сектором хозяйства и от него неотделимо, доказывает лишь, что здесь больше трудностей для абстракции, чем при капитализме, но ни в малой мере не говорит против необходимости отделять экономику от политики на определенной стадии исследования.

¹²В том числе и деление на фонд потребления, и фонд накопления.

ГЛАВА 2

ЗАКОН ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ*

Не будет преувеличением сказать, что самым интересным, животрепещущим, самым волнующим вопросом после Октябрьского переворота 1917 г. и военной победы революции является для всех наших и практиков и теоретиков вопрос о том, что из себя представляет советская система, в каком направлении она развивается, каковы основные законы развития этой системы, наконец, в каком отношении этот первый опыт хозяйства, выходящего в своих головных звеньях за пределы капитализма, находится к нашим старым и обычным представлениям о социализме. Последний вопрос, впрочем, правильной поставить так: как должны выглядеть теперь, через восемь лет диктатуры пролетариата в огромной стране, наши прежние представления о социализме?

Ни одна экономическая формация не может развиваться в чистом виде, на основе только тех имманентных законов, которые присущи данной формации. Это противоречило бы самой идее развития. Развитие какой-либо экономической формы означает вытеснение ею других экономических форм, их подчинение новой, их постепенное исчезновение. При таких условиях диагональ параллелограмма сил, действующих в области экономики, никогда не может пролежать по линии внутренних законов господствующей формы, а всегда будет отклоняться от этой линии под влиянием противодействующих сил. А эти противодействующие силы, т.е. силы других экономических форм, включенных в данную систему хозяйства, складываются по линии им свойственных законов развития. Эти законы развития старых форм превращаются теперь просто в законы противодействия новой форме.

Но анализ системы хозяйства, где действуют два основных закона, крайне затрудняется в том случае, когда исторически прогрессивной формой является не та, которая уже господствует в экономике, а та, которая лишь превращается в господствующую. А так именно обстоит дело в нашей советской системе хозяйства. Затруднение, как это будет более подробно развито впоследствии, возникает здесь при анализе роли третьей экономической силы. В данном случае дело идет о мелком производстве. Во время Гражданской войны кадры социализма, т.е. рабочий класс и деревенская беднота, вели борьбу за массы среднего крестьянства с кадрами капитализма, т.е. буржуазно-помещичьими, кулацкими, чиновничьими элементами. В этой борьбе среднее крестьянство, постоянно колеблясь, в общем стало на сторону рабочего класса. Теперь эта борьба перенесена в область экономики. Мелкое производство служит одинаково питательной базой как для

* Глава вторая книги Е.А. Преображенского «Новая экономика».

капиталистического, так и для социалистического накопления. Вопрос о том, будет ли разлагающееся мелкое производство трансформироваться преимущественно в капиталистическом направлении, выделяя наемных рабочих на одной стороне, кулацкое хозяйство – на другой, или оно будет превращаться все более в периферию государственного хозяйства, – этот вопрос имеет огромное значение для судеб социализма в крестьянской стране. В первом случае не только темп развития будет медленней, но и методы борьбы социалистической формы с капиталистической будут иными; наконец, вся структура хозяйства будет иметь значительно иной вид. Я не говорю о важнейших политических последствиях, которые будут неизбежно связаны с движением вперед по этому варианту. Это затруднение в области теоретического анализа тенденций развития советского хозяйства не является единственным. Есть скептики, которые вообще считают безнадежной попытку теоретического анализа советского хозяйства, поскольку это хозяйство существует только восемь лет и, следовательно, не может дать достаточного конкретного материала для теоретических обобщений. В числе доказательств фигурируют часто и ссылки на «Экономику переходного периода» т. Бухарина, которая-де была и осталась лишь теорией красногвардейского периода социальной революции и объективно не могла быть ничем иным. Приводится, с другой стороны, пример с «Капиталом» Маркса, который мог возникнуть лишь после того, как современный капитализм существовал многие десятилетия, а товарное хозяйство – столетия.

Я считаю совершенно бесплодным занятием отвлекать часть страниц этой главы на формальное доказательство того, что теоретический анализ советского хозяйства возможен после всего того, что было сказано в первой главе о методе. Это значит отвлекать эти страницы от настоящего доказательства, каким должен явиться самый анализ советской системы хозяйства. Поэтому я прямо перехожу к сути дела.

Первоначальное капиталистическое и первоначальное социалистическое накопления

Для понимания теперешней фазы развития советского хозяйства чрезвычайно полезно провести систематическое сравнение начальных шагов социализма с первыми шагами капиталистического способа производства. Это сравнение является до крайности поучительным и весьма облегчает весь наш анализ. И сходство, и различие – а различий несравненно больше, чем сходства, – одинаково хорошо оттеняют особенности советской системы хозяйства.

Начнем с самого важного различия, которое обуславливает ряд других отличий.

Капиталистическое производство возникает и развивается в недрах феодального или наполовину разложенного товарным хозяйством феодального общества за многие десятилетия до буржуазных революций. Это целиком относится к развитию торгового капитала, как необходимой предварительной стадии капиталистического производства. Это относится к первым шагам мануфактуры в Англии и к первым шагам капиталистической машинной индустрии на континенте. Капитализм мог пробежать свой период первоначального накопления еще в период господства абсолютизма в политике, простого товарного производства и феодально-крепостнических отношений в области хозяйства.

Буржуазные революции начинаются после того, как капитализм проделал значительную работу по постройке своей системы в области экономики. Буржуазная революция является лишь эпизодом в процессе буржуазного развития, которое начинается задолго до нее и продолжается с большой быстротой после нее. Наоборот, социалистическая система ведет свою хронологию с захвата власти пролетариатом. Это вытекает из самого существования социалистического хозяйства, как единого комплекса, который не может по

крупинкам строиться в недрах капитализма. Если торговый капитал мог развиваться в порах феодального общества, если первые капиталистические предприятия могли функционировать, не вступая в непримиримое противоречие с существующим политическим строем и формами собственности и, наоборот, как увидим ниже, питались их соками, то комплекс государственного социалистического производства может появиться лишь в результате прорыва старой системы по всему фронту, лишь в результате социальной революции. Этот факт имеет колоссальное значение для понимания не только генезиса социализма, но и всего последующего социалистического строительства. Наоборот, недостаточное понимание или забвение самого существа того, что есть социализм, не раз приводило и приводит ряд товарищей к чисто обывательским, а иногда прямо реформистским представлениям о советском хозяйстве и путях его развития.

Для того чтобы могло начаться капиталистическое накопление, были необходимы следующие предпосылки: 1) предварительная аккумуляция капитала в отдельных руках, достаточная для применения более высокой техники или более высокой степени разделения труда при той же технике; 2) наличие кадра наемных рабочих; 3) достаточное развитие системы товарного хозяйства вообще, как базы для товарно-капиталистического производства и накопления.

Относительно первого из этих условий Маркс говорит: «На почве товарного производства производство в крупном масштабе может развиваться лишь в капиталистической форме. Поэтому некоторое накопление капитала в руках индивидуальных товаропроизводителей служит предпосылкой современной промышленности, того сочетания общественных связей и технических приемов, которое мы называем особым, капиталистическим видом производства или специфически капиталистическим способом производства. Таким образом, мы должны предположить наличность такого накопления при переходе от ремесла к капиталистическому производству. Его можно назвать первоначальным накоплением, потому что оно – не исторический результат, а историческая основа специфически капиталистического производства. Здесь нам еще нет необходимости исследовать, каким образом оно само возникает. Достаточно того, что оно образует исходный пункт»¹.

Спрашивается, как же обстоит дело в этом отношении с первоначальным социалистическим накоплением? Имеет ли социализм свою предысторию? Если имеет, когда она начинается?

Как мы уже видели, первоначальное капиталистическое накопление могло происходить на базе феодализма, тогда как первоначальное социалистическое накопление не может происходить на базе капитализма. Следовательно, если социализм имеет свою предысторию, то она может начинаться только после завоевания власти пролетариатом. Национализация крупной промышленности и есть такой первый акт социалистического накопления, т.е. акт, который сосредоточивает в руках государства минимально-необходимые ресурсы для организации социалистического руководства промышленностью. Но здесь мы тотчас же сталкиваемся с другой стороной вопроса. Социализируя крупное производство, пролетарское государство одним только актом этой социализации меняет сначала систему собственности на орудия производства: оно приспособляет систему собственности к обоим будущим шагам в деле социалистической перестройки всего хозяйства. Иными словами, путем революции рабочий класс приобретает лишь то, что капитализм имел в лице института частной собственности без всяких революций уже на базе феодализма². Первоначальное же социалистическое накопление, как период создания материальных предпосылок для социалистического производства в собственном смысле этого слова, должно только начинаться захватом власти и национализацией. В самом деле. Капиталистическое накопление есть накопление на основе производства, экономически и технически отличного от ремесла. Капиталистическая мануфактура могла

доказать свое преимущество над ремеслом лишь постольку, поскольку она экономически оказалась выше его, поскольку применявшаяся на ней система разделения труда и другие преимущества крупного производства над мелким давали возможность изготовлять единицу продукта в мануфактуре с меньшими затратами, чем в ремесле. Но организация мануфактуры, постройка здания, запасы сырья, затрата оборотного капитала на время процесса обращения – все это в условиях отсутствия современной системы кредитования промышленности требовало наличия значительных ресурсов, созданных не в мануфактуре, а до мануфактуры, созданных в мелком производстве и награбленных с мелкого производства торговым капиталом. Еще в большей степени нужен предварительно накопленный капитал для начала функционирования крупной машинной индустрии. Следовательно, чтобы капиталистическое производство могло показать свое преимущество над ремесленным в техническом и экономическом смысле необходим был период длительного грабежа мелкого производства.

Точно так же и социалистическое накопление в подлинном смысле этого слова, т.е. накопление на технико-экономической базе социалистического хозяйства, уже развертывающего все ему свойственные черты и ему лишь свойственные преимущества, может начаться лишь после того, как советское хозяйство пройдет стадию первоначального накопления. Как для функционирования мануфактур, а тем более фабрик с машинной техникой, нужен известный минимум предварительно скопленных средств в форме натуральных элементов производства, так необходим некоторый минимум для того, чтобы комплекс государственного хозяйства мог развить все свои экономические преимущества, мог бы подвести под себя новую техническую базу.

Здесь мы сразу наталкиваемся еще на одно крайне важное принципиальное конструктивное различие между капитализмом и социализмом, к которому мы еще вернемся при анализе условий конкуренции между социалистической и капиталистической формами хозяйства. Чтобы мануфактура могла доказать свое преимущество над ремеслом, для этого совсем не требуется организации огромного количества мануфактур сразу. Одна, две, пять мануфактур уже могут показать свое преимущество над ремеслом и бить его в конкурентной борьбе. Следовательно, и размеры первоначально накопленного капитала в сравнении с масштабом всего национального хозяйства, взятого в целом, могли быть совсем невелики. Несколько предприятий, составлявших головную ударную группу на хозяйственном фронте и представлявших новую экономику, могли начать поступательное движение, не дожидаясь, чтобы весь переход был массовым и одновременным. И хотя конкретно, исторически за период развития торгового капитала первоначальное накопление продвинулось так далеко, что к моменту организации мануфактур не было резкого недостатка в свободных капиталах, тем не менее все движение здесь носило неорганизованный, стихийный характер. Такой метод продвижения вперед новой формы делал возможным в дальнейшем и экспорт капитала. Капиталистические предприятия могли возникнуть в мелкобуржуазных странах, где не было ни технических, ни экономических предпосылок для нового способа производства, либо все это было в потенции и требовался внешний толчок со стороны прогрессивного иностранного капитала³.

Наоборот, никакое частичное и незначительное по размерам социалистическое накопление не способно решить основную проблему социалистической организации хозяйства. В частности, поскольку дело идет о хозяйстве Советского Союза, то здесь необходимо: 1) накопление, которое делает возможным для государственного хозяйства достижение современной капиталистической техники там, где невозможен переход постепенно на базу новой техники; 2) накопление, которое делает возможным изменение технической базы государственного хозяйства, научную организацию труда, плановое управление всем комплексом государственного хозяйства, невозможное без больших страховых запасов и плановых резервов; 3) накопление, которое обеспечивает

продвижение вперед для всего комплекса, а не для отдельных его частей, потому что цепная зависимость в движении всего комплекса делает совершенно невозможным разрозненное продвижение по методу капиталистической партизанщины, индивидуальной инициативы и конкуренции. Таким образом, мы устанавливаем, что национализацией того, что было накоплено капитализмом, не только не заканчивается период первоначального социалистического накопления, а наоборот. Период такого накопления может только развертываться после завоевания власти пролетариатом и после первого акта накопления — социализации важнейших отраслей хозяйства. Но если дело обстоит так, то можно ли вообще, правильно ли вообще говорить о первоначальном социалистическом накоплении⁴ по аналогии с первоначальным капиталистическим накоплением? Ведь последнее начиналось до капиталистического производства, тогда как первое должно происходить одновременно с началом перехода к социалистическому производству и одновременно с накоплением в самом социалистическом комплексе. Мы полагаем, что этот термин можно сохранить в условном смысле, потому что, хотя первоначальное социалистическое накопление хронологически переплетается с социалистическим производством и отчасти с социалистическим накоплением на производственной основе, тем не менее экономическая сущность этого процесса по отношению к социалистическому производству такова же, как и первоначального капиталистического накопления по отношению к капиталистическому производству⁵. А если бы даже этот термин был признан неудачным, то его надо было бы тотчас заменить другим, потому что материальная сущность того, что он обозначает, не перестает существовать. Наоборот, различие первоначального социалистического накопления от собственно социалистического накопления имеет огромное принципиальное значение. Ниже мы увидим, что это различие имеет огромное значение для нашей экономической политики точно так же, как смешение этих двух процессов влечет за собой грубейшие ошибки в области практического руководства хозяйством.

Социалистическим накоплением мы называем присоединение к функционирующим средствам производства прибавочного продукта, который создается внутри сложившегося социалистического хозяйства и который не идет на добавочное распределение среди агентов социалистического производства и социалистического государства, а служит для расширенного воспроизводства. Наоборот, *первоначальным социалистическим* накоплением мы называем накопление в руках государства материальных ресурсов главным образом либо одновременно из источников, лежащих вне комплекса государственного хозяйства. Это накопление в отсталой крестьянской стране должно играть колоссально важную роль, в огромной степени ускоряя наступление момента, когда начнется техническая и научная перестройка государственного хозяйства и когда это хозяйство получит наконец чисто экономическое преобладание над капитализмом. Правда, в этот период происходит и накопление на производственной основе государственного хозяйства. Однако во-первых, это накопление также носит характер предварительного накопления средств для подлинно социалистического хозяйства и этой цели подчинено. А во-вторых, накопление первым способом, т.е. за счет негосударственного круга, на основе неэквивалентного обмена с ним, явно преобладает в этот период. Поэтому весь этот этап мы должны назвать периодом первоначального или предварительного социалистического накопления. Этот период имеет свои особенные черты и свои особенные законы. Основным законом нашего советского хозяйства, в настоящий момент пробегающего эту стадию, как раз и является закон первоначального или предварительного социалистического накопления. Этому закону подчинены все основные процессы экономической жизни в круге государственного хозяйства. Этот закон, с другой стороны, изменяет и частью ликвидирует закон стоимости и все законы товарного и товарно-капиталистического хозяйства, поскольку они проявляются и могут проявиться в нашей

системе хозяйства. Следовательно, мы не только можем говорить о первоначальном социалистическом накоплении, но мы ничего не сможем понять в существе советского хозяйства, если не поймем той центральной роли, какую играет в этом хозяйстве закон первоначального социалистического накопления, который определяет, в борьбе с законом ценности, и распределение средств производства в хозяйстве, и распределение рабочих сил, и размеры отчуждения прибавочного продукта страны для расширенного социалистического воспроизводства.

Рассмотрим теперь систематически основные методы первоначального капиталистического накопления и сравним их, поскольку это только возможно, с аналогичными или близкими к ним методами и процессами первоначального социалистического накопления. Мы будем брать для сравнения не только период, предшествовавший капиталистическому производству, но и эпоху первых шагов капиталистического производства, потому что первоначальное накопление, как накопление вне круга капиталистического производства, продолжалось и после возникновения капиталистических предприятий, принимая самые различные формы.

Начнем с грабежа некапиталистических форм хозяйства. В сущности, весь период существования торгового капитала с того момента, когда работа ремесленника на заказчика и на локальный рынок сменилась работой на отдаленные рынки и когда скупщик стал необходимым агентом производства, можно рассматривать как период первоначального накопления, как период систематического грабежа мелкого производства.

Другой формой грабежа, имевшей огромное значение, была колониальная политика стран мировой торговли. Мы пока имеем здесь в виду не такой грабеж, который связан с обменом меньшего количества труда на большее на основе «нормальной» торговли, а грабеж в форме налогов на туземцев, лишения их имущества, скота, земель, запасов драгоценных металлов, обращения побежденных в рабство, бесконечно разнообразных систем грубейшего обмана и т.д. Сюда же относятся все методы насилия и грабежа по отношению к крестьянскому населению метрополий. Ограбление мелкого крестьянского производства в интересах первоначального накопления принимало самые различные формы. Знаменитое «огораживание», которому посвятил столько блестящих страниц Маркс в первом томе «Капитала», не было типичным методом первоначального накопления для всех стран. Наиболее же типичными методами являются: грабеж крепостных крестьян сеньорами и раздел награбленного с торговым капиталом, во-первых, и налоговое обложение крестьянства государством с передачей части этих средств капиталу, во-вторых. Когда помещичье хозяйство стало превращаться из чисто натурального в денежное или полунатуральное, когда помещики получили вследствие роста торговли и благодаря росту своих потребностей стимул к увеличению поборов с крестьян, они вступили в определенного рода бессознательную кооперацию с торговым капиталом. Все, что грабилось в деревне, за вычетом потребляемого на месте, продавалось купцам. В свою очередь купцы доставляли помещикам продукты городского или иностранного производства, служившие для удовлетворения их растущих и более рафинированных потребностей. Торговый капитал продавал эти продукты с прибылью в 100% и более. Он давал затем прогоравшим дворянам займы под ростовщические проценты. В результате феодалы являлись в известном смысле в этот период агентами торгового капитала, передаточным насосом в деле ограбления мелкого производства деревни в интересах первоначального капиталистического накопления. Будучи «высшим классом» по сравнению с третьим сословием в правовом отношении, они экономически кооперировали с купцами, взяв себе не высшую, а, наоборот, низшую ступень в деле выколачивания средств из крестьянства.

Другая форма грабежа мелкого производства – это государственные налоги. Из налоговых источников абсолютистские государства поощряли развитие мануфактур,

выдавали субсидии купцам, делавшимся промышленниками, или дворянам, превратившимся в фабрикантов. Эта поддержка особенно оказывалась мануфактурам, так или иначе обслуживавшим снаряжение армии: суконным фабрикам, оружейным заводам, металлургическим предприятиям и т.д. Такая же перекачка средств из каналов мелкого производства через государственный аппарат в крупную, особенно тяжелую, промышленность происходит и в гораздо более поздний период.

О роли государства, в частности о роли государственного насилия в период первоначального накопления Маркс писал: «Эти методы в значительной мере покоятся на грубейшем насилии, как, например, колониальная система. Но все они пользуются государственной властью, т.е. концентрированным и организованным общественным насилием, чтобы облегчить процесс превращения феодального способа производства в капиталистический и сократить его переходные стадии. Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция»⁶.

Это насилие играло огромную роль и при формировании национальных государств как арены деятельности торгового капитала. Вспомните только глубокий и полный конкретной исторической правды классовый анализ, которому подвергает М.Н. Покровский политику московских царей, чтобы воскресить в памяти эти страницы из рассматриваемого периода. Завоевание необходимой территории, торговых путей и т.д. – это также не что иное, как звено в цепи первоначального капиталистического накопления, потому что без накопления необходимых материальных предпосылок развитие торгового капитала и переход его в капитал промышленный не могут развиваться успешно. С этой точки зрения крестьянин платил дань молоху первоначального накопления не только тогда, когда через руки сеньора передавал часть своего оброка купцу, не только тогда, когда через государство передавал часть податей мануфактуристу, но и в том случае, когда отдавал кости своих сыновей на прокладку новых торговых путей и на завоевание новых стран.

Важную роль в процессе первоначального накопления играет система государственных займов, при которой в форме процента происходит перекачка части ежегодного дохода мелких производителей в руки капиталистов-кредиторов заключающего заем государства. В связи с этим Маркс говорит: «Государственный долг делается одним из самых сильных рычагов первоначального накопления. Словно прикосновением волшебного жезла он одаряет непроизводительные деньги производительной силой и превращает их таким образом в капитал, устранив всякую надобность подвергать их опасностям и затруднениям, неразрывно связанным с помещением денег в промышленность и даже с частно-ростовщическими операциями. Государственные кредиторы в действительности не дают ничего, так как ссуженные ими суммы превращаются в государственные долговые свидетельства, легко обращающиеся, функционирующие в их руках совершенно так же, как и наличные деньги. Но роль государственных долгов не ограничивается созданием класса таких праздных рантье и импровизированным обогащением финансистов, выступающих посредниками между правительством и нацией, а также откупщиков налогов, купцов и частных фабрикантов, в руки которых, как капитал, свалившийся с неба, попадает добрая доля всякого государственного займа. Государственные займы создали, кроме того, акционерные общества, торговлю всякого рода ценными бумагами, отчаянную спекуляцию, ажиотаж – одним словом, биржевую игру и современную банкократию» (господство банков)⁷.

Остановимся пока на только что перечисленных нами методах первоначального накопления, основанных главным образом на грабеже мелкого производства и на внеэкономическом давлении на него, и посмотрим, как обстоит здесь дело в период первоначального социалистического накопления.

Что касается колониального грабежа, то социалистическое государство, проводящее политику равноправия национальностей и добровольного вхождения их в то или иное национальное объединение, принципиально отвергает все насильственные методы капитала в этой области. Этот источник первоначального накопления для него с самого начала и навсегда закрыт.

Совсем иначе обстоит дело с отчуждением в пользу социализма части прибавочного продукта из всех досоциалистических экономических форм. Обложение несоциалистических форм не только неизбежно должно иметь место в период первоначального социалистического накопления, но оно неизбежно должно получить огромную, прямо решающую роль в таких крестьянских странах, как Советский Союз. На этом пункте мы должны остановиться достаточно подробно.

Из предыдущего мы видели, что капиталистическое производство могло начать функционировать и далее развиваться, лишь опираясь на ресурсы, получавшиеся от мелкого производства. Переход общества от мелкобуржуазной системы производства к капиталистической не мог бы совершиться без предварительного накопления за счет мелкого производства, в дальнейшем происходил бы черепаший шаг, если бы добавочное накопление за счет мелкого производства не протекало рядом с капиталистическим накоплением за счет эксплуатации рабочей силы пролетариата. Самый же переход предполагает, как систему, такой обмен ценностей между крупным и мелким производством, при котором мелкое производство больше дает крупному, чем от него получает. В период первоначального социалистического накопления государственное хозяйство не может обойтись без отчуждения части прибавочного продукта деревни и ремесла, наконец, без вычетов из капиталистического накопления в пользу накопления социалистического. Мы не знаем, насколько разоренными выйдут из Гражданской войны другие страны, в которых победит диктатура пролетариата. Но такая страна, как СССР, с ее разоренным и достаточно вообще отсталым хозяйством должна будет пройти период первоначального накопления, очень щедро черпая из источников досоциалистических форм хозяйства. Не надо забывать, что период первоначального социалистического накопления является самым критическим периодом в жизни социалистического государства после окончания Гражданской войны. В этот период социалистическая система не в состоянии еще развить всех органически свойственных ей преимуществ, но она в то же время ликвидирует неизбежно ряд экономических преимуществ, свойственных развитой капиталистической системе. Пробежать быстрее этот период, поскорей достигнуть момента, когда социалистическая система развернет все свои естественные преимущества над капитализмом, – это есть вопрос жизни и смерти для социалистического государства. По крайней мере, так стоит вопрос сейчас для СССР, и так он будет стоять, может быть, известное время для ряда европейских стран, в которых победит пролетариат. При таких условиях рассчитывать только на накопление внутри социалистического круга – значит рисковать самым существованием социалистической экономики, либо продлить до бесконечности период предварительного накопления, что, впрочем, не зависит от доброй воли пролетариата. В конкретной части настоящей работы, которая будет посвящена промышленности и земледелию СССР, мы приведем числовые расчеты относительно того, как долго пришлось бы ждать нам восстановления нашей промышленности даже в довоенных размерах, если бы мы опирались в этом только на прибавочный продукт самой промышленности. Во всяком случае, мысль о том, что социалистическое хозяйство может развиваться само, не трогая ресурсов мелкобуржуазного, в том числе крестьянского, хозяйства, является, несомненно, реакционной мелкобуржуазной утопией. Задача социалистического государства заключается здесь не в том, чтобы брать с мелкобуржуазных производителей меньше, чем брал капитализм, а в том, чтобы брать больше из еще большего дохода, который будет обеспечен мелкому производству рационализацией

всего, в том числе и мелкого хозяйства страны, на основе индустриализации страны, интенсификации земледелия.

Другим источником социалистического накопления может быть обложение частнокапиталистической прибыли, т.е. систематические вычеты из капиталистического накопления. Природа этого рода ресурсов может быть разной, но, разумеется, в последнем счете и здесь дело идет о накоплении за счет труда, с одной стороны, рабочих, с другой – крестьян. Когда государство берет большие налоги с частнокапиталистических предприятий, оно возвращает в фонд социалистического накопления часть той прибавочной стоимости, которая была бы получена в качестве прибавочного продукта государством, если бы оно само *при прочих равных условиях* руководило данными предприятиями. Здесь капиталисты выступают по отношению к социалистическому государству в такой же роли, в какой феодальные помещики выступали по отношению к рыцарям первоначального накопления. Точно так же и обложение класса сельских кулаков, пользующихся наемным трудом, означает в конечном счете накопление за счет батрацкого труда деревни. Наоборот, поскольку социалистическое государство облагает торговцев, скупщиков, капиталистов и кулаков, получающих отчасти свои доходы также и от крестьянства, ведущего *самостоятельное хозяйство*, мы будем иметь здесь и накопление за счет крестьянского хозяйства, причем, как и раньше, указанные персонажи будут представлять из себя, с одной стороны, аккумуляторы капиталистического накопления, с другой стороны – передаточную инстанцию на одном из полюсов социалистического накопления⁸.

Что касается государственных займов, служивших весьма важным каналом первоначального капиталистического накопления, то в период социалистического накопления роль их иная. Здесь надо различать две принципиально различные системы займов. Наши полупринудительные займы, вроде первого и второго выигрышного займов, надо отнести скорее к системе накопления из налоговых источников, т.е. к накоплению посредством методов внеэкономического давления. Совсем иначе обстоит дело с кредитными операциями типа нормальных займов, практикующихся при буржуазной системе. Такие займы, допустим, заем у английских капиталистов на 30 лет из 7%, нельзя отнести прямо к источникам социалистического накопления, потому что Советское государство будет платить проценты по займу из своих доходов и тем явится само передаточной инстанцией капиталистического накопления и капиталистической эксплуатации трудящихся масс Союза со стороны иностранной буржуазии. А с другой стороны, эти займы могут служить сильнейшим стимулом к социалистическому накоплению, давая в результате в фонд социалистического накопления больший процент, чем они дают в фонд накопления капиталистического. Этого типа займов мы коснемся в другой связи при анализе экономического значения внешних займов и концессий при товарно-социалистической системе хозяйства.

Прежде чем мы перейдем к формам первоначального накопления на экономической основе, мы должны еще упомянуть о таком источнике государственного дохода, а тем самым при советской системе источнике первоначального накопления, который правильной причислить к налогам, но который внешне, формально к ним обыкновенно не относился в теоретической экономической литературе. Я говорю об эмиссии денежных знаков. В своих брошюрах «Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры» и «Причины падения курса нашего рубля» я доказал, что эмиссия при системе падающей валюты есть один из видов налога. Здесь же нужно лишь констатировать, что эмиссия является также одним из методов первоначального накопления. Что касается соответствующего периода в истории буржуазной системы хозяйства, то там эмиссия не играла роли вспомогательного фактора капиталистического накопления. Порча монеты, которой занимались феодальные князья и наши цари, выпуски бумажных денег в последующий период пред-

ставляли из себя налоги государства на все население, в том числе отчасти и на денежные капиталы буржуазии. Когда же государство является одновременно и органом управления страной, и хозяином огромнейшего экономического комплекса, эмиссия прямо служит каналом для социалистического накопления. Это накопление происходит или за счет доходов мелкобуржуазных и капиталистических элементов, либо за счет сокращения заработной платы государственных рабочих и служащих. Насколько солиден этот источник, видно из того, что со времени организации советской власти до окончательного введения твердой валюты эмиссионный доход, включая потери самого государства, равнялся сумме около 1000 млн руб. золотом. Эмиссия служила важнейшим финансовым ресурсом также и для советской власти Венгрии за время ее четырехмесячного существования.

* * *

Переходим теперь к методам первоначального накопления, которые приводят к аккумуляции капитала экономическими путями. Здесь нужно различать накопление, которое получается в самом производстве за счет прибавочной ценности, занятого в предприятиях пролетариата, и, с другой стороны, обмен меньшего количества труда одной системы хозяйства или одной страны на большее количество труда другой системы хозяйства или другой страны.

Рассмотрим, как и раньше, методы первоначального накопления на экономической основе сначала для периода капиталистического способа производства.

Начнем со второго нашего подразделения, т.е. с того, что мы теперь в нашем хозяйстве называем политикой цен. На эту тему в третьем томе «Капитала» мы находим следующее очень важное место, недостаточно использованное в марксистской экономической литературе для теоретического анализа как колониальной эксплуатации, так и эксплуатации капитализмом докапиталистических форм производства вообще.

«Страна, находящаяся в благоприятных условиях, при обмене получает более труда за меньшее количество труда, хотя эта разница, этот излишек, как вообще при обмене между трудом и капиталом, присваивается известным классом. Следовательно, поскольку норма прибыли выше, потому что она вообще выше в колониальной стране, это при благоприятных естественных условиях может идти рука об руку с низкими товарными ценами»⁹.

Если мы возьмем какую-либо капиталистическую страну Европы, например, Англию, и, с другой стороны, возьмем ряд ее колоний или полуколониальных стран, связанных с Англией торговыми отношениями, то при ценностном анализе того, что Англия вывозит в колонии, и того, что она ввозит из них, всегда можно установить неравенство затрат труда на массы товаров, обмениваемых как эквиваленты. Наиболее ярким и грубым примером этого может служить обмен золотых украшений дикаря на кусок красной материи, привезенной купцом из Европы. Но и при «нормальной» торговле с колониями отмеченное Марксом явление продолжает существовать, потому что страна с низкой техникой затрачивает на единицу товара в среднем больше труда, чем страна с более высокой техникой. С этим же связан более низкий уровень жизни работающего населения, и в том числе и жизненный уровень, и уровень заработной платы рабочих в колониях или экономически отсталых странах. При одинаковой технике предприятие той же отрасли в колонии будет иметь добавочную прибыль в сравнении с аналогичным предприятием в метрополии. Это сплошь да рядом наблюдается при прочих равных условиях и это возможно только потому, что на основании закона ценности, регулирующего цены внутри данной страны, ценность и цена рабочей силы оказываются ниже, чем в метрополии, по всему фронту труда, вследствие чего страна с более высокой техникой, более высокой заработной платой и в то же время более низкими ценами оказывается в более благоприятных условиях обмена, чем страна с низкой техникой, низкой заработной платой и

более высокими ценами. Более высокая прибыль на капитал, инвестируемый в колониях, основана на использовании этой основной разницы в положении колоний и метрополий. С этой точки зрения добавочная прибыль на капитал, вложенный в колониях, есть, в сущности, прибыль, возникающая на переходе от одной системы техники к другой, от одной системы хозяйства к другой, более высокой. Эта прибыль принципиально ничем не отличается от той добавочной прибыли, которую получает капиталист, впервые вводящий в данное производство новую машину, сразу уменьшающую издержки производства. Но так как капитал есть вообще движение, так как переход от одной системы техники к другой, от одних экономических формаций к другим (например, от докапиталистических к капиталистическим) никогда не прекращается, то и эксплуатация этого перехода «известным классом» является не случайностью, а постоянным явлением в течение всего периода капиталистического развития. Этот налог, который накладывают капиталистический класс на экономическое развитие общества, платят как мелкобуржуазные производители метрополии, так и колониальные и полуколониальные страны, взятые со всем их хозяйством в целом. Нас интересует в данном случае лишь период начала капиталистического развития. Он имеет свои особенности, сближающие его несколько с периодом монополистического капитализма. Мы должны различать три периода в истории эксплуатации капитализмом докапиталистических форм на экономической основе. Период свободной конкуренции, но *фактической монополии* молодого капитализма, поскольку первые предприятия, созданные капиталом, использовали уровень цен, созданный на базе ремесленного производства отнюдь не в обстановке широкой конкуренции. Большие капиталы – и тем более капиталистические предприятия – сами по себе были монополией в руках немногих. То же относится к торговому капиталу, поскольку недостаток капиталов, величина рисков, а следовательно, страховых надбавок, наконец, наличие возникших в этих условиях монопольных организаций внешней торговли, как Ост-Индская компания, делали колониальную эксплуатацию на основе обмена также монополией очень небольших групп капиталистов. За этим периодом следует период свободы конкуренции. Он не уничтожает той формы эксплуатации мелкого производства и тех методов накопления, о которых идет здесь речь, но вводит их в определенные рамки, в условия известного равновесия. Наконец, третий период – это период монополистического капитализма. В этот период, благодаря созданию системы национально-капиталистических организаций, отгороженных таможенным барьером от иностранной конкуренции, эксплуатация мелких производителей внутри страны на основе монопольных цен трестов снова увеличивается и снова, как и в период первоначального накопления, делается привилегией узкой группы капиталистических акул. Что же касается соответствующей эксплуатации колонии, то, с одной стороны, мы видим здесь тенденцию со стороны каждой крупной капиталистической колониальной державы распространить монополизацию внутреннего рынка на колонии и защищать это право вооруженным путем. С другой стороны, благодаря экспорту капитала в колонии добавочная прибыль от колоний все больше принимает форму добавочной прибыли от предприятия с той же техникой, но с более низкой заработной платой. Это ведет к постепенной смене одного вида эксплуатации другим, это ведет вместе с тем к известному выравниванию условий колониального хозяйства в сравнении с метрополиями, что как раз усиливает тенденцию к закреплению за отдельными капитализмами их внутреннего рынка, который должен дать для усиленного накопления то, что теряется от развития индустрии в колониях. Ниже мы вернемся еще к вопросу о том, какую огромную роль имеет для понимания закона социалистического накопления тот факт, что социализм возникает исторически на базе монополистического капитализма, а не капитализма свободной конкуренции. Здесь же нам надо лишь отметить, что первоначальное капиталистическое накопление базировалось не только на эксплуатации мелкого производства на-

логовым путем, не только на основе его феодальной эксплуатации, бывшей лишь ступенью капиталистического накопления, но и было замаскировано системой рыночного обмена quasi-эквивалентов, за которой скрывался обмен меньшего количества труда на большее. В этом случае крестьянин и ремесленник эксплуатируются капиталом отчасти так же, как эксплуатируются рабочие, получающие в виде заработной платы, в виде рыночной цены своей рабочей силы, лишь часть вновь созданного продукта своего труда.

* * *

После этой исторической экскурсии в область первоначального капиталистического накопления обратимся к анализу соответствующих моментов из периода предварительного социалистического накопления.

Разница с периодом первоначального капиталистического накопления заключается здесь, во-первых, в том, что социалистическое накопление должно происходить не только за счет прибавочного продукта мелкого производства, но и за счет прибавочной ценности капиталистических форм хозяйства. Во-вторых, разница здесь обусловлена тем, что государственное хозяйство пролетариата возникает исторически на спине монополистического капитализма и, следовательно, располагает такими средствами регулирования всего хозяйства и такими методами перераспределения национального дохода экономическим путем, какие были недоступны капитализму на заре его развития.

Начнем с железнодорожных тарифов. Этот могучий рычаг регулирования хозяйства, целиком находящийся в руках государства СССР, использован крайне мало в интересах этого регулирования и совсем не использован в качестве орудия первоначального социалистического накопления. Система льготных тарифов для некоторых перевозок (уголь, нефть, соль) является пока скорее способом перераспределения государственных средств, чем косвенным обложением несоциалистического круга хозяйства. Точно так же ничтожно малое значение имеют пока те немногие льготы, которыми пользуются государственные и кооперативные отправители по сравнению с частными. Использование этого рычага первоначального накопления – целиком еще музыка будущего. Лишь тогда, когда транспорт из убыточного превратится в прибыльный, возможно будет соответствующей постройкой ж.-д. тарифов, исходящих из различения государственных и частных грузов, осуществить систематическое обложение частных производителей и торговцев и срывать с этого конца часть прибыли частного капитала. Нечего доказывать при этом, что все это будет одним из тех ударов по закону ценности, которые делают экономику периода социалистического накопления эпохой постепенного изменения, ограничения и частью ликвидации этого закона¹⁰.

Вторым могучим рычагом первоначального накопления является монополия банковской системы. В период первоначального капиталистического накопления ростовщический кредит является средством перераспределения национального дохода из рук феодалов в руки нарождающейся и крепнущей буржуазии. Что же касается кредита как орудия мобилизации свободных средств общества и распределения их по каналам расширенного воспроизводства, то тогда эта форма кредита или отсутствовала, или находилась в зародышевом состоянии. Наоборот, в переживаемый хозяйством СССР период предварительного социалистического накопления, т.е. на первых стадиях его, кредитная система государства больше действует в области перераспределения свободных средств страны, чем в области перераспределения национального дохода. Это может показаться неверным, поскольку процент, взимаемый банком по ссудам (если не считать периода быстро падающей валюты), является огромным по сравнению с нормально капиталистическими условиями, тогда как вкладная операция является довольно ничтожной. Но мы не должны ни на минуту забывать при этом того реального экономического источника, который делает возможным червонную эмиссию и ссудные операции банка из

источников этой эмиссии. Если банк выпускает 60 млн червонцев, не колебля курса валюты, то это экономически означает, что какими-то путями товарные ценности страны на эту сумму поступили в распоряжение Госбанка в разные сроки. Если считать, что этот «заем у обращения» раскладывается между государственным хозяйством и частным хозяйством, допустим, пропорционально участию того и другого в денежном товарообороте страны, а средства этого займа идут на финансирование почти исключительно государственной и кооперативной промышленности и торговли, то перед нами здесь протекает с большой быстротой процесс социалистического накопления. Подробный теоретический и цифровой анализ этого процесса, как и действие на экономику страны всей кредитной системы в целом, будет нами рассмотрен в специальной главе второго тома.

Что же касается вопроса о перераспределении национального дохода при посредстве кредитной системы, то здесь основное еще в будущем. Если Госбанк берет высокий процент с госпредприятий, получающих долгосрочные или краткосрочные ссуды, то здесь перед нами не процесс накопления в государственном круге, а прежде всего процесс распределения средств внутри государственного круга. Перераспределение из частного хозяйства в социалистический круг может происходить непосредственно лишь тогда, когда аккумулированные банковской системой путем приема вкладов средства частного хозяйства будут распределяться среди частного же хозяйства на основе более высокого процента по ссудам, и разница между всей суммой выплачиваемого банком по вкладам и того, что получается банком в виде ссудного процента и других видов оплаты его услуг, будет поступать в фонд социалистического накопления. То же мы будем иметь, если государственные средства даются в рост путем кредитования частного хозяйства. Однако последняя операция при общем недостатке капиталов в стране, и прежде всего в самом государственном круге, оставаясь формально источником накопления, в настоящий момент явно невыгодна, потому что превращается на данной стадии в явное орудие капиталистического накопления за счет государственного кредита. Эта операция может существовать лишь за счет более выгодной операции кредитования госпредприятий, потому что кредитование последних обеспечивает не только банковский процент, но и накопление капитала в госпредприятиях на производственной основе. При таких условиях кредитование частной торговли и промышленности, которое, допустим, способно дать банку 10% годовых, менее выгодно, чем кредитование государственной промышленности, которая, положим, способна платить банку 8% за ссуженный капитал, но сама получает на производственной основе 15% на ссуженный капитал. В этом случае Госбанку, как таковому, выгоднее кредитовать частную промышленность и торговлю, в то время как с точки зрения всего государственного комплекса в целом и с точки зрения социалистического накопления во всем комплексе, а не на одном его госбанковском участке, такая операция является явно убыточной. Этим объясняется тот факт, что в настоящий момент Госбанк почти не кредитует частной торговли и промышленности, несмотря на готовность их платить больше государственных предприятий, а кредитует почти исключительно последние. С точки зрения задач социалистического накопления такая политика является единственно правильной.

Но в будущем положение в этой области должно измениться, и может наступить момент, когда кредитование частного хозяйства превратится в одно из важнейших орудий перераспределения национального дохода в интересах государственного хозяйства и в одно из важнейших средств экономического подчинения его регулирующим центрам государственного хозяйства. Особенно большую роль может сыграть кредитная система СССР в этом отношении при развитии долгосрочного сельскохозяйственного кредита, в частности если нам удастся заключить крупные займы за границей и Госбанк явится распорядителем этих займов при переливании иностранных средств в хозяйственный организм СССР.

Из сказанного мы видим, таким образом, что вся наша кредитная политика в настоящее время подчинена и не может не быть подчинена закону первоначального социалистического накопления.

* * *

Переходим теперь к торговле внутренней и внешней. В период первоначального капиталистического накопления торговля в двух отношениях является инструментом этого накопления. Исторически первичной формой является эксплуатация торговым капиталом мелкого ремесленного производства. Этот вид эксплуатации через торговлю и через выполнение известных производственных функций (доставка кустарям в кредит сырья и т.д.) не имеет ничего общего с торговлей продуктами, произведенными рабочими в капиталистических предприятиях. В самом деле. В первом случае торговец и скупщик, затрачивая на покупку товаров, произведенных ремесленным путем, 100 единиц и выручая за него за покрытием расходов транспорта и т.д. 150 единиц, получает 50 единиц из дохода производителя. Совсем иное дело, когда торговый капитал оперирует товарами капиталистического производства. Здесь средняя торговая прибыль есть лишь вычет из прибавочной ценности, создаваемой в процессе капиталистического производства. В этом случае добавочная прибыль торговца, возникающая не из капиталистического производства, может получиться лишь при обмене веществ капиталистической системы с некапиталистической средой и за счет последней. При отсутствии достаточной конкуренции она может возникать, особенно в условиях особо благоприятного положения определенных групп торгового капитала, когда сама торговля (допустим, при крайней бедности страны капиталами вообще) представляет из себя почти своего рода монополию этих групп. Когда развертывание товарооборота страны, в котором главная роль принадлежит продуктам мелкобуржуазного производства, идет быстрее, чем развертывание торговой сети и процесс отложения торгового капитала, – торговый капитал может усиливать эксплуатацию некапиталистических производителей в большей степени, чем это имело бы место при избытке торгового капитала и достаточной конкуренции. Для периода первоначального накопления с его фактической монополией как торгового, так и молодого промышленного капитала не имеет значения теоретический вопрос о том, следует ли рассматривать добавочную прибыль, прилипающую к карманам торгового капитала в условиях такой монополии, как прибыль производительного капитала, лишь реализуемую в торговле, или как прибыль торгового капитала в собственном смысле, поскольку дело идет здесь об ограблении не рабочих, а мелких производителей. Необходимо лишь строго различать прибыль этого рода от нормальной прибыли торгового капитала в развитом капиталистическом обществе, тем более что она бывает в реальном предприятии совершенно слита со всякой другой и никакая бухгалтерия ее не разделяет. Между тем различие того и другого имеет огромное значение, потому что дело идет о двух совершенно различных источниках этой прибыли, следовательно, об обмене веществ между двумя различными системами хозяйства, что имеет важное принципиальное значение при анализе источников первоначального социалистического накопления.

Обратимся теперь к обмену в системе СССР, и прежде всего к внутренней торговле. Здесь мы должны различать: 1) обмен внутри круга самого государственного хозяйства; 2) обмен внутри частного хозяйства; 3) обмен веществ между кругом государственного хозяйства и частным хозяйством.

Что касается первого подразделения, то, разумеется, здесь не может быть для социалистического накопления никаких положительных задач. Экономика обмена сводится здесь к экономике при обмене, к уменьшению издержек процесса обращения. Эти издержки представляют из себя прямой вычет из прибавочного продукта государственного хозяйства, а в том случае, когда в обмене между госпредприятиями участвуют частные посредники, то здесь получается не только вычет из фонда социалистического

накопления, но и приращение к фонду «второначального» капиталистического накопления. Как боги Эпикура гнездились в порах мироздания, так частные посредники, в первый период выхода государственных трестов на вольный рынок, пытались разместиться не только в каналах частной торговли, но и в норах и щелях, отделяющих одно государственное предприятие от другого, и здесь собирали «издержки обращения». Рационализация госторговли означает систематическое вытеснение этих пиявок капиталистического накопления из социалистического круга и не только ведет к сокращению издержек государственного хозяйства в процессе обращения, но и к организации самого обращения собственными силами.

Что касается второго подразделения, т.е. обмена внутри частного хозяйства, то здесь, наоборот, социалистическое накопление возможно. О внеэкономическом методе накопления из этого источника, т.е. о налогах на торговлю продукцией частного хозяйства, мы уже говорили. Накопление другого рода, т.е. на основе торгового обмена, не только возможно, но уже происходит отчасти и теперь и, несомненно, будет расти¹¹. Примером такого накопления может служить, например, закупка у крестьян хлеба, продуктов питания вообще тем же «Хлебопродуктом» и продажа их частным потребителям на городских рынках. Торговая прибыль, получаемая таким образом, есть, в сущности, вычет из дохода производителей, продающих государственному органу для реализации свои товары. Когда органы госторговли и кооперации реализуют среди частных потребителей продукцию не только крестьян, но и кустарей, ремесленников и частных предпринимателей и получают при этом прибыль, то эта часть прибыли госторговли и кооперации представляет из себя рассматриваемый нами источник социалистического накопления. Борьба госторговли и кооперации с частной торговлей на этом участке обмена имеет, с точки зрения социалистического накопления, не отрицательные, а положительные задачи. Здесь происходит (к сожалению, пока в малом размере) накопление из фонда одной системы хозяйства в пользу другой. То, что будет отбито от частной торговли, при прочих равных условиях будет в той или иной мере завоевано в фонд государственного хозяйства. Я говорю, — при прочих равных условиях, потому что здесь возможна торговая политика и не в интересах социалистического накопления, а в интересах мелкобуржуазных производителей, имеющая своей целью сокращение вычетов из их доходов. Целесообразна ли такая политика, это зависит от того, что в данный момент является более важным для государственного хозяйства: удешевление товаров в продаже и вытеснение частного капитала или же накопление в сфере обращения. Экономически же она, несомненно, может означать при известных условиях сокращение фонда социалистического накопления и подарок частному производству, *подарок тем более тяжелей для государственного хозяйства, чем бедней это хозяйство капиталами и чем менее выгодно для него отнимать в торговле часть тех капиталов, которых не хватает в самом производстве, вместо того чтобы усилить мобилизацию средств самих мелких производителей для развития кооперативного оборота.* Впрочем, на данной стадии развития госторговля ведет свои дела хуже частной торговли, и для нее наиболее актуальным вопросом является пока сокращение издержек хотя бы до уровня частной торговли. Но здесь нам важно теоретически правильно поставить всю проблему, потому что дело идет не о политике текущего дня, а о понимании основных процессов на протяжении целого периода социалистического развития. Ниже мы увидим, какие огромные трудности стоят на пути конкуренции госторговли с частным капиталом и как эти трудности упираются в основные проблемы социалистического строительства вообще. Мы должны только отметить здесь, что вследствие крайней бедности страны капиталами и в обстановке довольно быстрого развития товарооборота в ней торговая прибыль достигает огромных размеров, которые напоминают ситуацию из периода первоначального капиталистического накопления. При этих условиях этот участок накопления приобре-

тает крайне важное значение; успехи частного капитала очень сильно задерживают здесь приток средств из мелкобуржуазной среды в фонд социалистического накопления и съедают часть прибавочного продукта самого государственного хозяйства.

Третье подразделение, т.е. обмен между государственным хозяйством и частным, представляет из себя пункт, где социалистическое накопление имеет перед собой и чисто отрицательные задачи как при обмене внутри своего круга, так и положительные задачи, т.е. питание государственного хозяйства за счет внесоциалистической среды. С этой стороны реализацию продукции госпромышленности вне социалистического круга мы должны рассмотреть особо от реализации продукции частного хозяйства внутри государственного круга.

Начнем с первого процесса, т.е. с движения товарной массы государственной промышленности во внесоциалистическую среду. Задачи, стоящие здесь, с точки зрения социалистического накопления являются отрицательными как в том случае, когда государственное хозяйство стремится сократить издержки обращения своих органов, т.е. попросту торговать с наименьшими расходами на торговый аппарат, так и в том случае, когда дело идет о вытеснении частной торговли со всего пути, который пробегает товар трестов от фабрики до конечного звена, т.е. до потребителя.

Что касается первой из этих задач, то дело здесь идет об улучшении организации внутри самой же системы государственного хозяйства. Наоборот, вторая задача имеет гораздо более важное значение, потому что связана с борьбой двух враждебных систем за прибавочный продукт государственного хозяйства. Здесь враг находится почти в нашем собственном доме. Необходимо здесь отметить принципиальную разницу, которая существует во взаимоотношениях, с одной стороны, между торговым и промышленным капиталом в эпоху первоначального *капиталистического* накопления, с другой – между частным торговым капиталом и государственной промышленностью в эпоху первоначального *социалистического* накопления. Если в период капиталистического накопления торговый капитал забирает из частного производительного капитала больше прибавочной стоимости, созданной в промышленности, то здесь дело идет лишь об ином распределении прибавочной стоимости *внутри одной и той же системы хозяйства*. Что сегодня с излишком аккумулировано торговым капиталом из прибавочной стоимости промышленного, то завтра возвращается в промышленность; переход избыточного капитала торговли в промышленность есть непрерывный процесс, происходящий с самого начала возникновения капиталистического производства. Совсем иное дело, когда промышленность в ее основной части входит в одну систему, а торговый аппарат принадлежит другой, враждебной системе, как в разбираемом случае. Тогда накопление частного торгового капитала есть прямой и безвозвратный вычет из прибавочного продукта, создаваемого рабочими государственной промышленности. Если, допустим, вся годовая стоимость новых товарных ценностей, создаваемых в государственной промышленности, проходящих через торговый оборот, равна в оптовой продаже трестов 1 млрд, а в рознице эта товарная масса продается за $1\frac{1}{2}$ млрд, то 500 млн есть прямой вычет в пользу торгового аппарата из прибавочного продукта промышленности. Если $\frac{4}{5}$, или 400 млн, забирается частным торговым аппаратом, то этот аппарат превращается в опаснейшую дыру при самом источнике социалистического накопления, и не только накопления, а и даже простого воспроизводства в системе государственного хозяйства. Здесь происходит экспроприация частным капиталом не прибавочного продукта мелкого производства, на базе которого исторически развивается капитализм и эксплуатировать которое он никогда не прекращает в дальнейшем, а экспроприация прибавочного продукта социалистической промышленности – феномен, которого не знает экономическая история. Борьба с частным капиталом на этом участке для государственного хозяйства есть борьба против расхищения им же самим созданных ценностей. Перенесение борьбы с

частным капиталом именно на этот участок является вполне правильным, как вполне правильным является стремление переходить от решения более легких задач к более трудным, т.е. начать с овладения прежде всего оптовой и оптово-розничной торговли продуктами госпромышленности.

Таким образом, в деле овладения процессом обмена собственной продукции государственное хозяйство решает для себя задачу отрицательного характера: не дать частному капиталу того, что принадлежит, по существу, самому социалистическому кругу, что является его собственным фондом, созданным на его собственной производительной основе.

Совсем иначе обстоит дело с процессом движения ценностей из частного хозяйства в круг государственного хозяйства. Здесь борьба органов госторговли с частным капиталом в значительной степени есть борьба за прибавочный продукт частного хозяйства. Когда, например, заготовка сырья для промышленности на крестьянском рынке производится частным капиталом и вся дорога от производителя сырья до треста отрезана частными посредниками, то разница между покупной ценой у крестьянина и между продажной ценой для треста представляет собою в основном вычет из дохода крестьянского хозяйства. Наоборот, если государственные органы, допустим, сами ведут всю заготовку сырья, то все, что вычитается из дохода крестьянства, поступает в круг государственного хозяйства. На данной стадии первоначального социалистического накопления борьба с частным капиталом и технически трудней, и имеет менее важное значение, чем борьба против расхищения частным капиталом собственного прибавочного продукта государственного хозяйства. С другой стороны, успех в этой, последней, борьбе, т.е. оттеснение частного капитала от торговли продукцией госпромышленности, несомненно, усилил бы процесс перехода частного капитала в частную промышленность, процесс, вообще говоря, экономически выгодный и неопасный при быстром росте государственного хозяйства.

* * *

Перейдем теперь к внешней торговле и к системе социалистического протекционизма (термин т. Троцкого). Институт монополии внешней торговли имеет совершенно исключительное значение во всей системе социалистического хозяйства. Он является, во-первых, сам одним из органов социалистического накопления. Во-вторых, он является одним из важнейших органов охраны самого процесса этого накопления во всех его видах и формах и тем самым одним из важнейших рычагов борьбы против закона ценности мирового капиталистического хозяйства. В-третьих, этот институт является одним из важнейших орудий регулирования всего хозяйства Союза.

В данном случае мы остановимся на монополии внешней торговли лишь как на орудии социалистического накопления.

По мере развития товарности крестьянского хозяйства, по мере роста торговых связей хозяйства СССР с мировым хозяйством увеличиваются размеры экспорта. Продукция нашей промышленности в общей сумме экспорта играла до войны меньшую роль, чем экспорт продуктов сельского хозяйства, и при восстановлении последнего надо ожидать если не восстановления старых пропорций в составе экспортируемых товаров, то очень большого развития экспорта сельскохозяйственных продуктов в сравнении с теперешним. Все это означает увеличение возможностей социалистического накопления из дохода крестьянского хозяйства. Чем больше экспорт продуктов деревни, тем больше экономическая зависимость последней от той инстанции, которая связывает крестьянское хозяйство с внешним рынком. Монополия внешней торговли не только ставит в зависимость мелкое производство от государства в деле реализации излишков, но и является важным инструментом для получения добавочной прибыли на внешнем рынке. Есть также отрасли мировой торговли, где государственное хозяйство СССР является почти

монополистом. Достаточно указать на торговлю платиной, пушниной, отчасти льном и т.д. Правда, государственная монополия торговли экспортируемыми товарами еще отнюдь не означает того, что в руках Внешторга оказывается вся разница между ценами внутреннего рынка и ценами внешнего. Если, например, «Северолес», реализует без посредников продукцию лесной промышленности, оказывается владельцем всего своего прибавочного продукта, то далеко не всегда государство передвигает экспортируемые товары по всем ступеням их движения до заграничного рынка. Если, например, хлеб покупается непосредственно у крестьян «Хлебопродуктом» и продается за границей Внешторгом, то здесь вся разница между покупной и продажной ценой проходит через руки государства. Наоборот, где заготовки ведутся через представителей частного капитала, в особенности же где органы госторговли закупают экспортные товары у частных оптовиков, там торговая прибыль государства очень сильно урезывается в пользу частного капитала. С другой стороны, и там, где продукты экспорта заготавливаются и передвигаются дальше самими органами госторговли, это отнюдь не означает, что в данном случае Внешторг получает максимальную прибыль. При нашей весьма скверной и дорогой машине обмена сплошь да рядом вся (в процентном отношении часто огромная) разница между ценами покупки и продажными ценами на внешнем рынке целиком составляет так называемые накладные расходы, причем чистая прибыль равна нулю. Но социалистическое накопление, особенно в первоначальный период этого накопления, отнюдь не всегда означает увеличение производительного капитала промышленности. Создание сети органов той же торговли, как создание всей минимально необходимой постройки, обслуживающей государственное хозяйство и обеспечивающей отеснение частного капитала с решающих позиций в экономической борьбе, — одно это есть также социалистическое накопление, только в иной форме. Как мы увидим ниже, узкокоммерческий, навеянный наблюдениями над частным капиталом взгляд на все процессы внутри государственного хозяйства сильнейшим образом мешает пониманию самого существа социалистической формы хозяйства на ее первых ступенях и сбивает часто практически на совершенно ложный путь. За несовершенством того или иного аппарата часто не видят огромную важность этого аппарата во всей системе государственного хозяйства. И в данном случае крайняя невыгода, с коммерческой точки зрения, ряда наших торговых госорганов говорит за необходимость рационализации этой работы, а не за замену этих органов органами частными, которые «выгодней». Они выгодней, если на невыгоды социализма в его первой стадии смотреть с точки зрения капитализма, вместо того чтобы «выгоды» капитализма (к которым неизбежно должны быть причислены и кризисы, и войны и т.д.) оценить с социалистической точки зрения даже и тогда, когда на отдельном участке капиталистическая форма имеет преимущество¹².

В предыдущем анализе мы исходили из предположения, что цены на продукты промышленности, поглощаемые частным хозяйством, представляют из себя данную величину. Теперь нам необходимо рассмотреть крайне важный вопрос о том, какую роль играет политика цен в деле социалистического накопления. Здесь мы рассмотрим политику цен на вывозимые товары, т.е. принципы нашей таможенной политики и ее результаты, во-первых, и политику цен наших трестов и госорганов вообще, во-вторых.

Начнем с таможенной политики. Мы говорим о таможенных пошлинах на ввозимые товары, потому что обложение вывозимых госорганами и Внешторгом товаров представляет из себя не новый источник накопления, а лишь иное распределение между различными госорганами (например, между Наркомфином и ВСНХ с его трестами) одной и той же суммы торговой прибыли или дохода торгового оборота¹³. Таможенная политика СССР, с ее почти запретительными ставками на продукты легкой иностранной промышленности и с большими пошлинами на продукты машиностроения, представляет из себя мощный барьер, ограждающий внутренний товарооборот страны от действия мирового

закона ценности и охраняющий нашу слабую капиталами и технически отсталую социалистическую промышленность от гибели под ударами иностранной конкуренции. Эту роль социалистического протекционизма, как и роль монополии внешней торговли, мы рассмотрим при анализе столкновения закона социалистического накопления с законом ценности. В данном случае мы говорим лишь о таможенной политике как источнике социалистического накопления.

Таможенный доход СССР распадается на две различные категории неодинакового значения с точки зрения накопления. Таможенный доход от обложения средств и орудий производства, ввозимых для оборудования или переоборудования государственной промышленности, ни в какой мере не является орудием накопления. В самом деле. Если, допустим, текстильный синдикат закупает в Англии новые машины для текстильных фабрик на 30 млн руб. и 10 млн платит в качестве пошлины, то перед нами лишь простое перераспределение государственного же фонда между текстильной промышленностью и Наркомфином. Общая сумма фондов государства не изменилась бы ни на копейку, если бы пошлин на текстильные машины не было бы совсем, либо если бы они были возвращены обратно текстильному синдикату. Могут, правда, сказать, что увеличение для текстильной промышленности стоимости оборудования заставит тресты увеличить свои ставки на амортизацию и соответственно увеличить продажную цену своих изделий. Но это возражение мнимое, потому что в данном случае текстильный синдикат является лишь насосом Наркомфина, высасывающим с потребителей сумму в 10 млн, и для существа дела совершенно безразлично, вытянет ли он эту сумму, повысив продажную цену в целях дополнительных расходов на амортизацию, либо просто повысит эту цену, передаст ее в Наркомфин в порядке сдачи прибыли со стороны госпредприятий, а оборудование в 10 млн ввезет беспошлинно. Другой вопрос, что технически удобней. Вопрос сводится именно к этому. При данных ценах и прочих равных условиях фонд накопления текстильной промышленности, как и всякой другой, есть величина постоянная. Если таможенные пошлины падают на часть фонда этой промышленности и не перелагаются на потребителей, это есть перераспределение внутри государственного круга *одного и того же фонда*. Если же происходит увеличение цен, то происходит и увеличение фонда, но происходит оно вследствие увеличения цен, а не вследствие таможенной политики. Возможный размер этого увеличения определяется рядом сопутствующих экономических условий, а не величиной ставок таможенного обложения. А целесообразно ли вообще производить обложение потребителей данной отрасли промышленности под давлением обложения ввозимого для этой промышленности оборудования или целесообразней правильно построить политику цен и условия отчисления прибыли госпредприятий в кассу Наркомфина – это вопрос техники накопления, не затрагивающий происхождения самого дохода.

Таким образом, обложение ввозимых орудий производства для госпромышленности есть переложение ценностей из одного государственного кармана в другой: из фонда основного капитала госпромышленности в кассу Наркомфина. Совершенно тот же характер носит и обложение сырья для промышленности. И здесь *при данном уровне цен* вопрос сводится к перераспределению государственных средств внутри государственного же круга, хотя бы это обложение и было целесообразно по другим причинам.

Совсем иначе обстоит дело с обложением орудий производства, ввозимых для частной промышленности, и с импортом продуктов потребления. Здесь обложение целиком является вычетом из доходов потребительской массы либо из фонда основного капитала частной промышленности. В самом деле, если Внешторг ввозит из-за границы сахар, обувь и т.д., поскольку продукции собственного производства не хватает, то разницу между ценами внутреннего рынка и покупной ценой за границей заплатит потребитель и получают государственные торговые органы. Даже если эту разницу выплачивает рабо-

чий, то и в данном случае мы будем иметь увеличение доходов и накопления государства, хотя и за счет сокращения реального потребительского бюджета рабочего класса.

Так обстоит дело, если ввозимые продукты потребления лишь восполняют недостаток собственного внутреннего производства и продаются по ценам внутреннего рынка. Эта операция импорта нисколько не задержит процесса накопления и воспроизводства в других пунктах государственного хозяйства. Иначе обстоит дело, когда товаров ввозится больше, чем в состоянии поглотить рынок вместе с продуктами внутреннего производства, и когда они продаются дешевле, чем эти последние. В этом случае накопление в области торговли и через инструмент таможенного обложения покупается ценой частичного сокращения внутреннего производства, т.е. ценой прекращения на одном из участков не только накопления на производственной основе, но и простого воспроизводства. Если же продуктов ввозится не больше, чем требует рынок, но они продаются дешевле, то здесь выигрыш на одном полюсе будет сопровождаться проигрышем на другом. Такая политика может быть выгодной, если потери компенсируются выигрышем, а понижение цен приводит к расширению спроса и в конечном счете выгодно для промышленности. Практическое решение в ту или другую сторону будет определяться в этом случае данными простого числового расчета.

* * *

Переходим теперь к политике цен на продукты промышленности. Эта политика имеет огромное значение не только для социалистического накопления, но и для нормального хода производства вообще, даже в его неувеличенных размерах; она имеет огромное значение для крестьянского хозяйства, она затрагивает, наконец, политические взаимоотношения пролетариата и крестьянства. Мы коснемся этой политики пока лишь с точки зрения первоначального социалистического накопления.

Основной теоретический вопрос, который нужно решить здесь с самого начала, заключается в том, возможен ли вообще эквивалентный обмен между государственным хозяйством и несоциалистической средой? Здесь можно представить себе три случая:

1) Когда государственное хозяйство получает меньше ценностей из внесоциалистической среды. В этом случае мы будем иметь дело с постоянным разложением крупного социалистического производства и постепенной распродажей ниже себестоимости ее продукции. Это разложение может принять форму либо распродажи ниже себестоимости невозстанавливаемого в полном объеме основного капитала промышленности при постоянной заработной плате, либо распродажи за бесценок рабочей силы промышленного пролетариата, либо, наконец, и того и другого вместе. В начальный период нэпа мы имели ряд примеров такой расценки промышленной продукции, которая означала распродажу за бесценок и основного капитала, и рабочей силы пролетариата¹⁴. Превращение такой политики цен в систему, несомненно, означало бы постепенное распыление крупной промышленности и победу мелкого производства над крупным. Конкретные примеры читатель найдет в части об экономике промышленности. Этот случай не надо ни в коем случае смешивать с другим, когда при конкуренции цен вводится прибавка на амортизацию основного капитала, но фактически восстановления основного капитала не происходит, потому что выручаемые соответствующие суммы идут либо на повышение заработной платы, либо на запасы сырья, т.е. идут на увеличение оборотного капитала. Такое временное позаимствование из фонда основного капитала на другие, более неотложные нужды играло большую роль в жизни советской промышленности. Этот процесс был неизбежен при крайней бедности госпромышленности оборотными капиталами и часто происходил даже при довольно высоких ценах, не ниже восстановительных.

2) Второй случай. Цены на продукты госпромышленности калькулируются таким образом, что при обмене продукции этой промышленности на продукты частного хозяйства

происходит обмен эквивалентов, т.е. ни одна из систем хозяйства не эксплуатирует другую. Такое положение вообще возможно лишь как весьма кратковременный эпизод. Считать такое положение нормальным – значит считать, что социалистическая система и система частно-товарного производства, включенные в одну систему национального хозяйства, могут существовать рядом одна с другой на основе полного экономического равновесия между ними. Такое равновесие длительно существовать не может, потому что одна система должна вытеснять другую. Здесь возможны: либо деградация, либо развитие, но невозможно стояние на одном мосте. Говоря в данной связи о капитале как процессе движения, Маркс писал: «Представление о капитале как самовозрастающей стоимости охватывает не только представление о классовых отношениях, об определенном характере общества, вытекающем из того, что труд существует как наемный труд. Капитал есть, кроме того, движение, процесс кругооборота, проходящий различные стадии и сам в свою очередь заключающий в себе три различные формы процесса кругооборота. Поэтому капитал можно понять лишь как движение, а не как вещь, пребывающую в покое»¹⁵. Если капитал и в его индивидуальном обороте в каком-либо предприятии и – поскольку мы берем капиталистическую систему в целом в ее отношении к докапиталистической среде – представляет из себя движение, то каким же образом социалистическая форма в ее отношении к досоциалистической среде может быть «вещью, пребывающей в покое»? А что означает в данном случае движение? Движение в данном случае означает одно из двух: либо капиталистическая форма быстро разъедает тот монолитный слиток государственного хозяйства, который образовался в лаве Октябрьской революции и Гражданской войны, либо социалистическая форма развивается и за счет собственного накопления, и за счет внесоциалистической среды, питаясь также и ее соками. Если капитализм есть движение, то социализм *есть еще более быстрое движение*. И то что он теряет в скорости в период первоначального накопления в смысле разворачивания своей технико-экономической базы, благодаря крайней бедности капиталами, то он *вынужден* возмещать усилением накопления за счет несоциалистической среды. Одним из важнейших средств такого накопления, кроме вышеописанных и кроме того метода, о котором будет речь ниже, является неэквивалентный обмен ценностей с внесоциалистической средой. Этот обмен с активным балансом на стороне социалистической формы возможен лишь при соответствующей политике цен на продукты государственной промышленности.

3) Таким образом, мы подходим к третьему, не только возможному, но неизбежному в наших условиях случаю, т.е. к политике цен, сознательно рассчитанной на отчуждение *определенной* части прибавочного продукта частного хозяйства во всех его видах. Такая политика возможна, потому что государственное хозяйство пролетариата возникает исторически на базисе монополистического капитализма. Последний же в результате ликвидации свободной конкуренции приводит к созданию монопольных цен на внутреннем рынке на продукты собственной промышленности, получает добавочную прибыль вследствие эксплуатации мелкого производства и тем подготавливает почву для политики цен периода первоначального социалистического накопления. Но сосредоточение всей крупной промышленности страны в руках единого треста, т.е. в руках рабочего государства, в огромной степени увеличивает возможности проведения на основе монополии такой политики цен, которая будет лишь другой формой налогового обложения частного хозяйства. Препятствия, которые встречает на этом пути государственное хозяйство, заключаются не в недостатке у него экономической силы для проведения этой политики, а прежде всего в необходимости сочетать эту политику с политикой снижения цен, что достижимо лишь, если снижение себестоимости будет идти еще быстрее. А это в свою очередь предполагает необходимость переоборудования промышленности, как только предел рационализации производства при старой технике будет достигнут. Другое зат-

руднение происходит от того, что государство является монополистом не во всех отраслях промышленности. Следовательно, политика цен должна быть рассчитана таким образом, чтобы государственное накопление не влекло за собой автоматически частнокапиталистического накопления. Я не говорю здесь, наконец, о затруднениях политического свойства, вытекающих из взаимоотношений рабочего класса и крестьянства и вынуждающих часто говорить об эквивалентном обмене, хотя последний является при социализации крупной промышленности в экономически отсталой стране еще большей утопией, чем при господстве монополистического капитализма.

Накопление путем соответствующей политики цен имеет свои преимущества над другими видами прямого и косвенного обложения мелкого хозяйства. Важнейшее из них заключается в крайнем удобстве взимания, не требующем ни одной копейки на специальные налоговые аппараты.

Возражение, сводящееся к тому, что обложение на основе определенной политики цен (я сознательно избегаю говорить «на основе повышения цен», потому что обложение не только возможно при падающих ценах, но у нас оно как раз будет происходить именно при падающих или периодами при неизменных ценах; это возможно потому, что при удешевлении себестоимости продуктов снижение цен происходит не на всю сумму снижения, а на меньшую, остаток же идет в фонд социалистического накопления и повышения заработной платы) будет задевать заработную плату рабочих и деревенской бедноты, является совершенно пустяковым. Не деревенская беднота является главным покупателем продуктов нашей промышленности. То же, что она при этом потеряет, она может получить обратно от государства в форме кредита, в форме принудительного накопления основного капитала ее хозяйства и т.д. Что же касается рабочих, то это возражение столь же неосновательно, как и возражение против косвенных налогов, которые являются вполне переложимыми с заработной платы. Числовой пример: если благодаря соответствующей политике цен рабочий класс выплачивает госпромышленности, наряду со всем населением, допустим, 50 млн, то государство легко может вернуть ему эту сумму повышением зарплаты, тогда как сумма, полученная от буржуазных и мелкобуржуазных потребителей, последним не вернется и увеличит собой фонд социалистического накопления. Более подробно ко всей этой проблеме мы еще вернемся с цифрами в руках в главе об экономике промышленности.

* * *

Переходим теперь к накоплению на производственной основе, т.е. к увеличению ценностей, создаваемых на основе расширенного воспроизводства внутри самой системы ее собственными силами.

Начнем, как и выше, сначала с воспоминаний о соответствующих моментах первоначального капиталистического накопления. Давая определение того, что называется периодом первоначального капиталистического накопления, Маркс писал: «Следовательно, так называемое первоначальное накопление есть лишь исторический процесс отделения производителей от средств производства. Он представляется «первоначальным», так как образует предысторию капитала и соответствующего ему способа производства»¹⁶. Другими словами: период первоначального капиталистического накопления отнюдь не кончается с организацией первой капиталистической мануфактуры, а находится еще тогда в самом разгаре своего развития. Чтобы капиталистический способ производства мог стать господствующей формой производства, чтобы период первоначального капиталистического накопления сменился периодом «нормального» капиталистического накопления, чтобы отделение производителя от средств производства, т.е. создание класса наемных рабочих, продвинулось достаточно далеко, для этого одновременно с обезземливанием крестьян и с переходом самостоятельных ремесленников в ряды пролетариев

должен идти с достаточной быстротой процесс производительного использования этих кадров. Чтобы выполнить в главных чертах основную задачу первоначального накопления – «отделение производителя от средств производства», капитализм как раз для осуществления этой задачи и в процессе осуществления должен начать и все больше развивать также накопление и на производственной основе. Этот процесс шел непрерывно развертываясь; рядом с ним продолжалось накопление экономическими и внеэкономическими методами, описанными выше. Но роль накопления на производственной основе непрерывно возрастала по мере превращения всего производства, в его основных отраслях, в капиталистическое производство. Диалектическое развертывание этого процесса, где следствие переходит в причину, Маркс выразил словами: «Поэтому с накоплением капитала развивается специфически-капиталистический способ производства, а со специфически-капиталистическим способом производства – накопление капитала»¹⁷.

Источником капиталистического накопления на производственной основе является эксплуатация рабочей силы. Формы этой эксплуатации примитивней, грубей на первых ступенях, когда абсолютная прибавочная стоимость занимает первое место в сравнении с относительной. В дальнейшем отношения между той и другой принимают обратный вид.

В начальный период развития капитализма, на первых капиталистических предприятиях рабочий день длиннее, чем в ремесленном производстве средних веков, праздников меньше, интенсивность труда неизбежно выше. Следовательно, общая масса труда, затрачиваемого в день отдельным работником, выше, чем в ремесленном производстве средних веков. С другой стороны, заработная плата на первых капиталистических предприятиях ниже заработной платы ремесленного подмастерья. Таким образом, более низкая заработная плата, более высокий рабочий день, чем в предшествующей экономической системе, и все это на базе более высокой техники, при более высокой производительности труда, – вот источники усиленного первоначального накопления на производственной основе в начальный период развития капитализма. Государство вмешивается в этот период в производственный процесс не с целью уменьшения или смягчения, как это имело место в последующем, а наоборот, с целью уменьшать силу сопротивления рабочего класса эксплуатации. Государство стоит на страже первоначального накопления, когда оно поддерживает процесс обезземеливания крестьян, когда оно издает законы о бродяжничестве и беспощадно вешает «бездомных бродяг», не желающих идти в ярмо капитала, когда оно издает законы о максимуме заработной платы и о минимуме рабочего дня. Враги социализма, в частности противники советской системы хозяйства, со злорадством констатируют, что в первые годы первоначального социалистического накопления заработная плата стоит у нас ниже, чем до войны и революции. Этим господам следует напомнить, что в период первоначального капиталистического накопления условия жизни наемных рабочих капиталистических фабрик, как это доказано Марксом в «Капитале» и рядом других исследователей, были значительно хуже, чем условия жизни подмастерьев, а тем более мастеров средневековья. И это несмотря на огромное техническое превосходство капиталистического производства над ремеслом. Иными словами: внешнее ухудшение жизни работающих масс в период первоначального социалистического накопления, в сравнении с положением рабочих в развитой капиталистической системе, так же мало говорит об экономическом преимуществе капитализма над социализмом, как мало ухудшение положения рабочих в первых капиталистических мануфактурах и фабриках в сравнении с ремеслом могло говорить об экономических преимуществах мелкого самостоятельного производства над капиталистическим.

Все основные методы эксплуатации рабочей силы капиталом достаточно ярко описаны в «Капитале» и общеизвестны. Я хочу здесь остановиться еще на одной стороне ее,

которая имеет важное значение для соответствующего противопоставления с периодом первоначального социалистического накопления. Дело идет о хищническом расточении рабочей силы пролетариата во имя всемерной экономии в средствах производства и, следовательно, в интересах уменьшения себестоимости товаров. Вот что говорит об этом Маркс: «Эта экономия приводит к переполнению рабочими тесных нездоровых помещений, что на капиталистическом языке называется сбережением на постройках; она требует далее нагромождения опасных машин в одном и том же помещении и отсутствия приспособлений, предохраняющих от опасности; отсутствия мер предосторожности в процессах производства, которые по своей природе вредны для здоровья или сопряжены с опасностью, как рудники и т.д. Мы уже не говорим об отсутствии всех учреждений, предназначенных для того, чтобы очеловечить процесс производства, сделать его приятным или хотя бы только сносным для рабочих. С капиталистической точки зрения, это было бы совершенно бесцельной и бессмысленной расточительностью. Вообще капиталистическое производство, несмотря на все свое скопидомство, несомненно, расточительно в обращении с человеческим материалом, с другой стороны, оно, благодаря методу распределения своих продуктов при помощи торговли и своему способу конкуренции, оказывается также весьма расточительным в расходовании материальных средств, причем для общества теряется то, что выигрывается для отдельных капиталистов»¹⁸. Это варварское обращение с рабочей силой, характерное для всех этапов капитализма, достигает чудовищных форм именно в период первоначального накопления, когда экономическая борьба рабочих почти еще не начиналась и соотношение сил было крайне невыгодно для рабочего класса. Из этого периода необходимо отметить еще то обстоятельство, что капитализм тогда не нес расходов на резервную армию промышленности, которая стала экономически необходимой в последующую эпоху. Кроме того, сами капиталисты всемерно сокращали фонд своего личного потребления во имя расширения воспроизводства. Вот небольшая иллюстрация в этой области.

«В течение первого периода фабриканты были вынуждены сурово трудиться для поддержания своего существования. В особенности сильно наживались они при помощи надувательства родителей, которые им отдавали своих детей в качестве учеников и должны были дорого платить за обучение, в то время как этих учеников морили голодом. С другой стороны, средняя прибыль была низка, и накопление требовало большой бережливости. Они жили, как скряги-собиратели сокровищ, и далеко не потребляли даже процентов со своего капитала. Во второй период они начали составлять себе небольшие состояния, но работали так же упорно, как и раньше», — потому что непосредственная эксплуатация труда сама стоит труда, как это известно всякому надсмотрщику над рабами, — «и жили в том же самом скромном стиле, как и раньше... В третьем периоде началась роскошь, и предприятия не стали расширяться, благодаря рассылке всадников (конных коммивояжеров) за заказами во все торговые города королевства. Надо думать, что до 1690 г. существовало лишь очень немного или даже вовсе не существовало капитала в 3000—4000 фунт. стерл., добытых в промышленности. Но приблизительно в это время или несколько позднее промышленники уже накопили денег и стали строить себе каменные дома вместо деревянных и глиняных... В Манчестере, еще в первые десятилетия XVIII в., фабрикант, угостивший своих гостей кружкой иностранного вина, вызывал толки и пересуды среди своих соседей». До появления машинного производства фабриканты, сходясь по вечерам в трактирах, никогда не потребляли больше, чем стакан пунша за 6 пенсов и пачку табаку за один пенс. Лишь в 1758 г. увидели в первый раз — и это составило эпоху — «лицо, занятое промышленностью, в собственном экипаже». «Четвертый период» — последняя треть XVIII столетия — «отличается большой роскошью и расточительностью, опирающейся на расширение предприятий». «Что сказал бы добрый доктор Aikin, если бы он воскрес и взглянул на теперешний Манчестер?»¹⁹

Теперь обратимся к вопросу о накоплении на производственной основе в государственном хозяйстве. Источник этого накопления тот же, что и при капитализме, т.е. труд рабочего класса, заработная плата которого должна быть ниже общей стоимости новой продукции, создаваемой этим рабочим классом. Но здесь есть ряд капитальнейших различий как в общих условиях первоначального социалистического накопления, так и в формах использования рабочей силы и ее оплаты.

Прежде всего надо вспомнить здесь тот отмеченный нами выше факт, что социалистическое накопление может вообще начаться только *после пролетарской революции*, тогда как процесс первоначального капиталистического накопления начинается и протекает до буржуазных революций. В одних странах он находится в полном разгаре во время этих революций (Англия, Франция), в других он уже к этому моменту пробежал свои главные ступени (Германия). За самую возможность приступить к переустройству всей экономической системы буржуазии не приходилось платить той дани, в виде разрушения производительных сил и истребления старых запасов, чего требует пролетарская революция и Гражданская война XX в. Мы не знаем, во что обойдется в других странах завоевание власти пролетариатом, но у нас это завоевание обошлось так дорого, что накопление на производственной основе не могло даже сразу начаться. Этому предшествовал период, когда общая сумма ценностей, создаваемых внутри государственного круга и поступающих в распределение внутри его и вне его, была не больше, а меньше той суммы, которая представляет из себя сумму себестоимости продукции. Период военного коммунизма ставил перед государством не проблему накопления и расширенного воспроизводства в условиях новой системы собственности, а задачу военной победы, с одной стороны, и задачу прокормления той коммуны нищих, воевавшей со всем капиталистическим миром, какой являлись тогда пролетариат и беднейшее крестьянство со своей армией. Хозяйство этого периода было военно-потребительским коммунизмом. Его задачей было – продержаться, кое-как прокормиться и победить. Дефицитность государственного хозяйства ни в каком случае не могла быть мотивом к его сокращению, а тем более – прекращению. Сокращение производства происходило лишь тогда, когда не хватало сырья и топлива. Производство, бывшее убыточным с капиталистической точки зрения и с точки зрения накопления, было необходимым и полезным с точки зрения специфических задач этого периода. Приведу маленький произвольный числовой пример: если бы мы произвели калькуляцию себестоимости продукции по отношению к типичным предприятиям того периода, то мы получили бы следующую картину (числа взяты произвольно). Стоимость сырья и амортизированных орудий производства, т.е. постоянный капитал, – 1000, заработная плата, т.е. переменный капитал, – 500, себестоимость продукта – 1500, коммерческая стоимость продукта по довоенным ценам – 600. При такой ситуации не только нет прибавочного продукта, а есть колоссальный убыток $1500 - 600 = 900$. Однако при системе военного коммунизма, при его задачах такой эффект отнюдь не был отрицательным. Рабочие выработывали на зарплату, и еще кое-что, а именно 100, шло в общий котел государственной коммуны. Эти 100 представляли из себя не прибавочный продукт, а заем из основного капитала, или растрату основного капитала. Но этот заем, эта растрата, составляли плюс в тот период, потому что основной капитал и запасы сырья лежали бы мертвым капиталом, если бы рабочая сила не превращала их в продукты потребления. Здесь могли быть, и фактически бывали, случаи, когда коммерческая стоимость продукции была ниже даже зарплаты, в нашем случае 400 по отношению к 500. Но в этом случае часть производства было целесообразно продолжать, раз рабочих все равно надо было кормить и нести издержки на консервацию заводов. Для государства было выгодней иметь дефицит на вырабатываемых продуктах (а не в ценностном измерении) в 100, *пускай*

заводы, чем дефицит в 200 или 500 *при закрытых заводах*. Это была совершенно своеобразная экономика, в корне противоположная по своим задачам и по своим методам калькуляции капиталистическому производству.

По поводу основного стимула капиталистического производства, т.е. прибыли, Маркс говорит: «Норма прибыли – это та сила, которая приводит в движение капиталистическое производство; производится только то и постольку, что и поскольку можно производить с прибылью»²⁰.

И в период первоначального капиталистического накопления капитал, уходивший из торговли в производство, приносил, как правило, прибыль. Как правило, капитализм не знал, и по самой структуре своей не мог знать, периода, когда бы он длительный период «работал», с капиталистической точки зрения, «впустую», т.е. без прибыли, либо с убытком, покрывая последний из других источников первоначального накопления, лежащих за пределами капиталистических предприятий. Наоборот, то, что для частного капитала может существовать лишь как исключение, как эпизод – производство без прибыли, т.е. производство без прибавочной ценности, – то в период военного коммунизма было правилом. Перефразируя приведенную только что фразу Маркса, мы могли бы по отношению к периоду военного коммунизма сказать: производится все и всякими способами, что может увеличить потребительский фонд сегодняшнего дня, хотя бы путем растраты основного и оборотного капитала и без скорой надежды на восстановление²¹.

Но такое хозяйство долго держаться не может. С окончанием Гражданской войны кончилась эта предыстория первоначального социалистического накопления, и началась его история. *Но это накопление началось не с увеличения ежегодного фонда прибавочного продукта в государственном хозяйстве, а с сокращения ежегодного дефицита в этом хозяйстве*. В этом – первая характерная черта нашего социалистического накопления по сравнению с капиталистическим.

Социалистическое накопление начинается не от нуля и поднимается выше: оно начинается с уровня ниже нуля. Ноль прибавочного продукта во всем государственном хозяйстве и в то же время ноль убытка – эта линия нуля являлась идеалом при переходе от периода военного коммунизма к периоду предварительного социалистического накопления²². В то время как движущим стимулом капиталистического производства является стремление к *наибольшей прибыли*, в период военного коммунизма существовало стремление к *наибольшему количеству производимых продуктов*, хотя бы ценой *наибольшего убытка*, а с начала социалистического накопления основной целью является достижение *наименьшего убытка* для всего государственного хозяйства (и по возможности, для отдельных предприятий). В настоящий момент, т.е. в 1925–1926 гг., государственная промышленность и транспорт СССР в целом являются прибыльными. Если стоимость валовой продукции промышленности равна 2500 млн руб., а чистая – 1000 млн, то накопления не будет, если эти $1000 m = v$, т.е. чистая продукция равна всей заработной плате, а m , т.е. в данном случае не прибавочная стоимость, а прибавочный продукт²³, равняется нулю. Наоборот, если сумма всей заработной платы ниже суммы новых ценностей, создаваемых в течение года рабочими государственной промышленности, тогда прибавочный продукт есть, хотя бы вся промышленность не только ничего не давала государству из этого продукта, но и требовала бы себе многомиллионных субсидий на восстановление основного и оборотного капиталов. За время мировой войны, революции и Гражданской войны не только не было нормального воспроизводства, но происходило огромное истощение основных элементов производства. Теперь происходит их восстановление. Если при этом основные ресурсы на это восстановление брались бы не из накопления на производственной основе, а из внесоциалистической среды описанными выше методами, то это отнюдь не значило бы, что первого вида накопления не было. Если, допустим, чистая продукция года равна в госпромышленности 1000 млн руб.,

сумма всех заработных плат, выплаченных за год, – 700 млн, а на восстановление основного и оборотного капитала пошли не только эти невидимые для государственного бюджета $1000 - 700 = 300$, но и видимые и очень тяжелые для Наркомфина 200, то это отнюдь не значит, что прибавочный продукт отсутствует. Он имеется в данном случае налицо, и, кроме того, к сумме 300 надо еще прибавить всю сумму государственных и местных налогов, выплаченных за год промышленностью, расходы на шефства и т.д. В данном случае я, разумеется, предполагаю, что стоимость переносимого на продукт, т.е. постоянного, капитала, равного в данном примере 1500, высчитывается правильно, и убыток промышленности, происходящий от неправильной амортизации и низких цен, не съедает прибавочного продукта, созданного рабочими. А с другой стороны, вычисленные правильно и в обратном отношении, т.е. что результат повышенных монопольных цен не приписывается производительности труда рабочих, а сносится за счет налога на частное хозяйство, в данном случае лишь незаметно взимаемого, благодаря соответствующей политике цен.

Итак, в самом начале социалистического накопления государство ведет производство, несмотря на его убыточность, и стремится лишь к наименьшему убытку во всем хозяйстве в целом и далеко не всегда к наименьшему убытку при выборе предприятий, которые надо пускать в ход (иначе в первую очередь пришлось бы остановить транспорт). Отсюда, из этого основного различия от капиталистического накопления, вытекает ряд различий производного характера. Но и тогда, когда линия нуля в области накопления перейдена, когда внешне государственное хозяйство, как целое, ведет ту же политику накопления, как и индивидуальное капиталистическое хозяйство, мы видим огромное различие между первоначальным капиталистическим и между первоначальным социалистическим накоплением. Эта разница не только в том, что принцип накопления в отдельном госпредприятии и принципы накопления в целом комплексе – две вещи разные, что крайне важно для экономической политики отдельных трестов. Эта разница связана с тем обстоятельством, что в то время как капиталистические предприятия с самого начала были технически выше и экономически сильнее отдельных предприятий того способа производства, который они должны были вытеснить и подчинить себе, т.е. мелкого производства, социалистическое производство вынуждено пробежать довольно длительный период накопления материальных ресурсов, в течение которого отдельное предприятие государственного хозяйства будет неизбежно технически не выше, а ниже, экономически не сильнее, а слабей современного капиталистического предприятия передовой буржуазной страны. Вся экономика государственного хозяйства в этот период будет неизбежно подчинена, с одной стороны, задаче возможно быстрого накопления ресурсов, достаточных для перестройки технической базы промышленности на основе электрификации и экономически целесообразного распределения ее по территории, а с другой стороны – задаче охраны этой новой экономики от пока еще сильной капиталистической экономики. В этом смысле период первоначального социалистического накопления с ему свойственными законами будет неизбежен не только для таких отсталых крестьянских стран, как СССР, но отчасти, вероятно, и для социалистического хозяйства Европы, поскольку теперешнее европейское хозяйство (даже без предстоящих ему разрушений от гражданской войны) экономически и технически слабее хозяйства капиталистической Северной Америки. Только в более передовых промышленных странах первоначальное социалистическое накопление будет базироваться в гораздо большей степени на прибавочном продукте рабочих, чем на ресурсах, получаемых от досоциалистических форм производства в Европе и колониях. Но эти две задачи не стояли перед капитализмом в эпоху первоначального накопления. Некоторые мероприятия против ремесла имели место, но это был скорее продукт излишества и капиталистического задора, чем экономическая необходимость для капитализма, поскольку он все равно в

условиях полного равенства решительно побивал мелкое производство. С другой стороны, и покровительственная таможенная политика в странах со слабо развитой промышленностью, направленная к охране данной промышленности от конкуренции капиталистически более развитой страны, не имеет, кроме внешнего сходства, ничего общего с социалистическим протекционизмом. Там дело шло о защите одной промышленности от другой, *принадлежавших к одной и той же экономической системе*. Здесь же перед нами охрана одного способа производства, находящегося в состоянии детской слабости, от другой, смертельно враждебной ему, экономической системы, которая даже в период своей старческой дряхлости экономически и технически некоторое время неизбежно будет сильней новой экономики. Только при полной беззаботности насчет теории можно в социалистическом протекционизме видеть полную аналогию с протекционизмом капиталистическим. Сравнение имело бы смысл лишь в том случае, если бы одна социалистическая страна со слабо развитой собственной промышленностью вводила пошлины для ограждения этой промышленности от социалистической промышленности более передовой страны, вместо того чтобы войти как часть в единый хозяйственный организм социалистической экономики всех тех стран, где победил пролетариат. Тогда бы мы имели, как и при капитализме, таможенные пошлины внутри одной системы хозяйства. Но такое абсурдное положение вряд ли будет иметь когда-либо место. Кстати заметим, что даже этот пример, как и все примеры из области сравнения капиталистической экономики с социалистической, обнаруживает принципиальную разницу между той и другой в том смысле, что капитализм развертывается на основе конкуренции и взаимного отталкивания его частей, тогда как методом социалистической экспансии в области экономики (а также и политики) является взаимопритяжение частей, взаимопомощь и тенденция к единому хозяйственному комплексу. Это связано не только с военной, но и экономической необходимостью.

Выше мы говорили, что для капитализма, особенно в период первоначального накопления, характерно беспощадное, варварское, расточительное обращение с рабочей силой, которой капитализм стремится распоряжаться как всяким купленным товаром, входящим в число элементов производства. Пределами эксплуатации и нажима в эту сторону являются чисто физиологические границы эксплуатации (рабочему надо спать и есть) либо сопротивление рабочего класса. В дальнейшем соотношение сил между рабочими и капиталистами в экономической борьбе является важнейшим фактором, ограничивающим темп и размеры капиталистического накопления на производственной основе. Наоборот, с момента своей победы рабочий класс из объекта эксплуатации превращается также и в субъекта ее. Он не может относиться к своей собственной рабочей силе, здоровью, труду и его условиям так же, как относился к ним капиталист. В этом заключается определенная преграда для темпа социалистического накопления, преграда, которой не знала капиталистическая промышленность в первый период ее развития. Правда, мы знаем энтузиазм и героическое самоограничение рабочего класса в первые годы организации государственной промышленности, в особенности в период Гражданской войны. Но такие моменты не характерны для всего периода социалистического накопления. Первым, совершенно очевидным, различием государственного хозяйства пролетариата от типичного капиталистического хозяйства является тот факт, что, хотя государственное хозяйство работает на рынок и в сфере обмена является товарным производством, в отношении к рабочему оно *начинает* (но только пока начинает) выступать как система производства для потребления производителей. Законы, управляющие движением заработной платы в период социалистического накопления, совсем иные, чем законы зарплаты при капитализме периода первоначального накопления. Наиболее ярким доказательством этого может служить тот факт, что, например, в 1920 г., когда безработица была меньше и частично чувствовался одно время недостаток в

квалифицированной рабочей силе (что потребовало известных мер со стороны Наркомтруда), заработная плата была гораздо ниже, чем в 1924 г. при 1 300 000 безработных в стране. При капиталистической системе, где отклонения уровня заработной платы от ценности рабочей силы определяются спросом и предложением на рабочую силу, организованностью и силой сопротивления рабочего класса, отношения должны были бы существовать как раз обратные. Таким образом, в этот период закон заработной платы подчинен закону социалистического накопления, который находит свое выражение в сознательном самоограничении рабочего класса. Это самоограничение заменяет собой ту равнодействующую в стихийной борьбе труда с капиталом, которая при прочих равных условиях, т.е. прежде всего при данном уровне ценности рабочей силы, определяла уровень заработной платы и уровень прибавочной стоимости в системе капиталистического производства. Социалистическое накопление есть необходимость для рабочего класса, но здесь оно выступает как осознанная необходимость.

Тот факт, что в государственном хозяйстве СССР, несмотря на его нищету, твердо сохраняется 8-часовой рабочий день и проводятся с каждым годом все в большем масштабе меры по охране труда, точно так же возможен лишь постольку, поскольку рабочий класс является хозяином производства. При настоящем размере производства что-либо подобное было бы абсолютно невозможно для капиталистической системы.

Из особенностей, которые характерны для периода первоначального социалистического накопления в сравнении с соответствующей эпохой капитализма, необходимо отметить факт огромной безработицы, которая требует затраты значительных средств из фонда накопления – расход, который не несли рыцари первоначального накопления, открывшие впервые свои фабрики и питавшиеся резервами рабочей силы из земледелия и ремесла.

Необходимо также здесь отметить, что страшная нищета периода войны и революции, огромное снижение привычных потребностей рабочего класса служили и служат одним из факторов социалистического накопления в том смысле, что рабочему классу после такого недавнего прошлого легче удастся провести самоограничение своих потребностей в годы, когда задачи социалистического накопления стоят на первом плане.

* * *

Основной закон первоначального социалистического накопления является центральной движущей пружиной всего советского государственного хозяйства. Но, вероятно, этот закон имеет универсальное значение, за исключением, быть может, тех стран, которые последними перейдут к социалистической форме хозяйства. Исходя из сказанного нами выше, мы можем этот закон в той его части, которая касается перераспределения материальных ресурсов производства, формулировать следующим образом. *Чем более экономически отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства, чем менее то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны в момент социальной революции, тем относительно больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на отчуждение части прибавочного продукта досоциалистических форм хозяйства, и тем меньше будет удельный вес накопления на его собственной производственной базе, т.е. тем меньше оно будет питаться прибавочным продуктом работников социалистической промышленности. Наоборот, чем более экономически и индустриально развитой является та или другая страна, в которой побеждает социальная революция, чем больше то материальное наследство в виде высокоразвитой индустрии и капиталистически организованного земледелия, которое получает пролетариат этой страны от буржуазии после национализации, чем меньше удельный вес в данной стране докапиталистических форм*

производства и чем более для пролетариата данной страны является необходимым уменьшить неэквивалентность обмена своих продуктов на продукты бывших колоний, тем более центр тяжести социалистического накопления будет перемещаться на производственную основу социалистических форм, т.е. опираться на прибавочный продукт собственной промышленности и собственного земледелия²⁴.

* * *

Период предварительного социалистического накопления не только есть время собирания материальных ресурсов новой экономики для окончательной победы ее над капиталистической формой, но в то же время период непосредственной борьбы государственного хозяйства с частным, которое идет также и по линии распределения рабочих сил. Одним из интереснейших вопросов теории советского хозяйства является вопрос о том, как, в каких конкретных формах будет происходить вытеснение исторически более высокой социалистической системой хозяйства всех досоциалистических форм. Проблема расчлняется, кроме того, еще и так: чем методы борьбы социалистической формы с частным хозяйством в период предварительного социалистического накопления будут отличаться от методов борьбы в период подлинно социалистической промышленности и, во-вторых, какая разница во взаимоотношениях социалистической формы, с одной стороны, с капиталистической, с другой стороны – с мелким товарным производством.

Как обстояло дело с победой капиталистического способа производства над докапиталистическими формами?

Вот что говорит об этом Маркс: «С прогрессом капиталистического производства развиваются и его условия: оно подчиняет своему специфическому характеру, своим имманентным законам всю совокупность существенных предпосылок, в которых совершается процесс производства»²⁵.

«...Его тенденция заключается в том, что он, по возможности, всякое производство превращает в товарное производство; главным средством для этого служит вовлечение этих способов производства в процессе его обращения; а развитое товарное производство само уже является капиталистическим товарным производством. Проникновение промышленного капитала повсюду ускоряет это превращение, а вместе с ним и превращение всех непосредственных производителей в наемных рабочих»²⁶.

«...Те самые обстоятельства, которые создают основное условие капиталистического производства – существование класса наемных рабочих, – содействуют переходу всего товарного производства в капиталистическое товарное производство. В той мере как последнее развивается, оно действует разрушающим и разлагающим способом на всякую более старую форму производства, которая, рассчитанная преимущественно на непосредственное собственное потребление, превращает в товар только излишек продукта. Продажу продукта оно делает преобладающим, главным интересом, причем сначала оно как будто не затрагивает самого способа производства – таково было, например, первое действие капиталистической мировой торговли на такие народы, как китайцы, индейцы, арабы и т.д. Но потом, пустив корни, оно разрушает все формы товарного производства, основой которых служил или собственный труд производителя, или же просто продажа в виде товара только излишков продукта. Сначала оно придает товарному производству характер всеобщности и потом постепенно превращает все товарное производство в капиталистическое производство»²⁷.

Капиталистическое производство не страшно натуральному хозяйству, когда последнее не имеет с ним никаких точек соприкосновения, когда обе системы представляют из себя два совершенно несообщающихся друг с другом сосуда. Натуральное хозяйство просто не принимает боя, поскольку оно не втянуто в денежный товарообмен.

Капитализм представляет тогда из себя атлета, который тщетно вызывает на бой, на сцену, своего слабого противника, который молчит и не отзывается. И только тогда, когда этот более слабый противник развитием товарообмена вытаскивается на капиталистическую арену, его кладут на обе лопатки в процессе свободной конкурентной борьбы. Нам крайне важно подчеркнуть здесь, что для победы капиталистического способа производства над примитивным натуральным и над мелкобуржуазным было вполне достаточно тех экономических преимуществ, которые каждое капиталистическое предприятие, даже в стадии мануфактурного развития капитализма, имело над более примитивными формами хозяйства. Насилие играло главным образом вспомогательную роль. Оно ускоряло процесс капиталистического развития преимущественно в том отношении, что способствовало вытаскиванию натурального хозяйства на арену борьбы. Манчестерские теории буржуазии представляли из себя не только продукт обороны против абсолютизма и его вмешательства в хозяйственный процесс во вред третьему сословию, но и продукт осознания капитализмом своего чисто экономического превосходства над докапиталистическими формами производства, опиравшегося на многолетний опыт успешной конкурентной борьбы. Каждое капиталистическое предприятие, взятое отдельно, было и технически, и экономически сильнее любого ремесленного предприятия или группы таких предприятий. Аршин ситца, сработанный с затратой X единиц времени в капиталистическом предприятии, был смертельным оружием капитализма в борьбе с ручным ткачом, вырабатывавшим этот аршин с затратой 2 или $3X$ рабочего времени. Исход боя решал потребитель, который, покупая более дешевый продукт, тем самым голосовал за капиталистический способ производства и поддерживал его против ремесла, делаясь покупателем капиталистической продукции.

Совсем в ином положении находится государственная промышленность периода первоначального социалистического накопления по отношению к капиталистической промышленности. Совсем в ином положении находится и отдельное предприятие государственной промышленности по отношению к типичному капиталистическому предприятию того же рода. Это ни на минуту не надо упускать из виду, как только мы ставим перед собой животрепещущий вопрос о том, как вообще может и должен протекать процесс вытеснения капиталистической формы социалистической. Вульгарное представление, согласно которому социалистическая форма уже в первый период ее существования побеждает капиталистическую в конкурентной борьбе, так же, как капиталистическая фабрика побеждала ремесло, представляет из себя грубую, поверхностную, некритическую аналогию с прошлым. Эта аналогия не освещает вопрос, а затемняет всю проблему. Разумеется, делать такие поверхностные и некритические аналогии гораздо легче, чем понять своеобразную особенность периода первоначального социалистического накопления. Их и делали достаточно много у нас в экономической литературе после ликвидации военного коммунизма с весьма жалким успехом. Экономическая политика пролетарского государства, поскольку она была правильной и не сбивалась на путь такого социалистического манчестерства, проводила ошупью и стихийно нечто как раз обратное тому, что логически и практически вытекало из подобного сорта аналогий, заменявших одно время научно-марксистский анализ нашего хозяйства.

В настоящий момент наше государственное хозяйство и технически, и экономически слабей капиталистического хозяйства Европы и Америки. Советское хозяйство Европы после победы в ней диктатуры пролетариата будет, вероятно, слабей хозяйства капиталистической Америки. В первоначальный период своего развития социалистическая форма, вследствие отсутствия как материальных предпосылок, необходимых для перестройки ее технического базиса, так и вследствие отсутствия необходимых предпосылок социалистической культуры и социалистического воспитания работающего пролетариата не может развить всех преимуществ, органически свойственных социализму,

наличие которых делает социалистическую форму исторически более прогрессивной, чем капитализм. В период предварительного накопления социалистическая форма, как мы сказали выше, еще не развивает всех своих преимуществ, но утрачивает некоторые преимущества капиталистического хозяйства. Наоборот, последнее стоит во всеоружии основных своих преимуществ, что даже в период упадка капитализма вообще делает для социалистической формы невозможной конкурентную борьбу с капитализмом на основе равенства. Для государственного хозяйства пролетариата было бы полнейшим (и глупейшим) самоубийством пытаться бить капитализм на арене свободной конкурентной борьбы уже на теперешней стадии развития социалистического хозяйства. Последнее было бы разложено и в конце концов бито в этой борьбе. Не надо забывать, что если все наше государственное хозяйство при прочих равных условиях в первые годы в целом слабей капиталистического (для точности сравнения скажу так: наша государственная промышленность с 1915 до 1925 г. была слабей нашей же довоенной крупной капиталистической промышленности), то и отдельное государственное предприятие при прочих равных условиях слабей капиталистического предприятия. По отношению к заграничной капиталистической промышленности это выражается в том, что продукты нашей промышленности в огромном большинстве дороже и хуже заграничных и иными быть не могут²⁸. Внутри же страны частная промышленность слабей только потому, что она находится не в равных условиях для борьбы. В руках государства находятся с самого начала крупные и технически самые лучшие предприятия. А во-вторых, что самое важное, частная промышленность во всем остальном поставлена в менее выгодные условия, чем государственная промышленность. Благодаря совершенно правильной социалистической политике государственное хозяйство, а следовательно, отдельные государственные предприятия, только *как часть этого целого*, оказываются сильнее частных, т.е. сильнее в условиях неравенства сторон. А если это все так, — а это именно так, — то отсюда следует, что победа социалистической формы над капиталистической в период экономической и технической слабости государственного хозяйства, т.е. в период первоначального социалистического накопления, не может ни в каком случае происходить в результате конкурентной борьбы отдельных государственных предприятий или групп их с отдельными аналогичными предприятиями капиталистического характера. Для победы этим путем государственным предприятиям не хватает того главного, что было у капиталистических предприятий, боровшихся с ремеслом: нет индивидуального экономического и технического преимущества над предприятиями исторически более низшей формы. Но если социалистическая форма должна победить, и она побеждает уже постепенно на стадии предварительного социалистического накопления (само накопление, т.е. расширенное социалистическое воспроизводство, есть уже продукт борьбы, один из ее трофеев), то для этого должны быть какие-то другие причины, выходящие за пределы конкурентной борьбы индивидуальных предприятий двух различных экономических систем. В чем же эти причины, где то особенное, что отличает социалистическую экспансию от экспансии капиталистической, что делает социалистическую форму в борьбе с капиталистической более устойчивой?

Первая, самая важная особенность состоит в том, что государственное хозяйство вступает в борьбу и не может не вступать в борьбу только как единое целое. Отдельное предприятие государства, оторванное от целого и брошенное в стадию конкурентной борьбы, вероятно, не выдержало бы и было бы бито. Но то же предприятие, находясь в едином комплексе государственного хозяйства, имеет за собой всю силу этого комплекса, а потому оно уже не является ни в какой мере единичным предприятием или трестом старого капиталистического типа, даже когда оно «переведено на хозяйственный расчет» и внешне как будто бы подобно индивидуальному предприятию товарного хозяйства или капиталистическому тресту. Как труд на основах кооперации

представляет из себя нечто большее, чем сумму индивидуальных рабочих сил, объединенных этой кооперативной работой, так и целостный комплекс государственного хозяйства есть нечто большее, чем арифметическая сумма всех входящих в него предприятий и трестов. Здесь получается добавочная сила от огромной кооперации нового типа – результат действия большой организованной экономической массы. Когда создавались и переводились на хозяйственный расчет наши тресты, то внешняя видимость этих трестов, их капиталистический облик и капиталистические методы калькуляции дали ряду вульгарных экономистов повод создать что-то вроде «теории» конкурентной борьбы отдельных государственных предприятий с капиталистическими – теории, которая подозрительным образом объединила марксистски образованных или, по крайней мере, грамотных людей с верхоглядами и обывателями буржуазной «науки».

Но практические потребности огромной машины государственного хозяйства и его отдельных звеньев, фактическая политика, диктуемая этой машине экономической необходимостью, есть вещь гораздо более солидная, чем эти грошовые обывательские рассуждения, представляющие из себя попытку временные поверхностные явления при переходе государственного хозяйства от военного коммунизма к периоду социалистического накопления (или, как принято говорить у нас, к нэпу²⁹), т.е. явления известной дезорганизации, разбросанности трестов, отсутствия управления ими и т.д., выдать за нормальный тип взаимоотношений трестов друг с другом и с частным рынком. Между тем, как только период реорганизации, период расстановки экономических сил государственного хозяйства применительно к условиям товарного обмена закончился и были сделаны первые шаги в новой обстановке, начался процесс «собираения» государственного хозяйства как единого целого, нащупывания и практического использования тех преимуществ, которые дает кооперация больших экономических масс, и, наконец, постепенного сужения поля «свободной» конкуренции государственного хозяйства с частным³⁰.

Другой причиной, которая делает устойчивой социалистическую форму в борьбе с капиталистической и которая также не имеет ничего общего со свободной конкурентной борьбой (а как раз наоборот), есть сращивание государственной власти с государственным хозяйством. В период первоначального капиталистического накопления государство часто способствует этому процессу, в том числе и мерами насилия, но это содействие государства капиталистическому развитию, а также и противодействие его, как феодального государства этому развитию, не идет ни в какое сравнение с той ролью, какую играет пролетарское государство в экономическом процессе. Некоторое представление об этом из прошлого может дать лишь период военно-государственного капитализма эпохи империалистической войны. В какой огромной степени сращивание капиталистического государства с капиталистическим хозяйством может увеличить силу и устойчивость данного политико-экономического механизма, показал опыт военно-государственного капитализма в Германии в 1914–1918 гг. При пролетарской диктатуре этот процесс сращивания идет гораздо дальше. Пролетарское государство и пролетарское хозяйство представляют собой единое целое в полном смысле этого слова. Этот сплав политической и экономической мощи в огромнейшей степени увеличивает как политическую силу государства, так и экономическую силу государственного хозяйства. Мы уже указывали выше, какую огромную роль играют внеэкономические методы социалистического накопления. Власть пролетарского государства, которая распространяется на прибавочный продукт частного хозяйства (конечно, в пределах экономически возможного, целесообразного и технически достигаемого), не только является сама орудием первоначального накопления, но и постоянным резервом этого накопления, так сказать потенциальным фондом государственного хозяйства. С другой стороны, монополия внешней торговли и наш защитительный барьер таможенных пошлин, о который разбиваются

волны закона ценности мирового хозяйства, есть реализация внутренней политической силы пролетарского государства и внешней поддержки его со стороны мирового пролетариата. Экономическое значение использования этих сил на этом участке имеет прямо решающее значение для всего существования социалистической формы в младенческий период ее существования.

Таким образом, мы приходим к выводу, что если между капиталистической и социалистической экспансией есть формальное сходство, что обеим формам имманентно присуще стремление развиваться не только за счет своих собственных ресурсов, но и неизбежно за счет вытеснения исторически отсталых способов производства и за счет их постоянной эксплуатации, то методы борьбы со старыми формами у капитализма и социализма совершенно отличны. Капитализм побеждает в рассыпном строю, в условиях свободной конкуренции с докапиталистическими формами хозяйства. Социализм побеждает в сомкнутом строю государственного хозяйства, выступающего как единое целое, амальгамированного с политической властью, в условиях систематического ограничения и почти ликвидации свободной конкуренции. Видимость свободы конкуренции после ликвидации политики военного коммунизма была лишь педагогической мерой для подтягивания и рационализации работы государственных предприятий, а не была возвращением к исторически свойственной капитализму в его первой и второй стадии развития форме взаимоотношения со старым способом производства. Социализму присуща *своя собственная форма взаимоотношений с досоциалистическими формами*, которая ни в какой мере не может быть возрождением обстановки первоначального капиталистического накопления, она не может быть возрождением и той свободы конкуренции, от которой сам капитализм перешел в стадию монополистических объединений. Мы ничего не можем сказать о том, в каких формах будет происходить вытеснение социализмом других экономических систем производства в тот период, когда социалистическое хозяйство будет иметь под собой новую техническую базу. Но для обозримого теперь периода первоначального социалистического накопления такими методами достижения стимула расширенного социалистического воспроизводства являются: ограничение, даже ликвидация, свободы конкуренции, всемерное использование преимуществ государственной монополии, борьба единым комплексом государственного хозяйства, комбинация экономических средств с политическими.

Что же касается непосредственных взаимоотношений между государственным хозяйством и мелкобуржуазным способом производства, то такие взаимоотношения должны внести нечто столь же новое в экономическую историю человеческого общества, как и вся новая социалистическая экономика вообще. Подчиняя себе неокapитализм, государственное хозяйство подчиняет себе и его подчиненных, т.е. элементы простого товарного производства, на которых этот капитализм второго издания возникает. Но рядом с этим неизбежна целая система непосредственных взаимоотношений между мелким производством и государственным хозяйством. Сущность этих взаимоотношений должна определяться следующим. Мелкое производство разбивается на три части. Одна часть длительный период остается мелким производством, другая кооперируется³¹ капиталистическим путем, третья, в обход этому последнему процессу, объединяется на основах какой-то новой кооперации, представляющей из себя особый тип перехода мелкого производства к социализму не через капитализм и не через простое поглощение мелкого производства государственным хозяйством.

Эта новая форма кооперации при диктатуре пролетариата, одним из ручейков которой являются, по-видимому, крестьянские коммуны и артели, еще должна только развиваться. Мы не можем поэтому давать теоретический анализ того, что еще не существует, а только должно возникнуть. Заметим здесь, кстати, что у нас еще не найдены такие пути использования государственной монополии в интересах кооперации, которые в

условиях ограничения свободы конкуренции для капиталистической формы давали бы максимальные результаты³².

Чтобы покончить с затронутым вопросом, мы должны сказать еще следующее. В период первоначального социалистического накопления государственное хозяйство, хотя и не перестроившее своей техники, уже в состоянии использовать те преимущества единого организованного комплекса, которые недоступны капитализму, растрачивающему зря много сил вследствие анархичности его структуры. Попытки использовать эти преимущества при системе военного коммунизма не были неудачными, но плоды их затерялись и потонули в той дыре общего хозяйственного дефицита, который был характерен для этой системы хозяйства. Теперь эти преимущества были бы гораздо более заметны, если бы мы наконец осуществили насущнейшую организационную, а вместе с тем и важную общеэкономическую задачу управления всем государственным хозяйством, как единым целым³³.

Вместе с тем здесь надо упомянуть еще о преимуществе, которое имеет капитализм над государственным хозяйством в том отношении, что он уже выработал в предыдущую эпоху необходимый ему людской материал, такой тип агентов производства и распределения, которые воспитаны на капиталистических стимулах к труду и приспособлены к капиталистической дисциплине. Наоборот, тип «работников государственного хозяйства» как особый социальный тип еще только формируется, что вынуждает новую систему хозяйства опираться на старых людей, неся при этом огромные убытки от безхозяйственности, злоупотреблений и т.д. Как мы увидим из особой главы другого тома, накопление социалистических навыков и накопление социалистической культуры имеет крайне важное значение в борьбе социалистического производства с капиталистическим. По крайней мере, в первое десятилетие капитализм в этой области имеет явное преобладание над социализмом, потому что имеет в своих руках плоды векового культурного накопления.

Другая причина устойчивости капиталистической формы в борьбе с социалистической, особенно отчетливо выступающая в мелкой и средней торговле, заключается в том, что частные предприятия эксплуатируют труд своих рабочих и служащих, а также и труд самих хозяев, переходя всякие пределы допустимого советским законодательством об охране труда. Социалистическая система не может уменьшать свои издержки производства и обращения таким путем. А в тот период, когда эта форма не может быть частным хозяйством и на экономической основе, такое преимущество частного хозяйства имеет огромное значение, особенно в торговле. При системе самозэксплуатации торговцев, при отсутствии у них расходов на отчетность, при личном доверии хозяина к служащим (продукт приспособления работника к потребностям капиталистических отношений) государственная торговля вряд ли будет когда-либо связана с меньшими издержками на единицу оборота. Преимущество социализма (строгая охрана труда) превращается здесь в преимущество капитализма, поскольку дело идет о соревновании в деле сокращения издержек обращения.

После всего сказанного для нас будет ясней и проблема внешних займов и концессий в период социалистического накопления. Внешний долгосрочный заем за границей, с одной стороны, является одним из видов эксплуатации иностранным капиталом молодой новой экономики. Но, с другой стороны, он в сильнейшей степени способен ускорить процесс социалистического накопления. Он означает одновременное скачкообразное увеличение фонда социалистического накопления, он ускоряет процесс технического переоборудования государственного хозяйства и, следовательно, сокращает период пребывания государственной промышленности в подготовительном классе социализма. Он дает возможность занять многие десятки тысяч безработных рабочих, которые теперь оторваны от производства вследствие недостатка материальных элемен-

тов производства в руках государства, и тем самым делает этих безработных участниками социалистического накопления. Рассуждая теоретически, иностранные займы представляют из себя синтез капиталистического и социалистического накопления. Но они могут стать в гораздо большей степени фактором социалистического, чем капиталистического накопления в период упадка капитализма. Процент, который будет уплачиваться государственным хозяйством за кредит, будет, несомненно, много меньше тех новых ценностей, которые войдут в фонд социалистического накопления. При этом, разумеется, подразумевается, что государство является вполне свободным в распоряжении кредитами и обязательство уплаты процентов есть единственная форма связи заимодавца с кредитором. Любопытно будет вспомнить, что инвестирование капиталов из хозяйственно-дряхлеющих стран в более молодые и развивающиеся капиталистические организмы за границей играло очень большую роль в период первоначального накопления. Так, например, когда Венеция потеряла гегемонию в торговле на Средиземном море, накопленные венецианским торговым капиталом средства стали помещаться в торговлю и промышленность Голландии. Через известное время, однако, капиталы из Голландии стали переключиваться в Англию, затем из Англии в Америку. «Уже в начале XVIII в. голландские мануфактуры были далеко превзойдены английскими, и голландцы перестали быть господствующей торговой и промышленной нацией. В период 1700–1776 гг. одним из главных предприятий голландцев становится выдача в ссуду громадных капиталов, в особенности своей могучей конкурентке – Англии. Подобные же отношения создались в настоящее время между Англией и Соединенными Штатами. Многие, не помнящие родства капиталы, функционирующие в Соединенных Штатах, представляют лишь вчера капитализированную в Англии кровь рабочих детей»³⁴.

Во всяком случае, если бы, например, средства дряхлеющего капитализма Европы были способны в большом масштабе переключаться в молодое советское хозяйство, на промежуток между настоящим моментом и пролетарской революцией в Европе, это было бы плюсом не для капитализма, а для социализма. Если в этом процессе хитрость гегелевского мирового разума должна выявиться в приманке этих капиталов процентом, то на это не стоило бы жалеть и повышенного процента в сравнении с обычным средним³⁵.

Иначе обстоит дело с концессиями. Здесь отношение между социалистическим и капиталистическим накоплением скорее как раз обратное. Организатором накопления является частный капитал, государство же получает проценты в виде долевого отчисления с продукции, аренды, в виде налогов, права преимущественной покупки и т.д. Но отрицательная сторона концессий заключается не в том, что государство получает из прибавочной ценности меньше капиталиста. При выгодно сданной концессии государство получает нечто в фонд накопления, вообще говоря, там, где не получило бы ничего без концессионера, увеличивая на еще большую сумму национальный доход страны, складывающийся из $v + m$. Основная отрицательная сторона концессий заключается в том, что здесь государственное хозяйство периода первоначального социалистического накопления, т.е. в период своей максимальной слабости, вступает в непосредственное соприкосновение с иностранным капиталом, идущим во всеоружии своей техники, излишков основного и оборотного капитала, имея большие резервы новых капиталов в своем буржуазном тылу. Большие концессии в основных отраслях государственной промышленности, страдающей от недостатка капитала, с самого начала покажут, что эти предприятия находятся в неравных условиях с государственными. Эти предприятия немедленно реализуют те выгоды, которые имеет развитая иностранная капиталистическая промышленность над нашей. Здесь мы будем иметь обход нашего таможенного кордона и состязание двух систем хозяйства при неблагоприятном соотношении сил для государственного хозяйства. Итог может быть здесь таков, что слишком большая доза концессий, принятая в организм государственного хозяйства, начнет разлагать

последнее, как в свое время капитализм разлагал более слабое натуральное хозяйство. Это разложение выразится, между прочим, и в том, что рабочие в капиталистических предприятиях будут находиться в лучших материальных условиях, чем рабочие государственной промышленности, что, несомненно, будет иметь свои политические последствия. Все это относится, разумеется, только к первому периоду существования государственного хозяйства, к периоду первоначального накопления. Когда же социалистическая форма окрепнет экономически и технически, концессии не будут уже опасны. Но они тогда будут и менее нужны, потому что только крайняя нужда в новых капиталах заставляет идти по пути концессий. Сказанное, разумеется, не относится к концессиям, принимаемым в умеренной дозе, не в хозяйственных центрах СССР и не в решающих отраслях производства. Примером наиболее полезных и наименее опасных концессий могут служить лесные концессии.

Во всяком случае, осторожность в области концессионной политики является отражением той же самой экономической необходимости, которая заставляет хозяйство СССР всемерно поддерживать монополию внешней торговли и систему самого жесткого протекционизма. Дело идет и здесь также об обеспечении необходимых предпосылок для социалистического накопления. И здесь, следовательно, перед нами борьба закона социалистического накопления с законом стоимости мирового капиталистического хозяйства.

Борьба двух законов

Теперь мы перейдем к последней, самой интересной, с теоретической точки зрения, проблеме: к вопросу о борьбе двух законов – закона ценности и закона первоначального социалистического накопления – внутри хозяйства СССР.

Из предыдущего изложения было видно, что закону социалистического накопления подчинена вся экономическая политика Советского государства и экономика государственного хозяйства. Невозможно говорить ни о каких законах движения заработной платы в государственном хозяйстве СССР и ни о какой теории заработной платы без анализа закона социалистического накопления и его проявления на этом участке экономического поля. Этому же закону подчинена – а поскольку не подчинена еще, должна будет подчиниться с железной необходимостью – политика цен на продукцию госпромышленности и система железнодорожных и водных тарифов. Закону социалистического накопления подчинена структура доходной части бюджета с системой обложения частного хозяйства в пользу социалистического (разумеется, с поправками на экономическую возможность и политическую целесообразность). Закону этого накопления подчинена структура расходной части бюджета. Монополия внешней торговли и система социалистического протекционизма есть оборона социалистического хозяйства на данной его стадии, т.е. защита известного поля, обеспеченного для социалистического накопления, против вторжения в эти пределы носителей капиталистического накопления. Закону социалистического накопления подчинена вся наша кредитная система и по методам ее организации, и по принципам ее политики, прежде всего по принципам распределения кредитных ресурсов страны. Тому же закону подчинена наша торговая политика внутри страны, с ее постоянным стремлением к вытеснению из оборота частного хозяйства и к проведению ряда мероприятий, направленных к регулированию внутреннего рынка. Это регулирование³⁶ есть борьба за иную форму организации труда, а с точки зрения распределения материальных ресурсов представляет из себя также либо ограничение темпа и размеров капиталистического накопления в процессе обращения, либо увеличение социалистического накопления в этой сфере, либо осуществление того и

другого вместе. Наша политика по охране труда, с одной стороны, есть политика сохранения и качественного улучшения важнейшей производительной силы, важнейшего элемента социалистического накопления, а именно рабочей силы пролетариата, а с другой стороны, ее распространении на частное хозяйство, эта политика означает сокращение темпа и размеров капиталистического накопления.

Одним словом, все основные процессы внутри государственного хозяйства и общие принципы хозяйственной политики пролетарского государства подчинены в *настоящей стадии* развития прежде всего и больше всего экономической необходимости всемерного накопления и всемерной экономии и бережливости. Эта политика не во всех областях проводится с достаточной полнотой и последовательностью, например не проведена в области борьбы с непроизводительным потреблением и т.д., но все это лишь вопрос времени.

Но государственное хозяйство СССР есть только часть всего хозяйственного целого страны. Большая часть ценностей создается в частном хозяйстве, точнее в сфере простого товарного производства, как это мы увидим в следующем томе из подробного цифрового анализа нашего хозяйственного бюджета. Наша экономика в целом является товарно-социалистической системой хозяйства. Закон социалистического накопления коренится прежде всего в головных социалистических звеньях хозяйства, т.е. в государственном хозяйстве, и распространяет в известной мере свое действие на частное хозяйство лишь как на чужеродную среду. Наоборот, имманентным законом простого и капиталистического хозяйства является закон ценности, который также распространяет свое действие и на государственное хозяйство. Так как хозяйство СССР представляет из себя совершенно невиданный в экономической истории пример сожительства двух различных и по природе антагонистических систем хозяйства, с разными типами регулирования, то оно должно быть также ареной не только борьбы, но и известного равновесия, следовательно, объективно известного сожительства двух различных экономических законов.

Закон социалистического накопления ограничен «демократией» товарного хозяйства, с присущей последнему тенденцией развития и методами регулирования. Товарное хозяйство внутри страны ограничено, охвачено, если хотите, сжато законом социалистического накопления, законами развития чужеродного для него социалистического тела, а от мирового рынка отгорожено монополией внешней торговли и системой таможенных пошлин. Поэтому наше хозяйство, не будучи еще социалистическим, не является уже также и чисто товарным.

Вопрос о научно-экономической квалификации нашей системы хозяйства вызвал и не раз будет еще некоторое (надеемся, непродолжительное) время вызывать много споров. Одно время у нас считалось верхом делеческого* реализма и коммунистического мужества трактовать наше хозяйство как одну из разновидностей товарного хозяйства, лишь несколько искаженного, в результате государственной собственности на крупную промышленность. Эта точка зрения молчаливо предполагала существование в нашем хозяйстве лишь одного основного закона, действующего в товарном хозяйстве, – закона ценности. Если бы это было так, то под действием этого закона, напирającego и изнутри и извне, государственная промышленность должна была бы рассасываться в нэпе, если не рассосаться к настоящему моменту совсем, государственная монополия должна была бы делаться все более фиктивной, убыточные предприятия должны были бы закрываться и существовать только прибыльные и т.д. В частности, транспорт и металлургия должны были бы или остановиться, или перейти в руки иностранного капитала. Ничего этого мы не наблюдаем, а наблюдаем, как постепенно развивается и крепнет наряду с

* Так в тексте.

развитием товарности крестьянского хозяйства как раз обратный процесс. Почему же это? Если этот процесс развивается не по линии регулятора товарного хозяйства, а вопреки ему, если государственная промышленность развивается и крепнет вопреки действию закона ценности, то это возможно лишь потому, что закону ценности противодействует, этот закон модифицирует, отклоняет или частично ликвидирует какой-то другой закон. Какой это закон, мы отчасти уже видели.

Этот вывод имеет огромное принципиальное значение для правильного понимания нашей системы хозяйства и основных тенденций его развития. Но констатируя наличность в этом хозяйстве двух основных законов, мы еще не даем никакого ответа на вопрос об удельном экономическом весе и динамике каждого из них. Это должно быть предметом особого анализа. Необходимо лишь заметить, что, только исходя из признания этих двух законов, как предпосылки каждого конкретного исследования об общих тенденциях нашего хозяйства, мы в состоянии правильно понять массу новых и своеобразных черт в этом хозяйстве. Эти новые черты и явления никак нельзя вывести из развития товарного хозяйства как такового. Поэтому тем, кто рассматривает наше хозяйство только как товарное хозяйство, приходится либо оставлять эти явления без объяснения, либо накапливать гору «исключений», которые вопиют о каком-то общем правиле, либо (что чаще всего бывает) глубокомысленно записывать их в счет особенностей «хозяйства с диктатурой пролетариата». Я думаю, что подобного сорта «теоретический анализ» мы переросли и повторение несколько лет подряд одних и тех же фраз о нэпе давным-давно нам надоело своей бессодержательностью и бесплодием.

Посмотрим же, до каких пределов простирается в нашем хозяйстве действие законов товарного производства, в частности их влияние на наше государственное хозяйство, и, с другой стороны, в какой степени законы товарного производства изменены или частично ликвидируются законом социалистического накопления.

Начнем с законов товарного производства.

Товарное производство, как простое, так и капиталистическое товарное производство, есть производство для рынка. В области обращения у нас после ликвидации военного коммунизма господствует денежный товарообмен. Он господствует не только внутри всего частного хозяйства (разумеется, минус натуральное), не только при обмене веществ между государственным хозяйством и частным, но и в огромной части также при обмене веществ внутри круга государственного хозяйства. Вот эта почти универсальная у нас форма денежного товарообмена и денежной калькуляции принимается многими за показатель поля приложения и силы господства закона ценности, как регулятора всех хозяйственных процессов. Это обстоятельство, несомненно, лежит в основе всей той переоценки роли и значения законов товарного хозяйства, которая мешала и мешает многим понять действительную сущность нашей хозяйственной системы. *Однако между областью распространения денежного товарообмена и значимостью закона ценности ни в коем случае нельзя проводить знак равенства.* Этого нельзя делать даже в отношении чистого капитализма, поскольку уже в монополистический период капитализма закон ценности частично ликвидируется, как и все другие связанные с ним законы товарного производства. В самых основах товарного производства происходят сильнейшие изменения. Цитируя буржуазного экономиста Кестнера, описывающего те изменения, которые вносит в систему торговли капитализм периода монополии, т. Ленин в своей брошюре «Империализм, как новейший этап капитализма» писал: «В переводе на человеческий язык это значит: развитие капитализма дошло до того, что хотя товарное производство «царит» и считается основой всего хозяйства, *но на деле оно уже подорвано*»³⁷ (подчеркнуто мной. – Е.П.). И в той же брошюре в другом месте т. Ленин пишет: «Старый капитализм свободной конкуренции, с безусловно необходимым для него регулятором, биржей, отходит в прошлое. Ему на смену пришел новый

капитализм, носящий на себе черты чего-то переходного, какой-то смеси свободной конкуренции с монополией. Естественно напрашивается вопрос: к чему переходит этот новейший капитализм? – Но поставить этот вопрос буржуазные ученые боятся»³⁸.

Мы знаем теперь, после Октябрьской революции, по опыту, «к чему переходит» капитализм периода монополии. Он переходит, во всяком случае, не к свободе конкуренции, а к монополии, гораздо более широкой и всеобъемлющей, чем монополия американских трестов. Он переходит к монополии государства на всю крупную и среднюю промышленность, на транспорт, кредитную систему, оптовую и отчасти розничную торговлю и окружает себя мощной кооперативной сетью. В этом смысле наше государственное хозяйство является исторически продолжением и усугублением монополистических тенденций капитализма, а следовательно, и продолжением этих тенденций в направлении дальнейшего перерождения товарного хозяйства и дальнейшей ликвидации закона ценности. Если уже в период монополистского капитализма товарное хозяйство было, по выражению т. Ленина, «подорвано», то в какой же степени оно и его законы, следовательно, и его основной закон ценности, подорваны в хозяйственной системе СССР?

Между морем нашего простого товарного производства и нашим государственным хозяйством имеются крайне слабые промежуточные звенья капиталистического производства, и лишь в области обмена имеется огромное звено в виде частного торгового капитала. При таком положении, т.е. пока частный промышленный капитал еще очень слаб, монополия государственной промышленности является подавляющей и ограничивается внутри страны главным образом лишь конкуренцией ремесла и кустарной промышленности. Но эта конкуренция по отношению ко всей государственной промышленности ограничена техническим превосходством последней, а по отношению к тяжелой промышленности невозможна совсем.

Но если по размерам денежного товарооборота нельзя еще судить о силе и значимости специфических законов товарного производства, потому что такой подход к проблеме был бы чисто формальным и поверхностным, то столь же формально и столь же поверхностно было бы заключать о влиянии законов товарного производства на государственное хозяйство, если бы мы мерилom этого влияния взяли размеры движения товарных масс из частного хозяйства в государственное и обратно. Американский фермер еще в большей степени, чем наш крестьянин, участвует в товарообороте с американской промышленностью; его хлеб и сырье также крайне необходимы этой промышленности, он необходим этой промышленности и как покупатель, тем не менее это не мешает тому, что, подчиняясь экономическому соотношению сил, фермер находится в кабале у торгового капитала, трестов и банков, и никакого эквивалентного обмена у него с городом нет. Нельзя сказать: чем больше развивается товарооборот между городом и деревней в СССР, тем больше государственная промышленность попадает в зависимость от товарного хозяйства и тем больше подчиняется действию его законов. В некоторых отношениях *верно как раз обратное*. Наша промышленность оказывалась бы в тем более тяжком положении, чем больше крестьянское хозяйство превращалось бы в хозяйство натуральное. Доказательством тому – эпоха военного коммунизма. Наоборот, чем больше развивается товарный обмен между городом и деревней, тем больше соотношение сил определяется организованностью сторон. В данном случае, следовательно, тем больше крестьянское хозяйство будет попадать в зависимость от государственного хозяйства, если только индустриализация будет идти нормальным темпом.

Для оценки действия законов товарного производства на государственное хозяйство нужен более детальный и более глубокий анализ. Мы дадим этот анализ в следующей главе, а также когда будем говорить об экономике земледелия и о системе обмена в СССР.

Здесь мы укажем лишь предварительно и мимоходом на самое основное. Несомненно, стихия рыночных взаимоотношений, а следовательно, и закон ценности оказывают свое влияние при закупке государственным кругом у мелкого производства таких товаров, которые имеют одновременно других конкурирующих покупателей внутри страны. Он оказывает свое действие и тогда, когда преимущественная покупка в руках государства, но когда вместе с тем крестьянство в состоянии перейти от данных культур к другим, если этот монополичный закупщик дает неприемлемые цены производителю. В этом случае давление закона ценности не только найдет свое выражение в ценах, т.е. в своем денежном выражении на периферии обмена с частным хозяйством, но передастся глубоко внутрь государственного круга, отражаясь на калькуляцию не только затронутой отрасли производства, но и всех смежных отраслей, в том числе через общий уровень заработной платы.

Но много ли таких ценностей при обмене частного хозяйства с государственным и какой их удельный вес? Очень велико действие закона ценности при обмене животноводческих продуктов питания (мясо, масло, яйца). Оно очень велико при обмене такого сырья, как кожи, овчина, шерсть, где много конкурирующих покупателей и где сам производитель при неблагоприятной рыночной конъюнктуре усиливает собственную кустарную переработку сырья, бойкотируя город. Меньше влияния внутри рыночных отношений при обмене другого технического сырья, как пенька, лен и, особенно, хлопок. Здесь, правда, регулировка предельных цен идет с внешнего рынка, т.е. от закона ценности мирового хозяйства, но на очень большом пространстве от средних внутренних цен до цен внешнего рынка господство над ценами в огромной степени находится в руках монополиста экспортера или почти монополиста по фабричной переработке, т.е. государства. Наконец, в весьма большой степени хозяином положения в области цен является государство при хлебной торговле. Казалось бы, где, как не здесь, разгуляться рыночной стихии! Однако в действительности дело может обстоять как раз наоборот. При неурожае стихия спроса и предложения выпирает в области торговли хлебом на первый план, но при среднем урожае и при излишках, требующих реализации за границей, хозяином положения на рынке является государство. В неурожайные 1920 и 1921 гг., при огромном к тому же недосеве, государство срезало действие рыночной стихии внутри страны разверсткой-продналогом и ввозом хлеба из-за границы. Теперь же, при излишках, оно достигает с гораздо большим успехом своей цели путем монополии хлебного экспорта. Господствуя над сотнями миллионов пудов внутренних излишков, оно господствует в известной мере и над внутренними ценами. Это достаточно показал опыт осени 1923 г., когда при наличии хлебных излишков несвоевременное развертывание хлебных операций, равносильное временному бойкоту государством продажного крестьянского хлеба в условиях взноса налога, сбросило хлебные цены в некоторых местах до 20–30 коп. за пуд ржи, т.е. в 6–7 раз в сравнении с ценами 1920–1921 гг. Так обстоит дело при нормальном положении, т.е. при среднем урожае. В дальнейшем, т.е. с развертыванием хлебной торговли, что то же с развертыванием товарности крестьянского хозяйства, регулирующая роль здесь государства (в пределах, очерченных мировым законом ценности в этой области) будет не падать, а возрастать, если только развертывание промышленности и удовлетворение платежеспособного крестьянского спроса на продукты промышленности будет идти нормально, не отставая, как это мы видим в 1924–1926 гг.

Но законы товарного производства оказывают свое действие на государственное хозяйство и в другом смысле. Я говорю о реализации продукции государственной промышленности на частном рынке. Наша промышленность работает на рыночный спрос. Она работает на рыночный спрос и в том случае, когда этот спрос идет изнутри государственного круга, и в том случае, когда он идет извне его. Но рыночные взаимоотношения внутри государственного круга отнюдь не вытекают органически из имманентных

законов развития и структуры самого государственного хозяйства. Здесь рыночные отношения являются формальными и навязаны государственному хозяйству извне, навязаны формой его взаимоотношений с частным хозяйством. Регулирование спроса государственной промышленности на продукты самой этой промышленности может идти очень далеко. При сохранении рыночной формы и денежных расчетов здесь достижима очень большая плановость в распределении заказов, несмотря на все те колебания, которые будут идти от отраслей, непосредственно связанных с частным хозяйством. Другое дело – обмен с частным хозяйством. В этом пункте пропорциональность в развертывании государственной промышленности зависит от пропорциональности развертывания в частном хозяйстве. Последняя же складывается стихийно. Здесь государственная промышленность привязана крепко к колеснице частного хозяйства. И как раз ее работа на рыночный спрос является необходимой предпосылкой как раз самого социалистического накопления. Если накопление за счет частного хозяйства означает активный баланс обмениваемых ценностей на стороне государственного хозяйства, то этот баланс будет тем больше, чем больше при прочих равных условиях числовые величины обмена. Но через эту дверь зависимости от государственного хозяйства от платежеспособного спроса частного хозяйства прорываются в него колебания стихии товарного хозяйства. Эти колебания могут быть ограничены плановой политикой цен и плановым развертыванием государственного хозяйства, основанного на предварительном учете спроса частного хозяйства, но не могут быть ликвидированы совсем.

Кроме того, сила влияния частного хозяйства на государственное сказывается в этом пункте в том, что на стадии первоначального социалистического накопления и при крайней бедности капиталами государственное хозяйство подчинено в своем развертывании размерам платежеспособного спроса, не может вырваться здесь из законов товарного производства и усилить постепенно темп перехода к социалистическому типу производства для удовлетворения потребительского спроса самих работников социалистического круга. Ибо постепенное увеличение фонда воспроизводства за счет обмена с частным хозяйством возможно лишь на основе рыночного спроса со всеми вытекающими из него последствиями. При отсутствии иных основных форм связи частного хозяйства с государственным, кроме рыночного товарообмена, этот последний сам делается необходимой предпосылкой социалистического накопления.

Действие закона ценности в товарном хозяйстве при свободе конкуренции, т.е. в его родной социальной стихии, самым существенным образом отличается, следовательно, от силы действия этого закона в советской экономике и тем более на экономическом поле государственного хозяйства. Разница здесь примерно такая же, какая бывает в силе удара падающего с большой высоты камня, с одной стороны, на поверхности воды и, с другой стороны, на дне водоема. Чем организованней государственное хозяйство, чем тесней связаны его отдельные звенья оперативным хозяйственным планом, чем более оно представляет из себя компактное экономическое целое, тем сильнее его противодействие закону ценности, тем больше его активное влияние на законы товарного производства, тем больше оно само со своим железным законом социалистического накопления превращается в важнейший элемент закономерности во всем хозяйстве, в том числе и частном.

Подводя этот предварительный баланс действию закона стоимости и закона социалистического накопления в нашем хозяйстве, мы приходим к выводу, что никакой научный анализ нашего хозяйства невозможен без признания наличия этих двух законов и без изучения того, что является продуктом их взаимодействия.

Теперь мы можем дать уже более полную формулировку закона первоначального социалистического накопления в сравнении с вышеприведенной, поскольку этот закон не только диктует нам с объективной неизбежностью определенный размер накопления

материальных ресурсов для расширенного воспроизводства из государственного и частного хозяйства, но и противостоит закону ценности по всему фронту борьбы, противостоит как регулятор другого типа хозяйства, антагонистического товарному производству. Это определение, отдельные стороны которого будут более отчетливо отнесены ниже при анализе закона ценности в нашем хозяйстве, в общем должно сводиться к следующему.

Законом первоначального социалистического накопления мы называем всю сумму сознательных и полустихийных тенденций государственного хозяйства, направленных к расширению и укреплению коллективной организации труда в советском хозяйстве и диктующих Советскому государству на основе необходимости: 1) определенные пропорции в распределении производительных сил, складывающиеся на основе борьбы с законом ценности внутри и за пределами страны и имеющие своей объективной задачей достижение оптимума расширенного социалистического воспроизводства в данных условиях и достижение максимума обороноспособности всей системы в борьбе с товарно-капиталистическим производством; 2) определенные пропорции накопления материальных ресурсов для расширения воспроизводства, в особенности за счет частного хозяйства, поскольку определенные размеры такого накопления диктуются с принудительной силой Советскому государству под угрозой хозяйственной диспропорции, роста частного капитала, ослабления связи государственного хозяйства с крестьянским производством, срыва на будущие годы необходимых пропорций расширенного социалистического воспроизводства и ослабления всей системы в ее борьбе с товарно-капиталистическим производством внутри страны и за ее пределами.

Закону первоначального социалистического накопления с неизбежностью подчинены: размеры отчуждения прибавочного продукта частного хозяйства, уровень заработной платы в государственном хозяйстве, политика цен, регулирование внешней и внутренней торговли, таможенная система, кредитная политика, построение бюджета, построение импортных планов и т.д.

* * *

Посмотрим теперь, каков удельный вес в нашем хозяйстве закона ценности и в какой степени применимы к нашей товарно-социалистической системе хозяйства категории Марксовой политической экономии.

Преображенский Е.А. Новая экономика. 2-е изд. С. 86–163.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Капитал. Т. 1. Ч. 1. С. 640. Перевод Степанова.

² Я не говорю здесь об ограничениях института частной собственности в период феодализма. В основе частная собственность тогда существовала, несмотря на эти нарушения.

³ Ниже мы увидим, что если сама структура капитализма и метод подчинения ему мелкого производства делают возможным экспорт капитала, то социалистическая форма может распространяться, лишь экспортируя пролетарские революции.

⁴ Термин «первоначальное социалистическое накопление» принадлежит одному из виднейших наших экономистов, т. В.М. Смирнову. Мы не настаиваем особенно на этом термине. Он может быть заменен термином «предварительное социалистическое накопление», который мы употребляем иногда, как синоним того же понятия.

⁵ Не надо также забывать, что хотя первоначальное капиталистическое накопление на основе торгового капитализма предшествует капиталистическому производству, однако весь период первоначального накопления обнимает также и первый период развития капиталистической промышленности.

⁶ Капитал. Т. 1. Ч. 1. С. 775. Перевод Степанова.

⁷ Там же. С. 779.

⁸ Ниже, где это ясно по контексту, я говорю для краткости вместо первоначального социалистического накопления о социалистическом накоплении.

⁹ Капитал. Т. 3. Ч. 1. С. 210. Перевод Степанова.

¹⁰ Здесь, как и во всем дальнейшем изложении, я говорю о законе ценности, как стихийном регуляторе при товарной и товарно-капиталистической системе производства, а не о регулировании хозяйства, исходя из трудовых затрат независимо от исторически преходящей *формы* этого регулирования в меновом обществе. Такое регулирование будет существовать и при плановом хозяйстве, но будет осуществляться иным путем, т.е. на основе прямой калькуляции рабочего времени.

¹¹ Увеличение ж.-д. тарифов на грузы частного капитала, реализуемые внутри частного же хозяйства, относится к накоплению из этого же источника.

¹² Примечание ко 2-му изданию. Я не говорю в данной связи о другой весьма важной стороне дела, а именно о том, что коммерчески невыгодный экспорт может быть весьма выгодным с точки зрения интересов всего государственного хозяйства в целом, если вырванная от него валюта идет на импорт машин для промышленности, изготовление которых у нас много дороже пока, чем за границей.

¹³ Как уже было указано выше, доход торгового аппарата и прибыль этого аппарата – вещи совершенно различные. Доход высчитывается с точки зрения всего народного хозяйства, прибыль же есть валовой доход минус издержки торгового аппарата. Аппарат должен иметь доход, т.е. делать вычеты из народного дохода, независимо от того, имеет ли он прибыль или убыток.

¹⁴ Ярким примером того же, только из капиталистической практики, может служить политика цен германской промышленности в период падающей валюты, после мировой войны.

¹⁵ Капитал. Т. 2. С. 81. Перевод Степанова.

¹⁶ Там же. Т. 1. Ч. 1. С. 73.

¹⁷ Там же. С. 641. Перевод Степанова.

¹⁸ Там же. Т. 3. Ч. 1. С. 61–62. Перевод Степанова.

¹⁹ Там же. Т. 1. Ч. 1. С. 605.

²⁰ Там же. Т. 3. Ч. 1. С. 241. Перевод Степанова.

²¹ Некоторую аналогию этому в капиталистическом мире представляло хозяйство Германии периода быстро падающей марки, поскольку в целом оно было несомненно дефицитным.

²² Я сознательно не говорю «к периоду новой экономической политики», потому что этот термин стал теперь совершенно бессмысленным, и ниже я сделаю предложение о замене его другим.

²³ О том, какой термин правильней – прибавочная ценность или прибавочный продукт, – см. следующую главу книги.

²⁴ Этот закон должен, разумеется, испытать известные модификации при перенесении средств производства из одной передовой социалистической страны в отсталую.

²⁵ Капитал. Т. 3. Ч. 1. С. 175. Перевод Степанова.

²⁶ Там же. Т. 1. С. 87.

²⁷ Там же. Т. 2. С. 2.

²⁸ Например, техника нашей текстильной промышленности после революции лет на 15 отстала от английской, много предприятий металлургической промышленности (Урал) представляют из себя старый хлам и т.д., и т.д.

²⁹ Новая экономическая политика была «новой», пока жива была память о «старой» экономической политике военного коммунизма, которой она противопоставлялась. Необходимо ликвидировать этот термин. Начало положено словом нэп, которое одновременно употребляется в трех смыслах, обозначая: 1) новую экономическую политику, 2) всю нашу смешанную товарно-социалистическую систему хозяйства, 3) буржуазное начало в нашей экономике. Вместо «новая экономическая политика» теперь правильней и целесообразней говорить: политика первоначального социалистического накопления; период социалистического накопления.

³⁰ То, что заставляло одно время всех белогвардейцев истерически кричать о возвращении к методам военного коммунизма, было на самом деле лишь процессом консолидации государственного хозяйства и началом перехода к тем методам борьбы его за свое существование и развитие, которые будут характерны для всего периода первоначального социалистического накопления.

³¹ Я говорю здесь не о потребительской или иной кооперации в обычном смысле, а о кооперации как объединенном труде, т.е. в том смысле, в каком Маркс говорит о кооперации в главах первого тома «Капитала», посвященных мануфактуре и машине.

³² Историческая задача капитализма состоит, между прочим, в том, что на основе обмена он делает все участвующие в обмене формы хозяйства частями единого экономического организма. Тем самым и мелкое товарное производство с самого начала имеет возможность вступить в непосредственную связь с государственным.

³³ С тех пор как писались эти строки, этот процесс уже значительно продвинулся вперед. (Примечание ко 2-му изданию.)

³⁴ Капитал. Т. 1. С. 780.

³⁵ К сожалению, есть не меньше оснований ожидать, что мировой капитал будет искать решение проблемы о новых рынках и экспорте капитала не в такой форме, а в форме новой интервенции против Советского Союза.

³⁶ Вообще, регулирующие начала в нашем хозяйстве есть организационные ростки новой экономики – экономики государственного организованного хозяйства. Но на данной стадии эти ростки пускают корни и крепнут, выполняя прежде всего функции первоначального социалистического накопления, понимая под этим термином и борьбу за существование всего комплекса в данной обстановке. Вырастая исторически главным образом на этой функции, они в дальнейшем будут играть иную роль.

³⁷ Ленин В. Империализм, как новейший этап капитализма. С. 23. Издание «Красной нови».

³⁸ Там же. С. 34.

ГЛАВА 3

ЗАКОН ЦЕННОСТИ В СОВЕТСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ*

Общие замечания

При анализе предпосылок первоначального социалистического накопления мы уже показали, что закон социалистического накопления не является единственным основным законом советской экономики. Особенность существующей у нас товарно-социалистической системы хозяйства в том и заключается, что в ее пределах действуют одновременно *два закона* с диаметрально противоположными тенденциями. Вторым из этих двух законов является закон ценности. Если в первом законе находят свое выражение тенденции будущей нашей экономики, то во втором на нас давит наше прошлое, упорно стремящееся задержаться в настоящем и повернуть назад колесо истории. В законе ценности концентрируется вся сумма тенденций товарного и товарно-капиталистического элементов нашего хозяйства, а также вся сумма влияний на нашу экономику мирового капиталистического рынка. Нам предстоит рассмотреть теперь более подробно, в чем проявляется в нашем хозяйстве закон ценности, каков удельный вес его, как протекает борьба двух законов и какие социальные продукты порождают борьба, взаимодействие и вынужденное сожительство двух основных тенденций в хозяйственном организме страны.

В главе о законе социалистического накопления мы только мельком затронули этот вопрос. Теперь нам предстоит последовательно и систематически проанализировать действие закона ценности в нашем хозяйстве. Это лучше всего сделать, если мы после нескольких общих замечаний проанализируем основные категории политической экономики и установим ту или иную степень зависимости их для нашего хозяйства.

Закон ценности есть закон стихийного равновесия товарно-капиталистического общества. В обществе, лишенном головных центров планового регулирования, благодаря действию этого закона, прямому или косвенному, достигается все то, что нужно для относительно нормального функционирования всей производственной системы данного типа: и распределение производительных сил между отдельными отраслями хозяйства, состоящее из распределения людей и средств производства, и распределение продукта годового производства общества между рабочими и капиталистами, и распределение прибавочной ценности для расширенного воспроизводства между отдельными отраслями или странами, и распределение ее между другими эксплуататорскими классами, и технический прогресс, и победа экономически передовых форм над отсталыми и

* Глава третья книги Е.А. Преображенского «Новая экономика».

подчинение последних первым. То, что мы называем категориями политической экономики, есть логически чистые, идеальные описания тех реальных отношений производства, обмена и распределения, которые складываются на базе товарного и товарно-капиталистического производства. При этой системе хозяйства мы имеем, если можно так выразиться, затвердевшие группировки людей в процессе производства и распределения, какими они складываются на почве стихийного саморегулирования хозяйства, благодаря закону ценности; при всей текучести личного состава эти группировки постоянно воспроизводятся на каждой новой ступени капиталистического развития, образуя определенные типы производственно-распределительных отношений. Научное описание этих типов отношений людей к людям (а не вещей к вещам или людей к вещам) на базе товарного и товарно-капиталистического производства и называет Маркс категориями политической экономики, которые адекватны, следовательно, реальным отношениям при капитализме в сфере бытия, но в науке воспроизводят эти отношения абстрактно, в их чистом виде¹. Рента как категория капиталистической экономики – это не те реальные ценности, которые платит капиталистический арендатор собственнику земли, а такое распределительное отношение между арендатором и собственником, которое гарантирует систематическое перекачивание части прибавочной ценности от одного к другому. Зарплата, прибавочная ценность суть производственно-распределительное отношение между рабочими и капиталистами. Категория прибыли как иная форма прибавочной ценности есть отношение распределения между капиталистами, переходящее благодаря механизму уравнивания нормы прибыли и всему механизму капиталистического общества в отношение распределения труда и средств производства. В этом случае это – производственное отношение капиталистов к капиталистам, взятым не в качестве потребителей (как выше), а организаторов производства. Категория цены – это есть, с одной стороны, производственное отношение, резюмирующее как уровень производительности труда внутри отдельных отраслей и распределение рабочих сил между различными отраслями производства, так, с другой стороны, отношение распределения, поскольку уровень цены определяет уровень того потока ценностей, который протекает из рук одних групп людей в руки других. А в-третьих, это опять производственное отношение, п.ч. через механизм отклонения цен от ценности происходит перераспределение производительных сил между отдельными отраслями хозяйства. Наконец, товар есть самая общая категория политической экономики, характеризующая в целом производственные отношения людей рассматриваемого типа как отношения отдельных независимых товарпроизводителей, связанных в единое хозяйственное целое системой рыночных отношений. Логически категории могут быть выведены из закона ценности.

Мы делаем эти предварительные замечания вот почему. 90% всех ошибок, непонимания и мозговых мучений при изучении Маркса происходит у нашей молодежи от «натуралистического» понимания закона ценности. Формально усвоив, что категории – это отношение людей к людям, многие упорно возвращаются к пониманию их как вещных категорий, особенно когда объясняются не на языке цитат из Маркса, а на своем собственном. За потоком вещей, текущих, допустим, от эксплуатируемых рабочих к капиталистам, от капиталистов к банкирам или землевладельцам, из одной отрасли производства в другую, покупаемых, продаваемых на рынке и затем потребляемых и т.д., часто не увидят постоянства группировки людей, от которых и к которым происходит это движение, постоянства производственных отношений между людьми при системе товарного хозяйства, которые как раз и изучает политэкономию. Эта материализация в голове людских отношений, которые внешне материализированы и в реальной жизни, приводит к неправильному пониманию многих отношений в нашем хозяйстве. И здесь за движением материальных ценностей, которые in natura те же, что и при капитализме, и движутся часто внешне по тем же линиям (зарплата, «накопление», «рента»), за тожде-

ством отношений людей к природе (та же техника, «те же» рабочие) не видят происшедших изменений в производственных отношениях.

Поэтому так особенно важно приступить к намеченному анализу с совершенно правильным представлением читателя о том, как нужно по-марксистски понимать категории капиталистического общества, чтобы выдержать это понимание и при анализе производственных отношений в советском хозяйстве. Попутно, при нашем анализе, сам собою решится вопрос о том, правильно ли все наше хозяйство или, по крайней мере, господствующий тип отношений в нем называть термином «государственный капитализм».

Закон ценности и монополистический капитализм

Что является предпосылкой для возможности действия закона ценности? Недостаточно ответить на этот вопрос общей фразой: предпосылкой является существование того общества, на почве которого действует этот закон, т.е. товарного производства. Экономика общества независимых и самостоятельных производителей, работающих на рынок, есть тоже товарное производство. Классический капитализм периода свободной конкуренции – тоже товарное производство. Монополистический капитализм, капитализм, трестированный в национальном, а кой-где и в интернациональном масштабе, – тоже товарное производство. Наконец, государственный капитализм Германии 1914–1918 гг. и очень сильные тенденции в том же направлении в хозяйстве стран Антанты во время войны – все это тоже было формально товарное хозяйство. Но разве кто-либо возьмется утверждать, что при всех этих четырех типах товарного производства закон ценности мог одинаково развернуть свое действие и выявить все свои наиболее характерные черты? Я не говорю уже о раннем капитализме, который еще страдал от остатков цеховой регламентации производства и от вмешательства в производственный процесс феодального государства.

Поскольку закон ценности есть *стихийный* регулятор производственного процесса в товарном обществе, постольку для наиболее полного, наиболее характерного действия этого механизма регулирования нужен наиболее стихийный тип производственных отношений, с минимальными искажениями такой стихийности путем организующих начал в производстве и обмене. Морскую бурю лучше всего сфотографировать в открытом океане. Также и закон ценности лучше всего теоретически сфотографировать в чистом виде в его родной стихии, т.е. в период свободной капиталистической конкуренции, что Маркс и выполнил в «Капитале».

Для наиболее полного проявления закона ценности надо, чтобы существовала полная свобода товарооборота как внутри страны, так и между странами на мировом рынке. Надо, далее, чтобы рабочий был свободным продавцом, а капиталист – ничем не стесняемым покупателем рабочей силы, как товара. Надо, чтобы вмешательство государства в производственный процесс и количество собственных предприятий государства свелись к минимуму, а также отсутствовала регламентация цен со стороны монопольных организаций самих предпринимателей и т.д. Таких идеальных условий для свободы конкуренции в масштабе мирового хозяйства никогда не было, потому что и таможенные барьеры между национальными хозяйствами, и вмешательство государства в производственный процесс, и невозможность свободного приложения капитала в сельском хозяйстве без дани частной собственности за землю – все это означало известные ограничения свободы конкуренции. Однако *относительно* наиболее идеальным периодом для свободы конкуренции в масштабе мирового капиталистического хозяйства, следовательно, максимально благоприятным периодом для действия закона ценности была эпоха классического капитализма, предшествовавшая переходу его в стадию империализма.

«Порождение монополии концентрацией производства вообще является общим и основным законом современной стадии развития капитализма².

С развитием монополистических тенденций капитализма кончается идеальный период свободной буржуазной конкуренции. Ряд важнейших отраслей производства в крупнейших капиталистических странах захватывается мощными трестовскими соединениями, или, в худшем случае, создаются не чисто производственные объединения, а объединения по реализации продукции, т.е. синдикаты и картели. Происходит сращивание крупнейших трестов с банковским капиталом, либо банковские центры делаются исходными пунктами далеко идущего контроля над производством. Свобода конкуренции либо совсем ликвидируется внутри данной страны в полностью трестированных или синдицированных областях, либо серьезнейшим образом урезывается, благодаря контролю банковского капитала, не заинтересованного в ожесточенной борьбе предприятий, которые он кредитует или контролирует. Монополистические тенденции простираются за национальные пределы, начинаются и отчасти увенчиваются успехом попытки создания в некоторых отраслях единых международных капиталистических трестов, либо вся свобода конкуренции сводится к соперничеству на мировом рынке двух-трех гигантских трестов данной отрасли производства. Ограничение свободы конкуренции приводит также к ограничению действия закона ценности, к тому, что он встречает ряд препятствий для своего проявления и частично замещается той формой организации производства и распределения, до которой вообще может подняться капитализм, оставаясь капитализмом. В сфере регулирования цен законом ценности происходит изменение в следующем. При трестировании или синдицировании важнейших отраслей внутри данной страны цены систематически (хотя и не обязательно всегда) отрываются от ценности в сторону повышения. При «бросовом» экспорте на внешнем рынке цены систематически отрываются от ценности в сторону *понижения*, внутри же страны – в сторону повышения. Чрезвычайно затрудняется возможность выравнивания норм прибыли между трестированными отраслями производства, которые превращаются в замкнутые миры, в феодальное царство отдельных капиталистических объединений. Очень важно для будущего отметить здесь, что и экономическая необходимость пробивает себе здесь дорогу в значительной степени иначе, чем при законе ценности, а следовательно – и политическая экономия открывает при анализе этих форм новую главу, поскольку начинается трансформация самого понятия «закон», с каким приходится иметь дело при свободе конкуренции.

Во время мировой войны, под влиянием тех изменений, которые эта война внесла в экономику борющихся государств, в особенности же в экономику почти оторванной от мирового рынка Германии, монополистические тенденции капитализма получили мощный толчок к дальнейшему развитию, доведя экономику, например, такой страны, как Германия, до системы государственного капитализма. Потребности обороны принудили государство провести учет всех производственных возможностей страны, распределять по определенному плану военные заказы между трестами и вызвали принудительное картелирование до того необъединенных предприятий. Началось форсированное развитие одних отраслей, сжатие других, началось перераспределение производительных сил страны по определенному плану. Цены назначались государством, а тем самым государство же регламентировало уровень прибавочной ценности, т.е. фактически распределяло ее между классом капиталистов. Недостаток сырья побудил централизовать снабжение и вызвал к жизни знаменитый комитет по снабжению сырьем промышленности, руководимый Ратенау. Регулирование всего капиталистического производства буржуазным государством достигло небывалой в истории капитализма глубины. Формально товарное производство превратилось фактически в важнейших отраслях в производство плановое. Свободная конкуренция была придушена, действие закона ценности как сти-

хийного регулятора хозяйственных процессов во многих отношениях было замещено плановым началом государственного капитализма.

В странах Антанты система хозяйства периода войны была в значительно меньшей степени системой госкапитализма, но и здесь тенденции в этом направлении были очень сильны. В частности, в Англии руководимое Ллойд Джорджем министерство снабжения добилось весьма далеко идущего регулирования почти всей крупной промышленности, и не только военной.

В общем, период войны с полной ясностью обнаружил, куда растет система монополистического капитализма, он показал с полной очевидностью, что современная система хозяйства объективно вполне созрела для социалистического планового производства и что все дело лишь за приходом хозяина, т.е. за рабочим классом.

Когда кончилась война, когда для буржуазии кончился «кошмар принудительного хозяйства», и ее экономисты приветствовали возрождение эры свободной конкуренции, оказалось, что монополистические тенденции мирового капитализма не только не кончились, а лишь вступили в новую, более решающую стадию.

Когда во время войны произошел частичный распад мирового хозяйства как относительно связного хозяйственного целого, когда был сделан большой шаг назад от того мирового разделения труда, которое было достигнуто перед 1914 г., ярко выявилась хозяйственная автаркия отдельных национальных экономических единиц. Эта автаркия поддерживалась еще ликвидацией золотого обращения и переходом всех стран, кроме Америки, к системе бумажных валют. Стоимостные отношения производства мирового хозяйства пробивали себе с трудом дорогу к хозяйствам отдельных стран не только вследствие сокращения абсолютных размеров мировой торговли, но также и вследствие усиления таможенных преград в ряде государств, но также и вследствие того, что уменьшилось соприкосновение товарных масс отдельных стран с мировыми деньгами, с золотом как мерилем ценности на мировом рынке. Постепенное восстановление мировых связей, подъем производства от послевоенного уровня, увеличение оборота мировой торговли, частичное восстановление старых пропорций в мировом разделении труда, наконец, необходимость американских кредитов для истощения войной хозяйства Европы привели к уменьшению автаркии. В лице Швеции и Англии начался даже переход к золотой валюте.

Однако почти достигнутое восстановление довоенного положения в размерах мирового производства и обмена отнюдь не является вместе с тем восстановлением всех закономерностей довоенной экономики и старых пропорций в распределении производительных сил между отдельными странами. Ограничение закона ценности, начавшееся при монополистическом капитализме, не только не приостановилось в результате войны, но и приобрело после войны и большую силу, и чрезвычайно своеобразную форму.

До войны страной наибольшего трестирования промышленности была Америка, наибольшего сращивания банковского капитала с промышленным – Германия. Перерастание национальных рамок монополистическими тенденциями, т.е. тенденциями к образованию мировых трестов, больше всего пробивало себе дорогу именно из этих стран. Война закончилась разгромом Германии, и хозяйство этой страны не играет теперь былой роли в мировой экономике. Наоборот, начавшееся еще до войны выдвижение на первый план в мировом хозяйстве Америки продолжалось с громадной быстротой во время войны и после войны. *Но если Америка приобретает доминирующую роль в мировом хозяйстве, то тем самым приобретают в нем доминирующую роль монополистические тенденции американского капитализма, бурно вырывающиеся на этом этапе за пределы национального хозяйства Америки.* Возможность такого оборота дела Ленин предвидел еще в своей книге «Империализм» и т.д., и в частности особенно отчетливо в одном месте своей статьи «О карикатуре на марксизм и об империалистическом

экономизме». Ленин писал здесь: «Империализм есть экономически монополистический капитализм. Чтобы монополия была полной, надо устранить конкурентов не только с внутреннего рынка (с рынка данного государства), но и с внешнего, со всего мира. Есть ли экономическая возможность «в эру финансового капитала» устранить конкуренцию даже в чужом государстве? Конечно, есть: это средство – финансовая зависимость и скупка источников сырья, а затем и всех предприятий конкурента»³. Если под финансовой зависимостью понимать также и захват через систему кредита, то это и будет в основном и в самых общих чертах картина того, что мы видим в настоящий момент во взаимоотношениях американского монополистического капитализма с Европой и со всем миром.

Во-первых, подчинение всего мирового хозяйства ценностным отношениям Америки выразилось в том, что только Америка оставалась страной золотой валюты, а следовательно, только на ее территории золото вступало, как и раньше, в непосредственное соприкосновение с миром товаров. Разумеется, американский доллар играл и играет свою доминирующую роль как мерило ценности, потому что он связан со своим золотым основанием. Не порвал же он с этим основанием вследствие совершенно исключительной хозяйственной мощи Америки, не пострадавшей, а выигравшей от войны. Валютная диктатура есть отражение общего экономического господства Америки над другими странами⁴.

Во-вторых, подчинение идет по линии кредита. Это – самый мощный рычаг подчинения всюду и везде. Отказ в кредитах есть самое могучее средство давления в руках американского капитала как на правительства, так и на капиталистические круги других стран. Если страна попадает в орбиту американского давления с этого конца, одновременно давление идет на определенные отрасли промышленности данной страны со стороны соответствующих трестов. Тот или иной американский трест, монополизировавший производство и сбыт внутри своей страны, втягивает в орбиту своего влияния трестированную же или нетрестированную промышленность других стран. К общему давлению американского капитализма, как целого, в общеполитической и финансовой областях присоединяется давление отдельных трестов.

Третий метод – это прямое вытеснение с мирового рынка своих конкурентов превосходством качества, дешевизной продукции, а главное – кредитными выгодами для покупателей. А вместе с тем движение в том же направлении идет и самым прямым путем и без всякой борьбы, поскольку все большая и большая часть всего мирового производства *in natura*, тем самым и товарной массы его, концентрируется на территории Америки.

Все растущая тенденция к единодержавию Америки в мировом хозяйстве, при уже достигнутом единодержавии капиталистических монополий в трестированных областях самой американской промышленности, автоматически влечет за собой распространение монополистических тенденций из американского центра по всему миру. Но рост монополистических тенденций, несмотря на формальное существование свободной конкуренции, неизбежно влечет за собой дальнейшее ограничение и трансформацию действия закона ценности, но уже не внутри отдельных национальных хозяйств с высокой степенью развития монополий, а на *арене всего мирового хозяйства*. В этом особенность послевоенной экономики. Я не буду здесь останавливаться на всей этой проблеме и, быть может, вернусь к ней в особой работе по мировому хозяйству. Остановлюсь лишь на выводах, имеющих значение для данной темы.

Не случаен тот факт, что в период расцвета свободной конкуренции господствующая страна в мировой экономике, т.е. Англия, была сама страной свободы торговли. И, наоборот, не случайно, что в период монополистического капитализма господствующей страной в мировом хозяйстве делается классическая страна монополистического капи-

тализма. Но если в период господства свободы конкуренции отсталые страны боролись с английской экспансией, воздвигая таможенные барьеры и развивая свою промышленность, то борьба с Америкой и ее монополистическими тенденциями отнюдь не происходит в форме борьбы за свободу конкуренции против монополий. Американский капитализм превосходит другие капитализмы не только своей общеэкономической мощностью и огромными кредитными ресурсами в товарной и денежной форме, но и своей техникой, своей более высокой производительностью труда. Бороться с американской конкуренцией апелляцией к свободе конкуренции остальным капиталистическим странам совсем не под силу. Совсем наоборот. Не Европа борется с американским монополизмом на базе свободной конкуренции, а американский монополизм часто апеллирует к свободе конкуренции для победы монополии. Европейские страны борются против наступления Америки весьма жалким образом: либо таможенным покровительством, не растущим (как в XIX в.), а падающим, либо застывшим в движении индустриям, т.е. монополистическим же искажениям свободы конкуренции, но ради закрепления за своей страной государственно огражденной монополии на отсталость, либо путем вымалывания кредитов для восстановления хозяйства, т.е. Европа здесь так же борется против американской эксплуатации и монополистического давления, как бедняк борется с ростовщической эксплуатацией, занимая новую, еще большую сумму. В сущности, Америка подчиняет себе весь мир тоже, если не в большей части, на основе закона ценности. Но тем интересней весь исторический переплет. Закон ценности переходит в стадию своей трансформации и постепенного отмирания тоже на основе же закона ценности.

Американская экспансия не может встретить ни в одной стране капиталистического мира непреодолимого сопротивления, пока подвергающиеся атаке и давлению страны остаются капиталистическими. Это чрезвычайно важно заметить. Сама экономическая структура современных капиталистических стран исключает возможность серьезного сопротивления американским захватам, потому что уже достигнутая ступень мирового разделения труда, мирового обмена, при наличии огромного и все растущего экономического, технического, финансового превосходства Америки над всем остальным миром, с неизбежностью подчиняет стоимостным отношениям Америки этот мир. Ни одна капиталистическая страна, не переставая быть капиталистической, не может вырваться из действия закона ценности, хотя бы и трансформированного. А здесь как раз на нее обрушивается лавина американского монополизма. Сопротивление возможно лишь разве на политической почве, в частности на военной, но именно вследствие экономического превосходства Америки оно вряд ли обещает быть победоносным.

В период войны, в особенности современной войны, хозяйство даже капиталистической страны подвергается известному объединению внутри и вынуждено вести единую линию не только в сфере политических взаимоотношений с другими странами, но и в области соприкосновения своей экономики с национальными хозяйствами других стран. В мирное же время добиться единой политики со стороны отдельных капиталистических трестов, банков, всяких иных объединений представляет для буржуазной системы задачу непомерной трудности, потому что осуществление задачи требует: либо согласования всех основных интересов крупнейших капиталистических организаций и отдельных предприятий, интересы которых никогда не совпадают, либо господства внутри страны какой-либо одной группировки трестов и банков, доминирующей над всем хозяйством и подчиняющей себе целиком всю экономическую, в том числе таможенную политику государства. Но последний вариант оказывается неосуществимым для современной Европы. Развитие монополистических тенденций в довоенной Германии и развитие в еще большей степени этих тенденций в Америке опиралось и базировалось на огромной, естественной концентрации производства, которая в свою очередь опиралась на быстрое развитие производительных сил. В современной

же Европе, с ее бедностью капиталами, с ее застоєм в производстве, когда исключение представляют лишь Франция и Бельгия, и то, вероятно, ненадолго, концентрация производства американского типа и американского темпа исключена. А следовательно, экономический организм европейских капитализмов не в состоянии оказать сильного сопротивления напору американского монополизма и сдает то на одном участке, то на другом. В сущности, уже теперь американский капитал мог бы произвести в Европе гораздо больше завоеваний, чем он это осуществил до сих пор, осуществил, если можно так сказать, по приглашению просящей кредитов Европы. Не надо забывать, кроме того, что Америка не реализовала еще вполне и всех возможностей давления в другом отношении, а именно давления на таможенную политику европейских стран. Америка стоит за политику открытых дверей там, где может бить своих конкурентов на основе свободного экономического соперничества. Но она может перейти и к системе насильственного взламывания именно для нее, для Америки, тех дверей, которые прикрывают захудалую промышленность отдельных отставших стран от ее конкуренции. Там, где система кредитного внедрения в европейское хозяйство со всеми ее последствиями для распространения американского монополизма на весь мир окажется недостаточной, он может двинуться вперед и с этого конца. Борьба с американским монополизмом возможна лишь путем изменения всей структуры той или иной страны, т.е. путем перехода к социалистической экономике, которая сделает из страны монолитный организм и не даст американскому капитализму растаскивать по частям одну отрасль за другой, подчиняя их американским трестам или банкам, как это имеет место при «естественном» соприкосновении современного американского капитализма с экономикой других капиталистических стран. *Напор капиталистического монополизма может встретить преграду лишь в социалистическом монополизме.* Страна, которая перейдет к социализму, будучи и экономически и технически слабей американского капитализма, в период незаконченной перестройки своего хозяйства на новой базе, будет бороться с ним не экономическим превосходством своих трестированных же отраслей хозяйства, а более высокой организационной структурой всего хозяйства. А это в свою очередь означает, что дальнейшая ликвидация закона ценности, т.е. ликвидация его за историческими пределами американского монополизма, пойдет по пути плановой социалистической организации хозяйства в странах, которые покончат с капиталистическим режимом. Для современной Европы *ни в каких смыслах старая свобода конкуренции невозможна.* Ей приходится выбирать либо между капиталистической же, но внешне навязываемой монополией Соединенных Штатов, либо внутренней социалистической монополией.

Наконец, в качестве показателя перерождения закона ценности как регулятора хозяйственной жизни надо указать на те последствия, к которым приводит в области экономической перерождение буржуазно-парламентского типа капиталистического государства в государство фашистской диктатуры. Это перерождение затрагивает один из важнейших, вернее самый важный пункт рыночных отношений, отношение между продавцами товара рабочей силы и ее покупателями. В период господства свободы конкуренции в области экономических отношений, в период, когда капитализм шел по восходящей кривой, он мог позволить себе роскошь покупать организованную рабочую силу на основе закона ценности этой рабочей силы. Наоборот, в период своего упадка, сниженного воспроизводства и роста непроизводительного потребления, он вынужден вводить новый тип дисциплины труда, принудительно организуемого и подавляемого фашистским государством через фашистские союзы. А это означает ограничение действия закона ценности на рынке рабочей силы в пользу класса эксплуататоров. И с этого конца, следовательно, закон ценности претерпевает значительное изменение и искажение в сравнении с эпохой классического капитализма. К сожалению, в данной связи я не могу бо-

лее подробно остановиться на этой проблеме, для анализа которой фашистская диктатура в Италии и других странах дает уже достаточно фактических данных.

Из сказанного читатель может видеть, что нам приходится иметь дело с законом ценности в нашем хозяйстве в такую историческую эпоху, когда этот закон в достаточной степени подорван в самом буржуазном обществе благодаря мощному развитию монополистических тенденций современного капитализма, переходящих в своеобразную монополию на завоевание монополии со стороны Америки. Это важно нам еще и с той точки зрения, что наше хозяйство вынуждено усиливать свои экономические, прежде всего торговые связи с мировым капитализмом, с мировым рынком. Мы должны знать, что этот мировой рынок уже не тот, который наблюдал Маркс, работая над «Капиталом». Его стихийность носит совсем иной характер, чем раньше, свобода конкуренции в нем ограничена гораздо больше, чем раньше. И чем дальше, тем отчетливей вырисовывается на горизонте этого рынка огромный гигантский силуэт американского капитализма, пуштившего уже свои шупальца почти во все большие капиталистические страны и превращающегося в законодателя цен на мировом рынке.

Закон ценности при социализации промышленности в крестьянской стране

Если товарное хозяйство оказывается «подорванным», как выразился Ленин, уже в период монополистического капитализма, то еще дальше должен продвинуться этот процесс там, где вся крупная промышленность находится в руках пролетарского государства. Но поскольку дело идет о национализации промышленности не в типично промышленной стране, а в стране, где большая часть ценностей создается в мелком производстве, прежде всего в мелком крестьянском хозяйстве, постольку здесь, наряду с дальнейшим движением вперед по пути монополизма, более сильны, чем, допустим, в теперешней Америке, тенденции домонополистического характера. В этом особенность советского хозяйства. Нам необходимо поэтому в нашем анализе этого хозяйства не только проследить историческое перерастание капиталистического монополизма в монополизм социалистический, но и взвесить все последствия существования огромнейшей области простого товарного производства. Особенность нашего советского хозяйства как раз и состоит в том, что послекапиталистические формы производства противостоят 22 млн крестьянских хозяйств, плюс ремесло и кустарная промышленность, при относительной слабости чисто капиталистических или государственно-капиталистических форм. При таких условиях закон ценности и плановое начало вступают в состязание в крайне своеобразной обстановке, в обстановке весьма сильного отрыва в области производства и в сфере обмена объединенного кулака государственного хозяйства от неорганизованного моря простого товарного производства. Своеобразие положения увеличивается еще и потому, что крупное социалистическое производство противостоит мелкому, как *промышленность* земледелию, т.е. социалистические формы противостоят простому товарному производству, как две разные сферы приложения труда.

И американский монополизм до войны и теперь, и монополизм германский до войны выросли на базе мощной концентрации производства и огромного преобладания промышленности над земледелием. И американский и германский капитализм достиг весьма большой степени подчинения мелкого и среднего производства страны и в промышленности и в земледелии небольшому количеству мощных организаций торгового капитала, трестов и крупнейших банков. В частности, в Америке фермерское хозяйство, несмотря на его относительную раздробленность, в сравнении, например, с крупным сельскохозяйственным производством Англии и Германии, оказалось полностью

подчинено и по линии кредита, и по линии снабжения, и по линии сбыта крупнейшим торговым фирмам, банкам, пароходным, элеваторным и холодильным компаниям и т.д. Несмотря на то что американский фермер как производитель хлеба конкурирует на мировом рынке с фермером Канады, Аргентины, с крестьянином Румынии, Украины и т.д., несмотря на то что сельскохозяйственное производство Америки не является производством единого земледельческого треста, тем не менее оно достаточно подтянуто организационно к торговому, промышленному и банковскому капиталу Америки, который перхлестывает за барьер, отделяющий земледелие от промышленности, и достигает известной связанности обеих отраслей (в капиталистических пределах) прежде всего в сфере обмена и кредита.

Наоборот, в советском хозяйстве связь трестированной государственной промышленности с самостоятельным крестьянским хозяйством бесконечно слабее и по линии обмена, и по линии кредита, тогда как организационная структура промышленности исторически более высокого типа, чем в любой капиталистической стране. В результате такого своеобразного положения мы неизбежно должны иметь далеко идущее отмирание действия закона ценности внутри круга государственного хозяйства, при очень большом развертывании действия закона ценности за пределами государственного хозяйства и при постоянных ударах рыночной стихии по всему государственному хозяйству как единому целому. Этим обстоятельством, как увидим ниже, объясняется господствующий тип всех потрясений и депрессий, с которыми нам пришлось уже, приходится и придется еще иметь дело в нашем хозяйстве, плюс те осложнения, которые должны возникнуть от связей нашей экономики с мировым рынком.

С другой стороны, вследствие общей экономической и технической слабости государственного хозяйства, социалистический характер производственных отношений в нем более ясно может выступать лишь на определенном уровне развития производительных сил. В то же время и плановое руководство хозяйства часто срывается, благодаря недостатку запасов для хозяйственных маневров⁵ и вопреки достаточно высокой структуре государственного хозяйства, как хозяйства коллективного. Отсюда очень большая опасность при теоретическом анализе советской экономики скатиться от анализа производственных отношений к измерению уровня нашего богатства, т.е. скатиться к вульгарно-натуралистической точке зрения. Примеры этому бывали не раз.

После этих предварительных замечаний я перехожу теперь к конкретному анализу того, какие категории капиталистического хозяйства и в какой степени применимы к нашей экономике.

Товар, рынок, цены

Я начинаю анализ сразу с этих трех наиболее общих категорий, потому что их невозможно разделить при исследовании. Товарное производство мы противопоставляем социалистическому плановому хозяйству, рынок – бухгалтерии социалистического общества, ценность и цену – трудовым издержкам производства, товар – продукту. Насколько ясно мы можем теоретически противопоставить одни понятия другим, настолько трудно анализировать эти понятия, когда дело идет о переходных формах от капитализма к социализму. С какого момента здесь количество переходит в качество, на какой стадии развертывания социалистического хозяйства происходит рассасывание тех производственных отношений, которым в науке соответствуют категории политической экономии?

Обратимся к рассмотрению отдельных участков нашего хозяйственного поля. Вот перед нами железнодорожный транспорт, целиком находящийся в руках пролетарского государства. Народный комиссариат путей сообщения заказывает паровозы, вагоны, рель-

сы и т.д. Главметаллу. Определяются ли цены на заказы рыночными отношениями? Цены не определяются рыночными отношениями внутри страны постольку, поскольку в стране нет частнокапиталистического паровозо- и вагоностроения, нет и частной металлургии⁶. Эти цены не определяются целиком и рыночными отношениями мирового хозяйства, поскольку заказы даются для изготовления внутри, совершенно независимо от соответствующих цен мирового рынка. В основе размещения заказов внутри страны лежит не закон ценности мирового хозяйства. Цены строятся из определенного планового расчета, они подгоняются к уровню себестоимости производства на заводах Главметалла, с калькуляцией известной прибыли для заказчика, без прибыли или же предвидением убытка, поскольку государство сознательно идет на цены ниже себестоимости и дает заводам дотацию из своего бюджета. Все это решается не стихийными методами конкуренции, а путем согласования финансового плана отдельных отраслей с бюджетом всей промышленности, во-первых, и бюджетом государства, во-вторых. Влияние мирового рынка при этих условиях сказывается в том, что мы постоянно сравниваем наши внутренние цены с заграничными и получаем отсюда стимул к тому, чтобы налечь на снижение себестоимости там, где она наиболее высока, в сравнении с заграничной. Это тоже влияние закона ценности мирового рынка, но проявляется оно своеобразно, мировой рынок давит здесь на весь организм нашего государственного хозяйства, как на единую организацию. Таким же образом он давил бы на нас и в том случае, если бы нам пришлось в тот или иной момент ввезти некоторую долю железнодорожного оборудования, при недостаточности собственного производства его.

Если мы пойдем дальше и случай с заказом транспорта Главметаллу присоединим ко всей массе случаев, когда само государство является и *монопольным производителем и единственным монопольным покупателем* какой-либо продукции своих трестов, то мы будем иметь перед собой участок государственного хозяйства с *минимальным действием закона ценности на цены*. В том случае, где государство выступает и монопольным производителем и единственным покупателем своей монопольной продукции, отношения между государственными трестами приближаются к внутренним отношениям единого комбинированного треста. *Здесь категория цены носит скорее формальный характер*, это лишь титул на получение из котла общегосударственного хозяйства определенной суммы средств на дальнейшее производство и на определенный уровень расширенного воспроизводства. Как количественно велика эта сфера государственного хозяйства и как она меняется из года в год, это мы увидим в той части работы, которая будет посвящена нашей промышленности. Лишь с одного-единственного конца здесь можно говорить о значительном влиянии закона ценности — со стороны рабочей силы и ее оплаты. К этому вопросу мы скоро подойдем по отношению ко всему нашему государственному хозяйству в целом. В приведенном нами примере роль рынка за пределами государственного хозяйства сведена к минимуму, и понятие товар по отношению к паровозу Сормовского завода отступает на задний план перед понятием государственный продукт, изготовленный для государства.

Идем дальше, по степени возрастания действия закона ценности. Вот перед нами текстильное машиностроение. Часть станков и прочего оборудования мы делаем сами, часть привозим из-за границы. Влияние мирового рынка сказывается в том, что мы можем получить, в зависимости от конъюнктуры капиталистического машиностроения, станки и дороже, и дешевле. Если мы их получаем дешевле, то можем или купить их больше, или высвободим средства на другие нужды государственного хозяйства. Закон ценности встречается здесь с законом первоначального социалистического накопления, но не влияет на уровень цен станков нашего производства, потому что цены внутреннего производства не определяются ценами мирового рынка. Под защитой социалистического протекционизма мы сохраняем, развиваем или создаем отдельные отрасли производства

средств производства, исходя из соображений экономической целесообразности для всего государственного хозяйства. И здесь действие закона ценности крайне ограничено и, помимо сказанного, может влиять прежде всего со стороны амортизации на цену текстильных изделий на внутреннем рынке. Совершенно так же влияет мировой рынок на наши внутрихозяйственные отношения, когда мы ввозим оборудование, совершенно не производимое внутри страны. Здесь мировой рынок может влиять или на размеры нашего накопления, или на амортизационные надбавки к ценам предметов потребления, которые производятся при помощи ввезенного оборудования. Закон ценности мирового хозяйства может оказать свое действие не только в качестве фактора распределения материальных средств, но и в качестве фактора распределения труда внутри нашего хозяйства в том случае, если не спорадически, а систематически и на долгий срок пришлось бы задержать, сократить или совсем ликвидировать производство некоторых средств производства в тех отдельных областях, где, при данных ценах на мировом рынке и при данном уровне развития нашего машиностроения, нам было бы нецелесообразно поддерживать или развивать собственную выработку. Но и в этом случае вопрос решался бы прежде всего на основе балансового учета всего производства средств производства, необходимых для этого ресурсов и перспектив совершенствования и удешевления собственной продукции. Области ввоза средств производства, вообще говоря, могут меняться, и не только в зависимости от движения цен на соответствующую продукцию за границей и у нас, но и вследствие факторов, вытекающих из очень сложно складывающегося оптимума по общехозяйственному плану. Возьму такой пример. По состоянию импортных возможностей мы, допустим, можем ввезти оборудование на 300 млн в год. Из соображений оптимума для всего процесса переоборудования нам в данном году может оказаться выгодным вместо 150 млн, предназначенных для импорта средств производства, с наибольшей разницей в ценах внутри и за границей, ввезти данных машин только на 100 млн, а на 50 млн расширить внутреннее производство, выплачивая за него в червонцах значительно больше и расширяя импорт менее дешевых машин другого типа. В этом случае действие закона ценности будет совершенно искривлено интересами хозяйственного плана в целом, т.е. интересами расширенного воспроизводства в хозяйстве социалистического типа – случай, как правило, совершенно невозможный в условиях капиталистического воспроизводства. Вообще же, мы чем дальше, тем больше вынуждены в максимальной степени рационализировать импорт, добываясь максимального использования выгод мирового разделения труда, т.е. ввозя больше таких машин, конструкция которых внутри наименее выгодна при данных хозяйственных условиях⁷.

Что касается импорта для государственного хозяйства средств производства, совершенно не изготовляемых в стране, то закон ценности мирового рынка колебанием цен влияет, следовательно, только на накопление и на амортизацию, не внося изменений в распределение рабочих сил.

Перейдем теперь к производству средств производства, когда государство является монопольным производителем, но не монопольным покупателем. Дело идет как о таких средствах производства, которые по своей сущности могут фигурировать только как средства производства, так и о таких, которые, в зависимости от их использования, могут фигурировать одновременно и как средства производства, и как средства потребления. Пример первого рода: оборудование и металл для частного хозяйства. Пример второго рода: керосин, спирт, топливо, которые идут и на техническое потребление, и на индивидуальное потребление. В той части продукции этого рода, которая идет в государственное хозяйство, мы имеем уже разобранный нами случай. Государство производит здесь само на себя, и цены, назначаемые государством, например цена на металл для Гомзы, цены на нефть для железных дорог и т.д., имеют лишь внешнее формальное сходство с

ценами капиталистического рынка. По существу же, здесь в форме цен происходит плановое распределение ресурсов внутри единого организма государственного хозяйства. Мы знаем, что очень часто государство назначало для продажи нефти железным дорогам и керосина заводам и автотранспорту одну цену, для внутреннего частного рынка другую, для экспорта третью. Однако нельзя целиком эту часть производства относить к рассмотренному нами выше случаю, когда государство выступало и монопольным производителем, и монопольным покупателем. В тех случаях, когда главная масса продукции идет не в государственный круг, производящие организации находятся уже под сильным влиянием основных потребителей. Возьмем, например, производство с.х. машин, которые лишь в небольшой части идут в совхозы и в подавляющем количестве сбываются крестьянству. Правда, поскольку государство является монопольным производителем, поскольку никакая внутренняя конкуренция ему не угрожает, оно и здесь может назначать цены, руководствуясь своим хозяйственным планом, который может быть построен исходя не только из соображений расширенного воспроизводства, но и из соображений восстановления оборудования крестьянского хозяйства (как это имеет место в практике нашего сельскохозяйственного машиноснабжения, с его чрезвычайно льготными для крестьянства и иногда убыточными для государства ценами). Однако здесь для планирования есть определенные пределы, а именно: размеры платежеспособного спроса на данную продукцию у покупателей из сферы частного хозяйства, а также, где дело идет об экспорте, емкость и цены внешнего рынка. Забастовка покупателей – вот тот предел, который поставлен государственному планированию в том случае, если цены государства превышают известный уровень, приемлемый для частного рынка. В этом случае не только процесс расширенного, но и процесс простого воспроизводства в соответствующих отраслях государственного круга может приостановиться. Закон ценности влияет в данном случае не только на размеры накопления в государственном круге, но и на распределение производительных сил в нем, т.е. прежде всего на распределение рабочих сил. При отсутствии возможности добиться понижения цен путем организации конкурирующих предприятий с более низкой себестоимостью производства, чем у государства, или с более медленным темпом накопления давление на государственное производство идет по линии сокращения спроса и прямого отказа от покупок вообще. Такой пример мы имели в нашем хозяйстве, как известно, осенью 1923 г. Наоборот, когда платежеспособный спрос частного рынка превышает размеры государственного производства, рамки хозяйственного маневрирования государства расширяются, расширяются возможности накопления за счет частного хозяйства, государство является хозяином в назначении цен в пределах от себестоимости производства до исчерпания всего платежеспособного спроса (с учетом, разумеется, влияния цен на размеры спроса).

Из приведенных примеров читатель видит, что когда государство является монопольным производителем, но не монопольным покупателем средств производства, то категория цены приобретает здесь двойственный характер: с одной стороны, это – по-прежнему калькуляционный метод, псевдоним планового распределения ресурсов внутри государственного круга, а с другой стороны, где дело касается обмена веществ между государственным и частным хозяйством, это – функция первоначального социалистического накопления, ограниченного действием закона ценности. И в этом вторая двойственность роли цены в рассматриваемом нами случае. Если частное хозяйство получает меньше средств производства, это влияет и на размеры его основного капитала, и на распределение и приложение рабочих сил. То же и в государственном хозяйстве. Иными словами, тот или иной результат от столкновения закона первоначального социалистического накопления с законом ценности влечет за собой иное распределение производительных, в том числе рабочих, сил. Если на капиталистическом рынке при свободе конкуренции цена есть функция ценности, то цена государства-монополиста на частном

рынке есть функция первоначального социалистического накопления, ограниченного законом ценности. Но более подробно об этом ниже. Там мы рассмотрим также, как закон ценности пробивает себе дорогу и путем роста надбавок в розничной торговле, действуя при товарном голоде как фактор *капиталистического* накопления.

Идем дальше. Рассмотрим положение, когда государство не является ни монополистом в деле производства средств производства, ни монополистом как покупатель. Пример. Веялки, кузнечные изделия, как топоры, гвозди, далее ремонт оборудования, производимые как в государственном хозяйстве, так и в частном, покупаемые как государственным хозяйством, так и частным. Я умышленно беру средства производства, которые в своей натуральной форме являются орудиями труда, а не сырьем для дальнейшего производства, о чем будет речь ниже. Вообще эта часть продукции в количественном отношении невелика, потому что ремесло и арендованная промышленность не могут играть здесь, за исключением разве ремонта, сколько-нибудь значительной роли. Если доминирующая часть продукции приходится здесь на государственное производство, то, естественно, рыночные цены будут, в общем и целом, ценами, которые назначает за свою продукцию государство, и назначает, исходя из своей себестоимости и своего уровня накопления. При таких условиях конкурирующие предприятия или самостоятельные производители, если у них себестоимость ниже, смогут накапливать больше, торгуя по ценам государства, либо сбывать продукцию быстрее, продавая ниже государственных цен. Если их себестоимость относительно растет в сравнении с государственной, конкуренты будут гибнуть. Не они здесь командуют на рынке, цены государства в данном случае будут играть совершенно такую же роль, как и в только что рассмотренном случае, и только в тех немногочисленных и по удельному весу незначительных производствах, где конкуренты будут производить дешевле государства (например, мелкий ремонт разнообразного типа), там возможно сокращение государственных предприятий с передвижкой рабочих сил в другие производства. Здесь закон ценности случайно действует в одном и том же направлении, что и закон социалистического накопления. Но рассматриваемые отрасли так немногочисленны, и роль их в производстве средств производства так невелика, что мы остановились на них лишь в интересах полноты классификации.

Перейдем теперь к отраслям, несравненно более важным, прежде всего к производству и сбыту таких средств производства, которые служат сырьем для государственной промышленности, вырабатываются же в подавляющем количестве в частном, точнее в крестьянском хозяйстве. Сюда относятся все технические культуры, как хлопок, лен, пенька, масличные семена всех видов, сахарная свекла, винокуренный картофель и т.д., а с другой стороны, животноводческое сырье: кожи, шерсть, овчина и т.д. Как обстоит здесь дело с действием закона ценности?

Совершенно очевидно, что влияние его здесь должно быть несравненно сильнее, чем в том случае, когда, допустим, государство производит машины из металла, выплавленного в собственных доменных печах, с употреблением руды и угля, добытых также в собственных коях. Технические культуры и животноводческое сырье лишь в ничтожном количестве производятся в государственных совхозах, а основная масса производится на территории крестьянского, т.е. простого товарного хозяйства. С другой стороны, государство не всегда является здесь и монопольным покупателем. Если хлопок и лен в подавляющем количестве закупаются государством, то, например, кожи в большом количестве перерабатываются на обувь, упряжь и т.д. ремесленным, кустарным и полукустарным путем. Это значит, что здесь государственные заготовители выдерживают очень сильную конкуренцию со стороны частного хозяйства. Однако было бы совершенно неправильно думать, что рассматриваемая нами ветвь средств производства является аренной *полного* господства вольного рынка и стихии закона ценности. На этот

счет мы имеем достаточно богатый опыт за последние годы, говорящий совсем другое. Посмотрим поближе, как обстоит здесь дело.

Начнем с технических культур и сырья, где государство является или монопольным, или, по крайней мере, преимущественным покупателем. Таковы хлопок, лен, пенька, масличные семена, сахарная свекла и т.д. Деятельность хлопкового комитета, с одной стороны, и заготовительных организаций по закупке льна, с другой, является интересным экспериментальным доказательством того, какое сильное воздействие может оказать на частный рынок, а затем и на все мелкое производство государственная промышленность там, где она является преимущественным покупателем и выступает организованно как единый экономический организм. Не столько рынок здесь диктует цены государству, сколько государство рынку. Известно, что цены на хлопок назначались до сих пор и назначаются не на вольном рынке Ташкента, а в Москве плановыми хозяйственными органами государства. И до сих пор срыва назначаемых государством цен не было, несмотря на то что эти цены всегда и на очень значительный процент были ниже цен мирового рынка. Государственные заготовительные цены на перечисленное сырье являются чрезвычайно интересным случаем известной равнодействующей между законом ценности и законом первоначального социалистического накопления.

В чем прежде всего проявляется здесь закон ценности?

Он проявляется в том, что государственное планирование в области заготовительных цен натывается на две границы, налагаемые законом ценности: одну в сторону максимума, другую в сторону минимума. Границей в сторону максимума является средняя цена мирового рынка, поскольку дело идет об экспортных культурах, как лен и пенька, и импортных, как хлопок, мягкая шерсть и т.д.

Государству нет смысла покупать, например, хлопок внутри страны выше цен мирового рынка, если только оно не будет вынуждено к этому ограниченностью импортных возможностей вследствие недостатка иностранной валюты. Точно так же государство будет избегать закупать лен для собственной льняной промышленности и для экспорта по ценам, которые вместе с расходами на транспорт и прочими накладными расходами превышают продажную цену на европейском рынке. Закон ценности мирового рынка кладет, таким образом, предел со стороны максимума.

Каким же образом тот же закон определяет линию минимума?

Очевидно, линия минимума определяется трудовыми затратами, степенью выгоды данной культуры для производителей, в сравнении с другими культурами крестьянского хозяйства. Если государство будет назначать настолько низкие цены на лен, что крестьянству льняных губерний будет выгодней заменять лен зерновыми культурами, если низкие цены на плантаторскую свеклу и декханский хлопок повлекут за собой увеличение за их счет посева пшеницы и т.д., то мы будем иметь перед собой границу со стороны минимума, налагаемую законом ценности в простом товарном производстве. Всякий, кто знаком с деятельностью нашего Главного хлопкового комитета, знает, как много усилий пришлось ему предпринять, чтобы соответствующей политикой заготовительных цен на хлопок, с одной стороны, завозом пшеницы в Туркестан – с другой, заставить декхан, перешедших за время войны от культуры хлопка к культуре пшеницы, перейти снова к посевам хлопка и поднять площадь хлопковых плантаций снова почти до довоенного уровня. С другой стороны, катастрофическое падение посевов льна в северо-западных губерниях в голодные годы и смена льна зерновыми культурами прекратились, и крестьянство постепенно снова вернулось к посеву льна лишь потому, что политика заготовительных цен государства всячески поощряла этот процесс. Если бы этого не было, рожь и теперь еще сеялась бы там, где снова появился лен.

Из приведенных примеров мы видим, как проявляется на данном участке в хозяйстве СССР действие закона ценности. Теперь посмотрим, в чем проявляется здесь

одновременно действие закона социалистического накопления, ограничивающего закон ценности или, если хотите, ограниченного законом ценности.

Как уже было сказано, пределы господства планового начала государства в политике цен заключены между ценами мирового рынка с одного конца, между ценами, стоящими на грани сокращения данной культуры, — с другого конца. Площадь для маневрирования здесь весьма обширна, вероятно не менее 30–40% вниз от мировой цены. Государство держит заготовительные цены на уровне, достаточном для расширения данных культур, но ниже тех цен, которые сложились бы при свободе конкуренции иностранных заготовителей и внутренних заготовителей, если бы промышленность у нас была не государственная, а частная и, следовательно, не выступала бы организованно на рынке сырья. Все, что отличает заготовительные цены от тех цен, которые сложились бы на основе свободы конкуренции буржуазных заготовителей, целиком должно быть отнесено за счет действия закона первоначального социалистического накопления. Когда государство на основе организованной системы заготовок держит цены на определенном уровне и даже понижает их вопреки росту спроса, обгоняющего предложение, как это имело место в 1925 г. со льном и хлопком (цены на них несколько снижены по сравнению с 1924 г.), то мы имеем перед собой блестящий пример ограничения закона ценности плановым началом, в данном случае в форме закона первоначального социалистического накопления. В то же время мы на этом примере можем видеть, в каком смысле можно говорить здесь именно о законе. Если в буржуазном обществе закон ценности пробивает себе дорогу лишь как средняя равнодействующая стихийно сталкивающихся процессов, как равнодействующая напора и отталкивания, то в данном случае государство исходит из предвидения действия отталкивания, не доводит до него, но в то же время и сознательно ограничивает свой темп накопления, ограничивая определенным уровнем и рост цен, и их насильственное снижение. Если стихийный закон товарного производства, закон ценности, можно противопоставлять бухгалтерии вполне сложившегося планового хозяйства, где действие этого закона сменилось сознательной калькуляцией социалистической статистики производства и распределения продуктов (а не товаров), то иначе обстоит дело в период борьбы за плановое производство, в период скручивания, ограничения закона ценности. Борьба за плановое начало есть прежде всего борьба за накопление материальных ресурсов государственного хозяйства, обеспечивающих рост одних производственных отношений за счет других. Это накопление ограничено действием еще существующего закона ценности, следовательно, подвержено действию стихии. С этой точки зрения закон первоначального социалистического накопления есть та форма, в которой происходит диалектическое перерождение стихийных закономерностей неорганизованного хозяйства в новый тип достижения равновесия в экономической системе, осуществляемого при огромной роли сознательного предвидения и практического учета экономической необходимости. Есть ли это закон в общепринятом смысле слова? В гораздо большей степени да, чем нет, если брать все хозяйство страны в целом, а не только его наиболее организованную часть. С такой же двойственностью, впрочем, с такими же противоречиями развития мы встретимся и почти при всех категориях капиталистического хозяйства, которые анализируем на почве нашей системы хозяйства.

Чтобы покончить с промышленным сырьем, производимым в крестьянском хозяйстве, мы упомянем еще вот о чем. Огромную роль в деле овладения рынком технического сырья начинает уже играть система государственного кредита, система выдачи авансов заготовителям. Эта система, знакомая и капиталистическим отношениям, у нас в сильнейшей степени будет ограничивать действие закона ценности, поскольку задатки выдаются не конкурирующими заготовителями сырья, а единым организованным государственным хозяйством. С другой стороны, совершенно очевидно, что политика цен

государства как преимущественного заготовителя может оказать глубочайшее воздействие на распределение производительных сил в крестьянском хозяйстве, поощряя одни культуры за счет других и внося элементы плана в территориальное распределение культур в крестьянском хозяйстве⁸. Система плановых цен превращается здесь в мощный рычаг воздействия промышленности на крестьянское хозяйство, и чем быстрее будет расти наша промышленность, тем сильнее она будет экономически подтягивать к себе крестьянское производство сырья, подчиняя его социалистическому плану. Здесь и цена трансформируется из категории товарного хозяйства, из функции закона ценности в нечто переходное к социалистической калькуляции при обмене вещами между городом и деревней, хотя товар крестьянского хозяйства, оплачиваемый по твердой цене государства, в сфере производства еще не тронулся с места, по пути своего превращения в продукт. Здесь, наконец, и деньги, как и внутри государственного круга, несколько меняют свои функции. Это особенно интересно проследить на калькуляциях Главхлопкома в области цен на хлопок в их отношении к ценам на пшеницу.

Что касается заготовок такого сырья, которое в большом количестве покупается также и частными производителями либо идет на переработку в самом крестьянском хозяйстве, то здесь регулирующая роль государства значительно меньше, а действие закона ценности значительно сильнее. Сплошь и рядом предельные цены государства срываются здесь частными заготовителями, что вынуждает государство или менять свои лимиты, или прекращать заготовки с опасностью оставить без сырья свои предприятия. В свою очередь, колебания заготовительных цен неизбежно отражаются на калькуляции готовых изделий, ограничивая здесь плановые возможности государства. Кроме того, если, допустим, цены на грубую шерсть кажутся крестьянству невыгодными, оно усиливает собственную выработку валенок, домотканого сукна и т.д. И с этого конца закон ценности давит на соответствующие отрасли государственного хозяйства. Ослабление действия закона ценности здесь будет, может быть, достигнуто лишь удешевлением государственного производства и его расширением, что усилит влияние государства как главного заготовителя и сделает невыгодным для крестьянства домашнюю переработку собственного сырья. Но такое движение вперед, разумеется, целиком зависит от успехов на всем фронте первоначального социалистического накопления.

Перейдем теперь от производства и заготовок средств производства к производству средств потребления. Совершенно очевидно, что здесь влияние закона ценности в общей сумме значительно больше, чем в области производства средств производства. Отвлекаясь пока, как и раньше, от методов оплаты рабочей силы, т.е. от рынка труда (если позволительно употреблять этот термин), проследим влияние закона ценности с другого конца. Характерными особенностями производства средств потребления в сравнении с производством средств производства являются с рассматриваемой нами точки зрения: 1) более значительная роль конкуренции частного хозяйства в производстве и сбыте, 2) более значительное влияние закона ценности со стороны колебания цен на сырье, 3) более значительная и более непосредственная зависимость от платежеспособного спроса частного хозяйства на государственную продукцию, 4) более значительное влияние на розничные цены соотношения между спросом и предложением.

Что касается конкуренции частного хозяйства в производстве и сбыте, то она совершенно очевидна из прямого перечисления отдельных отраслей. Пищевая промышленность, с огромной ролью частного хлебопечения, колбасного производства, рыболовства и переработки продуктов рыболовства, кондитерского производства, частного пивоварения, вплоть до деревенского самогона – это все отрасли, не требующие ни большого оборудования, ни больших оборотных средств, с быстрым оборотом капитала, наиболее доступные мелкому производству и мелкому капиталу. Здесь есть такие гиганты государственного монополизма, как сахарная промышленность, а рядом промышленность

мукомольная, с преобладанием, наоборот, частного производства. Точно так же огромную роль играет мелкое производство в обработке кожи, шерсти, дерева, пеньки, изготовлений одежды. Самая большая отрасль государственного хозяйства, мануфактурная промышленность, также сталкивается со значительной конкуренцией мелкого производства, которое делается неопасным лишь на определенной стадии развития производительности труда при высокой технике крупного производства.

Государственное производство средств потребления подвергается далее влиянию закона ценности постольку, поскольку сырье государство получает или от частного производства внутри страны, или импортирует в больших количествах из-за границы. Как обстоит дело с заготовками внутри – мы уже говорили. Здесь действие закона ценности сильно ограничено благодаря организованности государственного хозяйства. Что же касается импортного сырья, то тут по государственной промышленности, через импортную дверь, бьют волны мирового закона ценности, изменяя в известных пределах калькуляцию продукции в зависимости от мировых цен на хлопок, мягкую шерсть, каучук и т.д. Ослабление влияния мирового рынка достигается на этом участке лишь развитием внутреннего производства сырья, для чего в области хлопка и мягкой шерсти наша страна имеет, как известно, богатые перспективы. Третий тип зависимости от частного хозяйства – это зависимость от платежеспособного спроса вне государственного круга. Мы имеем здесь в виду почти исключительно платежеспособный спрос частного хозяйства, поскольку регулирование размеров платежеспособного спроса государственных рабочих и служащих, если не говорить о конкуренции сбыта из кустарной и мелкой промышленности, зависит от самого рабочего государства, от его политики заработной платы. Если цены государственной продукции будут слишком высоки, то это может повести либо к уклонению от покупок, с усилением выработки ряда изделий домашним путем, – о чем мы уже говорили, – либо к покупательской забастовке. Первый метод более возможен как раз в отраслях производства средств потребления. Если крестьянство не в состоянии само делать плугов и при их дороговизне усилит использование до отказа и ремонт старого инвентаря, то в производстве средств потребления, т.е. одежды, обуви, продуктов питания, у него гораздо более широкая возможность обхода с тыла государственной промышленности. Однако, как уже было сказано, такой обход может иметь место лишь при весьма высокой себестоимости изделий промышленности⁹. Он тем трудней, чем дальше уходит производительность труда в крупной промышленности от производительности домашнего производства. А это значит, что с ростом производительности труда в городской промышленности автоматически растут также и возможности планового маневрирования государства, растут возможности первоначального социального накопления за счет частного производства.

Иначе проявляется действие закона ценности при товарном голоде. Вообще говоря, тот товарный голод, о котором идет речь, т.е. голод на промышленные товары, есть следствие диспропорции между промышленным производством и платежеспособным спросом страны. В условиях свободы конкуренции диспропорция преодолевалась бы нормальным путем, т.е. путем сначала повышения цен в отраслях недостаточного производства и, следовательно, повышения прибылей вложенного в эти отрасли капитала, что затем немедленно вызвало бы приток сюда новых капиталов, новое строительство и в конце концов расширение производства до размеров и, может быть, больше размеров, соответствующих платежеспособному спросу. Таким путем был бы ликвидирован товарный голод, и повышение цен, сыгравши свою роль в деле новой расстановки производительных сил, должно было бы прекратиться. Вопрос мог быть решен и другим путем, т.е. наряду и вместе с описанным, – путем расширения ввоза иностранной продукции, если таможенные ставки это позволяют. Так, на основании действия этого закона могли бы быть ликвидированы диспропорция в распределении производитель-

ных сил и товарный голод. Наоборот, когда промышленность принадлежит на 80% государству, ликвидация диспропорции, если исключить увеличение импорта, возможна лишь на основе планового расширения государственной промышленности, в уровень с возросшим спросом. Лишь частично и в весьма скромных размерах рост цен может привести к расширению мелкого кустарного и ремесленного производства в охваченных товарным голодом отраслях. Товарный голод есть предостережение руководящему промышленностью государству, это – требование установления пропорциональности, о котором кричит весь экономический организм страны. Но допустим, либо вследствие ошибочной экономической политики государства в данном году, либо вследствие ошибочной политики предыдущего года, последствия чего проявляются годом позже, либо вследствие недостатка нового капитала и ограниченности импортных возможностей, государство не расширяет производства в соответствии с ростом платежеспособного спроса. Что мы будем тогда иметь? Мы будем тогда иметь, с одной стороны, резкое увеличение розничных цен в отраслях с сильно выраженным товарным голодом по всей линии частной торговли, т.е. повышение фактически в 40% всего розничного оборота, если говорить о 1925 г. С другой стороны, кооперация под давлением рыночной стихии неизбежно подается по линии наименьшего сопротивления, т.е. будет срывать лимиты розничных надбавок к оптовым ценам государства. Закон ценности будет перешибать и в этом пункте политику твердых плановых цен государства. Понижение же отпускных цен трестов в отраслях резкого товарного голода не имело бы никакого положительного эффекта в смысле снижения цен в рознице и было бы совершенно бессмысленным практически и безграмотным с точки зрения экономической теории¹⁰.

В общем же и целом, мы имели бы, как имели фактически в 1925 г., не доведенное до своего конца, а потому совершенно уродливое и извращенное действие закона ценности, потому что этот закон в состоянии вызвать увеличение цен в рознице, но бессилён привести через этот инструмент возросших цен к перераспределению производительных сил страны в сторону ее более быстрой индустриализации. Если употреблять физиологическое сравнение, перед нами здесь *задержанный рефлекс закона ценности*, который не переходит из сферы распределения в сферу производства. Частный торговый капитал загребает сотни миллионов, но на производство это почти не влияет. Можно сказать, что усиленное накопление частного капитала прямо пропорционально силе действия урезанного закона ценности.

Приведенный факт является также классическим примером того – этот пример надо изучать во всяком курсе по теории советского хозяйства, – к каким экономическим последствиям может приводить положение, когда действие одного основного закона, в данном случае закона ценности, парализовано, или, точнее говоря, полуликвидировано, а действие другого закона, сменяющего исторически закон ценности, не может по тем или иным причинам развернуться, и притом развернуться пропорционально степени и темпу ликвидации закона ценности. Совершенно очевидно, что если бы первоначальное социалистическое накопление промышленности, в том числе прежде всего накопление за счет частного хозяйства, на основе налогов и политики цен соответствовало уровню уже достигнутых новых производственных отношений, т.е. коллективизации промышленности и предъявляемых к ней требований со стороны всего хозяйства – требований, которые по самой структуре государственного хозяйства могут быть удовлетворены нестихийным путем, – то товарного голода не было бы и задержанный рефлекс закона ценности не клал бы десятки, если не сотни миллионов в кубышку капиталистического накопления.

Оставляя пока в стороне общий вопрос о том, что самый факт социализации промышленности требует с железной необходимостью известной пропорции в социалистическом накоплении в каждый данный год, я подведу пока некоторые итоги сказанному

во всем этом параграфе. Мы видели, что закон ценности, отвлекаясь от проблемы рабочей силы, оказывает наименьшее влияние в сфере производства средств производства, когда государство является и монопольным производителем, и монопольным заказчиком средств производства. А это значит, что тяжелая промышленность является наиболее социалистическим звеном в системе нашего государственного хозяйства, звеном, где наиболее далеко продвинулся процесс замены рыночных отношений системой твердых плановых заказов и твердых цен внутри единого организма государственного хозяйства. Здесь наиболее далеко продвинулся процесс трансформации цены в плановое распределение ресурсов внутри государственного круга и больше всего произошло превращение товара в продукт. В области государственного производства средств потребления влияние закона ценности значительно больше. Оно тем больше, чем меньше государственная промышленность является монопольной, тем больше играет роль в калкуляции себестоимости продукции сырье, изготовленное в тех отраслях мелкого производства, которые наиболее подвержены действию стихии рыночных отношений. Наконец, поскольку мы переходим к частному хозяйству, т.е. прежде всего к крестьянскому хозяйству, закон ценности наиболее ограничен законом социалистического накопления в отраслях крестьянского производства средств производства для крупной промышленности, т.е. в сфере производства технического сырья, в подавляющей массе заготавливаемого государством.

Теперь, идя по степени возрастания действия закона ценности, обратимся сначала к производству в крестьянском хозяйстве средств потребления, покупаемых государственным кругом, а затем к отраслям междукрестьянского обмена.

Посмотрим сначала, каков удельный вес этой части крестьянского производства во всей продукции страны и товарной части всей крестьянской продукции. Согласно контрольным цифрам Госплана, в 1924/25 хозяйственном году из общей массы продукции крестьянства, выбрасываемой на рынок, т.е. из 2 857 млн руб. по довоенным ценам, на долю технических культур приходилось 631,4 млн, или 22,6%¹¹. Из этих цифр мы видим, что доля технических культур с ограниченным действием закона ценности весьма значительна. Однако доля средств потребления значительно больше. Кроме того, надо иметь в виду, что из продаваемых на рынке средств потребления, выбрасываемых крестьянским хозяйством, государством покупается не вся масса, а только часть. Например, в 1924/25 г. из 833,7 млн пудов товарного хлеба городской рынок и экспорт поглотили лишь 305,7 млн, или 36,5%. Спрашивается теперь, как же обстоит дело с действием закона ценности на этом участке нашей экономики?

Совершенно очевидно, что при ничтожном количестве собственного производства в области зерновых культур и животноводства, т.е. при ничтожном удельном весе продукции совхозов, государство не в состоянии оказывать воздействие на рынок средств потребления со стороны производства, т.е. с того фундамента всякого регулирования, который играет большую роль в сфере советской промышленности. Регулирование при таких условиях, вообще говоря, возможно лишь в сфере обмена и кредита. Влияние государства на крестьянское хозяйство через систему кредита пока еще так мало, что говорить об этом рычаге регулирования почти не приходится. Остается лишь сфера обмена. Государство является здесь массовым организованным заготовителем для внутреннего городского потребления и монополистом в сфере внешней торговли хлебом, маслом и другими продуктами питания. В этом – его преимущество. Но в то же время его свобода маневрирования в сфере политики цен ограничена здесь больше, чем в какой-либо иной области массового обмена. Первая грань налагается мировым хлебным рынком. Мировые хлебные цены лишь в незначительной степени зависят от нашего Внешторга, поскольку из огромного количества продаваемого на мировом рынке хлеба мы поставляем пока лишь очень небольшой процент. Колебание мировых цен на зерновые культуры

всей силой давит на нашу политику, как внешняя, объективная, от нас почти не зависящая сила. С другой стороны, внутренний хлебный рынок в весьма ограниченной степени находится под нашим влиянием постольку, поскольку большая часть товарного хлеба идет на покрытие крестьянского же спроса на хлеб и на неорганизованную часть городского рынка помимо государственных заготовителей. Наконец, надо учесть и тот очень важный факт, что наше крестьянство, вследствие резкого уменьшения налогового обложения, в сравнении с довоенным временем, а также вследствие ликвидации арендных плат за помещичью землю, стоит перед необходимостью гораздо меньшего количества *вынужденных продаж*, чем до войны¹². Это дает крестьянству больше возможности маневрировать с хлебными излишками, накапливать большие хлебные запасы, увеличивать потребление хлеба, а *главное* – *больше скармливать* хлеба на корм скоту и птице. Возможность расширения животноводства, в том числе товарного животноводства, делает крестьянство менее зависимым от твердых заготовительных хлебных цен государства. Однако здесь не надо слишком преувеличивать и обобщать сезонных явлений, явлений, характеризующих отдельные годы восстановительного периода, необходимо учитывать также и длительно действующие тенденции развития. Страховые запасы можно накапливать лишь до известного предела. Употребление хлебных излишков для расширения животноводства также упирается в известный предел, поскольку внутренний рынок, например, для мяса растет сравнительно медленно, а внешний еще предстоит с большим трудом и большими затратами капитала (холодильники, беконные заводы и т.д.) завоевать. Основная же тенденция в рассматриваемой области пролегает в сторону не сокращения, а увеличения регулирующей роли государства, если крестьянское хозяйство будет развиваться. В самом деле, чем быстрее будут расти товарные излишки продуктов потребления в крестьянском хозяйстве, тем большую роль будет играть их экспорт, а следовательно, тем большую роль будет играть в сфере заготовок монопольный проводник на внешний рынок крестьянской продукции – государство. Ограниченный ценами мирового рынка в сторону максимума – в сторону минимума он получит больше возможностей маневрирования, а тем самым увеличивается общая зависимость крестьянского товарного хозяйства от государства. Здесь влияние государства не может скоро догнать его регулирующей роли в деле заготовки технических культур, но, несомненно, будет расти по мере роста товарности и экспортных возможностей нашего земледелия. Если в неурожайные годы рыночная стихия бушует гораздо сильнее и может встретить регулирующее ограничение со стороны государственного импорта хлеба из-за границы, то, наоборот, волна *падения* хлебных цен в периоды урожая может быть с гораздо большим успехом задержана путем своевременного разветвления государственных хлебозаготовок и расширения хлебного экспорта. Регулирующая роль государства в сфере обмена будет увеличиваться по мере роста тех ресурсов, которые государство в состоянии будет выделять на образование своих плановых резервов в денежной и натуральной форме. С другой стороны, большую роль как раз в деле регулирования через обмен суждено сыграть нашей кооперации, в особенности по мере кредитного охвата с.-х. обмена, не говоря уже о влиянии кооперации в сфере производства.

Наконец, областью наименьшего планового регулирования является область внутрикрестьянского обмена, а также область обмена крестьянской продукции на ту часть ремесла и кустарной промышленности, которая или совсем не захвачена, или очень мало захвачена крупным коллективным производством. Как известно, емкость деревенского рынка на крестьянскую продукцию средств потребления, прежде всего на хлеб, очень велика. Количество крестьянских хозяйств, искупающих хлеб, огромно. В 1924/25 г. внутрикрестьянские покупки хлеба достигали 528 млн пудов, или 63,6% всего товарного хлеба¹³. Казалось бы, что влияние государства на хлебные цены должно автоматически влиять и на цены внутрикрестьянского хлебного рынка. Это влияние, несомненно,

существует, но оно ограничено следующим обстоятельством. Покупает хлеб по преимуществу беднейшее крестьянство. Оно покупает как продовольственный хлеб, так и семена. Платит же оно не всегда деньгами и далеко не всегда по рыночным ценам, вследствие своей кабальной зависимости от зажиточного крестьянства и кулаков. Очень часто расплата совершается путем отработки, т.е. в форме обмена хлеба на труд крестьянской бедноты, что при огромном количестве избыточной рабочей силы в советской деревне означает очень высокую расценку продаваемого бедноте хлеба. Государственное регулирование хлебных цен идет мимо этих отношений эксплуатации. Рынок рабочей силы и отношение скрытой эксплуатации срывают регулирующее влияние государства на хлебные цены в значительной области внутрикрестьянского обмена.

Что же касается таких сфер внутрикрестьянского обмена, как торговля рабочим скотом, а также торговля не изготовляемыми на государственных фабриках изделиями кустарей и ремесленников, то здесь полностью и безраздельно господствуют отношения простого товарного производства, здесь – безраздельная область господства закона ценности¹⁴. Тут перед нами та часть нашей экономики, которая является полнейшим антиподом области производства средств производства в государственном хозяйстве. XVI–XVIII вв. сожительства с наивысшим завоеванием XX в., с планоно-руководимой промышленностью социалистического государства.

Прибавочная ценность. Прибавочный продукт. Заработная плата

Вопрос о том, существует ли в государственной промышленности прибавочная ценность или же прибавочный продукт, возбуждал и возбуждает много споров среди наших экономистов и среди учащейся молодежи. Уже из сказанного выше читатель может отчасти видеть, что с точки зрения экономической теории это орех довольно крепкий. Ни в коем случае нельзя правильно решить этого вопроса изолированно, вне общей оценки всей системы нашего хозяйства, вне систематического анализа всех категорий политической экономии: в их применении к советской экономике.

Если товару в законченной системе планового социалистического производства противостоит продукт, стоимости – калькуляция рабочего времени, заработной плате – потребительский рацион коллективного работника, то прибавочной ценности противостоит прибавочный продукт. Нам предстоит поэтому, следуя взятому нами методу, рассмотреть, в какой степени в нашем государственном хозяйстве мы продвинулись по историческому пути от прибавочной ценности к прибавочному продукту и какой термин является здесь более правильным. Я должен заметить еще здесь, что разногласия в исследуемом здесь вопросе встречаются двух типов: разногласия терминологические, а следовательно, второстепенного характера; во-вторых, разногласия принципиального характера, связанные с различной теоретической и исторической оценкой нашей системы государственного хозяйства вообще. Разногласия второго типа не могут поэтому ограничиться лишь областью рассматриваемой проблемы и проходят неизбежно по всем другим проблемам теоретического анализа нашего хозяйства.

Начнем сначала с точного определения понятия прибавочной ценности, каким мы находим его у Маркса. Категория прибавочной ценности неотделима от следующих основных предпосылок. Чтобы существовала прибавочная ценность, нужно, чтобы существовала вообще ценность, т.е. чтобы продукт человеческого труда был товаром. А это значит, что дело идет об исторической категории, присущей лишь товарному производству. Но этого мало. Продукт человеческого труда приобретает форму товара не только в капиталистическом, но и в простом товарном производстве. Необходимо, следовательно,

но, второе основное условие, а именно, чтобы форму товара приобретала рабочая сила, т.е. чтобы существовал свободный рынок особого товара, товара рабочей силы. Но существование рабочей силы как товара предполагает существование пролетариата, отделенного от орудий производства, на одном полюсе, и существование класса покупателей рабочей силы, обладающего монополией права собственности на орудия производства, на другом. Следовательно, понятие прибавочной ценности предполагает не просто отношение эксплуатации, но отношение эксплуатации между предпринимателями и наемными рабочими. Наконец, последняя предпосылка связана с прилагательным «прибавочный», т.е. необходима такая ступень развития производительности труда вообще, чтобы производительные занятые работники производили больше того, что минимально необходимо для восстановления их рабочей силы. Это значит, что понятие прибавочной ценности предполагает существование в обществе прибавочного продукта, который лишь на определенной стадии развития товарного хозяйства приобретает форму прибавочной ценности.

Прежде чем перейти к анализу категорий прибавочной ценности в нашем хозяйстве, мы считаем полезным заглянуть назад, на историю развития этой категории. Поскольку в нашем хозяйстве происходит трансформация производственных отношений капиталистической экономики в исторически более высокую форму производственных отношений социализма, поскольку мы должны исследовать диалектическое перерастание одних отношений в другие, постольку интересно и обратное, в данном случае процесс такого же диалектического перехода от прибавочного продукта к прибавочной ценности в начальный период развития капитализма.

Маркс не раз предостерегал от смешения понятия прибавочного продукта с понятием прибавочной ценности. Прибавочный продукт – это понятие несравненно более широкое, чем понятие прибавочной ценности. Прибавочный продукт существовал задолго до развития капиталистического производства и будет существовать после уничтожения буржуазной системы общества, но уже не как отношение эксплуатации. Лишь на одном только историческом перегоне прибавочный продукт принимает форму прибавочной ценности. В натуральном рабовладельческом хозяйстве нет прибавочной ценности в Марксовом смысле, хотя есть и эксплуатация и прибавочный продукт, поскольку в натуральном рабовладельческом хозяйстве рабы создают лишь предметы потребления для своих господ, и целью эксплуатации является выколачивание этих предметов потребления. Прибавочной ценности нет также в натуральном крепостническом хозяйстве, где, например, господствует барщина как средство создания предметов потребления для крупных феодальных землевладельцев. Дело изменяется лишь тогда, когда созданный трудом эксплуатируемых классов продукт принимает форму товара, превращается в ценность, а тем самым и прибавочный продукт превращается в прибавочную ценность. Тогда и целью эксплуатации делается систематическое выколачивание прибавочной ценности. В этом случае Маркс переходит от одного термина к другому. Так, например, в третьем томе «Капитала» Маркс говорит о превращении «патриархальной системы рабства, рассчитанного на производство непосредственных средств существования, в рабовладельческую систему, целью которой является производство прибавочной стоимости»¹⁵. В первом томе «Капитала» Маркс говорит то же не только об эксплуатации негров, но и о переходе прибавочного труда крепостного крестьянина в прибавочную ценность. Он пишет: «Труд негров в южных штатах американского союза носил сравнительно мягкий и патриархальный характер до тех пор, пока целью производства было главным образом непосредственное удовлетворение собственных потребностей. Но по мере того как экспорт хлопка приобретает характер жизненного интереса для этих штатов, чрезмерный труд негра, доходивший в отдельных случаях до потребления его жизни в течение семи лет труда, становится фактором рассчитанной и рассчитывающей системы. Тут дело шло

уже не о том, чтобы вышибать из него известное количество полезных продуктов. Дело заключалось в производстве прибавочной стоимости. *То же самое происходило с барщинным трудом, например, в Дунайских княжествах*¹⁶ (курсив мой. – Е.П.).

Однако перед нами здесь лишь неразвитые, переходные формы прибавочной ценности, не вполне характерные для развитого капиталистического способа производства. Дело в том, что тут перед нами налицо все предпосылки прибавочной ценности, кроме последней, характерной именно для развития капитализма, кроме превращения рабочей силы в товар, «свободно» продаваемый его владельцем на рынке труда. Раб прикреплен к рабовладельцу на основе права собственности рабовладельца на его личность, потребление его рабочей силы в производстве происходит не по специфическим законам развернутого товарно-капиталистического производства, а на основе изъятия из законов товарного хозяйства купли, продажи и воспроизводства его рабочей силы. То же надо сказать и о крепостном крестьянине, где возможность эксплуатации не возникает «свободно» и стихийно из монополии одного класса на средства производства, а существует на основе юридической зависимости крестьян от помещиков.

Наконец, в качестве последней переходной инстанции к подлинно капиталистической прибавочной ценности можно привести работу кустарей на дому на скупщика, когда они перерабатывают сырье заказчика, работают его инструментами и, в сущности, уже являются фактическими наемными рабочими, несмотря на внешние атрибуты самостоятельных производителей. Еще один шаг – и перед нами отделенный от средств производства пролетарий, на противоположном полюсе – владелец средств производства, капиталист, выколачивающий прибавочную ценность как раз на основе развернутого действия закона ценности вообще, в данном случае на основе обмена капитала на рабочую силу – как товар.

Перейдем теперь к анализу категорий прибавочной ценности применительно к нашему хозяйству, прежде всего к государственному хозяйству пролетариата. Если в предкапиталистический период экономической истории мы имели, если можно так выразиться, нарастание элементов этой категории, по мере развития товарного производства и перерастания его в товарно-капиталистическое, то у нас мы видим как раз обратный процесс, процесс отмирания элементов категории прибавочной ценности по мере развития производственных сил в социалистических формах. Там диалектика нарастания, здесь процесс отмирания. Разберем этот процесс более конкретно, анализируя отдельные предпосылки категории прибавочной ценности.

Как мы уже говорили, первой предпосылкой превращения прибавочного продукта в прибавочную ценность является превращение продукта в товар. В нашем же государственном хозяйстве, как мы видели выше, развивается обратная тенденция – превращения товара в продукт, наиболее быстро прогрессирующая и наиболее далеко продвинувшаяся в сфере государственного производства средств производства. Важность этого факта читатель может видеть из следующих обстоятельств. Как известно – и на этом очень много останавливался Маркс, – развитие производительных сил капиталистического общества, развитие техники приводят, *как общее правило*, к повышению органического состава капитала, что с точки зрения распределения труда во всем обществе означает все более и более возрастающее значение производства средств производства. Возможность расширения производства средств потребления и удешевление их достигаются относительно еще большим расширением производства средств производства. Этот закон не зависит от специфических черт капиталистических отношений производства, он должен действовать и в социалистическом обществе, поскольку производительные силы общества будут развиваться. Он целиком применим и к нашей системе хозяйства. *А раз это так, то развитие производительных сил неизбежно должно означать увеличение удельного веса производства средств производства, а это увеличение со-*

вершенно автоматически усиливает тенденцию отмирания товарного производства в государственном хозяйстве и с этого конца подкапывается под категорию прибавочной ценности. Если взять всю продукцию нашей государственной промышленности за данный год и спросить, есть ли это масса товаров в обычном смысле этого термина у Маркса, то мы должны будем ответить на этот вопрос: и да, и нет. Да, поскольку мы монопольно производим, опираясь на рынок. Нет, поскольку мы монопольно производим для самого государственного круга, сохраняя лишь *форму* рыночных отношений внутри государственного круга; отчасти нет, постольку, поскольку тенденции социалистического монополизма приводят к подрыву товарного хозяйства, ликвидации во многих случаях конкуренции и к трансформации самого существа товарного рынка. Если в крестьянском хозяйстве товарность производства возрастает по мере развития производительных сил деревни, встречаясь с ограничениями рыночных отношений, описанными в предыдущем параграфе, то в государственном хозяйстве товарный характер производства как раз сокращается по мере роста абсолютной суммы продукции и по мере роста плановости и организованности: внутри всего хозяйственного организма его. Итог, следовательно, такой. Категория прибавочной ценности в государственном хозяйстве со стороны рассматриваемой нами ее предпосылки подкашивается, и в некоторой степени уже подкошена, развитием социалистических отношений производства¹⁷.

Возьмем теперь вторую предпосылку понятия прибавочной ценности – отношение эксплуатации между двумя классами, систему присвоения прибавочного продукта работников собственниками средств производства. Здесь мы, несомненно, продвинулись вперед несравненно дальше, чем в рассмотренном только что отношении, и продвинулись не эволюционным путем, а путем скачка, путем социалистической революции, путем ликвидации капиталистической собственности на средства производства и передачи их в руки организованного в государство пролетариата. По этому признаку мы в гораздо большей степени можем говорить о трансформации прибавочной ценности в прибавочный продукт, чем по другим. Этот пункт вообще является основным. Рабочий класс не может эксплуатировать сам себя¹⁸. Деление же пролетариата на рабочих, находящихся на организаторских функциях и лучше оплачиваемых, и на остальную их массу есть деление внутри одного класса, ничем принципиально не отличающееся от деления того же класса на квалифицированных и неквалифицированных работников. Такое положение связано с неоднородностью рабочего класса в деле управления промышленностью, неоднородностью в технической подготовке, организаторских способностях и т.д. Эту неоднородность новая система получает в наследство от капитализма и может ликвидировать ее постепенно, по мере роста производительности труда, поднятия культурной и технической подготовки всей массы на основе новой системы образования, на основе развития системы рабочей демократии во всех областях руководства и управления и на основе, наконец, совершенно сознательной борьбы с тенденциями консерватизма и застойности. Существующее материальное неравенство и сравнительная медленность подрастания общей массы рабочего класса до уровня организующих кадров вытекают не из теперешней структуры производственных отношений, а держатся, *несмотря* на эту структуру, и будут ликвидироваться *по мере отмирания затвердевшего деления по профессии*, по мере ликвидации отрыва науки от труда, по мере исчезновения той «холопской иерархии индивидуумов», унаследованной от буржуазного общества, о которой говорил Маркс в «Критике Готской программы». Развитие производительных сил в государственном хозяйстве, систематический рост заработной платы, охват социалистической системой общего и технического образования всей пролетарской и полупролетарской молодежи, наряду с переобучением взрослых, приведут к быстрому увеличению квалифицированных рабочих за счет неквалифицированных и подготовят для организаторских функций такую массу работников, которая будет во много раз превышать

количество организаторских и управленческих постов. А это и будет означать рассасывание затвердевших профессиональных делений и постепенный переход к настоящему социалистическому решению проблемы кадров и массы путем сближения массы с кадрами, с превращением профессий, как затвердевших группировок одних и тех же лиц на данных функциях, в по очереди выполняемые всей массой функции. Необходимые функции остаются, люди, их выполняющие, меняются. В данном случае, как и во многих других, дальнейшее социалистическое развитие, при наличии обобществления орудий производства, зависит уже от чисто количественного роста и темпа этого роста производительных сил внутри государственного хозяйства. И наоборот, затверждение кадрового и профессионального деления может быть следствием приостановки или медленного развития производительных сил.

Таким образом, указанное нами неравенство в сфере распределения материальных средств, а также сохранение профессиональных делений и фактическое неравенство в деле овладения наукой, техническими знаниями и организационным опытом вытекают отнюдь не из монополии небольшой части пролетариата на орудия производства. Никакой монополии на средства производства, допустим, красные директора, пролетарские инженеры и хозяйственники не имеют. Все они являются служащими рабочего государства и так же, как все остальные работники, ведут производство, используя коллективные средства производства государства. В этом – принципиальная разница в самой структуре производственных отношений в государственной промышленности, в сравнении с соответствующими отношениями капитализма, и здесь же заложены и предпосылки преодоления тех буржуазных черт в системе распределения вознаграждения и ответственности, которые еще остаются в периоде первых шагов социалистического строительства.

Однако мы не можем ограничиться при рассмотрении проблемы эксплуатации в государственном хозяйстве только взаимоотношениями внутри пролетариата. Ведь пролетариат может подвергаться до известной степени эксплуатации и со стороны других классов, хотя бы он сам господствовал в сфере крупного производства. В зависимости от соотношения классовых сил, от слабости и незрелости новой формы производства и силы товарного и товарно-капиталистического хозяйства может получиться такое отношение эксплуатации, которое не укладывается в обычные рамки производственных и распределительных отношений между капиталистом и рабочим в буржуазном обществе. И тогда в меру существования этого нового типа эксплуатации будет существовать и прибавочная ценность.

Рассмотрим существующие реально и теоретически возможные виды такой эксплуатации.

Во-первых, часть прибавочного труда, правда относительно очень небольшая, идет на ту часть вознаграждения специалистов, которая превышает плату за высококвалифицированный труд. Эта форма эксплуатации рабочих государственной промышленности вытекает из неразвитости социалистических отношений в области новой системы образования, системы, имманентно присущей коллективному производству в качестве его неотделимой части.

Во-вторых, та часть прибавочного продукта, которая улавливается в форме торговой прибыли частным капиталом. Здесь эксплуатация вытекает из недоразвитости той системы распределения, которая вытекает из социализации средств производства. Это, несомненно, самая большая в количественном отношении часть прибавочного продукта государственной промышленности, которая присваивается враждебным классом.

В-третьих, процент по внутренним займам, покрываемый крестьянством, эмпаном, городской мелкой буржуазией и т.д., а также возможная уплата процентов и погашения по старым иностранным займам и процентов по новым. Сюда же надо отнести

тот теоретически возможный случай, когда вследствие неправильной политики в области первоначального социалистического накопления получаемый государством прибавочный продукт от частного хозяйства на общегосударственные нужды будет превышать ту часть прибавочного продукта государственного хозяйства, которая в той или иной форме идет в частное хозяйство.

Переходим теперь к последнему пункту, а именно к вопросу о том, в какой степени рабочая сила работников государственного хозяйства фигурирует как товар, продаваемый на рынке труда. Существует или нет у нас во всем хозяйстве продажа рабочей силы как товара? В целом на этот вопрос приходится ответить утвердительно. По отношению же к государственному хозяйству, как и в целом ряде других отношений производства, мы имеем отношение переходного типа, и на поставленный вопрос приходится ответить и да, и нет.

Мы отвечаем на поставленный вопрос утвердительно, поскольку дело идет о всем хозяйстве в целом, во-первых потому что у государства, местных Советов и в кооперации занято рабочих и служащих не больше, чем в частной промышленности, в частной торговле и сельском хозяйстве, особенно если принять во внимание не только батрачество, но и все прямые и скрытые формы эксплуатации рабочей силы в деревне. Во-вторых, воспроизводство всей вообще рабочей силы происходит таким образом, что половина или большая половина среднего рабочего бюджета покрывается за счет покупки средств потребления частного, прежде всего крестьянского, производства, и, таким образом, самый процесс воспроизводства рабочей силы теснейшим образом связан с товарным хозяйством. Что же касается рабочих и служащих государственного хозяйства, то особенность ситуации, которая складывается здесь, заключается в начавшемся и прогрессирующем по мере развития производительных сил процессе ликвидации рабочей силы как товара. Это связано прежде всего с самым методом калькуляции фонда заработной платы. В капиталистическом обществе цена рабочей силы тяготеет к ее стоимости, складывающейся в данных исторически сложившихся условиях, и отклонения зависят от конъюнктуры рынка труда, т.е. связаны с соотношением спроса и предложения рабочей силы; в государственном хозяйстве пролетариата уровень всего фонда заработной платы регулируется законом первоначального социалистического накопления, и только градации тарифной сетки определяются еще в значительной степени, если не преимущественно, спросом и предложением квалифицированного и неквалифицированного труда. Если в целом фонд заработной платы, при приближении всей продукции к довоенному уровню, также близок к довоенному, то это количественное совпадение является скорее случайным и определяется требованиями накопления, а не действием того же самого закона заработной платы, что и до войны. Чрезвычайно характерно для наших условий, что, во-первых, рост зарплаты неквалифицированных рабочих у нас в значительной степени оторвался от состояния рынка труда. Увеличение заработной платы чернорабочих, начиная с перехода на нэп, происходило при росте безработицы, происходило больше в зависимости от роста производительности труда и темпа накопления во всем государственном хозяйстве и, следовательно, отрывалось от действия спроса и предложения необученной рабочей силы. Затем очень важно также отметить здесь и правильно оценить тот факт, что пропорции заработной платы в отдельных отраслях сильно отошли от довоенных (пищевики, кожевники, текстильщики, с одной стороны, металлисты, горнорабочие, транспортники и т.д. — с другой) и менялись прежде всего в зависимости от темпа восстановления и накопления в отдельных отраслях, с одной стороны, во всем государственном хозяйстве с другой. И здесь действие рынка труда подвергалось очень большим изменениям под влиянием изменения системы производственных отношений. В легкой промышленности, таким образом, зарплата повышалась быстрее не потому,

или, верней, не столько потому, что здесь была меньше безработица: зарплата черно-рабочих росла не потому, что уменьшалась безработица среди неквалифицированных рабочих, а по всей совокупности условий, в которых развертывал свое действие закон первоначального социалистического накопления. И в дальнейшем повышение заработной платы всех рабочих вообще и неквалифицированных в частности будет прогрессировать все менее и менее в зависимости от рынка труда и все более и более в зависимости от развития производительных сил в государственном хозяйстве. Это отнюдь еще не приступ к системе распределения, внутренне присущей социалистическим отношениям производства. Это только лишь начало подготовки предварительных условий к такому распределению, одной из предпосылок которого является отрыв всего фонда заработной платы от действия закона ценности. Этот отрыв уже начался и будет дальше прогрессировать. Здесь перед нами снова крайне интересный пример того, как при социализации орудий производства чисто количественные изменения, в данном случае рост производительных сил и материального богатства в государственном хозяйстве, *автоматически* усиливают процесс рассасывания категорий капиталистического общества.

Что же касается распределения внутри общего фонда заработной платы, то оно остается еще почти полностью буржуазным, как остается капиталистической и сама форма заработной платы. Наша тарифная сетка не имеет ничего общего с социализмом и не может иметь¹⁹. Пока подготовка квалифицированных работников не будет приспособлена к социалистическим производственным отношениям государственного хозяйства, тарифная сетка будет означать приспособление к тому буржуазному наследству, которое получает советская власть и в сфере профессионального деления рабочих, и в сфере сохранения многих (если не большинства) элементов буржуазных, а не социалистических стимулов к труду. Последние не падают с неба, их нужно развить путем длительного перевоспитания человеческого характера, сложившегося в товарном хозяйстве, перевоспитания в духе коллективных отношений производства. Впрочем, я не хочу этим сказать, что наша теперешняя тарифная сетка полностью адекватна условиям труда в государственном хозяйстве и что ее нельзя уже теперь начать реформировать по мере общего наступления на фронте социалистического строительства. Мы, несомненно, часто копируем капиталистические отношения даже там, где это не только не нужно для поднятия производительности труда, но где такая копировка прямо вредна с экономической и культурной точек зрения.

Что касается формы заработной платы, то в связи с чрезмерным увеличением сдельщины не бесполезно вспомнить, что говорил на эту тему Маркс. «Поштучная плата, — писал Маркс, — есть форма заработной платы, наиболее соответствующая капиталистическому способу производства»²⁰. Если это так, то, естественно, возникает вопрос, какая же форма заработной платы наиболее соответствует условиям труда в развивающемся государственном хозяйстве пролетариата? Как известно, мы начали с системы пайка в период военного коммунизма и очень скоро убедились, что этот метод распределения, резко и сразу разрывавший с мелкобуржуазными, индивидуалистическими стимулами к труду, кончился полной неудачей, если не говорить о неизбежности этой системы в условиях голода и Гражданской войны. Так называемое коллективное снабжение и коллективное премирование, к которому перешли затем, имели несколько больший успех потому, что были переходной мерой к современной системе заработной платы. Теперь у нас широко господствует сдельщина, а где она невозможна по техническим условиям — поденная или помесячная плата. Система сдельщины позволяет выжать все возможное из индивидуальных, буржуазных стимулов к труду, которые при социализации средств производства означают, вообще говоря, отставание от новой формы собственности на целую эпоху. Само развитие техники, увеличение роли транспорта, электрификация и т.д.

сокращают область труда, где возможна сдельщина. С другой стороны, она с известного момента может начать тормозить новую систему организации труда и воспитание новых стимулов к труду даже там, где она применима технически. Несомненно, по мере усиления социалистических элементов в нашем хозяйстве мы столкнемся с необходимостью перейти к комбинированному методу индивидуальной и коллективной оплаты, а в дальнейшем можно считать обеспеченным переход к оплате «коллективного рабочего», вместо оплаты индивидуального рабочего по индивидуальной выработке. Однако движение в этом направлении теперь еле-еле только начинается. На этом участке, следовательно, мы как будто продвинулись вперед гораздо меньше, чем на других, если не считать роста ряда общественных учреждений, как рабочие клубы, ясли, детские дома, заводские столовые и т.д., развитие которых есть, в сущности, частичная трансформация старой системы заработной платы в одну из форм коллективного снабжения.

Что касается последней предпосылки для возможности существования прибавочной ценности, а именно чтобы мог существовать сам прибавочный продукт *in natura*, принимающий при капитализме форму прибавочной ценности, то в существовании такого продукта можно было сомневаться разве по отношению к некоторым отраслям в период военного коммунизма.

Подведем теперь итоги по совокупности всех «за» и «против» и решим вопрос о том, какой термин правильной употреблять по отношению к тому избыточному фонду, который отлагается в государственном хозяйстве после удовлетворения потребительских нужд рабочих госпромышленности: прибавочная ли ценность или прибавочный продукт? Я лично считаю более правильным термин прибавочный продукт, поскольку дело идет о характеристике не только того, что есть, но и характеристике тенденции развития. Как мы видели, Маркс употреблял термин «прибавочная ценность» по отношению к таким отношениям эксплуатации, которые *еще* не включали всех элементов этого понятия в их классическом, чистом виде. Он антиципировал это название по отношению к производственным отношениям, которые только лишь развивались в направлении к капиталистическим формам эксплуатации рабочей силы. С тем же правом и мы антиципируем термин «прибавочный продукт» применительно к таким отношениям производства и распределения, которые имеют в себе элементы и категории прибавочной ценности и элементы прибавочного продукта коллективного расширенного воспроизводства, при нарастающем преобладании последних.

Так обстоит дело в государственном хозяйстве, которое имеет максимальный теоретический интерес для исследования как раз потому, что именно здесь происходит отмирание старых производственных отношений, вытеснение их новыми отношениями, а вследствие этого приходится изучать переплетение тех и других на данном этапе строительства социализма. Что же касается частной промышленности и всех других пунктов применения наемного труда в разных видах, то по отношению к этим областям нашей экономики остается в силе все то, что Маркс писал о наемном труде, о прибавочной ценности и т.д., с учетом, разумеется, тех изменений внешне принудительного характера, которые вносит существование в стране диктатуры пролетариата.

Заканчивая с категорией прибавочной ценности, я хочу еще подчеркнуть одно крайне важное обстоятельство. Закон первоначального социалистического накопления, поскольку он регулирует уровень заработной платы в государственном хозяйстве, таит в себе внутреннее противоречие. Как закон, в котором находят свое выражение все сознательные и стихийные тенденции к усилению темпа расширенного воспроизводства в коллективном государственном хозяйстве, он является тем самым законом развертывания социалистических производственных отношений вообще. Но, с другой стороны, как закон ограничения зарплаты в интересах социалистического накопления, он, по этой своей тенденции, ограничивает темп превращения заработной платы в потребительский рацион

работника социалистического хозяйства, потому что с тех пор, как орудия труда социализированы, как раз быстрый рост зарплаты приводит и к отрыву ее от стоимости рабочей силы и к материальным предпосылкам развертывания социалистической, пролетарской культуры. Это внутреннее противоречие закона целиком вытекает из его исторически переходного характера. Тенденция преодоления категории зарплаты, т.е. тенденция к усилению социалистического *качества* производственных отношений, вступает в противоречие с тенденцией количественного расширения территории государственного хозяйства и его производственных отношений в их *теперешнем* виде, т.е. производственных отношений на весьма низкой ступени их социалистического качества. Уже самый термин «первоначальное социалистическое накопление» отражает эту двойственную природу закона: прилагательное «социалистический» вступает в противоречие с существительным «накопление», к которому оно привязано не только грамматически, но и в реальном историческом процессе.

Перейдем теперь к другим категориям, анализ которых отнимет у нас гораздо меньше времени.

Категория прибыли в государственном хозяйстве

По отношению к этой категории вопрос стоит в некоторых отношениях значительно проще и прозрачней, чем по отношению к другим, за исключением только терминологии, которая одинаково никуда не годится. Ни термин «капитал», ни термин «накопление», ни термин «прибыль», ни, как мы видели, термин «прибавочная ценность», строго говоря, не годятся безоговорочно для характеристики отношений внутригосударственного хозяйства. Приходится либо употреблять их в условном смысле, либо делать к существительным прибавки в форме прилагательных: государственный капитал, социалистическое накопление, либо антиципировать тенденцию развития, как мы сделали с термином «прибавочная ценность», заменяя его термином «прибавочный продукт».

При господстве капиталистических отношений производства уравнивание нормы прибыли на равновеликие капиталы играет огромную роль в деле распределения производительных сил между различными отраслями производства. Спрашивается, какой же инструмент регулирования выполняет ту же самую функцию в государственном хозяйстве? Чем определяется норма прибыли для государственных трестов, во-первых, и какая система действует при размещении новых капиталов между отдельными отраслями государственного хозяйства, во-вторых? Чем замещено здесь действие закона уравнивания нормы прибыли и цен производства?

Несколько понятие «нормы прибыли» трансформировалось в государственном хозяйстве в новое отношение производства и распределения делается очевидным, когда мы сравним любой наш трест с соответствующей группой капиталистических предприятий в условиях полной или ограниченной свободы конкуренции. Допустим, вместо нашей Гомзы действует несколько капиталистических обществ, как общество Брянских, общество Сормовских заводов и т.д., а вместо текстильных трестов, возглавляемых в сфере обмена текстильным синдикатом, функционируют мануфактурные фирмы Морозовых, Корзинкиных и т.д. Капиталистические машиностроительные и текстильные предприятия не могут даже приблизительно знать, начиная свой хозяйственный год, ни того, сколько они произведут сверх имеющихся у них твердых заказов, ни цен сырья, ни сюрпризов, которые их ожидают на рынке труда, ни продажных цен их собственных изделий, а следовательно, не могут знать ожидающей их нормы прибыли. Огромная часть элементов «капиталистического плана» есть величина неизвестная. Новые конкуренты могут взбить цены на сырье, сбить продажные цены, рабочие – месяц бастовать и т.д. Поэтому баланс предприятия может принести после окончания операционного года боль-

шие неожиданности. В графе прибыли он может известить либо о том, что в данном году в данной отрасли вложено капитала больше, чем нужно, и это извещение найдет свое выражение в понижении норм прибыли, или же прокричит дефицитом; либо же, наоборот, резкий скачок нормы прибыли, благодаря росту рыночных цен на изделия предприятия и другим причинам, сообщит о недостаточном приложении капитала в данной отрасли. Стихия рынка, составными элементами которого и являются наши Морозовы, общества Сормовских заводов и т.д., благодаря действию закона ценности и в данном случае через инструмент стихийного распределения прибыли, будет способствовать установлению равновесия в распределении производительных сил, отмечая в графе прибыли отдельных отраслей и предприятий различные величины. Несмотря на различные пропорции постоянного и переменного капитала в различных отраслях капиталистического производства, равновесие будет достигнуто на основе закона цен производства, благодаря действию которого предприятия с более высоким органическим составом капитала и, соответственно, более низкой нормой прибавочной ценности получают, в конечном счете, вследствие выравнивания нормы прибыли, среднюю прибыль, как и предприятие с низким органическим составом капитала.

В государственном хозяйстве дело обстоит совсем иначе. Гомза знает свою производственную программу заранее, и знает ее именно потому, что свою программу знают и все ее заказчики. Текстильные тресты также знают свою программу, хотя колебаний при ее выполнении у них может быть больше потому, что и реализация мануфактуры идет не только внутри государственного круга и его рабочих и служащих. Но при сколько-нибудь верной статистике платежеспособного спроса города и деревни эта программа не может сильно разойтись с плановыми предположениями; при наличии же товарного года вся эта проблема отпадет, поскольку отпадает опасение за возможность реализовать всю продукцию. Все дело будет тогда заключаться в размерах основного и оборотного капитала, каковая величина вполне доступна плановому учету. Далее Гомзу не могут ждать сюрпризы со стороны цен на металл, потому что цены определяет само государство. Текстильные тресты не могут ждать сюрпризов ни со стороны цен на оборудование, изготовляемое внутри государственного круга, ни со стороны двух третей количества хлопка внутреннего производства, льна и пеньки, цены на которые диктует не столько рынок, сколько плановые органы государства, ни со стороны зарплаты, уровень которой плановым образом определяется на основании ресурсов государственного хозяйства в данном году и закрепляется коллективными договорами. В результате такого усиления планового начала во всем государственном хозяйстве, а также и на внутреннем рынке промышленного сырья, изменяется и само существо прибыли, и инструмента выравнивания нормы прибыли. Если частные предприниматели могут лишь гадать на основе разных косвенных признаков, каков будет у них баланс, — баланс советских трестов на $\frac{4}{5}$ уже составляется *перед* началом хозяйственного года в форме производственных программ, где нормируются и отпускные цены трестов на их продукцию. Эта нормировка приводит к тому, что и цены, и, соответственно, норма прибыли теряют свой регулирующий характер для распределения производительных сил, поскольку это распределение достигается не обходным, косвенным, стихийным путем, а прямо предусматривается общехозяйственным планом данного года. Это уже не норма прибыли в капиталистическом смысле этого слова, которая в дальнейшем распадается, кроме того, на капитализируемую и потребляемую капиталистами часть, что также сильно осложняет достижение равновесия в системе воспроизводства, а это — норма социалистического накопления для каждой данной отрасли производства. Соответствующая норма дана уже в элементах производственной программы, и прежде всего в уровне отпускных цен. В результате социализации промышленности и развития планового начала в государственном хозяйстве, прежде всего планового начала в сфере социалистического накопления, категория

прибыли не только исчезает, как распределительное отношение буржуазного общества вместе с ликвидацией класса капиталистов, но и радикально трансформируется и как вырастающий на основе действия закона ценности регулятор распределения производительных сил между отдельными отраслями коллективного государственного хозяйства.

Рассмотрим теперь другую сторону вопроса: метод размещения в производстве новых капиталов, или, лучше сказать, поскольку дело идет о государственном хозяйстве, новых средств, новых элементов производства.

В капиталистическом обществе та часть прибавочной ценности производительного назначения, которая не может быть просто присоединена к капиталу функционирующих предприятий, размещается между различными сферами производства в форме акционирования. Для этого создаются при содействии банков или банками акционерные общества, которые выпускают акции, размещая их среди торговых, промышленных или иных предприятий, имеющих свободные капиталы, или среди отдельных лиц. Форма акционирования является чисто стихийной формой соединения и производственного размещения новых капиталов и с этой стороны отвечает всей структуре капиталистического общества. Изменений, которые вносятся в практику акционирования производственными отношениями монополистического капитализма, мы не будем здесь рассматривать. Как же решается та же проблема в советском хозяйстве?

Как известно, мы имеем уже довольно много акционерных обществ чисто государственных, в первую голову, и небольшое число смешанных и частных. Казалось бы, что мы идем в деле распределения и вложения новых производительных средств по стопам капитализма.

Однако такое утверждение было бы восприятием внешней формы вместо существа дела. Не говоря уже о том, что через систему акционирования у нас проходит очень небольшая часть нового капитала, сама структура и метод работы акционерных обществ с государственным капиталом почти ничем не отличаются от деятельности любого треста, а метод собирания капитала есть метод подписки государственных учреждений для государственного или коммунального (что одно и то же) предприятия или группы предприятий. Нечто новое возникает лишь там, где акционируются и государственный, и частный капиталы.

Основной формой распределения новых капиталов, не присоединяемых к капиталу функционирующих предприятий, за исключением одного лишь и, надо думать, недолговечного акционерного общества нового промышленного строительства, является наша банковская система: Государственный банк, Промбанк и другие банковские институты, а отчасти распределение средств на промышленность через государственный бюджет. Это распределение не может не быть плановым, потому что совершенно бессмысленно думать, что процесс расширенного воспроизводства государственной промышленности и транспорта, все новое строительство и т.д. будет идти плановым образом в сфере *выполнения производственных программ* и может быть неплановым, может опираться на процесс какой-то самостоятельности и стихии внутри государственного хозяйства, поскольку дело идет *о собирании ресурсов* для расширенного воспроизводства. Однако надо все же заметить здесь мимоходом, что наше государственное хозяйство еще не нашло вполне удовлетворительных организационных форм для обслуживания процесса расширенного воспроизводства с рассматриваемой стороны, таких форм, которые ему имманентно присущи и в то же время соответствуют данной стадии первоначального социалистического накопления.

Наконец необходимо отметить еще и тот весьма важный факт, что наше государственное хозяйство пока еще довольно стихийно развивается по линии действия закона первоначального социалистического накопления в том отношении, что балансовый итог накопления каждого года, вытекающий из данного уровня развития производительных

сил в нем и во всем хозяйстве в целом, из размеров платежеспособного спроса частного хозяйства и из необходимых размеров нового строительства, не определяется заранее и не проводится сознательно, планомерно через всю систему плановых цен, что общий уровень, так сказать, цен производства государственного хозяйства как единого треста, нащупывается скорее стихийно, больше путем арифметического сложения, чем путем распределения общей цифры необходимого накопления на соответствующие сферы производства. Существующая структура нашего государственного хозяйства оказывается часто прогрессивней своей системы хозяйственного руководства.

Вопрос о трансформации закона цен производства в условиях советской экономики более подробно будет рассмотрен во втором томе. Здесь мы ограничимся лишь общетеоретическими замечаниями на эту тему. Закон уравнивания норм прибыли при капитализме обеспечивает необходимые пропорции в распределении труда между различными отраслями производства, несмотря на разный органический состав капитала, а значит, несмотря на разное количество прибавочной ценности, приходящейся на каждую единицу затраченного в производстве капитала. Эта нивелировка нормы прибыли, с одной стороны, гарантирует всем группам капиталистов приблизительно одинаковый уровень фонда потребления, а с другой стороны, гарантирует им такой же уровень накопления. Без действия закона цен производство, воспроизводство на отдельных участках капиталистической экономики было бы невозможно. Весь процесс регулирования происходит на основе конкуренции. В чем разница здесь с положением в нашем государственном хозяйстве?

Во-первых, прибыль госпредприятий не распадается на фонд потребления капиталистов и фонд накопления. Мы имеем только фонд накопления, отчасти срезаемый Наркомфином или вследствие технических преимуществ распределения известной его части через госбюджет, или же иногда вследствие просто недостаточного понимания нами природы хозяйства, которым мы управляем, и его законов.

Во-вторых, весь фонд накопления составляется не путем сложения всех масс прибавочной ценности, полученных на основе стихийной борьбы между рабочими и капиталистами за размеры m и v и потом распределенных между капиталистическими предприятиями на основе закона уравнивания норм прибыли, а наоборот. Необходимый фонд накопления мы стремимся определить заранее, на основе производственного плана, затем выясняем, какая его часть может быть покрыта бюджетным путем и какая на основе политики цен. Фонд накопления на основе политики цен устанавливается по отношению ко всему государственному хозяйству в целом, и задача отдельных трестов состоит в том, чтобы заполнить этот фонд своими прибылями, которые при такой системе, как правило, не будут равными и будут тем менее равными, чем удачней будет маневрировать на рынке государственное хозяйство. В результате вместо закона цен производства мы имеем в нашем хозяйстве политику цен, диктуемую задачей получения на каждый год определенного фонда накопления для всего государственного хозяйства как целого. Уровень цен отдельных трестов и размеры прибыли этих трестов приспособляются к этой основной задаче. Во всяком случае, такова тенденция, еще недостаточно осознанная и не всегда получавшая ясное выражение в нашей политике цен. Часто даже совсем наоборот, политика цен отступала от этой линии в ущерб задаче расширенного воспроизводства.

Категория ренты

Относительно категории ренты в советской системе, при существующей у нас национализации земли и при весьма незначительных размерах чисто капиталистической аренды, допускается очень много путаницы. С серьезным видом часто обсуждался и обсуждается

вопрос, абсолютную или дифференциальную ренту (в Марксовом понимании этих категорий) платит крестьянство государству в форме продналога, или теперь единого налога, какую ренту платит государственное предприятие местному Совету, на территории которого оно находится, и т.д. Вся эта путаница происходит оттого, что категории развитого капиталистического общества некритически и ученически переносятся на отношения, где, с одной стороны, господствует государственное хозяйство со специфическими производственными отношениями переходного периода к социализму, а с другой стороны, простое товарное производство с очень слабой прослойкой капитализма как раз в сфере *производства*. Между тем рента, в Марксовом понимании этого термина, есть категория развитого капиталистического способа производства, захватившего сферу земледелия. Иными словами, Маркс анализирует в своей теории ренты производственные и распределительные отношения чистого капитализма, когда вся земля обрабатывается капиталистическими арендаторами, в то время как право собственности на нее принадлежит другому классу, классу земледельцев. Предвидя путаницу, которая может произойти с его пониманием капиталистической ренты, и борясь с той путаницей, которую создали еще до него различные экономисты в этом вопросе, Маркс неоднократно подчеркивал разницу между капиталистической земельной рентой и теми различными формами ренты, которые существовали в докапиталистический период, носили совсем другой характер и не имеют ничего общего с капиталистической земельной рентой, кроме лишь права частной собственности на землю как источника присвоения известной доли национального дохода страны. Приведем здесь пару цитат из Маркса, необходимых нам для дальнейшего изложения. В третьем томе «Капитала» Маркс на интересующую нас тему писал: «Какова бы ни была специфическая форма ренты, всем ее типам обще то обстоятельство, что присвоение ренты есть экономическая форма реализации земельной собственности и что земельная рента, в свою очередь, предполагает земельную собственность, собственность определенных индивидуумов на определенные участки земли, будет ли собственником лицо, являющееся представителем общины, как в Азии, Египте и т.д., или земельная собственность будет лишь следствием собственности определенных лиц на личность непосредственных производителей, как при системе рабства или крепостничества, или же земельная собственность будет чисто частной собственностью производителей на природу, простым титулом собственности на землю, или, наконец, это будет такое отношение к земле, которое, по-видимому, непосредственно предполагается присвоением и производством продуктов на определенных участках земли непосредственными производителями, труд которых изолирован и социально не развит, как в случаях с колонистами и мелкокрестьянскими землевладельцами.

Это *общее* для различных форм ренты – то обстоятельство, что она вообще представляет экономическую реализацию земельной собственности, юридической фикции, в силу которой различным индивидуумам принадлежит исключительное владение определенными частями земли, – это общее ведет к тому, что различия форм не замечаются»²¹.

Продолжая дальше развивать ту же мысль насчет смещения различных форм ренты, Маркс в другой главе того же тома «Капитала» писал: «Итак, при анализе ренты вся трудность заключалась в том, чтобы объяснить излишек земледельческой прибыли над средней прибылью, объяснить не прибавочную стоимость, а свойственную этой сфере производства избыточную прибавочную стоимость, следовательно, опять-таки не «чистый продукт», а излишек этого чистого продукта над чистым продуктом других отраслей промышленности. Сама средняя прибыль есть результат, образование процесса социальной жизни, протекающего при вполне определенных исторических отношениях производства, продукт, предполагавший, как мы видели, очень сложные посредствующие звенья. Для того чтобы вообще можно было говорить об избытке над средней при-

былью, необходимо, чтобы вообще сложилась сама эта средняя прибыль в качестве масштаба и, – как при капиталистическом способе производства, – в качестве регулятора производства. Следовательно, при таких общественных формах, где еще нет капитала, который выполняет ту функцию, что выжимает весь прибавочный труд и присваивает в первую очередь себе всю прибавочную стоимость, следовательно, где капитал еще не подчинил себе общественного труда или подчинил его лишь местами, вообще не может быть речи о ренте в современном значении слова, о ренте как излишке над средней прибылью, т.е. над пропорциональной долей всякого индивидуального капитала в прибавочной стоимости, произведенной всем общественным капиталом»²².

Из приведенных мест Маркса, как и из всего его изложения теории ренты, вытекает с полной очевидностью, что категория капиталистической земельной ренты очень мало применима для понимания советских отношений. Ниже мы объясним, что мы имеем в виду, когда говорим «очень мало», а пока посмотрим, почему неправильно говорить о ренте в Марксовом смысле по отношению к нашему сельскому хозяйству, а также в большинстве случаев по отношению к рентному обложению в городах.

Начнем с понятия абсолютной ренты. Источником абсолютной ренты является та часть прибавочной ценности, создаваемой наемными рабочими в капиталистическом земледелии, которая по своему происхождению связана с более низким органическим составом земледельческого капитала и не участвует в процессе выравнивания нормы прибыли во всем капиталистическом производстве. Эта часть прибавочной ценности, как выражается Маркс, «улавливается» собственниками земельных участков, причем капиталистическим арендаторам остается лишь обычная средняя прибыль на вложенный в обработку земли капитал. Совершенно очевидно, что даже независимо от факта национализации земли абсолютной ренты не может существовать там, где нет капиталистического земледелия, потому что в этом случае нет тех производственно-распределительных отношений, при которых вообще может существовать абсолютная земельная рента. С этой точки зрения, а также и для правильного понимания категории дифференциальной ренты очень важно следующее из предварительных замечаний Маркса к анализу земельной ренты: «Итак, мы исходим из того предположения, что земледелие точно так же, как мануфактура, подчинено капиталистическим способам производства, т.е. что сельское хозяйство ведется капиталистами, которые отличаются от других капиталистов, в первую очередь, только тем элементом, к которому прилагается их капитал и приводимый в движение этим капиталом наемный труд. С нашей точки зрения, фермер производит пшеницу и т.д. точно так же, как фабрикант – пряжу или машины. Предположение, что капиталистический способ производства овладел сельским хозяйством, подразумевает, что он господствует во всех сферах производства буржуазного общества, следовательно, что имеются в наличии и вполне развитые его условия, каковы: свободная конкуренция капиталов, возможность переносить их из одной сферы производства в другую, одинаковый уровень средней «прибыли и т.д.»²³.

Совершенно очевидно, что у нас почти нет тех предпосылок, о которых говорил Маркс, в том числе и той, чтобы капиталистический способ производства господствовал «во всех сферах производства». Это место Маркса целиком применимо также и к категории дифференциальной ренты, которую Маркс всегда понимает как капиталистическую земельную ренту. Если источником абсолютной ренты является добавочная прибавочная ценность капиталистического земледелия, то источником дифференциальной ренты, как всякой добавочной прибыли в промышленности, является общий фонд прибавочной ценности всего капиталистического общества в целом, *распределение же ее, титулы на нее зависят от частной собственности на землю различного плодородия*. Это значит, что дифференциальная рента вырастает не из земли, о чем Маркс повторяет постоянно, а из общего источника всякой прибавочной ценности. Из

земли вырастает лишь право на ее известную часть для собственника того или иного участка разного плодородия.

Большим соблазном для применения понятия дифференциальной ренты к господствующей форме земледельческого производства при советской системе служит факт различного плодородия земельных участков и различного расстояния обрабатываемой земли от рынков сбыта продуктов земледелия. Но ведь это различие, поскольку оно связано с различием природных и географических условий, *не зависит от системы производства и распределения*, а понятие капиталистической земельной ренты как раз связано с *исторически определенной, специфической системой производства*. Забывать об этом – значит делать ту самую ошибку натурализации, овеществления производственных отношений советской системы хозяйства и вульгаризации марксизма, о которых я говорил в начале настоящей главы. Если финансовые агенты Наркомфина принимают во внимание разницу в доходности отдельных крестьянских хозяйств, которая связана и с разницей в плодородии почвы, то дифференциальность в обложении, допустим, двух середняцких хозяйств, одинаковых во всех остальных отношениях, кроме доходности, отнюдь не является способом «улавливания» дифференциальной ренты в Марксовом понимании этой категории. Если бы мы мотивировали именно таким образом необходимость налогового обложения деревни и необходимость различных налоговых ставок для различных групп крестьянства, то любой хорошо грамотный экономически и знающий Маркса крестьянин мог бы разнести нас в пух и прах и был бы прав. Чтобы мотивировать необходимость обложения деревни и дифференциальности в этом обложении, нам, за исключением области капиталистического или полукапиталистического земледелия, совсем не требуется трогать учение Маркса о капиталистической земельной ренте. Полезней перечитать его предупреждение насчет возможного ошибочного понимания и толкования его теории. К вопросу же о том, что мы облагаем в форме единого с.-х. налога, я скоро вернусь.

Итак, о капиталистической земельной ренте в Марксовом смысле мы можем говорить лишь в меру развития капиталистических методов обработки земли и капиталистической аренды земельных участков для других целей, т.е. отнюдь не о *господствующей* системе производительных отношений в земледелии в СССР.

Посмотрим ближе, как обстоит дело у нас в этой области. Капиталистическим типом земельной аренды являются у нас чистые земельные концессии, как, например, известная крупновская концессия на Украине. Рабочие концессионера создают прибавочную ценность, концессионер может улавливать здесь как ту ее часть, которую условно мы можем считать источником абсолютной ренты, так и ту, которую условно можно считать рентой дифференциальной. Отсюда и прямое право, и экономическая возможность для государства в форме налогов и долевого отчисления уловить в свою очередь продукт концессионного улова. То же относится и к чистым лесным концессиям. В случаях со смешанными земледельческими и лесными концессиями перед нами будет государственно-капиталистический²⁴ тип ренты. О капиталистической ренте можно говорить также при рентном обложении земель, находящихся под частными фабриками и заводами, земель, арендуемых частным землевладением, и т.д. Сюда же нужно отнести ренту с государственных земель, сдаваемых в обработку крупнокрестьянским хозяйствам, применяющим наемный труд. Наконец, еще предстоит (и с этим мы сильно запоздали) ввести рентное обложение всех кулацких хозяйств, применяющих наемный труд и на надельной земле. Это, правда, не совсем те фермеры-капиталисты, о которых говорит Маркс, но, по существу, несмотря на весьма низкий экономический уровень кулацкого хозяйства, с точки зрения капиталистической формы обработки земли, в основном и по тенденциям развития мы имеем здесь дело с группой, которая может быть и должна быть подвергнута специальному рентному обложе-

нию, одновременно ли или отдельно от общеподоходного обложения – безразлично. Если государство не облагает права на обработку общественной земли со стороны крестьян, не эксплуатирующих чужого труда, то по отношению к эксплуатирующим такой труд такое обложение может быть применено.

Во всех перечисленных нами случаях мы имеем основания говорить о капиталистической земельной ренте с точки зрения ее происхождения из неоплаченного труда рабочих. Но оригинальность наших отношений распределения в рассматриваемой области состоит в том, что субъектом, взимающим ренту, является не частный собственник земли, не капиталистическое государство, а государство социалистическое. Средства от рентного обложения поступают в его госбюджет и косвенно в фонд социалистического накопления. В данном случае рента является капиталистической по источнику происхождения и социалистической по назначению. А это значит, что мы имеем здесь дело с совершенно особенным отношением распределения, возникающим лишь после социалистической революции и в таком его виде совершенно не исследованным у Маркса, который дал нам только анализ классических отношений абстрактного, чистого капитализма.

Что же касается земельного обложения, которому подвергаются со стороны государства или его местных органов государственные же предприятия, то было бы смехотворно говорить здесь о капиталистической ренте с застроенных участков в смысле Маркса. Как нельзя говорить о «прибыли» Гомзы в Марксовом смысле слова, так еще менее можно говорить в данном случае о ренте, хотя бы в обиходе этот термин и не считали нужным изгонять за неимением другого. Здесь перед нами не рента, а лишь одна из тех форм распределения государственных средств внутри государственного же круга, которая имеет лишь внешнюю видимость отношений капиталистического общества, которая копирует лишь форму и термин, а на самом деле является одним из видов искажения общепланового распределения. Если переставить соответствующие графы в местном и государственном бюджете, а также в балансах облагаемых государственных предприятий, то вся рента, без малейших изменений в сфере производства, а также распределения *между классами* (а не между ведомствами одного и того же класса), исчезнет как дым.

В заключение нам остается остановиться лишь на налоговом обложении некапиталистического земледелия. После всего сказанного выше совершенно очевидно, что прямое налоговое обложение крестьянства, не эксплуатирующего наемного труда, и обложение доходов кулачества *в той их части, в какой они создают личным трудом кулаков*, есть не земельная рента в Марксовом смысле слова, а отчуждение в пользу государства части прибавочного продукта мелкого производства. Это обложение ничем принципиально не отличается, например, от обложения ремесла и кустарной промышленности. Это обложение экономически возможно постольку, поскольку существует такой прибавочный продукт. А этот продукт увеличивается по мере развития производительных сил в крестьянском хозяйстве. От такого обложения, согласно нашей налоговой практике, освобождаются, и вполне правильно освобождаются, бедняцкие и маломощные крестьянские хозяйства, не создающие, как правило, прибавочного продукта. Это обложение экономически не только возможно, но необходимо и целесообразно, поскольку расходы по общему бюджету государства должны покрываться и крестьянами и рабочими. Оно необходимо и потому, что расширенное воспроизводство в промышленности, его достаточно быстрый темп, развитие ж.-д. сети, каналов, электрификации и т.д. чрезвычайно необходимы также и для крестьянского хозяйства, которое без поддержки быстро развивающейся промышленности не может развивать производительных сил, оставаясь мелким производством, и тем более не сможет подняться на более высокую ступень производственного кооперирования. Октябрьская революция, социализация

промышленности и транспорта имеют свою логику. Если мы идем по пути ограничения и ликвидации действия закона ценности, то, если этот закон не замещается с необходимой быстротой действием закона социалистического накопления с неизбежным при этом определенным уровнем отчуждения прибавочного продукта деревни, нормальное хозяйственное развитие страны, достижение необходимой пропорциональности в экономике страны будут невозможны.

Производственные отношения в советском земледелии являются крайне сложными. Достаточно указать хотя бы на те крайне своеобразные отношения эксплуатации примитивного характера, связанные с неразвитостью чисто капиталистических отношений, описанию которых посвящена недавно вышедшая книжка т. Крицмана²⁵. То что мы сказали о ренте, ни в малой мере не исчерпывает анализа всех видов капиталистических отношений в советской деревне. Мы ничего не сказали также и о той «ренте», которую получает беспосевный крестьянин за сдаваемую им в аренду кулаку землю, реализуя, продавая тем свое право на землю, гарантированное ему советской конституцией. Мы не рассмотрели также и тех своеобразных форм «найма», на которых останавливается в своей книге т. Крицман, когда формальный наниматель является эксплуатируемым, а «нанимающийся» – эксплуататором. Эти и другие отношения эксплуатации, например, ростовщической эксплуатации, многие стороны производственных отношений, связанные с аграрным перенаселением в условиях недостатка орудий производства, восстанавливающие отхожие промыслы, переплет домашнего промышленного производства с земледелием – все это, отчасти в связи с проблемой ренты, мы намерены разобрать не в теоретической части работы, а в специальном томе, посвященном конкретному анализу нашей промышленности и земледелия.

Точно так же и в последнем параграфе настоящей главы, посвященном проценту и кредитной системе, мы не будем выходить из пределов лишь самого общего теоретического анализа, оставляя до следующего тома более конкретное изучение фактического материала.

Процент, кредитная система

Теоретический анализ категории процента в советском хозяйстве не представляет больших трудностей, потому что соответствующие отношения в той их части, где дело идет о проценте в собственном смысле, лишь воспроизводят старые, давно знакомые и в совершенстве изученные политической экономией явления, безразлично, идет ли дело о торговле деньгами как, в дальнейшем, элементе производительного или торгового капитала, или о ростовщическом проценте в области крестьянского хозяйства. Что же касается процента лишь по названию, процента как одной из тех имитаций капиталистической формы, которыми мы уже занимались в отношении некоторых других категорий, то здесь для анализа остается мало места потому, что фиктивность данной категории слишком бьет в глаза. За жалким занавесом капиталистической формы и буржуазной терминологии и фразеологии (которой, впрочем, иные «специалисты» предаются с самым серьезным и важным видом) тело сущности выпирает всей своей наготой. Сложней обстоит дело лишь с кредитной системой и тенденциями ее развития и трансформации.

Роль ростовщического процента в нашем мелком производстве, прежде всего в крестьянском хозяйстве, была огромна до войны и революции, она очень велика и все увеличивается и в настоящее время. Ростовщичество, как паразитический нарост на мелком производстве, имеет многовековую историю и изучено достаточно. Исторически оно играло двоякую роль: либо подготавливая материальные элементы обобществления труда мелких производителей, из которых высасывало и прибавочный продукт, и часть

минимума средств существования, либо только высасывало соки, истощало и разоряло мелкое производство, не влияя на его переход к более высокому типу организации труда. В нашей деревне ростовщичество играло и играет теперь в подавляющем большинстве случаев именно вторую роль. Мы не будем здесь останавливаться на некоторых специфических особенностях именно нашего ростовщичества и отложим исследование вопроса до конкретного анализа всей экономики советского земледелия.

Что касается капиталистического процента, то Маркс, как известно, определял его следующим образом: «Процент... является первоначально, есть первоначально и остается в действительности не чем иным, как частью прибыли, т.е. прибавочной стоимости, которую функционирующий капиталист, промышленник или купец, поскольку он применяет не собственный, а взятый в ссуду капитал, должен выплатить собственнику и доверителю этого капитала. Если капиталист прилагает только собственный капитал, то такого деления прибыли не происходит: эта последняя всецело принадлежит ему»²⁶.

Спрашивается, какова же та область в советском хозяйстве, к которой приложимо это определение Маркса?

Областью процента в капиталистическом смысле являются отношения купли и продажи денежного капитала на легальном и нелегальном частном денежном рынке Союза. Это, во-первых, частные кредитные институты как общества взаимного кредита, а больше всего и главным образом – нелегальный рынок ссудного капитала с его специфическим правом, очень высоким процентом, часто юридической неуловимостью совершаемых сделок и т.д. Особенности частного денежного рынка в СССР связаны не с иной природой процента, поскольку дело идет об области, где отношения государственного хозяйства не переплетаются с частным, а с тем фактом, что частный капитал в СССР в весьма небольшой части является капиталом промышленным. Он фигурирует преимущественно в форме капитала торгового и ссудного, причем относительно роль ссудного капитала увеличивается, поскольку в связи с развитием сети и оборотов государственного и кооперативного капитала суживается сфера приложения частного капитала в торговле. В промышленность же он идти избегает вследствие ряда причин, связанных с социализацией крупной и средней промышленности, налоговой политикой, законодательством об охране труда, недавно еще существовавшими ограничениями в праве наследования, более медленным темпом оборота и накопления капитала в промышленности и, наконец, с опасением частного капитала перевести подвижный денежный капитал в затвердевшую форму промышленных средств производства, в каком виде частный капитал поддается гораздо большему и лучшему контролю и учету со стороны классово-враждебного для него государства. Это естественное сужение сферы приложения частного капитала держит отношения частного кредита в капиталистически недоразвитом виде, что, в частности, отражается на ростовщически высоком уровне процента.

Несколько иное положение с теоретической точки зрения нужно констатировать в той области кредитных отношений, когда частный капитал пользуется кредитом государственного банка и других аналогичных государственных же институтов. Здесь перед нами категория процента отражает специфическую особенность нашего хозяйства как сферу сожителства и переплета капиталистических, государственно-капиталистических и социалистических отношений переходного типа. Размеры легального²⁷ использования денежного государственного кредита частным капиталом крайне незначительны; нелегальное использование государственных средств, вероятно, больше. Но этот вид кредита, несмотря на его крайне скромные размеры на практике, представляет известный теоретический интерес. Сущность и своеобразие этого процента состоят в том, что здесь прибавочная ценность из частнокапиталистического круга перекачивается в фонд первоначального социалистического накопления. С организационной стороны мы имеем здесь дело с таким переплетом двух типов производственных отношений, к которым

больше всего может относиться условный ленинский термин государственного капитализма. С точки зрения распределения государство здесь участвует в дележе прибавочной ценности, которая нередко представляет из себя с материальной стороны ту часть прибавочного продукта самого же государственного хозяйства, которая в разных видах и разными путями, прежде же всего через частноторговый аппарат, «улавливается» частным капиталом из фонда социалистического накопления.

Как раз обратный характер носит тот процент, который государство уплачивает по своим внутренним (и внешним) займам, поскольку подписчиками на них выступают частные торговцы, промышленники и мелкая буржуазия, т.е. прежде всего крестьянство. В данном случае процент представляет из себя тот вычет из прибавочного продукта государственного хозяйства, который делает государство, чтобы получить на основе кредита добавочные средства для расширенного воспроизводства из частного хозяйства. Государство выступает как заемщик, частное хозяйство как кредитор, эксплуатирующий в свою пользу часть прибавочного продукта, создаваемого рабочими государственного хозяйства. Когда заем делается для пополнения ресурсов казначейств и идет на общегосударственные нужды, процент платят не только рабочие из прибавочного продукта государственного хозяйства, но и крестьяне, как плательщики налогов. Если заем полностью или отчасти покрывается крестьянством и, соответственно, полностью или отчасти идет на поднятие крестьянского хозяйства, перед нами будет случай перераспределения через государство ресурсов частного хозяйства для частного же хозяйства, т.е. случай кредита, если можно так выразиться, нейтрального с точки зрения непосредственного влияния на социалистическое накопление. Этот вид кредита может получить в дальнейшем большое распространение в СССР, как преимущественно пока аграрной страны.

Что же касается той части внутренних займов, которая покрывается рабочими и служащими государственного хозяйства, а также что касается соответствующей части процентов, которые им выплачивает государство, то это отношение распределения не имеет с принципиально теоретической точки зрения ничего общего с предыдущим. Рабочие и служащие откладывают часть заработной платы и отдают ее в фонд социалистического накопления и получают за это не процент, а нечто вроде премии за сокращение личного потребления, сокращение, которое одновременно означает увеличение возможностей расширенного воспроизводства внутри круга государственного хозяйства и его работников. Перед нами здесь, в сущности, *внутреннее* перераспределение ресурсов, перераспределение между фондом потребления и фондом воспроизводства внутри единого государственного круга. Как и внутрикрестьянское распределение через государственный аппарат, это внутреннее перераспределение в социалистическом кругу может сыграть очень большую роль в будущем, по мере роста заработной платы. Однако эту систему внутреннего кредита вместе с премией за экономию никак нельзя подводить безоговорочно под категорию процента в обычном смысле этого слова.

Наконец, в подписке на внутренние государственные займы, в частности особенно на заем хозяйственного восстановления, участвуют негосударственные же предприятия. Говорить здесь о проценте в смысле политической экономии так же бессмысленно, как бессмысленно говорить о ренте в Марксовом значении термина по отношению той аренды за землю, которую платят государственные предприятия местным Советам. Перед нами здесь просто перераспределение внутри государственного круга новых свободных государственных же ресурсов. Это не больше как имитация *формы* капиталистических отношений, которая прекратится тогда, когда государственное хозяйство на опыте отыщет и организационно оформит новые методы планового распределения новых ресурсов, методы, которые будут наиболее соответствовать всей его внутренней структуре.

Точно так же нелепо говорить о проценте в капиталистическом смысле как раз в наиболее обширной сфере применения этой «категории» в советской системе, т.е. в сфе-

ре кредитования государственной промышленности, транспорта и государственной торговли в государственных же кредитных учреждениях. Это наиболее обширная сфера переодевания производственно-распределительных отношений государственного хозяйства в одежды капиталистической категории процента.

Допустим, государство имеет определенное количество ресурсов, которое оно может употребить на увеличение основного и оборотного капитала своих трестов. Допустим, какой-либо трест, нуждающийся в этих средствах, получает соответственный кредит в Государственном банке или Промбанке. Он платит «процент» за ссуженный ему капитал. Из какого источника он платит этот процент? Из своего прибавочного продукта. Кому принадлежит этот прибавочный продукт? Тому же социалистическому государству. Куда идут все суммы, полученные от процентирования ссуженного капитала государственными трестами? Тому же государству. Совершенно очевидно, что здесь перед нами совсем другое отношение в сравнении с капитализмом, когда один слой капиталистического класса, а именно предприниматели, работающие не на собственный, а заемный капитал, уступают часть своей прибавочной ценности собственникам ссуженного капитала в форме процента, размеры которого к тому же определяются наряду с другими причинами на основе стихийной игры спроса и предложения на ссудный капитал. Наоборот, наше социалистическое государство, если уже в рассматриваемой области делать соответствующие сравнения с капиталистическими отношениями, находится в положении предпринимателя, который работает на свой собственный капитал и сам себе процента не платит, хотя и может для очистки бухгалтерской совести выводить сам себе по книгам процент. Если бы, допустим, мы ввели в нашей практике формально другой порядок кредитования государственной промышленности, т.е. по определенному плану распределяли бы кредитные ресурсы из одного центра и его отделений и в нем и его отделениях концентрировали весь свой теперешний фонд кредитования и весь ежегодно создаваемый новый прибавочный продукт от всех без исключения государственных предприятий, то процент благополучно исчез бы без изменения существа производственных отношений внутри государственного круга. По существу же, и теперь, при довольно неорганизованном распределении кредитов, принимаются во внимание нужды всех отраслей, их собственный прибавочный продукт, присоединяемый к уже функционирующему капиталу, необходимое новое строительство и т.д. Я не знаю, в какой степени существующая система кредитования, отражающая часто соотношение сил между ведомствами, целесообразна. Но и в своем несовершенном виде, при ненужной, быть может, копировке капиталистических банковских форм, во всем, что касается внутригосударственных отношений, по сути дела, она представляет из себя разновидность планового распределения ресурсов государственного хозяйства.

После всего вышеизложенного мне остается уже сказать совсем немного о нашей кредитной организации с точки зрения ее роли во всей системе товарно-социалистических отношений производства и распределения, тем более что о роли кредитной организации государства в области первоначального социалистического накопления было уже достаточно сказано в главе о социалистическом накоплении.

Как известно, Маркс, с одной стороны, указывал на важную роль, которую может сыграть кредитная система буржуазного общества в деле *перехода* к новому способу производства, а с другой стороны, он же предостерегал и от переоценки значения той системы учета и контроля, до которой возвышается капиталистическое общество благодаря кредитной организации²⁸, когда уже дело идет о социалистическом производстве.

Разумеется, совершенно не случайно мы восприняли в нашей системе не только в области переплета государственного хозяйства с частным, но и в области распределения ресурсов внутри государственного круга методы и формы кредитной организации капитализма. Однако совершенно очевидно, что если внутри круга государственных отношений

формы кредитования целиком заполнены новым содержанием, то это вытекает как раз из исторически более высокого типа государственного хозяйства, как хозяйства коллективного, во-первых, и планового, во-вторых. Плановость, учет и контроль, органически вытекающие из социализации орудий производства на важнейших участках советского хозяйства, являются по самому своему существу *более высоким типом плановости и учета в сравнении с теми, до которых может подняться самая совершенная и самая централизованная капиталистическая кредитная система*. Этим объясняется тот совершенно очевидный теперь факт, что нарастание элементов плановости и организованности в нашем хозяйстве за последние годы, если можно так выразиться, совершенно вышелушили все прогрессивное содержание, которое может заключаться в банковской системе капитализма, и государственное хозяйство должно было пойти дальше тех сравнительно ограниченных возможностей, которые вообще в состоянии дать этот институт для сферы именно головного участка нашей экономики, т.е. для коллективного хозяйства пролетариата.

Другое дело сфера взаимоотношений государственного хозяйства с частным. Если при военном коммунизме обреченность системы разверстки и «планового» снабжения деревни продуктами промышленности (по принципу: кто больше дал государству излишков, тот меньше или ничего не получает от государства) заключалась в том, что мы вынуждены были в военной обстановке навязывать подобие социалистического *распределения* крестьянскому хозяйству, которое продолжало оставаться мелкобуржуазным в сфере *производства*, то при теперешней товарно-социалистической системе хозяйства государственное хозяйство, наоборот, само вынуждено приспособлять свою систему обмена (внутри – формально, вне – по существу) к системе обмена частного хозяйства, которая может быть лишь системой товарно-денежного распределения. А в этой сфере кредитная система должна играть *огромную прогрессивную роль*, потому что банковая система капитализма представляет из себя исторически гораздо более высокий тип организации контроля, учета и распределения производительных сил, чем почти средневековой, неорганизованный рынок простого товарного производства, до которого только и может подняться «без посторонней помощи» простое товарное производство в сфере стихийного регулирования хозяйства. Когда Ленин много раз настойчиво подчеркивал прогрессивность государственно-капиталистических отношений производства и обмена, в сравнении с отношениями простого товарного производства, господствующими в крестьянском хозяйстве, он всегда имел в виду и эту сторону взаимоотношений государственного хозяйства с частным, и тем самым и соответствующие взаимоотношения и по линии кредита. Эта «подтягивающая» роль нашей кредитной системы сказывается, и еще больше должна сказываться, и в области кредитования крестьянской кооперации разных видов, в том числе и кредитной, и в товарном кредите, и в мелиоративном кредите, и в системе внутренних займов, размещаемых в деревне, и в авансировании производителей (теперь пока лишь льноводов, производителей хлопка, табаководов, маслоделов, а в дальнейшем, несомненно, и производителей товарного хлеба и пр.).

В заключение надо сказать, что если деньги являются такой категорией товарного хозяйства, где достигает своего апогея овеществление производственных отношений между людьми, то в советском хозяйстве можно констатировать и здесь известный прогресс, прежде всего в уменьшении элемента овеществления и в достижении большей прозрачности в производственных отношениях. Больше всего это достигается во взаимоотношениях внутри государственного круга, где денежные отношения приобретают главным образом калькуляционно-счетный характер по отношению к средствам производства и средствам потребления, отмирая в своей роли одного из инструментов достижения стихийного равновесия в производстве.

Однако денежный фетишизм, изгоняемый понемногу из сферы государственного хозяйства, продолжает еще господствовать в частном и на территории связи государственного хозяйства с частным. Это приводит в сфере идеологии к тому, что работники Народного комиссариата финансов, комиссариата, сидящего со своим учреждением на стыке частного хозяйства с государственным, склонны воскрешать этот фетишизм в довольно своеобразной, если не сказать дегенеративной, форме. В стране, не имеющей золотого размена и вынужденной в сфере хозяйственного руководства заменять стихийный разум золота как инструмента регулирования при законе ценности плановой политикой распределения средств производства и средств потребления через бумажную валюту, они систематически апеллируют к золотому разуму черной биржи и в случае отклонения бумажного червонца от золотой десятирублевки впадают в панический страх и делают ненужные и убыточные для государства золотые интервенции, позволяя эппманам переводить в золото бумажные червонцы. Грубейшая ошибка в области финансовой политики вытекает здесь из грубого непонимания роли золота в нашей системе хозяйства, ошибка, в свою очередь вытекающая из непонимания роли золота вообще. Если буржуазная страна, имеющая *золотое обращение*, в период промышленного кризиса, который переходит в финансовый и кредитный кризис или ими сопровождается, приносит в жертву стоимости золота стоимости десятков миллионов товара, если все сделки начинают вестись за наличные, и, таким путем, золото выступает в роли *ultima ratio*, последней апелляционной инстанции для установления того, в какой степени правильны пропорции в распределении производительных сил между отраслями и размеры всего производства по сравнению с платежеспособным спросом, то таким стихийным путем спасается золотое обращение в обществе, которое не имеет других путей регулирования хозяйственных отношений. Наоборот, спастись на черной бирже паритет бумажного червонца на золотую десятку в стране, *где нет золотого обращения*, но *где есть* другие методы регулирования хозяйственных и, в частности, валютных отношений, значит некритически имитировать самые иррациональные и самые убыточные стороны капиталистического регулирования вообще. При уже достигнутой организованности государственного хозяйства, при сосредоточении почти всей кредитной системы в руках государства, а главное при сохранении монополии внешней торговли, золото нужно нам лишь для балансирования расчетов с границей, в условиях превышения импорта над экспортом, а не для получения от черной биржи свидетельства о благонадежности для червонца. Я прибегаю в этом вопросе к поддержке Маркса и приведу из III тома «Капитала» одно место, замечательное само по себе, а главное, как бы специально написанное для вас. Вот это место.

«Обесценение кредитных денег (не говоря уже об утрате ими денежных свойств, утрате, впрочем, лишь мнимой) расшатало бы все существующие отношения. Поэтому стоимость товаров приносится в жертву, чтобы обеспечить фантастическое и самостоятельное существование этой стоимости в виде денег. Как денежная стоимость, она обеспечена вообще лишь до тех пор, пока обеспечены сами деньги. Ради одного-двух миллионов денег должны быть поэтому принесены в жертву многие миллионы товаров. Это неустранимо при капиталистическом производстве и образует одну из его прелестей. При более ранних способах производства этого не наблюдается, так как на том узком базисе, на котором совершается их движение, ни кредит, ни кредитные деньги не развиваются. Пока *общественный* характер труда проявляется как *денежная форма* существования товаров, т.е. как *вещь*, существующая вне действительного производства, неустранимы денежные кризисы, независимые от действительных кризисов или являющиеся их обострением. Очевидно, с другой стороны, что, пока не поколеблен кредит данного банка, этот последний в таких случаях путем увеличения количества кредитных денег смягчает панику, путем сокращения его увеличивает

панику. Вся история современной промышленности показывает, что если бы производство внутри каждой страны было организовано, то металл требовался бы только для того, чтобы выплачивать разницу по балансу международной торговли, раз равновесие ее в данный момент нарушено. Что внутри страны уже теперь не требуется металлических денег, показывает прекращение платежей наличными со стороны так называемых национальных банков – средство, к которому прибегают во всех крайних случаях как к единственному спасению»²⁹.

Очень рекомендую эту цитату вниманию наших финансистов. К сожалению, недостаток места мешает мне здесь развить все мои взгляды на роль бумажных денег и золота в системе советского хозяйства, к чему я должен буду вернуться не в общетеоретической, а в конкретной части данной работы.

Кооперация

По вопросу о кооперации в советской системе хозяйства основное было сказано уже Лениным как в последних статьях на эту тему, так и раньше. В настоящем разделе я скажу лишь несколько слов о кооперации в связи со всем предыдущим изложением.

Отношения, складывающиеся в кооперации, не представляют из себя какой-либо особой категории в капиталистической системе производства и обмена. Производственная кооперация – это небольшие островки не общественной, а коллективно-групповой собственности на орудия производства, островки, подчиняющиеся в сфере производства основным законам капиталистической экономики и лишь постольку существующие в море капиталистических отношений. Там, где производственная кооперация не может приспособиться к закону ценности, она гибнет. То же нужно сказать и об имеющей гораздо большее распространение и значение потребительской кооперации. Этот вид кооперации, существует ли он на основе рочдельских принципов или каких иных, точно так же подчиняется всем законам капиталистического обмена и способен только наряду с известной рационализацией распределения достигнуть лишь частичного улавливания торговой прибыли для своих членов.

Особое значение кооперация приобретает лишь после социалистической революции, и особенно в такой стране, как СССР, где организованному или, вернее, все более и более организуемому на основе производственного плана государственному хозяйству противостоит огромное море распыленного мелкого производства деревни, ремесла и кустарной промышленности. Особая роль нашей кооперации как раз и вытекает из сожительства этих двух систем производства, связанных обменом и кредитом в одном хозяйственном организме.

Основной вопрос, который надо здесь рассмотреть, заключается в том, какую роль играет кооперация в борьбе планового начала с законом ценности и в какой степени она сама является либо пассивным полем сражения в этой борьбе в определенной области обмена и производства, либо проводником того или иного начала.

При капитализме, как мы сказали, кооперация может существовать, лишь приспособляясь к закону ценности. При нашей системе она, неизбежно делаясь аренной борьбы двух основных законов нашего хозяйства, должна приспособляться к тому, который побеждает, и только на втором плане к тому, который ближе к ней по стоящему за ним типу общественной организации труда.

Сначала о первом. Так как кооперация могла существовать и в капиталистической системе, отнюдь не угрожая ее существованию, то это доказывает с полной очевидностью, что в ней самой по себе не заключается никакого активного начала, трансформирующего в сторону социализации производственные отношения. Утописты кооперации

утверждали обратное, но были побиты всей практикой капитализма и самой кооперации. Кооперация может сыграть социалистическую роль лишь постольку, поскольку входит одним звеном в систему, развивающуюся к социализму *на основе своих собственных внутренних сил и тенденций*. Такой системой является государственное хозяйство пролетариата, опирающееся в своем развитии на рост обобщественного ручного производства. Коллективное хозяйство пролетариата и по своим имманентным законам развития, и по внешней обстановке должно или быстро развертываться, или погибнуть. Другого ему не дано. Поскольку оно быстро развивается, постольку и кооперация если не включается в систему государственного хозяйства, то по крайней мере образует как бы его более зыбкое, менее связанное, менее организованное, но все же (как хвост от ядра кометы) *продолжение*, пускающее свои щупальца в поры обмена между мелким производством и государственным хозяйством и кой-где начинающее кооперировать мелких хозяев на производственной почве.

Что касается второго пункта, то здесь надо заметить следующее. Развертывание действия закона первоначального социалистического накопления, в котором концентрируются на данной стадии тенденции движения к социализму, означает усиление определенного типа, коллективного типа организации человеческого труда. Усиление действия закона ценности отражает и в то же время способствует тенденции к другой, частнокапиталистической его организации. Кооперация, по общественному типу ее организации, ближе к коллективному типу организации труда. В этом смысле сращивание ее в советских условиях с государственным хозяйством представляет более естественный процесс, чем ее ориентация на частный капитал. Однако не эта сторона является решающей, как мы сказали выше. Если б в нашем хозяйстве приостановилось или крайне замедлилось развертывание социалистических отношений, имеющих базу в промышленности, а капиталистические отношения стали бы расти быстрее, то, несмотря на свою общественную структуру, кооперация либо немедленно раскололась бы, либо в своем большинстве дезертировала бы со своей позиции арьергарда государственного хозяйства, чтобы перейти на сторону капитализма. Не надо забывать ведь, что за исключением рабочей кооперации, которая, в сущности, лишь рационализирует систему распределения *внутри государственного круга* и потому представляет иное отношение распределения, вся остальная кооперация опирается на мелкое товарное производство. Это мелкое производство в буржуазном обществе в лучшем случае нейтрально по отношению к социализму, тогда как капиталистические отношения оно выделяет органически и продолжает в солидной мере выделять их и при диктатуре пролетариата.

Опыт показал, что потребительская кооперация может играть и играет важную роль в деле установления непосредственной связи между мелкими производителями и государственной промышленностью. Поскольку государство проводит политику плановых цен на свои товары и твердых цен на заготовленную им продукцию мелкого производства, поскольку, следовательно, оно проводит известное ограничение действия закона ценности, постольку потребительская кооперация через свою сеть участвует в этом ограничении. Но, с другой стороны, как показал опыт, она сама гораздо слабее государственных органов выдерживает напор закона ценности. Она срывает в рознице предельные накладки на оптовые цены, вопреки соглашению с государственными органами. Она перепродает частному капиталу товары, полученные в порядке «наибольшего благоприятствования» от государственных трестов, и к тому же полученные часто в кредит. Она нередко уклоняется от закупочных операций по твердым ценам и т.д. Во всех этих случаях и многих других закон ценности пересиливает плановые тенденции государственного хозяйства. Кооперирование мелкого производства в сфере обмена не встречает серьезных препятствий при диктатуре пролетариата. Как раз наоборот, если вспомнить о тех льготах кооперации, которые дает Советское государство и которых не может дать

кооперации никакой другой режим. Объединение здесь проходит довольно гладко и не только вследствие этих льгот, а также и потому, что оно не задевает пока сферы производства, которое остается мелким, раздробленным товарным хозяйством. Мелкий производитель имеет все основания поддержать тот торговый аппарат, который продает дешевле. А когда и кооперация, и частная торговля продают по одинаковым ценам, он имеет возможность выбора со стороны качества, кредита и т.д. Никогда не надо забывать, что, например, потребительская кооперация, не являясь организацией государственной, еще мало является организацией общественной как со стороны размеров паевого капитала, внесенного членами, так и со стороны организованного и систематического контроля этих членов над деятельностью правлений. Потребительское общество – это в большинстве случаев еще скорей лавка без твердого хозяина, чем устойчивая организация людей, располагающих лавкой. Сеть лавок строить легче, чем сеть общественных организаций³⁰.

Но даже идеальным кооперированием мелкого хозяйства в сфере обмена не решается проблема его кооперации в сфере производства. Кооперация в области обмена только подводит к этой основной проблеме.

Мы уже говорили не раз, что борьба закона первоначального социалистического накопления с законом ценности означает борьбу за преобладание двух разных типов организации человеческого труда – коллективного и частнокапиталистического. Если мы подведем итоги борьбы этих двух типов организации труда только на территории земледельческого производства и наши коммуны (хотя они и являются весьма примитивными формами коллективного труда) вместе с совхозами положим на одну чашку весов, кулацкие хозяйства – на другую, то мы должны будем констатировать следующее. Совхозы до последнего времени *сокращали* свою площадь в пользу мелкого производства, коммуны и артели медленно ее увеличивали, площадь же кулацких или полукулацких хозяйств росла быстрее³¹. Причина заключается в том, что кулацкое хозяйство, органически вырастающее из раздробленного мелкого товарного производства, до сих пор давало больше возможностей к организации труда в земледелии по капиталистическому или полукапиталистическому типу, чем государственное хозяйство для организации его по своему типу. Соотношение может измениться не на основе каких-либо социалистических чудес на территории мелкого производства деревни, взятого самим по себе, а лишь на основе более глубокого действия крупной городской индустрии на крестьянское земледелие. В каких формах это будет происходить конкретно, сейчас можно сказать лишь в самых общих чертах. Возьмем, например, тракторизацию земледелия; там, где трактор приобретает всем обществом, он будет способствовать переходу к общественной обработке земли всей деревни. Передача в массовом масштабе государственных тракторов деревенской бедноте на основе аренды или иным способом и обработка бедняками-трактористами земли у самостоятельных производителей могут означать начало *отделения от земледелия и начало механизации функций вспашки и молотбы*, т.е. отделение от мелкого производства операций, легче всего поддающихся обобществлению. Электрификация будет означать отделение от части земледельческих работ двигательной силы с концентрацией производства этой силы на крупных электростанциях государства. Некоторые функции земледелия кооперируются под давлением уже достигнутого *перед* этим кооперирования в области обмена, в частности сбыта, как это имеет место с маслодельной кооперацией.

Когда Ленин в статье «О кооперации» говорил о том, что кооперативные предприятия при нашей системе не отличаются от предприятий социалистических, он имел в виду не кооперацию в *обмене*, опирающуюся на мелкое товарное хозяйство в *производстве*, а производительную, являющуюся *продолжением* государственно-планового хозяйства. В самом деле. Он писал: «При нашем существующем строе предприятия

кооперативные отличаются от предприятий частнокапиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т.е. рабочему классу» (Т. XVIII. Ч. 2. С. 143–144). Мысль Ленина здесь совершенно ясна. Кооперация вокруг средств производства, принадлежащих государству, есть организация труда, свойственная социализму и исторически и классово противоположная кооперации рабочих вокруг машины, принадлежащей классу капиталистов. Но это значит, что переход к социализму совершается в сфере *производственного* кооперирования, для чего кооперация в обмене лишь расчищает путь. Но как раз именно в сфере такого кооперирования мелких производителей наши успехи пока еще минимальны и *конкретные формы* (а не общая линия) этого процесса сейчас еще совсем неясны. Ясно только одно: все дело в максимально быстром развертывании промышленности, которая является трансформирующим центром всего хозяйства и единственным активным началом *социалистического* кооперирования.

Что же касается сферы действия города на деревню через кредит, то здесь нужно заметить следующее. При систематическом товарном голоде, который означает голод на новые капиталы у развивающейся промышленности, кредит не может принять широких размеров. Он приобретет большое значение лишь при накоплении товарных запасов в промышленности, прежде всего, разумеется, в тяжелой промышленности, потому что производственное кооперирование деревни может получить наибольший толчок лишь из сферы производства средств производства для крестьянского хозяйства.

Преображенский Е.А. Новая экономика. 2-е изд. С. 164–248.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Не надо, разумеется, здесь пояснять, что отношение между категориями бытия и категориями мышления в политической экономии понимается так же, как и во всей общеполитической концепции диалектического материализма.

² Ленин В. Империализм. [Собр. соч.] Т. XIII. С. 249–250.

³ Ленин. Собр. соч. Т. XIII. С. 354.

⁴ Интересно вспомнить, что на протяжении истории валютная диктатура принадлежала обыкновенно той стране, которая играла доминирующую роль в каждый данный момент в мировой торговле и в мировой экономике. В период господства финикийской и греческой торговли в Средиземном море огромную роль играет греческий и финикийский талант. Флорин господствует в период господства итальянского торгового капитала в Средиземном море. Торговая роль Испании выдвигает на первый план в интервалютарных отношениях пиастр, Голландия господствует не только своим флотом, сукном и торговлей вообще, но и гульденом. С переходом центра тяжести мировой экономики и торговли к «владычице морей» выдвигается роль английского фунта. Наконец, «экономическое господство» Америки в мировом хозяйстве приводит в валютной области к диктатуре доллара.

⁵ В своей брошюре («Осенние заминки и проблемы хозяйственного развертывания», изд. НКФ) т. Сокольников, с которым я не согласен по ряду коренных вопросов экономической политики и теоретической оценки нашего хозяйства, вполне правильно и своевременно отметил этот факт. Сам по себе этот факт есть лишь новый веский аргумент в пользу моих взглядов относительно того, что закон первоначального социалистического накопления есть, наряду с законом ценности, коренной закон нашего хозяйства.

⁶ Примечание ко 2-му изданию. Но это не значит, что цены совсем не определяются рыночными отношениями. Если бы амортизационные отчисления были непомерны и недоступны для грузоотправителей, и пассажиров, то население стало бы обращаться чаще к гужевому транспорту.

⁷ Тов. Троцкий своевременно привлек наше внимание к проблемам нашей связи с мировым хозяйством в своей работе «К капитализму или социализму». Нам до крайности необходим на каждый данный

конкретный год, взятый со всеми его особенностями, научно составленный план импорта, а не механическое суммирование и урезывание «заявок» отдельных трестов. Такое суммирование есть не импортный план социалистической промышленности, а грубое приспособление ввоза к валютным возможностям, без установления хорошо продуманного импортного оптимума.

⁸ См. об этом более подробно мою брошюру «От нэпа к социализму», с. 99–103. Кстати, мне хочется отметить здесь в качестве курьеза такой факт. С.Б. Членов, написавший на эту работу весьма неодобрительную рецензию в 3-й книжке «Печать и революция» за 1923 г., в числе недостатков отметил совершенно бездоказательное, с его точки зрения, предсказание насчет того, что Донбасс через 5 лет после окончания Гражданской войны (значит, в 1926 г.) достигнет довоенного уровня [добычи] угля. К несчастью для рецензента, как раз именно в 1926 г. Донбасс должен подойти к довоенной выработке.

⁹ Большое влияние оказывает на этот процесс огромная скрытая безработица в деревне – продукт аграрного переселения, но и здесь лечение – в более быстрой индустриализации страны.

¹⁰ Напоминаю читателю, какой град возражений, непонимания и искажений пришлось выдержать автору этих строк за эту мысль, высказанную в главе этой книги о социалистическом накоплении. Теперь, разумеется, возражений уже не будет, после того как за обратный опыт государство заплатило десятки, если не больше, миллионов. Но и публичного сознания в своих ошибках со стороны возражателей тоже не будет. До этого мы еще не доросли.

¹¹ Примечание ко 2-му изданию. Согласно контрольным цифрам на 1925/26 г., производство технических культур в общей продукции сельского хозяйства должно составить 715,3 млн руб., плюс кожсырье 260,3 млн (валовая продукция); на рынок из этой суммы пошло товаров на 538,3 млн.

¹² См. об этом мою статью о товарном голоде в «Правде» от 15 декабря 1925 г.

¹³ Примечание ко 2-му изданию. В 1924/25 г. весь внутрикрестьянский оборот равнялся 1497 млн довоенных рублей, в 1925/26 г. 1781 млн руб. (контрольные цифры Госплана на 1926/27 г.).

¹⁴ Мы говорим здесь о безраздельном господстве в сфере простого товарного производства, потому что, как говорил не раз Маркс, закон ценности «достигает свободного развития как раз на основе капиталистического производства», т.е. когда рабочая сила является товаром наряду с прочими товарами.

¹⁵ Капитал. Т. 3. Ч. 1. С. 316. Перевод Степанова.

¹⁶ Там же. С. 214. Перевод Степанова.

¹⁷ Примечание ко 2-му изданию. Автору много раз ставили в упрек переоценку планового начала в нашем хозяйстве и недооценку действия закона ценности. Должен заметить раз навсегда по поводу этих упреков, что *нигде* я не занимаюсь арифметическим измерением силы действия того и другого начала, а лишь изучением тенденции развития. Можно соотношение сил между законом ценности и социалистическими тенденциями оценивать по-разному в данный момент, но это не колеблет верности анализа, если только наша система хозяйства будет развиваться.

¹⁸ Полезно здесь будет напомнить следующее замечание Маркса, прямо относящееся к данной теме. В первом томе Маркс говорит: «Если средства производства и существования являются собственностью непосредственного производителя, самого рабочего, то они не составляют капитала. Они становятся капиталом лишь при условиях, при которых они служат в то же время средствами эксплуатации и подчинения рабочего. Но эта их капиталистическая душа соединена в голове экономиста столь тесными супружескими узами с их материальной субстанцией, что он при всяких обстоятельствах называет их капиталом, даже при таких условиях, когда они являются прямой противоположностью капитала» (Капитал. Т. 1. С. 791. Перевод Степанова).

¹⁹ Необходимо также иметь в виду, что сделщина и тарифные сетки связаны с действием закона первоначального социалистического накопления, накопления с вынужденным темпом быстроты.

²⁰ Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 561. Перевод Степанова.

²¹ Там же. Т. 3. Ч. 2. С. 174. Перевод Степанова.

²² Там же. С. 319. Перевод Степанова.

²³ Там же. С. 154. Перевод Степанова.

²⁴ В том условном понимании этого термина, в каком его употреблял Ленин.

²⁵ Крицман А. Классовое расслоение в советской деревне.

²⁶ Капитал. Т. 3. Ч. 1. С. 355. Перевод Степанова.

²⁷ Под нелегальной эксплуатацией государственного кредита я имею в виду использование посредниками для целей частного капитала средств, отпускаемых на государственные заготовки, различные махинации с товарами, отпускаемыми кооперации, и т.д.

²⁸ «Не подлежит, наконец, никакому сомнению, что кредитная система послужит мощным рычагом во время перехода от капиталистического способа производства к способу производства ассоциированного труда, — однако лишь как один из элементов в связи с другими великими органическими переворотами в самом способе производства. Напротив, иллюзии относительно чудодейственной силы кредитного и банковского дела, в социалистическом смысле, вытекают из полного непонимания капиталистического способа производства и кредитного дела, как одной из его форм. Раз средства производства перестали превращаться в капитал (что подразумевает также уничтожение частной земельной собственности), кредит, как таковой, не имеет уже никакого смысла, это и поняли, впрочем, даже сен-симонисты» (Капитал. Т. 3. Ч. 2. С. 148).

²⁹ Капитал. Т. 3. Ч. 2. С. 55–56. Перевод Степанова.

³⁰ В статье «О кооперации» Ленин писал, что под поддержкой кооперативного оборота «надо понимать поддержку такого кооперативного оборота, в котором *действительно участвуют действительные массы населения*... Когда кооператор приезжает в деревню и устанавливает там кооперативную лавочку, население, строго говоря, никак в этом не участвует» (Ленин. [Собр. соч.] Т. XVIII. Ч. 2. С. 141).

³¹ Я не говорю здесь, конечно, о балансе в объеме всего хозяйства. Здесь побеждает государственное хозяйство, которое каждый новый год кооперирует вокруг машины гораздо больше разоряющейся крестьянской бедноты, чем на территории собственно земледелия, и, надо думать, будет кооперировать одним только этим путем больше, чем кулацкое хозяйство.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ*

Первое издание первой части «Новой экономики» разошлось в течение нескольких недель**. Автор не может, следовательно, пожаловаться на недостаточное внимание читающей публики к своей работе. Еще менее он может пожаловаться на молчание своих многочисленных оппонентов***. На протяжении двух-трех месяцев книга подверглась атаке не менее десяти раз критиками от самых слабых, о которых отчасти речь будет в приложении****, до наиболее ученого из них т. Бухарина, на возражении которого я намерен остановиться в настоящем предисловии.

В своих статьях, напечатанных в виде фельетонов в № 148, 150, 153 «Правды» и озаглавленных «К вопросу о закономерностях переходного периода» [1926. 1, 3, 7 июля], т. Бухарин пытается дать систематическую критику основных положений настоящей книги, попутно излагая в положительной форме кое-где свою точку зрения по некоторым пунктам, которые он успел себе уяснить. Вообще, я бы предпочел иной метод разделения труда между нами, а именно: чтобы т. Бухарин первый давал в положительной

* Из книги Е.А. Преображенского «Новая экономика».

** От редакции издательства Ком[мунистической] академии

Выпуская вторым изданием книгу «Новая экономика» т. Преображенского, редакция издательства Ком[мунистической] академии считает необходимым сказать, что *эта работа проводит взгляды, которые редакция не разделяет* и которые используются как теоретическое обоснование своей позиции известными группами товарищей, расходящимися с нашей партией. Но проблемы экономики переходного периода, привлекая к себе самое обостренное внимание и с практической, и с теоретической стороны, требуют разностороннего анализа. В области теоретического анализа, естественно, получают свое отражение различные направления нашей советской и партийной действительности, в том числе и направления уклонистского характера.

Книга т. Преображенского получила свою оценку в статьях ряда товарищей, в том числе тт. Бухарина, Гольденберга и др., а также проблемы, разбирающиеся в этой книге, были предметом специальной дискуссии в Коммунистической академии, и нам придется еще не раз вернуться к ним на страницах «Вестника Коммунистической академии». Поэтому редакция, не разделяя взглядов т. Преображенского, все же в интересах всестороннего анализа важнейших проблем, выдвинутых экономикой переходного периода, считает возможным опубликование его работы.

Редакция издательства Коммунистической академии

*** Так в тексте.

**** Имеется в виду приложение к книге «Новая экономика», где Преображенский отвечает своим оппонентам Бухарину, Мотылеву, Тальгеймеру, Ксенофонтову, Квинригу, Боголепову, Астрову, Гольденбергу, Нагиеву (публикуется в приложении 2).

форме изложение своей точки зрения на законы развития советского хозяйства, а мне бы лишь оставалось критиковать то, что я считаю в его построениях неправильным. Это больше соответствовало бы его теоретическому «званию». Но если иначе нельзя, если т. Бухарин может подрабатывать теперь свою точку зрения лишь в полемике с другими, предоставляя им нести весь риск постановки и решения новых проблем, то делать нечего: приходится брать то, что дают.

Фельетоны т. Бухарина еще не закончены. Но так как неизвестно, когда они вообще будут закончены, в то время как высказанные в них мысли, полемические выпады и, наконец, просто неверные толкования моей работы пошли широко гулять среди читающей публики, я считаю себя в праве ответить на не законченную еще критику. Мой ответ не является окончательным. Продолжение его последует тогда, когда последует продолжение бухаринской критики.

Свою критику т. Бухарин начинает с иронических замечаний насчет «профессорского важничанья», замеченного им в моей работе, и напоминает о том, что за подобную «ученость» мы «поделом получали от Ленина». Должен сказать, что, не питая лично никакой склонности к важничанью, я, как и каждый марксист, вел и буду вести борьбу за марксистское противопоставление экономической науки конъюнктурной точке зрения на наше хозяйство, безразлично, будет ли выглядеть борьба с вульгарной экономией* внешне скромно или нет. Обвинение Маркса и марксистов в научном высокомерии есть старое обвинение. Мы были к нему всегда более чем равнодушны.

Что же касается нелюбви Ленина к «учености», то кавычки самого т. Бухарина ясно говорят о том, о какой, собственно, учености идет речь. Ленин не любил мнимой учености. Ко всякому же новому и серьезному исследованию относился с величайшим вниманием, независимо от формы его изложения. Скромность Ленина как теоретика, которой мы все должны подражать, не имеет никакого отношения к борьбе с вульгарщиной. В то же время он – величайший демократ в науке – не любил также излишней учености в терминологии, считая все это пустой мишурой, затрудняющей рабочим понимать то, о чем мы пишем, *если можно по существу то же самое сказать проще*. Однако он простил бы охотно автору «Политической экономии рантье», «Мирового хозяйства и империализма», «Экономики переходного периода» все то, чем был недоволен в этих работах, и то, с чем был даже не согласен в серьезных пунктах, если б мог предвидеть, что его критические замечания будут поняты т. Бухариным как наставление проделать путь от этих блестящих работ, через казуистические хитросплетения статей против «троцкизма», к серенькой пустоте и скуке книги о Каутском.

После этих вынужденных замечаний тороплюсь перейти к существу спора.

Базис и надстройка в советском обществе

Наиболее характерная черта всей критики т. Бухарина заключается в том, что он по ряду важных вопросов, поставленных в моей книге, не имеет никакой собственной позиции, если говорить о положительном содержании его взглядов. Это бесплодие его критики столь резко бросается в глаза именно потому, что моему оппоненту надо было соблюсти на протяжении всей полемики видимость превосходства надо мной, убедить читателя, что я упрощаю сложнейшие проблемы, которые он, Бухарин, исследовал до конца во всей их трудности. В результате, после критики моей конструкции, читатель жадно ждет от т. Бухарина изложения его собственной точки зрения в положительной форме, чтобы обрести в ней успокоение своей теоретической совести. Но – увы! – у

* Так в тексте.

т. Бухарина он либо находит точку там, где изложение должно было бы только начаться, либо выслушивает всякие общие места, в ином изложении известные ему из элементарных учебников марксизма. Свою полную несостоятельность в понимании законов развития советского хозяйства т. Бухарин скрывает в дыму своего полемического огня. Он явным образом недооценивает при этом своего квалифицированного читателя, который достаточно вырос за последние годы и которого не возьмешь истрепанными фразами насчет «ревизии ленинизма», если у самого критика ничего нет за душой.

Только что сказанное целиком применимо к тому первому вопросу, с которого т. Бухарин начинает свое нападение, т.е. к вопросу о методе исследования закономерностей советского хозяйства. Как, быть может, помнит читатель, в своей книге я утверждаю, что для научного анализа советской экономики на определенной стадии исследования необходимо отвлечься от политики Советского государства и от конкретной экономической политики его и сосредоточиться на анализе в чистом виде тенденций: развития государственного хозяйства, с одной стороны, частного хозяйства – с другой. Объяснять экономическую политику государства через экономическую политику есть вещь совершенно бессмысленная, в логике это называется *idem per idem*, т.е. объяснение того же через то же. Ничего кроме описания внешних фактов такое «исследование» не дает. Но так как у нас органы государства, как организации политической, слиты с органами, руководящими государственным хозяйством, и так как наряду с экономической необходимостью, вытекающей из развития государственного хозяйства, во-первых, и из развития частного хозяйства, во-вторых, на экономическую политику государства оказывают свое воздействие и факторы чисто политического свойства, то, чтобы отделить действие каждого из этих факторов, надо начать с важнейшего, т.е. с экономики государственного и экономики частного хозяйства, взятых со стороны основных тенденций их развития, а потом на дальнейшей стадии исследования анализировать как действие конъюнктурных факторов, в частности конъюнктурного сопротивления частного хозяйства развитию хозяйства государственного, так и действие чисто политических факторов.

Что же выдвигает т. Бухарин против подобного методологического приема?

Он, во-первых, совершенно напрасно полагает, что я предлагаю абстрагироваться от экономической политики государства, то просто от политики. Я предлагаю временно абстрагироваться от того и от другого. Насчет политики т. Бухарин как будто бы согласен, а насчет экономической политики – нет. Это доказывает лишь, что он недостаточно продумал всю проблему и возражает мне как эклектик. Представьте себе, читатель, что из соображений политических мы, например, заключаем торговый договор, невыгодный для нашего хозяйства, договор, который без этих причин мы бы не заключили; представьте, что мы из соображений политических уменьшаем обложение мелкого производства, хотя экономические соображения диктуют нам не сокращение, а увеличение обложения. В данном случае акты советского правительства, вынужденные политической обстановкой, являются актами экономической политики и имеют длительные экономические последствия. Как же можно в данном случае абстрагироваться от политики, не абстрагируясь от той части экономической политики, в которую чистая политика переходит? Нормы «чистой» политики превращаются в нормы экономической политики. Если т. Бухарин согласился с тем, что от политики абстрагироваться можно, он тем самым вынужден признать возможность абстрагироваться и от экономической политики в соответствующей ее части. Но... коготок увяз – всей птичке пропасть.

Эта логическая непоследовательность т. Бухарина выступает с полной очевидностью, если мы остановимся на его первом аргументе против моего методологического приема.

С одной стороны, он пишет: «Поставим, в самом деле, перед собой вот какой вопрос: в чем выражается рост рационального начала над иррациональным? Ответ будет

довольно недвусмысленный: в росте плановости. Что же является базисом этой плановости? Ответ тоже очевиден: рост государственно-социалистических элементов хозяйства, рост их влияния и рост их удельного веса. В чем, наконец, находит свое выражение этот процесс с точки зрения особых свойств *закономерностей* переходного периода? В том, что стихийные регуляторы сменяются сознательными, т.е. *экономической политикой* пролетарского государства (с известного периода теряющего свой классовый характер, т.е. отрицающего само себя, т.е. переставшего быть государством).

Абстрагироваться от экономической политики пролетарского государства – это и значит брать законы переходного времени вне исторической их характеристики, *вне* перерастания «стихийного» в «сознательное», т.е. как раз проделывать то, против чего совершенно справедливо протестует т. Преображенский¹.

А с другой стороны, заканчивая со всем этим вопросом, т. Бухарин заявляет:

«Из нашего анализа вытекает, что *нелепо* отвлекаться от *экономической политики* пролетарской государственной власти, ибо это означало бы отвлекаться от планового начала. Но вполне допустимо на известной стадии анализа отвлекаться от специфических политических влияний данных *чисто политических конъюнктурных колебаний*».

Выходит, от экономической политики абстрагироваться нельзя, потому что это значило бы «брать законы переходного времени... вне перерастания стихийного в сознательное», а от политики, переходящей в нормы экономической политики, абстрагироваться можно, хотя государство принимает те или иные решения по политическим соображениям *вполне сознательно*. В этом случае сознательность не мешает, по Бухарину, абстракции. Эта жалкая путаница на протяжении одной и той же статьи по коренному методологическому вопросу доказывает с полной ясностью, что либо своему первому аргументу мой критик сам не придает никакого серьезного значения, либо он испугался логических выводов из него, которые, как увидим ниже, неизбежно приводят к изъятию после социалистической революции из сферы историко-материалистического исследования целой области общественных явлений. Но рассмотрим весь этот аргумент с другой точки зрения. Допустим, Советское государство намечает вполне сознательно целую систему мер в области экономической политики. Спрашивается, являются ли и самые решения о проведении этих мер, и практическое их проведение причинно обусловленными? Мой критик отвечает на этот вопрос утвердительно, противоположный взгляд расценивает как «дешевенский идеализм» и не считает вообще полезным долго останавливаться на этой вполне ясной проблеме.

Но если сознательно проводимая экономическая политика государства причинно обусловлена, то сейчас же возникает вопрос: чем она обусловлена и как методологически легче и вернее выявить эту обусловленность? Нельзя ли нам здесь, чтоб не покинуть почвы марксизма, отделить и в этой экономической политике влияние чисто политических факторов от экономических, во-первых, а в сфере экономики – влияние на государственное хозяйство других экономических форм.

Насчет отделения политики от экономики на определенной стадии исследования мой оппонент согласен. Здесь сознательность проводимой Советским государством экономической политики не мешает абстрагироваться от чисто политических влияний на хозяйственную деятельность. Спрашивается, почему же «сознательность» не позволяет нам отделить влияние не социалистических форм производства на развитие государственного хозяйства пролетариата? Ничего членораздельного в доказательство такой невозможности т. Бухарин не привел и, беремся это утверждать, никогда и не приведет, потому что весь этот аргумент у него высосан из пальца. Никакого конкретного примера невозможности абстракции, о которой идет речь, он тоже не привел и не приведет. Мы же, наоборот, можем привести сколько угодно конкретных примеров в доказательство того, что рекомендуемый нами метод анализа закономерностей советской экономики

является и вполне возможным, и наиболее целесообразным. Проанализируем, например, экономическую политику Советского государства на центральной проблеме – на составлении и на проведении в жизнь общехозяйственного плана на данный конкретный год. Допустим, определенный уровень заработной платы, определенные размеры обмена с частным хозяйством, определенные размеры накопления и определенные требования пропорциональности в распределении производительных сил между отраслями обеспечивают возможность развертывания государственного производства максимально на 25%. Это есть оптимум расширенного социалистического воспроизводства и в то же время нормативная цель его экономической деятельности на данный год. Но вот по соображениям политическим государство вынуждено, допустим, уменьшить обложения мелкого производства страны на 150 000 000 руб., что снижает уровень накопления. А это снижение накопления уменьшает возможность развертывания промышленности, скажем, на 3%. Допустим, к этому сводится весь вычет, который делает «политика» из оптимума развертывания государственного хозяйства. Но вычеты делает и экономика частного хозяйства. Выясняется, допустим, что крестьянство не продает 200 000 000 пудов хлеба, которые учитывались как экспортный фонд, потому что оно предпочитает выжидать лучших цен. В результате наш экспорт оказывается меньше возможного и предполагавшегося на 250 000 000 руб., импорт оказывается меньше на ту же сумму благодаря чему мы имеем сокращение ввоза машин, хлопка, шерсти, каучука и т.д. Вследствие сопротивления «кредитного» развертывание государственного хозяйства сокращается, допустим, еще на 5%. В итоге мы вместо развертывания промышленности на 25% в сравнении с предыдущим годом – развертывания при благоприятных условиях экономически вполне возможного – мы имеем вследствие политических причин, во-первых, и вследствие давления на нас частного хозяйства, во-вторых, увеличение продукции только на 17%. Все это может быть с самого начала учтено при выработке плана или может обнаружиться при проведении в жизнь максимального плана развертывания. Существо дела от этого несколько не меняется. На практике мы наблюдаем у нас обычно и то и другое вместе, т.е. и учет заранее сопротивления частного хозяйства, и влияние его на государственное, что находит свое выражение в урезанном от оптимума плане развертывания государственного хозяйства, и поправки, вносимые частным хозяйством при проведении в жизнь того или иного плана на ходу. Но и в том случае, когда последствия сопротивления частного хозяйства и тенденция развития его предвидятся заранее, и в том случае, когда сопротивления обнаруживаются *post factum*, всплывая неожиданно, – в обоих случаях они действуют как объективные силы, влияние которых мы можем легче всего учесть в том случае, если начнем анализ с исследования оптимума развития государственного хозяйства.

Само собой разумеется, что анализ оптимума тенденций предполагает в основном, в качестве базы, все основные черты советской экономики. Приписывать мне такую нелепость, что я отвлекаюсь от рабочего класса как субъекта экономической политики государства, что я отвлекаюсь от крестьянского характера страны, что я отвлекаюсь от хозяйственных аппаратов государства и т.д., можно лишь при полной нищете по части действительных аргументов или нищете, которая, в свою очередь, связана у моих оппонентов с отсутствием сколько-нибудь продуманной собственной точки зрения на законы развития советского хозяйства и на все те проблемы, которые я в положительной форме ставлю в моей книге. Предлагаемый мною и фактически применяемый мною в конкретных исследованиях метод анализа советского хозяйства имеет свои действительные трудности. Но никто из оппонентов, и т. Бухарин в том числе, об этих действительных трудностях не имеет представления и не упоминает о них ни слова, потому что никто из моих критиков, по-видимому, просто не задумывался над всеми этими вопросами при конкретном исследовании закономерностей нашего развития².

Затем я должен отметить ряд совершенно недопустимых искажений моей точки зрения, которыми занимается мой критик. Моя работа посвящена не анализу товарно-социалистической системы *вообще* (хотя некоторые элементы общей теории в ней и имеются), даже не теории *советского хозяйства вообще*, а теории хозяйства СССР за период действия закона первоначального социалистического накопления. А это значит, что исследование, каким бы абстрактным оно ни было в своей общей части, никогда не может абстрагироваться ни от существования советской власти и ее органов, ни от роли пролетариата как субъекта хозяйства, ни от существования мелкого производства и тенденции его развития, ни от замены в известных пределах стихийного метода регулирования плановой политикой со всеми особенностями, которые вытекают из последнего факта. Я говорю лишь о необходимости абстрагироваться каждый раз на определенной стадии исследования от конкретно экономической политики Советского государства, поскольку она никогда не может быть адекватной тенденциям развития государственного хозяйства, взятым в их чистом виде и толкающим Советское государство к оптимуму расширенного социалистического производства. А это абстрагирование *от того*, что является равнодействующей разных факторов; чтобы эту равнодействующую объяснить, т. Бухарин выдает за абстрагирование от структурных основ всей системы и от ее организационных форм. Он пишет: «Хозяйственные органы госаппарата суть верхушки нашего специфического базиса. Отвлекаться, абстрагироваться от них – значит отвлекаться от основной характеристики «новой экономики». Читатель видит, какой фокус продельывает мой теоретически обедневший критик. Я говорю о конкретно экономической политике Советского государства, от которой надо отвлекаться на определенной стадии исследования, чтобы ее объяснить, а т. Бухарин заставляет меня отвлечься от основ самой системы. Каждый понимает, что экономическая политика, проводимая данной системой, и сама система есть вещи совершенно разные. Система остается со всеми своими структурными особенностями и со всеми основными линиями развертывания свойственных ей тенденций, тогда как политика может меняться, и конкретно, поскольку дело идет об арифметических величинах, в известных отношениях меняется каждый год. Таким образом, т. Бухарин приписал мне абсурд и «в поте лица» занят его опровержением. Совершенно очевидно, что люди занимааясь в полемике подобными операциями отнюдь не от избытка новых мыслей в голове.

Все возражения т. Бухарина состоят, в общем, из трех элементов: 1) Из повторения некоторых общих истин насчет «смены общественными законами их исторической кожи» и т.п., т.е. общих истин, которые в данном случае к делу совершенно не относятся и своим соседством с совершенно пустяковыми возражениями должны, по-видимому, придавать последним солидный вид. («Цветочек дикий попал в пучок с гвоздикой!») 2) Из постановок, вроде только что отмеченной. Внимательный читатель, сравнив текст моей книги с критикой т. Бухарина, откроет все эти подстановки сам и тем даст мне возможность заняться более интересным делом на страницах этого предисловия, чем скучный «уголовный розыск». 3) Из указания на то, что при анализе буржуазной экономики мы имеем дело с государственной надстройкой, которая не является «составной частью производственных отношений, изучать которые призвана экономическая теория», хозяйственные же процессы развертываются стихийно, тогда как у нас в государственном хозяйстве базис слит с надстройкой, а в области хозяйственной деятельности плановое начало постепенно начинает оттеснять стихию.

Собственно, это и есть единственный аргумент, который в разных формах повторяет т. Бухарин и о котором отчасти уже была речь выше.

Поставим нашему критику следующий вопрос: «Если государство, как политическая организация, слито с органами руководства государственным хозяйством, то применим ли при анализе данной области общественного бытия метод исторического

материализма или нет?» Если т. Бухарин скажет нет, то это будет означать, что социологическая теория Штаммлера неверна только по отношению к буржуазному обществу и делается истинной в применении к социалистическому государству и его хозяйству. В этом случае я предложу также т. Бухарину сравнить его позицию с точкой зрения Лукача на теорию исторического материализма как на концепцию, значимую только для классового общества и, следовательно, начинающую терять значение для переходной эпохи. Если же теория исторического материализма применима и к социалистическому государству и его хозяйству и слитность политической организации с хозяйственной требует лишь некоторой вариации в применении метода, о чем у меня сказано в книге, тогда т. Бухарину не о чем со мной спорить.

Кстати, замечу еще здесь, что слитность политической организации общества с частью его экономической организации ни в какой мере не мешает отдельно анализировать различные функции той и другой, отделяя политические факторы от экономических и полагая экономическую деятельность в качестве базиса. В нашем случае не надо, кроме того, забывать и о том, что экономическая организация пролетариата отнюдь не совпадает со всем экономическим базисом советского общества, в котором более половины материальных ценностей создается вне круга государственного хозяйства.

Тов. Бухарин на мое замечание о том, что мои оппоненты покушаются на значимость для нашей системы метода исторического материализма, уклоняется от ясной постановки вопроса. Он упрекает меня в том, что я не вижу «оригинальности в соотношении между базисом и надстройкой при режиме пролетарской диктатуры», но ни словом не упоминает, является ли эта оригинальность достаточным мотивом, чтобы заменить социологический метод Маркса каким-то другим. Итак: да или нет? А попутно не предложит ли мой критик перетрясти метод исторического материализма для всех тех случаев, когда государство играет гораздо большую экономическую роль, чем в период господства буржуазного манчестерства, например, для некоторых периодов феодальной истории общества, для госкапитализма периода мировой войны, для коммуны иезуитов в Парагвае, для итальянского фашизма и т.д.?

Что же касается аргумента насчет роли социального начала в нашей экономике, то мы уже видели, как мало мешает сознательность экономической политике государства тому, чтобы выделить на определенной стадии анализа то, что диктуется требованиями расширенного социалистического воспроизводства и что навязывается в области экономической политики государства сопротивлением частного хозяйства, совершенно независимо от того, учитывается ли это сопротивление заранее или же о нем государство узнало только после толчка в спину. Весь этот аргумент т. Бухарина есть или непоследовательность, или хитрость. Мой критик согласен с тем, что сознательная политика есть политика обусловленная. Как, каким методом конкретно искать этой обусловленности, он не говорит. Но в то же время пытается набросить тень на мой метод ссылкой на оттеснение стихийного начала сознательным, т.е. хочет черпнуть немного аргументации из источников того самого «дешевенького идеализма», полемику с которым считает излишней роскошью. Теперь я вижу, что моя полемика в указанном направлении далеко не была излишней.

* * *

Мою позицию в вопросе о двух регуляторах в советском хозяйстве т. Бухарин считает «основной и центральной ошибкой». Мы в праве поэтому ожидать, что именно в этом пункте его аргументация должна достигнуть наибольшего напора и наибольшей убедительности. Увы! Разочарование ждет нас здесь еще большее, чем при оценке того, что было предъявлено нашим критиком по вопросу о методе исследования.

Тов. Бухарин начинает с того, что соглашается с моей критикой натуралистического толкования Марксова закона ценности. Это вполне естественно, если вспомнить, что т. Бухарин имеет большую заслугу в этой области как экономист и комментатор Маркса. Казалось бы, это согласие между нами в чрезвычайно важном пункте должно было бы устранить сразу кучу недоразумений и, во всяком случае, ликвидировать все те возражения, которые делались мне последовательными или непоследовательными сторонниками натуралистического понимания закона. К моему изумлению, т. Бухарин, отвергающий позицию «натуралистов», не отказался от изложения козырнуть против меня аргументами из их арсенала, совершенно так же, как и в вышеприведенном случае с «дешевеньким идеализмом».

В самом деле, несколько столбцов своего фельетона мой критик посвящает изложению той убийственной по своей новизне мысли, что в законе ценности надо различать две стороны: во-первых, закон пропорциональности трудовых затрат как общесоциологическую основу и, во-вторых, исторически-преходящую форму проявления этого закона при товарном производстве, т.е. ценностную, фетишистскую форму регулирования. Это изложение нужно моему критику для доказательства того положения, что я, противопоставляя закон ценности как регулятор товарного производства закону первоначального социалистического накопления, сталкиваю с этим законом не только исторически-преходящую форму, но и социологическую основу закона ценности, т.е. закон пропорционального распределения труда. У меня, оказывается, «пролетарское плановое начало является принципом борьбы не с ценностной оболочкой закона пропорциональных трудовых затрат, а принципом борьбы с этим законом, так сказать, «по его материальному существу». Ниже я покажу, какая путаница может получиться «по материальному существу» бухаринского возражения и как он сам ходит вокруг да около этого материального существа, не выдвигая ничего положительного со своей стороны. Здесь же я должен категорически отметить делаемое мне здесь возражение потому, что текст моей книги не оставляет никаких сомнений насчет моей истинной точки зрения на характер борьбы двух законов. Зная хорошо моих оппонентов и предвидя как раз то возражение, которое мне здесь предъявлено, я специально оговариваюсь в своей книге, что при противопоставлении закона первоначального социалистического накопления закону ценности я в последнем законе беру его историческую, переходящую, связанную с товарным производством сторону, а не закон трудовых затрат. Так, в примечании, специально написанном для возражений вроде бухаринского, я говорю: «Здесь, как и во всем дальнейшем изложении, я говорил о законе ценности как стихийном регуляторе при товарной и товарно-капиталистической системе производства, а не о регулировании хозяйства, исходя из трудовых затрат, независимо от исторически-преходящей *формы* этого регулирования в меновом обществе. Такое регулирование будет существовать и при плановом хозяйстве, но будет осуществляться иным путем, т.е. на основе прямой калькуляции рабочего времени»³.

С другой стороны, в методологической главе читатель может прочитать: «Второе, что надо отметить, – это, по-видимому, происходящее смешение пропорциональности в хозяйстве, которая объективно необходима для каждой системы общественного производства с разделением труда, с исторически-преходящим методом достижения такой пропорциональности на основе закона ценности. Правильное, пропорциональное распределение труда нужно и для капитализма, и для социализма, и для нашей теперешней товарно-социалистической системы хозяйства... Откуда следует, что нужные нам пропорции диктуются законом ценности как регулятором, и только через него могут быть найдены, раз закон ценности исторически и, если хотите, материально, физически связан, неотделим от товарного производства как производства, где господствует частная собственность на орудия производства... Почему невозможно такое положение, что мы

нужные пропорции находим в основном нашими методами?.. А если это возможно, если это возможно хотя бы наполовину, то говорить, что у нас в основном один регулятор, значит грубейшим образом смешивать проявление этого закона при капитализме с той объективно хозяйственной необходимостью в пропорциональности, которая существует не для одного только товарного и товарно-социалистического хозяйства и не только капиталистическими методами может устанавливаться»⁴.

Первых строк т. Бухарин в книге не заметил. А последнее место он сам цитирует и вынужден признать, что в нем есть «некое контрвозражение» (какая скромность в признании!). Но вместо того чтобы принять по своему адресу сделанное предупреждение и не упражняться в водолействе, он на протяжении восьми столбцов фельетона ломится в открытую дверь. Я спрашиваю всех людей, знакомых с Марксовой политической экономией, достаточно ли для грамотного экономиста двух приведенных мест для характеристики моей точки зрения и не хватило ли бы в добросовестной полемике даже одного? Итак, говоря о борьбе закона первоначального социалистического накопления с законом ценности, я имею в виду борьбу двух регуляторов, взятых со стороны их исторической формы, т.е. со стороны того специфического, что их друг от друга отделяет, а также со стороны экономических последствий их действия на хозяйственную жизнь, а отнюдь не со стороны закона трудовых затрат, образующего подоснову каждого из этих регуляторов, лежащего в основе всякого хозяйственного регулирования вообще. Вопрос же о том, правильной ли говорить здесь о двух регуляторах или о двух разных формах проявления одного и того же регулятора, является вопросом существенным для сторонников натуралистического понимания закона ценности, но не для сторонников взгляда на закон ценности как на регулятор товарного хозяйства, исчезающий вместе с последним. Ведь закон пропорциональности трудовых затрат при товарном производстве может проявиться лишь как закон ценности, т.е. как закон, где историческая форма проявления слита с социологической основой ее, т.е. с регулированием на основе трудовых затрат. Только благодаря такой слитости закон ценности воспроизводит именно отношения товарного хозяйства, при существовании и развитии которого он только и может быть регулятором. И, наоборот, исчезновение, рассасывание производственных отношений товарного хозяйства рассасывают самый базис существования и проявления закона ценности как регулятора.

Но этим не уничтожается регулирующая роль закона пропорциональности трудовых затрат. Он принимает теперь лишь другую форму, поскольку другую форму принимают и производственные отношения людей. При полной победе планового начала, при коммунистических отношениях производства регулирование на основе трудовых затрат сведется к регулированию на базе учета рабочего времени, расходуемого при данном уровне техники на производство продуктов в различных отраслях. Распределение рабочих сил происходит тогда по рациональному плану, имеющему задачей с наименьшей тратой сил удовлетворить определенную сумму человеческих потребностей при определенной сумме производительных сил, пускаемых в ход. Однако так обстоит дело, когда мы противопоставляем закон ценности рациональному плановому регулированию в обществе, являющемуся *полным и законченным антиподом капитализма*, т.е. в коммунистическом обществе.

Но теперь возникает вопрос: а на протяжении длительного переходного периода от капитализма к коммунизму какую форму должен будет принять закон регулирования на основе трудовых затрат? Будет ли существовать здесь какой-то другой закон-регулятор, в основе которого лежит тот же общесоциологический закон пропорциональности трудовых затрат, но принимающий, однако, теперь новую форму и в противоположность закону ценности воспроизводящий расширенно не капиталистические, а социалистические отношения производства? Или же никакого специфического закона переходного

периода существовать не будет, а закон ценности, теряя свою экономическую базу, будет замещаться «законом простых трудовых затрат», т.е. ликвидация специфических исторических свойств закона ценности будет обнажать в чистом и рациональном виде его социологическую подоснову.

Тов. Бухарин стоит на последней точке зрения. По его мнению, «из анализа Маркса тоже, как дважды два – четыре, вытекает, что закон ценности не может перерасти не во что иное, как в закон трудовых затрат, и что иное «перерастание является вопиющей чепухой».

Разберемся в этой проблеме, имеющей крайне важное значение для понимания закономерностей развития советской экономики.

Но прежде всего ликвидируем ссылку на Маркса, которого мой критик не только выставляет свидетелем своего незнания законов советской экономики, но и хочет заставить произнести вместе с собой *ignorabimus*, т.е. не будем знать. В первой главе второй части моей книги, напечатанной под названием «Социалистические и коммунистические представления о социализме»⁵ я привел наиболее существенные места из Маркса и Энгельса, где наши учителя говорят о социалистическом производстве в его противопоставлении капитализму. Само собой разумеется, делая такое противопоставление, они и закон ценности противопоставляют регулированию на основе затраты рабочего времени, и ничего иного сказать не могли и не хотели, не покидая почвы науки. Маркс не исследовал закономерностей переходной экономики в их конкретности, у него есть только несколько общих замечаний на эту тему, главным образом в «Критике Готской программы», и несколько замечаний в набросках «Коммунистического манифеста». Маркс и Энгельс говорили о том, что сменит закон ценности в конечном счете, но не ставили вопроса о трансформации закона ценности на протяжении переходной эпохи. Их общее противопоставление капитализма коммунизму не отвечает прямо на этот конкретный вопрос, который мы ставим исходя из опыта реально существующей переходной советской экономики, и не является никаким табу для исследования ее закономерностей. Ведь Маркс и Энгельс нигде конкретно не говорили о борьбе плана с рынком, о «смычке», в нашем смысле, об индустриализации, а также о куче других проблем, которые выдвинуло развитие советского хозяйства. Значит ли это, что постановка этих проблем противоречит марксизму и является «вопиющей чепухой»?

Переходя же к существу дела, я должен сказать следующее. Закон пропорциональности трудовых затрат может господствовать в его чистом виде лишь в обществе, где будет целиком и полностью закончена классовая борьба, где распределение рабочих сил неклассового общества будет осуществляться для прямой задачи господства над вещами и борьба человека с природой не будет осложняться и опосредоваться никакими остатками групповой борьбы между людьми, борьбы, связанной с остатками частного производства. Совершенно очевидно, что в переходную эпоху закон регулирования рабочим временем не может проявляться в своем классически чистом виде, потому что переходный период будет заполнен борьбой социалистического производства с товарным или остатками товарного, а значит, распределение людей и орудий производства *не может быть полностью рационализировано и подчинено только одной задаче: удовлетворения потребностей общества*. К этой задаче примешивается еще не завершенная задача перестройки самой общественной структуры на внеклассовом базисе.

Какую же форму может принять закон распределения производительных сил на основе трудовых затрат в переходной экономике?

На этот вопрос я отвечаю следующим образом. Если дело идет об экономике со смешанной структурой, где социалистический сектор успел развить все присущие ему экономические преимущества над частным производством и вытесняет его так же автоматически и неуклонно, как в свое время капиталистическая фабрика вытесняла ремесло,

то о закономерностях этого периода я, оставаясь на почве науки, ничего достоверно сказать не могу, за неимением самого объекта изучения. Здесь можно строить лишь гипотезы. Может быть, закон пропорционального распределения труда примет здесь форму закона *социалистического* накопления в каком-то гораздо более конкретном выражении, чем это может быть охарактеризовано этим слишком общим термином.

Но совсем иначе обстоит дело с советской системой хозяйства на данной стадии ее развития.

Советскую экономику мы знаем – она представляет из себя исторический факт, законы развития ее мы уже можем отчасти разглядеть в их специфическом своеобразии. Это своеобразие прежде всего связано с тем, что социалистический сектор нашего хозяйства еще не развил всех своих преимуществ над капитализмом, он покоится еще на отсталой технической базе, которая совершенно не адекватна высоте его социальной структуры, исторически более прогрессивной, чем самый передовой современный капитализм. Этому сектору еще приходится вести борьбу в подготовительном классе социализма, т.е. только собирать в тягчайших условиях и в опаснейшей международной обстановке основные предварительные элементы для такого производства, которое будет бить капитализм на экономической основе, т.е. более быстрым развитием своих производительных сил. В этот период на базе нашего государственного хозяйства закон трудовых затрат неизбежно должен принимать форму закона первоначального социалистического накопления, и в качестве последнего неизбежно его столкновение и непрерывная борьба с законом ценности. С этой точки зрения закон первоначального социалистического накопления есть закон преодоления нашей социалистической отсталости и действителен только на тот период развития, пока наше государственное хозяйство не получит технического и экономического преобладания над капитализмом.

Что закон первоначального социалистического накопления есть регулятор хозяйственной жизни, действующий наряду и в борьбе с законом ценности как регулятором другой системы общ[ественного] производства, это можно доказать всей конкретной историей нашей промышленности, конкретной историей государственного хозяйства вообще и историей нашей внешней торговли в частности. Не желая излагать здесь в этой связи ряд выводов из второго конкретного тома моей работы, я замечу лишь, почему закон первого социалистического накопления мы имеем все основания считать специфической формой проявления закона трудовых затрат в нашей экономике. Что лежит в основе распределения производительных сил при капитализме, т.е. на основе закона ценности?

Распределение труда при действии закона ценности, с одной стороны, достигает удовлетворения (на основе экономики товарного производства) определенного уровня потребностей данного общества, а с другой стороны, воспроизводит самые производственные отношения данного типа, регулятором которого закон ценности является.

Распределение труда в нашем государственном хозяйстве тоже имеет объективной целью, с одной стороны, удовлетворение общественных потребностей на основе производственных отношений данного типа, т.е. коллективного типа, а с другой стороны, воспроизводство в расширенном масштабе именно этого типа производственных отношений. Воспроизводство в расширенном масштабе этих отношений означает прежде всего и больше всего накопление материальных ресурсов такого воспроизводства. Это есть вопрос самосохранения системы. Эта вторая задача как раз и обуславливает иное распределение труда, чем оно сложилось бы при свободном действии закона ценности. В результате распределение труда, которое мы имеем в нашей системе государственного хозяйства, не может ни в коем случае совпадать с тем, какое сложилось бы, если бы система была построена только для удовлетворения потребностей работников коллективного производства, т.е. закончила свой цикл трансформации всего хозяйства. С дру-

гой стороны, оно не может совпадать и с тем распределением, которое диктуется законом ценности мирового хозяйства. Вот это-то несоответствие ни с тем, ни с другим, вот это-то несоответствие и обязано своим существованием закону первоначального социалистического накопления как регулятору нашей системы госхозяйства, антагонистическому закону ценности.

Возьмем конкретный пример, один из бесконечно многих возможных, и покажем действие этого регулятора. В данном году мы из общей суммы экспорта вывозим, допустим, продуктов нашего сельского хозяйства на 400 млн и на эту сумму ввозим машин и сырья для промышленности, что, с небольшими поправками на ввоз одновременно с.-х. машин, семян и т.д., соответствует реальному положению вещей. Наш плановый импорт и характер нашего включения в мировое разделение труда подчинены закону первоначального социалистического накопления. Это сразу станет нам ясно, если мы представим себе на минуту, что мы включаемся в мировое разделение труда на основе закона ценности. В этом случае на 400 млн, минус платежи и закупки внутри страны, крестьянство купило бы гораздо более дешевых товаров заграничного производства, при гораздо большем разнообразии выбора, а наша промышленность не имела бы ни валюты для закупки сырья и машин, ни деревенского рынка для своей продукции. Между тем теперь мы, ввозя, допустим, за 100 млн крестьянского экспорта на 100 млн машин, производство которых стоит внутри 200 млн, производим накопление основного капитала государственного хозяйства на основе закона первоначального социалистического накопления отчасти за счет мелкого производства. Если мы ввозим сырье, дополнительное производство которого стоило бы вдвое дороже или которое вовсе не производится у нас, мы восстанавливаем часть оборотного капитала только благодаря действию того же закона. Этот закон, наконец вынуждая нас закреплять за нами наш внутренний рынок на основе борьбы с законом ценности, позволяет нам амортизировать старый основной капитал, технически отсталый, и замещать его постепенно технически более совершенным, т.е. мы получаем возможность подвести под нашу экономику новый технический базис, т.е. идем по пути преодоления нашей экономической слабости в сравнении с капитализмом.

Если мы возьмем распределение труда в государственном хозяйстве во всех других сферах, а также отчасти распределение его между государственным и частным хозяйством, то мы увидим по всей линии следующее: закон пропорциональности трудовых затрат действует и у нас, но при наличии коллективного производства в секторе государственного хозяйства он вынужден воспроизводить в расширенном масштабе эти отношения, вследствие чего формой его проявления делается закон первоначального социалистического накопления. Под действием этого закона ныне государственное хозяйство поддерживает и развивает предприятия, которые в условии действия закона ценности были бы ликвидированы. Под действием этого закона мы имеем такие пропорции в обмене с частным хозяйством, которые при действии закона ценности (на базе более высокой капиталистической техники) не могли бы существовать. Все это вместе взятое есть продукт нашей экономической отсталости в сравнении с капитализмом и социалистической изолированности. А законом, концентрирующим в себе все тенденции к преодолению этой отсталости, является закон первоначального социалистического накопления. Под действием именно этого регулятора мы распределяем производственные силы иначе, чем они сложились бы при капитализме. Тов. Бухарин не может не признать правильности этого утверждения. Но он не согласен, что это отличие происходит вследствие именно того закона, который я формулировал.

Но тогда благодаря действию какого же другого закона?

Тов. Бухарин отвечает. Никакого вашего закона первоначального социалистического накопления нет, а есть только перерождение, замещение закона ценности плановым

началом. Иными словами, в то время как на вполне конкретный вопрос, вырастающий из фактов, которые вопиют о каком-то обобщении, я отвечал формулировкой вполне конкретного закона, объясняющего основные факты нашей экономики, т. Бухарин отделяется общей фразой о перерастании закона ценности в закон трудовых затрат. Но ведь этот процесс перерастания будет длиться десятилетия и будет протекать во всех странах, переходящих к социалистической организации производства, от аграрных до самых индустриальных. А Вас, мой почтеннейший критик, Ваша же аудитория просит ответить не общей фразой на этот вопрос, ибо такой ответ она знала и до Ваших фельетонов, а ждет конкретного ответа на конкретный вопрос: концентрируются ли именно в нашем советском хозяйстве, именно в первое десятилетие его существования основные тенденции развития государственного хозяйства в каком-либо специфическом законе или нет? Если нет, то какую другую концепцию Вы предлагаете?

Тов. Бухарин чувствует давление этого молчаливого вопроса своей наиболее квалифицированной аудиторией, он не может его обойти, не рискуя своей репутацией теоретика. Но попытки вымучить из себя конкретный ответ приводят его к полной неудаче. Если первая часть его второго фельетона посвящена изложению всем давно известных истин о законе ценности, то вторая занята этим процессом вымучивания и накручивания ответа.

Мой оппонент не мог обойти вопрос о том, почему же один и тот же регулятор, т.е. закон пропорционального распределения труда, дает столь разные результаты при разных экономических формациях общества. Он пишет в № 153 «Правды»: «Спросим себя, однако: как же возможно то обстоятельство, что один и тот же по своему материальному существу регулятор приводит к самым разнообразным явлениям в области экономических отношений? Разве, в самом деле, в разных общественных структурах мы имеем одинаковые пропорции между различными производственными отраслями? Разве динамика этих пропорций и соотношений та же? Наконец, что означает громаднейшее различие в темпе развития? Возьмите развитие феодального общества и бешеный бег капитализма. Или сравните темп развития первобытной общины с темпом развития при социализме. Как же все это увязывается с единым по существу регулятором, законом трудовых затрат?

Мне кажется, что примерно такие вопросы смутно стоят и перед т. Преображенским. Ему хочется, чтобы у нас развитие шло быстрее, чем при капитализме. Это вполне законное «хотение». А так как нам, — думает т. Преображенский, — нужна более быстрая индустриализация, чем раньше, более быстрый темп накопления, то, очевидно, у нас должен быть другой закон».

Эти вопросы «смутно стоят перед т. Преображенским» и порождены «законным хотением» «более быстрой индустриализации».

Насчет того, перед кем и какие вопросы стоят смутно, а иные даже и вовсе не стоят, это мы видим из разбора критики т. Бухарина. А что касается при этом его покровительственного похлопывания по плечу насчет законности хотения более быстрой индустриализации, то этот полемический прием моего критика является достаточно безнадежным, потому что ни в какой мере не вытекает из материального содержания того, что каждый из нас вынес на суд публике по вопросу о законах развития советского хозяйства.

На поставленный выше вопрос т. Бухарин отвечает: решает дело механизм регулирования. И в доказательство приводит, между прочим, соображение о том, что и сам закон ценности, оставаясь формой проявления одного и того же регулятора, т.е. закона трудовых затрат, испытывает изменения при переходе от простого товарного производства к капиталистическому. А потому «нелепо говорить, что при капитализме есть два закона: закон ценности и закон производственных цен; нелепо говорить, что один закон

противоречит другому: ибо закон производственных цен есть тот механизм, через который проявляет свое действие закон ценности»⁶.

Во-первых, вообще говоря, сравнение не есть доказательство. А здесь нет даже настоящего сравнения, потому что невозможно из сопоставления двух разных механизмов регулирования *одной и той же экономической системы* сделать выводы насчет регуляторов двух разных систем (или механизмов регулирования *двух разных систем*, если т. Бухарину более нравится эта терминология). Ибо и простое товарное, и товарно-капиталистическое производство, имея видовые различия, принадлежат к одному и тому же роду по экономической структуре, т.е. к товарному производству, тогда как товарно-социалистическая система и чисто товарное производство представляют из себя *два разные типа экономической структуры*.

Но попытка сравнить механизм двух разных экономических систем для объяснения различных результатов в области распределения труда обнаруживает, что, во-первых, невозможно оторвать механизм регулирования от экономической структуры, в которой он проявляется. Достаточно сделать попытку представить себе закон ценности в качестве регулятора социалистического производства и плановое начало в качестве регулятора товарного производства, чтобы стало ясно, насколько механизм регулирования не отделим от всей структуры данной экономики. А в то же время делается ясным, что различия в распределении труда определяются тем, что удовлетворение общественных потребностей подчинено также и условиям существования *данной системы* и требует такого распределения производительных сил, которое кроме этой задачи, общей всем экономическим структурам, воспроизводит и данную систему во всем ее историческом своеобразии. Капиталистическое предприятие не может, как правило, существовать, не получая прибыли, хотя бы оно и было общественно необходимо. И это вполне закономерно с точки зрения именно капиталистического воспроизводства, потому что при отсутствии средней прибыли не воспроизводятся возможности производства ради прибавочной ценности, вследствие чего и частная собственность на орудия производства делается бесцельной. Капиталисты не вводят машину, которая хотя экономит труд рабочих, но не повышает прибыли, хотя с точки зрения производства для потребления такое положение является совершенно иррациональным. В нашем государственном хозяйстве мы имеем такое распределение труда, которое не удержалось бы ни при действии закона ценности, ни при действии закона трудовых затрат в его чистом виде, т.е. при производстве ради потребления, потому что теперешнее распределение труда должно решить также и задачу *воспроизводства в расширенном масштабе данной системы*, т.е. системы коллективного государственного хозяйства, несмотря на то что и технически, и экономически государственное хозяйство пока слабей капитализма и расширенное воспроизводство отношений данного типа, сросшихся с отсталой техникой, с точки зрения мирового закона ценности является совершенно иррациональным и может протекать только на основе борьбы с ним.

Во-вторых, сводить всю проблему борьбы двух разных регуляторов, сросшихся с разными системами общественного воспроизводства, и всю разницу в материальных последствиях регулирования к разнице механизмов регулирования в узком смысле, т.е., в частности, противопоставлять закону ценности увеличение роли планового учета как метода достижения задач, стоящих перед государственным хозяйством, значит подменять всю проблему одной ее стороной. Мы осуществляем неэквивалентный обмен с деревней, жесткий план импорта, имеющий задачей воспроизводство данной системы, и многое другое вследствие взаимоотношений нашей системы с мировым рынком и всем частным хозяйством вообще, а не благодаря росту планового начала *как причины*. Без всех этих мер мы бы погибли как система, совершенно независимо от того, в плановом или бесплановом порядке мы бы осуществляли политику нашей гибели, т.е. политику,

противоположную той, которую нам диктует закон первоначального социалистического накопления.

Попытка т. Бухарина ответить на конкретный вопрос о законах развития государственного хозяйства общей фразой о «перерастании закона ценности в закон трудовых затрат» доказывает с полной очевидностью, что ему нечего ответить вообще. Он сам признает, что ограничился «самыми общими соображениями» и обещает конкретнее говорить дальше. Подождем. После всего, что мы слышали от моего критика, я, однако, остаюсь весьма большим скептиком насчет теоретической ценности этих «будущих благ» бухаринского ответа.

Соображение т. Бухарина насчет того, что *даже* социалистическое накопление *нельзя противопоставлять* закону ценности (не говоря уже, значит, о законе первого социалистического накопления), ибо наше хозяйство растет «на основе рыночных отношений», представляет из себя вопиющую теоретическую ошибку, на которой можно возвести настоящую программу теоретического и практического оппортунизма. Ведь если наше государственное хозяйство растет в условиях существования рыночных отношений и не рассасывается в товарном хозяйстве, то только благодаря отчаянной борьбе за свое существование. Мы можем «накоплять», продавая нашу продукцию вдвое дороже заграничной только благодаря тому, что мы отгородили свою территорию от мирового рынка и насильственно удерживаем ее, опираясь на обороноспособность всей нашей системы в целом. Мы боремся за свое существование в рамках рыночных отношений, *не меняя их содержания на основе борьбы*. Не видеть совершенно исключительных условий нашего существования, выдавать борьбу, которая ведется в разных формах с частным хозяйством, в том числе и в форме вынужденного сотрудничества с капитализмом, за мирное житие значит болтаться на поверхности явления и заменять в области исследования революционный марксизм обывательщиной.

Чтобы покончить с данной темой, я приведу из второго фельетона т. Бухарина одно место, доказывающее, с какой небрежностью он пишет все свое опровержение и как не успевает прочитывать в конце то, что писал в начале. Вот это место: «Процесс перерастания закона ценности в закон трудовых затрат находит свое выражение в том, что в порядке *плана* «цены» в своей полуфиктивной функции (т.е. уже не как цены, определяемые с точки зрения «барометрических колебаний рынка») складываются сознательно *иначе*, чем они складывались бы стихийно»⁷.

Спрашивается, о каком стихийном регулировании идет здесь речь? Если о стихийном регулировании на основе закона ценности и в условиях реставрации капиталистических отношений, то т. Бухарин уже признал выше, что в этом случае пропорции распределения труда будут иными, чем в теперешнем нашем государственном хозяйстве. Если же дело идет лишь о том, чтобы теоретически представить себе регулирование стихийным при условии существования государственного хозяйства, то вывод из сего положения разматывает все то, что т. Бухарин успел до сих пор сплести по основному вопросу. Если распределение труда будет тем же и при стихийном регулировании, и при сознательном, то это доказывает лишь, что дело не в механизме регулирования самом по себе и что никакое перерастание закона ценности в закон трудовых затрат само по себе не способно объяснить особенностей распределения производительных сил у нас в сравнении с капитализмом.

Читатель видит, что это не первое противоречие в бухаринской критике. И это противоречие, и уже указанное нами выше одного и того же происхождения. Это удел всех тех, кто, не имея в голове собственной продуманной концепции, надеется ее настрять на протяжении своего полемического плавания. Однако гонимый интересами полемики, критический челн моего оппонента вынужден набирать на свой борт всякие аргументы конъюнктурного характера, в том числе и такие, которые противоречат друг другу, в

результате чего наш лодочник не знает сам в начале плавания, с каким грузом и к какому берегу он пристанет в его конце.

Свой третий фельетон, посвященный более детальной критике закона первоначального социалистического накопления, т. Бухарин, строго следуя теперешней моде, озаглавил: «Закон первоначального социалистического накопления, или почему не следует менять Ленина на Преображенского?»

Я сам убедительно рекомендую читателям не менять Ленина на Преображенского, но не советовал бы также и менять Ленина на теперешнего Бухарина, как и на всех тех, кто будет прикрывать этим великим именем свои ошибки. В качестве очень яркого примера того, как использует т. Бухарин в своих интересах ленинское наследство, можно привести случай с опубликованием одного из многих замечаний Ленина, сделанных на полях книги т. Бухарина «Экономика переходного периода». Ленину не понравился термин «первоначальное социалистическое накопление», который он назвал «крайне неудачным», «детской игрой», «копированием терминов, употребленных взрослыми». По мнению т. Бухарина, «это суровое мнение пролетарского вождя и крупнейшего теоретика уничтожает т. Преображенского».

Позвольте «уничтоженному» Преображенскому заметить следующее. Термин, о котором идет речь, был употреблен в книге Бухарина, написанной в период военного коммунизма и пытавшейся теоретически осмыслить экономику именно этого периода.

Экономика военного коммунизма была экономикой государственного хозяйства военно-потребительского типа, когда мы не накапливали, а были вынуждены наиболее экономно *растрачивать* наши ресурсы, когда само производство не было *воспроизводством*, а средством превратить сырье и основной капитал в предметы потребления и обороны. По отношению к экономике такого типа т. Ленин признал термин совершенно неудачным и *был прав*. Но ведь я употребил этот термин или параллельный термин «предварительное социалистическое накопление» по отношению к нашей экономике *другого периода и другого характера*, когда накопление идет и составляет центральную проблему нашей экономической политики. Следовательно, замечание Ленина относится не ко мне, а к Бухарину, употребившему этот термин т. Смирнова, по мнению Ленина, «неудачно», по-детски. Каким же образом ошибка т. Бухарина превращается вдруг в ошибку Преображенского и замечание Ленина уничтожает не «виновника торжества», а автора книги, которой Ленин не мог читать и замечаний на которую не делал?

Затем второй вопрос. Почему т. Бухарин шесть лет держал под спудом замечание Ленина и выгасил его на свет только в интересах полемики, и притом так неловко, что березовый прутик Владимира Ильича явным образом приходится все-таки по бухаринской спине, а не по моей. Почему бы далее т. Бухарину не опубликовать *всех* замечаний Ленина на «Экономику переходного периода»? Я их читал и нахожу их весьма интересными для широкой публики. Почему, наконец, не сообщить публике, как оценивал Ленин книгу Бухарина об историческом материализме? Знать мнение Ленина о книгах, превратившихся в учебники, было бы весьма полезно и для учителей, и для учеников.

Переходим теперь к бухаринской критике закона первоначального социалистического накопления. По обыкновению, он начинает от печки всем известных цитат из Маркса, отчасти приводимых и мною, но не говорит ясно, что, собственно, они должны доказать. Характерно, однако, что т. Бухарин при изложении Марковского понимания закона первоначального социалистического накопления пропустил цитату, имеющую огромное значение для выяснения затронутого вопроса. В этой цитате автор «Капитала» говорит о том, что первоначальное капиталистическое накопление, кроме отделения производителей от средств производства, т.е. кроме образования класса наемных рабочих, означает еще и накопление в руках отдельных капиталистов достаточных средств, необходимых для пуска в ход более крупных предприятий, чем предприятий ремесленного типа⁸. Он

упустил это важное место не случайно, а потому, что оно очень сильно подчеркивает целесообразность сделанной мною аналогии.

Тов. Бухарин спрашивает меня второй уже раз, к какому периоду я отношу действие закона первоначального социалистического накопления: по его мнению, из моего определения закона можно сделать вывод, что он должен действовать до полного осуществления социализма. Из текста моей книги совершенно ясно, что дело идет о периоде, пока социалистический сектор не получил технического и экономического преобладания над капитализмом, а вовсе не до момента, когда исчезнет последний кустарь или последний мелкий производитель в деревне. Бухарин находит, что в первом случае «процесс растягивается на очень большие сроки». На это я замечу, что срок действия закона, т.е. срок пребывания нашего государственного хозяйства в стадии борьбы за новую техническую базу и за возможность развернуть свои преимущества над капитализмом, зависит, во-первых, от международной обстановки, поскольку социалистическая революция на Западе могла бы свести этот срок к минимуму (как натиск мирового капитала может прервать этот процесс, ликвидируя всю нашу систему); во-вторых, в некоторой степени зависит и от характера нашей собственной экономической политики, т.е. от большей или меньшей последовательности в деле осуществления индустриализации страны.

Своим наиболее веским аргументом против меня т. Бухарин считает, по-видимому, указание на методологическую невозможность определения оптимума тенденций развития государственного хозяйства. К этому пункту он возвращается не раз и больше всего упражняется в остроумии именно по этому поводу. Все возражения т. Бухарина в этом пункте, как это мы сейчас увидим, целиком и полностью основаны на нежелании понять мою точку зрения.

Вот суть этих возражений: «Никакого оптимума развития государственного хозяйства без анализа частного хозяйства определить нельзя. Закон этот (т.е. закон первоначального социалистического накопления. — *Е.П.*), если б даже он был и был правильно сформулирован, есть закон соотношения между «госхозяйством» и «частным хозяйством»... Но... закон соотношения предполагает оба члена этого соотношения... Если ставить перед собой задачу исследования переходного хозяйства в его историческом своеобразии, то необходимо брать в качестве предельной абстракции двухклассовое общество, т.е. комбинацию пролетарской госпромышленности и крестьянского хозяйства. От внешней торговли (как бы эмпирически она ни была важна) абстрагироваться можно, и на первых ступенях анализа даже должно, но абстрагировать от «третьих лиц» при анализе переходного периода недопустимо; это и значит выбрасывать все *специфические* теоретические проблемы... Тов. Преображенский видит противоречия, но не видит единства народного хозяйства, видит *борьбу*, но не видит *сотрудничества*»⁹.

Во-первых, закон первоначального социалистического накопления в моей формулировке и есть закон соотношения государственного хозяйства с частным (в том числе и с мировым) в данный период развития этого хозяйства, а тем самым и закон специфического распределения производительных сил внутри государственного хозяйства. Совершенно бессмысленно упрекать мою концепцию в том, что она игнорирует второй член соотношения, потому что без этого члена не может быть и самого закона. Тов. Бухарин впадает в жалкое противоречие с самим собой, когда, с одной стороны, находит, что я слишком много говорю об отчуждении прибавочного продукта частного хозяйства, а с другой стороны, что я забываю о втором члене. Второй закон нашего хозяйства, закон ценности, о котором говорится не менее, чем о законе первоначального социалистического накопления, есть закон, базирующийся на втором члене соотношения, т.е. на частном хозяйстве внутри и вне СССР. Ведь я говорю об анализе тенденций в чистом виде не только государственного хозяйства, но и частного.

Конечно, определение оптимума тенденций государственного и частного хозяйства не может быть полным без конкретного анализа и государственного, и частного хозяйства, но конкретное исследование – это дело дальнейшего изложения. В первой части работы я мог наметить лишь общеметодологические линии подхода к такому анализу. Такой общий подход весьма облегчает конкретный анализ. В частности, только благодаря ему я дал объяснение товарного голода как следствия изменения в структуре пореволюционного крестьянского бюджета¹⁰ – объяснение, которое является теперь общепринятым. Между тем это лишь небольшой отрывок из той части работы, которая будет опубликована в качестве второго тома «Новой экономики». Если т. Бухарин находит, что о частном хозяйстве говорится мало, то ведь это является возражением против *расположения материала в работе*, а не принципиальным возражением против *метода исследования*.

Я уже говорил выше, что не только можно, но и должно отвлекаться от конъюнктурных препятствий, которые исходят от частного хозяйства и затрудняют развитие в оптимальных размерах государственного хозяйства, как при анализе тенденции развития частного хозяйства надо на известной стадии исследования отвлечься от тех конкретных и конъюнктурных препятствий, с которыми сталкивается развитие частного хозяйства в его стремлении к переопрокидыванию всей советской системы. Только после этого можно понять равнодействующую экономической политики государства. Нелепо думать либо приписывать мне мысль, что я рекомендую при этом отвлекаться в первом случае от факта существования частного хозяйства (и не только внутреннего), во втором – от факта существования государственного хозяйства. Когда Маркс, на определенном этапе изложения закона ценности, отвлекается от влияния на цену спроса и предложения, предполагая равновесие между тем и другим, а также в первом томе «Капитала» не исследует еще закона цен производства, то только вульгарные экономисты могли упрекать его в том, что он отвлекся от существования отдельных частных производителей, от рынка и от основ товарно-капиталистического производства вообще.

Тов. Бухарин говорит, что, следуя моему методу, никакого плана промышленности составить нельзя, потому что это значит не учитывать емкости крестьянского рынка, урожая и многих других вещей. Из этой аргументации т. Бухарина видно, что он не желает ничего понимать в том, что критикует. Каждый конкретный промышленный план есть программа хозяйственной деятельности, *где уже учтено в пределах предвидимого сопротивление частного хозяйства*. Но чтобы учесть это сопротивление, надо предварительно знать, что же является оптимумом промышленного развертывания. Прежде чем отступать, надо знать, от чего же делается отступление. Вообще, метод анализа хозяйства, его тенденций развития и его закономерностей, метод объяснения явлений хозяйственной жизни за определенный период времени не есть еще рецепт для составления, скажем, хозяйственного плана на данный год. Но этот метод может много помочь при решении и этой практической задачи. Если мы составляем, например, план хозяйства на будущий год за полгода, т.е. когда мы не знаем размеров предстоящего урожая и многих других нужных цифр, мы оперируем средними цифрами, мы готовим два варианта: на средний и на плохой урожай. Есть ряд и других переменных величин, которые учесть заранее нельзя. Но зато, зная тенденции развития государственного хозяйства, можно учесть, какова была бы продукция его при условии *максимально благоприятного соотношения государственного хозяйства с частным*. С другой стороны, знание того, в каком направлении стихийно прет частное хозяйство на основе его внутренних тенденций, позволяет предвидеть наиболее важные пункты сопротивления частного хозяйства. В конце концов нельзя же алгебру экономического анализа тенденций, лежащих в основе двух секторов нашего хозяйства, принципиально противопоставлять арифметике конкретных цифр данного конкретного плана или цифрам конкретного хозяйственного

года после его окончания. А аргументация т. Бухарина, если из нее выбросить элементы недоразумений или сознательного непонимания, и балансирует, в сущности, в рамках этого противопоставления

Таким образом, утверждение Бухарина насчет того, что я рекомендую абстрагироваться от частного производства, и в том числе от крестьянского хозяйства вообще, абсолютно неверно, потому что дело идет лишь об абстрагировании на определенной стадии исследования от конъюнктурного сопротивления частного хозяйства, т.е. дело идет, следовательно, об анализе основных тенденций, а не о работе по конкретной экономике, не об изучении того или другого хозяйственного года. Не могу принять также рекомендуемый Бухариным метод отвлечения от внешней торговли. И не потому, что отвлечься от нее при конкретном исследовании – значит отвлечься от текстильной, резиновой, шерстяной, кожевенной промышленности, работающих в значительной части на иностранном сырье, не говоря уже о проблеме восстановления основного капитала промышленности на основе импорта оборудования. Хотя я должен заметить моему критику, что если он напоминает мне насчет роли урожая при составлении промышленного плана, то с его же собственной точки зрения такое отвлечение является невозможным, потому что без плана экспорта и импорта также никакого промышленного плана составить невозможно, однако я не желаю участвовать в его путанице¹¹ и отклоняю его предложение по другим мотивам. Отвлечься от внешнего рынка – значит отвлечься от наших взаимоотношений с мировым хозяйством, значит отвлечься от совершенно исключительных ценностных взаимоотношений с ним, от неэквивалентного обмена, от монополии внешней торговли, от почти запретительных таможенных тарифов, насилия, на котором буквально висит все наше промышленное развитие в период предварительного социалистического накопления. Это как раз и значило бы отвлечься от основных условий нашего существования, чего я не делаю сам (вопреки предъявляемым мне обвинениям) и чего другим исследователям не рекомендую делать.

Мой критик упрекает меня далее в том, что я говорю только о борьбе двух секторов хозяйства, но не замечаю их сотрудничества, не замечаю единства всей нашей хозяйственной системы. Это очень важный пункт моего расхождения с т. Бухариным и довольно многочисленными его единомышленниками. Сюда же я отношу уже отчасти рассмотренное нами утверждение т. Бухарина насчет того, что социалистическое накопление неправильно противопоставлять закону ценности.

Начнем с последнего пункта. В основе утверждения Бухарина лежит тот элементарный факт, что наша промышленность, реализуя свою продукцию в условиях рыночного обмена и получая большую часть своего сырья также с рынка, в состоянии, *при данном уровне цен*, накапливать. Прекрасно. А что же лежит в основе этого элементарного факта? В основе его лежит другой, гораздо более тревожный для нас и также элементарный факт, а именно то, что теперешние цены нашей продукции в среднем вдвое выше зарубежных. Мы накапливаем при этих ценах только потому, что насильственно, на основе борьбы с мировым законом ценности, принудительно прикрепляем к нашей технически отсталой промышленности наш внутренний рынок, тогда как экспортируемые продукты крестьянского хозяйства продаем по ценам мирового рынка, а программу импорта вынуждены подчинять задаче накоплений основного капитала и восстановления в натуральной форме оборотного. Выходит, что мы накапливаем не на основе, не параллельно с действием закона ценности, а на основе отчаянной борьбы с ним, которая в области социальной означает нарастание классовых противоречий с экспортирующими группами деревни, т.е. главным образом с ее зажиточными слоями. Это противоречие будет расти по мере отставания промышленности от земледелия и будет сглаживаться только по мере того, как мы будем успешно осуществлять техническое переоборудование нашей промышленности и транспорта. Не видеть за нашим жалким внутренним товаро-

оборотом огромного и грозного силуэта мирового рынка; не видеть тонкости той стены, которая отделяет эту громаду от стомиллионной громады нашего крестьянского населения; не видеть напряженности всей ситуации и непрерывной борьбы одной системы с другой – значит практически усыплять бдительность одной из борющихся сторон, т.е. ра-бочего класса, значит держать его в потемках насчет угрожающих ему опасностей, значит потемкинскими деревнями детского оптимизма расслаблять его волю в тот период, когда ему нужно продолжение героической октябрьской борьбы, но теперь уже со всем мировым хозяйством, на хозяйственном фронте, теперь уже под лозунгом быстрой индустриализации страны. Но все это означает также – да будет мне прощена горькая правда моих слов – такую обывательщину мысли, такое теоретическое поглупение, что, прочтя строки бухаринского фельетона о гармонии между законом ценности и социалистическим накоплением, я невольно подумал: «А не ведет ли т. Бухарин, параллельно со своими теперешними официальными писаниями, особого дневника для потомства и, в частности, не написал ли он в нем по поводу только что приведенной его «мысли»: «Все это, конечно, вздор, но требовалось по конъюнктурным соображениям?»»

В нашем хозяйстве есть, конечно, известное единство, известная кооперация двух секторов хозяйства. Но ни этого единства, ни этой кооперации нельзя понять правильно, если не сделать осью исследования борьбу социалистического сектора с частным хозяйством, особенно с мировым, особенно с капиталистическими и кулацкими кадрами этого хозяйства внутри, а также с кадрами, перерастающими в кулацкие. Если же брать только наши внутренние отношения с частным хозяйством, то, разумеется, мы здесь имеем и борьбу, и сотрудничество, особенно если проведем грань между частным капиталом и кулацким хозяйством, с одной стороны, и между беднотой и середняком деревни – с другой. Но, во-первых, даже наше сотрудничество с беднотой и средним крестьянством есть лишь особая форма борьбы за социализацию сельского хозяйства. На этот счет в аграрной части нашей программы есть достаточно отчетливая формулировка. А во-вторых, не надо забывать вынужденного характера нашей кооперации с частным хозяйством. В тюрьме есть тоже кооперация. А разве мы не находимся в некотором роде в концентрационном лагере вместе с капиталистическими элементами нашей экономики? Мы одновременно и тюремщики, и сами заключенные. Мы заключенные, потому что отделены тюремной стеной от мировой социалистической революции, к которой тянется всеми своими фибрами социалистический сектор нашего хозяйства. Мы тюремщики, потому что отделили стеной нашей монополии внешней торговли, таможенной системой, плановым импортом и, следовательно, принудительными внутренними ценами наше частное хозяйство от мирового частного хозяйства, к которому первое рвется прежде всего своими капиталистическими звеньями. Правда, среднее крестьянство нейтрально в этой борьбе, за известными исключениями, но это значит, что оно не столько активный участник борьбы на той или иной стороне, сколько арена для борьбы двух враждебных систем. Мы не говорим уже о том, что ориентация части среднего крестьянства в сторону кулацкого типа хозяйства означает его борьбу с социализмом, а кооперирование середняка есть лишь одна из форм борьбы социализма с частным хозяйством вообще.

Еще два слова насчет моего ужаснейшего криминала, о котором т. Бухарин закричал так громко, что я даже сам испугался, пока не понял, о чем, собственно, идет речь. Оказывается, мое преступление состоит в том, что я, не предупредив публику, заменил три строки второй главы своей работы при издании всей книги. Вообще говоря, автор может улучшать свою работу при всякой возможности и не обязан о всех изменениях извещать читающую публику. Криминал был бы в том случае, если бы он, отвечая на полемику с *первым текстом* своей работы, ссылаясь бы без предупреждения на *исправленный текст*. В данном случае ничего подобного не было. В указанном месте своей работы я

сделал следующее. Вместо указания на слабую емкость крестьянского рынка как на препятствие для накопления я указал в качестве фактора, ограничивающего накопление, необходимость понижения цен в качестве программной нашей задачи, потому что эта формулировка подчеркивает нашу связь с мировым хозяйством. Разрыв наших цен с мировыми так велик, что весь период первоначального социалистического накопления будет заполнен их выравниванием по мере технического переоборудования нашей промышленности, причем к этому выравниванию мы будем вынуждены в одни годы прежде всего недостаточной емкостью крестьянского рынка и на протяжении *всех лет* будем вынуждены общим соотношением наших цен с ценами мирового хозяйства. Если т. Бухарину очень нравится занятие по сравнению моих текстов и он считает это занятие очень продуктивным, я рекомендую ему сравнить текст второго издания с первым. Изменения есть и здесь, но перечислять их я считаю лишним.

Практика является последней апелляционной инстанцией, которая решает вопрос насчет верности или неверности той или иной теории, того или иного теоретического спора. Центральной практической идеей настоящей книги является проблема накопления в государственном хозяйстве. Дальновзоркость моих оппонентов лучше всего проявилась в том, что самую постановку этой проблемы они сочли покушением на рабоче-крестьянский блок. А теперь Госплан, составлявший свои хозяйственные программы вне наших споров, на основании объективных фактов (на которые, кстати сказать, оказала влияние и наша конкретно экономическая политика прошлых лет) предполагает увеличение производства промышленности на 1926–1927 гг. на 13–15%, а на 1927–1928 гг. — значительно меньше. И это в обстановке растущего аграрного перенаселения и растущего товарного голода, который в 1925–1926 гг. измерялся в 380 млн дефицита на товары, а в 1926–1927 гг. ожидается в размере 500 млн. Препятствием же к более быстрому росту промышленности является не отсутствие рабочих сил, не отсутствие платежеспособного спроса, а прежде всего недостаток основного и оборотного капиталов, включая сюда и недостаток импортных возможностей.

Эти размеры промышленного недопроизводства, устанавливаемые Госпланом, подводят в некотором отношении итоги нашим спорам и превращаются в огромную единицу, которую история ставит теоретической прозорливости моих оппонентов.

Преображенский Е.А. Новая экономика. 2-е изд. С. 5, 13–48.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. Правду. № 148.

² Конкретно об этом будет речь во втором томе данной работы.

³ Новая экономика. 1-е изд. С. 70.

⁴ Там же. С. 47–48.

⁵ Вестник Коммунистической академии. [1925.] № 12.

⁶ Правда. № 148.

⁷ Там же. № 150.

⁸ Капитал. Т. 1. Ч. 1. С. 640. Перевод Степанова.

⁹ Правда. № 153.

¹⁰ См. мою статью «Экономические заметки» в «Правде» от 13 дек[абря] 1925 г.

¹¹ Путаница заключается в том, что т. Бухарин смешивает метод составления конкретного хозяйственного плана с методом изучения основ данной хозяйственной системы. Это ведет к смешению структурных противоречий и их динамики со столкновениями конъюнктурного типа.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ЕЩЕ РАЗ О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ НАКОПЛЕНИИ*

Ответ т. Бухарину

В «Правде» от 12 декабря 1924 г. помещена обширная статья т. Бухарина, в которой он обрушился против главы из моей работы «Новая экономика», помещенной в № 8 «Вестника Коммунистической академии» под названием «Основной закон социалистического накопления».

Вопросы, поднятые в моей статье, являются коренными вопросами теории советского хозяйства, в статье т. Бухарина – коренными вопросами нашей экономической политики; они требуют самого вдумчивого к себе отношения. Настоящая моя статья является спешным и недостаточно полным ответом т. Бухарину. Более обстоятельным ответом ему явится вся моя книга.

Прежде всего я должен предупредить читателя, что ни статью т. Бухарина, ни мой настоящий ответ нельзя понять целиком и до конца, не прочитав моей работы из «Вестника». По крайней мере, в изложении т. Бухарина я не всегда мог узнать те мысли, которые я развивал в журнальной статье. Мне придется поэтому здесь в самых кратких чертах прибегнуть к изложению моей точки зрения и своими словами, и кое-где цитатами из статьи.

Основная, совершенно недопустимая ошибка (если это ошибка) т. Бухарина, которую он проводит на протяжении всей своей статьи и которая заставляет его бить на версту от цели по основному вопросу спора, заключается в следующем: моя статья является попыткой теоретического анализа советского хозяйства или, скромно выражаясь, попыткой приступа к такому анализу. Наше советское хозяйство делится на государственное и частное. Государственному хозяйству присущи свои закономерности в развитии, частному – свои. Но и то и другое входит в единый организм всего хозяйства Союза в целом. Для теоретического анализа методологически необходимо рассмотреть отдельно и те и другие закономерности, а потом уже объяснять, как получается равнодействующая реальной жизни. Но рассматривать тенденции развития государственного хозяйства необходимо в их чистом виде, т.е. проанализировать их так, как если бы развитие государственного хозяйства шло, не встречая сопротивления частного хозяйства, рассматривать закономерность оптимума. Это есть единственный правильный метод, унаследованный нами от Маркса. Только он дает нам возможность разобраться в пестрых фактах реальной жизни и понять внутренний смысл всего происходящего.

* Из книги Е.А. Преображенского «Новая экономика».

А что же делает т. Бухарин?

Он анализ закономерности развития государственного хозяйства (анализ, при котором приходится временно абстрагироваться от экономического и политического сопротивления частного хозяйства) и выводы из такого анализа смешивает с реальной экономической политикой пролетарского государства и, понятно, без особенного труда «открывает» здесь противоречие. Я не знаю, как назвать такое смешение, такую ошибку. Тов. Бухарин прекрасно понимает, в чем тут разница. Он сам не раз с успехом применял тот же метод исследования в своих экономических работах; на этом методе учится вся наша молодежь. Одно из двух: или он отказывается понимать теперь сущность этого метода анализа, что мало вероятно, либо он теоретическую добросовестность исследования принес в жертву задачам полемики сегодняшнего дня. И тогда он должен быть сфотографирован на месте преступления.

В чем сущность моего метода и моего построения?

Октябрьская революция означала прорыв человечества на одном участке земного шара к новой экономике. Эта новая экономика складывается, борется за свое существование и крепнет, развивая ряд закономерностей, только ей одной присущих. Базой этой новой экономики, врывающейся в законы товарного производства и изменяющей их, является государственное хозяйство пролетариата. Раз это хозяйство существует; оно не может не бороться за свое существование. А бороться за существование для государственного хозяйства, окруженного океаном мирового капитализма, – значит бороться за свое расширение, за подчинение себе досоциалистических форм в одних случаях, за их приспособление – в других, за их поглощение – в третьих. Бороться за свое существование для государственного хозяйства на данной стадии означает как можно скорее пробежать тот опасный период его жизни, когда оно и экономически и технически слабее капиталистической экономики. Этот процесс расширения и укрепления государственного хозяйства может идти как за счет его собственных сил и средств, т.е. за счет прибавочного продукта рабочих государственной промышленности, так и за счет частного, в том числе крестьянского, в том числе и среднекрестьянского хозяйства. Может ли быть иначе? Выражаюсь самыми понятными словами: может ли быть взвалено развертывание государственной промышленности и перестройка всей технической базы ее только на плечи 3 млн наших рабочих или в этом деле должны принять участие и 22 млн наших крестьянских хозяйств? Опыт нашего существования за семь лет революции ответил и отвечает на этот последний вопрос положительно. Не может дело обстоять иначе и на будущее время. Но поскольку для государственного хозяйства неизбежна экспансия также и за счет частного хозяйства, то необходимо выяснить, через какие каналы идет этот приток средств в него и каковы тенденции развития государственного хозяйства в этом направлении, взятые в их чистом виде, т.е. отвлекаясь от сопротивления среды частного хозяйства, а тем самым и от реальной политики, которую по экономическим и политическим соображениям *приходится* проводить рабочему государству. Идут ли стихийные тенденции государственного хозяйства в его развитии за счет частного производства дальше того, что реально достижимо для экономической политики государства? Разумеется, идут. Но значит ли это, что *научный анализ* этих тенденций, формулировка оптимума этих тенденций означают критику экономической политики государства и партии? Критику политики, которая, какова бы она ни была, *всегда* будет расходиться с этим оптимумом? Вопрос достаточно бессмысленный. Но этот бессмысленный вопрос вынуждает нас ставить т. Бухарин, который ни единым словом не предупреждает читателя, что моя статья посвящена не экономической политике государства, а теоретическому анализу основных закономерностей нашего хозяйства. Эти закономерности вырастают исторически из Октябрьской революции, из самого факта существования и развития государственного хозяйства пролетариата. Их можно подметить и описать. Это помога-

ет ориентироваться в хозяйственной обстановке и дает возможность делать меньше ошибок в практической политике. Их можно лишь смутно чувствовать и действовать в политике ошупью, от случая к случаю, получая необходимые «извещения» от бытия *post factum*. Но раз дается анализ этих законов, надо доказать, что этот анализ *неверно сделан*, а не путать тенденции развития с экономической политикой, не придирается к терминологии, если нечего сказать против по существу дела.

Но это отнюдь не значит, что из моей работы не вытекают определенные выводы для экономической политики государства. Эти выводы вытекают из нее. Они будут сделаны в той главе книги, где соотношение систем хозяйства рассматривается в разрезе классовых взаимоотношений между рабочими и крестьянами, где дается и анализ нашей экономической политики. Тов. Бухарину следовало бы подождать напечатания этой части моей книги. Он увидел бы тогда, вероятно, что политических выводов, которые он делает из настоящей статьи моей, совсем не делает сам автор. Он не был бы вынужден также, чтобы оправдать размеры своего полемического размаха, вместо моих взглядов критиковать свои собственные построения, лишь приписываемые мне.

Детские колонии т. Бухарина

Первым пунктом нападения т. Бухарина является процитированная им в его статье моя формулировка закона социалистического накопления, где употребляется термин «эксплуатация», во-первых, и слово «колония», во-вторых. Не потрудившись понять, о чем идет речь, и признавшись сам, что ему «неясно», о чем идет речь, т. Бухарин категорически вдруг заявляет: «Не подлежит сомнению, что т. Преображенский у рабочего государства видит колонии». Каждому, кто прочтет хотя бы только то, что цитирует т. Бухарин о колониях, должна быть ясна полная нелепость этого утверждения. Во второй части формулировки закона я говорил, что после социалистической революции в капиталистических странах победившему пролетариату придется уменьшить неэквивалентность обмена с теми странами, которые были колониями капиталистических государств и с которыми теперь должны быть установлены отношения на новых основаниях. Т.е. будет уничтожено колониальное рабство, национальное неравенство и вся система капиталистического колониального грабежа (с. 58), будет уничтожена неэквивалентность обмена, поскольку она была связана с системой специфической капиталистической эксплуатации колоний, но останется неэквивалентность обмена постольку, поскольку она связана с общим взаимоотношением между социализмом и досоциалистическими формами хозяйства. *Иными словами, не крестьянское хозяйство оказывается в положении колонии, а все колонии оказываются в положении крестьянского и вообще мелкобуржуазного хозяйства*, поскольку структура хозяйства колоний является одинаковой с ними, т.е. экономически отсталой. Тов. Бухарин сам чувствует, что у меня идет дело о *бывших* колониях, которые как колонии прекращают свое существование, но остаются как полноправные члены союза в системе тех промышленных стран, которые перешли к социалистической организации производства. Но вместо простого указания, что в текст надо вставить слово «*бывший*», т. Бухарин раздражается моральным негодованием и с серьезным видом запутывает совершенно ясный вопрос.

Теперь насчет термина «эксплуатация». Тов. Бухарин сам признает, что социалистическая промышленность получает и должна получать «добавочные ценности в фонд накопления со стороны мелких производителей». Признав это, т.е. признав и факт, и неизбежность неэквивалентного обмена с частным хозяйством, во всяком случае активный баланс при обмене веществ на стороне государственного хозяйства, он признал мою основную постановку вопроса и тем самым лишил себя возможности вести принципиальный

спор по существу всех выводов из этого положения. Ему осталось лишь одно: вытягивать на принципиальную высоту спор о терминах, выдавать отдельные частности за коренные вопросы и, кроме того, спутать отношение между классами с отношениями между формами хозяйства. Я говорил в статье об эксплуатации социалистической системой хозяйства досоциалистических форм. Если т. Бухарин придумает какой-нибудь термин, на что он был всегда большой мастер, я не буду возражать, лишь бы только этот термин отражал существо дела, т.е. что остаток по балансу обмена веществ (что неравнозначуще с балансом по *торговому* обмену систем) между частным хозяйством и социалистическим отлагается на стороне последнего, а не наоборот. Замечу лишь, что если термин «эксплуатация» перевести из отношений между классами на отношения между системами хозяйства, то этот термин вряд ли уже так неверен, как это кажется т. Бухарину. Ведь социалистическая форма, переходящая на известном уровне развития в коммунистическую, как раз и стремится к увековечению себя, но только не путем расширения, а путем сокращения территории досоциалистических форм хозяйства. Я прекрасно понимаю политические соображения т. Бухарина, когда он так сильно обрушивается на термин «эксплуатация». С научной же точки зрения эти возражения несущественные. Они скорее напоминают народническое возмущение против научно-марксистского термина «мелкая буржуазия» в его применении к крестьянству. Перенесение термина из одной области явлений в другую совсем не предполагает тождества описываемых явлений, а лишь известную аналогию в сравниваемом пункте.

Но терминология – это дело маленькое. Хуже, что под шум своего морального негодования Бухарин проделывает замену одного моего понятия другим. Я говорил в своей статье об эксплуатации социалистической формой хозяйства досоциалистических форм, но нигде ни разу не говорил об эксплуатации пролетариатом крестьянства. Не говорил сознательно, потому что *эксплуатация социализмом мелко производства отнюдь не предполагает обязательно эксплуатацию пролетариатом мелких производителей*. Возьмем следующий числовой пример. Допустим, рабочие в данном году производят новых ценностей на 1,5 млрд рублей, из которых 700 млн прибавочного продукта, который вместе, скажем, с 800 млн, взятыми с крестьянства, идет на содержание государственного аппарата, во-первых, и на расширенное воспроизводство – во-вторых. В следующем году, благодаря расширению производства и подъему производительности труда, рабочие выработали на 1 млрд 800 млн, из которых прибавочного продукта на 800 млн; из последней суммы 750 млн идут теперь в государство, а 50 млн – на увеличение заработной платы. Допустим, с крестьянства в этом году получилось также на 50 млн больше, т.е. 850 млн. Выходит, что зарплата растет за счет роста производительности труда самих рабочих, одновременно растет и та доля, которую рабочие дают на госаппарат и в фонд накопления. Но вместе с тем, как мы видим по этому примеру, растет и доля мелких производителей, отчуждаемая на те же цели. *Факт растущей эксплуатации мелко производства социалистической формы хозяйства налицо, а эксплуатации рабочими крестьян нет, нет этой эксплуатации даже при росте зарплаты*. Этот случай является типичным случаем для наших дней и будет типичным на много лет вперед. Крестьянское хозяйство при таком положении является не колонией госпромышленности, а участником расширенного социалистического воспроизводства. Рабочий является не эксплуататором крестьянства, а соучастником в отчислениях, делаемых на расширение воспроизводства, которое необходимо не только ему, а всему советскому обществу в целом, всем трудящимся классам. И в то же время эксплуатация одной системы другой имеется налицо. Однако т. Бухарин не против баланса с плюсом на стороне государственного хозяйства; он даже согласен на то, чтобы добавочные ценности притекали к рабочему классу, как классу, т.е., по-видимому, не только в систему государственного хозяйства, но и в его потребительский бюджет, что, с моей точки зрения, совсем необяза-

тельно. И, сделав столь радикальный жест¹, он просит лишь об одном: убрать слово «эксплуатация».

Я охотно готов согласиться на то, чтобы убрать это слово. Но, убирая это слово, я считаю нелишним напомнить читателю на всякий случай слова Ленина по вопросу о борьбе двух систем: «Диктатура пролетариата означает не только насилие, хотя она невозможна без насилия, она означает также организацию труда более высокую, чем преобладающая организация». «Насилие можно применить, не имея экономических корней, но тогда оно историей обречено на гибель. Но можно применить насилие, опираясь на передовой класс, на более высокие принципы социалистического строя, порядок организации. И тогда оно временно может потерпеть неудачу, но оно непобедимо» (Ленин. К истории вопроса о диктатуре пролетариата // Коммунистический Интернационал. № 14). Эти строки написаны в конце октября 1920 г., т.е. в конце периода военного коммунизма. Но формулировка Ленина носит общий характер и с большей даже энергией, чем нужно, защищает мою основную постановку вопроса о борьбе двух систем от всяких упреков в расхождении с ленинизмом. Я еще раз подчеркиваю, что у меня здесь дело совсем не идет о том, на какие *реальные уступки приходится рабочему государству идти по отношению к крестьянству*. Это вопрос совершенно другой, и в данной статье он не рассматривался. Полезно вспомнить вышеприведенные слова т. Ленина еще вот почему. Только при вульгарном понимании ленинского отношения к крестьянству в период нэпа можно считать, что ленинизм в этой области означает максимальные уступки крестьянству и *только*. Ленин выдвигал и защищал уступки деревне как коммунист, т.е. выдвигал их во имя укрепления железобетонного фундамента пролетарской диктатуры; эти уступки имели прежде всего в виду достижение этой основной цели, а никогда не являлись в его глазах самоцелью. Тов. Бухарин все это знает, и знает гораздо больше того, что написано в сочинениях Владимира Ильича. Но его нападки на меня в этом пункте носят такой характер, как если бы он не считал нужным отмежевываться от вульгарного понимания ленинизма. Ведь простое повторение слов «рабоче-крестьянский блок» без анализа того, каково реальное взаимоотношение систем хозяйства, представляемых этими классами, лишь укрепляет вульгарное, обывательское, мелкобуржуазное понимание ленинизма в крестьянском вопросе, понимание, к которому стихийно тяготеют те группы советского общества, которые отражают на себе давление стомиллионной крестьянской массы страны.

О «пожирании» мелкобуржуазного хозяйства

В этом вопросе, как и в вопросе о колониях, как и во многих других местах своей статьи, т. Бухарин сначала строит ветряную мельницу, потом принимается за ее обстрел с видом глубокого внутреннего убеждения в своей правоте.

В одном месте статьи я писал о том, что социалистическая форма хозяйства не может существовать в окружении частного товарного производства на основе мирного сожительства. Я говорил о том, что самое существование этих двух систем, хотя и включенных в систему единого хозяйства страны, неизбежно приводит к тому, что либо социалистическое производство будет подчинять себе мелкобуржуазное хозяйство в одной части, приспособлять в другой и поглощать в третьей, либо само будет рассосано стихией товарного хозяйства. Слово «пожирание» является в данном контексте синонимом победы одной системы над другой. Это слово «пожирание» дает возможность т. Бухарину утверждать, что я расхожусь с ленинизмом в понимании дальнейшей эволюции крестьянского хозяйства.

Во-первых, я считаю, что мое утверждение есть настолько азбучная истина, много раз высказывавшаяся самим Лениным, что защищать ее просто нелепо. Возражать

против этой мысли можно лишь в том случае, если исходить из положения, что борьба двух систем у нас кончилась установлением такого равновесия между ними, что между социализмом и товарным хозяйством произошло мирное разграничение «сфер влияния» на экономическом поле, и обе системы развиваются, не врываясь в территорию другой. Насколько нелеп такой взгляд, станет ясно при первой попытке продумать взаимоотношение хозяйства СССР с мировым капитализмом. Наш внутренний капитализм, наше простое товарное производство, питающее этот капитализм, наш торговый капитал отрезаны нашей монопольной внешней торговлей, нашим таможенным барьером от мировой капиталистической экономики, т.е. от главных сил нашего врага. Наш внутренний капитализм с его базой простого товарного производства, как отдельный отряд мировой капиталистической экономики, отрезан нами, окружен и подвергается соответствующему натиску со стороны государственного хозяйства в этой искусственной среде, на страже которой стоит все государство и его вооруженная сила. Но представьте себе на минуту, что эта плотина прорвана мировым капиталом. Что бы получилось? Получилось бы пожирание капиталистической системой нашего государственного хозяйства, пожирание, при котором внутренние силы нашего капитализма и всего товарного производства играли бы весьма активную роль в похоронах первого опыта социалистической промышленности. Эта возможность тем сильнее стучится к нам в двери, чем больше напор на нас капиталистических стран на экономическом фронте, чем более реальное место начинаем занимать мы в расчетах капиталистических стран в качестве рынков сбыта, источников сырья и сфер приложения экспортируемого капитала.

Но, с другой стороны, чем успешнее развертывается наше государственное хозяйство, чем сильнее подтягивает к себе все частное хозяйство страны, тем успешнее проходит процесс подчинения досоциалистических форм хозяйства социалистическим, приспособление их к последним, наконец, поглощение их последними.

Разумеется, для России весь этот процесс будет невероятно длинным, невероятно медленным; он будет проходить разным темпом в отдельные периоды, с перерывами, с остановками, с новым движением вперед. Но как бы медленен ни был этот процесс, особенно до прихода к нам на помощь пролетарской революции на Западе, однако этот процесс идет и должен идти, если нашему государственному хозяйству вообще суждено существовать. Равновесие наступит лишь тогда, когда частное хозяйство будет приближаться к уровню воды социалистического хозяйства, т.е. когда оно будет ликвидироваться именно как частное хозяйство.

Но т. Бухарин уцепился за слово «пожирание» не для спора по существу, — потому что какой тут вообще может быть спор? — а чтобы приписать мне конкретный план этого пожирания, а именно — развитие «собственного» *земледелия* пролетариата, т.е. развитие советских хозяйств, которые должны «пожирать» крестьянское хозяйство в условиях общего нажима пролетариата на деревню. При этом пролетариат действует «по аналогии с рыцарями первоначального накопления». Сочинив за меня такую схему, которая не имеет никакого отношения к тому, что я фактически говорил, т. Бухарин решительно заявляет, что «все это в корне неверно».

В корне неверно прежде всего то, что т. Бухарин мне приписывает здесь. В моей статье я ни единым словом нигде не говорил о пролетарском земледелии в нашей стране. Я не упоминал ни разу о нем, когда касался вопроса о путях социализации крестьянского хозяйства. О «собственном земледелии» пролетариата говорится у меня лишь в отношении передовых промышленных стран, когда в них победит пролетариат и теперешнее крупное капиталистическое земледелие превратится в земледелие социалистическое. Тов. Бухарин ничего не может найти у меня на этот счет, между тем это был необходимый реквизит для той схемы, которую он приписал мне и которую подверг своему обстрелу. Здесь он не остановился перед операцией, давно известной в приемах полемики извест-

ного сорта и состоящей в «подстановке». Мне, разумеется, по-дружески очень жаль т. Бухарина, потому что без самой крайней нужды он не стал бы прибегать к этому приему. Я думаю, в другое время для него был бы интереснее спор по существу, если бы он не был связан определенными политическими заданиями, вступая со мною в полемику. О пролетарском земледелии у нас я не говорил, потому что на обозримом промежутке времени оно вряд ли будет играть большую роль. Только в случае пролетарской революции в Европе можно ожидать большого интереса западного пролетариата к нашим свободным землям, что может изменить сильно всю картину. Вообще же я говорил, и вообще теперь стоит лишь говорить об основной форме социализации земледелия, т.е. о производственной земледельческой кооперации крестьянства.

Как же обстоит здесь дело?

В своей статье об этом я пишу следующее: «Мелкое производство разбивается на три части. Одна часть остается мелким производством; другая – кооперируется капиталистическим путем; третья – в обход этого последнего процесса – соединяется на основах какой-то новой кооперации, представляющей из себя особый тип перехода мелкого производства к социализму, не через капитализм и не через простое поглощение мелкого производства государственным хозяйством.

Эта новая форма кооперации при диктатуре пролетариата, одной из форм которой являются, по-видимому, крестьянские коммуны и артели, еще должна только развиваться. Мы не можем поэтому давать теоретический анализ того, что не существует, а только должно возникнуть» (с. 100 и 101).

Тов. Бухарин тоже цитирует это место. Насколько верно он меня понял или, вернее, насколько правильно он излагает мои взгляды, видно из того, какой вывод он сделал из приведенных выше слов. Тов. Бухарин пишет: «Тов. Преображенский думает, что законы эволюции сельского хозяйства при власти пролетариата остались теми же, что и при капитализме». Иными словами, т. Бухарин утверждает, что в своей статье я вижу главный путь к социализации крестьянского хозяйства в пожирании этого хозяйства государственным хозяйством. Все это совершенно неверно и совершенно противоречит тому, о чем я писал в статье. Нигде я не говорил о том, какой путь является главным и в какие сроки будут развиваться все процессы, связанные с социализацией крестьянского хозяйства. Сущность же моего взгляда в этом вопросе заключается в следующем: сейчас *никто не знает и знать не может*, как конкретно будет проходить трансформация крестьянского хозяйства в такой тип производственно-земледельческой кооперации, который будет переходным этапом к социализации земледелия. Это нежелание описывать в научной работе то, чего в жизни еще нет, понятно каждому, кто, во-первых, учился у Ленина (вспомните, как защищал Ленин на VIII съезде партии нашу программу), а во-вторых, понимает, чем наука отличается от беллетристики. В моей работе «От нэпа к социализму» я довольно подробно разобрал этот вопрос, но разобрал в форме гипотезы, потому что исполнить здесь желание т. Бухарина можно только в форме гипотезы и утопии. В названной книжке есть насчет эволюции крестьянского земледелия не только то, чем т. Бухарин козыряет сегодня против меня с опозданием на два года, но кое-что и сверх этого.

Однако т. Бухарину все это кажется неубедительным. Как же это так? Преображенский находит возможным давать анализ закона накопления на 8-м году после пролетарской революции у нас и до революции на Западе, а вот о кооперировании крестьянского хозяйства отказывается говорить совсем. «Он не полемизирует с Лениным, который выставил ведь определенный громадный план, являющийся в то же время теоретическим предвидением; он просто «заявляет», что нельзя давать теоретического анализа того, что еще не существует, а только должно возникнуть. По-нашему, это – увертка». Во-первых, 7 лет, вообще говоря, небольшой срок, но все же достаточный для того, чтобы

приступить к теоретическому анализу того, что происходило за все это время и что теперь происходит на наших глазах. Напомню т. Бухарину, что он также до революции на Западе и не через 7 лет, а *через 2 года* после революции предпринял описание «общей теории трансформационного процесса» («Экономика переходного периода»). Во-вторых, если бы я не был согласен с Лениным насчет роли кооперации, я бы прямо об этом написал. Сочинение Ленина не Талмуд, и ленинцы не должны быть талмудистами. В-третьих, в статье Ленина «О кооперации» нет того, чего т. Бухарин требует от меня, т.е. нет ничего насчет формы и путей *произсобственного** кооперирования деревни, а есть лишь принципиальное положение о роли кооперации в крестьянской стране. У Ленина и не могло быть ничего об этом, потому что он не любил утопий и сам никогда не занимался сочинением их. В-четвертых, я не только совершенно согласен со статьей Ленина «О кооперации», но во всех своих выступлениях во время дискуссии 1923 г. подчеркивал программное значение этой статьи, указывая на то, что значение этой статьи недостаточно понято партией, и почти во все предлагавшиеся мною резолюции включал соответствующий пункт, где упоминалось об этой статье. То, что т. Бухарин вынужден был здесь сочинить новую постановку насчет моего мнимого несогласия с Лениным в этом пункте, является лишь доказательством того, как трудно ему было выполнить свою политическую и полемическую задачу, не искажая смысла моих слов.

Теперь я перехожу к существу всего этого вопроса. Мы увидим сейчас, что моя концепция о накоплении не только не противоречит последней статье Ленина «О кооперации», но, наоборот, находится с ней в непосредственной внутренней связи. На самом деле, что говорит в этой статье Ленин? «Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса. Нечего напоминать о тех сотнях и сотнях миллионов рублей, которые стоило рождение «свободного капитализма». Теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй кооперативный» (Ленин. О кооперации). В той же статье Ленин говорит о том, что мы должны материально поддерживать кооперацию. Тов. Бухарин также цитирует приведенное место для доказательства моего расхождения с Лениным, но он благоразумно выпустил в цитате ту фразу, где говорится о том, что стоило рождение свободного капитализма. А между тем выраженная в этой фразе мысль прямым путем ведет к проблеме накопления. На самом деле, если кооперирование деревни может пойти быстро вперед лишь «при финансовой поддержке определенного класса» – в данном случае при поддержке правящего класса, – то первый вопрос, который здесь возникает, заключается в том, откуда взять средства? В Союзе 22 млн крестьянских хозяйств. Кредит по 100 руб. на одно хозяйство – это уже почти 2 млрд, кредит по 50 руб. – млрд. Чтобы кредит для крестьянского хозяйства дал серьезный эффект, нужны миллиарды; чтобы он был хоть сколько-нибудь замечен, нужны сотни и сотни миллионов. Где их возьмет пролетарское государство? Где оно возьмет их, если восстановление основного капитала промышленности и увеличение оборотного только до довоенных размеров потребует в ближайшие годы минимум миллиард? А ведь эти последние средства нужны в первую очередь... Я не говорю, что кредитование деревни и помощь в деле кооперирования крестьянского хозяйства – все это есть дело безнадежное. Наоборот, я считаю, что особенно долгосрочный кредит сыграет у нас огромную роль в деле кооперирования деревни и в то же время будет представлять из себя важнейший элемент увязки промышленности с земледелием. Но план развития долгосрочного кредита не безнадежен лишь постольку, поскольку не безнадежны успехи первоначального социалистического накопления. В сущности, до того как закончится период первоначального социалистического накопления, долгосрочный, да и всякий кредит

* Так в тексте. Вероятно, производственного.

деревне хоть и будет расти, но не может быть особенно широким. Лишь тогда, когда закончится период первоначального накопления и промышленность будет стоять на новой технической базе, – только тогда поток ценностей из города в деревню по каналам долгосрочного кредита потечет широкой рекой. Как фактически сейчас обстоит дело в этой области, показывает следующий пример. В последнее полугодие промышленность вложила в кооперацию в процессе торговли в кредит только 100 млн руб. Но даже и эта сумма оказалась ей теперь не по силам, пришлось бить отбой и увеличивать размеры отпуска за наличные частному капиталу. Этот факт достаточно громко кричит о том, как бедно наше государственное хозяйство и какие огромные усилия ему предстоит сделать в деле накопления.

Таким образом, та помощь кооперации, о которой говорил Ленин, и те другие формы финансирования городом деревни, о которых он не говорил, возможны лишь на основе огромных успехов накопления в промышленности. До этих успехов наша помощь будет мала, часто будет скорее раздражать крестьянство своей мизерностью при неизбежно больших тратах на аппарат, чем вызывать чувство признательности к кредитующему классу. И я думаю, что все эти мысли нетрудно будет разъяснить самой широкой массе крестьянства, которой отнюдь не чужды элементарные хозяйственные понятия о нашей экономике в целом².

Это во-первых. А во-вторых, в цитированном месте моей статьи я говорил о производительной земледельческой кооперации, а Ленин в своей статье говорит о кооперации вообще и потребительской в частности. Он нигде не говорит, что большая часть крестьянства в области своего производства кооперируется только через обмен, т.е. главным образом через потребительскую кооперацию. К кооперированию на производственной основе у нас можно подойти и со стороны обмена, в том числе со стороны долгосрочного кредита, и со стороны электрификации, и через развитие тракторной обработки земли. Как будет выглядеть эта неизвестная нам пока производительная земледельческая кооперация, каким преимущественно путем мы к ней подойдем или комбинацией каких путей мы ее осуществим – этого никто сейчас не знает и насчет этого Ленин в своей статье ни слова не говорит. Но о финансовой поддержке кооперации со стороны господствующего класса он говорит, а тем самым вплотную приводит нас к вопросу о накоплении в государственном хозяйстве. Если т. Бухарин убежден, что кооперирование деревни пойдет исключительно или главным образом через обмен, что, вообще говоря, не исключено и даже довольно вероятно, то, во-первых, он должен это еще доказать, и именно он должен доказать, раз он утверждает, что в моей статье в этом пункте имеется брешь. Пусть он покажет, как именно кооперирование из сферы обмена будет захватывать производство. Если он напишет на эту тему больше того, что я написал по этому вопросу в книжке «От нэпа к социализму» и в статьях о долгосрочном кредите, если напишет больше того, что другие написали на эту тему, поблагодарим его за это. Но пусть напишет, а не прячется за статью Ленина, который этот вопрос в такой конкретной постановке вовсе не ставит.

Но если в данной статье Ленин ничего не говорит о том, как он представляет себе трансформацию крестьянского хозяйства; если в данной статье он ничего не говорит о роли крупной промышленности в деле этой трансформации, то в других местах своих речей и статей он не один раз останавливался на этом вопросе. Приведем немногие из этих мест, чтобы не удлинять нашего изложения. В своей речи на VIII Всероссийском съезде Советов Ленин говорил: «Каждый внимательно наблюдавший за жизнью деревни, в сравнении с жизнью города, знает, что мы корней капитализма не вырвали и фундамент, основу у внутреннего врага не подорвали. Последний держится на мелком хозяйстве, и, чтобы подорвать его, есть одно средство – перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на техническую базу современного

крупного производства. Такой базой является только электричество» (Т. XVII. С. 425). В докладе о продналоге, сделанном на Всероссийской партконференции 26 мая 1921 г., Ленин говорил: «Действительной и единственной базой для упрочения ресурсов, для создания социалистического общества является одна и только одна, это – крупная промышленность... мы эту базу крупной промышленности можем подвести под нашу экономику, подвести должны и подведем. Без этого ни о каком действительно социалистическом фундаменте нашей экономической жизни не может быть и речи». В речи на заседании III конгресса Коминтерна от 5 июля 1921 г. Ленин, между прочим, говорил: «Мы говорим: крупная промышленность – единственное средство спасти крестьянство от нужды и голода. С этим все согласны, но как сделать это? Восстановление промышленности на старой основе требует слишком много труда и времени. Мы должны придать промышленности более современные формы, именно перейти к электрификации. Она требует значительно меньшего времени».

Я думаю, что т. Бухарин не будет обвинять Ленина в недооценке роли крестьянства и в переоценке роли государственной промышленности. Он, я думаю, не решится обвинять его также в том, что в первой из приведенных цитат он выдвигал перспективу «пожирания» крестьянского хозяйства, когда говорил об электрификации не только промышленной, но и земледельческой. Но т. Бухарин должен подумать об одной вещи, мысль о чем напрашивается сама собой. Как он предполагает сбалансировать свои возражения против меня с цитированными словами Ленина? Здесь мы подходим к центральному пункту нашего спора. Основной вопрос здесь стоит так: либо т. Бухарин должен доказать, что статья Ленина «О кооперации» противоречит приведенным выше цитатам из Ленина, и тогда он, в случае удачи этого предприятия, имел бы основание говорить не о моем расхождении с ленинизмом, а о своем расхождении со всем тем, что Ленин писал и говорил до этой статьи «О кооперации»; либо он должен доказать, что эта последняя статья Ленина не противоречит, а лишь развивает в определенной области те взгляды, которые Ленин развивал о перспективах нашего экономического развития раньше, развивал вообще, не только в связи с вопросом о кооперировании крестьянства, а в связи с общей перспективой нашего социалистического движения вперед. В последнем случае, однако, т. Бухарину пришлось бы взять обратно всю свою аргументацию, которую он построил против моей статьи. Он должен здесь сбалансировать в своем понимании ленинизма, но он не должен тут балансировать. Вопрос здесь стоит прямо: или – или.

Я лично убежден, что статья Ленина «О кооперации» не противоречит всем тем взглядам, которые Ленин развивал на будущее социализма в нашей стране. Кооперирование крестьянства, какие бы формы оно ни приняло, есть лишь часть общего вопроса о нашем социалистическом движении вперед. Без быстрого развития государственного хозяйства не может быть и достаточно быстрого кооперирования крестьянства, если только это кооперирование не будет кооперированием против нас. А сколько-нибудь быстрое развитие государственной промышленности невозможно без достаточно быстрого накопления в нашей государственной промышленности. Изучать условия этого накопления, успехи, которые оно делает, препятствия, которые оно встречает, – значит изучать один из самых основных вопросов социалистического развития нашей страны. Возражения т. Бухарина против меня имели бы смысл только в одном-единственном случае: если бы он вздумал подвергнуть ревизии как все взгляды нашей партии на перспективы нашего экономического развития, так и то понимание диктатуры пролетариата и ту основную линию в наших взаимоотношениях с крестьянством, которой мы держимся, начиная с того момента, когда мы взяли курс на социалистическую революцию и социалистическое переустройство общества, освобожденного от власти капитала. Но эта ревизия была бы ревизией ленинизма не в полемическом, а в подлинном смысле этого слова,

причем аргументы т. Бухарина били бы тогда гораздо дальше той скромной мишени, которой является в данном случае моя статья.

Как мы отчасти видели выше и как мы увидим сейчас, т. Бухарин также переусердствовал в полемике и также мало сбалансировал по-ленински свои аргументы и в другом вопросе огромной важности, в вопросе о рабоче-крестьянском блоке в условиях диктатуры пролетариата.

Рабоче-крестьянский блок

На тему о рабоче-крестьянском блоке т. Бухарин наговорил очень много на протяжении всей статьи. Но все сказанное им абсолютно бьет мимо цели, потому что эти общие формулировки, поскольку он в них точно излагает Ленина, являются истиной совершенно бесспорной и никем в нашей партии не оспариваемой. А поскольку он при этом неточно и неверно излагает мою статью, они ко мне не относятся и в напоминании о них я не нуждаюсь. Все его усилия доказать, что мое теоретическое построение противоречит ленинской позиции о рабоче-крестьянском блоке, оказались совершенно бесплодными. Он не может процитировать из статьи *ни одной строчки* в доказательство своих утверждений и не может потому, что эта проблема пока не затронута у меня и должна быть рассмотрена после анализа экономики промышленности и земледелия. Я уже говорил о том, что мне еще предстоит выяснить, по возможности в чистом виде, тенденции развития нашего товарного хозяйства и тем самым выяснить экономическую основу той силы (мелких производителей), по отношению к которой необходимо осуществлять блок. Самый сильный аргумент т. Бухарина против меня состоит в том, что я выясняю проблему первоначального социалистического накопления путем сравнения этого процесса с фактами из эпохи первоначального капиталистического накопления. Эту аналогию т. Бухарин считает «чудовищной», потому что между рыцарями первоначального накопления и их жертвами не может быть блока.

Во-первых, если я развиваю свои взгляды путем сравнения двух систем хозяйства и двух эпох, это относится прежде всего к методу *изложения*, а не к существу всего построения. Метод изложения может быть и другим, без сравнений по сходству и различию, от этого ничего не меняется в концепции, она может, по-моему, пострадать с точки зрения более рельефного освещения отдельных ее сторон.

Во-вторых, с каких это пор научное сравнение, скажем, человека с собакой является унижительным для *homo sapiens*'а? Я не понимаю, почему мы, например, не можем научно сравнивать пролетарское государство с буржуазным, не можем сравнивать нашу юстицию с капиталистической и т.д.? Разве пролетарское государство делается от этого сравнения менее пролетарским, разве мы не видим лучше и отчетливее особенности пролетарского государства, когда сравниваем его с буржуазным? Все это так ясно, что скучно это повторять вместо того, чтобы заняться исследованием новых проблем. Но в этом пункте т. Бухарину совсем не повезло и с другой стороны. По иронии судьбы, как раз в статье Ленина «О кооперации» и как раз в той же фразе, которую т. Бухарин благодушно выпустил в своей цитате, Ленин, нисколько не смущаясь нарушить рабоче-крестьянский блок, говорит о том, чего стоило рождение «свободного капитализма», т.е. сравнивает строителей социализма – о ужас! – с рыцарями первоначального накопления. Но если «право на сравнение» нужно подтверждать логическими доказательствами и, в частности, цитатами из Ленина, то это доказывает только, в какой теоретический тупик мы можем попасть, если и дальше каждый шаг в деле научного изучения нашего хозяйства надо будет делать, перешагивая через такие баррикады, как разбираемая статья т. Бухарина.

В своем сравнении я оставался в пределах анализа систем хозяйства лишь с точки зрения обмена веществ между этими системами. Я не касался междуклассовых отношений в нашей экономике именно потому, что политика есть концентрированная экономика и надо дать сначала анализ экономики со всеми ее тенденциями, взятыми в *чистом виде*. Я не знаю, может быть, т. Бухарин, взявшись за аналогичное исследование, избрал бы другой путь, т.е. он начал бы с политики, перешел бы затем к экономике и снова бы вернулся к политике. Мне же этот путь казался более длинным, неизбежно требующим повторений и неудобным еще потому, что причины часто перепутывались бы со следствием. Ведь закон первоначального социалистического накопления есть закон, коренящийся в экономике государственного хозяйства. Чтобы добраться до политики, до концентрации от целого, как я уже сказал выше, надо проанализировать в наших условиях законы товарного хозяйства, имеющие своей базой прежде всего частное хозяйство, а также влияние на нас мирового капитализма. Когда т. Бухарин упрекает меня в эклектизме и в том, что я мало говорю о политике, то это доказывает лишь, что в интересах именно политики и политической полемики он не постарался понять ни моего метода исследования, ни моего метода изложения.

Но так как т. Бухарин тянет меня за язык и сам соблазнился методом аналогий, то я должен здесь сказать несколько слов о взаимоотношениях пролетариата с крестьянством с историко-социологической точки зрения. Начнем прежде всего с аналогии т. Бухарина. Прочитую его собственные слова: «Сейчас у рабочего класса власть и промышленность; у крестьянства, фактически, земли и сельское хозяйство; крестьянин – продавец сельскохозяйственных продуктов и покупатель продуктов промышленности; рабочий – в общем, наоборот. Непосредственно интересы сталкиваются именно по этой линии. Крестьянин к тому же – остаток старинного времени, хотя и громадный по своему удельному весу «остаток».

Это похоже вовсе не на отношение между рыцарями накопления и крестьянами. Это похоже на отношение между промышленной буржуазией и землевладельцами в определенный период развития их отношений, хотя, конечно, даже здесь аналогия крайне условна и идет далеко не по всем направлениям.

У буржуазии – власть и фабрики. У землевладельцев – земля. Противоречие интересов идет по линии цен. *Отсюда* – их борьба, иногда, при определенных условиях, довольно острая. *Но в то же время* (мы говорим о периоде власти буржуазии) это есть блок, союз капиталиста и помещика против рабочего класса. Буржуазия руководит этим блоком, буржуазия *опирается* на землевладельцев и поддерживается ими.

Какова же была за последнее время *эволюция* этих классов? Она заключается в том, что через процессы обращения, через банки, через формы акционерных компаний и т.д. и те и другие (т.е. и промышленные капиталисты и землевладельцы) в значительной мере стали превращаться в нечто единое, в получателей дивиденда. Дивиденд стал, так сказать, синтезом прежде разнокалиберных видов дохода, такова, по крайней мере, была (и есть) основная тенденция развития в разбираемой сфере отношений.

Нечто формально сходное будет происходить, если брать широкие исторические масштабы, и с рабоче-крестьянским блоком. По мере того как через процесс обращения крестьянское хозяйство будет все более и более втягиваться в социалистическую орбиту, будут стираться классовые грани, которые потонут в бесклассовом обществе.

Разумеется, это – музыка будущего. Разумеется, на очереди дня сейчас иные проблемы, но нам нужно видеть перспективу, чтобы знать, куда мы хотим «гнуть» свою линию. «И та перспектива, из которой исходит т. Преображенский, в корне неправова».

Я не имею ничего против того, чтобы прошупать вопрос в плоскости той аналогии, которую проводит здесь т. Бухарин. Я только категорически возражаю опять против того,

чтобы эту аналогию противопоставлять моей. Я говорил о том, что социалистическая система должна питаться не только из своих собственных источников, но из источников досоциалистических форм так же, как ранний капитализм в своем развитии питался из ресурсов докапиталистических способов производства. Тов. Бухарин в этом основном пункте, как мы видели, согласился со мной, оспаривая лишь терминологию. Между тем моя аналогия не идет дальше анализа обмена веществ и между системами и баланса обмена. Но т. Бухарин ставит новый вопрос и проводит аналогию совсем в другой плоскости.

В чем слабость аналогии т. Бухарина?

В том, что, взяв «широкие исторические масштабы», он перепрыгнул через особенность *теперешнего периода* и сделал он это не случайно, а именно потому, что из его аналогии, в противоположность моей, ничего не вытанцовывается, если сравнить *не произвольно взятые периоды* из сферы сравниваемых отношений, а *взять аналогичные исторические периоды* в развитии сравниваемых классов. Мы находимся в стадии первых лет социализма. Необходимо для этих первых лет, первых десятилетий брать соответствующий период истории капитализма, т.е. примерно период до буржуазных революций или в крайнем случае эпоху этих революций. А этот период существеннейшим образом отличается от той эпохи, когда крепостной помещик превратился в капиталиста-землевладельца, когда произошло сращивание с банками не только капиталистической промышленности, но и капиталистического земледелия. Этой эпохе предшествовала сильнейшая классовая борьба городской буржуазии с крупным землевладением, борьба, в ходе которой крупное землевладение шло в блоке с духовенством против третьего сословия. В эту эпоху буржуазия «не опирается на землевладельцев», а часто выпирается землевладельцами от власти путем ряда контрреволюций, либо принуждается к серьезнейшим компромиссам, компромиссам, задерживающим буржуазное развитие, отбрасывающим его на прусский путь вместо американского (употребляя терминологию Ленина). Это во-первых. А во-вторых, блок этих классов осуществляется, в конце концов, на базе именно крупного капиталистического способа производства, которое превращает крепостное поместье в капиталистическую земельную фабрику, обрастающую сахарными, винокуренными, пивоваренными и другими заводами. А ведь государственное хозяйство пролетариата и современное крестьянское хозяйство представляют исторически *два различных типа хозяйства*, для унификации которых необходим огромный исторический период борьбы этих форм и приспособление низших форм к высшим.

Тов. Бухарин, чтобы натянуть свое «крайне условное» сравнение, вынужден перепрыгивать через этот период, тогда как вся задача именно и заключается в том, чтобы показать, как мы пройдем этот период, в первую очередь как пройдем хотя бы первые два десятилетия существования советской власти, когда классовая борьба вообще не прекратится, а лишь изменит свою форму. Когда т. Бухарин говорит, что эти построения – это лишь музыка будущего и что «на очереди дня стоят сейчас иные проблемы», то он тем самым совершенно обесценивает все свое построение именно для нынешнего времени. Он сам тем самым признает, что ничего не говорит нам *о задачах сегодняшнего дня и о реальных отношениях сегодняшнего дня*.

В чем сущность рабоче-крестьянского блока? В том, что пролетариат как господствующий класс и, следовательно, как класс, отвечающий за все советское общество в целом, руководя крестьянством в своей борьбе за существование советской системы, выполняет при этом свою великую историческую миссию развития и укрепления нового типа хозяйства, борется со всеми колебаниями, разочарованиями, возмущениями и отходами от него своего союзника.

Против кого создан этот союз? Против внутренних сил – помещиков и капиталистов, а после их разгрома прежде всего против мирового капитала. Крестьянство здесь

неизбежно колеблется, потому что прорыв нашей системы, прорыв монополии внешней торговли и таможенного барьера обещают крестьянству более дешевый иностранный товар и отчасти увеличение цен на продукты сельского хозяйства, т.е. обещают улучшение с точки зрения сегодняшнего дня. Но в то же время этот прорыв означает победу мирового капитала над нашей советской системой, а тем самым уплату этому капиталу по одним подсчетам 13, по другим – 10 млрд руб. золотом, довоенных, военных долгов и всяких претензий. Это – сумма, которая была бы достаточна для полного восстановления нашей промышленности и нашего земледелия далеко за довоенный уровень. Такой оборот дела много хуже тех временных выгод, которые получило бы крестьянство, пролетариатом против мирового капитала на блок с капиталом против пролетариата не говоря уже о том, что такой исход означал бы превращение нашей страны в колонию. Если бы дело дошло до войны с капиталистическими странами, то для успеха в этой войне соответствующее настроение крестьянства имеет, разумеется, первостепенное значение. Но не меньшее значение имеют и успехи промышленности, без развития которой, без успеха в которой невозможны успехи и на военном фронте.

Рабоче-крестьянский блок нельзя рассматривать только под углом зрения компромисса с деревней. Этот компромисс нам нужен не сам по себе, а затем, чтобы крестьянство при одном из своих колебаний в сторону капитала не прервало той постройки всемирно-исторического значения, которую возводит пролетариат в виде государственного хозяйства со всеми его возможностями, и в том числе с возможностями для самого крестьянства. С этой точки зрения нижеприведенное место из нашей программы – и все то, что говорил Ленин о блоке рабочих и крестьян, – нисколько не противоречит излагаемой мною в статье точке зрения, потому что это изложение есть анализ условий существования и развития той системы, во имя которой мы идем и пойдем в будущем на необходимые компромиссы, поскольку они будут нужны для сохранения пролетарской диктатуры и для предупреждения срыва развивающегося государственного хозяйства. Вот что мы читаем по этому пункту в нашей программе: «По отношению к среднему крестьянству политика ВКП состоит в постепенном и планомерном вовлечении его в работу социалистического строительства. Партия ставит своей задачей отдалять его от кулаков, привлекая его на сторону рабочего класса внимательным отношением к его нуждам, борясь с его отсталостью мерами идейного воздействия, отнюдь не мерами подавления, стремясь во всех случаях, где затронуты его жизненные интересы, к практическим соглашениям с ним, идя на уступки ему в определении способов проведения социалистических преобразований».

Все это твердо усвоено нашей партией; все это не требовало и не требует никаких ревизий и все это, насколько я знаю, и не вызывало до сих пор никаких ревизий. В нашей партии нет такого сумасшедшего, который не понимал бы, что если все здание пролетарской диктатуры заколеблется до самых своих основ вследствие разрыва пролетариата с крестьянством, то пролетариат не выполнит своей исторической задачи и в деле развития государственного хозяйства.

Но с другой стороны, было бы вульгаризацией ленинизма, если бы при изложении ленинского понимания проблемы рабоче-крестьянского блока мы избегали освещения другой стороны вопроса: цели наших уступок, предела их, хотя бы в общем алгебраическом выражении. Не зря же Ленин не раз говорил на эту тему. Достаточно привести следующие его слова из доклада на Всероссийской партконференции 26 мая 1921 г.:

«На формуле соглашения рабочего класса и крестьянства очень часто останавливаются и очень часто пускают ее в ход против нас враги советской власти, потому что сама по себе эта формула совершенно неопределенна. Под соглашением между рабочим классом и крестьянством можно понимать что угодно. Если не иметь в виду, что соглашение с точки зрения рабочего класса лишь тогда является допустимым, правильным и прин-

ципиально возможным, когда оно поддерживает диктатуру рабочего класса и является одной из мер, направленных к уничтожению классов, то формула соглашения рабочего класса с крестьянством, конечно, остается формулой, которую все враги советской власти и все враги диктатуры в своих взглядах и приводят» (*Ленин. Т. XVIII. Ч. I. С. 257. См. там же еще с. 271*).

Но ведь диктатура пролетариата может подвергаться опасности не только постольку, поскольку нам не удастся «ужиться» с крестьянством вследствие ошибок в политике по отношению к деревне, но также и вследствие того, что наш экономический базис будет развиваться медленнее, чем растут капиталистические побегии нашей экономики на основе товарного хозяйства. И в этом случае именно вследствие медленного развития промышленности трудно будет «ужиться». А отсюда в интересах того же блока и проверки его крепости надо изучать все, что происходит в нашем государственном хозяйстве. Нам надо внимательнейшим образом изучить основные предпосылки развития нашего хозяйства. Только обеспечив это их изучение, мы в состоянии будем знать, как в каждый данный момент обстоит дело с нашей базой, как выглядит производственная база той стороны, которая руководит блоком, каковы ее ресурсы на предмет уступок по отношению к союзнику и каковы естественные пределы этих уступок.

Своеобразие положения крестьянства при диктатуре пролетариата заключается в том, что этот класс не является господствующим классом в обычном смысле этого слова, но не является и угнетенным классом, хотя и представляет низшую форму производства, которая должна быть побеждена и трансформирована под действием исторически более высокой формы. Наоборот, мы видим в нашей системе следующее интересное явление. Часть правящего класса, т.е. часть рабочих, теснейшим образом связана с крестьянством на экономической почве, и, таким образом, в недрах самого правящего класса крестьянство имеет свое естественное представительство. Рост государственной промышленности, новые потоки рабочих сил из деревни, которые будут в нее приливать, будут обеспечивать систему этого представительства на долгие и долгие годы в будущем, представительства, которое, быть может, не менее важно, чем те права, которые предоставлены крестьянству по нашей советской конституции. Пролетариат и крестьянство в нашем советском обществе — это сообщающиеся сосуды. При волнении в крестьянском море происходит всегда движение воды и внутри пролетариата. Анализ пролетарской диктатуры в крестьянской стране именно под этим углом зрения был бы куда более плодотворным, чем условное сравнение крестьянства с классовыми помещиками, а рабочих — с капиталистами, сравнение, при котором нарушены все исторические перспективы.

Наконец, еще более важен здесь анализ с такой точки зрения. Наше теперешнее крестьянское хозяйство по своему типу очень мало отличается от довоенного крестьянского хозяйства, внутренние изменения в нем, к сожалению, пока еще очень невелики. Между тем наша экономика и направление ее развития, а также и взаимоотношения крестьянства по отношению к господствующему классу в корне изменились по сравнению с до-революционным периодом. Следовательно, трансформирующим центром является город, является государственное хозяйство, а поэтому новый тип связи классов, новые основы советского общества, как небывалой еще в истории общественной формации, мы должны изучать с трансформирующего центра, что я и делаю в своей работе.

Об экономической политике

Здесь, как это ни скучно, приходится сначала освободиться от «подстановок» т. Бухарина при толковании моего текста. В своей статье я пишу: «...Мысль о том, что социалистическое хозяйство может развиваться само, не требуя ресурсов мелкобуржуазного

и в том числе крестьянского хозяйства, является, несомненно, реакционной, мелкобуржуазной утопией. Задача социалистического государства заключается не в том, чтобы брать с мелкобуржуазных производителей меньше, чем брал капитализм, а в том, чтобы брать больше *из еще большего дохода*, который будет обеспечен мелкому производству рационализацией всего, в том числе мелкого хозяйства страны».

Выше мы видели, что т. Бухарин согласился с тем, что государственное хозяйство не может не попользоваться добавочных ресурсов из мелкого производства. Мы брали эти ресурсы до сих пор, берем и неизбежно будем брать. Каково же наше удивление, когда эту совершенно бесспорную мысль т. Бухарин рассматривает как стрелу, пущенную в «мелкобуржуазную политику нашей партии». Удивительно, как т. Бухарин не заметил этого противоречия в своей собственной статье. Вообще здесь я лишь описываю то, что у нас до сих пор имело место. Если т. Бухарин рассмотрит наши государственные бюджеты последних лет и в этих бюджетах обратит внимание на графу о сметных ассигнованиях на промышленность, то он увидит, что наша реальная политика была именно той, какой я ее описываю и каковой должна быть и на будущее время политика в период первоначального социалистического накопления. Эта политика осуществлялась, несмотря на давление мелкобуржуазной массы страны. И дальше, как с этим согласился т. Бухарин, мы вынуждены будем брать ресурсы с частного хозяйства на восстановление и развертывание промышленности, на ее техническое переоборудование. Если же я говорю о мелкобуржуазных утопиях, то, во-первых, потому, что *крестьянских стран без мелкобуржуазных утопий* не бывает, а во-вторых, потому, что мы можем встретиться в будущем с попыткой ревизии экономической политики в этом пункте. Это надо предвидеть и с этим надо бороться. Лучшим же способом борьбы с попытками ревизии нашей экономической политики в этом направлении является изучение условий существования и предпосылок развития государственного хозяйства.

Мою точку зрения в области политики цен т. Бухарин сформулировал двумя словами: «Бери дороже». Выражаясь мягко, это вопиющая неверность. В моей работе ни разу нигде не говорится об удорожании цен. Я специально оговариваюсь, что политика накопления у нас не только возможна, но и фактически будет происходить при снижающихся или стабильных ценах. Утверждение т. Бухарина есть искажение и текста и смысла моих слов. Моя настоящая точка зрения в этом вопросе сводится к следующему. Правильная политика цен на продукцию государственной промышленности должна преследовать следующие три цели: накопление для расширенного воспроизводства и для технического переоборудования промышленности, повышение заработной платы, понижение цен. Достижимы ли эти цели одновременно, нет ли здесь противоречий? Достижимы. Противоречие было бы лишь в том случае, если бы все хозяйство находилось в стабильном состоянии, если бы в стабильном состоянии находились и размеры доходов как в государственном, так и в крестьянском хозяйстве. Тогда накопление можно было бы осуществить лишь за счет снижения заработной платы или повышения цен; понижение цен было бы возможно лишь за счет накопления и понижения зарплаты и т.д. Но при росте производительности труда эта треугольная проблема разрешима одновременно. Тов. Бухарин поучает меня тому же самому, т.е. тому, что я знал и высказывал до него. С обычной в данной статье точностью он говорит, что я занимаюсь дележом лишь стабильного дохода. Мне это наставление не нужно. Но оно полезно т. Бухарину, потому что, если он понял этот пункт, он может усвоить и дальнейшее в моем изложении.

Итак, при росте производительности труда треугольная проблема разрешима. Это и есть, в сущности, формула блока рабочих и крестьян в важнейшем пункте экономического поля. Приведу числовой пример. Если, допустим, в данном году наша промышленность, благодаря большей загрузке предприятий, улучшению техники, более производительному труду рабочих, лучшей организации всего процесса и большей плановости во

всем государственном хозяйстве, производит единицу продукции на 10% дешевле и в переводе на деньги, по отношению ко всей продукции, дает, скажем, лишних 150 млн, то правильная политика цен будет заключаться в том, чтобы эта «экономия» распределялась по трем линиям: по линии накопления, понижения цен и роста зарплаты. Такое распределение есть само не только функция роста производства и производительности труда, но является его необходимой предпосылкой. Только при такой системе распределения возможно не только стимулировать сбыт растущей массы продукции и постепенно удовлетворять нужды деревни (что есть только лишь одно из условий задачи, а не вся задача), но возможно и решение двух других условий, без которых движение вперед невозможно. *Финансирование растущей производительности труда, т.е. рост зарплаты, есть необходимое условие для того, чтобы на этом поле не произошло стабилизации.* Наконец, *только при обеспечении накопления возможно дальнейшее развертывание производства.* Ведь развертывание предполагает наличие нового капитала в разных пропорциях, «in natura» отлагающихся во всех отраслях, как необходимое условие расширенного воспроизводства на следующем этапе. Как без прибавочной стоимости, превышающей по своим размерам потребление класса капиталистов и содержимых ими групп, невозможно расширение капиталистического воспроизводства, так и без определенного размера прибавочного продукта государственной промышленности немислимо ее дальнейшее развитие. Идеальной для нас политикой цен является такая политика, когда уровень цен, несмотря на их снижение на основе успехов в производстве, предусматривает не просто воспроизводство, а воспроизводство расширенное плюс электрификация, и все это обеспечивается автоматически от одного цикла к другому. Если для некоторых отраслей такая политика невозможна, то тем более необходимо опереться в этом процессе на приток ресурсов из сфер, лежащих за пределами государственного хозяйства. Совершенно другой вопрос, в каких размерах возможно приближение к этому идеалу теперь. Здесь мы неизбежно должны учесть все условия решения задач: и сравнительно медленный рост накопления в крестьянском хозяйстве, и сравнительно *медленный* рост его покупательных способностей, и проблему пропорциональности в развитии промышленности и земледелия, и размеры урожая данного года, размеры возможного экспорта, цены на мировом хлебном рынке, цены на все предметы экспорта и т.д. и т.д.

При проведении такой политики снижающихся цен мы встречаемся с одним важным затруднением. Поскольку розничная торговля находится по большей части в руках частного капитала, то наша политика понижения цен в отраслях, где производство отстает от спроса, наталкивается на серьезнейшее затруднение, парализующее политику снижения цен для потребителя. Так как большая часть розничной торговли находится в руках частного капитала, то при снижении цен в условиях товарного голода мы неизбежно имеем накопление именно в сфере частного капитала³. Большая доля от этого снижения попадает в его руки, и мы лишь отчасти достигаем улучшения положения потребителя, особенно деревенского потребителя. Если снижение цен срывает процесс накопления, т.е. возможность расширенного воспроизводства в данной отрасли, то для нас закрывается путь для того, чтобы добиться реального снижения на следующем этапе. Ведь расширение требует добавочного капитала. Если этого добавочного капитала мы не получили за предыдущий цикл, то в новом году мы будем иметь размеры производства прошлого года. Ножницы между оптовыми и розничными ценами будут существовать, и потребитель по-прежнему не сможет использовать выгод новой политики на снижение. В результате мы будем иметь застой в производстве и высокие цены в розничной торговле. В этом случае нам, разумеется, выгодно либо не понижать цен, пока мы не добились расширения производства, либо прибегнуть к товарной интервенции, если она в состоянии, с одной стороны, ликвидировать временный товарный голод, а с другой

стороны – даст добавочные ресурсы нам для расширенного производства в данной отрасли в следующем сезоне. Отсюда ясно, что голый лозунг понижения цен, не контролируемый другими задачами, может в известных случаях приостановить развитие тех или иных отраслей нашей промышленности, не принося выгод широким массам потребителей, особенно деревенских. Мы должны стоять не на потребительской, а на производственной точке зрения и исходить из производства. Мы ведь живем еще не в социалистическом обществе с его производством для потребителя, мы живем в период первоначального социалистического накопления, под железной пятой закона этого накопления. Конечно, позиция производственника, в том числе и сознательного рабочего-производственника, не так популярна, как политика голого снижения цен во что бы то ни стало, не так популярна, как потребительский подход к нашей экономике. Но нужно помнить одно: политика снижения цен не превращается в фразу для низового потребителя лишь постольку, поскольку она является следствием накопления, расширенного воспроизводства на предыдущем этапе. Мы должны идти не от понижения цен к накоплению, а от накопления к понижению цен. Если для выхода из кризиса конца 1923 г. нам было легко резко понизить цены, и это понижение имело положительный эффект и для самого производства, то только потому, что в предыдущий цикл мы накопили достаточно для этой операции, а может быть, и перенакопили сверх необходимого. При более или менее нормальных условиях развертывания нашей промышленности на будущее время такие скачки и материально невозможны для нас, и нецелесообразны для всего хозяйства.

Необходимо здесь еще сказать, что одна из самых тяжелых проблем нашей жизни – проблема о безработице – при всех попытках ее радикального решения целиком упирается в проблему накопления. Сотни миллионов ценностей в форме неиспользованного труда безработных рабочих, в виде стоящих заводов с неиспользованным оборудованием, неэкономное использование капитала действующих заводов – эти сотни миллионов гибнут, а люди голодают лишь потому, что мы только-только еще приступаем к накоплению и делаем пока еще слабые успехи в этой области⁴.

Между тем вопрос о безработице есть не только рабочий, но и крестьянский вопрос. Специальное исследование могло бы доказать, как много получила бы современная деревня с ее огромным резервуаром неиспользованной рабочей силы, если бы нам удалось установить довоенные соотношения между промышленностью и земледелием и тем самым занять сотни тысяч новых рабочих в производстве и еще большие массы крестьянских сил на различных работах.

Второй вопрос, на котором нужно здесь остановиться, – это вопрос о размерах обложения частного хозяйства в интересах развертывания промышленности. Выше я цитировал из своей статьи место, где говорилось о том, что наша задача в этой области заключается не в том, чтобы брать меньше, чем брал капитализм, а брать больше из еще более возросшего дохода. Тов. Бухарин называет эту мысль «здравой» (подумать только, честь какая!), но он не понимает, как эта мысль затесалась в то кладбище ошибок, которое он сфабриковал из моих взглядов для облегчения своих полемических задач. Между тем у меня нет ничего, что противоречило бы этой мысли. Если, допустим, наше крестьянское хозяйство, благодаря интенсификации, через довольно продолжительный, разумеется, промежуток времени будет давать, скажем, в три раза больше дохода, чем давало до войны, что отнюдь не является утопией (наши агрономы считают возможным еще больший подъем доходности), то почему мы не можем брать с него в полтора раза больше того, что брал капитализм? Или, если взять произвольный числовой пример: если капитализм брал, допустим, 20 руб. со 100 руб. крестьянского дохода, почему социалистическое государство не может брать 30 руб. с 300 руб. дохода? Тем более что через каналы досрочного кредита, одинаково выгодного при успешности накопления и про-

мышленности и сельскому хозяйству, мы будем возвращать в капитал крестьянского хозяйства часть этих ресурсов. Все это не вызывает возражений т. Бухарина. Мало того, увлекшись этой перспективой, он даже дает здесь такую формулу, которая мало отличается от моей и гласит: «Накопление в социалистической промышленности при большом удельном весе крестьянских хозяйств есть функция накопления в крестьянском хозяйстве». Тов. Бухарин не понимает лишь, каким образом мой тезис согласуется с перспективой «пожирания» крестьянского хозяйства государством, согласуется с программой колониального обирательства деревни, игнорированием емкости крестьянского рынка и т.д. Но если принять во внимание, что и «пожирание», и колониальная политика, и т.д. есть лишь продукт «отрицательного расширенного воспроизводства» моего оппонента в области полемики, то противоречие сразу «снимается»; снимается гораздо проще, чем это нужно по Гегелю. Точно так же соображение т. Бухарина насчет того, что я якобы предлагаю резать курицу, несущую золотые яйца для нашей госпромышленности, т.е. предлагаю задерживать развитие крестьянского хозяйства, – находится в вопиющем противоречии с текстом моей работы. А нужно еще раз сказать, что в моей статье не дается цифрового анализа хозяйства, не дается оценки удельного веса этих отдельных частей в цифровом выражении. Тов. Бухарин и здесь слишком поторопился вступить в бой, не дождавшись изложения моих взглядов на экономику современного крестьянского хозяйства Союза. И когда т. Бухарин поучает меня насчет того, что накопление в крестьянском хозяйстве есть функция социалистического накопления, то он, во-первых, преподносит мне мой собственный тезис, выраженный лишь другими словами, а во-вторых, он преподносит его мне отнюдь не в улучшенном виде. В самом деле, говоря о зависимости государственного хозяйства от размеров обмена этого хозяйства с частным, я пишу: «В этом пункте (т.е. в пункте обменной связи с частным хозяйством. – Е.П.) пропорциональность в развертывании государственной промышленности зависит от пропорциональности развертывания в частном хозяйстве. Последнее же складывается стихийно. Здесь государственная промышленность привязана крепко к колеснице частного хозяйства. И как раз ее работа на рыночный спрос является необходимой предпосылкой самого социалистического накопления. *Если накопление за счет частного хозяйства означает активный баланс обмениваемых ценностей на сторону государственного хозяйства, то этот баланс будет тем больше, чем больше при прочих равных условиях числовые величины обмена*» (С. 112–113). Иными словами, размеры накопления связаны с размерами обмена. Увеличение же обмена со стороны деревни возможно лишь на базе увеличения товарности крестьянского хозяйства, а рост товарности есть синоним подъема хозяйства и его доходности; отсюда зависимость между размерами обмена и накоплением. Как все это похоже на то, что пишет обо мне т. Бухарин!

Но изложение т. Бухарина не является улучшенным по сравнению с моим, потому что не отражает огромной важности диалектического противоречия, которое связано с описываемым процессом. Это противоречие заключается в следующем. Чем быстрее поднимается крестьянское хозяйство и растет его товарность, тем больше база для социалистического накопления на этом участке. Это, с одной стороны. Но чем быстрее его рост, тем шире база для развертывания основных законов товарного хозяйства, тем глубже и шире волны колебания рыночной стихии, тем шире база для образования на его основе капиталистических отношений со всеми вытекающими отсюда и экономическими и политическими последствиями для социалистической системы. Условия роста на обоих полюсах есть в то же время условия роста противоречий между двумя системами, потому что одновременно растут и возможности более глубокого регулирования хозяйства со стороны государства, и силы, противодействующие этому регулированию, срывающие его. Мысль эта, вообще говоря, не является новой. Она высказывалась не один раз. В иной форме она высказывалась и т. Лениным. Но нам, во всяком случае, важно

следить каждый данный момент за развитием этого противоречия и быть всегда в курсе дела насчет того, каковы арифметические выражения этих, с одной стороны, растущих, с другой стороны, сглаживающихся противоречий. Увлечшись задачей во что бы то ни стало «разбить Преображенского», т. Бухарин усиленно занялся одной стороной проблемы, вторая же ускользает из его поля зрения.

Что касается емкости внутреннего крестьянского рынка и оценки его роли для нашей промышленности, то меньше всего я должен слышать здесь наставления от т. Бухарина. Эту проблему я выдвинул полтора года тому назад в докладе и брошюре «Об экономических кризисах при нэпе», за что, по иронии судьбы, получил тогда от т. Ларина упрек в народничестве. Этой проблеме и в той моей работе, главу из которой критикует т. Бухарин, также будет уделено много места. Тов. Бухарин говорит, что на эту тему у меня есть только одно замечание. Я согласен, что об этом сказано мало, мало по вполне понятной причине. Ведь если бы я в одной главе мог написать сразу обо всем, тогда не нужно было бы и книги. Мало ли о чем в статье не сказано! Например, ничего не сказано и об емкости нашего городского рынка для крестьянского хозяйства, что также имеет огромное значение для нашей экономики и что усугубляет именно для крестьянства всю важность быстрого накопления, т.е. расширенного воспроизводства и промышленности. Кризис животноводства этого года является выразительнейшей иллюстрацией этого.

Тов. Бухарин не согласен с моим утверждением насчет необходимости для нас на ближайшие годы падающих или неизменных цен; он считает правильным лозунг только падающих цен. На это я должен заметить следующее. Во-первых, у нас есть некоторые отрасли промышленности, где нам нет никакого смысла особенно заботиться о снижении цен: таковы, скажем, все производства, связанные с буржуазным спросом, например, производство предметов роскоши; таковы, например, производства спиртных напитков и т.д. К снижению себестоимости нужно стремиться и здесь, а прибыль этих отраслей переносить в другие производства, страдающие от недостатка капитала, поскольку эта задача не решается повышением акциза. Затем я говорил в статье не только о текущем годе и следующем. Когда у нас с еще большей остротой, чем теперь, станет проблема восстановления основного капитала промышленности и когда ножницы между ценами на промышленный и сельскохозяйственный товары достигнут мировых соотношений, либо наших довоенных пропорций, – политика цен должна будет перемежаться с продолжительными сроками стабильных цен, а при вздорожании сырья, особенно заграничного (хлопок, каучук, мягкая шерсть, толстая кожа и т.д.), – что не от нас зависит, – не исключено и колебание цен вверх. Поэтому-то я для осторожности не говорил *только* о понижающихся ценах.

Тов. Бухарин сильно обрушивается на одно мое замечание насчет невыгодности для нас «филантропической» торговли. О чем здесь идет речь?

Я говорил в данном месте статьи о нецелесообразности с точки зрения накопления занимать часть государственного капитала в такой торговле, которая не приносит нам прибыли и не решает других более важных проблем, т.е. прежде всего проблемы дальнейшего расширения производства. При крайней нашей бедности капиталами государству каждый данный момент приходится решать вопрос о том, куда именно теперь настоятельно необходимо и выгодно направлять свои средства. Сейчас этот вопрос стоит перед нами во всей остроте. Выгодно ли нам занимать наши средства в торговле тогда, когда в промышленности резкий недостаток этих средств? Разумеется, нам не избежать помещения части государственного капитала в государственной торговле и в кооперации. Наши средства, помещаемые в этих областях, т.е. в сфере обмена, будут, несомненно, расти. Но нам совершенно нецелесообразно именно в данный момент помещать эти средства в такой торговле, которая ничего не дает для дела накопления и решает только задачу уменьшения эксплуатации мелкого производителя со

стороны частного капитала. Последняя задача, вообще говоря, является также важной, но здесь нам необходимо центр тяжести нашей политики переносить на вовлечение капитала самих мелких производителей в этого сорта торговлю, развивать на собственные средства крестьян кооперацию по сбыту и не связывать в этой торговле часть нашего государственного капитала, снимая его с производства. Мы еще сейчас недостаточно богаты, чтобы перейти в массовом масштабе к овладению и этой частью обмена. Вот все, что я имел в виду здесь сказать. На основании уже имеющегося опыта правильность этой мысли вполне подтвердилась опытом последнего года.

О движущих силах развития нашей экономики

Тов. Бухарин в параграфе своей статьи, озаглавленном «Монополистический паразитизм или социалистическое движение вперед», развивает ряд совершенно правильных мыслей насчет того, что должно толкать вперед нашу промышленность в условиях государственной монополии на крупное производство и транспорт. Я не понимаю лишь, почему эти мысли, которые я сам высказывал до появления статьи т. Бухарина (что ему известно), должны явиться возражением против моей точки зрения. Если движущей силой капиталистического развития являлась и отчасти является теперь конкуренция, если капиталистические предприятия под мечом банкротства должны были снижать цены и бороться за свое существование, повышая технику, поднимая производительность труда и снижая цены, если в то же время стимулом для капиталистов являлась погоня за прибылью, то государственное хозяйство пролетариата развивает другие стимулы и регуляторы производства, присущие именно этой системе хозяйства. Основным рычагом давления является здесь потребительский нажим рабочего класса на свое государство и его аппарат. С этой точки зрения не только давление беспартийных рабочих на профсоюзы и давление профсоюзов на хозяйственные органы и государство есть необходимейшая часть этого механизма новой экономики, но таковую же роль отчасти играет и стихийное давление рабочих, вплоть до так называемых «волюнок». Здесь наша система, с одной стороны, сознательно организовано, с другой стороны, стихийно нащупывает внутри себя такие регуляторы, которые должны заменить стимулы конкурентной капиталистической борьбы и тем выполнить те же самые функции, но только другими средствами. Эти средства находятся в прямой зависимости от того, что государство у нас рабочее и промышленность у нас государственная, и что эта государственная промышленность срощена с пролетарским государством.

Что касается потребительского нажима крестьян, то это давление не есть внутреннее давление социалистической формы, оно приходит извне, но по объективным последствиям близко к давлению рабочего класса. Разница же с рабочим давлением заключается здесь в следующем. Как конкуренция между капиталистическими предприятиями не затрагивает основ существования данной системы и в крайнем случае приводит лишь к банкротству и гибели отдельных слабых предприятий, так и рабочее давление на свое государство не может колебать основ этого государства, а лишь ускоряет темп развития промышленности, улучшает методы работы и качество работы его органов. Наоборот, крестьянское давление по своему социальному, классовому содержанию есть давление извне, оно может переходить рамки давления одного союзника на другого и с этой стороны принципиально отлично от рабочего давления. Но как стимул к поднятию производства и его рационализации это давление, поскольку оно не колеблет советской системы, может иметь те же последствия, что и потребительский нажим пролетариата.

Вот именно наличие этих рычагов в нашей экономической системе при давлении иностранного капитала извне и гарантирует государственное хозяйство от загнивания

на лаврах монополии и чем дальше, тем сильнее будет подгонять всю систему к более быстрому бегу вперед. И этот вопрос я не затронул в своей статье, потому что он должен рассматриваться в другой главе книги, где будет идти речь об организационной структуре нашего хозяйства, о накоплении и социалистической культуре и о выработке нового типа работников государственного хозяйства.

Так как все написанное т. Бухариным в этом параграфе отнюдь не является возражением мне, то, чтобы найти здесь какое-нибудь разногласие со мною, т. Бухарин приписывает мне защиту такой политики повышения цен, которая-де должна быть «другой формой налогового обложения». Да, я стою за то, чтобы прямые налоги с деревни свести до минимума, скажем к одному подоходному налогу, а все остальное брать акцизами и соответствующей политикой цен⁵. (Кстати, это была и мысль Владимира Ильича, которую я от него не раз слышал в период нэпа.) Но если мы вступим на этот путь, — а мы отчасти уже на этот путь вступили, — то это отнюдь не значит, что мы можем добиться своей цели только путем повышения цен. Я уже говорил выше о том, что это не только необязательно для нас в настоящих условиях, но что, наоборот, мы сможем осуществлять эту политику при падающих или стабильных ценах.

О законе социалистического накопления

Тов. Бухарин относится скептически к сформулированному мною основному закону первоначального социалистического накопления не только с политической, но, по-видимому, и с научно-теоретической точки зрения. Однако что же выдвинул т. Бухарин против этого закона? Должен признаться, что я с наибольшим интересом и с наибольшим вниманием штудировал именно эту часть статьи т. Бухарина, которая ко мне действительно относится. На основании опыта прошлого я не без некоторого основания ожидал, что т. Бухарин именно здесь либо даст нам новый материал к иной постановке самого вопроса, либо противопоставит моему построению свое, как он обычно делал это в таких случаях. Но здесь мне пришлось разочароваться. Весь центр тяжести статьи его оказался в сфере политики, т.е. в той области, которой я непосредственно не касался и где мой оппонент, как известно, не является большим специалистом.

Тов. Бухарин лишь в конце статьи вспомнил о том, с чего должен был начать и чему должен был посвятить главную часть своего ответа. Что же он выдвинул против меня?

В основе моего закона, по мнению т. Бухарина, лежит простой трюизм. В стране с диктатурой пролетариата, где промышленность более развита, там и прибавочного продукта будет получаться больше именно от промышленности, чем от мелких производителей. Там же, где промышленность слабее, а мелкое производство очень сильно, там — наоборот. Я не возражаю, что это трюизм, как и т. Бухарин не будет, вероятно, возражать против того, что отправным логическим пунктом всякого закона является какой-либо трюизм или аксиома. Дело все в дальнейшей цепи выводов. Тов. Бухарин не считает обязательным логически связать трюизм с утверждением, что чем больше удельный вес в социалистическом государстве мелкого производства в сравнении с государственным хозяйством, тем более неэквивалентным будет товарный обмен между этими системами. Во-первых, я говорил в законе об общем балансе обмена веществ между двумя экономическими формами, а не об одном только балансе товарного обмена между ними. Возражение т. Бухарина в этом пункте совершенно не относится к делу. Ведь если принять, что, скажем, у нас в России неэквивалентность обмена в условиях свободы конкуренции с капиталистическими странами будет меньше, чем внутри передовых капиталистических стран, то это отнюдь не говорит о том, что при той же самой технике, но при отсутствии свободы конкуренции и при социалистической монополии все это не

изменилось бы в период именно первоначального социалистического накопления. Ведь начав с триюзма, мы сейчас же наталкиваемся на тот факт, что в период первоначального социалистического накопления и на все время существования именно первоначального социалистического накопления цены промышленности должны включать в себя не только все элементы воспроизводства, но и обеспечить (если это не будет достигнуто налоговым путем) переход промышленности на новую техническую базу. Совсем другой вопрос, насколько растянется весь этот процесс, насколько медленнее или быстрее будет проходить это накопление. Разумеется, при общей нашей нищете и при низком уровне нашего земледелия весь этот процесс, если не будет поддержки со стороны европейской революции, будет протекать очень медленно. Но этот процесс есть неизбежный процесс, это вопрос жизни и смерти для советской системы хозяйства. Закон первоначального социалистического накопления есть закон борьбы за существование государственного хозяйства. Неэквивалентность обмена, которой он требует и в сфере товарообмена, есть не только воспроизведение той пропорции, в которой эта неэквивалентность существует в капиталистических странах, но и связана с известным плюсом сверх этого. Что же касается вопроса о том, будет ли, скажем, в социалистической Германии обмен города с крестьянской деревней более эквивалентным, чем в Советском Союзе, этот вопрос сейчас академический, потому что никто не может точно учесть, в каком проценте на цены нашего внутреннего промышленного производства будет ложиться техническое переоборудование хозяйства, с одной стороны; с другой стороны, никто не может учесть и того, какой будет удельный вес трудоемких культур в земледелии социалистической Германии. Если же при формулировке закона я упомянул об уменьшении неэквивалентного обмена с бывшими колониями, то я имел в виду ту сторону неэквивалентности обмена, которая специфически связана с капиталистической и империалистической эксплуатацией и политикой. Тов. Бухарин пишет, что вопрос о неэквивалентности обмена не так прост, как я его себе представляю. Я отнюдь не думаю, что этот вопрос является простым и что он не требует самого обстоятельного теоретического изучения. Я прекрасно понимаю разницу в этом пункте между странами, которые имеют наряду с мелким крестьянским также и крупное капиталистическое землевладение (которое станет социалистическим при диктатуре пролетариата), и между теми странами, которые в промышленности имеют крупное производство, а в земледелии только мелкое или почти только мелкое производство и где борьба крупного производства с мелким принимает форму борьбы промышленности с земледелием, города с деревней.

Но из возражения т. Бухарина я не вижу, чтобы он чем-либо усложнил здесь проблему по сравнению с тем, что говорил на эту тему я в своей статье. При всей моей готовности я, к сожалению, очень мало чем могу воспользоваться в этом пункте из возражений т. Бухарина.

Точно так же и по поводу центрального пункта моей статьи, касающегося борьбы закона стоимости с законом социалистического накопления, т. Бухарин ограничивается одним только примечанием, в котором также пытается доказать, что «дело обстоит гораздо сложнее, чем у т. Преображенского». Прочитав здесь целиком это примечание т. Бухарина. «Мы не можем здесь входить в подробный анализ одного общего теоретического положения т. Преображенского, где он (Преображенский) изображает процесс социалистического накопления как борьбу двух законов: закона социалистического накопления и закона ценности. По мнению т. Преображенского, закон социалистического накопления частью парализует, частью «отменяет» закон ценности, который в данный период отходит совершенно на задний план. Здесь мы заметим лишь следующее: добавочная «прибыль» высоких хозяйственных комплексов получается: 1) из того факта, что индивидуальная себестоимость здесь ниже общественной, т.е. на основе закона ценности; 2) из факта монополии. Если рассматривать большой промежуток времени, то

нетрудно увидеть, что первый закон выражает и опирается на *развитие* производительных сил, тогда как второй более или менее связан с консервативными тенденциями в том смысле, о котором мы говорили в тексте. С другой стороны, закон ценности, который в неорганизованном обществе есть и закон распределения общественного труда, является определенной границей для монополии. Ибо есть объективная граница в распределении производительных сил; если эта граница перейдена, неизбежен резкий кризис. Наконец, универсальная «монополия», т.е. всеобщая организация общества, превращает стихийный закон ценности в плановый сознательный «закон» экономической политики, закон рационального распределения производительных сил. Таким образом, дело обстоит гораздо сложнее, чем у т. Преображенского».

Я думаю, что не я, а т. Бухарин упрощенно понимает закон первоначального социалистического накопления. Борьба здесь идет между законом ценности и плановым началом. Но на данной стадии, т.е. в начальной стадии борьбы планового начала с рынком в условиях бедности капиталами и в условиях технико-экономической слабости государственного хозяйства, *эта борьба неизбежно принимает форму борьбы закона первоначального социалистического накопления с законом ценности*. Закон этого накопления есть лишь первый этап, детский возраст планового начала. Регулирование разворачивается не ради регулирования, а подчинено задачам первоначального накопления, как в период военного коммунизма попытки построения планового хозяйства были подчинены не абстрактной цели социалистического плана, а задачам обороны страны в Гражданской войне. Если отвлечься от диалектики всего этого процесса, если разбить все исследуемое поле на правильные квадратики абстракции и задержать по этому случаю ход истории, то мы, конечно, будем биться в тисках неразрешимых противоречий: между монополией, с одной стороны, и законом стоимости – с другой стороны, между капиталом в старом смысле слова и государственным капиталом в новом смысле этого слова. Но выход здесь есть. Он заключается в том, что реальная жизнь развивается по Гегелю, Марксу и Ленину, т.е. развивается диалектически, и тем разрушает противоречия, создаваемые схематизмом нашей мысли и неподвижностью терминологии, выработанной при анализе одной системы и часто отказывающейся служить при историческом переходе одной системы в другую.

С этой точки зрения замечания т. Бухарина насчет того, что к капиталу нельзя прикладывать продукта, являются совершенно правильными с точки зрения терминологической статистики, но неправильными с точки зрения описания диалектического процесса. Я сделал здесь не терминологическую описку, а сознательно исходил из того факта, что превращение товара в продукт и замещение частного капитала в старом смысле капиталом государственным происходит после революции на основе постепенного роста одной системы за счет другой. Если т. Бухарин предложит здесь удачный выход из этого терминологического затруднения, я первый буду его приветствовать. Но пока что он этого не делает. Наоборот, целый столбец он убивает на то, чтобы поправить мою оплошность – употребление в 2–3 местах для краткости термина «социалистическое накопление» вместо «первоначальное социалистическое накопление». Я признаюсь здесь в своей оплошности и исправлю ее при первой возможности. Однако я буду ждать, что т. Бухарин не ограничится здесь на будущее время стрельбой из пушек по терминологическим воробьям и опискам, а скажет что-нибудь и по существу вопроса⁶.

Я должен самым решительным образом протестовать против заключительных строк т. Бухарина, когда он пишет: «Читатель, привыкший иметь дело с анализом различных идеологических оттенков, сразу распознает здесь цеховую идеологию, которой «нет дела» до других классов, которую не заботит основная проблема пролетарской политики, проблема рабоче-крестьянского блока и пролетарской гегемонии в этом блоке. Один шагжок в сторону в том же направлении, и тогда у нас полностью дана полуменьшевицкая

идеология законченных тред-юнионистов российского образца: наплевать на деревенщину, больше концессий иностранному капиталу, ни копейки на кооперативные бредни и аграрщину, усиленный нажим на крестьянство во славу «пролетариата» и т.д. Сюда растет эта идеология».

Насколько, выражаясь мягко, неверны эти сведения, искусственны и шиты белыми нитками, видно по одному единственно конкретному пункту этого обвинения, именно по пункту «больше концессий иностранному капиталу». Насчет концессий я в своей статье пишу следующее: «Основная отрицательная сторона концессий заключается в том, что здесь государственное хозяйство в период первоначального социалистического накопления, т.е. в период своей максимальной слабости, вступает в непосредственное соприкосновение с иностранным капиталом, идущим во всеоружии своей техники, излишков основного и оборотного капитала, имея большие резервы новых капиталов в своем буржуазном тылу... Итак, может быть положение такое, что слишком большая доза концессий, принятая в организм государственного хозяйства, начнет разлагать последнее, как в свое время капитализм разлагал более слабое натуральное хозяйство».

Во всяком случае, осторожность в области концессионной политики является отражением той же самой экономической необходимости, которая заставляет хозяйство СССР всемерно поддерживать монополию внешней торговли и систему самого жесткого протекционизма» (С. 104–105).

Из всей моей статьи и, в частности, из этой цитаты видно, что осторожное отношение к концессиям находится в теснейшей внутренней связи со всей моей концепцией вообще. Если же т. Бухарин, без всяких доказательств и вопреки букве и смыслу статьи, утверждает обратное, то во всем этом есть также своя собственная внутренняя логика – логика политической полемики. Когда я вместе с другими товарищами привлекался по одному из процессов за принадлежность к партии в 1910 г. и нашему защитнику (небезызвестному Керенскому) указал на то, что его план защиты дает такой вариант, который расходится с действительностью даже там, где для защитника выгодней было бы просто говорить правду, то он мне ответил: «Нам надо создать такой вариант защиты, который легче усвоить и которому скорее поверят судьи, и не осложнять наши построения соображениями насчет того, как было дело в отдельных случаях».

Таковы правила защиты на суде. Но таковы же и правила политического нападения. При этом нападении не всегда нужно, а иногда даже и совсем не нужно, говорить о том, что в действительности есть. Важно создать наиболее выгодный и в то же время наиболее избитый и легко укладывающийся в голову читателя вариант обвинений. Это правило как юридической, так и политической эстетики т. Бухарин начинает, по-видимому, усваивать. И только этим можно объяснить, что он решил обвинить меня в нежности к концессиям там, где я пишу как раз обратное.

Столь же похоже на правду обвинение в цеховщине, тред-юнионизме и т.д. Этот термин применительно к нашим внутрипартийным делам выдвинул Ленин. Он вполне правильно понимал под цеховщиной принесение в жертву *потребительским* интересам рабочих интересы удержания диктатуры, интересы развития всего социалистического хозяйства, интересы будущего рабочего класса и всех трудящихся. Наоборот, линия на накопление есть линия на защиту интересов хозяйства как целого, его головной государственной части, которая является движущим центром всякого поступательного движения вперед к социализму, есть линия на укрепление экономической основы пролетарской диктатуры в борьбе с давлением потребительской стихии.

Тов. Бухарин своей статьей открыл поход против одной из попыток продумать законы развития государственного хозяйства, условия его самосохранения и его противоречия с частным хозяйством в переживаемую эпоху. Что это такое? Нужен ли такой подход для успеха рабоче-крестьянского блока на основе сохранения диктатуры пролетариата?

Нет, для этого нужно как раз обратное, для этого нужен холодный анализ того, на чем мы стоим, ради чего идем на компромиссы и каковы пределы наших уступок. *И чем больше эти уступки, тем более необходим этот анализ.* Крестьянину нужен от нас дешевый товар и поменьше налогов, он совсем не требует от нас теоретической капитуляции, отказа от анализа условий развития нашего хозяйства. А если бы эти требования заходили так далеко, то они должны встретить самый решительный отпор. Между тем т. Бухарин дает отпор как раз в обратном направлении, и с этой точкой зрения над его статьей следует основательно призадуматься. Не является ли она первой попыткой уступки мелкобуржуазному напору на нашу партию в том пункте, где мы никогда не уступали, работая под руководством Ленина, и никогда не должны уступать в будущее время?

Моя статья о социалистическом накоплении посвящена вопросу, который будет стоять в центре нашего внимания минимумом два десятилетия. Нам предстоит еще очень много спорить как по общим вопросам накопления, так и по вопросу об арифметических цифрах его. Вопрос этот совершенно новый. Именно поэтому я хотел поставить его сначала на предварительное обсуждение подготовленных читателей и именно поэтому поместил статью в академическом журнале. Вместо того чтобы принять участие в таком предварительном академическом обсуждении вопроса, т. Бухарин, перенеся обсуждение в газету, должен был смазать самую сущность вопроса, умолчать о том, что сам он не хотел вульгаризировать; ради полемических целей он дал абсолютно неверное толкование всей статьи в целом и отдельных мест и в итоге, вместо того чтобы постепенно поставить перед партийной мыслью всю проблему во всей ее сложности, окончательно запутал весь вопрос.

Я считаю вредным такой метод обсуждения, отказываюсь от него и предоставляю т. Бухарину все лавры его дешевой «победы».

Другие оппоненты

Тов. Мотылев

Тов. Мотылев печатно выступил против главы настоящей книги, посвященной социалистическому накоплению, в небольшой брошюрке под названием «Прибавочная стоимость и социалистическое накопление в СССР» (Буревестник. 1925).

Мне придется здесь коснуться не только той части названной брошюры, которая непосредственно направлена против меня, но и других работ т. Мотылева, задевающих проблемы теории советского хозяйства. Придется попутно показать, что размеры самоуверенности и апломба этого плодовитого экономиста обратно пропорциональны не только его научным «открытиям», но просто *знаниям* предмета.

Возражения, которые делает мне т. Мотылев, на $\frac{4}{5}$ есть простое повторение, простое изложение своими словами всего того, что было написано против меня т. Бухариным в его выше уже разобранный статье. От себя т. Мотылев почти ничего не добавил. Я остановлюсь лишь на вопросах, мало затронутых в ответе т. Бухарину.

Тов. Мотылев, вслед за т. Бухариным, вынужден согласиться с тем, что социалистическое накопление не может обойтись без отчуждения части прибавочного продукта деревни в фонд этого накопления. Он пишет: «Совершенно бесспорно, конечно, что чем больше в данной стране объем мелкобуржуазных форм хозяйства, тем значительнее их роль в первоначальном социалистическом накоплении. Мы установили в первой части статьи, что в первоначальном социалистическом накоплении участвуют все части народного хозяйства. Совершенно очевидно, что роль каждой части определяется прежде всего ее удельным весом в народном хозяйстве. Если б сущность закона т. Преображен-

ского заключалась только в установлении этого факта, то он мог бы считаться бесспорным, но вместе с тем он вряд ли представлял собой научное открытие».

Конечно, «сущность» закона первоначального социалистического накопления заключается не только и не столько в констатировании этого факта. Самые серьезные мои оппоненты почти все свои возражения построили не против необходимости перекачки части прибавочного продукта частного хозяйства в государственное хозяйство, а против моей мотивировки такой перекачки. И в то же время от них ускользнуло, что только при установлении закона первоначального социалистического накопления этот процесс подвергается научному изучению как необходимый и что пропорции перекачки со стороны минимума диктуются с объективной принудительностью. Наоборот, мой оппонент вынужден по вопросу о балансе обмена стоимости между государственным и частным хозяйством отделяться общими фразами, из которых видно, что он даже не понимает, в чем собственно и заключается самая проблема.

Итак, т. Мотылев брать разрешает, но пропорционально «удельному весу» каждого сектора народного хозяйства. Во-первых, нужно сказать, что государственное и частное хозяйства не являются товариществом на паях и такая постановка с научно-теоретической точки зрения не выдерживает критики. Я уже не говорю о том, что накопление по «удельному весу», а не, скажем, по удельному весу прибавочного продукта ужаснуло бы т. Мотылева размерами обложения деревни, если б он свою формулу прикинул на арифметическую пропорцию.

Но у нашего автора есть формулировка еще «глубже» и «неотразимей». Он пишет: «Итак, мы установили, что не может быть чрезмерного присвоения государством продуктов крестьянского хозяйства» (С. 17–18), и потом: «Ошибка его (т.е. моя. – Е.П.) в том, что, по его мнению, это присвоение может и должно быть щедрым, значительным».

Неправда ли, как это все научно убедительно! Важнейший вопрос нашего хозяйства и нашего существования решается на основе пропорции между прилагательными «не чрезмерный», с одной стороны, «щедрый и значительный», с другой. Это, видите ли, теоретическая экономия в применении к нашему хозяйству!

Во-первых, я в своей главе о накоплении не ставлю вопроса в плоскости арифметического подсчета размеров отчуждения прибавочного продукта частного хозяйства, а выясняю лишь неизбежность этого отчуждения и объективную необходимость таких пропорций этого отчуждения, которые диктуются законом первоначального социалистического накопления. Законом – значит пропорциями, имеющими внешне принудительный характер для нашей экономической политики, поскольку недостаточное накопление карается товарным голодом, возможностью прорыва монополии внешней торговли, ростом частного капитала и всеми другими экономическими и политическими последствиями.

Во-вторых, я перечисляю те пути и методы, какими может осуществляться накопление в той его части, которая состоит в отчуждении прибавочного продукта частного хозяйства, причем, кстати сказать, я говорю все время о всем частном хозяйстве, а не только о крестьянском. Что же может возразить т. Мотылев против *методов* перекачки, поскольку саму перекачку он также признал необходимой? Ничего. Наоборот, он пишет, что для социалистического накопления «как политика цен, так и способы налогового характера будут использованы» (С. 15). Тогда в чем же еще дело?

Дело, видите ли, в том, что я считаю неизбежным неэквивалентный обмен с частным, в том числе и с крестьянским производством. По мнению моего оппонента, это означает, что мелкобуржуазное производство «превращается в колонию» социалистической промышленности. Но теперь возникает естественный вопрос: если т. Мотылев согласен часть прибавочного продукта деревни отчуждать в фонд социалистического накопления не только налоговым путем, но и через политику цен, то *каким же образом обмен при этой операции может быть эквивалентным для крестьянства с точки*

зрения закона ценности? Выходит, что крестьянское хозяйство превращается в колонию соцпромышленности уже вследствие самого факта отчуждения части его прибавочного продукта через политику цен. Если же все брать налогами, то «колоний», очевидно, не будет. И наоборот, «колониальность» отношений возрастет, когда государство ту же самую сумму будет брать через политику цен, а налоговое обложение совсем ликвидирует.

Это называется теоретическая экономия! Чем заслужило наше советское хозяйство такую теоретическую экономию?

В-третьих, по вопросу об эквивалентности обмена необходимо сказать следующее. Цены изделий нашей промышленности значительно выше зарубежных цен, цены же на хлеб, в общем, должны тяготеть к мировым хлебным ценам, *которые складываются в мировом хозяйстве на основе конкуренции крупного и среднего капиталистического земледелия с мелким*. Поэтому, если даже признать, что обмен между земледелием и промышленностью в мировом хозяйстве является эквивалентным – что не доказано и не может быть доказано, – то и тогда при описанных выше условиях обмен между советской промышленностью и советским земледелием не может быть ни в коем случае эквивалентным. Это факт. Если бы мы попытались приблизиться к эквивалентности обмена путем приближения к пропорциям обмена, существующим в мировом хозяйстве, и для этой цели допустили бы свободу внешней торговли, наша промышленность на $\frac{2}{3}$ или $\frac{3}{4}$ перестала бы существовать. Она держится теперь и развивается на базе *неэквивалентного обмена*, огражденного от закона ценности мирового хозяйства социалистическим протекционизмом и монополией внешней торговли, этим своеобразным сплавом политической и экономической силы, который характерен для всей нашей системы государственного хозяйства при диктатуре пролетариата. Неэквивалентность сейчас держится прежде всего на нашей технической отсталости и, естественно, будет уменьшаться по мере уменьшения себестоимости производства и уменьшения цен на промышленные товары. Но если у нас будет успешно развиваться крупное коллективное земледелие, то чем большую роль оно будет играть, тем больше стоимостные пропорции обмена между мелким частным крестьянским хозяйством и государственным будут зависеть от пропорций распределения труда между кооперативным социалистическим земледелием и частным мелким земледельческим производством, следовательно, будет снова расти неэквивалентность обмена частного земледелия с социалистической промышленностью *благодаря* росту производительности труда в социалистическом и кооперативном земледелии. Следовательно, эквивалентности обмена опять-таки быть не может. Это будет очевидно из такого числового примера. Допустим, теперь положение характеризуется такой пропорцией обмена ткани на хлеб:

Промышленность	Земледелие
100 часов	150 часов
100 аршин	100 пудов
100 рублей	100 рублей

С увеличением производительности труда в промышленности и при той же производительности труда в земледелии будем иметь:

Промышленность	Земледелие
100 часов	150 часов
120 аршин	100 пудов
100 рублей	100 рублей

Или, что то же самое:

Промышленность	Земледелие
80 рублей	80 рублей
100 аршин	80 пудов
80 часов	120 часов

Значит, если раньше за 1 аршин ситца земледелие платит $1\frac{1}{2}$ часа своего труда и 1 пуд хлеба, то теперь только $1\frac{1}{5}$ часа или $\frac{4}{5}$ пуда хлеба. Когда же начнется рост производительности труда в кооперативном земледелии, что приведет к обмену, допустим, не 1 часа промышленного труда за 1 пуд хлеба, а к обмену 1 часа промышленного труда на $1\frac{1}{5}$ пуда хлеба, то это будет означать увеличение неэквивалентности обмена для частного земледелия, навязываемой ему развитием крупного кооперативного земледелия. Тенденция останется той же и при росте производительности труда и в социалистической промышленности, и в социалистическом земледелии, хотя и будет менее ярко выражена. Совершенно очевидно, что вся проблема остается только для частного мелкого земледелия, потому что только в отношениях этой части земледелия с промышленностью будет существовать обмен. Отношения между крупным социалистическим и кооперативным земледелием и госпромышленностью будут складываться как отношения внутри одного комплекса, с постепенным уничтожением рыночного характера связи, сначала более по существу, чем по форме, а в дальнейшем – и по форме, и по существу. *Неэквивалентность обмена между частным земледелием и всем комплексом государственной промышленности и государственного и кооперативного земледелия есть в данном случае лишь отражение невыгодности мелкого частного производства по сравнению с крупным социалистическим и кооперативным*⁷. Добиваться здесь эквивалентности – значит поддерживать мелкое производство за счет социализма, средневековщину за счет XX в. Такая политика не имела бы ничего общего не только с марксизмом и ленинизмом, но и просто со здравым смыслом. Не говоря о рабочих, даже прогрессивная часть крестьянства будет решительно против того, чтобы содержать азиатчину и варварство за счет машины и социализма.

Что же касается постоянно повторяемых т. Мотылевым и другими моими оппонентами соображений насчет моего умолчания о производственном кооперировании земледелия, то, как и в ответе т. Бухарину, я заявляю: такое кооперирование я считаю и теоретически возможным и практически неизбежным, если главная база социализма, государственное хозяйство, будет развиваться и крепнуть достаточно быстро. Но я не вижу пока здесь объекта для теоретического изучения, поскольку этот процесс находится лишь в зародышевом состоянии и научный прогноз здесь крайне труден. Мои оппоненты также не дали *ничего* в смысле такого прогноза, хотя им не только никто не мешал заняться этим делом, но и вся занятая ими позиция *обязывает* их сделать то, что они считают возможным. Пусть пишут, а мы читаем, потому что кроме общих фраз, «веры» и наскоков на меня, с точки зрения этого кооперативного фидеизма, научно ничем не подкрепленного, мы от них ничего не слышали.

Чтобы покончить с т. Мотылевым, я должен здесь привести хотя бы пару примеров того, как наш экономист осуществляет «теоретический анализ советского хозяйства» в своем курсе политэкономии⁸. В этом курсе, неизвестно за какие достоинства усердно рекомендуемом для наших вузов, т. Мотылев употребляет следующий метод изучения нашей экономики. После изложения какой-либо проблемы теоретической экономики, автор автоматически въезжает в нашу систему хозяйства, не меняя ни лошадей, ни экипажа, и начинает здесь орудовать путем аналогии. Все это было бы возможно, если бы

автор твердо стоял на позиции, что наша система является разновидностью товарно-капиталистического хозяйства, как это думают, например, меньшевики, и тогда такой метод был бы естественен. Одна в основном система, в ней действует один регулятор – закон ценности – и метод исследования один и тот же. Надлежит изучать лишь модификацию форм. Но у автора нет никакой твердой позиции в этом вопросе. На с. 4 своего «труда» он пишет: «Хозяйство СССР может быть объектом теоретического изучения. Столкновение стихийного и планового регулирования порождает множество теоретических проблем. В курсе экономической политики хозяйство СССР рассматривается с иной, телеологической точки зрения... Между тем хозяйство СССР по форме и, в известной степени, по существу является товарно-меновым. Больше того – в нем имеются элементы капиталистического хозяйства. Многие законы и категории политической экономии кажутся непосредственно относящимися к нему. В действительности это не так. Все законы и категории капиталистического хозяйства претерпевают в хозяйстве СССР существенные модификации; многие вовсе к нему неприменимы».

На с. 137 той же работы читаем: «Трудовая стоимость продолжает пока *частично* (курсив мой. – Е.П.) быть регулятором народного хозяйства, внутренним регулятором распределения производительных сил и в хозяйстве СССР». В то же самое время в другой работе – «Цена и стоимость в капиталистическом хозяйстве и хозяйстве СССР» (С. 80) у нашего автора «трудовая стоимость продолжает пока быть регулятором распределения производительных сил в хозяйстве СССР», без слова «частично». В одном только слове разница, примерно как в выражении «знаю» и не «знаю», разница только в одной частице «не». Спрашивается теперь: какой же формулировки держится автор и что на этот счет должен думать недоумевающий читатель? Ведь если закон ценности действует «частично», то тогда должны быть иными и методологические приемы исследования хозяйства, как хозяйства антагонистического типа, где равновесие складывается на основе борьбы двух начал с различным направлением их действия. Если же закон ценности есть в основном *единый регулятор* и плановое начало только его функция, тогда никакой особой теории советского хозяйства вовсе и не нужно, тогда и заезды мимоходом в хозяйство СССР при изучении теоретической экономии, в чем до сих пор упражнялся т. Мотылев, с методологической точки зрения не могут встретить возражения. Но тогда встает вопрос иного порядка: каким образом сочетает т. Мотылев этот единый регулятор, на основе которого происходит ведь стихийно воспроизводство капиталистических отношений производства, а не расширенное воспроизводство отношений социалистических, с промышленностью «последовательно социалистического типа»? Если т. Мотылев недооценивает планового начала в нашем хозяйстве, то, с другой стороны, после всего сказанного очень трудно переоценить роль и значение планового начала в системе его собственных мыслей.

В заключение два слова о том же «Курсе политической экономии». На 330–340 страницах этого «классического» труда автор говорит о «социалистической прибавочной стоимости» на госпредприятиях СССР. А немногими строками ниже мы с изумлением читаем о «развитом коммунистическом обществе» следующее: «Но в развитом коммунистическом обществе производительные силы достигнут такой мощной ступени развития, что, несмотря на *существование прибавочной стоимости* (курсив мой. – Е.П.), потребности трудящихся смогут удовлетворяться в небывалом объеме» (С. 340).

Итак, если в государственных предприятиях СССР прибавочная стоимость оказывается «социалистической», то «в развитом коммунистическом обществе» просто будет «прибавочная стоимость». Очевидно, как продукт коммунистического капитала!

Мало этого. На той же самой странице насчет ренты читаем: «Что касается земельной ренты, то в силу национализации земли капиталистическая абсолютная рента не должна существовать в СССР. Дифференциальная же рента, вытекающая из разницы в

плодородии и расположении участков земли, при умелом налоговом обложении должна поступать в распоряжение советской власти» (С. 340).

Итак, дифференциальная рента, для существования которой, по Марксу, необходимо, чтобы капиталистический способ производства при наличии частной собственности на землю охватил земледелие, у т. Мотылева благополучнейшим образом вырастает из земли.

Все это называется «Курс политической экономии», на котором вначале приклеен желтый ярлычок с надписью: «Настоящий курс допущен в качестве учебного пособия для высших учебных заведений»!

Тов. Тальгеймер

Тов. Тальгеймер в напечатанной в «Большевике» статье «О формальном и материальном отношении социалистического хозяйства в начальной стадии к докапиталистическим хозяйственным формам»⁹ упоминает в двух местах автора этих строк. В начале статьи т. Тальгеймер пишет: «Вопросы, выдвинутые т. Бухариным в статье «Хозяйственный рост и рабоче-крестьянский блок» (Большевик. № 14), как и в полемике с Преображенским, имеют общее значение. В споре с Преображенским Бухарин принципиально прав» (С. 15).

После этого категорического заявления нужно было бы ожидать сокрушительной аргументации против того, кто не прав. Однако в статье, к нашему изумлению, совсем нет ничего против автора этих строк, за исключением одного замечания, о котором ниже. Не видно также, чтобы автор вообще читал, или, по крайней мере, понял мою статью. Он набросал тощий скелет чего-то вроде плана статьи, который не имеет никакого прямого отношения к вызвавшей полемику главе этой книги и напоминает снаряд, пущенный на всякий случай в небо. Я поэтому коснусь здесь только пары мест статьи т. Тальгеймера, из которых только одно имеет прямое отношение к моей оппозиции.

С самого начала т. Тальгеймер доказывает, зачем-то посредством арифметики, ту совершенно бесспорную мысль, что если в Германии произойдет социалистическая революция, то это приведет к органическому объединению хозяйства СССР с социалистическим хозяйством Германии, а следовательно, «проблема русского крестьянства» не исчезнет. Она будет тогда существовать и для социалистического хозяйства СССР, и для социалистического хозяйства Германии, поскольку то и другое хозяйства будут представлять единый комплекс.

Совершенно согласен. Я думаю так же. Но это значит лишь, что т. Тальгеймер, может быть отчасти вследствие недостаточного знакомства с моей главой о социалистическом накоплении, привел добавочный аргумент к тому моему положению, что закон первоначального социалистического накопления в какой-то степени и на какой-то период должен действовать после социалистического переворота и в других странах, в том числе и индустриальных. В полном согласии с этим выводом и отчасти по мотивам, которые я привожу в главе о социалистическом накоплении, т. Тальгеймер поддержал мою постановку вопроса в более ранней своей статье и том же «Большевике», посвященной программе Коминтерна. В этой статье т. Тальгеймер совершенно правильно замечает: «...Капиталистическое хозяйство отдельных стран перейдет в руки рабочего класса, конечно, не в его наиболее развитой форме, а в более или менее *упадочном состоянии*. Дальнейшее развитие экономических форм начнется только после восстановления наивысших форм старого общества» (С. 16). И с этим я согласен. И это аргумент в пользу моей точки зрения насчет того, что пробежать стадию предварительного социалистического накопления после революции придется, быть может, и для индустриальных стран Европы.

Должен сказать, что против такой успешной полемики со мной я ровно ничего не имею и могу только просить о ее продолжении.

Обратимся теперь к другому и в то же время единственному месту статьи т. Тальгеймера, где он пытается прямо аргументировать против моих «ошибочных выводов». Указав на то, что отношения между крестьянством и пролетариатом, между крестьянским хозяйством и социалистической промышленностью будут складываться иначе, чем отношения между крестьянством и промышленностью в эпоху капитализма, что это уже не будут отношения эксплуатации, и в то же время подчеркнув возможность и неизбежность трений и конфликтов даже «в рамках этих новых отношений», т. Тальгеймер пишет: «Вообще, не следует думать, что раз социалистическое хозяйство представляет собой гармоническую систему, то оно свободно от всякого противоречия, от реальных противоположностей. Если б это было так, то оно не было бы развивающейся системой. Но тогда как противоречия капиталистического строя имеют тенденцию уничтожить самый строй, при социалистическом строе они имеют обратную тенденцию, стремясь к его развитию, укреплению, внешнему расширению и внутреннему усовершенствованию».

Ошибочные выводы (например, у Преображенского, но также и у теоретиков социал-демократии и буржуазии) проистекают оттого, что по своей *внешней форме* отношение между простым товарным производством и капиталистическим хозяйством *на первый взгляд* такое же, как между ним и социалистическим хозяйством (денежная форма, рыночные отношения). Но денежная форма прикрывает, во втором случае, социалистическое содержание; теперь, когда на другом полюсе находится социалистическое хозяйство, деньги служат диаметрально противоположной цели»¹⁰.

Мы привели эту длинную цитату, чтоб показать читателю прежде всего образец очень странной полемики. О каких моих ошибочных выводах идет речь, где они сделаны, на какой странице статьи? Почему ко мне относится все, что здесь написано?

Из самой статьи не получишь ответа, и, может быть, потому – как мы предположили выше, – что т. Тальгеймер просто не читал моей статьи и знает о ней больше «по слухам». Не утверждаю этого, но такое подозрение, после сказанного, весьма естественно.

Переходя же по существу к приведенной выдержке, я должен выразить свое полное согласие с утверждением, что социалистическая система, именно как развивающаяся система (*Widerspruch ist fortleitende*), будет знать свой, ей именно только свойственный вид внутренних противоречий, как согласен и с тем, что такие противоречия не будут «иметь тенденции уничтожить самый строй». Беда лишь только в том, что это верное само по себе утверждение не имеет никакого отношения к предмету спора. *Дело ведь идет не о внутренних противоречиях самой социалистической системы, уже победившей в основном, а о противоречиях, вытекающих из борьбы социалистической системы с другой, товарно-капиталистической, системой за свое существование и развитие.* Противоречия, вытекающие из этой борьбы, «стремятся» не к развитию социалистической системы, не к ее «внутреннему усовершенствованию», а к ее уничтожению. Эта ликвидация нашей системы нужна для «усовершенствования» капиталистической карты мира, которая явным образом исковеркана Октябрьской революцией. В своей статье о социалистическом накоплении я занимался закономерностями, складывающимися из ожесточенной борьбы за существование нашей системы, а не мечтал академически о гармонических противоречиях будущего общества.

Что касается приписываемого мне непонимания внешней формы теперешних отношений государственного хозяйства к крестьянскому хозяйству, за которой скрывается совсем другое содержание, чем в отношениях крестьянского хозяйства к капитализму, то это обвинение ничем не подтверждено. Другие подтверждали это словом «эксплуатация», но я уже заметил, что снимаю этот термин, хотя эксплуатация одной системы дру-

гой и остается, раз есть отчуждение прибавочного продукта из одной формы производства в другую. Наконец, я нисколько не отрицаю своеобразия отношений мелкого производства к социалистическому сектору хозяйства после пролетарской революции, хотя бы социалистический сектор и проводил отчуждение части прибавочного продукта мелкого хозяйства для расширенного воспроизводства. Оригинальность, новизна, своеобразие этих отношений создаются на базе кооперирования деревни и сращивания деревенским хозяйством. Как пойдет этот процесс, об этом можно говорить теперь лишь в общих чертах. Для теоретического анализа материала почти нет, хотя для предупреждения от комнародничества материал уже есть и этим делом придется когда-нибудь серьезно заняться.

В общем, статья т. Тальгеймера наводит меня на такое сравнение. Один человек обещал громогласно побить другого. А когда надо было приступить к делу, он поднял глаза на небо и начал доказывать, что Солнце нельзя смешивать с Луной, Луну – с Марсом, а Марс – с «Капиталом» Маркса.

Тов. Ксенофонтов¹¹, Квиринг, Боголепов

Весьма длинную статью, написанную крайне забористым тоном, поместил против моей главы о социалистическом накоплении т. Ксенофонтов в издающейся в Ташкенте газете «Правда Востока» от 16 декабря 1924 г. В этой статье есть обычные перлы полемической развязности и безответственности, как троцкизм, меньшевизм и пр., которые внесли в наш обиход «старшие». Я не знаю партийного стажа т. Ксенофонтова. Из забористости тона заключаю, что он не очень велик. А если автором является тот самый т. Ксенофонтов, который в дискуссии 1923 г. энергично участвовал на стороне оппозиции и, в частности, резко выступал с пишущим эти строки против т. Бухарина, то забористость уже не требует никаких особых объяснений.

Тов. Ксенофонтов начинает с изложения ленинских взглядов на взаимоотношения пролетариата и крестьянства, которые я *всегда* разделял, никогда и нигде против них не выступал и сейчас разделяю их целиком и полностью. Я возражаю лишь против их упрощения, вульгаризации, народнического их толкования, особенно опасного для нашей молодежи, которая не проделала со старыми большевиками двадцатилетней борьбы с народниками, эсерами, ревизионистами типа Давида и Фольмара и т.д. В стране со 100 млн крестьян и сравнительно тонкой прослойкой пролетариата, при постоянном притоке из деревни новых рабочих, не имеющих пролетарской закалки, при непрерывно усиливающемся давлении товарного хозяйства деревни на государственную промышленность и государственную власть, опасность для нашей молодежи поддаться мелкобуржуазным влияниям со стороны деревни и мелкобуржуазным утопиям не менее велика, чем опасность недооценить важность сотрудничества рабочего класса со средним крестьянством.

Тов. Ксенофонтов в законе социалистического накопления не увидел ничего другого, кроме «термина» эксплуатации одной системой другой. Это характеризует приемы полемики оппонентов, а не мою статью. Закон первоначального социалистического накопления есть закон расширенного социалистического воспроизводства, связанный со специфическими закономерностями, закономерностями *данного* периода. Каким образом расширенное воспроизводство в нашей промышленности противоречит интересам крестьянства, хотя бы для него мы брали не только прибавочный продукт рабочих, но и прибавочный продукт крестьян, абсолютно непонятно. В недооценке крестьянства, в ослаблении смычки с деревней оказываются виновными не те, кто своевременно, т.е. до

резкого проявления товарного голода, говорил о важности проблемы накопления и об опасности недонакопления, означающей систематический и крайне опасный также и политически кризис недопроизводства, а те, кто не желал понимать принудительной обязательности для нас определенных пропорций накопления, а значит, объективно неизбежных пропорций отчуждения прибавочного продукта частного хозяйства.

Все свои обвинения насчет возможности срыва рабоче-крестьянского блока мой оппонент может в том же пакете получить обратно: история отправляет обратно этот пакет, потому что настоящим адресатом при проверке на фактах оказался отправитель и его единомышленники. XIV съезд партии вынес решение об индустриализации страны. Но ни индустриализация, ни борьба с товарным голодом *на основе развертывания собственной промышленности* без быстрого накопления на каждой предыдущей фазе воспроизводства невозможны.

Умейте же быть *ленинцами по существу* при этой новой обстановке, а не в сфере болтологии.

Тот же автор откликнулся на мой ответ т. Бухарину в рецензии на № 11 книжки «Вестник Коммунистической академии»¹². Он считает мой ответ капитуляцией. Я ожидал, что этот метод капитуляции со стороны оппонентов когда-нибудь будет пущен в ход, и не ошибся. Для меня важно, однако, существо дела, важно, чтобы развиваемые мной взгляды были признаны правильными, независимо от того, в какой литературной форме будут самоутешаться мои оппоненты, после того как все недоразумения, вызванные моей первой статьей, или полемические искажения моей точки зрения будут устранены.

Тов. Ксенофонтов¹³ выдвигает кроме политических «аргументов», которые сводятся к обычному склонению слова «троцкизм» и от которых давно уже всех тошнит, два соображения: одно методологическое и другое из области экономической политики. Что касается последнего соображения, то рецензент возражает против моего утверждения о необходимости идти от накопления к понижению цен, а не наоборот. Он пишет: «Раньше чем накапливать, нам нужно было развязать крестьянский рынок, покупательную способность крестьянина, «отпереть наш рынок» и только на основе этого уже идти к накоплению. Так и было: от политики понижения цен к накоплению, а не от накопления к понижению цен».

А я утверждаю, что и *было* как раз наоборот и *будет всегда как раз наоборот*. Осенний кризис сбыта, который оказался эпизодом и был связан не только с тем, что цены на продукцию наших трестов были высоки, но и цены на хлеб непомерно низки, был ликвидирован так легко путем понижения промышленных цен и подъема хлебных цен благодаря государственным заготовкам только потому, что государственная промышленность могла в результате предыдущего накопления понизить цены и выдержала дальнейшее снижение только благодаря расширению производства, более полной загрузке фабрик и т.д., т.е. опять-таки благодаря расширенному воспроизводству, т.е. накоплению. Только расширенное производство, при прочих равных условиях, способно создать предпосылки для понижения себестоимости, и только на этой базе возможно снижение цен как *функции* расширенного воспроизводства, т.е. накопления (под накоплением в широком смысле мы понимаем расширенное воспроизводство, которое включает в себя неизбежно накопление материальных ресурсов в предшествующем цикле). Так было и только так будет, особенно в период, когда предстоят каждый год огромные и все растущие затраты на восстановление основного капитала и на новое строительство. Тот, кто предложит снижать цены на металл или ситец раньше, чем будет достигнуто уже раньше снижение себестоимости, тот предлагает приостановку не только расширенного, но и простого воспроизводства. Наиболее резкое и заметное снижение цен мы сможем провести после постройки новых заводов и стандартизации производства по американско-

му типу. А для такой новой постройки уже предварительно надо иметь ресурсы, а это и при этой новой ситуации означает: сначала *накопление*, а потом *понижение цен*.

Поскольку мои оппоненты переносили спор против моей главы о социалистическом накоплении в сферу экономической политики, они *были биты не в печати, а побиты историей, побиты полностью и целиком, побиты фактом длительного товарного голода*, в то время как моя статья о социалистическом накоплении была его научным предвидением.

Теперь еще немного о методологических замечаниях т. Ксенофонтова. Мой оппонент, противопоставляя мой метод исследования абстрактно-аналитическому методу Маркса, пишет, что *«метод Маркса исходит из «первого конкретного»... Далее Маркс расчленил это «первое конкретное» на его абстрактные категории и из них воссоставлял «второе конкретное» – познанную капиталистическую действительность...»* «А т. Преображенский построил «свой капитал» иначе. Он взял конкретные отношения советского общества в заранее неверном разрезе, абстрагировался от всех отличительных свойств закономерностей экономики рабочего государства в крестьянской стране, и у него получилась формально-логическая действительность абстрактного рабочего государства, а не *действительного рабочего государства в крестьянской стране*».

Я не буду разбирать вопроса о том, хорошо ли автор излагает метод Маркса. Для меня важно здесь, что он не понимает разницы в методологическом подходе к анализу системы, где действует один основной закон, *один* основной регулятор, – при капитализме, следовательно, закон ценности, из которого могут быть выведены все категории (независимо от способа изложения), – и между системой, где действуют два закона.

Прежде всего «товар», который анализирует Маркс в первом томе «Капитала», не менее, а более абстрактное существо, чем закон ценности и закон социалистического накопления *в конкретной стране*, экономикой которой я занимаюсь. Во-вторых, автор не понимает, что все мое построение, касающееся закона первоначального социалистического накопления, вытекает прежде всего и больше всего именно из крестьянского характера страны (что видно, в частности, хотя бы по тем народническим воплям, которые вызвала эта глава). Чем страна, где начинает бороться за свое существование и развитие социалистический сектор хозяйства, является более крестьянской, менее пролетарской, тем реальная экономическая политика рабочего государства должна *больше* отклоняться от теоретической мыслимой прямой закона первоначального социалистического накопления, или, что пока одно и то же, закона расширенного социалистического воспроизводства. Чем более крестьянской является страна, тем более абстрактным должен быть метод исследования, потому что тем важнее будет отделить в политике государства то, что *диктуется* законом сонакопления и что называется крестьянским характером страны. Чем страна является более индустриальной, более пролетарской, тем менее при анализе ее социалистической экономики и динамики расширенного социалистического воспроизводства линия действия этого закона в чистом виде будет отклоняться от реальной экономической политики рабочего государства, тем меньше придется прибегать к абстракции. Дело, следовательно, обстоит как раз наоборот в сравнении с тем, что утверждает т. Ксенофонтов.

* * *

Из других оппонентов упомяну о тт. Квининге и Д. Боголепове. Тов. Квининг по разным поводам давно уже преследует меня своей полемикой, на которую я, в виду ее бессодержательности, не считал нужным отвечать. По разбираемому вопросу он не прибавил новых аргументов к тому, что говорили другие оппоненты, и главным образом оперирует одним доводом: недооценка крестьянства. Мы видели уже, кто действительно недооценил крестьянство и его покупательные возможности. Мне не приходится долго

останавливаться на т. Квиринге. Когда читаешь его литературные произведения, на память всегда почему-то упорно приходит фраза Бисмарка о современных ему журналистах. Бисмарк сказал про них, что они явно ошиблись в своем призвании.

Тов. Д. Боголепов также упорно преследует меня своими рецензиями в «Экономической жизни», но не считает нужным доказывать свои изречения. Насчет главы о социалистическом накоплении он писал в свое время¹⁴: «Никоим образом, однако, статья не может быть признана за произведение серьезной научно-марксистской мысли».

Я не знаю, как отнесется представленная т. Боголеповым «серьезная и научно-марксистская мысль» к настоящей работе. Должен признаться, однако, что я не дрожу перед приговором этой Фемиды, которую ученики давно уже обогнали, и в понимании марксизма и нашего хозяйства. Я гораздо больше рассчитываю на беспристрастную оценку со стороны нашей учащейся и особенно рабочей молодежи, а также на отзыв всех тех, кому общие фразы о нэпе давно уже надоели своей бессодержательностью и кто для ориентировки во все более усложняющейся обстановке ищет выхода на путях более углубленного исследования нашей экономики.

* * *

В заключение я хотел бы объяснить читателям, почему в своей полемике против моих критиков я соблюдаю мягкость тона, совсем не пропорциональную и их неправоте, и энергии их выражений. Если имеешь что сказать по существу, легко отказаться в интересах дела от полемических резкостей, которые прикрывают часто у моих оппонентов отсутствие собственной точки зрения на ряд новых проблем. Между тем я имею сказать еще очень многое в защиту моих положений, и притом с цифрами в руках. Этим естественным преимуществом своего положения я воспользовался в настоящей книге.

Тов. Астров, Гольденберг, Нагиев

Количество моих оппонентов находится в обратном отношении к теоретическому качеству их критики. А низкое качество критики выражается прежде всего в том, что она слишком много берется доказать. Мои критики набирают аргументы, как тряпичники: где бы что ни попало; и, как всегда, берущийся доказывать слишком много в итоге ничего не доказывает. Между тем при логической связности моей концепции, которой никто из оппонентов не отрицал, моим критикам следовало бы сосредоточенным огнем разрушить несколько основных исходных положений, и тогда все выводы пали бы сами собой. Так поступает настоящая критика, которая бьет противника, а не бьется сама на куски об объект нападения. Но для такой критики нужна мелочь, которой не хватает моим оппонентам: нужны продуманная до конца собственная контрконцепция советского хозяйства и формальный разрыв с марксизмом. Такой контрконцепции, однако, они еще иметь не могут, и вот почему. Все без исключения мои критики являются эклектиками. Они начали эволюцию от революционного марксизма и ленинизма, т.е. начали в теории отход с классовых позиций пролетариата, но еще не знают, чем они кончат. Одни, несомненно, вернутся обратно, на старые позиции ленинизма, другие проедут дальше в теперешнем направлении. Идеологическим пределом этой поездки является народничество советского издания. Но для многих возможна весьма свойственная интеллигенции остановка посередине, между двумя станциями, именуемыми пролетариат и мелкая буржуазия. Если дело кончится балансированием между двумя классами, то при такой неудобной позиции никакой сколько-нибудь связанной и стройной контрконцепции мои критики вообще никогда не дадут. Что же касается позиции последовательного на-

родничества, то продумать ее до конца теперь же, побеждая время и еще не пройденное историческое пространство, и стать на ее защиту – вещь, на которую вряд ли кто из моих критиков способен: будучи людьми текущей конъюнктуры и в политике и в теории, они одинаково неспособны как на последовательно пролетарскую, так и на последовательно мелкобуржуазную точку зрения.

Вот почему опасность серьезной критики мне не угрожает. Вот почему мне придется заняться набором аргументов моих оппонентов, а не системой аргументов.

* * *

Начну внешне с самого существенного возражения, выдвинутого против меня с некоторым опозданием т. Астровым и повторенного затем т. Гольденбергом и другими. Меня упрекают в основной методологической ошибке, заключающейся в противопоставлении социалистическому сектору всего частного хозяйства, без дифференциации последнего на капиталистические элементы, на мелкое производство деревни, на бедноту и т.д. Тов. Астров пишет: «Основной» закон развития социалистического сектора хозяйства, преодолевающего хозяйство частное, оказывается одним и тем же, идет ли речь о взаимоотношениях социалистических элементов с мелкими крестьянскими хозяйствами, или с капиталистами, концессионерами и т.п.»¹⁵.

Конечно, все частные хозяйства отличаются тем, что они не социалистические. Конечно, можно найти известные общие принципы, с которыми социализм подходит ко всему частному хозяйству вообще. Но тот, кто на плоскости этих слишком общих принципов соблазняется построить очень простую и, на взгляд, стройную систему двух лагерей – на одной стороне, социализм, на другой все прочее – и отыскать один «всеобщий» закон социалистического накопления за счет частного хозяйства для переходного периода, тот сам рискует впасть в излишнюю «простоту», а его схема останется грубым и политически вредным «упрощенством»¹⁶. «...Теория переходного периода должна быть в своей основе теорией двухклассового общества (рабочие и крестьяне). С этого конца она должна начинаться». «Социализм плюс мелкое производство» здесь должны быть исходной ступенью абстракции, после чего в сферу анализа должен быть введен в порядок конкретизации вопроса капитализм»¹⁷.

Таково возражение. Прежде всего устраним с самого начала возможные недоразумения. Когда я противопоставляю тенденции развития государственного, с одной стороны, и частного хозяйства, с другой, дело идет об исследовании *объективно складывающихся отношений*, а не об *экономической политике Советского государства* по отношению к отдельным группам крестьянства, частному капиталу и т.д. Между тем говоря об «общих принципах, с которыми социализм подходит ко всему частному хозяйству вообще», т. Астров как будто бы говорит не только о научном подходе, не только об исследовании того, что есть, но и об *экономической политике*. Такое смешение было бы путаницей.

В общетеоретической части своего анализа советского хозяйства я не ставлю своей задачей более конкретного исследования взаимоотношений отдельных групп крестьянства к социалистическому сектору, потому что это составляет тему второго тома. В первой части работы я ограничиваюсь тем, что подчеркиваю основное противоречие между развивающимся социалистическим сектором хозяйства и всем частным хозяйством, потому что это противоречие в сфере регулирования развертывается как борьба закона первоначального социалистического накопления с законом ценности, т.е. по линии борьбы двух систем, исторически сменяющих одна другую: системы товарного производства и системы планового социалистического производства. Между *простым* товарным производством, представленным в нашей экономике не эксплуатирующими чужого труда крестьянами, ремесленниками и кустарями, и капиталистическим производством есть,

употребляя зоологический термин, видовое различие, но и та и другая экономики одного рода, т.е. то и другое есть *товарное производство*. При противопоставлении *всего товарного производства* социалистическим тенденциям развития исследователь *обязан* абстрагироваться от видовых различий простого товарного и капиталистического производства. Отказ от исследования законов развития нашей экономики в этой плоскости есть капитуляция перед мелкой буржуазией в сфере теории.

Это первое. Второе и самое важное доказательство правильности именно моего метода анализа заключается в следующем. Кто наш *основной* враг, откуда угрожает основная опасность советской системе? Разумеется, от мирового капитализма. Когда я противопоставляю социалистический сектор нашей экономики частному хозяйству, то ведь в частное хозяйство, как территорию действия закона ценности, входят основной величиной мировое хозяйство и мировой рынок. Чем дольше существует наша система и чем более растет ее связь с мировым разделением труда, тем ясней должно делаться для всех, даже для людей с захолустным кругозором, что основная линия борьбы социалистического сектора нашего хозяйства с буржуазной системой пролегает именно по линии борьбы с мировой капиталистической экономикой, что должно отражаться и на всей сумме наших отношений с внутренним капитализмом и с внутренним мелким производством, закон ценности есть закон мировой экономики, он действует искаженно в нашей системе или частично ликвидируется не от того, что у нас 100 млн крестьян, а *несмотря* на то, что их столько, и *благодаря* существованию социалистического сектора нашего хозяйства.

Тов. Астров думает улизнуть от признания наличности в нашей экономике закона первоначального социалистического накопления, сделав теорией переходного периода теорию двухклассового общества. Я уверяю его, что если начать исследование с этого конца и добросовестно вести его в духе революционного марксизма и ленинизма, не впадая в национально-крестьянскую ограниченность, то закон первоначального социалистического накопления настигнет исследователя неизбежно, пусть даже в качестве закона, выведенного индуктивным путем. Ведь исследователь будет заниматься не отношениями между рабочими и крестьянами при диктатуре пролетариата вообще, а отношениями между этими классами в конкретной советской экономике данного периода. Попробуйте обойти при таком исследовании факт дифференциации крестьянства, в результате чего пока развитие производительных сил по линии создания кулацких и зажиточных хозяйств, т.е. путем не социалистической, а антисоциалистической организации земледельческого труда, идет быстрой создания производительной кооперации в деревне (колхозы главным образом). Попробуйте обойти проблему экспорта, импорта и экспортирующих групп крестьянства, забыть о соотношении наших цен с иностранными, попробуйте обойти проблемы товарного голода, накопления и индустриализации в данных условиях, т.е. при данных соотношениях экономики СССР с мировым хозяйством. Закон первоначального социалистического накопления есть закон соотношения социалистического сектора нашего хозяйства не только с частным хозяйством внутри, но и со всем мировым хозяйством. Превращать его в теорию взаимоотношения государственного хозяйства с крестьянским хозяйством – значит подменять всю проблему одной ее частью. Отвлечься от мирового рынка и от основного нашего противника и стряпать теорию замкнутого рабоче-крестьянского общества и его экономики – значит заменять марксистское исследование вопроса пошехонской или глуповской теорией советского хозяйства. Я очень бы рекомендовал т. Астрову и другим моим оппонентам, стоящим на его точке зрения, поторопиться с таким исследованием. Это было бы, вероятно, такое посмешище, что три четверти наших споров было бы ликвидировано вмешательством нового фактора, смеха, который, как говорят французы, убивает.

Весь второй раздел статьи т. Астрова, озаглавленный «Теория т. Преображенского, как обоснование политики экспроприации крестьянства», представляет из себя «обоснование» этой политической клеветы. На политическую полемику я не намерен отвечать в настоящей книге, поэтому прохожу мимо и данного выпада. Советую только т. Астрову навести справку из истории рабочего движения, как именуются в нем люди, которые занимаются натравливанием мелкого собственника на социализм, и чем кончались обыкновенно такие упражнения¹⁸.

В процессе накручивания аргументов против моей книги, перечислять и разбирать которые было бы, во-первых, скучно и бесполезно (в порядке *подобного спора* их можно настрять сотню) и, кроме того, значило бы поощрять оппонента на продолжение этого занятия, я остановлюсь только на двух. По мнению т. Астрова, выдвигая борьбу двух начал, т.е. социализма с частным хозяйством, я 1) забываю о ленинском требовании «перечисления всех пяти укладов», о которых Ленин говорит в брошюре о продналоге, и затем 2) что из моей книги не ясно, какая форма у нас господствует. Я останавливаюсь на этом «накрученном» аргументе не потому, что он ставит в достаточно глупое положение и самого оппонента и его компаньонов, а вследствие важности вопроса о характеристике всей нашей системы как целого.

Возражая мне в своих фельетонах в «Правде», т. Бухарин упрекает меня в том, что я вижу борьбу, но не вижу единства всей нашей экономической системы, как будто единство нашей экономики не есть результат борьбы, не есть равнодействующая борьбы организованного в государство, вооруженного государственным хозяйством и поддерживаемого беднейшим крестьянством пролетариата с мировой экономикой¹⁹. А т. Астров, чтобы, очевидно, подкрепить т. Бухарина и подчеркнуть «единство» системы, рекомендует мне вспомнить о пяти укладах.

Во-первых, Ленин *никогда* не переставал твердить о борьбе именно двух начал в нашей системе и иногда в такой резкой форме, которая теперь положительно должна отпугивать наших комнародников. Во-вторых, указание на пять реально существующих в нашей экономике укладов нисколько не мешает анализировать их с точки зрения борьбы двух начал, т.е. с точки зрения классификации их по основным исторически существующим формам производственных отношений. Мы имеем здесь два основных звена: во-первых, социалистическую форму с большинством или с частью кооперативной периферии (с периферией рабочей кооперации, во всяком случае) и затем товарное производство, простое и капиталистическое. Вот на эти-то два основных звена и надо ориентироваться для характеристики всей системы, потому что отношения госкапиталистического типа и частью кооперации есть отношения промежуточные, отношения связи между этими двумя звеньями. Это соединительная ткань двух разных экономических форм. Нельзя определить систему по соединительной ткани, которая только потому и существует, что первые два звена сосуществуют в одной системе как два борющиеся начала. Нельзя определять систему и только по одному из основных звеньев. У нас борются и кооперируют на основе борьбы социалистическое начало с началом товарного производства. Потому и всю нашу систему я давно еще предложил назвать переходной товарно-социалистической системой. Ни одного убедительного аргумента против такой характеристики я не слышал, кроме указания на неуклюжесть двойного термина. Но неуклюжесть термина отражает «неуклюжесть» всей нашей экономики. При победе социализма в Европе социалистическое начало будет господствующим по всей линии с самого начала, и для такой экономики не нужно будет, вероятно, и термина «товарно-социалистическое хозяйство». Во всяком случае, с тех пор как Ленин снял свой термин «госкапитализм» по отношению ко всей нашей экономике, взятой в целом, наша система «гуляет без названия». Пора бы на что-нибудь решиться. Впрочем, на моих оппонентов рассчитывать очень не приходится:

социальная подпочва их критики – не из тех «базисов», на которых произрастают цветы теории.

Что касается вопроса о господствующем начале в нашей экономике, то попытки т. Астрова подsunуть мне признание господствующим началом капитализм, с блестящей перспективой повести дальше спор на основе «господствующих» в нашей полемике нравов» и по хорошо уже проезженной дороге, я должен прервать в самом начале.

Тов. Астров, конечно, знает, что все эти хитросплетения являются вздором, потому что противоречат основным предпосылкам и основным выводам книги, а также многим местам текста. Но так как безнадежная эклектика его собственных взглядов и отсутствие за душой продуманной собственной точки зрения на наше хозяйство лишает его возможности вести полемику по основным пунктам действительных разногласий, он пытается накрутить аргумент насчет моего пессимизма, не зная, что его же единомышленники упрекали меня до сих пор в излишнем оптимизме насчет возможной роли планово-социалистического начала в нашей экономике. У нас сейчас идет борьба двух систем, и господствовать будет та, которая победит. Вообще, в аргументах моих критиков можно найти вопиющие противоречия. Каждый из них хочет «отличиться» в полемике и собирает свой «шурум-бурум» всюду, где только можно. А так как ни у кого нет единой продуманной концепции, а только общая линия на комнародничество, то на каждом шагу они предъявляют совершенно противоположные аргументы. Можно было бы написать целую статью на тему о противоречиях в писаниях моих оппонентов, если бы исследование новых проблем не заставляло отложить это не очень производительное занятие до другого раза. Людям, подчеркивавшим в полемике со мной (впрочем, без всякого повода с моей стороны) вредные последствия «монополистического загнивания» нашей промышленности, я хотел бы напомнить о вреде монополистического загнивания некоторой части нашей печати и о чрезвычайной опасности монополии на критику для таких «писателей», как мой оппонент.

Перехожу теперь к т. Гольденбергу. На одну его статью я дал уже ответ в № 15–16 «Большевика» от 31 августа [1926 г.] и здесь не намерен повторять изложенных в ней возражений. Здесь я хочу остановиться на статье т. Гольденберга в № 11 «Большевика» под заголовком «Вопросы экономического курса» и на ответе его мне, помещенном в № 15–16 «Большевика».

В отличие от «предыдущего оратора» возражения т. Гольденберга не носят характера грубо состряпанной политической клеветы. Но накручивание аргументов налицо и здесь. Так, например, в первой из названных статей имеется следующее соображение оппонента насчет противоречия во всем моем построении. Изложив мою точку зрения насчет того, что развитие государственного хозяйства в оптимальных размерах теперь невозможно вследствие сопротивления частного хозяйства, и указав, что развитие к социализму будет означать усиление социалистических тенденций, их удельного веса, а значит, приближение к оптимуму закона первоначального социалистического накопления, мой критик заключает: «...иными словами, чем сильнее будет развита социалистическая промышленность и чем ближе мы будем к социализму, тем менее эквивалентным будет наш обмен с сельским хозяйством, тем больше будет налогов на деревню, тем дороже будут цены промышленных товаров, потому что в чем же другом, кроме этого, может выразиться приближение к оптимуму первоначального социалистического накопления, которое должно явиться результатом изменения «соотношения сил» в нашу пользу. Чем ближе к социализму, тем больше отчуждения, тем больше перекачки! Это явный абсурд, это сумасшедшие пустяки, но пусть попробует т. Преображенский сделать другие выводы из своих собственных слов».

Я остановился на этом «аргументе» т. Гольденберга, чтобы показать каждому добросовестному читателю, как пишутся по нынешним временам «возражения». Это один

из итогов той полемики против т. Троцкого, которая отравила всю атмосферу и создала небывалую безответственность в полемике вообще и в теоретической полемике в частности. По существу, возражение т. Гольденберга является совершенно детским недоразумением и неумением обращаться не только с диалектической, но и с элементарной логикой.

Почему я говорю о первоначальном *социалистическом* накоплении?

Потому что оно предшествует настоящему социалистическому накоплению, подготавливая элементы для последнего.

Чем социалистическое накопление будет отличаться от первоначального социалистического накопления?

Тем что оно будет происходить в условиях, когда социалистический сектор хозяйства подведет под себя новую техническую базу и разовьет все присущие ему экономические преимущества над капитализмом. Наоборот, первоначальное социалистическое накопление происходит на базе более низкой, чем при капитализме, техники при более низком уровне культуры работников государственного хозяйства.

Чем является с этой точки зрения закон первоначального социалистического накопления?

Он является законом преодоления указанной экономической и технической отсталости государственного хозяйства в сравнении с передовым капитализмом. Для преодоления же отсталости необходимо, во-первых, накопление материальных ресурсов для расширенного воспроизводства каждого года из источников самого государственного хозяйства и из источников частного, в том числе крестьянского хозяйства, а во-вторых, необходимы такие пропорции в распределении труда в государственном хозяйстве, которые воспроизводят каждый раз в расширенном масштабе социалистический сектор на основе определенных уравнений пропорциональности с частным хозяйством.

Что означает в *каждый данный конкретный год* увеличение оптимума накопления и развертывания производства в социалистическом секторе?

Ускорение всего процесса, а значит, сокращение срока действия закона первоначального социалистического накопления, который является продуктом нашей социалистической отсталости.

Значит, чем успешней развертывает свое действие закон первоначального социалистического накопления, тем более он подкапывается под условие своего собственного существования?

Совершенно верно, т. Гольденберг! Чем ближе к социализму, тем не больше, а с известного момента меньше «отчуждения», потому что тем больше накопление на собственной основе государственного хозяйства, потому что тем эквивалентней обмен в сравнении с теперешним положением. Неэквивалентность обмена с мелким *индивидуальным* производством в земледелии будет появляться и усиливаться в дальнейшем лишь на основе роста крупного социалистического и кооперативного земледелия, *но уже не как результат действия закона первоначального социалистического накопления, а вследствие общего экономического превосходства крупного производства над мелким.*

Весь смысл аргумента моего оппонента можно резюмировать на таком примере. Тов. Гольденберг является, допустим, на съезд комиссий по борьбе с безграмотностью и говорит: «Товарищи, ведь в основе вашей работы лежит «явный абсурд». Если вы увеличиваете безграмотность, вы действуете вопреки вашей основной задаче. А если вы ее уменьшаете, то вы уничтожаете чем дальше, тем больше самый смысл существования ваших комиссий». За такую речь оратора подвергли бы, вероятно, медицинскому осмотру со стороны состояния его умственных способностей. В теоретическом же споре все

подобные «сумасшедшие пустяки» печатают в серьезном журнале, не вызывая никаких сомнений, а над читателями потешаются, как над милыми* детьми.

В своем ответе в № 15–16 «Большевика» т. Гольденберг, снова возвращаясь в одном месте к только что разобранным «аргументу», выдвигает еще несколько соображений, на которых мы остановимся совсем кратко.

Тов. Гольденберг продолжает меня обвинять в голых абстрактных противопоставлениях социализма капитализму и в том, что, по моему мнению, якобы «изучение переходного периода надо строить на анализе переходного периода *абстрактного*». На самом же деле я никакими «абстрактными переходными периодами» не занимаюсь, а исследую советскую, т.е. конкретную, экономику и в совершенно конкретный период ее развития, т.е. период, когда государственное хозяйство преодолевает свою техническую и экономическую отсталость по сравнению с передовым капитализмом. И законом этого периода (кроме коренящегося в условиях товарного производства закона ценности) является точно так же вполне конкретный закон первоначального социалистического накопления, который представляет из себя обобщение массы конкретных фактов из жизни нашей экономики. Наоборот, мой главный оппонент т. Бухарин целиком и полностью виноват в том грехе, который т. Гольденберг приписывает мне. Его попытка противопоставить моей концепции свою пока свелась к ряду общих рассуждений о трансформации закона ценности в закон пропорциональности трудовых затрат, причем особенности данного периода нашей экономики из его анализа уплыли. Нисколько не сомневаюсь в том, что т. Гольденберг с горестью должен был констатировать этот факт при чтении фельетонов т. Бухарина.

Затем я должен опечалить т. Гольденберга напоминанием о том, что за первым моим томом последует второй, где исследуется на большом фактическом материале, как конкретно проявляется закон первоначального социалистического накопления внутри государственного хозяйства, как он действует на стыке государственного хозяйства с частным и как складывается то общехозяйственное равновесие в нашей системе, которое отображалось на цифровом балансе нашего хозяйства за истекшие годы. Тогда борьба, с моей точкой зрения, для оппонентов будет куда потрудней, чем теперешнее выдумывание аргументов «вообще». То, что я дал до сих пор, было лишь общетеоретическим введением к конкретному анализу нашего хозяйства, а отнюдь не теорией «абстрактного переходного периода», потому что для такой теории еще нет самого материала исследования, поскольку наша страна является единственной – и притом не типичной по своему экономическому укладу – страной социалистического строительства.

Указание т. Гольденберга на то, что я не даю в теоретическом введении конкретного анализа классовых взаимоотношений в нашей стране, формально правильно. Но я уже показал в ответе т. Астрову, что закон первоначального социалистического накопления в его общей форме есть закон взаимоотношений социалистического сектора нашего хозяйства со всей экономикой товарного производства внутри и вне страны, как закон ценности, отвлекаясь от его трансформации, например, закон цен производства при капитализме, является законом всего товарного производства вообще и в сфере простого товарного производства проявляется независимо от того, идет ли дело о производстве и обмене середняцкого или же самого что ни на есть бедняцкого хозяйства. Что закон первоначального социалистического накопления, превращаясь в сознательную норму экономической политики государства и взятый со стороны распределения национального дохода, конкретно должен проявляться иначе во взаимоотношениях государственного хозяйства с кулацким хозяйством, во-первых, с

* Так в тексте. Вероятно, опечатка. По смыслу – малыши.

средняцким, во-вторых, и бедняцким, в-третьих, это совершенно очевидно. Но я намеренно не занимался в первой части своей работы ни более конкретными исследованиями производственных отношений рабочего класса к разным слоям крестьянства (кроме отдельных замечаний), ни анализом экономической политики Советского государства. Смешно возносить на принципиальную высоту возражения против распределения глав в той или иной работе.

Но перенесение полемики со мной именно в эту плоскость имеет еще и вот какой смысл. Мои оппоненты упорно настаивают ко мне с предложением высказаться по поводу путей *производственного* кооперирования крестьянского хозяйства и закономерностей этого процесса. Я понимаю горячее желание моих оппонентов послушать даже своего противника на тему, теоретическая разработка которой им никак не удастся. Но не будет ли правильной им самим взять первым слово? С тех пор как я предложил моим критикам вместо выражения своей «веры» в этот процесс дать хоть немного места «знанию», ни одной теоретической работы на названную тему на книжном рынке зарегистрировано не было. И неудивительно. Маркс заметил как-то ядовито, что еще не придумано средство ловить рыбу в водах, где она не водится, что применительно к нашей теме означает невозможность давать теорию процесса, который в массовом масштабе еще не начинался, который лишь еле-еле намечается.

Не желая вступать с т. Гольденбергом в спор по вопросам экономической политики, я хочу здесь разоблачить в двух пунктах его полную капитуляцию по вопросам, связанным с нашим теоретическим спором. Как это и полагается в таких случаях, капитуляция прикрыта передержками и ей придан вид наступления.

Я поймал т. Гольденберга на непонимании формулированного мною закона²⁰, указав, что наше государственное хозяйство может накопить 4–5 млрд согласно перспективному пятилетнему плану хозяйства только благодаря действию закона первоначального социалистического накопления, потому что мы будем иметь отпускные цены много выше заграничных, а значит, гораздо более неэквивалентный обмен с земледелием, чем за границей. На это мой критик отвечает: но ведь цены-то будут все же уменьшаться, и по промышленным изделиям уменьшатся на 20%. Жалкий прием! А где я говорил, что они будут увеличиваться? Я говорил, что на весь период этого накопления они будут много больше заграничных, а ведь именно в этом суть дела. Мы накопим лишь на основе борьбы с мировым законом ценности, хотя бы размеры неэквивалентности постепенно падали, что и составляет цель нашей политики, достигаемой именно через накопление.

Второй вопрос. Почему мы *вынуждены*, даже согласно довольно минималистскому пятилетнему плану Госплана, увеличивать основной капитал промышленности в течение пятилетия на 10,5%, т.е. по отношению к нашему жалкому основному капиталу более быстрым темпом, чем шло увеличение этого капитала в капиталистических странах?

Да именно потому, что такой или даже больший темп диктует нашей экономике закон первоначального социалистического накопления, как регулятор хозяйственной жизни, и диктует в борьбе с мировым законом ценности. Ибо при свободном действии этого закона такое накопление, в обстановке переиндустриализации Европы, является экономически совершенно бессмысленным. И наоборот, с точки зрения расширенного воспроизводства в нашем социалистическом секторе такое увеличение есть необходимейшая предпосылка самосохранения всей нашей системы.

Почему такое накопление возможно?

На изменение строения потребительского бюджета страны в результате Октябрьской революции, в результате уничтожения помещичьего класса и крупной буржуазии, я указывал до т. Гольденберга. Однако проблема приспособления общественного потребления

к производству на основе новых пропорций накопления и распределения труда решается практически только благодаря экономической политике, диктуемой законом первоначального социалистического накопления, как законом самосохранения системы при данных взаимоотношениях наших с мировым капитализмом. Если бы наша страна стала теперь буржуазной, такие пропорции накопления не вызывались бы экономической необходимостью, и расширение внешней торговли решило бы многие из тех проблем, которые мы можем решить *только* путем интенсивного накопления и быстрой индустриализации.

Наконец, указание т. Гольденберга, что в законе первоначального социалистического накопления нет ничего специфического, чего не знает буржуазная экономика, и что, в частности, протекционизм хорошо знаком всем буржуазным странам, является настоящим перлом. Во-первых, специфический характер нашей экономики меняет по социальному существу роль тех или иных сходных с буржуазным режимом институтов, методов экономической политики и т.д. Во-вторых, что касается, в частности, нашего протекционизма, не говоря уже о монополии внешней торговли, то надо быть поистине слепым, чтобы не видеть и не понимать следующих вещей. Когда молодая капиталистическая страна вводит охранительные пошлины, то 1) закон ценности продолжает действовать и воспроизводить внутри ее именно капиталистические отношения, лишь в ином соотношении между национальным и иностранным капиталом; 2) протекционизм не мешает, а часто способствует импорту капитала в данную страну благодаря более высокой норме прибыли, которая в ней существует в сравнении со странами старого капитализма; 3) протекционизм не мешает заключению внешних займов для данной страны, которые, поскольку они имеют производительное назначение, являются способом увеличения внутреннего капитала производства за счет внешних ресурсов. У нас, наоборот, протекционизм и монополия внешней торговли ограждают процесс расширенного воспроизводства капиталистических *отношений*, т.е. экономику, которая находится в состоянии скрытой войны с экономикой мирового капитализма, экономику, которая включается в мировое разделение труда способом, совершенно исключительным и небывалым в истории товарного хозяйства, т.е. на основе монополии внешней торговли, планового экспорта и, что еще важнее, планового импорта. При таких условиях протекционизм не компенсируется импортом иностранного капитала, не желающего в широком масштабе притекать в чужеродную хозяйственную систему, а потому проблема накопления стоит для нас совершенно иначе, чем для любой молодой капиталистической страны в прошлом или настоящем. Не видеть здесь разницы между социалистическим и капиталистическим протекционизмом, между ролью неэквивалентного обмена здесь и там и т.д. значит примерно то же, что не видеть разницы между советской системой государства и буржуазным государством только потому, что и у нас есть классовый суд, милиция, армия и т.д.

* * *

В рецензии Дж. Нагиева, помещенной в «Экономической жизни» от 6 июня, меня интересует не резко враждебный тон рецензии, потому что другого приема в библиографических отделах нашей прессы я и не ожидал, а одна существенная безграмотность, допущенная редакцией газеты в заметке Нагиева. Эта безграмотность касается очень важного принципиального вопроса о том, чем развернутый социализм отличается от полного коммунизма, и может ввести в заблуждение нашу учащуюся молодежь, которая невежество рецензента может принять за официальную точку зрения марксизма и ленинизма в данном вопросе. В моем докладе в «Пролеткульте» на тему «О материальной базе культуры в социалистическом обществе» есть, между прочим, такое место: «Под социалистическим обществом я буду разуметь общество, в котором

еще существуют классы, во всяком случае – два основных класса: класс работников государственного социалистического хозяйства, с одной стороны, и с другой – мелкобуржуазные слои населения, экономически уже совершенно подчиненные плановому хозяйству, но которые существуют все-таки как самостоятельный класс». По поводу этого места рецензент пишет: «Нам кажется, что такую детскую ошибку не допустил бы ни один наш рабфаковец. Мы проверили почти все работы Маркса и Энгельса, и нет ни одной, где бы оба они не говорили, что при социализме и коммунизме классов не будет».

Дж. Нагиев напрасно тратил так много труда на проверку текстов, потому что есть вещи, которые надо искать не столько в текстах, сколько в собственной голове. Если человек не понимает: 1) что такое диалектика вообще (не понимает часто тем больше, чем *чаще* о ней говорит), 2) какую роль играет терминология при обозначении той или иной ступени диалектического процесса, то при решении любого вопроса, требующего знания вышеуказанных вещей, десятикратные чтения Маркса, Энгельса, Ленина такому человеку пользы не окажут.

В развернутой системе коммунистического общества не будет ни классов, ни государства. Это не возбуждает никаких споров и недоразумений. Но на первой, или низшей, фазе коммунистического общества, хотя не будет классов, хотя все средства производства будут социализированы, тем не менее в системе распределения еще остается буржуазное право и еще не ликвидирован полностью институт государства. На эту последнюю тему Ленин, вполне согласный в этом пункте с Марксом («Критика Готской программы»), пишет: «Государство отмирает, поскольку капиталистов уже нет, классов уже нет, подавлять поэтому какой бы то ни было класс нельзя.

Но государство еще не отмерло совсем, ибо остается охрана «буржуазного права», освещающего фактическое неравенство. Для полного отмирания государства нужен полный коммунизм»²¹. И несколько дальше Ленин пишет: «Выходит, что не только при коммунизме остается в течение известного времени буржуазное право, но даже и буржуазное государство – без буржуазии!

Это может показаться парадоксом или просто диалектической игрой ума, в которой часто обвиняют марксизм люди, не потрудившиеся ни капельки над тем, чтобы изучить его чрезвычайно глубокое содержание.

На самом же деле остатки старого в новом показывает нам жизнь на каждом шагу и в природе и в обществе»²².

Идем дальше. Что же такое социализм в отличие от коммунизма?

На это Ленин отвечает: «То, что обычно называют социализмом, Маркс назвал «первой» или низшей фазой коммунистического общества»²³. Это значит, что при развернутом социализме осуществлена полностью социализация орудий производства, ликвидированы классы, но еще есть остатки буржуазного права и буржуазного государства. Развернутый социализм есть, следовательно, недоразвитый коммунизм. Ну а как же обстоит дело с «первой или низшей фазой» социализма? Будет ли существовать такая, или же вследствие того, что Дж. Нагиев, «проверив» тексты, ничего в них на эту тему не нашел, человечество от капитализма прямо шагнет к развернутому социализму?

Оставаясь на почве марксизма и, если хотите, также и здравого смысла, применяя к социалистическому обществу то же историческое деление на две фазы, какое делают Маркс и Ленин по отношению к коммунистическому, и полагая, что «остатки старого показывает нам жизнь на каждом шагу и в природе и обществе», я считаю: развернутому социализму будет предшествовать социализм недоразвитый, имеющий в себе «остатки старого», к числу которых прежде всего надо отнести незавершенность процесса обобществления орудий производства, что будет означать наличие остатков мелкобуржуазного

способа производства и, следовательно, наличие двух классов, рабочих и крестьян, хотя бы и при огромном перевесе первых.

Неизбежности такой фазы развития от капитализма к коммунизму никто отрицать не будет.

А как ее назвать? Можно ли ее назвать социализмом?

Безусловно, потому что социализм в такой системе является *господствующим* способом производства. Иначе мы и термин «капитализм» не имели бы права применять к современной Англии, Германии, Америке и т.д., потому что везде в этих странах мы имеем весьма значительные остатки мелкобуржуазного способа производства и чистый капитализм существует только в «Капитале» Маркса²⁴.

Исходя именно из желания точно определить в своем докладе, какое значение я вкладываю в термин «социализм», я заявляю в нем: «Все вопросы, связанные с социалистическим обществом, до крайности трудно рассматривать конкретно, если не условиться заранее насчет того, в каком периоде, в каком состоянии развития вы это социалистическое общество берете»²⁵. И потому я с самого начала предупредил слушателей, что в данном докладе «под социалистическим обществом я буду разумею общество... в котором еще существуют... мелкобуржуазные слои населения, экономически уже совершенно подчиненные плановому хозяйству...»

А Дж. Нагиев, услышав о мелкобуржуазном классе в социалистическом обществе, счел это с моей стороны даже не «парадоксом или просто диалектической игрой ума», а «детской ошибкой» и за отсутствием игры диалектики в собственном уме по-ученически полез за справками в тексты наших учителей. Как будто эти последние обязаны по поводу всех истин, ясных как дважды два – четыре, оставлять в своих работах следы специально для таких читателей, как Дж. Нагиев!

Впрочем, искал он тоже плохо. Он по интересующему его вопросу мог бы у Энгельса в письме к К. Шмидту найти такие слова: «...для всех участников обсуждения, по-видимому, *социалистическое общество* представляется раз навсегда установленной определенной, неизменной вещью, а не чем-то таким, что постоянно меняется и прогрессирует»²⁶.

Но если полная социализация и отсутствие классов есть предел эволюции социалистического общества и на дальнейших ступенях самый термин «социализм» отпадает, то, наоборот, какие-то остатки старого должны же существовать в социалистическом обществе в предыдущем периоде, чтобы оно могло от чего-то прогрессировать. А такие остатки – это незавершенность обобществления орудий производства, остаток мелкобуржуазных слоев населения, более значительная роль государства в сравнении с развернутым социализмом.

Таким образом, то, что Дж. Нагиев называет моей «детской ошибкой», которой «не допустил бы ни один рабфаковец», есть продукт марксистского применения слова социализм, в то время как его совершенно бессодержательная рецензия обнаруживает если не невежество, то крайне слабое ученическое понимание марксизма.

И в руки таких знатоков марксизма, либо угождающих рецензентов, отдано большинство библиографических отделов наших периодических изданий. Эти люди пишут хвалебные рецензии на часто скучные и бессодержательные брошюры и книги, если их авторы занимают ответственные посты, они расхваливают в рецензиях друг друга, а по отношению к книгам, вроде настоящей, научную недобросовестность критики считают своей политической добродетелью.

Для умственной жизни нашего класса и партии, для нашего продвижения в сфере теории такое положение вещей представляет очень большую опасность.

Еще несколько слов о рабоче-крестьянском блоке, в покушении на который меня обвиняют все без исключения мои оппоненты. Я всегда стоял, стою и буду стоять на ленинском понимании блока и смычки, на большевистском их понимании, как все это изложено в нашей программе и в подлинных статьях и речах Ленина. Перечитывая теперь снова и нашу программу и все относящиеся к вопросу места из Ленина, я не вижу ни малейших принципиальных разногласий с этими документами даже в частности. Ленин учил нас в каждый данный момент уметь брать самое характерное в меняющейся ситуации и хвататься за решающее звено. Таким звеном с периода нэпа он считал товарооборот с деревней. Партия схватилась за это звено, очень много сделала для налаживания государственно-кооперативного аппарата торговли и стоит теперь перед проблемами промышленного недопроизводства и роста розничных цен. Борьба с этим злом, борьба с угрозой смычке на этом поле означает борьбу за более быстрый темп индустриализации. Борьба за ускорение процесса индустриализации есть борьба за более быстрое накопление в промышленности. Отсюда вывод: те, которые раньше указывали на опасность промышленного недонакопления, те раньше продумали вопрос о судьбе рабоче-крестьянского блока на новом этапе нашего социалистического строительства. Ревизия ленинизма в сторону комнародничества не прибавляет товара для деревни, не снижает розничных цен, а, поскольку отражается на экономической политике, только затягивает теперешний период недопроизводства. Наоборот, своевременный призыв уцепиться за это звено, звено более быстрого социалистического накопления, есть выполнение подлинных заветов Ленина и в сфере теории, и в области практики. Жизнь очень быстро обнаруживает, кто прав в нашем споре. Глубочайше убежден, что лучшим из моих оппонентов, к числу которых я в первую голову отношу т. Бухарина, много раз придется еще покраснеть над всем тем, что они написали против настоящей книги.

В чем основной, так сказать, первородный грех моих критиков из молодых и в чем ошибка поощряющих их старых большевиков, поскольку дело идет о понимании Ленина в вопросе о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства? В том, что молодые самым серьезным образом тактическую сторону ленинских взглядов выдают за программу ленинизма в крестьянском вопросе, а программные и общие формулировки выдают за конъюнктурно-тактические лозунги, связанные с условиями военного коммунизма. Ошибка же стариков, прекрасно знающих позицию Ленина по совокупности всей его деятельности, начиная с борьбы с народничеством в 90-е годы [XIX в.] и кончая борьбой с эсэрами и меньшевиками во время и после Февральской и Октябрьской революций, заключается в том, что они не учитывают всей опасности образования в крестьянской стране молодняка, представляющего из себя в области идеологической помесь большевика с эсэром.

Перечитайте все, что писал Ленин по затронутому вопросу. Перед вами пролетарский революционер, который старается провести корабль рабочей диктатуры среди рифов и подводных камней бушующего океана мирового капитализма и волнующегося внутреннего моря мелкобуржуазной стихии. Он не боится делать большие уступки крестьянству, чтобы не пошатнуть рабоче-крестьянского блока, но он знает пределы этих уступок. Эти пределы диктуются самой целью, т.е. сохранением диктатуры пролетариата. А мои критики из молодых уступки самым наивным образом выдают за цель и свое понимание принципиальных, программных сторон ленинизма целиком строят на статике сегодняшнего соотношения классовых сил в одной стране, а не на динамике классовой борьбы за всю эпоху борьбы коммунизма с капитализмом во всемирном масштабе. Тем самым они делают крен в сторону, так сказать, славянофильской, национально-ограниченной интерпретации ленинизма в противовес его интернационально-классовому существу. Против такого уклона, против такой ревизии ленинизма, отражающей давление на пролетариат 22 млн крестьянских хозяйств страны, необходимо решительно

бороться. Одно дело – необходимые уступки среднему крестьянству в области экономической политики и в деле строительства социализма, как об этом сказано в нашей партийной программе, другое дело – уступки на нашей собственной, неотчуждаемой классовой территории, уступки в области ленинской теории, которые могут только облегчить и оправдать такие уступки и маневры в области экономической политики, которые сам Ленин считал несовместимыми с основной целью нашей борьбы.

* * *

В заключение два слова ответа тем, которые считают мой анализ советского хозяйства необоснованно оптимистическим. Если, как мы видели, т. Астров строит вариант, обвиняя меня «по признакам пессимизма», то гораздо чаще мои критики обвиняли меня как раз в обратном и делали это искренно, а не в целях политической дискредитации. На эти последние возражения я могу ответить кратко следующим замечанием. В моей работе я пытаюсь дать теоретический анализ развития советской системы хозяйства. Это развитие возможно лишь в том случае, если внутри развертывание государственного сектора идет быстрее роста частного хозяйства и, само собой разумеется, если извне мы не будем задушены мировым империализмом. С точки зрения сегодняшнего дня мой анализ может казаться слишком оптимистическим, но иначе обстоит дело, если брать *линию развития за целый период*. Если наше государственное хозяйство будет развиваться с достаточной быстротой на основе присущих ему тенденций, дело будет обстоит в смысле трансформации советской экономики в основном так, как это изложено в моей работе. Я пытаюсь дать теорию нашего развития к социализму. Тем самым я отказываюсь дать теорию второго варианта, т.е. теорию нашего рассасывания в товарном хозяйстве, т.е. теорию гибели нашей системы. Общественная наука, которая на «добро и зло взирает равнодушно», вообще не существует. Менее всего такой наукой являются марксизм и ленинизм, представляющие в конечном счете лишь руководство к действию для революционного пролетариата.

Преображенский Е.А. Новая экономика. 2-е изд. С. 249–335.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Привожу его собственные слова: «Получит ли социалистическая промышленность добавочные ценности в этот фонд накопления со стороны мелких производителей? Да, это не подлежит никакому сомнению. Есть здесь, таким образом, переход ценностей из рук одного класса в руки другого, господствующего? Да, и это не подлежит никакому сомнению. Но можно ли это своеобразное отношение, используя грубейшим образом аналогию с капиталистическим обществом, назвать отношением *эксплуатации*? Можно ли на этом основании назвать пролетариат эксплуататорским классом (что неизбежно вытекает из предыдущего положения)? Нет, и тысячу раз нет».

² Именно поэтому нам не надо разбрасываться при кредитовании деревни и сосредоточить наши скромные средства на кредитовании крестьянина как производителя, а не как потребителя. В первую очередь, значит, – максимальный кредит на плуг, трактор и пр. орудия производства с льготами для коллективов.

³ Приведу только один очень выразительный пример понижения цен при превышении спроса над предложением. Вся продукция текстильной промышленности за 1923/24 г. оценивалась в 570 млн руб. На одно только последнее снижение цен эта промышленность должна была пожертвовать свыше 40 млн руб. Что получило от этого снижения среднее, бедное крестьянство, видно из следующих цифр. Из всей этой продукции текстильной промышленности прошлый год в деревню пошло хлопчатобумажной ткани 35%, шерстяной – 27,6%, льняной – 9,7%. А из всего деревенского потребления мануфактуры бедной и середняками покупается около 60%. В то же время за прошлый год надбавки розничных цен в сравнении с опто-

выми на ситец равнялись: 1 апреля 1924 г. – 31%, 1 августа – 38,5%, 1 декабря – 44,7%, т.е. надбавки росли, несмотря на снижение оптовых цен. Следовательно, огромную долю от снижения цен урвал себе частный капитал в мелкой торговле. Вот к чему приводит политика снижения цен во что бы то ни стало при недостаточном внутреннем производстве, т.е. при недостаточном накоплении для расширенного воспроизводства.

⁴ Как трудно будет у нас проводить процесс этого накопления, видно даже в сфере теории. Еле-еле началось теоретическое осмысливание этого процесса, как уже раздался: «Караул!» Между тем без успешного накопления в промышленности проблема дальнейшего снижения цен неосуществима. Это путь трудный, но единственно для нас возможный. Если бы мы отказались от этого пути или тормозили движение на этом пути, то для снижения цен во что бы то ни стало остался бы объективно только один-единственный выход: ликвидация монополии внешней торговли и смычка крестьянского хозяйства с иностранной промышленностью, т.е. путь ликвидации государственной промышленности. Раз последнее для нас исключено, остается только путь через накопление. Значит, во имя снижения цен, во имя укрепления рабоче-крестьянского блока, во имя укрепления нашей диктатуры, во имя ликвидации безработицы, во имя роста заработной платы необходимо возможно более успешное накопление.

⁵ Я говорил об этом в январе 1924 г. на партконференции, за что был обвинен т. Лариным с присущей ему развязностью в мелкобуржуазном уклоне.

⁶ Я согласен, что я неправильно употребил термин «основной капитал» там, где нужно было сказать «функционирующий капитал».

⁷ Мои оппоненты пристают ко мне с вопросом, верю ли я в кооперативное земледелие. Они тем самым выступают монополистами такой веры. Удивительно только, как они не сообразили до сих пор, что успех производственного кооперирования деревни означает при тех же равных условиях рост неэквивалентности обмена с кооперированным земледелием, т.е. с большинством деревни.

⁸ *Мотылев В.Е.* Курс политической экономии. Т. 1. Госиздат, 1925.

⁹ Большевик. 1925. 30 апреля. С. 15–24.

¹⁰ Там же. № 8. С. 22.

¹¹ Не надо смешивать с недавно умершим старым членом нашей партии, зам. наркома социального обеспечения Ксенофонтовым.

¹² Правда Востока. 1925. 5 августа.

¹³ Автор подписался инициалами Ф.К., но сам устанавливает свое авторство по отношению первой статьи.

¹⁴ Экономическая жизнь. 1924. 3 декабря.

¹⁵ Большевик. [1926.] № 13. С. 9.

¹⁶ Там же. С. 10.

¹⁷ Там же. С. 11–12.

¹⁸ Отношение государственного хозяйства к крестьянскому с этой точки зрения чем дальше, тем больше делается лишь функцией нашего взаимоотношения с мировым капитализмом, что, конечно, не исключает, а обязывает конкретно анализировать отношения рабочих и крестьян в советской системе во всем их своеобразии и динамике.

¹⁹ Все обвинения меня насчет «колоний», грабежа крестьянства и т.д. являются упражнениями подобного же рода и лишь агитируют крестьянство против строительства социализма.

²⁰ См.: Экономические заметки // Большевик. № 15–16. С. 74.

²¹ *Ленин.* Государство и революция. Государств[енное] изд-во. С. 93.

²² Там же. С. 97.

²³ Там же. С. 96.

²⁴ Другой вопрос, можно ли социализм на этой стадии считать «первой фазой коммунистического общества» или эта фаза начинается только после полного завершения социализации всех орудий производства? Иными словами: с какого момента начинается тождество этих двух терминов? Это вопрос спорный, но это исключительно терминологический вопрос.

²⁵ *Преображенский Е.* О материальной базе культуры в социалистическом обществе. С. 14. Издание «Пролеткульта».

²⁶ Письма. Перевод Адоратского. С. 274–275.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3
ОТВЕТ гг. КАРЕВУ И КАПИТОНОВУ

Позднее 2 июля 1926 г.

Я начну свои возражения на критику моей книги, которую дают в своих тезисах гг. Капитонов и Карев¹, с самого краткого изложения основного стержня всей моей работы. Это необходимо, во-первых, потому, что после такого изложения отпадает ряд возражений, основанных на недоразумении, а с другой стороны, товарищи, которые еще не прочитали полностью моей книги, получают некоторое право участвовать в споре, либо определить свое отношение к нему.

Объектом анализа является советское хозяйство за тот период его существования, когда социалистический сектор его не подвел еще под себя новой технической базы, не создал адекватной структуре государственного хозяйства социалистической культуры и не развил еще всех преимуществ новой формы производства над капитализмом, т.е. когда новая форма и технически, и экономически, и культурно (в смысле соотношения с базисом) оказывается еще слабее наиболее прогрессивного капитализма. Это значит, что моя концепция не является общей теорией переходной экономики, а лишь наброском теории одного этапа в истории советского хозяйства, а именно: теории периода первоначального социалистического накопления. В ней есть лишь *некоторые элементы* общей теории переходной экономики.

Специфической особенностью экономики советского хозяйства за этот период является незавершенность борьбы за самую возможность победоносного вытеснения социалистической формой всех досоциалистических форм или их приспособления на основе подчинения к этой исторически более высокой форме. Ленин характеризовал это положение лаконически двумя словами: «Кто кого?» Отсюда неизбежный внутренний дуализм всей советской хозяйственной системы, ее внутренняя антагонистичность, которая не может быть охарактеризована на данном этапе просто, как единство противоположностей. Отсюда и особенность методологических приемов исследования всей системы.

Социалистическому сектору в его борьбе за существование и развитие внутренне присуща тенденция к тому, чтобы сделать плановое начало основной формой регулирования всей хозяйственной жизни страны, а основной объективной целью – максимально быстрое расширенное социалистическое воспроизводство. Наоборот, сектору частного хозяйства, поскольку он также ведет борьбу за свое существование и развитие в качестве хозяйства частного, свойственна тенденция сделать основной формой регулирования закон ценности, а основным содержанием процесса – рассасывание государственного

хозяйства в товарном производстве, ликвидацию препятствий к развертыванию товарного производства, расширенное капиталистическое воспроизводство и включение страны в мировое разделение труда на основе закона ценности, что означает в случае успеха ликвидацию на определенном этапе советской системы, и прежде всего ее социалистического сектора, как чужеродного тела в системе мирового товарного хозяйства. Особенности положения у нас заключается в том, что классовая борьба в советском обществе приобретает, кроме других форм, также и форму борьбы двух хозяйственных систем. Отсюда ясно, что искать в теперешнем советском хозяйстве единого регулятора всей хозяйственной жизни – значит либо считать это хозяйство разновидностью товарного производства, т.е. признать в основном всю борьбу закончившейся поражением социалистического начала с его специфическими тенденциями, либо считать, что плановое начало уже является преобладающей формой регулирования, т.е. выдавать желательное за действительное. Эклектические же попытки сложить два регулятора в один (как это сделал т. Кон с своим «двухединым регулятором») представляют из себя словесные упражнения, не заслуживающие серьезной научной критики. Самые попытки найти единый регулятор чаще всего построены на грубой аналогии между нашей системой и капитализмом, в том смысле, что капитализм, где он является господствующей формой хозяйства, обладает внутренним единством, и хозяйственное равновесие в нем достигается на основе единого регулятора закона ценности, в свою очередь предполагающего единство определенной системы собственности на средства производства, в данном случае буржуазной системы собственности. Глубокое и основное противоречие, свойственное капитализму, заключается в социальном антагонизме между буржуазией и пролетариатом, тогда как у нас это противоречие приняло в результате Октября форму антагонизма также и двух хозяйственных систем, причем антагонизм между государственным и частным хозяйством внутри есть лишь одна сторона антагонизма нашего государственного хозяйства со всей системой мировой капиталистической экономики.

Научно-марксистский анализ нашего хозяйства приводит к установлению двух законов, лежащих в основе всей системы: закона ценности, с одной стороны, в котором концентрируются все стихийные тенденции частного сектора хозяйства, и другого закона, в котором концентрируются тенденции и закономерности социалистического сектора, детерминирующие коллективную волю государства как хозяйствующего субъекта. Только под углом зрения борьбы этих двух законов можно, не разрывая с позицией классовой борьбы, понять, каким образом две антагонистические формы производства, связанные с двумя разными системами собственности на средства производства, будучи включены в единую хозяйственную систему после прорыва капитализма на одном участке мирового хозяйства, вынуждены на основе принудительной кооперации удовлетворять определенную сумму потребностей советского общества. Общесоциологический закон пропорционального распределения труда, действующий в каждой системе общественного производства и принимающий формы закона ценности в единой по своей структуре капиталистической экономике, в дуалистической системе, как наша, неизбежно означает дуализм также и в форме регулирования, и тем самым достижение равновесия происходит на основе борьбы двух регуляторов. При этом спорадическое нарушение и восстановление равновесия в хозяйстве оставляет все время нерешенным вопрос о существовании самой системы, поскольку она может победить или погибнуть лишь в зависимости от изменения мирового соотношения сил между пролетариатом и буржуазией.

Что касается закона ценности, то в чистом своем виде он достаточно известен нам и из Марксова анализа капитализма. Трудности исследования его в нашем хозяйстве вытекают из того, что он не может проявляться в нашей экономике в чистом виде, поскольку подвергается искажению, ограничению, иногда частичной ликвидации

благодаря существованию и развитию социалистического сектора. Если при борьбе отдельных капитализмов, при создании таможенных систем отдельных буржуазных государств дело идет не о замене одной формы производства и собственности другой, а лишь об ином распределении между различными группами мировой буржуазии средств производства, хозяйственной территории и права на эксплуатацию определенных групп рабочего класса, то у нас система социалистического протекционизма и монополии внешней торговли означает, наоборот, борьбу за существование и развитие совсем иной хозяйственной системы, с другим классовым руководством, и при данных условиях борьбу за ограждение советской территории от разлагающего действия мирового закона ценности. Влияние этого закона на наше хозяйство носит специфический характер, преломляясь через сопротивление всего хозяйственного организма как целого. Точно так же внутри страны проявление действия закона ценности, поскольку он имеет базу в нашей собственной экономике, сильнее всего трансформировано, что приводит к ряду явлений, свойственных только советской системе хозяйства. Анализ этих особенностей немислим без изучения действия одновременно и второго закона нашего хозяйства.

Прежде чем установить, чем характеризуется этот второй закон, как его правильно формулировать и точнее назвать, надо установить некоторые общие черты этого закона. А что такой закон существует, это обнаруживается при первых же попытках научного исследования тенденции развития социалистического сектора (существование которого как раз и порождает все особенности нашей системы) и закономерностей, лежащих в основе экономической политики государства. Так как дело идет о закономерностях, возникающих на экономическом поле не в результате существования и развития какой-либо уже господствующей формы производства, а о закономерностях, проявляющихся лишь при борьбе за существование и за господство новой формы и в экономике, и во всей сфере социальных отношений, то искомый закон уже по одному этому не может быть чисто экономическим законом, а должен быть также в какой-то мере и законом социологическим. Во-вторых, поскольку дело идет о закономерностях по отношению к коллективному субъекту хозяйства, ставящему перед собой и экономические задачи, и задачи сохранения всей системы, сознательно, в качестве нормы построенной на предвидении объективной необходимости, то искомый закон не может быть в то же время и *законом* в собственном смысле слова, действующим в качестве стихийного регулятора за спиной людей. А так как, в-третьих, дело идет о классовом обществе, где стихийность закономерностей социальной жизни вообще не может быть преодолена полностью до уничтожения классов, потому что не может быть полного учета всех факторов, дающих тот или иной результат, не говоря о младенческом периоде планового начала в нашем хозяйстве вообще, то искомый закон не может быть и нормой в собственном смысле. Оставляя условно термин «закон» по отношению к закономерности хозяйственной жизни, переходящей в социологическую закономерность, и по отношению к закономерности, детерминирующей сознательную волю коллектива и превращающуюся в норму, я предлагаю назвать этот второй закон-норму советского хозяйства законом первоначального социалистического накопления (не настаивая на термине). Самый термин вскрывает переходный характер закона.

Закон первоначального социалистического накопления, являясь сосредоточенным выражением всех тенденций социалистического сектора советского хозяйства, направленных к сохранению и развитию всей системы, в сфере взаимоотношений советского хозяйства с мировым хозяйством является:

1. Законом обороны всей системы в период ее экономической слабости от разлагающего действия мирового рынка. Так как при свободе торговли в поединке государственного хозяйства пролетариата с мировым капитализмом артиллерийские снаряды дешевых цен последнего в кратчайший срок потушили бы артиллерию советской индустрии,

то закон п[ервоначального] с[оциалистического] н[акопления] вынуждает держать на дистанции недостижимости от конкурентного огня капиталистической промышленности советскую индустрию, чтобы прикрыть процесс технического перевооружения государственного хозяйства, принудительно прикрепляя к отсталой пока советской промышленности внутренний рынок. Отсюда социалистический протекционизм и монополия внешней торговли, как принудительные факторы нашего существования в качестве советской системы и необходимейшее проявление закона п[ервоначального] с[оциалистического] н[акопления] в сфере взаимоотношений государственного хозяйства с мировым.

2. Законом преодоления технической и экономической отсталости государственно-го сектора в сравнении с передовым капитализмом, откуда вынужденная быстрота темпа развития всего процесса расширенного воспроизводства и технической реконструкции, откуда необходимость планового импорта, с огромным преобладанием в нем средств производства, откуда принудительная необходимость максимального экспорта.

3. Законом пропорционального распределения производительных сил советского хозяйства на такой основе, которая обеспечивает: а) более быстрый рост государственного сектора хозяйства по сравнению с частным, б) удовлетворение известного минимума общественных потребностей, в частности роста заработной платы и растущего спроса мелкого производства страны на продукцию крупной промышленности; систематического постепенного снижения цен и приближения их уровня к мировым. В свою очередь, в сфере распределения национального дохода это означает каждый данный год определенные пропорции между производительным и индивидуальным потреблением, пропорции, обеспечивающие необходимый уровень накопления материальных ресурсов для расширенного воспроизводства. Принудительный темп этого накопления диктует с необходимостью неэквивалентный обмен со всем частным, в том числе с мелким производством страны, а также определенный уровень налогового обложения частного хозяйства. Таким образом, по материальным результатам своего действия закон п[ервоначального] с[оциалистического] н[акопления] является тенденцией к максимально быстрому развертыванию социалистического воспроизводства при максимально быстром преодолении технической отсталости государственного хозяйства в сравнении с передовыми капиталистическими странами. По форме же своего проявления он имеет тенденцию к тому, чтобы, превратившись в норму экономической политики государства, подчинить плановому началу последнего весь процесс регулирования всей хозяйственной жизни Союза.

Наоборот, развитие товарного хозяйства в СССР, и в особенности его капиталистического звена в городе и деревне, имеет тенденцию к расшатыванию государственного хозяйства и к подчинению плановой политики государства интересам развития производительных сил именно в буржуазных формах. Это единоборство двух систем хозяйства, двух форм собственности на средства производства и двух методов регулирования является возможным на хозяйственном поле постольку, поскольку формой связи государственного и частного хозяйства является рыночный обмен. Государственное хозяйство борется в рамках же рыночных отношений (если не говорить о других методах регулирования, как бюджет, долгосрочное кредитование и т.д.), но меняя их содержание на основе борьбы, стремясь к хозяйственной гегемонии над рынком, с тенденцией в дальнейшем перейти к трансформации и формы во всей сфере его соприкосновения с частным хозяйством. Внутри же самого государственного хозяйства капиталистические категории уже теперь в значительной степени носят формальный характер. Наоборот, частное товарное хозяйство, принимая бой на той же базе, давит в сторону превращения рыночной формы обмена в орудие превращения всего хозяйства страны в товарное производство не только по форме, но и по содержанию. Развитие товарного хозяйства в СССР неизбежно толкает к тому, чтобы коллективную форму собственности на крупную

промышленность и транспорт сделать чисто формальной и фиктивной, превратить ее в юридическую оболочку вчерашнего дня Октябрьской революции, вышелушив из этой формы все ее социалистическое содержание. В дальнейшем же, в случае победы такой тенденции, это могло бы привести к приспособлению и формы собственности к законам развития товарного хозяйства, т.е. к денационализации промышленности и к прорыву монополии внешней торговли. Основным фактором, толкающим экономику страны именно в этом направлении, является прежде всего развитие капиталистических отношений в земледелии СССР, т.е. в сфере, где государственное и кооперативное хозяйство являются наиболее слабыми. Капиталистическое развитие деревни неизбежно должно, в частности, подкалываться чем дальше, тем больше под национализацию земли. Не требует доказательств тот факт, что вся эта борьба на экономическом поле в случае усиления капиталистических тенденций может в определенный момент перейти в открытую борьбу классов на социально-политической арене.

Вышеописанные тенденции государственного хозяйства в сторону максимально быстрого расширенного социалистического воспроизводства по содержанию процесса и в сторону максимального расширения планового начала [...]*, как формы регулирования, встречая противодействие со стороны частного хозяйства, приводят к некоторой средней равнодействующей всей хозяйственной жизни. В том случае когда, вследствие ошибок планового регулирования, происходит нарушение пропорциональности в хозяйстве данного типа, закон ценности со стихийной силой прорывается в сферу регулирования, и в эти моменты наличие во всей хозяйственной системе двух регуляторов обнаруживается с наибольшей отчетливостью. Конкретный анализ хозяйственной жизни СССР показывает, что сферой наиболее успешного действия планового начала, или, иначе говоря, сферой наиболее свободного проявления закона п[ервоначального] с[оциалистического] н[акопления], как закона плавного пропорционального распределения труда, является область государственного производства средств производства для государственного же спроса. Сферой наиболее свободного проявления закона ценности является область частного производства на частный рынок в отраслях, где отсутствует конкуренция государственного хозяйства, особенно в сфере крестьянского производства для внутрикрестьянского спроса.

Коллективная система собственности на средства производства государственного хозяйства и имманентно связанное с этим плановое начало неизбежно означают даже и на теперешнем, т.е. весьма низком, уровне производительных сил государственного сектора значительное продвижение вперед в смысле отмирания категорий капиталистической экономики внутри этого сектора. Сюда относится: 1) изменение характера рынка страны вследствие выступления на нем единого мощного хозяйственного организма в виде государственного сектора, включающего кроме всей крупной промышленности транспорт и банковскую систему. Внутри самого государственного хозяйства рыночная связь между отдельными предприятиями государства носит преимущественно формальный характер, поскольку взаимоотношения между государственными трестами, связанными единством общехозяйственного плана, нельзя считать взаимоотношениями рыночного типа по существу. 2) Растущее просвечивание плановым началом (несмотря на неизбежную слабость этого начала в период п[ервоначального] с[оциалистического] н[акопления]) фетишизированных ценностных отношений товарного мира, что вместе с изменением характера рынка ведет к изменению характера товара, к большей прозрачности всех хозяйственных отношений как общественных отношений людей друг к другу в процессе производства. Отсюда и растущая роль учета натуральных элементов производства наряду с их ценностным измерением. 3) Трансформация закона цен производства и уравнения норм прибыли в норму плановых отпускных цен, подчинен-

* Далее строка не читается.

ных задачи осуществления обязательного накопления минимума в государственном секторе. При таких условиях цена превращается в инструмент планового распределения производительных сил между государственным и частным секторами хозяйства. 4) Далеко продвинувшееся вследствие изменения системы собственности, но задерживаемое вследствие очень низкого уровня производительных сил превращение категорий прибавочной ценности в государственном хозяйстве в прибавочный продукт коллектива рабочего класса. Связь безработицы не с капиталистическим характером производства, а с недостаточным накоплением государственной промышленности. 5) Отмирание в государственном хозяйстве категорий процента в его капиталистической функции и превращение системы государственного кредита по отношению к государственному хозяйству в один из инструментов планового перераспределения средств производства и новых накоплений в интересах капиталистического* воспроизводства и развития государственно-кооперативной системы распределения. 6) Совершенно чуждая товарному хозяйству система связи с мировым хозяйством через монополию внешней торговли и плановый импорт, система, означающая по своему содержанию наиболее быстрое накопление основного капитала государственного сектора и его реконструкцию, а по форме – такую степень организации рынка на стыке хозяйства СССР с мировым, которая превращается в сильнейший барьер против разлагающих действий мирового закона ценности на нашу экономику. В частности, только благодаря этому исключительному режиму в области внешней торговли наша червонная валюта, несмотря на глубокий разрыв ценностных отношений хозяйства СССР с мировым и при явном нарушении законов мирового рынка в их отражении на вексельном курсе, сохраняет паритет в подавляющей части всего нашего оборота с внешним миром. Это значит, что деньги на стыке хозяйства СССР с мировым испытывают довольно существенное перерождение своей природы как одно из механизмов стихийного регулирования хозяйственной жизни.

Наоборот, факторами, задерживающими развитие нашего хозяйства в социалистическом направлении, факторами, создающими угрозу для самого существования нашей системы и создающими почву для проявления действия в нашем хозяйстве закона ценности, являются: мелкобуржуазный характер страны, особенно земледелия, капиталистическое окружение, низкий уровень технической базы государственного хозяйства и индустриальной культуры страны вообще. Отсюда 1) крайне медленный процесс отрыва уровня зарплаты от ценности рабочей силы, связанный с необходимостью при очень низком уровне производительных сил очень большого накопления за счет прибавочного продукта пролетариата. 2) Недостаточное производство промышленных товаров, их дороговизна в сравнении с зарубежными, что не дает возможности вовлечь в обмен веществ все излишки крестьянского хозяйства, задерживает рост сельскохозяйственного производства, в том числе производства технических культур, и, что самое опасное, ориентирует товарное крестьянское хозяйство на смычку с капиталистической иностранной промышленностью. 3) Связанный с экономической слабостью государственного хозяйства и недостаточным накоплением в промышленности, товарный голод ведет к уродливому проявлению закона ценности в сфере обмена, увеличивая накопление частного капитала, срывая плановое руководство государства в сфере кооперативного обмена, задерживая рационализацию торгового аппарата. При таких условиях советская система обмена, освобожденная от стимулирующего кнута свободной конкуренции, не может при общем зачаточном уровне социалистической культуры выявить все преимущества организованного массового распределения. 4) Низкий технический уровень государственного хозяйства и необходимость поставить его техническую базу в максимально быстрый срок в уровень с самыми передовыми капиталистическими странами требует

* Так в тексте. Очевидно, «социалистического».

максимального роста импорта иностранного оборудования. Наш плановый импорт, возмещающий частично хозяйству СССР импорт иностранного капитала, имевший место до войны, и обеспечивающий возмещение в натуральной форме оборотного капитала промышленности, работающей на иностранном сырье, представляет, вероятно, самое яркое проявление регулирующего влияния закона п[ервоначального] с[оциалистического] н[акопления] в сфере связи нашей экономики с мировым рынком. Но вместе с тем неизбежность для нашего хозяйства в интересах его наиболее быстрого развития максимального импорта, а тем самым и максимального экспорта, ставит наше хозяйство на данной стадии в растущую зависимость от мирового рынка и открывает более широкую площадь для действия на нашу экономику закона ценности мирового хозяйства. 5) Экономическая слабость государственного хозяйства, невозможность для него на данной стадии его развития вовлечь в свой круг или в сферу производственной деятельности земледельческой кооперации все родственные пролетариату социальные группы деревни, вытесняемые из производственного процесса мелкобуржуазного хозяйства (батраки, полупролетарии, беднота), ведет к образованию огромных кадров скрытой деревенской безработицы, создающей общую неустойчивость в социальных отношениях советской системы. С другой стороны, та же экономическая слабость государственного хозяйства не позволяет осуществить далеко идущий чисто экономический контроль над капиталистическим развитием деревни, развитие деревни в буржуазном направлении на этой стадии делается неизбежно преобладающей формой развития производительных сил крестьянского хозяйства.

Основное динамическое противоречие всей системы СССР как раз и заключается в том факте, что советский город развивается преимущественно в социалистическом, советская же деревня развивается и довольно долго будет развиваться преимущественно в капиталистическом направлении, если говорить прежде всего о наиболее важных в хозяйственном отношении районах товарного земледелия. 6) Само собою разумеется, что вся сумма социалистических и им противоположных капиталистических тенденций, описанных выше, находит свое отражение в области социальных и культурных отношений, чрезвычайно сильно замедляя реформирование в социалистическом направлении нашего государственного аппарата, давая преобладание в области управления хозяйством экономически крайне невыгодным и отсталым бюрократическим методам, замедляя формирование элементов подлинно социалистической культуры, подвергая эти ростки новой культуры не прекращающейся ни на один час упорной осаде со стороны возрождающейся буржуазной культуры, буржуазных и мелкобуржуазных стимулов к труду, мелкобуржуазных инстинктов крестьянской страны и т.д. На основании всего вышесказанного необходимо признать со всей категоричностью, что научно-марксистский и ленинский теоретический анализ нашего хозяйства, анализ с точки зрения классовой борьбы пролетариата, должен исходить из наличия в хозяйстве СССР двух различных хозяйственных систем, когда борьба за дальнейшее преобладание той или другой из них еще не решена. Пока остается в силе ленинский вопрос «кто кого», в нашем хозяйстве не может быть единого регулятора. Наша система не обладает внутренним органическим единством, она дает почву для проявления действия и борьбы двух различных регуляторов; при этом элементы вынужденной кооперации капиталистических элементов с социалистическими должны рассматриваться под углом зрения незавершенной борьбы за преобладание той или иной формации, а не как продукт органического единства всей системы, каковое единство еще надо завоевать. И наоборот, все теории советского хозяйства, исходящие из единства нашей системы, единого принципа регулирования в ней хозяйственных процессов, неизбежно должны приводить: 1) либо к оппортунистическим пошlostям насчет тихого и плавного вставания кулака и зажиточного крестьянина в социализм, что предполагает признание нашей системы в основном уже социалистичес-

кой и что являлось бы издевательством над самой идеей социализма и над рабочим классом со стороны туповатого и самоуверенного советского бюрократа; 2) либо к признанию всей нашей системы в целом, т.е. как государственного, так и частного сектора, товарным хозяйством, регулируемым законом ценности (потому что товарное и по форме и по существу хозяйство, не регулируемое законом ценности, есть вздор), причем коллективная собственность на крупную промышленность и транспорт, монополию внешней торговли и т.д. должны казаться не источниками планового регулирования социалистического типа, означающего дуализм всей системы регулирования вообще, а правовые остатки Октябрьской революции, остатки весьма недолговечные. В сочинениях Ленина, касающихся анализа нашего хозяйства с точки зрения объективного описания в нем того, что есть, нельзя найти ни одного утверждения, ни одной фразы, которая доказывала бы, что Ленин смотрел на советское хозяйство как на органически единый экономический организм, а не как на арену борьбы двух враждебных начал. В своей брошюре «О продналоге», представляющей наиболее систематическое изложение его мыслей о характере нашей экономики, Ленин, перечислив пять укладов в нашем хозяйстве, писал: «Не государственный капитализм борется здесь с социализмом, а мелкая буржуазия плюс частнохозяйственный капитализм борются вместе, заодно против государственного капитализма и социализма». Этими словами яснее ясного подчеркнута, что в нашей экономике борются два начала: плановое и стихийное, а значит, наше хозяйство является дуалистическим по методам регулирования, и всякий научный анализ его должен иметь своим стержнем изучение борьбы этих двух начал, а не оппортунистическое замазывание основного исторического противоречия между социализмом и товарным хозяйством.

После этих страниц, которые составят дополнительную, последнюю главу третьего издания «Новой экономики», дающую краткое резюме всей книге, мне нетрудно показать всю неосновательность «замечаний» гг. Капитонова и Карева.

1) Прежде всего, отпадает основной упрек в том, что исходным положением всей моей работы является «предпосылка о возможности построения коммунизма (подчеркнуто авторами. — *Е.П.*) в отдельной стране вне связи с мировой пролетарской революцией». Читатель видит, как достаточно было мне в ином порядке разместить все мои основные положения и основную аргументацию, чтобы неосновательность этого обвинения стала совершенно очевидной. Я не говорю уже о том, что нигде у меня нет речи о строительстве коммунизма, я исследую лишь тот период в истории со[...] свою техническую базу, догоняет в этой области передовой капитализм. Даже в случае завершения этого процесса до коммунизма здесь еще бесконечно далеко, не говоря уже о бессмысленности самой идеи коммунистического, т.е. бесклассового, общества в одной стране, окруженной со всех сторон капитализмом. Если я анализирую условия благоприятного варианта, т.е. условия развития нашей системы к социализму, а не варианта нашей гибели под напором превосходящих сил противника, то вместе с тем я неоднократно указываю на возможность и этого последнего исхода и нигде не солидаризируюсь с фаталистической верой в то, что раз наша система исторически более высокого типа, чем капитализм, то победа ее автоматически обеспечена. Если б дело обстояло так, то, в частности, и работа над теорией советского хозяйства была бы тогда просто, пользуясь выражением Герцена, «умной ненужностью»**.

* Конец страницы, далее пропуск в тексте.

** Кстати, замечу здесь нашим стопроцентным оптимистам, что Маркс считал возможным гибель всей человеческой культуры вследствие равенства сил в борьбе двух борющихся классов. Это значит, что теоретически возможно не только поражение социализма в СССР, но и гибель всей теперешней культуры, если силы рабочего класса не окажутся преобладающими. «Пессимизм, неверие и ликвидаторство» Маркса не подлежат здесь никакому сомнению.

2) Характеристику нашей системы как товарно-социалистической я считаю правильной, если постоянно иметь при этом в виду неизбежный дуализм и всю сумму внутренних противоречий этой системы. Если в нашем государственном секторе есть элементы и капитализма, и очень даже увесистые, то это не говорит за изгнание слова «социализм» из характеристики всей системы. Даже вводя термин «государственный капитализм» для всей системы, Ленин пятый уклад нашей экономики называл социализмом. И само понятие государственного капитализма (в ленинском смысле этого термина) предполагало наличие социалистического звена, как организующего центра этого нового и небывалого в истории «государственного капитализма» при диктатуре пролетариата. Однако как же сами мои критики предлагают назвать систему в целом, после того как Ленин снял термин «государственный капитализм»?

3) Указание в моей критике на то, что вопрос «кто кого» не снят с очереди, совершенно правильно, и именно на этом построена моя теория двух регуляторов нашей экономики. Между тем сами мои критики не продумали достаточно вопрос о том, к чему обязывает существование нерешенной проблемы «кто кого», как раз для установления правильной позиции в вопросе о регулировании в нашей системе. Сами они стоят в этом пункте на эклектической позиции, вернее даже, у них нет никакой позиции в этом вопросе. А там, где они пытаются изложить свои взгляды, они примыкают, по-видимому, ко всем тем оппортунистическим представлениям о советском хозяйстве, которые исходят из мелкобуржуазной пацифистской фантазии (с точки зрения классовой борьбы), фантазии о внутреннем единстве нашей хозяйственной системы. Этот пункт является центральным; к нему сводится четыре пятых всех возражений против моей точки зрения, и поэтому я остановлюсь на нем подробнее.

Типичный вульгарно-оппортунистический взгляд на нашу экономику в вопросе о регулировании хозяйства можно свести к следующей концепции: а) наше хозяйство едино, с органической связью всех своих частей; б) наше хозяйство – с рыночным характером связи и с ценностным регулированием, с одной стороны, и с наличием планового начала – с другой; в) чтобы остаться при первом утверждении, при наличии второго, выдумывается какой-то средний единый регулятор, какая-то помесь планового начала со стихийным. Эта наивная точка зрения плоха не тем, что взгляды на советскую экономику находятся здесь в упрощенно-эмбриональном состоянии, а тем, что она неверна в исходном пункте и насквозь оппортунистична. В действительности же наше хозяйство не является единым органическим целым. Говорить об органическом единстве его на основании того, что государственная промышленность покупает и продает частному, в том числе крестьянскому хозяйству и наоборот – значит не понимать как раз самого специфического и самого характерного в нашей системе: между капиталистическим и натуральным хозяйством не было никакой непосредственной связи, кроме связи через эксплуатирующий натуральное хозяйство в форме натуральных налогов государственный аппарат и крепостное помещичье хозяйство, берущее с крестьян натурой и уже потом вовлекаемое в товарно-денежный оборот с торговым капиталом. Здесь существуют два разные типа хозяйства и две разные системы собственности: буржуазная и феодальная, причем последняя с собственностью на личность крепостного крестьянина. Органическая связь устанавливается между буржуазным городом и феодальной деревней лишь по мере разъедания феодальных отношений товарным хозяйством. Точно так же и связь между мануфактурой и цеховой организацией труда является антагонистической, хотя бы страна, объединенная единым государственным аппаратом, представляла некоторое подобие единой нации. Наоборот, развитый капитализм с придатком мелкотоварного производства представляет уже органически единую хозяйственную систему, потому что здесь имеется единая система собственности, т.е. буржуазная собственность на средства производства при личной свободе производителей и единый регулятор хозяйственной жизни – закон ценности. Наша система, наоборот, снова

является системой не органической, а антагонистической связи между своими частями, из которых одна представляет буржуазную форму собственности на средства производства с регулятором законом ценности, другая – коллективную форму собственности с элементами планового регулирования. У нас только пока идет *борьба* за органическую связь этих двух половин хозяйства, причем вопрос «кто кого» как раз и характеризует, на какой стадии находится весь процесс. Наша система может стать системой органической связи своих частей либо при победе капиталистической реакции, либо на такой стадии развития социалистического сектора хозяйства, когда частное хозяйство, в том числе некооперированное производственно-крестьянское, будет представлять из себя такую часть всей системы, где методами частного хозяйничанья осуществляется, однако, единый производственный план, выработанный социалистическим сектором и приспособленный полностью к развитию последнего. Теперь же в нашем хозяйстве нет ни органической связи, свойственной капиталистической экономике, ни органической связи, свойственной плановой системе хозяйства, а есть борьба между двумя антагонистическими формами собственности и регулирования. Поскольку социалистический сектор вынужден сожительствовать с частным сектором хозяйства (почему такое сожительство возникло – это вопрос из истории и социологии, а не из теории советского *хозяйства*), постольку общественные потребности не могут не удовлетворяться и не может не существовать определенной пропорциональности в распределении труда во всей системе. Но каждая форма стремится к иным пропорциям в распределении труда и ежегодных накоплений, и средняя равнодействующая получается на основе антагонистического столкновения двух методов регулирования. Никакой ни предустановленной гармонии в этих пропорциях, ни пропорциональности, достигаемой на основе действия *единого* регулятора, здесь не существует. Вся история нашего государственного хозяйства есть история наскока вперед, отступлений, просчетов, исправлений просчетов – одним словом, история борьбы закона п[ервоначального] с[оциалистического] н[акопления] с законом ценности. Если руководители хозяйства при этом часто не понимают всего механизма этой борьбы и ее внутренних пружин, то это доказывает только, что Октябрьская революция и созданная ею организация труда логичней тех людей, которые этим механизмом «руководят», будучи им руководимы*.

Вообще признавать значимость и для настоящего периода ленинского «кто кого» и одновременно искать органической связи и единого регулятора в хозяйстве – значит не связывать весьма элементарные концы с концами. А с другой стороны, абсолютно непонятно, каким же это образом и откуда может появиться перспектива нашей гибели при отсутствии пролетарской революции в других странах («мы обречены»**), если в нашем хозяйстве уже существует органическая связь всех частей. Откуда же этот угрожающий нам гром на ясном небе? Каким образом из столь хорошо, «не механически» сложенной экономики и может получиться вдруг опрокидывание всей системы? Не значит ли это видеть угрозу для дела строительства в нашей стране только в интервенции, что очень логично для сторонников органичности нашей системы, но не логично для тех, кто выражает сомнение насчет возможности построения полного социализма в одной стране? Пора вообще понять следующее: теоретическая концепция, с признанием органической связи во всей нашей экономике и с единством регулирования (что вытекает из предыдущего) и автоматическим движением вперед социализма, есть экономическое обоснование антимарксистской, антиленинской, национально-ограниченной утопии построения социализма в одной стране; теоретическая же концепция, с признанием органической связи частей хозяйства, с единым методом регулирования (ценностным) и, конечно, без гарантии автоматического движения к социализму (наоборот, с гарантией развития

* Так в тексте.

** См. С. 278.

товарного хозяйства), есть «теория социализма ни в одной стране» (употребляя это выражение т. Сокольников, сказанное по другому поводу). Как тт. Карев и Капитонов предполагают устроиться между этими двумя позициями, мне совершенно непонятно. Замечу еще, что с мыслями на странице 6, совпадающими с местом из 37 страницы моей книги, я вполне согласен. Это доказывает, однако, что эти соображения моих критиков меня не опровергают.

4) Не могу согласиться с авторами, в свою очередь согласными с т. Бухариным, что при диктатуре пролетариата «экономическая политика государства становится элементом экономической структуры». Самое меньшее – здесь терминологическая ошибка. Вместо того чтобы пересмотреть содержание терминов в эпоху зарождения планового регулирования, авторы подгоняют под термины исторического материализма изменившееся содержание совершенно не критически. Нет нужды доказывать, что структура государственного хозяйства и экономическая политика Советского государства есть вещи, которые не надо смешивать. Совсем не нужна такая неуклюжая формулировка, какую употребляют мои критики для доказательства того, что объектом изучения экономической науки о советском хозяйстве является и экономическая политика государства со всем тем, что ее причинно обуславливает, а также объективные последствия этой политики. Трудность для исследования заключается здесь в том, что политико-экономический анализ при зарождении и росте планового начала сростается с исследованием социологическим, поскольку экономические законы частично трансформируются в норму сознательной политики государства и поскольку экономическое исследование переплетается с социологическим. Этот пункт, впрочем, я намерен развить в отдельной статье, посвященной исследованию того, как при переходе от товарного хозяйства к плановому изменяется само понятие экономического закона и закономерности.

5) Делаемый мне упрек насчет того, что при моем методе исследования борьбы закона п[ервоначального] с[оциалистического] н[акопления] [с] законом ценности частное хозяйство трактуется без учета классовых делений (нэпман, кулак, середняк, беднота), верен лишь как возражение против порядка расположения материалов в моей работе, потому что об этом делении подробно я предполагаю говорить при анализе экономической политики государства, а также в аграрной части книги. При общем же анализе немислимо (кроме, разве, оговорки в каком-либо примечании) провести желательное деление уже по одному тому, что в сфере рыночных взаимоотношений государственного хозяйства с частным мы не проводим ни классовых цен при продаже продукции трестов, ни классовых заготовительных цен (прибавка бедноте за хлеб, сырье и т.д.), и, следовательно, вся наша система неэквивалентного обмена действует нивелирующим образом. Своеобразие действия закона п[ервоначального] с[оциалистического] н[акопления] выступает в нашей бюджетной и кредитной политике, исследование которых относится к второму тому работы. Я согласен только с тем, что в первом томе следовало бы сказать несколько слов исключительно затем, чтобы не вызывать возражений, построенных на недоразумении.

6) Возражения против того, что мой закон сконструирован как закон первоначального социалистического накопления, делались мне не раз и построены: а) на смешении, с одной стороны, закона, поскольку он диктует определенные пропорции распределения национального дохода в интересах накопления материальных ресурсов расширенного социалистического воспроизводства, с законом как одним из двух регуляторов распределения производительных сил вообще; б) на непонимании, [с другой стороны], того, что закон расширенного социалистического воспроизводства в условиях технической и экономической отсталости государственного хозяйства в сравнении с передовым капитализмом неизбежно должен на весь период существования этой отсталости принять форму закона п[ервоначального] с[оциалистического] н[акопления].

7) Неправильно обвинение меня в том, что я строю какую-то общую теорию переходного хозяйства на основании опыта одной отсталой страны с диктатурой пролетариата. Я предупреждаю в книге, что дело идет о теории, во-первых, хозяйства СССР, во-вторых, о теории хозяйства за определенный период, хронологически меньший, чем весь переходный период. Надо внимательнее читать, что у меня об этом написано. У меня есть только «некоторые элементы» общей теории переходной экономики.

В частности, если, допустим, в переходных капиталистических странах Запада победит пролетариат, то и для этих стран неизбежно будет пройти ряд лет, когда перестройка хозяйственной системы, концентрация промышленности, введение технических улучшений, которые не могли быть введены при частной собственности на средства производства, и т.д. потребуют особых, специфических пропорций между производством и распределением в обществе, особого режима социалистической реконструкции. Я не предугадываю теперь, как нужно будет назвать основные закономерности этого процесса в будущей социалистической Европе. Но для специфического закона, детерминирующего экономическую политику государства СССР в период гораздо более длительной, глубокой и мучительной реконструкции, для закона, вынуждающего нас к особым специфическим пропорциям в сфере производства и распределения, я не нахожу лучшего термина, как закон п[ервоначального] с[оциалистического] н[акопления]. Найдите, если можете, другой, более подходящий термин!

Мое противопоставление закона п[ервоначального] с[оциалистического] н[акопления] закону ценности кажется грубо механистическим только тем, кто уже заранее сконструировал для себя бессознательную рабочую гипотезу о советском хозяйстве по аналогии с капитализмом, т.е. мыслит себе нашу систему как органическое единое целое, а не как систему дуалистическую. Рыночная форма связи государственного хозяйства с частным только затушевывает противоречия содержания и тенденций развития двух различных формаций в хозяйстве СССР, обманывая поверхностных исследователей; противоречия от связи именно через обмен делаются при условии развития социалистического сектора более эластичными лишь по форме, постоянно угрожая перекинуться в сферу социально-политических столкновений. Если военный коммунизм обнажил все противоречия между частным хозяйством и коллективным, то нэп оказался гораздо более эластичным в смысле накопления скрытых противоречий, что означает только откладывание решающего столкновения с капиталистическими элементами советского общества на более длительный срок.

Е. Преображенский

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 585. Л. 53–73.

Машинопись*.

¹ ЗАМЕЧАНИЯ К КНИГЕ Е.А. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО «НОВАЯ ЭКОНОМИКА»
(1-е ИЗДАНИЕ)

1–2 июля 1926 г.

1. Основным недостатком, обесценивающим весь анализ т. Преображенского, является предпосылка о возможности построения ко м м у н и з м а в отдельной стране вне связи с мировой пролетарской революцией. В книге нет и намека на принудительную экономическую зависимость судеб нашего социалистического

* Имеется незначительная правка рукою Е.А. Преображенского.

строительства от дальнейшего хода мировой революции. СССР имеет все экономические и политические гарантии построить коммунизм, мировое капиталистическое хозяйство рассматривается как органически не связанная с нами экономическая система, оказывающая давление на страну строящегося социализма, лишь поскольку мы механически соприкасаемся с нею во внешней торговле.

Правильным будет противоположное: мы живем в эпоху мирового хозяйства, и страна победившего пролетариата остается частью, о р г а н и ч е с к и связанной с целым мировым хозяйством; выключение СССР из системы к а п и т а л и с т и ч е с к и х стран еще не выключает его из системы мирового хозяйства, которое пока в подавляющей своей части остается капиталистическим. Мы долго можем сопротивляться благодаря нашей экономической монолитности и соединению политического и экономического могущества в одних руках, но при значительной отсрочке дальнейшего развертывания социалистической революции неизбежен конфликт с капиталистическим окружением, и, если он не перерастет в пролетарскую революцию в других странах, – мы обречены. Это обстоятельство (о р г а н и ч е с к о й связи с мировым капиталистическим хозяйством) должно найти свое отражение в теории переходного периода, поскольку речь идет о первых социалистических прорывах в системе мирового капитализма.

По сути дела, этим замечанием устраняется дальнейшая необходимость разбора всей концепции автора, так как в противном случае пришлось бы стать на точку зрения т. Преображенского и предположить экономическую гарантированность строительства коммунизма в СССР. Сделаем ему эту уступку.

2. Следующая оценка Преображенского в неправильной общей характеристике нашей хозяйственной системы: он называет ее «товарно-социалистической». Ленин говорил о к а п и т а л и з м е + социализм. Налицо у Преображенского несомненная переоценка социалистичности нашей промышленности и всей системы. Это согласуется и с выдвинутым им в 1921 г. неправильным пониманием самого социализма (брошюра о «Материальной базе культуры в социалистическом обществе»), как строя, при котором сохраняются два класса: работники социалистического хозяйства и мелкие производители.

В то же время для нас важно именно признание того обстоятельства, что вопрос «кто кого» еще не снят, что имеется возможность и социалистического, и капиталистического развития. В этом именно смысле спор о «государственном капитализме», не как о той или иной части нашего хозяйства, а как об общей характеристике его связей, при которых социалистическое содержание (гос[ударственная] промышленность) еще заключено в капиталистическую оболочку, пользуется капиталистическими формами и категориями, на основе их и в борьбе с ними вырастает.

3. Вопрос о соотношении экономической необходимости (экономический закон) и экономической политики диктатуры пролетариата у Преображенского разрешен методологически неправильно (здесь прав Бухарин в напечатанной части статьи в «Правде»). Свообразие переходного периода в том, что экономическая политика государства становится элементом экономической структуры. Дальше, в фактическом анализе, Преображенский и сам это принужден учитывать, но в методологической постановке проблемы ошибка несомненна. Как сочетать научное исследование объективных экономических закономерностей переходного периода и реальные возможности воздействия на хозяйственную жизнь государства пролетарской диктатуры? Научный анализ должен поставить своей целью: а) установление тенденций развития элементов хозяйственной структуры, находящихся вне непосредственного управления пролетарского государства; б) отыскание рациональнейших форм организации и регулирования государственного хозяйства в условиях сожительства его с товарными капиталистическими частями системы; в) возможные пределы экономического воздействия социалистических элементов на частнокапиталистическое окружение в каждый данный момент.

4. В общей постановке вопроса о борьбе «двух начал» («две системы», «социализм и капитализм», «плановость и стихийность») Преображенский ставит вопрос недиалектически в плоскость механического столкновения двух систем, двух рядов экономических категорий – ценностного ряда и закона первичного социалистического накопления. Методологической основой этого служит формально-логическое утверждение об обязательности соответствия содержания и формы. По Преображенскому, государственное (социалистическое) хозяйство пользуется своими специфическими методами регулирования, и только ими, а частное хозяйство целиком подвержено ценностному ряду категорий, находящемуся в острой борьбе с социалистическим рядом. Это неверно. То же самое проявляется в рассуждении о плановости. По Преображенскому, план целиком господствует в рамках государственного круга, стихия – целиком в частном хозяйстве, и от количественных размеров государственного и частного хозяйства зависит или рост или свертывание плановости. Опять неверно.

Здесь следует рассматривать дело так. Капиталистическая и социалистическая системы существуют не только рядом друг с другом – они существуют взаимно одна в другой: хозяйственная система СССР существует как элемент системы мирового хозяйства капитализма; частнокапиталистическое хозяйство СССР существует в пределах нашей хозяйственной системы, на которые распространяется воздействие ее социалистических элементов; уже «чистый» и монополистический капитализм, действуя исключительно своими категориями, подготавливал, возвращал элементы социализма – теперь переплет экономических категорий – и их социального содержания еще сложнее; социалистическое хозяйство, пользуясь товарно-капиталистическими категориями, укрепляет себя; сплошь и рядом смешение капиталистических и социалистических форм регулирования на почве товарных отношений дает в результате социализм (кооперация); с другой стороны, социалистические формы (та же кооперация и пр.) прикрывают и порождают капитализм чистой марки. В общей формуле это можно выразить так: элементы социалистической системы используют аппарат регулирования капитализма (капиталистические категории) в целях преодоления как их капиталистической сути, так и их капиталистических форм, и поэтому неизбежно частично им подчиняясь. Капиталистические категории должны быть изжиты на основе развертывания этих самых категорий под воздействием некапиталистического сектора нашего хозяйства. То же и с плановостью. План может расти и укрепляться не только на основе экстенсивного расширения государственного хозяйства, а и на основе использования и подчинения плановых моментов стихийного регулирования (валюта, сезонные колебания конъюнктуры, зависимость конъюнктуры от системы кредита и пр.); с другой стороны, план даже внутри государственного хозяйства ограничен фактом органической связанности государственного хозяйства с частнохозяйственной периферией. План растет по мере укрепления самого гос[ударственного] хозяйства, во-первых, и по мере упорядочения, научного сознания и выработки рациональнейших методов воздействия на стихию отношений частного хозяйства, во-вторых.

5. Крупнейшей ошибкой Преображенского, отражающейся на всех его построениях, является и то, что он не видит органической связи всех областей нашего хозяйства, в том числе и неразрывной связи социалистической по типу промышленности, с частным хозяйством, позволяющей, с одной стороны, государственному хозяйству воздействовать на частное, а с другой – отражающейся на самом государственном хозяйстве.

План у нас не только противостоит стихии, но и вырастает на ее почве, на почве научного установления ее закономерностей, опираясь на то, что само государственное хозяйство находится в единой хозяйственной системе с этой стихией. Поэтому и возможности планового руководства определяются, с одной стороны, властью, как экономической потенцией в руках пролетариата, с другой – ростом материальных предпосылок для плана в самом хозяйстве. В троцкистском понимании плановое начало носит несколько отвлеченный характер.

6. Из формально-механического противопоставления двух борющихся систем вытекает у Преображенского ошибка в классовом анализе советской действительности: бедняцкое хозяйство, середняк, кулак и нэпман – все это сливается в сплошную массу «частного хозяйства», которое имеет стихийную тенденцию противоборствовать системе социалистической.

Для борьбы советской системы за социализм важнейшим является различие классовых прослоек в окружающей нас стихии частного хозяйства, выделение из него прослоек, сопутствующих социализму, пассивно-нейтральных и активно противоборствующих. Ошибка Преображенского в этом анализе влечет за собой, как мы увидим ниже, крупнейшие политические ошибки.

7. В самой теории Преображенский прежде всего ставит в недоумение вопрос, почему его «закон» сконструирован как закон первоначального социалистического накопления. Для объяснения п е р в о н а ч а л ь н о с т и ему пришлось прибегнуть к трем, мягко выражаясь, натяжкам:

а) в качестве общей предпосылки первого периода строительства социализма для страны победившей пролетарской революции предполагается в круге пролетарской госпромышленности более низкая, менее совершенная, слабее развитая техника по сравнению с окружающим капитализмом. Это неверно в отношении строительства социализма после победы мировой пролетарской революции и для социалистической революции в индустриальных странах вообще. Ошибка Преображенского аналогична ошибке Бухарина в «Экономике переходного периода» – та же механическая точка зрения на переходный период и то же возведение во всеобщий закон исключительных условий победы пролетариата в одной отсталой стране и переделки в дальнейшем развертывании пролетарской революции;

б) вторая ошибочная предпосылка «закона» – утверждение, что накопление элементов социализма начинается лишь с пролетарской революции: поэтому, дескать, нужен длительный период предварительного накопления условий социалистического строительства, период первоначального социалистического накопления. Это противоречит и Марксу, и фактам, и здравому смыслу – накопление элементов социализма начинается и в значительной мере выполняется (обобществление труда, консолидация пролетариата, обезличивание управления и пр.) уже при капитализме. Здесь у Преображенского вульгарно-сталинское понимание «предыстории» социализма;

в) третья ошибка – зачисление прибавочного продукта госпредприятий, идущего в фонд расширенного воспроизводства, также по ведомству первоначального накопления. Поскольку же «перекачивание» средств из частного хозяйства в социалистическое накопление составляет непременимый атрибут всего докоммунистического периода, почва под законом первоначального социалистического накопления окончательно колеблется.

Положительный ответ на вопрос о законах, регулирующих экономику первоначального периода, в паре строк сформулировать невозможно. Приблизительно можно сказать следующее: госпредприятия пролетарской диктатуры по типу бесклассовые (по типу, но еще не социалистические, так как это означало бы господство бесклассовости также и в форме организации производства, и в распределительных отношениях) и подчиняются отношениям прибавочного продукта (на прибавочной ценности нет отношения эксплуатации в организации производства); эти отношения, в силу связности госпромышленности с частным хозяйством, принимают оболочку капиталистических категорий (прибыль, цена, процент, зарплата). Поскольку, действуя на основе этих капиталистических категорий, растет, усиливается социалистический по типу сектор хозяйства, поскольку объективная основа из-под капиталистических категорий ускользает – форма начинает приспосабливаться к содержанию. Однако эта внешняя капиталистическая форма находит себе соответствующее содержание на территории частикапиталистического хозяйства, которое и давит, тоже через систему этих капиталистических категорий, на социалистический сектор на сторону перерождения, приспособления бесклассового содержания к капиталистической форме. Такова диалектика борьбы; отсюда возможность влияния на частичнохозяйственную среду, отсюда неизбежность частичной зависимости, отсюда возможная капиталистическая реакция.

Эти рассуждения годны для периода обеспеченного строительства социализма, для наших же «условий передышки» сюда следует дополнительно включить анализ мирового хозяйства и его воздействия на нас.

8. Смысл «закона первоначального социалистического накопления» (если сделать уступку в названии) единственно в том – и это заслуга Преображенского, которую надо всячески подчеркнуть (кишка действительно не прошла «предварительной моральной цеизуры деревни». – *И.К., Н.К.*), – что развитие социалистического хозяйства возможно лишь на почве постоянной перекачки средств из частного хозяйства для развития промышленности и что необходим такой темп этого развития, который в значительной степени обогнал бы частное накопление для обеспечения передышки, существования и победы социалистического строительства.

9. Отсюда следуют соответствующие выводы для экономической политики. Из того, что в этой части неприемлемо, у Преображенского следует отметить:

а) вследствие рассмотрения всего частного хозяйства как единого целого, необходимость «перекачки» доказывается им по отношению к частному хозяйству вообще, независимо от классового состава отдельных частей этого частного хозяйства. Отсюда и наиболее «удобные», по Преображенскому, методы перекачки: неэквивалентный обмен (политика цен), косвенные налоги (он предлагает почти совсем отказаться от прямых) и пр. – все это политически, безусловно, вредно и поведет к ослаблению как раз позиций социалистического сектора;

б) из того, что «госпромышленность – это план», вытекает совершенно фантастическая, оторванная от жизни расценка плана;

в) отсюда же вытекает пренебрежительное отношение к «капиталистическим атрибутам» – деньгам, кредитной системе и пр., – что является с точки зрения реальной политики опасным и вредным и что должно как раз явиться одним из средств перекачки.

В стремлении усилить социалистическую систему вовсе нельзя ограничиваться просто «жнреением» за счет «всех прочих» – нам важно подкосить своего основного врага – р а с т у щ и й капитализм; отсюда система «перекачки» должна быть построена так, чтобы одновременно подрывать возможность накопления

со стороны капиталистического (а не вообще частного) хозяйства. Нельзя все частное хозяйство относить на сторону «борющихся с нами», значительная часть его может и должна быть нами использована для борьбы с растущим капитализмом (беднота) и вовлечена в социалистическое строительство (настоящие, а не бухаринские середняки).

Нужно перекачивать главным образом не вообще из частного хозяйства, а из того его сектора, где мы имеем быстрое расширенное воспроизводство частнохозяйственных отношений, порождающих капитализм, – частный капитал, кулаки, деревенская верхушка. Отсюда и соответствующая политика цен, которая не ударила бы по всему частному крестьянскому хозяйству (и отчасти и по городским низам), и соответственная денежно-кредитная политика, и особое значение налогового пресса. Таковы беглые и разбросанные замечания, которые в случае необходимости можно развить в статью.

*И. Капитонов
Н. Карев*

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 585. Л. 74–80.
Машинопись.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ т. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО «ЗАКОН ЦЕННОСТИ В СОВЕТСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ»*

Заключительное слово т. Преображенского

Товарищи, по моему докладу высказалось 24 оратора. Вы хорошо понимаете, что я ни в коем случае не могу ответить всем высказавшимся ораторам и даже и не смогу ответить всем тем, которые говорили что-либо, заслуживающее ответа, заслуживающее обсуждения и дальнейшей дискуссии. Мне придется, следовательно, очень сжать мой ответ и держаться того времени, которое мы на это дело ассигновали в президиуме.

Я, товарищи, выслушал здесь несколько замечаний, имеющих политический характер. Мой доклад не является докладом политическим, а научно-теоретическим. Поэтому я с теми товарищами, которые сделали политические вылазки, боя в этой аудитории принимать не намерен. Я только хочу сделать два замечания по поводу выступлений тт. Стецкого и Пашуканиса. Тов. Пашуканис здесь припомнил 1923 г. и установил связь на протяжении нескольких фраз между теперешней моей позицией и позицией 1923 г. Он сказал, что моя позиция не сделалась правильнее потому, что я выступаю не против т. Сокольников, стоящего во главе Наркомфина, а против т. Сокольников-оппозиционера. Я должен заметить т. Пашуканису, что я не принадлежу к числу тех людей, *которые систематически и всегда выступают только против меньшинства. (Аплодисменты.)* Я вообще не понимаю, зачем эта вылазка была сделана. Тов. Пашуканис прекрасно знает, что я не могу ему отвечать на данном собрании потому, что пришлось бы развертывать дискуссию всюю и подробно касаться всех вопросов, которые он задел мельком. Но если мы этого не можем сделать, тогда зачем же это выступление? Кому оно было адресовано? Если не этой аудитории и не мне, то, очевидно, было адресовано в какое-то другое место. А поскольку оно было адресовано в другое место, пусть туда и идет, я не буду на нем останавливаться. Теперь по поводу выступления т. Стецкого. После того как я сказал, что мой настоящий доклад имеет связь с напечатанной статьей «О социалистическом накоплении», т. Стецкий усиленно рекомендовал прочесть ответ т. Бухарина на эту статью. Я также рекомендую тем, кто не читал, прочесть и мою статью, и ответ т. Бухарина, и мой ответ т. Бухарину, и вообще всю литературу, которая связана с этим вопросом. (Смех.) Тов. Стецкий хотел, очевидно, сказать, что если раз когда-то, полтора года назад, т. Бухарин ответил мне, то этим все дело кончилось. Нет, история судит иначе. Можно, конечно, сделать ссылку на написанную статью, но история решает вопросы

* Опубликовано в журнале «Вестник Коммунистической академии» № 15 за 1926 г.

независимо от ссылок на те статьи, которые были написаны, а по *существу*. Но существу вопрос был поставлен (помимо теоретической стороны, к которой я ниже вернусь), если говорить о политической постановке, так: своевременно или несвоевременно была тогда мной выдвинута проблема социалистического накопления? На этот вопрос отвечает нам сегодня товарный голод. Тот, кто не понимает, что товарный голод – это есть ответ на тогдашний спор, тот ничего не понимает. А тот, кто понимает, но из политических соображений не говорит, в чью пользу этот спор кончился, с тем в теоретической области дискуссия невозможна.

Теперь, товарищи, разрешите перейти к существу вопроса, т.е. к чисто теоретической его постановке.

Я должен сказать, что прения наши были весьма содержательны, хотя, конечно, разнообразны, и затронули много проблем, которые несколько отклоняют нас от темы. Я здесь остановлюсь на самых основных проблемах, а после этого перейду к отдельным ораторам, чтобы сделать отдельные замечания по наиболее важным вопросам.

Начну с метода исследования советского хозяйства. Тов. Кон, выступавший по этому вопросу, был совершенно прав, когда говорил, что, поскольку в нашем хозяйстве начинает играть роль плановое начало, постольку и самый метод исследования нашего хозяйства, или, вернее, не метод, а методологические приемы исследования должны, естественно, измениться. Это заявление, которое он здесь сделал, которое напечатано в его программе политической экономии, я считаю совершенно правильным. Тов. Кон понимает необходимость изменения приемов научного исследования, поскольку изменяется в значительной степени самый материал исследования. Но, мотивируя это совершенно правильное положение, он сделал ошибку в мотивировке, утверждая, что на оси причинности исследовать явления советской экономики невозможно, невозможно исследовать, по крайней мере, определенную группу этих явлений. Таким образом, получается, что закон причинности остается действовать в нашем хозяйстве вообще, но на основе закона причинности методологическое изучение явлений нашего хозяйства, прежде всего нашего планового хозяйства, невозможно. Это совершенно ошибочная постановка вопроса. Здесь т. Кон смешивает две вещи: он смешивает закономерность с ее принудительной силой для каждой организации, будет ли она коллективной организацией или нет, с *формой проявления этой закономерности*. Когда в неорганизованном обществе при действии закона ценности эта закономерность (в данном случае – определенное распределение производительных сил и т.д.) проявляется как внешне принудительная сила и действует *post factual*, бьет в затылки и спины людей, то здесь мы имеем перед собой, с одной стороны, *закономерность вообще* и, с другой – *определенную форму проявления* этой закономерности. Когда мы имеем плановое хозяйство, скажем вполне организованное социалистическое хозяйство, то разве там необходимость прекращает свое существование? Разве экономическая необходимость есть только стихийный элемент в действии экономических законов и ничто больше? Разве экономическая необходимость ликвидируется, как только она сведена в определенное русло, тем, что действие ее предвидится и регулируется? Разумеется, нет. Разница между неорганизованным и организованным обществом заключается в том, что в последнем закономерность пробивает себе дорогу не как закон средних чисел, о чем говорили Маркс и Энгельс, здесь закономерность пробивает себе дорогу не *post factum*, а *ante factum*, она пробивает себе дорогу предварительно, в форме предвидения, к мозгам коллективной организации, и через сознание коллектива, через заранее продуманные мероприятия происходит проявление действия этой закономерности. Вот в чем разница. Следовательно, нельзя говорить, что на оси причинности исследование советского хозяйства невозможно. Поскольку форма проявления закономерности в плановом обществе изменяется, изменяются приемы исследования закономерности, но исследуется именно закономерность:

иначе для науки вообще здесь было бы нечего делать. Поэтому постановка вопроса об изменении приемов исследования советской экономики у т. Кона совершенно правильна, но мотивировка его неправильна.

Здесь поправить т. Кона взялся т. Пашуканис, но поправлял таким образом, что говорил о законе ценности почти как о законе природы, да еще приписал свою интерпретацию Марксу. Он пытался ошибку вышибать ошибкой. Но когда ошибку вышибают ошибкой, обыкновенно истине бывает больно. И в данном случае истине стало больно от подобного рода опровержения неправильного положения другим неправильным же положением.

Теперь о выступлениях тт. Кана, Ронина и других, которые находили неудовлетворительным мой метод анализа, поскольку, по их мнению, я не дал законченного целого при анализе советской экономики. Я не буду цитировать, что они говорили, но мысль была такова: я главным образом занялся, по их мнению, анализом отдельных участков нашего хозяйственного фронта, и даже, кто-то выразился, анализом отдельных товарных сделок, и не дал картины целого. Я уверен, что, если бы я не сделал иллюстративных примеров, меня бы обвинили как раз в обратном, в том, что все мои выводы вообще надуманы и под ними не чувствуется реального социального бытия, не чувствуется той базы, на которой все это построено. Предвидя такое возражение, я предпочел иллюстрировать мои положения некоторым количеством конкретного материала. Это является необходимой вещью там, где делаются только первые шаги к более или менее обстоятельному теоретическому исследованию. Тов. Дволайцкий ответил уже на все возражения этого типа, и мне не приходится здесь ничего прибавить к его словам. Я должен только сказать, что результаты теоретического исследования, к которому мы приступаем, могут получиться не сразу. Только в результате большой *коллективной* работы мы в состоянии будем, как выразился Маркс, так критически овладеть материалом, чтобы можно было его изложить в диалектической форме, соответствующей движению, которое совершается в действительности. Нужна большая коллективная работа. Я думаю, что наши настоящие три собрания многих толкнут к тому, чтобы принять участие в такой работе на разных участках теоретического исследования.

Перехожу к следующему вопросу, о котором говорили многие ораторы, наиболее видные ораторы наших прений. Это вопрос о том, один или два регулятора действуют в нашем хозяйстве. Прежде всего я отмечу выступление т. Кона. Он также присоединился к тем, кто настаивает, что не может быть двух регуляторов, а есть один. И в то же время, когда ему пришлось здесь формулировать, как же он сам смотрит на этот вопрос, если исходить из борьбы двух начал в нашем хозяйстве, он говорил о какой-то мистической субстанции стоимости в противоположность форме стоимости и ничего ясного сформулировать не мог, так что я даже не был в состоянии его понять. Но в то же время я должен сказать, что т. Кон находится на правильном пути в своих поисках, и, быть может, тот ответ, который я ему дальше дам, удовлетворит его, и между нами будет заключен мир, если к тому же он откажется от своей ошибки в вопросе о причинности. Следующие ораторы, которые здесь выступали, – т. Мендельсон, т. Кац, т. Мотылев и другие – относительно единого регулятора ставили вопрос таким образом: в хозяйстве СССР регулятор один, т.е. закон ценности; есть лишь отклонения и искривления; эти искривления, искажения и изменения идут со стороны государственного хозяйства, его планового регулирования. Думать иначе – значит допускать дуализм в сфере хозяйственного регулирования. По вопросу о дуализме т. Солнцев отчасти уже ответил, и вполне правильно ответил, моим оппонентам. На то же самое обвинение в дуализме я хотел бы ответить еще с другой точки зрения. Прежде всего, может ли быть вообще два регулятора в какой-либо системе хозяйства? Обратимся к истории самого капитализма. Разве закон ценности как регулятор свалился с неба сразу? Он складывался по мере того, как развивались

отношения товарного и товарно-капиталистического хозяйства. Разве мы не знаем в истории периода, когда при разложении цехового метода регулирования происходила борьба между цеховым методом регулирования труда и законом ценности, а следовательно, существовали два регулятора? Почему же то, что было возможно в прошлом, невозможно в настоящем и будущем? Почему закон ценности, который в свое время дуалистически совмещался с цеховым началом, на известном историческом этапе не может совмещаться с дуализмом в области регулирования, вытекающим из систематического отнесения этого закона плановому регулированию? Почему это невозможно? Как раз диалектический процесс и характеризуется часто именно такой формой антагонистического движения. Следовательно, формально неправильна такая постановка вопроса, что вообще не может быть двух регуляторов в хозяйстве; не может быть даже в такой системе, где ведется борьба двух начал. Итак, при борьбе двух начал, двух систем, включенных в единую систему хозяйства, может быть два регулятора, *не может не быть* двух регуляторов. Все дело в том, какая складывается равнодействующая в результате борьбы. В этом все дело. К этому я еще вернусь, а сейчас покажу вам, как сказанное увязывается с законом первоначального социалистического накопления. Нам говорят: в нашем хозяйстве должен существовать единый регулятор. Но тогда я спрашиваю: ведь закон ценности есть закон стихийного воспроизводства капиталистических производственных отношений, определенных пропорций в хозяйстве, соответствующих объективной задаче воспроизводства именно капиталистических отношений. Что же воспроизводит у нас закон ценности, позвольте вас спросить? Мы имеем у нас, с одной стороны, расширенное воспроизводство социалистических отношений, с другой стороны, имеем развитие товарного хозяйства и там расширенное воспроизводство. И расширенное воспроизводство в обоих секторах происходит на *основе борьбы*. Я спрашиваю: при такой ситуации что же может воспроизводить закон ценности? Он может суммировать тенденции лишь к такому распределению труда в обществе, которое идет по линии переопрокидывания всей нашей системы, по линии превращения капиталистических отношений в *господствующую* форму производства, по линии превращения самого закона в единственный регулятор производственных отношений. Вот как стоит вопрос. И поэтому, когда мне говорят о том, что наши плановые органы должны лишь улавливать действие закона ценности, что же тогда выходит? Наше плановое начало есть тогда только *одна из функций действия закона ценности*. Вот ваша постановка вопроса, гг. Мендельсон, Мотылев, Кац и др. Я вас спрашиваю: продумали ли вы все выводы, вытекающие из вашей точки зрения, особенно т. Мотылев, который неизвестно зачем, но, во всяком случае, на свою голову вспомнил о политической резолюции XIV съезда партии, которая не имеет прямого отношения к вопросу о теории советского хозяйства, но в которой говорится о государственных предприятиях «последовательно социалистического типа». Я его спрашиваю, как он увязывает в своей голове, в своих построениях две вещи: последовательно социалистический тип государственного хозяйства, с одной стороны, а с другой стороны, концепцию единого регулятора – закона ценности – в нашем хозяйстве? Что это такое? Это, товарищи, несерьезное отношение к научным проблемам, особенно со стороны товарища, который претендует писать довольно объемистые книжки по теоретической экономике. (*Смех.*)

Вопрос этот имеет еще другую сторону. Тов. Дволайцкий здесь совершенно правильно сказал, что, если бы мы предоставили возможность свободно развертываться действию закона ценности в нашем хозяйстве, первым следствием этого должен явиться отказ от монополии внешней торговли и социалистического протекционизма, вторым следствием этого должно быть такое распределение труда, которое соответствует воспроизводству капиталистических отношений не только в наших национальных пределах, а на базе мирового распределения труда в мировом капиталистическом хозяйстве, в

которое наша экономика должна включиться как отдельное звено. А это значит уничтожение на $\frac{3}{4}$ нашей крупной промышленности. Вот что значит свободное действие закона ценности. Нам говорят: в Госплане лишь улавливают действие закона ценности. Смею думать, что т. Мендельсон, будучи работником Госплана, в этом вопросе выступал не от имени Госплана. Он развил точку зрения, которую т. Дволайцкий назвал недоразумением. Бывают, знаете ли, всякие недоразумения. Бывают просто ляпсусы, с языка сорвется, но недоразумение, которое длится 15–20 минут, это уже не недоразумение, а неправильная постановка вопроса в основе. Я очень рекомендую товарищам, особенно прикосновенным к рычагу планового регулирования, продумать вопрос до конца. Как вы знаете, может быть, покойный Парвус нашу систему хозяйства расценивал так: «Это типичное буржуазное хозяйство, оно имеет огромную будущность, оно может идти с американской быстротой по пути развертывания капиталистических форм, но диктатура пролетариата и диктатура коммунистической партии являются главнейшим препятствием для развития производительных сил этого хозяйства, которое является по своему типу буржуазным с головы до ног». Так смотрел Парвус на наше хозяйство. Это последовательная точка зрения. При такой точке зрения мысль об едином регуляторе является вполне правильной и последовательной, как последовательной является и точка зрения меньшевиков из «Социалистического вестника». Меньшевики рассматривают наше хозяйство как разновидность буржуазной системы с теми искажениями и искривлениями законов буржуазного хозяйства, – а следовательно, прежде всего закона ценности, – которые связаны с существованием диктатуры пролетариата.

Теперь, товарищи, я перехожу к следующему вопросу. Здесь по вопросу о законе ценности наши товарищи все время сбивались вот в каком направлении. Они смешивают закон ценности как регулятор при капиталистической системе, действие которого простирается на определенный исторический период, с общественно необходимым установлением пропорциональности в распределении производительных сил, обязательным для каждой системы общественного производства. Здесь выступление т. А.А. Богданова так ярко оттенило эту их ошибку, что его речь принесла мне величайшую пользу. Она показала, с какого конца не увязаны их построения, как не исторически ставят они вопрос о законе ценности. Они все время говорят о регуляторе трудовых затрат в том смысле, в каком этот регулятор будет существовать и при социализме, т.е. и без меновых отношений; говорят о такой пропорциональности, которая в нашем хозяйстве является абсолютно необходимой, если бы далее у нас победило полностью плановое начало. Между тем весь вопрос заключается в том, какими методами, на какой основе и при каком распределении труда будет устанавливаться пропорциональность в распределении труда. К этому важному и коренному вопросу я перейду, когда изложу мое понимание закона первоначального социалистического накопления как регулятора нашего хозяйства. Этого я недостаточно коснулся в моем докладе, потому что доклад был посвящен закону ценности, а не его антагонисту.

Тов. Пашуканис выступал таким образом, что его выступление полностью совпадало в вопросе о законе ценности с тем, что говорил Александр Александрович Богданов. И разрешите мне в дальнейшем, когда я буду выступать против т. А.А. Богданова, выступать и против его верного ученика, т. Пашуканиса.

Теперь, товарищи, второй вопрос, вопрос относительно *методов нахождения пропорциональности*. Я считаю абсолютно установленным фактом, что распределение производительных сил так, как оно складывается в настоящий момент, не соответствует тому распределению производительных сил, как оно сложилось бы при капиталистических отношениях у нас, даже при данном уровне индустриализации страны. Я считаю это совершенно бесспорным. Но если бы даже мы считали правильным, что каким-то чудом и те и другие пропорции совпадают, то, спрашивается, разве этим было бы доказа-

но, что метод нахождения нужной нам пропорциональности через стихийный регулятор является для нас основным. Почему мы, обладающие методами, которые исторически являются гораздо более совершенными, чем методы стихийного нахождения этой пропорциональности, почему мы, имея в своих руках командные высоты, не можем методами планирования улавливать эту пропорциональность, которая установилась бы на основе закона ценности? Почему невозможно такое положение, что мы в основном улавливаем линию пропорциональности на год, на два, на три вперед, а в то же время закон ценности вносит лишь коррективы в наше построение, а не наоборот? Почему это невозможно? Как это можно доказать, за исключением ссылок на неудачную плановую работу Госплана в том или ином случае? Ведь вопрос о наших ошибках и просчетах, которые не вытекают объективно из объективных предпосылок советской системы хозяйства, – это вопрос другой, его нужно обсудить отдельно.

Теперь следующий пункт. В настоящий момент, благодаря тому что у нас производительность труда и техника несравненно ниже, чем в Америке, и мы существуем, отгородившись от океана мирового рынка социалистическим протекционизмом, монополией внешней торговли, у нас создаются такие отношения в хозяйстве, которые были бы сметены при действии закона ценности и включении нашем в мировой рынок на основе свободы торговли. Но когда мы перейдем к положению, когда техника будет на уровне, допустим, американской или германской техники и когда мы подведем под наше хозяйство техническую базу, которая соответствует его структуре, я спрашиваю, в каком смысле положение тогда изменится? Изменится прежде всего в том смысле, что мы, приблизившись к производительности труда на одного рабочего, существующей в мировом хозяйстве, будем иметь у нас другой процесс, процесс, который вытекает из того, что я назвал в своей первой статье фактором кооперирования огромных экономических масс; здесь мы будем иметь совершенно новое явление в нашем хозяйстве, вытекающее из плановой и научной организации труда по всей линии нашей экономики, будем иметь уменьшение трудовых затрат на определенное количество продукта, которое будет вытекать из совершенно иной структуры нашего хозяйства. Только при равенстве нашей техники с американской эти факторы скажутся с наибольшей силой. Но это будет означать, что закону ценности, как мы его понимаем, а не так, как его понимает Ал. Ал. Богданов, в нашем хозяйстве свободного житья не будет ни с какой стороны и ни в какой период развития нашей экономики.

Теперь перехожу к следующему вопросу, к закону социалистического накопления. Против этого моего положения было сделано максимальное количество возражений, и некоторые из них связаны с тем (в этом я совершенно согласен с т. Дволайцким), что я недостаточно ясно изложил этот закон, как антагонистический закону ценности закон распределения производительных сил в нашем хозяйстве. Этот недостаток я пополню, поскольку это возможно в кратком заключительном слове. Вы, товарищи, все хорошо знаете, что закон ценности – это закон, который в условиях развития буржуазного производства стихийно воспроизводит в расширенном масштабе капиталистические отношения. Мы имеем у нас расширенное социалистическое воспроизводство. Я вас спрашиваю: если в основе одного процесса, процесса воспроизводства капиталистических отношений, лежит закон ценности, то какая закономерность лежит в основе расширенного социалистического воспроизводства? Есть ли здесь какая-либо закономерность, которая выражается в том, что мы можем констатировать при повторяемости (относительной, конечно) ряда причин повторяемость относительно тех же следствий. Существует ли специфический закон расширенного социалистического воспроизводства или нет? Или мы имеем антагонистическое действие элементов капиталистического развития и в основе их закон ценности, а в основе развития социалистического типа хозяйства ничего не лежит? Говорят: здесь сознательное начало, но разве это наука? Разве это ответ? Нам

нужно установить закономерность в разворачивании нашего социалистического производства. В чем она может заключаться? Она заключается в том, что на каждой данной ступени нашего развития с принудительной необходимостью нам навязываются определенные пропорции накопления материальных ресурсов в государственном хозяйстве, с одной стороны, и определенные пропорции распределения рабочих сил и средств производства внутри нашего государственного хозяйства – с другой. Это может быть установлено и конкретным анализом нашей экономики и может быть доказано чисто теоретически. В чем отличие простого воспроизводства от расширенного? Представьте себе, товарищи, на минуту, что в нашем хозяйстве не имеется ни процесса расширенного социалистического воспроизводства, ни процесса расширенного воспроизводства в товарной части. Допустим, что мы на минуту, на год, находимся в состоянии простого воспроизводства с той и другой стороны. Я спрашиваю: пропорции, которые будут при простом воспроизводстве, будут ли они отличаться от тех пропорций, которые при данном соотношении и удельном весе той и другой стороны были бы при расширенном воспроизводстве? Каждый из вас, кто знаком с теоретической экономией, скажет, что да. Вы помните, что во втором томе «Капитала» Маркс, при одном и том же размере капитала в стоимостном выражении, делает переход от схемы простого воспроизводства к схеме расширенного воспроизводства, и у него получается совершенно другая пропорция в распределении производительных сил, получается совершенно другая пропорция, потому что здесь, если можно так выразиться, все величины выстроены в походном боевом порядке. Это есть фотография динамики процесса расширенного воспроизводства. В таком же положении находимся мы в нашем собственном хозяйстве, с той коренной разницей, что пропорции распределения производительных сил складываются *на основе борьбы двух экономических форм* и расстановка производительных сил в государственном хозяйстве подчинена не просто задаче расширенного воспроизводства, а задаче расширенного *социалистического* воспроизводства. Каждый данный год в области разворачивания социалистического производства отличается от предыдущего. Каждый данный год принудительно нам диктует определенные пропорции перекачки ценностей из частного хозяйства. Тот, кто этого не понимает, тот получает по затылку товарный голод. Не понимать такой вещи до сих пор, не видеть, что мы имеем дело с *законом*, который принудительно нам навязывает определенные уравнения в хозяйстве, можно лишь в том случае, если теоретическая мысль очень слабо движется вперед. Когда я неоднократно подчеркивал закономерности в борьбе нашей системы за существование, то в этом видели только одно: бери больше с деревни. И не видели основного, не видели, что проблема «бери или дай» принудительно перед нами поставлена пропорциями нашего развития, она поставлена тем, что наша система, существующая в капиталистическом окружении, может бороться за существование лишь путем достаточно быстрого разворачивания социалистических форм производства. При таком положении для расширенного социалистического воспроизводства каждый данный год нам нужно все большее количество прибавочного продукта, в смысле материальных средств производства. Эти ценности должны быть взяты из нашей собственной системы, т.е. из прибавочного продукта рабочего и из прибавочного продукта крестьянского хозяйства. Как марксист может не видеть этой зависимости всего нашего существования от определенных размеров накопления, как экономист может не видеть, анализируя предпосылки существования нашего хозяйства, что на каждой данной ступени мы находимся под дамокловым мечом не зависящих от нашей воли пропорций накопления? Определенные пропорции разворачивания нашей промышленности диктуются нам всем хозяйством в целом. Крестьянское хозяйство, в свою очередь, для своего развития нуждается в материальных предпосылках, которые определяются уровнем индустриализации страны. Новые ресурсы должны быть взяты в стране, которая не получает внешних займов, но которая

должна жить и развиваться. Так стоит вопрос. И поэтому я говорю, что пропорции распределения производительных сил и национального дохода, обеспечивающие определенное количество прибавочного продукта для каждого данного года, эти пропорции объективно диктуются нашими соотношениями государственного хозяйства с частным хозяйством. Есть ли это закон или это есть что-нибудь другое? Это есть закон с его внешней принудительной силой для нас. Если наша система не будет удовлетворять общественно-необходимых потребностей, двигаясь вперед, то она будет опрокинута с этой стороны. Как этого не видеть? Разве мы не знаем, что каждая система должна выполнить, прежде всего, независимо от свойственных ей методов регулирования труда, определенные общественные функции удовлетворения определенных общественных потребностей? Если этого не будет сделано, она будет опрокинута. С точки зрения самосохранения системы получение определенного количества материальных средств диктуется нам с принудительной силой. В этом закон первоначального социалистического накопления. И в то же время, одновременно с этим мы должны кооперировать вокруг новых средств производства все новые и новые массы людей, подчиняя систему распределения их между отраслями производства задачам социалистического накопления. Что это означает? Это означает иную, чем при действии закона ценности, расстановку рабочей силы, иное распределение труда. Все это точно так же диктуется нам с принудительной силой каждый год на основе меняющихся пропорций, в которых находится наше государственное хозяйство, как с частным, так и с мировым хозяйством. Когда в моей постановке вопроса не видят ничего, кроме лозунга «бери больше с крестьянина», то это такой уклон мысли в сторону народничества, который должен быть решительно отброшен нашей партией.

Теперь дальше. Выступавшие здесь товарищи говорили о том, что в своем докладе я сильно преувеличил плановые возможности нашего государственного хозяйства. Я должен оговориться, что я этих плановых возможностей в моей работе не измерял никак – ни алгебраически, ни тем более арифметически. Я только приблизительно говорил о том, что закон ценности действует меньше в таких-то секторах нашего хозяйства, больше на стыке нашего хозяйства с крестьянским, еще больше внутри частного хозяйства. Эту часть моей работы некоторые, как, например, т. Дволайцкий, находят весьма ценной, другие видели в этом недостаток моей работы. Если, по общему впечатлению выступавших ораторов, я переоценил плановое начало, об этом надлежит поспорить отдельно, за исключением одного пункта, где перед нами очевидное недоразумение. Тов. Мендельсон и др. указывали на то, как, в сущности говоря, часто наши планы перекраиваются действием стихии. Госплан поправляется крестпланом и т.д. Когда я говорю, что мы на определенном участке имеем возможность осуществить плановое регулирование в том или другом масштабе, то я говорю *об объективной возможности*, которая вытекает из структуры нашего хозяйства и из отношений сил между нашим государственным хозяйством на данной стадии и частным хозяйством. Но если мы не в состоянии провести планирование потому, что вырабатываем плохие планы, это не вытекает из объективной необходимости, хотя бы по другой линии мы могли поставить перед собой не экономический, а социологический вопрос: почему у нас столько-то ошибок, просчетов и т.д. Это вопрос другой и к теории советского хозяйства не относится. Если у нас имеется очень много ошибок, просчетов и часть из них проистекает от того, что планирующие товарищи сами не верят, что плановое начало можно провести достаточно далеко, или еще имеют мало опыта в этом деле, то тогда, товарищи, наша система хозяйства, созданная Октябрьской революцией и базирующаяся на социализации промышленности и транспорта, в этом не виновата. В ней возможностей планового регулирования заложено больше, чем они предполагают или могли реализовать. Теоретическое исследование должно вскрыть только то, что объективно заложено в этой системе.

Теперь, товарищи, разрешите перейти к некоторым из выступавших ораторов. Прежде всего я должен ответить Александру Александровичу. Я его поставил вне очереди ввиду особого интереса его выступления. Он, с одной стороны, облегчил выяснение некоторых проблем, а с другой стороны, он бросил клич: «В науке – реакция». В вопросе о ценности А.А. повторил то, что писал в своем учебнике. Он претендует на то, что его натуралистическое и не историческое понимание закона ценности есть Марксово понимание закона ценности. Мы с ним в этом коренном вопросе не согласны, это старое разногласие. А.А. отказывается понимать закон ценности как регулятор исторически преходящей системы производства, т.е. системы товарного и товарно-капиталистического производства. Он упорно не желает понять эту сторону дела. Он с самого начала неверно понял Маркса в этом пункте и продолжает стоять на этой точке зрения. Поэтому мы не имеем права упрекнуть его ни в реакции мысли, ни поздравить его с прогрессом. Мы и наша молодежь продвинулись дальше в понимании Маркса в сравнении с тем, как усвоил Маркса А.А. в 1890-х гг. Ошибка Александра Александровича заключается еще в том, что он неправильно понимает предмет и метод политической экономии. В конце своего выступления он указал на то, что мы уже на одном из заседаний академии похоронили такое понимание Маркса, согласно которому политическая экономия есть наука вообще о производственных отношениях людей, а не наука только о производственных отношениях в товарной и товарно-капиталистической системе производства. Он считает, что мы отступили здесь от Маркса, а мы считаем, что А.А. всегда расходился с Марксом. Когда Маркс высказывался о предмете политической экономии, он всегда полагал, высказывался, что это есть наука о товарном и товарно-капиталистическом способе производства, и труд свой назвал «Критика политической экономии», «Капитал», а не теория всех способов производства. У него есть несколько прямых формулировок на эту тему. Все это настолько ясно, настолько азбучно, что против этого странно спорить. Мы много потратили времени на выяснение этой проблемы, когда спорили с т. Скворцовым. А.А. говорит, что у Маркса есть иные формулировки. А я утверждаю, что по этому вопросу в энгельсовском «Анти-Дюринге», в той главе, которая написана самим Марксом, он дает ту формулировку, которую мы защищаем. Вторая формулировка Энгельса неточная, а правильная – у Маркса. Каким образом эта ошибка увязана у А.А. с другой ошибкой насчет закона ценности? Она увязана следующим образом. А.А. рассуждает так: каждая система общества не может существовать, если не удовлетворяет элементарных потребностей людей. Для удовлетворения этих потребностей люди должны трудиться. Поэтому вопрос о том, сколько каждый продукт требует трудовых затрат, является вопросом, крупнейшим и основным для каждой системы. Все это верно, и в этом вопросе мы с вами не расходимся. Но дальше, когда вы хотите всем системам производства навязать как регулятор закон стоимости и, таким образом, стираете грань между регулятором в капиталистической системе на основе трудовых затрат с регулятором в системах докапиталистических и при плановом хозяйстве, вы здесь делаете коренную ошибку. Вы идете по той линии, по которой вели борьбу против марксизма все буржуазные экономисты. Они увековечивали определенный способ производства, а вы увековечиваете тот метод регулирования, который свойственен только неорганизованному общественному производству, только товарной форме производства, хотя бы в основе этого регулятора и лежали, как и при других системах, трудовые затраты. Универсализируя предмет и метод политической экономии, вы, таким образом, универсализируете и закон ценности, смешивая форму с содержанием, давая не марксистское понимание этого закона. У Маркса, правда, есть две-три формулировки, где он говорит, что и при других способах производства закон стоимости действует, но уже в смысле учета рабочего времени, которое тратится на производство тех или других продуктов. Это совсем другая постановка вопроса. Я процитирую вам одно место из Энгельса, совершенно ясно и оп-

ределенно ставящее этот вопрос. У Энгельса есть много мест, где говорится о законе стоимости, но совсем в другом смысле, как в 3-м томе «Капитала». Маркс в другом смысле говорил об общественно-необходимом труде, соблазнив кое-кого из марксистов отойти от производственно-технического понимания общественно-необходимого труда.

Энгельс говорит в «Анти-Дюринге» с совершенной ясностью о ликвидации закона стоимости после ликвидации товарного производства.

«Общество может прямо рассчитывать, какое количество рабочих часов заключается в паровой машине, в гектолитре пшеницы последнего урожая, в сотне квадратных метров материи определенного качества. Ему не может прийти в голову количество труда, которое отложено (*niedergelegt*) в продуктах и которое он знает полностью и прямым путем, выражать через весьма относительное, колеблющееся, недостаточное, хотя раньше и необходимое вспомогательное мерило, через исключительный продукт, вместо того, чтобы измерять его естественной, адекватной, абсолютной мерой – *временем*» (Herth Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft. Stuttgart, 1921. S. 335). Эта формулировка с полной ясностью отвечает на вопрос нашего спора.

Александр Александрович высказал по рассматриваемому вопросу еще несколько мыслей. Он критиковал мое построение постольку, поскольку он в нем ничего не заметил, кроме закона спроса и предложения. Но ведь закон ценности, если его понимать в целом, т.е. как регулятор, мы должны рассматривать и со стороны базы, т.е. трудовых затрат, и со стороны всех форм его проявления, т.е. должны анализировать и механизм спроса и предложения. Как же вы тогда поймете роль динамики цен и весь механизм отклонения цены от ценности, через который происходит распределение производительных сил в неорганизованном обществе? Каким образом вы увяжете одно с другим? Если мы подчеркиваем одну сторону закона ценности, т.е. отклонение цены от ценности в деле регулирования распределения общественного труда, мы выпячиваем, естественно, эту сторону закона; когда обращаемся к другой стороне, мы занимаемся больше уравнениями трудовых затрат в отдельных отраслях. И неправильно было бы, если бы мы о законе ценности говорили иначе, упуская из виду весь механизм регулирования в целом. Ведь в целом закон ценности проявляется и в отклонениях цены от ценности, и в совпадении цены и ценности. Теперь о теории спроса и предложения. Мирозозрение Александра Александровича в этом вопросе складывалось в борьбе со струеванством и другими видами критики и извращения марксизма. Естественно, он должен был перегибать в сторону натуралистического понимания закона ценности. На этой позиции он остался, и в этом смысле я не могу сказать, чтобы у моего оппонента был замечен прогресс мысли. Что касается социологических выпадов А.А., а именно, что игнорирование его, А.А., понимания закона ценности есть доказательство нашего отрыва от труда, от рабочего класса, то я на это скажу: у нас с вами, А.А., есть расхождение, но чтобы было расхождение с рабочим классом в смысле движения к социализму, уничтожения неравенства, классовой системы и т.д. – относительно этого история уже сказала свое слово в Октябрьские дни и в период Гражданской войны, когда именно наша партия против всех шатающихся, сомневающихся, изменяющих пролетариату сделала свое великое дело.

Теперь, товарищи, разрешите перейти к т. Мотылеву. Тов. Мотылеву было уделено больше внимания, чем он того заслуживает по размерам своих научных заслуг. Тов. Мотылев выступал с апломбом, который обратно пропорционален его научным заслугам. (*Аплодисменты.*) Я, товарищи, не могу много времени посвящать этому оратору, потому что он главным образом выступал, как кто-то выразился, по личному вопросу, а не по существу той темы, которая здесь обсуждается. Но для того, чтобы показать, насколько т. Мотылев глубоко проник в систему советского хозяйства, я должен сказать следующее. Что касается метода исследования, т. Мотылев смотрит на вопрос так: методом политической экономии советское хозяйство изучать можно и должно, в нем нет таких

специфических закономерностей и особенностей, которые делали бы необходимым модификацию методов, логических приемов анализа. Поэтому прекрасно можно устроиться таким образом. Мы изучаем ренту при капитализме в Марксовом понимании этой категории. Затем переезжаем в советскую систему и изучаем ренту в хозяйстве СССР. Так же происходит автоматическое съезжание в советскую систему и при анализе всех других категорий капиталистической экономики. Если бы наша экономика представляла известное извращение товарной системы хозяйства в деталях, известную модификацию ее, то подобное изучение было бы вполне естественно. Между тем в другом месте сам же т. Мотылев заявляет, что у нас некоторые категории политической экономии совсем отпадают. Тов. Мотылев пишет на 4-й странице своего курса политической экономии: «Все законы и категории капиталистического хозяйства претерпевают в хозяйстве СССР существенные модификации; многие вовсе к нему не приложимы». А в то же время в конце «Курса» и в работе о цене и ценности в хозяйстве СССР он говорит, что единственным регулятором нашего хозяйства является закон ценности. Если у нас закон ценности действует, то каким же образом может отпасть целый ряд категорий, которые на основе закона ценности возникают, и каким образом провалы, получающиеся здесь, можно изучать с точки зрения политической экономии и ее категорий? Таким образом, метод исследования т. Мотылева показывает, что данный исследователь системы советского хозяйства не понимает, не понимает ее внутренних закономерностей и только сбивает с толку учащуюся молодежь. На странице 340 находим еще одну замечательную формулировку. Вы знаете, что т. Мотылев попытался сделать изобретение в области терминологии насчет социалистической прибавочной стоимости. С одной стороны, он пишет, что «социальный смысл прибавочной стоимости в государственных предприятиях СССР в корне изменился. И если мы употребляем термин «прибавочная стоимость», то это не должно затемнять нового социального содержания, роли и назначения прибавочной стоимости в СССР». Но, к нашему удивлению, в коммунистическом обществе оказывается совершенно иначе, и поворот в худшую сторону. «Но в развитом коммунистическом обществе производительные силы достигнут такой мощной ступени развития, что, несмотря на существование прибавочной стоимости, потребности трудящихся смогут удовлетворяться в небывалом объеме». На этой же самой странице, где имеется подобное место, автор дает такую формулировку понятия дифференциальной ренты, против которого выступал Маркс. Рента вырастает у него из земли, при отсутствии капиталистического способа производства (с места: «*Агитпроп не заботится*»). Агитпропу надо послать протокол наших прений.

Тов. Мотылев много раз говорил, что он меня предупреждал о том, что нельзя ничего создать в смысле даже попытки теоретического анализа советского хозяйства (с места: «*А вы очень непослушны*»). Я готов у каждого поучиться, даже у т. Мотылева, но в данном случае взять с него нечего. Во время прений в Свердловском университете я сказал т. Мотылеву: «Если вы приметесь изучать советское хозяйство попутно с теоретической экономией, эта попытка кончится крахом». Провал, как видите, налицо, совершенный провал.

Теперь разрешите перейти к другим ораторам. Я остановлюсь, во-первых, на некоторых соображениях, которые высказал т. Пашуканис. Отсутствие времени не дает мне возможности снова коснуться закона стоимости, о котором т. Пашуканис говорил в духе приблизительно Александра Александровича Богданова. Я перейду к другим вопросам. Тов. Пашуканис говорил: «Плох был бы тот экономист, который бы считал возможным возвращение в установлении системы зарплаты к политике военного коммунизма». Я должен заметить, что т. Пашуканис напрасно думает, что коммунизм и военный коммунизм – это одно и то же. У нас обыватель обыкновенно так думает, что коммунизм есть все то, что мы ввели в 1918 г.: Наркомпрод, разверстка, голодные пайки, селедки,

хвосты и т.д. Но ведь эту систему распределения, которую мы тогда применяли в силу голода, нищеты, военной обстановки и т.д. и т.д., мы не считаем коммунистической системой распределения. Неужели же и вы так понимаете коммунизм? Если можно говорить о том, что форма зарплаты будет изменяться и в том числе сдельщина безусловно уступит место какому-нибудь другому виду зарплаты, если будут складываться свойственные социализму стимулы к труду, то это отнюдь не значит, что мы будем возвращаться к методам военного коммунизма. Разве можно предвидеть все те многочисленные формы, которые могут создаться в сфере распределения?

Вопроса зарплаты касались и многие другие товарищи. Я продолжаю настаивать на утверждении, что в области зарплаты мы продвинулись вперед в одних пунктах, в других сильно отстаем. Это кажется некоторым товарищам противоречием. Они говорят: либо эта категория отмирает, либо остается. Но не может быть такого двойственного положения. А вот бывает такое положение, когда одна сторона производственных отношений известного типа отмирает, другая еще остается, в чем каждый может убедиться при конкретном анализе нашей системы зарплаты. Это реальный и действительный факт. Если мы возьмем наших рабочих и служащих, то увидим, что в отношении формы заработной платы мы находимся в капиталистической фазе, в то время как содержание изменилось в том смысле, что рабочий работает для своего государственного хозяйства, для социализма, а не для капитализма.

Теперь относительно отрыва от стоимости рабочей силы. В этом отношении мы очень немного продвинулись вперед. Но то что мы все-таки оторвались, показывает факт повышения зарплаты *в зависимости от развития производительности труда*, в зависимости от тех ресурсов, которые мы в данной стадии накопления могли уделить на зарплату. Следовательно, мы начали ликвидировать закон ценности, который регулирует уровень зарплаты при капитализме. Когда наша система путем количественного развертывания производительных сил, улучшения техники и т.д. даст нам возможность поднять зарплату значительно выше довоенной, все это будет гораздо более очевидно, чем теперь, когда мы только подошли к довоенному уровню. В нашей системе нет преград к непрерывному повышению зарплаты именно потому, что развитие производительности труда происходит *в социалистических формах, при социалистических отношениях производства*. Здесь количество переходит на известной стадии в качество. Однако проблема накопления сталкивается с проблемой повышения зарплаты. А так как рост заработной платы есть рост повышения *качества социалистических* производственных отношений в нашей системе, то здесь есть внутреннее противоречие в самом законе социалистического накопления, вскрывающее переходный характер самого закона.

Некоторые товарищи говорили о том, что нельзя противопоставлять закон ценности закону социалистического накопления, а можно противопоставлять только накопление капиталистическое накоплению социалистическому. Это, товарищи, неверно. Это значило бы закон социалистического накопления понимать *только как закон накопления материальных ресурсов*. Я его так никогда не понимал. Закон социалистического накопления не есть только закономерность накопления материальных ресурсов производства. Закон социалистического накопления я понимал всегда в том смысле, как Маркс понимал накопление, *в смысле расширенного воспроизводства*, для которого нужно и накопление материальных ресурсов, и – на предварительной стадии – создание кадра наемных рабочих сил, и определенная система организации труда в обществе. С этой точки зрения противопоставлять социалистическое накопление накоплению капиталистическому в нашем хозяйстве, понимаемому именно в смысле собирания ресурсов в руках частного капитала, было бы совершенно неправильно. Капиталистическое накопление, как концентрация ресурсов в руках новой буржуазии, есть только один из элементов того процесса, который приходится противопоставлять закону социалистического накопления.

Понятие закона ценности при противопоставлении его закону социалистического накопления имеет то преимущество, что до известной степени формулирует *все тенденции* капиталистического развития. С этой точки зрения можно противопоставлять первоначальное социалистическое накопление закону ценности, потому что этот первый закон также концентрирует в себе все тенденции борьбы за иную форму организации труда в обществе, за иные пропорции распределения производительных сил в нашем хозяйстве, за иные формы распределения и иное направление прибавочного продукта в стране. Он в этом отношении конкурирует полностью и целиком с законом ценности, понимаемым в широком смысле. С этой точки зрения я считаю правильным это противопоставление. Возьмем наиболее актуальный пример. В нашем хозяйстве сейчас имеется диспропорция, которая получила свое выражение в товарном голоде, который является продуктом недостаточного накопления в государственном хозяйстве. Недостаточное накопление материальных ресурсов не позволяет нам провести достаточное развертывание промышленности в уровень с платежеспособным спросом, хотя в рабочей силе мы не имели недостатка, а как раз наоборот. Недостаточность предложения товаров со стороны госпромышленности вызывает пароксизм действия закона ценности. Он проявляется в наиболее уродливой форме повышения цен, за которым не следует такого перераспределения общественного труда, которое бы устранило диспропорцию в нашем хозяйстве. Приводя к росту частного накопления, к срыву твердых цен в кооперации, к колебанию валюты, к ухудшению расчетного баланса между государственным и частным хозяйством и к падению реальной зарплаты, действуя по линии рассасывания всей системы и наиболее сильно ударяя там, где закон первоначального социалистического накопления не замещает полностью регулирующую роль закона ценности, последний закон по всей линии выступает антиподом закона социалистического накопления.

Выступавший здесь т. Кац ставил вопрос так: является ли случайным то обстоятельство, что отношения даже внутри нашего государственного хозяйства, отношения между предприятиями и трестами, принимают товарно-денежные формы, и случайно ли существует то переодевание в капиталистические формы, о котором я говорил. Я отвечаю: нет, не случайно. Форма товарно-меновых отношений в нашем государственном хозяйстве навязана нам частным хозяйством. Частное хозяйство не могло бы у нас прогрессировать (это показала продразверстка), если бы ему были навязаны несвойственные ему формы обмена, а наше государственное хозяйство может до известного предела развертываться при форме меновых отношений, меняя содержание их. Это – очень существенный факт для понимания всей этой механики, всей нашей системы вообще. Поэтому-то у нас внутри государственного хозяйства во многих отношениях форма является уже настолько пустой и вышелушенной, что мы ее без малейшего потрясения, а может быть, даже с пользой, можем заменить другой. И в то же время говорить об этих вещах по отношению к товарному и меновому хозяйству совершенно не приходится. Здесь, между прочим, товарищи, которые говорили о едином регуляторе, в качестве главного аргумента указывали на единство формы этих меновых отношений, в частности на то, что распределение труда идет через обмен. Я должен заметить на это следующее: если мы посмотрим на историю всех экономических форм и на историю классовой борьбы, мы всегда увидим, что, поскольку движение вперед имеется налицо, это движение происходит путем прогрессивного изменения содержания при старой форме, содержание меняется раньше, чем форма. Это общее явление. И с этой же точки зрения надо подойти к соответствующему процессу и у нас. У нас происходит выхолащивание старой формы. На одних участках этот процесс продвинулся дальше, на других меньше, но за неподвижностью формы не видеть изменения содержания – это значит не понимать основного нерва движущего начала нашей экономики. И совершенно неправильно так формально подходить к вопросу о едином регуляторе, обращая внимание только на эту

сторону дела. У нас форма товарно-меновых отношений в государственном хозяйстве, конечно, не случайна, но весьма преходяща. Здесь она вышелушена в гораздо большей степени, чем где бы то ни было. Это можно доказать на целом ряде фактов из нашей хозяйственной практики.

Тов. Кац опять повторяет ту мысль, что успехи нашей плановой работы могут базироваться в огромной мере в настоящее время на предвосхищении, антиципировании действия закона ценности, но не на том, что мы будем придумывать новые закономерности, привнося их в наше хозяйство.

Я, кажется, достаточно показал, что закономерности, которые вытекают из пропорций развития нашего хозяйства, из самой динамики нашего движения вперед, суть такие закономерности, которые существуют на деле, и непонимание их карается очень тяжело. Они не выдуманы, как не придумано и мое настоящее построение. Я понимаю только одно возражение, которое сводится к тому, что у нас единый регулятор, закон ценности, но только метод улавливания этой закономерности несколько изменился. А это есть как раз меньшевистская теория нашего хозяйства.

Тов. Ронин указывает на то, что я в одних случаях недооценил, в других – переоценил действие планового начала: я недооценил-де роль регулирования в хлебной торговле, поскольку утверждал, что бедняцкие покупки хлеба нами почти не регулируются. Я говорил в моем докладе о таком обмене, который происходит при одновременной продаже рабочей силы. Мы не можем регулировать такие формы меновых отношений, где бедняк продает свою рабочую силу, получая хлеб в качестве ссуды, где есть рост, процент, только тем, что в Москве и Ленинграде благодаря кооперативному хлебопечению держим цены на определенном уровне или выдерживаем лимитные цены при заготовках. Дело идет о двусторонней продаже, где продается и рабочая сила, да еще в замаскированной форме. Область этих отношений чрезвычайно широка в нашей деревне. Тов. Ронин ничего здесь не опроверг.

Теперь, т. Берин сказал приблизительно следующее: «Я согласен с т. Преображенским, когда он категорически отрицает категорию ренты, прибыли и процента внутри государственного хозяйства, но вместе с тем я хотел бы знать, каким образом эти три категории, которые являются проявлением формы прибавочной стоимости, исчезают, а вопрос о самой прибавочной ценности он находит возможным считать спорным». Ясно, почему я считаю, что категория ренты, в том смысле, в каком о ней говорил Маркс, в нашем хозяйстве существует, да и то условно, лишь на небольших участках хозяйственного поля. Вообще ведь эта категория возникает на базе капиталистических отношений не только в промышленности, но и капиталистических отношений, охвативших все земледелие. У нас нет такой базы. То, что у нас часто называют рентой, есть только отчуждение прибавочного продукта на основе использования государством его права на национализированную землю. Это смешение капиталистической ренты с отчуждением прибавочного продукта происходит систематически и, безусловно, ошибочно с точки зрения теоретической экономии. Вы знаете, что Маркс говорил, и Ленин потом не раз говорил, что частная собственность на землю при капиталистической системе не является необходимой для самой капиталистической системы и в то же время является часто большим препятствием к более быстрому развитию производительных сил. С этой точки зрения, если бы мы могли представить национализацию земли в товарном обществе и в то же время передачу всей земли в эксплуатацию на таких условиях, что абсолютная рента не платилась бы, вследствие соответствующей политики государства, или же она исчезла бы, вследствие уравнивания органического состава земледельческого капитала с промышленным, то мы имели бы случай, когда в капиталистическом обществе при наличии прибавочной ценности исчез бы один вид ренты.

Тов. Дволайцкий здесь не раз говорил о том, что у меня, с его точки зрения, перегиб в смысле переоценки планового начала (т. Дволайцкий: «Уклон»). Да, уклон, если вам нравится это милое слово. По этому вопросу я должен сказать следующее. При теоретическом анализе, для того чтобы этот анализ не устарел через год-два, не нужно давать фотографии того, что есть, а того, что развивается: закономерности динамики. Ведь абстрактно диалектический метод исследования – это метод улавливания тех закономерностей, которые развертываются в направлении к их чистой форме. С этой точки зрения теоретическое исследование, которое является только фотографией действительности, не есть теоретическое исследование в собственном смысле этого слова. Приходится, исходя из конкретного материала, вскрыть *динамику* процесса, *направление* движения, по возможности, в чистом виде. Анализ динамики развертывания планового начала не только может, а всегда должен поэтому казаться преувеличением реального удельного веса этого начала в нашем хозяйстве. Поскольку замечания т. Дволайцкого не учитывают эту сторону дела, я считаю их неправильными. Поскольку же т. Дволайцкий говорил о том, что мое преувеличение роли планового начала основано на *незнании* ряда конкретных фактов и что мне после написания второго, конкретного, тома настоящей работы придется пересмотреть первый, я не имею ничего возразить. Я сделаю это охотно, всякое критическое замечание, которое будет связано с аргументами, на основании которых можно произвести пересмотр, будет мной принято во внимание не только после написания второй книжки настоящей работы, но уже при корректуре первой.

Я совершенно согласен с указанием т. Дволайцкого относительно того, что, когда я говорил о цене паровоза, я не принял во внимание связь транспорта со всем хозяйством в смысле амортизации инвентаря и со стороны размеров фрахтов, которые также определяются общехозяйственной ситуацией. Должен, однако, сказать, что у меня была такая формулировка: на этом участке государственного хозяйства, где государство является монопольным производителем и покупателем, *минимально* действует закон ценности; я не сказал, что он не действует абсолютно. Минимальное [действие] закона ценности может включать как раз действие по тому каналу, о котором говорил т. Дволайцкий, о котором я конкретно не упомянул.

Я согласен с тем, что и в ряде других случаев эта связь окажется более сильной, чем я изобразил в моей работе. Смотрите на нее как на первоначальный набросок. Здесь нет и быть не может настолько точных формулировок, чтобы их не пришлось кой в чем менять. Таких формулировок один я дать не мог, это должно быть продуктом коллективной и довольно длительной работы.

Теперь относительно предвидения балансов наших предприятий. Каждый производитель, который сидит в тресте, должен согласиться, что если тресту утвердили производственную программу, если ему даны твердые цены, через которые он не может переступить под страхом серьезнейшей ответственности, если он имеет определенного размера кредитование в банке, его собственный основной и оборотный капитал, который он получает, более или менее фиксирован, тогда при наличии всех этих условий – и когда к тому же известно, какой коллективный договор с этим трестом заключит профсоюз, и когда при наличии товарного голода нет основания ожидать заминки в реализации, – при всех этих данных, баланс этого предприятия совершенно обеспечен на $\frac{4}{5}$ заранее. Если отвлечься от валютных колебаний, о которых я здесь не говорю, то выполнение производственной программы при всех этих условиях дано или не дано? Я считаю, что дано. А тем дан заранее в основном и баланс треста, если не ломается вся хозяйственная конъюнктура. В этом существенная разница между государственными предприятиями теперь и теми же предприятиями до революции.

Тов. Рагольский совершенно напрасно упрекнул меня в том, что я не учел возможности производственной забастовки со стороны крестьянина, если мы дадим цену ниже

той, которая соответствует трудовым затратам в области данной культуры. Как раз наоборот. Об этом у меня было много сказано в докладе, и я подозреваю, что т. Рагольский эту часть моего доклада, а может быть, и весь доклад не слышал. Он говорил, что социалистическое накопление может угрожать разрывом с крестьянством, ликвидацией смычки и т.д. Между тем мы в настоящее время имеем размычку с крестьянством благодаря товарному голоду, а товарный голод происходит вследствие недостаточного накопления. Как же мы можем благодаря успешному накоплению разрываться с крестьянством, когда от перепроизводства выигрывает как раз покупатель, а не производитель? Здесь он неясно представляет себе всю суть дела. Он находится под впечатлением того панического выстрела в меня, который сделал т. Бухарин в прошлом году против моей формулировки закона первоначального социалистического накопления.

Теперь о замечании того же товарища относительно того, что я не учел такого интересного факта в наших производственных отношениях, как «домашний социалистический рабочий» – кустарь, работающий на государственное хозяйство. Согласен, что об этом у меня не сказано. Я использую это замечание при характеристике той системы своеобразных производственных отношений, которые складываются в нашем хозяйстве. Но термин «домашний социалистический рабочий» не годится. Социалистичность здесь весьма скромного размера, и лучше говорить о домашнем рабочем государственного хозяйства.

Выступление т. Черномордика было очень содержательным. Но и он в основном вопросе, в вопросе о социалистическом накоплении, стоит на точке зрения тех оппонентов, которые не поняли, почему я говорю здесь о законе. Не поняли отчасти, может быть, по моей вине, потому что я недостаточно развил это место. Он говорит: «По-моему, социалистическое накопление – это самая безобидная штука, социалистическое накопление и основной закон социалистического накопления – две совершенно различные вещи». Я не могу сказать, что простые разговоры о социалистическом накоплении – это безобидная штука: по-моему, опасная штука – простые разговоры о социалистическом накоплении без достаточного социалистического накопления на деле. (Смех.) Изучение закона социалистического накопления, как необходимой формы движения вперед нашей системы, помогает тому реальному процессу развертывания социалистических отношений, который является основной целью всей нашей сознательной, а частью полусознательной деятельности. Я считаю, что раз мы говорим о социалистическом накоплении, мы должны сейчас же поставить вопрос, какая закономерность за этим скрывается. Тов. Солнцев был абсолютно прав, когда упрекнул оппонентов в том, что у них только голая фраза о плановом начале, а нет понимания закономерностей, которые складываются как раз в борьбе планового начала с рыночной стихией, в борьбе за ликвидацию закона ценности.

Тов. Стецкий заметил, что можно говорить о борьбе планового начала со стихией, с рынком, с частным хозяйством, но нет оснований говорить при этом о законе социалистического накопления. Я ему должен сказать, как и всем другим товарищам, стоящим на его точке зрения, что борьба планового начала со стихийным была у нас и в период военного коммунизма, борьба со стихией будет вестись и через 25 лет. Чем же отличается, чем характеризуется именно теперешний период этой борьбы, в чем своеобразие нашей теперешней ситуации? Маркс и Ленин учили нас брать и уметь понимать каждый данный период в его своеобразии. Чем характеризуется именно в данный период борьба со стихийным началом? В чем его особенность? На этот вопрос оппоненты не знают что ответить, кроме фразы: «Идет борьба планового начала с рынком». Для науки этого мало. А поскольку мы хотим продвинуться дальше, мы наталкиваемся на проблему борьбы двух основных законов, лежащих в основе смешанной товарно-социалистической системы хозяйства, хотя бы закон первоначального социалистического накопления, в

отличие от закона ценности, прокладывал себе путь через коллективное сознание правящего пролетариата и его органов.

Тов. Черномордик сделал очень ценное замечание по поводу того, насколько стихийное начало господствует у нас в планирующих органах транспорта, в плановой политике тарификации. Но что это доказывает? Это доказывает, что плановое начало даже на таких командных высотах, как транспорт, мы, в сущности, как следует еще не проводим. Необходима плановая политика социалистического накопления и со стороны транспорта. В этом отношении мы еще очень и очень далеки от использования всех объективных возможностей, сложенных в нашей системе. На все это я уже указал в статье о социалистическом накоплении. Вопрос относительно роли транспорта в плановом хозяйстве играет колоссальное значение. Наибольшая организованность нашего государственного хозяйства означает в то же время и максимальную возможность маневрировать всей массой командных высот, которые находятся в нашем распоряжении, что сейчас не достигается, что достигается с трудом, но что объективно может быть достигнуто.

Теперь о замечаниях т. Розенберга. Он возражал мне по поводу ренты. Он говорил: представьте себе, что мы имеем, допустим, кино, это кино арендует участок земли и благодаря тому, что арендует участок земли, вынуждено дороже продавать свои билеты. Откуда же, однако, здесь получается дифференциальная рента в Марксовом смысле этого термина, я совсем не понял. Если потребитель, т.е. посетитель кино, платит ренту, то возникает вопрос: кто же производит ту прибавочную ценность, которая дает ренту? На этот вопрос ответа нет. С этой точки зрения я считаю возражение неправильным, хотя в данном случае вопрос сложнее, чем тогда, когда дело идет о двух государственных органах. Еще сложнее бывает положение, когда дело идет о взаимоотношениях с частным хозяйством. Здесь бывают иногда отношения, напоминающие отношения ренты. Вообще же, если мы правильно теоретически будем их классифицировать, это не значит, что меньше будем брать с частного торговца, который у нас будет арендовать тот или другой участок земли.

Тов. Коган сказал, что хотел бы идти дальше меня и доказать, что у нас один регулятор хозяйства – это закон социалистического накопления. Я должен сказать, что не разделяю этого взгляда, это недопустимое преувеличение. Однако во всем другом постановка вопроса у т. Когана была совершенно верной. Нашим экономистам, которые подходят к организации производства скорее как юристы, он правильно заметил, что закон ценности начинает действовать тогда, когда отдельные производители связаны с мировым хозяйством и когда есть налицо частная собственность на орудия производства. Из того же факта, что у нас произведена коллективизация средств производства на важнейших участках, что в смысле соотношения основного капитала мы имеем преимущество над крестьянством, должны проистекать очень важные последствия в деле ограничения закона ценности. Иначе выходит, что закон ценности отрывается от естественной базы производственных отношений, регулятором которых он является и на базе которых исторически возникает.

Это указание т. Когана является абсолютно верным. У нас недостаточно учитывают факт социализации орудий производства, что серьезнейшим образом должно влиять на всю систему регулирования, и слишком переоценивают значение формы меновых отношений в хозяйстве.

В заключение несколько слов относительно замечаний т. Крицмана.

Он сделал несколько замечаний, из которых главным и основным считаю указание на то, что я не сказал, до какого же предела мы можем изменять ценностные отношения с товарным хозяйством, поскольку дело идет не о поощрении одних культур за счет других, а когда дело идет о взаимоотношении со всем крестьянским хозяйством в целом. Я не рассмотрел в настоящем докладе этого вопроса, но продолжаю считать правиль-

ным мое утверждение, сделанное раньше, против товарищей, которые говорили в защиту эквивалентного обмена с деревней. Повторяю, что вопрос об эквивалентном обмене с крестьянским хозяйством является для нас утопией практически и ошибочен теоретически, потому что не может быть эквивалентного обмена тогда, когда одна система развивается за счет вытеснения другой. Мы ведь здесь с вами признали факт борьбы двух систем; как же вы хотите, чтобы развитие могло идти при наличии эквивалентного обмена между той и другой формой? Это не наука, не марксизм. Это можно доказать совершенно научно арифметическим расчетом пропорций обмена веществ между городом и деревней. Эквивалентный обмен был бы налогом на социализм в пользу мелкого производства. В то же время я считаю, что постановка вопроса, которую сделал т. Крицман, не связана с требованием эквивалентности. Тов. Крицман ставил только вопрос о том, как будут определяться взаимоотношения, когда мы берем в целом одну систему хозяйства в ее отношении к другой. Я считаю этот вопрос чрезвычайно важным, и вот почему. Мы с крестьянским хозяйством, как конкуренты в одной и той же области производства, не сталкиваемся: роль наших совхозов ничтожна. Наша промышленность, социалистическая по ее организации и в то же время промышленность крупная по ее технике, есть другая отрасль производства, чем земледелие. Во-вторых, крестьянская экономика есть хозяйство, которое находится на другой ступени исторического развития, чем государственное хозяйство. В этом вся трудность проблемы, поставленной т. Крицманом, трудность вопроса, как же мы будем регулировать отношения и обмен веществ между различными системами хозяйства, которые одновременно представляют и различные сферы приложения общественного труда. Однако при разработке закона первоначального социалистического накопления мы, мне думается, можем найти ответ на этот вопрос. Здесь не может быть никаких постоянных пропорций при обмене веществ, пропорции будут меняться.

Затем т. Крицман говорит, что я не учел важности товарного характера связи между государственным и частным хозяйством. Я должен сознаться, что я мало на этом остановился: этот вопрос подлежит особому изучению. Он сводится главным образом к оценке соотношения между формой и содержанием в нашем хозяйстве, к изучению динамики всего процесса. В той моей работе, о которой упоминал т. Дволайцкий, я затронул немного этот вопрос, хотя и в неудачной форме, непохожей на научное исследование. Я думаю, что теперь у нас эта работа будет продолжаться, потому что материала для исследования с 1922 г., когда я писал «От нэпа к социализму», накопилось чрезвычайно много, но теоретическое изучение его подвигается очень слабо. Если у меня этот вопрос теоретически слабо разработан, это не только моя вина, но наша общая вина.

Моя работа по теории советского хозяйства представляет из себя, как говорили некоторые товарищи, только почин в этом направлении. Я лично считаю, что почин был сделан т. Лениным в его работах, в которых он дал основы теории советской системы общества и первые наброски теории советского хозяйства. Нам надо продолжать его работу. Мы не можем достигнуть в этой области серьезных научных успехов, если эта работа не будет продолжаться всеми нами коллективно. И надо пожелать, чтобы наши прения послужили стимулом к такой коллективной разработке теории советского хозяйства.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ*

О пользе теоретического изучения советского хозяйства

Опубликованные главы из моей работы¹ «Новая экономика» – работы, посвященной теоретическому анализу советского хозяйства, подверглись ожесточенной критике. Оппоненты особенно нападали на главу о законе социалистического накопления. Глава о законе ценности в советском хозяйстве встретила сначала гораздо более мягкий прием во время трехдневных прений в Коммунистической академии. Некоторые оппоненты делали даже комплименты автору. Но уже в статье т. Э. Гольденберга, помещенной в «Большевике» от 30 апреля², новая глава атакуется с такою же резкостью, как и предыдущая. Я не знаю, быть может, такой тон является личной особенностью т. Гольденберга – бывшие оппозиционеры проявляют часто усердие выше среднего; во всяком случае, если все другие оппоненты будут объективнее, дело от этого только выиграет. И я со своей стороны хотел бы сохранить хладнокровие и объективность. Разногласия есть, к чему еще их раздувать, либо выдумывать не существующие пункты расхождения. Тот, кто занимается этим делом, будь то в теории, будь то в политике, позволяет себе эту роскошь только потому, что недостаточно продумал наш завтрашний день.

Ценность или, наоборот, непригодность того или иного теоретического построения, которое делаем мы, марксисты и ленинцы, в области общественной науки определяется, во-первых, тем, в какой мере оно логически согласуется с методологическими основами и основными положениями марксизма и ленинизма; во-вторых, в какой степени оно способствует правильному предвидению в области социально-экономических явлений и тем служит непосредственным практическим целям нашего класса. Последняя проверка является решающей и окончательной, потому что и марксизм, и ленинизм служат предварительной логической проверкой каждого нового построения лишь потому, что сами они уже проверены на опыте практической борьбы рабочего класса. Когда возникает спор о том, согласуется ли логически данное построение с марксизмом или ленинизмом, спор в сфере логики можно продолжать сколько угодно, но решает этот спор окончательно и бесповоротно опять-таки лишь практика.

Под этим углом зрения логической, а где можно, практической проверки моей теории советского хозяйства я намерен рассмотреть здесь важнейшие возражения т. Гольденберга и некоторых других моих оппонентов, направленные против наиболее

* От редакции. Статья дискуссионная опубликована в журнале «Большевик» № 15–16 за 1926 г. (Прим. в журнале.)

существенных положений моей работы. А затем я постараюсь показать, что мои оппоненты не только не дали, но, оставаясь на своих теперешних позициях, никогда не смогут дать чего-либо похожего на марксистско-ленинскую теорию нашего хозяйства, со всеми вытекающими отсюда *практическими последствиями*.

Начну с вопроса о методе.

Тов. Гольденберг упрекает меня «в вульгарно-механистическом подходе к вопросу», в том, что я не улавливаю «диалектической связи противоречивых и борющихся начал», в том, что я занимаюсь «схоластической игрой в формально-логические определения» и т.д. А где же доказательства?

Доказательство первое: приступая к анализу проявления капиталистических категорий в нашей экономике, я напоминаю читателям, что именно противостоит этим категориям в плановом социалистическом хозяйстве. Тов. Гольденберг прикидывается, что он не понимает методологического значения этого противопоставления и его места во всем моем изложении. По его мнению, «в этом голом противопоставлении... и обнаруживается полное непонимание т. Преображенским действительной роли закона ценности в нашей экономике». «В конечном счете социализм, разумеется, приводит к полной ликвидации рынка и рыночных отношений. Но не может быть ошибки более грубой и более вредной, чем смешение результата процесса с самим процессом».

Не для т. Гольденберга, который, конечно, знает, о чем у меня идет речь, и занят сочинением своего опровержения, а для читателей, которые могут принять всерьез эту его «аргументацию», я замечу следующее:

1) Никакой действительно научный анализ переходной товарно-социалистической системы хозяйства не мыслим без понимания того, во что переходит эта экономическая формация.

2) Только имея постоянно перед своим сознанием два полюса всего процесса – исходный и конечный, мы в состоянии будем понять историческое место каждой переходной формы, т.е. теряясь в деталях и не скатываясь к вульгарной экономии, которая поверхностное описание конъюнктуры сегодняшнего дня выдает за научный анализ данной экономической системы.

3) Противопоставление, о котором идет речь, принадлежит Марксу, Энгельсу, Ленину. Без принципиального противопоставления капитализма социализму не мыслим законченный анализ даже самого капитализма. Доказательство этого читатель найдет в «Капитале», «Анти-Дюринге», в переписке Маркса и Энгельса и т.д. Только противопоставление социализма капитализму позволило Ленину дать теорию монополистического капитализма.

4) Изучение капитализма Маркс построил на анализе капитализма абстрактного, т.е. по Гольденбергу смешал результат процесса с самим процессом, за что, как известно, подвергался ожесточенным нападкам всего интернационала вульгарных экономистов и обывателей.

5) Принципиальное противопоставление социализма капитализму является методологически обязательным и для анализа каждого периода в развитии товарно-социалистической формы хозяйства. Так как весь процесс движения к социализму есть процесс борьбы одной экономической формации с другой, то ни удельного веса борющихся сторон, ни своеобразия каждого периода и его закономерностей, ни причудливого переплетения процесса борьбы с его непосредственными результатами мы не в состоянии будем понять, не имея постоянно перед собой представления о том, во что превращается, куда растет переходная экономика. Забывать об этом – значит в области теории скатываться к Бернштейну с его знаменитым положением: движение все, цель ничего.

«Нелепость придирки т. Гольденберга слишком очевидна, чтобы на ней долго останавливаться. Однако отнюдь не случайно, что противопоставление социализма

капитализму при исследовании определенного этапа переходной экономики раздражает т. Гольденберга и некоторых других оппонентов. Ведь уметь соединить это противопоставление с конкретным анализом определенного периода развития товарно-социалистической системы хозяйства – значит приступить к анализу борьбы двух начал в нашей экономике, значит искать закономерности в этой борьбе, значит, хочешь не хочешь, подойти при анализе закономерности развития государственного хозяйства к закону первоначального социалистического накопления. Но моим оппонентам не улыбается эта перспектива. И потому они осуждены, с одной стороны, повторять, меняя лишь слова и выражения, одну и ту же фразу о борьбе планового начала с рынком, а с другой стороны, выдавать за «анализ» нашего хозяйства соединение некоторого количества марксистской терминологии с описанием фактической экономической политики государства в каждый данный момент. А это и есть тот хвостизм в теории, который является лишь идеологическим выражением хвостизма в области практической деятельности и его оправданием.

Достаточно прочитав статью т. Гольденберга, чтобы убедиться, как он топтание на одном месте, сопровождаемое полемическими наскоками на меня, часто с моими же собственными мыслями, преподносит читателям в качестве «анализа» советского хозяйства. Подумать только, как мы стапи богаты сразу, прочтя эту статью! До т. Гольденберга мы ведь и не подозревали, что «рост рыночности крестьянского хозяйства является предпосылкой... его увязки с социалистической промышленностью», что «рост плановых начал предполагает овладение рыночными отношениями», что «такой путь движения к социализму имеет свои опасности и свои трудности», что накаплием мы не только из прибавочного продукта деревни, но и в самой промышленности. И вот этой-то водой глубоких и новых мыслей поливает меня т. Гольденберг в своей полемической статье.

Представьте себе, читатель, что мы с вами едем из Москвы в Ленинград и проедем уже Тверь. Является к нам т. Гольденберг и начинает доказывать, что по пути из Москвы в Ленинград надо непременно проехать город Клин.

Тов. Гольденберг, вы вполне правы, Клин надо проехать, и мы его проедем. А что же дайте, чем предполагаете вы обогатить наши знания дальше? Но только просим вас об одном: когда мы будем подъезжать к Ленинграду, не убивайте нас истиной о том, что по пути к нему надо проехать и Тверь, а также миновать Волгу, впадающую в Каспийское море.

Тов. Гольденберг упрекает меня в том, что я ничего не говорю о «перерастании отношений товарного хозяйства в социалистические, а только о вытеснении одной формации другой». Этот упрек явно рассчитан на то, что не все читатели «Большевика» знакомы с моими работами, которые взялся «разносить» т. Гольденберг. И в брошюре «От нэпа к социализму», и в двух главах моей работы по теории советского хозяйства, и во всей книге «Новая экономика» я много раз говорю не только о вытеснении одних форм другими, но и о подчинении и трансформации исторически отстающих форм под действием ведущего начала социалистического сектора хозяйства. Возражение т. Гольденберга с формальной стороны является поэтому неправдой. Но оно, как и другие его возражения, имеет свой логический и социальный смысл. Тов. Гольденберг недоволен в моем анализе «резким расщеплением всего хозяйства нашей страны на две половинки, из которых в одной господствует план, а в другой стихия...» Я нигде не говорю, что план уже господствует полностью в государственном хозяйстве: стихия здесь более чем достаточно. Но я утверждаю, что исходной хозяйственной базой плана, социалистического начала, развертывания расширенного социалистического воспроизводства, а значит, базой для проявления закона первоначального социалистического накопления является наше государственное хозяйство, которое находится в борьбе с частным хозяйством, совершенно

независимо от того, какие формы принимает эта борьба. Сожительство с частным хозяйством отнюдь не исключает борьбы, как сожительство Советского государства с капиталистическими странами есть лишь другое выражение классовой борьбы пролетариата с буржуазным обществом. Неужели же не ясно, что перерождение низших экономических форм в высшие, например производственное кооперирование крестьянского хозяйства при поддержке государственной промышленности, есть продукт борьбы социалистического города со средневековой экономикой деревни. Сожительство двух экономических формаций в нашем хозяйстве означает известное единство всей системы, но равновесие в этой системе достигается на основе борьбы по всему фронту. Эта борьба социалистического начала с частным хозяйством ведется вовне, поскольку наши связи с мировым хозяйством не сокращаются, а растут и будут расти. Эта борьба идет внутри, поскольку связь государственного хозяйства с частным через рынок не сокращается, а растет. Борьба включает в себя целую гамму отношений: и вытеснение одних форм другими, и подчинение одних форм другими, и перерождение низших форм в высшие – все это есть продукт борьбы, а не «мирного обновления». А потому без того «расщепления» при теоретическом анализе, которое не нравится т. Гольденбергу, никакой научный анализ нашей системы не возможен. И наоборот. Затуманивание всех элементов борьбы двух экономических формаций, если оно не является плодом недоразумения, в лучшем случае есть результат прогулок по поверхности социально-экономических явлений советской системы и с точки зрения предвидения завтрашнего дня сулит нам самые жестокие разочарования; в худшем же случае все это может повести к репродукции в новой обстановке бернштейновской теории притупления социально-экономических и классовых противоречий. Такая концепция сама по себе никаких противоречий, исторически заложенных в нашу систему, не притупляет в интересах диктатуры пролетариата, а лишь дезориентирует правящий рабочий класс и его партию и мешает ему выработать правильный взгляд на то общество, в котором он должен выполнить свою историческую миссию.

Нужно вообще заметить, что в затронутом вопросе у нас царит порядочная путаница взглядов, и не по вине т. Гольденберга. Анализ нашей системы, как такой общественной формации, где движение вперед протекает в форме антагонистического развертывания противоречий и борьбы между законом первоначального социалистического накопления и законом ценности, безбожно смешивают с вопросом о том, выгодно или невыгодно для нас притупление классовых противоречий. Что касается первого противоречия, то научно-марксистский анализ вскрывает здесь только то, что есть на деле. Упрекать мою концепцию в том, что она раздражает мелкую буржуазию страны – значит теоретически капитулировать перед ней, значит отдавать всю умственную жизнь нашей партии, а также подготовку новых кадров под предварительную моральную цензуру деревни.

Вопрос же о притуплении классовых противоречий внутри нашей страны методологически правильно может быть поставлен лишь так. Нам, правящему рабочему классу, выгодно притупление всех тех противоречий, которые могли бы развертываться против нас, и выгодно обострение противоречий всюду, где этот процесс поворачивается против капитализма. Формула рабоче-крестьянского блока есть, во-первых, формула объединения интересов рабочего и крестьянина против буржуазии и, во-вторых, формула притупления противоречий интересов между этими двумя классами, также в интересах борьбы с буржуазией.

Притупление противоречий на этой *базе* в переживаемый нами период достигается прежде всего, больше всего и вернее всего индустриализацией страны, т.е. со стороны удешевления продукции городской промышленности, со стороны интенсификации земледелия, рассасывания избыточной рабочей силы в деревне, со стороны долгосрочного

кредита деревне (который слабая промышленность дать не может) и со стороны производственного кооперирования бедноты. Этот процесс означает одновременно создание условий для большей слаженности и организованности всего хозяйства страны вокруг государственного хозяйства, большую связь мелкобуржуазного окружения с руководящими центрами нашей экономики, большее подтягивание деревни к городу, а с точки зрения социологической, этот процесс означает общую консолидацию советского общества, его большую внутреннюю связность и сопротивляемость внешнему давлению и, наконец, замену рыхлого мелкобуржуазного крестьянского патриотизма, весьма ненадежного при внешней войне, социалистическим патриотизмом индустриализированной страны с диктатурой пролетариата.

Но этот спасительный для нашего класса, для советской системы, для социализма и для социально прогрессивных элементов деревни процесс есть в то же время процесс мучительный, длительный, опасный, и тем более опасный, чем более длительный, потому что главный наш враг неизбежно должен стараться прервать его как можно раньше.

С другой стороны, давление закона ценности мирового капитализма на нашу экономику, сравнительно слабое тогда, когда мы связаны с океаном мирового рынка узкими Дарданеллами нашего теперешнего ввоза и вывоза, должно неизбежно расти. А тем самым вопрос о быстроте темпа индустриализации превращается в вопрос не только внутреннего экономического и политического равновесия, но и в вопрос нашего существования перед лицом нашего *основного* противника.

Но при ничтожности притока иностранного капитала в страну в виде долгосрочных кредитов проблема индустриализации упирается в проблему такого использования внутренних ресурсов, которое обеспечивает хотя бы приблизительную пропорциональность в распределении производительных сил между городом и деревней. Отсюда проблема первоначального социалистического накопления с ее уравнениями пропорциональности расширенного социалистического воспроизводства, которые диктуются нам с внешне принудительной силой. Отсюда закон первоначального социалистического накопления, который не выдуман Преображенским для полемики со своими оппонентами, а который объективно вытекает из обстановки борьбы нашего государственного хозяйства, созданного Октябрьской революцией, с капиталистическим миром. Этот закон диктует нам, наряду с прочим, и определенные пропорции отчуждения прибавочного продукта деревни для целей расширенного социалистического воспроизводства. Возражая против этой постановки вопроса, мои оппоненты полемизуют здесь не со мною лично и не со всеми нами, индустриалистами, а, в сущности, ворчат против тех объективных условий, в которых протекает строительство социализма в одной, и притом крестьянской стране. Их нападки являются, как это не трудно будет показать в другой раз, лишь идеологическим и политическим отражением отсталых тенденций нашего экономического развития. Соображение о том, что оппоненты защищают осторожную политику, более отвечающую нашим условиям, более способную поддержать блок рабочих с большинством крестьянства, опровергается фактами полностью и целиком.

Когда при товарном голоде, т.е. в наших условиях при недостаточном социалистическом накоплении в промышленности, крестьяне переплачивают на разнице оптовых и розничных цен сотни миллионов ежегодно частному капиталу или спекулирующей нередко кооперации, когда они имеют нереализуемые денежные излишки, непроданный и съдаемый мышами хлеб, отчуждение пары сотен миллионов крестьянского накопления для развития промышленности будет возбуждать, конечно, известное недовольство. Но такая политика одновременно начинает создавать предпосылки для *рассасывания этого недовольства* благодаря расширению производства, привлечению новых рабочих из деревни, увеличению товаров на рынке, благодаря сокращению эксплуатации крестьянства торговым капиталом. Наоборот, политика систематического недонакопления, то-

варного голода и неизбежно с ними связанных высоких розничных цен постепенно накапливает крестьянское недовольство, которое не рассасывается, а все растет, угрожая таким напором деревни на нашу систему протекционизма и монополии внешней торговли, который может иметь очень серьезные последствия для всего дела строительства социализма в нашей стране. Эта политика есть уступка хозяйственной отсталости, причем осторожная только по видимости: на определенной стадии развития нашего хозяйства она превращается в свою противоположность.

Тов. Гольденберг ходит возле да около вопроса о неэквивалентном обмене социалистической промышленности с мелким производством и, критикуя в этом пункте мою постановку вопроса, как будто высказывается за эквивалентный обмен. В этом важном пункте нам нужна полная теоретическая ясность, а не увиливание от прямой и отчетливой постановки всей проблемы. Я предлагаю т. Гольденбергу и другим моим критикам сказать определенно, что, собственно, они защищают в этом пункте. Причем если они выскажутся за эквивалентный обмен, к чему они в той или иной мере склоняются, то я обязуюсь показать, что они либо проявляют экономическую неграмотность, либо в разбираемом пункте разрывают с марксизмом, переходя на позицию мелкобуржуазного народничества. Я берусь доказать, что они защищают, по сути дела, налог на социализм в пользу мелкого производства.

Насколько т. Гольденберг не понимает моей основной точки зрения в вопросе о законе первоначального социалистического накопления, хотя и очень развязно ее излагает и критикует, видно из следующего направленного против меня победоносного примечания. Он пишет: «Согласно перспективному пятилетнему плану Госплана, в ближайшее пятилетие мы вложим в наш основной капитал до 5 млрд рублей, из которых 4,4 млрд даст сама промышленность, т.е. «перекачка», которая у т. Преображенского является основным, главным и т.п., дает лишь немногим больше 0,1 общей суммы, в которую по этому плану выльется в ближайшее пятилетие основной вид действительного социалистического накопления».

Тов. Гольденберг, формулируя это поистине убийственное для него возражение, «забыл» сказать читателям, при каких отпускных ценах может осуществиться все это накопление.

Он «забыл» сказать, что все это будет осуществлено при ценах гораздо более высоких, чем цены мирового рынка, т.е. на основе изъятия из закона ценности мирового хозяйства, т.е. при гораздо большей неэквивалентности обмена крупного производства с мелким, чем это мы видим в мировом хозяйстве³, при сохранении монополии внешней торговли, социалистического протекционизма и т.д., следовательно, *на основе закона первоначального социалистического накопления*. При действии мирового закона ценности и при соответствующей конституции внутренних цен мы не только не получим этих пяти миллиардов, а растратим добрую половину всего нашего основного капитала.

Читатель может видеть из этого примера, какое веселое занятие полемизировать с такими оппонентами, как т. Гольденберг, как хорошо понимают они то, что критикуют.

Однако так хорошо все понимающий т. Гольденберг сознается, что одного пункта он как будто не понял в моем изложении, что не мешает ему упражняться в остроумии отнюдь не по поводу своего непонимания. Он не понимает, «почему, собственно, т. Преображенский говорит, что закон первоначального социалистического накопления есть та форма, в которой происходит диалектическое перерождение стихийных закономерностей неорганизованного хозяйства в новый тип достижения равновесия». Почему диалектическое? При чем тут диалектика?

Прежде чем объяснить читателю, при чем тут диалектика, я хотел бы заметить, что т. Гольденберг, упрекающий меня в «вульгарно-механистическом подходе к вопросу», явно выдает себе диплом на умение» диалектически подходить к исследованию нашего

хозяйства. Вообще, слову «диалектика» у нас повезло невероятно. Люди, никогда не читавшие Гегеля, не говоря уже о тех, которые его читали, но не поняли, склоняют это слово на все лады. Непрестанным повторением этого слова они терроризируют читателей, которые начинают стыдиться своего невежества и принимают разносчиков слова «диалектика» за людей, в совершенстве овладевших методом Гегеля и Маркса.

Тов. Гольденберг должен был бы знать, что, применяя те методы полемики, которыми он пользуется против меня, можно «разнести» самое совершенное, самое классическое исследование, научно воспроизводящее диалектический процесс общественного развития, начиная с «Капитала» Маркса. Ведь диалектический процесс есть прежде всего единство. Описание той или другой отдельной стороны этого единого процесса всегда можно «с успехом» противопоставить целому, если покинуть почву диалектической логики и плывать в сфере того, что Гегель называет «простыми и раздельными определениями».

Это тем легче сделать, что диалектическое движение есть движение, развертывающееся на основе внутреннего противоречия. Пример подобного сорта критики у нас как раз перед глазами. Усвоив из моего изложения, что закон первоначального социалистического накопления в той его части, которая касается распределения материальных ресурсов страны, есть закон перекачки ценностей из досоциалистических форм производства в государственное хозяйство пролетариата, мой критик говорит:

«При таком «понимании» основного закона социалистического накопления естественно и утверждение, что закон ценности ограничивает накопление». Мой оппонент не считает только для себя выгодным понять, что дело не ограничивается только этой стороной закона. Закон первоначального социалистического накопления конкурирует с законом ценности не только в сфере распределения прибавочного продукта страны, но и по всей линии регулирования хозяйственной жизни, прежде всего по линии распределения рабочих сил. Об этом у меня говорится на протяжении всей книги «Новая экономика», а также, в частности, в критикуемой Гольденбергом статье «Закон ценности в советском хозяйстве». Цитированная выше фраза, в которой слова «диалектическое перерождение» кажутся непонятными т. Гольденбергу, относится к борьбе закона первоначального социалистического накопления с законом ценности во *всей сфере экономических отношений*, следовательно, и в сфере борьбы за единство регулирования хозяйственной системы. Мой критик обнаружил здесь себя в полной мере в качестве одного из тех разносчиков слова «диалектика», о которых я говорил выше.

Теперь для т. Гольденберга, если он всерьез не понимает моей концепции, а прежде всего для читателей, я поясню в немногих словах и самым популярным образом, что я имел в виду сказать в цитируемой т. Гольденбергом фразе.

Если бы теперь в нашей стране экономические отношения складывались на основе свободного действия закона ценности мирового хозяйства, то это привело бы к тому, что при теперешних ценах на мировом рынке и при теперешней перединдустриализации Европы две трети нашей крупной промышленности были бы ликвидированы вследствие убыточности и ненужности ее с капиталистической точки зрения, *с точки зрения мирового разделения труда на капиталистической основе*. Наоборот, наше сельское хозяйство сильнейшим образом пострадало бы от превращения всей страны в аграрную полуконию мирового капитала в дальнейшем, но в первые годы, несомненно, выиграло бы вследствие гораздо более дешевых цен на промышленные изделия, вследствие гораздо более эквивалентного обмена на мировом рынке. Так как нет ни германского, ни американского, ни русского закона ценности, а есть лишь закон ценности мирового хозяйства, который проявляется лишь с известными вариациями и отклонениями на территории той или иной страны или группы стран, то непрерывное расширение действия этого закона на нашей территории под давлением мирового рынка извне и благодаря развер-

тиванию товарных отношений внутри может переопрокинуть всю нашу систему, после чего распределение производительных сил сложилось бы у нас тогда так, как это необходимо для воспроизводства капиталистических отношений *во всем* мировом хозяйстве (а не в интересах индустриально-капиталистического развития в *нашей стране*, как мечтают меньшевики, которые в этом пункте проявляют, кроме всего прочего, простую экономическую безграмотность и непонимание общих тенденций современного мирового хозяйства)⁴. Единственным регулятором в нашем хозяйстве будет тогда, следовательно, закон ценности.

Что же противостоит у нас закону ценности, усиление действия которого означает усиление тенденций к переопрокидыванию всей нашей системы?

Каждый читатель может по пальцам сосчитать, что противодействует у нас закону ценности: монополия внешней торговли, социалистический протекционизм, жесткий план импорта, строящийся в интересах индустриализации страны, неэквивалентный обмен с частным хозяйством, обеспечивающий накопление для государственного хозяйства в архинеблагоприятных условиях низкой техники государственного хозяйства. Но все это в целом, на базе единого государственного хозяйства пролетариата, и есть внешние инструменты, внешние проявления закона первоначального социалистического накопления. В борьбе этого последнего закона с законом ценности мы достигаем каждый данный год (с большим или меньшим успехом) такого распределения прибавочного продукта страны и такого распределения производительных сил в целом, которое, с одной стороны, обеспечивает известное удовлетворение общественных потребностей, а с другой стороны, создает предпосылки расширенного социалистического воспроизводства для следующего года и отчасти для ряда лет вперед. Равновесие всей системы хозяйства достигается на базе антагонистического развертывания действия обоих законов, причем пропорции развертывания государственной промышленности, а тем самым пропорции отчуждения в интересах этого развертывания некоторой части прибавочного продукта сельского хозяйства (безразлично, идет ли дело о налогах или о политике цен), диктуются нам с внешне принудительной силой. Вытеснение действия закона ценности как регулятора хозяйства происходит за счет замещения его функций регулирующими функциями закона социалистического накопления. Здесь меняется не только метод регулирования, т.е. не только плановость заменяет стихийность, но и меняется *материальное содержание* всего процесса в том смысле, что распределение производительных сил страны каждый год получается иное в сравнении с тем, что мы имели бы при свободном действии закона ценности. Наше плановое распределение производительных сил подчинено другой объективной цели, цели сохранения и развертывания социалистического сектора хозяйства, который, с одной стороны, должен удовлетворить в определенной пропорции продуктами своего производства известную часть общественных потребностей страны, а с другой стороны, должен обеспечить движение вперед, т.е. обеспечить определенный уровень накопления. При такой системе, конечно, и размеры общественного потребления страны чем дальше, тем больше подпадают под действие этого закона. Совершенно очевидно при этом, что постепенное подчинение системы обмена страны плановому регулированию, имеющему своей базой государственное хозяйство, означает постепенное перерождение на основе борьбы закона ценности в исторически более высокий тип регулирования: мы имеем здесь не только вытеснение этого закона, но и перерождение его в закон первоначального социалистического накопления. Все это происходит на основе рыночного обмена, причем закон социалистического накопления постепенно вышелушивает *содержание* рыночных отношений, не затрагивая пока их формы, и в то же время этот процесс гораздо быстрее протекает внутри государственного хозяйства и гораздо медленнее и мучительнее развертывается на стыке государственного хозяйства с частным. По мере своего развертывания закон первоначального

социалистического накопления одновременно начинает разрешать и проблему пропорциональности в распределении наличных производительных сил, стоящую перед каждым общественным производством, и одновременно проблему расширенного воспроизводства, но не в капиталистических, а в социалистических формах. В настоящий момент мы еще не знаем, какие закономерности будут лежать в основе нашего государственного хозяйства, когда оно технически догонит и перегонит капитализм, т.е. когда начнется настоящее социалистическое накопление. Это будет зависеть и от того, как будет обстоять дело с борьбой за социализм и со строительством социализма в других странах. Мы не можем также предвидеть, чем будет ускорен или, наоборот, задержан, или перерезан процесс нашего социалистического строительства вследствие наших отношений с капиталистическим миром. Но для теперешнего периода, когда мы развиваемся в условиях более низкой, чем при капитализме, техники и в условиях нашего социалистического одиночества в мировом хозяйстве, законом нашего развития и самосохранения является закон первоначального социалистического накопления. Этот закон откроет каждый серьезный марксистский исследователь нашего хозяйства, как бы он его ни сформулировал по-своему, и прежде всего тот исследователь, который займется проблемой хозяйственного равновесия в нашей системе в условиях связи с современным мировым рынком⁵.

Из сказанного читатель может видеть, насколько недобросовестными являются все обвинения автора этих строк в стремлении подкопаться под блок рабочих и крестьян, в лозунгах «превращения крестьянского хозяйства в колонию для социалистической промышленности» и т.д. Я прошу моих критиков, считающих себя марксистами и ленинцами и выдвигающих все эти обвинения, ответить на следующие вопросы:

1) Верно ли, что расширенное капиталистическое воспроизводство требует определенной пропорциональности между размерами накопления и размерами общественного потребления?

2) Верно ли, что при конкретном капитализме индустриализация экономически отсталых стран облегчается и ускоряется импортом капитала из передовых промышленных стран?

3) Верно ли, что прогресс техники и повышение органического состава капитала, означающее рост постоянного капитала и в отраслях производства средств производства и в отраслях производства предметов потребления, требуют все более быстрого роста производства средств производства, а следовательно, более быстрого роста применяемого в этом подразделении общественного капитала, т.е. прежде всего более быстрого накопления в сфере тяжелой промышленности за счет всего хозяйства страны?

4) Верно ли, что мы уже используем весь наш основной капитал и вынуждены теперь решать одновременно две задачи: задачу более быстрого удовлетворения общественных потребностей и создания нового основного капитала, функционирование которого даст результаты в смысле расширения товарного предложения лишь через несколько лет?

5) Верно ли, что в экономически отсталой стране с социалистическим режимом, не знающей пока импорта капитала и вынужденной бороться со всем буржуазным миром, темп внутреннего накопления неизбежно должен идти несравненно быстрее, чем в любой капиталистической стране при данном уровне развития производительных сил?

6) Верно ли, что быстро растущая товарность крестьянского хозяйства в такой стране требует для поддержания хозяйственного равновесия *добавочного* роста промышленности, а следовательно, *добавочного* промышленного накопления?

7) Верно ли, что индустриализация всякой страны, а индустриализация страны с социалистическим режимом тем более, требует роста культурности и квалифицированности рабочего класса, а значит, систематического роста заработной платы?

8) Верно ли, что за вычетом накопления на собственной базе государственного хозяйства, остальная часть, подлежащая накоплению за счет мелкого производства, не может спускаться ниже известного минимума, ибо диктуется Советскому государству в порядке железной экономической необходимости?

9) Верно ли, наконец, что недонакопление в государственной промышленности ведет к товарному голоду, росту розничных цен, накоплению частного капитала и к усилению разрыва между городом и деревней?

Ни один марксист не сможет сказать, что все это неверно. А если все это верно, то надо уметь от этого научного анализа перейти к правильным арифметическим величинам в области экономической политики, в деле построения хозяйственного плана страны.

И в то же время совершенно очевидно, что если мы имеем в стране систематический товарный голод и неудовлетворение платежеспособного спроса, если мы имеем скопление в деревне денег, на которые нельзя купить товаров, и скопление хлебных излишков, поедаемых мышами и крысами и лежащих 8–9 месяцев без движения, а также ненормально высокие хлебные цены при урожае, то перед нами *чисто экспериментальное доказательство какой-то ошибки в сфере распределения прибавочного продукта страны*. В настоящее время не перенакопление, а недонакопление в промышленности может стать источником подрыва рабоче-крестьянского блока, поскольку при длительности такой ситуации крестьянство неизбежно будет искать смычки не с нашей, а с иностранной капиталистической промышленностью.

В разные периоды проблема рабоче-крестьянского блока имеет разное содержание. Повторение голых фраз насчет этого блока ничего партии не дает, ни от каких опасностей нас не спасает, и само крестьянство раздражает своей бессодержательностью. Ленинизм заключается здесь в том, чтобы на каждом новом этапе наполнить этот лозунг новым содержанием, вытекающим из экономической и политической, из внутренней и международной обстановки. На данном этапе материальным выражением лозунга «Блока и смычки» является линия на индустриализацию страны, линия все более быстрого социалистического накопления. Ибо поскольку сейчас мы имеем здесь зияющий дефицит, поскольку мы живем под дамокловым мечом растущего давления на нас мирового рынка, промышленное недопроизводство и наша техническая отсталость являются самой серьезной угрозой для дела сохранения рабоче-крестьянского блока.

И когда при такой обстановке попытка добросовестно продумать условия сохранения и развития нашего государственного хозяйства снова и снова встречается повторением вздорных обвинений насчет «колоний», то не в праве ли мы опасаться, что такой метод полемики может при соответствующих условиях стать исходным пунктом мобилизации мелкобуржуазной отсталости страны против социализма? Если т. Гольденбергу и другим из наших молодых приват-доцентов, не прошедшим с нашей партией долгой школы упорной борьбы с народничеством и меньшевизмом, естественно поддаваться моральному давлению 100-миллионной мелкобуржуазной массы страны и по политической неопытности более простительно делать те или иные зигзаги в сторону Кубанской, Пензенской или Курской «магнитной аномалии», то что же сказать про старших товарищей, про старых большевиков, которые поощряют эти зигзаги и сами нередко не соразмеряют свои аргументы с их возможными политическими последствиями. Разве допустимо в полемическом азарте внутрипартийной дискуссии забывать о коренных социальных и исторических связях нас обвиняющих?

В заключение я хочу сказать два слова о практической проверке тех общетеоретических положений, из которых исходил автор этих строк начиная с 1923 г. и за которые подвергся ожесточенным нападкам.

В 1924 г., когда написана была моя статья о законе социалистического накопления, мои оппоненты больше всего боялись промышленного перенакопления и промышленного перепроизводства. Они механически переносили на 1924 г. и следующие годы опыт неправильно ими понятого и безмерно преувеличенного кризиса сбыта конца 1923 г. Их лозунгом было: осторожнее с развертыванием промышленности, осторожнее с накоплением, снижение оптовых цен во что бы то ни стало, не считаясь с проблемой накопления. Они договаривались в качестве общей директивы на будущее время до совершенно неверного экономического положения: сначала снижение цен, потом накопление, вместо единственно верного лозунга – сначала накопление, на основе его снижение себестоимости, а потом снижение цен. Самый лозунг социалистического накопления был поставлен тогда под сомнение, и в нем видели угрозу сохранению рабоче-крестьянского блока. Пришли 1925–1926 гг. с их острым товарным голодом, с нарушением расчетного баланса между городом и деревней – естественным следствием недонакопления, и с полной очевидностью обнаружилось, что поднятая мною проблема социалистического накопления *была научным прогнозом товарного голода*, вовремя сделанным предупреждением, попыткой обратить внимание партии на грозящую опасность недонакопления, тогда как мои оппоненты ориентировали партию *как раз в обратном направлении*. Теперь уже никак нельзя скрыть или замазать этот факт. Общие теоретические предпосылки моих оппонентов, связанные с неумением применить метод ленинизма к новой обстановке, вели к практическим ошибкам в области экономической политики. А объявленная антиленинской теория социалистического накопления каким-то чудом давала правильный прогноз назревавших трудностей, которые для всех стали ясными через полтора-два года.

Эту правильность прогноза индустриалистов можно проследить и на других пунктах наших разногласий. Доклад т. Троцкого на XII партийном съезде некоторые рассматривали как чрезмерно индустриалистский, между тем как намечавшаяся в нем на ряд лет общая линия нашей экономической политики оказалась вполне правильной.

На XIII партийной конференции т. Пятаков защищал положение о наибольшей прибыли трестов при условии данного уровня отпускных цен и данного уровня заработной платы, т.е. защищал режим наибольшей экономии в интересах накопления, в то время как возражавшие ему товарищи выбрасывали лозунг «наименьшей прибыли». Они безбожно смешивали при этом лозунг «наибольшей прибыли *при прочих равных условиях*» с лозунгом «максимальных цен» и справляли по этому поводу дешевенькую и весьма кратковременную победу. Ныне вряд ли кто-нибудь станет всерьез защищать так называемый принцип «наименьшей прибыли». Наоборот, все усилия по рационализации промышленности, усилия, принимающие нередко явно неправильный, подчас даже вредный уклон, являются ничем иным, как стремлением обеспечить государственной промышленности при данных или даже сниженных ценах большую прибыль, т.е. именно осуществить столь охаянный лозунг 1923 г.

Почему т. Пятаков оказался прав, а его оппоненты оказались неправы? Потому что он, как все индустриалисты, стоял на верной позиции наиболее быстрого промышленного накопления, каковая позиция, будучи прогнозом товарного голода и хозяйственных затруднений при переходе от использования старого основного капитала к созданию нового, предполагала в то же время более правильную, чем у оппонентов, концепцию всего нашего хозяйства в целом и путей его развития. Эта же правильная общетеоретическая установка заставила т. Пятакова выдвинуть проблему управления всем государственным хозяйством как единым целым, со всеми вытекающими отсюда организационными выводами. Теперь все это кажется азбучной истиной, а на XIII партконференции над т. Пятаковым «реальные политики» потешались, как над безнадежным утопистом.

В дальнейшем т. Троцкий выступил со статьями «К капитализму или социализму», в которых выдвинул плодотворнейшую постановку вопроса о сравнительных динамических коэффициентах нашего хозяйства с мировой капиталистической экономикой. Эта постановка вопроса, важность которой еще недостаточно оценена нашей партией, точно так же могла быть сделана только на основе принципиально правильной теоретической концепции нашего хозяйства.

Правильный теоретический анализ нашей системы хозяйства имеет первостепенное значение для нашей политики, для нашей практики вообще. С особой силой я хотел бы подчеркнуть в этом пункте разницу между буржуазной и социалистической экономикой. В капиталистическом обществе для агентов капиталистического производства экономическая наука играет весьма скромную роль. Поддержание равновесия в хозяйстве, если можно так выразиться, лежит на законе ценности. Этот закон умней и надежней буржуазной науки, буржуазных профессоров и буржуазных правительств поддерживает стихийным путем равновесие во всей системе. Хотя этот метод регулирования обходится дорого для общества, потому что лишь *post factum* извещает о допущенных ошибках в распределении производительных сил, он ничем другим в буржуазном обществе заменен быть не может. И если монополистический капитализм достигает большой организованности в той или другой отрасли хозяйства внутри страны, он не в состоянии уничтожить бесплановости ни во всем национальном хозяйстве в целом, ни, тем более, на мировом рынке. Наоборот, Советское государство, опирающееся на национализированную крупную промышленность, транспорт, кредит и внешнюю торговлю, вынуждено самим фактом национализации защищаться и наступать в плановом порядке, открывая тем новую страницу в деле использования экономической науки для производства. Мы вынуждены чем дальше, тем все больше регулировать хозяйство плановым образом на основе развертывания действия закона социалистического накопления. Но чтобы планировать, надо предвидеть. А чтобы предвидеть, надо непрерывно, во все растущем масштабе и со все большей и большей тщательностью исследовать научными прожекторами всю обозримую область причин и следствий на экономическом поле. Наше хозяйство усложняется, регулирование делается все более и более трудным и ответственным, оно охватывает все большую и большую область экономических отношений, двигает все большими и большими массами людей и материальных ценностей. Крупные ошибки при централизации всего механизма управления делаются все более и более опасными. Роль планирующих органов непрерывно растет. Быть хорошим политиком вообще делается все более и более недостаточным, чтобы быть хорошим экономическим политиком, быть руководителем хозяйства нашего типа, т.е. в головных звеньях социалистического типа. Импровизация и дилетантство делаются чем дальше, тем все более убыточными для нашей экономики. Режим экономии требует, если говорить не о частностях только, большей экономии в ошибках руководства* . А последнее достижимо с наименьшей тратой силы как раз благодаря правильной теории нашего хозяйства, т.е. путем наиболее демократическим, наиболее доступным для каждого, кто действительно желает учиться и идти вперед.

А что мы видим в этой области у нас? После смерти Ленина мы не имеем широких обобщающих, постоянно проверяемых новыми фактами построений, создающих базу для научной теории нашего хозяйства. А все, что было сделано в этом отношении так называемыми индустриалистами, встречалось градом возражений, обвинений в антиленинизме, в троцкизме, в мелкобуржуазном уклоне и т.д.

Правда, последнему обвинению теперь уже никто больше не верит, перестанут верить скоро и другим. Однако это нисколько не подвигает дела вперед в смысле

* Так в тексте.

положительного участия наших критиков в деле разработки теории советского хозяйства. Мои оппоненты очень напористы в полемике и в придумывании всяких формул обвинения, а что же они, спрашивается, противопоставили в положительной форме моей концепции? Годы проходят, накаплиются новые факты, обновляется наш опыт, что же они дали партии положительного, в смысле обобщающего понимания этого опыта? Ведь мы, большевики, в области теории очень требовательный народ: мы имеем в прошлом монументальные труды Маркса и Энгельса, мы имеем Ленина. С таким наследством за плечами мы не согласимся плавать по поверхности вульгарной советской экономики.

В области теории мои оппоненты не дали почти ничего. И я берусь предсказать, что, оставаясь на теперешних позициях теоретической трусости и эклектизма, они и не дадут ничего такого, что, не впадая в смешное самодовольство, они могли бы выдавать за теорию советского хозяйства. То есть статей, брошюр и даже, может быть, книг они могут написать порядочно. Но это все будет не то, что нужно нашему хозяйству и нашей партии в области теории. Своей позицией отрицания закона социалистического накопления, т.е. попытки построения пролетарской, марксистско-ленинской концепции нашего хозяйства, взятого в его динамике, они осудили себя на теоретическое бесплодие. Ибо из прибавления слюны при пережевывании общих, бесспорных и всем давно известных положений никакой теории советского хозяйства получиться не может.

Преображенский Е.А. Экономические заметки:
О пользе теоретического изучения советского хозяйства //
Большевик. 1926. № 15–16. 31 августа. С. 68–83.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Глава 2-я «Основной закон социалистического накопления» и глава 3-я «О законе ценности в советском хозяйстве». Вся книга вышла недавно в изд[ательстве] Коммунистической академии.

²*Гольденберг Э.* Запоздалый рефлекс // Большевик. [1926.] № 7–8.

³В мировом хозяйстве также нет эквивалентного обмена между этими отраслями, потому что цены на продукты земледелия складываются на основе конкуренции мелкого крестьянского производства с крупным и средним капиталистическим земледелием.

⁴Кстати сказать: в борьбе с меньшевиками у нас почти не используется тот аргумент, что ликвидация советской власти и осуществление меньшевистского лозунга «назад к капитализму», означает практически безработицу для двух третей нашего рабочего класса, и притом для его наиболее квалифицированной части.

⁵В главе моей работы, посвященной этой последней теме, я постараюсь дать закону первоначального социалистического накопления совершенно наглядное выражение в виде, с одной стороны, абстрактных, с другой стороны, конкретных схем распределения производительных сил при товарно-социалистической системе хозяйства.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6
ЗАЯВЛЕНИЕ Е.А. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
В ПРЕЗИДИУМ XV КОНФЕРЕНЦИИ ВКП(б)

*26 ноября 1926 г.**

Вношу следующие фактические поправки к речам тех упоминавших мое имя товарищей, поскольку вследствие непредоставления мне слова я не имел возможности сделать это более подробно в речи.

1) Тов. Рыков процитировал из моей книги «Новая экономика» место об эмиссии как источнике накопления в таком контексте, что меня могут принять за сторонника инфляции в настоящий момент. Что я являюсь решительным противником инфляции, это видно из того места моей речи по докладу т. Милютин в Коммунистической академии, которая находится на с. 234, № 17 «Вестника Коммунистической академии»** (отдел стенограмм).

2) Тов. Сталин в своем докладе, цитируя ту же мою книгу, снова повторил обвинения в ленинском отношении к вопросу о рабоче-крестьянском блоке и в защите тезиса о необходимости эксплуатации крестьянства пролетариатом. В своей книге я несколько раз настойчиво повторяю о своем полном согласии с Лениным в разбираемом вопросе и говорю: «В нашей партии нет такого сумасшедшего, который не понимал бы, что если все здание пролетарской диктатуры заколеблется до самых своих основ вследствие разрыва пролетариата с крестьянством, то пролетариат не выполнит своей исторической задачи и в деле развития государственного хозяйства» (Новая экономика. 1-е изд. С. 233; 2-е изд. С. 272). У меня нет ни в чем разногласий с Лениным, но есть разногласия с теми, кто толкует его в народническом духе.

Что касается «эксплуатации крестьянства», то я никогда и нигде не говорил об эксплуатации крестьянства пролетариатом, а в статье «Об основном законе социалистического накопления» говорил об эксплуатации социалистической формой хозяйства низших, досоциалистических форм, что не может смешивать ни один грамотный и добросовестный марксист-ленинец. Вопреки тому что сказал т. Сталин и в первом и во втором издании книги, я снял термин «эксплуатация». Попытки обвинить в «грабеже крестьянства» большевика, который в теоретической работе пытался продумать без предварительной моральной цензуры мелкого буржуа условия существования и развития социалистического хозяйства, а в области экономической политики стоит за освобождение

* Датируется по дню рассмотрения на заседании Секретариата ЦК ВКП(б).

** За 1926 г.

40% бедноты от налога, не защищает увеличение обложения средняка и предлагает прогрессивный и из года в год растущий налог на капиталистическое развитие деревни, – значит невольно агитировать мелкого буржуа против социализма.

3) В своей речи т. Бухарин приписал мне совершенно чудовищное утверждение насчет того, что в речи в Коммунистической академии я говорил о Кавеньяках и Галлифе в какой-то связи с теперешним курсом государственной власти, на самом же деле о «Кавеньяках и Галлифе» я говорил совсем по другому поводу, что видно из следующего места речи, единственного, где вообще говорится об этих персонажах. Я говорил: «Мы пока не можем ликвидировать капиталистическое накопление в деревне, нам остается его ограничивать, но мы ни на минуту не должны забывать, что элементы, которые сейчас улучшают хозяйство на капиталистической основе, элементы, которые нам классово враждебны, они будут нас стараться сбросить в благоприятный момент, а не вращать в социализм. Они будут пытаться нас сбросить, как говорит Ленин, они мечтают о Кавеньяках и Галлифе, как это мы видели в аналогичных случаях в Западной Европе» (Вестник Комакадемии. № 17. С. 232–233, отдел стенограмм).

В данном случае ссылаюсь на Ленина, потому что только повторил всем известное место из его брошюры о продналоге, которое гласит: «Либо мы подчиним своему контролю и учету этого мелкого буржуа... либо он скинет нашу рабочую власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Кавеньяки, именно на этой мелко-собственнической почве и произрастающие. Так стоит вопрос. Только так стоит вопрос» (Ленин. Собр. соч. Т. XVIII. Ч. 1. С. 205).

Е.А. Преображенский

На документе стоит штамп: «Рассмотрено в заседании Секретариата ЦК РКП(б) от 26/XI 1926 г. (пр. № 72, п. 3)».

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 244. Л. 53–54.

Копия. Машинопись.

Обложка книги
Е.А. Преображенского «Новая
экономика». 1926 г.

В. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

33.032
П72

НОВАЯ ЭКОНОМИКА

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

1 9 2 6
ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
МОСКВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
СЕКЦИЯ ЭКОНОМИКИ

Е. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

НОВАЯ ЭКОНОМИКА

ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
СОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВА

ТОМ ПЕРВЫЙ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ЦГА СССР
№. № 02492

ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА 1926

Титульный лист
книги Е.А. Преображенского
«Новая экономика». 1926 г.

ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ЦГА СССР
Инв. № Ж 3640

КНИГА
XIII

~~Инв. № 436847~~

1925

335.5.
5-49

L55306.

БОЛЬШЕВИК

№

31 АВГУСТА

15—16

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
Передовая.—Куда направлен огонь оппозиции?	3	Гольденберг, Э.—Ответ т.Преображенскому.	84
Тальгеймер, А.—Крестьянский вопрос в Австрии и аграрная программа австрийской С.д.	12		
Беннет.—Отчет Генерального совета о всеобщей забастовке.	26	Критика и библиография.	
Гордеев, Г.—Фермерское движение в Соединенных Штатах.	40	Вержбловский, Дм.—По страницам с.-д. журналов . . .	96
Белкин, Г.—К характеристике современного «кустаря» . . .	53	Слепков, А.—О Стокгольмском съезде РСДРП.	103
Преображенский, В.—Экономические заметки	68	Кузьмин, В.—М. Кантор. «Основы кооперативной политики ВКП(б)»	108

1 9 2 6
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«П Р А В Д А»

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

520-24

МОСКВА
КРЕМЛЬ.

ПЕТРОГРАД
СМОЛЬНЫЙ.

20

Обложка журнала «Коммунистический интернационал». 1922 г.

Том II

**[КОНКРЕТНЫЙ АНАЛИЗ
СОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВА]**

ЧАСТЬ 1

[ПРОБЛЕМА ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАВНОВЕСИЯ]

[ПРЕДИСЛОВИЕ]

ПРОБЛЕМА ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАВНОВЕСИЯ ПРИ КОНКРЕТНОМ КАПИТАЛИЗМЕ И В СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЕ*

Во втором томе «Капитала» Маркс сначала дает анализ простого воспроизводства при чистом капитализме, т.е. при такой системе хозяйства, когда капитализм подчинил себе и промышленность, и земледелие, вытеснил все докапиталистические формы и стал не господствующей только, а единственной формой производства в обществе. Анализируя условия равновесия именно чистого, абстрактного капитализма, Маркс в этой области исследования применял свой обычный методологический прием, которого он держался во всех своих экономических трудах. Начал же он именно с простого воспроизводства потому, что при простом воспроизводстве равновесие между отраслями производства средств производства и производства средств потребления теоретически фотографируется с наибольшей отчетливостью, ибо здесь равновесие в обмене ценностей принимает форму математического равенства.

Выяснив на анализе простого воспроизводства, которое в реальной жизни может существовать лишь как исключение, самую важную часть проблемы, а именно равновесие между обменом средств производства из первого подразделения на средства потребления из второго, что в ценностном отношении означает обмен без остатков $m + v^{**}$ первого подразделения на c второго подразделения, Маркс приступает далее к гораздо более сложной проблеме расширенного производства при чистом капитализме, когда вся система находится в движении и когда теоретически мыслимых и фактически наблюдающихся возможностей диспропорции несравненно больше, чем при простом воспроизводстве. При том же самом размере капитала в обществе и при тех же прочих равных условиях (органический состав капитала, уровень эксплуатации) здесь необходима уже совершенно иная расстановка производительных сил. Она должна, кроме того, меняться еще при малейшем колебании в ту или иную сторону самого темпа накопления. Сокращающийся темп накопления, тот же темп накопления или растущий темп накопления требуют особых пропорций в распределении капитала за счет перегруппировок и изменений в других условиях воспроизводства.

Но в своем анализе простого и расширенного воспроизводства Маркс, как известно, нигде не покидает почвы чистого капитализма. Между тем экономисту, при исследовании реального капитализма и условий его равновесия, приходится применять научные открытия Маркса в условиях переплетения капиталистического воспроизводства с вос-

* Глава из второго тома работы «Новая экономика». (Опубликована в журнале «Вестник Коммунистической академии» № 17–18 за 1926 г.)

** Здесь и далее Е.А. Преображенский применяет символы (латинские буквы – строчные и прописные), используемые К. Марксом в «Капитале».

производством в простом товарном хозяйстве. Это, с одной стороны, несомненно усложняет всю проблему, поскольку при таком исследовании приходится ввести, кроме Марксовых, еще два подразделения для докапиталистических форм хозяйства и рассматривать условия равновесия между четырьмя рядами цифр. Но, с другой стороны, анализ смешанного капиталистического и докапиталистического воспроизводства встречается и с некоторым упрощением проблемы, поскольку, например, при *простом воспроизводстве* в мелкобуржуазном секторе хозяйства весь продукт делится только на две части, т.е. на потребляемый доход самих мелких производителей, с одной стороны, и на возмещаемую часть постоянного капитала¹ — с другой. Наоборот, при расширенном воспроизводстве в простом товарном хозяйстве анализ снова усложняется, поскольку здесь нельзя оставаться на базе известного постоянного постоянства ценности рабочей силы, ибо прибавочный продукт мелкого производства может идти не только на расширение производства, но и на расширение потребления самих самостоятельных производителей в размерах, лишь косвенно регулируемых законом ценности рабочей силы, равно как и недопотребление может далеко опускаться вниз от уровня средней заработной платы рабочих.

Разумеется, и при анализе воспроизводства конкретного капитализма мы не можем сделать ни одного шага, не опираясь на данный Марксом анализ воспроизводства при чистом капитализме. А с другой стороны, без анализа равновесия при конкретном капитализме, т.е. без анализа равновесия между капиталистическим и мелким самостоятельным товарным производством, нам будет очень трудно изучить равновесие в хозяйственной системе СССР, где в условиях товарного обмена переплетаются три формы воспроизводства: простое товарное хозяйство, капитализм и государственное хозяйство пролетариата. Конкретный опыт изучения равновесия в нашей системе хозяйства приводит к убеждению, что к решению проблемы легче всего подойти после исследования более простых форм равновесия в смешанном капиталистическом хозяйстве. Это требуется не педагогическими соображениями только, не соображениями удобства изложения, но и существом самого вопроса.

В теоретической части настоящей темы мы рассмотрим пять основных проблем: 1) проблему простого воспроизводства при смешанной экономике капитализма и простого товарного производства; 2) расширенное воспроизводство при чистом капитализме в условиях роста органического состава капитала; 3) расширенное воспроизводство *при конкретном* капитализме, т.е. в условиях переплетения капиталистического производства с мелкобуржуазным; 4) снижающееся воспроизводство в условиях той же экономики; 5) равновесие при расширенном воспроизводстве в хозяйстве СССР.

Я намерен остановиться на четырех первых вопросах лишь в самых общих чертах, отнюдь не претендуя затронуть всю массу возникающих при этом интересных проблем, потому что конечной целью исследования остается чисто конкретный анализ живой и развивающейся советской экономики, со всеми относящимися сюда конкретными фактами и цифрами.

[ГЛАВА 1]

[ХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАВНОВЕСИЕ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ]

Простое воспроизводство при смешанной экономике капитализма и простого товарного производства

Прежде чем приступить к исследованию этой проблемы, сделаем пару методологических замечаний.

При анализе проблемы пропорциональности при простом воспроизводстве в чистом капитализме Маркс оперирует двумя подразделениями: первым – для производства средств производства, вторым – для производства средств потребления. Необходимо ли для анализа пропорциональности при смешанной форме вводить новые подразделения, т.е. подразделения для сектора простого товарного производства?

На этот вопрос необходимо ответить положительно – и вот почему. Если бы можно было производство средств производства в мелкобуржуазном хозяйстве просто присоединить к первому подразделению капиталистического сектора, а производство средств потребления – ко второму подразделению этого сектора, то это предполагало бы заранее, что вся смешанная форма, с точки зрения условий равновесия, не представляет ничего нового в сравнении с условиями равновесия, уже анализированными Марксом. Мы имели бы тогда перед собой простое арифметическое увеличение обоих подразделений, при сохранении условий равновесия, обязательных для простого капиталистического воспроизводства. Однако такая предпосылка является неправильной.

Во-первых, при простом капиталистическом воспроизводстве валовой годовой продукт делится на $C + V + M$, т.е. на возмещаемый постоянный капитал, заработную плату и прибавочную ценность, тогда как в мелкобуржуазном секторе при простом воспроизводстве годовой продукт делится лишь на постоянный капитал и на потребляемый доход мелких производителей. Этот доход лишь условно можно называть V , потому что этот доход не регулируется полностью законом ценности рабочей силы. Таким образом, прибавочной ценности, потребляемой капиталистами, не соответствует соответствующая величина в схемах мелкого производства, а противопоставление V капиталистического сектора потребляемому доходу мелких производителей также является условным. Это обстоятельство, вместе с отмеченными выше особенностями фонда потребления мелких производителей, оказывает существенное влияние на всю совокупность условий равновесия в смешанной форме хозяйства в целом. Мы не говорим уже о тех изменениях, которые связаны с тем обстоятельством, что мелкое производство обыкновенно не является полностью и целиком товарным производством; оно часто не порвало еще в

конкретной экономике с пуповиной натурального хозяйства. Для конкретного исследования это имеет огромное значение, хотя здесь, в данной стадии этого исследования, мы исходим из предпосылки, что дело идет о мелком производстве, полностью работающем на рынок, с подчинением процесса производства и обмена, поскольку он увязан с рынком, закону ценности.

Надо иметь в виду также и резкое различие между органическим составом капитала капиталистического сектора и тем соотношением между постоянным капиталом (в условном смысле) и V (в условном смысле) простого товарного производства; при господствующей роли крупного производства в конкурирующих областях это делает неизбежным неэквивалентный обмен с точки зрения затрат труда в мелком производстве.

Далее, только при построении параллельных схем для капиталистического, с одной стороны, и простого товарного производства – с другой, можно лучше уяснить себе все процессы, связанные с расширенным воспроизводством смешанной системы, динамику вытеснения мелкого производства крупным при сохранении подвижного равновесия во всей экономике, а с другой стороны, можно легче подойти к основным закономерностям снижающегося воспроизводства.

Можно было бы, казалось, упростить все исследование, вводя в анализ только ту часть товарной продукции мелкого производства, которая участвует в обмене ценностей с капиталистическим сектором хозяйства, потребление же в натуральной форме и внутренний обмен в секторе мелкого производства оставить без рассмотрения. Но это упрощение, неудобное для анализа смешанной системы с огромным преобладанием мелкого производства, во всех остальных случаях означало бы отказ от исследования ближайших причин, которые определяют рост или ослабление связи мелкого производства с капиталистическим, отказ исследовать более глубоко условия пропорциональности во всей системе хозяйства, и в особенности предпосылки диспропорции, которые прорываются в реальной экономике на поверхность лишь в результате ряда новых явлений не только в капиталистическом, но и мелкобуржуазном секторе хозяйства.

Наконец, надо иметь в виду при анализе равновесия при реальном капитализме в условиях и простого и расширенного воспроизводства еще следующее существенное обстоятельство. В своем анализе этого процесса Маркс исходил из предпосылки, что «отклонение цен от стоимостей... не может оказать какого-либо влияния на движение общественного капитала. При этом обменивались бы в общем итоге прежние количества продуктов, хотя отдельным капиталистам при этом достались бы доли стоимости, уже непропорциональные их соответственным авансированиям и тем массам прибавочной стоимости, которые произведены каждым из них в отдельности»². Это предположение Маркса совершенно правильно, поскольку дело идет о замкнутом круге чистого капитализма; наоборот, когда дело идет об обмене веществ между капиталистическим и мелкобуржуазным секторами хозяйства, то вопрос об отклонении цен от ценностей, прежде всего вопрос о систематическом отставании цен на продукцию мелкого производства в сравнении с реальными трудовыми затратами в нем, как и вопрос о конъюнктурных изменениях в этой сфере, имеет уже совсем иное значение. Здесь дело идет не о перераспределении внутри одного сектора, а о перераспределении между двумя секторами, представляющими исторически и экономически два различных типа организации человеческого труда. Здесь нельзя уже обойтись при конкретном анализе без исследования отклонения цен от ценностей. В этом новое различие в методе анализа равновесия при конкретном и при абстрактном капитализме.

Возьмем сначала Марксову схему простого воспроизводства при чистом капитализме и затем превратим ее в схему воспроизводства при конкретном капитализме.

Во втором томе «Капитала» Маркс говорит:

«Весь продукт, а следовательно, и все производство общества распадается на два больших подразделения: 1) средства производства, товары, имеющие форму, в которой они должны войти или по меньшей мере могут войти в сферу производительного потребления; 2) средства потребления, товары, имеющие форму, в которой они входят в сферу индивидуального потребления класса капиталистов и рабочего класса.

В каждом из этих подразделений совокупность различных, относящихся к тому или иному из них, отраслей производства составляет одну единственную большую отрасль производства: в одном случае отрасль производства средств производства, в другом – средств потребления. Весь капитал, применяемый в каждой из этих двух отраслей производства, образует особое крупное подразделение общественного капитала»³.

В качестве цифрового примера Маркс берет следующие величины прилагаемого капитала и годового воспроизводства:

$$I) 4000 c + 1000 v + 1000 m = 6000 \text{ средств производства}$$

$$II) 2000 c + 500 v + 500 m = 3000 \text{ средств потребления}$$

Следовательно, в этой схеме прилагаемый капитал в первом подразделении равен $4000 c$, т.е. постоянного капитала, плюс $1000 V$, т.е. переменного капитала, идущего на заработную плату. Во втором подразделении применяемый капитал равен $2000 c + 500 v$.

Новый продукт с точки зрения класса капиталистов равен всей прибавочной ценности, т.е. $1000 + 500$.

Новый продукт с точки зрения общества равен 3000 и составляет фонд потребления капиталистов 1500 и фонд потребления рабочих 1500 .

Основная закономерность, открытая Марксом при анализе простого воспроизводства и составляющая его величайшую теоретическую заслугу, состоит в том, что равновесие при простом воспроизводстве, т.е. когда весь новый продукт потребляется целиком и накопление не имеет места, требует равенства $v + m$ первого подразделения с C второго подразделения. Это значит, что та часть годового продукта первого подразделения, которая по ценности равна $V + M$ этого подразделения, а в своей вещественной форме состоит из различного вида средств производства (машины, сырье, топливо, идущие на производительное потребление и т.д.), должна непременно равняться C второго подразделения, т.е. ценности тех средств потребления, которые второе подразделение продает первому, давая тем возможность первому на ту же сумму продать второму подразделению средства производства, идущие на возмещение $c II$.

Предположим теперь, что мы имеем дело не с чистым капитализмом, а с капитализмом конкретным, т.е. что часть товаров в обществе производится в условиях простого товарного хозяйства. Предположим далее, что валовой продукт сектора мелкого производства равен валовому продукту капиталистического сектора, но, разумеется, при ином ценностном соотношении между воспроизводимыми средствами производства и потребляемой частью валового продукта, потому что здесь условно называемый нами постоянный капитал вследствие низкого уровня техники должен быть относительно, а при взятых цифрах, и абсолютно меньше, чем в капиталистическом секторе. Наконец, мы должны, разумеется, предположить, что сектор простого товарного производства находится в состоянии непрерывного обмена веществ с капиталистическим сектором по линии обмена средствами потребления, что соответствует, как правило, типичным внутрихозяйственным отношениям реального капитализма там, где мелкое производство полностью подчинено рыночным отношениям.

экономики, то, оставаясь на почве арифметических цифр Марксовой схемы для первого подразделения, приходится непременно изменить их для второго. Если же оставаться на почве цифр второго, то надо изменить размер производств в первом, что, разумеется, соответствует, как это будет видно ниже, другой технической структуре всей экономики общества.

Но если в IK размеры $M + V$, представляющие из себя в вещественном отношении средства производства, не могут полностью обменяться на $С II$, т.е. на предметы потребления второго подразделения капиталистического сектора, идущие на возмещение постоянного капитала в IK , то равновесие может быть установлено лишь привлечением к обмену $II D$. Иными словами, первое подразделение капиталистического сектора сбывает средства производства не только в II своего же сектора, но и в $II D$, т.е. в данном случае, например, в крестьянское хозяйство, производящее средства потребления, и в свою очередь дает этому крестьянскому хозяйству ту часть средств производства, например сельскохозяйственных машин, искусственных удобрений и т.д., которыми не может его снабдить полностью мелкобуржуазное подразделение средств производства.

Совершенно так же, как увидим ниже, будет обстоять дело в смысле установления равновесия, если не $M + VI$, а $С II$ не сможет полностью обменяться на $M + VI$ и дефицит на средства производства будет покрывать из реализуемого дохода ID , имеющего натуральную форму средств производства мелкобуржуазного происхождения (допустим, крестьянское сырье, как лен, хлопок, кожи, как мелкий ремесленный ремонт и т.д.), давая в обмен средства потребления фабричного производства (допустим, мануфактуру, сахар и т.д.).

Что касается неизбежности равенства для всего хозяйства обменных пропорций между той частью производства средств производства обоих секторов, которые обмениваются на средства потребления обоих вторых подразделений и между ценностью восстанавливаемого постоянного капитала обоих вторых подразделений, то это равенство в условиях простого воспроизводства является обязательным для всякого хозяйства с рыночной системой обмена, является ли оно мелкобуржуазно-капиталистическим или представляет из себя смешанную товарно-социалистическую систему хозяйства нашего типа. Нарушение равенства при обмене указанных величин неизбежно будет обозначать либо недопотребление, либо неполное воспроизводство постоянного капитала, т.е. как раз нарушение основного условия простого воспроизводства.

Однако при наличии смешанного хозяйства особое значение приобретает та часть мелкобуржуазного сектора, которая менее всего увязана в железные тиски пропорциональности всего общественного хозяйства: мы говорим о фонде потребления во втором подразделении мелкобуржуазного сектора. Собственно особенность этой части продукта, с точки зрения более слабой ее зависимости от обмена веществ во всем хозяйстве, ясна уже из Марксовых схем простого воспроизводства, но только во втором подразделении мелкобуржуазного сектора эта особенность наиболее заметна.

В самом деле, $500 V + 500 M$ во втором подразделении у Маркса, это та часть средств потребления, которая создается в этом подразделении и в нем же потребляется. Если мы предположим, что при том же размере $С II$, т.е. при 2000, вследствие неурожая в капиталистическом земледелии общая сумма годового производства средств потребления снижается с 3000 до 2800, то это должно привести либо к уменьшению $500 M$ до $300 M$, либо к снижению и M и V в той или иной пропорции. В этом случае пропорциональная увязка между вторым и первым подразделениями не будет нарушена, раз товары второго подразделения будут расцениваться по стоимости производства типичного среднего года, а не по трудовым затратам на единицу продукта данного исключительного года. Однако снизить $500 V$ до $400 V$ весьма трудно потому, что в капиталистическом производстве фонд заработной платы имеет тенденцию колебаться вокруг стоимости рабочей силы во

всей экономике и снижение должно, при прочих равных условиях, сильно ударить по M . Наоборот, в случае снижения $M + V$ в первом подразделении и при сохранении старого размера CI мы будем иметь не просто только снижение потребления в первом подразделении, но и невозможность воспроизвести полностью CI , т.е. постоянный капитал второго подразделения, который может обменяться только на V и потребляемую капиталистами прибавочную ценность первого подразделения.

Если же мы возьмем фонд потребления $II D$, т.е. второе подразделение мелкобуржуазного сектора, то в случае недопроизводства во всем $II D$, но при сохранении старых размеров воспроизводства средств производства фонд потребления может сжиматься без нарушения равновесия во всей системе точно так же, как и при расширении производства, допустим в результате хорошего урожая на крестьянских полях, фонд потребления может повыситься. И в том и в другом случае отклонения при известных условиях могут быть или ликвидированы, или смягчены путем перегруппировки между личным и производительным потреблением внутри самого подразделения II .

Совсем другое положение создается при недопроизводстве в первом подразделении и капиталистического, и мелкобуржуазного секторов, если мы, как и в первом случае, предполагаем, что воспроизводство постоянного капитала в KI и в DI остается прежним. Тогда, если вместо $1000 V + 1000 M$ мы имеем, допустим, $900 V + 900 M$ или $1000 V + 800 M$, то дефицит на сумму 200, являющийся материально дефицитом на средства производства, приведет к невозможности воспроизвести на 200 постоянный капитал второго подразделения.

То же будет и при сокращении фонда потребления в первом подразделении мелкобуржуазного сектора. Здесь диспропорция не может быть ликвидирована внутри данного подразделения, она неизбежно переносится на CI обоих секторов и тем самым должна потрясти всю хозяйственную систему; мы будем иметь тогда не только недопотребление в данном году в первом подразделении, но и автоматически недопроизводство во вторых подразделениях обоих секторов вследствие сокращения постоянного капитала этих подразделений. Если практически этого можно легче избежать по отношению к той части CI , которая состоит из основного капитала, потому что основной капитал допускает часто полное его использование, без должных амортизационных затрат в данном году с тем, что дефицит будет пополнен в следующие годы (форма займа из собственного же фонда основного капитала), то по отношению к той части C , которая входит в оборотный капитал как топливо и сырье, такая операция невозможна. Впрочем, и при переносе амортизационных затрат на следующие годы диспропорция хотя и будет смягчена, но, строго говоря, условия простого воспроизводства будут все равно нарушены.

Отсюда, между прочим, читатель может видеть, почему хозяйственные диспропорции гораздо легче преодолеваются при быстром темпе расширенного воспроизводства и крайне медленно и болезненно излечиваются в том случае, если экономика страны приближается к уровню простого воспроизводства (например, современная Англия). Но к этому очень важному вопросу мы еще вернемся при анализе расширенного и снижающегося воспроизводства в конкретном капитализме.

Указанная нами неравномерность связи с целым у первого подразделения в сравнении со вторым и тот факт, что основной стержень пропорциональной зависимости в хозяйстве пролегает в области обмена средств производства на средства потребления, а не по линии внутреннего обмена в каждом подразделении, объясняют то обстоятельство, почему свой анализ капиталистического воспроизводства Маркс построил, исходя из деления применяемого совокупного общественного капитала и продукта годового производства на два вышеописанных подразделения. Разумеется, примененный Марксом метод анализа равновесия не является исчерпывающим всю проблему. Но он

является единственно целесообразным, как *фундамент* дальнейшего более детального изучения проблемы равновесия в товарном хозяйстве. Такой детальный анализ, сопровождающий исследование ценностного равновесия обмена изучением вещественной стороны товарного обмена, особенно необходим при изучении равновесия в экономике конкретной страны и / или по отношению к мировому хозяйству на определенном этапе его развития.

Из нашей схемы читатель может видеть, что обмен и внутри первого подразделения обоих секторов, и внутри второго подразделения обоих секторов ничего не меняет в пропорциональности всего хозяйственного комплекса, если дело идет об обмене равноценностей, в одном случае состоящих в натуральной форме из средств производства, во втором – из средств потребления. Если первое подразделение капиталистического сектора обменивает, допустим, на 250 своих машин на 250 сырья из первого подразделения мелкобуржуазного сектора, то ценностная пропорциональность обмена во всем комплексе не будет нарушена, если будет обменено 300 на 300 или 350 на 350. Так же обстоит дело и при взаимном обмене средств потребления одинаковой ценности между вторыми подразделениями капиталистического и мелкобуржуазного секторов. Здесь мы имеем примерно тот случай, который дополнительно анализировал Маркс, занявшись проблемой распределения средств потребления между капиталистами и рабочими первого и второго подразделений с точки зрения деления всего фонда потребления на необходимые средства потребления и на предметы роскоши. Этот анализ показал, что различные пропорции обмена внутри общего фонда потребления не влияют на пропорциональность во всем хозяйстве, с точки зрения обмена ценностей между первым и вторым подразделениями. Дело изменится лишь в том случае, если обмен не будет эквивалентным и разница по балансу обмена должна будет изменить пропорции в обмене ценностей между двумя разными подразделениями.

Но так обстоит дело при *ценностном* анализе пропорциональности. Когда же мы имеем дело с анализом натурального состава товаров, вступающих в обмен, то даже и в первом случае на сцену выступает пропорциональность другого типа, а именно пропорциональность *вещественного* состава обмена. Это должно необычайно усложнить изучение конкретной экономики данной страны или всего мирового хозяйства, хотя без такого детального анализа на известной стадии их исследования обойтись невозможно.

Наконец, к числу наиболее очевидных закономерностей обмена между капиталистическим и мелкобуржуазными секторами в условиях простого воспроизводства относится тот факт, что итоговые суммы ценностей, идущих из первого сектора во второй и обратно, должны быть равны между собой. В данном случае 1750 равняется 1750. Неравенство по балансу обмена в этом случае неизбежно означало бы невозможность полностью обменять друг на друга все подлежащие обмену элементы, что привело бы в дальнейшем к недопроизводству, недопотреблению, а тем самым к нарушению самого принципа простого воспроизводства.

Выше, в нашей схеме конкретного капитализма, мы имели недопроизводство средств потребления в капиталистическом секторе на 750, что при наличии мелкобуржуазного сектора означало возможность достижения пропорциональности путем обмена лишних средств производства первого подразделения капиталистического сектора на соответствующую сумму средств потребления из второго подразделения мелкобуржуазного сектора и соответствующее разбухание этого второго подразделения за пределы необходимого для самого мелкобуржуазного сектора. Совсем обратное положение мы получим, если будем иметь в капиталистическом секторе не перепроизводство средств производства при дефиците на средства потребления, а недопроизводство средств производства при перепроизводстве средств потребления. В этом случае постоянный капитал второго подразделения капиталистического сектора не может быть полностью возмещен из

$M+V$ первого подразделения, и дефицит должен быть покрыт из первого подразделения мелкобуржуазного сектора. В связи с этим и в мелкобуржуазном секторе должно произойти изменение в распределении производительных сил: производство в первом подразделении должно расшириться, во втором – сократиться.

Для иллюстрации этого процесса мы приведем здесь схему, где, по сравнению с Марксовой схемой, уменьшено производство в IK , в то время как производство в IIK остается прежним. Вот эта схема, к которой мы прилагаем и первую схему, но без внутреннего обмена между аналогичными подразделениями обоих секторов:

Новая схема

$$IK \ 3500 \ c + 875 \ v + 875 \ m = 5250$$

$$IIK \ 2000 \ c + 500 \ v + 500 \ m = 3000$$

$$8250$$

$$ID \ 1000 \ c + 2000 \ \text{фонд потребления} = 3000$$

$$IID \ 1750 \ c + 3500 \ \text{фонд потребления} = 5250$$

$$8250$$

Прежняя схема

$$IK \ 4000 \ c + 1000 \ v + 1000 \ m = 6000$$

$$IIK \ 1500 \ c + 375 \ v + 375 \ m = 2250$$

$$8250$$

$$ID \ 750 \ c + 1500 \ \text{фонд потребления} = 2250$$

$$IID \ 2000 \ c + 4000 \ \text{фонд потребления} = 6000$$

$$8250$$

Сравнивая помещенную здесь в начале схему со второй схемой мы видим, как рост производства средств производства и сокращение производства средств потребления в капиталистическом секторе вызывают, при прочих равных условиях, сокращение производства средств потребления в мелкобуржуазном секторе и рост его первого подразделения.

Исторически, как мы увидим ниже, при развитии капитализма реальное движение шло иначе, а именно: рост первого подразделения капиталистического сектора, т.е. капиталистическое производство машин, топлива, сырья и т.д., идет вместе с развитием капиталистического производства средств потребления, но при этом первое подразделение вследствие повышения органического состава капитала растет быстрее второго, в то время как накопление во втором имеет тенденцию расти быстрее. При этом роль мелкобуржуазного производства в экономике общества неуклонно сокращается отчасти абсолютно, и в гораздо большей степени относительно.

В самом деле, если мы возьмем первую приведенную здесь схему капиталистического сектора и сравним ее с соответствующей схемой чистого капитализма, в которой подразделение второе остается тем же, но растет производство средств производства, т.е. сравним ее со схемой:

$$I \ 4000 \ c + 1000 \ v + 1000 \ m$$

$$II \ 2000 \ c + 500 \ v + 400 \ m,$$

то мы увидим, что здесь дефицит второго подразделения на $500 \ C$ покрывается развитием капиталистического производства средств производства, т.е. капитализм обходится без обмена между средствами потребления своего второго подразделения на

постоянный капитал, производимый в первом подразделении мелкобуржуазного сектора. Это значит, что капиталистический сектор сам покрывает свой дефицит на средства производства, ликвидируя свою экономическую зависимость от мелкобуржуазного сектора⁵.

И наоборот, сравнивая вторую схему, имеющую дефицит на средства потребления, со схемой Маркса, мы видим, что в схеме Маркса капитализм достигает равновесия замкнутого круга путем такого развития капиталистического производства средств потребления, которое обеспечивает первому подразделению и средства потребления в нужном размере, и рынок для сбыта средств производства внутри самого капитализма.

Исторически дело шло, разумеется, путем одновременного развертывания и той, и другой тенденций. Охват капиталистическим производством области изготовления средств потребления увеличивает капиталистическое предложение этих средств потребления, а неизбежное при этом развитие *С II* создает рынок для первого подразделения, прежде всего для тяжелой капиталистической промышленности.

Расширенное воспроизводство при чистом капитализме

Переходим теперь к более сложной, но в то же время более интересной теме, т.е. к проблеме пропорциональности при расширенном воспроизводстве. Прежде чем прямо перейти к анализу пропорциональности при реальном капитализме, нам приходится остановиться на исследовании расширенного воспроизводства при чистом капитализме, поскольку у Маркса все исследование этой проблемы обрывается на том месте, где продолжение его является абсолютно необходимым для понимания равновесия в экономике реального капитализма.

У Маркса анализ расширенного воспроизводства при чистом капитализме был выполнен лишь в основном, но не был закончен, поскольку все его схемы расширенного воспроизводства исходят из неизменности органического состава капитала в первом и втором подразделениях, т.е. исходят из раз данного уровня техники. Между тем даже весьма абстрактный анализ чистого капитализма требует отображения в схемах равновесия процесса повышения уровня техники, что означает постоянное изменение органического состава капитала и в первом, и во втором подразделениях, т.е. относительное сокращение переменного капитала в сравнении с постоянным, при абсолютном увеличении и переменного, и постоянного капиталов.

Чтобы показать, почему при анализе равновесия в развивающемся конкретном капитализме мы не можем исходить из двух только подразделений капиталистического сектора, мы привели выше схему смешанного мелкобуржуазно-капиталистического производства. Теперь нам придется показать, почему является необходимым построить на других основаниях также и те схемы, которые относятся к проблеме равновесия чистого капитализма при расширенном воспроизводстве, но в условиях непрерывного изменения органического состава капитала.

Вот схема расширенного воспроизводства на пять лет, наиболее разработанная Марксом.

Исходная схема накопления характеризуется следующими цифрами:

$$\begin{aligned} I & 4000 c + 1000 v + 1000 m = 6000 \\ II & 1500 c + 750 v + 750 m = 3000 \\ & 9000 \end{aligned}$$

В результате перестановок применительно к задачам расширенного воспроизводства Маркс строит для начала первого операционного года следующую схему:

1-й год в начале

$$I 4400 c + 1100 v + 500 (\text{фонд потребл.}) = 6000$$

$$II 1600 c + 800 v + 600 (\text{фонд потребл.}) = \underline{3000}$$

Сумма 9000

1-й год в конце

$$I 4400 c + 1100 v + 1100 m = 6600$$

$$II 1600 c + 800 v + 800 m = 3200$$

9800

2-й год в конце

$$I 4840 c + 1210 v + 1210 m = 7260$$

$$II 1760 c + 880 v + 880 m = \underline{3520}$$

10 780

3-й год в конце

$$I 5324 c + 1331 v + 1331 m = 7986$$

$$II 1936 c + 968 v + 968 m = 3872$$

11 858

4-й год в конце

$$I 5856 c + 1464 v + 1464 m = 8784$$

$$II 2129 c + 1065 v + 1065 m = 4249$$

13 033

5-й год в конце

$$I 6442 c + 1610 v + 1610 m = 9662$$

$$II 2342 c + 1172 v + 1172 m = 4686$$

Сумма 14 348

Уже при беглом взгляде на эту схему читатель видит, что равновесие в Марксовых схемах достигается следующим образом. Для обоих подразделений Маркс оставляет неизменным соотношение между переменным и постоянным капиталом, т.е. оставляет неизменным органический состав капитала. Он далее оставляет неизменным уровень накопления в первом подразделении, принимая его равным половине всей прибавочной ценности этого подразделения. Зато для достижения равновесия при обмене возрастающего в этих условиях v и возрастающей половины m первого подразделения, идущей на потребление класса капиталистов, он вынужден накопление $C II$ приспособлять к этим величинам. Он вынужден поэтому маневрировать прибавочной ценностью II , оставляя для потребления капиталистам этого подразделения каждый раз такую величину, чтобы другая часть m , идущая в накопление, обеспечивала пропорциональный обмен возрастающего $C II$ на возрастающее $V + \frac{m}{2}$ плюс ежегодное возрастание v во втором подразделении. Совершенно очевидно, что при таком расположении величин числовая схема Маркса не только вскрывает основные закономерности расширенного воспроизводства при чистом капитализме, при условии неизменности органического состава капитала, но и вскрывает, если можно так выразиться, арифметические закономерности самого числового примера.

В самом деле, равновесие, при сохранении вначале того же размера всего применяемого капитала и при сохранении того же органического состава капитала, может быть достигнуто и как раз обратным приемом. Можно неподвижной осью избрать не первое, а второе подразделение. Можно именно во втором подразделении всегда отделять в накопление постоянный процент, в данном случае половину прибавочной ценности, а прибавочную ценность первого подразделения иметь в качестве фонда маневрирования. Что это так, можно видеть на той же исходной цифровой схеме Маркса, если при перегруппировке капитала в начале нового операционного года за основу взять накопление половины прибавочной ценности не в первом, а во втором подразделении. Капитал в начале операционного года будет тогда распределен так:

$$I \ 4250 \ c + 1062 \ v + 688 \ \text{фонд потребления}^6$$

$$II \ 1750 \ c + 875 \ v + 375 \ \text{фонд потребления}$$

А в конце года будет получено:

$$I \ 4250 \ c + 1062 \ v + 1062 \ m$$

$$II \ 1750 \ c + 875 \ v + 875 \ m$$

И так далее.

Отсюда мы видим, что равновесие на основе неизменности накопления половины прибавочной ценности во II достигается тем, что капиталисты первого подразделения вынуждены больше потреблять и меньше накапливать, чтобы второе подразделение имело рынок для сбыта предметов потребления и возможность накопления $C \ II$ в таком размере, в каком этого требует пропорция накопления во II. Положение здесь создается обратное тому, что мы имеем в Марксовой системе. В последней капиталисты второго подразделения накапливают меньше, чем потребляют, и этим обеспечивают возможность накопления половины m в первом подразделении. В нашей же схеме, наоборот, капиталисты первого подразделения потребляют больше, чтобы обеспечить накопление половины $M \ II$.

Совершенно очевидно, почему Маркс, при своих числовых примерах, неподвижной осью избирает первое подразделение, а не второе. Если приведенную здесь нами схему развить дальше на несколько лет вперед, то систематическое недонакопление в первом подразделении и более быстрое накопление во втором вследствие более низкого строения капитала во втором скоро должно будет поставить преграду для накопления во втором подразделении, тогда как в схемах Маркса равновесие может длиться в течение большего количества лет. Но зато Марксу приходится мириться с различными размерами потребления в первом подразделении в сравнении со вторым, вследствие чего через пять лет потребляемая прибавочная ценность в первом подразделении возрастет на 46,4%, тогда как во втором подразделении – на 79%. И в том, и в другом случаях и первое, и второе подразделения будут потреблять и накапливать в разных пропорциях, что, вообще говоря, при капитализме с его нивелирующими тенденциями не может иметь места.

Но ни та, ни другая схемы не годятся также для иллюстрации капиталистического воспроизводства в условиях повышения органического состава капитала, следовательно, в условиях систематического вытеснения рабочих машиной, в условиях, когда хотя в абсолютных цифрах v растет и в первом, и во втором подразделениях, но растет при постоянном нарастании более быстрым темпом постоянного капитала обоих подразделений.

В самом деле, если взять Марксову схему первого года и предположить, что вследствие роста органического состава капитала $c \ I = 4450$ и $v \ I = 1050$, т.е. что машина вытесняет часть рабочих, которые были бы наняты при неизменности органического со-

става капитала, то это немедленно должно вызвать нарушение равновесия и именно в том смысле, что относительно спрос первого подразделения на предметы потребления сократится в том размере, в каком часть добавочного капитала, которая пошла бы при неизменности органического состава капитала на увеличение v в размере 100, пойдет теперь на увеличение $C II$ только на 50. Тем самым, во-первых, второе подразделение стоит перед сокращением своего рынка в первом подразделении, а во-вторых, оно не в состоянии получить из первого подразделения нужные ему добавочные средства производства в соответствующей пропорции: если первое подразделение увеличивает на 50 из своей прибавочной ценности свой постоянный капитал, то второе подразделение недополучит средств производства на соответствующую сумму для увеличения своего постоянного капитала.

Если же органический состав капитала в первом подразделении остается неизменным, но меняется во втором, т.е., что отношение c к v во втором подразделении растет, то это будет означать, при прочих равных условиях, возрастание $C II$ за пределы возможности пропорционального обмена $C II$ на $v + \frac{m}{2}$ первого подразделения. Следовательно, спрос на средства производства, предъявляемые со стороны второго подразделения к первому, не будет полностью удовлетворен, что означает одновременно невозможность пропорционального увеличения емкости рынка в первом подразделении на предметы потребления, продаваемые вторым подразделением в первое.

Наконец, если органический состав капитала повышается сразу в обоих подразделениях, т.е. и здесь и там увеличивается спрос на средства производства, то это будет означать нарушение равновесия с двух концов сразу. В первом подразделении $v + \frac{m}{2}$ хотя и будет расти, но будет расти медленнее, чем в схемах Маркса, исходящих из неизменности органического состава капитала, в то время как $C II$ будет расти быстрее вследствие систематического нарастания темпа увеличения c в сравнении с темпом увеличения v , если условия потребления капиталистов и в первом, и во втором будут одинаковыми. Иными словами, тот канал пропорциональности, тот проход между Цицллой и Харибдой, через который надо протащить в первое подразделение $C II$, будет относительно суживаться со стороны $v + \frac{m}{2}$ первого подразделения (хотя может абсолютно расти), тогда как груз $C II$ будет и относительно, и абсолютно расти при одновременном росте относительно и абсолютно $C I$.

Маркс не закончил своего исследования расширенного воспроизводства при чистом капитализме. Установив закон пропорциональности для простого воспроизводства, он обеспечил возможность анализа расширенного воспроизводства. Но расширенное воспроизводство он рассмотрел лишь в условиях неизменности органического состава капитала и без перенесения капитала из одного подразделения в другое. При продолжении своей работы он должен был неизбежно ввести и это новое осложняющее условие, без которого научный анализ проблемы остается незавершенным, хотя все данные для ее разрешения уже даны⁷.

Таким образом, мы видим, что взятый Марксом в качестве исходного пункта числовой пример для расширенного воспроизводства не годится для иллюстрации этого процесса в условиях повышения органического состава капитала. Но из сказанного уже можно видеть, в каком направлении необходимо сделать изменения в расстановке отдельных частей капитала, а также и в других условиях задачи.

Если мы будем исходить из того, что органический состав капитала повышается и в том, и в другом подразделении, то это будет означать: 1) относительное и абсолютное возрастание $C II$, т.е. больший, чем при неизменности органического состава капитала, спрос второго подразделения на средства производства, изготовляемые в первом подразделении; 2) относительное сокращение $V + \frac{M}{x}$ первого подразделения (y Маркса $\frac{M}{2}$). Надо, следовательно, нарастание $C II$, увеличивающееся и вследствие накопления, и на

ту дополнительную сумму, которая связана с повышением техники и ростом C в отношении к V , обеспечить соответствующим нарастанием $V + M/x I$, т.е. ростом потребительского фонда I , имеющего до обмена на $C II$ натуральную форму средств производства (машин, топлива, сырья) и идущего в обмен на возрастающий $C II$, имеющий до обмена натуральную форму средств потребления, производимых во втором подразделении. При условии общего роста производства в обоих подразделениях, при условии общего увеличения вновь привлекаемой рабочей силы это может быть достигнуто лишь тем, что $V + M/x I$, сокращающееся относительно, в абсолютных цифрах растет, и растет как раз в пропорции с абсолютным ростом $C II$. Можно строить числовой пример и с другого конца, а именно, чтобы нарастание $C II$ приспособлялось к $V + M/x I$. В переводе на язык реальных экономических отношений, в первом случае мы будем исходить из того, что рост первого подразделения определяется ростом $C II$, как своей рыночной базой, и производство машин совершенствующимися машинами делается в конечном счете для увеличения и технической рационализации $C II$, т.е. для уменьшения расхода рабочей силы при выработке продуктов потребления. Во втором случае подчеркивается другая сторона процесса, а именно, что второе подразделение приспособляется к первому, приспособляется к размерам накопления в первом подразделении и не может получить на возрастание $C II$ больше, чем это обеспечивается в каждый данный момент на основе роста $C I$; иными словами, рационализация $C II$ должна иметь предпосылкой рационализацию $C I$, что вызывает необходимость определенно-го относительного сокращения V .

Но с какого бы конца мы ни подошли к проблеме, сокращение $C II$, за исключением временных колебаний и кризисов, невозможно, потому что такое сокращение противоречит самому условию проблемы: ведь $C II$ должно расти и вследствие расширения воспроизводства, и вследствие повышения органического состава капитала. Остается абсолютное увеличение $V + M/x I$, что при относительном сокращении V в сравнении с темпом нарастания $C I$ возможно лишь на основе ежегодного нарастания всей суммы общественного капитала, вложенного в средства производства, и притом возрастания, идущего более быстрым темпом, чем возрастание всего общественного капитала, и тем более капитала, вложенного в производство средств потребления.

Что это так, мы легко убедимся, если разберем всевозможные случаи изменения величины $V + M/x I$. Во-первых, надо констатировать, что перестановка величин между V и между M/x ничего не меняет для данного года⁸, поскольку сумма остается той же, между тем как все дело — именно в увеличении всей суммы в целом. Если мы предположим возможность изменения величины суммы, идущей в накопление, при том же размере капитала, вложенного в первое подразделение, а значит, изменение и суммы, идущей на потребление, то совершенно очевидно, что увеличение накопления не только не решает задачи, а, как раз наоборот, создает еще большее нарушение равновесия, ибо отнятая в данном году от M/x сумма гораздо в большей степени пойдет на увеличение $C I$, чем на увеличение $V I$.

В таком случае как будто бы решение будет заключаться в увеличении M/x за счет накопления. Иными словами, каждый год капиталисты первого подразделения относительно потребляют все больше и больше в сравнении с капиталистами второго подразделения, и каждый год деление $m I$ производится с урезыванием доли накопления. Но совершенно очевидно, что равновесие на этой основе, возможное год, два, три, в дальнейшем должно привести к такому положению, когда замедленный рост, а в дальнейшем приостановка роста $V I$ должны вызвать замедление и приостановку роста всей суммы прибавочной ценности первого подразделения, т.е. подрыв того источника, из которого вообще можно черпать и рост потребительского фонда капиталистов, и резервы для повышения органического состава капитала первого подразделения. Следова-

тельно, этот метод не дает решения задачи на длительный срок, потому что разрушает самую предпосылку решения всей проблемы.

Остается, следовательно, один-единственный выход, а именно абсолютный рост всего капитала I , более быстрый, чем во II , если только оставлять без изменения соотношение между размерами накопления и потребления капиталистов. Но при раз данных исходных величинах капитала в первом и во втором подразделениях это возможно лишь на основе перегруппировки, проводимой за счет второго подразделения. А это, в свою очередь, приводит нас к тому положению, что при сохранении того же соотношения между потребляемой и накапливаемой частями прибавочной ценности и при более низком строении органического состава капитала во втором подразделении в сравнении с первым решение всей задачи нельзя найти на основе такого расположения капитала в I и II , которое из года в год приводило бы к автоматическому установлению пропорциональности. Следовательно, само условие задачи требует систематической перекачки капитала из второго подразделения в первое.

Но, быть может, мы являемся рабами наших собственных арифметических примеров? Разве не может быть такого расположения капитала между первым и вторым подразделениями с самого начала, когда численный перевес капитала в первом подразделении настолько больше объема капитала во втором подразделении, что равновесие будет достигаться не путем перенесения капитала из второго подразделения в первое, а наоборот. С этой точки зрения в числе прочих арифметических примеров, которыми Маркс иллюстрирует свои положения о расширенном производстве при чистом капитализме, для нас имеет особый интерес последний его числовой пример, приводимый им в главе второго тома «Капитала», посвященной накоплению и расширенному воспроизводству. Этот пример отличается от предыдущих его схем тем, что органический состав капитала во втором подразделении *одинаково высок*, как и в первом подразделении. В конце третьего года Маркс получает следующую цифровую схему:

$$I \ 5869 \ c + 1173 \ v + 1173 \ m$$

$$II \ 1715 \ c + 342 \ v + 342 \ m$$

Из этой схемы читатель видит, что $v + \frac{1}{2} M$ равняется 1760, т.е. на 45 больше, чем $II \ C$. Здесь равновесие может быть достигнуто лишь перенесением средств производства из первого подразделения во второе. Но если и при этой схеме мы включим новое условие, т.е. повышение органического состава капитала в обоих подразделениях, то этот избыток в 45 может рассосаться как вследствие увеличения $C \ II$, так и вследствие относительного сокращения VI , связанного с увеличением CI в сравнении с Марксовой схемой. Через некоторое время и при данном числовом примере мы, вероятно, будем стоять перед тем же самым положением, с которым мы встретились при анализе первой схемы Маркса, т.е. опять-таки с необходимостью переносить часть излишнего капитала из второго подразделения в первое. Это тем более так, что очень трудно представить себе такие пропорции распределения капитала при расширенном воспроизводстве, когда с самого начала в первом подразделении имеется очень резкое увеличение воспроизводства по сравнению со вторым⁹.

Следовательно, решение задачи мы должны искать путем установления для каждого нового года новых пропорций, обеспечивающих равновесие. Ибо если мы возьмем одно подразделение в качестве исходной базы и будем приспособлять к нему, как к центру вращения, распределение капитала внутри второго подразделения, то это надолго не может дать решения проблемы. Поэтому мы должны в конце каждого года выделить из прибавочной ценности обоих подразделений сумму, необходимую для поддержания уровня производства прошедшего года, а остающуюся прибавочную ценность обоих

подразделений, взятую вместе, распределить на основе условий пропорциональности нового года. В реальных условиях капиталистического развития дело происходит приблизительно следующим образом (если, разумеется, исключить периоды кризисов). За вычетом «нормальных» банкротств в обоих подразделениях, основной остов распределения капитала, как он сложился в предыдущий период, остается, а новый капитал, накопленный в предыдущий период путем новых эмиссий, путем выпуска акций и облигаций, распределяется ошупью, распределяется стихийно между различными отраслями на основе учета рыночной конъюнктуры, в данном случае между первым и вторым подразделениями, и это новое распределение капитала в дальнейшем снова исправляется через рыночный механизм регулирования всей системы.

Против такого положения может быть сделано то возражение, что перенесение капитала из одного подразделения в другое невозможно потому, что этот капитал уже отложился в определенных видах товаров *in natura*, и нельзя перенести, например, средства потребления из второго подразделения в первое, если первое подразделение нуждается не в средствах потребления, а в средствах производства.

Можно показать, что это возражение имеет значение по отношению к тем видам основного капитала, которые уже функционируют в производстве. Перенести капитал, уже вложенный в железную дорогу, сделавшуюся излишней, на производство нефтяных двигателей или текстильных станков почти невозможно, если не переносить только металлический лом, кирпичи разобранных зданий и т.д. Но эта трудность существует и для перенесения капитала *внутри* каждого подразделения. Например, мыло, изготовленное в излишнем количестве, еще трудней превратить в мануфактуру, в сливочное масло и т.д., уголь превратить в шерсть и т.д. Однако экономика капитализма достаточно эластична, и при известных потерях в стоимости она достигает решения всех этих проблем не путем превращения мыла в масло, а путем прежде всего иной перестановки рабочих сил, в сравнении с данным положением и путем использования товарных запасов и резервов основного капитала, не полностью утилизирующегося в нормальное время, без чего никакое общественное хозяйство нормально функционировать не может. С этой точки зрения проблема перенесения нового капитала из второго подразделения в первое не является более сложной, раз все хозяйство ведется при наличии то возрастающих, то сокращающихся товарных запасов, то увеличивающегося, то сокращающегося использования наличного основного капитала. Ведь в данном случае дело идет лишь о технике перемещения капиталов, о вещественных в определенных товарах, через механизм денежного обращения. Исследователь здесь вовсе не связан фиксированными сроками, например годовыми сроками, которые он сам устанавливает для своих схем. Эти схемы должны лишь иллюстрировать весь процесс и не должны делать исследователя пленником своих же собственных арифметических примеров. При ценностном анализе пропорций дело сведется лишь к потере определенного количества этих ценностей, вызываемой процессом перемещения капитала из одной отрасли в другую.

В самом деле. Посмотрим, как технически было бы возможно перенесение излишнего нового капитала из второго подразделения в первое для установления новых пропорций для следующего рабочего периода, следующего полугодия или нового операционного года. Допустим, в конце данного года новый капитал, идущий на расширение производства и подлежащий распределению на основе новых пропорций между *I* и *II*, равняется в первом подразделении 800, во втором подразделении – 350. Допустим, рассасывание всего нового капитала в *I* в условиях повышения органического состава капитала и при старой пропорции роста потребления обеспечивает рассасывание 200 *С II*. При этом *VII* возрастает на 90. Остается разместить 60. В первое подразделение переносится не все 60, а 60 минус некоторая величина, связанная с соответствующим увеличением

производства, а значит, и потребления во втором подразделении. Если вычитаемое равно 10, то вся проблема сводится к рассасыванию в первом подразделении капитала в 50, излишнего для второго подразделения и имеющего натуральную форму средств потребления. Предполагая наличие то растущих, то сокращающихся запасов в нормальных условиях капиталистического развития, т.е. в период некризисного сжатия оборота и производства, мы можем допустить, что средства потребления на 50 продаются на пополнение запасов для фонда потребления общества; полученные же за них деньги не возвращаются во второе подразделение, а в форме эмиссий увеличивают денежный капитал первого подразделения. Эти произведенные на запас средства потребления вместе со взятыми из запаса первого подразделения средствами производства и на основе более интенсивного использования основного капитала дают возможность приступить к добавочному расширению производства средств производства в первом подразделении. Это добавочное производство создает новый добавочный фонд средств производства, из которых одна часть в дальнейшем идет на пополнение уменьшенных запасов первого подразделения и для увеличения средств производства, уже функционирующих в первом подразделении в результате предыдущего развертывания. С другой стороны, весь этот процесс во втором подразделении сведется к относительному уменьшению развертывания производства средств потребления и сокращенного возмещения $C II$ в сравнении с разбегом предыдущего года. В целом же мы будем иметь относительное сокращение и прилагаемого капитала, и вырабатываемых средств потребления во втором подразделении, и относительное увеличение применяемого капитала и эксплуатируемых рабочих сил в первом подразделении, с абсолютным и относительным увеличением производства средств производства.

Разумеется, не все средства потребления могут отойти в запас: скоропортящиеся средства потребления либо пропадут, либо будут проданы ниже ценности. Такая потеря некоторой части вновь созданных ценностей постоянно имеет место при неорганизованном производстве даже в некризисные периоды, как постоянно происходит и так называемое моральное изнашивание средств производства в условиях прогрессирующей техники.

Точно так же может происходить и процесс переноса капитала из первого подразделения во второе, хотя в этом случае трудности значительно меньше, и весь этот процесс требует от капитализма потери меньшего количества стоимости.

В самом деле, если мы имеем перепроизводство средств производства, то это означает, что $V + M/x$ более $C II$. Перенос капитала из I во II со стороны натурального состава капитала означает перенос средств производства. Но перенос средств производства как раз и необходим для II , потому что всякое увеличение производства во II означает прежде всего и больше всего увеличение $C II$. Второе подразделение как раз и получает тогда нехватящие для него средства производства из I , покупаемые II на тот денежный капитал, который притечет в конечном счете из I во II . Проблема расширения производства во II сводится тогда к увеличению v из собственных ресурсов, т.е. за счет сокращения потребляемой капиталистами II прибавочной ценности. Так как и во втором подразделении при развитом капитализме C всегда больше v , то перенос капитала из I в натуральной форме средств производства уже решает большую часть проблемы расширения производства во II . Добавочные рабочие, пуская в ход добавочные средства производства, создают добавочный фонд средств потребления как для пополнения товарных резервов, уменьшенных в начале процесса производства, так и на будущее время, а также для увеличения того фонда средств потребления, который должен служить для обмена на добавочные средства производства из первого подразделения, доводящие $C II$ до нормального уровня. Расширение производства именно в этих размерах разрешает проблему пропорциональности в рассматриваемом нами случае.

Мы рассмотрели проблему перенесения капитала в случае наиболее трудном технически и невыгодном экономически. Между тем при капитализме, за исключением периодов острых кризисов, эта проблема решается гораздо проще. Оборудование предприятий в *I* и во *II* подразделениях редко бывает загружено полностью. Особенно это справедливо по отношению к тяжелой промышленности (стоит лишь взять среднюю за 10-летие недействующих доменных печей в Европе и Америке и т.д.). При наличии постоянного резерва основного капитала в *I* подразделении проблема переброски капитала из *II* в *I* сводится прежде всего к переброске оборотного капитала, в частности капитала на авансирование *V*, т.е. на средства потребления для добавочных рабочих *I*. Вообще надо заметить, что неиспользованность полностью основного капитала есть очень важный инструмент достижения пропорциональности производства при капитализме, не менее важный, чем, например, резервная армия промышленности.

При исследовании конкретного капитализма, и особенно при изучении капиталистических кризисов, мы сталкиваемся постоянно не только с перепроизводством во *II*, но гораздо чаще с перепроизводством средств производства. Кризис часто начинается как раз с перепроизводства в первом подразделении. Это означает, что в данном случае распределение общественного капитала, если отвлечься от условия распределения платежеспособного потребительского спроса, дало стихийно крен в сторону слишком большого развертывания *I*. Но если б даже из каждых десяти конкретных капиталистических кризисов восемь начиналось с перепроизводства в *I*, это несколько не противоречило бы той общей тенденции в распределении производительных сил, которое существует в капиталистической экономике при повышении органического состава капитала. Если взять среднюю кривую роста применяемого капитала в обоих подразделениях и среднюю роста всей суммы общественного капитала, то кривая нарастающего *II* будет лежать ниже, кривая нарастающего *I* выше, а кривая всего общественного капитала будет проходить где-то посередине. Здесь не надо никогда смешивать общую линию развития, общую тенденцию перемещения применяемого общественного капитала в смысле роста *I* за счет *II* с теми внешними формами, в которых протекает весь этот процесс. Внешняя форма проявления той или иной тенденции в капиталистическом обществе нередко имеет видимость как раз обратного процесса. В данном случае мы, по-видимому, и имеем дело с таким положением. Как раз постоянная тенденция не только к абсолютному, но и относительному росту *I*, при технической трудности перенесения капитала из *II* в *I* и при более легком и более безболезненном перенесении капитала из *I* в *II*, должна приводить всегда к забеганию вперед расширенного воспроизводства именно в *I*, после чего выравнивание пропорций происходит на основе частичного отлива капитала из *I* в *II*. По-видимому, при стихийном развертывании капиталистического способа производства механически легче добиться резкого увеличения первого подразделения и осуществить затем коррективный перенос некоторой части капитала в *II*, чем каждые полгода, год и т.д. перескакивать через баррикады технических трудностей и потерь стоимости, связанных с переносом капитала из *II* в *I*. Это тем более верно, что огромное большинство средств производства, например все машинное оборудование, строительные материалы, многие виды топлива и сырья допускают хранение возрастающих запасов в течение долгого времени, тогда как, наоборот, весьма значительная часть средств потребления, состоящая из предметов питания, не может выдерживать длительного хранения. Поэтому не будет парадоксальным утверждать, что трудности перенесения капитала из *II* в *I*, при постоянно нарастающей хозяйственной необходимости такого перенесения, как раз и могут приводить к более частому перепроизводству в *I*. Надо только при этом заметить, что отмеченный здесь факт освещает не все, а только одно из условий, в которых конкретно проходит процесс выравнивания пропорций в капиталистическом хозяйстве.

Кроме того, необходимо упомянуть еще об одном обстоятельстве. При нашем анализе мы все время исходили из того, что все товары продаются по их ценности. По отношению к длительному процессу развития, на протяжении которого колебание выравнивается и дело идет лишь об объяснении движения средней кривой, это методологически вполне правильно. Однако если бы нужно было перейти к более детальному анализу всего процесса, тогда следовало бы рассмотреть также и действие механизма отклонения цен от ценностей, который регулирует всю систему распределения производительных сил. В этом случае более или менее длительный дефицит на средства производства может привести к перекачке некоторой доли денежного капитала из второго подразделения в первое благодаря возрастанию цен на средства производства, с более или менее длительным отрывом цен от ценностей. Мы не останавливаемся здесь на этом процессе, чтобы не усложнять анализа общих условий равновесия при повышении органического состава капитала. Такой анализ необходим лишь при исследовании конкретной экономики какой-либо отдельной страны либо при анализе отдельных участков мирового хозяйства в определенный момент.

Итак, при повышении органического состава капитала и в условиях более широкого строения капитала во втором подразделении перенесение части избыточного капитала из второго подразделения в первое есть общий закон развития производительных сил. Он проявляется совершенно независимо, оттого что кризисы могут разрешаться чаще именно на основе временного перепроизводства в первом подразделении по тем ли причинам, на которые мы указали, или по другим причинам, которые установлены исследованиями капиталистических кризисов.

Теперь нам остается иллюстрировать весь этот процесс на числовом примере. Для того чтобы разница в распределении общественного капитала в сравнении с Марксовыми схемами, т.е. при включении этого нового условия, а именно роста органического состава капитала, была видна наиболее отчетливо, мы возьмем для анализа Марксову же исходную схему накопления. Мы берем, следовательно, итог года, дающий следующие величины:

$$I \ 4000 \ c + 1000 \ v + 1000 \ m = 6000$$

$$II \ 1500 \ c + 750 \ v + 750 \ m = 3000$$

Как мы уже сказали, Маркс для достижения равновесия берет в первом подразделении накопление, равное половине прибавочной ценности, размеры накопления и потребления во втором подразделении приспособляет к первому. Вследствие этого капиталисты второго подразделения должны потреблять относительно гораздо больше, чем капиталисты I, накапливать же должны меньше, что, собственно говоря, ни при реальном, ни при чистом капитализме не может иметь места, как правило, на длительный срок.

Сделав перегруппировку, Маркс получает такую схему для начала нового операционного года:

$$I \ 4400 \ c + 1100 \ v + 500 \ (\text{фонд потребления})$$

$$II \ 1600 \ c + 800 \ v + 600 \ (\text{фонд потребления})$$

Иными словами, здесь во втором подразделении из прибавочной ценности в накопление идет не половина, как в первом, не половина от 750, а только 150, в то время как капиталисты потребляют значительно больше той нормы, которая существует для капиталистов первого подразделения. При этом органический состав капитала остается без изменения.

Наша схема, следовательно, должна внести изменения в эти два пункта. Во-первых, норма потребления должна быть одинакова в обоих подразделениях, а остающийся пос-

ле этого весь накопленный капитал общества должен идти на расширение производства. Во-вторых, схема должна отражать рост органического состава капитала. После всего сказанного выше совершенно очевидно, что эти две задачи при прочих равных условиях не могут быть выполнены без перенесения избыточного капитала из второго подразделения в первое, которое тогда должно всегда разворачиваться быстрее второго. Иначе технический прогресс не нашел бы своего экономического выражения при ценностном анализе.

Чтобы построить схему, удовлетворяющую этим двум условиям и воспроизводящую не только нарастание производственно занятого рабочего населения, но и рост техники, мы поступаем следующим образом с исходной схемой Маркса. Прежде всего, как и у Маркса, мы весь накопленный капитал первого подразделения обращаем на расширение производства в самом первом подразделении. Это отнюдь не произвольный прием. При повышении уровня техники первое подразделение не может развиваться только на основе собственных ресурсов, тем более, следовательно, для первого подразделения является необходимым использовать все собственные резервы накопления. В данном случае все 500 должны распределяться между C и V первого подразделения. Первое приближение к искомой схеме даст поэтому для первого подразделения такое же распределение капитала, как и в схеме Маркса, т.е. $4400c + 1100v + 500$ (фонд потребления).

Теперь обратимся ко второму подразделению.

Часть прибавочной ценности, созданная в нем за год и идущая в накопление, как и в первом подразделении, должна равняться половине всей прибавочной ценности, т.е. в нашем примере эта цифра будет равна 375. Из этого нового капитала необходимо: 1) обеспечить такой уровень развертывания второго подразделения, который обеспечивает равновесие с накоплением, обеспеченным первому подразделению на основе его собственных ресурсов. Это значит, что $C II$ должно равняться $1100 + 500$, т.е. равняться $V +$ фонд потребления капиталистов первого подразделения; 2) обеспечить повышение органического состава капитала в I и II , что означает дополнительное развертывание всего I ; 3) обеспечить дополнительное увеличение производства за счет остатка прибавочной ценности II .

В результате всех этих причин из нового капитала второго подразделения, равно 375, 100 идет на увеличение $C II$ в уровень с ростом $V +$ фонд потребления капиталистов I ; на 50 увеличивается вследствие этого переменный капитал в II , который теперь, при этом новом приближении к искомой схеме, должен быть равен $750 + 50 = 800$. Остается нераспределенным 225 прибавочной ценности II . Принимая рост органического состава капитала в 1% от постоянного капитала предыдущего года, мы получим тогда увеличение $C II$ на 15, а $C I$ увеличится на 40. Кроме того, вследствие увеличения $C II$ на 15 необходимо обеспечить на основе уже имеющегося распределения производительных сил V на 15, и наконец, на $15 \times 4 = 60$ необходимо увеличить постоянный капитал I , т.е. обеспечить увеличение постоянного капитала второго подразделения на 15 через развертывание в нужной пропорции всего производственного механизма I . В итоге теперь из прибавочной ценности 225 II , остающейся в результате первого приближения к исходной схеме, рассасывается таким образом 130, а остальные 95 распределяются во всем производственном механизме следующим образом: 7,3 на увеличение переменного капитала во втором подразделении, 14,6 на увеличение постоянного капитала в том же втором подразделении, 14,6 на увеличение переменного капитала в первом подразделении, и наконец, 58,4 на увеличение постоянного капитала в первом подразделении. Подводя итоги, мы видим, что всего подлежит перенести из второго подразделения в первое избыточного капитала в размере 188. Вся же схема будет выглядеть так:

$$I 4558,4 c + 1129,6 v + 500 \text{ ф.п.} = 6188$$

$$II 1629,6 c + 806,3 v + 375 \text{ ф.п.} = 2811,9$$

или отбрасывая дробь – 9000

В сравнении с вышеприведенной схемой Маркса мы будем иметь следующее различие. И функционирующий капитал, и уровень всего производства в первом подразделении вследствие переноса сюда части капитала из II будет больше, чем в схеме Маркса. Он будет больше и во втором подразделении, но исключительно только потому, что в схеме Маркса капиталисты второго подразделения потребляют значительно больше, чем в первом подразделении, поскольку такое расположение величин обеспечивает в этой схеме арифметическое равновесие расширенного воспроизводства. В нашей схеме капиталисты второго подразделения потребляют, как и в первом подразделении, половину своей прибавочной ценности, т.е. условия потребления в первом и во втором подразделениях одинаковы. Это ведет к увеличению во втором подразделении и v , и c в сравнении со схемой Маркса, а кроме того, c II расчет вследствие роста органического состава капитала.

Но по сравнению с первым подразделением подразделение второе растет медленнее, и в этом находит свое отражение факт повышения уровня техники в обоих подразделениях.

Таким образом, в конце первого операционного года в результате сделанной нами расстановки капитала мы получим следующий результат:

$$I 4553,4 c + 1129,6 v + 1129,6 m = 6817,6$$

$$II 1629,6 c + 807,3 v + 807,3 m = 3244,2$$

Из этих цифр мы видим, что первое подразделение вместо Марксовых 6600 дает увеличение на 217,6. Второе подразделение вместо Марксовых 3200 дает увеличение на 42,2.

Следующие годы точно так же должны давать постоянное увеличение накопления в II, сверх необходимого для этого подразделения, и систематический дефицит капитала в первом подразделении. Во всем этом явлении нет ничего необъяснимого, потому что во втором подразделении органический состав капитала в нашей (как и в Марксовой) схеме ниже, чем в первом. Здесь v по сравнению со своим постоянным капиталом больше, чем в первом подразделении, а потому, при прочих равных условиях, накопление здесь идет быстрее. Если бы органический состав капитала в первом подразделении был, наоборот, ниже, чем во втором, то при тех же исходных величинах всего общественного капитала мы имели бы в конце первого года, а также и в дальнейшем *систематическое перенакопление в первом подразделении и недонакопление во втором*. Это нетрудно было бы доказать на конкретном числовом примере. Точно так же если бы мы увеличили органический состав капитала во втором подразделении в таком размере, что он был бы лишь немногим ниже, чем в первом подразделении, то подлежащая перенесению сумма избыточного капитала из второго подразделения в первое была бы в нашем примере значительно ниже 188. Здесь можно было бы найти такой числовой пример, когда весь процесс перенесения капитала из второго подразделения в первое обслуживал бы лишь только один процесс роста органического капитала в обществе.

Но совершенно ясно, что Маркс отнюдь не случайно принимает в большинстве своих схем органический состав капитала в первом подразделении более высоким, чем во втором. Такова реальная тенденция развития самого капитализма, тенденция, которая будет перенесена также и на социалистическую экономику, если только в дальнейшем истощение плодородных земель на территории земли не приведет к такому положению,

когда дальнейшее развитие общественного производства обусловит изменение в этой области. Но более детальное исследование этой проблемы не входит в нашу задачу.

Взяв за исходную базу нашу схему, мы могли бы процесс дальнейшего развертывания производства в следующие годы изобразить иначе, а именно: можно было бы перенос капитала из второго подразделения в первое произвести сразу в большем объеме, чем это мы сделали, а потом вносить коррективы путем переноса части капитала обратно из первого подразделения во второе. При реальном капитализме это наблюдается очень часто. Но, как это уже было нами отмечено выше, такой ход развертывания общественного производства нисколько не меняет общей установленной нами тенденции, которая заключается не только в абсолютном, но и в относительном росте размеров применяемого капитала в первом подразделении, если органический состав капитала в обществе растет и если в исходных схемах органический состав капитала в первом подразделении выше, чем во втором.

Расширенное воспроизводство при конкретном капитализме

Анализ расширенного воспроизводства при чистом капитализме, а также анализ простого воспроизводства при конкретном капитализме уже дает все необходимые предпосылки для абстрактно-теоретического исследования условий равновесия при капитализме конкретном, т.е. для смешанной экономики капитализма и мелкого товарного производства. Как и при исследовании простого воспроизводства при конкретном капитализме, мы будем здесь иметь дело с двумя секторами хозяйства, с двумя подразделениями в каждом секторе и с той же условной терминологией. Мы будем иметь, следовательно, следующую схему в алгебраическом выражении:

$$\begin{aligned}
 & I K C + v + M \\
 & II K C + v + M \\
 & I D C + \text{фонд потребления} \\
 & II D C + \text{фонд потребления}^{10}
 \end{aligned}$$

При исследовании процесса расширенного воспроизводства в такой системе мы имеем очень много теоретически (и практически) возможных случаев, которые следовало бы подвергнуть анализу. В нашем исследовании мы остановимся лишь на трех самых типичных, наиболее характерных для развития конкретного капитализма и наиболее важных для дальнейшего изучения равновесия в советской системе хозяйства.

Первый случай – это развертывание капиталистического сектора, при относительном и абсолютном уменьшении размеров производства в мелкобуржуазном секторе, но при росте всего общественного производства в целом. Второй случай – развертывание капиталистического сектора при стабильности размеров производства в секторе мелкобуржуазного хозяйства. Наконец, третий случай – одновременный рост производства в обоих секторах. Все это в условиях роста органического состава капитала в капиталистическом секторе.

На втором случае нам не придется здесь долго останавливаться. Если размеры производства в мелкобуржуазном секторе стабильны, а развитие идет только в капиталистическом секторе, то все изменения в системе пропорциональности будут исходить прежде всего из капиталистического сектора. Если размеры производства остаются стабильными не только во всем мелкобуржуазном секторе, взятом в целом, но и пропорции распределения производительных сил между обоими его подразделениями остаются

ся без изменения, то этот случай не может дать ничего нового для исследования, потому что весь анализ тогда переносится на капиталистический сектор, от которого и должны исходить все изменения в равновесии системы. Интерес может представлять лишь такое положение, когда размеры производства в мелкобуржуазном секторе стабильны по своей общей ценностной сумме, но одновременно изменяется распределение производительных сил между двумя его подразделениями. Иными словами, если растет первое подразделение, то на ту же сумму сокращается второе, или наоборот. В первом случае возрастание производства средств производства в мелкобуржуазном секторе за счет производства средств потребления должно неизбежно приводить к росту фонда потребления DI , имеющего натуральную форму средств производства и подлежащего обмену на средства потребления, что при сокращении $DCII$ должно привести к увеличению спроса DI на средства потребления капиталистического производства. А это в свою очередь требует того, чтобы добавочные средства производства из первого подразделения мелкобуржуазного сектора находили себе добавочный рынок в капиталистическом секторе. Практически это значит, что, допустим, добавочное количество льна, хлопка, кож, шерсти и т.д. крестьянского производства должно находить добавочный рынок в капиталистическом секторе, а второе подразделение капиталистического сектора должно обеспечить добавочные средства потребления для первого подразделения мелкобуржуазного сектора.

В обратном же случае, т.е. при росте $DCII$ за счет DI , второе подразделение мелкобуржуазного сектора должно увеличивать свой постоянный капитал на некоторую добавочную сумму. Не находя этого постоянного капитала в первом подразделении мелкобуржуазного же сектора, $DCII$ должно закупить эти средства производства в первом подразделении капиталистического сектора и в капиталистическом секторе должно найти добавочный рынок для своих добавочных средств потребления.

Обратимся теперь к другому случаю, т.е. к нашему первому случаю, имеющему наибольший интерес для понимания процесса расширенного воспроизводства при реальном капитализме, когда капиталистический сектор находится в состоянии более или менее быстрого развития и вытесняет мелкобуржуазное производство и в сфере производства средств производства, и в сфере производства средств потребления. Фактически это может означать, что в области сельского хозяйства крупное капиталистическое земледелие вытесняет мелкое производство, а в области промышленности крупная капиталистическая фабрика вытесняет ремесло и кустарное производство.

В качестве исходной схемы возьмем хозяйственный год, который закончился следующими цифровыми результатами в смысле общей суммы годового производства:

Капиталистический сектор

$$2000 c + 500 v + 500 m = 3000$$

$$1200 c + 400 v + 400 m = 2000$$

$$5000$$

Мелкобуржуазный сектор

$$1500 c + 1500 (\text{фонд потребления}) = 3000$$

$$1050 c + 2100 (\text{фонд потребления}) = 3150$$

$$6150$$

В этой схеме общие размеры производства капиталистического сектора меньше размеров производства мелкобуржуазного сектора. Органический состав капитала в первом подразделении капиталистического сектора выше, чем во втором подразделении.

Размеры производства в первом подразделении докапиталистического сектора почти равны размерам производства во втором подразделении. Но соотношение между постоянным капиталом и фондом потребления в обоих подразделениях мелкобуржуазного сектора разное. Это связано с тем, что мелкое ремесленное и мелкое крестьянское производства средств производства обычно требуют приложения большего количества постоянного капитала в сравнении с мелкобуржуазным производством средств потребления, главным образом со стороны сырья. В данном случае это соотношение взято, разумеется, произвольно, с приближением пропорций в *D II* к условиям малоинтенсивного мелкого крестьянского хозяйства.

В схеме для упрощения мы не даем обмена ценностей внутри первого и второго подразделений обоих секторов, т.е., допустим, обмена между крестьянским производством сырья и между машинами капиталистического сектора или, например, между обменом крестьянского хлеба, масла и т.д. на мануфактуру, обувь и т.д. капиталистического производства. Таким образом, схема в том виде, как она сконструирована, характеризует лишь пропорциональность обмена *между различными подразделениями двух секторов*. Как мы уже показали выше на схеме простого воспроизводства, внутренний обмен между одинаковыми подразделениями обоих секторов, если он означает взаимный обмен одинаковых ценностей, не влияет на пропорциональность во всей системе, *раз мы отвлекаемся от анализа натурального состава товаров, подлежащих обмену, и остаемся исключительно на базе ценностного анализа*.

Уже при беглом взгляде на схему читатель видит, что капиталистический сектор имеет дефицит на средства производства. Для возмещения 1200 *C II* первое подразделение располагает лишь суммой в 750. Дефицит покрывается из первого подразделения мелкобуржуазного сектора, где в обмен на средства потребления идет 1500 средств производства мелкобуржуазного происхождения. Из них 1050 идет на покрытие постоянно-го капитала второго подразделения мелкобуржуазного сектора, 450 – на покрытие дефицита на средства производства в *K II*. С другой стороны, *D II* получает на 1050 средств потребления от своего же сектора и на 450 от второго подразделения капиталистического сектора.

При этом не надо ни на минуту забывать, что сведение всей пропорциональности обмена между капиталистическим и мелкобуржуазным секторами лишь к размену 450 средств потребления капиталистического производства на 450 средств производства мелкобуржуазного сектора есть лишь абстракция ценностного анализа, из пределов которого мы пока не выходим. На самом же деле и *K I* покупает в *D* средства потребления и средства производства, т.е., допустим, не только хлопок и кожу крестьянского производства, но и хлеб. С другой стороны, *K II* покупает не только средства производства в *D*, но и разменивается в известных пропорциях средствами потребления с *D II*; *D I* и *D II* также покупают в обоих капиталистических подразделениях. Но когда мы вычеркнем взаимно покрывающиеся размены ценностей между одинаковыми подразделениями разных секторов хозяйства, то проблема пропорциональности будет сведена к тому, что отражено в схеме, т.е. к обмену 450 средств потребления *K II* на 450 средств производства *D I*.

Возьмем теперь всю схему в движении. При этом мы предполагаем, что: 1) в капиталистическом секторе накапливается ежегодно половина прибавочной ценности; 2) органический состав капитала растет в обоих подразделениях капиталистического сектора на 1% от наличного постоянного капитала предыдущего года; 3) в мелкобуржуазном секторе, наоборот, происходит снижение воспроизводства на 2% в год.

При таких исходных условиях перегруппировка прилагаемого в обществе капитала перед началом нового операционного года будет следующей:

Капиталистический сектор

$$I \ 2204 \ c + 546 \ v + 250 \ (\text{фонд потребления})$$

$$II \ 1353 \ c + 447 \ v + 200 \ (\text{фонд потребления})$$

Если в мелкобуржуазном секторе произошло в результате общего снижения производства уменьшение применяемого капитала на 2%, поровну в обоих подразделениях, если, таким образом, ряд предприятий под влиянием капиталистической конкуренции сократился или снизил производство, то мы будем иметь здесь следующие цифры:

Докапиталистический сектор

$$I \ 1170 \ c + 1470 \ (\text{фонд потребления}) = 2940$$

$$II \ 1029 \ c + 2058 \ (\text{фонд потребления}) = 3187$$

6027

Сравнивая теперь обе эти схемы под углом зрения пропорциональности, мы видим, что второе подразделение капиталистического сектора имеет [возможность] обменять в мелкобуржуазном секторе свои средства потребления, для возмещения своего C , в размере 557, тогда как мелкобуржуазный сектор может дать лишь $1470 - 1029 = 441$.

В результате получается: 1) дефицит на средства производства для возмещения $K \ C \ II$ в размере 116; 2) отсутствие рынков сбыта для средств потребления капиталистического производства на ту же сумму.

Из этого положения может быть три выхода: 1) перенос капитала из $II \ K$ в $I \ K$, т.е. путь наиболее трудный и убыточный для капитализма, а в данном случае не достигающий цели полностью потому, что для восстановления пропорциональности в первое подразделение требуется перебросить значительно больше того, что может дать $K \ II$; 2) приспособление мелкобуржуазного сектора к потребностям капиталистического развития путем внутренней перегруппировки между первым и вторым подразделениями; 3) применение того и другого методов вместе. Приспособление мелкобуржуазного сектора к капиталистическому, при ведущей роли капиталистической экономики и при подчиненной роли мелкобуржуазного сектора, достигается вообще легче. Это приспособление, при сохранении основной нашей предпосылки, что мелкобуржуазный сектор уменьшает общую сумму годового воспроизводства, вообще достижимо двумя путями: либо все сокращение падает на $D \ II$, а $D \ I$ сохраняет старые размеры производства, либо $D \ II$ не только уменьшается на все 2% снижения производства мелкобуржуазного сектора, но, кроме того, еще происходит перегруппировка внутри D , в результате которой $D \ I$ увеличивается за счет и без того сокращающегося $D \ II$.

В нашем примере первый метод не может достигнуть цели, потому что диспропорция слишком велика: она не может быть ликвидирована только приостановкой сокращения производства в $D \ I$ и перенесением всего уменьшения производства в секторе D на $D \ II$.

Допустим, производство в капиталистическом секторе разворачивается дальше старым темпом, несмотря на диспропорцию предыдущего года. Мы предполагаем, что диспропорция так или иначе временно устранена. Если дело идет не о мировой экономике в целом, а, допустим, об экономике отдельной страны, это может быть достигнуто в рассматриваемом случае экспортом излишних средств потребления и импортом на данную же сумму средств производства.

Конец года дает нам такую картину в капиталистическом секторе:

$$I \ 2204 \ c + 596 \ v + 546 \ m = 3296$$

$$II \ 1353 \ c + 447 \ v + 147 \ m = 2247$$

5543

Расстановка капитала на новый, т.е. в данном случае на третий в сравнении с исходной схемой год дает следующий результат:

$$I \ 2426 \ c + 596 \ v + 273 \ (\text{фонд потребления})^{11}$$

$$II \ 1524 \ c + 499,5 \ v + 223,5 \ (\text{фонд потребления})$$

Если теперь мы уменьшим общие размеры производства в мелкобуржуазном секторе на 2%, с тем чтобы все уменьшение пало на второе подразделение, то мы получим:

$$I \ 1470 \ c + 1470 \ (\text{фонд потребления}) = 2490$$

$$II \ 989 \ c + 1978 \ (\text{фонд потребления}) = 2967 \\ 5097$$

При таком положении дефицит *K II* на средства производства будет равен $655 - 483 = 173^{12}$.

Правда, этот дефицит будет меньше того дефицита, который получился бы, если бы оба подразделения *D* сектора снижали производство в одинаковой пропорции, но тем не менее дефицит очень велик. Для восстановления равновесия необходимо добиться перегруппировки внутри *D*. Если для достижения этой цели перегруппировка будет произведена в таком размере, что *D I* увеличит общую сумму производства на 210, а *D II* сократит производство в такой же пропорции, то, при старом соотношении между *C* и фондом потребления в *D*, мы будем иметь следующую схему для мелкобуржуазного производства:

$$I \ 1575 \ c + 1575 \ (\text{фонд потребления}) = 3150$$

$$II \ 919 \ c + 1838 \ (\text{фонд потребления}) = 2757 \\ 5907$$

Как мы видим, размеры производства при втором варианте остаются в *D* секторе те же, что и при первом, т.е. сниженными по сравнению с предыдущим годом на 2%, но зато внутренняя перегруппировка производительных сил в мелкобуржуазном секторе приводит к уменьшению производства средств потребления и к увеличению производства средств производства в таком размере, что остаток средств производства для обмена с *K II* дает уже сумму в 656, в то время как *K II* нуждается в сбыте своей продукции и в покупке средств производства на 655.

Здесь мы получаем уже восстановление равновесия, нарушенного слишком быстрым ростом *K II*, при относительно меньшем росте *K I* с точки зрения пропорциональности внутри капиталистического сектора и при сокращении в предыдущем году *D I*.

Что может означать практически весь этот процесс?

1) Поскольку дело идет об абсолютном уменьшении на 2% *D II*, это означает вытеснение крестьянского производства средств потребления капиталистическим производством средств потребления, т.е. сокращение крестьянского посева зерновых культур в той их части, которая идет для индивидуального потребления, сокращение производства яиц, масла и т.д.

2) Поскольку дело идет о перегруппировке производительных сил между *D II* и *D I*, это может означать увеличение засева льна, конопли, хлопка за счет зерновых культур, увеличение затрат фуража на торговое животноводство, дающее кожу, шерсть и т.д. для *K II*, расширение культуры картофеля для его дальнейшей переработки и т.д. При развитии капитализма мы наблюдали этот процесс там, где развитие городской промышленности увеличивает спрос на крестьянское сырье, а крестьянское производство зерна сокращается, уступая место капиталистическим фабрикам зерна, или капиталистическому фермерскому полеводству.

Совершенно очевидно, что для капитализма перегруппировка внутри мелкобуржуазного сектора является очень важным средством достижения пропорциональности во всей системе, если такая перегруппировка соответствует одновременно достижению пропорциональности и в вещественных элементах товарного обмена. Если бы мы имели дело с перепроизводством в *К II* при чистом капитализме, т.е. при равновесии замкнутого круга, для экономики общества не было бы иного исхода для достижения пропорциональности, кроме промышленного кризиса в худшем случае или кроме переноса капитала из *К II* в *К I* в лучшем случае, что часто сопряжено с потерями в стоимости и с временной задержкой всего темпа расширенного воспроизводства.

Но вместе с тем наш пример является ярким доказательством неверности теории Розы Люксембург относительно роли мелкобуржуазной среды для развития капитализма. Мы имеем перед собой в нашей схеме не только не расширение мелкобуржуазного сектора, втянутого в капиталистический оборот, а его сокращение. Однако это несколько не мешает тому, что все общественное производство возрастает. В самом деле, исходная схема дает размеры годового производства в 5000 для капиталистического сектора и 6150 для мелкобуржуазного сектора, а в сумме 11 150. В конце первого года, несмотря на то что мелкобуржуазный сектор сжимает производство на 2%, интенсивность накопления в капиталистическом секторе перевешивает этот процесс, и в итоге годовое производство равняется уже 11 374. В последней схеме, если взять ее результат к концу года, капиталистический сектор уже перегоняет мелкобуржуазный сектор в смысле размеров общей ценностной массы продукции, а именно дает 6141 против 5907 мелкобуржуазного сектора, а в сумме производства общества равняется уже 12 048.

Таким образом, развертывание капиталистического воспроизводства вполне возможно и при сокращении докапиталистических форм хозяйства. Оно вполне возможно при этом без перенесения капитала из одного подразделения капиталистического сектора в другое, если в мелкобуржуазном секторе происходит необходимая для него перегруппировка производительных сил. Мы не говорим уже о том, что не составляет большого труда построить такую схему, когда сокращение в мелкобуржуазном секторе происходит внутри в таких пропорциях, что капиталистический сектор развертывает свои подразделения, не требуя больших перегруппировок в мелкобуржуазном секторе. Для этого дефицит по обмену капиталистического сектора с мелкобуржуазным должен замещаться соответствующим дополнительным развертыванием производства в самом капиталистическом секторе.

Вместе с тем нужно заметить, что вообще перегруппировка внутри сектора *D* достижима легче, чем в капиталистическом секторе и связана с меньшими потерями в стоимости, если, например, крестьянское хозяйство усиливает производство технических культур за счет зерновых, пользуясь тем же рабочим скотом, в большинстве случаев тем же инвентарем, меняя лишь семена и увеличивая расход на удобрение, а также увеличивая потребление фуража для интенсификации скотоводства.

Совсем другой вопрос, в какой степени возможна такая перегруппировка производительных сил с точки зрения натурального состава товаров, производство которых требуется увеличить. В данном случае, если дефицит *К II C* распространяется не только на хлопок, лен, пеньку, кожи, семена для маслостроительной промышленности, сахарную свеклу, картофель, идущий на переработку в спирт и патоку, и т.д., но и на машины, уголь, нефть, то перегруппировка только в одном мелкобуржуазном секторе не может решить полностью проблемы пропорциональности. Тогда тот дефицит в 173 на средства производства, о котором была речь выше, должен быть ликвидирован при распределении капитала для производства следующего года частью перегруппировкой в секторе *D*, частью же перенесением капитала из *К II* в *К I*. Но это уже другой вопрос, который не касается ценностного анализа пропорциональности и подводит исследование к задаче комбинированного

ценностно-натурального анализа проблемы равновесия, что означает уже переход к изучению конкретной экономики.

Возьмем теперь наши же числовые примеры, но в условиях не сжатия, а ежегодного роста на 2% производства в секторе *Д*. Тогда для первого года мы будем иметь такую расстановку величин:

Капиталистический сектор

I 2204 *c* + 546 *v* + 250 (фонд потребления)

II 1353 *c* + 447 *v* + 200 (фонд потребления)

Мелкобуржуазный сектор

I 1530 *c* + 1530 (фонд потребления)

II 1071 *c* + 2142 (фонд потребления)

В данном случае дефицит *K II* на средства производства и недостаток спроса на средства потребления капиталистического производства будет равен 98. Это значит, что с точки зрения рынка диспропорция несколько меньше, потому что спрос *Д I* на средства потребления в результате общего увеличения растет быстрее в сравнении с ростом предложения этих средств потребления. Незаполненный спрос *Д I* увеличивает покупки *Д I* в *K II*, т.е. рост ремесленного производства и рост крестьянского производства технических культур сопровождается увеличением спроса на мануфактуру, обувь, сахар и т.д. капиталистического производства.

С точки зрения удовлетворения *K II* средствами производства все это означает увеличение предложения этих средств производства из *Д I*, т.е. увеличение предложения для *K II* хлопка, кожи, льна и т.д. мелкобуржуазного производства.

Что касается достижения пропорциональности, то это осуществимо так же, как это указано нами в рассмотренном выше случае, т.е. либо перенесением капитала из *K II* в *K I*, либо перегруппировкой между *I Д* и *II Д*, в смысле увеличения *I Д*, либо комбинацией обоих методов. Разница же по сравнению с первой нашей схемой будет заключаться в том, что в случае перенесения всей тяжести перегруппировки на мелкобуржуазный сектор пропорциональность может быть достигнута при меньшей переброске производительных сил из *Д II* в *Д I*, т.е. достижима значительно легче.

Рассмотрим теперь схему равновесия реального капитализма в условиях не перепроизводства средств потребления и дефицита на постоянный капитал, а в условиях перепроизводства средств производства в капиталистическом секторе и при наличии дефицита на средства потребления, что, как увидим ниже, снова приведет нас автоматически к дефициту на средства производства.

Чтобы получить соответствующий цифровой пример, внося минимум изменений в уже приведенные цифры, мы можем при тех же размерах общественного производства 1) либо уменьшить размеры прилагаемого капитала во втором подразделении капиталистического сектора, увеличив на ту же сумму производство в *K I*; 2) либо резко увеличить органический состав капитала в *K II*, не меняя при этом размеров применяемого капитала во всем капиталистическом секторе. В последнем случае диспропорция будет *сначала еще больше* вследствие резкого увеличения *C II*, но зато она скоро исчезнет вследствие резкого относительного уменьшения накопления в *K II*. В самом деле, если мы возьмем отношение переменного капитала к постоянному капиталу во втором подразделении капиталистического сектора в пропорции 1 : 5, мы будем иметь 1500 *C* + 250 *v* + 250 *m*. Это значит, что накопление будет идти в дальнейшем, опираясь не только с самого начала на меньшую сумму *v II*, т.е. на 250 вместо 400, но ежегодные

вычеты на увеличение C из прибавочной ценности, идущей на накопление, будут давать относительно гораздо меньшее возрастание v еще и по этой причине, что передается затем и на c II . Это будет означать, что $CK II$ будет нарастать в дальнейшем медленнее, чем $v + M/x$ первого подразделения, а значит, каждый год будет увеличиваться давление предложения избыточных средств производства KI на мелкобуржуазный рынок. Равновесие тогда будет достигаться либо путем переноса капитала в $K II$, либо сокращением DI и ростом $DI II$. Мы не рассматриваем здесь более подробно этот случай, который является лишь теоретически мыслимым, но не имеет значения для иллюстрации развития реального капитализма, где органический состав капитала во втором подразделении обыкновенно не выше, а ниже, чем в I .

Поэтому мы обратимся к первому методу, т.е., оставаясь на базе тех же размеров годового производства в капиталистическом секторе и округлив цифру годового производства в мелкобуржуазном секторе, а также оставляя органический состав капитала в $K II$ ниже, чем в первом подразделении, мы лишь увеличим количество прилагаемого капитала в первом подразделении за счет второго. Уменьшив годовое производство во втором подразделении на 600 и увеличив на эту сумму размеры годового производства в первом подразделении, мы будем иметь следующую исходную схему:

$$I \quad 2400 c + 600 v + 600 m = 3600$$

$$II \quad 840 c + 280 v + 280 m = 1400$$

5000

Соответственно в мелкобуржуазном секторе мы будем иметь очень существенную перестановку между первым и вторым подразделениями в смысле усиления $DI II$ за счет $DI I$. Новая расстановка, увязанная уравнением пропорциональности обмена с капиталистическим сектором, при условии размера годового производства в 6100 и при сохранении остальных условий без изменений, может быть лишь такой:

$$I \quad 1184 c + 1184 (\text{фонд потребления}) = 2378$$

$$II \quad 1244 c + 2488 (\text{фонд потребления}) = 3732$$

6100

Таким образом, в капиталистическом секторе мы имеем теперь перепроизводство средств производства на 60. Средства производства на 60, излишние в капиталистическом секторе, поступают на замещение дефицита $DI II C$, который не может быть покрыт в мелкобуржуазном секторе, причем $DI II$ дает добавочный рынок для размещения этих 60. В свою очередь KI закупает на эту сумму в $DI II$ не хватающие ему на 60 средства потребления.

Посмотрим теперь, как будут меняться условия пропорциональности, если в начале нового операционного года в капиталистическом секторе произойдет обычная перегруппировка прибавочной ценности, с отделением в накопление половины ее, а мелкобуржуазный сектор начнет операционный год в условиях расширения производства на 2% в каждом из подразделений.

Капитализируя и в первом, и во втором подразделениях половину прибавочной ценности, т.е. в $I - 300$, а в $II - 140$, вычитая на увеличение органического состава капитала по 1% от постоянного капитала прежнего года, т.е. для первого подразделения 24, для второго 8,4, деля затем остаток прибавочной ценности каждого подразделения пропорционально органическому составу капитала каждого подразделения, мы получим тогда увеличение $v I$ на 55,2 а $v II$ на 32,9. В целом схема будет тогда такова:

$$I \quad 2644,8 c + 655,2 v + 300 (\text{фонд потребления})$$

$$II \quad 947 c + 312,9 v + 140 (\text{фонд потребления})$$

Мы имеем, таким образом, избыток средств производства в капиталистическом секторе на сумму $655,2 + 300 - 947$, т.е. на 8,2.

Цифры мелкобуржуазного сектора в условиях роста производства на 2% будут следующие¹³:

$$I \ 1207 \ c + 1207 \ (\text{фонд потребления})$$

$$II \ 1269 \ c + 2538 \ (\text{фонд потребления})$$

В мелкобуржуазном секторе мы будем иметь дефицит на средства производства в 62. Этот дефицит немного выше дефицита исходной схемы D сектора, потому что DII C растет немного быстрее, чем фонд потребления в DI , вследствие того что с самого начала DII C было больше потребительского фонда DI . Но если раньше весь дефицит на средства производства в DII покрывался из капиталистического сектора, т.е. из остатка при обмене $v + \frac{1}{2} MI$ на CII , то теперь этот остаток равен всего 5,2. Мы имеем здесь перед собой случай, когда развертывание второго подразделения капиталистического сектора замещает второе подразделение мелкобуржуазного сектора и в качестве рынка для сбыта продукции KI , и в качестве поставщика для KI предметов потребления. В результате такого положения DII не может возместить свой постоянный капитал на $62 - 8,2$, т.е. на 53,8. Ему, с одной стороны, не хватает рынка на эту сумму, а с другой – средств производства в вещественной форме.

Равновесие может быть восстановлено либо снижением производства во всем DII , либо путем переброски производительных сил из DII в DI в следующем году.

Еще более отчетливо выступают перед нами все условия пропорциональности разбираемого случая, если мы, игнорируя факт диспропорции, продолжим развертывание всех величин на следующий год, т.е. дадим еще дальше развертываться отмеченной диспропорции.

Тогда, строя схему следующего года на основе производственных результатов истекшего, мы получим такие цифры распределения производительных сил:

Итог года в капиталистическом секторе

$$I \ 2644,8 \ c + 655,2 \ v + 655,2 \ m$$

$$II \ 947 \ c + 312,9 \ v + 312,9 \ m$$

Новая перегруппировка для производства в следующем году на этой базе будет такова:

$$I \ 2912,2 \ c + 715 \ v + 327,6 \ (\text{фонд потребления})$$

$$II \ 1066,7 \ c + 349,5 \ v + 154,4 \ (\text{фонд потребления})$$

Мелкобуржуазный сектор

$$I \ 1231 \ c + 1231 \ (\text{фонд потребления})$$

$$II \ 1294 \ c + 2588 \ (\text{фонд потребления})$$

Анализируя этот итог, мы видим, что в этом году капиталистический сектор не только не дает излишка средств производства для сбыта их в мелкобуржуазный сектор, но сам имеет дефицит в 24,1 на средства производства. Эти средства производства второе подразделение не может получить для возмещения своего C также и из DI , потому что в мелкобуржуазном секторе мы, в свою очередь, имеем дефицит на средства производства и перепроизводство средств потребления. И здесь второе подразделение не может ни найти рынка для 63 своих средств потребления, которые должны воспроизвести недостающую ему часть постоянного капитала, ни найти средств производства на эту сумму.

Мы имеем, таким образом, во всем общественном производстве товарный голод на средства производства, равняющийся $63 + 24,1 = 87,1$.

Такое положение (если не считать небольшого несоответствия в темпе роста $Д II$ с потребительским фондом $Д I$) получилось от двух причин: от повышения органического состава капитала обоих подразделений капиталистического сектора, во-первых, от более быстрого темпа накопления в $K II$, связанного с более низким органическим строением капитала в этом подразделении в сравнении с $K I$, во-вторых. Таким образом, здесь при механическом развертывании процесса расширенного воспроизводства пробивает себе путь уже отмеченная нами выше тенденция капиталистической экономики, заключающаяся в систематическом перенакоплении в сферах низкого органического строения капитала, т.е. в данном случае в области капиталистического производства средств потребления. А это, в свою очередь, приводит к принудительной необходимости для общества более или менее эластично или в порядке кризиса осуществлять перераспределение производительных сил в сторону увеличения прилагаемого капитала в областях производства средств производства.

Этот последний пример, характерный для капиталистической экономики периода ее развития, имеет особый интерес для нас еще и потому, что он отчасти воспроизводит (хотя и в слишком общей и абстрактной форме) также и те процессы, которые мы, *mutatis mutandis*, наблюдаем в настоящий момент в экономике СССР, поскольку изучаем ее под углом зрения хозяйственного равновесия во всей системе.

Прежде чем покончить с этой частью нашего исследования, касающегося накопления и расширенного воспроизводства при реальном капитализме, мы хотели бы, после того как мы рассмотрели вопрос о перенесении капитала из $K II$ в $K I$, остановиться в двух словах на проблеме перенесения элементов производства из мелкобуржуазного сектора в капиталистический. Если оставить в стороне всякие меры внеэкономического давления крупного капитала и его государства на мелкобуржуазное производство (например, систему налогов и т.д.), а оставаться лишь в сфере чисто экономических отношений и процессов, то наиболее интересной и наиболее существенной формой перенесения капитала из мелкобуржуазного сектора в капиталистический является использование капиталистическим сектором мелкобуржуазного денежного накопления.

Это денежное накопление является с точки зрения обмена ценностей рядом продаж без соответствующих покупок, причем деньги от этой операции поступают в дальнейшем в распоряжение капиталистического производства. Допустим, в мелкобуржуазном секторе мы не имеем роста применяемого капитала, но имеем систематическое превышение потребления над потребительским фондом либо имеем расширение производств, но в размерах, не поглощающих всего прибавочного продукта, в результате чего, допустим, 2% ежегодно от всего потребительского фонда, в нашей последней исходной схеме 2% от $(1844 + 2488) = 73,4$, представляют из себя частью продажи средств производства мелкобуржуазного происхождения, частью средств потребления, без соответствующих покупок. Если вырученные от продажи средства вкладываются в банки и сберегательные кассы, идут на покупки промышленных бумаг и т.д., то все эти средства в денежной форме или через банковскую систему, или непосредственно путем подписки на промышленные акции поступают в распоряжение капиталистического сектора хозяйства и служат источником дальнейших закупок у мелкобуржуазного сектора без встречных продаж ему. Если исключить частичное возвращение ценностей в форме процента, мы имеем здесь с экономической точки зрения, под покровом финансово-денежных взаимоотношений, односторонний поток ценностей из мелкобуржуазного сектора в капиталистический. Если $Д I$ продает капиталистическому сектору средства производства, например хлопок, кожи и т.д., не делая закупок у последнего, если $Д II$ продает хлеб, мясо, масло,

не делая закупок, а полученные от продажи деньги служат для капиталистического сектора источником новых закупок без продаж, то капиталистический сектор получает в результате всего этого процесса дополнительные ресурсы для своего развертывания: он увеличивает в данном случае свой постоянный и переменный капитал не на основе собственного накопления. Оба подразделения *K* получают и добавочные средства потребления для увеличения переменного капитала, и добавочные средства производства для увеличения *C*. Это подкрепление ресурсов капиталистического накопления со стороны, т.е. из источников, лежащих вне капиталистического круга, играет очень важное значение как для преодоления диспропорции в том случае, когда у капиталистов не хватает ресурсов для увеличения переменного капитала, так и в том случае, когда расширение производства, вынуждаемое всем ходом накопления предыдущего года, встречается с недостатком нового капитала, имеющего вещественную форму средств производства, и притом таких, которые могут быть произведены в мелком производстве.

Таким образом, если перегруппировка производительных сил внутри мелкобуржуазного сектора, диктуемая ему механизмом капиталистического рынка, в известных пределах служит существенным элементом достижения равновесия в капиталистическом секторе хозяйства, то, с другой стороны, мелкобуржуазное накопление, являясь очень существенным фактором, облегчающим капиталистическое расширенное воспроизводство, также увеличивает эластичность всего механизма для достижения хозяйственного равновесия.

После этого краткого исследования условий хозяйственного равновесия при конкретном капитализме мы сможем уже перейти к ценностному анализу равновесия при приостановке развития, далее, при падении производительных сил общества и при переломе к восстановлению, т.е. к рассмотрению, в общем, процесса снижающегося воспроизводства. Ярким примером экономики этого типа являются в настоящий момент некоторые страны послевоенной Западной Европы. Но здесь нам придется по самому характеру темы рассмотреть последствия изменения и тех условий, которые в нашем предыдущем исследовании мы оставляли без изменений, т.е. рассмотреть влияние изменений в области производительности труда, уровня эксплуатации, изменения соотношения между размерами потребляемой и накапливаемой прибавочной ценности и некоторые другие стороны проблем.

Снижающееся воспроизводство

Исследование проблемы пропорциональности при снижающемся капиталистическом воспроизводстве имеет не только теоретический интерес. Мы предпринимаем это исследование отнюдь не затем, чтобы педантически пополнить анализ простого и расширенного капиталистического воспроизводства и рассмотреть так называемые «все случаи». С тех пор как капитализм вступил в полосу распада, с тех пор как ряд капиталистических стран годами жил (после начала империалистической войны) в обстановке снижающегося воспроизводства, а некоторые, как Англия, и до сих пор находятся в этой экономической ситуации, с тех пор когда та или иная часть мирового капиталистического хозяйства может в любой момент пойти по пути быстрого экономического регресса, анализ условий снижающегося воспроизводства и его последствий приобретает огромный практический интерес. В частности, ввиду растущих связей нашей экономики с мировым хозяйством такое исследование необходимо также и для понимания некоторых специфических условий нашего существования, нашего хозяйственного развития. Я должен только, к сожалению, ограничить исследование этой проблемы самым существенным, чтобы не отклоняться далеко от моей основной темы.

Теоретически мыслимы следующие наиболее характерные случаи снижающегося воспроизводства: 1) когда при данном и неизменном размере непроизводительного потребления капиталистического общества происходит или неуклонное сокращение производительно занятого рабочего населения, или падение производительности труда той же массы рабочих сил при старом уровне зарплаты, или сокращение производительно занятых рабочих сил одновременно с падением производительности труда; 2) когда при тех же, и даже растущих временно, размерах занятого рабочего населения и при том же, и даже растущем, уровне производительности труда непроизводительные расходы капиталистического общества растут с такой огромной быстротой, что они поглощают не только идущую в накопление часть годовой прибавочной ценности, но и съедают ежегодно часть основного и оборотного капитала производства. Это неизбежно приводит в дальнейшем к уменьшению из года в год размеров переменного капитала, а тем самым и к сокращению из года в год создаваемой прибавочной ценности.

Разница между первым и вторым случаем заключается в том, что в первом случае прибавочная ценность сокращается вследствие сокращения v при том же уровне эксплуатации. При тех же размерах непроизводительного потребления наступает момент, когда непроизводительное потребление оказывается выше всего количества m и начинается проедание основного капитала страны. Во втором случае непроизводительное потребление растет быстрее роста v и роста вновь создаваемой прибавочной ценности, и через некоторое время страна, пройдя период сокращения темпа накопления, приходит к тому же результату, т.е. проеданию основного капитала, к сокращению оборотного, к уменьшению v и к растущему превышению добавочного потребления в сравнении с накоплением.

И в том, и в другом случае может наступить момент такого распада хозяйства, когда «нормальные» размеры непроизводительного потребления, существовавшие до начала упадка, будут превышать размеры годовой прибавочной ценности, создаваемой в условиях «нормальной» эксплуатации данного количества рабочих, и распад автоматически будет идти дальше. Тогда без резкого сокращения непроизводительного потребления и без резкого увеличения уровня эксплуатации возвращение к условиям расширенного капиталистического воспроизводства вообще уже будет невозможно.

С начала мировой войны в экономике воевавших стран Европы мы видим комбинацию обоих этих случаев, а именно: 1) общее сокращение занятых в производстве рабочих сил вследствие повторных мобилизаций; 2) падение производительности труда вследствие замены части мобилизованных квалифицированных рабочих необученными, женщинами, детьми и т.д.; 3) падение производительности труда вследствие ухудшения качества сырья и сокращения капитальных затрат на переоборудование, т.е. вследствие ухудшения орудий производства; 4) проедание без возмещения *in natura*, во-первых, основного капитала и затем оборотного, в том числе недостаточное снабжение сырьем, ликвидация нормальных запасов и т.д.

В нашем анализе, в интересах упрощения исследования, мы рассмотрим ценностное равновесие воспроизводства в условиях, когда происходит огромный рост непроизводительного потребления, съедающий всю прибавочную ценность общества и приводящий к необходимости систематического проедания основного и оборотного капиталов. Мы исходим из предположения, что обычное непроизводительное потребление остается в абсолютных цифрах тем же, каким было до начала экономического регресса: уровень эксплуатации, производительность труда остаются прежними; все же изменения в экономике связаны с резким возрастанием непроизводительного потребления за обычные для данного общества пределы. Этот случай не вполне характерен для экономики Европы во время войны, потому что упрощает обстановку, но в основном дает канву для понимания тех процессов, которые имели место в европейском хозяйстве во время войны

и которые создали послевоенную обстановку на Западе. Мы имели в Европе сокращение v , но не столько вследствие сокращения капитала производства, сколько вследствие мобилизации. Однако результаты это давало те же; в том же направлении влияло сокращение v и m вследствие ухудшения качества рабочих сил при уменьшении оплаты ухудшенной рабочей силы. Проедание основного и оборотного капиталов вследствие резкого превышения непроизводительных расходов над размерами ежегодно создаваемого m также имело место в огромном размере. Однако своеобразие этого проедания заключалось в том, что непроизводительное потребление не только носило характер растраты созданных ценностей, но и увеличение производства и аппарата производства ценностей только для непроизводительной растраты: мы имеем в виду здесь военную промышленность. Не составило бы большого труда наряду с двумя обычными подразделениями Маркса ввести для экономики воевавшей Европы сектор военной промышленности, т.е. той специфической формы, в которой происходила преимущественно растрата производительных сил общества. Однако в этом вряд ли есть необходимость, если только мы сделаем заранее поправку насчет судьбы основного капитала военной промышленности, когда будем говорить об условиях послевоенного восстановления европейского хозяйства. В самом деле, если, допустим, сверх обычного непроизводительного потребления обществу приходится покрыть новую, чрезвычайную сумму непроизводительного потребления, вызванную войной, то возникают вопросы: 1) откуда эта сумма может быть взята? 2) в какой форме она будет растрчена? Первым источником покрытия этого чрезвычайного расхода общества в условиях сохранения обычного уровня непроизводительного потребления и уровня эксплуатации будет та часть прибавочной ценности, которая раньше накоплялась и шла на расширенное воспроизводство. Вторым источником, если не считать сокращения запасов, является растрата без возмещения постоянного капитала производства. Конкретно, если на 1 млн стоимости продукции какой-либо отрасли производства амортизация основного капитала составляет 300 тыс., а стоимость сырья 500 тыс., то прекращение амортизации основного капитала высвобождает полностью или большей частью эти 300 тыс. и делает их добычей непроизводительного потребления. Если в условиях снижающегося воспроизводства сокращается и оборотный капитал промышленности, то и некоторая часть 500 тыс. также может быть переведена в фонд непроизводительного потребления. При реальном снижении воспроизводства освобождается также часть капитала, служившего фондом авансирования зарплаты. Вот почему строя схему снижающегося воспроизводства мы можем просто из ценности годового производства вычитать суммы, превышающие фонд накопления, и на всю сумму, превышающую этот фонд, уменьшать размеры постоянного и переменного капитала обоих подразделений капиталистической экономики.

Здесь возникает только крайне сложный вопрос о взаимоотношении между всем основным капиталом страны и ежегодно снашивающейся его частью. Если, допустим, из 1000 c ежегодно возмещаемого в условиях простого или расширенного воспроизводства в обстановке снижающегося воспроизводства возмещается только 900 c , то это не всегда значит, что новый цикл должен начаться с уменьшения на 10% и всего C большого, т.е. всего фактически функционирующего основного капитала. В действительности дело обстоит много сложнее. Если на машину, которой осталось еще шесть лет работы, год-два не производится амортизационного отчисления не с бухгалтерской, а с экономической точки зрения, т.е. она не возмещается соответствующим уровнем машиностроения страны, а машина, которая была бы сменена в нормальных условиях, теперь служит лишние год, два, три, то все это дает возможность функционирования временно несколько большего основного капитала, чем это может быть уловлено в числовых схемах фактического восстановления основного капитала. Мы будем иметь перед собой своеобразный заем из всего запаса основного капитала общества. Однако все это имеет значение

не на очень длительный промежуток времени, во всяком случае меньший, чем средний срок снашивания основного капитала страны. Вот почему, игнорируя весь этот факт, имеющий важное практическое значение, мы при *теоретическом* анализе условий снижающегося воспроизводства сознательно упрощаем проблему и всю невозвращаемую в данном году часть функционирующего капитала вычитаем из активного капитала производства. Для понимания тенденций на протяжении длительного срока действия изучаемого процесса это будет правильно. Но к этому мы еще вернемся ниже, потому что вся эта проблема будет ясней, когда мы будем иметь перед собой иллюстрирующие изложение арифметические схемы снижающегося воспроизводства.

Теперь возникает другой вопрос: что же происходит в сфере распределения труда общества, когда из общей массы функционирующего раньше капитала определенная часть не возмещается каждый следующий год?

Если в нашем примере из 1000 с не возмещается 100 с, а из этих 100 – 70 занимает основной капитал, а 30 – оборотный в его вещественной форме, т.е. сырье, топливо и т.д., то это значит, что то количество рабочих, которое восстанавливало 70 с в сфере производства машин, постройки зданий и т.д., теперь не занято в первом подразделении, а также сокращено количество рабочих, возмещавших на 30 с сырья, топлива и т.д.¹⁴ Иными словами, рост непроизводительного потребления за счет проедания капитала общества означает, в данном случае, сокращение производительных занятых рабочих кадров и рост непроизводительной армии труда. В данном случае это может быть: рост числа безработных, а в период войны, главным образом, увеличение числа мобилизованных на фронт и, наконец, увеличение числа рабочих военной промышленности, производящих орудия войны.

Это последнее обстоятельство необходимо осветить несколько подробнее. Может показаться странным приравнивание рабочих военной промышленности к армии безработных или к мобилизованным на фронт, поскольку эти рабочие заняты в производстве, хотя бы это было, употребляя термин т. Бухарина, «отрицательное расширенное воспроизводство». Тем не менее это так. Рабочие военной промышленности производят ценности, но ценности, идущие на уничтожение. Они не производят ни предметов индивидуального потребления, ни предметов производительного потребления, ни средств производства для производства предметов потребления. Рабочие военной промышленности производят и прибавочную ценность, но эта прибавочная ценность в своей вещественной форме есть те же орудия войны, т.е. ценности, непосредственно идущие на уничтожение. Прибавочная ценность капиталистов до ее реализации имеет натуральную форму пушек, пулеметов, ружей, снарядов, инженерного имущества, амуниции и т.д., а реализация ее состоит в обмене всего этого на деньги или обязательства разных видов и сроков, получаемые от государства, т.е. на деньги или титулы на доход. При закупках средств производства для военной промышленности и средств потребления для ее рабочих и капиталистов происходит одностороннее изъятие из ресурсов страны ценностей, которые в натуральной форме не замещаются ни средствами производства, ни средствами потребления для других областей общественного воспроизводства и потребления. При таких условиях прибавочная ценность рабочих военной промышленности играет такую роль: предназначенные для военной промышленности машины, металл, топливо, средства потребления рабочих не просто уничтожаются, а уничтожаются после прибавления к ним стоимости прибавочного труда рабочих. Учет этой прибавочной ценности очень важен для бухгалтерии расходов войны, но не имеет никакого значения при анализе условий пропорциональности всего общественного воспроизводства, потому что в этом воспроизводстве прибавочная ценность военной промышленности никак не участвует, а все расходы сырья, снашивания основного капитала и потребления рабочих идут по графе непроизводительных расходов общества.

После сказанного нам остается упомянуть еще о том, куда идут материальные ценности, снимаемые при снижающемся воспроизводстве с капитала общества, плюс прибавочная ценность всех отраслей, кроме военной промышленности. Ценности, имеющие натуральную форму средств потребления, идут на содержание армий всех видов и в потребительский фонд рабочих и капиталистов военной промышленности. Ценности, имеющие натуральную форму средств производства, будь то машины для производства оружия и амуниции, будь то металл или топливо, участвуют как постоянный капитал в воспроизводстве орудий войны и военных припасов и подвергаются уничтожению, пройдя эту стадию переработки. В тех случаях, когда в самой военной промышленности создаются средства производства, могущие служить по своей натуральной форме для производства нормального периода, эти средства производства фигурируют в расходе общества в меру своего фактического износа или потребления.

Из всего вышеизложенного читатель может видеть, почему мы при изучении условий равновесия снижающегося воспроизводства и для фактически нам знакомого случая такого воспроизводства, периода мировой войны, не считаем нужным, кроме обычных двух Марксовых схем общественного воспроизводства, строить третью схему – схему военной промышленности. Этот вид непроизводительного потребления, имеющий форму непроизводительного воспроизводства, в схемах воспроизводства всего общества может быть учтен лишь как прямая растрата средств производства и средств потребления. Другое дело, если бы мы изучали экономику войны для какой-либо конкретной страны: тогда ценностный анализ был бы совершенно недостаточен, тогда нужно было бы изучать пропорциональность и вещественных элементов обмена. Тогда и снижение воспроизводства в первом и втором подразделениях никогда не оказалось бы даже приблизительно равномерным.

Обратимся теперь к арифметическим схемам, которые должны будут наиболее наглядно иллюстрировать процесс снижающегося воспроизводства в его ценностном выражении.

В качестве исходной схемы возьмем производственный итог нормального года, предшествовавшего войне и давшего, допустим, следующий результат по первому и второму подразделениям:

$$I \quad 5000 \ c + 1000 \ v + 1000 \ m = 7000$$

$$II \quad 1500 \ c + 375 \ v + 375 \ m = 2250$$

$$\text{Итого } 9250$$

Из этой суммы валового дохода общества чистый доход его (с точки зрения общества, а не класса капиталистов) равняется $v + m$ обоих подразделений, т.е. 2750. Органический состав капитала в первом подразделении выше, чем во втором, и характеризуется отношением 5 : 1, во втором же 4 : 1. На весь период снижающегося воспроизводства органический состав капитала остается у нас без изменения. Далее мы принимаем, что абсолютная цифра потребления класса капиталистов остается неизменной на весь период снижающегося воспроизводства, т.е. для первого подразделения она равна 500, а для второго $375/2$, т.е. 187,5. Мы делаем это предположение не только с целью упрощения, но и потому, что, как показывает опыт Европы периода войны и после войны, непроизводительные расходы капиталистических стран очень туго поддаются снижению. Сокращаясь вследствие уменьшения зарплаты государственных служащих, они увеличиваются вследствие других причин, прямо или косвенно связанных с войной, например, благодаря росту государственного аппарата, дроблению территорий бывших больших государств и т.д. Кроме того, мы оставляем без изменения уровень эксплуатации рабочего класса, принимая его равным 100%, как и в Марксовых схемах. Это значит экономически, что в том варианте снижающегося воспроизводства, который мы в первую голову исследуем,

снижение производства происходит не вследствие падения производительности труда и уменьшения накопления на каждого занятого в производстве рабочего, а по другой причине, т.е. в данном случае по причине уменьшения производительности занятых рабочих сил (отвлекаемых на фронт и на военную промышленность) и вследствие одновременно происходящего снятия с производства каждый год определенной части капитала, функционировавшего в производстве в довоенный период.

Теперь предположим, что из общей суммы национального дохода общества, равной в нашей исходной довоенной схеме 2750, первый год снимается 40%, т.е. 1100. Предположим, что эта сумма снимается пропорционально чистому доходу каждого подразделения, что означает снятие с дохода первого подразделения 800, а со второго – 300. И та, и другая сумма больше прибавочной ценности каждого из подразделений, следовательно, снятие с национального дохода указанной суммы неизбежно требует снятия части средств с функционирующего капитала обоих подразделений. В самом деле, из 1000 прибавочной ценности первого подразделения 500 идет на обычные расходы класса капиталистов и всех тех, кого они содержат за счет своего потребительского фонда, причем, как мы уже условились, эта сумма остается неизменной на весь период снижающегося воспроизводства. Остающиеся 500, которые раньше, т.е. в период расширенного воспроизводства, служили фондом накопления, теперь также целиком поглощаются непроизводительным потреблением, и, кроме того, еще остается покрыть 800 – 500, т.е. 300. Эти 500 снимаются с капитала первого подразделения, пропорционально распределению постоянного и переменного капитала, причем снятие части переменного капитала, с точки зрения распределения труда в обществе, означает соответствующий перевод части рабочих в армию непроизводительных. Таким образом, $v I$, равное в исходной схеме 1000, уменьшается на 50 и равно теперь 950, а c снижается пропорционально с 5000 до 4750.

Совершенно то же происходит и со вторым подразделением, где снимаемая с дохода сумма равна соответственно не 800, а 300, а снимаемая с капитала сумма равна 300 – 187,5, т.е. минус прибавочная ценность, которая шла раньше в накопление, а теперь создается чрезвычайным непроизводительным потреблением эпохи войны. С капитала снимается, таким образом, 112,5, что дает снижение $v II$ на 22,5 v , после чего он равен 352,5 v ; 90 снимается с $c II$, после чего постоянный капитал второго подразделения уже равен 1410 c .

После всех этих изъятий распределение общественного капитала в первый год снижающегося воспроизводства будет таково:

$$I \ 4750 \ c + 950 \ v \ + \ 500 \ (\text{фонд потребления класса капиталистов})$$

$$II \ 1410 \ c + 352,5 \ v + 187,5 \ (\text{фонд потребления класса капиталистов})$$

Сравнивая размеры переменного капитала плюс фонд потребления первого подразделения с постоянным капиталом второго, т.е. ценностные величины, которые при сохранении пропорциональности в хозяйстве должны быть равны друг другу, мы видим здесь диспропорцию. А именно: $950 + 500 = 1450 > 1410$, разница равна 40. Совершенно очевидно, что именно является причиной диспропорции при данных условиях снижения воспроизводства. Второе подразделение имеет более низкий органический состав капитала, следовательно, постоянный капитал у него относительно меньше в сравнении с переменным, чем в первом подразделении, и чистый доход относительно больше, а тем самым, при одинаковом проценте «военного налога» на доход, изъятие, падающее на капитал второго подразделения, чувствительней для него и задевает больше и его постоянный капитал, в то время как «нормальный» фонд потребления класса капиталистов первого подразделения остается без изменения, равняясь все время сумме 500. Ниже мы увидим, что здесь перед нами не случайная диспропорция одного года, а постоянный процесс, характеризующий постепенный переход к пропорциям простого воспроизводства.

Следовательно, в тех условиях, которые являются у нас, в рассматриваемом варианте, предпосылками снижающегося воспроизводства, диспропорция заложена в самой основе процесса. Мы имеем здесь нечто, как раз обратное тому закону, который мы установили для расширенного воспроизводства в условиях роста органического состава капитала, если только второе подразделение имеет более низкий органический состав капитала и, следовательно, накопление в нем растет быстрее, чем в первом подразделении. В этом последнем случае равновесие устанавливается путем переброски капитала из II в I , тогда как теперь оно может быть достигнуто обратной операцией, т.е. более быстрым снятием капитала с I , более медленным с II , если вся снимаемая сумма является величиной данной.

Вернемся теперь к вопросу о том, что означает для экономики общества весь только что описанный процесс. Уменьшение c I на сумму 250 означает, что, во-первых, эти 250 в их материальной форме машин, металла, топлива, сырья и т.д. изъяты из функционирующего капитала первого подразделения и поступили на непроизводительное потребление, т.е. закопаны в землю, как снаряды, обращены в постоянный капитал военной промышленности, сожжены в виде топлива на транспорте при перевозке войск и т.д. Во-вторых, это означает, что эти 250 не воспроизводятся в экономике общества и на будущее время, чему соответствует уменьшение переменного капитала l на 50, или 5%. Эти 5% в форме денежного капитала, авансировавшегося на соответственные 5% v , теперь высвобождаются, а взятые в их натуральной форме средства производства также брошены в яму войны. Сами же рабочие в количестве 5% или мобилизованы на фронт, или же работают в военной промышленности. Если даже они производят не непосредственно орудия войны, а средства производства для военной промышленности, все равно они как бы отсечены от производственного аппарата общества и для него уже не существуют на определенный срок. Само собой разумеется, что бухгалтерски, с точки зрения амортизации, например, основного капитала в отдельных предприятиях I , все это может выглядеть совсем иначе. Да и фактически, как мы уже указали выше, снятие 250 с c малого первого подразделения может не означать уменьшения функционирующего фактически основного капитала на весь процент этих 250, приходящихся на основной капитал, а меньшую сумму, потому что восполнение может идти из резервов C большого, т.е., поскольку дело идет об основном капитале, из основного капитала *всего общества*, причем невозстановление основного капитала может носить форму временного займа из основных фондов страны.

Что касается второго подразделения, то снятие c II на 90 может экономически означать следующее. Эти 90 имеют натуральную форму средств потребления (мануфактура, предметы питания и т.д.). Нормально они пошли бы в I подразделение и обменялись на равноценное количество средств производства, необходимых II , т.е. на машины, сырье, топливо. Теперь они в форме средств потребления идут в распоряжение воюющего государства и непроизводительно потребляются фронтом. С другой стороны, они не могут быть обменены на средства производства из I еще и потому, что I сокращает свой обменный фонд, поскольку сокращает количество рабочих, и часть фонда v I в ее натуральной форме средств производства теперь не воспроизводится. Но и здесь возможно *фактическое* сокращение функционирующего капитала не на все 90, хотя все 90 уже непроизводительно съедены. В самом деле, часть c II , которая состоит из сырья и топлива, не может быть уже возмещена из I , тогда как *основной капитал* с II еще может дать резервы для его использования без возмещения некоторое время. Тем сильнее наступит кризис основного капитала после, т.е. наступит в размерах, далеко превышающих размеры его невозстановленного снашивания за данный год. Сокращение v II означает сокращение производства новых ценностей в форме средств потребления, соответственно растрату части переменного капитала и соответственный перевод части рабочих в армию непро-

изводительных. Однако если б производство средств потребления нельзя было бы сокращать в таком размере, как это диктуется изъятием капитала из II, то задержать свертывание производства, при сохранении того же общего размера изъятия, можно было бы путем такой перегруппировки внутри II, когда v уменьшилось бы на меньшую сумму, зато увеличилась бы растрата основного капитала II из его резервов и, таким образом, без нажима на обмен $v + m/x$ I на c II удалось бы уменьшить размеры неизбежного снижения всей валовой суммы производства средств потребления, что как раз для экономики войны имеет огромное значение. Европейский капитализм, вопреки тому что ожидалось в начале войны, оказался в высокой степени гибким и эластичным для преодоления трудностей войны именно потому, что он чрезвычайно много черпал из невосстанавливаемых резервов своего основного капитала и тем, например, превращал машины, здания и т.д. в средства производства и средства потребления в гораздо большем размере, чем это было бы возможно в условиях нормальной амортизации. Этим он высвобождал для фронта и военной промышленности и соответствующие массы рабочих сил.

Вернемся теперь к нашей схеме. В конце первого года сниженного воспроизводства мы будем иметь в результате сжатия производства, но при прежнем уровне эксплуатации такой результат:

$$\begin{aligned} I & 4750 c + 950 v + 950 m = 6650 \\ II & 1410 c + 352,5 v + 352,5 m = 2115 \\ & \text{Итого } 8765 \end{aligned}$$

Размеры валового производства уменьшились по сравнению с исходной схемой, но уменьшились значительно меньше, если сравнивать итог с тем, который получился бы при той же исходной схеме, но в условиях расширенного воспроизводства.

Предположим теперь далее, что новый год начинается после повторного изъятия из национального дохода еще большей суммы, чем раньше, т.е. не 40%, а 50% от чистого дохода исходной довоенной схемы, т.е. после изъятия 1375 (как известно, расходы воюющей Европы повышались из года в год). Произведя вычисления, подобные тем, которые мы уже приводили выше, и сделав изъятия из второго подразделения на 105 меньше, чем это следовало бы по размерам чистого дохода II, с тем чтобы ликвидировать не только диспропорцию первого года, но и предупредить диспропорцию для второго года, мы будем иметь такое распределение капитала на второй операционный год снижающегося воспроизводства:

$$\begin{aligned} I & 4200 c + 840 v + 500 \text{ (фонд потребления)} \\ II & 1248 c + 337 v + 187,5 \text{ (фонд потребления)} \end{aligned}$$

В конце года при таких размерах общественного капитала мы будем иметь:

$$\begin{aligned} I & 4200 c + 840 v + 840 m = 5880 \\ II & 1348 c + 337 v + 337 m = 1922 \\ & \text{Итого } 7802 \end{aligned}$$

Если бы продолжалось и на следующие годы изъятие из валового дохода количества ценностей, равное изъятию данного года или несколько больше, мы очень скоро, т.е. через три-четыре года, имели бы такое уменьшение v обоих подразделений, что создаваемая всеми рабочими страны масса прибавочной ценности, при той же норме эксплуатации, стала бы приближаться, приблизилась, а затем сделалась бы меньше нормального фонда потребления капиталистического класса, т.е. в первом подразделении ниже 500, во втором – ниже 187,5. Тогда даже в случае полного прекращения чрезвычайных военных расходов и связанной с войной растраты общественного капитала

и уменьшения производительно занятых рабочих капиталистическое общество должно было бы автоматически пойти ко дну. Тогда, если б не было сокращено непроизводительное потребление класса капиталистов или не увеличен уровень эксплуатации, производительные силы разрушались бы без всякой войны, только на основании несоответствия между «нормальным» непроизводительным потреблением и размерами создаваемой прибавочной ценности. Капиталистическое общество автоматически шло бы ко дну.

Изображенный нами процесс снижающегося воспроизводства имеет две важные критические точки, которые должны быть отмечены: точка простого воспроизводства на довоенном уровне производительных сил и точка простого воспроизводства на значительно более низком уровне. Условия равновесия меняются на протяжении всего этого процесса следующим образом: 1) сначала равновесие расширенного воспроизводства – это исходная схема; 2) затем начинается рост непроизводительного потребления, что на определенной стадии приводит к простому воспроизводству *на уровне последнего года расширенного воспроизводства*. В нашей схеме мы прямо начали с таких размеров снижающегося воспроизводства, что не только создался уже в первый год весь фонд накопления, но и началась растрата капитала общества. Но если мы вернемся к нашей исходной схеме, то можем восстановить эту первую критическую точку, меняющую условие равновесия. В самом деле, мы имеем вначале:

$$I \ 5000 \ c + 1000 \ v + 1000 \ m$$

$$II \ 1500 \ c + 375 \ v + 375 \ m$$

Допустим, непроизводительное потребление, равнявшееся в нормальный предвоенный год в условиях расширенного воспроизводства $1000/2 + 375/2$, т.е. 687,5, теперь возрастает вдвое по причинам ли, связанным с военными расходами, или по каким-либо другим. Тогда этим непроизводительным потреблением будет съедена вся прибавочная ценность общества в размере 1375, и накопление прекратится. Но в этом случае не только прекратится расширенное воспроизводство, но должно резко измениться распределение капитала между первым и вторым подразделением. При простом воспроизводстве $m + v I$ должно равняться $c II$, а в нашем примере, наоборот, $1000 \ v + 1000 \ m I > 1500 \ c$. Если экономика общества задержится на известный срок на уровне простого воспроизводства или близко к этому уровню, то это неизбежно должно вызвать очень существенную перегруппировку производительных сил. При том же размере капитала, который мы имеем в нашей схеме, прекращение накопления и переход к простому воспроизводству должны привести к уменьшению прилагаемого капитала в первом подразделении и к увеличению его во втором.

Фактически весь капитал обоих подразделений, равный 7875, будет распределен теперь следующим образом:

$$I \ 4632,6 \ c + 926,4 \ v$$

$$II \ 1852,8 \ c + 463,2 \ v,$$

а итог года при простом воспроизводстве даст такой результат:

$$I \ 4632,6 \ c + 926,4 \ v + 926,4 \ m$$

$$II \ 1852,8 \ c + 463,2 \ v + 463,2 \ m$$

Прибавочная ценность, целиком теперь потребляемая капиталистическим обществом, будет равна 1389,6 вместо 1375 вследствие более низкого строения капитала и более быстрого накопления в II, потому что прирост $v II$ и накопление здесь перевешивают уменьшение накопления от уменьшения $v I$.

Из этого примера можно сделать два вывода. Первый вывод: если общество переходит вследствие роста непроизводительного потребления от расширенного воспроизводства к простому, то это меняет условия равновесия во всей экономике, неизбежно ослабляя удельный вес сектора производства средств производства. Вывод второй: при переходе от расширенного воспроизводства к простому (т.е. при переходе от условий, когда то перенакопление в сфере производства средств потребления, то разбухание производственного аппарата и перепроизводство в первом подразделении вследствие периодической смены, особенно в результате массовых технических улучшений основного капитала, остро выдвигают проблему новых рынков) проблема рынка теряет свою остроту и приобретает совсем иной смысл и значение. Для отдельной страны вопрос о рынках может, впрочем, стоять иначе вследствие зависимости процесса воспроизводства в ней от мирового разделения труда, конкретно – вследствие необходимости для нее известного импорта, что означает необходимость соответствующего экспорта на иностранные рынки.

Итак, переход от расширенного воспроизводства к простому вследствие роста непроизводительного потребления и при сохранении размеров капитала последнего года расширенного воспроизводства есть первая критическая точка в том процессе попятного движения капиталистического воспроизводства, которое мы здесь рассматриваем. За этой точкой идет такой рост непроизводительного потребления, когда начинается проедание капитала общества. И в этой стадии, как мы установили, при одинаковых вычетах из чистого дохода обоих подразделений, условия равновесия в этой обстановке также вызывают более быстрое проедание капитала первого подразделения, если только органический состав капитала во втором подразделении ниже, чем в первом, и обычное непроизводительное потребление в первом остается неизменным.

Если рост непроизводительного потребления носит чрезвычайный и временный характер, но продолжается, однако, настолько долго, что разрушает производительные силы общества до предела, когда вновь создаваемая прибавочная стоимость лишь в состоянии покрыть обычные непроизводительные расходы общества, то экономика общества подходит к новой критической точке. Раз эта точка будет перейдена, то даже прекращение чрезвычайного непроизводительного потребления не может уже спасти производительные силы от дальнейшего разрушения, если не произойдет сокращения обычного непроизводительного потребления буржуазного общества, либо усиления эксплуатации рабочего класса, либо того и другого вместе.

Мы рассмотрели один возможный вариант снижающегося воспроизводства, когда имеют место увеличение непроизводительного потребления вследствие огромных военных расходов, проедание капитала общества и одновременно с этим сокращение производительно занятых рабочих сил.

Теперь мы кратко рассмотрим, как те же результаты могут получиться вследствие действия других причин, взятых в отдельности или вместе.

Вернемся к нашей исходной схеме.

Прибавочная ценность, производимая за год в обоих подразделениях, равна у нас $1375 m$ при 1375 переменного капитала v . Если мы предположим, что все условия, влекущие за собой прекращение накопления и снижение воспроизводства, будут действовать, то мы можем получить обстановку снижающегося воспроизводства и без того резкого и внезапного возрастания непроизводительного потребления военного происхождения и характера, о котором у нас была речь.

Во-первых, пусть обычное непроизводительное потребление возросло, но всего, допустим, на 10% в сравнении с «нормальным». Такое возрастание может быть связано, как это мы видим на примере послевоенной Европы, с увеличением расходов на армии, после войны с увеличением количества государств и государственных аппаратов,

с увеличением нетрудоспособных, с уплатой военных долгов и репараций и т.д. Это даст увеличение фонда потребления класса капиталистов с 687,5 до 824, т.е. на 135,5.

Допустим, далее, вследствие падения производительности труда, связанной с нерациональным использованием промышленности в новых национальных границах, вследствие ухудшения сырья, износа оборудования, вследствие ухудшения качества рабочей силы, уменьшения интенсивности труда и т.д. мы имеем падение выработки на 15%, что даст 412,5. Если, кроме того, произойдет сокращение производительности занятого населения процентов на 15, т.е. в размерах, не очень далеких от размеров фактической хронической безработицы в Европе, то мы будем иметь ситуацию, когда общество будет стоять на грани либо перехода от расширенного воспроизводства к простому, либо уже вступит в первую стадию снижающегося воспроизводства. Если же прибавить к этому затруднения отдельных стран, связанных с мировым разделением труда в области снабжения их сырьем не местного происхождения, т.е. затруднения в области воспроизводства части оборотного капитала, особенно при неблагоприятном расчетном балансе со странами-производительницами сырья, то мы будем иметь на отдельных участках мирового хозяйства еще добавочные условия, толкающие на путь простого или даже снижающегося воспроизводства.

Сделанный нами краткий теоретический набросок условий снижающегося воспроизводства, а также новых условий равновесия хозяйственной системы при таком воспроизводстве может иметь и практическое значение. Он может быть применен в той или иной степени к анализу европейского хозяйства периода войны и послевоенных лет. С другой стороны, поскольку мировой капитализм вообще находится в стадии упадка, он неизбежно будет переходить на тех или иных своих участках от замедленного процесса расширенного воспроизводства к простому и к снижающемуся воспроизводству также и по другим причинам, не связанным непосредственно с последствиями войны. Во всех этих случаях теория снижающегося воспроизводства может служить вспомогательным орудием для изучения конкретной экономики отдельных стран, а также поможет ближе разобраться в такой ситуации мирового хозяйства, когда одни его части находятся в состоянии расширенного воспроизводства, в то время как другие или идут назад, или остановились в своем экономическом развитии. В частности, только на основе теоретического анализа расширенного воспроизводства с неуклонно замедляющимся темпом накопления и из анализа снижающегося воспроизводства на отдельных участках мирового капитализма и в отдельные периоды можно понять тот характер, который приняли в настоящий момент промышленные кризисы.

Попытаемся теперь применить результаты нашего теоретического анализа к пониманию некоторых основных процессов, которые мы наблюдали к экономике Европы во время войны и после войны. Во-первых, во всех воевавших странах происходило уменьшение производительности занятых рабочих сил вследствие массовых мобилизаций пролетариата на фронт и для обслуживания военной промышленности, при уменьшении производительности труда со стороны женщин, подростков и недостаточно квалифицированных рабочих, частично замещавших мобилизованных. Это всюду приводило к уменьшению переменного капитала, к уменьшению общей массы прибавочной ценности, создававшейся в воевавших странах.

Во всех воевавших странах происходили огромные растраты валового дохода, далеко превосходившие размеры прибавочной ценности, что неизбежно приводило к уничтожению резервов производства, существовавших в нормальных условиях, а также к растрате без восстановления основного и отчасти оборотного капитала. В сущности, каждая из этих причин, взятая сама по себе, была бы способна привести к снижающемуся воспроизводству. Уменьшение производительности занятых рабочих сил на известной стадии может сделать часть общественного капитала бездействующей и довести до ста-

дии снижающегося воспроизводства. И наоборот, быстрое проедание основного капитала, превращаемого в средства потребления для армии, в орудия войны или в средства производства для военной промышленности, в состоянии, на известной стадии развития этого процесса, сделать бездействующей часть рабочих сил, хотя использование до отказа резервов основного капитала способно, вообще говоря, сильно задержать и ограничить этот последний результат. Во время войны то и другое происходило параллельно. С одной стороны, отвлечение рабочих сил от производства шло своим чередом и в тех случаях, когда наличные размеры капитала позволяли их использование в производственном процессе. А одновременно с сокращением числа производственно занятых шло и проедание основного и оборотного капитала воевавших стран.

Что касается размеров производства угля, чугуна и стали, то надо иметь в виду одновременно размеры потребления этих средств производства военной промышленности. Здесь производство в значительной степени было лишь первой фазой непроизводительного потребления. Производство угля, чугуна, железа и т.д. непосредственно для военных нужд можно было бы с известным правом выключить из общего производства страны, как одну из форм непроизводительного потребления, если б не тот факт, что частично в таком же положении был и ряд других отраслей производства и что весь производственный аппарат этих отраслей с окончанием войны автоматически включался в производственный аппарат хозяйства мирного периода.

Наши схемы снижающегося воспроизводства на основе резкого роста непроизводительного потребления дают общее представление о том реальном процессе разрушения производительных сил, который мы видели в воевавших странах Европы. Но эта картина является слишком общей и не улавливает ряда специфических особенностей военной экономики Европы. Здесь, впрочем, мы сталкиваемся с фактом, который имеет место всюду, где от общетеоретического анализа воспроизводства приходится переходить к изучению воспроизводства конкретной страны или группы стран за определенный исторический срок. Ценностный теоретический анализ равновесия дает лишь канву для такого исследования, тогда как теперь уже необходимо изучение равновесия и с точки зрения натурального состава воспроизводства, и с точки зрения платежного баланса с другими странами, и с точки зрения валютных отношений, и с точки зрения кредита и задолженности и т.д.

В частности, наша схема, если б даже она верно изображала по годам движение валового производства, требовала бы изучения ряда важных добавочных процессов: 1) размеров использования резервов основного капитала; 2) изменения условий снабжения воевавших стран сырьем, что означало не только перебои в снабжении, но только резкий скачок цен на сырье, но и прекращение снабжения некоторыми видами сырья и переход на выработку сходных видов сырья или суррогатов. А это последнее обстоятельство неизбежно меняло распределение производительных сил внутри страны по сравнению с довоенным положением; 3) сокращение экспорта или почти полное прекращение его для некоторых стран, что, при заключении военных и коммерческих внешних займов, означало односторонний поток ценностей извне внутрь в счет будущих доходов наций. Все это вместе взятое изменяло сильнейшим образом условия равновесия, существовавшие до войны, создавая особый экономический режим, изучение которого на основе закона ценности сделалось крайне затруднительным, поскольку действие самого этого регулятора хозяйства искажалось до чрезвычайности вследствие усиления тенденций государственного капитализма и вследствие глубочайшей дезорганизации мирового рынка.

Но, допустим, мы имеем идеальное исследование европейской экономики за период мировой войны, где ценностный анализ в тех пределах, в каких он мог быть действительным, сопровождался также анализом натурального состава обмена, а также всеми

коррективами, вызванными существованием тенденций государственно-капиталистического характера. Допустим, исследование дает нам исчерпывающее описание всего производственного аппарата европейского капитализма, каким он вышел из войны; устанавливает связь европейского капитализма с мировым с точки зрения рынков и снабжения сырьем, с точки зрения учета новых обязательств, вытекающих из военных долгов, репараций и т.д. Спрашивается, можем ли мы исследовать европейское хозяйство, начиная с 1919 г., как экономику расширенного капиталистического воспроизводства? Или поставим вопрос более конкретно. Если мы возьмем количественные размеры европейского производства 1919 г. и сравним с соответствующим годом в прошлом, наиболее близким по размерам валового производства к 1919 г., будем ли мы иметь перед собой процесс воспроизводства, сколько-нибудь похожий на расширенное воспроизводство, допустим, 1890 г. или 1900 г.?

Ответ на этот вопрос может быть только отрицательным. Европейское хозяйство, начиная с 1919 г., его неустойчивое равновесие, его судороги в условиях развала валют, необеспеченности рынками, перебоями в снабжении сырьем, в условиях глубочайшей диспропорции между тяжелой и легкой промышленностью, в условиях резкого роста непроизводительного потребления в сравнении с довоенным положением и т.д. ни в коем случае нельзя исследовать, исходя из условий равновесия капиталистического расширенного воспроизводства. В тех случаях, когда перед нами восстановительный процесс, это отнюдь не расширенное воспроизводство нормального типа. В других случаях перед нами простое воспроизводство на основе сокращенного производства прибавочной ценности и огромного роста непроизводительного потребления, с колебаниями в сторону снижающегося воспроизводства. Когда восстановительный процесс берет верх и кривая валового производства начинает подниматься к довоенному уровню, превышая его даже в отдельных странах, как Франция, Италия, Бельгия, достигнутые успехи оказываются крайне непрочными, связанными с повышенной эксплуатацией рабочей силы, с разорением мелкой буржуазии, и стоят под вопросом в случае стабилизации валюты.

Остановимся сначала на восстановительном процессе. Равновесие восстановительного процесса весьма отлично от равновесия расширенного воспроизводства, и вот почему. Благодаря огромному развитию военной промышленности производительный аппарат тяжелой промышленности в Европе, главным образом металлургии и машиностроения, сильно разбух. Когда начался восстановительный процесс, то развитие тяжелой и развитие легкой промышленности были поставлены с точки зрения хозяйственного равновесия целого в различные условия. Поясним это на такой произвольной взятой схеме. Допустим, производство капиталистических стран Европы вместо исходной схемы, которую мы взяли выше, характеризуется для периода начала восстановительного процесса такими величинами, сохраняя довоенные размеры фонда потребления капиталистов:

$$I \ 3000 \ c + 600 \ v + 500 \quad (\text{фонд потребления})$$

$$II \ 1100 \ c + 275 \ v + 187,5 \quad (\text{фонд потребления})$$

Уже из этой схемы видно, что приближение всей экономики общества к простому воспроизводству вследствие сокращения c и сохранения потребляемой части m в довоенных размерах потребовало увеличения удельного веса всего второго подразделения. Далее, если начинается восстановительный процесс, то первое подразделение, имея прибавочной ценности, идущей в накопление, всего 100 вместо довоенных 500, в состоянии, однако, развернуть производство в гораздо большем размере, потому что оно имеет большие резервы основного капитала. Если б перед нами был обычный процесс расширенного воспроизводства и в то же время каждое подразделение развертывалось бы только на основе своего фонда накопления ввиду того, что развертывание требовало

бы создания нового постоянного капитала, 100 нового капитала I распределилось бы между c и v в пропорции $5 : 1$, и мы имели бы на новый год $3083,6 c + 616,4 v$, т.е. очень небольшое увеличение v . Теперь же, если добавочное c берется в большей своей части из резервов основного капитала, т.е. пускаются в ход потушенные домны, бездействовавшее оборудование машиностроительных заводов и т.д., то новый капитал 100 идет теперь на увеличение той части c , которая составляет оборотный капитал, и в гораздо большей степени на увеличение v . Если на v идет в данном году 80 из 100, то уже в данном году мы будем иметь небольшую диспропорцию c с II , а в следующем гораздо большую. Между тем в легкой промышленности резервы основного капитала *уменьшились* за время войны, и часть прибавочной ценности, которая раньше пошла бы на увеличение v II , теперь должна отливаться на затыкание военных дыр c II при отсутствии капитала для этого в денежной форме. А это должно еще больше увеличить диспропорцию между первым и вторым подразделениями.

Неблагоприятное положение для легкой промышленности усугубляется еще и тем, что часть сырья она должна покупать за пределами Европы, если дело идет о капиталистической Европе в целом, за границей – если дело идет об отдельной европейской капиталистической стране. Вследствие этого, если б даже развертывание производства в I целиком поглощало добавочную продукцию второго подразделения в той ее части, которая идет на возмещение добавочного c II , вопрос воспроизводства этим отнюдь еще не решался бы для второго подразделения. Ему не просто нужно продать, а продать так, чтобы выручить валюту стран, снабжающих легкую промышленность сырьем. В условиях, когда тяжелая промышленность продает в те же страны, эта проблема решается с двух концов одновременно. Наоборот, когда легкая промышленность сама встречается с затруднениями при реализации за границей своей продукции и в то же время и тяжелая промышленность не имеет там же достаточных рынков, то и внутренний обмен между первым и вторым подразделениями, обеспеченный определенными пропорциями c II и $v + \frac{m}{x} I$, не может состояться в полной мере. Здесь даже в случае ценностного соответствия в величинах обмена, *возможного в условиях нормальной связи обоих подразделений с мировым хозяйством*, размен ценностей будет сорван вмешательством нового фактора: несоответствием в вещественных элементах обмена. В результате всего этого получается такое положение, что легкая промышленность не может восстановить своего с пропорционально размерам возможного для нее в данных условиях (при данном v и $\frac{m}{x} I$) накопления, т.е. не может продать продуктов потребления в I и за границу на сумму возрастания c . Первое же подразделение имеет тогда перепроизводство по двум причинам. Во-первых, потому, что благодаря включению в производственный процесс резервного основного капитала оно и без того имеет перепроизводство вследствие превышения разменного фонда $v + \frac{m}{x} I$ над c II . А кроме того, оно не может продать во второе подразделение средств производства даже в размерах необходимого роста c II , потому что возмещение c II связано с определенным натуральным составом средств производства, часть которых *при всяких условиях* должна быть куплена за пределами Европы (хлопок, каучук, шерсть и т.д.).

Отсюда тот хронический кризис восстановительного процесса в Европе, который характерен для всего периода ее хозяйственной жизни после окончания войны. Этот кризис тяжелой промышленности, не дающий развернуться также и легкой промышленности вследствие связности движения обоих подразделений общественного производства, нашел, между прочим, свое ценностное выражение в постоянном, более высоком, индексе цен на предметы легкой промышленности. Достаточно взять цены на текстильные изделия: относительный рост их не может быть объяснен только ростом цен на сырье. В результате Европа вот уже семь лет представляет из себя, в области хозяйственной, целый клубок вопиющих противоречий. Несмотря на огромное истощение основного

капитала легкой промышленности во время войны, машиностроение, за временным исключением Франции и Бельгии, не выходит из состояния перманентного кризиса. Несмотря на уменьшение душевого потребления предметов легкой промышленности, последняя поднималась все время крайне медленно и болезненно. Хроническая безработица вытряхнула из производства несколько миллионов рабочих. Экспорт развивался только в странах, находившихся в условиях падающей валюты, а в стране, перешедшей к условно золотому обращению, – в Англии – внешняя торговля падает из года в год. И все это при наличии оборудования тяжелой промышленности, загруженного немногим больше чем наполовину.

Интересно в то же время проследить, в каких специфических формах протекал восстановительный процесс в тех странах, которые переживали период падающей валюты. Вообще падение валют в Европе было военного происхождения. Но раз даны условия падающей валюты, восстановительный процесс идет весьма своеобразными путями, превращаясь сам в одно из условий, задерживавших состояние валютного хаоса.

Чем отличается воспроизводство в условиях инфляции от воспроизводства при твердой валюте?

Прежде всего тем, что мы не имеем здесь воспроизводства в собственном смысле, а распродажу ниже стоимости рабочей силы страны и основного капитала производства. Что здесь происходит, мы лучше всего увидим, если возьмем только что приведенную схему восстановительного процесса в Европе в условиях инфляции. Если обмен будет происходить на основе ценности, мы будем иметь для реализации по обоим подразделениям вместе валовой продукции $4100 c + 875 v + 875 m = 5850$.

Если же мы предположим, что вся валовая продукция продается не по ценности, а на 10% ниже, то за нее будет получено не 5850, а только 5265. Если недovyручка равномерно задевает c , v и m , то это будет означать: невозможность постоянного капитала на 410, снижение фонда заработной платы на 87,5 и прибавочной ценности на ту же сумму. Если прибавочная ценность не страдает, а постоянный капитал невозможности восстанавливается на 410, то тот же результат потребует снижения реальной заработной платы не на 10%, а на 20%. С другой стороны, если в условиях инфляции происходит не снижение воспроизводства, а идет процесс восстановления, то 410 проедания постоянного капитала падут не на ту его часть, которая образует оборотный капитал (топливо, сырье и т.д.), а исключительно на основной капитал. Что инфляционная распродажа рабочей силы страны принимает размеры гораздо большие, чем продажа ее ниже ценности на 20%, мы можем видеть на примере Германии, где в 1919 г. реальная заработная плата квалифицированных рабочих, по сравнению с довоенной, принимаемой за 100, равнялась 75,4; а в 1922 и 1923 гг. – 62,2. Иными словами, в годы наибольшей инфляции, т.е. в 1922 и 1923 гг., фонд заработной платы снижался на 37,8% по сравнению с довоенным. В это время происходила в ряде отраслей и растрата основного капитала (вместе с его накоплением в других)¹⁵. В Италии падение зарплаты, наоборот, равнялось к 1925 г. лишь несколько более 10%. Во Франции за этот год еще меньше, но здесь надо принять во внимание рост относительной прибавочной ценности вследствие радикального переоборудования промышленности, вследствие чего сравнение с довоенным уровнем вообще неправильно. Это отчасти относится и к Италии.

Теперь поставим себе вопрос, какое экономическое значение имела и имеет распродажа ниже себестоимости рабочей силы и основного капитала в инфляционный период?

Если мы берем воспроизводство в той его части, которая ограничивается обменом ценностей внутри страны, то здесь одни отрасли, теряя как продавцы, выигрывают как покупатели, и только рабочие теряют во всех случаях. Баланс потерь и выигрышей может быть весьма различен для отдельных отраслей производства, но с точки зрения национального хозяйства, как целого, инфляционное снижение цен ведет лишь к общему

падению золотого индекса внутренних цен в сравнении с мировыми (при росте, разумеется, цен в бумажных деньгах). Наоборот, в той части экономики, где она соприкасается с мировым рынком, образуется дыра, через которую утекает на мировой рынок масса товаров ниже стоимости их производства (принимая себестоимость v по довоенному индексу) и ниже мировых цен, и происходит разбазаривание продуктов национального производства. Однако после захвата мировых рынков Европы Америкой и после усилившейся индустриализации колоний такое разбазаривание является единственным (не считая коммерческих займов) серьезным средством для Европы пробиться снова к потерянному рынку, в частности увеличить торговлю с Америкой, чтобы выручить необходимые валютные ресурсы и приступить к расширенному воспроизводству той части оборотного капитала, которая состоит из иностранного сырья. Как мы уже видели, тяжелая промышленность Европы имеет гипертрофированный производственный аппарат. Когда расширение производства наталкивается прежде всего на увеличение оборотного капитала, и больше всего на увеличение той его части, которая *in natura* состоит из заграничного сырья, продажа материализованного в товарах избыточного основного капитала по ценам значительно ниже его себестоимости (не говоря о распродаже рабочей силы, которой капиталу никогда не жалко) представляет из себя явно выгодную в данных условиях операцию, раз только этим путем можно расширить оборотный капитал. Таково было значение инфляции для восстановительного процесса в Германии, Франции, Бельгии, Италии.

Но во всем этом процессе есть еще и другая сторона. Распродажа ниже себестоимости основного капитала имеет огромную выгоду для капитализма там, где этот капитал все равно должен подвергнуться моральному снашиванию и где разбазаривание его вместе с рабочей силой дает возможность обновить основной капитал с наименьшими потерями. Вне всякого сомнения, эта причина лежала отчасти в основе инфляционного разбазаривания в Германии, где низкая заработная плата позволяла проделать значительную работу по реконструкции орудий производства и приспособлению их к современным техническим требованиям. Еще большую роль играл этот процесс во Франции, где после войны, в условиях инфляции, происходило быстрое перевооружение французской промышленности, и распродажа старого основного капитала одновременно достигала двух целей: включение в мировое хозяйство и получение ресурсов на закупки сырья и продажи по дешевке того, что пришлось бы все равно сломать.

Из этой краткой экскурсии в область европейской экономики мы видим, что не только за период войны, что само собой очевидно, но за весь период после войны хозяйственное равновесие Европы нельзя изучать под углом зрения обычного расширенного воспроизводства и на основе закономерностей экономики этого типа. Восстановительный процесс здесь имеет свои законы неустойчивого равновесия, наиболее ярко проявившиеся в инфляционный период и продолжающие находить свое выражение в диспропорции между тяжелой и легкой промышленностью и в невозможности снова включиться в мировой рынок в соответствии с уровнем индустриализации Европы.

Одной из наиболее характерных черт послевоенного хозяйства Европы является хроническая безработица, представляющая из себя не результат обычного затянувшегося капиталистического кризиса, а результат кризиса всего европейского капитализма вообще. Англия, невозможность включения которой в мировое разделение труда в довоенных пропорциях выяснилась раньше всего, уже семь лет живет в условиях, когда около $1\frac{1}{2}$ млн ее рабочих прочно выброшены в ряды избыточного населения. После инфляционного ажиотажа германской промышленности тот же процесс начался и в Германии. И здесь, после установления пределов связи с мировым рынком германского хозяйства при твердой валюте, количество безработных колеблется около 2 млн. Совершенно тот же процесс мы будем иметь во Франции после стабилизации франка, т. е. после выделения

приходящейся на долю Франции «нормальной» доли ее связи с мировым рынком. Процесс выбрасывания в армию непроизводительных, и выбрасывания, по-видимому, навсегда, нескольких миллионов рабочих Европы еще больше усиливается в результате происходящего теперь, преимущественно в Германии, процесса рационализации производства. Эта рационализация, вопреки тому что было в условиях развития капитализма, размещается почти в тех же пределах связи с мировым рынком и приводит прежде всего и больше всего к росту безработицы, а также к соединению американских приемов эксплуатации рабочих с европейской заработной платой. В противоположность предыдущему периоду капиталистической истории, когда прогресс техники и удешевление себестоимости производства и цен соединялись с ростом вовлекаемого в производство количества рабочих, мы имеем при теперешней рационализации сокращения количества занятых рабочих, и без снижения цен. Все бóльшая и бóльшая часть рабочего класса Европы прочно сдается в тираж. Маркс, как бы предвидя теоретически возможность такого тупика для капитализма, писал в третьем томе «Капитала»: «Если б развитие производительных сил уменьшало абсолютное число рабочих, т.е. в действительности давало бы возможность всей нации совершать все свое производство в более короткое время, то это вызвало бы революцию, потому что большинство населения оказалось бы вышедшим в тираж. В этом снова обнаруживается специфическая граница капиталистического производства, а также то, что оно отнюдь не является абсолютной формой развития производительных сил и производства богатства, что, напротив, на известном пункте оно приходит в коллизию с этим развитием»¹⁶. Европейское рабочее население явно сдается в тираж, и именно потому, что европейский сектор мирового хозяйства явно уперся «в специфическую границу капиталистического производства» вообще.

Вторая проблема, которая стоит перед европейским капитализмом, заключается в том, чтобы завоевать снова часть рынков, утерянных в период снижающегося воспроизводства и продолжающих уплывать для таких стран, как Англия, уже вступивших, как будто прочной ногой, на базу экономики снижающегося воспроизводства. Но эта задача очень трудно осуществима для старой Европы с ее столь огромным непроизводительным потреблением и сравнительно скромными ресурсами накопления, недостаточными для дорого стоящей реконструкции всего хозяйства, необходимой для победоносной конкуренции на мировом рынке.

Наконец, следует в заключение указать еще на то, что для эпохи снижающегося воспроизводства либо для экономики, болтающейся около уровня простого воспроизводства, фашистская форма государства в ряде стран оказывается наиболее подходящей, чтобы удержаться от падения, а тем более чтобы за счет рабочего класса попытаться перейти к расширенному воспроизводству. Фашизм, в его социально-экономической основе, это – новая дисциплина труда, добавочная к тем скорпионам голода и купли-продажи рабочей силы на основе закона ценности, которые гонят рабочий класс на капиталистическую фабрику и ставят его в определенные рамки буржуазной эксплуатации.

В этой связи мы не можем долго останавливаться на этой теме. Мы также вынуждены отказаться от ответа на вопрос, что должно твориться в сфере капиталистической экономики в тот период, когда капиталистическая форма исчерпала себя с точки зрения развития производительных сил, а сменяющая ее и исторически более высокая форма не приходит. Исследование такого рода означало бы уже переход от экономики к социологии и политике, что не входит теперь в нашу задачу.

Преображенский Е.А. Проблема хозяйственного равновесия при конкретном капитализме и в советской системе //

Вестник Коммунистической академии.
М., 1926. № 17. С. 35–76; № 18. С. 63–84.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Слово «капитал» по отношению к средствам производства самостоятельного мелкого производителя мы употребляем условно лишь для упрощения, потому что согласно терминологии Маркса это не есть капитал.

² Капитал. Т. 2. С. 368. Перевод Степанова.

³ Там же. С. 369–370.

⁴ В этом примере, в отличие от дальнейших, мы в обоих подразделениях докапиталистического сектора берем одинаковое отношение между фондом потребления и постоянным капиталом, т.е. в отношении 1 : 2.

⁵ Пропорциональности вещественного состава обмена мы здесь не рассматриваем.

⁶ Здесь, как везде в дальнейшем по отношению к капиталистическому сектору, дело идет о фонде потребления класса капиталистов.

⁷ Возможно, что в добытых т. Рязановым фотографиях со всех рукописей «Капитала» мы найдем что-либо и на эту тему, поскольку и 2-й и 3-й тома «Капитала» в том виде, как они изданы Энгельсом, не воспроизводят всего Марксова наследства в рассматриваемой области.

⁸ Мы говорим для данного года, потому что вообще увеличение v за счет доли, потребляемой капиталистами, в следующие годы должно увеличить расширенное воспроизводство средств производства.

⁹ Разумеется, при более высоком органическом составе капитала во II [подразделении] в сравнении с I рост органического состава капитала не может обогнать роста перепроизводства в I. Но такая схема не соответствует реальным условиям капиталистического производства.

¹⁰ При расширенном воспроизводстве в мелкобуржуазном секторе мы должны иметь: $C +$ фонд потребления + фонд накопления.

¹¹ Разница в сумме на единицу в сравнении с предыдущей схемой происходит от упрощения операций с дробями.

¹² Разница 172, но в дальнейшем Е.А. Преображенский использует цифру 173. – *Ред.*

¹³ Мы ради краткости нигде не пишем лишний раз схемы мелкобуржуазного сектора в конце года, т.е. с добавлением к $C +$ фонд потребления также и фонда накопления. Как и в Марксовых схемах расширенного воспроизводства мы устанавливаем здесь пропорциональность только между восстановленным за год C и фондом потребления (у Маркса $c + v + m'$), а в начале операционного года распределяем фонд накопления при составлении схемы воспроизводства на этот новый год. Вообще же в конце года мелкобуржуазный сектор имеет в данном случае такой вид:

I 1184 c + 1184 фонд потр. + 47 (фонд накопления, без дробей)

II 1244 c + 2488 фонд потр. + 74 (фонд накопления)

¹⁴ Если дело идет об экономике отдельной страны, то тогда дело обстоит сложнее. В частности, невозможность восстановления на 30 оборотного капитала в натуральной форме может частично означать сокращение импорта либо вызываться сокращением импорта вследствие падения экспорта.

¹⁵ Растрчивала ли или же накапливала Германия основной капитал в период инфляции в целом, решается таким расчетом. Берется валовая продукция по золотым мировым ценам, из нее вычитается валовая продукция по внутренним золотым ценам, берется доля зарплаты в валовой продукции, высчитывается недоплата по фонду зарплаты. Высчитываются размеры внутреннего индивидуального потребления и экспорта. Если недоплаты по зарплате оказываются выше, это значит, что на сумму разницы возрос постоянный капитал. В обратном случае на сумму разницы он был растрочен.

¹⁶ Капитал. Т. 3. Ч. 1. С. 245–246. Перевод Степанова.

[Г Л А В А 2]

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАВНОВЕСИЕ В СИСТЕМЕ СССР*

Об экономике военного коммунизма

Прежде чем перейти прямо к советской экономике сегодняшнего дня и использовать для анализа равновесия в этой экономике все то, что было выше сказано о воспроизводстве при конкретном капитализме, мы скажем несколько слов о периоде так называемого военного коммунизма. У нас часто недооценивают того наследства, которое период нэпа получил от военного коммунизма в области взаимоотношений между государственным и частным хозяйством. Будет нелишним поэтому восстановить истинные пропорции тех изменений, которые были внесены во взаимоотношения частного и государственного хозяйства переходом к новой экономической политике.

Наиболее характерной чертой периода военного коммунизма в сфере взаимоотношений между государственным сектором хозяйства и частным было, если можно так выразиться, экономически раздельное существование между мелким производством, преимущественно крестьянским производством, и между государственным хозяйством. Между этими двумя секторами не существовало правильного рыночного обмена, хотя, вообще говоря, нелегальный и полулегальный рынок продолжал существовать на протяжении всего периода военного коммунизма. Тот же обмен веществ, который существовал в форме разверстки, с одной стороны, и наркомпродовского снабжения деревни продуктами городского производства – с другой, носил совершенно специфический характер. Этот специфический характер взаимоотношений города с деревней, поскольку они регламентировались государством, вытекал из общих политических и хозяйственных условий периода военного коммунизма, когда основной целью всего производства и распределения (целью, навязанной мелкому производству деревни извне) было не расширенное воспроизводство в государственном и частном секторе, а производство максимального количества предметов потребления для армии, городского пролетариата и деревенской бедноты, а также производство орудия обороны, без всяких забот об амортизации. Не меньшую роль играло в хозяйстве плановое распределение старых запасов, распределение, также подчиненное задачам обороны, а не задачам расширенного воспроизводства. Это было хозяйство осажденного города, которое преследовало цель продержаться максимально долгий срок и выиграть войну, а не цель нормального воспроизводства в хозяйстве. Взятое независимо от типа производственных отношений, наше хозяйство периода

* Опубликовано в журнале «Вестник Коммунистической академии» № 22 за 1927 г. Печаталась в дискуссионном порядке.

военного коммунизма было снижающимся воспроизводством: это сближает его со снижающимся капиталистическим производством Европы периода мировой войны и после мировой войны, о чем у нас шла речь выше. Но у нас, если брать государственный сектор, было снижающееся воспроизводство в экономике *социалистического типа*. И в этом все своеобразие этого этапа нашей хозяйственной истории.

Можно ли эту экономику снижающегося воспроизводства и возрастающего разрыва между государственным и частным хозяйством иллюстрировать со стороны обмена такими же арифметическими схемами, как мы это делали при анализе капиталистического и мелкобуржуазного воспроизводства?

Такая иллюстрация, принципиально говоря, невозможна. Мы должны помнить, что ведь в данном случае дело идет отнюдь не об иллюстрации процесса воспроизводства товарно-капиталистического общества, где все процессы подчинены закону ценности, а об обмене веществ, в основе которого лежали *иные закономерности*, прежде всего потребности обороны, при полной ликвидации какой бы то ни было эквивалентности как при размене общей суммы предметов потребления деревни на продукцию города, так и при распределении внутри деревни того, что получалось из города по планам наркомпродовского снабжения. Для иллюстрации воспроизводства в экономике этого типа Марксовы схемы не годятся: Маркс иллюстрировал своими арифметическими примерами условия равновесия ценностного обмена при чисто капиталистическом воспроизводстве; эти схемы не годятся, когда хозяйство натурализуется, перестает быть денежным в значительной мере, когда на сцену выступает не равновесие обмена ценностей, а пропорциональность в распределении материальных элементов производства в натуральном виде, когда ценностные измерения начинают заменяться измерениями рабочим временем или суррогатами этого измерения, когда, наконец, производство подчинено не задачам накопления и даже не задачам простого воспроизводства, а задаче сознательного проедания постоянного капитала, превращаемого в предметы потребления и обороны. Поэтому научный анализ конкретной экономики военного коммунизма нельзя сделать в ценностных категориях. А в то же время мы знаем, что наше хозяйство периода военного коммунизма вследствие крайней непродолжительности своего существования не успело выработать органически присущих ему методов учета, т.е. учета натуральных элементов хозяйства и средств потребления, сводимых в последнем счете к трудовым затратам, т.е. рационально измеряемых рабочим временем, т.е. измеряемых социалистически. В период военного коммунизма мы пользовались суррогатами социалистического учета, как довоенные рубли, товарные рубли, хлебные и иные пайки (формы натурального учета), исходили из количественного учета продукции промышленности, из количественного учета получаемой по разверстке крестьянской продукции и т.д., причем это натуральное измерение не было параллельным ценностному, как теперь, а составляло базу всех расчетов. Если бы мы смогли хотя бы приблизительно воспроизвести баланс народного хозяйства Советской России за каждый год военного коммунизма, т.е. отчасти за 1918 г., а главным образом за 1919 и 1920 гг., то эти годовые балансы не оказались бы балансами воспроизводства. Мы установили бы тогда следующие основные экономические факты:

1. Вследствие полной ликвидации капиталистического производства и капиталистической торговли в хозяйстве существовало только два сектора: сектор государственного хозяйства и сектор мелкого производства, в значительной степени потерявший характер *товарного* производства вследствие натурализации крестьянского хозяйства и упадка ремесла и кустарной промышленности.

2. Основной капитал государственного сектора в той его части, которая растрчивалась за каждый год военного коммунизма, возобновлялся только в очень небольшом проценте, следовательно, происходила систематическая его растрата. Потребительский

характер всего производства в государственном хозяйстве находил свое выражение в том, что не восстанавливаемый основной капитал легкой промышленности, принимавший в результате производства вещественную форму предметов потребления, увеличивал размеры производства средств потребления за счет воспроизводства износа. Вследствие этого соотношение между той частью постоянного капитала второго подразделения, которая состояла из основного капитала, и между размерами натурального воспроизводства этой части *c II* в первом подразделении было в корне нарушено в сравнении с производственными пропорциями не только расширенного, но даже простого или медленно снижающегося воспроизводства. С другой стороны, та часть средств производства мелкого хозяйства, которая вырабатывалась раньше в первом подразделении капиталистического сектора (или импортировалась), теперь также растрачивалась без возмещения в первом подразделении государственного сектора. Наконец, средства производства первого подразделения госсектора, состоящие из основного капитала, не возмещались в самом этом секторе, поскольку изнашивались на выработку предметов обороны, включая сюда военные перевозки транспорта, т.е. проглатывались непроизводительным военным потреблением. Все это означало паралич прежде всего тяжелой промышленности, работающей для возмещения основного капитала *c II* государственного и частного сектора.

3. Та часть постоянного капитала государственного сектора, которая состояла из топлива, импортного сырья или сырья крестьянского производства, не могла быть воспроизведена в нужной пропорции вследствие потери на длительные сроки основных топливных районов (Донбасс, Баку), блокады, сокращения производства технических культур в крестьянском хозяйстве, при увеличении в деревне собственной переработки этого сырья.

4. Что касается обмена веществ между городом и деревней, то здесь самый важный факт, объясняющий неизбежность существования всей системы военного коммунизма, заключался в следующем: если бы даже между городом и деревней существовал обычный рыночный обмен, то крестьянское хозяйство при снижении общего производства его до 50% довоенного не могло бы дать городу в порядке обмена то количество предметов потребления, то количество промышленного сырья и то количество труда в натуральной форме (гужевого транспорт и т.д.), которые были нужны государству в период Гражданской войны. И, наоборот, если бы все эти количества ценностей деревни могла бы дать в порядке обычного рыночного обмена, то государственное производство, принимая во внимание минимальные размеры его продукции и огромные размеры непроизводительного потребления, вызванного войной, объективно не было бы в состоянии возместить получаемую им от крестьянства продукцию в порядке даже весьма неэквивалентного обмена, даже при наличии весьма высокого денежного налога на деревню. Это с совершенной очевидностью вытекает из учета всего производства средств потребления в государственной промышленности, если сделать этот учет в довоенных рублях, принять во внимание потребление города и фронта и сравнить возможный обменный излишек с ценностью в довоенных рублях всего того, что получалось от деревни в порядке разверстки. Если в первом году военного коммунизма несоответствие еще не так велико, поскольку советское правительство еще располагало старыми, дореволюционными запасами, то уже 1920 г., наиболее типичный год военного коммунизма, дает огромное превышение крестьянских отдач городу над крестьянскими получениями от города. Это доказывает, что отношения рыночного обмена вообще были невозможны в этот период между государственным хозяйством и мелким производством. Военно-потребительский характер экономики этого периода находил свое выражение и в том, что получавшиеся деревней в порядке планового снабжения продукты промышленности распределялись среди крестьянства комитетами бедноты особым образом: больше полу-

чали не те слои деревни, которые больше давали государству по разверстке, а как раз наоборот, снабжались прежде всего слои беднейшего крестьянства, которые, ничего не давая материально государству, оказывали ему политическую и военную поддержку в Гражданской войне. Распределение городской продукции было, следовательно, вдвойне неэквивалентным: и со стороны количества, которое шло в деревню против того, что получалось из деревни, и в смысле принципа, на основе которого осуществлялось распределение внутри деревни. Коррективом к этому классовому распределению, не подчиненному задаче воспроизводства в крестьянском хозяйстве, служил нелегальный обмен между городом и деревней в форме знаменитого «мешочничества». Здесь деревня отчасти брала реванш за навязанную ей городом систему распределения и покупала за бесценок, в обмен на хлеб, картошку и другие продукты питания, мануфактуру, одежду, мебель и прочие запасы города от старых лет.

Противоречие между городом и деревней возрастало. В форме крестьянских восстаний конца 1920 и начала 1921 г. деревня поставила в порядок дня вопрос о приспособлении системы обмена в советском хозяйстве к условиям товарного производства в земледелии. Это приспособление было осуществлено переходом на новую экономическую политику. Но для перехода к новой экономической политике имелись причины, лежавшие в самом государственном хозяйстве, поскольку оно переходило к мирному периоду своего существования. Переход государственного хозяйства от снижающегося воспроизводства военного периода к расширенному социалистическому воспроизводству мирного времени требовал изменения в крестьянской стране взаимоотношений между пролетарской промышленностью и крестьянским хозяйством, требовал рыночной системы обмена, стимулирования производства крестьянского сырья, необходимого для госпромышленности, роста экспорта и т.д. Не надо только при этом смешивать изменения в методах управления государственным хозяйством, которые вызывались необходимостью выжать все, что могло быть пригодно, из привычных капиталистических способов учета, калькуляций и т.д. на первых этапах социалистического строительства и в интересах самого государственного хозяйства на данном уровне социалистической культуры, с теми изменениями в экономике страны, которые навязывались государственному хозяйству преобладанием в стране мелкого товарного производства. Если бы дело шло о первых годах или о первом десятилетии социалистического строительства в такой стране, как, например, современная Германия, то общие условия развития социалистической экономики могли бы и здесь, быть может, требовать сохранения рыночной системы обмена, пока не нащупаны на опыте методы распределения, свойственные социалистической форме производства. И здесь, возможно, была бы оставлена не только мелкая, но, может быть, и средняя торговля, оперирующая на стыке государственного хозяйства с незначительным по удельному весу частным хозяйством. Но здесь не было бы условий для развития товарных отношений, для развития частного капитала в разных видах. Между тем в СССР такое развитие, особенно в земледелии, есть неизбежный факт, навязываемый экономике страны огромным удельным весом мелкого товарного производства и сравнительной слабостью государственного сектора. Этот факт ставит государственное хозяйство в условия непрерывной экономической войны с тенденциями капиталистического развития, с тенденциями к капиталистической реставрации, поддерживаемыми извне давлением на наше хозяйство со стороны мирового капиталистического рынка. Поэтому наша экономическая система не может обладать той внутренней устойчивостью, которая характеризовала страны молодого капитализма, разложившего феодальные отношения и подчинившего себе мелкое товарное производство. Это единоборство социалистических элементов хозяйства с капиталистическим, опирающимся на массив мелкого товарного производства, приводит к дуализму и в сфере регулирования, а значит, к специфическим условиям равновесия во всей системе.

Предварительные замечания

Анализ условий равновесия в системе советской экономики теперешнего периода делает необходимым деление хозяйства на три сектора: а) сектор государственного хозяйства; б) сектор частнокапиталистического хозяйства; в) сектор простого товарного производства. Однако часто характер исследования будет требовать противопоставления первого сектора двум остальным, вместе взятым, поскольку два последних сектора представляют из себя объединенный круг всего частного хозяйства вообще, а отсутствие нужных цифр о капиталистическом секторе делает при конкретном изучении воспроизводства единственно возможным именно деление на два сектора.

Другая особенность, а вместе с тем трудность исследования заключатся в том, что, поскольку равновесие в системе достигается не на основе закона ценности и эквивалентного обмена, а на основе столкновения первого закона с законом первоначального социалистического накопления, постольку при анализе равновесия нам нельзя исходить из Марксовой предпосылки о том, что, как правило, товары продаются по их ценности. Во втором томе «Капитала» Маркс при самой постановке вопроса об анализе воспроизводства делает в связи с этим следующую оговорку: «...Далее предполагается, что не только продукты обмениваются по их ценности, но что также никакой революции не происходит и в ценности (*keine Werthrevolution*) составных частей производительного капитала. Впрочем, поскольку цены отклоняются от ценностей, это обстоятельство не может оказать никакого влияния на движение общественного капитала. Теперь, как и раньше, обмениваются в целом те же массы продуктов, хотя отдельные капиталисты не получают теперь массы ценностей, которые уже непропорциональны ни их соответствующим авансированиям, ни произведенным каждым из них индивидуально массам прибавочной ценности»¹.

Как мы уже указывали выше, эта предпосылка Маркса является вполне правильной при анализе равновесия капиталистической экономики. Наоборот, при анализе воспроизводства в нашей системе мы исходим из отклонения цен от ценностей, как из правила, если сравнивать наши внутренние цены с мировыми. Особенность нашей экономики периода первоначального социалистического накопления, с точки зрения равновесия, как раз и заключается в отсутствии эквивалентного обмена, к которому, как к господствующей тенденции, тяготеет капиталистическая экономика и который достигается с меньшими или большими отклонениями, прежде всего на основе свободы конкуренции и свободного проявления закона ценности в деле распределения общественного труда. При капитализме эквивалентный обмен можно считать господствующей тенденцией, как бы ни многочисленны были отклонения от общего правила и как бы ни нарастали эти отклонения исторически с развитием монополизма. Наоборот, при советской экономике, в период смены всей технической базы государственного хозяйства, правилом является неэквивалентность обмена. С этой эквивалентностью связано все существование государственного хозяйства, и в ней заключается одна из важнейших особенностей нашей темы на данном этапе ее развития. Военный коммунизм означал неэквивалентность размена² продукции государственной промышленности на отчуждаемую путем разверстки продукцию деревни, во-первых, и отсутствие рыночной, товарно-денежной формы такого размена, т.е. отсутствие рыночного обмена, во-вторых. В период военного коммунизма уровень развития производительных сил как государственного, так и крестьянского хозяйства был так низок, а непроизводительное военное потребление так велико, что рыночная форма обмена не выдержала бы и лопнула под напором того перераспределения национального дохода, которое было необходимо в период Гражданской войны. Либо наоборот: если бы рыночная система обмена ужалась, то не удержались бы те пропорции распределения дохода, которых требовали условия войны, а вместе с тем могли

и пасть шансы на победу. Что же касается периода нэпа или, точнее говоря, периода первоначального социалистического накопления, то развитие производительных сил в обоих секторах не только допускает, но даже требует рыночной формы обмена, которая в состоянии обеспечить государственному хозяйству необходимые условия для существования и развития. Но обмен продукцией государственного хозяйства и частного, прежде всего государственной промышленности и крестьянского хозяйства, не может быть еще эквивалентным ни с точки зрения соотношения реальных трудовых затрат, стоящих за обмениваемой продукцией, ни с точки зрения соотношения с пропорциями обмена, существующими в мировом хозяйстве. Наша система не выдержала бы эквивалентного обмена, контролируемого мировым рынком, и весь процесс реконструкции государственного хозяйства должен был бы приостановиться.

Таким образом, хозяйственное равновесие советской системы периода первоначального социалистического накопления отличается от периода военного коммунизма тем, что здесь восстановлена рыночная форма связи между государственным хозяйством и частным, а также на сцену появляется капиталистический сектор. Сближает же теперешнюю систему с военным коммунизмом неэквивалентность обмена, которая продолжает существовать, хотя и в весьма смягченной форме по сравнению с 1919–1920 гг. Это обстоятельство не мешает помнить всем тем исследователям, которые проводят непримиримую пропасть между военным коммунизмом и нэпом и не умеют научно установить историческую преемственность между той и другой формой регулирования хозяйства. Не говоря уже о том, что нэп ровно ничего не изменил в системе собственности на крупную промышленность и транспорт, он сохранил преемственность с эпохой военного коммунизма, удержав в смягченной форме неэквивалентность обмена. Некритическое лягание военного коммунизма за то, в чем виновата общая экономическая отсталость страны, есть ребяческое недомыслие и непонимание причин и следствий в нашей экономической истории, и неизвестно, по какому адресу обращена жалоба на то, что уровень развития производительных сил был и долго еще останется у нас довольно-таки низким. Надо понимать, к каким последствиям это ведет на разных этапах существования советской системы.

Но если мы за период первоначального социалистического накопления *держимся* на неэквивалентном обмене, используя его для переконструирования нашей технической базы, то это не значит, что мы на очень долгий срок *удержимся* в таком исключительном положении, если будем не догонять капитализм, а будем отставать от него либо будем динамически сохранять относительно ту же дистанцию от него в области техники и развития производительных сил. Если принудительным условием существования советского хозяйства, с его государственным сектором, является неэквивалентный обмен, со всеми аппаратами ограждения такого обмена, как, например, монополия внешней торговли, плановый импорт и жесткий протекционизм, то вторым принудительным условием его *дальнейшего* существования является постепенное преодоление этой неэквивалентности, постепенное приближение уровня наших производительных сил к уровню наиболее передовых капиталистических стран. Таковы два условия равновесия в нашей системе, поскольку они связаны с расширенным воспроизводством именно социалистических отношений, т.е. с тем, что нас отличает от капиталистической экономики, и поскольку дело идет о воспроизводстве капиталистических отношений в экономически отсталой стране и на период преодоления этой отсталости.

Теперь нам необходимо сделать несколько предварительных замечаний о капиталистическом секторе советской экономики. Совершенно неправильно думать, что если существование государственного сектора за период его экономической и технической отсталости в сравнении с капитализмом является основным источником неэквивалентного обмена (который является, в сущности, налогом на все хозяйство в пользу социалисти-

ческой реконструкции), то капиталистический сектор советской экономики, *взятый в целом*, является территорией эквивалентного обмена либо ему свойственны в целом тенденции к более эквивалентному обмену уже в рамках советской системы хозяйства. Нужно помнить, что торгово-промышленный участок капиталистического сектора, с одной стороны, и его аграрный участок – с другой, находятся в различных условиях в смысле тяготения к эквивалентному обмену. Основные пропорции в области цен внутри страны складываются между государственной промышленностью и транспортом и между крестьянским хозяйством. *Эти пропорции частная промышленность изменить не в состоянии* и ни в малой степени не заинтересована в этом. Она играет здесь пассивно-паразитическую роль. Если для государственного хозяйства неэквивалентный обмен есть материальный источник технической реконструкции и предпосылка развития производительных сил на будущие годы, то *частная промышленность просто присасывается к создаваемому положению*, размещается в порах неэквивалентного обмена между советской крупной промышленностью и деревней в целях накопления, не переходящего в индустриально-производственное накопление и потому не могущего явиться ни источником снижения себестоимости, ни отправным пунктом положительной конкуренции с государственной промышленностью. Там же, где частная промышленность успешно конкурирует с государственной промышленностью – некоторые отрасли легкой промышленности, в которых дорогостоящее машинное оборудование еще не играет большой роли или неприменимо и где роль личной инициативы и энергии, личной заинтересованности в деле относительно велика, – там она достигает этого главным образом чрезмерной эксплуатацией рабочей силы, часто рабочей силы собственной семьи. Накопленные же ресурсы буржуазия предпочитает хранить в денежной форме, считая опасным для себя превратить их в затвердевшую форму новых орудий производства. Совершенно в таком же положении находится и частно-торговый капитал. В условиях товарного голода и при отсутствии рациональной постановки распределения в государственно-кооперативной сети, особенно в первые годы существования этой сети, частный торговый аппарат, кроме обычной прибыли, забирает конъюнктурную прибыль и торгует, в общем, по ценам более высоким, чем государственно-кооперативная сеть. И здесь частный капитал играет преимущественно паразитическую роль в том смысле, что *использует не им созданную конъюнктуру неэквивалентного обмена, ничего не делая для достижения большей эквивалентности*.

В ином положении находится аграрная половина капиталистического сектора, представленная кулацким хозяйством и хозяйством зажиточных крестьян, уже стоящих одной ногой на почве систематической эксплуатации чужого труда. Об удельном весе этой части капиталистического сектора и об его растущем значении в экономике страны мы скажем ниже. Здесь же отметим, что основная сила капиталистического сектора, поскольку он будет вообще развиваться, будет несомненно перемещаться именно в его аграрную часть, где накопление идет как раз в форме накопления средств производства и арендуемой у бедноты земельной площади. Именно аграрный капитализм советской системы прежде всего и больше всего страдает от неэквивалентного обмена, потому что кулацкое хозяйство покупает больше середняцкого, а значит, больше переплачивает на наших внутренних ценах в сравнении с мировыми; оно больше продает, и расширенное производство в нем может происходить только через рыночный обмен, при посредстве которого реализуется растущая количественно продукция его, и в том числе та ее часть, которая составляет прибавочную ценность. Вот почему кулацкое хозяйство так остро враждебно, так сознательно враждебно относится к теперешней экономической системе в СССР, хотя от неэквивалентного обмена страдает в известной мере все крестьянство вообще, поскольку оно связано с рынком и не замкнулось в скорлупе натурального хозяйства. Кулацкое хозяйство пытается выправить неэквивалентность обмена с городом

путем воздержания от продажи в месяцы, когда бедняцко-средняцкие слои продают хлеб по заготовительным ценам, пытаются поднять цены на хлеб весной; оно пробует смену одних культур другими, более выгодными; оно пытается накапливать в натуральной форме, минуя рынок, что возможно для него путем увеличения количества скота собственного производства, птицы, построек и т.д. Но возможности таких хозяйственных маневров не очень велики, и в конце концов кулацкое хозяйство приходит в столкновение со всей советской системой и чем дальше, тем больше будет искать решения проблемы не экономическим путем на базе советской системы, не в частичном исправлении равновесия в свою сторону, а в попытках пробиться к мировому рынку контрреволюционным путем. Здесь проблема хозяйственного равновесия прямоком упирается в проблему социального равновесия, в проблему соотношения классовых сил за и против советской системы. Борются две системы равновесия: равновесие на капиталистической основе, на основе включения в мировое хозяйство, регулируемое законом ценности, путем ликвидации советской системы и придавления пролетариата; равновесие на основе временного неэквивалентного обмена, служащего источником социалистической реконструкции и неизбежно означающего придавление капиталистических тенденций развития, особенно в земледелии.

Из сказанного ясно, что если Марксов анализ пропорционального распределения труда при чисто капиталистическом воспроизводстве исходил из эквивалентного обмена, как обязательной предпосылки, если из этой предпосылки исходили и мы выше при анализе равновесия, конкретного капитализма, то предстоящее нам исследование воспроизводства в хозяйстве СССР должно исходить из неэквивалентности обмена, хотя бы и ликвидируемой постепенно и систематически. *А это значит, что в основе всего процесса постоянно предполагается существование двух разных систем собственности на средства производства и двух разных регуляторов хозяйственной жизни, т.е. закона ценности и закона первоначального социалистического накопления.*

Алгебраическая схема воспроизводства в СССР

Алгебраическая схема трех секторов хозяйства, если условно применить Марксову терминологию, относящуюся к капиталистическому хозяйству, к хозяйству государственному, также и мелкобуржуазному сектору, будет иметь следующий вид:

Государственный сектор

I подразделение	$c + v +$ прибавочный продукт	}	прибавочный продукт
II	« $c + v +$ « «	}	от других секторов

Капиталистический сектор

I подразделение	$c + v + m$
II	« $c + v + m$

Мелкобуржуазный сектор

I подразделение	$c +$ фонд потребления + прибавочный продукт
II	« $c +$ « « + « «

Однако приведенная схема является для нас недостаточной, потому что не дает представления о том, как распадаются отдельные величины с точки зрения их обмена с различными подразделениями различных секторов. Более детальная схема, которой мы будем пользоваться в дальнейшем, беря, однако, часто оба частных сектора вместе, должна выглядеть следующим образом:

<i>Государственный сектор</i>					
<i>I</i> подразделение	<i>c</i>	<p>Ежегодно воспроизводимая в расширенном масштабе постоянного капитала:</p> <p>а) воспроизводимым внутри подразделения</p> <p>б) обменом с другими <i>I</i> подразделениями</p> <p>с) импортом</p>	<p>Фонд заработной платы:</p> <p>а) часть, возмещаемая с обменом с <i>c II</i> госсектора</p> <p>б) обменом с <i>c II</i> других секторов</p>	<p>Прибавочный продукт:</p> <p>а) фонд накопления</p> <p>б) фонд непроизводительного потребления советской системы, ищущий в <i>c II</i> всех секторов и в <i>c</i> военной промышленности</p>	<p>1) на расширение действующих предприятий</p> <p>2) постройки новых заводов</p> <p>Прибавочный фонд социалистического накопления*</p>
<i>II</i> подразделение	<i>c</i>	<p>Ежегодно воспроизводимая в расширенном масштабе постоянного капитала:</p> <p>а) обменом с <i>I</i> госсектора</p> <p>б) обменом с фондом потребления первых подразделений других секторов</p> <p>с) обменом с частью фонда непроизводительного потребления первого [подразделения]</p> <p>д) импортом</p>	<p>Фонд заработной платы:</p> <p>а) часть, возмещаемая внутри собственного подразделения</p> <p>б) часть, возмещаемая обменом с фондом потребления других вторых подразделений</p>	<p>Прибавочный продукт</p> <p>а) фонд накопления в собственном подразделении (добавочное <i>v</i>, добавочное увеличение своего <i>c</i>)</p> <p>б) фонд непроизводительного потребления советской системы</p>	

* Движение натурального состава фонда социалистического накопления ясно из всей схемы производства. Более подробно об этом – при цифровом анализе Контрольных цифр Госплана.

<i>Капиталистический сектор</i>					
I под- разде- ление	c	c	+ v	+ m	
		То же, что в госсектор, кроме импорта	То же, что в госсектор	а) фонд накопления б) фонд потребления капиталистов в) фонд непроизводительного потребления с[оветской] с[истемы] д) отчуждение в фонд социалистич. накопления	
II под- разде- ление	c	c	+ v	+ m	
		То же, что в госсектор, кроме импорта	То же, что в госсектор	То же, что в первом подразделении того же капиталистического сектора	

Мелкобуржуазный сектор

I под- разде- ление	c	Средства производства для производства средств производства, ежегодно воспроизводимые в расширенном масштабе: а) воспроизводимые внутри подразделения	Фонд потребления а) воспроизводимый обменом с c II госсектора	Прибавочный продукт а) фонд накопления	1) часть, остающаяся в том же подразделении 2) обмениваемая на добавочный фонд потребления 3) на добавочные средства производства из других секторов
		б) обмен. с c II госсектора и с II капиталистического сектора в) импортом	б) обменом с c II капиталистического сектора с) обменом с c II собственного сектора	б) фонд непроизводительного потребления советской системы с) отчуждение в фонд социалистического накопления	

II подразделение	с	<p>Средства производства для производства средств потребления, ежегодно производимые в расширенном масштабе:</p> <p>а) создаваемые внутри подразделения</p> <p>б) воспроизводимые обменом с фондом потребления и с частью фонда непроизводительного потребления собственного сектора</p> <p>с) обменом с <i>v</i> и <i>с</i> частью фонда непроизводительного потребления I госсектора</p> <p>д) обменом с частью <i>v</i> и <i>m</i> первого подразделения капиталистического сектора</p>	<p>Фонд потребления:</p> <p>а) собственного производства (подавляющая часть)</p> <p>б) обменом с частью <i>v</i> II госсектора, <i>v</i> II капиталистического сектора</p>	<p>Прибавочный продукт:</p> <p>а) фонд накопления</p> <p>б) фонд непроизводительного потребления советского общества в натуральной форме</p> <p>с) отчуждение в фонд социалистического накопления</p> <p>1) фонд добавочного потребления собственного производства 2) обмен на добавочные средства из других подразделений других секторов 3) собственного добавочного средства производства</p>
------------------	---	--	--	--

Скажем несколько слов в объяснение этой схемы, которая даже в таком виде далеко не исчерпывает всех направлений, по которым идет обмен при расширенном воспроизводстве в нашей системе.

Постоянный капитал первого подразделения государственного сектора с точки зрения обмена распадается на три части: первая часть, воспроизводимая внутри самого подразделения; вторая часть, воспроизводимая путем обмена с первыми подразделениями капиталистического и мелкобуржуазного секторов; третья часть, воспроизводимая путем импорта средств производства из-за границы.

Заработная плата первого подразделения госсектора делится на две части: одна часть, которая обменивается на средства потребления, изготовляемые во втором подразделении государственного сектора; другая часть воспроизводится путем обмена

с обоими вторыми подразделениями капиталистического и мелкобуржуазного секторов.

Прибавочный продукт этого же подразделения распадается: 1) на фонд накопления, который распределяется пропорционально c и v , с соответствующим разменом добавочного v на средства потребления; 2) на фонд непроизводительного потребления. Последний фонд потребляется *in natura* в самом же подразделении только в виде средств производства военной промышленности, а в остальной части идет в размен со вторыми подразделениями всех секторов.

Постоянный капитал второго подразделения госсектора воспроизводится: путем обмена средств потребления на одну часть фонда заработной платы первого подразделения госсектора; на обмен с фондом потребления капиталистического и мелкобуржуазного секторов (главным образом, на крестьянское сырье); путем импорта средств производства (и в форме машин, и в форме сырья, как хлопок, шерсть, каучук, кожи и т.д.).

Заработная плата второго подразделения госсектора частью воспроизводится в самом же этом подразделении, частью размнивает на фонд потребления мелкобуржуазного сектора, частью на v II капиталистического сектора.

Прибавочный продукт второго подразделения госсектора распадается таким же образом, как и прибавочный продукт первого подразделения: он состоит, следовательно, из фонда накопления и фонда непроизводительного потребления. Последний потребляется *in natura*, первый же распадается на две части: одна состоит из добавочного v и воспроизводится по типу всего v II госсектора, другая, предназначенная на закупку средств производства, воспроизводится по типу c II госсектора.

Мы оставляем без детального рассмотрения обмен капиталистического сектора с другими секторами, поскольку этот процесс ясен из сделанного выше анализа в подразделениях госсектора. Различие есть в разделе прибавочной ценности. Здесь прибавляется потребление класса капиталистов, что вносит модификацию в обмен средств производства на средства потребления отдельных секторов, а также прибавляется вычет из m в фонд социалистического накопления, что тоже усложняет анализ воспроизводства³.

Средства производства первого подразделения мелкобуржуазного сектора, состоящие из машин, скота, семян, удобрений и т.д. крестьянских хозяйств, занятых производством технических культур, а также и инструментов и сырья определенной части ремесленной промышленности, делятся на две части: одна часть воспроизводится в самом подразделении, другая часть может быть получена только путем внутреннего размена на c I госсектора, отчасти импортом.

Фонд потребления первого подразделения мелкобуржуазного сектора, имеющий натуральную форму средств производства, размнивается в двух направлениях: на c II госсектора и капиталистического сектора, с одной стороны, и на часть фонда средств производства второго подразделения того же мелкобуржуазного сектора [– с другой].

Прибавочный продукт первого подразделения мелкобуржуазного сектора делится на три основные части: а) на фонд накопления; б) на фонд непроизводительного потребления в том размере, в каком данное подразделение вынуждено участвовать в его покрытии; в) на фонд соцнакопления, идущий в госсектор.

В свою очередь, фонд накопления состоит: а) из добавочных средств производства собственного изготовления, которые идут на увеличение *in natura* собственного же c путем внутреннего перераспределения, т.е. без привлечения к обмену других секторов; б) из средств производства, которые обмениваются на средства производства, изготавливаемые в первых подразделениях государственного и капиталистического секторов; в) из средств производства в натуральной форме, которые служат фондом добавочного потребления новых работников и должны поэтому, чтобы поступить в потребление, обмениваться на средства потребления вторых подразделений всех трех

секторов в пропорциях, в каких обменивается весь вообще потребительский фонд данного подразделения.

Фонд непродуцируемого потребления, подобно фонду непродуцируемого потребления *I* госсектора (кроме средств производства военной промышленности), должен превратиться в предметы потребления путем размена в соответствующих пропорциях со *вторым* подразделением всех трех секторов, возмещающих свой постоянный капитал.

Отчуждение в фонд социалистического накопления. Сюда относится, [во-первых], та часть налогов на мелкое производство, которая идет не на непродуцируемое потребление агентов государства и торговой сети, а на увеличение капитальных фондов государственного хозяйства, включая сюда и государственные фонды сельскохозяйственного кредита. Сюда относится, во-вторых, та часть фонда первоначального социалистического накопления, которая образуется вследствие обмена экспортного фонда мелкого, главным образом крестьянского, производства, расцениваемого по внутренним ценам (которые ниже мировых) на импортный фонд средств производства для госсектора, расцениваемых по внутренним ценам (которые много выше мировых). Если же брать весь процесс воспроизводства в СССР в ценностных отношениях мирового рынка, то в рассматриваемый фонд пришлось бы внести все сальдо, образующееся при размере государственной продукции на частную, беря продукцию и государственного, и частных секторов в ценах мирового рынка и вычитая из этой суммы ту ее часть, которая поглощается непродуцируемым потреблением.

Средства производства второго подразделения мелкобуржуазного сектора состоят из четырех частей: первая, самая большая часть воспроизводится в самом же втором подразделении, поскольку дело идет преимущественно о крестьянском земледелии. Сюда относятся: семена, отделяемые от урожая, собственное производство рабочего скота, собственное производство кормов для скота, собственное удобрение, собственные постройки и т.д.; вторая часть воспроизводится путем обмена на потребительский фонд первого подразделения мелкобуржуазного сектора или на часть *v I* капиталистического; третья часть обменивается на часть фонда заработной платы первого подразделения госсектора; четвертая – воспроизводится путем импорта.

Потребительский фонд второго подразделения мелкобуржуазного сектора состоит из двух частей: первая, подавляющая часть, воспроизводится внутри самого подразделения; вторая, значительно меньшая часть, разменивается на часть фонда заработной платы второго подразделения государственного и капиталистического секторов.

Что касается фонда прибавочного продукта второго подразделения мелкобуржуазного сектора, то он распадается на те же четыре части, что и прибавочный продукт первого подразделения того же сектора; разница же заключается во всех тех изменениях в системе размена, *которые связаны с другой натуральной формой всего продукта*. В самом деле, фонд накопления прежде всего делится пропорционально между фондом добавочного потребления и фондом добавочных средств производства, причем добавочный фонд потребления имеет тот же состав, что и основной фонд потребления. Отличие процесса воспроизводства этого фонда от воспроизводства такого же фонда в *I* подразделении мелкобуржуазного сектора состоит в том, что в *I* подразделении этот фонд до обмена имеет натуральную форму средств производства, которые целиком надо обменять на средства потребления, тогда как здесь, т.е. во втором подразделении, этот фонд с самого начала имеет натуральную форму средств потребления и в основной своей части здесь же и потребляется. Разменивается же на средства потребления других двух вторых подразделений лишь его меньшая часть. В свою очередь, фонд добавочных средств производства имеет такой же состав, какой имеют средства производства данного подразделения вообще. Это значит, что часть фонда добавочных средств производства создается

в самом же мелкобуржуазном секторе, а другая часть получается путем размена с другими секторами.

Что касается непроизводительного потребления, то под ним подразумевается, как и выше, та часть прибавочного продукта данного сектора, которая идет в доход групп советского общества, представляющих непроизводительное потребление: расходов на государственный аппарат, армию, непроизводительная часть расходов торгового обмена и т.д. Разница с первым подразделением того же сектора состоит в том, что в данном случае фонд непроизводительного потребления с самого начала имеет натуральную форму предметов потребления и не подлежит дальнейшему размену с другими подразделениями, как это неизбежно для фонда непроизводительного потребления, имеющего натуральную форму средств производства.

Что касается прибавочного продукта, идущего в фонд социалистического накопления, то все сказанное для I подразделения мелкобуржуазного сектора относится без изменения и ко второму подразделению.

Приведенная нами схема воспроизводства в системе СССР дает возможность выяснить общие условия пропорциональности в хозяйстве рассматриваемого типа и в рассматриваемый период его существования. Эти общие условия нам необходимо выяснить раньше чем мы применим вышеупомянутую схему к анализу цифровых данных за отдельные годы, раньше чем мы попытаемся подставить под алгебраические символы конкретные арифметические цифры, например, 1925/26 или 1926/27 хозяйственных годов.

Первое условие равновесия

Начнем сначала с условий равновесия между всем государственным сектором и обоими секторами частного хозяйства, взятыми вместе, с точки зрения обеспечения расширенного воспроизводства в государственном секторе, отвлекаясь пока от натурального состава обмениваемой продукции.

Предположим, что валовая продукция государственного сектора по существующим ценам в червонных рублях равна 12 млрд в год и распадается следующим образом: $8c + 2v + 2$ прибавочный продукт. (В 1925/26 г. валовая продукция государственного хозяйства по ценам производителей, вместе с выручкой транспорта, связи, коммунального и лесного хозяйства и вместе с валовой продукцией строительства, равнялась 14 350 млн руб., без некоторых второстепенных статей.)

Предположим далее, что обменный фонд со всем частным производством равен сумме 3 млрд, т.е. что государственный сектор продает частному хозяйству средств производства, предметов потребления и транспортных услуг на 3 млрд червонных руб. и на ту же сумму получает от него средств производства, главным образом крестьянского сырья и предметов потребления, и экспортный фонд. Принимается, следовательно, баланс без сальдо в пользу того или иного сектора, т.е. без одностороннего накопления нереализуемых товарных излишков. Предположим теперь, что вся экономика СССР включается в мировое хозяйство на основе свободного действия закона ценности и нашей промышленности принудительно навязываются цены мирового рынка при тех же размерах экспорта и импорта, т.е. отвлекаясь пока от возможных изменений в динамике внешней торговли. Тогда все равновесие будет опрокинуто, и прежде всего опрокинуто равновесие во взаимоотношении всего государственного сектора, как целого, с сектором частного хозяйства. В самом деле, предположим, что вся продукция государственного сектора расценивается теперь по ценам мирового рынка, т.е. минимум в два раза дешевле, чем теперь. Если та часть продукции первого подразделения госсектора, которая идет на возмещение части постоянного капитала второго подразделения государственного же

сектора (машины, топливо для производства средств потребления), равна приблизительно той части продукции второго подразделения госсектора, которая в возмещение этого идет в первое подразделение и состоит из мануфактуры, обуви, сахара и т.д., то принудительное снижение цен не изменит существенно натуральных пропорций обмена внутри самого государственного круга, если процент вздорожания продукции тяжелой и легкой промышленности государственного сектора не очень сильно отличается от индексов цен тяжелой и легкой промышленности мирового хозяйства (если, допустим, наши средства потребления государственного производства также в два раза дороже продукции легкой промышленности мирового хозяйства, как цены на машины в два раза дороже цен на машины иностранного производства). В самом деле, если какой-нибудь наш машиностроительный трест продает теперь в два раза дешевле свои машины нашей же текстильной промышленности, то и наоборот, текстильная промышленность вдвое дешевле продает свою мануфактуру, идущую на потребление рабочих и служащих машиностроительной промышленности. Короче говоря, вследствие изменения покупательной способности денег одновременно для обеих сторон натуральный баланс обмена останется тем же, как если бы стороны оценивали свою продукцию не в червонных рублях 1927 г., а в другой денежной единице, допустим по покупательной способности фунта стерлингов на мировом рынке. Могут пострадать или выиграть при этом отдельные отрасли, где отклонения от мировых цен тех же отраслей больше чем в два раза или меньше чем в два раза. В том же случае, когда размен между первым и вторым подразделениями государственного сектора не балансируется и остаток покрывается за счет обмена с частным производством, большой ущерб понесет то подразделение государственного сектора, которое окажется больше связано в обмене веществ с частными секторами.

Но наиболее важное изменение произойдет в рассматриваемом нами случае во взаимоотношениях всего государственного сектора ко всему частному производству. Связь государственного сектора со всем частным производством отнюдь не ограничивается размерами сальдо, не покрываемого внутри государственным обменом. Первое подразделение государственного сектора при всяких условиях должно продать в частное производство такое количество средств производства, которое равно по цене той части заработной платы его рабочих, на которую покупаются продукты потребления крестьянского производства плюс соответствующая часть средств производства, возмещающая долю непроизводительного потребления, падающего на первое подразделение госсектора за вычетом средств производства военной промышленности. Еще большие размеры обмена у второго подразделения госсектора с частным хозяйством. Путем такого обмена возмещается значительная часть *с II* госсектора, а также значительная часть фонда заработной платы этого подразделения. В нашем примере, цифра которого близка к реальной цифре обмена госсектора с частным хозяйством в 1925/26 хозяйственном году, покупки частного сектора в государственном секторе и государственного в частном равны сумме в 3 млрд для каждой стороны.

Если частное хозяйство продало своей продукции на эти 3 млрд по ценам мирового рынка, то продажа со стороны государственного сектора своей продукции частному хозяйству по ценам мирового рынка, т.е. по ценам, вдвое сниженным, даст возможность государственному сектору выручить за свою продукцию вместо 3 млрд только 1½ млрд, т.е. госсектор недополучит половины по сравнению с хозяйственным годом, проходящим в условиях неэквивалентного обмена. Какую пертурбацию это произведет во всех условиях воспроизводства в государственном секторе, это совершенно очевидно из первого же взгляда на наш числовой пример. Недополучение 1½ млрд съест, во-первых, весь фонд накопления и, во-вторых, затронет в какой-то части непроизводительное потребление. В-третьих, в дальнейшем это должно привести к невозможности правильной амортизации основного капитала, а также той части оборотного, которая состоит из кре-

стьянского сырья. В целом это будет означать полный срыв процесса расширенного воспроизводства, а при сохранении значительного непроемкого потребления может сделать невозможным даже и простое воспроизводство на уровне предыдущего года.

Пертурбация получится еще более сильная, если установление цен мирового рынка на сырье и средства потребления, производимые в частном хозяйстве, будет означать фактическое увеличение их в сравнении с настоящим положением вещей.

Мы приходим, таким образом, к первому выводу огромнейшего значения, а именно к следующему. *При наличии разрыва между мировыми промышленными ценами и внутренними промышленными ценами в хозяйстве СССР, т.е. когда внутренние цены советской промышленности гораздо выше мировых цен, хозяйственное равновесие, обеспечивающее расширенное воспроизводство в государственном секторе, может существовать только на базе неэквивалентного обмена с секторами частного производства⁴. Это значит, что в условиях вышеописанного разрыва цен закон первоначального социалистического накопления есть закон поддержания равновесия всей системы, прежде всего в ее отношениях с мировым хозяйством. Этот закон должен неизбежно проявляться до момента преодоления экономической и технической отсталости государственного хозяйства пролетариата в сравнении с передовыми капиталистическими странами.*

Второе условие равновесия

Переходим теперь к следующему условию равновесия системы, оставаясь пока опять-таки в сфере взаимоотношений всего государственного сектора со всем частным производством.

Возьмем нашу цифровую схему для государственного сектора и предположим, что начинается новый хозяйственный год на базе итога накопления, полученного в предыдущем году. Мы предполагаем, следовательно, что при наличии прибавочного продукта в государственном хозяйстве, равного двум миллиардам, из которых половина идет на непроемкое потребление, а другая половина – на производительное накопление, при увеличении обменного фонда с частным производством с 3 млрд до 3¹/₄ млрд, равновесие во всей хозяйственной системе является обеспеченным. Теперь возьмем обратный случай, а именно, что фактическое накопление по каким бы то ни было причинам, будь то резкое снижение отпускных цен, не оправдываемое себестоимостью, будь то рост непроемкого потребления, равняется не 1 млрд, а только 700 млн. К каким последствиям должно неизбежно привести это недонакопление в государственном секторе?

Совершенно очевидно, что это приведет к нарушению пропорциональности между государственным и частными секторами советской экономики. Недонакопление на 300 млн будет означать отсутствие возможности расширить до необходимых пределов воспроизводство *s* в обоих подразделениях, причем дефицит на средства производства будет равен 240. Одновременно мы будем иметь расширение *v* обоих подразделений государственного сектора на 60 млн ниже нормы, что помимо всего прочего будет означать более медленное увеличение занятых в производстве рабочих, а следовательно, относительное увеличение безработицы. Наконец, это даст уменьшение на 60 млн прибавочного продукта во всем государственном хозяйстве. По отношению же к общей продукции государственного сектора мы будем иметь в конце года недовыработку на 360 млн в сравнении с первым примером. Если доля частного сектора в реализации продукции государственного сектора равна, как мы сказали, 3¹/₄ млрд, т.е. равна почти ¹/₄ всей валовой продукции государственного сектора, то недобор 360 млн продукции может означать

недостаток товаров для частного сектора минимум в размере около 90 млн⁵. А это будет означать то хорошо знакомое нам явление, которое мы называем товарным голодом. Если из этих 90 млн $\frac{2}{3}$ относятся к средствам потребления государственного производства, то неудовлетворение платежеспособного спроса частного, прежде всего крестьянского, хозяйства приведет к принудительному сокращению индивидуального потребления в деревне продуктов легкой государственной промышленности, к замене фабричной продукции домашней, кустарной, т.е. к увеличению переработки сырья (кожа, шерсть, лен, пенька) первобытными домашними способами, т.е. к задержке экономического развития на этом участке. Во-вторых, это приведет к воздержанию крестьянства от продаж своей продукции для экспорта и к увеличению внутри крестьянского потребления собственных продуктов питания. В-третьих, указанная диспропорция усилит расхождение между розничными и оптовыми ценами в торговой сети, прежде всего в частно-торговом обороте. Что же касается остающейся одной трети, состоящей из неудовлетворенного спроса на средства производства, то при невозможности кустарной выплавки металла, при невозможности кустарного производства сложных сельскохозяйственных машин и т.д. диспропорция будет иметь гораздо более вредные последствия, лишая возможности крестьянское хозяйство увеличивать, в условиях расширенного воспроизводства, необходимое ему количество машин, инвентаря и других средств производства. И в том, и в другом подразделении мелкобуржуазного сектора повторные явления товарного голода будут неизбежно приводить к воздержанию от продажи части крестьянской продукции, поскольку за этими продажами не может следовать закупок, и к появлению знакомого уже нам явления накопления нереализуемых натуральных запасов в крестьянском хозяйстве. Означенную диспропорцию может смягчить только денежное накопление в крестьянском хозяйстве, вообще возможное только или при стабильности валюты, или при росте покупательной способности денег вследствие понижения цен. Однако само собой ясно, что такое накопление, поскольку оно соответствует той части резервов крестьянского хозяйства, которая должна была бы превратиться в средства производства, изготавливаемые государственным сектором, неизбежно означает искусственную задержку процесса расширенного воспроизводства в крестьянском хозяйстве в сравнении с имеющимися в самом этом крестьянском хозяйстве возможностями.

Из сказанного с полной очевидностью вытекает, что 1) размеры накопления в государственной промышленности при данном уровне цен не являются величиной производной и подчинены железным законам пропорциональности, выявить которые и составляет одну из важнейших задач теории советского хозяйства и практики планового руководства хозяйственной жизнью; 2) нарушение необходимого минимума накопления является ударом не только по государственному хозяйству и по рабочему классу, но и задерживает развитие крестьянского хозяйства, искусственно снижая темп расширенного воспроизводства в земледелии.

Рассмотрим теперь тот же вопрос, но с другого конца: рассмотрим то, что некоторые экономисты, проводя некритическую аналогию между советской системой и капитализмом и впадая в мелкобуржуазную обывательщину, склонны были одно время называть перенакоплением в государственной промышленности и забеганием промышленности вперед. Надо с самого начала условиться относительно того, что разуметь под словом «перенакопление». Если под перенакоплением разуметь такое соотношение между производством и потреблением во всем обществе, когда новые средства производства, пускаемые в ход в обоих подразделениях, приводят в последнем счете к столь резкому увеличению выработки средств потреблений, что эти средства потребления не могут, при данных ценах и данном уровне, рассосаться на потребительском рынке, вследствие чего и соответственное накопление в первом подразделении оказывается бесцельным, то та-

кое явление очень хорошо знакомо капиталистической экономике и неизбежно должно вызвать кризис сбыта, разорение ряда предприятий в обоих подразделениях, вынужденное понижение цен и падение нормы прибыли. Если же, беря теоретически возможный случай, в нашем государственном хозяйстве на основе накопления предыдущего года выработка средств потребления превышает платежеспособный спрос и рабочих, и всего частного хозяйства при данных плановых ценах, то положение создается гораздо менее серьезное, чем в капиталистической экономике, и вот почему. Динамическое равновесие нашей системы имеет своей предпосылкой, между прочим: 1) рост заработной платы рабочим, 2) постепенное снижение промышленных цен, 3) переоборудование и расширение всей технической базы государственного хозяйства. Наличие кризиса сбыта может при таких условиях означать одно из трех:

1) Либо мы неправильно рассчитали во времени осуществление программы по первым двум пунктам, и тогда равновесие может быть достигнуто или путем превышающего программу повышения заработной платы, или мерой, более радикальной, т.е. путем более быстрого в сравнении с программой общего понижения цен на предметы потребления, изготавливаемые государственным сектором. В этом случае диспропорция может быть преодолена наиболее быстро и без особых потрясений, причем «перенакопление» окажется лишь кризисом производственного плана в той его части, где этот план неверно учитывал во времени выполнение первых двух задач. Кроме того, не надо забывать, что при общем недостатке у нас кредитных, производственных и торговых резервов *диспропорция не может долго накапливаться в скрытом виде*, как это бывает при капитализме, и ликвидация ее неизбежно начнется гораздо раньше, чем весь процесс, зайдет слишком далеко. Вредные последствия планового расчета, о котором идет речь, скажутся в дальнейшем в том смысле, что выполнение третьей из отмеченных выше задач будет задержано во времени.

2) Либо мы неправильно рассчитали осуществление во времени третьей задачи, т.е. мы расширили производство средств потребления *при данных ценах* в большем объеме, чем это допускается подготовленностью всего технического базиса государственного хозяйства и размерами достигнутой рационализации труда к снижению себестоимости, к снижению продажных цен или, в худшем случае, к увеличению только одной заработной платы. При таком положении «перенакопление» оказывается результатом неправильного распределения производительных сил внутри государственного хозяйства, результатом отставания процесса технического перевооружения промышленности от общего развития всего хозяйства. Мы будем иметь здесь внутреннюю диспропорцию в рамках государственного круга, а не перенакопление с точки зрения взаимоотношений государственного хозяйства с частным производством. Выход из такого кризиса путем снижения цен, хозяйственно неподготовленного снижения, снижения себестоимости, может задержать временно весь процесс расширенного воспроизводства, как задержит его и такое решение проблемы, когда часть продукции временно останется в виде неликвидного фонда, но при сохранении данных цен. Это несоответствие будет сохраняться, пока передвигка в распределении производительных сил не восстановит равновесия.

3) Либо переоборудование основного капитала, происходящее скачкообразно, отвлекает так много средств производства на производство средств производства, способных дать продукцию только через несколько лет, что все это задержит рост потребительского фонда населения и при наличии товарного голода приостановит процесс снижения цен. В этом случае у нас будет *не общее перенакопление* (иначе отсюда может быть товарный голод, хотя бы даже на средства потребления) в государственном секторе, а непропорциональное распределение во времени отдельных задач расширенного воспроизводства. В данном случае мы будем иметь перед собой не столько ошибку в построении плана, сколько естественный результат перехода от так называемого восстановительного

процесса к реконструктивному. Мы будем иметь перед собой естественные последствия такого положения, когда основной капитал страны, сильно уменьшенный амортизационными провалами предыдущих лет, воссоздается при ограниченной связи с мировым хозяйством и при общем недостатке внутреннего накопления в натуральной форме средств производства. *То, что имеет внешний вид перенакопления в тяжелой промышленности, есть только своеобразная форма недонакопления во всем государственном хозяйстве, взятом, как целое.* Сама природа воссоздания основного капитала в описываемых условиях такова, что этот процесс не может не носить скачкообразного характера. Чтобы расширить, допустим, на 100 млн руб. производство средств потребления в год в легкой государственной промышленности, приходится предварительно увеличить на 400–500 млн производство средств производства. Это может временно задержать необходимый темп производства средств потребления, вызвать особого свойства товарный голод, задержать снижение цен, особенно в том случае, если изменение строений крестьянского бюджета приводит к повышению спроса на средства потребления в сравнении с довоенным положением. Но зато через несколько лет это даст возможность сразу снизить себестоимость производства, снизить продажные цены и сразу быстро увеличить фонд потребления. Вместо систематического снижения цен, допустим на 2–3% в год, вместо систематического увеличения выработки средств потребления, допустим на 6–7% в год, это даст реализацию той же программы в течение трех-четырех лет, но только в более скачкообразной форме. Если не говорить о политических затруднениях этого периода, то вредные экономические последствия такого развертывания государственного хозяйства сведутся прежде всего к тому, что в крестьянском хозяйстве будет задержано производство экспортных культур, а производство технических культур окажется ниже тех запросов, которые предъявит к нему быстрое развертывание легкой государственной промышленности. Это последнее затруднение для нашего хозяйства еще в основном впереди, тогда как искусственное сокращение крестьянского экспорта уже имеется налицо. С точки зрения общего поступательного движения государственного хозяйства рассматриваемый случай будет означать не кризис перенакопления и перепроизводства в точном смысле, а лишь материальную невозможность гармонически уложить развертывание всех сторон расширенного воспроизводства *во времени*. Эта невозможность при переходе от восстановительного процесса к реконструктивному вообще неизбежна, потому что самый переход, как это мы увидим более подробно ниже, означает резкое изменение в общих пропорциях распределения производительных сил страны. Тот факт, что новые заводы начнут давать продукцию через три-четыре года после начала их постройки, есть результат более технической, чем экономической необходимости. Здесь задержка сначала, скачок потом – неизбежны. Сгладить этот скачок можно было бы отчасти лишь на основе более значительного экспорта и внешних кредитов. Невозможность же последних вызывается как раз тем, что у нас происходит не просто расширенное, а расширенное *социалистическое* производство промышленности, помогать которому мировой капитализм не намерен.

Таким образом, мы приходим к выводу, что размеры накопления в государственном хозяйстве в каждый данный год не есть величина произвольная, что определенный минимум накопления властно диктуется общими пропорциями распределения производительных сил между государственным сектором и частным, а также размерами нашей связи с мировым хозяйством. Во-вторых, мы приходим к выводу, что перенакопление в государственном секторе, при наличии огромной задачи быстрого переоборудования и расширения основного капитала промышленности (для решения этой задачи не хватит и десятилетия), вообще невозможно. Это переоборудование есть, в сущности говоря, колоссальной емкости внутренний рынок, не говоря уже о росте внутреннего рынка вследствие роста спроса со стороны частных секторов нашей экономики. Можно говорить не

о кризисе перенакопления в государственном хозяйстве, которое не имеет своей целью производство прибавочной ценности, а о колоссальном недонакоплении, которое отражается и на крестьянском хозяйстве, задерживая его развитие. Мы можем говорить также о недостаточном накоплении в сфере крестьянского производства промышленного сырья. О диспропорции этого рода будет речь при анализе натурального состава обмена между государственным и частным производством.

Необходимо заметить еще здесь, что те два общих условия равновесия, которые мы успели рассмотреть, различаются между собой вот в каком отношении. Равновесие неэквивалентного обмена в условиях разрыва внутренних цен с мировыми, т.е. равновесие экономики, регулируемой законом первоначального социалистического накопления в борьбе с законом ценности, есть специфическая особенность нашего хозяйства, есть закон нашего существования как советской системы на весь период преодоления нашей экономической отсталости по сравнению с передовым капитализмом. Здесь равновесие достигается в результате постоянной борьбы пока еще отсталого коллективного производства, одинокой страны с диктатурой пролетариата, с капиталистическим миром и с капиталистическими и мелкобуржуазными элементами собственной экономики. Равновесие этого типа есть неустойчивое равновесие борьбы двух систем, достигаемое не на основе мирового закона ценности, а на основе постоянного насилия над этим законом, на основе постоянного насилия над мировым рынком, на основе изъятия, если не полного, то частичного, из сферы регулирования мирового рынка огромной хозяйственной площади.

Значительно иначе обстоит дело, когда мы говорим о втором условии равновесия, т.е. о необходимых пропорциях накопления в государственном хозяйстве для поддержания равновесия в хозяйственном организме после того, как первое условие равновесия уже обеспечено на тот или другой срок. Поддержание равновесия внутри хозяйственного организма, разделенного на систему коллективного и систему частного производства, *иначе сталкивает руководящуюся законом п.с.н.* плановую политику государства с законом ценности*. Если мы в плановом порядке не улавливаем нужные пропорции распределения производительных сил при данном соотношении индексов внутренних и мировых цен, закон ценности со стихийной силой вламывается в сферу регулирования хозяйственных процессов и, заставляя отступать в беспорядке плановое начало, покушается при этом и на те специфические пропорции распределения труда и средств производства, которые создаются в результате наличия коллективного сектора хозяйства, на те специфические пропорции, которые обеспечивают не просто расширенное воспроизводство, а расширенное воспроизводство системы советского типа.

Третье условие равновесия

Переходим теперь к третьему условию равновесия, которое связано с размерами нашего участия в мировом разделении труда и с специфическими условиями реализации этой связи.

Возьмем наш прежний цифровой пример, относящийся к воспроизводству в государственном секторе. Теперь, однако, по характеру того вопроса, который предстоит нам выяснить, необходимо разбить годовое производство государственного сектора на два подразделения. Предположим, что распределение производительных сил и продукции между обоими подразделениями будет следующим: 40% первое подразделение, 60% второе⁶. Чтобы не расходиться с действительностью, предположим далее, что органическое

* Первоначальное социалистическое накопление.

строение капитала в первом подразделении ниже, чем во втором подразделении (в противоположность схемам Маркса – подробнее об этом ниже), c относится к v в I подразделении, как 3 : 2, во II, – как 2 : 1. Предположим далее, что прибавочный продукт равняется 100% заработной платы, что этот прибавочный продукт распадается в обоих подразделениях на две равные части: одна часть, которая идет в накопление в данном подразделении, другая – в фонд непроизводительного потребления советского общества. Вся схема тогда будет иметь следующий вид:

$$I \quad 2100 c + 1400 v + 1400 \text{ приб. прод. (700 фонд накопл.)} = 4900 \\ (700 \text{ ф[онд] непр. потр.})$$

$$II \quad 3550 c + 1775 v + 1775 \text{ приб. прод. (887\frac{1}{2} \text{ фонд накопл.})} = 7100 \\ (887\frac{1}{2} \text{ [фонд] непр. потр.})$$

Уже при беглом взгляде на эту схему мы видим большое различие по сравнению с соответствующими Марксовыми схемами при капиталистическом производстве, c II госсектора не только значительно больше зарплаты и непроизводительного потребления первого госсектора, но и больше зарплаты плюс весь прибавочный продукт первого подразделения. Все это вполне естественно в крестьянской стране, где очень большая часть c II государственного сектора воспроизводится путем обмена с мелкобуржуазным хозяйством, которое дает нашей легкой промышленности такие средства производства, как хлопок, лен, пеньку, кожу, шерсть, сахарную свеклу, масличные семена для маслобойной промышленности, зерно для мельниц, картофель для спиртовой промышленности и т.д. Предположим, что половина c II госсектора, т.е. 1755 c , воспроизводится путем обмена в частном производстве, т.е. мы заранее берем цифру, которая превышает действительные размеры воспроизводства c II путем обмена с мелкобуржуазным хозяйством. Спрашивается теперь, как же может быть воспроизведена другая половина c II?

Для воспроизводства этой половины имеется, во-первых, фонд зарплаты первого подразделения в размере 1400. Однако вся эта сумма не может пойти на возмещение половины c II, потому что часть заработной платы первого подразделения должна обмениваться на крестьянские средства потребления. Предположим, этот последний обмен требует $\frac{1}{3}$ от 1400, т.е. равняется 466,6. Тогда для обмена с c II остается фонд в 933,4, имеющий натуральную форму средств производства. Далее, так как из прибавочного продукта в накопление первого подразделения идет 700, то для размена с другими подразделениями других секторов из прибавочного продукта остается фонд непроизводительного потребления в 700. Если мы возьмем ту же пропорцию размена этого фонда со вторым подразделением государственного же сектора, с одной стороны, и с частным хозяйством – с другой, т.е. предположим, что во второе подразделение сектора идет две трети, или 467, а в частное производство остальные 233, то тогда весь обменный фонд первого подразделения госсектора, возмещающий половину c второго подразделения, будет равняться $933,4 + 467 = 1300,4$ или, округляя цифру, – 1300, между тем как возместить необходимо 1755. Получается дефицит на средства производства в государственном хозяйстве, равный 455 млн.

Далее, если мы предположим, что этот дефицит так или иначе покрыт, то достаточно нам построить схему расширенного воспроизводства для следующего года на основании данных исходной схемы, чтобы видеть, как отмеченная нами диспропорция будет сохраняться, уменьшаясь немного при одних условиях, увеличиваясь – при других. В самом деле, во втором подразделении из подлежащих накоплению 887,5 прибавочного продукта 295,8 пойдет на увеличение v и 591,7 – на увеличение c . Таким образом, c II будет равняться теперь 4141,7, а та часть его, которая должна быть покрыта обменом с первым подразделением, будет равняться 2070,8. В то же время в первом подразделении обменный фонд вследствие роста v и роста непроизводительного потребления пропор-

ционально возрастает, и та его часть, которая должна идти на возмещение $c II$, будет теперь равна вместо 1300 уже 1680. Это значит, что в следующем году дефицит на средства производства будет равен $2070,8 - 1680 = 390,8$ млн вместо 455 – *при том же темпе роста непроизводительного потребления*. И наоборот, сохранение тех же абсолютно размеров непроизводительного потребления должно увеличивать диспропорцию, потому что от сохранения старого размера или от уменьшения темпа роста непроизводительного потребления обменный фонд первого подразделения госсектора сокращается, в то время как $c II$ госсектора относительно растет. Спрашивается, является ли обнаруженная нами диспропорция следствием тех цифровых соотношений, которые нами взяты для примера (хотя пропорции и близки к действительным), или же она представляет реальную диспропорцию в нашем хозяйстве?

Вряд ли можно сомневаться в том, что взятый нами пример иллюстрирует как раз реальную диспропорцию, которая имеется в нашем хозяйстве и которая вызвана: 1) прекращением вложения в нашу промышленность иностранного капитала, 2) сокращением непроизводительного потребления класса буржуазии, 3) амортизационными провалами основного капитала прежних лет, 4) отвлечением части средств производства на постройку новых заводов, не дающих еще продукции, 5) вследствие общей необходимости более быстрого развития накопления в первом подразделении в условиях индустриализации страны.

Итак, мы констатируем резкий, все время возрастающий дефицит нашего государственного хозяйства на средства производства. Спрашивается теперь, какую роль может играть в ликвидации этой диспропорции внешняя торговля, которую теперь нам нужно ввести в круг нашего анализа? Эта роль является чрезвычайно важной. Допустим, дефицит второго подразделения на средства производства означает дефицит на машины для легкой промышленности, электроэнергию, продукцию основной химической промышленности и т.д., а дефицит тяжелой промышленности выражается в недостатке оборудования топливной промышленности, машиностроительных заводов, турбогенераторов большой мощности, воздуходувок и прочего оборудования черной и цветной металлургии и т.д. Что достигается привлечением к делу внешней торговли?

Привлечением импорта достигается следующее:

1. Легкая промышленность, вместо того чтобы приостановить свое развертывание и ожидать того момента, когда первое подразделение сможет на основе своего собственного развертывания дать ей нехватаящие элементы c , получает свой дефицит сразу из-за границы, т.е. проблема разрешается во времени, тогда как решение вопроса длительным, окольным путем, путем развертывания собственного первого подразделения означало бы рост кризиса, нагромождение одних затруднений на другие, в том числе и в области обмена государственного сектора с частным производством. При этом необходимо помнить еще и одно чрезвычайно важное обстоятельство, а именно следующее. Если легкой промышленности для увеличения ее продукции на 100 единиц необходимо соответственно расширить свой постоянный капитал, в данном случае ту его часть, которая воспроизводится в первом подразделении госсектора, а в этом последнем подразделении как раз имеется общий дефицит на средства производства, нужные легкой промышленности, то удовлетворение добавочного запроса легкой промышленности может быть достигнуто только постройкой новых предприятий в тяжелой промышленности. А эта постройка должна отвлекать из общего фонда накопления государственного хозяйства на период строительства гораздо больше средств каждый год, в сравнении с ценностью средств производства, нужных для снабжения легкой промышленности добавочными элементами основного капитала. Прибавление новых 100 c к постоянному капиталу второго подразделения может потребовать единовременных вложений в первое подразделение на 400–500 элементов нового капитала. Между тем апелляцией к мировому рынку

мы прямым путем и без задержек разрешаем эту проблему путем импорта нужных средств производства для второго подразделения в необходимом для него размере.

2. Тяжелая промышленность, вместо того чтобы ждать, когда ее собственный дефицит на средства производства будет покрыт ее внутренним развертыванием, вместо того чтобы оборудовать новые производства машинами собственного производства, что крайне замедлило бы пуск новых предприятий в ход и затянуло бы кризис и внутри самого первого подразделения, и в сфере ее обменной связи со вторым подразделением, – тяжелая промышленность разрубает противоречия путем импорта такого оборудования, собственное производство которого усилило бы кризис, отвлекая и без того недостаточное накопление на такие предприятия, постройка которых при наличии связи с мировым хозяйством отнюдь не является первоочередной.

3. И легкая, и тяжелая промышленность не только разрешают проблему развертывания своего производства во времени, но решают в известной части огромной важности проблему накопления за счет частного хозяйства. В самом деле, в нашем примере государственному сектору не хватает средств производства, идущих на возмещение основного капитала на 400 млн руб. по внутренним ценам. Чтобы возместить этот дефицит, нашему государству достаточно вывезти, допустим, продуктов потребления крестьянского хозяйства на 200 млн руб., или на 100 млн долларов, и купить на эту сумму иностранного оборудования. Это иностранное оборудование, стоящее по мировым ценам 100 млн долларов, или 200 млн червонных руб., внутри нашей страны стоит 400 млн, если исходить из разницы наших внутренних промышленных цен с иностранными. Следовательно, благодаря импорту средств производства мы используем разницу мировых и внутренних цен и автоматически накапливаем основной капитал нашей развертывающейся промышленности.

Таким образом, связь с мировым рынком, разрешая во времени проблему реконструкции и расширения основного капитала обоих подразделений государственного сектора, разрешает в известном проценте также и проблему накопления с ее материальной стороны, а именно методами первоначального социалистического накопления.

Но, кроме рассмотренного нами случая, существует еще и другая диспропорция, разрешаемая также импортом. Дело идет о возмещении в натуральной форме некоторой части элементов *с II*, поскольку внутреннее производство сырья является у нас в некоторых отраслях недостаточным. Мы на десяток лет задержали бы, наверное, нормальное развитие нашей текстильной промышленности, если бы ожидали развития нашего собственного хлопководства до предела удовлетворения всего спроса этой промышленности на сырье.

Кроме перечисленных случаев, импорт нам абсолютно необходим еще и тогда, когда то или иное сырье (как каучук), те или иные средства потребления (например, кофе) мы вообще не производим совсем по природным условиям. Но я сознательно не говорю об этой стороне нашей связи с мировым хозяйством, потому что в этом случае перед нами выгоды и необходимость участия в мировом разделении труда *вообще, независимо от структуры хозяйства и ступени его развития*. Я же говорю об импорте таких средств производства, которые мы вообще можем производить сами и будем увеличивать их собственное производство, но которые на данной стадии развития государственного хозяйства нам необходимо импортировать для поддержания равновесия в системе расширенного социалистического воспроизводства, во-первых, и в интересах накопления основного капитала, во-вторых.

Итак, мы приходим к выводу, что третьей предпосылкой равновесия нашей системы является максимальная связь с мировым хозяйством, построенная на совершенно особом характере нашего экспорта и импорта. В условиях общего недостатка собственного производства средств производства, особенно в условиях относительной недо-

развитости тяжелой промышленности в сравнении с требованиями внутреннего государственного и частного рынка и в сравнении с необходимым общим темпом индустриализации страны, наш плановый импорт средств производства должен иметь такие размеры и должен быть так построен в своей натуральной части, чтобы служить, так сказать, автоматическим регулятором всего процесса расширенного воспроизводства, не переставая быть источником накопления⁸.

Четвертое условие равновесия

Идем дальше. Четвертым условием равновесия нашей хозяйственной системы является пропорциональность в распределении труда, в частности пропорциональность обмена между государственным и всем частным хозяйством внутри страны как со стороны ценностных величин обмена при данных ценах, так и со стороны натурального состава этого обмена. Предполагается при этом, что равновесие ценностного обмена понимается условно, т.е. в смысле равновесия обмена неэквивалентного, обмена, являющегося механизмом социалистического накопления. Для большей наглядности исследования этого четвертого условия равновесия мы возьмем наш условный числовой пример, относящийся к государственному сектору, и присоединим к нему арифметическую схему воспроизводства в частном хозяйстве, причем для упрощения мы не будем пока делить частное хозяйство на два сектора – капиталистический и мелкобуржуазный, как это следовало бы сделать при более детальном анализе. Как и в государственном секторе, мы вводим деление прибавочного продукта частного хозяйства на две части: на фонд фактического накопления в каждом подразделении и на фонд непроемительного потребления, которое ложится на данное подразделение.

Примем размеры общегодовой продукции всего частного хозяйства в 17 млрд⁹. Предположим, что эта валовая продукция делится между двумя подразделениями частного хозяйства следующим образом:

$$\begin{array}{l} I \ 2200 \text{ с} + 2200 \text{ фонд потребления} + 1100 \text{ приб. прод.} = 5500 \\ II \ 3300 \text{ с} + 6600 \text{ « « + 2100 « «} = 12000 \end{array}$$

К первому подразделению относится производство технических культур в крестьянском хозяйстве и всего сырья вообще, а в ремесленной и кустарной промышленности – такие предприятия, изготовляющие средства производства, как частные кузницы, ремонтные мастерские, кустарное производство инвентаря, колес, телег, гужевой транспорт, перевозящий товарные продукты, идущие на дальнейшую переработку, и т.д.

Ко второму подразделению относится все производство средств потребления в крестьянском хозяйстве, дающее подавляющую часть всей продукции в этом подразделении, а именно: полеводство, животноводство в той его части, в какой оно дает продукты потребления, как молоко, масло, мясо, затем огородничество, рыболовство, выделка домашней одежды и т.д. Сюда же относится в ремесленной и в частной капиталистической промышленности производство тканей и одежды, частная кожевенная промышленность, частная пищевая промышленность и т.д.

Производя указанное выше деление крестьянского хозяйства на два подразделения, мы должны всегда помнить о том, что это деление представляет из себя методологическую абстракцию. Одно и то же неделимое крестьянское хозяйство фигурирует почти всегда в двух подразделениях сразу, потому что, как бы много оно ни производило средств потребления, оно обязательно производит в некотором количестве и средства производства. И наоборот, крестьянское хозяйство, специализирующееся на технических культурах, всегда производит средства потребления в том или ином размере.

Воспроизводство в первом подразделении происходит таким образом, что часть средств производства для крестьянского хозяйства, производящего сырье, а также средства производства ремесленной и кустарной промышленности, создается в самом же первом подразделении частного сектора. Сюда же относится производство семян при льноводстве, хлопководстве, посевах свеклы, конопли и т.д. для самого же льноводства, хлопководства и т.д. В самом же хозяйстве производятся рабочий скот, заготовка кормов на искусственных и естественных лугах, животноводство в части производства сырья (овца, дающая шерсть, есть средство производства шерсти, а размножение овец для шерсти есть производство орудий производства шерсти). Но остается другая часть средств производства, которая может быть получена только из первого подразделения государственного сектора. Сюда относится металл и уголь для кузниц, для мастерских мелкого ремонта, сельскохозяйственные машины для крестьянского производства сырья, искусственное удобрение, железнодорожный и водный транспорт, обслуживающий возмещение $c I$ частного сектора, и т.д. При этом возникает следующий вопрос: первое подразделение государственного сектора, представленное машиностроением, топливной промышленностью, металлургией, электростроительством и электроснабжением и т.д., имеет очень мало что купить из первого сектора частного хозяйства, во всяком случае меньше того, чем этот последний сектор должен покупать у тяжелой промышленности. А все то, что тяжелая промышленность продает для возмещения своего фонда заработной платы, требует продажи от других секторов средств потребления, которых первое подразделение частного хозяйства дать не может. Отсюда крайне сложный переплет во всей системе воспроизводства, который Маркс не исследовал непосредственно в своих знаменитых главах второго тома «Капитала» о накоплении, потому что он оперировал с условиями чисто капиталистического воспроизводства, где все равновесие обмена концентрируется только на соотношении величины $c II$ и темпа ее роста с величиной $v + \frac{m}{x} I$ и темпом ее роста. Та часть $c I$ частного сектора, которая не покрывается собственным производством средств производства этого сектора и внутренним обменом с $c I$ государственного сектора, может попасть в первое подразделение частного сектора еще через реализацию фонда непроизводительного потребления первого подразделения государственного сектора. Эта проблема может быть частично решена также и путем внешней торговли: лен, пенька, грубая шерсть, щетина и т.д. экспортируются за границу, и оттуда получается нужное количество средств производства.

Мы видим, таким образом, что воспроизводство одной части $c I$ частного сектора представляет из себя довольно сложную задачу, разрешаемую привлечением к обмену всех подразделений всех секторов, главным образом через русло непроизводительного потребления плюс внешняя торговля. Недостаточно, чтобы та часть $c I$ частного сектора, о которой идет речь и которая имеет вначале натуральную форму промышленного сырья, либо средств производства частной промышленности была продана, а нужно также, чтобы на вырученные деньги могли быть куплены в достаточном количестве как раз нужные средства производства. Установленный нами выше систематический дефицит на средства производства, главным образом в форме основного капитала, дефицит, характеризующий период реконструкции технической базы госсектора, должен еще больше увеличиться в результате той непропорциональности в обмене $c I$ госсектора на $c I$ частного сектора, о котором мы только что говорили.

Фонд потребления первого подразделения частного сектора состоит до обмена из тех же элементов, т.е. из промышленного сырья всех видов, создаваемого в крестьянском хозяйстве, а также из средств производства кустарно-ремесленного происхождения: продукция кузниц ремонтных мастерских, тележных мастерских, производство всякого иного инвентаря, заготовка древесины для дальнейшей переработки и т.д. Часть этих средств производства реализуется в самом же частном секторе, часть поступает для вос-

производства с II частного сектора, фигурирующего в нашем примере с цифрой 3500 с. В обмен второе подразделение частного сектора дает первому подразделению своего же сектора средства потребления. Другая часть средств производства – первого подразделения частного сектора, возмещающих фонд потребления, идет во второе подразделение государственного сектора в качестве сырья для текстильной, кожевенной, сахарной, маслостойкой, спиртовой промышленности и т.д. и обменивается на мануфактуру, обувь, сахар и пр.

Прибавочный продукт первого подразделения частного сектора, поскольку дело идет о главной и наиболее интересующей нас части, т.е. прибавочном продукте при производстве технических культур в крестьянском хозяйстве, состоит из трех основных частей: [во-первых,] из фонда непроизводительного потребления, который соответственно ложится на данное подразделение и из которого выплачивается соответственная доля государственных налогов, расходов на торговый аппарат и т.д., во-вторых, из фонда производительного накопления в самом данном подразделении и, в-третьих, из фонда, идущего в социалистическое накопление госсектора. В нашем примере весь прибавочный продукт первого подразделения частного сектора равняется 1100 млн, из которых в фонд накопления идет, допустим, 500 млн, в фонд непроизводительного потребления – 400, в фонд соэнакопления – 200.

Что касается фонда непроизводительного потребления, то в огромной своей части он должен обменяться на средства потребления вторых подразделений государственного и частного секторов, потому что средства производства индивидуально не потребляются. Проходным же каналом такого обмена является воспроизводство с во всех трех вторых подразделениях всех секторов хозяйства. Что же касается фонда накопления в 500 млн, то этот фонд тоже надо разделить на две совершенно различные части: 1) на фонд добавочных средств потребления для расширенного воспроизводства, т.е. на ту часть этих 500 млн, которая должна обменяться на средства потребления и служить потребительским фондом для новых работников, которые будут заняты в производстве, 2) на фонд добавочных средств производства в собственном смысле. Если мы предположим, что деление между фондом потребления и фондом средств производства происходит в таких же пропорциях, как в предыдущем году, то тогда фонд накопления средств производства будет равняться 250 млн. Теперь посмотрим, из каких элементов составляется эта последняя цифра. Меньшая часть этих 250 млн будет состоять из тех средств производства, которые первое подразделение частного сектора должны закупить у первого подразделения государственного сектора, т.е. у государственной тяжелой промышленности. Большая же часть этих 250 млн состоит из средств производства, которые создаются в самом же крестьянском хозяйстве и присоединяются, не точно выражаясь, к капиталу производства. Сюда относятся: 1) семена технических культур, получаемые в самом же подразделении и идущие на *расширение* посевов; 2) из расширенного воспроизводства скота, кормов, навозного удобрения; 3) из мелиораций всякого рода, направленных к расширению площади под техническими культурами и к подъему урожайности земли; 4) хозяйственные постройки из крестьянского леса собственными средствами; 5) из добавочных средств производства, получаемых из самого же подразделения, но путем обмена с частной и кустарной промышленностью.

Совершенно очевидно, что расширенное воспроизводство технических культур, поскольку для такого воспроизводства нужны средства производства из государственного сектора, теснейшим образом связано в своем развитии с условиями воспроизводства и накопления в государственной тяжелой промышленности. А с другой стороны, второе подразделение государственного сектора в деле расширенного воспроизводства тесно связано с успехами расширенного воспроизводства технических культур в крестьянском хозяйстве, образующем его сырьевую базу. Таким образом, в итоге расширенное

воспроизводство второго подразделения госсектора нуждается в *предварительном* расширенном воспроизводстве первого подразделения частного сектора в части производства технических культур, а расширенное воспроизводство технических культур нуждается в *предварительном же* расширенном воспроизводстве той части первого подразделения госсектора, которая дает ему нужные добавочные средства производства. Отсюда общая заинтересованность и легкой государственной промышленности, и крестьянского производства технических культур в возможно более быстром накоплении в тяжелой промышленности, накоплении, которое должно все время *предшествовать* расширенному воспроизводству упомянутых отраслей.

Приведем еще один частный пример, с которым часто приходится сталкиваться на практике в крестьянской стране и который относится к рассматриваемому вопросу. Как известно, в нашем крестьянском хозяйстве процесс накопления идет скачкообразно в урожайные годы. За один урожайный год сотням тысяч крестьянских хозяйств удается «поправиться», увеличив средства производства в таком объеме, который им потом не удастся накопить, быть может, в течение пяти лет. Допустим, мы имеем выше среднего урожай на лен, хлопок, масличные семена и т.д. В результате крестьянское хозяйство может отделить в фонд накопления сумму средств, превышающую средний обычный годовой прирост накопления. Отсюда усиленный запрос, между прочим, и на средства производства, изготавливаемые государственной промышленностью, а также увеличение спроса на ремесленное производство средств производства. Но так как в тяжелой промышленности урожая на машины, металл и т.д. не бывает, то запрос на добавочные средства производства, идущий из крестьянского хозяйства, не будет удовлетворен, если накопление в тяжелой промышленности не обгоняет систематически накопление в других отраслях всего хозяйства, в частности, если оно не обеспечивает существования необходимых товарных запасов. Тогда, в лучшем случае, фонд накопления, предназначавшийся на покупку средств производства в тяжелой промышленности, застывает временно в денежной форме и при развитой системе кредита позволит, на основе перераспределения денежных накоплений страны, усилить кредитование, а тем самым и добавочное производство в соответствующих отраслях тяжелой промышленности. В худшем же случае этот фонд накопления, обменявшись на средства потребления, будет просто съеден в крестьянском хозяйстве, увеличив потребительский бюджет крестьянского подразделения технических культур. Мы не говорим уже о том, что диспропорция будет еще больше в том случае, если тяжелая промышленность уже исчерпала все запасы старого оборота, и новый добавочный спрос может быть удовлетворен только в результате новых вложений в основной капитал, далеко превышающий сумму товарного дефицита данного года. Переходим теперь ко второму подразделению частного сектора. Если исключить из него частное промышленное производство средств потребления (кустарное и ремесленное производство обуви, одежды, тканей, частную пищевую промышленность)¹⁰, то мы будем иметь здесь дело главным образом с крестьянским производством средств потребления. Воспроизводство постоянного капитала, равное в нашем примере 3300 с, происходит следующим образом. Большую его часть составляют средства производства, получаемые в самом же крестьянском производстве средств потребления. Сюда относятся семена зерновых культур, корм скоту, навозное удобрение, воспроизводство скота, постройки из собственного леса собственными средствами, мелиорации, расчистки из-под леса новых площадей под пашню, поднятие целины и т.д. Вторая часть средств производства получается из обмена предметов потребления данного подразделения на средства производства, покупаемые в первом подразделении частного же сектора хозяйства. Наконец, третья часть средств потребления второго подразделения частного сектора, возмещающая его с, идет на продажу рабочим тяжелой промышленности государственного сектора, взамен чего от тяжелой промышленности получают средства

производства в виде сельскохозяйственных машин, инвентаря, гвоздей, кровельного и иных видов железа, транспортные перевозки и т.д.

Фонд потребления второго подразделения частного сектора в подавляющей своей части производится и потребляется внутри самого подразделения, причем большая его часть совершенно не участвует в так называемой товарной части продукции крестьянского хозяйства. И лишь меньшая его часть участвует во внутреннем обмене с фондом заработной платы второго подразделения госсектора, т.е. с легкой промышленностью государства. Иными словами: если принять фонд зарплаты легкой государственной промышленности за 1000, а ту часть этого фонда, которая состоит из предметов потребления крестьянского и всего частного производства, – за 400, то на эту сумму рабочий легкой промышленности купит из фонда потребления второго подразделения частного сектора то, что ему нужно по составу их расходного бюджета: хлеб, масло и т.д., а крестьянство и ремесленники второго подразделения купят предметы потребления государственного производства.

Но это отнюдь не значит, что здесь должно существовать отношение или чистого, или приблизительного арифметического равенства, которое установлено Марксовым анализом капиталистического воспроизводства при размене c II на $v + m/x$. Уже при анализе обмена между первым подразделением частного сектора с первым подразделением государственного сектора мы установили, что первое подразделение частного сектора, по характеру натурального состава обмениваемых товаров, должно получать от тяжелой промышленности больше, чем тяжелая промышленность может купить у этого подразделения. А это значит, что первое подразделение частного сектора должно где-то в другом месте продать свои средства производства в размере сальдо и закупить на вырученные деньги средства производства от тяжелой промышленности. Что эта проблема может быть решена при посредстве внешней торговли, совершенно очевидно. Часть льна, пеньки и т.д. идет на экспорт, по импорту тяжелая промышленность получает то, что ей нужно из оборудования, а продавцы льна, пеньки и пр. в червонной валюте покупают нужные им средства производства у советской тяжелой промышленности. Таким образом, диспропорция в натуральном составе обмена между первым подразделением частного сектора и первым подразделением государственного сектора ликвидируется путем привлечения внешнего рынка, который позволяет в самом первом подразделении произвести перегруппировку элементов производства, высвобождая нужные ресурсы для обмена с первым подразделением частного сектора. Еще проще вопрос может быть решен прямо, т.е. импортом из-за границы машин и других средств производства для первого подразделения частного сектора. При невозможности же решить эту проблему в нужных числовых размерах или вследствие недоразвитости собственного машиностроения, производства искусственных удобрений и т.д. или вследствие ограниченности импортного контингента, оставляемого для частного хозяйства, мы будем иметь товарный голод на средства производства тяжелой промышленности, т.е. одну из форм нарушения равновесия между государственным и частным хозяйством вследствие недоразвитости нашей тяжелой промышленности.

Точно так же, если, допустим, крестьянское хозяйство, производившее средства потребления, должно обменять больше своих продуктов на средства потребления промышленного производства, чем это может ему дать тот фонд зарплаты легкой промышленности, о котором мы говорили выше, то решение этой проблемы, вообще говоря, также возможно путем привлечения к делу внешней торговли. Другой вопрос, возможна ли в данных условиях практически эта апелляция к внешнему рынку. В самом деле, допустим, рабочие и служащие легкой промышленности государства покупают средства потребления в частном секторе на 400 млн, а частный сектор подразделения средств потребления нуждается в размене из своего потребительского фонда не в размере 400, а в

размере 600 млн, т.е. его платежеспособный спрос, сопровождаемый продажей, равняется 600 млн, и на эту сумму он предъявляет запрос на продукты легкой государственной промышленности. Конкретно говоря, крестьянство имеет на 200 млн руб. больше продажного хлеба, масла, яиц и т.д., с тем чтобы на эти 200 добавочных млн купить добавочное количество одежды, обуви, сахара и других продуктов потребления фабричного производства. Но допустим, что второе подразделение госсектора, т.е. государственная легкая промышленность, дает только на 400 млн, и больше дать не может. На путях внешней торговли выход и здесь возможен и состоял бы в том, что на 200 млн производится добавочный экспорт продуктов крестьянского производства, а на вырученные деньги ввозятся заграничные предметы потребления фабричного производства для крестьянства. Практически же при недостатке экспортных ресурсов даже для импорта важнейших средств производства этот путь в первые годы реконструктивного процесса оказывается невозможным для Советского государства, потому что, чтобы вовлечь в оборот эти 200 млн добавочных экспортных ресурсов, надо предварительно закупить за границей продукцию легкой промышленности за счет импортного фонда данного года, т.е. за счет сокращения ввоза средств производства, которых и без того не хватает. Вследствие невозможности такой операции и при недостаточном развертывании собственной легкой государственной промышленности в хозяйстве СССР должен обнаружиться затяжной товарный голод и на средства потребления промышленного производства. Вследствие этого часть ликвидных ресурсов из фонда средств потребления крестьянского производства не вовлекается в товарный оборот, и в советской деревне начинается хорошо знакомый нам процесс увеличения внутреннего потребления яиц, масла и т.д., увеличения запасов хлеба, превышающих размеры страхового запаса от неурожая, и ряд сопутствующих этому явлений. *В итоге товарность сельского хозяйства в целом оказывается ниже того уровня, который объективно был бы возможен при более быстром развертывании советской промышленности даже при данных очень высоких ценах*, не говоря уже о возможности большего роста товарности в результате более быстрого снижения себестоимости и промышленных цен. Отсюда другая диспропорция между государственной промышленностью и крестьянским хозяйством, для преодоления которой в теперешней обстановке нет иного выхода, кроме более быстрого развертывания государственной промышленности.

Теоретически возможно решение вопроса и таким образом. Из добавочного фонда экспорта средств потребления, в размере выше указанных 200 млн, на покупку продуктов потребления идет только 100 млн, причем эти продукты продаются внутри страны с использованием разницы внутренних и внешних цен, т.е. на сумму, быть может, равную тем 200 млн. Одновременно другие 100 млн экспортного фонда употребляются на закупку средств производства за границей, вследствие чего одновременно с удовлетворением потребительского спроса крестьянства разрешается частично вопрос и об ускорении развертывания собственной промышленности. Совершенно очевидно, однако, что такое решение вопроса, теоретически вполне возможное, практически же, в настоящих условиях, представляет лишь некоторое смягчение вышеуказанного затруднения, а не его устранение. Ведь и в данном случае надо *авансировать* 100 млн из импортного фонда для закупки средств потребления.

Наше исследование данного вопроса было бы неполным, если бы мы не указали на то, что отмеченная нами диспропорция имеет одну свою положительную сторону. Эта положительная сторона заключается в том, что скопление в деревне нерезализуемых излишков средств потребления позволяет держать цену на сельскохозяйственные продукты на определенном устойчиво низком уровне. То, что кажется здесь полностью и целиком продуктом планового начала в хозяйственной жизни и доказательством силы этого начала, на самом деле является в гораздо большей степени результатом указанной нами

диспропорции, т.е. явлением, хорошо знакомым всякому товарному хозяйству. То, что мы держим цены более или менее неизменными, это есть продукт планового начала; тот же факт, что мы эти цены держим неизменными, на *низком уровне*, это есть в огромной степени результат закупорки развития сельского хозяйства в сфере производства средств потребления, закупорки, вызванной недоразвитостью нашей промышленности и недостаточным фактическим накоплением в ней.

При анализе внутренних условий равновесия между государственной промышленностью и частным хозяйством мы пока оставили в стороне те изменения, которые вносит в весь процесс наличие фонда непроизводительного потребления. К этому вопросу мы вернемся ниже, при конкретном исследовании воспроизводства в хозяйстве СССР в 1925/26 г., и лишь отчасти в теоретической части. Этот вопрос нельзя рассмотреть без исследования некоторых новых вопросов, которые не относятся непосредственно к рассматриваемой теме.

После всего вышесказанного мы можем сформулировать следующее весьма важное положение, касающееся закона пропорциональности обмена между государственным сектором нашего хозяйства и обоими секторами частного хозяйства.

Если в советской экономике c II государственного сектора плюс c II частного сектора, минус средства производства, которое само второе подразделение объединенного частного сектора получает в своем собственном подразделении, равны v плюс непроизводительное потребление первого подразделения госсектора, плюс фонд потребления и фонд непроизводительного потребления первого подразделения объединенного¹¹ частного сектора, то 1) при дефиците первого подразделения объединенного частного сектора на средства производства первого подразделения госсектора диспропорция может быть ликвидирована лишь на основе связи с мировым хозяйством; 2) потребительский фонд второго подразделения объединенного частного сектора в той его части, которая состоит из средств потребления легкой государственной промышленности, должен равняться той части v II г[оссектора], т.е. той части фонда зарплаты второго подразделения госсектора, которая состоит из покупаемых на заработную плату средств потребления второго подразделения частного сектора, т.е. в огромной части из средств потребления крестьянского производства; 3) если внутренний обмен потребительского фонда второго подразделения объединенного частного сектора на соответствующую часть v II госсектора обнаруживает превышение спроса со стороны частного сектора, диспропорция может быть решена либо при помощи связи с внешним рынком, либо путем такого перераспределения национального дохода, которое дает ресурсы для добавочного развития второго подразделения госсектора, что предполагает, однако, еще более быстрое развитие тяжелой промышленности; 4) при невозможности решить диспропорцию в хозяйстве указанными путями создается товарный голод во всем частном хозяйстве и на средства производства, и на средства потребления, изготавливаемые в государственном хозяйстве.

Во всем нашем анализе мы исходили из деления крестьянского хозяйства на два подразделения по такому же принципу, как это делает Маркс по отношению к капиталистической экономике. Является ли такой метод правильным, если иметь в виду крайнюю недифференцированность крестьянского хозяйства с точки зрения разделения труда в нем между различными отраслями земледелия? Разве одно и то же среднее крестьянское хозяйство с преобладанием зерновых культур не производит одновременно со средствами потребления, как хлеб, масло, мясо, масло и т.д., также и сырье, как шерсть, кожу и т.д.? Разве в хлопковых и льноводческих районах не производится одновременно мясо, масло, яйца, хлеб и т.д.?

Все это так. И тем не менее применяемый нами Марксов метод деления крестьянского производства на первое и второе подразделения остается наиболее целесообразным. Во-первых, не надо забывать, что в оба подразделения Марксова анализа входило

капиталистическое земледелие, которое хотя и является более дифференцированным в смысле специализации культур, но в котором тем не менее производство средств потребления всегда переплетается тесно с производством средств производства. Современное крупное капиталистическое хозяйство в Германии объединяет, например, животноводство и полеводство с производством сахарной свеклы и т.д. А во-вторых, если бы мы начали анализ с другого конца, если бы мы брали крестьянское хозяйство СССР как целое в его отношении к госпромышленности, мы все равно пришли бы к необходимости применить тот же самый метод. В самом деле, мы выясняем, допустим, сколько крестьянское хозяйство может дать всего сырья для нашей промышленности и экспорта, без чего немислимо решить вопрос о пропорциональности развития крестьянского хозяйства и промышленности. Выясняя все сырьевые возможности крестьянского хозяйства, мы неизбежно выделяем тем самым ту часть его продукции, которая составляет продукцию первого подразделения. Выясняя товарные излишки товарного хозяйства по предметам питания, мы опять-таки выделяем из него так называемое второе подразделение. Как при Марковом анализе – каждое крупное капиталистическое хозяйство в земледелии одной своей частью фигурирует в первом, другой частью своей продукции фигурирует во втором подразделении, так и у нас каждое отдельное крестьянское хозяйство, дающее смешанную продукцию, фигурирует в нашем подсчете то по линии первого подразделения, то по линии второго. Тот факт, что один и тот же плуг, одна и та же лошадь и т.д., фигурирующие одновременно и как средство производства средства производства и как средство производства предметов потребления, усложняют общий анализ воспроизводства, не является достаточным основанием к отказу от Марковского метода исследования, заменить который никаким другим методом исследования не представляется возможным. При детальном анализе воспроизводства в земледелии здесь необходимо лишь добавочное исследование относительно того, в каком проценте эти средства производства фигурируют в первом, какие – во втором подразделении.

Теперь нам остается еще рассмотреть роль непроизводительного потребления в хозяйстве СССР с той стороны, с какой это потребление влияет на условия равновесия между объединенным государственным и объединенным частным хозяйством.

Для лучшего освещения этого вопроса возьмем одну из схем Маркса, относящихся к расширенному капиталистическому воспроизводству. Возьмем, допустим, следующую цифровую схему:

$$I \ 4000 \ c + 1000 \ v + 1000 \ m \ (500 \ \text{фонд накопл.} + 500 \ \text{фонд потр. капиталистов})$$

$$II \ 1500 \ c + 500 \ v + 500 \ m \ (\overset{500}{x} + \overset{500}{y})$$

В данном случае 1500 *c* II разменивается на 1000 *v* плюс 500 фонда потребления капиталистов I подразделения. Предположим теперь, что непроизводительное потребление, при том же размере производства, уменьшается вдвое в первом подразделении. Тогда мы будем иметь в первом подразделении:

$$I \ 4000 \ c + 1000 \ v - 1000 \ m \ (750 \ \text{фонд накопл.} + 250 \ \text{фонд потр.})$$

В этом случае первое подразделение благодаря росту накопления за счет непроизводительного потребления уменьшает свой обменный фонд со вторым подразделением с 1500 до 1250, тогда как для воспроизводства 2 *c*, если во втором подразделении не произошло никаких изменений, требуется средств производства из первого подразделения на 1500. Если это уменьшение непроизводительного потребления будет даже не абсолютным, а только относительным, т.е. что фонд непроизводительного потребления в первом подразделении или останется без изменений на уровне 500, тогда как фонд накопления будет расти, или же будут расти обе эти величины, но фонд накопления будет расти быстрее фонда непроизводительного потребления, иными словами, если измене-

ние будет не столь резким, как в нашем примере, – то и тогда все равно тенденция останется та же самая. Эта тенденция будет заключаться в растущем дефиците средств производства для второго подразделения. Объяснение этого факта заключается в том, что обменный фонд первого подразделения будет систематически отставать от запроса на средства производства со стороны второго подразделения.

Если же соответствующее сокращение фонда непроизводительного потребления происходит и во втором подразделении, то достаточно нам произвести со вторым подразделением ту же операцию, которую мы сделали с числовым примером первого подразделения, чтобы увидеть, к чему это должно привести. В этом случае добавочный фонд накопления, получающийся из сокращения непроизводительного потребления, распределится между c и v второго подразделения пропорционально органическому составу капитала, и второе подразделение будет требовать средств производства из первого уже не 1500, а значительно больше. Это значит, что диспропорция будет расти с двух концов одновременно: и вследствие относительного сокращения обменного фонда первого подразделения, и вследствие абсолютного и относительного роста c II. Как может быть ликвидирована эта диспропорция в хозяйстве в дальнейшем, это другой вопрос (очевидно, общим перераспределением производительных сил между первым и вторым подразделениями на основе новых пропорций). Но, когда мы берем просто переход к более сниженному непроизводительному потреблению и к более повышенному уровню накопления, это неизбежно меняет пропорции обмена первого подразделения со вторым, увеличивая спрос второго подразделения на средства производства и уменьшая временное их предложение. *В этом случае экономика страны с точки зрения развития производительных сил делается более прогрессивной, растет прибавочный продукт во всем обществе, растет быстрее сумма всей валовой и чистой продукции общества, быстрее растет накопление, но самый переход на новые рельсы, означающий рост удельного веса первого подразделения, должен вызвать временную диспропорцию во всем хозяйстве.* Из этого общетеоретического положения мы должны сделать для экономики СССР следующий важный вывод. Если на всей хозяйственной территории, где государственный сектор сменил частное довоенное капиталистическое производство¹² вследствие уменьшения непроизводительного потребления промышленной буржуазии, увеличивается фонд накопления, это неизбежно должно означать уменьшение обменного фонда первого подразделения государственного сектора, при одновременном *увеличении* накопления во втором подразделении, и значит, при относительном росте c II и увеличении спроса c II на средства производства. Но так как средства производства второго подразделения госсектора состоят не только из машин, топлива и других средств производства, получаемых из первого подразделения государственного сектора, но также и из огромного количества крестьянского сырья, то действительный переход к системе уменьшенного непроизводительного потребления и к более быстрому накоплению, при достижении довоенного уровня производства во втором подразделении госсектора и при достижении довоенного уровня производства сырья в крестьянском хозяйстве, должен неизбежно вызывать *хронический кризис сырьевого снабжения легкой государственной промышленности*. Таким образом, даже не говоря об изменении строения крестьянского бюджета, связанного с революцией (о чем будет речь ниже), одно уже сокращение непроизводительного потребления в самой промышленности должно иметь своим последствием и более быстрое накопление, и более быстрый рост дефицита на средства производства.

Но государственное хозяйство СССР означает ликвидацию только части непроизводительного потребления, существовавшего при системе буржуазного хозяйства. В самом деле, допустим, из каждых 100 единиц прибавочного продукта довоенной капиталистической промышленности 40 шло в накопление, а из остальных 60-ти 20 потребляли

непроизводительно капиталисты и 40 шло на непроизводительное потребление всей капиталистической системы, т.е. составляло долю участия промышленности в содержании бюрократического аппарата, армии, в уплате процентов по внешним займам, в покрытии непроизводительных расходов торгового аппарата и т.д. Наша государственная промышленность может употребить на добавочное накопление эти 20% прибавочной ценности, но она имеет вместо капиталистической свое советское непроизводительное потребление: остается армия, государственный аппарат, расходы на непроизводительное потребление торгового аппарата и т.д. Более того, если непроизводительные расходы этого типа у нас оказались бы больше, чем при капитализме, то они были бы в состоянии съест и всю экономию из этих 20% и даже уменьшить фонд накопления в сравнении с довоенным, особенно если бы абсолютно фонд прибавочного продукта в советской промышленности оказался ниже, чем до войны. Как фактически, т.е. в цифровом выражении, обстоит здесь дело, я не говорю в данной связи. Нужно сказать, что одни непроизводительные расходы у нас возросли (торговый аппарат), другие сократились (госбюджет). Нам важно лишь пока установить два факта. Первый факт: если непроизводительно расходуемая прибавочная часть продукта у нас уменьшается или уменьшилась в сравнении с довоенными отношениями, то это должно неизбежно менять пропорции в распределении производительных сил, вызывая более сильный спрос на средства производства. Второй факт: непроизводительное потребление¹³ в нашей экономике в том или ином размере неизбежно продолжает существовать. А это, в свою очередь, означает иные пропорции в распределении производительных сил в сравнении с той схемой, которую можно было бы построить для советской экономики, отвлекаясь от непроизводительного потребления. В самом деле, при наличии в советской системе непроизводительного потребления, из общепотребительского фонда страны выделяется какая-то часть, за счет которой живут непроизводственно занятые слои населения. Чтобы произвести этот фонд непроизводительного потребления, нужно где-то произвести средство производства для этого фонда. А это означает, что обслуживанием непроизводительного потребления должны заниматься в каком-то размере все подразделения всех секторов хозяйства. Однако это отнюдь не означает, что распределение тяжести непроизводительного потребления между отдельными секторами хозяйства и между отдельными подразделениями этих секторов должно быть пропорционально тем изменениям в уравнениях обмена между отдельными подразделениями, которые вызываются самим фактом существования этого непроизводительного потребления.

Конкретно здесь дело обстоит по отдельным подразделениям следующим образом. Фонд непроизводительного потребления первого подразделения государственного сектора в натуральной форме состоит из средств производства. Из этого фонда в непроизводительное потребление в форме самих же средств производства пойдет все то, что будет употреблено на военную промышленность: оборудование оружейных заводов, металл для выработки средств обороны, топливо, сжигаемое при этом производстве, и т.д. Другая же часть фонда непроизводительного потребления первого подразделения должна поступить в размен с обоими вторыми подразделениями государственного и частного секторов. Так же, приблизительно, обстоит дело и с фондом непроизводительного потребления первого подразделения частного сектора, с той только разницей, что роль военной промышленности в поглощении этих средств производства данного подразделения, за исключением разве лошадей для кавалерии и пр., очень не велика. Что касается подразделений производства средств потребления, то их фонд непроизводительного потребления поступает в натуральной форме в потребительский бюджет тех групп населения, которые не заняты производительным трудом. Совершенно очевидно, что в ценностном отношении весь фонд индивидуального непроизводительного потребления будет меньше той доли, в которой вторые подразделения обоих секторов будут участвовать в

общем бремени непроизводительного потребления, ибо часть этого непроизводительного потребления будет покрыта первыми подразделениями в форме снабжения вторых подразделений своими средствами производства минус средства производства, уходящие на военную промышленность. А это значит, что наличие непроизводительного потребления в советском обществе, с одной стороны, уменьшает накопление и темп роста валовой и чистой продукции общества, но, с другой стороны, это непроизводительное потребление, правда чисто отрицательными методами, уменьшает ту диспропорцию между первыми и вторыми подразделениями обоих секторов, о которой мы говорили выше и которая сводится к дефициту на средства производства. В частности, что касается размена части фонда потребления второго подразделения частного сектора с определенной частью фонда заработной платы рабочих второго подразделения государственного сектора, то относительное сокращение роста v II госсектора уменьшает обменный фонд с этим подразделением, а сокращение накопления во втором подразделении частного сектора уменьшает спрос на добавочные средства потребления второго подразделения государственного сектора и спрос на средства производства первого подразделения госсектора.

Наоборот, когда непроизводительное потребление сокращается, растут и валовой, и чистый доход общества и накопление, а вместе с тем растет также и товарный голод на средства производства. Однако, как уже мы сказали выше, в дальнейшем это развитие всего хозяйства на более широкой базе создает в самой экономике средство преодоления диспропорции, в частности на основе экспорта и импорта.

Чтобы покончить с вопросом о непроизводительном потреблении, нам остается еще остановиться на одном очень важном методологическом вопросе, практическое значение которого нам более отчетливо будет видно ниже.

Как правильно устанавливать размеры непроизводительного потребления в СССР и влияние этого потребления на весь процесс производства?

Здесь могут быть два метода. Во-первых, метод, применяемый Марксом при анализе капиталистического воспроизводства во втором томе «Капитала», когда под v Маркс подразумевает ту часть авансированного капитала, которая *реально* расходуется рабочим классом как доход. Тем самым Маркс относит все налоги на заработную плату к прибавочной ценности. Выгоды такого методологического приема заключаются в том, что все v участвует тогда в размене полностью, не осложненное той частью его, которая, хотя и представляет *формально* заработную плату, по существу же оплачивает часть непроизводительного потребления буржуазного общества. При детальном исследовании экономики какой-либо конкретной страны это требует лишь дополнительного изучения размена внутри фонда непроизводительного потребления, что необходимо, в частности, для учета роли военной промышленности в этом потреблении, так и в непроизводительной части расхода торгового аппарата. Это будет требовать также дополнительного исследования денежных накоплений рабочего класса. По отношению к мелкобуржуазному сектору метод означает необходимость учета *только реального фонда потребления занятых в производстве самостоятельных производителей*, а все их реальное накопление в хозяйстве плюс непроизводительное потребление данной системы общества в той части, в какой оно ложится на данный сектор, нужно отнести к прибавочному продукту. Это нисколько не мешает провести анализ размена реальных величин средств производства первых подразделений, которые, в обмен на средства потребления, идут на возмещение постоянного капитала вторых подразделений. Трудность заключается здесь, вообще говоря, в том, что нельзя никогда в точности выяснить, что нужно подразумевать под необходимым потреблением класса мелких производителей, так как фонд потребления мелких производителей, как мы уже указывали на это выше, не регулируется законом ценности даже при конкретном капитализме, а у нас, кроме того, он регулируется в

известной мере также законом первоначального социалистического накопления. Кроме того, здесь необходимо помнить о том, что понятие производительного труда меняется по сравнению со значением этого термина у Маркса¹⁴.

Второй метод состоял бы в одновременном выведении двух балансов: баланса по производству и баланса по потреблению. Этот второй метод не исключает первый, но он должен, по нашему мнению, следовать за первым, потому что начинать сразу с двойного баланса значило бы начинать не с более простого общего, а со сложного конкретного, не говоря уже о том, что этот двойной баланс, без предварительного общего, может скрывать просто неумение вывести единый общий баланс¹⁵.

Кроме того, необходимо здесь же подчеркнуть большую практическую трудность выделения из расходов торгового обмена той их части, которая оплачивает производительный труд, от той, которая оплачивает непроизводительное потребление аппарата. Торговые накладки в уплату транспортных расходов легко учесть и отнести в производственный баланс транспорта как одной из отраслей *производства*. Точно так же все налоги на торговлю за вычетом того, что возвращается в производство через госбюджет, надо отнести в фонд непроизводительного потребления. Наоборот, гораздо труднее отделить производительный труд, употребляемый на продвижение товара до места его индивидуального потребления, и расходы на хранение и т.д. от ряда других расходов, связанных не с этим материальным трудом, а с тратами общества на данную систему распределения, включая сюда в первую голову непроизводительное потребление агентов частного торгового капитала, бесполезных агентов государственно-кооперативной сети, а также все педагогические расходы за прохождение науки «культура торговать».

Очень важным методологическим вопросом является также общий вопрос о том, на основе каких индексов должна вестись вся калькуляция общественного производства и потребления. Совершенно очевидно, что нам придется употреблять двойную систему учета: учет по довоенным ценам, представляющий форму натурального учета, и учет в реальных оптовых и розничных ценах в червонном рубле, представляющий форму ценностного измерения.

На этом мы кончаем пока с общим исследованием условий равновесия между государственным и частными секторами хозяйства. Мы оставляем пока в стороне вопрос о том, как влияют на условия равновесия, в частности на темп расширенного воспроизводства в госсекторе, количественные изменения в распределении тяжести непроизводительного потребления общества между сектором обобществленного хозяйства и всем частным хозяйством.

Пятое условие равновесия

Пятым условием равновесия всей хозяйственной системы СССР является систематический рост заработной платы. Мы говорим здесь не о естественном росте всего фонда в госсекторе вследствие роста количества занятых в работе, а о росте этого фонда одновременно также вследствие роста средней заработной платы отдельного рабочего. Социальная структура нашего государственного хозяйства такова, что при систематическом повышении уровня производительных сил в нем цена рабочей силы должна систематически отходить от ценности рабочей силы, а тем самым должно постепенно ликвидироваться само понятие рабочей силы как товара. Рост заработной платы неизбежен также вследствие самого факта индустриализации страны, потому что изменение технической базы всего государственного хозяйства, рост рационализации труда в нем и т.д. неизбежно требуют роста квалификации работников. Коллективный характер собственности на средства производства в государственном хозяйстве неизбежно

требует повышения культурного уровня пролетариата, требует создания элементов новой социалистической культуры. При отставании роста социалистической культуры от развития производительных сил коллективного сектора хозяйства отставание само может превратиться в тормоз дальнейшего развития производительных сил. Каждая система общественного производства, по мере своего развития, вырабатывает свойственную ее структуре дисциплину труда, свойственные ей стимулы к труду, адекватный ей средний тип работника. Социалистическая промышленность также должна вырабатывать свой тип работника, свои стимулы к труду. Этот тип может сложиться лишь при достаточно высоком общем материальном уровне жизни рабочего класса, уровне, значительно более высоком в сравнении с тем, что способен обеспечить рабочий капитализм в условиях той же техники¹⁶.

Огромные непроизводительные расходы государственного и кооперативного торгово-промышленного аппарата, еще не выработавшего даже зачатков методов работы, свойственных коллективному способу производства, связаны не только с общим низким уровнем развития производительных сил в государственном секторе, но и с зачаточным уровнем социалистической культуры самого рабочего класса. Культура всех органов общества равняется всегда по господствующему классу. Поднять культуру советского общества значит прежде всего и больше всего поднять культуру рабочего класса. Непрерывный подъем материального уровня жизни пролетариата необходим не только по социальным, но и по экономическим причинам.

Кроме того, не следует забывать еще и того, установленного выше, факта, что, при невозможности для страны широкого импорта средств потребления фабричного производства для крестьянства, производящего средства потребления, увеличение внутреннего обмена средствами потребления между легкой государственной промышленностью и вторым подразделением мелкобуржуазного хозяйства ограничивается для последнего рамками той части *v II* госсектора, которая идет на покупку крестьянских и вообще частного производства средств потребления. Если даже учесть возможное увеличение этого размена в результате время от времени производимого добавочного импорта средств потребления заграничного производства, основным фондом обмена все же служит упомянутая нами часть *v II* госсектора. Это значит, что при данных ценах увеличение фонда заработной платы рабочих легкой промышленности (а это увеличение может быть как от увеличения количества рабочих, так и от увеличения среднего уровня заработной платы рабочих легкой промышленности) должно предшествовать увеличению покрываемого крестьянского спроса на предметы потребления, производимые в легкой государственной промышленности. Ведущая роль госпромышленности выступает и на этом участке хозяйственного поля. Наряду с общим снижением цен рост заработной платы обнаруживается здесь в качестве фактора, который способствует уменьшению диспропорции обмена между сельским хозяйством и промышленностью, причем мы имеем здесь уменьшение диспропорции не в отрицательной, а в социально и экономически положительной форме.

Шестое условие равновесия

Шестым условием динамического равновесия в экономике СССР является систематическое снижение цен на продукцию государственного хозяйства. Равновесие этого типа является одновременно и экономическим, и социальным.

Остановимся сначала на экономической стороне этого равновесия.

Выше мы уже указывали на то, что одним из так называемых «узких мест» для развития государственной легкой промышленности является отчасти теперь, и еще больше явится в дальнейшем, отставание крестьянского производства технических культур

от сырьевых запросов промышленности. Но увеличение производства технических культур требует прежде всего увеличения накопления в этой отрасли хозяйства. Для увеличения же накопления, при том же уровне индивидуального потребления в этом подразделении, необходимо: 1) сокращение непроизводительного потребления вообще, следовательно, и в той части его, которая ложится на данное подразделение; 2) увеличение цен на продукцию технических культур; 3) уменьшение цен на предметы потребления; 4) уменьшение цен на те средства производства, которые первое подразделение крестьянского хозяйства получает из первого подразделения государственного сектора; 5) сокращение индивидуального потребления в самом первом подразделении крестьянского хозяйства; 6) увеличение труда при данных средствах производства. Часть этих возможностей является чисто теоретической. Сокращение индивидуального потребления в рассматриваемом подразделении невозможно или почти невозможно, так как оно и так стоит на достаточно низком уровне. Уменьшение цен на средства потребления крестьянского производства в целом также невозможно, потому что соотнositельно с ценами на промышленные изделия они стоят гораздо ниже довоенных цен, которые также были достаточно низки. Дело может идти только о приближении продажных цен на хлеб в районах технических культур к заготовительным ценам производящих хлеб районов, т.е., в сущности, об уменьшении непроизводительного потребления торговой сети, об удешевлении транспорта и об улучшении транспортных средств, прежде всего шоссейных и проселочных дорог. Невозможно также систематическое повышение цен на технические культуры, кроме исправления тех или иных явно неправильных калькуляций заготавливающих органов, потому что такое увеличение цен было бы фактором увеличения цен и на продукцию легкой государственной промышленности. Остается, следовательно, повышение интенсивности¹⁷ и производительности труда и урожайности почвы в крестьянском производстве технических культур, сокращение непроизводительного потребления во всей политико-экономической системе СССР, удешевление средств производства, изготавливаемых в первом подразделении госсектора, и удешевление средств потребления, изготавливаемых в легкой государственной промышленности. В последнем случае дело должно идти не об искусственном снижении накопления в этих отраслях, а на основе снижения действительной себестоимости благодаря переоборудованию технической базы и вследствие рационализации производства. В этом пункте интересы государственной промышленности совпадают с интересами крестьянского производства сырья, здесь снижение промышленных цен является стимулом расширенного воспроизводства в первом подразделении крестьянского хозяйства. А на базе увеличения накопления в этом подразделении крестьянского хозяйства легче будет достигнуть решающих успехов в деле улучшения обработки земли, в подъеме животноводства и в росте вообще производительности труда, что увеличит общую сумму годового производства технических культур¹⁸.

Что касается крестьянского производства средств потребления, то здесь положение несколько иное вот в каком отношении. Внутренний рынок СССР не поглощает всех предметов потребления крестьянского хозяйства, их экспорт совершенно необходим для поддержания общего равновесия во всей системе. Но получаемый от этого экспорта импортный фонд государства, по условиям воспроизводства в государственной промышленности, о которых была речь выше, не может быть обращен в сколь-нибудь значительном размере на ввоз крестьянских средств потребления и лишь отчасти может быть использован на ввоз сельскохозяйственных средств производства. Это противоречие, при невыгодных коэффициентах обмена крестьянской продукции на продукцию госпромышленности и при чисто материальном недостатке этой последней, действует задерживающим образом на весь процесс расширенного производ-

ства крестьянских средств потребления, уменьшает хозяйственную эффективность накопления и покупательную способность той части потребительского фонда, которая идет в размен с упомянутой выше частью v легкой промышленности. Все это задерживает развитие товарности крестьянского производства средств потребления, усиливает непроизводительное потребление самих крестьянских масс и задерживает рост экспортного фонда. Между тем даже в условиях достижения довоенного уровня производства сельского хозяйства и при приближении размеров обмена сельскохозяйственной продукции средств потребления к таковым в довоенной России уменьшение непроизводительного потребления буржуазии, ликвидация дворянского землевладения и ликвидация внешних долгов создают предпосылку очень значительного роста прибавочного продукта сельского хозяйства, способного поступить в фонд расширенного производства. Выход из частичного тупика и диспропорции заключается и здесь в более быстром переоборудовании промышленности, в уменьшении себестоимости производства, в систематическом снижении цен и, наконец, в повышении производительности труда в самом крестьянском хозяйстве. Крестьянское подразделение средств потребления за каждые 100 единиц своей продукции, идущей на размен с частью v I госсектора и возмещающей средства производства этого подразделения, получит больше этих средств производства в их натуральном выражении. С другой стороны, и каждые 100 единиц потребительского фонда позволят получить больше средств потребления при обмене на часть v II госсектора.

Но систематическое снижение промышленных цен важно не только с точки зрения поддержания экономического, но и *социального равновесия всей советской системы*. Резкий разрыв между внутренними промышленными ценами и ценами мирового рынка, т.е. режим далеко идущего неэквивалентного обмена, является режимом исключительным и по самой сути дела временным. Он соответствует детскому периоду развития государственного хозяйства в отсталой крестьянской стране. Его историческое назначение состоит в том, чтобы дать госпромышленности необходимые экономические ресурсы для смены ее технического базиса, дать ей возможность накапливать не на основе старой изношенной, а на основе современной усовершенствованной техники. Только после завершения этого процесса государственное хозяйство в состоянии развить, как мы уже неоднократно повторяли, все преимущества, которые обеспечивает коллективное производство над капиталистическим. В этот период крестьянское хозяйство, однако, тоже должно развиваться. Ему не важно, какую стадию своего развития проходит социалистическое воспроизводство; ему нужен более дешевый промышленный товар, в необходимом количестве и соответствующего качества. Это экономическое противоречие переходит в социальное, в рост крестьянского недовольства монополией внешней торговли, в стремление ликвидировать принудительное прикрепление крестьянского рынка к советской промышленности, стремление пробиться к ценностным отношениям мирового рынка, без уплаты многомиллиардного налога в фонд первоначального социалистического накопления. Вот это-то социальное противоречие представляет из себя кнут, подстегивающий государственное хозяйство к приближению внутренних промышленных цен государственного хозяйства к ценам мирового рынка. Быстрые успехи на этом пути, сопровождаемые ростом государственного кредита, организующего хозяйство середняков и особенно бедноты и дающего им прибавочные средства производства, будут ослаблять это социальное противоречие. Задержка на этом пути будет его увеличивать, угрожая поставить на дыбы против социалистического сектора прежде всего наиболее развитые в капиталистическом отношении элементы крестьянской экономики и соответствующие группы крестьянского населения, как наиболее стесненные в своем развитии по буржуазному пути процессом расширенного социалистического воспроизводства¹⁹.

Седьмое условие равновесия

Наконец, седьмым условием равновесия советской системы является постепенное поглощение развертывающимся государственным хозяйством и интенсифицирующимся земледелием избыточного населения страны, поглощение как явной, так и скрытой безработицы, унаследованной советской системой в основном от аграрных отношений старого режима. В этом пункте положение является наиболее тяжелым, наиболее противоречивым. Улучшение техники государственного хозяйства и рационализация труда, как естественные предпосылки снижения себестоимости и отпускных цен, означают, по сути дела, уменьшение затрат рабочей силы на единицу продукта. Эти затраты даже в наиболее хорошо оборудованных советских предприятиях значительно выше, чем в передовой европейской промышленности, не говоря уже об Америке. Весь процесс рационализации труда только в том случае не приведет к застою в деле расширения кадров занятой в госпромышленности рабочей силы, если будет перекрываться достаточно быстрым абсолютным расширением промышленного базиса страны. А это быстрое расширение предполагает значительно более быстрое накопление промышленности, чем это мы имеем теперь (в 1927 г.). Тот факт, что советское хозяйство разворачивается теперь в ширь не на уровне передовой капиталистической техники, а лишь догоняя этот уровень, неизбежно должен иметь своим результатом относительное ослабление темпа роста рабочей силы, относительное замедление темпа поглощения армии безработных. В истории советского хозяйства до некоторой степени аналогичный процесс наблюдался при переходе на нэп, когда более рациональное использование рабочей силы и средств производства в 1921/22 г., наряду с резким подъемом общего уровня продукции в сравнении с 1920 г., привело к сокращению рабочей силы на государственных предприятиях сравнительно с последним годом военного коммунизма. Согласно пятилетнему плану развития хозяйства СССР, выработанному Госпланом, в 1930/31 хозяйственном году, т.е. в конце пятилетки, общая продукция государственной промышленности должна возрасти на 70,4%, тогда как количество занятой рабочей силы увеличится за это время только на 27,9%, или на 2 млн 53 тыс. человек²⁰. Что касается размеров безработицы, связанной с отходом из деревни в город и увеличением рабочей силы в самом городе, то возможный размер ее определяется пятилетним планом в 1926/27 г. 1 млн 189 тыс. человек, с постепенным, медленным, почти незаметным уменьшением до 1 млн 146 тыс. в конце пятилетки. Между тем в 1927 г., в первую половину, безработица уже на несколько сот тысяч превысила намеченную Госпланом цифру. А это доказывает, что вообще сами по себе весьма пессимистические расчеты Госплана оказываются на деле слишком оптимистическими. И с точки зрения соотношения рабочих сил, занятых в обобщественном секторе, в сравнении с капиталистическим и мелкобуржуазным [секторами] успехи ожидаются весьма небольшие: удельный вес обобщественного сектора повышается всего с 11,2% до 12,6%, т.е. всего на 1,4%. Еще более тяжелым оказывается положение с аграрным перенаселением, цифру которого работа Госплана определяет в 6,8 млн человек²¹. Эта цифра, по расчетам Госплана, в лучшем случае не уменьшится. Больше же данных за то, что она увеличится, а тем самым повысит значительно и цифру городской безработицы.

С другой стороны, интенсификация земледелия, возможности которой прямо пропорциональны отсталости нашего сельского хозяйства в сравнении с заграничным крестьянским хозяйством, будет означать, с одной стороны, поглощение новых рабочих сил земледелием, а с другой стороны, повышение производительности труда в сельском хозяйстве, т.е. относительное сокращение затраты рабочей силы на единицу вырабатываемого продукта. Но интенсификация в земледелии требует увеличения накопления в зем-

леделии. А в то же время, если бы это накопление происходило за счет той части фонда прибавочного продукта, которую деревня дает городу на дело социалистической реконструкции, это привело бы к замедлению темпа расширенного воспроизводства в госпромышленности, т.е. как раз на таком участке, который является решающим в смысле преодоления в будущем всех основных противоречий переходного периода.

Нам достаточно было только наметить в самых общих чертах основы динамического равновесия хозяйственной системы СССР, чтобы видеть всю сумму экономических и социальных противоречий, которые неизбежно обнажают наше развитие к социализму в условиях нашей изолированности.

Накопление на базе неэквивалентного обмена – и необходимость ликвидации этой неэквивалентности, с несовпадением во времени этих процессов.

Накопление за счет прибавочного продукта рабочих – и неизбежность систематического роста заработной платы.

Необходимость, в интересах сокращения «мук родов индустриализации», максимально растущей связи с мировым разделением труда и увеличение внешних кредитов – и растущая враждебность к СССР всего капиталистического мира.

Накопление за счет производящего промышленное сырье крестьянства наряду со всем крестьянством вообще – и необходимость максимально стимулировать расширенное воспроизводство этого сырья.

Накопление за счет крестьянского экспорта предметов потребления – и необходимость стимулировать этот экспорт в условиях крайне медленного снижения промышленных цен.

Экономическая необходимость роста товарности крестьянского хозяйства – и социальная необходимость материальной поддержки наименее товарной его части – хозяйства бедняцких и маломощных групп деревни.

Необходимость снижения цен на базе рационализации производства – и борьба с растущей безработицей.

Вся сумма этих противоречий показывает, как тесно связывается наше развитие к социализму с необходимостью пробить брешь в нашем социалистическом одиночестве не только по политическим, но и по экономическим причинам, и опереться в дальнейшем на материальные ресурсы других социалистических стран.

Мы закончим наш общий очерк условий равновесия в хозяйстве СССР. Этот очерк является далеко не полным, даже в чисто теоретической части. Он несомненно должен иметь и ряд недостатков, как всякий первый опыт такого рода. Но уже на основании всего изложенного мы имеем возможность подойти к изучению конкретных цифр нашей экономики за отдельные годы. В дальнейшем наша задача будет состоять в том, чтобы на основе набросанной здесь алгебраической схемы воспроизводства в СССР построить конкретные арифметические схемы воспроизводства на основании цифровых материалов, которые дает наша статистика, и прежде всего контрольные цифры Госплана. Центр тяжести этого конкретного исследования мы переносим на 1925/26 и на 1926/27 хозяйственные годы, как наиболее характерные годы для конца восстановительного периода и начала так называемого реконструктивного процесса. При этом конкретном исследовании нам придется затронуть и некоторые теоретические вопросы, которые, в интересах сокращения чисто методологической части исследования, мы предпочитаем лучше осветить на цифровом материале живой советской экономики сегодняшнего дня.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Das Kapital. В. 2. Dritte Auflage. Hamburg, 1903.

² Я употребляю слово «размен» вместо «обмен», чтобы не брать термин, относящийся к товарному хозяйству с установленным значением для экономики совсем другого типа.

³ Вопрос о том, как должно учитываться воспроизводство, осложненное отчуждением в фонд социалистического накопления прибавочной ценности капиталистического сектора и прибавочного продукта мелкобуржуазного сектора, мы пока не ставим. Это большой важности методологическая проблема. При ее решении приходится ставить вопрос о соотношении внутренних цен и цен мирового рынка.

⁴ Это положение, лежащее в основе моей конструкции закона первоначального социалистического накопления, вызвало многочисленные lamentации моих критиков насчет «срыва смычки, политики повышения цен и т.д.». Но на мое приглашение моим критикам доказать, что на данной стадии развития государственного хозяйства расширенное социалистическое воспроизводство совместимо с эквивалентным обменом, никто не отозвался. И понятно почему. Приведенная формулировка констатирует лишь то, что есть в действительности. Я пытаюсь лишь научно понять то, что есть. Если бы у нас уже существовал эквивалентный обмен, то и самая проблема смычки не существовала бы вовсе.

⁵ Мы говорим минимум, потому что товарный спрос города на государственную продукцию удовлетворяется, естественно, в первую очередь, и в данном случае дефицит может *в большей своей части* перенестись на спрос частного хозяйства.

⁶ В 1925/26 г. в нашей промышленности продукция средств потребления равнялась 58,8%, средств же производства 41,2%, см.: Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27–1930/31 гг. Госплан СССР. С. 123–124, а также таблицу на с. 54–58. Соответствующие данные для 1913 и 1924/25 гг., приведенные в «Контрольных цифрах» на 1926/27 г., с. 163, мне кажутся неверными, о чем, впрочем, ниже.

⁷ Исследование рабочих бюджетов дает около 40% с лишним, т.е. больше взятой нами пропорции, но при учете переработки зерна в муку и хлеб на государственных мельницах, размера государственных и заводских дровозаготовок и т.д. взятая нами цифра будет не очень далека от истины.

⁸ Разумеется, указанная выше диспропорция с точки зрения частного производства и его интересов может быть разрешена и непосредственным ввозом средств потребления из-за границы, но совершенно очевидно, что такое решение вопроса означает серьезнейшую задержку, если не ликвидацию расширенного социалистического воспроизводства. Ликвидацией социалистической промышленности, и хотя бы только ликвидацией монополии внешней торговли, могут быть, вообще говоря, решены многие проблемы частного хозяйства. Вся борьба между государственными и частными секторами советского хозяйства как раз и сводится к тому, на какой основе может быть достигнуто равновесие в советской экономике: на основе включения в мировое хозяйство «на общих условиях», т.е. на основе закона ценности, или же путем новым и невиданным в экономической истории, путем планового импорта, подчиненного задаче первоначального социалистического накопления.

⁹ За 1925/26 хозяйственный год продукция всего частного хозяйства, согласно контрольным цифрам Госплана, равнялась по ценам производителей 16 397 млн.

¹⁰ Все частное промышленное производство: капиталистическое, ремесленное и кустарное – равнялось в 1925/26 г. сумме 2 165 млн червонных руб., включая и производство средств производства и производство средств потребления.

¹¹ Минус средства производства военной промышленности, как ясно из всего предыдущего изложения.

¹² При этом предполагается, что производство прибавочного продукта осталось тем же по размерам.

¹³ Слово «непроизводительный» употребляется здесь в социально-экономическом, а отнюдь не в моральном смысле. Существует ведь и *необходимое* непроизводительное потребление.

¹⁴ В числе других понятий Марксовой политической экономии и понятие производительного труда как труда, создающего прибавочную ценность, должно быть заменено другим определением, поскольку дело идет о нашей экономике. Не останавливаясь подробно на этом вопросе, лишь заметим, что под производительным трудом в *общественном* хозяйстве СССР мы подразумеваем общественный труд рабочих и мелких самостоятельных производителей, создающий средства производства и предметы потребления для всего советского общества.

¹⁵ Между прочим, выведение общего баланса на методологически правильной основе является одним из важнейших способов проверки всех данных нашей промышленной и общей статистики.

¹⁶ Необходимо ясно понять, что крестьянский протест против роста заработной платы, против улучшения охраны труда и улучшения всего быта рабочих является глубоко реакционным не только с социально-классовой, но и с узкоэкономической точки зрения. Социализм знает только один вид выравнивания материальных условий города и деревни, и состоит это выравнивание, если не говорить о временном улучшении в положении мелких производителей, в ликвидации самих основ индивидуального мелкого производства. Высокоразвитое коллективное хозяйство в земледелии способно обеспечить своим работникам не меньшее материальное благосостояние, чем социалистическая промышленность города. Преодоление противоречия между городом и деревней, составляющее одну из исторических задач социализма, не может заключаться в превращении городского рабочего в некое подобие кузнеца на деревне, играющего подсобную роль для мелкого хозяйства.

¹⁷ Необходимо здесь подчеркнуть, что крестьянское земледелие в СССР даже при данных средствах производства могло бы значительно поднять валовую продукцию путем большей затраты физического труда, в частности путем осуществления ряда несложных агрономических улучшений. Борьба с трудообязанью в деревне и традиционной ленью есть одна из важнейших проблем индустриализации страны.

¹⁸ Вот почему абсолютно правильной является политика Советского государства, продающего сельскохозяйственные машины по искусственно сниженным ценам. В дальнейшем это должно превратиться в систему: средства производства всегда должны продаваться дешевле (при одинаковой себестоимости), средства потребления дороже.

¹⁹ Здесь мы подошли к капитальнейшему вопросу о соотношении между социалистическим развитием города и капиталистическим развитием деревни. Советская система в теперешний трудный период может существовать лишь на основе пропорциональности темпа между тем и другим. Более быстрый темп социалистического развития позволит вынести большую дозу и капиталистического развития без большой опасности для всей системы.

²⁰ См.: Перспективы. С. 2 и 21 приложения.

²¹ Данные Наркомзема.

ЧАСТЬ 2

[КОНКРЕТНЫЙ АНАЛИЗ ЭКОНОМИКИ]

[ГЛАВА 1]

РЕЗУЛЬТАТЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ*

Поворот к новой экономической политике совершен Российской коммунистической партией на партийном съезде в марте 1921 г. Прежде всего, изменение политики сказало в области торговли, поскольку разрешение свободы торговли немедленно же вызвало увеличение емкости вольного рынка, приток товарных ценностей, находившихся в скрытом состоянии, а в результате все это отразилось на ценах и на курсе рубля, падение которого временно замедлилось, а в недели в некоторых местах даже и приостановилось. Замена разверстки продналогом оказала немедленно же влияние на политическое настроение крестьянства, внеся успокоение в деревню; на крестьянское хозяйство эта мера могла оказать свое влияние в первые месяцы лишь в очень слабой степени, лишь тем, что, несомненно, в известной части способствовала расширению посевной площади. Политическое влияние перехода к новой политике было быстрым и сильным по отношению ко всем слоям населения вообще. Но так как в этой статье мы собираемся говорить лишь об экономических итогах нового курса, то эту сторону вопроса мы оставим без рассмотрения. Серьезное влияние на всю экономику страны переход к политике оказал лишь значительно позже. Не будет ошибкой сказать, что по всему хозяйственному фронту перестройка [прошла] лишь летом и осенью 1921 г., [для] подведения итогов мы имеем поэтому очень малый срок времени, самое большое 7–8 месяцев. Но данные даже за этот срок накопились по всем отраслям хозяйства в таком количестве, что предварительные итоги уже могут быть сделаны.

Прежде чем перейти к этим итогам, я считаю нужным сделать несколько замечаний о том типе нашего хозяйства, который, затрудняюсь сказать, сложился ли или слагался, но во всяком случае – получил известные очертания за время Гражданской войны, и о том типе, который складывается в настоящее время. Дать такого рода характеристику нелегко, особенно для периода новой экономической политики. Если наш политический строй может быть с полной определенностью охарактеризован как диктатура пролетариата в крестьянской стране, а эта характеристика, в общем и целом, остается правильной и для периода Гражданской войны, периода послевоенного, то характеристика экономического строя за предыдущий период и за теперешний не имеет готового термина в социалистической и вообще экономической литературе. Мы стоим здесь перед такими новообразованиями, которых не только не было реально в истории, но которые в конк-

* Статья Е.А. Преображенского, опубликованная в журнале «Коммунистический интернационал» № 20 за 1922 г.

ретных очертаниях не предусматривались даже теоретически. Если по отношению к хозяйственным очертаниям военного периода эта задача легче, потому что дело идет в значительной степени о прошлом, то по отношению к новому периоду, когда еще только все формируется, все перестраивается, все находится *im Werden**, когда хозяйственные ткани мягки, как воск, это до крайности трудная задача.

Основные черты хозяйственного организма Советской России в военный период сводятся к следующему. Вся крупная и средняя промышленность, все оставшиеся неразделенными крупные и средние имения – в руках рабочего государства. Вся капиталистическая надстройка над мелкобуржуазным базисом страны сделалась надстройкой социалистической, если под социализацией понимать только обобществление орудий производства. Если под социалистическим производством разуместь коллективное производство не для прибыли, а для планового распределения через рабочее государство, то у нас было и социалистическое производство и социалистическое распределение в крайне примитивных, грубых формах внутри социалистического круга. Но мало этого. Характернейшей чертой нашего хозяйства в военный период была попытка пролетариата продиктовать также и мелкому крестьянскому хозяйству свои методы распределения. На этот путь советская власть вступила по необходимости. При огромной потребности города и армии в продуктах сельского хозяйства, при невозможности получать их путем торговли государства с деревней, вследствие неизбежной пассивности торгового баланса города по отношению к деревне, благодаря развалу промышленности, при невозможности получить нужные ресурсы посредством падающей валюты пролетарское государство должно было ввести принудительное изъятие из деревни излишков сельскохозяйственного производства, причем для получения запасов приходилось брать часто не только излишки, но и делать вычеты из фонда непосредственного крестьянского потребления. Разверстка не была социалистическим методом распределения хлеба в стране в собственном смысле слова, но она могла развиваться в социалистическое распределение между пролетариатом и крестьянством, если бы для этого были материальные данные у города, т.е. если бы за крестьянский хлеб город мог дать эквивалентное количество продуктов промышленности в самое ближайшее время.

Этого не могло быть. С другой стороны, распределение продуктов города в деревне должно было бы приспособиться к мелкобуржуазному типу хозяйства, т.е. каждый хозяин через кооперацию получал бы тем больше, чем больше сдал хлеба. Этого тоже не было. Была же разверстка, без эквивалентной переброски товаров из города в деревню, причем те немногие товары, которые перебрасывались туда, распределялись уравнилельно. Разверстка в своей начальной стадии осталась тягчайшим и вреднейшим для развития мелкобуржуазного хозяйства натуральным налогом. Она не могла развиваться в социалистическое распределение вследствие нашей нищеты, расстройтва промышленности, задержки мировой рабочей революции. Последняя могла бы, если бы она пришла на помощь нашему пролетариату в 1918, 1919 и 1920 гг., в корне изменить положение и позволила бы ему закрепиться на снятой позиции принудительного распределения сельскохозяйственных продуктов, дав материальную возможность это принудительное распределение сделать добровольным и приемлемым для крестьянства в форме кооперативного распределения.

С этой позиции нам пришлось отступить к рыночному распределению, ослабляемому пока умеренным по своим размерам продналогом и плановым хозяйством в сфере государственной промышленности. Именно в том пункте лежит коренное различие между старой экономической политикой и новой, именно с этим поворотом связана организационная перестройка и всей социалистической промышленности.

* В становлении (нем.).

Разница не в том, что из национализированных предприятий бóльшую часть предприятий средних мы сдали в аренду частным предпринимателям или артелям, а в том, что пролетарское государство вынуждено вступить с крестьянством во взаимоотношения купли и продажи на рынке и путем продажи части своей продукции покупать недостающую ему часть продуктов сельского хозяйства. Раньше мы на основе социалистического крупного и среднего производства пытались подчинить мелкое хозяйство социалистическому распределению. Теперь, наоборот, мы вынуждены перестроить социалистическое производство согласно требованиям мелкобуржуазного товарно-денежного распределения. От наступления на мелкое производство мы перешли к обороне и к подготовке нового наступления на другой основе, на основе рыночного распределения (кроме продналога), рыночной борьбы крупного государственного производства с мелким.

Разумеется, в борьбе на такой арене и таким оружием наша крупная промышленность может одержать успех лишь в том случае, если перестроится иначе, если приобретет нужную подвижность, если формы ее взаимоотношений с государством будут существенным образом изменены.

Развитие производительных сил промышленности, базирующейся на социалистическом или социалистического типа распределении, и развитие производительных сил промышленности, опирающейся полностью или частично на рынок, требуют совершенно различных организационных форм. Нашим хозяйственникам не пришлось выдумывать эти формы, они взяли высшую форму организации промышленности на основе рынка, до которой поднялся капитализм, систему трестовой организации.

Если не считать отдельных предприятий, находящихся в руках местных органов советской власти или не поддающихся трестированию предприятий Высшего совета народного хозяйства, если взять основную массу государственных предприятий, то они организовались теперь в систему государственных социалистических трестов. Наша государственная промышленность включает в себя одновременно и элементы социалистического и элементы капиталистического типа хозяйства. Основным элементом социализма является обобществление орудий производства и транспорта в руках рабочего государства, государственный план хозяйства, благодаря которому достигается производительность в развертывании отдельных отраслей производства, государственное снабжение продуктами потребления рабочих и служащих по особому плану, согласованному с производственным планом (на государственном снабжении в 1921–1922 гг. оставлено около 4 млн человек), снабжение промышленности орудиями производства, топливом и большею частью сырья из ресурсов социалистического государства путем внутреннего перераспределения, нормировки заработной платы профсоюзам на основании фонда, выделяемого из бюджета в размере 50–60% продукта всех расходов по бюджету. Элементами капиталистическими являются: 1) работа одних государственных предприятий целиком, других – частично, на вольный рынок и необходимость обращаться всем без исключения предприятиям для закупок на вольный рынок, хотя бы для некоторых групп это обращение и носило мелкий и случайный характер; 2) вводимые теперь расчеты между государственными же предприятиями и между самим государством и его предприятиями в денежной форме, причем есть все основания думать, что эта форма расчета, несмотря на шаткость нашей падающей бумажной валюты, станет господствующей; 3) первые и вполне удачные опыты государственной оптовой торговли и использования кооперации в целях рыночного распределения наряду со старыми формами натурального снабжения рабочих и служащих; 4) переход государства от роли организатора производства к роли сдатчика в аренду невыгодной пока для эксплуатации части средних предприятий, отчисляющих в большинстве аренду в форме 8–10% валовой продукции. Других, менее важных, черт как социалистического, так и капиталистического типа в государственной промышленности за недостатком места я здесь не касаюсь.

На основании сказанного можно попытаться дать характеристику того типа хозяйства, который складывается теперь в нашей промышленности и для которого готовых названий марксистская литература не имеет. Во всем хозяйстве России существуют и сожигаются почти все виды хозяйства, которые вообще имеются в природе, и в этом отношении Россия представляет из себя музей наглядных пособий по истории экономического быта. Мы имеем: 1) тип патриархального натурального хозяйства у кочевников и частью на Севере; 2) мелкобуржуазное товарно-денежное хозяйство; 3) капитализм торговый и производственный в форме частных предприятий с наемным трудом в городе и кое-где на окраинах в деревне; 4) государственный и кооперативный капитализм, причем государственный капитализм, если под этим понимать сращивание пролетарского государства с частью капиталистических предприятий, — больше в проектах, чем в действительности; 5) социализм, если считать социалистическим хозяйством тресты рабочего государства, работающие в пределах государственного плана, частью работающие в пределах рыночного распределения. Если мы будем характеризовать только хозяйство государственное, то его можно с одинаковым правом назвать и товарно-капиталистическим, и социалистически товарным хозяйством. Во всяком случае, если мы, коммунисты, условились называть социализмом переходную стадию от капитализма к коммунизму, поскольку при социализме еще сохраняются классы (хотя бы два класса: рабочих и мелких самостоятельных производителей), сохраняется государство, и система распределения удовлетворяет принцип: каждому по потребностям, каждый по способностям, то тип теперешнего государственного хозяйства в Советской России можно назвать переходным от капитализма к социализму. В лучшем случае, это одна из наиболее примитивных и отсталых форм социалистического хозяйства, вынужденного осуществлять свой производственный план путем использования отчасти и, быть может, в большей части вольного рынка, вынужденного облекать процесс распределения даже внутри социалистического круга в бумажно-денежную форму, вынужденного подчинять себе мелкого производителя через рынок, вынужденного получать прибавочную стоимость от мелкого производства только частью в натуральном виде, а большей частью в виде торговой прибыли при продаже своей продукции, в виде денежных налогов и в форме варварского налога через эмиссию бумажных денег.

Но при всей отсталости нашего типа социалистической промышленности, у которого только голова дышит чистой и прозрачной атмосферой социалистического учета планового производства, а ноги с туловищем погружены в болото вольного рынка, эта промышленность имеет одно огромное преимущество над промышленностью военного периода. Это преимущество заключается в следующем.

В период так называемого военного коммунизма мы довольно далеко шагнули вперед в области социалистической формы производства и распределения; в области же развития производительных сил хозяйства наши дела были из рук вон плохи. И самая централизация управления государственным хозяйством служила не столько целям производства, сколько была продуктом нашей нищеты и служила делу учета и наиболее экономного (в первую очередь для фронта) расходования всех имеющихся в запасе ресурсов страны. Нужен был невероятно быстрый темп развития промышленности, чтобы подогнать производительные силы хозяйства к той социалистической оболочке, которая была создана после Октябрьской революции в период Гражданской войны. Но такого быстрого развития не было и не могло быть. Не могло быть не только потому, что война отнимала главные силы и средства, что промышленность не имела оборотных средств, но и потому, что нам не удалось найти при низком культурном уровне пролетариата тех стимулов к поднятию производительности труда и к экономии в ресурсах, которые соответствовали бы социалистической структуре хозяйства. Это звучит парадоксально, но это несомненный факт, что производительные силы промышленности не могли

развиваться, между прочим, и потому, что форма организации промышленности, несмотря на ненужные бюрократические извращения, все же носила слишком социалистический характер.

Наоборот, теперешняя форма организации промышленности является более низкой по своему типу, чем в период военный, но и то более приспособленной к развитию производительных сил в обстановке мелкобуржуазного крестьянского рынка. Не только сама промышленность легче движется и отдельные предприятия легче изворачиваются при недостатке ресурсов, чем это было при едином плане государственного их снабжения, который никогда не выполнялся целиком, но и крестьянское хозяйство увлекается впервые этим движением промышленности, поскольку увеличение количества продуктов, выбрасываемых на крестьянский рынок, увеличивает стремление крестьянина к расширению посевной площади и к увеличению количества излишков хлеба, могущих пойти в продажу. Все это – стимулы отнюдь не социалистического порядка, но единственно возможные поднятия хозяйства в данной стадии развития.

В заключение я постараюсь подкрепить свои выводы статистическими данными самого общего характера.

Центральным хозяйственным узлом для тяжелой индустрии в России и для движения всех южных дорог является Донецкий бассейн. Вот выработка Донецкого бассейна по месяцам 1921 г. за вторую половину года: июль – 9,1 млн пудов, август – 11,3, сентябрь – 18,5, октябрь – 34,3, ноябрь – 43, декабрь – 53 млн. Если же прибавить выработку мелких шахт, то в ноябре – 52 млн, в декабре – 63 млн, за первую треть 1921 г. добыто 116 млн пудов, за вторую – 63, за третью (с мелкими шахтами) – 180 млн. Производительность забойщиков достигает уровня мирного времени, а на некоторых шахтах – выше уровня довоенного времени. В 1919 г. производительность забойщика – 3358 пудов в месяц, в ноябре 1921 г. – 3400. Возрастает добыча угля почти во всех остальных угольных районах. В Сибири добыча с 4 млн в месяц поднялась до 7 млн с лишним. В Подмосковном районе в июле добыча поднялась до 5,6 млн, т.е. достигнута рекордная цифра за все существование бассейна. Растет добыча сверхпрограммного задания также на самых больших копиях Урала, Кизеловских. Добыча торфа в 1920 г. была равна 92 млн, в 1921 г. – 126 млн. Медленней, но растет также выплавка чугуна и стали, производство которых из всех основных отраслей промышленности в сравнении с довоенной выработкой пало наиболее катастрофически.

Годовая производственная программа металла намечена в 20 млн пудов, т.е. в 2,5 раза больше фактической добычи предыдущего года.

Добыча нефти в Баку, павшая до 11,6 млн в сентябре, в дальнейшем все поднимается. Октябрь дает 12,6, ноябрь – 13,5, наконец, декабрь – 15,2 млн пудов. Значительный подъем производства мы наблюдаем по всем остальным основным отраслям промышленности: механической, мануфактурной, кожевенной, химической, соляной. Газеты ежедневно пестрят сообщениями о тех или иных заводах, которые выполнили производственную программу с превышением, причем это повышение достигает иногда 200%, а при достигнутом уровне довоенной производительности стали даже попадаться сообщения о превышении уровня довоенной продукции.

В сравнении с летними месяцами мы видим резкий подъем производительности по всей линии в нашей промышленности. Правда, подъем был и во второе полугодие 1920 г., после того как начался сбор урожая и продовольствие стало поступать на фабрики. Но подъем 1920 г. был гораздо менее значительным, а затем он сорвался, сменился кризисом весною и летом вследствие недостатка продовольствия и недостатка топлива. Подъем, обнаруживавшийся осенью и зимой 1921 г., является гораздо более прочным по следующим причинам, из которых некоторые связаны с обстановкой новой экономической политики: 1) мирная обстановка; 2) развертывание только тех предприятий, которые обес-

печены или могут сами себя обеспечить топливом и продовольствием круглый год; 3) улучшение в топливной промышленности; 4) возможность при недостатке государственного снабжения или перерывах его опереться другой ногой на вольный рынок; 5) оплата труда рабочих в зависимости от размеров производительности, а также переход каждого предприятия к экономическому хозяйственному расчету во всех операциях, чего так недоставало нашим предприятиям в военный период.

Во всяком случае, если бы даже вследствие транспортных затруднений доставка хлеба из Сибири за 2000 верст и повлекла за собой перерывы в снабжении и на этой почве кривая производства пала бы вниз, это падение будет меньше падения 1921 г., как и подъем конца 1921 г. был гораздо больше подъема второй половины 1920 г.

Как видно из сказанного, разрывывание нашей крупной промышленности зависит всецело от продовольственных ресурсов. Значительность излишков крестьянского хозяйства является тем пределом, который ограничивает возможное расширение промышленности. Благодаря сокращению посевной площади, сокращению количества скота и ухудшению инвентаря сельское хозяйство России дает теперь только половину довоенной продукции. Страна, снабжавшая полностью население своих городов и вывозившая до 500 млн пудов хлеба, теперь не в состоянии обеспечить свою внутреннюю потребность. Отсюда ясно, что судьба крупной советской промышленности гораздо более связана с судьбой крестьянского хозяйства, чем это иногда думают.

Посмотрим же, какие тенденции намечаются в крестьянском хозяйстве при новой экономической политике. С начала войны наблюдалось в сельском хозяйстве постоянное из года в год сокращение посевной площади. За время революции и Гражданской войны этот процесс продолжается неуклонно. Наоборот, за 1921 г. по озимому клину обнаруживается перелом: недосев по сравнению с предыдущим годом был в голодных губерниях, где засеяно лишь 75% площади предыдущего года.

В неурожайных уже засеяно 102%, в производящих 123%, в потребляющих 126%. Если бы не стихийное бедствие в Поволжье, мы могли бы говорить о сдвиге крестьянского хозяйства по всей линии. Во всяком случае перелом наступил, падение посевной площади в большинстве районов сменилось обратным процессом.

Ремесло и кустарная промышленность, ценность годовой продукции которых равнялась до войны около 900 млн золотых руб., пострадали гораздо меньше от войны и революции, чем крупная промышленность, и, наоборот, свобода торговли оказала сильное влияние на увеличение продукции ремесла и кустарной промышленности. Общей статистики за такой краткий срок, как 10 месяцев, мы не имеем, но некоторые обследования в отдельных губерниях (напр[имер], в Киевской) определенно констатируют увеличение числа предприятий, как единоличных, так и артельных.

До перехода к новой экономической политике большинство средних предприятий находилось в бездействии за отсутствием сырья, топлива и оборотных средств. За последние полгода часть стоявших предприятий пущена в ход местными хозяйственными советскими органами, большая же часть сдана в аренду частным лицам, кооперативам и артелям рабочих.

Всего сдано около 3000 предприятий. В результате и в этой области – увеличение продукции и увеличение товарного фонда в стране.

Таким образом, во всем народном хозяйстве России, как в крупном, так и в мелком, как в городе, так и в деревне, совершенно ясно обозначилась тенденция к развитию производительных сил после непрерывного их падения на протяжении последних 7 лет. Огромное принципиальное значение этого факта для оценки общего положения Советской России вряд ли нужно особенно подчеркивать.

Что касается торговли, то она имеет в новый период колоссальное значение для рабочего государства, поскольку теперь именно через торговлю главным образом

осуществляется экономическая связь между пролетариатом и крестьянством, поскольку, в частности, именно путем торговли государственная промышленность получает ту часть своих продовольственных ресурсов, которая необходима ей сверх того, что дает продналог (больше половины). В настоящий момент большая часть продуктов, распределяемых анархическим рыночным путем, проходит через частную торговлю, меньшая часть – через кооперативную и еще меньшая – через государственные органы оптовой внутренней торговли (внешняя – почти целиком в руках государства), так как крупные оптовые государственные магазины и склады только начинают организовываться. Задача государства в этой области состоит в том, чтобы при помощи государственного кредита, кооперации и государственной оптовой торговли, а также смешанных государственных обществ овладеть аппаратом торговли и превратить частный торговый капитал в подсобный аппарат государства, крупного производителя, при его товарообменных сношениях с крестьянским хозяйством.

Такова низшая форма социалистической промышленности в отсталой огромной стране. Все будущее наше – в развитии крупной промышленности и в электрификации, которая должна изменить техническую основу не только промышленности, но постепенно и земледелия. При существовании капитализма в передовых промышленных странах мира этот процесс будет достаточно трудным и медленным. Пролетарская революция на Западе могла бы в огромной степени ускорить этот процесс, заменяя десятилетия годами.

*Преображенский Е.А. Результаты новой
экономической политики Советской России //
Коммунистический интернационал.
М.; Пг., 1922. № 20. С. 5301–5310.*

[ГЛАВА 2]

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРОЛЕТАРИАТА В КРЕСТЬЯНСКОЙ СТРАНЕ*

Огромное большинство товарищей, принадлежащих к Коминтерну, видит в новой экономической политике Советской России лишь определенный тактический маневр на экономическом фронте, маневр, к которому советская власть должна была прибегнуть под давлением крестьянства и для удержания власти в руках пролетариата.

Такая точка зрения является неправильной, хотя надо сознаться, русские коммунисты сделали очень немного для того, чтобы дать более правильную интерпретацию нэпа.

Нэп является, несомненно, тактикой медленного обходного движения со стороны пролетарского правительства страны, не поддержанной пролетарской революцией в других странах и вынужденной строить социализм изолированно, во враждебном капиталистическом окружении.

Но это в то же время экономическая политика пролетариата крестьянской страны, попавшей в такое положение. При анализе нэпа, того, что он дает теперь и что обещает, необходимо поэтому принимать во внимание оба эти момента.

Если бы в положение социалистической изоляции попала не аграрная мелкобуржуазная страна, а страна промышленная, то экономическая политика этой страны, также вынужденной маневрировать и лавировать, была бы, разумеется, иная, если вообще такая страна могла бы долго продержаться в обстановке капиталистического окружения, без достаточной земледельческой базы внутри. К той же мысли мы можем подойти и с другого конца, если бы, допустим, теперь произошла пролетарская революция в Германии и в более мелких странах центральной Европы (Чехословакия, Австрия, Венгрия), спрашивается, могли ли мы полностью ликвидировать нашу новую экономическую политику и заменить теперешнюю систему хозяйства в целом «настоящей» социалистической организацией труда в государственной промышленности и социалистическим распределением продукции города и деревни. Достаточно поставить так вопрос, чтобы ответить на него отрицательно. Революция в Германии коренным образом изменила бы международную политическую и хозяйственную обстановку для Советской России и открыла огромные возможности для гораздо более быстрой социализации всего хозяйства. Она уничтожила все элементы тактики и маневров в нэпе, но не весь нэп.

От нэпа осталось бы то, что является его органической частью, осталась бы экономическая политика пролетариата в крестьянской стране.

* Статья Е.А. Преображенского, опубликованная в журнале «Коммунистический интернационал» № 23 за 1923 г.

Вот эти-то элементы нэпа и должны быть достаточно ясно выявлены, ибо здесь советская власть проходит тот путь, который предстоит пройти каждой экономически отсталой стране, в которой пролетариат окажется у власти.

Посмотрим, в каких взаимоотношениях находится крупная государственная промышленность с необобществленной частью хозяйства, прежде всего с крестьянским хозяйством, и в каком направлении будут неизбежно развиваться здесь экономические отношения.

В период так называемого «военного коммунизма» советская власть сделала грандиозную попытку навязать своему мелкобуржуазному окружению принудительную систему планового распределения, в то время как это окружение оставалось при мелком индивидуальном способе производства. Можно спорить относительно того, как назвать ту систему распределения, которая у нас существовала в период военного коммунизма: полусоциалистической, докапиталистической, натурально плановой и т.д. Дело не в названии. По существу, наша разверстка была системой принудительных натуральных займов, падавших на крестьянство, потому что выполнить обещание платить за продукты сельского хозяйства продуктами промышленности государство не могло. Крестьянство отвергло эту систему не только потому, что как класс не получало эквивалента из города за сданные по разверстке продукты, но и потому, что система отчуждения по типу разверстки и уравнильное распределение продуктов городской промышленности убивало всякие стимулы у мелких самостоятельных хозяйств к расширению производства. Мы убедились в период военного коммунизма, что такая система уравнильного распределения не годится для рабочих, т.е. для того класса, который должен был проводить социализацию (о чем ниже). Что же можно было требовать от массы мелких самостоятельных производителей? Вся эта система принудительного распределения была ликвидирована с окончанием Гражданской войны, которая делала эту систему при падающей валюте и недостатке хлеба в стране если не целиком, то в основных чертах необходимой. Крестьянство заставило государство вернуться к старой системе рыночного распределения.

При таких условиях задача видоизменилась и для Советского государства. Она формулируется так: 1) как поднять продукцию крупной промышленности на основе такой системы деления, которая при данном уровне культурности и социалистической сознательности рабочего класса обеспечивает максимальную производительность труда? 2) как поднять хозяйство страны, используя силы самого мелкого производства, и в то же время овладеть мелким производством с того конца, с которого им овладевал всегда капитал: со стороны торговли и кредита? 3) как двинуться на следующую ступень, которая должна быть периодом перерождения технической основы мелкого крестьянского производства?

Что касается первой задачи, то пути к осуществлению ее уже вполне наметились. Данный уровень культурности и социалистической сознательности рабочего класса таков, что об уравнильном распределении внутри государственного круга не может быть и речи. В период коммунизма опыт уравнильного пайкового распределения был проделан. Он дал самые плачевные результаты. В этот период рабочий класс в целом проявил величайший героизм и самопожертвование, которого не забудет история. Голодный, с голодными детьми за спиной, рабочий стоял у станка, часто падал в обморок от истощения, но не прекращал работы. Отдельные его отряды, отдельные фабрики и заводы делали чудеса на хозяйственном фронте. Но все это делалось в порыве общего революционного подъема не благодаря уравнильности распределения и, может быть, несмотря на нее, причем в этот период подвигом было уже просто работать, и от рабочего нельзя было требовать даже половины довоенной производительности; когда же на очереди стала необходимость во что бы то ни стало поднять производительность труда,

особенно в отдельных крайне важных отраслях, то пришлось проститься с уравнительностью, а затем проститься с помесечной платой: область применения сдельной платы все более и более расширялась. Характерно, что советская власть и профсоюзы отказались частично от уравнительности, в сущности, уже до перехода к новой экономической политике. Нэп ускорил процесс перехода к новой системе оплаты труда, и в настоящий момент эта оплата по большей части имеет в основе тот же принцип, что и заработная плата при капитализме: больше индивидуальная выработка – больше индивидуальная получка. Если пайковую уравнительность периода военного коммунизма считать «шагом вперед» в сравнении с системой заработной платы при капитализме, то форма заработной платы при нэпе есть шаг назад в сравнении с годами военного коммунизма. Однако позволительно усомниться, чтобы уравнительное пайковое распределение было хотя бы несовершенным, но куском социализма. Новая форма заработной платы дала положительные результаты. Всюду она послужила сильнейшим стимулом к поднятию производительности труда, которая в ряде фабрик достигла довоенного уровня. А если мы вспомним, что эти достижения сделаны при крайне низком уровне заработной платы (в 2–3 раза в среднем ниже довоенной), то этот успех сам уже говорит за себя. Социализм в области распределения означает большую уравнительность на основе большей производительности. Где производительность падает или стоит на месте, уравнительность является плохим утешением. В данном случае повышение труда было в значительной степени (не вполне) связано с ликвидацией уравнительности в распределении. В этом заключается уже ответ на вопрос, далеко ли Советская Россия прошла по пути социалистического распределения внутри государственного круга. Она ушла очень недалеко от капитализма. Но было бы неправильно отрицать наличие известного продвижения вперед. Это продвижение заключается, с одной стороны, в более или менее планомерном распределении фонда заработной платы государственных рабочих и служащих (для чего существует специальный центральный тарифный орган), в чем уже заключается зерно более совершенного планового распределения в будущем. С другой стороны, шаг вперед заключается в элементах коллективности, которые пустили уже корни. В ряде предприятий рабочий получает плату не только в зависимости от его индивидуальной выработки, но и от выработки всего предприятия. В каком же направлении здесь возможно развитие?

В социалистической литературе не было точно установлено, какая форма распределения внутри обобществления хозяйства свойственна социализму как таковому и есть ли в этом отношении какая-либо разница между капитализмом и социализмом. В частности, известно, К. Каутский в своей брошюре «На другой день после социальной революции» не только допускает существование заработной платы капиталистического типа, но и колебание ее размеров в различных отраслях в зависимости от спроса и предложения рабочих той или иной квалификации. Однако между системой заработной платы при капитализме, которую мы все знаем, и системой чисто коммунистического распределения, основанного на принципе: каждому по потребностям – каждый по способностям, должна лежать исторически переходная ступень распределения, поскольку сам социализм является переходной ступенью от капитализма к коммунизму. Неправильно думать, что социалистическое распределение должно отличаться от капиталистического только тем, что при социализме весь продукт обобщественной части хозяйства распределяется плановым образом, распределение же фонда заработной платы (размеры которого при капитализме определяются соотношением сил между рабочими и капиталистами, а при социализме устанавливаются на основе подсчета всех ресурсов хозяйства) будет происходить приблизительно так же, как и при капитализме. А это значит, что работник и при социализме будет получать вознаграждение в зависимости не только от квалификации, но и от размеров индивидуальной выработки (там, где это поддается учету). Если

бы дело обстояло так, то это значило бы, что стимулы производства при социализме остаются те же, что и при капитализме, и делается непонятным, как может перепрыгнуть человечество от индивидуальных стимулов в работе к коммунистической системе организации труда. В действительности же здесь должен существовать целый ряд постепенных переходов, которые дадут такие же незаконченные, несовершенные, логически не доведенные до конца формы вознаграждения и стимулирования, как незакончен, нелогичен сам социализм, этот недоделанный коммунизм. Социализм вынужден начать с того, чем кончает капитализм: с индивидуальной оплаты труда рабочих плюс кое-где участие в прибылях предприятия, т.е. в данном случае премирования за перевыработку. Но он создает условия для постепенного вытеснения индивидуальной оплаты труда оплатой коллективной: чем больше выработаю, тем больше получаю, — говорит рабочий при сдельщине. Чем больше выработает мой завод или трест, тем больше я получу, — скажет рабочий при коллективной оплате. А отсюда следующий шаг ведет к лозунгу: чем больше выработает весь общественный коллектив, тем больше все получают. Коллективная оплата будет вначале комбинироваться с индивидуальной: рабочий должен получать тем больше, чем больше 1) его индивидуальная выработка, 2) коллективная выработка всего предприятия. Постепенно та часть заработной платы отдельного рабочего, которая получается из фонда коллективного премирования, будет расти, и будет расти вместе с тем тот процент фонда заработной платы, который будет назначаться на коллективное премирование. Тот момент, когда большинство рабочих при социалистическом режиме поднимается от индивидуальных стимулов труда к коллективным, будет иметь в деле борьбы за коммунизм не меньшее значение, чем, быть может, социализм орудий производства. Совершится же этот переход прежде всего потому, что индивидуальные стимулы окажутся уже недостаточными для социалистического производства, отсталыми, заскорузлыми, тем более что развитие техники не увеличивает, а уменьшает возможность и целесообразность индивидуального учета труда каждого рабочего в отдельности (электрификация, транспорт и т.д.). На этой базе быстрее пойдет и перевоспитание молодежи в духе тех требований, которые новый способ предъявляет к массовой психологии работников, их коллективным инстинктам, их социалистической сознательности и навыками. Советская власть сделала небольшое продвижение вперед в этом направлении уже при нэпе. Это был опыт так называемого коллективного снабжения, который был применен на ряде крупнейших предприятий и дал с производственной точки зрения удовлетворительные результаты. Правда, теперь эта форма не является обязательной, но она может применяться путем добровольного соглашения профсоюзов с хозяйственными органами. В том или ином виде коллективная оплата (после некоторого припадка капиталистической реакции при нэпе) будет развиваться и станет в дальнейшем господствующей формой оплаты при диктатуре пролетариата. Разумеется, в крестьянской стране, где сильна мелкобуржуазная психология даже среди пролетариата, мы не могли значительно шагнуть вперед от методов капиталистической системы заработной платы. Но промышленно передовые страны при диктатуре пролетариата смогут уже вначале дальше продвинуться по пути к социалистическому распределению.

Одна из важнейших задач пролетариата после завоевания им власти заключается в том, чтобы со стремительной быстротой двинуть свой авангард для овладения наукой, командными постами в промышленности и во всем государственном аппарате, и если не превзойти, то хотя бы первое десятилетие сравняться в области культуры с побежденным противником. В этом пункте существует коренное различие между буржуазной и пролетарской революцией. Буржуазия являлась в период своей борьбы за власть не классом угнетенным, а классом, конкурирующим с дворянством из-за власти. Как класс эксплуатирующий, как меньшинство, располагающее всеми благами жизни, средствами и

досугом, буржуазия могла стать и стала на более высокую ступень в культурном отношении, чем ее противник – земельная аристократия и духовенство. Не то с пролетариатом. Пролетариат оказывается способным овладеть государственной властью раньше, чем овладеет культурой эпохи и начнет создавать собственную культуру. Он догоняет в этом отношении побежденную буржуазию только после завоевания власти. А там, где пролетариат, как в России, вообще стоит на довольно низком уровне даже в сравнении с пролетариатом других стран, там эта проблема является еще более важной, если не сказать угрожающей, для самого существования рабочей власти.

При нэпе эта проблема стоит перед советской властью так же, как и в период военного коммунизма. Более того, при нэпе опасность, угрожающая пролетариату от культурного превосходства побежденной буржуазии и буржуазной интеллигенции, еще более серьезна. Поэтому теперь советская власть делает еще больше усилий, чем раньше, для пролетаризации высшей школы и в деле помощи пролетариату в его стремлении овладеть наукой. Наши достижения в этом отношении еще невелики, но они превосходят все, чего мог достигнуть пролетариат за целое столетие буржуазного режима. Мы имеем сеть рабочих факультетов с 50 000 пролетарских студентов. Первые курсы высшей школы уже значительно пролетаризировались в прошлом и в этом году. Через 3–4 года большинство студентов во всех высших школах (за исключением разве художественных) будут составлять студенты-пролетарии и социалистически настроенная крестьянская молодежь. Я не говорю уже о чисто коммунистических школах, наших партийных школах, начиная с уездных и кончая высшими, например Свердловский университет и др., а также школах военных, которые давно имеют учеников исключительно рабоче-крестьянского состава.

Что же касается поднятия производительности труда, увеличения количества товаров и соответственного увеличения заработной платы, то здесь дело обстоит пока значительно хуже, чем при капитализме. Продукция промышленности достигает приблизительно лишь $\frac{1}{5}$ довоенного уровня. Производительность отдельного рабочего в целом ниже довоенной: довоенный уровень пока еще остается идеалом. Но вместе с тем можно констатировать увеличение и абсолютной массы выработки и выработки на отдельного рабочего в течение последних полутора лет. Но разрушения в промышленности, вызванные войной и революцией, настолько велики, что, по общему мнению большинства хозяйственных работников, советская промышленность достигнет довоенного уровня не раньше чем через 4–5 лет, и лишь после этого можно будет продвигаться вперед за пределы, на которых остановился капитализм. Единственная крупная отрасль, где мы пошли дальше капитализма, это электрификация. В тесной связи с этим находится и вопрос о заработной плате. Размеры заработной платы пали в годы Гражданской войны до такого уровня, при котором никакое нормальное производство было невозможно. Но теперь заработная плата, хотя крайне медленно, но неуклонно растет все время. Этот рост ближайшие годы не обещает быть быстрым, потому что промышленность после накопления оборотного капитала (которого еще крайне недостаточно) перейдет к воссозданию основного капитала и строительства в городах, для чего необходимо будет «первоначальное социалистическое накопление» не только за счет мелкобуржуазных классов, облагаемых налогами, но и за счет заработной платы.

Задача восстановления промышленности и уровня заработной платы до довоенных размеров, а затем дальнейшего движения вперед является задачей, общей для каждого пролетарского государства. И даже нельзя сейчас сказать, будет ли победивший европейский пролетариат восстанавливать промышленность относительно более высокого уровня в сравнении с довоенным, чем это приходится делать нам, потому никто не может предсказать размеров тех опустошений, которые произведет в европейском хозяйстве неизбежная гражданская война.

Наоборот, задача экономического подчинения крестьянского хозяйства крупной государственной промышленности стоит в России, как в стране аграрной, весьма своеобразно, стоит так, как эта проблема не будет стоять для той же Германии, Австрии, Чехословакии.

В несколько аналогичном положении с Россией окажутся лишь Балканские страны и Польша при пролетарском режиме. Чтобы понять нэп не в его тактической, а в организационной части, в том, что действительно завернуто «всерьез и надолго», надо понять существующие и так, как они сложатся в ближайшем будущем, экономические взаимоотношения между государственной промышленностью и крестьянским хозяйством.

Чтоб подчинить капиталистическим методам крестьянское хозяйство, государственной крупной промышленности и государственным банковым центрам прежде всего необходима в качестве обязательной предпосылки достаточная экономическая мощь самой крупной промышленности.

Как же обстоит дело в этом отношении теперь?

По подсчетам С.Н. Прокоповича*, весь национальный доход Европейской России за 1913 г. исчислялся в 11 802 млн золотых руб. (тысячи я отбрасываю) и составлялся из следующих источников:

сельское хозяйство	5 630 млн
лесоводство и рыболовство	729 «
промышленность	2 566 «
транспорт	1 055 «
строительное дело	842 «
торговля	980 «

Если мы к доходу от промышленности, транспорта и строительной промышленности прибавим доход от торговли продуктами промышленности, который методически более правильно рассматривать как определенную часть дохода промышленности, уделяемую торговле, а к доходу от сельского хозяйства прибавить доход торговли продуктами земледелия, то мы должны будем признать, что перед войной Россия была уже не в такой мере аграрной страной, как ее себе представляли.

Если же брать отношение крупной промышленности к земледелию, мы из дохода всех видов промышленности должны исключить доход от ремесла (611 млн), доход кустарей (289 млн) и часть дохода мелких производителей в рыболовстве и лесном деле. Но и после этого отношение между продукцией крупнокапиталистического производства и продукцией сельского хозяйства осталось бы приблизительно как отношение 4 к 7, а по отношению к сельскому хозяйству плюс мелкая промышленность — как 4 к 8.

Вообще же, в довоенной экономике промышленный, банковый и особенно торговый капитал играли господствующую роль, занимали основные командные позиции во всем хозяйстве вообще, подчиня себе сельское хозяйство. И если бы пролетариат завладел всеми позициями капитала в русском хозяйстве в его довоенных пропорциях, он безраздельно господствовал бы экономически над всей территорией мелкого, не обобщественного производства. Но, к сожалению, за годы войны и революции соотношение сил между мелким хозяйством и крупным, в частности между крупной промышленностью и крестьянским хозяйством, резко изменилось в пользу мелкого. Крупное и мелкое производство совершенно в различной степени пострадали за время войны и революции. В 1921 г. чистый национальный доход всей страны по весьма приблизительным подсчетам исчислялся в сумме 5 млрд золотых руб. по довоенным ценам, причем чис-

* Прокопович С.Н. Опыт исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России.

тый доход промышленности наши хозяйственники определяют в сумме 500 млн (доход брутто около миллиарда) и транспорта около четверти довоенного, т.е. около 350 млн. Эти вычисления надо считать скорее преувеличенными. Что касается крестьянского дохода, то он равен более 3,5 млрд, доход ремесленников и кустарей приблизительно пал в два раза в сравнении с довоенным. Во всяком случае отношение чистой продукции крупного производства и транспорта к крестьянскому доходу равно приблизительно отношению 1 к 5, что по сравнению с довоенными пропорциями является ужасающим шагом назад. Правда, за нынешний год продукция промышленности увеличилась (при сокращении издержек производства), но продукция крестьянского хозяйства благодаря хорошему урожаю увеличилась в еще большей степени и соотношение между доходами промышленности и доходом сельскохозяйственным стало еще более неблагоприятным для первой.

Вот при каких условиях приходится пролетариату России ставить задачу экономического подчинения крестьянского хозяйства государственной промышленности. Эта задача до крайности трудна при нынешних пропорциях в хозяйстве, но, безусловно, осуществима при условии восстановления промышленности. Подчинение крестьянского крупному производству возможно двумя путями: путем торговли и кредита, т.е. через обмен и путем перерождения основы крестьянского хозяйства благодаря электрификации земледелия и монокультуре, т.е. путем производственным. Вторая возможность у нас в перспективе, первую же мы уже начали осуществлять, хотя наши успехи на этом пути еще чрезвычайно ничтожны.

Наша задача в области торговли с деревней состоит в том, чтобы постепенно устранить частных посредников, устранить частноторговый капитал во взаимоотношениях крупной промышленности с крестьянством, опереться на кооперацию и сделать государство монополистом не только в торговле продуктами крупной промышленности с деревней, но и овладеть большей частью продуктов сельского хозяйства, выбрасываемых на большой рынок. Кое-где мы имеем успех. Например, в г. Орле 60% всей торговли идет сейчас через органы государственной торговли, в некоторых заводских центрах на рынке господствует рабочая кооперация. Благодаря монополии внешней торговли государство имеет возможность держать в своих руках всю внешнюю торговлю страны хлебом и сельскохозяйственным сырьем с иностранными капиталами.

Что касается кредита, то основным видом этого кредита должен быть долгосрочный мелиоративный кредит, торговля в кредит сельскохозяйственными машинами, улучшенными семенами и искусственными удобрениями и денежные ссуды Госбанка на покупку лошадей и восстановление сельского хозяйства вообще. Долгосрочный сельскохозяйственный кредит в России имеет огромное будущее. Этим путем пролетариат легче всего может подчинить сельское хозяйство диктатуре крупной промышленности. Госбанк имеет здесь возможность кредитовать крестьянство не только в денежной форме, но главным образом в натуральной форме, в виде продукции заводов сельскохозяйственных машин и всех нужных деревне товаров. Получая уплату погашения и процентов по натуральной же форме, т.е. в виде хлеба и экспортного сырья, Госбанк постепенно может обеспечить государству значительную долю всех излишков сельскохозяйственного производства, что, вместе с ресурсами продналога, составит продовольственный и сырьевой фонд не только для советской промышленности, но и для внешней торговли. В дальнейшем государство от роли главного покупателя и единственного кредитора крестьянства может легко перейти к роли заказчика и контролера продукции крестьянства. Госбанк может соответственной политикой цен и заявлением, как кредитор (принимать в уплату по ссудам одни продукты, не принимать другие), влиять на расширение типа культур, поощрять развитие других, убивать третьи и тем в капиталистической форме подчинить индивидуальное крестьянское требованиям своего

общехозяйственного плана. Вместе с тем на этом пути можно достигнуть довольно точного учета всей продукции деревни, поскольку кредитор должен знать все хозяйственные ресурсы кредитуемого. А социализм – это есть прежде всего учет.

Если же мы вспомним, что государство имеет огромную возможность перераспределения национального дохода и другим путем, т.е. путем налогового обложения, которое должно падать во все растущем объеме на более зажиточные слои деревни и на частно-торговый капитал, то комбинация всех этих средств дает советской власти возможность все в большей мере отводить воду из каналов первоначального (вернее сказать, второна-чального) нэповского накопления на мельницу первоначального социалистического накопления, превращая побегі возрождающихся капиталистических отношений хозяйства в низшую и подчиненную форму в сравнении с формами крупного социалистического хозяйства.

Преображенский Е.А. Экономическая политика пролетариата в крестьянской стране // Коммунистический интернационал. М.; Пг., 1922. № 23. С. 6275–6290.

[Г Л А В А 3]

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ ПРИ НЭПЕ*

Товарищи, экономический кризис, который происходит у нас в нашем хозяйстве начиная приблизительно с августа месяца, привлекает к себе самое пристальное внимание как со стороны наших хозяйственников, непосредственно затронутых в своей деловой работе этим кризисом, так и всех экономистов, которые хотят теоретически осмыслить то, что происходит.

Но нужно сказать, что еще очень недавно мы не ставили вопросов об экономических кризисах при нэпе на детальное обсуждение в литературе и на собраниях. Казалось, что при такой системе хозяйства, когда основные командующие, как мы называем, высоты находятся в руках государства, когда государство имеет монополию на крупную промышленность, транспорт, внешнюю торговлю, когда в его руках находится вся банковая система и большая часть оптовой торговли, — при такой системе хозяйственные кризисы вряд ли могут иметь серьезное значение. Так думали многие, но далеко не все. И те, которые так не думали, не ошиблись. Наоборот, кризис является первым предостережением тем оптимистам, которые предполагали, что в условиях нэпа кризисов быть не может или они будут настолько смягчены и скоропреходящи, что о них не придется говорить. Характерный пример для иллюстрации того, как на этот счет смотрели даже очень знающие экономисты. На днях вышла книжка т. Милютина, называющаяся «Новый период мировой экономики». Эта книга очень содержательна, я ее рекомендую вашему вниманию, но вообще я не нашел в этой книжке ни слова по тому вопросу, который нас в настоящий момент волнует. А между тем система зародышевого социализма в крестьянской стране, при диктатуре пролетариата, неизбежно должна порождать внутренние диспропорции в хозяйстве и, следовательно, вопрос о том, как ослабить эти диспропорции, как ликвидировать соответствующей экономической политикой вредные последствия этой диспропорции, — этот вопрос должен был бы занимать одно из центральных мест в экономическом исследовании, посвященном анализу экономических форм переходного периода и, в частности, нашей экономики, как единственной пока реальной иллюстрации для таких форм. У т. Милютина в его книжке мы этого не находим. Я привожу этот пример в доказательство того, как еще очень недавно, до урока этого кризиса, мы к вопросу о возможности таких кризисов относились довольно оптимистически. Но с тем большим вниманием нам приходится теперь, хотя и с опозданием, направить свое внимание на эту сторону и проанализировать все особенности нашей экономики под углом зрения реализации

* Стенограмма доклада, прочитанного в заседании Социалистической академии 1 ноября 1923 г.

продукции государственной промышленности, под углом зрения обмена веществ между городом и деревней.

Прежде чем я перейду к рассмотрению того, каков удельный вес отдельных составных частей нашего хозяйственного целого, на основании данных о продукции за 1922/23 г., я хочу сказать несколько слов о нашей экономической структуре. Форму хозяйства, которая у нас установилась, принято, по инициативе Владимира Ильича, называть государственным капитализмом. Правда, в своей последней статье о кооперации, помещенной в «Правде», он нам объяснил, что он это слово употреблял в довольно условном смысле, имея в виду, главным образом, чисто практические цели и рассчитывая на крупные концессии со стороны иностранного капитала, и как будто дает понять, что он употребил этот термин скорее из тактических соображений по отношению к мировому капиталу, чем в интересах строго научного определения нашей системы хозяйства. Во всяком случае это определение недостаточно правильно с точки зрения научно-теоретической и не вносит должной ясности и в область практики. Тем лучше, следовательно, что Владимир Ильич, если не прямо отказался в своей последней статье от этого термина, то, по крайней мере, подчеркнул крайне условный его смысл. Нашу систему хозяйства правильнее будет назвать смешанной товарно-социалистической формой хозяйства. Мы имеем, с одной стороны, государственную промышленность и транспорт в руках государства, причем этот кусок социализма вынужден экономически существовать в обстановке товарного хозяйства и товарными методами прокладывать свой путь вперед, а на другом полюсе – окружение мелкобуржуазного хозяйства, которое по размерам своей продукции играет превалирующую роль во всем нашем хозяйстве. Те формы, которые можно назвать государственно-капиталистическими, играют довольно незначительную роль. Сюда надо отнести смешанные общества, т.е. частичное сращивание, если можно так выразиться, нашего социалистического капитала с капиталом иностранным или отчасти с частным капиталом внутренним. Сюда условно могут быть отнесены кооперативные предприятия, если мы всю кооперацию нашу в ее теперешнем виде будем рассматривать как известную форму сращивания кооперативного капитала с государственным, для чего известные практические и теоретические основания есть. Затем к государственному капитализму можно наконец отнести небольшое количество концессионных предприятий. Число их увеличивается, но в нашей экономике удельный вес их пока ничтожен. Затем следует частный торговый капитал. Как вы увидите из анализа тех цифр, которые я приведу, он играет огромную роль во всей нашей экономике в сфере распределения. Но этот капитал является не государственным, а антигосударственным. Дальше идет мелкобуржуазное производство города и деревни – основная форма нашей экономики. Я не говорю о патриархальных формах хозяйства, которые у нас большой роли не играют. Вот пестрая картина тех хозяйственных форм, которые переплетены между собой, причем формами переплета между ними является торговля, с одной стороны, и банковский кредит, с другой стороны. В общем и целом все эти формы находятся в непрерывной связи друг с другом, и мы имеем право уже говорить о едином хозяйственном организме, если абстрагируемся от того хозяйственного отрыва деревни от города и от начинающегося бойкота города деревней, который последнее время усилился, но который имеет несомненно временный характер. Вот та сложная система хозяйства, которую мы имеем, и которую, как я говорил, правильнее будет назвать смешанной товарно-социалистической формой хозяйства, и в которой главную руководящую роль, роль паровоза, тащащего за собой товарные вагоны, играет и еще больше будет играть наша государственная промышленность, наш транспорт, а также и наша банковская система.

Чрезвычайная сложность вопроса, который стоит перед нами, когда мы проблему реализации должны ставить в обстановке товарного хозяйства, заключается в том, что, во-первых, нам чрезвычайно трудно учесть все элементы пропорциональности в каж-

дый данный момент, в каждый данный год. С другой стороны, существуют трудности и иного свойства. Мы не имеем статистики, целиком приспособленной к маневрированию государственного хозяйства в этом чрезвычайно сложном конгломерате отдельных хозяйственных систем. Затем, если бы мы имели даже такую статистику в отношении государственной части хозяйства, то мы не могли бы никогда точно учесть, с одной стороны, емкость рынка нашего мелкобуржуазного окружения, а с другой стороны, при колеблющихся ценах на продукты крестьянского хозяйства, влияние внешнего рынка на всю нашу систему хозяйства. Но как бы то ни было, как бы трудна задача этого анализа ни была, мы ничего не можем понять в теперешнем кризисе ни с точки зрения его причин, ни с точки зрения того, как он сейчас протекает, ни с точки зрения ближайших перспектив, если эту проблему реализации мы не поставим, если не выясним, каковы основные элементы пропорциональности при теперешней системе хозяйства и когда обмен веществ между городом и деревней может протекать нормально, без опасности в дальнейшем обрыва связи между городом и деревней.

Чтобы ясно стало, какими цифрами мы должны здесь оперировать, я приведу вам все необходимые материалы и вычисления, которые относятся к этому вопросу. Прежде всего, относительно удельного веса отдельных составных частей в нашей экономике. Начну с продукции промышленности. По вычислениям наших экономистов и статистиков, вычислениям, которые могут быть оспариваемы, но которые являются в конце концов последним словом нашей статистики, чистая (т.е. без сырья и топлива) продукция нашей промышленности до войны, в 1913 г., равнялась 2 300 млн золотых рублей. Теперь *валовая* продукция нашей промышленности в довоенных ценах равняется 1 650 млн золотых рублей за 1922/23 г. Валовая же продукция нашей промышленности в современных ценах, т.е. во вздутых ценах, по среднему индексу промышленных изделий за 1922/23 г. до первого октября, – стоимость ее равна 2 315 млн золотых рублей. Стоимость чистой продукции нашей промышленности, – а чистую мы получаем таким путем, что берем 38% от валовой на основании установленных данных для таких вычислений, – чистая продукция нашей современной промышленности равна 877 млн золотых рублей. Я должен сказать, что эти цифры получены следующим образом. После того как подсчеты в ЦСУ не удовлетворили экономических работников Госплана, он предпринял собственные вычисления, причем эти вычисления делали т. Громан и т. Струмилин. Данные т. Громана больше тех, которые я здесь привожу, а эти данные получены нами в комиссии, которая была специально назначена Госпланом для учета продукции и состояла из Струмилины, Громана и меня. Эти данные являются данными комиссии. Способ подсчета, который мы применяли, был следующий. На основании данных статистики труда мы взяли количество рабочих, работающих в государственных предприятиях. Затем, на основании статистики ВСНХ мы взяли сумму годовой продукции каждого отдельного рабочего, выведенную в ВСНХ на основании учета стоимости продукции 1 млн рабочих. Затем мы помножили количество занятых рабочих, установленное статистикой труда, на количество выработки отдельного рабочего и получили ту сумму, которую мы считаем наиболее правильной. Были другие проверочные работы для выяснения этой продукции; полученные цифры были либо немного меньше, либо немного больше наших. Таким образом, эту цифру 877 млн по теперешним ценам за прошлый год чистой продукции государственной промышленности мы считаем довольно вероятной, и во всяком случае если не точной, то в сторону уменьшения.

Теперь посмотрим, сколько давал до войны и дает теперь наш транспорт – железнодорожный и водный. 607 млн давал железнодорожный и около 91 млн водный, кроме морского, который здесь не включен. Мы его не включили и в теперешние подсчеты, потому что он представляет ничтожную величину. Таким образом, транспорт давал 698 млн. Теперь, если брать 40% довоенных, что приблизительно соответствует грузообороту,

то тогда стоимость нашего транспорта будет приблизительно 280, или с округлением около 300 млн золотых рублей в год. Таким образом, если сложим эти цифры стоимости продукции госпромышленности и транспорта, то получим 1 117 млн золотых рублей. Вот ценностный бюджет нашего государственного хозяйства.

Теперь посмотрим, какова продукция ремесла, кустарной промышленности, арендованной частной и кооперативной. Довоенная чистая продукция равнялась по подсчетам одних статистиков 700 млн золотых рублей. Тов. Громан считает правильной именно эту цифру. По данным же Прокоповича эта цифра равняется 900 млн. Таким образом, довоенная цифра от 700 до 900 млн. Это стоимость чистой продукции кустарной и ремесленной промышленности. Какова стоимость продукции этих отраслей теперь? Мы произвели следующий подсчет. Мы имеем данные последней городской промышленной переписи ЦСУ на декабрь месяц. На основании этих данных за декабрь месяц, помножая эти данные на 11 и причисляя на основании довоенных соотношений продукцию промышленности кустарной и ремесленной, существующей в деревне, мы получаем цифру валовой продукции кустарной промышленности 452 млн золотых рублей по теперешним ценам промышленных изделий. Мы пытались получить эту цифру другим путем и получили 405 млн золотых рублей. Этот второй путь менее верен, потому что мы множили количество кустарей и занятых у них по найму рабочих на стоимость средней выработки отдельного работника. В результате мы получили эту цифру 405 млн золотых рублей, которая ниже действительной, потому что количество кустарей и занятых в кустарных заведениях рабочих мы брали по переписи 1920 г. С тех пор, т.е. после 1920 г., количество кустарей и рабочих у них, а также число частных и арендованных мелких заводов и кооперативных предприятий увеличилось. Этим нужно объяснить тот факт, что первая цифра получилась больше второй, полученной другим путем.

Затем мы пришли к заключению, что будет правильнее увеличить эту сумму на 20%, принимая во внимание недоучет как количества заведений, так и их продукции. Это прибавление в 20% мы считаем минимальным. В итоге мы получаем сумму всей валовой продукции в 564 млн золотых рублей, а чистую, т.е. без сырья заказчиков, мы будем иметь с округлением в 400 млн золотых рублей. Таким образом, у нас противостоят две величины: с одной стороны, государственная промышленность и транспорт — 1 млрд 177 млн, и на другом полюсе противостоит кустарная промышленность со своими 400 млн золотых рублей чистой продукции.

Теперь перехожу к сельскому хозяйству. Продукция сельского хозяйства, чистая, до войны исчислялась по данным Прокоповича и тех предварительных работ, которыми он пользовался для своего подсчета, в 5 630 млн золотых рублей. Наша продукция, чистая, за 1922/23 г., если считать в довоенных ценах по вычислению Громана, равна 4 200 млн, а чистая продукция с[ельского] х[озяйства] по современным ценам на сельскохозяйственные продукты равна 3 100 млн. Вот те величины, с которыми приходится оперировать нам для дальнейшего анализа. Но эти суммы продукции на одном полюсе, следовательно, сельское хозяйство 3 100 млн по современным ценам, на другом полюсе кустарная промышленность и продукция нашей госпромышленности в 1 277 млн золотых рублей, и с транспортом 1 577 млн руб.

Эта цифра не может быть нами правильно оценена и использована для ответа на вопрос, который перед нами стоит, если мы не проведем анализа в другом направлении. Нам нужно определить, в каком ее размере продукция сельскохозяйственная является продукцией товарной, в каком размере крестьянство потребляет в натуральной форме продукты своего производства и какую часть их оно вывозит на рынок. Относительно этого у нас есть самые различные по результатам подсчеты. Я вас познакомлю с теми данными, которые имеются. Прежде всего, относительно того, как обстояло здесь дело до войны. До войны, как я уже сказал, сельскохозяйственная товарная продукция была

равна 5 630 млн золотых рублей. В натуральной форме потреблялось 3 797 млн. Таким образом, товарная часть сельскохозяйственной продукции, т.е. та, которая появлялась на рынке, была равна 1 833 млн золотых рублей, и следовательно, процент товарности равен 32,6 (данные Прокоповича), т.е. $\frac{1}{3}$ продукции всего сельского хозяйства до войны поступала на рынок. Как же обстоит дело теперь? Этот вопрос имеет колоссальное значение для ответа на целую кучу других вопросов и для всей той проблемы, которую я поставил. Поэтому я остановлюсь на трех методах подсчета, которые дают различные результаты. Первый метод. Если мы из чистой продукции сельского хозяйства по довоенным ценам, – а таковая равна 4 200 млн, – вычтем то, что потреблялось полностью до войны, т.е. если мы будем исходить из предположения, что теперь наше крестьянство сохранило полностью нормы потребления, которые были до войны, мы получим сумму с остатка в 402 млн золотых рублей. Если мы отсюда вычтем продналог, который крестьянство уплатило, и этот продналог расценим по 70 коп. за ржаную единицу, то мы должны будем вычесть из 403 млн 263 млн золотых рублей. Итого та часть продукции крестьянства, которая могла бы быть выброшена на рынок, равна всего-навсего 140 млн золотых рублей.

Стоимость продналога высчитана таким образом. Самые последние данные от Наркомпрода о сумме полученного по продналогу за 1922–1923 гг. дают 377 млн 400 тыс. ржаных единиц. Я делаю умножение* на 70, – приблизительно эта цифра соответствует довоенной, – и получаю 263 млн. Так как весь расчет ведется в довоенных ценах, то получаются сравнимые величины. Таким образом, при таком методе подсчета, при котором мы явно преувеличиваем размеры крестьянского потребления, мы получаем остаток в 147 млн – сумма, которая в качестве рыночной базы для нашей промышленности представляет совершенно ничтожную величину. Другие методы, более точные и близкие к истине, такие. Мы берем довоенный процент товарности 32,6%, но делаем поправку из пропорции: товарность до войны должна быть во столько раз больше теперешней товарности, во сколько продукция довоенная была больше теперешней продукции. Из пропорции мы получаем процент товарности 24,3% для всего сельского хозяйства. И тогда мы получаем, что на всю сумму теперешней крестьянской продукции по довоенным ценам может вступить в товарооборот 1 200 млн. Вычтя продналог и переведя довоенные цены на теперешние, получим сумму в 522 млн золотых рублей. Вот та сумма, на которую крестьянство может продать и на которую пропорционально может купить.

Если брать процент товарности на чистую продукцию по теперешним ценам, что методологически, конечно, правильное, потому что крестьянское потребление вряд ли сильно меняется от движения цен, то тогда мы будем иметь следующую сумму: 755 свободных излишков минус продналог 263 – в результате получится 492 млн руб. Таким образом, два последних вычисления дают почти одинаковую сумму.

Теперь я скажу, как обстоит дело с другими вычислениями, приближающимися к этим вычислениям. Данные т. Струмилина и т. Громана дают около 700 млн**, данные ЦСУ – 306 млн. Таким образом, моя сумма является средней между этими цифрами. Я считаю довольно вероятной сумму среднюю между 500 и 700, которую приблизительно можно принять за сумму товарности крестьянского хозяйства. Таким образом, в результате нашего подсчета получается пара основных величин. На одном полюсе мы имеем 1 277 млн продукции государственной промышленности плюс кустарная

* Так в тексте.

** Научную ценность вычислений т. Струмилина, сделанных на основании бюджетных исследований в городах, я считаю научно более обоснованной. Но мне кажутся ошибочными приемы расположения бюджетных средних на все, особенно мещанское, население мелких городов России. Благодаря этому преувеличивается покупательная способность города на продукты земледелия. (Прим. автора.)

промышленность и ремесленная частная и кооперативная. На сельскохозяйственном же полюсе мы видим 500–700 млн. Вот основные данные для учета как пропорциональности, так и диспропорции в нашем хозяйстве.

Продолжаю анализ дальше. Поставим себе вопрос, в какой же пропорции находилась до войны стоимость выбрасываемых сельским хозяйством на рынок продуктов к довоенной стоимости продукции промышленности крупной и мелкой, тоже выбрасывавшейся на рынок? Взаимоотношения были следующие. Как я сказал, сельское хозяйство до войны выбрасывало на рынок продуктов на сумму 1 832 млн золотых рублей. Процент товарности промышленности примем за 100%. Тогда мы получим, что на крупную промышленность приходится 2 300 млн и на мелкую 900 млн. Лесоводство и рыболовство с учетом уже другого процента товарности давали 220 млн, строительная промышленность – 408 млн. Я беру цифровой материал Прокоповича, но суммирую иначе, чем он, потому что он к сумме продукции строительной промышленности присоединяет сумму квартирных плат от домов, что методологически ошибочно. В доходе *данного* года нельзя считать часть продукции прошлого года, как делает он. В результате мы получаем товарность промышленности в размере 3 828 млн; товарность земледелия до войны 1 832 млн, а процентное отношение сельскохозяйственной товарности к товарности промышленной равнялось 48%.

Каковы же соотношения теперь?

Здесь мы приближаемся к самому серьезному моменту во всем исследовании. Здесь могут быть два метода вычисления. Так как по лесоводству и рыболовству мы не имеем данных за 1922/23 г., то, во-первых, мы можем приблизительно в два раза уменьшить довоенную цифру пропорционально уменьшению всей продукции мелкой промышленности и ремесла и затем прибавить эту цифру к стоимости продукции нашей крупной и мелкой индустрии либо мы можем исключить рыболовство и лесоводство из подсчетов и до войны, и после войны. Я употреблял и тот, и другой метод. И вот результат, который получился из этих подсчетов. Если мы примем, что строительная промышленность, рыболовство и лесоводство дают у нас 50% довоенных, тогда теперешнее соотношение будет соотношением 500 млн сельскохозяйственной продукции к 1 591 млн городской, а в процентах 31,5% против 48% до войны. При втором вычислении довоенного положения мы получим 57%, для теперешнего только 38%. Это, товарищи, сухие цифры, и не сразу можно уловить, в чем тут дело. Но эти цифры характеризуют самое зерно вопроса, который перед нами стоит. Довоенное наше хозяйство достигло чисто стихийным путем тех пропорций между товарностью с[ельского] х[озяйства] и промышленности, которые характеризуются приведенными цифрами. Здесь равновесие достигалось на протяжении десятков лет и все отношения более или менее укачались* и вошли в норму. И первый вопрос, который мы должны поставить для понимания теперешней ситуации, заключается в том, в какой степени мы приблизились к этим довоенным соотношениям. Мы не поклонники старого, вообще говоря, но когда дело идет о том, чтобы в крупнейшем экономическом организме уловить пропорциональность, от которой мы далеко не могли уйти даже при коренном изменении политического режима, так как мы имеем и технику такую же, как и до войны, и все основные элементы в хозяйстве вообще, тогда нам довоенные цифры и пропорции должны говорить чрезвычайно много. И вот, если бы довоенная пропорциональность была соблюдена, эти цифры были бы 48% при одной системе подсчета и 57% при другой. Теперь же мы имеем в первом случае 31,5, а во втором – 38,3, т.е. диспропорциональность между промышленностью и сельским хозяйством равняется при первом способе подсчета 16,5%, при втором – 18,9%. Это такие величины, которые сразу открывают нам основные источники теперешнего кризиса,

* Так в тексте.

потому что если бы даже здесь было не 16%, не 18, а если бы даже здесь было на 5% диспропорции, то и это уже было бы элементом значительного кризиса во всей хозяйственной системе. Это каждый экономист понимает. Ведь 5% по отношению к миллиардным цифрам представляют очень большую величину. Я считаю, что важнейшей причиной теперешнего кризиса, который в дальнейшем был углублен ошибочной политикой в области кредита и цен (об этом будет говориться во второй части моего доклада), является эта диспропорциональность в производственной основе системы, которая бьет в глаза по сравнению с довоенными отношениями. Что означает эта диспропорциональность с точки зрения всей проблемы реализации? Она означает следующее. На одном полюсе мы имеем 1 277 млн продуктов городской промышленности. На другом им противостоят 500 млн продуктов сельского хозяйства, которые могут вступить в обмен на рынке. Пропорциональность здесь будет соблюдена только в том случае, если потребности городского населения в продуктах сельского хозяйства и промышленности в крестьянском сырье будут соответствовать стоимости излишков земледелия, выбрасываемых на рынок. Следовательно, кризис может проистекать как от недостаточности спроса на продукты сельского хозяйства, имеющиеся в излишке, так и от недостаточного спроса промышленности на крестьянское сырье.

Итак, первый элемент пропорциональности – пропорциональность по продуктам питания. Здесь я должен заметить, что хотя я оперировал чисто ценностными отношениями, но теперь я подхожу к такому моменту, когда натуральная форма обмениваемых ценностей приобретает огромное значение.

Если мы предположим, что крестьянство, покупающее на рынке, имеет безграничную покупательную способность, для него существует безграничная возможность перехода от элементарных потребностей к более высоким. Наоборот, город, покупающий у деревни, или, вернее, деревня, продающая в город, находятся в другом положении. Существует определенная физиологическая граница для городского потребления, сверх которой большого количества хлеба, фуража, мяса и т.д. город потреблять не может. Если бы покупательная способность города на сельскохозяйственные продукты и увеличилась втрое, то это потребление хлеба втрое увеличиться не может. Деревня находится в менее благоприятных условиях, чем город, если она имеет перепроизводство продукции, продуктов питания, по отношению к внутреннему рынку. Наоборот, крестьянство может безгранично переходить от одного уровня потребностей в городских продуктах к следующему, если его покупательная способность позволяет ему сделать этот переход. Итак, на 500 млн золотом крестьянство продало бы городу свою продукцию, если бы на соответствующем полюсе в городе ему противостоял спрос на его продукты, пропорциональный этой сумме. Если город не в состоянии поглотить эту сумму, – а статистика говорит, что он не в состоянии, – то крестьянство имеет здесь перепроизводство, главным образом в области зерновых культур.

Вот первое препятствие для обмена веществ. Теперь дальше, если крестьянство не в состоянии реализовать полностью все свои излишки, то, с другой стороны, как обстоит дело с реализацией промышленностью на 1 277 млн того, что было изготовлено в 1922/23 г.? Здесь я должен сказать, что тот анализ, который я здесь предпринял относительно покупательной способности города на продукты промышленности, не доведен до конца. Я здесь встретился с величайшими трудностями для сколько-нибудь точного подсчета. Затруднение заключается в том, что наша статистика не вполне приспособлена к тому, чтобы ее данные можно было использовать в государстве, которое пытается налаживать социалистическое хозяйство. Мы должны вычислить емкость рынка на продукты потребления, как сельскохозяйственные, так и городские, еще мы можем кое-что высчитать и сейчас. Мы знаем число рабочих и служащих, которые находятся на государственном снабжении или работают в государственных предприятиях, трестах и т.д., плюс

армия. Мы имеем здесь приблизительно около четырех миллионов человек. Бюджеты их средние мы знаем, потому что заработная плата у нас более или менее известна. Следовательно, мы можем знать годовую сумму всех заработных плат по всем линиям работы рабочих, служащих, армии и т.д. По приблизительному подсчету мы имеем здесь приблизительно 600 млн золотых рублей в год. Затем мы знаем из бюджетных обследований, какой процент заработной платы идет на продукты питания и какой процент идет на прочее (на продукты питания около 48%). Причем здесь нужно вычесть стоимость тех продуктов питания, которые представляют собой товары городского производства, как сахар и др. Во всяком случае здесь можно получить приблизительно точные цифры. Далее, мы можем на основании бюджетных обследований произвести вычисление в отношении тех 400 млн золотых рублей, которые представляют доход ремесленников, кустарей и частной промышленности, и установить, на какую сумму потребляют ремесленники и кустари, с одной стороны, продукцию сельского хозяйства, и с другой — продукцию промышленности городской. Гораздо труднее выяснить емкость рынка нэповского, мещанского населения города, которое производительным трудом не занимается или занимается так, что никакая статистика его продукции подсчитать не может. Далее, надо выяснить, сколько ценностей идет в качестве средств производства для самой промышленности, т.е. сколько покупают наши государственные предприятия друг у друга машин, топлива и т.д. Сюда войдет как то, что идет на амортизацию инвентаря, так и то, что капитализируется, т.е. служит целям расширенного воспроизводства, прежде всего увеличению основного капитала, так называемого у Маркса первого подразделения. Повторяю, я пробовал сделать вычисления этого рода, но не довел их до конца. Поскольку же некоторые основные данные есть, цифры обмена веществ в моем расчете не балансируются. Я откладываю опубликование данных этой работы до ее окончания. Здесь я только хочу показать, как методологически правильно нужно подходить к этому вопросу. Я ни минуты не сомневаюсь, что анализ установит следующий факт. Во-первых, то, что город наш не в состоянии закупить всех излишков крестьянского хозяйства, а крестьянство, имея на руках эти излишки, не в состоянии рассосать излишки городской продукции, которые могут быть реализованы лишь на крестьянском рынке. Отсюда ясно, какое огромное значение приобретает для нас экспорт продуктов сельского хозяйства, который может ликвидировать затор, образовавшийся во всей нашей экономике. Правда, теоретически можно себе представить и такое положение, что промышленность, если она в достаточной степени обеспечивается запасами сырья, может дальше развивать продукцию на основе дальнейшего роста заработной платы. Таким образом, мы частично осуществляем в рамках товарных отношений социалистическое распределение в городе и возмещаем добавочный крестьянский рынок платежеспособным спросом наших рабочих. Этот вариант надо отдельно исследовать, потому что здесь мы стоим перед величайшей важности проблемой переходных форм хозяйства, когда рыночное распределение, рыночная реализация дополняется социалистическим распределением внутри рабочего класса, хотя и в капиталистической форме увеличения заработной платы. В другой раз я вернусь еще к этой теме и постараюсь более подробно рассмотреть этот вопрос.

В общем же, чтобы нам произвести необходимый анализ всех условий обмена веществ в нашей товарно-социалистической системе хозяйства, нужны будут не две схемы, которыми оперировал Маркс, а три. Придется ввести третью схему, которая будет характеризовать обмен веществ и числовые закономерности и пропорции этого обмена между государственной промышленностью и между крестьянским хозяйством. Я сомневаюсь, что мы получим когда-либо вполне точные данные, но я уверен в том, что если бы ряд экономистов сели за эту проблему, они могли бы, даже при недостатках теперешней статистики, установить приблизительные основные величины и тем подо-

шли бы практически к важнейшему и интереснейшему вопросу – о возможности действительного учета, а следовательно, в дальнейшем и регулирования на деле всего хозяйства в целом в период нэпа.

Перехожу теперь к вопросу о торговом аппарате нашего хозяйства, к вопросу о том, насколько он велик и, во-вторых, во сколько он обходится нашему хозяйству, т.е. какова стоимость нэпа с этой стороны.

Прежде всего, о стоимости торгового аппарата. Как здесь обстоит дело? Вот вам справка о довоенных соотношениях. Довоенный оборот новых ценностей, созданных в течение данного года и поступающих в оборот новых, за вычетом того, что шло в натуральное потребление, равнялся без транспорта 5 650 млн золотых рублей. По данным Министерства финансов о размерах годового оборота для 1912 г., имеется сумма оборота торговли в размере 7 920 млн. То, что эти цифры одна от другой отличаются, это понятно, потому что в годовой торговый оборот входят не только созданные в данном году новые ценности, но и старые, и, кроме того, оборачиваются некоторые часто два-три раза. Но для наших вычислений принципиальную важность имеют те ценности, которые вошли в товарооборот из производства, которые представляют из себя то новое, что создано трудом на протяжении года в одной стране. Сколько раз они потом перебрасываются – это тоже имеет интерес, но уже с другой точки зрения, прежде всего с точки зрения непроизводительных трат общества на тот тип аппарата распределения, каким вообще является торговля. Это уже другой вопрос. Торговый доход до войны, т.е., иными словами, весь доход торговли, включая как издержки на заработную плату приказчикам и т.д., так и то, что капитализировалось в торговле, – а вы знаете, что в довоенное время у нас огромная сумма капитализировалась именно этим путем, – по данным, которые приводит Прокопович, равнялся 980 млн золотых рублей. В процентном отношении ко всей чистой продукции, поступившей в товарооборот, это дает 17,3%. Таким образом, до войны страна тратила за удовольствие иметь у себя Колупаевых, Разуваевых и весь торговый аппарат 17,3% со всей той части новых ценностей, которая поступала в каналы торгового обращения. Как же у нас обстоит дело теперь в этой области? Это чрезвычайно важный и, как вы увидите дальше, трагический вопрос для нашего народного хозяйства. Здесь я должен буду показать, каким образом я получаю совершенно, на первый взгляд, сумасшедшую цифру, которую я назову. Я начну с зачитывания тех таблиц, которые собирались и составлялись для того, чтобы подсчитать накладки розничной торговли к оптовой цене трестов. Вот надбавка на оптовую цену ситца по Москве в розничной торговле в государственной промышленности (таблица 1).

Таблица 1

Ситец.

Надбавка на оптовую цену (в госуд[арственной], кооп[еративной]
и частной торговле и средняя надбавка)*

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь
Госторг	–	31	24	25	39	43	32	42	–
Коопер[ация]	–	25	27	29	31	31	24	27	–
Вольн[ый] р[ынок]	–	39	28	36	44	40	44	42	–
Средняя	–	33	24	29	40	37	34	36	–

* По данным статистико-экономического секретариата Комвнторга.

Эти цифры представляют из себя нечто очень прилизанное и благопристойное, а дальше у нас есть данные относительно цифр по всем товарам в Москве же. Вот эти цифры (таблица 2).

Таблица 2

Превышения средних розничных московских цен над оптовыми в % *

№ п/п	Наименование товара	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август
1	Рожь в зерне	9	4	8	4	7	11	32	11
2	Мука ржаная	17	14	11	13	7	16	21	25
3	Мука пшеничная	18	45	34	21	62	51	32	41
4	Овес	37	27	30	41	19	21	41	16
5	Пшено	34	26	19	49	50	15	39	43
6	Крупа гречневая	30	15	18	36	31	34	43	29
7	Рис	45	31	54	25	27	38	6	38
8	Масло сливочное	19	13	16	11	18	13	26	16
9	Масло топленое	15	22	17	13	8	13	11	11
10	Масло подсолнечное	32	24	32	33	34	24	19	15
11	Говядина	12	17	15	10	18	31	12	67
	Средняя по сельскому хозяйству	24	22	23	23	26	24	27	28
12	Селедка	66	70	75	104	104	89	74	46
13	Сахар-рафинад	7	7	13	11	12	18	20	26
14	Сахар-песок	7	23	16	18	16	21	20	18
15	Конфеты сахарные	70	39	31	24	21	25	17	3
16	Чай китайский	14	17	16	17	25	17	17	17
17	Соль столовая	68	76	39	62	61	61	58	41
	Средняя по промышленному продовольствию	39	39	32	39	40	39	34	25
18	Спички	42	49	24	14	18	46	28	27
19	Керосин	44	73	41	35	27	32	21	19
20	Мыло простое	126	41	33	14	26	45	17	3
21	Гвозди	105	58	27	11	30	26	25	27
22	Ситец	45	33	24	29	40	37	34	36
23	Нитки	93	50	30	48	36	26	26	17
24	Мешок льняной	66	58	18	3	15	15	15	—
25	Дрова (смесь)	13	—	11	5	21	35	9	9
	Средняя по промышленным непродовольственным [товарам]	67	45	26	19	27	33	22	20
	Средняя по всем товарам	41	35	26	27	29	32	27	25

Средняя за все месяцы по всем товарам 30,25%.

* По данным статистико-экономического секретариата Комвнурторга.

Но у меня есть целый ряд материалов и целый ряд диаграмм относительно того же положения дела у нас в провинции и по отношению не только к ситцу, но и по отношению к другим продуктам массового потребления, как соль, керосин, сахар, а также цифры для отдельных товаров в отдельных районах страны. Тут уже картины совсем другие. Вот две таблицы, которые представляют из себя нечто совершенно удивительное*. Это отношение между ценами на ситец и рафинад, утвержденными нашим Комвноторгом, т.е. ценами оптовыми, ценами прейскурантными и ценами губерний Владимирской, Курской, Кубано-Черноморской области, Саратовской губернии.

Цена в Кубано-Черноморской области в два слишком раза больше этой цены, т.е. увеличена на 100 слишком процентов против того, что утверждает Комвноторг. Теперь дальше. Это было в начале 1923 г., в апреле месяце, цена Комвноторга приблизительно такая же, но тут имеется Курская губерния, не так далеко от Москвы, и здесь цена увеличена процентов на 120 по сравнению с этой ценой. Такие же картины имеются и дальше по отношению к другим областям. Теперь, дальше, возьмем соль. Здесь по России в среднем розничные цены выше оптовых на 60 с лишком процентов.

На сахар оптовые цены по СССР были выше утвержденных Комвноторгом на 50%, а розничные – выше утвержденных Комвноторгом (за июнь, июль, август) более чем на 110%. Основная цена в Баку на керосин (с акцизом) в два раза меньше розничной всероссийской цены, т.е. розница дает увеличение более чем на 100% и в сравнении с франко-Самара на 80%. Установлена масса случаев, когда в провинции в розницу цены поднимались выше 200% в сравнении с оптовыми ценами фабрик. Приводить дальнейшие данные было бы утомительно, но и сказанного достаточно для иллюстрации того, что значит жить в период первоначального социалистического и второначального нэповского накопления. Если мы примем цифру накидки на первоначальную цену, на отпускную цену фабрик в 60%, то это не будет преувеличением. По крайней мере, для истекшего года, с его дикими соотношениями между оптовой и розничной ценой, это будет преуменьшенный процент. Если мы имеем всех промышленных продуктов, которые выбрасываются на рынок, на 1 277 и сельскохозяйственных на 500, либо, по данным Громана и Струмилина, 700, то это будет 1 777 млн или 1 977 млн. Пусть из этой массы через посредство торгового аппарата идет 1 500 млн, остальное путем продажи производителей потребителям (крестьянская торговля на базаре, заказы ремесленникам и т.д.). Возьмем 60% от этой суммы и будем иметь 900 млн. Вычтем отсюда расходы торговли на транспорт в сумме половины стоимости продукции всего транспорта (цифра явно преувеличенная), вычтем 100 млн налогов государству, вычтем 50 млн потерь на курсе совзнаков, т.е. эмиссионного налога. Мы получаем тогда доход нашего торгового аппарата частного, госторговли и кооперации в 600 млн руб. за истекший год. Эта сумма, которая выше доходов всей кустарной и ремесленной промышленности, и приближается к сумме продукции всей государственной промышленности. Это чудовищные цифры, которыми можно варьировать в очень небольших размерах. Из этой суммы одна часть идет на расходы аппарата, на заработную плату и т.д., другая составляет фонд нэповского накопления. Каково соотношение между той и другой частью, сказать трудно. Я думаю, что как бы мы ни преувеличивали количество лиц, занятых в торговле, во всяком случае цифра накопления, которая здесь вырисовывается, представляется достаточно грозной. Каков же людской состав, занятый в торговле? К сожалению, здесь данные нашей статистики совершенно неудовлетворительны и ни в коем случае не могут служить каким бы то ни было руководством. По данным, которые имеются в ЦСУ, по последней переписи насчитывается у нас 150 тыс. торговых учреждений. Это цифра чрезвычайно скромная. Если мы будем исходить из того предположения, что в среднем каждая лавка занимает три человека приблизительно, то получим полумиллионную

*В книге Е.А. Преображенского «Экономические кризисы при НЭПе» не публикуются.

армию, которая живет исключительно торговлей. Но эта цифра преуменьшена, потому что до войны выбиралось торговых свидетельств около миллиона штук. Таким образом, мы имели до войны не миллионную армию, а миллион только одних торговых заведений. Разумеется, огромное большинство мелких торговых заведений занимали по одному, по два человека. Но во всяком случае мы имеем колоссальную торговую армию до войны. На базисе 1 500 млн распределяемых реальных ценностей висит у нас 600 млн дохода торговли! Отношения, напоминающие Персию, Турцию и Китай! И поскольку дело идет о наиболее целесообразной экономической политике, то первый удар, первый нажим наш в деле борьбы с ножницами и дороговизной должен быть направлен на это место, на сокращение той дыры, через которую утекает из народного хозяйства такая масса ценностей.

Во второй части моего доклада я остановлюсь на том, как теперешний кризис, имевший в основании эти производственные диспропорциональности, развивался в области торговли, как он был усилен в результате ошибок в области кредитной политики и трестовской политики цен.

Товарищи, вот здесь на доске вырисованы ножницы. Это есть баланс той самой диспропорциональности, о которой я говорил несколько в других цифрах и несколько с другого конца. Это есть фотография нашей конъюнктуры, о которой я говорил, когда анализировал производственные отношения Союза. Вы видите, что до известного момента, до осени прошлого года, соотношение между продуктами сельскохозяйственными и промышленности было обратное тому, что мы имеем теперь. Мы имеем осенью пересечение линии, мимолетное равновесие с точки зрения довоенного ценностного равновесия. Затем мы имеем такую картину (в товарных рублях и банкнотном исчислении): продукты промышленности лезут вверх, причем здесь мы имеем некоторое понижение летом, а затем резкий скачок вверх.

Приведем цифры, характеризующие расхождение сельскохозяйственных цен и цен на промышленные товары в сравнении с довоенными пропорциями.

Даты наблюдения	Расхождение ножниц в процентах:	
	розничных цен	оптовых цен
1 августа 1922 г.	99	74
1 сентября «	119	94
1 октября «	138	111
1 ноября «	165	127
1 декабря «	158	134
1 января 1923 г.	170	152
1 февраля «	171	169
1 марта «	187	176
1 апреля «	186	199
1 мая «	199	227
1 июня «	214	232
1 июля «	220	206
1 августа «	238	242
1 сентября 1923 г.	287	312
1 октября «	315	320
8 октября «	303	320
11 октября «	303	301
15 октября «	250	—
21 октября «	—	295
22 октября «	236	—

Скажу несколько слов о том снижении и загибании ножиц, которое наметилось на протяжении двух-трех недель. Прежде всего, из того, что я говорил относительно диспропорциональности между сельским хозяйством и промышленностью, которая в ценностном отношении делается тем более сильной, чем выше растут продукты промышленности в цене и чем больше понижается стоимость изделий продуктов сельского хозяйства, – это несоответствие должно было выясниться с наибольшей ясностью тогда, когда сельскохозяйственные продукты в максимальной степени выбрасываются на рынок, не встречая достаточного внутреннего спроса. Этого нужно было ожидать как раз осенью, когда крестьянство, для того чтобы уплатить в денежной форме продналог, должно было выбросить в кратчайший срок значительную часть своих излишков. А если выброшенная продукция не будет вся скуплена, то произойдет падение цен на сельскохозяйственные продукты, расхождение ножиц вниз и снижение, а не увеличение, покупательной способности деревни на городские товары. Следовательно, отсюда, на основании самой элементарной логики экономической политики и знания фактов, можно было сделать лишь такой вывод: если крестьяне не получают путем продажи денег и для уплаты налога, и для усиленных, в сравнении с обычными средними, закупок городской продукции, то при низких хлебных ценах произойдет не расширение емкости крестьянского рынка в начале осени, на что ориентировались тресты и торговые органы, а, наоборот, *уменьшение этого уровня ниже даже обычного* потому, что надо платить денежный налог именно в этот сезон. При таких условиях политика повышения цен на городские товары есть самая экономически (и коммерчески, следовательно) безграмотная политика, которая не ослабляет, а усиливает кризис.

Какие были причины, почему у нас получилось восхождение промышленной кривой вверх, поскольку оно происходило *не по причинам падения кривой с[ельско]хозяйственных цен вниз*, а, следовательно, зависело от политики государства? Прежде всего, наши промышленники рассуждали таким образом. Вот придет осень, осенью начинается оживление торговли после летнего затишья, осенью нужно в максимальной степени выбросить товары на рынок, потому что тогда крестьянство будет покупать. Раз так, то этот товар надо заготавливать, продукцию увеличивать, с одной стороны, а с другой стороны, как раз удобный момент поднять оптовые цены. Если когда снять сливки с «конъюнктуры», так только теперь. Торговые органы рассуждали: предстоит торговля с крестьянами, нам нужно запастись товарами, нам нужно заготовить максимум товаров для осенней реализации. Будем закупать, закупим даже по повышенной цене, все равно рассторгуемся. Так рассуждали и наши производственники, и наши государственные торговцы.

Чтобы промышленность могла развернуться как следует, для этого нужно усилить кредитование ее. А потому наши кредитные политики рассуждали в унисон с производственниками и торговцами: надо дать максимальный кредит для промышленности летом. В результате все кредитные ресурсы нашего Госбанка были распределены следующим образом. На 1 августа, т.е. к началу кризиса, торговля получила 9% из всей суммы, которая была из банкнотной эмиссии употреблена для кредитования, транспорт – 0,5%, сельское хозяйство – 8% и промышленность получила 70,4%. Иными словами, огромная часть кредитных ресурсов Госбанка была отдана промышленности. Это вызвало усиление производства, с одной стороны, и ажиотаж и вздутие кредита в области товарного обмена – с другой. Таким образом, со стороны кредита имелись все необходимые предпосылки для развертывания промышленности: всего на кредитование промышленности было вложено (с прежними) 140 млн червонных рублей. Итак, промышленность, получивши кредиты, разворачивает производство. Торговцы закупают эти продукты в надежде на то, что, когда мужик начнет покупать, все это они в максимальной степени реализуют. Торговля в кредит увеличилась почти в два раза больше, чем это было

весной. Это значило часто, что один перепродавал другим, другие – третьим и т.д. в надежде на ту реализацию, которая произойдет осенью. Забыли всего только одну мелочь, одно звено в цепи обмена веществ. Забыли о том, что если крестьянин не продает, то и ничего не сможет купить. Забыли, что это звено есть исходный базис всего развертывания промышленности и оборотного кредита. Если здесь будет осечка, все оживление, как не фундированное на потребительском спросе, приведет к острейшему кризису. Этот кризис был бы даже, хотя и в меньшей степени, если бы цены не вздувались. Он должен был еще больше расти при вздутии цен. Между тем основное звено обмена не дало бы такой осечки, если бы подумали о том, как вовремя скупить все то, что крестьянин вывезет на рынок. Нужно было так рассчитать кредитование хлебных заготовок, чтобы в этом пункте не получилось ахиллесовой пяты для всей проблемы реализации. А здесь-то как раз и был сделан просчет в сроках, что усилило кризис, который стихийно и без того назревал и мог бы быть ослаблен правильной кредитной политикой. Но об этом ниже.

Все спрашивают, чем же объяснить вздутие цен именно осенью и в таких огромных размерах? Ведь усиления потребительского спроса не было. Городской спрос, прежде всего, пропорционален заработной плате, он являлся устойчивой величиной, поскольку заработная плата заметно не повышалась эти месяцы. В том-то и дело, что увеличение это было не результатом роста спроса, который был обогнан ростом производства, обогнан чисто стихийно, как это бывает при всех почти кризисах, а оно было результатом спекулятивного спроса самого торгового аппарата, который надеялся расторгнуться и просчитался. Всякие иные объяснения, как мы установили в Госплане, не выдерживают критики. Например, жаловались на то, что очень заели налоги и акцизы. Но я привожу справку, которая полностью отводит это заявление. Во-первых, наша промышленность за весь год по всем акцизам, налогам и пр., по сравнению с чистой продукцией, выплатила 14,6%, считая все акцизы и налоги по индексу Госплана на первое число, и несколько меньше 12%, считая по среднему месячному индексу. Но это за весь год. Суть же дела в том, было ли увеличение налогов и акцизов как раз за исследуемый квартал, т.е. за июль, август и сентябрь? По сведениям Центроналога, данные здесь таковы. Было ничтожное увеличение приблизительно на 6–7%, и то не по акцизам, а по другим видам налогов. По акцизам было даже небольшое уменьшение за один квартал. Таким образом, из этого источника объяснить увеличение цен абсолютно не приходится. Ценообразующим фактором *в смысле увеличения цен* ни акцизы, ни налоги не были.

Обратимся к другим жалобам, а именно, что транспорт вздувает тарифы. В Госплане было обследование, которое установило, что здесь изменения существенного также не произошло. Следовательно, на транспорт тоже сваливать не приходится. Теперь, говорят, себестоимость вообще возросла, потому что возросли цены на сырье. И здесь исследование Госплана не подтвердило жалоб, потому что хотя некоторые виды сырья вздорожали, но важнейшее сырье легкой промышленности – хлопок – было закуплено раньше, не в исследуемый период. Остается в конце концов одно основное объяснение, а именно, что промышленность пыталась нажать на рынок в смысле поднятия цен, чтобы в максимальной степени взять реванш за тот период, когда она растрчивала основной капитал государства, «разбазаривала» продукцию по низким ценам при высоких ценах на хлеб. И действительно, по подсчетам Госплана, промышленность накопила за год оборотного капитала на 300 млн руб. Она попыталась усилить накопление осенью, но в этот раз нарвалась на кризис. Ту же политику накопления проводил и торговый аппарат, он также повышал цены и также нарвался. Цены поднимались, и они поднимались выше тех цен, которые установлены Комвноторгом. Для этой операции придумали даже специальное название. На Нижегородской ярмарке даже Центросоюз ухитрился закупить у текстильного синдиката мануфактуру выше цен, утвержденных Комвнотор-

гом. В результате получилось всеобщее вздутие и доведение этих цифр до абсурда. Скоро же оказалось, что весь ажиотаж не фундирован на потребительском спросе, расширения потребительского спроса не было. Наоборот, заработная плата, которая на протяжении этого года постепенно повышалась и, таким образом, подталкивала ростом своего спроса промышленность на расширение, остановилась на одном уровне. Деревня устремилась на уплату налога деньгами, и ей было не до закупок, потому что цены на хлеб падали и покупать при таких условиях было прямо глупо, раз можно обождать роста хлебных цен. В результате разразился кризис, все признаки его налицо, от закупки товаров до протеста векселей. Наиболее ярким проявлением кризиса является банкротство. Преждевременно говорить о банкротствах, но многие солидные организации довольно близко подошли к этому пределу, и их спасает лишь поддержка государства. Одним из самых ярких конъюнктурных показателей является сумма биржевого оборота. На Московской бирже и на провинциальных биржах мы имели, начиная с октября прошлого года, постепенное увеличение оборотов в миллионах рублей. Обороты по Москве: октябрь – 20, ноябрь – 28, декабрь – 45, затем февраль – 80, март – 98, апрель – некоторое падение – 65, май – 73, июнь – 123, июль – 126, а затем начинается кризис: август – 99, сентябрь – 89. Таким образом, после резкого скачкообразного роста падение почти на 40%. Это в области товарного оборота.

Теперь дальше. Этот кризис усугубляется тем, что Госбанк после того, как он распределил главную массу кредита на промышленность, закрыл кредиты, рассчитывая путем возврата ссуд от промышленности получить определенную часть капитала на хлебные заготовки. Но осуществить это оказалось не так просто, потому что нашей промышленности приходится платить в условиях, когда товары не реализуются и когда приходится ходатайствовать об отсрочках. В результате, закрытие кредитов явилось такой же ошибкой, как усиленное кредитование в то время, когда надо было достаточную часть средств выделить своевременно на хлебные заготовки, чтоб не бросать крестьянство в лапы частных скупщиков. Ошибка в сроках и размерах кредитования хлебных заготовок оставила крестьян без денег тогда, когда на крестьянском спросе жиджились все расчеты при реализации промышленных товаров. Закрытие же кредитов, как бы полезно оно ни было в смысле принуждения трестов к понижению цен, даже здоровые предприятия поставило перед опасностью банкротства и невозможностью выплачивать заработную плату. А это не только политически опасно и уже имело свои следствия, но и тормозит реализацию продукции из самого фонда заработной платы и в смысле покупок одних предприятий у других (топливо, орудия производства).

Теперь, товарищи, на базе всех этих рассмотренных нами цифр и взаимоотношений для нас, конечно, совершенно ясно, какая должна была бы быть правильная политика как в области кредитной, так и в области цен.

Перехожу теперь к вопросу о хлебных ценах. По этому вопросу мы спорили довольно долго, и история этого вопроса такова. Напомню один момент, который чрезвычайно полезно будет восстановить теперь в памяти. На заседании Госплана был поднят этот вопрос весной. За политику увеличения хлебных цен высказался один профессор Кондратьев. Аргументация его была отнюдь не безукоризненна, и мы вправе были заподозрить его в народнической постановке самого существа вопроса. Однако было неправильно тогда ограничиться графическим противопоставлением народнической точки зрения марксистской, и только. Из всех марксистов один я высказался по ряду мотивов за полную перемену политики в этом вопросе. Здесь присутствующий т. Ларин был как раз самым резким из всех высказывавшихся против политики увеличения хлебных цен. Он уверял нас, что все обстоит благополучно: чем хлебные цены ниже, тем обстоит дело лучше для промышленности, рабочего класса и даже самого крестьянства.

(Реплика: *Двоайцкий Ш.М.* Ларин известный крестьяно[в]ед.)

Я тогда в Госплане высказался за то, что о голом увеличении хлебных цен за счет внутреннего рынка говорить неправильно, а нужно говорить об экспорте, который приведет к этому увеличению автоматически, расширяя в то же время базу всего нашего хозяйства на меновой основе. Тогда эта проблема как следует не была понята. И хотя товарищи и не выражали несогласия с моими построениями, но не было принято никакого решения, которое было бы пропорционально той аргументации, которую я развивал. Прошло известное время, и вопрос выяснился вполне. Если мы хотим ликвидировать диспропорциональность в нашем хозяйстве, мы должны вопрос о хлебных ценах поставить ребром. Совершенно неправильным и ложным является тот взгляд, что чем дешевле мы закупаем хлеб у мужика, тем лучше для промышленности. Этот взгляд опровергается всей той ситуацией, в которой мы находимся. Это – грубоупрощенная точка зрения, это – вульгарный марксизм, потому что он не учитывает ситуации всего хозяйства в целом.

Теперь дальше, как эти ножницы можно было бы вообще сжать? Тут два пути. Один из них – это путь сокращения себестоимости промышленных изделий на фабрике. По этому пути в области себестоимости выпускаемых изделий фабрик и заводов большого сжатия до изменения технических условий производства, концентрации и т.д. произвести нельзя. Здесь нажим уже произведен, и вряд ли здесь чего-нибудь можно достигнуть в таком размере, чтобы это действительно сильно повлияло на продажные цены. Что касается промежуточного распределительного аппарата и сокращения расходов на него, теперешние размеры которых я вам приводил, то здесь сжатие возможно в очень большой степени. И, наконец, есть еще другой пункт, где это сжатие возможно с другого конца – это увеличение цен на сельскохозяйственные продукты благодаря экспорту. Если крестьянство, которое имеет в настоящий момент излишки более 200 млн пудов (кроме того, что оно продает внутри страны), в состоянии будет этот излишек продать, а тем более если продаст по ценам выше теперешних, – это будет означать увеличение покупательной способности деревни на продукты промышленности, а вместе с тем сжатие ножниц снизу.

Теперь возникает вопрос: может быть, это нам невыгодно, с другой стороны, как государству? Наоборот, при высоких хлебных ценах государство, имея в руках часть продналога в натуральном виде, выигрывает благодаря росту цен на хлеб. Когда же цены падают, то понижается стоимость натуральной части налога, и мы теряем. Вот цифровая иллюстрация за прошлый период. В 1922 г. за первый квартал распределено по бюджету 50 млн ржаных единиц, а стоимость их была 108 млн руб., т.е. ржаная единица стоила почти 2 рубля золотом. Во втором квартале распределено 56, стоимость уже 97, цены понижаются; за третий квартал распределено 61 млн, стоимость их 63 млн, ржаная единица стоит почти рубль; за четвертый квартал распределено 121 млн, а стоят они 97 млн. За первый квартал 1923 г. распределено 121 млн, а стоимость их равна 85 млн. И дальше понижение идет по кварталам. Таким образом, вы видите, что государство, имея в руках продналог, при изменении рыночных цен на хлеб в сторону понижения – теряет. Правда, при повышении цен оно также теряет, когда дело идет об экспорте и о экспортных доходах, потому что покупная цена хлеба увеличивается. Однако государство не может гнаться за прибылью за счет невероятно низких хлебных цен, потому что оно не только больше потеряет тогда вследствие обесценения продналога, но и потому, что вести конечную политику за счет ухудшения во всем процессе обмена веществ в народном хозяйстве для него недопустимо и невыгодно с общеэкономической точки зрения. Я не говорю уже о том, что низкие цены развращают хлебозаготовительные аппараты, не толкая к быстрейшему снижению накладных расходов. Тов. Фрумкин мог бы сказать, как обстоит дело в этом отношении в тех пределах, какие доступны в публичном обсуждении. Во вся-

ком случае здесь возможно очень большое сжатие. Мы, покупая хлеб по 35 коп., продаем его по 1 руб. 7 коп. – 1 руб. 10 коп.. Здесь разница очень большая, прибыли же мы получаем мало, а иногда имеем убыток. Вы можете видеть, что территория для сжатия ножиц в этом пункте вполне достаточна.

Теперь посмотрим, что означает увеличение хлебных цен у нас с точки зрения перераспределения национального дохода и перераспределения его покупательной способности? Мы имеем по промышленности крупной и мелкой новых ценностей за год, выносимых на рынок, – 1 277 млн, товарная часть крестьянского дохода – 500–700 млн. Представьте себе, что здесь дело идет о 500 млн ржаных единиц. Пусть происходит увеличение цен на 50%, крестьянство теперь не только увеличивает свой доход на 250 млн руб., но и увеличивается его покупательная способность на городские продукты до 750 млн руб. Это означает, что здесь начинает устанавливаться совершенно другая пропорциональность, т.е. такая, при которой может быть достигнуто равновесие на крестьянском коромысле, если его раньше не было. Чем это грозит для города? Увеличение цены на хлеб означает увеличение той части, которую рабочий должен употреблять на покупку продуктов сельского хозяйства. С этим у нас есть экономические возможности бороться, поскольку у нас заработная плата выплачивается по индексам, а с другой стороны, мы имеем в натуре определенную часть налога. Поскольку же мы имеем ремесленников и кустарей, которые покупают хлеб, постольку будет иметь место передвижка дохода от этих слоев к производящей части крестьянства. Точно так же и остальное городское население часть своих доходов при увеличении хлебных цен отдаст деревне. А это будет не плохо, а только выгодно с точки зрения стимула к расширению посевной площади. Но увеличение теперешних, т.е. невероятно низких хлебных цен, выгодное с точки зрения более целесообразного распределения национального дохода, не увеличит возможности реализации продуктов промышленности, если дело все ограничится перекалыванием покупательной способности внутри страны из кармана одного класса в карман другого и если одновременно не будет расширяться быстро экспорт. Насколько больше купят крестьяне, настолько меньше купят жители города; может измениться лишь характер спроса на те или иные товары, но не возможность спроса в смысле ценностной суммы, потому что она является величиной в каждый данный момент довольно постоянной. Следовательно, для народного хозяйства важно не голое увеличение цен на хлеб, а увеличение на основе экспорта. Увеличение цен на хлеб может иметь и другое положительное следствие. Крестьянство тогда сократит нецелесообразное потребление той части излишков, которая пропадает теперь, прежде всего вследствие обесценения хлеба. Наиболее вредным видом этого потребления является теперь, например, самогонка. Таким образом, расширение отверстий, через которые наш хлеб будет отливаться за границу, усиление заготовок будет означать увеличение элементов равновесия, уменьшение диспропорциональности.

И если с этой точки зрения мы оглянемся назад на весь период, когда назревал теперешний кризис, то нам сделается ясным, какова была бы правильная политика в области кредита. Она должна была бы состоять в том, чтобы на заготовки хлеба бросить нужные средства, и *бросить своевременно*. Крестьянство расплатилось бы с государством по продналогу, не сбивая цен на свой хлеб, не платя налогов скупщикам, и, может быть, имело бы еще средства на покупку городских товаров. Тогда и государство не потеряло бы так много по единому налогу на низких эквивалентах. Поэтому основная ошибка, поскольку дело идет о кредитной политике, по-моему, была допущена в системе распределения кредитов. Это распределение кредитов не ослабило надвигающегося кризиса, а, наоборот, сделало его еще более тяжелым, поскольку все средства были загнаны в промышленность, и их нельзя было высвободить, когда нужно

было развивать хлебные заготовки, а, с другой стороны, сама промышленность под кредитным дождем расширила производство за пределы реального платежеспособного потребительского спроса.

Теперь о политике самих трестов. Тресты действовали, как цыплята, которые разбрелись от своей матки и не видели над собой руки, которая ими должна руководить. Они действовали по методам обыкновенной буржуазной конкуренции, они прощупывали рынок наугад с той лишь разницей, что в капиталистических странах существует организованный рынок, а у нас он еще как следует не сложился и не устоялся. В результате у нас не оказалось ни стихийного регулятора капиталистического хозяйства, ни организованного руководства государства. И это при монополии государства на всю крупную промышленность, при которой настоящей конкуренции быть не могло! Политика трестов, которые вслепую стали увеличивать цены до отказа, была сугубо вредна, опасна и в конце концов убыточна для государства и самих трестов. Она усилила кризис, назревавший на глубокой производственной основе, который при самой элементарной попытке планового регулирования, при самом поверхностном анализе конъюнктуры можно было бы предвидеть и отчасти смягчить. После того как кризис разразился, наши хозяйственные органы приступили к понижению цен, одни – добровольно, другие – под давлением Наркомфина и своих высших центров. Однако сжатие цен с этого конца может идти недалеко. Ситец, который у нас, в Москве, по отношению к продуктам сельского хозяйства стоит в три-четыре раза дороже, если даже он будет на 30% продаваться дешевле, вряд ли пойдет в деревню, когда в Полтавской губернии хлеб стоит 12 копеек. А большое снижение цен для нашей промышленности прямо разорительно. Наоборот, увеличение вдвое цен на хлеб означает быстрое снижение ножиц. Поэтому в данную минуту центр тяжести должен лежать, главным образом, в поднятии цен на сельскохозяйственные продукты на основе максимального развития хлебных закупок и экспорта. К сожалению, до сих пор в этом направлении еще сделано очень недостаточно. Все заготовки нашего хлеба для экспорта равняются около 80 млн пудов. Эти суммы представляют собой $\frac{1}{3}$ свободного излишка крестьянского хозяйства. Эти заготовки пока еще существенным образом не отразились на хлебных ценах, хотя в дальнейшем конъюнктура здесь, конечно, изменится.

В заключение сделаю выводы, которые вытекают из всего сказанного и напрашиваются сами собой. Прежде всего, все элементы нашего хозяйства мы должны учитывать в их динамике, по крайней мере, настолько, чтобы предвидеть основные конъюнктурные изменения, и прежде всего такие, которые несут у нас, как страны земледельческой, сезонный характер. Далее, нам нужна здесь твердая плановая политика в области регулирования хозяйств, прежде всего, конечно, государственного хозяйства. Затем нам нужен единый центр такого учета конъюнктуры и регулирования вместо теперешнего пятицентрия. В самом деле, производственные программы утверждаются у нас в Госплане. Ссуды промышленности назначает Наркомфин. Кредитует промышленность Госбанк. ВСНХ должен управлять и регулировать деятельность трестов. Госторговлей никто как следует не управляет. Цены, этот важнейший рычаг регулирования, который нельзя отделять от всех остальных элементов хозяйства и хозяйственного плана, призван регулировать Комвнторг. А далее, еще есть СТО. Если мы лучше организуемся для общего регулирования хозяйственной жизни, что уже вполне назрело, то хотя и не сможем освободиться совсем от хозяйственных кризисов при нэпе, тем не менее сможем их предвидеть, а следовательно, ослабить их вредные последствия для народного хозяйства.

В этом докладе я пытался проанализировать причины и следствия первого крупного кризиса при нэпе. Этот кризис, т.е. кризис на основе диспропорциональности между

промышленностью и земледелием, – самый основной тип из всех тех кризисов, которые нам суждено будет переживать. Но чтобы остаться верным теме моего доклада, я должен был бы проанализировать возможные случаи кризисов на основе и других диспропорций, например внутри самого государственного круга и т.д. К этому я еще вернусь другой раз. [...]*

Товарищи, я постараюсь быть кратким, потому что мне отвечать придется очень мало. Возражений, собственно, я не встретил. Начну с т. Ларина. Он меня упрекнул в том, что я забыл о связи нашего довоенного хозяйства с мировым рынком. Это единственное место из его выступления, единственное замечание, которое я признаю правильным. Но я не делал этого анализа сознательно, потому что мне пришлось бы очень далеко углубиться для определения процента товарности в отношении к промышленности. Мы до войны вывозили примерно на 1 500 млн руб., ввозили на меньшую сумму, потому что мы должны были иметь актив торгового баланса для уплаты процента по внешним займам. Но мы были страной, которая не только ввозила продукты иностранной промышленности, которые присоединялись к продуктам внутреннего индустриального производства и фигурировали наряду с нашими продуктами, что ослабляет возражение т. Ларина, – но мы были страной импорта иностранного капитала. Этот новый капитал притекал к нам в форме основного капитала, он выбрасывался в дальнейшем на рынок, как составная часть продуктов внутреннего производства. В результате всего этого сокращалась доля продукции, которая шла на основной капитал, и увеличивалась доля продуктов широкого потребления. Подобная экономика приводила к очень сложным взаимоотношениям и пропорциям в распределении производительных сил, трудно уловимых в таких грубых процентных отношениях, которые я здесь набросал. Поэтому я принимаю предложение т. Ларина – продолжить анализ дальше – и сделаю это в другом месте. Однако я сомневаюсь, чтобы в результате этот анализ, когда мы сбалансируем все необходимые величины, что-нибудь существенно изменил в моих выводах.

Дальше т. Ларин говорил, что я забыл про спрос самого государства. Я говорил о товарной продукции промышленности – в 1 277 и с транспортом 1 577 млн, о сумме в 500 млн для сельского хозяйства. Но я не думал утверждать, что для баланса надо к 500 прибавить 700 или 1 077 млн. Я упоминал в докладе, что я не касаюсь вопроса о размерах капитализации и спроса самой промышленности. Я анализировал только потребительскую часть того, что выбрасывается, потому что именно диспропорции в этой области являются причиной нашего настоящего кризиса. Далее т. Ларин говорит, что я забыл про расслоение крестьянства. Если я об этом не говорил, это не значит, что я это забыл. Однако могу сказать, что когда дело идет об увеличении цен на хлеб, то беднота, которая покупает хлеб, страдает, но вместе с тем выигрывают среди самого крестьянства от низких цен на хлеб и те группы, которые живут в губерниях с развитыми техническими культурами. На Северо-Западе крестьяне наживают большие деньги на льне, потому что цена льна довоенная, а хлеб они покупают за бесценок. Это раз. Крестьянство районов технических культур наживается за счет районов зерновых культур, и с этой точки зрения, если бы мы подвели баланс, то неизвестно еще, какой бы получился итог. Я несколько не забыл о расслоении крестьянства, но здесь мы говорим о величинах в целом, а если говорить о величинах в целом, то мои выводы являются бесспорными. Тов. Ларин хотя и опоздал на 15 мин., но он ничего не потерял, потому что я за эти 15 мин. ничего не говорил насчет глупости наших трестовиков. Я предыдущим анализом показал, что кризис развивался стихийно на основе диспропорциональности в хозяйстве. Определенные моменты могли его или углубить, или ослабить. Если бы у нас на основе общего плана

* Опущены выступления в прениях М.А. Ларина и М.И. Фрумкина. Далее публикуется заключительная часть доклада Е.А. Преображенского с ответами на поставленные вопросы.

хозяйства была правильная кредитная политика и правильная политика цен, то тогда кризис протекал бы менее болезненно. Сам же кризис надвинулся стихийно. Я думаю, что мой анализ и мои выводы экономически более обоснованны, чем выводы т. Ларина, который все зло видит только в одном: в бесплановом хозяйстве. Это слишком поверхностно... У нас-де не было планового хозяйства, и в результате получаются ножницы. Это неверный подход к вопросу. У нас ножницы получились на основе стихийно сложившихся отношений в хозяйстве, которые плановое хозяйство может лишь частично изменить. И кризис оно может ослабить и будет ослаблять кризисы чем дальше, тем больше, но не может их ликвидировать совсем. Тов. Ларин допустил фактическую ошибку, когда сказал, что два года расширяется сельскохозяйственная площадь. Она расширяется первый год, а предыдущий мы имели сокращение, правда, благодаря недосеву в голодных районах. Тов. Ларин приводил слова т. Ленина о том, что главной причиной, почему мы перешли на нэп, было отсутствие революции на Западе. Главная, основная причина или одна из причин – это две большие разницы, как говорят в Одессе. Никто из нас не будет отрицать, что, как бы революция на Западе ни развернулась, к форме хозяйства, бывшей при военном коммунизме, мы не вернемся. Этого не будет. Никто не будет утверждать, что революция на Западе могла бы оправдать теперь, в 1923 г., те методы разверстки, которые мы применяли в 1918 г. Раз мы вынуждены жить при наличии мелкого хозяйства десятки лет, то те методы, которые упраздняют всякую возможность развития мелкобуржуазного хозяйства, со свойственными ему стимулами, эти методы непригодны и должны быть заменены другими. С этой точки зрения никакая революция в мире к разверстке нас не вернет, никакие успехи германской революции к разверстке нас не вернут. Для нас вполне доступны гораздо более сложные методы овладения крестьянским хозяйством. Они осуществимы, я их касался в книжке «От нэпа к социализму». Эти методы, в числе которых огромную роль должен играть долгосрочный кредит деревне, могут нам дать экономически все то, чего мы хотим для осуществления социалистического регулирования в области всего хозяйства. Но это не регулирование периода военного коммунизма. Тов. Ларин говорит, что если мы объединимся с будущей советской Германией в один союз, то это обеспечит нам возможность очень быстро перегруппировать производительные силы на новом базисе, а это неизбежно заставило бы нас углубить и усилить плановое начало в нашем хозяйстве. С этим я согласен. Но я считаю неправильной сделанную перед этим постановку вопроса. Ведь если она верна, то надо признать и обратный вывод. В случае поражения германской революции надо усилить нэповский элемент в нашем хозяйстве. Выходит, что элементы свободной конкуренции и т.д. должны тогда усиливаться за счет планового государственного хозяйства. Я с этим не согласен. Я думаю, что мы идем к плановому хозяйству независимо от успехов германской революции. Объединение в экономический союз с нею может лишь ускорить этот процесс.

Теперь несколько ответных упреков т. Ларину, поскольку он обвинил меня в народничестве. Я должен повторить категорически, что я не за народничество, а против вульгарного марксизма и считаю, что нужно поднять голос за правильную постановку вопроса о ценах. Тов. Ларину надо напомнить о том, что он в тот период, когда ножницы раздвигались и когда нужно было заблаговременно ставить вопрос о повороте политики в области цен, о развитии экспорта и т.п., – в этот период он говорил о том, что все обстоит благополучно, и считает теперь это своей заслугой. Я же в этот период говорил, что, наоборот, все обстоит неблагополучно и нужно держать курс на повышение хлебных цен на основе экспорта. Он считал тогда мою постановку вопроса, правильность которой теперь полностью подтвердилась, народнической и несерьезной. Вместо того чтобы продумать вопрос, он и некоторые другие товарищи от него просто отмахнулись воспоминанием о наших старых трафаретах в борьбе с народниками в совершенно иной об-

становке. Никакого отношения к народничеству моя позиция не имеет; наоборот, к вульгарному марксизму позиция т. Ларина имеет определенное отношение.

Я должен еще указать на то, что он не сбалансировал свои нападки в начале и в заключение своей речи. Сначала он сказал, что я народник, а потом, в конце речи, он милостиво прибавил, что в середине моей речи были лишь уклоны к народничеству. Затем последний вопрос. Я с т. Фрумкиным не вполне согласен относительно того, что причину кризиса надо видеть также и в том, что продукция сельского хозяйства у нас в этом году несколько ниже, чем в прошлом году. Если бы т. Фрумкин лучше продумал эту мысль, он мог бы увидеть, к чему это привело бы. Если при продукции в 2 800 млн пудов мы имеем излишек, не рассасываемый на внутреннем рынке, в 200–250 млн, которые лежат зря и давят на рынок, то кривая хлебных цен не поднимется вверх, если мы вместо теперешнего излишка будем иметь 300 или 400 млн пудов, которые будут давить на рынок. Другое дело недобор или перебор при налаженном экспорте, который рассасывает все излишки. Тогда увеличение сбора есть тем самым увеличение покупательной способности деревни на всю сумму увеличения (*caeteris paribus*)*.

Мы вступаем в период, когда вопрос экспорта хлеба делается центральной проблемой для развития нашего хозяйства. Мы уперлись в проблему внешнего рынка. В частности, вопрос о том, чтобы Польша разрешила свободный транзит нашего хлеба на льготных условиях, чтобы мы не имели барьера здесь, имеет сугубо важное значение для нашей экономики. Это вопрос загнивания на месте или быстрого прогресса для нашего сельского хозяйства на данной стадии его развития, а также и для всего хозяйства вообще. Я не согласен с тем, что если бы у нас был хороший урожай, то кризис был бы меньше. Кризис был бы глубже, наплыв продуктов из деревни в город был бы сильнее, недовольство крестьян было бы сильнее и диспропорциональность во всем хозяйстве была бы еще более резкой, чем сейчас.

Преображенский Е.А.

Экономические кризисы при нэпе.

М., 1924. С. 3–33, 47–51.

* *Caeteris paribus* (*ceteris paribus*) – при прочих равных условиях (*лат.*).

[Г Л А В А 4]

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

О товарном голоде*

Что товарный голод является следствием превышения платежного спроса над предложением – это всем ясно. Что превышение означает недостаточное производство в сравнении со спросом, по крайней мере *для данного момента*, т.е., что товарный голод есть функция недостаточного накопления в промышленности, – это тоже очевидно. Но не для всех, по-видимому, очевидно, что товарный голод не есть сезонное явление. В самом деле: он длится вообще полтора года, а его последний обостренный приступ начался раньше уборки урожая, держится упорно четыре месяца после уборки, несмотря на ограниченные привозы крестьянского хлеба на рынок, не соответствующие размерам урожая. В сущности, этому взгляду о сезонности товарного голода вообще осталось жить недолго, потому что проверка приближается с неумолимой неизбежностью: раз теперешний приступ товарного голода будет длиться год, то, значит, объяснение никуда не годится. Но так как после опровержения на практике «теории сезона» отнюдь не окончится сезон на все теории, клонящиеся в последнем счете к признанию теперешних размеров промышленной продукции и темпа ее расширения нормальными, то мы считаем не лишним поделится уже теперь с читателями некоторыми цифрами из исследования, касающегося всей этой проблемы.

Согласно контрольным цифрам Госплана, валовая продукция сельского хозяйства равнялась в 1924/25 г. 9 150 млн руб., или 71% от довоенной цифры, по всей же промышленности – 5 000 млн, или 71,4% от довоенной. По-видимому, внешняя арифметическая пропорциональность налицо.

Посмотрим соотношение той массы продукции, которая идет в продаже на рынке, т.е. соотношение процента товарности сельского хозяйства и промышленности. Контрольные цифры Госплана дают нам на этот счет следующие данные. Товарная часть продукции земледелия составляла в 1924/25 г. 2 857 млн довоенных рублей против 4 498 млн в 1913 г., или была равна 63,7% довоенной. Товарная часть промышленной продукции берется для 1913 г. равной 7 011 млн, а в 1924/25 г. – 4 450 млн, т.е. 63,5% от цифры 1913 г. И здесь мы видим как будто полную арифметическую пропорциональность товарности.

Спрашивается теперь, *почему же в один из тех годов до войны, который соответствовал уровню продукции и товарности 1925 г.*, т.е. одному из годов на

* Статья Е.А. Преображенского, опубликованная в газете «Правда» 15 декабря 1925 г.

промежутке десятилетия с 1900 до 1910 г., мы не видели в царской России товарного голода?

Достаточно поставить так вопрос, чтобы искать объяснение прежде всего (но не только) в ином строении расходного бюджета деревни и рабочих, а также, быть может, в ином распределении между производительным и потребительским спросом страны. Я остановлюсь здесь только на первой, основной решающей проблеме.

Товарная часть продукции довоенной деревни с точки зрения условий реализации и условий распределения делилась на две основные части: 1) на товарную массу, подлежащую *обязательной продаже* и не дававшую никакого эквивалента крестьянству; 2) на товарную массу, за которую выручались деньги, употреблявшиеся (за вычетом денежного накопления) на приобретение промышленных товаров или товаров внутри крестьянского обмена.

Присмотримся к первой, т.е. к принудительно реализуемой части продукции крестьянского хозяйства. Она должна была покрыть три основные величины: 1) центральные и местные налоги; 2) арендные платы за внеадельные арендованные земли крестьянства; 3) ростовщические проценты кулакам, скупщикам, помещикам, а также содержание духовенства и другие более мелкие платежи. Последняя статья существует в какой-то цифре и теперь, хотя, надо думать, и в меньшей, чем до войны. Мы оставим ее здесь без рассмотрения и обратимся к двум первым. Если разделить все доходы по царскому бюджету, полученные в 1913 г. по прямым налогам, косвенным налогам, пошлинам и регалиям, на население в 175 млн, будем иметь на душу населения доходов государства 12 руб. 78 коп., или 11,2% от валового дохода страны. Бюджет 1924/25 г., взятый по тем же рубрикам, что и довоенный (следовательно, в частности, без доходов по транспорту и Наркомпочтелю), деленный на количество населения, дает 7 руб. 66 коп. на душу, или 7,7% от валового дохода страны. Крестьянство же, в частности, платило в 1912/13 г. на душу налогов прямых и косвенных по 50 губерниям Европейской России 10 руб. 54 коп., в 1924/25 г. – 3 руб. 56 коп. в довоенных рублях¹. Следовательно, в 1924/25 г. оно платило меньше довоенного в абсолютных цифрах на 815 млн довоенных, или на 1 400 млн червонных рублей (если исходить из цифры сельского населения в 1924/25 г. в 116,8 млн). Теперь платежи крестьянства по государственным налогам уменьшились в значительно большей пропорции, чем уменьшился доход от сельского хозяйства в сравнении с довоенным. Мы имеем, следовательно, здесь *высвобождение от принудительных продаж значительной части товарной продукции деревни*.

Что касается арендных плат, то согласно известному исследованию Карышева² во внеадельной аренде к концу 1880-х гг. находилось около 49,8 млн десятин всяких земель (т.е. земли помещичьей, удельной, казенной, церковной и монастырской, городской, как пахотной, так и выгонов и сенокосов). Средняя арендная плата 80-х годов [XIX в.] равнялась 6,3 руб. за десятину. В дальнейшем количество купчей крестьянской земли значительно возросло, но зато возросли и арендные платы на меньшую арендованную площадь, особенно в Центрально-Черноземной полосе и на Украине. Если принять во внимание трехпольную систему хозяйства, при которой за землю под паром не платили, а с другой стороны, принять во внимание арендную плату за все выгоны и сенокосы, то выплачиваемая ежегодно крестьянами до войны арендная плата будет равна *по самому минимальному подсчету* 200 млн довоенных рублей в год, или примерно 360 млн на наши червонные рубли. Если мы вспомним, что весь единый сельскохозяйственный налог намечен в бюджете 1925/26 г. всего в 235 млн, то читатель поймет, какую роль имеет для крестьянского бюджета ликвидация помещичьей аренды. Но здесь этот вопрос интересует нас с другой стороны, со стороны обмена веществ, со стороны обмена товарной продукции между городом и деревней. Ликвидация аренды в 200 млн довоенных, или 360 млн червонных, рублей означает ликвидацию второй большей части принудитель-

ных продаж товарной части крестьянской продукции со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Какие же последствия вытекают из приведенных нами данных о сокращении налогов и ликвидации аренды для обмена веществ между городом и деревней в 1924/25 г., а значит, и в 1925/26 г.

Первый вывод это тот, что крестьянство теперь ввиду уменьшения принудительных продаж обладает значительно большей, чем до войны, свободой в выборе сроков и условий в распоряжении своими излишками, большей свободой хозяйственного расчета вообще. Это относится не только к зажиточной части крестьянства, которая всегда располагала известной свободой хозяйственного расчета, но еще больше к основной массе деревни. Этот факт имеет огромное значение для объяснения того, почему крестьянство не торопится продавать хлеб.

Второй вывод заключается в том, что уменьшение количества принудительных продаж должно при том же доходе от земледелия, что и до войны, привести к увеличению деревенского потребления продуктов питания.

Наконец, третий, самый важный вывод заключается в том, что из данной цифры товарной продукции, т.е. из 2 857 млн для прошлого хозяйственного года и 3 639 млн для 1925/26 г. (или из какой другой цифры, если цифры о товарности Госплана неверны), на принудительные продажи без эквивалента идет гораздо меньшая сумма, чем до войны, а значит, на соответствующую сумму, при тех же условиях реализации, должен возрасти платежеспособный спрос крестьянства на промышленные товары и продукты внутри крестьянского обмена.

Огромная важность этого последнего вывода для нашей темы совершенно очевидна. *Сохранение равновесия между товарной массой промышленной и сельскохозяйственной продукции на уровне довоенных пропорций в прошлом и в настоящем году означает резкое нарушение равновесия между платежеспособным спросом деревни и товарной продукцией города.* А здесь и лежит ключ для объяснения того, почему мы имеем теперь столь упорный товарный голод. Наш теперешний товарный голод – это итог тех положительных изменений в строении крестьянского бюджета, которые принесла с собой наша Октябрьская революция. Пока существовала Гражданская война и разверстка, пока затем общий уровень крестьянской продукции был много ниже довоенного, эти последствия Октября не давали себя знать, и совершенно очевидно, почему. Но чем ближе подходим мы к довоенным пропорциям производства в промышленности и земледелии (90% для настоящего года), тем больше дают себя знать особенности *советских условий земледелия*, тем сильнее внешняя арифметическая пропорциональность по сравнению с довоенным положением должна превращаться и превращается на наших глазах в большую, длительную, отнюдь не сезонную диспропорциональность в распределении производительных сил между промышленностью и земледелием.

Но это еще не все. Диспропорциональность подстерегает нас и с другого конца, хотя она здесь еще не могла проявиться в должной мере. Я говорю о прогрессирующем изменении в самом характере заработной платы при советской системе, с одной стороны, и об изменении характера расходования прежней прибавочной стоимости – с другой. Так как в настоящий момент заработная плата меньше, чем до войны, регулируется законом стоимости рабочей силы и еще меньше будет регулироваться в дальнейшем к выгоде рабочего класса (это особенно относится к оплате неквалифицированных рабочих), то это обстоятельство плюс уменьшение налоговых вычетов из заработной платы должно означать относительно больший из года в год потребительский спрос рабочего класса, а следовательно, необходимость более быстрого темпа расширенного воспроизводства и с этого конца. Что же касается иного характера расходования прибавочной ценности, то здесь необходимо иметь в виду как *непроизводительное потребление довоенной бур-*

жуазии за счет ввоза из-за границы средств потребления, так и тот факт, что значительная часть, вероятно бóльшая часть, дивидендов, получавшихся иностранным капиталом (по подсчетам П.В. Оля, у нас было вложено капитала на сумму 2 243 млн. Если мы примем размер дивиденда в 8%, то прибыли на импортированный капитал должны были равняться около 180 млн ежегодно) от промышленных иностранных предприятий в России, утекала за границу.

Все это должно приводить к расширению нашего внутреннего рынка для продуктов промышленности. Значение этого роста рабоче-крестьянского спроса как стимула к совсем иному, чем до войны, темпу расширенного воспроизводства в промышленности вытекает с народнохозяйственной точки зрения пока не из иной ступени развития всей экономики, а из иной системы распределения народного дохода и изменения платежного баланса с границей. Меньше берет государство на непроизводительные цели, меньше идет непроизводительным классам в той части, которая растрчивалась за границу или путем потребительского импорта из-за границы, *ничего* не идет на уплату по иностранной задолженности и ничего в качестве прибыли на иностранный капитал, вложенный в нашу промышленность. Если сложить все перечисленные нами суммы, то они, минус возросшее потребление в натуральной форме, составят фонд увеличившегося в результате Октября дополнительного платежеспособного внутреннего спроса.

Читатель заметил уже вероятно, что я говорю о повышении платежеспособного спроса внутри страны отнюдь не на всю сумму сокращения паразитического потребления или доходного бюджета государства. Дело в том, что бюджет потребления страны, бюджет обмена товарных масс страны и расходный бюджет отдельных классов с точки зрения распределения народного дохода суть две вещи разные. Если, допустим, крестьянин не платит аренды помещикам, если вся страна платит гораздо меньше в бюджет паразитическим классам или на содержание государства, то это не значит, что с ликвидацией этих непроизводительных затрат внутренний платежеспособный спрос страны увеличился на всю сумму этих затрат. Ведь и дворяне, и буржуазия, и государственная бюрократия также потребляли, но только за счет рабочих и крестьян. Когда одна и та же сумма внутреннего платежеспособного спроса, удовлетворяемого внутренним же производством, делится сегодня между пятью классами, а завтра между тремя, то спрос этих трех поднимается, спрос же всей страны в целом может остаться неизменным. С точки зрения обмена веществ между городом и деревней, с точки зрения пропорциональности товарных масс промышленности и земледелия и пропорции распределения производительных сил важна не простая ликвидация паразитических доходов, а ликвидация той части этих доходов, которая затрачивалась за пределами страны *либо внутри страны, но за счет импорта предметов потребления из-за границы.*

Чтобы все особенности именно современного момента в развитии нашей экономики были особенно ясны в рассматриваемой области, я резюмирую и вместе с тем поясню все вышеизложенное на таком числовом примере с произвольными, но в общем близкими к действительности цифрами.

Возьмем довоенный год с валовой продукцией, близкой к теперешней, скажем, год с продукцией 18 млрд довоенных рублей. Допустим, из этих 18 млрд 6 млрд идет на восстановление постоянного капитала. 1 млрд идет в накопление, а 250 млн из накапливаемой суммы утекают за границу, на государственный аппарат (за вычетом личного потребления служащих) и на платежи за границу тратится 1,5 млрд, крестьяне потребляют на 7 млрд, рабочие и ремесленники на 1,5 млрд, потребление непроизводительных классов 1,5 млрд. Возьмем теперь тот же объем производства при советских условиях. В чем будет разница при обмене товарных масс? 1) Из 2 млрд потребления паразитических классов высвобождается та часть, которая тратилась на покупку предметов потребления, ввозившихся из-за границы, или тратилась буржуазией и дворянами за границей;

2) высвобождается сумма, связанная с уплатой государства по внешней задолженности и с рядом расходов старого государственного аппарата, неизвестных новой системе советского государства; 3) прибавочная ценность иностранных капиталов. Если мы допустим, что все высвобождаемые таким образом суммы равны 1,5 млрд, то в счет этих 1,5 млрд крестьянство увеличивает свое потребление в натуральной форме, причем на соответствующую сумму сокращается вывоз из страны продуктов сельского хозяйства. Рабочие, имеющие возможность больше тратить, увеличивают спрос на продукты деревни и на товары города. Крестьянство, при условии нормальной реализации своей продукции, увеличивает спрос на промышленные товары при тех же, что и до войны, пропорциях промышленного и сельского производства. А это и есть источник длительного товарного голода, который возникает даже при значительном сокращении экспорта продуктов деревни сравнительно с довоенной цифрой.

Следовательно, если бы даже все прочие хозяйственные условия у нас были как до войны, т.е. если бы мы, прежде всего, имели довоенный импорт капитала, вкладываемого ежегодно в промышленность и транспорт, то и тогда, при изменении характера распределения народного дохода и прекращении утечки ценностей за границу, мы имели бы товарный голод от недостаточного развития промышленности. Что же сказать о теперешнем положении, когда импорт иностранного капитала в страну почти отсутствует, если не считать крайне ничтожного притока концессионного капитала? Если, таким образом, к вышеизложенной причине товарного голода мы прибавим еще эту вторую причину, т.е. ликвидацию импорта капитала, то тогда диспропорциональность между промышленностью и земледелием выступит перед нами в еще более ярком свете.

Правда, сокращение паразитического спроса отчасти компенсировалось эти годы накоплением оборотных средств торгового аппарата, и это относительно уменьшало интенсивность дополнительного рабоче-крестьянского спроса. Но это усиленное накопление оборотного капитала торговли должно в дальнейшем войти в нормальные рамки.

Вот в самых кратких словах те соображения, на основании которых мы утверждаем, что существующий темп накопления в промышленности, т.е. темп расширенного воспроизводства, совершенно недостаточен в сравнении с тем добавочным внутренним рынком, который создала для нас в обстановке прекращения импорта капитала Октябрьская революция. Реализация этого внутреннего рынка делается тем более заметной, чем ближе приближается все хозяйство к уровню довоенной продукции при довоенных пропорциях между промышленностью и земледелием. *Этот добавочный спрос действует и будет действовать так же, как если бы, допустим, перед войной к царской России была присоединена новая обширная аграрная территория, предъявившая дополнительный спрос на продукты тогдашней промышленности.*

Выводы из сказанного ясны. Если не идти по линии наименьшего сопротивления, т.е. по линии резкого увеличения ввоза предметов широкого потребления из-за границы (что можно осуществить, кстати сказать, не колебля равновесий торгового баланса лишь во вред импорту средств производства), если не превращать линию наибольшего нэповского напора в линию наименьшего социалистического сопротивления, то надо признать 1) намеченное расширение промышленности недостаточным; 2) ассигновки по бюджету на промышленность недостаточными, и я бы сказал даже – прямо позорно малыми для социалистического государства; 3) финансовый план обновления основного капитала и особенно финансовый план новых построек заводов недостаточными и отстающими от темпа развития всего народного хозяйства.

На основании всего вышесказанного можно твердо предсказать, что недостаточность развития нашей промышленности, недостаточность накопления в ней новых капиталов, несоответствие ее развертывания с развитием сельского хозяйства будет признано всеми как очевиднейший факт. И я очень боюсь, что, когда этот факт будет всеми

признан, у нас найдутся люди, которые будут предлагать выход из положения как раз *по линии наименьшего сопротивления*; они будут предлагать не усиление накопления в нашей промышленности за счет всего хозяйства страны, не удовлетворение внутреннего спроса продукцией собственной промышленности, а резкое увеличение ввоза предметов потребления из-за границы в качестве постоянной системы отношений нашей экономики с мировым капитализмом. Каждый рабочий поймет, что это будет определенная система подрыва социалистической промышленности.

Преображенский Е.А Экономические заметки:
О товарном голоде // Правда. 1925. 15 декабря.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По предварительным исчислениям ЦСУ за 1925/26 г. крестьянство будет платить 4 руб. 64 коп. в довоенных рублях на душу, или только 44% от обложения 1912/13 г.

² *Карышев*. Крестьянские внеадельные аренды. Дерпт, 1893 г. А.И. Чупров принимает площадь внеадельных аренд в 40 млн десятин. См.: Мелкое земледелие в России и его основные нужды. М., 1906. С. 17.

[Г Л А В А 5]

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ*
[О последствиях товарного голода]

В своей статье о товарном голоде** мы говорили о тех причинах длительного характера, которые вызывают товарный голод. Теперь мы остановимся на последствиях товарного голода, на проблеме равновесия в нашем хозяйстве и на вопросе о том экономическом курсе, который диктуется настоящей хозяйственной обстановкой.

Нарушение равновесия в распределении производительных сил в хозяйстве, где существует товарно-денежный обмен, прежде всего отражается в области цен. И при том товарном голоде, который мы переживаем второй год, эта диспропорция в хозяйстве находит свое выражение также в области цен, хотя при нашей системе хозяйства движение цен имеет свои специфические черты. Прежде чем остановиться на этих особенностях в движении цен, связанных с особенностями структуры этого хозяйства, мы поставим перед собой следующий вопрос. Допустим у нас не существовало бы социализации промышленности и транспорта – каким образом было бы достигнуто равновесие в хозяйственной системе при наличии товарного голода на промышленных товары, т.е. при недостаточной индустриализации страны? На основе действия закона ценности равновесие было бы достигнуто следующим образом. Повышение цен на промышленные товары, носящее длительный характер, должно было бы привести, с одной стороны, к увеличению ввоза недостающих товаров, а с другой стороны, к перераспределению производительных сил между городом и деревней в сторону притока новых капиталов в отрасли с недостаточным производством товаров. Таким образом, на основе действия закона ценности чисто стихийным путем было бы достигнуто приспособление производства к расширившемуся платежеспособному спросу страны. Но в наших условиях, когда у нас промышленность национализирована, достижение равновесия вышеуказанным способом является невозможным. Нашей промышленностью руководим мы сами, и если мы не обеспечиваем в плановом порядке необходимых размеров накопления в ней, мы сами поддерживаем товарный голод. С одной стороны, путем национализации промышленно-

* Статья Е.А. Преображенского, опубликованная в журнале «Большевик» № 6 за 1926 г.

** «Правда» от 15 декабря 1925 года. Кстати, т. Гуляев в фельетоне, помещенном в «Правде» в качестве собственных мнений, преподнес читателям все основные выводы моей первой статьи, без упоминания источника, а что самое главное, он преподнес их в порядке полемики с основным положением моего фельетона. Прошу т. Гуляева справиться у кого-либо из людей с литературным стажем, как называется обыкновенно такой прием.

сти мы ограничиваем действие закона ценности в государственном хозяйстве, а с другой стороны, не замещаем действия этого закона необходимым темпом планового социалистического накопления, т.е. не обеспечиваем на основе сознательной плановой политики такого распределения рабочих сил и материальных ресурсов в стране, которое способно обеспечить хозяйственное равновесие. При таком положении мы не устраняем действия закона ценности, а создаем условия, при которых этот закон проявляется в наиболее уродливой и в наиболее убыточной для нас форме. В области частной торговли, т.е. прежде всего в области розничной и оптово-розничной торговли, цены на те товары, которых не хватает, резко поднимаются, но это повышение цен не приводит стихийным путем к перераспределению производительных сил страны в интересах ее индустриализации, а ведет лишь к быстрому накоплению в сфере частного капитала. Частный капитал повышает цены до пределов платежеспособного спроса и усердно зарабатывает на хозяйственной диспропорции.

Недостаточное накопление в промышленности, недостаточно быстрый темп расширенного воспроизводства в ней приводят, следовательно, с неизбежностью к падению покупательной способности наших денег в определенной сфере товарного оборота. Но падение валюты кроме этой причины связано еще с двумя другими причинами, без анализа которых очень трудно разобраться в переживаемых нами хозяйственных затруднениях. Причины эти следующие.

Произведя снижение единого сельскохозяйственного налога, мы нарушили расчетный баланс между городом и деревней в пользу последней. Уже одно это снижение должно было бы иметь заметные последствия в смысле относительного увеличения денежных средств, отлагающихся в крестьянском хозяйстве. К этому прибавилось еще то обстоятельство, что 1925 г. был, во-первых, урожайным годом; во-вторых, мы имели в этом году общее расширение посевных площадей; в-третьих, крестьянство продолжало расширять производство технических культур и промышленного сырья вообще; в-четвертых, наконец, в частном хозяйстве начался рост цен. В итоге деревня, при недостаточном предложении на рынке товаров промышленного производства, получила больше денег, чем могла их реализовать. Расчетный баланс между городом и деревней оказался в несоответствии. При нормальном состоянии валюты это должно было бы привести к увеличению бумажно-денежного накопления в деревне. Крестьянство накапливало бы деньги для будущих закупок, откладывало бы излишние деньги в государственные сберегательные кассы и т.д. Но при падающей валюте и даже при колеблющейся только валюте оно воздерживается от денежного накопления по мотивам, которые вполне понятны. Продать 100 пудов хлеба за 100 руб., положить 100 руб. в сберегательную кассу, иметь через год 104 руб. вместе с процентами в условиях повышения цен на хлеб – это значит через год, быть может, купить за 104 руб. только 90 или 80 пудов хлеба. При такой конъюнктуре крестьянству выгоднее пожертвовать некоторым процентом хлеба в пользу мышей и крыс, чем соблазниться 4% за свои денежные вклады в сберегательную кассу. К тому же в прошлом году цены на хлеб весной резко поднялись по сравнению с ценами осени 1924 г. Тот крестьянин, который продал осенью хлеб по лимитным ценам, явно проиграл по сравнению со своим соседом, который хлеб придержал и продал его за двойную цену весной. Весь год жена пилила несчастного за «бесхозяйственность», за «неумение торговать» и ставила ему в пример соседа, который придержал хлеб и выиграл вдвое. Воспоминание обо всем этом, несомненно, очень сильно отразилось на крестьянской психологии, и в этом году деревня очень осторожно торгует хлебом, выжидая повышения цен к весне. Все это свело бумажно-денежное накопление крестьянства к минимуму. Деревня прекрасно понимает, что, когда цены повышаются, излишки выгоднее держать в товарах, а не в деньгах, что излишки держать в деньгах выгоднее только тогда, когда цены падают и

когда за 100 руб., отложенных в январе 1925 г., можно купить больше товаров в январе 1926 г. Совершенно очевидно, что при создавшихся условиях, т.е. при прекращении бумажно-денежного накопления в деревне, рушатся, на ближайший по крайней мере год, и все планы, построенные на использовании этого накопления в интересах промышленности.

Вторая причина неустойчивости нашей валюты заключалась в ошибке, допущенной Наркомфином в области бумажно-денежной эмиссии. Если взять конец 1924 г. со стороны размеров денежного обращения и сравнить его с концом 1925 г., то мы увидим увеличение общей массы денежного обращения на 70%, в то время как за тот же промежуток времени продукция нашей государственной промышленности увеличилась едва на 40%, а весь товароборот — еще на меньшую сумму. Это тоже, очевидно, вело к инфляции. И если за тот же промежуток времени курс червонца, беря средний по оптовому и розничному индексам, пал только на 8%, то это лишь доказывает, насколько вообще прочно держится наша валюта, как она еще слабо реагирует на проделанный над нею эксперимент.

Из сказанного выше видно, что для падения нашей валюты причин было более чем достаточно. Теперь необходимо рассмотреть, в чем заключается то своеобразие в движении цен, о котором мы говорили выше. Допустим, в результате всех вышеприведенных причин мы имеем в обращении денег на 15% больше в сравнении с минимумом обращения. Как происходит в таком случае достижение валютного равновесия, если не предпринимается искусственных мер к уменьшению количества обращающихся в стране денег? Стихийным путем это достигается обыкновенно на основе повышения цен всех товаров, *на всех* ступенях товарного обращения. Если товароборот в стране остается тем же, то повышение всех цен на 15%, следовательно, и падение покупательной способности всех обращающихся денег на 15% как раз и приводят к достижению валютного равновесия. Вся денежная масса обесценивается в том самом размере, в каком она превышает необходимый минимум обращения. Но у нас весь этот процесс принимает своеобразные формы, весьма убыточные для государственного хозяйства. Отпускные цены трестов у нас остаются твердыми, следовательно, на территории государственного хозяйства не происходит достижения валютного равновесия стихийным путем. *Но тем самым весь этот процесс искусственно переносится в частное хозяйство*, движение цен в котором остается вне нашего регулирования, либо эти цены регулируются нами в весьма незначительной степени. Таким образом, на частное хозяйство возлагается достижение валютного равновесия путем повышения цен, иными словами, *только частному хозяйству мы представляем монополию на это повышение*. Результат совершенно очевиден. В частном хозяйстве растут цены на хлеб, на те виды промышленного сырья, где возможности нашего регулирования невелики, частное хозяйство за всю свою продукцию получает больше в бумажных деньгах. Наоборот, государственное хозяйство продает всю свою продукцию по твердым ценам, т.е. за фиксированную общую сумму. А это означает, что расчетный баланс между государственным и частным хозяйством резко изменяется в пользу частного хозяйства и к невыгоде для государственного хозяйства.

Совершенно очевидно также, что при создавшейся конъюнктуре не только теряет государственное хозяйство, как таковое, но и теряют рабочие и служащие государства, поскольку они покупают продукты питания на вольном рынке. Реальная заработная плата, следовательно, понижается, а в тех случаях, когда мы проводим намеченное по плану увеличение заработной платы, оно, в сущности, только в состоянии удержать старый реальный минимум заработной платы.

Какие же выводы вытекают из создавшегося положения для нашей экономической политики?

Мы должны отличать здесь те меры *чисто конъюнктурного характера*, которые мы должны принять для самого ближайшего времени, и те меры, которые связаны с общей линией нашей экономической политики, рассчитанные на длительный период времени.

Что касается мер текущего характера, то прежде всего мы должны позаботиться о возмещении государственному хозяйству всех его потерь на падающей валюте. Мы должны выправить расчетный баланс в интересах государственного хозяйства, вернуть ему его потери и гарантировать его от потерь в будущем. Реально можно представить себе два основных метода в достижении этой цели: во-первых, увеличение налогов на частное хозяйство, что, разумеется, осуществить наиболее трудно, и, во-вторых, увеличение отпускных цен трестов на те товары широкого потребления, по отношению к которым чувствуется максимальный товарный голод и на которых больше всего наживается частный капитал. Как бы ни была нежелательна эта последняя операция, она остается единственным выходом из положения, если мы хотим ограничить накопления частного капитала и приостановить утечку ценностей из государственного хозяйства в частное. Конечно, дело идет о таком повышении цен, которое не может отразиться в смысле дальнейшего увеличения цен в рознице. С другой стороны, только этим путем мы в состоянии будем получить необходимые ресурсы для возмещения рабочему классу того, что он потерял на повышении цен в частной торговле, и гарантировать ему на будущее время определенный реальный уровень заработной платы.

Что касается мер длительного характера, то здесь нам необходимо ясно и твердо поставить перед собой задачу достижения такого уровня накопления в государственной промышленности, который обеспечивает равновесие во всей хозяйственной системе. Для будущего хозяйственного года мы должны построить наш государственный бюджет таким образом, чтобы промышленность *раньше всего и прежде всего* была обеспечена необходимыми ресурсами на ту часть нового строительства, которая не может быть обеспечена средствами самой промышленности. Наш бюджет должен быть бюджетом *социалистического* государства, т.е. интересы социалистического накопления должны стоять на первом плане.

Во-вторых, нам нужно вести такую политику отпускных цен трестов, которая обеспечивает социалистическое накопление с этого конца. При твердой валюте это будет означать сначала стабилизацию оптовых цен, а затем такое осторожное их понижение, которое ни в коем случае не может повредить ни достижению нужной пропорции накопления, ни росту заработной платы.

В-третьих, нам необходимо пересмотреть систему налогового обложения в сторону его увеличения, и прежде всего увеличить обложение зажиточных элементов деревни. С этой точки зрения намечаемые Наркомфином размеры прямых налогов являются явно недостаточными.

В-четвертых, нам необходимо теперь же приступить к выработке такого импортного плана, который полностью и целиком обеспечивает ввоз для промышленности всего необходимого ей оборудования на данный год и всего необходимого сырья. *Только после того, как все потребности промышленности будут полностью удовлетворены*, можно будет говорить об удовлетворении других заявок по импортному плану.

Если мы не обеспечим всех этих необходимейших мер, о настоятельности которых вопиет товарный голод, мы не только не ликвидируем этого голода в следующем году, но в 1926 г. будем подготавливать элементы товарного голода для 1930 г. Необходимо помнить, что с новым строительством мы и так уже страшно запоздали. Через год мы не в состоянии уже будем увеличивать продукцию нашей металлургии, используя оборудование старых

заводов. Между тем новые заводы смогут давать продукцию не ранее как через три года, если мы немедленно приступим к их постройке. С социализацией промышленности и транспорта шутить нельзя. Если мы ограничиваем или ликвидируем действие закона ценности, этого стихийного регулятора капиталистических отношений производства, то мы должны заместить его плановым социалистическим накоплением *в тех пропорциях, которые диктуются нам всей экономикой страны*. Мысль о том, что мы можем ограничивать наши капитальные затраты и более усиленно разворачивать легкую промышленность, является реакционной утопией. Эта мысль питается, главным образом, аналогией с 1921 г., т.е. с тем периодом, когда наша промышленность еле-еле начинала подниматься после небывалого развала. Когда человек лежит на земле и должен подняться, то вопрос о том, обопрется ли он сначала на одну руку или на одну ногу, имеет смысл. Но когда человек поднялся и идет полным ходом, то рекомендовать ему разворачивать левую ногу быстрее правой можно только в том случае, если он хромой или паралитик. Между тем нашей теперешней промышленности, идущей полным ходом, как раз и рекомендуют разворачивать одну ногу, т.е. легкую промышленность, быстрее другой, т.е. быстрее тяжелой промышленности. Такой совет является или экономической безграмотностью, которую проще высмеять, чем опровергать, либо скрывает за собой затаенную мысль о чем-то другом. Эта затаенная мысль может заключаться только в следующем. Если наше сельское хозяйство предъявляет платежеспособный спрос, который превышает производительные способности нашей промышленности, то при данном уровне накопления достижение равновесия возможно лишь путем усиления импорта готовых предметов потребления, т.е. по линии наименьшего сопротивления. Этот путь есть путь не индустриализации страны, *а путь увязки нашего платежеспособного спроса на предметы потребления с заграничной промышленностью*. Если на длительный период мы отказываемся от достаточно быстрой индустриализации страны, если на длительный период мы будем мириться с систематической недоразвитостью нашей тяжелой промышленности, если на длительный период мы будем мириться с дефицитом в области социалистического накопления, если мы упорно будем закрывать глаза на экономическую и политическую опасность такого положения, то тогда рассуждение о более быстром разворачивании легкой промышленности и об умеренном темпе капитального строительства имеет свой смысл. Но тогда мы должны иметь достаточно мужества, чтобы предвидеть все последствия, вытекающие из такого пути развития нашего хозяйства. При росте наших урожаев, при росте наших экспортных возможностей мы тогда будем иметь неизбежно такой напор частного хозяйства на нашу таможенную систему, на нашу монополию внешней торговли (т.е. на барьеры, которыми мы парализуем действия закона ценности мирового хозяйства), что наши искусственные преграды будут шатаны в корне и наш импортный план будет строиться не согласно плану индустриализации страны, а подобно тришкину кафтану, в котором заплаты в виде экспорта продуктов потребления будут играть из года в год все более растущую роль. Мы согласны с тем, что такая линия экономической политики имеет свой смысл, но она не имеет никакого отношения к решениям XIV съезда партии о программе индустриализации и диктуется мелкобуржуазным напором на экономическую политику пролетарского государства. Эта линия идет навстречу тому, чего добиваются от нас капиталистические страны: она идет по линии ликвидации монополии внешней торговли, ликвидации социалистического протекционизма, включения СССР в систему мирового разделения труда на основе действия закона ценности, *сохранения теперешнего уровня индустриализации Европы путем относительного усиления аграризации нашей страны*. Партия должна отвергнуть решительно и категорически не только подобную экономическую политику, если ее кто предлагает вполне сознательно, но и такую политику шатания из стороны в сторону и оппортунизма в области индустриализации, которая *бессознательно* ведет к тому же самому объективно неизбежному результату.

Теперь я хотел бы перейти к возражениям против фельетона т. Стецкого «Хозяйственные затруднения», помещенного в «Правде» от 6 февраля с.г. В фельетоне т. Стецкого есть много верных положений, но нет ясного деления между конъюнктурными задачами сегодняшнего дня и центральной проблемой нашей экономической политики на длительный период времени. Точно так же и при объяснении причин переживаемых хозяйственных затруднений т. Стецкий не проводит точного расчленения между последствиями хозяйственной диспропорции и последствиями, вызванными валютными колебаниями. В то же время статья т. Стецкого является достаточно типичным образчиком политики балансирования между двумя стульями.

Основной причиной, обуславливающей возникновение хозяйственных затруднений в переживаемый нами период, т. Стецкий считает «сложность задачи установления и нащупывания правильных отношений между социалистическим ядром нашей экономики и мелкобуржуазным окружением, между крупной государственной промышленностью и крестьянским хозяйством».

В чем же состояла наша конкретная ошибка в деле «нащупывания правильных отношений между крупной государственной промышленностью и крестьянским хозяйством»? На этот вопрос т. Стецкий отвечает нижеследующим образом: «Мы не можем никоим образом при анализе теперешней обстановки обойти наш осенний, или, вернее, летний «просчет», ибо он сыграл немалую роль в возникновении стоящих перед нами теперь затруднений... Нельзя отрицать того, что в основе теперешних затруднений лежит диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством. Но нельзя забывать и той роли в усилении этой диспропорции, которую сыграла наша хлебозаготовительная политика... *Попытка обойти это обстоятельство есть попытка укрыться от признания и анализа наших ошибок в области общих, мало что дающих рассуждений о диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством*».

Что наш осенний просчет очень вредно отразился на нашем хозяйственном строительстве, в частности повлиял на падение валюты, поскольку размеры эмиссии были рассчитаны на неоправдавшийся товарооборот, – все это бесспорно. Один из выводов, который нужно отсюда сделать, заключается в том, что эмиссионная политика Наркомфина должна обсуждаться всеми планирующими органами в пять раз более внимательно, чем это было до сих пор. Но все это только одна сторона дела, и притом не самая главная. Товарный голод у нас был налицо *еще до осеннего просчета*, а значит, перенести центр внимания на этот последний конкретный просчет значит «укрыться от признания» какого-то другого просчета, который по времени *предшествовал* осеннему. А это приводит нас к необходимости вообще строго различать между конъюнктурными просчетами и просчетом более основным, с более длительными и глубокими последствиями. Таким просчетом является недооценка роста платежеспособного спроса крестьянства и города. Эта недооценка была сделана уже в 1923/24 г., она привела в области экономической политики к лозунгу: «Промышленность, не забегай вперед»; она повлекла за собой в области практической систематически недостаточное накопление в промышленности. Следовательно, основной просчет, с которым главным образом связаны наши хозяйственные затруднения, был сделан не осенью 1925 г., а на протяжении еще 1924 г. В 1925 г. мы лишь пожинаем плоды этого основного просчета, который остается в силе и теперь и за который, по-видимому, нет охотников нести ответственность. А это значит, что в спорах 1923–1924 гг. и в дальнейших спорах на те же темы, которые велись внутри планирующих органов, правыми полностью и целиком оказались «индустриалисты», а не те, кто думал осуществлять смычку с крестьянством посредством промышленного недопроизводства.

Правда, т. Стецкий не отрицает роли диспропорции между промышленностью и земледелием. В приведенной цитате он пишет: с одной стороны, «нельзя отрицать», с другой стороны, «нельзя забывать». Одним словом, два «нельзя»: нельзя не признаться

и нельзя не сознаться. Но нельзя ли тогда сознаться Вам, т. Стецкий, что Вы были не правы в основном споре с индустриалистами в 1923–1924 гг. Разве не ясно, что, если бы мы в 1924 г. подготовили элементы расширения производства товаров крестьянского спроса для 1925 г., хотя бы на 70 или 80 млн руб. больше теперешнего, мы могли бы в 1925 г. купить у крестьян на 70 млн пудов больше хлеба и на 100 млн пудов могли бы больше этого хлеба вывезти за границу? Разве не ясно, что мы, быть может, не были бы вынуждены сокращать импорт промышленного оборудования, сокращать производство и рассчитывать рабочих в отраслях, связанных с закупками иностранного сырья?

Одну из наших очередных задач в области экономической политики т. Стецкий формулирует следующим образом: *«Единственным правильным и приемлемым для нас курсом является курс на общее понижение цен внутри страны и укрепление червонца»*. Я совершенно согласен с такой линией экономической политики, поскольку дело идет о формулировке наших программных задач в области хозяйственной. Но, в общем, верная формулировка т. Стецкого совершенно не отвечает на конкретный вопрос сегодняшнего дня: если государственное хозяйство уже потеряло на падении валюты, я думаю, не менее 100 млн руб., если реальный уровень заработной платы понижался от роста цен в частном хозяйстве, то из каких источников т. Стецкий предполагает покрыть дефицит по расчетному балансу между государственным и частным хозяйством, дефицит, *который является уже фактом*? На этот вопрос в статье т. Стецкого мы не находим ответа. Между тем дело идет не о том, чтобы высказаться за твердую валюту и снижение цен, а *практически показать, как при недостаточном социалистическом накоплении мы можем иметь твердую валюту и нормальный уровень розничных надбавок к отпускным ценам трестов*.

Тов. Стецкий с некоторым запозданием открывает Америку насчет того, что мы можем использовать крестьянское накопление не путем эмиссии, а путем развития вкладной операции со стороны крестьянства, путем использования крестьянских сбережений для кредитования промышленности. Автор этих строк писал на эту тему еще в 1922 г. Линия использования крестьянского накопления совершенно бесспорна. Но пусть и здесь т. Стецкий говорит нам не о прекрасных возможностях в будущем, а о том, как при колебании валюты и при отсутствии крестьянского накопления в бумажной форме обеспечить необходимое накопление в промышленности для расширения производства и для необходимых капитальных затрат. Ведь для каждого же ясно, что план снабжения промышленности необходимыми ресурсами на основе использования крестьянского накопления и новых эмиссий, *по крайней мере для этого года, провалился*, поскольку имелось в виду прибегнуть к этим методам финансирования промышленности за счет уменьшения бюджетных ассигнований и накопления внутри самой промышленности. Но провалившийся план, в основе которого лежал очень большой оптимизм по отношению к частному хозяйству и большой пессимизм по отношению к государственному, был все же хоть и гнилым, но – планом. Этот план чем-то нужно заменить, заменить предложением вполне конкретных мер, а не мечтаниями о том, как хорошо мы когда-то в будущем используем крестьянское накопление для кредитования промышленности.

Я должен далее остановиться на том месте статьи т. Стецкого, где он говорит о развитии тяжелой промышленности. У нас сейчас довольно распространено то мнение, что большие ассигнования на капитальные затраты для государственной промышленности являются важной причиной, усиливающей товарный голод страны. Вместо голых рассуждений на эту тему я попытался подсчитать, сколько снимает с рынка наша промышленность ходовых товаров для своих капитальных затрат. Оказалось, что при выполнении плана капитальных затрат на 800 млн руб. мы сняли бы с рынка ходовых товаров в 1925/26 г. всего около 5% общего товарооборота. Вот к чему сводится вся сила аргумента насчет непосильности для нас капитального строительства. По этому вопросу т. Стец-

кий пишет: «Развитие тяжелой промышленности представляет собой предпосылки развития легкой. Однако мы не можем ухлопывать все средства на развитие тяжелой индустрии». Никто не предлагает такой экономической безграмотности, какой явилось бы «ухлопывание всех средств на развитие тяжелой промышленности». *Нам необходимо пропорциональное развертывание и тяжелой, и легкой промышленности.* Но в то же время нам до крайности необходимо капитальное строительство для борьбы с будущим товарным голодом и для удешевления цен на основе технического переоборудования нашей промышленности. Дело заключается в том, чтобы согласовать эти две задачи, а не скатываться на позицию оппортунизма и топтания на одном месте в деле индустриализации страны. Для ясности дела было бы гораздо лучше, если бы т. Стецкий ответил прямо на вопрос: за какую цифру капитального строительства он высказывается? За ту ли, которая предусматривает ликвидацию в будущем товарного голода, или за ту, которая его увековечивает и усиливает?

Подведем итог. В статье т. Стецкого наряду со многими верными мыслями, главным образом академического характера, не видно, однако, понимания, или вернее признания, основного просчета в нашей экономической политике, повлекшего за собой недостаточные размеры социалистического накопления, а тем самым неизбежно – и обострение товарного голода. В связи с этим и линия экономической политики, рекомендуемая т. Стецким, наряду с верными предложениями в частности означает *продолжение политики недостаточного накопления* (что делается для нас чем дальше, тем более опасным), а значит, начало политики осторожного отступления от решения XIV партсъезда об индустриализации страны.

Не желая быть пророком, я, однако, в заключение соблазняюсь кое-что предсказать. Пишущий эти строки, по примеру прошлого, будет, вероятно, обвинен: в недооценке одного, в переоценке другого, в перенедооценке третьего, т.е., короче говоря, в уклоне. Это пока неизбежно. Однако в свое оправдание я имею заметить следующее. Для таких экономических политиков, как т. Стецкий, до зарезу нужен мой «уклон». Они ищут всегда убежища для своей линии между стульями. Но чтобы сидеть между стульями, нужно минимум два стула, значит, минимум два уклона. Один уклон, аграрный, более или менее уже обеспечен и формально, и по существу. Теперь необходимо иметь в натуре или выдумать второй. Тогда все будет в порядке: прозодежда из двух уклонов, оттеняющих истинность золотой середины, будет налицо. Можно будет приступить к формулировке и обоснованию арифметической средней и к распределению соответствующего количества пинков направо и налево.

Беда только, что товарный голод в стране будет продолжаться...

Преображенский Е.А. Экономические заметки:

[О последствиях товарного голода] //

Большевик. 1926. № 6. 31 марта. С. 60–69.

[Г Л А В А 6]

ВЫСТУПЛЕНИЕ Е.А. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО В ПРЕНИЯХ ПО ДОКЛАДУ В.П. МИЛЮТИНА «ПЕРСПЕКТИВЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СССР (Контрольные цифры Госплана)»*

Тов. Преображенский. Сначала по личному вопросу. Тов. Дволайцкий цитировал книжку, о которой он сказал, что автор ее является утопистом, и не пожелал назвать автора. Некоторые из присутствующих считают, что автор я. Подтверждаю, что автором этой книжки я не являюсь.

Товарищи, я начну с того, что говорил здесь т. Дволайцкий. Он поставил вопрос следующим образом: конечно, было бы желательнее обложение зажиточных слоев деревни, и, быть может, кое-что можно в этом направлении сделать, но, во-первых, очень и очень мало, а главное – это опасно, потому что эта мера немедленно отзовется на отношении к советской власти середняка. Провести более или менее основательно эту операцию нам можно будет только тогда, когда мы прочно завоюем середняка на сторону советской власти. Отвечу на это т. Дволайцкому следующее. Когда советская власть окончательно завоюет на свою сторону середняка, то тогда мы вообще не будем вести споры подобно сегодняшним. И поэтому т. Дволайцкий фактически высказался против добавочного обложения зажиточных элементов деревни.

Мы не должны забывать, что в настоящее время наше государственное хозяйство испытывает сильные затруднения от недостатка необходимых ему средств на капитальные затраты. Когда т. Дволайцкий вместо ответа спрашивает: «А как же середняк, каковы будут его настроения?», – он забывает, что ведь, товарищи, и мы ведем борьбу за настроение середняка, за завоевание его симпатии. Что чему предпочесть? Предпочесть ли, чтобы недовольный товарным голодом середняк соединился с верхушкой деревни и искал другую систему и другую хозяйственную политику, которые его бы удовлетворили, или пойти на добавочное обложение верхов деревни. Мы должны решить вопрос, какой путь лучше. Тот ли путь, когда мы боремся с товарным голодом, в частности и путем обложения имущих слоев деревни, и рассасываем недовольство середняка или, наоборот, отказываемся от этого добавочного накопления и из года в год увеличиваем товарный голод в той, конечно, пропорции, в какой он будет зависеть от непроведения этой меры. Таким образом, перед нами встанет опасность недовольства середняка и его соединения с зажиточной верхушкой деревни и при теперешнем положении. Что чему

* Опубликовано в разделе «Стенограммы докладов, читаемых в Коммунистической академии» журнала «Вестник Коммунистической академии» № 17 за 1926 г.

предпочсть? Мы также исходим из того положения, совершенно бесспорного, подтвержденного много раз партийными съездами и всякими исследованиями, что советская власть базируется на блоке рабочего класса с большинством деревни. Если этот блок будет нарушен при натиске мирового капитала на нас, мы не удержимся. Возвращаться к этому вопросу в его общей форме – это значит трепать вещи совершенно бесспорные. Мы ставим вопрос ближе к делу, а именно: какую конкретную форму должен принять теперь блок рабочих и крестьян? При каком конкретном отношении к различным слоям деревни может идти развертывание промышленности? Какие необходимы нам капитальные затраты, сколько и кому дать на сельскохозяйственный кредит? Вот как стоит вопрос. На этот конкретный вопрос т. Дволайцкий ответа не дал и указал только на опасное положение, когда середняк вступится за интересы зажиточных крестьян деревни. (То в. Дволайцкий и: Нет, он сам тоже не будет доволен, будьте спокойны.) Тов. Дволайцкий, надо прямо ответить: вы за добавочное обложение верхов деревни или против? Я отвечаю прямо, что я – за. И докажу, что это можно и нужно. (С места: За какую сумму вы стоите?) Здесь не Наркомфин, не налоговое управление Наркомфина, мы устанавливаем общую линию хозяйственной политики, надо решить, взять определенную линию или нет. Вопрос о цифрах мы будем разрешать в другом учреждении. Поэтому я устанавливаю, что т. Дволайцкий определенного ясного ответа на вопрос не дал. Его ответ мы рассматриваем, как уклонение или уклон, если вам угодно (Смех.), от ответа на ясно поставленный вопрос. Далее т. Дволайцкий говорил о том, чтобы во всяком случае не давать на поток и разграбление частному капиталу деревню, что кооперация торгует дешевле и надо ее поддерживать. Кооперация торгует дешевле, вопрос не об этом, вопрос идет о том, можем ли мы себе позволить дальше роскошь – такое огромное количество средств, в форме товарного кредитования кооперации, снимать с производства при наличии острого товарного голода. На этот вопрос мы должны ответить. Мы не можем дальше продолжать этой политики снятия капиталов с производства. При наличии недостаточной массы товаров в стране нам невыгодно вытеснять весь целиком частный капитал из обращения. Такой период, товарищи, будет, но позже.

Сектор частного капитала в торговле благодаря относительно меньшим издержкам оборота торгует при наличии затоваривания или достаточного насыщения товарами дешевле, чем кооперация. Ленин говорил, что мы должны допускать капиталистические формы, чтобы они могли подстегивать наши социалистические предприятия. Идеальное положение для нас здесь такое: при достаточном количестве товаров мы имеем сектор частного капитала, который играет подсобную роль и не составляет опасности. Но в настоящий момент как обстоит дело? В настоящее время задача заключается в том, чтобы государству из года в год снимать известную сумму, которую оно вложило в кооперативную торговлю, и замещать ее частными вкладами крестьянства. Вкладами крестьянства, на которых эта кооперация работает. Теперь же мы имеем здесь совершенно ненормальное положение. Если вы возьмете цифры Госплана и другие официальные данные по вопросу о том, на чьи средства работает кооперация, обслуживающая деревню, как сельскохозяйственная, так и потребительская кооперация, вы увидите, что она работает до сих пор в основном на наши государственные средства. Средства, которые дает само население, ничтожны. В то же время в деревне мы имеем из года в год рост откладываемых хлебных запасов и денег, имеем откладывание хлебных запасов, необходимых нам для экспорта. Можно ли возразить против того, чтобы зажиточные элементы деревни, которые пользуются нашей кооперацией, которые покупают в кооперативной лавке за счет оборотных средств государства, вложенных в кооперативную торговлю, ничем не жертвовали со своей стороны? Нет, наша программа – мобилизовать эти средства, и в этом отношении мы должны действовать гораздо энергичнее, чем теперь. Замещение государственных средств средствами крестьянства, пользующегося

нашей государственной кооперацией, – это ясная программа. Кто протестует против нее, тот не понимает наших основных интересов во взаимоотношениях с крестьянством и частным хозяйством вообще. (То в . Д в о л а й ц к и й: Куда что можно вложить? Какой процент со всего дохода?) Тов. Дволайцкий, если вам угодно посвятить следующее заседание более конкретным цифрам, давайте придем: вы со своими, я со своими выкладками. Тов. Дволайцкий говорил здесь относительно того, что с деревни в настоящее время мы берем много в форме неэквивалентного обмена, что больше брать нельзя. Никто не предлагает брать больше в этой форме. Наша программа – на уменьшение этой неэквивалентности, на уменьшение цен, на сближение их с мировыми. Вопрос заключается в том, как в настоящий момент наличные средства, имеющиеся в стране, зарегистрированные всеми нашими статистическими данными, как распределить их таким образом, чтобы изживать товарный голод наиболее быстро. Я должен только сказать, что дефект вычисления т. Дволайцкого в том, что он не сказал, в какой степени этот неэквивалентный обмен уменьшается благодаря сокращению налоговых платежей в сравнении с довоенными. (То в . Д в о л а й ц к и й: Налоговые платежи меньше на 600 млн червонных рублей, я забыл это сказать.) Вы сказали, что переплачивают 800 млн, но 600 мы сбросили благодаря низвержению царизма и ликвидации аренды. Значит, деревня переплачивает 200 млн. Это уже не так страшно. А вообще нельзя преподносить вычисления, при которых забывают сумму в 600 млн руб. (*Аплодисменты.*) Дальше, товарищи, я перехожу к коренному вопросу. Ведь все дело в том, чтобы сделать правильную постановку в основе проблемы. Я, к сожалению, не могу заняться разбором отдельных положений т. Милютин, потому что в своем докладе т. Милютин постучался в двери очень многих и важных проблем. Но эти проблемы он рассмотрел очень бегло и совершенно недостаточно. А политические выводы, сделанные им под конец, на которые я должен сегодня ответить, эти выводы не были обоснованы его предыдущим изложением. Есть такие сооружения: если их начинаешь опрокидывать, они падают, и если начинаешь поддерживать, тоже падают. И доклад т. Милютин, если его будут поддерживать товарищи, должен будет упасть, потому что в экономической части этого доклада он ни в коей мере не подтвердил своих политических выводов.

Вопрос об индустриализации. Что такое индустриализация? Индустриализация, во-первых, означает увеличение в общей массе продукции страны доли промышленности. В данном случае будем говорить о государственной промышленности, а не об индустрии вообще. Второе. Более быстрое увеличение занятого рабочего населения в государственной промышленности по сравнению с увеличением всего занятого населения в стране. В-третьих. Увеличение накопления в государственной промышленности более быстрое, чем в частном секторе хозяйства. И, в-четвертых, наконец, такое строение капитала государственной промышленности, которое обеспечивает из года в год все более и более растущее значение производства средств производства и воспроизводства основного капитала. Вот, товарищи, четыре основных пункта, на которых приходится остановиться. Как обстоит дело у нас с индустриализацией в свете этих четырех пунктов? Здесь нужно заняться не изложением своей веры, что я верю в социализм, я верю в победу и т.д., – в это верим мы все, и рабочий класс верит не меньше нас. Если середняку мы будем говорить: «Да, мы верим в социализм», – он скажет: «Убирайтесь к черту с вашим социализмом и с вашей верой и дайте побольше товару». Если мы обратимся к рабочему, он скажет: «Я верю не меньше вас, но лучше управляйте хозяйством». Дело, [во-первых], идет о том, чтобы конкретно по всем основным вопросам ответить, как обстоит у нас дело не с точки зрения фидеизма, т.е. веры, а с точки зрения знания и фактов. Во-вторых, нужно вполне определенно наметить перспективу, уяснить себе точно, с какой стороны угрожает опасность, за какое звено, как говорил Ленин, нам нужно прежде всего уцепиться. Итак, как обстоит у нас дело с индустриализацией? Первый пункт. Доля

госпромьшленности в продукции всей страны увеличивается. Это факт бесспорный. Но совершенно верно и то, что истекший год, который был годом использования старого основного капитала, что этот год не показателен для процесса индустриализации. Когда мы достигнем довоенного уровня производства, когда весь старый основной капитал уже будет втянут в дело, когда расширение производства будет базироваться на создании нового основного капитала, только тогда можно будет сказать, идет ли и каким темпом идет индустриализация.

Здесь есть товарищи, которые проходили «Капитал» Маркса, которые прекрасно знают, что значит воспроизводство, когда втягивается в дело старый основной капитал и приходится накапливать только оборотный капитал и когда, наоборот, добавочное *S* надо создавать заново. В предыдущий период мы имели вовлечение старых средств производства. Мы накапливали, да и то с громадными перебоями и трудностями, оборотный капитал. Тов. Смилга правильно указал, что период, пройденный нами, относится к малым делам революции. Это верно. Великим делом можно назвать то, что наш рабочий класс с величайшим самопожертвованием и героизмом в условиях гораздо худших в смысле заработной платы, чем до войны, завершил этот процесс, в результате него в настоящий момент мы уже находимся на пороге довоенного уровня. *Этот героизм* можно отнести к великим делам революции. Но в то же время, с точки зрения хозяйственной, этот период был только вовлечением старого капитала, т.е. был периодом малых хозяйственных дел революции.

Сейчас перед нами стоит основная проблема более быстрого роста доли государственной продукции в общей продукции страны. Нашим плюсом является то, что в предстоящий первый реконструктивный год продукция наша возрастет быстрее по сравнению с продукцией частного хозяйства. Теперь о вовлечении рабочей силы. Тов. Пятаков уже сказал, что в истекшем году было втянуто в крупную промышленность более 400 тыс. человек, а пятилетка ВСНХ, которую т. Дволайцкий считает утопией, предполагает вовлечь за все ближайшие пять лет всего 500 тыс. человек, тогда как за один только истекший год мы втянули приблизительно это же количество. Почему же это так? Да потому, что прошлый период был периодом восстановительным и, следовательно, не характерным для нового этапа. По отношению к росту всего населения такое медленное возрастание уже будет грозным. Затем встает вопрос о соотношениях между первым и вторым подразделениями, употребляя термин Маркса, т.е. между производством средств производства и производством средств потребления. Статистика Госплана указывает, что в промышленности Америки цифры производства средств производства относятся к цифрам производства средств потребления, как 61 к 39. У нас прогресс имеется в этом направлении, но медленный, и на 1924/25 г. соотношение равно 53 к 47 вместо довоенных 56,8 к 43,2. Перехожу к последнему вопросу о капитальных затратах. Здесь дело обстоит хуже всего. Я приведу вам цифры Госплана, которыми никто из предыдущих ораторов не пользовался. Для нас очень важен факт соотношения темпа развития частного капиталонакопления и государственного. Тов. Троцкий не раз подчеркивал, что этот факт имеет решающее значение. Мы должны не закрывать глаза на достижения нашего противника внутри и вне страны. Когда мы сравниваем темп нашего развития с развитием капитализма в мировом масштабе и частного хозяйства внутри, то здесь получается следующее: у нас имеется увеличение капиталовложения за прошлый год. Если же мы обратимся к таблице Госплана, которая сравнивает, в каком проценте увеличится капитальное вложение страны *по сравнению с наличием основных фондов* по частному сектору и государственному, то вы увидите такую картину. По государственному – прирост фондов в 1925/26 г. 1 025 млн, а в 1926/27 г. предполагается 1 235,4 млн, в частном – 626,8 млн и 764,4 млн. Это значит, что по сравнению с истекшим годом будущий год даст увеличение основных фондов по госсектору на 20%, по частному – на 21,9%. В абсолютных

цифрах наши фонды в 1925/26 г. – 25 816 млн, частные – 26 033 млн. Но за последние три года возрастание в частном секторе было настолько велико, что прирост, который мы будем иметь на 1926/27 г., только частью восполнит отставание трех истекших лет (Контрольные цифры. С. 311–313 и 120). Именно поэтому на этот участок наиболее серьезное внимание в своей речи обратил т. Пятаков. На этом участке наиболее тревожно. Подводя итоги, мы видим, как обстоит дело с индустриализацией. Мы только начали ее, и самый важный пункт – пункт капитальных затрат – является наиболее слабым. Если в этом пункте мы будем отставать, значит, товарный голод будем переносить с одного года на другой и накапливать его из года в год, т.е. фактически закрывать глаза на все опасности и трудности, которые перед нами стоят, вместо того чтобы с полным сознанием этих опасностей говорить о тех мерах, которые нужно проводить. Мы протестуем не против веры в успехи социализма, а против легкомысленного отношения к проблеме капитальных затрат. Нужно протестовать против дешевого детского или бюрократического оптимизма и требовать самого серьезного доказательства, что в этом направлении дело обстоит благополучно.

Теперь, товарищи, я перехожу к следующему пункту. У нас чрезвычайно неблагоприятно в области соотношения нашего хозяйства с мировым. Если вы возьмете в книжке Госплана тот отдел, который озаглавлен «СССР и мировое хозяйство», то там вы найдете таблицу цен мировых по сравнению со средними ценами у нас (С. 158). Возьмите таблицу, которая говорит о соотношении промышленных цен. В результате у нас дороговизна более чем на 30% (точно 29%), если брать общий индекс. Но когда мы говорим о смычке, нам приходится ставить вопрос о наших *промышленных ценах*. Коэффициент довоенный был таков. За границей нужно было заплатить 64 руб., примерно, чтобы купить то количество продукции, за которое у нас надо было платить 100 руб. Соотношение 64 к 100. А теперь соотношение 42 к 100. В этом, товарищи, заключается наибольшая опасность всей ситуации. Опасность ситуации увеличивается с каждым годом, по мере роста нашей связи с мировым хозяйством. Здесь есть опасности и для всех наших планов. Мы включаемся в мировое хозяйство. Мы, товарищи, испытываем с каждым годом все больше и больше давление мировых цен. С другой стороны, в настоящее время мы имеем выделение в деревне кулацкого слоя и слоя капиталистического фермера, того зажиточного крестьянства, которое очень сильно влияет на массы деревни в смысле оценки наших отношений с мировым хозяйством. Эти слои – это унтер-офицерство капитализма. Они и понимают лучше сейчас международные экономические отношения. Как раз этот зажиточный крестьянин, который лучше обрабатывает свой надел, принимая не постоянно, а сезонно рабочую силу и т.д., уже успел сделать себя очень большим объектом внимания со стороны нашего Наркомзема. Эти элементы, товарищи, хорошо разбираются в ситуации, лучше, чем середняк. От них именно идут требования крестьянского союза, во-первых, и ликвидации монополии внешней торговли, во-вторых. Не надо забывать, что в настоящий момент мы отгородились от мирового хозяйства, отгородили искусственно нашу территорию. Мы наш внутренний рынок прикрепили к нашей промышленности, которая очень дорого торгует. Вот в чем заключается опасность положения. Мы из этого положения должны постепенно выходить. Как из него выходить? С победой, а не путем капитуляции. В этом заключается в настоящий момент вся проблема. Если мы будем медлить с индустриализацией, с уменьшением товарного голода, с уменьшением разницы в ценах с мировыми, мы будем накапливать из года в год крестьянское недовольство, которому идеологическое выражение будут давать более культурные, более сознательные слои в деревне. Мы приближаемся к моменту, когда на эту стену, которой мы отгородились от мирового хозяйства, будет напор не только со стороны мирового капитала, что чувствуется каждый день, но и, с другой стороны, увеличится напор верхушки деревни, которая потащит за собой середняка. Эта

стена может прорваться: в этом опасность для нашего существования. Когда мы сравниваем в области цен сорок два с сотней, когда мы примем во внимание, что правящий слой пролетариата – это 5–6 млн по сравнению с 22 млн крестьянских хозяйств, когда мы сейчас вспомним, что каждый пункт торговых договоров, о которых приходится говорить за границей, приходится отстаивать с гораздо большим трудом, чем это имело место раньше; если мы вспомним, что мы проделали восстановительный процесс сравнительно легко в обстановке политически для нас более благоприятной, чем теперь, т.е. когда мировой капитал был полон незаживших ран от мировой войны и нас временно оставили в покое, когда было положение, о котором говорил Ленин, что драка между капиталистическими странами дает нам возможность временно существовать, пока мы внутренне не окрепнем, когда мы это все вспомним, то пора будет подумать об особенностях новой полосы. Этот период, о котором я говорил, подходит к концу. Мы вступаем в период, когда перед нами новые трудности и когда проблема индустриализации делается проблемой нашей борьбы за существование. Вот в такой-то мировой обстановке нам приходится разрешать проблему, в том числе и ликвидировать наш товарный голод. При этом положении думать о том, что мы можем как-то разрешить все эти внутренние вопросы, не глядя на границу и на нашего основного врага, это значит не понимать самого важного в нашем положении, не понимать новой фазы нашего отношения к крестьянству. Существование СССР с каждым годом делается все более невыносимым для иностранных капиталистов. Тот, кто бывал за границей, тот знает изменение в отношении капиталистов к нам. Вот в какой обстановке нам приходится разрешать проблему индустриализации. Отсюда и вопрос о темпе. Здесь не приходится говорить, что черепашиным шагом мы построим социализм. Это глуповский подход к делу, это глуповская теория нашего развития. (*Аплудисменты.*) Серьезность положения обязывает нас к чрезвычайно большой решительности в области экономической политики. Спокойного чаепития мы не можем себе позволить в теперешней стадии революции. Нам этого не дают наши враги. Надо помнить, что мы вступаем в период больших трудностей. (*С места: Хотите делать глупости?*) Вопрос относительно того, делать или не делать глупости, – к этому и сводится весь наш спор. Делать меньше глупостей? Правильно! Но если бы произвели объективную регистрацию произведений глупостей, это была бы очень интересная регистрация. Но я, товарищи, весьма сомневаюсь, как при этом подсчете активный баланс глупостей не оказался на стороне наших противников в сегодняшнем споре! (То в. Д в о л а й ц к и й: Разве 10% роста – это черепаший шаг?) Тов. Дволайцкий, что вы пристаёте ко мне с цифрами? Нам прежде всего надо эти 10% себе обеспечить. А вы знаете ведь пятилетку ВСНХ, что она доказывает? Если мы удвоим производство через пять лет, то при этом вложения через бюджет должны будут равняться 400 млн руб. в год, а не 107 млн, как проектируется на будущий год. 107 млн – это активный баланс промышленности по бюджету. Если вычесть то, что промышленность платит государству, это есть тот чистоган, который промышленность должна получить. Вы видите, что даже по данным этой пятилетки, которая очень мало дает в смысле борьбы с товарным голодом, мы должны получить на промышленность из бюджета 400 млн. Это значит, что уже с 1926 г. мы накопим огромный дефицит по капитальным затратам. А что дает пятилетка в смысле борьбы с товарным голодом? На этот вопрос она отвечает таким образом, что мы еле перешагнем довоенную душевую норму потребления. По т. Дволайцкому, и эта пятилетка – утопия. Вот какой реализм! Но почему так мало возрастет фонд потребления? Потому что у нас производство средств производства должно расти с большей быстротой, чем производство для потребления, потому что мы все больше должны делать капитальных затрат, потому что импорт меньше, население больше. Каждый знает, что такое расширенное воспроизводство по Марксу. Увеличение продукции с 9 тыс. или миллиардов, которые фигурируют в схемах Маркса, до 10–11 тыс., они требуют

огромного роста производства средств производства даже при том же уровне техники, а значит, и еще более быстрого при улучшении техники. По пятилетке ВСНХ, которую т. Дволайцкий называет утопической, мы имеем в смысле увеличения потребления очень малый прогресс. Тов. Дволайцкий спрашивает: является ли цифра, указанная там, черепащим или быстрым шагом?

Я не знаю, я считаю, что на этот вопрос должен ответить сам потребитель, и прежде всего рабочий класс; пусть он ответит, является ли для него черепащим или быстрым темпом то, что через пять лет (считая истекший год) в смысле увеличения своего потребления промтоваров он будет стоять немного выше, чем на довоенном уровне.

Следовательно, вопрос с индустриализацией стоит несравненно серьезнее, чем это пытались здесь представить товарищи, защищавшие то положение, что все у нас более или менее благополучно обстоит и все то, что можно было сделать, мы уже сделали.

На с. 124–125 Контрольных цифр Госплана вы найдете, что Госплан пытался подсчитать расчетный баланс между городом и деревней, как он выглядел в прошлом году и как будет выглядеть в будущем. Каков этот расчетный баланс? Читаем: «Разность между суммой доходов и суммой расходов дает сальдо, которое должно было бы определить размеры денежного накопления в деревне.

Построенный нами баланс (см. таблицу 1)* определяет это сальдо в непрерывно повышающейся от года к году цифре порядка от 180 до 260 млн руб. Неуклонный рост этого балансового остатка является показателем нарастания недостатка товаров».

Таким образом, вы видите, товарищи, отсюда то накопление, которое создается в верхних слоях деревни и которое не поступает в наши сберегательные кассы. Это объясняется тем, что в смысле перераспределения национального дохода здесь произошло, выражаясь мягко, недоразумение, что здесь мы сделали какую-то ошибку. При капитализме это было бы исправлено стихийным путем. Допустим, при капитализме не хватает промышленных товаров. Это значит, что цена на них растет, растут отпускные цены фабрик и заводов, причем розница может и не возражать. Увеличились бы цены на промышленные изделия до отказа – и начался бы отлив капитала в промышленность; увеличилась бы доля промышленности, которая требует из всего национального дохода новых затрат на расширение имеющихся предприятий, – и самым фактом такого перераспределения было бы достигнуто удовлетворение этого возросшего спроса.

В настоящее время у нас происходит увеличение розничных цен на промышленные изделия. Но ведь только мы, государственная национализированная промышленность, только мы одни можем осуществить то самое расширение, которое может внести правильное соотношение во все стороны хозяйственной жизни страны.

Нужно покрывать дефицит на товары путем увеличения производства. А мы этого не делаем в нужной мере. А поскольку мы этого не делаем, мы сами являемся фактором увеличения товарного голода. На том самом месте, где закон ценности стихийно привел бы к перекачке средств в промышленность, сидим мы сами и не проводим плановым порядком перераспределения национального дохода, мы являемся тормозом необходимого перераспределения. В результате мы живем в состоянии растущего товарного голода. В этом году мы имеем на 380 млн руб. товарного дефицита, на будущий год цифры Госплана предсказывают 500 млн руб. дефицита. А что будет означать это для роста розничных цен? Раз будет такой дефицит, то будет ухудшение и в области ценностных отношений. Поэтому понятна и наша тревога в этом вопросе. Всякая система существует постольку, поскольку удовлетворяется минимум общественных потребностей. Если

* Имеется в виду таблица, приведенная в Контрольных цифрах Госплана.

эта система не удовлетворяет минимума потребностей, если мы будем иметь систематическое недопроизводство и недостаточное удовлетворение платежеспособного спроса, это может повлиять на настроение масс и может привести к тому, о чем нас предупреждал не раз т. Ленин: масса начнет думать о системе более выгодной, которая лучше удовлетворит ее потребности. В этом величайшая опасность, и отсюда наша тревога за размеры капитальных затрат. Для того чтобы мы не были сброшены, мы прежде всего должны стремиться к тому, чтобы, отгородившись от мирового закона ценности, как можно быстрее преодолевать разницу в ценах с мировыми. Если эта плотина будет прорвана вследствие медленного хода индустриализации, если монополия внешней торговли будет прорвана, мы включимся в мировое хозяйство отнюдь не на основе планового импорта, как теперь, и в этом случае наша тяжелая промышленность на $\frac{3}{4}$ будет ликвидирована. Вот почему мы ставим все эти проблемы.

Теперь, товарищи, разрешите мне перейти к вопросу о том, что нужно делать. Я на этот вопрос отчасти ответил. Но сначала процитирую, что очень удачно сказано в Контрольных цифрах Госплана. Здесь сказано следующее: «Совершенные ошибки в области экономической политики потом часто превращаются в экономическую необходимость» (с. 9).

И вот, товарищи, поскольку совершенные ошибки уже превратились в экономическую необходимость, лекарства вы от нас не просите. Дело теперь в том, чтобы отчасти поправить последствия совершенных ошибок. Что можно сделать при конъюнктуре, которая создалась? На это приходится сказать так: согласимся на первый пункт, на первый основной, что уровень индустриализации, если сравнить соотношение наших цен с мировыми и учесть накопление недовольства на почве товарного голода и цен, что уровень индустриализации недостаточен. Это первое положение. Того, кто будет говорить, что темп индустриализации достаточен, нужно прогнать с собрания, как болтуна. (Смех.) При наличии недостаточности индустриализации какие мы можем найти средства и в каких направлениях их искать? На этот вопрос мы даем следующий ответ. Первое: иного составления бюджета на будущий год, иного, чем он составлялся раньше, с тем чтобы то, что необходимо для капитальных затрат промышленности по плану, выработанному не на год (потому что наше хозяйство переросло этот способ выработки), а на пять лет, чтобы эти средства были обеспечены промышленности в первую голову. В первую голову – промышленность, и после этого на все остальное. Вот какой подход нужен к нашему бюджету со стороны социалистического государства. Иной подход немислим. Он противоречит всей ситуации, в которой мы находимся. Это значило бы плыть по течению. Когда ведомства требуют определенных сумм себе в первую голову и говорят, что иначе гибель, поддаваться на это нельзя. Так, невозможно составлять теперь бюджет. Бюджет должен составляться таким образом, чтобы нужды промышленности на капитальные затраты составляли первый параграф расходной части бюджета. Мы в этом отношении уже упустили порядочно времени. Я не говорю, что можно это поправить на протяжении полугода. Надо взять курс на ряд лет. 400 млн руб. согласно пятилетке ВСНХ – это минимум в смысле бюджетных ассигнований на новое строительство. Итак, максимум того, что может дать государственный бюджет на капитальные затраты, это первое. Второе: увеличение обложения зажиточных элементов деревни, растущего по мере роста доходов этих слоев. Кто будет говорить против этого по соображениям принципиальным? Никто не будет говорить, а если будет говорить, он просто будет забывать, на каком собрании и в какой ситуации он говорит. Это положение является также бесспорным, принципиально говоря, т.е. говоря не о цифрах, а об общей политике. Мы знаем, что капиталистическое накопление в деревне развивается, что это есть результат слабого воздействия нашей государственной промышленности на сельское хозяйство, результат слабого производственного кооперирования

бедноты. Это значит, что нить экономического развития верхних слоев нашей деревни по пути создания слоя капиталистического фермерства, прерванная революцией, – эта нить историей снова взята и плетется. И поскольку развитие в этом направлении, т.е. по пути не нашему, не коллективному, пока явно преобладает, наша задача заключается в том, чтобы капиталистическое накопление в возможных пределах превращать в социалистическое накопление. Это то, что, между прочим, признавал необходимым проводить Ленин, когда писал, что нужно ограничить эксплуататорские тенденции этих зажиточных кулацких элементов и пополнять наш фонд за счет их накопления. Нам надо осуществлять эту программу систематически, на основании продуманного плана. Мы пока не можем ликвидировать капиталистическое накопление в деревне, нам остается его ограничивать, но мы ни на минуту не должны забывать, что элементы, которые сейчас улучшают хозяйство на капиталистической основе, элементы, которые нам классово враждебны, они будут нас стараться сбросить в благоприятный момент, а не вращать в социализм. Они будут пытаться нас сбросить, как говорит Ленин, они мечтают о Кавеньяках и Галиффе, как это мы видели в аналогичных случаях в Западной Европе. Мы это знаем, это наши противники. Мы не можем пока заместить этот тип развития деревни нашим социалистическим типом, но мы должны в пределах возможного выжать максимум для промышленности. Против этого нельзя возражать. Таким образом, это совершенно бесспорно. Тов. Дволайцкий допрашивает, какие цифры обложения? Давайте засядем и подсчитаем, причем в ваш подсчет процента обложения зажиточных слоев – я в него не верю. Этот слой – наибольший мастак скрывать свои доходы. Что нам даст эта мера? Если она нам даст лишних 50 млн в год, с дальнейшим увеличением, я вам покажу, что будут означать эти цифры для нашей промышленности через пять лет.

Третий пункт. Постепенное снятие оборотного капитала промышленности из кооперации и замещение его крестьянским капиталом. Здесь есть трудности. Они заключаются в том, что зажиточный крестьянин не желает идти в нашу кооперацию, поскольку она – не его. Он без кооперации обходится. Трудности заключаются в том, что те слои, которые в кооперации нуждаются, средств больших не имеют, а те, которые имеют средства, не идут в нее, но покупают в кооперативной лавке. Следовательно, эти слои нужно заставить платить за услуги кооперации. А что касается накопления середняка, то главным образом надо стараться, чтобы это накопление шло по кооперативному руслу и чтобы здесь главным образом происходило замещение государственного капитала капиталом самих середняцких хозяйств. Таким образом, мы можем получить из этого источника я не знаю, сколько, да плюс борьба с бесхозяйственностью в кооперации. Кооперация у нас является ни государственной, ни общественной, ни общество ее не контролирует, ни государство не контролирует – она находится в таком положении, когда больше всего расцветают цветы накладных расходов. В этом отношении предстоит борьба. Мы можем выжать этим путем для промышленности десятки миллионов.

Четвертый источник – нажим на частный капитал. Тов. Дволайцкий выступал здесь и говорил, что наше обложение частник переложит на потребителя. Есть перелагаемые налоги, т. Дволайцкий, но есть и неперелагаемые. Если кто из присутствующих назовет меры, которые дадут нам срезывания этой прибыли, и притом без всякой опасности для потребителя, то каждый под этим подпишется. Мы не имеем определенной линии по отношению к частному капиталу, поскольку дело касается срезания конъюнктурной прибыли. Налоговый нажим НКФ будет проведен, но этого недостаточно. Поэтому надо искать еще и другого подхода к этому вопросу. Вы говорите: брать с кулака – опасно по отношению к среднему крестьянству, нажать на частника – он переложит на потребителя. Что же делать? Топтаться на месте и лавировать, потом делать уступки мелкой бур-

жуазии, а затем капитулировать перед ее напором, вот что я считаю, т. Дволайцкий, *memento mori* для советской власти! (*Аплодисменты.*)

(То в. Дволайцкий *(с места)*: Ведь разрабатывается же законопроект об увеличении обложения частного капитала?)

Я считаю, что этот проект, если он будет проводиться в жизнь, даст нам 20–30 млн руб. Но ведь нельзя забывать того факта, что за прошлый год частный капитал собрал жатву в 300–400 млн.

Теперь о режиме экономии. Вернее, об ошибках нашего руководства. Прежде всего, здесь обязательна для нас экономия, которая даст десятки миллионов. Не только от рабочего, служащего и от хозяйственников надо требовать экономии. Режим экономии может дать нам значительные суммы, по мнению т. Дволайцкого – даже до 300 млн, что явно преувеличено. Но во всяком случае некоторые суммы у нас будут.

Перейду теперь к нашим капитальным затратам. Сейчас мы стоим перед такой фазой нашего хозяйственного развития, когда нам необходимо строить новые фабрики и заводы, создающие новую базу для промышленности. На следующий год у нас ассигновано на совершенно новое строительство немногим более 100 млн руб. У нас ощущается сильный чугунный голод. Я наводил справки о трех металлургических заводах, постройка которых является насущной необходимостью, так как она поможет нам изжить ощущаемый страной недостаток чугуна. Как же обстоит в этом отношении дело? Оказывается, что строительство этих заводов в нынешнем году не начиналось даже. Средства на них не ассигнованы. В этом и в ближайшие годы мы будем ощущать чугунный голод. Когда мы говорим о 200–300 млн на капитальное строительство, это кажется пустяком по отношению к нашему бюджету, в то время как в отношении капитальных затрат, разрешающих проблему металла, у нас воз не сдвинулся с места из-за нехватки 30 млн на данный год. Между тем при наличии чугунного голода нам придется в условиях недостатка валюты ввозить чугун из-за границы.

Те мероприятия, которые мы предлагаем, требуют известной борьбы, классовой борьбы, во-первых, с верхушкой деревни, которую мы хотим обложить. Нам на это нужно решиться раньше, чем эти элементы станут сильнее политически. Точно так же нам надо решиться на борьбу с частным капиталом, прилагая при этом максимум изворотливости и маневрирования. Если мы не решимся на предлагаемые нами и другие нужные меры, мы пойдем по линии наименьшего сопротивления, иначе говоря, по линии инфляции. Соблазн будет очень большой, при нехватках по бюджету и при всех других недостатках, которые у нас имеются, прибегнуть к этому источнику. Надо категорически сказать, что инфляции места нет и не может быть, что инфляция для нас означает политику налога на зарплату – это во-первых; во-вторых, в наших условиях инфляция означает потрясение всей нашей хозяйственной системы в целом. Это будет означать, что мы вместо реальной борьбы с трудностями, и в частности с теми накапливающимися слоями в деревне, которые срывают нашу экспортную политику, мы вместо этой борьбы вступаем на путь наименьшего сопротивления, прибегая к мере, в 10 раз более опасной.

Теперь последний вопрос относительно строительства социализма в одной стране. Я не знаю, товарищи, почему т. Милютин поднял этот вопрос и каким образом он вытекает из контрольных цифр Госплана. Но если ему угодно было затронуть этот вопрос, то разрешите остановиться в заключение на нем. Если у нас есть армия и в ней главнокомандующий и генеральный штаб перед битвой говорят солдатам о том, что, может быть, они победят, может быть, и нет, то такого командующего нужно минимум снять с командования, а может быть, и расстрелять. Другое дело – в штабе обсуждать трудности победы и возможности поражения, что для нас и допустимо, и необходимо. Но ведь только об этом и идет речь. Это не значит перед массами, которые должны

строить, сеять такие же сомнения, как среди солдат перед битвой. Мы не должны закрывать глаз перед теми трудностями, которые стоят перед нами при строительстве социализма, на практике же действовать так, как если бы победа была обеспечена на все 100%. При такой постановке вопроса отмечается вся эта проблема: каждый из нас прекрасно знает, что мы должны строить социализм, строим и будем строить. Мы должны только знать, что долго нам строить не дадут. Против нас возможен натиск зажиточного крестьянства, соединенного с мировым капиталом, который перейдет в наступление и хозяйственное, и военно-политическое. Мы только при этом должны помнить: опасность, угрожающая нам, большая, большая! Строим мы социализм в какой обстановке? В такой, что строительство всегда может быть прервано враждующими силами. Следовательно, мы строим социализм в одной стране в определенный исторический этап и в ожидании поддержки пролетариата всего мира. (*Аплодисменты.*) В том, что говорил т. Сокольников, я никакого противоречия с тем, что я сказал, не заметил. Мы строим теперь социализм в обстановке передышки между двумя боями. Кто этого не понимает, того я отношу к жителям города Глупова. (*Аплодисменты.*) Наше строительство есть строительство между двумя боями, и это должно определять нашу общую политику, нашу экономическую политику, политику Коминтерна. Есть такие, которые не понимают этого. А те, которые это понимают, те иначе подходят к каждой проблеме, подходят с точки зрения того, что мы живем перед новым боем и что нам надо скорее увязаться в борьбе за осуществление социализма, по крайней мере, с решающими странами Запада. Надо промежуток времени, пока мы существуем изолированно, рассматривать, как подготовительный к новым боям. Это должно накладывать печать на каждый вопрос. Разве вы не понимаете столь элементарной вещи, что, когда мы строим в нашей стране социализм и рассуждаем, что будем строить, может быть, 30, может быть, 40, а то и все 50 лет, стоит ли из-за ссоры с зажиточным [крестьянством] на девятом году диктатуры [пролетариата] подвергать опасности все дело стройки? Построим в пять лет раньше, на пять лет позже – разница небольшая. Вот когда с такой психологией строят социализм, я скажу: с такой психологией можно погубить советскую власть, это надо понять, наконец, товарищи! (*Аплодисменты.*) Мы должны знать, что переживаем известный исторический промежуток, который история нам ассигновала и который отделяет один великий Октябрьский бой и нашу Гражданскую войну от другого гораздо большего и гораздо более решительного для судеб рабочего класса боя. Кто ко всем проблемам подходит под этим углом зрения, тот иначе будет рассуждать по многим вопросам, чем рассуждали тут с такой прохладцей.

В заключение: когда я здесь бросил реплику с места насчет реконструкции мозгов применительно к реконструкции нашей промышленности, т. Струмилин сделал мне замечание с этой трибуны: «Не предлагаете ли вы реконструкции ленинизма». (*С места:* Правильно.) Во-первых, я очень удивлен, что ленинистом выступает с этой трибуны т. Струмилин. (*Голоса:* Правильно.) (*Аплодисменты.*) Удивлен и обрадован потому, что, по крайней мере, на протяжении лет 15 т. Струмилины мы в наших рядах не видали. Что мы ожидали от т. Струмилины, и вся собравшаяся аудитория, чего она ожидала от него? Она ждала, что он, как работник Госплана, придет и скажет, в чем он не согласен с выступавшими ораторами по кардинальным вопросам, которые здесь были затронуты с этой трибуны. А он вместо этого занялся доказательством того, что он верит, он занялся доказательством того, что есть иные маловеры. Разве этого хотели от т. Струмилины? Разве я, состоящий 22 года в большевистской партии, нуждаюсь в напоминании о ленинизме именно от т. Струмилины. А что касается реконструкции мозгов, то это вещь абсолютно необходимая. Мы, товарищи, вступили в новый период. Без этой реконструкции мозгов реконструкция нашего хозяйства будет идти медленнее, чем это обеспечивают объективные

возможности, заложенные в нашей системе. Я рассматриваю наше собрание в академии как попытку коллективным разумом всех членов партии продумать этот новый период. Он грозит нам, с одной стороны, огромными опасностями. Но в то же время та победа, которая может быть одержана в этом втором бою, на более широкой арене, чем наша страна, будет решающей победой для судеб человечества. Я считаю, что нам нужно выдвинуть в течение сегодняшней дискуссии основные проблемы нового периода нашего хозяйства, и на них надо сосредоточить внимание, отбросив политические выпады и вылазки (*С места: Правильно.*), кроме тех, которые вытекают из самого материала обсуждения. В частности, на политические выпады против меня я отвечу не здесь, а в другом месте.

Вестник Коммунистической академии.

М., 1926. № 17. С. 223–236.

[Г Л А В А 7]

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Контрольные цифры Госплана и наши хозяйственные задачи

Не ранее октября 1926 г.

Контрольные цифры Госплана на 1926/27 г., а также дискуссия по экономическим вопросам поставили перед партией и рабочим классом ряд коренных вопросов нашей экономической действительности, с одной стороны, и ряд важнейших вопросов экономической политики государства – [с другой]. Все эти проблемы должны быть обсуждены на предстоящей всесоюзной партийной конференции и так или иначе разрешены. Нелишне будет поэтому связать в единое целое самые основные вопросы, над которыми мы бьемся в настоящий момент, и подвести некоторые итоги их обсуждения.

Товарный голод

Валовая продукция всей нашей промышленности, крупной и мелкой, государственной и частной, увеличилась с 9 966 млн в 1925 г. до 14 015 млн в 1925/26 г., а на 1926/27 г. ожидается 15 858 млн червонных рублей. Соответственно товарная часть продукции за эти три года равняется:

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
По промышленности	5 530 млн руб.	8 600 млн руб.	9 200 млн руб.
По сельскому хозяйству	4 658 млн руб.	5 741 млн руб.	6 197 млн руб.*

* Контрольные цифры. С. 234–235.

В то же самое время товарный голод в истекшем 1925/26 хоз[яйственном] году измерялся в 380 млн дефицита на товары, а в 1926/27 г., если соотношение цен останется такое же, как в предстоящем году, возрастет до 500 млн руб.¹ Иными словами, рост товарной части продукции промышленности в 1925/26 г. на 2 470 млн по сравнению с предыдущим годом, или почти на 45%, при росте товарности сельского хозяйства на 23% с лишним дал товарный дефицит в 380 млн руб. На текущий год рост товарной части промышленности ожидается в 15%, рост товарной части сельского хозяйства все-

го около 8%, а товарный голод должен возрасти до 500 млн руб.² Наш товарный голод означает недостаток промышленного производства в сравнении с платежеспособным спросом. А этот недостаток, в свою очередь, означает недостаток основного и оборотного капитала в промышленности, при недостатке импортных возможностей. Таким образом, указание индустриалистов по этому пункту, т.е. указание прежде всего на недостаточное накопление в промышленности, с неизбежным при этом отставанием промышленности от сельского хозяйства, подтвердилось полностью как на опыте истекшего года, так и на ожидающихся перспективах 1926/27 г.

Розничные цены

Уровень розничных надбавок к отпускным ценам трестов характеризует два основных явления: степень рационализации торгового аппарата, во-первых, и уровень накопления в нем, во-вторых. При превышении предложения товаров над спросом на них и достаточности оборотного капитала торговли накопление в рознице входит в нормальные пределы, определяемые конкуренцией, и происходит рационализация товаропроводящей сети. Наоборот, систематический недостаток промышленных товаров, который мы имели и имеем у нас, развращает торговый аппарат торговли и кооперации, не создавая достаточного стимула к рационализации торгового оборота, а частной рознице даст возможность вздуть цены до отказа, т.е. до исчерпания платежеспособного спроса или до покупательской забастовки потребителей. Ко всему этому присоединяются огромные траты средств, связанные с перекупками и перепродажами, процветающими всегда в обстановке товарного голода и товарной спекуляции. В итоге мы имеем разбухший, крайне дорогой и крайне медленно рационализирующийся аппарат госторговли и кооперации и очень быстрое накопление в частной рознице. В этих условиях накидки розницы к оптовым ценам трестов равнялись: на 1 окт[ября] 1923 г. – 8%, [на] 1 август[а] 1924 г. – 35%, а к 1 апреля настоящего года поднялись до 62% (при средней довоенной накидке в 20%).

Между тем за это время отпускные цены наших трестов снижались несколько раз и в общей массе снизились за 1923–1925 гг., т.е. за два года, на 28%³. Таким образом, наша промышленность потеряла сотни миллионов, экспроприированных торговым оборотом, не доведя снижение цен до потребителей. Если в период накопления оборотного капитала торговли такое положение еще имело отчасти некоторое оправдание, то теперь оно является нестерпимым. Снижение розничных накидок в кооперации административным путем ожидавшихся результатов не дало. Частный капитал использует все выгоды создавшейся конъюнктуры, а наши тресты продолжают торговать по твердым ценам, по твердым ценам ведут заготовки сырья, что при общем росте цен в частном хозяйстве поставило под угрозу крестьянское производство технических культур. Мы имели в этом году опасный процесс приостановки роста и даже сокращение посевов льна, масличных семян, сахарной свеклы и недобор по хлопку. В итоге и здесь мы упираемся в единственное средство экономического преодоления роста розничных цен и уменьшения расходов товарного оборота, а именно в проблему расширения производства недостаточных товаров, т.е. упираемся все в то же недостаточное накопление в промышленности. Все остальные способы борьбы со злом могут играть лишь подсобную роль, выдавать их за серьезное лекарство – значило бы заниматься шарлатанством. В этом вопросе индустриалисты оказались правы целиком и полностью. Они предполагали не снижать цен на недостаточные товары, а добавочную прибыль от этого целиком пустить на расширение производства недостаточных товаров. Это не было своевременно принято, и за опыт повторных снижений отпускных цен, не давших результатов в рознице, государство

дорого заплатило. Тогда все поняли наконец, что индустриалисты предлагали единственно экономически грамотную политику цен и перестали говорить о понижении оптовых цен. Затем началось общее повышение цен в частном хозяйстве, в то время как отпускные цены трестов оставались неподвижными, т.е. они оставались неподвижными в условиях, когда ряд других ценообразующих факторов начал действовать в сторону повышения. Это значило, что себестоимость государственной промышленности должна неизбежно возрасти. Мы предложили тогда увеличение оптовых цен трестов⁴, с тем чтобы удержание старого уровня оптовых цен в новых условиях при росте частных цен не превратилось во всеобщий налог на государственную промышленность. Предложение было отвергнуто и истолковано, как покушение на повышение *розничных цен* (что совсем не обязательно), а потом прошло несколько месяцев и ряд важнейших трестов заговорил о росте себестоимости. А это и значит, что надо повышать отпускные цены. Но только это будет сделано с опозданием и с возложением расходов за опоздание на промышленность. В то же время принятое решение насчет повышения ж.-д. тарифов означает *повышение оптовых цен всех трестов с другого конца*. Таким образом, упрямая логика вещей навязывает нашему хозяйству меру, неизбежность которой мы предсказывали девять месяцев тому назад, выслушавши в неумной полемике все то, что полагается у нас выслушивать тем, кто предвидит что-либо слишком рано.

Заработная плата

Последние годы заработная плата быстро повышалась у нас по трем причинам. Во-первых, потому, что она стояла на неслыханно нищенском уровне, равняясь даже в 1923/24 г. только 67,1% от довоенной. Во-вторых, вследствие использования старого оборудования, что переносило центр тяжести в область накопления оборотного капитала промышленности. В-третьих, вследствие роста интенсивности и производительности труда. В итоге средняя заработная плата была равна в 1924/25 г. 82,6% от довоенной, в 1925/26 г. – 91,3%, и на 1926/27 г. предположена в 99%. В настоящем хозяйственном году, следовательно, средняя годовая заработная плата должна сравняться с довоенной, тогда как уровень продукции промышленности и транспорта должен, по-видимому, несколько превзойти довоенный. Наиболее отстала зарплата у металлургов, где она равнялась в 1925/26 г. 75,7% от довоенной и на 1926/27 г. предположена в 82,5% от довоенной, у горняков эти цифры равны 65,3 и 73,7% (при превышении в 1926/27 г. добычи в сравнение с довоенным временем) и у рабочих транспорта 73,3 и 77,5% (при достижении довоенного уровня перевозок). Сравнение с довоенной и теперешней заработной платой рабочих за границей с заработной платой наших рабочих показывает, что в 1925/26 г. мы имели 87% довоенной платы, тогда как в Америке эти цифры равны 128,1%, в Англии – 99,3%, во Франции – 99,7%, в Германии (для квалифицированных) – 95%, в Италии – 89,7%. Следовательно, в истекшем году уровень нашей заработной платы по отношению к довоенному уровню отставал по сравнению с уровнем зарплаты за границей, но динамика зарплаты показывает плюс на нашей стороне, потому что у нас зарплата неуклонно повышается, тогда как за границей, кроме Америки и Германии, зарплата падает: в Англии она была в 1921 г. 111% от довоенной, во Франции в 1923 г. – 107,3%, в Италии в 1922 г. – 102,4%⁵. Наоборот, соотношение между оплатой квалифицированных и неквалифицированных рабочих за границей изменялось в сторону увеличения зарплаты неквалифицированных рабочих⁶, тогда как у нас разрыв между оплатой этих двух категорий все время огромный.

Каковы же перспективы дальнейшего роста заработной платы, без которого немислимо никакое продвижение к социализму?

Есть два основных пути повышения уровня зарплаты, если говорить о перспективах на длительное время: общее понижение цен и повышение производительности труда. Что касается понижения розничных цен, то по сравнению с теперешним их уровнем очень значительное снижение их было возможно без всякого понижения оптовых цен, если бы удалось недостаточные на рынке товары сделать достаточными, т.е. путем только увеличения производства. Между тем недостаток сколько-нибудь сносного технически основного капитала принудил нас пустить в ход заводы, которые надо было срыть еще 30 лет тому назад. Вопрос о поднятии производительности труда есть, таким образом, вопрос о новой технике, вопрос об обновлении основного капитала и о новом строителе. Тем самым вопрос поднятия зарплаты превращается в вопрос о размерах капитальных затрат в промышленности. Это вопрос всех вопросов нашего хозяйства.

Еще два слова о водке. Половину водки в 1925/26 г. потреблял город, следовательно, не менее 40% потребляют рабочие. Но как мы уже видели, эта проблема целиком упирается в проблему накопления в промышленности. Это значит, что с этого конца вопрос о повышении заработной платы есть вопрос об увеличении доли промышленности в народном доходе страны. Второе – это повышение производительности труда. Мы достигли предвоенной интенсивности труда, дальнейшее увеличение по этой линии возможно лишь при улучшении организации труда, при ликвидации перебоев с доставкой материалов, при улучшении качества сырья и т.д. Главное же – в поднятии труда на основе переоборудования всей технической базы промышленности. Лучше всего оплачиваемый в мире рабочий, т.е. американский рабочий, работает в условиях лучшей в мире техники массового производства.

По бюджету 1925/26 г. доход от акциза на водку равнялся 301 млн руб., а от продажи водки выручена валовая сумма около 440 млн руб. Годовая сумма всех заработных плат рабочих промышленности транспорта и строительного дела составляла 2 630 млн руб. Если предположить, что рабочие выпили 40% всего количества водки, это даст снижение реальной заработной платы на 6–7%. Какому-нибудь врачу-общественнику с экономическим образованием следовало бы подвести итоги потребления водки рабочими с медицинской, бытовой и экономической точек зрения. Вряд ли может быть сомнение в том, что от потребления водки рабочими государство по бюджету получило значительно меньше в сравнении с тем, что потеряло государственное хозяйство с экономической точки зрения, не говоря уже о понижении культуры, снижении общественных интересов, разложении в области бытовой и т.д. Потребление водки рабочими – это заем государства из физических ресурсов рабочего класса. Пора ставить задачу постепенного замещения в госбюджете водочного дохода от рабочих другими статьями и постепенно год от года осуществлять это в меру сил.

Жилищные условия. Безработица

Положение с жилищным вопросом Контрольные цифры резюмируют следующим образом. По данным ЦСУ в начале 1923 г. средняя жилая площадь на человека в СССР была 12,8 кв. аршин... если мы вычтем только три больших города, имевших среднюю площадь на жителя, большую или равную санитарной норме 16 кв. аршин (Ленинград, Одесса и Киев), то получим 11,8 кв. аршин на человека... Теперь, когда можно считать общую площадь домов уже не падающей, а растущей, в абсолютных цифрах, средняя площадь на человека оказывается много меньше, чем в 1923/24 г., не превышая 11,5 кв. аршин на человека по всему СССР, а если отбросить указанные выше три города (в которых, кстати сказать, квартирные условия теперь также улучшились), то всего 10,1 кв. аршин в 1926 г.⁷ Все крупнейшие промышленные центры, как-то Харьков, Ростов,

Н[ижний] Новгород, Иваново-Вознесенск, Свердловск, Тула, Баку, показывают снижение жилой площади на человека, и только по Донуглю есть небольшое повышение. Жилая же площадь рабочих физического труда изменялась в аршинах на одного человека по годам так: 1923/24 г. – 10 кв. аршин; 1924/25 г. – 9,5 кв. аршин; 1925/26 г. – 9,2, а в настоящем 1926/27 г. ожидается 9 кв. аршин. Таким образом, жилищные условия рабочих продолжают ухудшаться. Строительство в этом году в городах будет равно 521 млн руб. вместо 448 млн в 1925/26 г. Прирост, следовательно, совсем небольшой, размеры строительства значительно отстают от довоенных. А кроме того, надо учесть еще и тот факт, что потребность в строительных материалах будет удовлетворена в 1926/27 г. только на 86–90% от нужной нормы. И еще есть люди, которые при таком положении имеют легкомыслие кричать об сверхиндустриалистах!

Еще более тревожным являются цифры безработицы. В 1924/25 г. у нас числилось 1 300 тыс. безработных. В истекшем 1925/26 г. эта цифра снизилась до 1 230 тыс., т.е. только на 70 тыс., несмотря на то что за этот год у нас был прирост рабочих по всей промышленности на 736 тыс., в строительстве на 165 тыс. и в транспорте на 126 тыс., т.е. только по этим группам на 1 027 тыс. Что же будет в 1926/27 г., когда по этим основным отраслям прирост ожидается всего в 524 тыс., т.е. вдвое меньше, чем в истекшем году, а также увеличение служащих, государственных и частных, намечается также много меньше, чем в истекшем году? Контрольные цифры намечают число безработных на 1926/27 г. в 1 200, но эта цифра явно преуменьшена и никак не вытекает ни из приведенных данных, ни из ежегодного отхода рабочей силы из деревни в город, хотя и сама по себе она для периода подъема является достаточно угрожающей. Нечего говорить о том, что единственно реальным способом борьбы с городской безработицей является более быстрое развертывание промышленности, в частности нового промышленного и жилищного строительства.

Капитальные затраты

Все вышеизложенное подводит нас к основному вопросу нашей хозяйственной жизни, в который упираются все проблемы нашего развития и все наши язвы сегодняшнего дня, – к вопросу о капитальных затратах в промышленности и транспорте, в частности к вопросу о новом строительстве. Борьба с товарным голодом, борьба за снижение цен, борьба за повышение зарплат и за сокращение безработицы – все это заставляет нас неотступно следить за основным барометром, т.е. за цифрой ежегодных капитальных затрат.

Начнем с основных фондов народного хозяйства СССР. В 1923 г. государственный сектор имел проедание основных фондов на 204,6 млн руб., частный имел рост на 538,8 млн. В 1924/25 г. государственный сектор имел прирост только на 126,3 млн, частный – прирост на 587,5 млн. В 1925/26 г. государственный имел прирост на 1 025 млн, частный – прирост на 626,8 млн. На 1926/27 г. ожидается прирост по государственному сектору на 1 235,4 млн, по частному – 764,4 млн⁸. Следовательно, за истекшие три года прирост основных фондов государственного сектора, за вычетом убыли, равнялся 946,7 млн, а по частному – 1 753,1 млн. По отношению к 1926/27 г. прирост государственных фондов по сравнению с приростом истекшего года даст увеличение на 20%, по частному – 21,9%.

Вообще, за истекший год мы имеем большой шаг вперед, но еще не покрыли прироста частного сектора, имевшего место за три года.

В частности, «в промышленности в первые два года мы имеем незначительное увеличение основного фонда, близкое к стабильности (и это после проедания основного

капитала за все время войны и революции! – Е. П.). И только текущий 1925/26 г. является для нее переломным, давая сразу значительный прирост в сумме около 500 млн, что составляет около 9% ко всему фонду промышленности»⁹. Этот прирост нового капитала не надо смешивать со всей валовой суммой капитальных затрат в промышленности, в каковую сумму входит и амортизация, т.е. возмещение сношенного капитала. Эти валовые капитальные затраты на 1925/26 г. составляли около 800 млн, на 1926/27 г. они предположены Госпланом [в] 845 млн и увеличены СТО до 900 млн.

Много ли это или мало?

С точки зрения роста нового капитала по сравнению с довоенным временем это много. С точки зрения происходившего проедания основного капитала за старые годы и его возраставшей технической отсталости (моральное снашивание) немного, а с точки зрения преодоления товарного голода совсем мало. Не надо забывать, что 800 млн капитальных затрат в прошлом году соответствовал товарный голод на 380 млн и грабительские розничные цены. Капитальным затратам в 840 млн будет, по данным Госплана, соответствовать товарный голод в 500 млн. Согласно же пятилетнему плану необходимых капитальных вложений, выработанному ВСНХ, в среднем нам нужны капитальные затраты по промышленности в размере в 1 200 млн в год. Таким образом, даже цифра в 900 млн капитальных затрат означает дефицит в 300 млн в сравнении с минимально необходимыми вложениями, обеспечивающими в будущем преодоление товарного голода, хотя и не так скоро.

Еще хуже обстоит дело с транспортом. Основной капитал транспорта беспощадно снашивался за все время войны и революции, Гражданской войны и за период нэпа, кроме лишь истекшего года. В 1923/24 г. было проедено основного капитала транспорта на 64,7 млн руб., в 1924/25 г. – на 96,8 млн, прирост же за 1925/26 г. составил только 117,4 млн, равнясь всего 1,1% от капитала, тогда как прирост фондов сельского хозяйства равнялся около 3% за все это время. На 1936/37 г. прирост основных фондов транспорта предположен на ничтожную сумму в 181,6 млн, т.е. на 1,7% от капитала. Транспорт – это самое слабое место во всей нашей системе. А между тем от него зависит все наше продвижение по другим направлениям.

Таковы итоги. О чем они говорят?

Они говорят о том, что, несмотря на наши хозяйственные успехи за прошлые годы, когда мы пускали в ход старые резервы основного капитала, несмотря на ожидаемое, хотя и гораздо более медленное, продвижение в 1926/27 г., основной показатель нашего развития – капитальные вложения – были совершенно недостаточны в истекшем году и остаются еще более недостаточными при сумме в 900 млн для данного года (в эту цифру не входит транспорт и электрификация). А между тем есть люди, которые считают эту цифру капитальных затрат достаточной, они не прочь даже называть себя и «экономистами» очевидно потому, что специализировались на режиме экономии по отношению ко всему нашему развитию.

Партийная конференция должна обсудить все эти коренные проблемы нашего хозяйства и поставить вопрос об изыскании новых добавочных средств на развитие нашей промышленности и транспорта и на увеличение основных фондов государственного хозяйства.

Откуда же взять средства?

Важнейшие источники следующие: 1) дальнейшее сокращение бюджетных расходов в пользу промышленности и транспорта; 2) увеличение отпускных цен на недостающие товары, без повышения розничных цен¹⁰, т.е. за счет накидок торгового аппарата; 3) добавочное обложение городской буржуазии и деревенского кулачества плюс ряд кредитных операций, в том числе, быть может, хлебный заем у зажиточных слоев деревни; 4) постепенное сокращение завязанных в торговом обороте кооперации средств

промышленности и замещение их из прибылей самой кооперации (за истекший год равных более 100 млн) и путем привлечения собственных средств крестьянства; 5) употребление на капитальные вложения части средств, полученных от режима экономии.

Намеченные средства достижения цели не являются единственно возможными. Важно лишь, чтобы партийная мысль исходила все время из факта абсолютной недостаточности накопления в промышленности и транспорте и упорно искала выхода из положения.

Преображенский Е.А. Экономические заметки:

Контрольные цифры Госплана и наши хозяйственные задачи.

РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 1853. Л. 183–192.

Машинопись.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Контрольные цифры. С. 79.

² Мы не говорим уже о том, что среднее душевое потребление промтоваров сильно отстает от довоенного.

³ См.: *Гринцер*. О промышленных ценах // Экономическое обозрение. 1926. Май. С. 50–52.

⁴ Экономические заметки // Большевик. [1926. № 6.] Март.

⁵ Контрольные цифры. С. 154.

⁶ Например, во Франции зарплата черноработчих, если зарплату квалифицированных принять за единицу, увеличилась по сравнению с довоенным временем процентов на 25%. См. мою книжку: «Экономика и финансы современной Франции» (М., 1926. С. 71).

⁷ Контрольные цифры. С. 62–63.

⁸ Там же. С. 312–313.

⁹ Там же. С. 120.

¹⁰ В частности, благодаря небывалому урожаю хлопка в Америке, неизбежному падению цен на него и возможностям расширения кредита нам предоставляется благоприятный случай сделать мануфактуру из недостаточного товара достаточным и снизить розничную цену благодаря значительному увеличению производства.

[ГЛАВА 8]

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ*

Новое в хозяйственной ситуации

В последнее время в нашей печати неоднократно заявлялось, что мы переживаем заметное уменьшение товарного голода.

В своей статье в декабрьской книжке «Большевика» т. Микоян также сообщает эту новость и пытается показать, откуда она появилась и чем подтверждается. На Московской губернской конференции т. Бухарин заявил: «Мы имеем не обострение товарного голода, а его смягчение. — И еще раз: — В целом у нас товарный голод не обострился, а заметно смягчился».

Высказывается мысль, что предположение Госплана о росте товарного голода в 1926/27 г. оказалось необоснованным, и само предсказание приписывается «пессимизму и неверию» т. Смилги, руководившему составлением Контрольных цифр. Пишущий эти строки не принимал участия в составлении этих цифр и поэтому не несет за них формальной ответственности. Однако я должен сказать, что тот метод, посредством которого на страницах газет и журналов производится «смягчение» товарного голода, и тот способ критики Контрольных цифр, который практикуется, вряд ли способен внести надлежащую правильную мысль в понимание того, что действительно происходит сейчас в нашем хозяйстве.

Изучая проблему товарного голода на основании фактических данных, я пришел к выводам, которыми хотел бы в данной статье поделиться с читателями. Но сначала восстановим в памяти, как ставилась проблема Госпланом. В Контрольных цифрах сказано, что если цены на сельскохозяйственные продукты и на изделия промышленности останутся без изменения в сравнении с истекшим 1925/26 г., то можно ожидать роста товарного голода с 380 млн в 1925/26 г. до 500 млн руб. в настоящем году¹. Такая постановка вопроса методологически является вполне правильной. Рост или уменьшение товарного голода в новом году по сравнению с истекшим можно наиболее точно выявить, лишь беря за основу сравнения цены истекшего года. Только тогда несоответствие между платежеспособным спросом и предложением и динамика этого несоответствия по сравнению с предыдущим годом сфотографируются, как движение соотношений товарных масс, не затемненное изменением в ценностных соотношениях.

Что же у нас произошло в этой области в течение истекшего первого квартала хозяйственного года, т.е. с 1 октября 1926 г. до 1 января 1927 г.? Верно ли, что так называемое

* Статья Е.А. Преображенского, опубликованная в журнале «Большевик» № 6 за 1927 г.

частичное успокоение на товарном рынке и некоторое ослабление товарного спроса есть результат большого увеличения предложения промтоваров, а значит, неожиданно большего прироста их выработки?

Разберемся.

Обратимся сначала к вопросу о движении платежеспособного спроса. Наметка Госплана о размерах товарного голода, как мы сказали, исходила из предположения о стабильности цен по сравнению с 1925/26 г. Как же обстояло дело с ценами на сельскохозяйственные продукты?

Цены на все зерновые хлеба, по сравнению со средневзвешенными ценами по СССР за соответственные месяцы прошлого года, резко понизились. Например, заготовительная цена пшеницы за октябрь – ноябрь, в копейках за центнер, была:

	октябрь	ноябрь
1925/26 г.	726	748
1926/27 г.	624	614

Иными словами, в месяцы наибольших заготовок пшеница продавалась на 20 коп. с пуда дешевле, чем в прошлом году. Такая же картина по другим хлебам; лишь по ржи понижение цен менее значительно.

В результате только по одной пшенице, которой к 1 января заготовлено 243,6 млн пудов, крестьянство недополучило около 50 млн руб. А по всем хлебам эта цифра будет около 70 млн руб. Так как предстоит заготовить еще не менее 250–300 млн пудов и соотношение цен с 1925/26 г. возможно не изменится существенно сразу после 1 января, то только благодаря уменьшению хлебных цен платежеспособный спрос крестьянства будет миллионов на 100 меньше того, который был бы при сохранении цен 1925/26 г. Увеличение цен на некоторые технические культуры вряд ли может изменить существенно это положение, так как уменьшилась посевная площадь либо товарный выход ряда культур, как масличные семена, лен, сахарная свекла.

Таким образом, уменьшение покупательной способности крестьянства на 100 млн руб. в год от снижения [ельско]х[озийственных] цен при росте промышленных цен в рознице есть рост диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью, а не ослабление товарного голода.

Но мог ли товарный голод уменьшиться от изменения в размерах уже достигнутого раньше платежеспособного спроса города? Так же нет, как и от сокращения платежеспособного деревенского спроса. Если бы у нас, допустим, понизилась зарплата, а вследствие этого сократился рабочий спрос на промтовары, то это надо бы назвать сокращением зарплат, а не смягчением товарного голода.

Между прочим, при учете спроса рабочего класса пора бы принять во внимание рост потребления водки и роль этого расхода в бюджете рабочего класса. В 1924/25 г. город, т.е. главным образом рабочие и служащие, потребил 70% всей водки, деревня – 30%. В 1925/26 г. город – 49%, деревня – 51%, а при включении в первую цифру всех фабричных поселков вне городов на город придется больше. Если принять, что 70% всей водки, выпитой в городах, потреблено рабочими, то при 440 млн руб., вырученных от продажи водки (из них акциз 301 млн), на рабочих падет 154 млн на 2 630 млн руб. зарплаты, или около 6%. Около половины всего повышения реальной зарплаты за 1925/26 г. было съедено водочным налогом². А в 1926/27 г. продажа водки и доход от

водки ожидается значительно больше, чем в 1925/26 г., а именно до 500 млн руб. Надо думать, что население за первый квартал уже заплатило водочный налог в увеличенном против соответствующего квартала прошлого года размере и тем уменьшило свои покупательные ресурсы для других товаров.

Обратимся теперь к другой стороне медали, к предложению промтоваров. Изменения в ситуации могут ведь идти с этого конца в двух направлениях: в смысле роста производства и увеличения предложения промтоваров при тех же ценах, т.е. в направлении действительного смягчения товарного голода, или в смысле роста цен на промтовары, т.е. по линии усиления диспропорции и маскирования товарного голода при помощи высоких цен. Иными словами, если на каждые 100 руб. платежеспособного спроса мы будем иметь по тем же ценам предложение 100 вместо прежних 95, мы будем иметь рассасывание товарного голода. Если же на 100 руб. спроса мы будем давать прежнее количество товаров, но вместо 95 руб. стоящих теперь благодаря росту цен, скажем, 102–103, то мы будем иметь загоняние товарного голода внутрь, усиление диспропорции лишь с изменением ее ценностного выражения.

Как же фактически обстоит здесь дело по сравнению с аналогичными месяцами прошлого года и по сравнению с расчетами Госплана, исходившего из неизменности цен?

Согласно данным Конъюнктурного института Наркомфина розничный индекс по СССР по промтоварам в частной торговле в последнем квартале 1925 г. равнялся 2,24 и за год – 2,29, а в 1926 г. за последний квартал – 2,63, а за 1925/26 г. – 2,57. Это значит, попросту говоря, что за данное количество товаров, за которое в конце 1925 г. потребитель платил 2 коп. в среднем, в аналогичные месяцы 1926 г. он платил 2,63 коп., т.е. на 39 коп., или на 17%, выше. Индекс статистики труда дает увеличение цен за это время на 14%. В декабре же положение не улучшилось. По Москве, например, стоимость бюджетного набора возросла, на Украине повышение цен за декабрь съело все, что было достигнуто кампанией за снижение цен. Правда, увеличение кооперативных цен было несколько ниже, но тоже было. Если принять во внимание, что количество промышленной продукции, которая должна быть выброшена на рынок в этом году, составляет около $7\frac{1}{3}$ млрд, а на квартал несколько менее 2 млрд, то одно только повышение цен в одном только квартале должно съесть в сравнении с соответствующим кварталом прошлого года по одному только частному сектору торговли до 100 млн платежеспособного спроса при том же количестве покупаемых товаров, которое намечено по плану. Сокращение спроса по этой причине на языке экономически грамотных людей называется последствием роста цен, а не смягчением товарного голода.

Рассчитайте теперь эти переплаты потребителей на росте цен не только по частному сектору, но по всей розничной торговле плюс недовыручку крестьянства по хлебу в сравнении с наметкой Госплана, исходившей из одинаковых заготовительных цен в сравнении с 1925 г., разделите цифру предполагавшегося Госпланом дефицита в 500 млн руб. на один квартал, учтите увеличение акцизов в этом году и скажите, где же преувеличение товарного голода и не является ли цифра Госплана скорее слишком скромной. Правда, в этом году общий выход продукции промышленности предполагается больше в сравнении с ожиданиями Госплана, и это увеличение даст действительные ресурсы для уменьшения товарного голода. Здесь недоучет в цифрах есть, по-видимому, факт. Но влияние этого увеличенного в сравнении с планом выхода промтоваров на рынок есть «музыка будущего». В этом квартале на широком потребительском рынке увеличение, например, продукции топливной промышленности не могло заметно сказаться, а увеличение продукции по другим отраслям, например по текстильной, скажется после. Между тем ряд товарищей уже по отношению к истекшему кварталу заявляли и заявляют о «смягчении товарного голода», выдавая за смягчение голода рост цен, сокращение платежеспособного спроса вследствие падения хлебных цен, рост водочного налога, рост

акцизного обложения и связанное со всем этим некоторое ослабление товарного спроса. При этом забывается часто, что на известном уровне роста цен при данных размерах потребности в товарах начинается воздержание от покупок еще до исчерпания платежеспособного спроса. Конкретно: если при данных ценах 100 единиц платежеспособного спроса поглощают 100 единиц товара, то, если цены стоят на недоступной для потребителей грани, повышение цен с 100 до 105 даст возможность реализовать до 90 единиц товара и 10 единиц спроса останутся неиспользованными. Обратная картина часто наблюдается при падении цен. Наконец, сторонникам того взгляда, что мы переживаем смягчение товарного голода, каждый потребитель может задать естественный вопрос: если у нас смягчение товарного голода, почему же у нас розничные цены не только не падают, а даже возросли несколько за последний месяц? В чем тут дело?

А дело здесь в том, что мы имеем не ослабление товарного голода, а загоняние* его внутрь хозяйственного организма, мы имеем лишь переход одной формы кризисного состояния в другую. Мы имеем пока не смягчение товарного голода, а обострение диспропорции между промышленностью и земледелием, рост несоответствия между увеличившимися розничными ценами на промтовары и падением заготовительных цен на хлеб, лишь переход кризиса в новую фазу: хозяйственный организм стихийно начнет выправлять несоответствие рвотой от высоких цен и конвульсивным сжатием спроса, сокращая в сфере частного хозяйства производство культур, ставших с точки зрения трудовых затрат невыгодными в данных условиях рынка. Первым предвестником этого является сокращение или приостановка роста технических культур. Здесь заявляет о себе закон ценности, стихийный результат товарного хозяйства, конкурирующий с нашим плановым началом в области установления пропорции в хозяйственной системе. Наиболее важная часть крестьянского хозяйства, наиболее тесно связанная с нашей промышленностью и питающая ее сырьем, находится под угрозой приостановки развития. *Что же касается сферы спроса и предложения промтоваров, то мы идем здесь, по-видимому, навстречу положению, аналогичному осени 1923 г. Только теперь центр тяжести лежит прежде всего в оптово-розничных ножницах.* Понижение розничных цен есть центральная проблема, решение которой может хотя бы отчасти восстановить относительное равновесие в хозяйстве. Но в том-то и дело, что это орех гораздо более крепкий, чем многие себе представляли и представляют. Кампания за понижение розничных цен путем внешнего административного нажима на кооперацию, в общем, не удалась, если не считать того положительного результата от нее, что она задержала возможность еще большего повышения цен в связи с общим осенним оживлением торговли. *Торговый аппарат хозяйства страны, не только частный, но даже кооперативный, пока ускользает от планового руководства государства.* Надо, во-первых, признать этот факт и, во-вторых, его понять для того, чтобы с надеждой на успех решить вопрос о том, какие практические меры нужно принять для снижения цен.

Наш товаропроводящий аппарат громоздок, неуклюж, «перенаселен» в результате разбухания при стихийном росте предыдущего периода, работает плохо, обходится невероятно дорого.

Кроме того, в предыдущий период торговые накладки включали в себя процент на создание собственного оборотного капитала.

Наш торговый аппарат изнежен и избалован с самого рождения тем, что развивался в развращающей обстановке товарного голода, отнюдь не способствующей рациональной постановке торгового дела. У нас по отношению к ряду товаров, особенно недостаточных, не было даже торговли, в собственном смысле, а распределение – со всякими накладками между голодными потребителями, бравшими все нарасхват. Где здесь

* Так в тексте.

достаточно сильный стимул к минимальным накидкам, к рационализации аппарата, к борьбе с накладными расходами? Самой лучшей палкой, которая воспитывает торговый аппарат в духе сокращения расходов обращения, есть достаточное насыщение рынка товарами, принуждающее искать покупателей, а не распределение полунаркопродовского типа. Поэтому остается в силе и для теперешнего периода та истина, что самым верным средством к уменьшению оптово-розничных ножиц является *расширение производства недостаточных товаров*. Ничто не заменит этого основного фактора рационализации торговли. Все другие средства могут лишь несколько выправить ситуацию, но никогда не сведут расходов торгового аппарата хотя бы к довоенным. Другой мотив. Опыт снижения торговых расходов в кооперации показал, что легче всего это снижение достигается путем роста оборотов, путем роста нагрузки аппарата, а не путем его физического сжатия³. И здесь выход в увеличении товарных масс на рынке, и в том числе товарных масс, проходящих через кооперативный оборот.

Наконец, только насыщение рынка может серьезно ударить по накоплению частного капитала. Частный капитал, который сам себе не враг, дерет сейчас с потребителя, во-первых, все то, что берет с него кооперация, во-вторых, имеет добавочные накладки и, в-третьих, использует еще тот факт, что при большей его изворотливости торговые расходы у него меньше, чем в кооперации. Только при насыщении и даже некотором перенасыщении рынка частный капитал, при его большей подвижности, вынужден будет, чтобы не остаться без покупателей, снизить свои цены.

Подводя итоги наших усилий по снижению розничных цен за несколько лет, мы должны придти к выводу, что решить эту проблему нам не удалось. Тов. Бухарин на Московской конференции партии подчеркнул уже тот факт, что оптовые цены нашей государственной промышленности мы снизили на 36%, тогда как розничные цены за это время снизились всего на 3%. Я еще вернусь к этому грустному итогу ниже в связи с вопросом об отпускных ценах трестов. В данном же случае приходится лишь признать факт.

Почему мы потерпели неудачу в деле снижения розничных цен? Прежде всего, конечно, потому, что государству в деле борьбы за снижение цен в товарном обороте приходилось идти против стихии, против закона спроса и предложения, против того «задержанного рефлекса закона ценности» в нашем хозяйстве, который приводит к повышению цен без соответственного стихийного перелива труда и средств производства в области производства дефицитных товаров. На этом участке физические силы нашего регулирования, если можно так выразиться, сказались значительно слабее, чем в секторе национализированной промышленности. Несмотря на охват через госторговлю и кооперацию двух третей товарного оборота, стихийные законы рынка пересилили плановое регулирование и на этих двух третях государственной либо подконтрольной государству территории. Если мы хотим взять грубо итог нашего регулирования торговли за время нэпа, то перед нами выплывут две основные цифры: сравнение довоенных накидок со средней торговой накидкой кооперации и частных, во-первых, и сравнение кооперативных накидок с накидками частного капитала, во-вторых. Довоенные накладки равнялись около 20%, теперешние накладки в частной торговле более 50%, в кооперативной процентов на 15–20 меньше, но точных данных, взвешенных данных, по всему вывозу у нас нет. Если взять довоенные накладки торгового аппарата и среднюю накидку по всем видам торговли у нас, то здесь итог регулирования торговли пока целиком против нас⁴. Наоборот, в госторговле и кооперации цены дешевле, чем в секторе частной торговли, примерно в таком соотношении: то количество товаров, за которое до войны платили 100 коп., в частной торговле в рознице стоит 265, а в кооперативной 225–230, т.е. на 18% дешевле (эти цифры по кооперации требуют проверки). Здесь регулирование дает положительный результат.

Как же уменьшить торговые расходы кооперации, госторговли и частных?

Что касается последних, то до преодоления товарного голода и до охвата кооперативным оборотом сбыта кустарной промышленности здесь трудно достигнуть серьезных результатов, хотя все возможное должно быть сделано. Что же касается госторговли и кооперации, то снижение розничных цен в них является делом совершенно неотложным. Все наше хозяйство и его развитие упирается на данном отрезке времени главным образом в проблему оптово-розничных ножиц и тем берет под обстрел нашу систему обмена.

На сколько же и насчет чего можно сократить торговые накладки кооперации и госторговли?

Что касается вопроса: можно ли? – надо ответить «да». Цены взвинчены настолько, что мы можем иметь скоро заговаривание при товарном голоде и частичные забастовки покупателей, желающих покупать, но не могущих или не желающих покупать по данным ценам (не надо забывать и классового состава наших покупателей – вопрос недостаточно, к сожалению, изученный, как и вся динамика массового спроса и потребления в советских условиях). Здесь государство, имевшее против себя в деле снижения цен стихию рынка, будет иметь до известного момента эту стихию за себя. В обстановке заговаривания под давлением покупателей и под давлением государства торговый аппарат должен будет поддаться: выжать от него снижение накидок на известный процент теперь будет возможно.

Но на какой процент? На чем можно будет урезать накладки? Дело может идти лишь о сжатию так называемых «зависящих» накладных расходов.

Кооперация и госторговля имеют прибыли. Сами они уверяют, что около 120 млн. На деле, вероятно, значительно больше. Надо положить за правило, что ни кооперация, ни госторговля не должны в ближайшие годы, по крайней мере, иметь прибылей в период повышения или стабилизации розничных цен. Большая, подумаешь, заслуга иметь прибыль при теперешних накидках, которые с точки зрения накидок в хорошо организованной капиталистической торговле Европы являются прямо сказочными или, вернее сказать, сверхскандальными. Говорят: да ведь прибыли-то маленькие, всего 120 млн. Но ведь это доказательство именно бесхозяйственности, если при теперешних накидках прибыли так малы. Хотя часть прибыли кооперации и идет пайщикам, следовало бы вообще высказаться за недопустимость прибылей в период увеличения или стабилизации цен и ставить рекорды образцовой работы в деле снижения цен в сравнении с другими кооперативами, а не в графе прибылей.

Во-вторых, теперешние цены включают увеличение оборотного капитала госкооперативной торговли. Если это было естественно в первые годы торговли, когда госторговля и кооперация были выпущены на вольный рынок торговать без рубашки и должны были обрастать оборотным капиталом на ходу, то теперь «калькулировать» с расчетом увеличить капитал является уже недопустимым. Надо увеличивать быстроту оборота уже накопленного капитала плюс кредит.

Третий возможный и, пожалуй, наиболее надежный источник сокращения накидок – увеличение оборота на тот же аппарат торговли. Если разбухание нашего торгового аппарата будет приостановлено, рост торгового оборота будет автоматически уменьшать торговые расходы в их отношении к обороту.

Затем надо подумать, где нужно, о сжатию уже теперешнего аппарата госторговли и кооперации. По-настоящему здесь еще как следует не рационализировали дела. На тот же оборот частная торговля занимает меньше людей и меньше тратит на рабсилу не только потому, что у нас лучше поставлена охрана труда, отчетность и контроль (отчетность и контроль, впрочем, не всегда абсолютное благо, а часто дорогостоящие бюрократические наросты), но и потому, что у нас хуже поставлено использование рабочей

силы и не найдены свойственные коллективной системе стимулы, заменяющие положительные стороны буржуазной конкуренции⁵. Не надо забывать, что крупная кооперативная торговля наряду с выгодами всякого крупного производства имеет ту невыгоду, что балансами удовлетворительно работающих предприятий она спасает банкротов, ничем не заменяя положительную сторону всякого банкротства, поскольку банкротство выводит из строя гнилые организмы. Если в буржуазной торговле конкуренция механически выбрасывает гниль, то у нас гниль делается спутником самого механизма, во всяком случае пока мы не овладели новой системой обмена с ее особенностями.

Наконец, не мешало бы подумать, нельзя ли на ближайшие год-два перебросить часть затрат труда с кооперации и госторговли, труда слишком дорогого, на самого потребителя. Время не принадлежит, к несчастью, у нас пока ни к числу дорогих, ни к числу дефицитных товаров. Нельзя ли вместо приближения товара к потребителю несколько усилить приближение потребителя к товару? Короче: нельзя ли ликвидировать те предприятия госкооперативной сети, которые не нагружены до известного минимума оборота на рабочую силу. И само собой, надо категорически приостановить расширение сети там, где нет возможности полностью загрузить аппарат.

Вот ресурсы для снижения розничных цен в кооперации и госторговле. Что это может дать? При 3 808 млн руб. кооперативного оборота за истекший год и значительно большем в 1926/27 г., в развращающей обстановке товарного голода, но в момент угрожающего торгового затора, это может дать снижение цен на 6–7%, т.е. главным образом ликвидировать рост цен последнего года. Это было бы для данного года существенным успехом.

Теперь остается сказать о возможности снижения оптовых цен для стимулирования снижения розничных. Я считаю, что расстрелять эти патроны мы всегда сумеем. Все дело в том, чтобы дошло до потребителя. Иначе сотни миллионов рублей, предназначенных для улучшения положения потребителей, будут перехвачены торговой сетью. За истекшие три года снижение отпускных цен в общем и целом до потребителей почти не дошло. Это может повториться и в этом году. Между тем снижение отпускных цен только на ту часть промышленной продукции, которая идет в деревню и городским потребителям, и только на 3–4% составит огромную сумму – минимум полторы сотни миллионов рублей, которая будет означать прямой вычет из фонда расширения промышленности. *А так как расширение и техническое переоборудование промышленности есть основной фактор удешевления цен*, то ради временного эффекта на рынке, который к тому же легко может быть съеден торговым аппаратом, будет задержан процесс действительного смягчения товарного голода, действительного и прочного изменения рыночной конъюнктуры в пользу потребителя⁶. Несомненно, в некоторых отраслях госпромышленности снижение отпускных цен возможно и необходимо, особенно в создавшихся теперь условиях на рынке. Задача состоит в том, чтобы, избегая всякого огульного снижения цен, провести его в такой момент, когда это снижение целиком и полностью дойдет до потребителя и когда будут гарантии, что из торговой сети выжато все, что возможно, для уменьшения розничных цен. Надо, однако, опасаться, чтобы в случае наступления торгового кризиса не началось огульное и паническое снижение отпускных цен. Это ударит по промышленности, это даст возможность торговому аппарату сложить на промышленность часть последствий того кризиса, вызванного вздутием розничных цен, в котором промышленность никак не виновата. Наконец, и из деревенских покупателей этими жертвами со стороны пролетарской промышленности скорее воспользуются не те слои, которые нас интересуют. *Бедняк и середняк, продавшие по сниженным ценам излишки своего хлеба до 1 января, покупали промышленную продукцию по вздутым розничным ценам*. А кулаки и зажиточные, придержавшие его в

ожидании весеннего роста цен, продавая хлеб дороже, будут покупать промтовары по сниженным ценам. В интересах бедняцко-средняцкого покупателя мы заинтересованы в другом сезоне для снижения цен, в лето и особенно в осени, когда эти слои скорее всего способны покупать. Между тем в истекшем году снижение цен именно в этот сезон надо признать неудавшимся.

В настоящей статье я не вношу никаких систематизированных конкретных предложений. Я лишь хочу побудить товарищей к обсуждению экономической ситуации раньше, чем заминка в торговле наступит. Если мы правильно разберемся в том, что происходит в нашем хозяйстве теперь, в начале 1927 г., нам легче будет наметить все практические меры, которые надо будет принять в сфере экономической политики государства.

P.S. Настоящая статья была уже написана и послана в редакцию «Правды», когда мне передали, что на последнем пленуме ЦК некоторые из выступавших товарищей называли мою книгу «Новая экономика» «евангелием оппозиции», теоретически обосновывающим политику повышения цен. Я должен напомнить читателям, что по вопросу о политике цен моя книга защищает в качестве программного следующий тезис, правильность которого была достаточно доказана нашим хозяйственным опытом: «Правильная политика цен на продукцию государственной промышленности должна преследовать следующие три цели: накопление для расширенного воспроизводства и для технического переоборудования промышленности, повышение заработной платы, понижение цен» (Новая экономика. 1-е изд. С. 237; 2-е изд. С. 276). Кроме того, замечу раз навсегда, что за мою книгу несу ответственность в качестве автора я один, никаким символом веры оппозиции она не является. Как известно, взгляды оппозиции на политику цен изложены в нескольких официальных документах и выступлениях, например: в заявлениях на июльском пленуме ЦК в 1926 г., на XV партконференции, на VII расширенном пленуме ИККИ.

Преображенский Е.А. Экономические заметки:

Новое в хозяйственной ситуации // Большевик. 1927. № 6. 15 марта. С. 57–65.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. Контрольные цифры. С. 79.

² В 1924/25 г. реальная зарплата равнялась 82,6% от довоенной, в 1925/26 г. – 91,3%.

³ Я не хочу сказать этим, что физическое сжатие не нужно или невозможно, а лишь то, что оно встречает сильнейшее сопротивление.

⁴ За 1925/26 г. общая сумма всех накидок всей торговой сети равнялась 4,7 млрд руб., и на 1926/27 г. предположена Госпланом в 5 млрд. Так как цены в рознице выше прошлогодних, то наценка этого года будет, несомненно, значительно выше 5 млрд. Вот на что надо нажимать!

⁵ У нас еще не все отдают себе отчет в том, что наши упорные неудачи в деле снижения розничных цен в числе прочих причин связаны с организационным кризисом советской системы обмена, а этот кризис, это неумение «культурно торговать» (о чем говорил т. Ленин) связано с проблемой нашего общего культурного развития. Против причин такого рода никакие ударные кампании нам не помогут, так как, по выражению Ленина, здесь нужна «культурная революция».

⁶ В частности, было бы величайшим головотяпством с нашей стороны, если бы мы не использовали полностью исключительно благоприятного положения на мировом хлопковом рынке и не сделали в этом году мануфактуру достаточным товаром. Так как развертывание текстильной промышленности встречает препятствие и со стороны оборудования, необходимо немедленно обеспечить ей импорт нового оборудования. Намеченное уже увеличение производства в текстильной промышленности явно недостаточно.

[Г Л А В А 9]

ЗАМЕТКИ ЭКОНОМИСТА НА «ЗАМЕТКИ ЭКОНОМИСТА»

Уральск

5 ноября 1928 г.

Помещенная в «Правде» от 30 сентября объемистая статья Н.И. Бухарина заслуживает самого серьезного внимания как со стороны тех, кого она обстреливает, не называя и не указывая их точного адреса, так и, разумеется, со стороны тех, кто назван, как пишущий эти строки. Из большого количества огромных проблем, затронутых Бухариным, я остановлюсь пока лишь, главным образом, на проблеме воспроизводства, и на этой проблеме – лишь под углом зрения равновесия в нашей хозяйственной системе.

Для удобства изложения я сначала в самых кратких чертах воспроизведу основной стержень бухаринской теории сокращения темпа индустриализации, по возможности не отступая от его собственного текста.

Введение к статье гласит так: «Мы и сами недостаточно осознали еще всю новизну условий реконструктивного периода. Именно поэтому мы так «запаздывали»: проблему своих спецов поставили лишь после Шахтинского дела, проблему совхозов и колхозов сдвинули практически с места после хлебозаготовительного кризиса и связанных с ним потрясений и т.д., словом, действовали в значительной мере согласно истинно русской поговорке: «гром не грянет – мужик не перекрестится».

Не возражая против этого вывода и искренне радуясь ликвидации разногласия по этому вопросу, перехожу к тому, что сообщает нам на основную тему «перекрестившийся» после грома автор.

1) Реконструктивный период существенно отличается от предыдущего периода строительства нашего, т.е. восстановительного периода. «Ибо существует величайшая разница между, скажем, простой починкой моста и его *постройкой*».

2) За три года реконструктивного периода государственное хозяйство и весь общественный сектор сделали огромные успехи в деле увеличения основного капитала.

3) Эти успехи сопровождались однако «своеобразными кризисами», которые, при всем *решающем* отличии закономерности нашего развития от капиталистического, как будто «повторяют», но в вогнутом зеркале, и кризисы капитализма.

4) Товарный голод не есть закон нашего развития.

«Из того, что «товарный голод» не есть абсолютный закон развития переходной экономики, что «кризисные» нарушения основных хозяйственных пропорций не неизбежны, вытекает, что «необходимо добиваться возможно более правильных сочетаний основных элементов народного хозяйства («балансировать» их, расставлять их наиболее целесообразным образом, активно воздействуя на ход экономической жизни и классовую борьбу)».

Всякий отказ от этой важнейшей и наисущественнейшей задачи является капитуляцией перед мелкобуржуазной стихией».

5) Мы имеем в нашем народном хозяйстве одновременно и недостаток хлеба и отчасти сырья, и недостаток промтоваров в деревне.

Положение троцкистов о том, что промышленность отстает от запросов страны, и в том числе сельского хозяйства, неверно. Цифры показывают, что она отстает как будто бы от самой себя, т.е. сама не может удовлетворять своего же производственного спроса. А с другой стороны, и спрос деревни есть наполовину спрос, связанный с неземледельческими заработками населения, так или иначе работающего на государственное хозяйство. Здесь индустриализация не удовлетворяет спрос на промтовары, а предьявляет такой спрос.

6) Мы неправильно планируем. Зерновое хозяйство резко отстает от запросов рынка, политика цен не обеспечивает достаточного производительного накопления в сельском хозяйстве для целей расширенного производства. С другой стороны, и мы строим такие планы капитальных затрат, которые невыполнимы вследствие дефицитности строительных материалов, хотя с финансовой стороны планы могут быть и реальными. Так как сельское хозяйство «лимитирует» наше промышленное развитие как со стороны хлеба, так и со стороны сырья, то необходимо прежде всего подумать о ликвидации диспропорции с этого конца. Подводя общие итоги, нужно сказать: а) по основным фондам, валовой и товарной продукции темп развития индустрии чрезвычайно превышает темп развития сельского хозяйства; б) зерновое хозяйство, поставленное в крайне невыгодные условия, угрожающе отстает даже от минимально необходимых темпов; в) спрос со стороны деревенского населения наполовину является неземледельческим спросом и сам в незначительной мере порождается развитием крупной промышленности, общественного хозяйства; г) дальнейшее увеличение темпов в развитии индустрии определяется в значительной мере сельскохозяйственными сырьевыми и экспортными лимитами.

7) Кроме правильного планирования на* дальше «должны научиться культурно управлять» «и не делать... тысяч маленьких и больших глупостей». Кроме того, «мы не перестроили так своих рядов, как того требует реконструктивный период».

По первому пункту, так же как и насчет вводной части, у меня полнейшее согласие с автором. А ведь сколько спорили в свое время насчет разницы между восстановительным периодом и реконструктивным и как много «выражений» (паникеры, пораженцы и т.д.) было пущено по адресу тех, которые доказывали, что реконструктивный период не пойдет как по маслу и готовит массу трудностей, к которым нужно заранее подготовиться. Но поскольку оптимисты начинают «креститься после грома», нам остается только не мешать им уметь, скромно заметив лишь, что за эти два-три года, пока они доходили до всех этих святых истин, жизнь мало-мало шла вперед и успела поставить на очередь новые задачи либо вспомнила старые, помноженные на коэффициент запоздания с их решением.

Не приходится спорить о больших успехах государственного хозяйства в области увеличения основного капитала нашей промышленности за эти три года. Но было бы глубочайшей ошибкой и явно тенденциозным подходом к делу отказываться при этом от анализа значения этих цифр. Ведь прирост за три года основного капитала государственной промышленности на 2 млрд руб. еле-еле покрывает, «если только покрывает», так называемый амортизационный провал прошлых лет, равнявшийся по различным подсчетам около 2 млрд руб. Если же брать основной капитал всего государственного хозяйства вместе с кооперацией, т.е. в том числе и транспорт, где потери основного капитала были особенно велики, а восстановление идет медленно,

* Так в тексте.

то здесь прирост даст лишь 14%. Эти цифры блестяще опровергают белогвардейскую ложь о том, что мы продолжаем проедать наш основной капитал, полученный от буржуазно-помещичьей России, но было бы фальшью, умалчивая об амортизационных провалах прошлых лет, использовать эти цифры для доказательства того, что «темп развития индустрии чрезвычайно превышает темп развития сельского хозяйства». Никакого «чрезвычайно» тут нет, потому что сельское хозяйство не падало так низко в годы войны и революции, как падала промышленность и продукция, по своим основным фондам.

Вот что говорят нам сухие цифры о движении основных фондов государственной промышленности и частного, т.е. крестьянского сельского хозяйства за последние четыре года (в млн руб.):

	1924/25 г.		1925/26 г.		1926/27 г.		1927/28 г.	
	Износ за год	Вложение	Износ за год	Вложение	Износ за год	Вложение	Износ за год	Вложение
Сельское хозяйство (частное)	859,1	1 437	6 863,5	1368,4	889,5	1 454,8	978,1	1 554,0
Государственная промышленность	330,6	353,5	331,6	790,2	344,9	1 011,0	381,5	1 284,1

(Данные взяты из книги «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927/28 г. Изд. «Плановое хозяйство». С. 520, 521.)

Это значит, что только в 1924/25 г. промышленность еле-еле приостановила проедание основного капитала, в то время как крестьянское хозяйство все время увеличивало накопление. Железнодорожный транспорт продолжал проедать основной капитал и в 1924/25 г. (износ за год 286,7 млн, вложение – 255,4), а жилищный государственный фонд в городах продолжал проедаться даже в 1925/26 г. (износ – 189,2 млн, вложение – 157,8).

Всего прирост основных фондов по крестьянскому хозяйству выразился в 16 230,7 млн в начале 1924/25 г., до 18 518,3 к концу 1927/28 г., т.е. на 2 287,6 млн, а по госпромышленности с 5 726,6 млн до 7 776,8, т.е. на 2 750 млн. Эти два миллиона еле покрывают износ прошлых лет.

Но посмотрим на положение дел в другом аспекте. Когда промышленность покрывает свой текущий износ основного капитала и износ прошлых лет, то это есть успехи в покрытии износа, а не быстрый рост нового основного капитала. Правда, при этом старое оборудование заменяется новым, его производственная эффективность растет, но это не есть тот рост, который целиком идет на увеличение продукции в сравнении с довоенным временем.

Серьезнейшая ошибка ВСНХ всегда состояла в том, что он в своих отчетах перед широкой публикой никогда не подчеркивал ясно разницы между действительно новым строительством и между капитальными вложениями и новым строительством, лишь покрывающими текущую амортизацию и амортизацию прошлых лет. Этим он давал лишь повод разводить легкомысленный, дилетантский, очковитирательский оптимизм тем, кто предпочитал заниматься этим «полезным» делом, вместо серьезного изучения действительного положения вещей. С этой точки зрения полезно посмотреть, сколько, во-первых, мы тратим на новое строительство в сравнении с капитальными вложениями в существующие предприятия и, во-вторых, какая часть прибавочного продукта, создаваемого рабочей государственной промышленностью, идет на новое строительство в промышленности.

В 1925/26 г. из 861 млн руб. капитальных вложений на новое строительство заводов пошло только 100 млн, или 12%; в 1926/27 г. из 975 млн – лишь 275 млн, или 21%, и в 1927/28 г. из 1 066 млн намечено было лишь 230 млн руб., или 24%.

Не очень давно вышла из печати в издании ЦСУ интересная работа о государственной промышленности за 1925/26 г., где впервые, насколько я знаю, сделана попытка подсчета размеров получаемой государством от государственной промышленности «прибавочной ценности», или, вернее, прибавочного продукта.

Как известно, Маркс в своих примерных арифметических иллюстрациях процесса капиталистического производства исходил из «нормы эксплуатации» в 100%, т.е. принимал, что в масштабе всего капиталистического производства на каждые 100 руб., фунтов, марок выплачиваемой заработной платы приходится 177 руб., фунтов, марок присваиваемой капиталистическим классом прибавочной ценности. Конкретная статистика общей национальной прибыли и общего национального фонда заработных плат в отдельных странах фактически была близка к этой пропорции, например в Англии в 90-х гг. прошлого века, в Германии перед мировой войной.

В тех же схемах Маркс исходил далее из того, что из всей прибавочной ценности половина потребляется капиталистами, т.е. всем капиталистическим обществом, кроме рабочих, а половина идет в накопление, т.е. присоединяется к функционирующему капиталу общества¹.

В эту половину, в эти 50%, конечно, не входят амортизационные затраты на изнашиваемое оборудование.

Посмотрим теперь, как же выглядят соответствующие пропорции в нашем хозяйстве. Согласно упомянутой выше работе ЦСУ в годичном обследовании промышленности в 1925/26 г.² вся чистая продукция, т.е. весь вновь созданный продукт был равен вместе с акцизом 4 850,3 млн руб., «элементы прибавочной ценности», как выражаются авторы книги, – 2 691,3 млн, т.е., по терминологии Маркса, по отношению к капиталистическому хозяйству «норма эксплуатации», а мы скажем – норма отчуждения прибавочного продукта, равнялась 125%. Составители книги допустили здесь методологическую ошибку, причисляя к прибавочной ценности всю сумму акциза, между тем как акциз есть налог на всех потребителей, а не только на рабочих. Для сравнения фонда заработной платы с «элементами прибавочной ценности», получаемыми именно от рабочих, надо вычислить весь акциз из чистой продукции, вычесть из зарплаты акциз, выплачиваемый государству рабочими, и сравнивать уже реальный потребительский фонд заработной платы с прибавочным продуктом. Сделав такое вычисление на основании размеров выплаченного рабочими акциза в исследуемом году, каковой акциз равнялся 185,8 млн, если брать пропорцию на основании бюджетных обследований, – мы получим реальный фонд заработной платы, идущий на потребление 1 673,1 млн руб. Сумма отчуждаемого прибавочного продукта без акциза 1 962,6 млн руб., следовательно, норма отчуждения 117,3%, т.е. несколько ниже, чем в работе ЦСУ³.

Но в данной связи нас интересует не норма отчуждения – к этому вопросу мы еще как-нибудь вернемся в связи с проблемой непроизводительного потребления в советской системе – здесь нам важно выяснить, какая часть этого прибавочного продукта идет в накопление самой промышленности, что при нормальных условиях, т.е. покрытия амортизационного провала прошлых лет, означает другой вопрос: какая часть этого прибавочного продукта идет на действительно новое строительство.

Предприятия, которые фиксируются эмиссиями, могут быть прослежены по балансам.

В исследуемом году на *строительство* новых заводов пошло 100 млн руб., на расширение и реконструкцию существующих предприятий – 447 млн, на капитальный ремонт – 157 млн. В области жилищного строительства в большинстве случаев восполнялся лишь износ прежних лет, капитальный ремонт тоже не относится к новому строительству. Следовательно, к новому строительству надо отнести 100 млн, вложение в электростроительство минус годовой износ, т.е. 57,9 млн, и часть 447 млн, потому что другая часть и здесь шла

лишь на амортизационные затраты. По вине приведенной таблицы* основных фондов капитальные вложения вместе с электрификацией составляли за год 863,1 млн, износ за год по промышленности – 331,6 млн, по электрификации – 14,2 млн, а всего без износа и без жилищного строительства это даст 409,9 млн руб. По отношению к прибавочному продукту 1 962,6 (взятому без акциза) это составляет 30,9% накопления, т.е. уровень накопления в два с половиной раза меньше того, который Маркс считал невозможным брать в качестве цифрового примера капиталистического накопления хозяйства.

Где же здесь «чрезвычайный» темп накопления в госпромышленности? Чрезвычайным здесь является то, что угодно, например уровень непроизводительного потребления Советского государства за счет прибавочного продукта рабочих, а отнюдь не темп реального накопления в промышленности.

Идем дальше. В чем суть теперешнего кризиса советского хозяйства? Здесь в статье Бухарина бросаются в глаза две вещи. С одной стороны, он беспомощно разводит руками перед своеобразной двусторонней пропорцией в нашем хозяйстве: не хватает сырья и хлеба, выносимых на рынок деревней, а в то же время не хватает и промышленных товаров, предлагаемых городом для деревни. Но с другой стороны, пробивается наружу достаточно осторожно выраженная и недоговоренная до конца мысль о том, что товарный голод есть результат неправильного планирования, что диспропорция связана со слишком быстрым темпом индустриализации, что мы не осуществляем «правильных сочетаний основных элементов народного хозяйства», что капиталонакопления деревни недостаточны, а план капитальных вложений промышленности чрезмерен, одним словом, мы забегаем дальше объективных возможностей для страны темпа индустриализации. Отсюда, конечно, читателю статьи сам в рот лезет вывод: промышленность, осадил назад; не забегай вперед сельского хозяйства.

Прежде всего, мы и без разъяснения Бухарина знаем и знали, какую роль играют стихийность и плановое начало в нашей экономике. Спор был лишь о том, какая политика уменьшает и какая увеличивает эти элементы стихийности. Точно также и до «разъяснения» Бухарина мы знали, что крупная часть нашего хозяйства есть государственное хозяйство, и поэтому «анализ закономерности переходного периода» должен включать в себя и анализ закономерности развития государственного хозяйства. Спор был лишь о том, каковы эти закономерности, и что в экономике государственного хозяйства принудительно диктуется всей структурой и данным экономическим уровнем этого хозяйства в его взаимоотношениях с частным хозяйством (т.е. диктуется прежде всего законом первоначального социалистического накопления; были мудрецы, которые отрицали наличие такого закона или такой объективной нормы, если хотите), и что в экономической политике есть продукт конъюнктурных моментов, а также продукт ошибок, бесплановости, непродуманности и стихийного воздействия непролетарских интересов.

Чтобы методологически правильно подойти к анализу советского хозяйства, надо исходить из того, что, во-первых, этот кризис не только экономический, но и социальный, т.е. что он выражает не только определенные диспропорции в экономических отношениях, но и вытекает из борьбы двух непримиримых враждебных форм хозяйства (и соответствующих классов), принудительно включенных в общую экономику страны. Надо, следовательно, сделать все выводы из того факта, что кулак не желает вращаться в социализм даже одной страны вопреки оптимистическим предсказаниям на этот счет Бухарина и его «школы».

Во-вторых, при анализе экономической диспропорции надо отделять элементы объективного и длительного несоответствия от последствий ошибочной экономической политики, а в последних, опять-таки выделить такие ошибки, которые успели затвердеть и превратиться в экономическую необходимость.

* Так в тексте.

Начнем сначала с экономических вопросов.

Есть ли у нас экономическая диспропорция между сельским хозяйством и промышленностью?

Диспропорция есть большая, и заключается она в том, что промышленность систематически не покрывает товарного спроса деревни, закупоривает процесс развития и товаризации сельского хозяйства. Ведь элементарно ясными для каждого экономиста является мысль, что если имеющийся в наличности и потенциальный товарный фонд со стороны деревни не может превратиться полностью в промтовары, предлагаемые городом, то самый процесс товаризации для деревни является бесцельным.

Откуда появилась эта диспропорция?

Происхождение двоякое. Историческая диспропорция, независимая от экономической политики государства, состоит в том, что революция: 1) уничтожила помещичьи хозяйства и часть кулацких товарных хозяйств, т.е. сократила товарность земледелия, уменьшив зато огромное перенаселение; 2) произвела переворот в крестьянском бюджете: крестьянское хозяйство не платит аренды, меньше платит налогов, его потребление сельскохозяйственных продуктов увеличилось, спрос на продукты промышленности сравнительно с уровнем товарности земледелия возрос. Итог: товарное производство ниже, а потребление выше, чем до войны; 3) население СССР в сравнении с населением той же территории до войны увеличилось; 4) урожайность в среднем пока ниже довоенной; 5) обмельчание хозяйства вследствие разделов ухудшает обработку земли и уменьшает товарность; 6) посевная площадь немного не достигает довоенной.

Однако последняя причина отчасти является также и следствием недостаточно быстрого развития промышленности и ее товарного предложения деревне.

Все эти причины, из которых одни являются исторически прогрессивными, как ликвидация помещичьего землевладения и изменение в строении крестьянского бюджета, другие же – отрицательными, принадлежат к причинам объективного характера. Такого же характера и слабость промышленности, поскольку она связана с отсталостью полученной от старого режима техники, с амортизационными провалами в основном капитале и с нашим социалистическим одиночеством.

Наоборот, нельзя сваливать на объективные причины теперешнюю относительную слабость промышленности, поскольку она связана с прошлыми ошибками в области экономической политики. К числу вопиющих ошибок этого рода относится лозунг и соответствующая практика: «промышленность, медленней шаг, не забегай вперед сельского хозяйства, долой сверхиндустриалистов» и т.д. Сюда же относятся: непонимание на протяжении ряда лет источников промышленного накопления и его объективно необходимых размеров; ошибки в области распределения национального дохода; преступное попустительство к росту непроизводительного потребления советской системы, в особенности «перенаселенность» и дороговизна бюрократического аппарата государства, кооперации, профсоюзов и партии; бестолковость и бюрократизм в управлении хозяйством по всем этапам государственного хозяйства; убытки от чиновничьего отношения к социалистическому делу, т.е. попытки решать исторически прогрессивные задачи исторически реакционными приемами и неподходящими людьми; истребление необходимейших и дефицитных материальных ценностей при неумелом капитальном строительстве, нередко происходящие от распределения людей в управлении производством не по принципу таланта, социалистической ответственности и самостоятельности, а по принципу наибольшей угодливости и прислужничества перед начальством, часто к тому же ни черта не понимающим в доверенном ему деле; быстрое и стихийное увеличение в кадрах строительства людей, которые заменяют столь необходимый для живой страны социалистический строительный энтузиазм и

горение на работе (образцом чего был, например, покойный Дзержинский) развратом, пьянством и преферансом.

Могут сказать: все это есть, но все это мелочи в сравнении с исторически возникшей диспропорцией между промышленностью и сельским хозяйством.

Нет, это не мелочи. Всякий историк хозяйства знает роль этих «мелочей», например в истории пуританизма и развития английской и американской промышленности. А разве кто-нибудь суммировал эти «мелочи», кто-нибудь дал себе труд подсчитать, сколько дают эти «мелочи», помноженные на ряды лет? Если от неправильного распределения национального дохода промышленность теряла ежегодно только 150 млн руб. в год, и столько же от «перепроизводства» бюрократии, и миллионов сто от бесхозяйственности, просчетов, отсутствия правильного распределения людей (чему столь важное значение придавал Ленин), то ведь эти 400 млн руб. в год, помноженные на четыре года, и с прибавлением того, что дал бы прибавочный продукт от производительного потребления этих средств, дадут более 2 млрд потерь в основном и оборотном капитале промышленности, упущенную возможность сократить на несколько сот тысяч людей безработицу, потерю на сотни миллионов добавочного товарного фонда для деревни. Если, несмотря на все эти пробелы, дыры и язвы, мы идем вперед и имеем в конечном счете более рациональное и быстро развивающееся хозяйство, чем это было бы при капитализме, то только потому, что мы паразитически присосались с нашими «бюрократическими извращениями» к высокой организационной структуре национализированной промышленности и из источников ее структурно-социалистической рационализации покрываем эти безумные траты.

Наш бюрократизм и наша бесхозяйственность присосались к завоеваниям Октября и сосут из важнейшего исторически данного органического источника социалистического накопления. Из того же кармана мы покрываем материальные последствия наших просчетов, наших ошибок в экономической политике и убытки от нашей некультурности.

Можно только приветствовать все, что из вышесказанного нашло свое признание и в статье Бухарина, в частности, я совершенно согласен с его утверждением, что «мы не перестроили своих рядов так, как того требует реконструктивный период». Надо бы добавить: и не перестроили их так от Москвы до Алма-Аты и Тобольска, как совсем не требовалось для социалистической реконструкции и как обычно «перестраивают ряды» только для реставрации.

Обратимся теперь к диспропорции, поскольку она имеет источником и социальный кризис в советской системе.

Когда мы перешли к нэпу, в стране наступило успокоение и хозяйство начало подниматься. Тогда же на замечание товарищей, что все идет хорошо, Ленин в частных разговорах не раз приговаривал: «Это-то и плохо, что все идет хорошо». Эти слова Ленина означали, что по всей совокупности обстановки строительства социализма в крестьянской стране и в капиталистическом окружении классовый враг должен быть налицо, серьезнейший враг, а он где-то притаился, его еще было не видеть. Но с ходом вещей новый враг появился, и имя ему – аграрный капитализм.

Первые годы индустриализации, по меньшей мере первую дюжину лет, пока технический уровень нашей промышленности не сравняется с самой передовой капиталистической страной, мы можем индустриализоваться лишь при неэквивалентном обмене с деревней. Закон первоначального социалистического накопления есть закон нашего существования и развития на этот отрезок времени. Наиболее ярким выражением такого типа накопления в государственном хозяйстве за счет частного и прежде всего товарно-производящего частного хозяйства в сельском земледелии является несоответствие цен на хлеб с ценами на промтовары в сравнении даже с довоенными пропорциями. Эти цены на промтовары являются сначала восстановительными, а затем реконструктивными,

что в данных условиях означает систематические переплаты частного хозяйства в пользу государственного. А так как частное хозяйство сосредоточено у нас преимущественно в сельском хозяйстве, а государственное – в промышленности, то все противоречие развития по этой генеральной линии неизбежно должно принимать форму более или менее сильного антагонизма между промышленностью и товаропроизводящим земледелием, в первую голову полеводством (потому что государство вынуждено раньше приступить к выравниванию цен по отношению к непосредственно на него работающим отраслям производства технических культур). Взять, что можно и нужно, с частного хозяйства для поддержки индустриализации – вот историческая задача советской власти в этот отрезок времени на экономическом фронте. Не порвать при этом с середняцкой массой деревни – вот центральная политическая задача этого времени.

Первые пять лет, пока капиталистические элементы деревни еще не окрепли, товаропроизводящая, в том числе и кулацкая, деревня молчала и принимала диктуемые ей цены. Но затем эти капиталистические элементы поднимают бунт против политики цен. Пока подъем сельского хозяйства происходит в форме превращения маломощных хозяйств в середняцкие и некоторых бедняцких в маломощные, а огромная часть прироста продукции потреблялась в натуральной форме или накапливалась при сравнительно медленном росте товарного предложения для города и пока капиталистические элементы деревни переживали свой «восстановительный» период, наша политика цен принималась деревней. Насколько систематически или, вернее говоря, насколько глупо, упрощенно оценивалась динамика наших отношений с деревней плановыми органами, упорно вытраивавшими из всех своих многолетних планов учет неизбежного обострения классовой борьбы с капиталистическими верхами деревни, можно видеть из всех пятилеток последних двух лет. Возьмите любую из них – и вы увидите, как без всяких «оврагов» и осложнений классовой борьбы, как плавно на бумаге оставались стабильными цены на сельскохозяйственные продукты при совершенно ничтожном темпе развития собственного государственного хозяйства в земледелии. Такие планы могли строиться лишь в результате насильственного вытраивания из сознания партии мысли о грядущих опасностях капиталистического развития в сельском хозяйстве, о чем так упорно твердила оппозиция. Но зато все эти пятилетки и оказались опрокинутыми в один день, как только состоялось повышение заготовительных цен на хлеб⁴.

Вполне понятно, почему развитие капиталистических отношений в земледелии должно вызывать бунт против нашей политики цен, которая в свою очередь является для нас жизненной необходимостью на известный исторический срок. Если середняцкое хозяйство из полеводческой части своей продукции потребляет 80%, а на рынок выносит лишь 20%, то его недополучения по этим 20% гораздо менее чувствительно, чем недополучение товарного кулацкого хозяйства, которое потребляет 20%, а выносит на рынок 80%, а с другой стороны, удельный вес кулацкого сопротивления нашей политике цен далеко не пропорционален удельному весу всей кулацкой продукции в сравнении с общей зерновой продукцией всей страны. Если из 4,5 млрд пудов валовой продукции полеводства государство нуждается для города, армии, лесозаготовок и районов производства технических культур в 600 млн пудов и из этих 600 млн только 100 млн доставляют кулацкие и зажиточные хозяйства, то достаточно этим последним задержать в своих амбарах эти 100 млн в расчете добиться повышения цен или продать свой хлеб весной по двойной цене на вольном рынке, чтобы весь годовой хозяйственный план государства оказался опрокинутым. Нас лимитирует в данном случае не просто сельское хозяйство, а и определенно социальная группа в сельском хозяйстве.

Какой из этого следует вывод?

Прежде всего то, что государственное хозяйство должно иметь свою собственную аграрную базу. Если частное товаропроизводящее полеводство не может мириться с на-

шей политикой цен, то государство не может мириться с производственной монополией частного хозяйства в полеводстве. Теперь довольно часто раздаются признания, что со строительством совхозов и с коллективизацией сильно запоздали. Соответствующие места из статьи Бухарина мы уже цитировали. С. Косиор в своей речи на общегородском собрании бюро ячеек Харькова («Правда» от 7 октября) также заявил: «Нам нужно было бы еще пару лет назад решительно поставить вопрос о совхозе, о коллективизации для того, чтобы увеличить количество хлеба». Правильно, следовало бы. А почему этого не последовало? По той простой причине, разумеется, что запоздалое строительство совхозов есть прямое следствие, или, вернее, обратная сторона запоздалого признания кулацкой опасности. Зачем строить совхоз, зачем снимать лишние 100 млн из бюджета на эти совхозы, когда деревня дает хлеб самотеком, когда кулаков немного, а имеющиеся – продают свой хлеб по диктуемым нами ценам, не требуя никаких вложений государственных средств в свой «сектор». Кулацкая опасность выдумана оппозицией ради фракционных целей. Выходит: по части совхоза и признания кулацкой опасности *запоздали*; с исключением* и высылкой оппозиции, своевременно говорившей об этой опасности и о строительстве совхозов, *поторопились*.

Какой же из всего этого вытекает итог?

Итог тот, что диспропорция между товаропроизводящим земледелием и промышленностью осложняется социальным антагонизмом с капиталистическими элементами деревни. Этот антагонизм и связанные с ним элементы экономического кризиса не являются конъюнктурными и скоропроходящими явлениями, а надолго и очень прочными гвоздями забиты в нашу экономику, поскольку не скоропроходящим является преобладание мелкого производства в земледелии, а это мелкое производство рождает капитализм и буржуазию «постоянно, ежедневно, стихийно в массовом масштабе» (Ленин). Это прямоком приводит нас к вопросу о двух генеральных линиях нашего экономического развития, о которых мы будем говорить ниже, когда подойдем к общим выводам.

Перейдем теперь к причине диспропорции и кризиса.

Многие и неплохие экономисты, наблюдая наш рынок, разводят руками и откровенно заявляют: ничего не понимаем, страна при почти довоенной продукции зерна не только не вывозит $\frac{1}{2}$ млрд пудов, который экспортировала до войны, а имеет хлебный кризис. Промышленность перешагнула уже довоенный уровень и увеличивает продукцию каждый год значительно быстрее роста населения, а товарный голод на самом деле не сокращается, а растет.

Товарный голод на одни только промтовары, при наличии достаточного предложения сельскохозяйственных продуктов, есть явление совершенно понятное и означает промышленное недопроизводство; в капиталистической экономике оно стихийно ликвидируется путем повышения цен на промтовары, прилива капитала и расширения производства в дефицитных отраслях. Также ликвидируется и односторонний дефицит на сельскохозяйственные продукты при достаточном предложении промтоваров. Но что может означать дефицит и на промтовары, и на продукты сельскохозяйственного производства одновременно, что означает это двустороннее неудовлетворение платежеспособного спроса и откуда оно может взяться при твердой валюте? Ведь если есть односторонний дефицит на промтовары для сельского хозяйства, то сельское хозяйство продает, не будучи в состоянии купить на все вырученные деньги, т.е. на его стороне откладываются денежные резервы. Точно так же денежные резервы откладываются на стороне промышленности, если она не в состоянии купить всех нужных сельскохозяйственных товаров. Когда же денежные резервы откладываются и здесь, и там, то это означает уже не диспропорцию между секторами хозяйств, а диспропорцию между всем

* Так в тексте. Видимо, имеются в виду исключения из партии.

производством и всем потреблением страны в целом, и как конъюнктурное явление она впредь до расширения производства или сжатия потребления ликвидируется в условиях мирового обмена импортом (часто сопровождаемым вывозом валюты). Теперешняя двусторонняя диспропорция у нас также означает диспропорцию между всем производством и всем потреблением, но все это еще осложнено и затемнено инфляцией.

Источником нарушения диспропорции между производством и потреблением является у нас прежде всего непроизводительное потребление государственного аппарата. Там, где государственный аппарат непроизводительно потребляет за счет урезывания рабочего и крестьянского потреблений к предъявляемому им спросу, соответствует уменьшение спроса со стороны производящих товары классов, там диспропорции обычно не бывает (если она не имеет другого происхождения)*. Когда же наличие огромного непроизводительного потребления сопровождается инфляцией и отчасти питается за счет инфляции, когда с известного пункта известные органы бросают в обращение ненужные для самого обращения новые партии бумажных денег и на эти деньги покупают, не продавая, т.е. эти деньги не являются свидетельствами увеличения производства и товарного предложения на тех или иных участках экономического поля, то это неизбежно приводит к раздутию спроса в сравнении с предложениями. Положение еще больше усложняется и запутывается, когда к этому присоединяется кредитная инфляция, когда выпуску новых червонцев по кредитному плану, попадающих в распоряжение хозорганов, в экономике страны не соответствует в нужной пропорции увеличение производства и товарных запасов, когда делаются все новые и новые попытки кредитоваться у самого обращения, и без того раздутого в предыдущем производственном цикле. Тогда хозорганы предъявляют формально платежеспособный спрос на сырье, строительные материалы и прочие средства производства, а их рабочие – на средства потребления, а фактически, в масштабе всего хозяйства, предъявляют спрос, не обоснованный реальным увеличением товарного производства и товарного предложения.

Выхода из положения надо искать здесь в трех направлениях: 1) в расширении производства, прежде всего промышленного, потому что, как мы уже говорили, сельское хозяйство задерживает своей отсталостью развитие промышленности, потому что оно *уже перед этим* было, в свою очередь, задержано – даже при его теперешней убогой технике – недостаточно развитым индустриальным производством; 2) в сокращении непроизводительного потребления в советской системе. Первым шагом здесь должно быть изучение размеров этого непроизводительного потребления, чем до сих пор никто не занимался; 3) возвратом к правильной денежно-кредитной политике, избегающей «легкий»* путь инфляции и очковтирательских успехов. Не надо забывать, что твердой политикой твердых отпускных и отчасти кооперативных розничных цен мы задерживаем проявление всех последствий инфляции, но тем самым, не давая стихии рынка выправить несоответствие между производством и потреблением общим повышением всех цен, мы загоняем инфляционный нарыв внутрь, создаем неопределенное и нервное состояние во всем хозяйственном организме страны и предоставляем в конце концов монополию на повышение цен частному рынку, прежде всего его основному ядру – рынку сельскохозяйственных товаров. А это означает, что мы допускаем стихийное перераспределение народного дохода, невыгодное для государственного хозяйства, и срываем все достижения в области более правильного и классового налогового обложения имущих слоев деревни и нэпманов. Состоявшееся повышение хлебных цен, опрокинувшее все пятилетки и свалившееся как снег на голову, не могло бы вызвать возражений как мера, направленная в сторону выравнивания непомерно низких цен на зерновые культу-

* Так в тексте.

ры. Многое из того, что говорит на эту тему Бухарин, правильно, хотя он делает здесь ни к селу ни к городу наскок на тех, кто думает, и правильно думает, что закон социалистического накопления ограничивает закон ценности⁵.

Но ведь не надо забывать одного: повышение хлебных цен, сопровождаемое понижением цен на промтовары в условиях достаточного промышленного накопления и достаточного *предварительного* снижения себестоимости были бы положительной мерой, подготовленной предыдущими реальными успехами в хозяйственной области, и означали бы уменьшение ножиц между ценами на сельскохозяйственные и промышленные товары. А так как теперь, по общим экономическим условиям, думать о снижении отпускных промышленных цен было бы безумием, то одностороннее повышение цен на хлеб неизбежно снижает покупательную силу рубля и с этой стороны является первой расплатой за инфляцию. Я очень боюсь, что эта расплата не будет последней. Мы накопили достаточно много инфляционной воды в каналах обращения, достаточно раздули расходную часть бюджета, чтобы эта вода не прорвала плотины твердых цен еще где-нибудь.

Опасность общего повышения цен очень велика. Лучше идти навстречу опасности с открытыми глазами, немедленно принять твердое решение о прекращении всякого дальнейшего расширения червонного и казначейского обращения, впредь до прекращения инфляционного состояния, и надо категорически раз навсегда отказаться от использования займов для покрытия бюджетного дефицита и инфляции – для кредитных целей, потому что ничего, кроме самообмана быстрого движения, мы отсюда не получаем, а лишь обостряем и запутываем и без того кризисное положение. Общий розничный индекс в сентябре этого года по сравнению с сентябрем прошлого года взлетел с 2,26 до 2,63. Несмотря на это грозное предупреждение, кредитный план 1928/29 г. предусматривает рост эмиссии ни много ни мало как в 200 млн руб. Надо кончать с этой политикой инфляции. А когда на этом участке создается ясность, когда кого-то придется резать, мы должны твердо провести принцип в жизнь: больше производительного потребления, меньше потребления непроизводительного, в частности побольше производства и поменьше начальства (тем более бестолкового).

Н.И. Бухарин, правда, оговорился, что вопросов денежного обращения он не намерен затрагивать. Если он сделал это потому, что когда-нибудь согрешил по части инфляционного голосования и не хочет критиковать сам себя, то это его личное дело. Существо вопроса требует постановки этой важнейшей проблемы и полной ясности в этой области. Не надо забывать, что промышленность может «отставать сама от себя» на некоторых участках как раз в результате того, что мы «переиндустриализовались». Наш автор очень долго разжевывает эту элементарную для всякого экономиста (и не только экономиста) истину, что всякий финансовый план промышленности и ее отдельных отраслей должен быть согласован с наличием и соответствующим движением элементов производства в натуральном виде, потому что иначе на деньги, предназначенные на воспроизводство, не купить всего что нужно. Как член Политбюро и крупнейший экономист, Бухарин утверждал не одну пятилетку и не одни Контрольные цифры Госплана за эти года. Неужели же он только в конце 1928 г., и по весьма непрогрессивным мотивам, пришел к открытию той простой истины, что всякий хозяйственный план, в котором обращение денег не согласовано с обращением натуральных ценностей, не сделал даже предварительных шагов к составлению полного и сомкнутого во всех частях единого баланса народного хозяйства, что до сих пор он утверждал не научно составленный плановый баланс, а макулатуру и «системы» цифр, объединенных хорошо сделанным переплетом, а не правильно уловленной для каждого рода долей пропорциональности всех элементов хозяйства. Я не хочу сказать, что все творчество Госплана было так безнадежно плохо. Правда, оно было далеко от совершенства, оно не решило еще задачи методологически правильного составления баланса, задачи, которая крайне сложна вообще⁶ и

просто не по плечу некоторым из руководящих плановых работников, которые оказались на этом деле в силу своих талантов в других областях. Тем не менее работа проделана огромная и основные азы ее уже пройдены. Не я, следовательно, даю столь отрицательную оценку всей нашей плановой работе, эта оценка вытекает из бухаринского «открытия».

Совершенно очевидно, что если отдельные отрасли производства имеют для своего развертывания финансовые ресурсы, то происходящее рыночное предложение нужных им элементов производства со стороны других отраслей означало бы лишь частичную и легко устранимую диспропорцию внутри госпромышленности, но если это несоответствие носит общий характер, то перед нами продукт кредитной и общей инфляции. Иначе откуда в руках промышленности оказались бы на длительные сроки денежные ресурсы, которым не соответствуют предварительно созданные или создаваемые в ходе хозяйственного года материальные ценности?

И здесь происходит смешение инфляции с переиндустриализацией.

Бухарин указывает на то, что размеры намеченного расширенного производства, в том числе капитального строительства, превышают размеры строительных материалов – кирпича, цемента, стекла, строительного железа. Что касается железа, то, насколько мне известно, металлургия относится к одной из фундаментальнейших частей тяжелой промышленности. Сам Бухарин признает дефицитность, и мудрено этого не признавать, потому что это самая отсталая от довоенного уровня отрасль производства. Но это значит лишь, что мы отстаем в тяжелой промышленности, а не забегаем с ней (по чугуну – 82% от довоенного, по хлопчатобумажным тканям – 112%). Что же касается дефицита на кирпичи и прочие строительные материалы, то неужели же Бухарин предлагает приспособлять темп индустриализации к количеству имеющихся кирпичных заводов в вопросе индустриализации? Подумаешь, какая непреодолимая экономическая необходимость. Кирпичи, и заводы цементные, и почти все производство строительных материалов, кроме металла, требуют, в сравнении с другими отраслями, наименьших вложений в основной капитал и наименьших сроков для постройки, все сырье имеется в наличности в неограниченном размере, основные траты – на рабочую силу, которая, если говорить о дефиците продовольственного снабжения, потребляет сельскохозяйственные продукты питания и в безработном состоянии. Значит, из всех дефицитных товаров строительный материал, не исключая и леса, легче всего сделать достаточными. Не проще ли объяснить дефицитность строительных материалов плановыми просчетами, если не говорить о некоторых случайных авариях на заводах. Фактически мы имеем здесь простой плановый процент, т.е. одну из тех «маленьких и больших глупостей» (в данном случае глупость из разряда выше средних), «которые влетают в копеечку». План развертывания производства строительных материалов за прошлый год был явно преуменьшен, наши плановики не усвоили себе еще того положения, что при индустриализации страны строительство вообще и производство строительных материалов в частности – при отсутствии импорта – должны развертываться в совсем особых пропорциях, чем вся промышленность в целом, а именно развертываться гораздо быстрее общей средней. Строительство же является и главным участком поглощения новой рабочей силы, втягиваемой в производство. За последние два года количество рабочих по всей крупной ценовой промышленности увеличилось только на 200 с небольшим тысяч, а в одном только строительстве около 350 тысяч. Надо перепланировать в области производства строительных материалов в сторону резкого увеличения продукции и всегда исходить из специфического темпа развития этой отрасли. Это возможно вполне и с точки зрения Бухарина, который раньше доказывал, что товарный голод у нас от исторической диспропорции, и ничего не хотел класть на ошибки экономической политики, а теперь, «перекрестившись» и в этом вопросе, доказывает, что товарный голод и кризисное состояние

могут быть также и от плохого планирования. Почему же не может быть от плохого планирования сам по себе не общий, а лишь частный кризис в области снабжения строительными материалами? Жаль только, что и в вопросе о влиянии экономической политики на обострение товарного голода Бухарин признал это общее и правильное положение только затем, чтобы лучше смотивировать сокращение намечаемого темпа индустриализации, т.е. использует верное положение для архинервных, архиневверных выводов.

Очень большую роль в аргументации Бухарина играет указание на то, что преимущественная часть спроса на произведения есть спрос самой промышленности, а среди деревенского спроса большую роль играет спрос, связанный с земельными заработками крестьян, т.е. порождается, в сущности, самим развитием индустриализации. Что развивающаяся промышленность сама же порождает добавочный рынок и добавочный спрос на промтовары – это известно каждому экономисту. Из этого следует лишь, что этот спрос должен обязательно учитываться и что покрытие спроса города и деревни, возникшее до этого, может быть [...] * не только ближайших отраслей, но и всей недостройки так называемого «первого подразделения», т.е. производства средств производства. Если дефицит проходит по всей производственной лестнице, то кроме инфляции это доказывает лишь очень большую степень отставания промышленности от удовлетворения всякого спроса и запоздание с подтягиванием тяжелой промышленности к легкой, каковое отставание и каковое запоздание были накоплены не в данном году, а на протяжении нескольких лет, и проявляются при неправильных пропорциях между производством и потреблением. Выпячивая вопрос о резервах, Бухарин вообще забывает упомянуть о том, что самые острые и самые труднопреодолимые затруднения могут вытекать из отсутствия резервов как раз основного капитала, и прежде всего основного капитала тяжелой промышленности, где сейчас нас спасает от тупика лишь бесхозяйственность прошлых лет по части накопления железного лома.

Что же касается внеземледельческого спроса сельского населения, то еще наше счастье, что наши строительные рабочие есть в большинстве ярославские, костромские и калужские крестьяне, которые полгода живут и питаются от земледелия. Если бы мы имели дело в строительстве с чистым строительным пролетариатом, то спрос его был бы вдвое больше, а жилищный кризис в городах много острей.

Но центр выводов Бухарина заключается в старом положении Г.Я. Сокольников и Шанина о том, что развитие промышленности лимитируется отсталым и малотоварным сельским хозяйством и что диспропорцию надо рассасывать с этого конца, т.е. стимулируя в первую голову более быстрое развитие сельского хозяйства, без чего нельзя двигаться достаточно быстро и в промышленности. Бухарин говорит о недостаточном накоплении в сельском хозяйстве и о том, что для развития сельскохозяйственного производства, в особенности производства зерна и сырья, надо обеспечить большое капиталонакопление для расширенного воспроизводства.

Это очень серьезный и очень острый вопрос. В таких вопросах дипломатия является либо политической трусостью, либо недопустимо пренебрежительным отношением к партии и рабочему классу. Там в статье Бухарина нет ни слова о сокращении непроизводительного потребления советской системы и очень много о чрезмерных планах капитального строительства; мы задаем ему вопрос, на который он должен ответить прямо и без обиняков: от кого взять, сколько и кому передать? Само собой разумеется, что передать предлагается сельскому хозяйству, взять же из существующих фондов индустриализации. Если Бухарин твердо убежден, что беде можно помочь только этим путем, пусть он предложит другое перераспределение народного дохода и берется защищать эту меру.

* Далее неразборчиво.

Нагромоздивший так много разных цифр, пусть он назовет ту единственную цифру и ее назначение, ради которой собственно построена вся пирамида цифровых данных его статьи.

Так как на этот вопрос мы не имеем ответа в статье Бухарина, то попробуем сами сделать все вытекающие из его позиции выводы и разберем их.

Если Бухарин недоволен теперешним распределением национального дохода и темпом капитального строительства и ведет дело к большим льготам для сельского хозяйства в деле несения тяжести индустриализации, то это может быть осуществлено по четырем каналам: 1) снижение налогового обложения товаропроизводящей деревни, поскольку беднота в большинстве освобождена, по крайней мере, от сельскохозяйственного налога и на расширенное производство и капиталонакопление в этом слое нельзя серьезно рассчитывать; 2) увеличение цен на хлеб и сырье; 3) перемещение сельскохозяйственного кредита от бедноты и колхозов в сторону индивидуальных товаропроизводящих хозяйств; 4) понижение промышленных цен.

Последняя мера может быть проведена в настоящих условиях лишь за счет и без того недостаточного накопления промышленности либо за счет понижения заработной платы рабочих. Не обвиняя Бухарина в столь чудовищном предложении, обратимся к первым трем пунктам.

Трудно быть поклонником довольно грубого и довольно варварского по технике обложения единого сельскохозяйственного налога, который вносит много нервозности в деревню при его бюрократическом взимании и не имеет уже для нашего семимиллиардного бюджета решающего значения в финансовом отношении. Но этот налог имеет для нас первостепенное хозяйственно-регулирующее значение как метод *принудительной товаризации крестьянского хозяйства*. Он абсолютно необходим с этой его стороны впредь до того момента, когда в результате развития промышленности и при полном удовлетворении крестьянского спроса будет гарантирована естественная товаризация сельского хозяйства. Эта естественная товаризация сейчас далеко не достаточна для поддержания хозяйственного равновесия между городом и деревней; она далеко не достаточна и после ее усиления методом принудительной товаризации через прямое обложение. Что же будет, если мы ослабим действие этого регулятора?

Нам нельзя даже и думать о снижении сельскохозяйственного налога. Если в этом году он достаточен и не чрезмерен, тут надо улучшить метод его взимания, потому что нас ссорит с плательщиками не сумма налога в целом, а неравномерность его раскладки и бюрократическое невнимание чиновников к хозяйственным интересам отдельных дворов в целых районах.

Второй путь – повышение заготовительных цен*. Статья Бухарина написана после июльского решения о повышении хлебных цен. Пусть он скажет, предлагает ли он их повысить еще и на сколько, а также пусть он расскажет свой секрет, каким образом, оставаясь на почве антикулацкого курса, проводимого сейчас партией и признаваемого как будто бы правильным и Бухариным, можно осуществить рыночным путем через политику цен такое перераспределение народного дохода и накопление, которое не пошло бы на пользу наиболее товарным, т.е. наиболее кулацким хозяйствам?

О неприемлемости третьего пути вряд ли надо говорить. Линия партии на усиление коллективизации и кредитования колхозов есть наисущественнейшая экономическая и социальная необходимость. Если советский сельскохозяйственный кредит при бестолковом чиновничьем его проведении нередко превращается в перераспределение средств от тех, кто умеет хозяйничать, к тем, кто хозяйничать не умеет, то надо здесь улучшить методы практической работы, а не ломать верную генеральную линию.

* Имеются в виду решения июльского (1928 г.) Пленума ЦК ВКП(б).

Но допустим даже, что перераспределение ресурсов каким-то чудом обеспечивает эти ресурсы только для средняцких хозяйств в деревне. Что все это перераспределение немедленно отразится на ослаблении темпа индустриализации и на уменьшении товарного предложения со стороны промышленности, это гарантировано на все 100%. Но где же гарантия того, что в самом крестьянском хозяйстве такое перераспределение приведет к расширенному воспроизводству и росту товарности, а не просто к росту внутрикрестьянского потребления, и без того раздутого вследствие сжатия товарного обмена с промышленностью? Такой гарантии в настоящее время, т.е. при непокрытии платежеспособности спроса деревни на промтовары, не только не может быть, а наоборот: имеются все гарантии как раз обратного. Какой смысл, в самом деле, крестьянину, получившему льготу по сельскохозяйственному налогу сломать либо дороже продавшему то же самое количество своих продуктов вследствие увеличения заготовительных цен, стремиться к увеличению товарного производства и предложения, если этот крестьянин и до такого увеличения приезжает обратно с рынка с непроданными поросенком, птицей, маслом, поскольку в лавках нельзя на вырученные деньги купить нужных промтоваров ни по каким, даже по взвинченным ценам? Какой смысл менять реальный продукт, цена на который растет, на бумажные деньги, которые падают? Перераспределение народного дохода в пользу земледелия, закупоренного в своем развитии недоразвитостью промышленности и недостаточностью его предложения, неизбежно приведет лишь к росту внутрикрестьянского потребления, и без того раздутого по ряду продуктов, как показывают все сравнительные бюджетные обследования, т.е. еще больше обострит и диспропорцию между городом и деревней, и диспропорцию между производством и потреблением в масштабе всего хозяйства страны. Я очень рекомендую всем нашим «крестьянским философам» поразмыслить над всем этим. Их ворчание встречает, конечно, горячие аплодисменты со стороны мелкой буржуазии и обывателей, но не завидуя социальной природе этих аплодисментов, я подчеркиваю, что предлагаемые ими «улучшения» только обострят кризис и сделают не только сегодняшний день города, но и завтрашний день деревни еще более необеспеченным. Из трудных положений вообще не бывает легких выходов.

В настоящее время перед партией, рабочим классом, страной вырисовываются с небывалой до этого отчетливостью две генеральные линии развития. Линия первая. Мы вынуждены борьбой с кулачеством задерживать [развитие] производительных сил деревни по капиталистическому пути, который до сих пор оставался основным среди наиболее товарнопроизводящей части деревни, вынуждены задерживать товаризацию земледелия в ее капиталистических формах. Но зато мы со всей энергией боремся за постройку нашего собственного аграрного базиса и ставим ставку на постепенное замещение товарных излишков капиталистических элементов нашей собственной продукцией, а также товарными излишками среднего крестьянства, стимулируя его товарность неуклонным ростом товарного предложения быстро развертывающейся промышленности. Это потребует ряд лет, может быть шести-семи лет, в течение которых мы встретимся не с одним кризисом, не с одной волной мелкобуржуазного протеста, не с одной волной колебания в партии и даже в рабочем классе, если мы будем держать его в курсе всех перспектив и всех опасностей, ничего от него не скрывая и организационно перестроивши отношение партии к рабочему классу в смысле усиления рабочего контроля над политикой партии; если мы сохраним выдержку, хладнокровие и твердость, мы победим на этом пути – и это будет самая большая победа после Октября и Гражданской войны. Государственная промышленность выйдет [победительницей] из этой борьбы с периферией социалистического земледелия.

Линия вторая. Мы открываем шлюзы для капиталистического развития деревни, мы открываем перспективу для каждого крепкого хозяина деревни превратиться в кулака и даем ему возможность плыть на весле капиталистической товарности и базируемся

чем дальше, тем больше на росте капиталистической товарности, не затрачивая средства на этого рода товаризацию, которую история обеспечивает нам как будто бы даром. Но одновременно с этим безудержно растет аграрное перенаселение бедноты, государственное хозяйство попадает во все бóльшую зависимость от аграрного капитализма, таящего в себе при широком мелкобуржуазном базисе нашей деревни огромные потенции стихийно развивающейся спирали, и под стихийным напором этого капитализма перерождается в своих социальных тканях и теряет социалистическую перспективу развития.

Вот две генеральные линии. Каждая из этих линий, и только эти две линии реально заложены в нашей обстановке. Серьезные политики могут делиться только по водоразделу этих двух генеральных линий. Межеумочная* позиция Бухарина, не решающегося даже сказать, что он конкретно предлагает, позиция растерянности, не открывающей никакого практического вывода, но в то же время явно тяготеющая к очередной второй линии, должна быть нами твердо и решительно отвергнута.

Когда мы на X съезде партии под грохот орудий Кронштадта приняли под руководством Ленина решение о переходе на нэп, то во время одного из закулисных собраний старых большевиков Н.И. Бухарин как-то заметил (свидетель Розенгольц): «Теперь может получиться такое положение, что в одно прекрасное утро проснешься редактором мелкобуржуазной газеты». Над этой шуткой много тогда смеялись. Когда в одно прекрасное утро Н.И. Бухарин прочитал в № 228 в «Правде» свою статью «Заметки экономиста», он вряд ли подозревал, что проснулся автором мелкобуржуазной статьи. Маленький, но характерный факт. Когда в одно прекрасное утро, несколько дней спустя после выхода этого номера «Правды», я пришел в Уральскую окружную плановую комиссию, где в качестве экономиста работаю с хорошо известным и у нас, и за границей членом Центрального комитета партии эсеров[ов] Е.А. Тимофеевым, то он встретил меня оживленным вопросом: «Читали Вы статью Бухарина? Я согласен с ней полностью и целиком».

Я очень хотел бы, чтобы настоящая моя статья, преследующая главным образом цели убеждения по существу, а не политические задачи, помогла не только другим, но и самому Н.И. Бухарину понять, как далеко зашел он не по своей дороге.

Е.А. Преображенский

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 108. Л. 4–16.

Копия. Машинопись.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Насколько далеки или близки к действительности эти цифры, можно было бы видеть из сопоставления суммы всей прибыли капиталистической страны и суммы эмиссии ценных бумаг плюс такие вложения в существующие.

² Фабрично-заводская промышленность СССР. Изд. ЦСУ, 1926.

³ По моим собственным исследованиям этого вопроса по материалам ВСНХ, которые я производил для «Новой экономики», «норма отчуждения» в том же 1925/26 г. была около 120%. Я не использовал этих выводов, так как они еще требуют уточнения.

⁴ Все эти пятилетки строились, исходя из стабильности сельскохозяйственных цен и систематического снижения промышленных. Пишущий эти строки не раз доказывал, вызывая бурю негодования у «проницательных» оптимистов, что при обострении товарного голода важнее не понижение промышленных цен, а более быстрое увеличение производства при тех же ценах. Спросите теперь любого потребителя города или

* Межеумочная – от слова межеумок, т. е. недалекий по уму человек (*прост.*).

деревни, что они предпочитают: уменьшение цен на товары, скажем, на 10% или увеличение предложения товаров на 10% при тех же ценах? Каждый выскажется за последнее. То обстоятельство признали наконец и планирующие органы: проектируя на 6% снижение себестоимости в будущем году, они рассчитывают снизить отпускные цены что-то около 1% с небольшим. Наконец-то поняли!

⁵ Бухарин указывает, что противопоставление закона ценности закону социалистического накопления нелепо, потому что «и при капитализме был закон накопления, действовавший на основе закона ценности». Замечательное выражение Бухарина: чисто капиталистического хозяйства накопление вытекает из распределительного отношения между капиталистами и рабочими, а не из отношений одной группы товаропроизводителей к другой. У нас же это накопление вытекает не только из распределительного отношения между государством как товаропроизводителем и всем товаропроизводящим частным хозяйством. Таким образом, противопоставление, которое Бухарин считает нелепым, вытекает из различия между капитализмом и социализмом (в начальной стадии развития последнего в отсталой стране). Очень жаль, что по недостатку места я не могу здесь остановиться на других теоретических вопросах, затронутых Бухариным.

Во всяком случае закон первоначального социалистического накопления не отменяет и не ограничивает закона пропорционального распределения труда и средств производства, обязательного для каждой системы общественного хозяйства, а ограничивает и постепенно отменяет ту форму, в которой этот закон проявляется в товарном хозяйстве, т.е. закон ценности. Можно сказать поэтому, что закон социалистического накопления есть специфическая историческая форма проявления закона пропорционального распределения труда в переходной экономике. Если не забывать при этом, что этот закон не является у нас единственным регулятором и, не являясь законом в смысле стихийной закономерности, превращается в сознательную норму.

⁶ В № 21 «Вестника Коммунистической академии» была напечатана глава из второго тома «Новой экономики», в которой дается попытка в общеалгебраической форме решить проблему составления единого, замкнутого во всех частях баланса народного хозяйства в условиях неэквивалентного обмена и при существовании трех секторов хозяйства: государственного, частнокапиталистического и мелкобуржуазного. Мои идейные противники [молчат], если не считать глупенькой ученической мазни какого-то Кармалитова в № [10] «Большевика» за этот год.

ЧАСТЬ 3

[СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И МОРАЛЬ]

[ГЛАВА 1]

О МАТЕРИАЛЬНОЙ БАЗЕ КУЛЬТУРЫ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ*

Я должен сначала ограничить свою тему несколько более узкими рамками по сравнению с теми, которые даны самим названием. Я буду говорить о материальных предпосылках культуры в социалистическом обществе, понимая под словом «культура» науку и искусство. Я коснусь также стимулов к труду и творчеству в этом обществе. Заранее ограничиваюсь этой областью. Что касается всей области культуры, включая сюда и материальную культуру, я об этом говорить не буду в полном объеме здесь, потому что это слишком удалило бы меня непосредственно от той части темы, которую я хотел бы осветить в первую голову.

Мне нужно ограничить заранее и еще одно понятие – понятие социализма, ограничить то, что мы понимаем под словами «социализм», «социалистическое общество». Это ограничение чрезвычайно важно потому, что в вопросе о том, что такое социализм, у нас твердо установленных, систематизированных и, главное, конкретизированных понятий, к сожалению, еще нет. У нас существуют общие формулы, общие определения того, что такое социалистическое общество, но конкретным содержанием они в достаточной степени еще не заполнены.

Под социалистическим обществом я буду разумею общество, в котором еще существуют классы, во всяком случае – два основных класса: класс работников государственного социалистического хозяйства, с одной стороны, и с другой – мелкобуржуазные слои населения, экономически уже совершенно подчиненные плановому хозяйству, но которые существуют все-таки как самостоятельный класс. Мелкобуржуазное производство будет еще тогда существовать в более или менее модифицированном виде, определенные группы населения будут материально зависеть от этого способа производства и не будут непосредственно входить в круг работников, объединенных социалистической промышленностью и социалистическим земледелием. Будет существовать, естественно, в таком обществе и государство в виде известного пережитка теперешнего государства. Следовательно, надо себе представить общество, которое более или менее закончило борьбу с капиталистическими классами, и закончило победоносно, которое имеет государство в сокращенном, сжатом виде, по сравнению с теперешним, государство, в котором отмер целый ряд функций, но некоторые из функций государства сохранились (они, естественно, должны будут сохраниться до тех пор, пока весь трудовой коллектив будущего общества не будет представлять из себя единого целого, не будет представлять

* Доклад, сделанный Е.А. Преображенским в Центральном клубе московского Пролеткульта.

из себя коллектива, не разделенного самими условиями производства и источниками получения материального дохода). И поскольку дело будет идти о материальных предпосылках культуры для такого социалистического общества, я буду прежде иметь в виду тот господствующий класс, который будет объединен вокруг государственного производства и который будет не только экономически господствовать над остатками мелкобуржуазных классов, но который в то же время будет и главным создателем культуры социалистического общества.

Начну с первого пункта, являющегося важнейшим. Это вопрос относительно размеров того прибавочного продукта, на который может рассчитывать социалистическое общество и размеры которого в значительной степени будут определять объем и размах новой культуры. Из прошлого всей человеческой культуры мы прекрасно знаем, что культура, в том узком смысле слова, в котором я ее заранее здесь определил и ограничил, культура в этом смысле начала создаваться лишь тогда, когда в обществе стал появляться прибавочный продукт. Следовательно, от размера прибавочного продукта зависит чрезвычайно многое для определения самой материальной базы культуры. Правда, в обществе, поскольку оно не разложилось на классы, поскольку в нем не существовало еще прибавочного продукта, в этом первобытном обществе, определенный этап которого мы называем первобытным коммунизмом, известные *психологические* предпосылки для создания культуры существовали. Стимулы исходили из суровой природы, заставлявшей направлять мозги и изобретательность человека в борьбе за существование. Но тогда не существовало, во-первых, достаточного времени, которое в качестве досуга все члены общества могли бы употребить для работы, не непосредственно направляемой на добывание пищи. А во-вторых, поскольку не существовало прибавочного продукта, не могло существовать и определенных групп людей, отдифференцированных от общего коллектива, которые могли бы посвятить себя именно тому, чему посвящает себя в обществах с большим прибавочным продуктом определенная группа людей, специализирующихся на определенных отраслях идеологического производства, как наука, литература и т.д.

Когда мы дальше бросим беглый взгляд на историю культурного развития в период классового общества, то мы увидим, что это развитие культуры находилось в тесной связи с размерами прибавочного продукта, которым располагало общество и который могли выбрасывать прежде всего господствующие классы, как распорядители этого прибавочного продукта, на стол науки и искусства, выбрасывать тем группам, которые этим делом занимались и которые на этом специализировались. Если мы с этой точки зрения взглянем на античную культуру, на Грецию и на Рим, то увидим, что и греческая, и римская культура создались на спинах рабов, которые в гораздо большем количестве, чем сами творцы этой культуры, создавали все материальные предпосылки для того, чтобы создалось это античное искусство и литература и создались те зародыши науки, которые имелись и в Греции, и в Риме. Эти материальные данные давали, с другой стороны, возможность самому афинскому гражданину предаваться наукам и искусствам, имея почти полный день свободным, давали ему возможность активно участвовать в создании греческой культуры. От размера этого прибавочного продукта в значительной степени зависела, если можно так выразиться, расточительность имущих классов в направлении субсидирования тех групп населения, которые могли жить и в значительной степени жили от этого рода занятий. Поскольку дело идет о римском гражданине и римской культуре, последняя создавалась там также на основе прибавочного продукта, который при системе рабства выжимался из рабов и без которого расцвет античной культуры был бы невозможен.

Если мы вспомним тот период, который сменил античную культуру, если мы вспомним первый период первой части средневековья, период, когда пришли в упадок огромные

города, возникшие в эпоху античного торгового капитализма и рабовладельческого хозяйства, то мы увидим, что тогда заглохла и та культура, которая довольно пышным цветом расцвела в период господства этого рабства, т.е. в период существования большого количества прибавочного продукта, который позволял этой культуре развиваться. Я не касаюсь вопроса о внутреннем идейном содержании этой культуры, я беру вопрос только формально количественно, не больше.

Если мы дальше посмотрим на период расцвета капитализма, если мы вспомним, какое огромное количество прибавочной стоимости получает и получал буржуазный класс от эксплуатации пролетариата и какую значительную долю он мог отделять на то, чтобы строить за счет прибавочной стоимости свою буржуазную культуру, главным образом мозгами третьего элемента – интеллигенции, то для нас будет совершенно ясна зависимость между количеством прибавочного продукта буржуазного общества и размахом его культуры.

Теперь с этой точки зрения мы должны взглянуть на предпосылки культуры в социалистическом обществе. Чем в этом пункте социалистическое общество будет отличаться от капиталистического общества? В капиталистическом обществе мы видим по сравнению с предыдущими эпохами колоссальное развитие техники, колоссальный аккумулятор прибавочного продукта, огромные возможности для развития культуры, но в то же время мы видим определенные границы. Я пока не буду говорить об этих границах, поскольку они связаны с тем, что только определенная часть общества в создании этой культуры участвует, – об этом ниже. Я говорю о материальных границах, связанных с самой экономикой капиталистического общества. В чем они заключаются? Прибавочный продукт, который получает класс капиталистов, как совокупный владелец орудий производства, распадается на две основные части. Одна часть должна идти на расширенное воспроизводство; следовательно, эта часть, естественно, вычитается из прибавочного продукта и не может пойти на субсидирование буржуазной культуры. Эта часть должна пойти на расширение материальной базы капиталистического производства. Вторую часть составляет т[ак] наз[ываемый] фонд потребления капиталистов, как его называет Маркс, причем тут имеется в виду не только фонд потребления в узком смысле, т.е. то, что проедают капиталисты на предметах роскоши и т.д., но и та часть, которая идет в распоряжение групп населения, которые питаются за счет прибавочной стоимости. Сюда относится вся та часть интеллигенции, которая живет за счет прибавочной стоимости, сюда же относятся все те группы в буржуазном обществе, которые потребляют, не создавая никаких культурных ценностей, которые являются только потребителями и ни в какой мере не являются производителями даже в области идеологического творчества. Таким образом, размеры прибавочной стоимости, которая может быть употреблена на субсидирование культуры, естественно, ограничиваются размерами всего прибавочного продукта, размер которого в капиталистическом обществе, если принять заработную плату за постоянную величину, зависит от успехов техники и рациональной организации хозяйства.

Если с этой точки зрения мы посмотрим на социалистическое общество и сравним его с капиталистическим обществом, – то какие здесь могут быть изменения? Мы все привыкли рассматривать – и совершенно правильно – социалистический способ производства как высшую форму хозяйства в сравнении с капитализмом. Что значит, что социалистический способ производства представляет из себя высшую форму? Я не касаюсь пока никаких других сторон социализма в его сравнении с капитализмом. Беру только одну сторону – материальную базу. Чем отличается производство с этой стороны при социализме от капиталистического производства? Оно будет отличаться, во-первых, тем, что при социалистическом производстве наука в гораздо большей степени будет поставлена на службу производству. Мы ожидаем при социализме гораздо большего развития

техники, и с этой точки зрения социалистическое общество будет представлять из себя следующую ступень в поступательном движении человечества вперед вообще на том участке, где человек соприкасается с природой. Кроме того, мы знаем, что при социалистической системе хозяйства будут использованы те огромные выгоды, которые обеспечивают плановое хозяйство. В мою задачу не входит говорить относительно всех возможных и уже почти для нас ощутимых преимуществ, которые имеет и должно иметь социалистическое хозяйство по сравнению с капиталистическим. Останавливаюсь лишь на важнейших. Гораздо большая экономия, гораздо большая эластичность всего организма производственного с точки зрения распределения функций внутри, гораздо большая централизация, гораздо меньшая трата на всякие аппараты, которые обслуживали в отдельности каждое частное предприятие. Если мы возьмем, например, транспорт, там не будет встречных перевозок, которые вызываются конкуренцией между отдельными предприятиями теперь. Если мы возьмем таможенные и национальные границы, то при районировании Европы с точки зрения наибольшей целесообразности целый ряд отдельных гнилых местечек промышленности должен закрыться и должны развиваться те отрасли промышленности, которые наиболее целесообразно развивать не с точки зрения корыстных интересов буржуазии данной страны, а с точки зрения планового социалистического хозяйства на территории всей Европы и т.д. Здесь преимущество социалистического хозяйства совершенно несомненно. Останавливаться на этом пункте я дальше не буду. То, что в этом отношении писалось в социалистической литературе, отчасти в научной, кое-что в утопиях, это [го] достаточно для освещения этой стороны вопроса.

Для нас гораздо труднее другие вопросы, а именно: как конкретно, органически будет складываться вся производственная деятельность и вся организация хозяйства при социалистическом обществе. Эти вопросы для нас, несомненно, более актуальны. Мы здесь встретились с тысячами препятствий, когда только начали приступать к государственной организации хозяйства. Наиболее актуальные, наиболее трудные, наиболее важные для нас вопросы – именно организационные вопросы.

Теперь следующий вопрос, который отчасти находится в связи с развитием в гораздо большей степени техники в социалистическом обществе, это вопрос относительно того, какая масса будет принимать участие в создании будущей культуры. Это чрезвычайно важный вопрос, на который также здесь должен быть дан ответ. Обыкновенно мы на этот вопрос отвечаем так: социалистическое общество – это будет общество, в котором все трудящиеся, все работники общества будут участниками и творцами будущей культуры. Как голая формула, не заполненная конкретным содержанием, она, в общем, правильна. Но когда дело доходит до конкретизации ее, мы наталкиваемся на целый ряд трудностей. В мою тему не входит говорить о всех этих трудностях, но я должен сказать несколько слов о самом главном.

Все культуры, существовавшие до сих пор, были культурами господствующего класса. Это вещь абсолютно бесспорная в нашей среде. Лишь немногие представители угнетенных классов выступили в качестве творцов эксплуататорской культуры; они привлекались как лица, оторвавшиеся от своего класса. Маркс как-то сказал, что наиболее опасны те господствующие классы, которые вовремя умеют выбрать из рабочего класса и перетянуть к себе его головку, поставить ее себе на службу и потом через этот слой управлять массами пролетариата. И это на протяжении истории всей культуры чрезвычайно умело проделывали все господствующие классы. Лучшие элементы, которые пробивались наверх снизу, которые выделялись своими способностями и талантами, эксплуататоры умели вовремя нащупать, приласкать, подкупить и потом переработать. Тех, которых им не удалось переработать, они преследовали, загоняли в тупик, не давали им возможности развиваться либо уничтожали физически. Таким образом, бывшая до сих пор культура была культурой господствующих классов. Но что это значит с точки зрения количественного

участия определенных групп людей в этой культуре? Если мы возьмем, допустим, Францию перед великой революцией, Францию, которую мы привыкли себе представлять как страну, в которой бурлила и кипела умственная жизнь, в которой за несколько десятилетий до революции издавалась энциклопедия, шумели вольнодумцы, развивалась материалистическая философия, – какое количество населения фактически участвовало в создании этой культуры? Без всякого преувеличения можно будет сказать, что вряд ли участвовало в создании этой культуры от $\frac{1}{50}$ до $\frac{1}{100}$ части всего населения, если иметь в виду не только активных участников, активных работников в области идеологического творчества, но и ту аудиторию, которая способна была их слушать и понимать. Следовательно, если дело идет о действительных субъектах культурного творчества, нужно внести еще большее ограничение. Следовательно, мы имеем перед собою чрезвычайно небольшой общественный слой, в кругу которого создаются новые культурные ценности. Насколько их немного, этих лиц, которые непосредственно участвуют в творческом процессе, я могу сказать на основании моего подсчета, сделанного по другому поводу, относительно гениальных и талантливых людей, начиная с XIII столетия. Я насчитал их около 2000 человек. Разумеется, это круг более выделившихся, более выдающихся, за ними следовала периферия менее талантливых, менее известная, но которая в умственной жизни более или менее принимала участие. Увеличьте эту цифру в десять раз – все равно она будет ничтожно мала в сравнении со всем населением этого периода.

Итак, снизу эти 99% трудящихся масс, не участвующих абсолютно в культурной жизни или участвующих в лице своих более или менее одаренных одиночек, пробивающихся кверху, и потом впитываемых господствующими классами; с другой стороны, следующий слой – аудитория, которая понимает, в чем дело, понимает, что для нее творится, и, наконец, совершенно узкий, почти цеховой круг людей, которые фактически являются творцами этой культуры. Так что вся организация довольно иерархическая, даже в области культуры, и в некотором смысле копирующая то, что имеется в области социально-политической. Здесь аналогию можно провести и дальше, если взять организацию научно-буржуазного цеха. Каким образом там строится все дело? Каким образом глава школы работает? У него институт научных подмастерий, которые обязаны выполнять его задания. Здесь складывается определенно кастовый дух, создаются всяческие ограничения для новых элементов и т.п.

Итак, в капиталистическом обществе, которое до сих пор дало максимальные возможности для развития культуры в сравнении с бывшими до него общественными формациями, буржуазная культура, хотя в конце концов очень основательно фундирована в том отношении, что развивается на спинах миллионов рабочих и крестьян, обслуживающих капиталистические верхушки, но, по существу дела, эта культура висит на очень узком классовом базисе. С этой точки зрения она не может идти ни в какое сравнение с культурой того общества, где в корне изменяются взаимоотношения людей в процессе самого производства и распределения и где этот базис должен быть несравненно более широким.

Наше общее представление о социализме как об обществе, где массы будут привлечены к созданию культуры, совершенно правильно. Но здесь сейчас же нужно раскрыть скобки общей формулы. Перед нами возникает такой вопрос: в какой форме культура в социалистическом обществе будет органически и непосредственно связана с самим строем производства и распределения, как она будет связана с теми стимулами к труду, которые заменят стимулы к труду, свойственные капиталистическому обществу? Здесь можно представить себе дело двояко: либо социалистическое общество копирует буржуазное общество в том отношении, что область идеологического творчества оно делает специально определенных групп людей, но групп гораздо более широких по численности, чем это было в буржуазном обществе, а с другой стороны, свободный досуг, который

остается у работника социалистического общества после его 6–5-часового рабочего дня (я беру произвольные цифры), – этот досуг позволит почти всей массе работников социалистического общества быть той самой классовой аудиторией для создающей культуру группы, каковой буржуазный класс, составляющий меньшинство в обществе, являлся по отношению к активным творцам буржуазной культуры. Может быть такое представление о расширении этого базиса: расширяется базис и самая аудитория, расширяется группа активных работников этой культуры, но эти работники специализированы, они с физическим трудом не связаны, они работают только в определенной области идеологического труда, нематериального труда. Но можно себе представить и другое решение вопроса: материальный труд является обязанностью для всех, без исключения, и культурная работа является для каждого индивидуально идеологической надстройкой над его материальной работой. Пять часов материальной работы по участию в материальном производстве, а в остальное время каждый участвует во всей той работе, во всей той деятельности, которая вырастает над материальной работой и продолжает ее в других направлениях (эта надстроечная работа будет ведь отчасти способствовать сокращению того количества времени, которое нужно для воспроизводства в области материального труда). Можно себе представить и такое решение проблемы. Какой вариант считать более правильным? Я думаю, что противопоставлять один вариант другому не следует, потому что здесь дело зависит от стадии, в которой мы берем социалистическое общество.

Все вопросы, связанные с социалистическим обществом, до крайности трудно рассматривать конкретно, если не условиться заранее насчет того, в каком периоде, в каком состоянии развития вы это социалистическое общество берете. Мы имеем сейчас его в довольно эмбриональном состоянии. Мы можем себе представить положение через 15–20 лет, когда наше государственное хозяйство создает 70% национального дохода и является основой всего хозяйства страны. Мы можем себе представить и следующие стадии, когда мелкобуржуазные слои, являющиеся исторически только остатками докапиталистических форм, будут придатком при социалистическом государственном хозяйстве и будут включены полностью в систему этого хозяйства. Разумеется, всем этим стадиям развития нашего государственного планового хозяйства будут соответствовать совершенно другие, меняющиеся отношения во всех других областях, совершенно другие взаимоотношения между людьми. Взять хотя бы отношения подчинения в области промышленности между техническим командным слоем промышленности и теми, которые являются исполнителями, т.е. между инженерами и техниками, с одной стороны, и рабочими – с другой. Эти взаимоотношения будут на протяжении всех стадий социалистического общества меняться. А если мы вспомним, что социалистическое общество есть переходная стадия от капитализма к полному коммунизму, то нам трудно будет рассматривать то или другое построение по отношению к социалистическому обществу, если мы более или менее точно не фиксируем, в какой момент мы его рассматриваем, в каком историческом разрезе мы его берем. С этой точки зрения нам теоретически гораздо легче проводить параллель между капиталистическим обществом, взятым в чистом виде, и коммунистическим обществом, чем сравнивать положение при капиталистическом обществе с положением при социализме. Социализм это есть недоразвитая форма коммунизма, коммунизм в процессе развития, коммунизм на перепутье, *im Werden*. И когда мы рассматриваем вопросы, как будет создаваться культура, какими руками и мозгами, при каком количестве участников и при каких взаимоотношениях людей друг к другу, какой будет досуг, каков избыточный продукт (что одно и то же почти), для нас будет трудно ответить на все эти вопросы сразу за целый период, который будет длиться, может быть, столетие. То, что будет в 1940 г., будет отличаться от того, что будет в 1960 г., а между тем и в 1940 г. будет социализм, и в 1960 г. также. Возьмем, например, вопрос, будем ли мы копировать буржуазное общество на первых ступенях социализма, и если будем, то в

каких пределах. Я на этот вопрос затрудняюсь ответить. Я не думаю, чтобы здесь у нас были какие-либо чрезвычайно резкие скачки. Мне дело представляется таким образом, что будет происходить постепенное втягивание новых слоев рабочего класса в науку и общее поднятие уровня культуры по мере материальных успехов производства в государственном хозяйстве и материальных завоеваний государственного хозяйства по сравнению со всеми другими отсталыми формами производства. Я не считаю возможными какую-то культурную революцию, которая происходит с огромной быстротой, в несколько лет, резкого скачка от стадии, когда социализм только начинает вылупливаться из капиталистического яйца, к такому положению, при котором вся масса начинает участвовать в культурной жизни или в качестве активных творцов, или в качестве аудитории, делающей резонанс для этой культуры. Во всяком случае, если брать социалистическое общество в стадии, когда социалистический способ производства является господствующим, мелкобуржуазные формы являются лишь придатками ему, терпимыми до поры до времени и влачащими довольно жалкое существование, то все это уже предполагает достаточное изменение самой природы советского человека, смены, по крайней мере, двух-трех поколений. На сцене будет поколение, которое не знало капиталистических отношений, которое не развращено капитализмом, как наше поколение, влачащее с собой всякую дрянь из буржуазного общества, часто не замечая даже этого прелестного наследия. Историческая задача нашего поколения – проломить дверь в социализм, нам придут на смену поколения, которые будут воспитываться на основе социалистических отношений и которые то, что необходимо для социалистического производства – определенную коллективную дисциплину, сознательность в труде и т.п., – будут иметь в себе почти как социальный инстинкт.

Теперь относительно участия масс. Мы должны себе представить, что сначала, на первых стадиях социалистического общества, вся масса будет участвовать минимум в том, что она будет представлять из себя аудиторию для новой культуры. Мы можем представить себе и некоторое коллективное участие всех работников социалистического общества в создании этой культуры, причем не исключено, что в первое время мы будем копировать буржуазные отношения. Лишь в дальнейшем можно представить себе положение, при котором *все* будут участвовать в процессе создания материальных благ и весь свой досуг от материального производства будут использовать для работы в области культуры.

Каковы возможные тогда социальные группировки и специализация? (А она будет несомненно, потому что без специализации никакое дальнейшее развитие культуры невозможно.) Мы можем представить себе специализацию совершенно нового типа, которая предполагает знакомство всех с основным и общим в области науки и искусства. Как все это будет конкретно, мы сказать в настоящий момент не можем. Но здесь нужно отметить один факт, который имеет чрезвычайно важное значение для будущей культуры, – это последствия увеличения национального дохода вообще и размер досуга, который может пойти на культуру, в частности. Как можно мыслить эту сцепку между материальной базой и будущей культурой?

Мы имеем один замечательный пример в доказательство того, какое огромное значение имеет для всего поступательного движения вперед тот реальный человек, который это поступательное движение вперед должен проделать. Мы имеем период так называемого военного коммунизма. Мы пробовали в 1918–1920 гг. применять формы распределения и формы производства на основе стимулов, не свойственных капиталистическому и мелкобуржуазному хозяйству. Завод работает, получает пайков столько, сколько государство в состоянии выдать всем рабочим, и получают все более или менее равномерно. В области распределения каждый работник Наркомпрода, который занимался распределением селедок, мануфактуры и т.д., работал на основании каких-то стимулов. Мы предполагали, что он работает в пользу общества, имеет перед собой общественное

достояние, которое он распределяет, и что, следовательно, для него имеется достаточный стимул для того, чтобы работать на новых рельсах и делать все не хуже, чем при капитализме, делать на основе коллективного интереса, на основе стимула понимания общепролетарских, общегосударственных, общесоциалистических задач. Такие иллюзии у нас были. Правда, весь этот период военного коммунизма был неизбежен и необходим по целому ряду других мотивов, более основательных, чем наши иллюзии насчет подготовленности рабочего класса к коллективному распределению. Мы здесь имели опыт перенесения теперешнего человека со всеми его стимулами к труду, воспитанными капитализмом и мелкобуржуазным хозяйством, на другую арену, где от него потребовались не эти стимулы, где старые стимулы были препятствием для успеха того дела, которое нужно было сделать при военном коммунизме. И что же оказалось? Оказалось, что в этом пункте мы встретили жесточайшее сопротивление. Капитализм нам оказал сильнейшее сопротивление как раз на фронте старой психики рабочего, психики служащего, приказчика и т.д. Отпал индивидуальный стимул к участию в труде, и мы видели чрезвычайно печальные последствия. Вы все помните, какая невероятная грязь и какое невнимательное отношение к потребителям было в той наркомпродовской лавке, куда приходили получать по ордерам. Мы видели там хищения государственного имущества, т.е. отсутствие того коллективного стимула, который нужен для успеха дела, и наличие стимулов, которые тащили массы назад, на привычные рельсы частного интереса – мне больше, а на других наплевать. За время военного коммунизма было много случаев, когда только это наследие капитализма обуславливало целый ряд неудач, которые мы имели. Теперь мы имеем нэп, и тот же самый приказчик, который с такой грубостью и небрежностью в наркомпродовской лавке отпускал вам продукт, – как он изменился, как извивается перед вами, когда отрезает кусочек колбасы в каком-нибудь частном магазине, где он работает у нэпмана. Мы видим теперь «буржуазную» чистоту там, где раньше имели «социалистическую» грязь. Как быстро Москва приобрела другой вид! Что же произошло? Конечно, тут много экономических причин, объясняющих изменение, но отнюдь не последняя причина лежит в самих людях, в том, что эти люди, которые имели определенные стимулы к труду в заведенной машине капиталистического или мелкобуржуазного производства, потеряли эти стимулы, оказались как рыба, поднятая на воздух, когда мы пытались в некоторых отношениях продвинуться вперед и вырваться из капиталистических отношений в период военного коммунизма. И, наоборот, когда эти люди при нэпе оказались в таком положении, что индивидуальные стимулы могли начать действовать, – дело пошло как по маслу. Это показывает нам, какое огромное значение имеют для успехов производства стимулы к труду, которые при данной системе, при данном уровне производства, на данной ступени сознательности существуют. Стимул к труду, капиталистическим и мелкобуржуазным обществом выработанный, привит угнетенным классам, и они на основе его могут также работать, как если бы они выполняли привычную, обычную для них работу, к которой они вполне подготовлены. Они не могут сразу оторваться от этих стимулов. Их надо перевести на новые рельсы и взять у них то, что в них имеется, и в частности, что воспитано в них в период борьбы с капиталом, и на основе этого построить коллективные стимулы к труду.

Теперь возникает вопрос: как с этой стороны будет обстоять дело в социалистическом обществе? Здесь нам нужно установить связь между материальными предпосылками для культуры – более высокая техника, гораздо больший прибавочный продукт, гораздо больший досуг, когда вся масса может быть втянута в процесс культуры, стройная хозяйственная система – и между стимулами к труду при социалистическом обществе. Это вопрос чрезвычайной важности. С ним связана вся система нашего воспитания, которую мы должны теперь уже строить, готовя новое поколение, которое должно будет продолжать дальше наше дело.

Мне представляется дело таким образом. Социалистическое общество, поскольку оно представляет из себя переходный этап к коммунизму, не может нам дать чего-то совершенно законченного в области стимулов к труду. И тут мы будем иметь некоторый переходный период от стимулов индивидуальных, воспитываемых капитализмом, к стимулам коллективным, которые войдут в инстинкт при коммунизме. Здесь возможно на первое время представить себе комбинацию того и другого. Некоторую тенденцию движения по этому пути мы уже отчасти имеем в настоящий момент, в дальнейшем же их будет гораздо больше.

В чем может состоять такая комбинация индивидуальных стимулов к труду с коллективными? Хотя бы в следующем. Некоторые иностранные товарищи, посещавшие наши заводы, были поражены той привязанностью к предприятию и тем сознательным отношением к состоянию дела в данном предприятии в целом, которое имеется уже теперь у наших рабочих. Это их до крайности поразило, и в этом отношении разница между капиталистической Европой, где рабочий совершенно не интересуется тем, как идет дело в предприятии, – отработал свое, получилку в карман и до свидания – и тем, что теперь имеется в России. Мы видим у рабочих огромный интерес к своей фабрике, они интересуются, помещена ли их фабрика на черную доску или на красную доску, работает ли в убыток или нет, выработала ли производственную программу, экономит ли топливо и т.д. Эти вопросы рабочего интересуют, и чем дальше, тем все большая масса начинает ими интересоваться. И естественно, почему. Мы здесь присутствуем при начальном процессе того, что можно назвать первым днем рождения совершенно новых стимулов к труду. Это вопрос колоссального значения для всего будущего социализма потому, что если мы стимул индивидуальный сумеем заменить тем стимулом, который органически свойствен[ен] социалистическому способу производства, то у нас будет разрешен вопрос о смычке той экономики, которая уже налицо, с той человеческой психикой, которая отстала, еще не приспособилась к этим экономическим отношениям и которая иначе будет давить тяжелым грузом, задерживая поступательное наше движение вперед. На наших фабриках зарождается уже у рабочих некоторый коллективный интерес, правда, интерес в узком довольно масштабе, в масштабе фабрики. Но фабрика все-таки – коллектив. И когда отдельный рабочий интересуется результатами выработки фабрики в целом, он уже здесь переходит с точки зрения индивидуального чисто интереса, с интереса к его выручке, к началу коллективного стимула к труду. В дальнейшем мы можем себе представить и другие переходные стадии, поскольку, может быть, мы перейдем к заинтересованности рабочих целых отраслей и трестов в делах треста, как целого, и к соревнованию между отдельными отраслями промышленности. С другой стороны, и формы распределения будут приспособляться к этому коллективному стимулу к труду, который на новой хозяйственной базе начал уже возникать и будет в дальнейшем развиваться. Заработная плата в дальнейшем, чем дальше, тем больше, будет представлять из себя распределение премиального фонда, если можно так выразиться. Можно себе представить такую заработную плату, при которой рабочий индивидуально заинтересован, он получает [ее] в зависимости от его индивидуальной выработки. Это дань прошлому. То, что мы имеем в настоящий момент, – это наша уступка мелкобуржуазному инстинкту, это наша уступка капитализму, но все-таки это то, с чем мы боремся. С другой стороны, рабочий получает определенную часть заработной платы из фонда премирования на его предприятии, или в его тресте, или в той отрасли промышленности, которая выполняет производственную программу. Таким образом, заработная плата начинает складываться из двух основных величин: из той, которая связана с индивидуальной выработкой рабочего и в этой части связана со стимулами старого мира, и с другой стороны, из той части, где уже мы видим дыхание новой жизни, видим распределение, где нет разницы между токарем Ивановым и слесарем Петровым, где совершенно

неважно, кто больше переработал, где распределение более коллективное. Если же мы представим дело в масштабе всего государства в целом, то будем иметь две величины, на которые распадается фонд заработной платы, – капиталистического типа плату и более свойственную социализму – плату коллективную.

Таким образом, развитие будет идти за счет отмирания индивидуалистических стимулов и индивидуалистического вознаграждения труда в направлении победы коллективного вознаграждения за счет коллективных успехов труда. Если возьмем дальнейшее развитие техники, например электрификацию, то мы видим, что чем дальше, тем больше индивидуальный учет результатов труда делается все более и более затруднительным. Если вы возьмете огромную систему, например районную электрическую станцию, которая обслуживает десятки и сотни предприятий, то там до крайности трудно индивидуализировать оплату. Еще труднее это будет, если мы органически соединим станцию с другим предприятием, например с транспортом. Чрезвычайно трудно на транспорте производить индивидуальный учет работы, учет переработки каждого отдельного работника. Развитие техники ведет к тому, что индивидуальный учет делается более затруднительным. С другой стороны, социальная структура всего государства побуждает к тому, чтобы развивать коллективные стимулы, переводить на коллективную заработную плату и чем дальше, тем больше уменьшать долю индивидуальных стимулов и индивидуальной оплаты труда, которые с определенного момента превратятся в заскорузлый пережиток, несовместимый уже с хозяйственной структурой общества.

Какое же это будет иметь значение для культуры? Прежде всего, это будет значить расширение самого базиса ее. Если в улучшении условий производства, в новых изобретениях будет участвовать не узкая группа инженеров, а масса рабочих, когда миллионы глаз будут устремлены на то, нельзя ли где-нибудь что-нибудь улучшить, нельзя ли применить к этой машине, которая имеет те или иные несовершенства, какие-нибудь новые совершенства, и если мы вместо десятка и сотни глаз, направленных на это, будем иметь миллион глаз, то можете себе представить, какая колоссальная разница получится в результатах. В этом отношении можно привести в пример те данные, которые мы имеем о рабочих изобретениях за четыре года революции. В настоящее время цифра изобретений рабочих по сравнению с той, которую мы имели до войны, колоссально возросла, и тут мы имеем полную революцию. А между тем наши рабочие на 25% безграмотны и из них только небольшой процент таких, которые прошли низшую техническую школу. Почва для того, чтобы рабочий в массе здесь мог участвовать в изобретательском творчестве, чрезвычайно неблагоприятна. Однако уже и при этих условиях – огромный скачок вперед. Можете себе представить, какие будут результаты, когда будут участвовать в этом деле миллионы не только грамотных, но и прошедших очень большую предварительную школу лиц. С этой точки зрения техника в социалистическом обществе будет развиваться несравненно более быстрым темпом, чем при капиталистическом обществе, в ее совершенствовании будут участвовать не десятки тысяч, а десятки миллионов.

Теперь относительно связи между этими коллективными стимулами к труду и руководителями труда. В капиталистическом обществе непременно нужны надсмотрщики. В новом обществе, которое вылупливается из капиталистического и еще на 90% стоит на базе его, – возьмем Советскую Россию в настоящий период – надсмотрщики нужны, но они становятся гораздо менее нужными, чем при капитализме. Но сейчас-то пока надсмотрщик нужен. Это очень печально, это очень грустно, но это факт. Каждый из вас, кто имеет связь с производством, прекрасно знает это. Но в дальнейшем, когда коллективные стимулы к труду станут преобладающими, этот институт эксплуататорского строя отомрет. Через определенную систему трудового воспитания все необходимые навыки и дисциплина коллективного труда здесь будут превращаться в социальные инстинкты и будут проявляться, как любой физиологический инстинкт. Когда мы будем иметь нового

человека в новой системе хозяйства, то, разумеется, материальные последствия такого труда, такого коллективно сознательного труда будут несравненно большими, чем при капиталистической системе. Техника будет развиваться с гораздо большей быстротой, потому что ее будут двигать миллионы, и не будет препятствий для применения тех изобретений, которые имеются при капитализме. (Вы знаете, что целый ряд машин не вводится при капитализме потому, что хотя они сберегают труд, но не приносят прибыли и не являются выгодными при дешевизне рабочей силы.)

Вот то основное, на что я хотел обратить внимание. Я затронул только самые основные вопросы, самые главные вопросы, которые связаны с материальной базой. Я не коснулся совершенно вопросов о том, как конкретно можно себе представить в числовых величинах этот избыточный продукт социалистического общества, какая неизбежная доля должна будет пойти на воспроизводство, какая может быть уделена на то, чтобы общество могло развивать свою культурную деятельность и воспитывать молодое поколение в духе социалистической эпохи просвещения. Затем, в какой степени техника и успехи техники будут экономить это рабочее время, оставляя больше времени для культурной, умственной деятельности и т.д. На эти вопросы я не могу ответить только потому, что не хочу делать неосновательные пророчества. Совершенно откровенно сознаюсь вам, что я не вполне ясно себе представляю техническую базу социалистического общества. В настоящий момент трудно еще сказать, как будет выглядеть социалистическое общество с этой стороны. Многие из наших утопий, и в том числе самая маленькая утопия, которую я написал*, справедливо обвиняются в том, что в них довольно неграмотно предсказываются те технические изменения, которые могут произойти на протяжении целого столетия. Я считаю, что эти упреки в достаточной мере основательны. Здесь слово должно принадлежать коммунистам-инженерам с достаточной технической фантазией. Но максимальная революция, которая ожидает технику производства вообще, это будет революция в области сельскохозяйственной техники. К сожалению, я ничего не могу сказать об этой стороне дела. Мне осталось еще осветить вопрос о культурных взаимоотношениях между городом и деревней. Но мой доклад и так слишком растянулся. Ограничусь сказанным.

[...]**

Заключительное слово т. Преображенского

Прежде всего, я утверждаю категорически, вопреки тому что здесь говорилось, что я получил предложение от Пролеткульта прочитать доклад «О материальных предпосылках культуры в социалистическом обществе», а не в «капиталистическом».

Здесь один выступавший товарищ поддержал совершенно неудачную критику, которая направлена против книги т. Бухарина (возражение т. Бухарину в статье из журнала «Под знаменем марксизма»). Тот пункт, на который он указал, является архинеудачным. Во-первых, т. Бухарин совершенно не отрицает того, что в создании культуры принимает участие весь общественный комплекс в том смысле, что, если бы трудящиеся массы не создавали прибавочного продукта, не было бы и культуры. Но стиль этой культуры, характер этой культуры определяется тем классом, который узурпирует себе власть, накладывает печать на эту культуру, который использует все, что создается в этой области для интересов поддержания своего господства. Происходит напор на техническую область, желание развить производительные силы данного общества, но это делается та-

* Очевидно, имеется в виду книга Е.А. Преображенского «От нэпа к социализму (Взгляд в будущее России и Европы)» (М., 1922).

** Опушены прения по докладу.

ким образом, что материальные последствия этого узурпируются тоже данным классом. Вот о чем я говорил. Но значит ли это, что спины тех рабов, над которыми возвышается вся эта культура – афинская или римская, – что спины этих рабов, их мускулы, кровь и мозг не принимали участия в создании этой культуры. Если бы мы, вместо того чтобы констатировать эксплуататорский характер этих культур, вместо того чтобы подчеркивать их неизбежную гибель, мы поставили бы вопрос так, что эти культуры были созданы негодными массами, то мы стали бы тогда на народническую точку зрения и затушевали бы истинное положение вещей. Поэтому и упреки здесь т. Бухарину были в корне неосновательны.

Теперь относительно слов т. Зандера. Он несколько раз подходил к тому вопросу, что желательно было бы иметь теорию краха капиталистического общества с точки зрения экономической. Я с ним совершенно согласен, что такая работа желательна, но со своей стороны на предложение по сему вопросу высказаться я отказываюсь. У меня нет готовой конструкции, а если бы была, то я бы о ней написал в первую очередь. Есть по этому вопросу разные точки зрения. Может быть, можно было бы показать, как на известной стадии сам механизм капиталистического хозяйства создает больше противоречий, чем может сгладить своими прогрессивными сторонами. Что же касается того факта, что как будто буржуазия понемногу вылезает из кризиса, то неизвестно, насколько длительно будет начавшееся улучшение. Например, оживление американской промышленности несомненно, но, с другой стороны, несомненен и колоссальный крах в сельском хозяйстве Америки. Англия в последнее время начинает выходить из кризиса, Франция и Бельгия почти вышли, но финансовый крах Франции еще впереди.

Тов. Зандер, говоря относительно стимулов, указывал на то, что когда техника прогрессирует и размеры предприятия очень велики, то огромное колесо предприятий вертится так, что индивидуальный человек играет роль незаметного винтика. Раз он начал работать, он не может не работать – тут о стимуле говорить не приходится; сама техника захватывает человека и заставляет его делать, что ей нужно. Но ведь работник может совсем не выйти на работу. Если не выйдет 50 или 60 человек, то, может быть, нужно будет остановить целую электрическую станцию. Это – во-первых. А во-вторых, неверно, что даже в огромном механизме фабрики ничего не зависит от плохой работы отдельных лиц или групп рабочих.

Теперь чрезвычайно важный вопрос относительно распределения прибавочного продукта и роли его в успехах культуры вообще. Тов. Зандер ставит вопрос так. Не доказано, производилось ли больше на душу населения продуктов в период расцвета античной культуры или в период средневековой. Возьмем первые века средневековья, когда большой классовой дифференциации еще не было, не было особенно резкого имущественного неравенства. Я соответствующей статистики не имею, но предположим, что в среднем количестве прибавочного продукта было бы больше, чем в античном мире. Это ничего не доказывало бы. Мы знаем, что рабы не допотребляли, а свободные граждане имели излишек и в состоянии были строить свою культуру. Значит, культура может развиваться даже при недостаточном количестве продуктов для целого, лишь бы только перегруппировка дохода была такова, чтобы часть общества имела досуг и все материальные данные для создания культуры.

Я хочу перейти сейчас к очень сложному вопросу, касающемуся творчества в будущем, и тем соображениям, которые пришли мне в голову под влиянием того, что говорил здесь т. Кан. Прежде всего, должен возразить против некоторого пристрастия как т. Кана, так и других товарищей к слову «пролетарский», которое они употребляют чаще чем следует. Я думаю, что даже в зале Пролеткульта это излишество совсем необязательно, и т. Кан в этом отношении немножко пересолил. У него техника оказалась пролетарской уже по одному тому, что она ведет к известной нормализации. Но ведь происхождение

нормализации очень давнее. Тов. Мережин указал правильно на то, что нормализация начинается с того момента, когда начинается массовый спрос, когда промышленность работает не на заказ, когда начинаются попытки упрощения вырабатываемого продукта и уменьшения количества типов вырабатываемого продукта. И также уже при капитализме нормализация распространяется не только на изготовление орудий, но и на самые приемы работы, на психику, наконец, и т.д. Тенденция к нормализации столь же стара, как и машина. Она даже старше машины, потому что ее можно констатировать уже в век мануфактуры. Отмеченные процессы нормализации нельзя признать специфическими свойствами социалистического общества – они относятся и к капиталистическому обществу, и поэтому назвать их во что бы то ни стало пролетарскими тенденциями техники нет никакого основания. Это было бы исторически неверно.

Напрасно т. Кан, как инженер, здесь не пофантазировал немного. Я ожидал, что он скажет нам что-нибудь новое, даст картину будущей техники, когда мы в массовом масштабе будем, например, использовать энергию распада атомов и т.д. Возьмем технику, связанную с ускорением процесса произрастания на основе использования и концентрирования солнечной энергии. Какова будет тогда структура земледелия? Недавно один болгарский профессор открыл более совершенный способ стимуляризации семян, т.е. выдержки их в таком растворе, который дает им стимул к быстрому росту. При стимуляризации семян продуктивность посева увеличивается почти в 10 раз по сравнению с обычным сеянием. Если это будет применимо в массовом масштабе, как будет выглядеть тогда наше земледелие? Это, конечно, сделало бы полный переворот. Вывод такой: мы не знаем, какова будет техника даже через 30 лет, и не знаем поэтому, как будет выглядеть наше будущее общество. Большой общий вопрос – будет ли там нормализация проведена так далеко, как представляется т. Кану? Я думаю, что можно представить себе совершенно другую ситуацию. Миллионы мозгов напряженно ищут в разных направлениях, миллионы испытующих глаз направлены на максимальное разнообразие пунктов природы, и производятся миллионы опытов по плану и без плана, чтобы прорщупывать природу во всех направлениях. Здесь нормализация будет служить скорее препятствием, чем стимулом прогресса. Если наиболее оптимистически строить картину того, что будет в будущем, то можно представить себе такую структуру. Будет максимальное разнообразие в этой творческой работе, как индивидуальной, так и коллективной. Будут целые «фабрики изобретений», целые полки изобретателей, связанных одним планом. Будут и одиночки. Максимальное разнообразие в творческой работе, максимальная нормализация в использовании достигнутых результатов.

Но перед нами еще другой вопрос – вопрос относительно стимулов всего общества к развитию. Это чрезвычайно важный вопрос. Капиталистическое общество внутренне противоречиво, оно движется вперед по линии расширенного воспроизводства, причем субъективным стимулом руководителей производства является погоня за прибылью. Только индивидуальные стимулы используются на данной ступени развития целиком. Тот же вопрос естественно поставить и для социалистического, а еще, быть может, больше для коммунистического общества. Внутренне равновесие коммунистического общества как будто не будет благоприятствовать движению вперед. Так иногда кажется при аналогии с антагонистическим капиталистическим строем. Но нужно сказать, что, в сущности, мы ведь знаем, почему собственно Морган стремится к накоплению, раз потребляет $\frac{1}{10\,000}$ своих доходов. Мы тут скорее описываем то, что есть, чем объясняем. Но если в капиталистическом обществе стимулом прогресса является классовая борьба, то ведь и сама эта борьба есть нечто производное. Отсутствие равновесия в обществе, проявляющееся в классовой борьбе, происходит от отсутствия равновесия между человеческим обществом и природой. Этого равновесия не будет, конечно, и при коммунизме. Вот эта-то диспропорциональность и будет тем стимулом

к прогрессу, который в антагонистическом классовом обществе принимает лишь иную форму, форму борьбы людей друг с другом.

В заключение я хочу сказать относительно одного соображения т. Кана насчет стимулов. Он говорит, что в капиталистическом обществе все направлено к тому, чтобы «взять», а в социалистическом обществе к тому, чтобы «дать». Однако его пример с типом Сергея Петровича – Андреева*, а также типом Достоевского – архинеудачен. Кто же поверит, что кончающий с собой неудачник из буржуазного общества кончает потому, что ничего не может дать обществу вследствие своей бездарности. Не правильной ли предположить, что кончают [жизнь] они потому, что как раз ничего не могут взять. Но это – между прочим.

В социалистическом обществе социальный инстинкт можно будет использовать в гораздо большей степени, чем при капитализме. Все, что социально необходимо и социально полезно, должно совершаться непроизвольно. Инстинктивно член общества будет делать то, что в интересах общества, не отдавая себе даже отчета в происхождении, в генезисе мотивов своей деятельности. Что касается случаев отступления от общих норм, то они будут рассматриваться как ненормальные. Благодаря тому что азбука социально целесообразной деятельности войдет в инстинкт, гораздо больше сил будет сохранено для непосредственной борьбы с природой.

Преображенский Е.А. О материальной базе культуры
в социалистическом обществе
(Доклад, сделанный в Центральном
клубе московского Пролеткульта).
М., 1923. С. 3–26, 45–51.

* Имеется в виду рассказ Л. Андреева «Сергей Петрович», где герой рассказа кончает жизнь самоубийством.

[Г Л А В А 2]

О МОРАЛИ И КЛАССОВЫХ НОРМАХ*

Вместо предисловия

В настоящий момент чувствуется потребность в популярной книжке или брошюре о морали. Эта потребность не только, или, точнее, не столько теоретического, сколько практического свойства. Народившийся рабочий читатель и учащаяся молодежь хотят не только знать, что такое мораль, но и ставят вопрос: «Правильно ли я живу?» Если ответить на первый вопрос с точки зрения марксистской теории общества не представляет затруднений, тем более что, по существу, ответ уже дан Марксом и Энгельсом, то ответ на второй вопрос несравненно труднее. Этот вопрос ставится, как вполне конкретный вопрос, в определенную историческую эпоху представителями определенного класса. Он слишком широк и неопределен, чтоб не казаться несколько наивным, но это тем не менее глубоко жизненный вопрос. Эксплуататорские классы, господствовавшие в экономической и политической области до революции, поддерживали систему своего господства не только таким аппаратом классового угнетения, как государство, но и определенными моральными скрепами. Они навязывали угнетенным классам свою мораль. Революция опрокинула экономическое и политическое господство буржуазно-помещичьего блока, она опозорила и эксплуататорскую мораль. Но часть тех вопросов, на которые давала свой ответ, продиктованный интересами эксплуататоров, мораль низвергнутых классов, — часть этих вопросов ставится теперь уже с точки зрения рабочего класса, в обстановке господства пролетариата, и ставится не всегда в туманной, мистической, моральной форме.

Задача настоящей брошюры заключается не в том, чтобы дать конкретные ответы на все эти вопросы, а в том, чтобы правильно поставить принципиально самый вопрос о морали вообще. При такой постановке часть вопросов отпадает, потому что они окажутся неправильно поставленными. Что же касается необходимых и жизненных вопросов, то станет ясней, по какому адресу они должны быть направлены и где на них искать ответа. Вместе с тем будет дана и оценка тому своеобразному *практическому* аморализму, который распространяет принцип «все позволено» и на такие области, где с точки зрения интересов пролетариата и его будущего далеко не все позволено. Эта босяцкая философия не имеет, разумеется, ничего общего с коммунистическим аморализмом и является продуктом некоторого идейно-организационного междуцарствия, является инерцией последней фазы того периода, когда заканчивалось разрушение морали низвергну-

* Брошюра Е.А. Преображенского «О морали и классовых нормах» издана в 1923 г.

тых классов. Старые нормы отпали, между тем методы воздействия коллектива на его отдельных членов, свойственные пролетариату при социалистической стройке, границы этого воздействия в различных областях не выработаны и не оформились. Еще не сложилось общественное мнение пролетариата по ряду вопросов, которые выходят из рамок советского права, тактики и организационных методов партийных и профессиональных организаций, но в то же время имеют жизненное значение для пролетариата с точки зрения сплочения его в класс и для его внутренней спайки, а также для будущего того общества, в котором последний должен играть командующую роль во всех областях. Дело идет здесь, разумеется, о ближайшем будущем нашего советского общества, а не об обществе будущего.

Марксистская литература по вопросу о морали ничтожна. Кроме всем известных мест в трудах и переписке у Маркса и Энгельса, а также легких экскурсий в область морали в марксистской литературе по теории исторического материализма можно указать на известную книжку К. Каутского «*Этика и материалистическое понимание истории*», несколько мест в работах Г.В. Плеханова, особенно о французских материалистах, некоторые места в работах А. Богданова, пару страниц в книге Н. Бухарина «*Теория исторического материализма*», кое-что, но не вполне доброкачественное с марксистской точки зрения, у Дицгена. И, кажется, все.

Что же касается извращений марксистской позиции в вопросе о морали либо сангигиентально-мещанских «поправок» и «дополнений» к Марксу, попыток «соединить» его с Кантом и т.д., то этого рода литературы значительно больше. Полемизировать с ее авторами на шестом году пролетарской революции – вещь архибесполезная. Это все равно что спорить с Милюковым и Струве о преимуществах советской демократии над буржуазной республикой. Наш спор с этическими критиками Маркса давно уже решен в области практики тем, что все эти господа во время Гражданской войны оказались на стороне белых и тем с полной ясностью разоблачили социальные корни своего морального вдохновения. К числу мещанско-интеллигентских свистунов в области морали надо отнести и Станислава Вольского с его напыщенной книжкой «*Философия борьбы*» (сам Вольский также был в лагере контрреволюции). Мещанской фальсификацией марксизма в вопросе о морали является брошюра N.N. «*О пролетарской этике*»¹.

Я упоминаю особенно о последней брошюре потому, что она имеет кричащий подзаголовок. Впрочем, уже из подзаголовка можно видеть, как глубоко проник автор в существо этики вообще. В этой архининтеллигентской этике столько же пролетарского, сколько этического в современном пролетариате, т.е. обе эти величины равны нулю.

Мораль и право

В нашем изложении мы начнем с привычных, так сказать обывательских, представлений о морали (хотя бы и философски обоснованных) и постепенно подойдем к той постановке вопроса, которую считаем правильной и согласной с марксизмом.

Когда сидящий в тюрьме революционер подает царю прошение о помиловании или выдает на допросе своих товарищей по партии, мы говорим о преступлении против революционной этики. Когда во время стачки в каком-либо капиталистическом предприятии группа рабочих, не подчинившаяся общему решению, выходит на работу и начинает играть роль штрейкбрехеров, говорят о нарушении принципов пролетарской морали². Когда врач выдает тайны болезни своих пациентов, говорят обыкновенно о нарушении врачебной этики и т.д. Уже на основании этих примеров можно дать то определение морали, которое считается обычным. Моралью называется система норм или правил, определяющая поведение людей в известных областях их деятельности.

Вместо латинского слова «мораль» почти в том же смысле употребляется и слово «этика». Но термин «этика» приобрел в обычной речи другой оттенок и несколько другое содержание. Если под моралью обычно понимают практические нормы поведения, то под этикой чаще – общие понятия о морали, теорию морали. Что же касается слов: нравственный и этический, то они означают: согласный с требованием морали; безнравственный и неэтический – нарушающий принципы морали. Мы знаем, что поступки людей в обществе регулируются также и законами, постановлениями органов власти и т.д. Спрашивается, какие же поступки регулируются законодательством, какие – законодательством морали? Разграничительная линия здесь приблизительно следующая. Во-первых, законы запрещают гражданам общества совершать те или иные поступки, которые нарушают интересы господствующего класса и всего существующего общественного строя. Мораль же запрещает или поощряет поступки с точки зрения определенного класса, следовательно, не обязательно господствующего класса. Во-вторых, органом, осуществляющим суд и наказание, является государство. Наоборот, законодателем в области морали является так называемое общественное мнение, следовательно, в классовом обществе общественное мнение данного класса. Это общественное мнение не располагает теми возможностями репрессий и органами репрессий, которыми располагает государство, особенно если дело идет об общественном мнении *не* господствующего класса. Орудием воздействия общества или класса на его отдельных членов является общественное порицание или одобрение, которое, правда, может выливаться иногда в такие ощутительные формы, как прерыв связей, отказ в помощи и содействии, бойкот и т.д. Затем законы государства запрещают те или другие поступки, но не говорят о том, что рекомендуется делать. Наоборот, моральные нормы не только порицают одну деятельность, но и поощряют моральным одобрением другую. Далее, закон может не запрещать тех поступков, которые запрещаются моралью. Наоборот, моральное суждение выносится и о тех поступках, которые запрещены законами, и не всегда выносится в духе этих законов. Отсюда видно, что область человеческих поступков, на которые обычно распространялась и распространяется (в классовом обществе) моральная оценка, шире той области, которая регулируется законодательством. Но она все же ограничена определенными рамками. Какие это рамки?

Субъективные цели и объективные последствия

Не всякий поступок обыкновенно подвергается моральной оценке. Если какой-либо турист гуляет на горе в безлюдной местности и бросает для забавы вниз камень, то это занятие не назовут ни нравственным, ни безнравственным. Но дело тотчас меняется, когда у подошвы горы появляется человек. Турист может причинить ему вред, если будет продолжать свое занятие; и теперь его занятие можно уже рассматривать под углом зрения нравственности или безнравственности. Отсюда видно, что моральной оценке вообще подвергаются лишь те поступки, которые приносят пользу или вред людям. Следовательно, нравственным или безнравственным поступок считается не сам по себе, взятый вне времени, пространства, социальных связей человека и интересов других людей, а лишь в зависимости от того, как он действует на других членов общества (или на самого действующего, если его рассматривать как единицу в обществе себе подобных). Таким образом, из бесчисленного количества человеческих поступков сразу выделяется определенная лишь часть их.

Но и эта часть сократится во много раз, если к обсуждению будет привлечено сознание и воля совершающего поступок, чем всегда занималась старая мораль. Возвратимся к нашему примеру. Допустим, наш турист продолжает швырять с горы кам-

ни, вполне уверенный, что внизу никого нет, и сброшенной вниз глыбой ранит или убивает человека. В этом случае поступок убившего может и не подлежать моральной оценке, поскольку дело идет о поступке, который совершился против воли и желания виновного. Возьмем противоположный пример. В местности, где население страдает от недостатка воды, член общины зарывая в землю краденое или иным путем случайно натывается на водную жилу. Никто не подумает называть поступок сего гражданина высококонтрастным. Наоборот, другой член общины, который убил массу времени и сил безуспешно разыскивая для общины источники воды, будет считаться нравственным (в этом отношении) человеком, и деятельность его – заслуживающей морального одобрения. Конечно, если б все благие намерения в свете кончались тем, чем кончилась услуга крыловского медведя, а все поступки, предпринятые с дурным намерением, открывали человечеству колодцы счастья, то понятие нравственного и безнравственного в приложении к сознательно действующему человеку изменилось бы в корне. Если же обычно намерение, имеющее благо других людей, одобряется и поощряется как нравственное, то только потому, что от этого намерения, так сказать, пахнет положительным результатом. Поощряется моральным одобрением не само намерение (потому что само по себе, не проявившееся на деле и вечно осужденное не проявляясь, оно не имеет никакой ценности, ни положительной, ни отрицательной), поощряется его последствие, или, вернее, то, что с ним чаще связано в действии. Точно так же и так называемые «злые» намерения порицаются лишь потому, что это обычно предвестники вредных поступков, которые общество или класс стремится предотвратить заранее, задержать, перешибить их еще в стадии намерения.

Нравственный – полезный; безнравственный – вредный

Но не значит ли всегда слово нравственный и безнравственный – полезный для людей или вредный для людей?

Если мы оставим в стороне цели и намерения людей, совершающих те или иные поступки, и будем говорить лишь об их фактических поступках и их последствиях, то это именно так и будет. Нравственный, в переводе с туманного языка морали на обыкновенный, всегда означает благоприятный для людей или определенной группы людей, полезный, целесообразный; безнравственный – вредный, губительный, нецелесообразный. Нет ни одной в мире системы морали, требования которой не коренились бы в нуждах и потребностях определенных обществ или классов. Штрейкбрехерство считается одним из самых тяжелых преступлений против пролетарской морали, потому что приносит огромный вред борющемуся пролетариату. Трусость и измена считаются на войне самыми тяжкими преступлениями против военной этики, вполне пропорционально тому вреду, который они приносят борющейся стороне. Кража считается безнравственной в среде собственников, способ производства которых требует поддержания форм частной собственности. Наоборот, среди группы лиц, вся профессия которых заключается в нарушении права собственности, а следовательно, и собственнической морали, т.е. среди воров, безнравственным или верхом халатности считается не украсть того, что плохо лежит (за исключением собственности самих членов шайки). Врачебная этика запрещает разглашать тайну болезни пациентов, потому что такое разглашение материально вредит врачам, как определенной профессии. (Либо, если принять вариант самих врачей, потому что разглашение заставляет больных уклоняться от медицинской помощи, т.е. врачебная мораль как будто охраняет интересы общественного здоровья.)

Далее. Поступок может быть более нравственным по этой старой оценке или менее нравственным. В переводе с морального языка на материальный это значит, что тот или

иной поступок является более полезным для общества или класса либо менее полезным. Штрейкбрехеры совершили бы более тяжкое преступление против пролетарской морали, если бы не только пошли срывать стачку, но еще обратились бы к полиции за помощью против стачечников, т.е. принесли бы еще больший вред бастующим и т.д.

Одним словом, всегда и везде нравственным в данном обществе, классе, группе людей считается все то, что выгодно, благоприятно, необходимо для данного общества, класса, группы; безнравственным – все, что невыгодно для данного общества, класса, группы. Причем вред и польза могут быть, разумеется, и прямыми, и косвенными, выгоды – настоящими и будущими.

Эволюция моральных норм

Но ведь то, что выгодно сегодня, может быть вредным завтра и наоборот. Как же обстоит тогда дело с моралью?

Меняется также и мораль. История дает бесчисленное количество примеров этого рода. В сущности, вся история морали, т.е. прежде всего практически действующей морали, есть один сплошной пример такого рода.

Когда труд отдельного человека был малопроизводителен и в среднем один человек не мог создавать прибавочного продукта, а то, что создавал, еле хватало для поддержания его собственной жизни, в этот период воевавшие друг с другом племена не брали пленников, а истребляли их. Пленник не мог дать прибавочного продукта своему господину. Мораль этих племен считала дозволенным и необходимым такое истребление побежденных. Когда же производительность труда возросла, так что взятый в плен мог не только окупить себя, но и дать прибавочный продукт господину, тогда истребление пленников прекратилось, их брали в рабство и заставляли работать на победителей. Мораль этих победителей ковыляла за их изменившимися интересами и стала осуждать убийство пленников, как безнравственное.

Далее. Торговля людьми и рабство считается безнравственным в развитом буржуазном обществе. Наоборот, греки и римляне, создавшие на спинах рабов античную культуру, не думали считать рабство безнравственным, пока рабский труд играл важную роль в их хозяйстве. Но рабский труд в определенную эпоху развития общества оказался менее выгодным в сравнении с крепостным или вольнонаемным трудом – и мораль не замедлила произнести свой приговор над ним.

Совершенно такая же история повторилась с трудом крепостным. Первое «открытие» того, что крепостничество является «безнравственным» и «унижает человеческое достоинство», сделали те группы владельцев крепостных, которые еще до этого открыли в своей экономической практике, что вольнонаемный труд хозяйственно выгодней труда крепостного. В частности, у нас в России ратовать за освобождение крестьян по «моральным» мотивам промышленники и часть дворянства стали в то время, когда вольнонаемный труд, как более выгодный, стал вытеснять крепостной труд не только в промышленности, но и в помещичьих хозяйствах, работавших на рынок, особенно на Юге России.

Убийство стариков только потому, что они не способны трудиться, считается глубоко безнравственным во всех обществах и при всех системах хозяйства, где есть прибавочный продукт, и в частности в сельскохозяйственных общинах, где к тому же старики играют роль «старших», т.е. организаторов в производстве. Наоборот, среди многих племен дикарей убийство стариков, переваливших за известный возраст, является бытовым явлением и не противоречит моральным воззрениям. Причина ясна. Племена, среди которых существует этот обычай, обладают настолько скудными средствами к существова-

нию, что содержание стариков отнимало бы возможность существования соответствующей части трудоспособных и их детей. Из двух зол выбирается меньшее. Убийство стариков считается в данном случае нравственным, потому что представляет из себя средство сохранения рода как целого.

Возьмем дальше самоубийство. У чукчей считается жалким малодушием, если старик, достигший определенного возраста, не кончает с собой. Причина ясна из предыдущего. В общинах, где средств жизни достаточно для всех членов и где увеличение населения выгодно, особенно у народов земледельческих, самоубийство считается безнравственным. Например, христианская мораль, сложившаяся в обществе, уже обладающем систематически значительными массами прибавочного продукта, считает самоубийство грехом. У пролетариата капиталистических стран, где огромное большинство самоубийств совершается на почве нужды и безработицы, моральное возмущение направляется против действительного убийцы этих самоубийц, т.е. против строя, который убивает голодных их собственными руками перед складами, полными товаров (самоубийства среди рабочих увеличиваются как раз во время безработицы и кризисов, т.е. в момент наибольшего избытка нераспроданных товаров). Самоубийство революционера, кончающего с собой от разочарования и неудач в борьбе с эксплуататорским строем, т.е. дезертирующего с поля сражения, не вызывает особенного чувства восхищения, так как силы самоубийцы пригодились бы борющемуся классу в дальнейшем. Совсем иная оценка у революционеров по отношению к тем из их товарищей, которые кончают с собой, чтоб не выдать во время истязания на допросе своих товарищей, либо кончающих с собой после порки в каторжной тюрьме. В этом случае самоубийство либо предупреждает ущерб для революционной партии, либо протестом смерти обеспечивает лучшую обстановку тюремной жизни для живых.

На некоторые вещи моральные воззрения менялись несколько раз на протяжении истории. Например: детоубийство у многих племен, ведущих бродячий образ жизни, считалось и отчасти считается и теперь допустимым. Такие систематические убийства необходимы при данных условиях, потому что дают возможность матерям передвигаться вместе с племенем и, следовательно, спастись от гибели в суровых условиях охотничьей жизни. У народов оседлых, земледельческих, где этот мотив отпадает и где, кроме того, увеличение населения выгодно с производственной точки зрения, детоубийство считается тяжким моральным (и не только моральным) преступлением. Но опять в Древней Спарте, где первый мотив не имел значения, но с военной точки зрения было необходимо воспитание лишь наиболее крепких граждан-солдат, существовал обычай умерщвления физически слабых детей. В современном обществе, где прибавочного продукта достаточно для обеспечения всех живущих взрослых, детей и стариков и где существует не абсолютное, а лишь относительное перенаселение, убийство живых детей считается преступлением, а на искусственные выкидыши существуют различные точки зрения в зависимости от классовых интересов и материального положения отдельных групп населения.

Мораль в классовом обществе

В обществе, подобном современному, т.е. в классовом обществе, одни группы людей заинтересованы в одном, другие – в другом; одним группам может быть выгодно как раз то, что другим вредно. Что же делается в классовом обществе с моралью? В каком направлении она изменяется?

Мораль в классовом обществе следует за классовым интересом, который она заставляет щеголять в туманном, мифологическом одеянии, т.е. просто делается классовой.

Каждый сложившийся и имеющий определенные интересы класс или же заново вырабатывает подходящую для себя мораль, или же приспособляет к своим нуждам старую, внося в нее поправки, расширяя или сужая ее требования, толкуя в своих интересах те или иные ее пункты.

Возвратимся еще раз к нашему примеру с штрейкбрехерами. Бастующие рабочие стремятся пристыдить штрейкбрехеров и теми или иными способами заставить их присоединиться к большинству. Это находится в полном согласии с интересами рабочих и, следовательно, с их пролетарской моралью, требующей классовой солидарности в борьбе всех трудящихся. Но вот на сцену появляется фабрикант и обращается к стачечникам с громовой речью. Нужно бы ожидать, что он скажет: «Мошенники, вы хотите лишить меня последней группы работающих, вы мешаете мне сорвать стачку, вы нагреваете меня на десятки тысяч золотых рублей убытку». Ничего подобного. Наш фабрикант предпочитает язык морали. «Как, вы препятствуете работать желающим? – говорит фабрикант. – Но ведь вы покушаетесь на свободу человека, вы совершаете насилие над личностью. Разве вы сами не хотите свободы? Почему же вы посягаете на эту свободу по отношению к другим, раз они с вами не согласны?» и т.д. Здесь перед нами один из миллионов примеров того, когда на один и тот же вопрос могут быть совершенно противоположные взгляды у двух классов, если их интересы в данном пункте диаметрально противоположны. Мораль одного класса предписывает своим членам то, что мораль враждебного класса запрещает. Это, во-первых.

А во-вторых, из приведенного примера мы можем видеть, как нарушение материального интереса отдельного лица или целого класса представляется этому лицу или классу или сознательно изображается ими, как нарушение человеческой морали вообще. Происходит же это потому, что определенные группы или классы *еще раньше, путем бессознательного процесса*, успели приспособить свои моральные убеждения и все содержание и формы своего классового сознания к своим классовым интересам. Истинно для них то, что не разрушает их системы мышления, сложившейся на почве определенной системы производства и распределения; нравственно для них то, что согласуется с их классовыми интересами и усиливает их шансы на победу в классовой борьбе. Пусть теперь читатель представит себе вместо нашего фабриканта весь класс капиталистов; вместо вопроса о штрейкбрехерах на отдельном заводе – основные интересы буржуазного класса, который последний защищает в борьбе с враждебными классами; вместо ораторствующего фабриканта пусть выступят его замы по этой специальности, т.е. литераторы, профессора, проповедники религий, адвокаты, защищающие эксплуатацию рабочей силы. Тогда он будет иметь перед собой картину того, что происходит на деле в современном обществе. То, что выгодно классу буржуазии, проповедуется как нравственное, как морально обязательное, как естественное и необходимое *для всех*. То, что направлено против этого класса, его господства, его системы собственности, государства, семьи и т.д., то представляется или выдается за нарушение человеческой морали вообще.

Но ведь кроме буржуазии были и сейчас есть другие общественные классы. Как же они поступают в таком случае? А совершенно так же, как и наш фабрикант, как вся буржуазия. То, что выгодно этим классам, что поддерживает и укрепляет их власть, увеличивает доходы в настоящем и обеспечивает получение их в будущем, что согласно со сложившейся классовой психологией и увеличивает внутреннюю сплоченность класса, – все это под флагом вечных истин, добра, правды, красоты, справедливости, свободы и т.д. защищается их литераторами, их представителями религий и осуществляется в жизни в виде общественного мнения всего класса, которое осуждает одни поступки своих сочленов, одобряет другие.

Когда же интересы этих классов, владельцев вечных истин всякого рода, сталкиваются между собой, то этот спор интересов они облачают в спор вечных истин. А когда

атака достаточно подготовлена этой духовной артиллерией, когда сплотились под знаменем этих истин ряды каждого класса и примкнули союзники из других общественных групп, тогда начинается «критика оружием». И хотя сами по себе вечные истины не обладают ни чрезмерными аппетитами, ни честолюбием, в их пользу один класс отбирает у другого и доходы, и власть. Если оставаться на уровне буржуазного или феодального кругозора, то может показаться, что на протяжении истории не одни классы боролись с другими за свои интересы, а что одна «вечная» истина хватала другую за горло миллионами рук, приведенных в действие, что одна мораль читала мораль другой залпами из пушек и пулеметов.

Но если действующая мораль каждого класса является всегда классовой моралью, то, во-первых, почему существует и держится такой самообман и обман, о котором говорилось выше, и какой смысл имеет выдавать свою классовую мораль за общечеловеческую и истинную на все времена? Надо сказать, что при столкновениях представители различных классов умели недурно подмечать далеко не общечеловеческий характер морали своих противников. Но по отношению к себе им изменяло зрение. Как происходит, что лица определенного класса совершенно искренно убеждаются, что защищаемые ими истины есть истины вечные, общеобязательные, и в то же время всюду и всегда существует поразительная гармония между свойствами этих истин и классовыми интересами, одним словом, как сознание незаметно приспосабливается к материальным интересам, – этот вопрос касается теории классового познания. Что же касается того, почему такой самообман прочно держится, то ответить на это нетрудно. Когда мораль класса выдается за общечеловеческую, вечную, то не только лица этого самого класса будут придерживаться ее, что разумеется само собой, но и другие общественные группы могут быть временно привлечены на сторону данного класса. Если бы наш фабрикант прямо заговорил о своих карманных интересах, то если кто и проявил бы к нему сочувствие, то только другие фабриканты, которым тоже приходилось или придется быть в таком неприятном положении. Все же рабочие могли бы только сказать: «Что ж, тебе не выгодно – нам выгодно, только и всего». Когда же наш оратор говорит о свободе вообще, о недопустимости насилия, то иной протак из рабочей же среды мог бы подумать: «И в самом деле, может быть, и правда я не прав». А огромное большинство лиц других классов несомненно поддержит в данном вопросе фабриканта, стоящего за «свободу» против ее «насильников». Вообще переодевание своей классовой морали в костюм общечеловеческой истины и справедливости сыграло огромную роль в истории и продолжает играть и теперь. Таким путем господствующий класс навязывает свою мораль другим классам, от него зависящим, и пока последние не освободились от чуждой им морали и не выработали свою, ведет их на поводу, заставляя служить своим интересам. Таким образом, если в классовом обществе общечеловеческой морали нет, то иллюзию о ней вполне стоило выдумать³.

В классовом обществе не только каждый класс имеет собственную мораль, но и один класс в разные периоды своего исторического существования меняет свою мораль в большей или меньшей степени. И это вполне понятно, если вспомнить, что меняется общественная обстановка, меняются интересы этого класса, как и вообще все течет, все меняется в сем мире. Например, когда буржуазия на первых этапах своего существования была представлена торговым капиталом, она еще не порывала с моралью того общественного класса, который тогда господствовал в обществе, т.е. с моралью земельной аристократии и духовенства. А официальной моралью этих классов являлась, в общем, христианская мораль. (Торговый капитал лишь приспособил к интересам первоначального накопления эту мораль, благо для этого она давала полный простор⁴.) По мере того как буржуазия начинает крепнуть и ее интересы начинают приходить в столкновение с интересами аристократии и духовенства, она начинает освобождаться от их морали: сначала путем поддержки

разных реформаторских течений в христианстве, ближе выражающих ее цели (лютеранство, кальвинизм и пр.); потом, когда она еще более окрепла и готовится вытеснить аристократию и духовенство от власти в обществе, она выдвигает литераторов, ученых, моралистов, которые начинают доказывать, что религия есть вообще заблуждение ума человеческого и сплошное суеверие, что только разум может открыть нам истину. И «разум» не замедлил открыть целый ряд таких истин, которые оправдывали разрыв буржуазии со старой моралью и окрыляли ее на борьбу за власть. Где (как, например, во Франции) противоречия интересов между буржуазией и аристократией были глубоки и резки, там и разрыв в области морали был полный, и католицизм получил полную отставку от буржуазии. Там, где противоречия интересов у этих классов были менее глубоки (как, например, в Англии), там и религия оказалась тоже не столь глубоки («заблуждением»), и был достигнут компромисс буржуазии со старой моралью.

Но вот буржуазия у власти. Раздается лозунг: «Обогащайтесь». И буржуа начинают обогащаться руками пролетариата, и отдельные капиталисты развивают бешеную конкуренцию между собой. Свобода действия для капитала и представителей капитала является главным моральным требованием буржуазии: все хорошо, все дозволено, все нравственно, что дает капиталу возможность беспрепятственно расти трудом рабочих. И чтоб стереть все преграды на пути самовозрастающему капиталу, раздается лозунг: «Долой всякую мораль». Свободно действующая личность, поступающая всецело по своим эгоистическим желаниям, лучше всего обеспечит и благо общее, потому что интересы личности и интересы общества совпадают. Правда, стоило кому-нибудь покуситься на неприкосновенность частной собственности или доходов буржуа, как виновный сейчас же увидел бы, что лозунг «Долой всякую мораль» надо понимать с умом, осторожно; что этот лозунг на языке действительности означает только «Долой мораль, мешающую развитию капитала».

Но обогащаясь, буржуазия убеждается с каждым днем, что рост капитала сопровождается ростом пролетариата, прояснением его сознания, увеличением его активности в борьбе за свои требования. Пролетариат тоже требует себе места на пиру жизни и чем дальше, тем больше угрожает господству буржуазии. И буржуазная мораль начинает претерпевать новый цикл изменения. Буржуа вспоминает о своей старой знакомой, христианской морали, которая так хорошо держала в узде народные массы во время господства аристократии и которую он так легкомысленно объявил ненужной и вредной. На сморщенном лице этой старушки он начинает открывать новые достоинства, которых не заметил сгоряча в дни своей исторической молодости. И вот мы присутствуем при воскресении из мертвых этой морали. В Америке и Англии, где лицемерие и ханжество среди высших классов особенно развито, можно наблюдать такую картину: миллионер, заводчик и биржевой игрок выступают проповедниками с Евангелием в руках и говорят рабочей массе, собравшейся послушать: «Братия, не заботьтесь о радостях в своей жизни, поступайте так, как заповедал Христос. Не берите примера с нас, многогрешных. Мы накопили богатства, но зато нас ожидают вечные муки на том свете. Наоборот, ваша доля есть лучшая доля, потому что бедному легче, чем богатому, войти в царствие Божие. И будьте благодарны нам, что мы, лишая вас благ сей жизни и готовясь принять за это муки вечные, вам готовим рай». Под влиянием растущей силы пролетариата буржуазия начинает отказываться таким образом от своей морали, вынуждена вступать в противоречие со своей собственной моралью, прибегая к моральному лицемерию. (Общая черта разлагающихся классов перед неизбежной потерей господства.) С другой стороны, растущая солидарность пролетариата сплачивает и буржуа перед лицом общей опасности. Старый лозунг «Действуй каждый на свой страх и риск» начинает терять свою цену в обществе капиталистов. «Насилие над личностью» начинает практиковаться в среде патентованных защитников свободы конкуренции все чаще и чаще, когда это является необходимым в интересах всего буржуазного класса. Всякий тепе-

решный европейский буржуа несравненно более робкий либерал в области морали, чем его дед и прадед эпохи революции. И хотя в практической жизни, в погоне за наслаждениями всякого рода для него действительно нет никакой морали, у него отнимается язык сказать теперь по примеру своего деда: «Долой всякую мораль».

Но не везде старая мораль отбрасывается вся целиком как ненужный хлам новым классом. Как экономная хозяйка, выкраивающая из старой одежды новое платье на изменившийся рост, человеческая психика стремится обойтись старыми истинами, приспособив только их к новым потребностям. В человеческой истории новое вино гораздо чаще вливается в старые мехи. В качестве яркого примера того, как одна и та же система морали может служить разным классам, можно привести ту же христианскую мораль. Попы, мещане и покаявшиеся буржуа видят в этом ее высокие достоинства, они приписывают это тому, что-де христианская мораль есть единственная общечеловеческая мораль, способная для всех времен, народов и классов служить руководящим началом жизни. В действительности же эта всегда молодившаяся проститутка служила многим господам лишь потому, что полна противоречий и ее можно толковать как угодно. Каждый класс брал из нее только то, что подходит к его интересам, каждый класс по-своему толковал разные пункты христианской морали, вкладывая в них смысл, подсказанный ему его интересами.

Как разрывается на части христианская мораль различными классами, как самые противоположные интересы оправдывались ссылками на учение Христа, можно видеть на сотнях примеров из истории и из современной жизни.

«Земля наша малая, куренка выпустить некуда, землицы бы нам», – говорил мужик перед революцией, обращаясь к барину.

«Не пожелай ничего, елико суть ближнего твоего», – наставительно отвечает не позабывший Писания барин.

«Помилосердствуй, отец, земля Божья. Христос велел даже рубашкой делиться. А много ли мы просим? Прокормиться лишь бы».

«Не хлебом единым жив человек. Терпите и за это царствие Божие наследуете на небеси», – отвечает христианнейший помещик.

Когда же мужики начинали слишком настойчиво лезть, то евангельские разговоры заканчивались, на сцену появлялись полиция, жандармерия, войска. Мужиков беспощадно пороли и расстреливали, а крестьяне отвечали на это убийством помещиков. И все это в пределах одной и той же христианской морали, которой клялись и дворяне, и мужики, и попы, и полицейские, и православные, и сектанты. Терпение, покорность судьбе, повиновение властям установленным – все эти моральные заповеди христианства эксплуататоры разных стран прекрасно использовали, чтобы оправдать свое господство над массами. Наоборот, все, что есть в Евангелии демократического, что направлено против богатства, неравенства всякого рода, все это использовали массы в своей борьбе с угнетателями, поскольку не поднимались до создания собственной новой морали и не освобождались окончательно от цепей религии. Даже пролетариат на первых стадиях своей классовой борьбы еще пытается удержаться на линии христианской морали, и Христос представляется многим руководителям рабочего движения того времени чем-то вроде первого социалиста. Но дальнейшее развитие классовой борьбы исправляет эти ошибки детства пролетарского движения, и пролетарский авангард разрывает всякую связь с религиозными путями.

Так называемые вечные моральные истины

Но неужели человечество за свою многовековую историю так и не могло выработать таких моральных требований, которые были бы обязательны для всех людей, несмотря на существующие между ними противоречия в интересах, и которые отражали

бы общность интересов всего человечества как вида в борьбе с природой? Ведь есть же такие вопросы, как вопрос о ценности самой жизни человека, вопрос о целостности всего рода человеческого, наконец, такие качества, как совесть, честность и храбрость, с одной стороны, ложь, предательство, трусость – с другой.

Начнем с первого вопроса и по поводу известной евангельской заповеди «Не убий» произведем анкету среди различных классов.

Обратимся сперва к духовенству как наиболее компетентному в писании. «Конечно, убийство – грех, – отвечает нам батюшка, – но... но ведь Христос изгнал торгующих из храма». И на том основании, что Христос изгнал веревкой скот торгующих из храма, служители церкви при царе «напутствовали» тех, кого с веревкой на шею царские палачи изгоняли «в лучший мир» за борьбу с капиталом. Они «напутствовали» также миллионы людей, которых гнали на убой во всех войнах господствующие классы.

Благочестивый мелкий буржуа отвечает: «Убийство – грех, но... но если ко мне залезет в амбар вор и я подстрелю его, защищая свое имущество, кто скажет, что я – нечестный человек».

Спросим крупного буржуа. «Как вам сказать, – скажет он, – убийство вещь нехорошая, но... но как не стрелять таких негодяев, которые своими стачками губят промышленность».

Свой ответ православный помещик дал нам выше. Если мы взвесим теперь всю тяжесть этих ограничительных «но», то в переводе со славянского языка на русский «Не убий» будет означать: постреливай по мере надобности. Таким образом, на один из важнейших вопросов – на вопрос о жизни человека – действующая мораль дает ответ вполне в духе классовых интересов.

Но если не отдельная человеческая жизнь, то, быть может, интересы всего человечества, интересы сохранения племени должны бы быть всем дороги, несмотря на различие интересов классовых, т.е. интересов временных, преходящих, меняющихся? Нимало.

«Франция вырождается, посмотрите на нашего крестьянина, которого вы замучили непосильными поборами, довели до нищеты и физического упадка, пожалейте будущее нашей родины и нашей расы», – говорит французский буржуа перед революцией, обращаясь к аристократу.

«После нас хоть потоп», – отвечает весело тот, допивая бутылку шампанского.

«Посмотрите, нация хилеет с каждым годом под влиянием изнурительного труда на ваших фабриках, – говорит английский аристократ новому господину, капиталисту, который только что болел душой за нацию во Франции. – Надо ввести фабричное законодательство, ограждающее нацию от расхищения рабочих сил и вырождения».

«Вы что же, хотите убить промышленность?» – отвечает возмущенный капиталист и продолжает высасывать соки не только из взрослых мужчин и женщин, но и из детей, вплоть до пятилетнего возраста, пока вырождение населения не начинает угрожать военной мощи государства, пока, одним словом, опасность не начинает угрожать тому же буржуазному карману, но только с другой стороны.

Подобные примеры дает каждая страна в любую эпоху, раз только деление общества на классы далеко пошло вперед. Только тогда интересы человечества защищаются, когда это совпадает с классовыми интересами. А когда последние вступают в противоречие с интересами рода, с интересами социального развития, то представители того или иного класса никогда не задумаются поставить свои групповые интересы на первый план, и их мораль стоит на страже прежде всего их классовых интересов⁵.

Идем дальше. Может быть, расходясь в целях своей деятельности, расходясь в понятиях добра и зла, различные классы в осуществлении своих целей, в средствах к цели могут достигнуть морального единомыслия? Быть может, они согласны, что одни средства хороши, морально допустимы, а другие нет? Быть может, во взгляде на правдивость, честность, верность слову они все согласны?

Как сказать, отвечает нам история: ничего нет в мире ни абсолютно нравственного, ни абсолютно безнравственного ни в целях, ни в средствах; ни абсолютной правды, ни абсолютной лжи. У разных классов правда и честность в разном фаворе. Например, феодалный рыцарь старается высоко держать знамя честности и верности своему слову по отношению к его господину и к равным себе. Но он делает различие между человеком своего круга и какой-нибудь чернью. Обмануть первого для него – большое моральное преступление, а по отношению ко второй – все средства хороши. А вот компетентный в своем деле купец прямо говорит: не обманешь – не продашь. Другой же если не обманывает, так опять же, по его собственному заявлению, только потому, что честность в торговле стала выгодней. В общем, акции правды и честности, с одной стороны, и лжи – с другой то падают, то поднимаются в истории каждого класса. Когда класс силен, стремится к власти и будущее за ним – он поднимает акции правдивости. Он более правдив и объективен и в своей практической жизни, и в науке, и в искусстве. Наоборот, когда класс клонится к упадку, к потере власти и господства, он, как запутавшийся в делах банкрот, хватается за все средства, чтоб спасти положение. Невыгодна правда – поднимаются акции лжи; и никогда не хватит недостатка в талантах, которые будут доказывать, что ложь имеет очень почтенные заслуги перед человечеством. Если член определенного класса пользуется ложью и клеветой в интересах своего класса, а не из личных целей, и пользуется с успехом для дела, то он всегда останется честным и уважаемым членом своего класса и будет считаться человеком более высокого морального уровня, чем его коллега, который молчал там, где этот лгал во имя своего класса.

Разлагающийся католицизм выдвинул иезуитов, приемы деятельности которых достаточно известны. Но ни католицизм не потерпел бы ни дня этот орден, ни орден в среде своих членов, если бы в первом случае орден, а во втором его отдельные члены использовали ложь только в своих личных целях.

Господствующие классы пользуются ложью для обмана и беспрепятственной эксплуатации угнетенных классов. Вся мораль, в сущности, построена на классовой лжи: один класс выдает свои классовые интересы, удачно прикрытые «внеклассовыми» моральными и иными истинами, за интересы общечеловеческие. И наоборот, угнетенные классы очень часто прибегают к инструменту лжи как к оружию обороны от своих угнетателей. Всякая подпольная работа, всякий заговор, подготовка втайне восстания и т.д. – все это требует лжи. Если для внеклассового общества в его быту ложь невыгодна для всех в целом, потому что заставляет тратить добавочную энергию членов общества на выяснение истины, то в классовом обществе дело обстоит иначе. Ложь отвергается или не применяется лишь в тех случаях, когда невыгодно в классовых интересах ею пользоваться.

Может быть храбрость – искомое качество?

Да, храбрость – качество, ценимое людьми всех классов, потому что еще не придумано средство побеждать в борьбе посредством трусости. Но – увы! – и здесь возможны различные степени оценки этого качества. «Безумство храбрых – вот мудрость жизни», – поет рвущийся в бой буржуа перед революцией. «Миллиончик в кармане и партия в «вист» в мирной и тихой обстановке – вот мудрость жизни», – говорит тот же буржуа столетие спустя. Вообще, храбрость ценится выше у тех народов и тех общественных групп, существование которых связано с войной. Наоборот, те народы и те общественные классы, которые могут достигнуть большего не путем храбрости, а, например, путем изворотливости, хитрости, ума, не задумаются поставить последние качества выше храбрости. Это и понятно. Для класса морально то выше, что полезней классу в его борьбе, что обеспечивает ему наибольший результат с наименьшей тратой сил. Да и сама мораль есть ведь не что иное, как средство наиболее тесно сплотить всех членов класса в защите интересов целого и наиболее выгодно использовать всех членов класса с этой целью.

Но вот предательство. Неужели оно не отвратительно морально для всех классов? Увы! – кто для данной армии, класса, народа является предателем, тот для враждебной стороны лишь «полезный сотрудник». Каждый класс, армия и пр., пользуясь предательством и вознаграждая предателей от противной стороны, тем самым доказывают, что ненавидят не предателей вообще, а лишь своих собственных предателей. Только и всего.

А совесть? Разве это не голос общечеловеческой морали в самом чистом виде – голос, чуждый всяких узкоэгоистических соображений и раздающийся как раз в противодействии им? Посмотрим.

У самоедов часто случается, что разбогатевший член племени в один прекрасный день под влиянием голоса совести раздает все накопленное имущество сородичам. Потом снова начинает свой обычный род занятий, пока снова, устыдившись своего материального превосходства над ближними, не производит раздела. Русский купец старого закала хотя не столь подвержен разделительным стремлениям, тем не менее и он чувствовал бы свою совесть непокойной, если бы не давал у себя приюта юродивым, не написал бы в завещании известную сумму на богадельню, не делал милостыни, не жертвовал на монастырь и, чтоб совсем прочно было, не повесил бы стопудовый колокол на церковь и т.д. Но уже сын нашего купца, учившийся в университете и вообще человек передовой, совсем не расположен кормить юродивых, делать вклады в монастыри, жертвовать колокола. И то, что отец его считал делом совести, наиболее нравственным делом, то сын считает скорее безнравственным и, по меньшей мере, глупым. Он считает безнравственным и неразумным кормить дармоедов монахов и юродивых, тратить деньги на поддержку суеверий и предпочитает на эти средства «дать заработать» трудящимся, т.е. расширяет размеры эксплуатации. А угрызения совести? Неужели сыну они так и не знакомы вовсе? Нет, напротив. Только недавно он уклонился от взноса в кассу, которую образовал торгово-промышленный класс, чтобы добиваться путем агитации увеличения ввозных пошлин. А затем, вопреки решению всех фабрикантов не увеличивать расценки по требованию рабочих, решению, за которое он сам голосовал, нарушил это постановление, чтобы не лишиться выгодных заказов из-за стачки в горячее время. Вследствие всего этого угрызения совести дают себя знать сыну нашего благочестивого купца. Дальше. У соседа нашего купеческого сына на заводе во время стачки часть рабочих раньше времени вышла на работу, и успех получился неполный. Теперь эта часть рабочих чувствует угрызения совести и стыдится встречаться с товарищами. Драгунский ротмистр из карательного отряда засиделся за «винтом» у предводителя дворянства и не успел произвести экзекуцию в одной деревне, крестьяне которой тем временем сожгли усадьбу помещика. Ротмистр чувствует себя очень неловко. А вот еще и террорист, опоздавший вовремя выйти к проезду сановника, в которого должен был бросить бомбу. Он чувствует себя провинившимся перед товарищами по партии и перед классом, интересам которого партия служит в своей борьбе.

Во всех случаях перед нами угрызения совести, целый корб угрызений совести. Общее всем этим примерам то, что люди совершили известные поступки, увлекшись личными интересами, и теперь чувствуют свою вину. Но перед кем? Террорист перед своим классом, допустим крестьянством, ротмистр – перед дворянством, фабрикант – перед другими фабрикантами, рабочие – перед рабочими, самоед – перед своими сородичами. Каждый чувствует себя виноватым перед своим классом, которому нанес вред. Правда, у самоеда нет такого класса, он не развился среди самоедов, и ответственность он чувствует перед общиной своих сородичей, т.е. той общественной средой, в которой живет и с которой связан материально и психологически (у самоедов сильны остатки первобытного коммунизма). Наш благочестивый купец уже гораздо менее самоеда чувствителен к своим грехам перед обществом (мнимым или действительным, безразлично). Но он тоже помнит время, когда был простым мужиком, и его пожертвования в

пользу нищих, юродивых, богадельни есть лишь слабая степень того, что делает самоед своим разделом. И даже его расходы на колокол и монастыри, поскольку это не акт компромисса с церковью как социальной категорией, есть лишь уродливая форма той же деятельности, которую в чистом виде мы видим у самоеда. Но сын купца действует уже в среде сложившегося торгово-промышленного класса и угрызения совести чувствует лишь постольку, поскольку приносит вред своими поступками своему классу. Ему и в голову не может прийти мысль, что он может чувствовать моральную ответственность⁶ перед неимущими за свое богатство, что так отчетливо чувствует самоед, и туманные отблески чего тревожили совесть его отца. Наоборот, он употребление своего капитала на производство прибавочной стоимости считает нравственным делом, потому что этим дает «кормиться» тем же неимущим. По отношению к ротмистру, террористу, пролетариям все ясно само собой.

В общем, как правило, можно утверждать следующее. В обществах, не разложившихся на классы, отдельный человек чувствует себя ответственным за поступки перед всей общиной. Там, где из первобытной общины выделяются классы, но окончательно еще не сформировались экономически, и члены этих складывающихся классов не выработали классовой идеологии, ответственность существует или перед тем обществом, в среде которого классы формируются, или ответственность принимает разные причудливые формы, соответствующие переходному состоянию самого образующегося класса. Когда класс или классы вполне сформировались, ответственность, как правило, существует перед своим классом. Голос совести – этот голос рода, раздающийся внутри личности, эта нитка, за которую дергает род, чтобы напомнить отдельному члену об его связи с целым, – этот голос в классовом обществе уже звучит как голос класса. Затуманивать, скрывать или извращать эту истину вольно или невольно, сознательно или бессознательно заставляет всех моралистов тоже «голос своего класса». И только в интересах класса пролетариев – вывести эту истину на свет божий во всем ее объеме.

Социальный инстинкт и классовый интерес

Но не забыли ли мы чего? В жизни нашего фабриканта, сына купца, был один случай, когда угрызения совести, испытанное им, нельзя было бы назвать голосом класса. Дело в том, что утопал как-то в реке один рабочий, наш фабрикант мог бы его спасти, плавать он недурно, но он не хотел рисковать жизнью, и утопающий утонул. Вспоминая иногда об этом, он чувствует себя не вполне хорошо, тем более что один его знакомый фабрикант в подобном же случае спас одного утопавшего рабочего. Знает он и обратный случай, когда рабочий спас фабриканта. И замечательно еще то, что этот фабрикант совсем не такой уж доброй души человек и на его красильно-белильной фабрике рабочие мрут как мухи. Спасшись, он не одну сотню заставил и дальше умирать от непосильной работы в удушливой атмосфере. Да и рабочий, спасший жизнь этому фабриканту, тоже не питал к нему нежных чувств, и во время стачки, когда дети у всех мерли с голоду, не раз вместе со своей женой желали ему смерти. Как же все это объяснить?

Здесь мы должны сделать небольшое отступление.

Человек есть животное общественное, социальное. Все социальные животные характеризуются тем, что живут группами, не в одиночку, и в своей борьбе за существование помогают друг другу. Часто бывает, что эта помощь другим, всей группе идет так далеко, что отдельный член стаи птиц, стада животных, общества насекомых погибает, спасая вид. Когда, например, на стадо буйволов нападает в степи лев, старый самец, вожак стада, вступает обыкновенно в единоборство со львом, погибает по большей части, но дает уйти стаду. Буйвол действует бессознательно, произвольно, как и все

общественные животные в подобных случаях; он не может действовать иначе, как не может падающий человек не ухватиться за что-нибудь, чтоб не удариться, как уклоняется невольно всякий от угрожающего его голове удара. (В данном случае вид тоже уклоняется от удара, подставляя под него одного из членов.) Если бы буйвол способен был рассуждать, и рассуждать так, как имеет привычку рассуждать буржуа при опасности, он бы, пожалуй, решил: ноги у меня крепкие, авось другие попадут на обед льву, а не я, – и убежал бы. Но сила буйвола, сила всех общественных животных в том, что они не рассуждают подобно нашему буржуа-индивидуалисту (как и вообще не рассуждают, за исключением человека). Эта удивительная способность к самопожертвованию есть результат долгого развития. Те виды, где она проявлялась сильней, оказывались более приспособленными в борьбе с природой и врагами и выживали; где она была слабей, где каждый был более склонен действовать в одиночку и спасаться сам, – погибали. Так, путем естественного отбора способность к самопожертвованию в пользу вида развилась и укрепилась. Это такое же полезное приобретение для общественных животных, как когти и зубы у льва, острое зрение у птиц, бивни у слона и т.д. Оно, конечно, не видно [с]наружи, но скрыто, как возможность к действию, в каждом члене рода. Если человек при своей физической слабости победил в конце концов как вид в борьбе с природой, достигнув настоящего положения, то в значительной, если не в большей степени, благодаря этой способности к самопожертвованию, или, вернее, благодаря этой способности всегда распоряжаться своими сочленами (бессознательно и для самого вида, и этих сочленов) в интересах сохранения целого.

Но вот мы берем человека в период, когда люди разделены на различные племена, враждующие между собой. Социальный инстинкт принимает теперь форму племенного инстинкта. Он действует в интересах членов своего рода и против враждебных племен. Когда же среди одного народа образуются различные классы, то социальный инстинкт поступает на службу классовому интересу. Сам по себе инстинкт слеп, как и всякое непроизвольное движение или стремление. Классовый интерес открывает ему глаза, и он, так сказать, начинает смотреть на мир глазами классового интереса. Развившийся на почве взаимопомощи и сохранения вида, способствовавший спасению других членов рода в борьбе с дикими зверями и опасностями всякого рода, он направляется в классовом обществе на то, чтоб способствовать защите интересов лиц определенного класса и наносить наибольший ущерб классам враждебным. На баррикадах, где и восставший народ, и защищающийся господствующий класс проявляют чудеса храбрости, *социальный инстинкт одной части общества противостоит социальному инстинкту другой*. И хотя он общего происхождения у всех людей, теперь направлен к их взаимному истреблению. Чем чаще классы вступают в борьбу, тем чаще проявляется этот инстинкт, теперь уже направляемый классовым интересом. Чем более мирной является внутренняя обстановка общества, тем более он скрыт и дремлет у многих людей. В наибольшей степени этот инстинкт бывает напряжен у классов угнетенных, поднимающихся за свое освобождение. Наименее силен он там, где условия существования класса подавляют его. Например, обычная конкуренция в капиталистическом обществе, готовность каждого буржуа слопать капитал и доходы своего собрата, стремление только к своей личной выгоде, конкуренция, диктуемая интересами производственного развития на капиталистической стадии, – все это заглушает и подавляет социальный инстинкт. Но вот всему буржуазному классу угрожает опасность, его могут лишить власти и имущества – и картина резко меняется. Какой-нибудь Иван Иванович Иванов, известный в обществе лишь как азартный игрок на бирже и неразборчивый в средствах наживы по отношению к братьям по классу, оказывается теперь вдруг в первых рядах борющихся за спасение буржуазного господства и, может быть, теряет жизнь и могущество, спасая интересы целого. А много толковавший в обычное время об интересах целого Петр Петрович Петров может очутиться в первых

рядах дезертиров. «Наших бьют!», – проносится по рабочим кварталам – и тысячи пролетариев спешат к месту действия, чтобы помочь своим.

Что движет массой в таких порывах к действию, когда все совершается с такой быстротой, при которой никто не имеет возможности обдумать положение и принять сознательное решение? Социальный инстинкт, подталкиваемый в нужную сторону и направляемый классовым интересом или только, если можно так выразиться, классовым чутьем. Не раз среди наших диких предков на протяжении десятков и сотен тысяч лет раздавалось это «наших бьют», выраженное на разных языках, когда даже не было членораздельной речи и когда какой-нибудь полужвериный крик выражал эту мысль. И люди стремились с неудержимостью стихии на помощь своим. Когда звучит этот клич в классовом обществе, каждый спешит на помощь тем, кого он считает своими, т.е. к лицам своего класса⁷.

Но как ни сильны классовые интересы, как ни ожесточенно борются между собою общественные группы в моменты столкновения, в моменты нормального течения жизни социальный инстинкт, где он не встречается с классовым интересом, может проявиться и как инстинкт рода. Аналогичный пример мы и объясняем теперь всем этим отступлением. Фабрикант спасает не рабочего, а человека вообще, абстрактного человека, так сказать. И для рабочего, спасающего фабриканта, важно не то, что он фабрикант, и даже не важно то, что он неважный фабрикант, а то, что он человек, член вида *homo sapiens*, которому угрожает смертельная опасность от внешней природы, перед которой, как перед лицом, например, диких зверей, все люди – члены одного вида.

Но измените общественную обстановку: пусть действие происходит во время гражданской войны, и посмотрите теперь на действующих лиц. Раз обе стороны нещадно истребляют друг друга, ни утопающий буржуа не получит спасения от блузника, ни сам не полезет спасать коммунара. Скорей подтолкнет еще в воду. Иначе ему пришлось бы спасти утопающего в качестве человека и, не дав ему одеться, расстрелять тут же на берегу в качестве представителя вражеской стороны.

Социальный инстинкт мог бы послужить прекрасной движущей силой общесоциальных норм, если б общество не делилось на классы. И хотя он глубоко коренится в человеческой природе и, как всякий другой полезный инстинкт, действует иногда с неборимой силой, он слаб именно тем, что лишен головы. Как вовремя сделанный легкий толчок может отклонить в сторону удар, наносимый со страшной силой; и не потому, что толчок силен, а потому, что он умело направлен, так и классовый интерес, сильный своей сознательностью, совершенно таким же образом берет в плен инстинкт социальный, слабый своей слепотой, превращая его фактически в классовый инстинкт. Только будущее общество, освобожденное от классовой борьбы и самого существования классов, сумеет использовать во всей полноте социальный инстинкт человека, являющийся одним из самых ценных приобретений его долгой истории.

* * *

Таким образом, в поисках общечеловеческой морали мы пришли к печальному результату: таковой, т.е. практически действующей, общечеловеческой морали не оказалось. И зная действие классового интереса на сознание людей, на их поступки, с одной стороны, и зная, что поиски происходят в классовом обществе, [– с другой], не стоило бы даже и искать. Но если общечеловеческой морали не оказалось, то морали, выдаваемой за таковую, сколько угодно.

Но, позвольте, могут нам сказать, разве знаменитое моральное правило: «Не желай другим того, чего не желаешь себе», – не является таким общечеловеческим моральным требованием? Несомненно, это наставление является очень почтенным и по возрасту, и

по объему благих пожеланий, которые в нем погребены. И если б от удачно сформулированного изречения зависело и проведение его в жизнь, то приведенное не оставляло бы желать ничего лучшего. Стоило бы, например, всем аристократам и буржуа не желать для рабочего класса того, чего они не желают себе, т.е. непосильного труда, бесприютной старости, преждевременной смерти, нищеты и несправедливости и т.д., а пролетариям пожелать г-дам буржуа и аристократам рабочего дня хотя бы часов в шесть, социализации орудий производства и пр., одним словом, всего того, что только они могут предложить самого лучшего и чего ждут от социализма, то все бы уладилось к всеобщему удовольствию. Но наше почтенное правило если и служило руководством когда-нибудь, то разве лишь для лиц одного и того же класса. Вообще, это чисто формальное правило или игнорирует деление общества на классы, или считает его, это деление, таким же неустрашимым, как законы природы, и не думает даже посягать на него.

Таковы же, в общем, принципы и моральный закон, сформулированного Кантом: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла служить принципом всеобщего законодательства». Это закон также чисто формального свойства. Посмотрим, что из него получится, если мы его наполним конкретным, т.е. в современном обществе это значит классовым, содержанием. Буржуа, типичный представитель своего класса, скажет: я нанимаю рабочих, продаю на рынке продукт их труда, имею частную собственность, обогащаюсь, считаю, что каждый должен уметь защищать свой интерес, и т.д. Не только допускаю возможность, но и требую, чтобы принципы моей деятельности лежали в основе всеобщего законодательства. Рабочий скажет: все должны работать, не трудящийся да не ест; орудия производства должны принадлежать обществу; эксплуатация человека человеком недопустима; необходимо стремиться к социализму. Требую, чтоб все это легло в основу законодательства общества. Так же в духе своих классовых целей и классовых интересов высказались бы и другие классы. Что же было бы с нашим бедным «всеобщим законодательством»? Оно оказалось бы в руках того класса, который сильнее и который все свое классовое законодательство может сделать (под страхом тюрьмы и казни для непослушных) «всеобщим законодательством». И весь хваленый общечеловеческий моральный закон Канта разлезается по швам, разоблачая лишь беспредельный мелкобуржуазный утопизм и мещанскую ограниченность его автора⁸.

Итак, мы видим, что мораль в классовом обществе является классовой. И это абсолютно неизбежно. Мораль регулирует в определенной области поведение людей данного класса или тех классов, которые находятся под властью морали господствующего класса. Мораль подчиняется общему закону зависимости идеологии от материальных условий существования класса. Было бы абсолютно невозможно и нетерпимо на сколько-нибудь продолжительный срок, если б материальные интересы данного, допустим господствующего, класса и его командующая роль в производстве и распределении ограждались бы государственным аппаратом, закреплялись соответствующей системой законодательства, идеологически оправдывались в религии, философии, в науке вообще, в классово-благоприятных тонах отображались в искусстве и в то же время находились в полном противоречии с моралью. Иными словами, не может надолго продолжаться такое положение, когда мораль проповедует классу делать то, что противоречит его интересам, не согласуется с его ролью в производстве, не соответствует его исторической роли на данной ступени общественного развития. Мораль поэтому включается в общую систему идеологии и всех норм, которые находятся на службе классового интереса. Более того, если по отношению к верхушечным элементам идеологии, далеко отстоящим от экономического фундамента, можно путем анализа установить зависимость от экономического основания, то тем более в области морали, т.е. в области норм практической деятельности, связь эта должна быть гораздо более тесной и непосредственной. По отношению к господствующему классу это совершенно ясно и очевидно. Например, если б буржуа-

зия в период усиленного накопления и расширенного воспроизводства капиталистического хозяйства руководствовалась евангельским правилом насчет рубашки, которую рекомендуется отдать «ближнему», и, вместо того чтобы концентрировать капитал для расширенного производства, раздавала бы прибавочную стоимость «неимущим», это делало невозможным капиталистическое производство. Такая мораль находилась бы в вопиющем противоречии не только с узкоматериальными интересами класса капиталистов, но и с интересами экономического развития общества на его капиталистическом перегоне. То же можно сказать про земельное дворянство в период создания крупной земельной собственности и крепостного хозяйства.

Несколько иначе обстоит дело с моралью угнетенных классов, в том смысле иначе, что здесь труднее проследить связь между фактически господствующей в практике класса моралью и интересами данного класса. Происходит это потому, что угнетенный класс не всегда сознает свои классовые интересы, и его действующая мораль может поэтому на определенной стадии развития класса находиться в несоответствии с его классовыми интересами. Угнетенный класс раньше складывается в класс «в себе» (*an sich*), т.е. занимает определенное место в процессе производства и распределения и занимает определенное социальное место по отношению к другим классам общества, и только затем, иногда путем долголетнего оформления своего классового сознания, превращается в класс «для себя» («*für sich*»), т.е. в класс, осознавший свои интересы и самоопределившийся в обстановке окружающих его других классов. И вот пока угнетенный класс еще не самоопределился таким образом, он в известный период своего существования руководствуется не своими, ему присущими, классовыми нормами, отвечающими его классовым интересам, а идет на поводу господствующей морали, т.е. морали экономически и политически господствующего класса.

Возьмем для примера рабочий класс на заре развития капиталистического способа производства. Как класс наемных рабочих, продающих рабочую силу капиталу, он уже существует. Но он находится еще в плену у морали буржуазного класса. Он относится к институту частной собственности на орудия производства, как к чему-то непреложному, естественному. Вынужденный своим экономическим положением применять стачку в борьбе за улучшение своего материального положения, он смотрит еще на нее, как на что-то вроде преступления, и не потому только, что законодательство считает ее преступлением, но потому, что он еще не высвободился из плена общественного мнения буржуазного класса, запуган, робок. Его травят во время стачки, как зверя, вырвавшегося из клетки, и ему самому состояние длительной стачечной борьбы кажется неестественным и нетерпимым. Он как бы чувствует моральную ответственность за простой машин, за убытки хозяину. Он еще не разделался с навязанным ему его эксплуататорами представлением, что хозяин, дающий ему работу, его кормит. В этот период он всячески ищет компромисса с моралью своих хозяев, он пытается извинить свою борьбу с точки зрения привычных для него моральных представлений своего хозяина, он как бы просит извинения у истории за то, что он уже существует как класс. И первые робкие попытки нащупать идеологическое оправдание для своей борьбы он делает, так сказать, внутри идеологии эксплуататоров: он осмысливает свое классовое положение и формулирует свои классовые интересы в туманных религиозных формах, используя противоречия христианского учения и христианской морали. В дальнейшем он, под влиянием практики экономической борьбы, начинает понемногу строить свои классовые нормы, но пока еще в тех пределах, в каких это нужно для оправдания стачки и для ее успешного исхода. Он уже подвергает моральному и часто материальному бойкоту штрейкбрехеров, но стачку оправдывает, исходя все еще из господствующих представлений и морали товарного хозяйства: плати за работу «справедливую плату», т.е. в общем и целом среднюю рыночную цену рабочей силы. В этот период пролетариат еще не претендует на всю прибавочную

стоимость, и это очень ярко отражается на его обычной морали в этот период, например морали среднего английского тред-юниониста, которая является, в сущности, особым «демократическим» изданием общепролетарской морали, приспособленной для рабочего быта. И только в следующий период борьбы за власть пролетариат порывает со всей паутиной эксплуататорской идеологии и морали и начинает вырабатывать и осознавать свои собственные классовые нормы, отвечающие задачам его классовой борьбы.

Из этого примера мы можем видеть, что мораль всегда остается в классовом обществе классовой, но часто класс руководствуется моралью другого класса, которому он экономически подчинен и с идеологией которого еще не разорвал. *Поэтому для угнетенных классов их специфические классовые нормы надо искать не в период зарождения этих классов и не на первых шагах их классовой борьбы, а в период оформления класса «для себя», в период резких классовых столкновений с враждебными классами, наконец, в период господства нового класса в экономике и политике страны.*

После всего сказанного мы можем уже дать более точное и более научное определение морали по сравнению с тем, которым мы довольствовались до сих пор.

Существует ли пролетарская мораль

Если всякая мораль является классовой моралью, если даже аморализм, т.е. отрицание всякой морали, в обстановке классового общества означает, в сущности, замену старой морали новой, которую только не называют этим именем, то, естественно, теперь возникает вопрос: как же обстоит дело с классовой пролетарской моралью. Во-первых, существует ли она вообще, а если существует, каково ее материальное содержание как в период до, так и после социальной революции.

Сначала надо сказать несколько слов о терминологии. Под моралью раньше, т.е., следовательно, в огромном большинстве случаев, когда вообще употреблялось это слово, понимали и отчасти понимают и теперь такую систему норм и правил поведения, которые признаются абсолютными и общеобязательными. То, что рекомендует делать та или иная мораль, рассматривалось не как просто нужное, полезное, целесообразное для класса, а задрапировалось туманной мифологической оболочкой. И, в частности, интересы всего рода, всего коллектива, всего класса давили на сознание личности не как откровенно сформулированный классовый интерес и директива коллектива: делать в интересах коллектива это, не делать этого, а также в мистической оболочке «голоса совести». Это особенно ярко выступало тогда, когда личные интересы члена коллектива сталкивались с интересами целого и полем сражения между личными и коллективными интересами было сознание индивидуума. Перед личностью стоял тогда вопрос в такой форме: нарушить или не нарушить мораль вообще, пойти или не пойти против своей совести, а не так: поступить ли с пользой для своего класса или принести ему ущерб. Такую же мистическую форму принимала в сознании отдельного члена класса, например угнетаемого класса, борьба его против другого класса, навязавшего первому свою идеологию и свою мораль. Это высвобождение человека от делающейся ему чуждой (т.е. начинающей резко противоречить его классовым интересам) морали другого класса принимает в его сознании форму борьбы одной моральной истины с другой.

При таких условиях, естественно, возникает вопрос: целесообразно ли пользоваться терминами «мораль», «этика», «нравственный», «безнравственный» и т.д. в среде такого класса, который не только не фетишизирует своих и чужих классовых норм, а наоборот, всемерно заинтересован разоблачить мифологическое одеяние морали, где бы оно ни прикрывало весьма прозаические социальные интересы и социальные процессы.

На вопрос может быть два ответа.

Ответ первый. Классовые нормы существовали в классовом обществе всегда. Они играли очень важную роль в социальной жизни, в частности в процессах классовой борьбы. Эти нормы облекались в мифологическое одеяние, но это отнюдь не мешало им (даже напротив) выполнять определенную функцию в обществе. Эти нормы фигурировали в мистическом одеянии и назывались моральными нормами. Но главное заключается не в том, как они назывались и как они представлялись, главное заключается в их социальной сущности. Поэтому хотя термины «мораль», «нравственный» и т.д. нецелесообразно сохранять даже в условном смысле классовых норм по отношению к пролетарским классовым нормам, однако нельзя сущность морали прошлого видеть только в ее мистической оболочке. Оболочка и сущность классовых норм были тогда неразрывно слиты, и отделять их можно лишь логически, путем абстрактного анализа.

Ответ второй. Классовые нормы всегда существовали в классовом обществе и будут существовать, пока не исчезнут классы. Они нужны также и для пролетариата. Но сущность морали не в том, что это псевдоним классовых норм, а в том, что эти нормы фетишизированы. Как только эта мистическая оболочка срывается, классовые нормы остаются, но мораль исчезает. Мораль, следовательно, не есть система классовых норм, а элемент фетишизма в этих нормах. Эту вторую точку зрения защищает т. Бухарин в своей книжке «Теория исторического материализма». Он пишет: «Пролетариат не может быть проповедником капиталистического фетишизма. Для него нормы его поведения есть такие же технические правила, как для столяра, который делает табуретку. Если столяр хочет сделать табуретку, он будет строгать, пилить, склеивать и т.д. Это вытекает из самого процесса работы. Он не будет смотреть на правила обработки дерева, как на нечто ему чуждое, взятое из какого-то потустороннего мира, который им повелевает. Точно так же и пролетариат в своей общественной борьбе. Если он хочет добиться коммунизма, то ему нужно сделать то-то и то-то, как столяру, делающему табуретки. И все, что целесообразно с этой точки зрения, то и следует делать. «Этика» превращается у него мало-помалу в простые и понятные технические правила поведения, нужные для коммунизма, и поэтому, по сути дела, *перестает быть этикой*. Ибо самое существо этики в том и состоит, что это есть нормы, которые охвачены фетишистской оболочкой. Фетишизм есть существо этики. Там, где исчезает этот фетишизм, там исчезает и этика. Никому не придет в голову, например, называть устав кооперативной лавки или партии «этическим» или «моральным», потому что здесь всякому понятен их *человеческий* смысл. Этика же предполагает фетишистский туман, в котором многие теряют дорогу. Таким образом, пролетариату *нужны нормы поведения*, и притом очень отчетливые, но ему совсем не нужна «этика», т.е. фетишистский соус к полезной еде. Само собой разумеется, что и пролетариат не сразу освобождается от фетишизма товарного общества, в котором он живет. Но это уже другой вопрос» (Бухарин Н. Теория исторического материализма. М., 1921. С. 278–279).

Я думаю, что нам нет никакой необходимости пересматривать терминологию по отношению к прошлому. Конечно, можно договориться понимать мораль в столь узком смысле, как предлагает т. Бухарин. Но это не дает нам никакой выгоды. Наоборот. У нас в марксистской литературе установился со времени еще «Коммунистического манифеста» термин «классовая мораль» по отношению ко всякой морали, которая является системой норм в интересах данного класса, как бы эти нормы ни были прикрыты. Эту терминологию можно оставить. Иначе под классовой моралью нам пришлось бы разуместь не самую сущность норм, вместе с их идеологической оболочкой, а только самую оболочку, пришлось бы сказать тогда: классовая мораль – это система *прикрытия* классовых норм, а не система *прикрытых норм*⁹. Что же касается терминологии для нынешнего времени, то мы признаем вместе с т. Бухариным нецелесообразность употребления старых способов выражения. Следовательно, рассуждая строго научно,

нельзя говорить теперь о пролетарской морали или пролетарской этике, когда дело идет просто о пролетарских классовых нормах. С этой точки зрения термин «пролетарская мораль» можно употреблять только по отношению к тому периоду развития пролетариата как класса, когда он стоял, примерно, на уровне взглядов Вейтлинга, т.е. когда он начал сознавать противоречие своих основных классовых интересов с интересами буржуазии, когда он начал эмансипироваться в практике своей жизни и борьбы от морали эксплуататоров, но еще не научился формулировать свои интересы вне религии и вне мистических формул абсолютной общечеловеческой* [морали] классовых норм, потому что пролетариат отнюдь не морали*¹⁰.

Итак, в интересах точности научной терминологии нельзя говорить о пролетарской морали, когда мораль мы определяем как систему *прикрытых* классовых норм, потому что пролетариат отнюдь не собирается и не заинтересован в создании моральных прикрытий для норм своего класса. Другое дело, если старые слова – «этика», «мораль» и т.д. употребляются в обыденной речи только по привычке, только вследствие всегдашней консервативности языка, наконец, потому, что новой терминологии мы не придумали. Тут можно не быть особенно придирчивым и не показывать свою ученость на каждом шагу. Говорим же мы «солнце всходит и заходит» в обыденной речи, хотя, как мы знаем из астрономии, солнце не всходит и не заходит. Вероятно, эта терминология еще будет держаться известное время, тем более что она по своей неопределенности и туманности служит убежищем для нашего языка в тех случаях, когда новые нормы складываются, но их существо и границы еще неясны и нет для них никаких новых слов. Впрочем, ликвидация старой моральной терминологии среди рабочих пройдет скорее, потому что она не была особенно знакома рабочему языку. Слова «грех», «грешно» вымирают вместе с религией, а слова «безнравственно», «неэтично» и т.д. отбрасываются пролетарской наукой раньше, чем вошли в обиход класса.

Но, прежде чем мы перейдем к вопросу о классовых нормах пролетариата до социальной революции, нам нужно показать, что, во-первых, эти нормы вообще могут существовать и что существует определенная область, на которую они должны распространяться.

Когда мы убираем элемент мистического, якобы общечеловеческого и абсолютного из морали, с одной стороны, все ограничиваем классовыми нормами – с другой, и, наконец, вспоминаем о том, что все поступки человека строго обусловлены и что свобода воли есть миф, то возникает вопрос: не миф ли и эти классовые нормы, не миф ли так называемая ответственность человека за свои поступки, хотя бы она превращалась теперь в ответственность не перед таинственным голосом совести, а прямо перед своим классом. В самом деле, мы не собираемся распространять классовых норм пролетариата, например, на буржуазию. Это прежде всего бесполезно, и уже поэтому было бы неумно. Упомянутый нами выше фабрикант, уступивший рабочим во время стачки, сделал это не под давлением общественного мнения пролетариата, а из личных материальных соображений. Он не только не испытывает морального удовлетворения от того, что сократил страдания стачечников, а напротив, он чувствует угрызения совести перед членами своего класса, которые упрекают его в малодушии и измене общекapиталистическим интересам. Обращаться с моральными увещаниями по отношению к буржуа и ждать от него поступков, выгодных рабочим, но противоречащих его классовым интересам (чем занимался весь утопический и мелкобуржуазный социализм), значит, примерно, то же, что «морально» увещивать падающий с крыши камень пощадить голову стоящего внизу человека. Но тут возникает такой вопрос: если камень упадет строго на основании физических законов падения тел, то не совершается ли каждый человеческий поступок по

* Так в тексте.

тем же железным как физиологическим, так и общественным законам? Если так – а это несомненно так, иначе мы бы допустили прорыв в законе причинности, – то причем же тут какая-то ответственность перед классом или обществом, причем тут классовые нормы?

На этом надо остановиться. Падающий кирпич мы не можем своротить с пути его движения вниз моральным увещанием. Но можем ли мы вообще отклонить его с его пути? Конечно, можем. Для этого нужно ко всем физическим условиям, которые обуславливают его падение и направление этого падения, прибавить *новое* физическое условие, прибавить новый фактор. Иными словами, соответствующим ударом по кирпичу в момент его падения и до падения мы можем отклонить линию его движения и тем спасти стоящего внизу человека от пролома черепа. Точно так же обстоит дело и с поступками каждого отдельного человека. *Поступок, который свершился бы при данных определенных условиях, может не свершиться, если будет введено новое условие, которое начнет действовать и прибавится к тем условиям, которые до сих пор определяли поступки человека.* Нужно лишь, чтоб это новое условие представляло из себя фактор достаточной силы и могло повлиять в нужном направлении как чисто физическая сила. Может ли быть таким фактором, допустим, общественное мнение класса, к которому данный человек принадлежит? Общественный опыт людей показывает, что может. Если свобода воли человека есть миф – миф эксплуататорского происхождения (отчасти поддерживаемый условиями мелкобуржуазного, индивидуалистического хозяйства), то не миф, допустим, те письма раскаявшихся штрейкбрехеров, которые «Правда» 1912–1913 гг. помещала сотнями на своих страницах. Не миф бесконечное количество случаев, когда общественное мнение класса определяет поступки сочленов класса, когда ожидаемое порицание товарищей по классу удерживает от совершения вредного для класса поступка (стыдно), когда ожидаемое моральное одобрение со стороны класса толкает на акты геройства в интересах класса и т.д. и т.д. Таким образом, если мы возьмем человека, который должен поступить так или иначе *с исключением* действия фактора классового одобрения или запрещения, то поступок может быть один. Если мы *включим* действие этого фактора – поступок может быть другой. Все это будет на строгом основании закона причинности. Когда физиология мозга продвинется вперед дальше теперешнего, мы сможем чисто физиологически описать социальные рефлексы человека и то, что мы называем моральным давлением общественного мнения класса на отдельного индивидуума.

Но если общественное мнение класса и те классовые нормы, которые точно и кратко формулируют требование этого общественного мнения, сами по себе являются реальной силой, то надо установить еще, в каких пределах оказывает действие эта сила. Скептическое и юмористическое отношение к морали как к системе норм, которые предписываются и которых никто не выполняет, складывается обыкновенно благодаря наблюдению над фактами разложения старой морали, которая уже не отвечает интересам класса и хранится по привычке, как старое тряпье. Но в это же самое время сложились обыкновенно уже новые классовые нормы, которые имеют весьма актуальное значение. Эти нормы стоят на службе классового интереса, сплачивают класс в его борьбе, связывают отдельных членов класса, как веревка связывает пучок прутьев, и заставляют отдельного члена класса подчинять его социальные поступки интересам целого. Там, где классовые нормы согласованы с классовым интересом и стоят у него на службе, там за выполнением их следит весь класс тысячами глаз и поддерживает свою мораль как символ единства класса. На нарушителя классовых норм ополчается весь класс, он защищает посредством этих классовых норм свои настоящие и будущие интересы. И если личные интересы класса сталкиваются с его классовыми нормами, если эти нормы давят на отдельного члена, как физическая сила, и оказываются сильнее его, то только потому, что весь класс и физически, и социально сильнее каждого отдельного человека из того класса. В тех же случаях, когда отдельный человек или отдельная группа класса

вырывается из цепей классовых норм, если последние бессильны удержать его на линии старого, общепринятого, общеодобряемого поведения, то это бывает в том случае, когда эти протестанты либо являются первыми пионерами и защитниками новых, иначе понимаемых, но уже назревших классовых интересов, либо просто порывают со своим классом и переходят на сторону другого класса. Последнее происходит чаще всего тогда, когда происходит разложение старого класса, когда дезертирующие из этого класса прижимаются к новому классу, выдвигающемуся на историческую арену и имеющему будущее. Вспомним о дезертирстве известных слоев дворянства на сторону буржуазии в периоды назревания буржуазных революций, о дезертирстве выходцев из буржуазии и буржуазной интеллигенции, переходящих на точку зрения пролетариата. И в том, и в другом случае происходит не освобождение отдельных лиц и общественных групп от классовых норм вообще, поскольку еще существует классовое общество и классовая борьба, а переход их под руководство других классовых норм.

Пролетариат есть особый класс. Его интересы меняются. До завоевания власти – они одни, после завоевания ее – другие. Но и до революции, и после нее он ведет ожесточенную борьбу со своими старыми врагами за свое существование, за свою победу, за строительство новой хозяйственной и социальной системы. Всякая борьба знает свои правила победы. Одним из важнейших условий победы является сплоченность и организованность класса, увеличивающие его ударную силу и подчинение каждой отдельной человеческой силы интересам целого. В числе других скреп, делающих класс организованной армией, видное место занимают классовые нормы. Они нужны пролетариату, они существуют в период, когда он еще угнетенный класс, они меняют свое содержание, но остаются, когда он победил врагов в *первом* бою, т.е. захватил власть; останутся, пока он будет существовать как класс, пока не ликвидировано классовое деление общества вообще и классовые нормы не трансформируются в общесоциальные нормы (чтобы потом быть загнанными в инстинкт).

Каково же содержание этих пролетарских классовых норм до и после пролетарской революции?

Классовые нормы пролетариата до революции

Рабочий класс начинает свою борьбу со своими эксплуататорами прежде всего за улучшение своего экономического положения: уменьшить долю прибавочной стоимости капитала и соответственно увеличить долю заработной платы, уменьшить рабочий день, добиться охраны труда в производстве, отвоевать право на свободу профессиональной организации у буржуазного государства и т.д. В тех случаях, когда пролетариату в этот период приходится сталкиваться с буржуазным государством, его выступление не выходит из рамок этой самой первой и самой элементарной цели его классовой борьбы, они подчинены этой узкой цели. В этот период важнейшим орудием борьбы является для него стачка. Поэтому классовые нормы пролетариата, прежде всего, строятся вокруг стачки, они диктуются целями успешной стачечной борьбы. Отдельный рабочий бессильен против своего хозяина. Все же рабочие фабрики в целом в известные моменты, прежде всего в моменты промышленного оживления, часто оказываются сильнее отдельного хозяина. Реализовать эту свою силу они могут в случае конфликта лишь при дружном и совместном выступлении. Основной стержень пролетарских классовых норм, основная заповедь стачечной борьбы и вообще борьбы рабочего: «Один за всех и все за одного» – складывается как раз в этот период. И уже этот принцип заключает в себе характерное отличие от буржуазной морали этого периода. Буржуазный класс организовался в это время в государство либо подчинил своим интересам абсолютизм. Он умеет защищать интересы своего класса через орудие государственной машины. Но само развитие

буржуазного способа производства на этой стадии требует широкой свободы конкуренции. «Думай каждый о себе» – таков лозунг конкурирующего со своими собратьями по классу отдельного буржуа. Этот индивидуалистический лозунг составляет полную противоположность вышеприведенному принципу коллективной пролетарской борьбы. Отсюда и страшная ненависть рабочих к штрейкбрехерам, к любимчикам хозяина, играющим роль шпионов, к мастерам и надсмотрщикам за рабами фабрики, ненависть ко всем, кто расстраивает единый пролетарский фронт и передается на сторону классового врага. Общественное мнение рабочего класса осуждает не только постоянных штрейкбрехеров, но и тех из стачечников, которые не выдерживают голода и нужды и соглашаются встать на работу против общего решения. Отсюда, наоборот, всяческое одобрение, поощрение и моральная и материальная поддержка тех наиболее решительных и стойких рабочих, которые выступают руководителями стачки, формулируют их интересы, «режут» с хозяином насчет каждого пункта выставленных требований, вылетают потом за это с предприятия, попадают в тюрьму и т.д. Такие люди нужны рабочим, общественное мнение рабочего класса поддерживает их, вдохновляет на подвиг, и когда они идут в тюрьму и в ссылку, провожаемые презрением обывательского буржуазного общественного мнения, рабочие смотрят на них, как на своих лучших людей, поддерживают их семьи и т.д. Часто стачка после удовлетворения всех требований продолжается только из-за того, что тысячи человек требуют приема обратно на фабрику нескольких человек руководителей, рассчитанных предпринимателем. «Один за всех и все за одного».

Уже на этой стадии борьбы рабочий класс на практике начинает обходить ходячие правила хозяйской и мелкобуржуазной морали, он начинает использовать инструмент лжи и обмана хозяина для поддержки своего товарища по классу. Если безработному, плохо знающему мастерство, нужно поступить на работу и сдать пробу, ему делают эту пробу за спиной мастера квалифицированные рабочие, и этот обман считается вполне законным и правильным в рабочем быту. Так же обстоит дело во всех других случаях, где можно обмануть хозяина, сдать брак за хорошую работу, сдать номер при входе на работу и улизнуть с завода до смены и т.д. Наоборот, отношение ко всем этим поступкам меняется отчасти лишь тогда, когда сам профессиональный союз начинает в общих интересах отвечать за работу своих членов, и такое поведение отдельных рабочих может сорвать вообще, выгодное для них соглашение.

В это время складываются также основы бытовой пролетарской взаимопомощи. Про фабриканта, разорившего своей конкуренцией других фабрикантов, в буржуазном кругу говорят: «молодец». Про рабочего, получившего личную выгоду за счет товарищей по классу, в среде последнего скажут: «мерзавец». Взаимопомощь между конкурирующими буржуа есть исключение. Взаимопомощь в пролетарском быту складывается как общее правило. Безработным помогают, помогают устраиваться на работе, кормят их семьи и т.д. Эта взаимопомощь принимает организованные формы. Создаются различного рода общества и кассы взаимопомощи за счет заработной платы, когда еще рабочий класс недостаточно силен, чтобы заставить государство перенести часть этих издержек на хозяев.

Правила пролетарской борьбы начинают складываться в систему пролетарских норм, основной капитал которых создается уже в этот период. Создаются профессиональные и иные экономические организации пролетариата, причем часть этих классовых норм превращается в писанные нормы, заносится в уставы пролетарских организаций, так сказать, материализируется; большая же часть остается незаписанной, но твердо укрепляется в сознании класса, передается с детства молодому поколению подростков, входит в плоть и кровь рабочей массы. В это же время на службу экономической борьбы поступает и доисторическое наследие человека, социальный инстинкт. Этот капитал, эти скрытые социальные рефлексы извлекаются из глубин и подпирают рабочую массу в наиболее тяжелые моменты ее борьбы. Этот инстинкт еще гулял на воле, когда приходилось предкам

современного рабочего действовать скопом. Он прорывался наружу, как стихийная сила неведомого происхождения, когда предки английских рабочих громили дворян под руководством Тайлора, он усиливал дерзость и спайку мужицких масс, вешавших помещиков во время Пугачевского восстания, он сослужил службу в буржуазных революциях, в моменты массового действия он просыпался на войне, но он тихим порохом, отделенным от искры огня, лежал под спудом в период индивидуального мелкого хозяйства. И вот теперь, когда миллионы людей объединены большими массами в стенах фабрик, когда напор массой, защита и нападение массой делается все чаще и неизбежнее, это самое человеческое начало из нашего звериного прошлого снова призывается к жизни и откликается на зов.

Стачечники собрались на сходку. Надо обсудить условия капитуляции. Дольше держаться нет сил. Каждый рабочий в отдельности за себя решил, что больше невозможно терпеть, надо сдаться. Собрались, загудели, почувствовали силу, кто-то крикнул: «Помрем, а не сдадимся!» И по всем прошла какая-то волна новой силы, нового порыва к борьбе, новой твердости. «Не сдадимся!» – ревет масса, и каждый возвращается домой с твердым намерением продержаться. Борьба продолжается...

Когда рабочее движение перерастает рамки экономической борьбы, когда на горизонте все чаще и неотступней вырисовываются новые, более широкие цели, когда на очереди борьба не за кусок прибавочной стоимости, а за ее уничтожение, за уничтожение всей системы эксплуатации, борьба за рабочую власть, за социализм – тогда расширяются и делаются богаче социальным содержанием классовые нормы пролетариата. Цели класса формулируются в программе рабочей партии. Методы организации и борьбы отчасти формулируются в ней же. Но многое остается по-прежнему незаписанным. Классовые нормы чем дальше, тем больше начинают выстраиваться под эту главную цель борьбы рабочего класса. Правда, активным и сознательным остается меньшинство, оно иногда отрывается от всей массы, которая еще не доросла до своего авангарда. Но существо дела от этого не меняется. *Те нормы, которые обеспечивают наиболее полный успех в борьбе за власть целого, они и есть наиболее важные нормы пролетариата, хотя бы вся масса класса не доросла до ясного понимания своих классовых задач и не поднималась до героизма в борьбе за их осуществление.* Но в свое время это все приходит.

До того же класс, как целое, представляет его авангард, его передовое меньшинство. Оценка деятельности отдельных членов класса и самого класса в целом с точки зрения его норм в период борьбы за власть подчинена главной цели этого периода. Рабочий делает хорошо, когда стойко отстаивает свои требования в стачке вместе со всеми, но лучше, если он не ограничивается только борьбой от случая к случаю, но и состоит членом профсоюза. Еще полезней для класса, если он не только состоит членом и платит аккуратно взносы в кассу, но принимает активное участие в профессиональном движении, вербует новых членов в организацию и т.д. Еще более полезно для класса, если он не только активный работник профдвижения, но и член партии. Его заслуги перед классом еще выше, если он не задумается в интересах класса пойти за партийное дело в тюрьму, в ссылку, и еще выше, если «жертвует» свою жизнь за общее дело на баррикадах или в гражданской войне. Но отдельные героические одиночки из рабочего класса и даже целые слои передовиков не могут победить за весь класс. Победить может в решающей борьбе только вся масса. Поэтому наивысшим требованием классового интереса рабочих и их классовых норм является требование того, чтобы весь класс мог бросить себя на достижение своей цели, подчинить всю свою деятельность интересам борьбы до полной победы. Это мы видим в моменты величайшего напряжения классовой воли, в моменты массовой пролетарской революции.

Таковы классовые нормы пролетариата этого периода. Эти интересы требуют, чтоб отдельный член класса смотрел на себя, как на орудие борьбы всего рабочего класса.

Эти интересы требуют, чтоб, когда нужно, гибли целые группы передовиков, пробивая дорогу другим, чтоб, когда наступит момент, весь пролетариат бросил бесстрашно тело своего класса на штурм капиталистических окопов.

Хваленый теоретик мелкобуржуазной морали Эммануил Кант выдвинул в свое время моральное требование: никогда не смотри на другого человека, как на средство к цели, а всегда – как на самоцель. Над этим и над другими принципами кантовской морали проливали много слез умиления сантиментальные мещане всех стран, расценивая их, как основные требования «общечеловеческой морали». Находились юродивые, считавшие себя марксистами, которые пытались соединить в этом пункте Канта с Марксом, пытались объединить теорию и практику научного коммунизма с этой заповедью мелкобуржуа, возведшего требование индивидуалистически настроенного мещанина: «Не тронь меня» – в моральную догму. Можно себе представить, как далеко ушел бы пролетариат в своей борьбе, если бы руководствовался этим, а не совсем противоположным требованием в своих классовых интересах.

Пролетариат в борьбе за власть жесток и беспощаден. Он не только не щадит своих врагов, но не щадит, где это нужно для дела, и лучших представителей своего класса. Высшая мудрость пролетарской борьбы состоит не в том, чтобы каждый ковырялся внутри своей собственной личности и декламировал насчет ее прав, а в том, чтоб каждый умел беззаветно, почти стихийно, без фраз и излишних жестов, не требуя ничего лично для себя, влить всю свою энергию и энтузиазм в общий поток и пробиться к цели со своим классом, может быть, свалившись мертвым по дороге.

На севере Сибири бывает, что громадное стадо оленей переходит широкую реку. Перейти на тот берег необходимо для спасения от голода всего стада. Но река глубока, и мост наводит социальный инстинкт стада трупам передовых. Пролетариат только тогда реализует полностью все силы своего класса, когда каждый отдельный член класса будет готов, когда нужно, бросить свое тело на постройку моста, по которому весь пролетарский коллектив перешагнет в общество будущего.

Классовые нормы пролетариата после завоевания власти

Пролетариат у власти. Он достиг той из своих целей, которой была подчинена его борьба и слагавшиеся в процессе этой борьбы классовые нормы. Теперь положение существеннейшим образом изменилось. Поскольку чисто политическая борьба еще не кончилась и перенеслась территориально на другую арену, остаются в силе все те нормы и все те навыки, которые нужны для сплочения класса и дальнейших побед. Но часть этих норм уже закреплена в законодательстве Советского государства, превратилась в советское право. В то же время созданные им боевые классовые организации, профсоюзы и партия также отчасти превратились в столбы его государственного здания. Но в новых условиях его нормы пополняются новыми образованиями. Какие это новообразования?

Начнем с трудовой дисциплины. В буржуазном обществе рабочий не заинтересован в поднятии производства и увеличения выработки за ту же заработную плату. Больше он выработает – больше получит хозяин, больше растратит на роскошь, больше отдаст буржуазному государству и его прихлебателям, больше сгноит при промышленном кризисе перепроизводства, больше загубит наконец бессмысленно в очередной империалистической войне. Откуда здесь взяться трудовому энтузиазму, откуда и зачем могли бы возникнуть самопроизвольные трудовые нормы у работающего пролетариата при капиталистическом строе? Даже в тех редких случаях, когда у трудящихся просыпается непроизвольно энтузиазм к труду¹¹, этот предвестник будущего свободного труда всех для всех, им еще ясней практическая бесполезность этого порыва перед лицом

эксплуататорских пиявок, в карманы которых неизменно текут все плоды бескорыстного трудового вдохновения. Рабочему приходится тогда не вырабатывать свою собственную добровольную дисциплину труда, а обороняться от навязанной ему извне принудительной трудовой дисциплины. Она поддерживается капиталистом и посредством подчинения работника надзору надсмотрщиков всякого рода, и системой заработной платы, и заинтересованностью в прибылях предприятия, и увольнением за небрежность в работе, и т.д. Но капиталистическое общество не довольствуется этим: оно пытается залезть в душу рабочего и посадить там у него внутреннего надсмотрщика в виде принципов своей морали, принципов своих хозяйских взглядов на производственный процесс и на обязанности рабочего. И за границей капиталисты достаточно успели в этом деле. Стоит лишь вспомнить о психологии среднего английского тред-юниониста или члена американской Гомперсовской конфедерации*. С этой стороны сознание рабочего в капиталистическом обществе представляет из себя постоянное поле сражения между нормами и представлениями, навязываемыми пролетарию буржуазными эксплуататорами, и нормами, которые диктует ему его классовый интерес, не считаясь с тем, как это отразится на производстве. Когда же пролетариат становится у власти, когда он с чувством глубочайшего облегчения освобождается от капиталистических норм и всего буржуазного наследия в этой области, он немедленно должен перейти к выработке своих собственных классовых норм, регулирующих хозяйственный процесс на заводе и в цехе. Отношение к хозяйственному процессу теперь у него меняется в корне. Стачкой он добивался для себя большей доли из продукта своего труда. Теперь большую долю он может получить, если сам больше создаст. Отношение к стачке меняется также. Теперь стачка рабочих на предприятиях рабочего государства недопустима. Нормы, создавшиеся вокруг стачки, энергия, которая шла на этот способ борьбы, трансформируются в корне. Там, где для улучшения жизни рабочих служила стачка, теперь должна служить новая, добровольная, освещенная классовым сознанием общетоварищеская трудовая дисциплина. Эта дисциплина у нас родилась уже; она развивается и крепнет; она должна распространиться не только на всех рабочих, но и на всех служащих, специалистов и т.д. Эти слои должны подчиняться производственным нормам рабочего класса. Трансформируются все отношения рабочего к имуществу фабрики, которая теперь рабочая, к аккуратности и точности в работе, к прогулам и т.д. Уже теперь в Советской России отношение нашего рабочего к своей фабрике и к результатам своего труда сильнее всего отличается от того, что наблюдается на капиталистических фабриках за границей.

Но этот процесс изменения норм рабочего-раба в нормы рабочего-хозяина происходит не сразу и требует известного времени. Старые привычки и представления будут давать о себе знать не один год после победы пролетарской революции. Вот один красочный пример такого рода. В Москве на одной портняжной фабрике заведующий фабрикой при переработке новой партии сырья, требовавшей в одном отделении более высокой квалификации, заменил там одного работника другим, более подходящим. Тогда этого последнего часть рабочих назвала штрейкбрехером. Я не буду здесь рассказывать, чем кончилось это весьма интересное с принципиальной стороны дело, но из сказанного уже видно одно: как силен еще автоматизм старых пролетарских норм, представлений и способов выражения, в какое резкое противоречие со всем строем нашей государственной промышленности вступают эти старые представления. Ведь теперь штрейкбрехер, с точки зрения общепролетарских интересов, это тот, кто портит производство, штрейкбрехер в обстановке пролетарской власти превратился в «трудбрехера». Таковым же в нашем примере является отнюдь не второй рабочий.

* Имеется в виду Американская федерация труда (АФТ). Во главе ее многие годы стоял С. Гомперс (1850–1924).

В непосредственной связи с этим вопросом стоит также более общий вопрос о формировании нового человека для нового общества. Советская Россия вплотную подошла к этому вопросу. Перед какой огромной проблемой мы здесь стоим, показывает опыт военного коммунизма и нэпа. Стимулами к труду в капиталистическом обществе, как мы уже говорили, является для рабочего и служащего кроме общеэкономического принуждения (не пойдешь на фабрику работать – с голоду помрешь) соответствующая система заработной платы. Рабочий капиталистической фабрики, как правило, мелкобуржуазного происхождения. Если он сам в большинстве сын или внук рабочего, то прадед его почти всегда бывший ремесленник или разорившийся крестьянин. Капиталист поощряет в нем чисто индивидуалистические стимулы к труду (больше заработаешь – больше получишь), и поскольку развитие техники не препятствует этому, он в основу трудового нажима на рабочего кладет сдельную заработную плату. Поэтому рабочий класс входит в революцию и начинает строительство нового хозяйства, будучи глубоко испорченным капитализмом в этом отношении. В сущности, капитализм не столько сам создал индивидуалистические стимулы к труду, сколько использовал мелкобуржуазное наследство в психике самого рабочего. Эти стимулы к тому же гармонируют со всей социальной психологией и бытом капиталистического периода вообще. С этим-то наследством нам пришлось налаживать хозяйство в период военного коммунизма. Многие неудачи наши тогда объяснялись военными и экономическими причинами, но одну из главных причин надо видеть также и в том, что за новое хозяйство на основе новых принципов взялся старый человек. Прыжок же сразу вперед был сделан огромный, и быстро подогнать психику старого рабочего к новому строю мы в год-два не могли. Между тем как только пролетариат начинает строить свое государственное хозяйство, ему нужен не просто рабочий, не старый рабочий, а рабочий государственного хозяйства, служащий и инженер государственного хозяйства. Вспомните, что получилось, когда от рабочих и служащих потребовались совершенно новые, коллективные стимулы к труду, а они могли предложить лишь старое барахло, оставшееся от старого режима, от разрушенных прежних отношений? Вспомните, как неудобно, грязно было в каком-либо распределителе Наркомпрода, как грубо обращались с публикой служащие, как расхищали государственные запасы. А почему? Старые стимулы к труду остались неиспользованными, они оказались ненужными и вредными, а новые еще не создались. Старого хозяина прогнали, а новый коллективный хозяин еще как следует не пришел. Сознание общего интереса было слабо, оно не могло побороть и заменить старые навыки, индивидуалистические стимулы при распределении, «не мое дело» при работе. Новые формы производства и распределения оказались в вопиющем противоречии со старой психикой и старыми привычками. Как будто к рулю автомобиля посадили не шофера, а впрягли в машину пару быков.

Но зато как все изменилось, когда начался нэп! Как вежлив приказчик в магазине нэпмана или МПО*, который отталкивал вас своею грубостью и несознательностью в распределителе Наркомпрода! Как безучастен, ленив, высокомерен был он у последнего и как предупредительно вежлив теперь. Как быстро «коммунистическая» грязь и пыль сменилась буржуазной нэповской чистотой и аккуратностью. Что же произошло? Наряду с прочим и то, что военный коммунизм не мог опереться на те стимулы к труду, которые еще не пустили корней в рабочей массе, старые же стимулы губили дело, стояли ему поперек дороги. Наоборот, нэп установил смычку с этими старыми стимулами и поставил их себе на службу. Поэтому машина так хорошо завертелась с тем же людским материалом. Но тогда ведь выходит, что эта машина-то как будто бы буржуазная?

* Московское потребительское общество.

Да, она во многом старая, но во многом и новая. При нэпе государственное хозяйство в известной мере может опереться на старые стимулы к труду, потому что оно само и во многом другом работает капиталистическими методами. Но уже теперь, а в еще большей степени в ближайшем будущем государственное хозяйство не сможет развернуть всех своих выгод, свойственных объединенному хозяйственному кораблю социализма, и не сможет начать душить капиталистические ростки, если не будет обладать кадром новых людей, которые могут вести именно государственное хозяйство и работать в нем. Уже теперь мы не можем быстро продвинуться в некоторых областях, например в государственной торговле, где все экономические преимущества на нашей стороне, прежде всего из-за недостатка кадров новых, не развращенных капитализмом и в то же время знающих дело работников. Индивидуальные стимулы, эти заскорузлые, жалкие стимулы прошлого, за которыми чудится мещанин с выпученными от испуга глазами за «мое», эта приманка досоциалистического человека, которого гегелевский «List der Vernunft» (хитрость абсолютного разума) загонял на работу пряником под носом, как заманивают в хлев корову, — эти индивидуальные стимулы должны смениться сознанием общего интереса и способностью работника впитать это сознание в качестве почти стихийного, коллективного стимула к труду на новых началах. Конечно, это не удастся сразу. Индивидуалистические стимулы будут отмирать постепенно. Известное время будут существовать комбинированные индивидуально-коллективные стимулы. Это отразится и на системе заработной платы. Рабочий будет получать за индивидуальную перевыработку больше, а вся фабрика за коллективную перевыработку из фонда премирования еще дополнительно. В дальнейшем фонд премирования или новая плата в другой форме будет чем дальше, тем больше оттеснять старую форму, и это будет идти одновременно с воспитанием в рабочем классе коллективных стимулов к труду. Весь этот процесс пойдет тем быстрее, чем скорей наша рабочая молодежь выработает в себе, благодаря новой системе воспитания и по мере сознания своих исторических задач, совершенно новое отношение к труду в своем государстве и чем скорей она, если употреблять старое слово, — усвоит новую производственную мораль. Молодежь должна помнить, что на нее здесь главная надежда. Взрослое поколение слишком испорчено капитализмом и привыкло к старому. Мне кажется даже, что, например, и члены коммунистической партии, какую бы великую историческую роль они ни играли в период пролома капиталистической стены и как ни велика будет их роль в ближайшие три-четыре десятилетия, — даже они глубоко испорчены уже капитализмом и представляют из себя никуда не годный материал для чисто коммунистической стройки. (Счастье их, что они не доживут до коммунизма и сойдут поэтому в могилу революционерами и героями.)

Но как бы далеко мы ни погрязли в прошлом в смысле психологии, новые экономические отношения делают свое дело. Отсталая психика рабочего, которая медленно ковыляет за техникой и экономикой и тормозит их бег вперед, начинает понемногу выравниваться под структуру государственной промышленности. Чем дальше, тем больше самые широкие слои рабочих масс начинают с величайшим вниманием следить за тем, как работает их предприятие, выполняет ли производственную программу и т.д. Они начинают чувствовать себя хозяевами, и это ведет к резким изменениям в общественном мнении рабочего класса, поскольку дело касается таких явлений, как самовольное расхищение заводского имущества, прогулы, надувательство администраций с целью больше получить, наконец, оценка качеств директора (какой лучше). Раньше общественное мнение рабочих мирилось с расхищением, особенно при обострении продовольственного положения; все покрывали друг друга при нарушениях трудовой дисциплины. Лучшим директором был тот, который на все это смотрел сквозь пальцы и потакал массе во всем. Теперь все в корне изменилось. Общественное мнение среднего рабочего уже осуждает все нарушения трудовой дисциплины,

небрежное или преступное отношение к имуществу и т.д., потому что все это может поставить под удар все предприятие. Лучшим директором теперь считается тот, кто лучший хозяин, кто лучше ведет производство, кто бережет фабрику. Этот переворот в общественном мнении, с которым связан переворот в нормах поведения, имеет колоссальное значение. Строительство социализма в той его части, где дело идет о человеке, о его привычках, инстинктах, классовых нормах, – это строительство начинается именно с началом этого переворота в психологии среднего рабочего массовика. Теперь промышленность рабочего государства начинает приобретать рабочего, которого она заслуживает, без которого она не социалистическая промышленность. Разумеется, после пролетарской революции на Западе этот процесс подгона человеческого материала под исторически более высокую систему хозяйства будет протекать быстрее и естественней, чем в нашей крестьянской стране, где процент чистого наследственного пролетариата в сравнении с недавними выходцами из деревни невелик.

Создание нового человека для новой системы хозяйства в России должно означать одновременно перерождение национального характера русского человека, по крайней мере на пролетарском участке. Это относится не только к приемам труда, но и ко всему быту. Современный тип русского рабочего есть, в сущности, продукт крепостного права, несколько исправленный российским капитализмом. Наш жалкий капитализм не смог настолько переродить характер нашего рабочего – вчерашнего крестьянина, чтоб он больше соответствовал запросам крупной промышленности и ее высокой технической базе. Этот процесс в самом разгаре был пресечен войной и революцией. Эту работу приходится доделывать новому строю. Эта переработка характера должна идти, прежде всего, под дисциплинирующим прессом «царицы машины». В этом советский период будет лишь автоматически продолжать работу капитализма. Наоборот, поскольку раньше перевоспитание происходило под прессом хозяйского наблюдения и давления, а теперь такого пресса нет, здесь на смену выступает особый фактор. Хозяйский пресс сменяется процессом перевоспитания всей рабочей массы давлением ее передового авангарда, который ставит себе задачей подтянуть к себе всю массу, который перевоспитывается сам на основе сознанный социальной необходимости такого перевоспитания. Это перевоспитание уже происходит не только как незаметный молекулярный процесс – наоборот, «старому человеку» объявляется открытая война. Пройдет немного времени, и общественное мнение рабочего класса в результате этого великого сдвига будет преследовать, вплоть до бойкота, всех, которые посмеют, скажем на 15–20-м году пролетарской диктатуры, благоухать на работе и в общественной жизни всем ароматом старого русского характера: ленью, разгильдяйством, неточностью, беззаботностью насчет будущего, неисполнением взятых на себя обязательств, враньем по отношению к товарищам по классу и т.д. Все эти качества не мирятся ни с электрификацией и техническим прогрессом крупного производства вообще, ни с социальным бытом нового работника на основе более высокой формы хозяйства и более высокой техники.

Необходимо здесь сказать несколько слов об обмане и лжи.

Ложь и обман являются часто весьма необходимым орудием в борьбе угнетенного класса с врагами. Достаточно напомнить, что вся подпольная работа революционных организаций покоится на обмане окружающих и правительственной власти. Для рабочего государства, со всех сторон окруженного враждебными капиталистическими государствами, ложь в иностранной политике бывает нередко необходима и полезна и т.д. Поэтому рабочий класс и его партия ко лжи и открытому признанию права на ложь относятся совсем не так, как какая-либо мистрис Сноуден и другие благочестивые мешане, систематически надуваемые и оставляемые в дураках представителями крупного капитала.

Эти господа, как и аналогичная с ними и довольно распространенная порода мелкобуржуазных «социалистов», всегда за «правду», всегда за «честность». Они забывают лишь, что можно* обманывать рабочий класс, оставаясь лично честным. Быть честными с буржуазными жуликами и прохвостами в политике и, считая себя верхом честности, при этом социально обманывать, т.е. подставлять под удары врагу представляемый тобою класс – вот верх социальной мудрости этих господ, вот цена их честности и их отвращения ко лжи. Они отвергываются, таким образом, от исторической правды о лжи, предпочитая ей ложь о правде, убаюкивающую их мещанскую душу. Мы стоим в этом вопросе, таким образом, совсем на другой позиции.

Но ложь превращается во вреднейшую привычку в общежитии и во всей общественной работе, когда она не только не вызывается интересами классовой борьбы, а наоборот, вносит разложение в рабочий класс. Будущее принадлежит, разумеется, правде, поскольку будущее принадлежит внеклассовому, а не классовому обществу. Ложь есть продукт порабощения человека человеком – продукт классовой и групповой борьбы. Она исчезнет вместе с делением общества на классы. Но уже и до этого момента ложь должна быть изгнана из взаимоотношений внутри рабочего класса и тем более из взаимоотношений коммунистов друг с другом.

Недопустимо в групповых интересах использовать ложь внутри партии так же, как мы используем ее в борьбе с нашими классовыми врагами; это разлагает партию изнутри и ослабляет ее боеспособность. Производственный вред от лжи слишком очевиден, чтоб на этом долго останавливаться. Хорошо организованное изнутри государственное хозяйство нельзя построить, если не будет из всего механизма и его колес удален этот вреднейший песок, тормозящий беспрепятственный ход машины. А так как перевоспитание всего рабочего класса должно начинаться с его авангарда, т.е. с коммунистической партии, то война лжи и обману во внутриклассовых отношениях должна начинаться с ликвидации остатков этого качества внутри самой коммунистической партии. Одно дело – бросать песок и пускать пыль в глаза своему классовому противнику; другое дело – пускать эту пыль своим товарищам по борьбе.

Между тем ложь в ее изживших себя вредных проявлениях глубоко проникла в наш национальный характер. В нашей литературе уже достаточно много писалось, что русский человек врет слишком много, врет без нужды для себя и с огромным вредом для других. Для русского крепостного мужика ложь была орудием защиты против барина и царской полиции. И барин, и царь, и буржуазное господство похоронены, но привычка лжи в национальном характере, воспитанная всем прошлым, еще осталась. Здесь надо много и долго «мыть, скрести и подчищать», как по другому поводу выразился как-то т. Ленин. Маленький пример из жизни. Вы идете по улице и спрашиваете у проходящего, как пройти туда-то. Тот, кого вы спрашиваете, сам как следует не знает, но прикидывается, что знает, и направляет вас в противоположном направлении, отнюдь не думая сознательно вам вредить. И так в целом ряде областей. Таким образом внутри государственного аппарата составляются у нас «справки», цифровые таблицы и т.д. Такое высасывание из пальца и обман, даже часто без корыстных намерений, – явление обыденное, оно связано с отсутствием чувства ответственности за свои слова, за свои обещания, сообщения и т.д. и наносит огромный вред во всем нашем строительстве. Может показаться чудовищным, но это факт: если б теперь в Советской России образовалось специальное общество, члены которого поставили бы себе задачей говорить правду, честно выполнять взятые на себя обязательства и внедрять эти принципы в широкие массы, то это общество нашло бы богатейшую почву для своей работы и сослужило бы большую службу в деле воспитания нового советского человека, на которого сейчас предьявляет колоссальный спрос новая система хозяйства.

* Так в тексте. По смыслу: нельзя.

Начавшееся перерождение типа нашего рабочего в случае быстрых успехов в этом направлении приведет, и *приведет снизу*, к благодетельному перерождению всего нашего государственного аппарата. В частности, только давление общественного мнения рабочего класса на массу служащих и одновременно широкое движение навстречу этому из среды самих служащих может ликвидировать всю азиатчину и царское наследие в нашем государственном аппарате, и прежде всего ликвидировать самое отвратительное, позорящее, унижающее всю Республику явление: уничтожить взятку. Административная борьба с этим злом никогда не приведет к полному успеху, если взятка наряду со всеми перечисленными наследиями позорного прошлого не будет окружена и сжата со всех сторон и выброшена из рабочего государства вновь слагающимся и крепнущим пролетарским общественным мнением, которое распространит свои нормы поведения на все работающее под крышей Советского государства. Добросовестность и точность в работе, точность во взаимоотношениях работников нового строя друг к другу и к своему государству *производственно необходимы*; переворот здесь нужен, он назрел. Теперь прямо в золотой валюте и в десятках миллионов рублей можно подсчитать те убытки, которые терпит государственное хозяйство во всех своих областях от слишком медленного роста и воспитания нового человека¹². Здесь главное слово за нашей молодежью. Именно она, не развращенная капитализмом и получившая первые уроки социального воспитания под треск романовского трона и гул нашей красной артиллерии, с той же энергией и тем энтузиазмом, с каким она шла на окопы белых, ринется скоро на помощь нашей промышленности и нашему государственному кораблю, чтоб вышибить отсюда романовское и колупаевское наследство и, поддерживая друг друга и связываясь друг с другом принципами социалистического труда и социалистическими стимулами к труду, сразу подвинуть вперед нашу замешкавшуюся стройку. Она должна помнить, что многие из взрослого поколения уже безнадежны, их переучивать и перевоспитывать уже поздно. Драгоценные реликвии из эксплуататорского строя, от которых они не в силах отказаться, они понесут с собой в могилу.

Но общественные связи рабочего не ограничиваются его отношениями к своему государству, к своей промышленности, к своим товарищам в процессе труда и в общественной работе. Он сталкивается уже в границах Советского государства с другими классами, прежде всего с наиболее близким к нему классом – крестьянством. А с другой стороны, он сталкивается с такими общественными характера вопроса, как вопросы семьи, половой вопрос, задача сохранения расы. Как должно обстоять дело с нормами пролетарского класса во всех этих областях?

Что касается других классов, то, например, с нэпманом мы можем покончить скоро. Он может быть спокоен: на него классовые нормы пролетариата не распространяются. Мы должны заставить его повиноваться пролетарскому государству путем внешнего принуждения, беспощадно подавлять его сопротивление и, не питая никаких надежд, заставить его работать на рабочее государство по совести. С точки зрения своих, т.е. буржуазных норм, с точки зрения своей морали он прав, когда обкрадывает Советское государство и создает условия для капиталистической реставрации. Думать о том, чтоб его приручить, значит заниматься вредной маниловщиной и давать ему только возможность больше красть у нас и нас обманывать. Это враг. С ним будет и покончено в конце концов, как с врагом.

Другое дело стомиллионная крестьянская масса. С этим классом рабочему придется жить бок о бок десятки лет. Без кооперирования крестьянского хозяйства невозможна в широких размерах социализация земледелия. С ростом промышленности крестьянская молодежь будет неиссякаемым резервом для самого пролетариата как класса. С другой стороны, именно ввиду предстоящего длительного сожительства этих двух классов необходим не только хозяйственный переплет крестьянского хозяйства с государственным

(смычка), но и известная слаженность в области социальной психологии. Рабочий класс весьма заинтересован в том, чтоб и крестьянство приняло деятельное участие в улучшении государственного аппарата и смотрело на него, как на свой аппарат. Поэтому и по другим еще причинам перевоспитание крестьянства пролетариатом, как более передовым классом, приобретает огромное значение. Мы должны оторвать от мелкого производства и заскорузлой и ограниченной мелкобуржуазной психологии все наиболее талантливое, чуткое, социально передовое и жизненное, что есть в крестьянской массе. Рабочий класс вместе с тем заинтересован в том, чтоб давление его общественного мнения, воспитательное и организующее давление этого общественного мнения распространялось постепенно также и на крестьянские массы. И хотя распространение пролетарских норм на крестьянство там, где это будет ясно противоречить классовым интересам последнего, является делом безнадежным, однако оно не является безнадежным *всегда и на весь период существования этого класса*. Наоборот: из истории других классов мы знаем, что господствующий класс может подчинять своему идейному влиянию, своей культуре и своей морали не только отсталые классы, но даже целые группы более передового, но еще не проснувшегося и социально не самоопределившегося класса. Вспомним, как держал навтыжку перед собой дворянский класс в период своего блеска и силы другие общественные слои, каким совершенством казался этим другим быт и культура дворянства и аристократии, как добивался в переднюю этой культуры даже чумазый*, хотя исторически он представлял более высокий способ производства. Далее вспомним, как эмигрировали наиболее прогрессивные элементы дворянства в лагерь буржуазных вольнодумцев. У нас в крестьянской стране с диктатурой пролетариата все это также будет иметь место, но только, разумеется, в других формах и в гигантских размерах, потому что дело будет идти о десятках миллионов. И у нас будет при быстрых успехах промышленности повальное бегство в города лучшей крестьянской молодежи, и у нас пролетарская культура победившего и *на экономическом фронте* рабочего класса будет манить к себе самые подвижные, социально чуткие слои деревни, которые будут стыдиться своего варварства и с серпом в руке либо бросив его совсем будут догонять далеко рванувшийся вперед молот. Тогда рабочий класс превратится в законодателя над деревней и в области своих классовых норм и на этом участке пожнет плоды, взращенные его победоносной промышленностью.

Так будет. Пока же дело идет о привлечении на сторону пролетариата лишь передового меньшинства деревни. Это лишь ручейки, лишь первые предвестники тех потоков, которые потекут в пролетарскую реку с крестьянских полей тогда, когда крестьянство как класс и весь теперешний крестьянский быт будет подточен с корня новой экономикой.

Перейдем к следующим вопросам.

Не являются ли вопросы семьи, вопросы пола такими, которые лежат вне линии классовых норм, вопросами частной жизни исключительно? Нет, многое из всего этого относится к тому, что именуется «частное дело», но многое носит сугубо социальный характер. Очень важно уметь отделять в этих вопросах социально существенное от того, что с социальной точки зрения безразлично, и уметь ответить на вопросы первого рода, исходя из интересов пролетарского класса в целом и его будущего. Надо заметить при этом, что вопросы семьи и сохранения расы приобретают особое значение именно тогда, когда пролетариат становится у власти и начинает нести ответственность за физическое состояние и физическое будущее расы.

Формы семьи, издавна сложившиеся на основе крестьянского хозяйства и самостоятельного мелкого ремесленного производства, автоматически переходят в семейный быт и рабочего класса. Но очень скоро капитализм начинает разлагать

* Имеется в виду капитализм.

старые формы семьи: он гонит на фабрику женщину-работницу, отрывая ее от домашнего горшка, и тем самым подтачивает кухонную основу старой семьи. Однако освободив отчасти женщину от экономической зависимости от мужчин и создав первые предпосылки для более человеческих условий брака и для связи мужчины с женщиной вообще, капитализм мог ограничиться только этим. Капитал не был бы капиталом, если бы решился перебросить содержание рабочих детей с заработной платы на прибавочную стоимость. Процесс разложения старой семьи, начатый при капитализме, при капитализме же и остановился в своем развитии, потому что вопрос об общественном воспитании не только не мог быть решен в буржуазном обществе, но не может быть даже поставлен как практическая проблема для массового решения. Когда пролетариат становится у власти, ему в этом пункте остается доделать огромное дело создания условий для окончательного упрощения новой формы семьи. Эта задача – есть прежде всего задача социального воспитания детей. А задача социального воспитания, например для современной России, есть прежде всего вопрос финансовый. Когда наша промышленность начнет быстро развиваться, то этим будет решен целый груз всяких проблем и вопросов, которые все почти упираются в нашу бедность. Так же будет решен тогда и вопрос о том, чтоб зародыши социального воспитания, сохранившиеся при нэпе от периода военного коммунизма, сделать исходным пунктом перехода к социальному воспитанию, по крайней мере в городе, и в первую голову обеспечить социальное воспитание для всего детского поколения пролетариата.

Вопрос о форме семьи решен бесповоротно, дальнейшая эволюция здесь не вызывает никаких сомнений, по крайней мере в том, что касается воспитания детей. И также ясно то, что только на этом пути возможны освобождение женщины и огромная экономия всего общества, разбивающего у себя понемногу все горшки индивидуальной кухни. Этот вопрос есть программный вопрос для коммунистической партии, не вызывающий никаких споров в коммунистической среде. И поэтому задача каждого коммуниста и каждого сознательного рабочего состоит в том, чтобы всячески способствовать делу организации социального воспитания и перестановке семьи на новые рельсы. Если же уже при наличии предпосылок для социального воспитания известные слои рабочих и работниц будут держаться за старые формы семьи, то вряд ли они будут заслуживать иного отношения, чем те рабочие, которые теперь вместо митинга или собрания своего союза идут ко всенощной. Женщины же останутся при горшках и детях, лишенные возможности отдаться делу борьбы за коренные интересы своего класса и его будущего, в то время как их товарки с верой и энтузиазмом массовым напором будут двигать вперед социалистический корабль. И еще большой вопрос, разрешит ли в будущем социалистическое государство хотя бы части родителей портить домашним воспитанием своих детей, коверкая их по образу и по подобию своему.

Но в наше время более актуальным является другой вопрос, а именно вопрос о том, как должны распределяться тяготы воспитания детей между мужчинами и женщинами, когда социальное воспитание лишь еле-еле начинает пробивать себе дорогу, когда в подавляющей массе дети остаются на иждивении своих родителей. Этот вопрос возникает не только в тех случаях, когда муж с женой расходятся, но и тогда, когда они живут вместе. Наиболее правильным является здесь такое решение, при котором родители несут или одинаковые тяготы по воспитанию детей, или, если дело идет о чисто материальной стороне дела, больше дает тот, кто материально более обеспечен. Общественное мнение пролетариата прежде всего должно защищать здесь элементарное равенство женщины и мужчины при выполнении ими тех обязанностей, которые, по существу, являются общественными, но которые смогут быть переданы обществу лишь при установлении системы социального воспитания детей как системы господствующей. Ни в каком случае не

может считаться нормальным в рабочем быту положение, при котором вся или основная часть труда по воспитанию ложится на работницу, находящуюся к тому же и в материальном отношении в гораздо более худших условиях в сравнении с мужчинами своего класса. Принцип товарищеского равенства должен быть здесь приведен полностью.

Следующий вопрос касается форм полового общения. При организации социального воспитания этот вопрос возникает в своем чистом виде, не затемненный привходящими условиями, связанными с семьей. Конкретно, можно ли с точки зрения пролетарских интересов поставить и дать ответ на вопрос, какие формы общения полов больше совместимы, если не с теперешними социальными отношениями и социальными интересами, то с отношениями социалистического общества: моногамия, кратковременные связи или, так называемое, беспорядочное половое общение? До сих пор защитники той или иной точки зрения в этом вопросе скорее обосновывали всевозможными аргументами свои личные вкусы и привычки в этой области, чем давали правильный, социологически и классово обоснованный ответ. Кому больше нравился несколько филистерский личный семейный быт Маркса и кто по своим склонностям предпочитал моногамию, тот пытался возвести в догмат и норму моногамную форму брака, подбирая для этого медицинские и социальные аргументы. Те, которые склонны к обратному, пытаются выдать быстротечные браки и «половой коммунизм» за естественную форму брака в будущем обществе, причем иногда проведение на практике этого типа общения между полами с гордостью рассматривают, как «протест на деле» против мещанской семейной морали настоящего.

В действительности же вся такая постановка вопроса сводится к тому, что люди рекомендуют коммунистическому обществу свои личные вкусы и выдают свои личные симпатии за объективную необходимость; между тем вопрос о формах общения между полами, о котором так много шумят с точки зрения морали, поскольку этот вопрос ставится вне связи с семьей, *делается вопросом социальным, прежде всего, лишь с точки зрения физического здоровья расы*. Вряд ли кто сможет доказать, что та или иная форма брака внутри рабочего класса, при наличии социального воспитания детей, может непосредственно влиять на успехи или неудачи в борьбе пролетариата за коммунизм. Следовательно, с этого конца работники социалистического общества могут быть довольно равнодушны к тем или иным формам полового общения. Вся эта проблема делается социальной проблемой лишь в связи с вопросом о физическом сохранении и укреплении расы, прежде всего с точки зрения наиболее здорового, наиболее оптимального потомства. А следовательно, и ответы на вопрос должна здесь дать медицина, а не коммунистическая программа и связанные с ней боевые классовые нормы пролетариата. Но и медицина, по-видимому, не в состоянии прописать здесь типового единообразного рецепта. Если оптимальное потомство бывает при прочих равных условиях чаще результатом полового общения, связанного с любовью, а любовь опирается у одних на длительную, у других на кратковременную связь и зависит часто от темперамента сторон, то при таких условиях один и тот же результат (наилучшее потомство) может быть достигнут различными формами полового общения. Разумеется, медицинский, или, вернее, биологический, подход к вопросу требует учета и других сторон проблемы: предупреждения физического истощения при половых сношениях, наилучшей комбинации *физических* свойств лиц, вступающих в связь и оставляющих потомство, и т.д. А все это лишний раз доказывает, что на все возникающие здесь вопросы нужно уметь искать ответа у медицины, причем необходимо, с другой стороны, чтоб и социалистическая медицина умела давать эти ответы как в частных случаях, так и в общей постановке.

Мы подошли уже к тем нормам, которые диктуются задачами физического сохранения и укрепления расы. Нужно отметить, что только при социализме эта проблема может быть поставлена во всем объеме, потому что только при социализме интересы тру-

дящихся масс, составляющих подавляющее большинство общества, ставятся на первый план, а тем самым выдвигаются на первый план и интересы физического сохранения и физического будущего этих масс. Капитализм не может поставить этого вопроса даже для буржуазии ввиду сравнительно текучего состава капиталистического класса (в противоположность сословиям феодального общества) вследствие глубоко индивидуалистических принципов буржуазного быта вообще и главным образом вследствие того, что соединение людей (брак) среди буржуазии подчинен задаче «соединения капиталов», и поэтому не поддается медицинской регламентации. Что же касается подавляющего большинства населения, т.е. рабочих и крестьянской бедноты, то наиболее быстрое капиталистическое накопление и беспрепятственное выжимание из рабочего населения максимума прибавочной стоимости возможны только тогда, когда о здоровье рабочих масс капитализму не приходится вовсе думать. Он и не думал никогда о нем, располагая огромной резервной армией, постоянно пополняемой новыми кадрами из разоряющихся ремесленников и крестьян. В условиях господства буржуазии рабочий класс защищает интересы охранения расы лишь тем, что борется за лучшие условия труда и добивается на основе данного соотношения сил максимума благоприятных условий для своего материального существования.

Когда рабочий класс сам становится у власти, он делается уже ответственным за физическое здоровье всего общества. Основным условием физического возрождения расы является, конечно, уничтожение чрезмерного труда, улучшение материального положения и жилищных условий, развитие системы физического воспитания масс и т.д. Но кроме всего этого огромное значение должен получить в будущем контроль общества над потомством его членов. С точки зрения социалистической является совершенно бессмысленным взгляд отдельного члена общества на свое тело как на свою безусловную личную собственность, потому что индивид есть лишь отдельная точка при переходе рода от прошлого к будущему. Но в десять раз более бессмысленным является такой же взгляд на «свое» потомство. Существуют миллионы сифилитиков, которым должно быть в интересах сохранения расы категорически запрещено иметь потомство и тем отравлять кровь и награждать парасифилитическими проявлениями ряд будущих поколений. Но здесь нужна не только законодательная регламентация. Нужно категорическое требование пролетарского общественного мнения к своим членам, идущее в том же направлении. Нужно соответствующее внутреннее убеждение у самих больных, которое формируется прежде всего под влиянием общественного мнения окружающих людей. То, что относится к сифилитикам, применимо и к целому ряду других больных и других групп, которым не следует иметь потомства в интересах сохранения расы. Потенциальные материнские чувства женщины, желание иметь потомство у мужчины, если и той, и другому по биологическим соображениям нельзя иметь потомства, нужно рассматривать лишь как сентиментальные личные переживания, которым общество не должно идти ни на какие уступки. Они сами должны подавлять эти чувства в тех же интересах. Мы не говорим уже о необходимости самой беспощадной борьбы с теми, которые распространяют половые болезни, не задумываясь о том, какое преступление они делают против других членов общества, часто против своих же товарищей по классу¹³.

Преждевременно ставить вопрос, можно ли в будущем ожидать вмешательства социалистического государства, а когда его не будет, вмешательства науки в половую жизнь в целях улучшения расы: путем искусственного полового подбора. Здесь нам нужно лишь указать на полное и безусловное право общества довести свою регламентацию половых связей даже до этого предела. И обязанностью каждого члена социалистического общества является добровольно осуществлять в своей жизни то, что будет предписываться в этой области социально-биологической необходимостью¹⁴, формулируемой наукой.

Важнейшей подпочвой для всех классовых норм пролетариата является не только ясное сознание классовых интересов со стороны рабочей массы, но и полубессознательная классовая спайка, чувство класса, родство со всеми своими по классу и враждебность по отношению к представителям чужих классов. Это психологическое единство пролетариата играет очень важную роль во всей его борьбе как до, так и после пролетарской революции. В частности, оно особенно важно и ценно в период нэпа, когда государственное хозяйство вступает в переплет с капиталистическими формами хозяйства и работники государственной промышленности вынуждены находиться в непрерывных деловых связях с представителями капиталистического мира и буржуазными специалистами. В тех случаях, где у наших коммунистов и беспартийных рабочих эта спайка с классом бывает слаба, они легко поддаются влиянию враждебной среды, которая пока еще (правда, ненадолго) в культурном отношении выше пролетарской среды¹⁵. В результате мы наблюдали уже и продолжаем наблюдать такие факты опутывания наших хозяйственных рабочих буржуазными дельцами, как это имело место, например, в печальной памяти Орехово-Зуевском тресте. И наоборот, там, где чувство своего класса у рабочих крепко, там им гораздо легче противостоять разлагающим влияниям нэповской среды. Отсюда практический вывод: усиление классовой спайки между всеми рабочими во всех отраслях работы и беспощадное осуждение всех дезертиров из пролетарской семьи, тянувшихся к буржуазным элементам и предпочитающих среду рабочих обществу наших классовых врагов¹⁶.

Рассмотрим далее еще один актуальный вопрос – вопрос о материальном равенстве внутри пролетариата и внутри коммунистической партии при советской власти. В период военного коммунизма мы далеко провели принцип равенства, и это было необходимо и экономически, и политически. Когда продуктов было мало и нужно было поддержать обороноспособность в Гражданской войне всего рабочего класса, это равенство нищеты не ослабляло, а усиливало нас перед лицом врага. Когда же мы перешли на мирное положение и надо было с тем человеческим материалом, который у нас был, и с теми стимулами к труду, которые сохранились у рабочих от мелкобуржуазного и капиталистического периода (т.е., главным образом, индивидуалистическими стимулами), поднимать производство, мы вынуждены были начать с того, на чем закончил наш капитализм. Мы вынуждены были восстановить во многом капиталистическую систему заработной платы, т.е. систему неравенства в оплате в зависимости как от квалификации рабочих, так и в зависимости от норм выработки. А к этому присоединилось еще неравенство отдельных предприятий и отдельных трестов в связи с тем, какие из этих предприятий оказались лучше, какие слабо связаны с рынком. Неравенство оказалось для нас производственно необходимым на данной ступени развития, при данном людском материале. Это неравенство рассекло по тем же линиям и коммунистическую партию, вызывая в ней недовольство «низов» против лучше оплачиваемых так называемых «верхов». Поэтому что касается положения внутри всего рабочего класса в целом, то протест здесь против неравенства есть, в сущности говоря, протест против того, что социализм вырастает из капитализма. Этот протест реакционен, если в основе его лежит стремление к мелкобуржуазной уравнительности, не считающейся с нуждами производства. Он может быть прогрессивным в той мере, в какой представляет из себя протест выросшего социалистического сознания рабочих против остатков капиталистических отношений, и направляется прежде всего против таких форм неравенства, которые совсем не вызываются производственной необходимостью. Этот протест будет тем более прогрессивным, чем быстрее будет расти уровень квалификации всего рабочего класса, и закрепление неравенства и всяких привилегий для одной группы рабочих будет становиться производственно ненужным. Что же касается коммунистической партии, то именно потому, что эта партия является массовой, было бы вряд ли возможно оторвать ее от условий существования всего рабочего класса в целом и превратить в

материальном отношении в «общество равных». Но так как коммунисты работают и обязаны работать в интересах всего класса в целом не из соображения материальных выгод, то здесь борьба против таких форм неравенства, которые не вызываются уже никакими ни политическими, ни экономическими соображениями и в то же время ослабляют внутреннюю спайку в партии, должна вестись гораздо более решительно, чем где-либо. Это неравенство внутри коммунистической партии и привилегированное положение некоторых ее слоев, далеко выходящее за пределы чисто физического сохранения от истощения ценнейших кадров партии, чрезвычайно вредно в том отношении, что может привести к борьбе за сохранение привилегированных мест, к окостенению тканей партии, к карьеризму и чиновничьему перерождению некоторых слоев партии. Этот процесс будет тем опасней, чем больше все новых и новых подготовленных сил из молодежи будет приливать на руководящие посты партийного и советского аппарата, и эти новые силы будут встречать сопротивление, диктуемое отнюдь не интересами социалистического строительства.

Вообще, наша партия слишком поддалась автоматическому движению и автоматической стройке госаппарата. В области оплаты государственный аппарат равнялся по буржуазному специалисту, которого надо было привлечь, удовлетворяя его запросам и привычкам, а в период нэпа началось равнение также по квалифицированному рабочему «старого призыва». На известном этапе это для госаппарата было исторически неизбежно. Но чем быстрее будет идти подготовка и вливание в производство и аппарат специалистов из рабочих, чем быстрее будет идти, с другой стороны, подготовка в школах фабзавуча и другими путями нового поколения квалифицированных рабочих (а квалифицированных в будущем должно быть *большинство* среди всего пролетариата), тем менее оснований будет у государства держаться старой системы оплаты и связанного с ней и разбухшего вне всякой меры и смысла материального неравенства внутри государственного круга. Этот новый этап начнется, вероятно, через полдюжины лет. Но уже и теперь пора поднять голос против таких размеров неравенства в оплате, которое есть продукт лишь обезьяньего копирования буржуазных отношений и никакими интересами дела не вызывается. Ближайшее будущее принадлежит, несомненно, равенству в области материальных условий существования государственных работников. И хотя равенство само по себе, равенство во что бы то ни стало не представляет из себя самостоятельной цели нашего строительства, однако оно будет постепенно достигаться на основе потребностей самого развивающегося хозяйства и на основе новой психологии молодого поколения рабочих.

Вообще же, и вопрос о равенстве в материальных условиях, и все аналогичные вопросы надо ставить не с точки зрения какой-то абсолютной и абстрактной социалистической справедливости, а с точки зрения интересов развития, движения вперед всей нашей социалистической стройки. И в каждом отдельном случае надо решать вопрос конкретно: что на данной ступени способствует движению вперед и увеличивает силы и сплоченность борющегося пролетариата, что уменьшает, что наконец безразлично для того и другого. Неравенство было и пока остается производственно-необходимым, и в пределах производственно-необходимого мы должны с ним мириться. Мы будем против неравенства, когда развитие новых производственных отношений при наличии нового поколения рабочих не только не будет требовать такого неравенства, но будет иметь в нем преграду для движения вперед.

В заключение еще один вопрос, очень волнующий крестьянские слои нашей партии. Насколько совместима работа в собственном индивидуальном хозяйстве (со всеми вытекающими отсюда последствиями) с работой в коммунистической партии? Не стоит ли вопрос здесь так: либо самостоятельное хозяйство, либо коммунистическая партия? Такое «или-или» совсем не обязательно. Коммунист-крестьянин должен лишь помнить, что, вступив в партию, он тем самым на свое индивидуальное хозяйство должен

смотреть не как на цель, а как на средство к нашей коммунистической цели. Иными словами: если он может быть образцовым хозяином и вести пропаганду *делом* новых способов обработки земли, оставаясь добрым коммунистом, то это хорошо. Если он может быть образцовым коммунистом лишь ценой превращения в худого хозяина, то нужно предпочесть этот последний исход. Хозяйство для деревенского коммуниста, если он хочет оставаться коммунистом, должно быть на втором месте, а партия на первом. На хозяйство тогда нужно смотреть лишь как на средство к жизни, не более. Перефразируя известные стихи, можно сказать: хорошим хозяином ты можешь и не быть, а хорошим коммунистом быть обязан. Разумеется, в практической жизни бывает крайне трудно провести грань, с какого момента увлечение собственным хозяйством начинает явно вредить выполнению коммунистических обязанностей, но принципиально непреодолимого тут ничего нет. Умели же члены нашей партии, когда были в подполье, совмещать самую разнообразную работу для добывания материальных средств с деательной работой в партии как работой основной, которой первая была подчинена как средство. С этой точки зрения решается и целый ряд других проблем, стоящих перед деревенским коммунистом: в каких формах и в каком объеме можно прибегать к торговым операциям и т.д.

Приведенные нами примеры из области пролетарских классовых норм доказывают, что, во-первых, эти нормы реально существуют, и во-вторых, что они неизбежно будут существовать до тех пор, пока существуют классы. Было бы совершенно невероятным, если б в период диктатуры пролетариата и существования социалистического государства сохранились эти важнейшие атрибуты классового общества, а классовые нормы, играющие столь важную роль в деле сплочения класса, поддержания в нем внутренней связи, боевой спайки и воздействия целого на свои части, чтобы эти нормы неизвестно по каким причинам прекратили свое существование. Мы привели несколько примеров. В нашу задачу не входит дать систематическое описание всех классовых норм пролетариата, потому что главная задача этой работы – правильно *поставить* самый вопрос о морали и классовых нормах. Но уже из сказанного видно, какую позицию следует занять в отношении того стихийного «аморализма», который довольно распространен среди части пролетарской молодежи и который не знает, куда простирается его действие. Если понимать под этим аморализмом отрицание правил буржуазной и мелкобуржуазной морали в теории и на практике и разоблачение этого «внеклассового» тумана над классовыми нормами, то такой «аморализм» есть, в сущности, марксистское, историко-материалистическое отношение к морали других классов. Если же этот аморализм переходит в отрицание всяких норм вообще, следовательно, и пролетарских классовых норм, то такой аморализм в обстановке незаконченной классовой борьбы является в лучшем случае утопической маниловщиной и теоретической путаницей, в худшем – продуктом влияния на пролетариат мелкобуржуазного, анархического индивидуализма. Но скорее всего здесь перед нами не какое-либо «нездоровое», «опасное» и т.д. явление, а просто часть нашей молодежи не свела еще концы с концами. Освобождаясь от моральных пут, навязанных эксплуататорскими и исторически отсталыми классами, она с разбегу замахивается на слова на нормы вообще, хотя в своей практике в огромном большинстве добросовестно подчиняется основным нормам своего класса.

Будущее классовых норм

По мере развития социалистических отношений пролетарские классовые нормы будут изменяться в том отношении, что они будут упрощаться, делаться эластичней, рационализироваться и, если возможно так выразиться, укорачиваться. Для того чтобы работник социалистического общества в той или другой области, регулируемой классовыми нормами, начал в интересах своего класса поступать иначе, чем раньше, для этого

не нужно принудительного воздействия на него общественного мнения его класса. Он постепенно приучится автоматически переносить в свою практическую деятельность все то, что диктуется наукой и общим интересом. Если та же медицина устанавливает, допустим, общественный вред той или другой укоренившейся привычки, то отнюдь не требуется для борьбы с этой привычкой, чтоб сначала упорной борьбой выковалось по этому вопросу общественное мнение большинства класса, а затем эта новая норма принудительно распространялась на всех членов класса и поддерживалась давлением его общественного мнения. Общее повышение уровня культуры и сознательности работников социалистического общества будет выражаться, между прочим, и в том, что они научатся выполнять все социально необходимое с гораздо большей легкостью и естественностью, чем это делалось при застойных общественных формациях, когда осуществление классово необходимого достигалось путем распространения какой-либо новой морали. Приведу пример. Допустим, на определенной стадии развития социалистического общества по тем или иным причинам деторождение достигло угрожающего минимума. Достаточно науке забить тревогу, чтоб практические выводы члены общества делали немедленно, сознательно и добровольно. При таких условиях лозунг «Увеличивайте деторождение» отнюдь не нужно будет превращать в какую-то окостеневшую социальную норму на весь тот период, пока не установится в обществе нужной пропорции между смертностью и размножением.

Это с одной стороны. С другой стороны, несомненно, по мере уничтожения классового деления общества и сами классовые нормы будут перерождаться в общесоциальные нормы, тем более что и работники социализированной части хозяйства будут постепенно превращаться в подавляющее большинство всего рабочего населения. Но не только поэтому. Классовые нормы должны с прекращением классовой борьбы либо отмереть в той их форме и в той их части, в какой они были одним из орудий этой борьбы, либо они должны трансформироваться. Иными словами, они должны на новом социальном базисе служить иным задачам. Скрепки класса, борющегося с другими классами, будут превращаться в скрепы всего общества в его борьбе с природой. Классовые нормы будут превращаться в социальные нормы. А долго ли будут они существовать, в какой форме и можно ли связывать генетически будущие социальные нормы с классовыми – ответ на эти вопросы в значительной степени зависит от того, на какой стадии развития мы будем брать будущее общество. То, что на одной его стадии будет еще сохраняться как социальная норма, то уже на следующих будет загнано в инстинкт и будет разворачиваться в деятельности отдельного человека в виде реализации наследственного капитала от предыдущих поколений. Здесь важно подчеркнуть лишь два обстоятельства. Первое: из всех и всяческих норм выпадет с ликвидацией классового общества все то, что было порождено классовым делением общества. Второе: можно констатировать, что право будет ликвидировано раньше, чем неписанные классовые, а затем общесоциальные нормы. Вероятнее всего, правовые нормы в переходный период будут заменяться постепенно общесоциальными нормами, а частичное внедрение последних в социальные инстинкты будет происходить в широком масштабе лишь в исторически более поздний период.

Таким образом, на вопрос о будущем классовых норм мы отвечаем: эти нормы имеют такое же будущее, как армия, милиция, суд, государство вообще, т.е. не имеют будущего. О будущем же общесоциальных норм сейчас можно лишь гадать. Какой-то промежуток времени на перевале от социализма к коммунизму они должны существовать. В их лице человечество психологически будет прощаться с последними пережитками классового периода своей истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Переиздана издательством ВЦИК в 1918 г.

² Годится ли этот термин вообще, об этом ниже.

³ На удочку вечных истин всегда особенно усиленно клевали и клюют промежуточные классы, прежде всего мелкая буржуазия; привлечение мелкой буржуазии на свою сторону всегда играло важную роль в стратегии крупного капитала. Товар «вечных истин» нужен капиталу прежде всего для этого потребителя.

⁴ Любопытно, что, в то время как дворянин вычитывал из христианской морали и применял на деле принцип: «Не пещитесь об утрие», проматывая свое состояние, представитель духовенства налегал в своих проповедях на отказ от земных благ (в пользу церкви), тогда как Колупаев и Разуваев ратовал за воздержание в интересах первоначального накопления.

⁵ Вообще, в классовом обществе интересы человечества как вида защищает обыкновенно (фактически, а не на словах только) самый передовой класс общества, потому что интересы социального развития, интересы будущего человечества совпадают с его классовыми интересами. Таким образом, интересы вида не имеют, так сказать, постоянной квартиры в классовом обществе и меняют ее с переходом власти от одного класса к другому

⁶ Я говорю, конечно, о типичном представителе класса, а не об исключениях.

⁷ Вообще, социальный инстинкт, как несравненно более древний по происхождению, чем классовый интерес, там, где последний не берет над ним верх, может, вооруженный сознанием другого класса, выступить против класса собственного. Переход некоторой части лиц господствующего класса на сторону класса революционного и эмиграция отдельных личностей из среды аристократии и буржуазии на сторону пролетариата могут быть объяснены в значительной степени, если не преимущественно, действием социального инстинкта.

⁸ Впрочем, все это не мешало формальной, сухой и постной кантовской морали играть прогрессивную роль для феодально-мещанской захолустной Германии того времени. Равенство всех перед законом, уничтожение феодальных привилегий, права личности, свобода, равенство и братство – все эти политические требования, выдвинутые французской буржуазией в открытой борьбе с абсолютизмом и церковью, сын кенигсбергского седельника сформулировал на туманном языке морали, т.е. не в особенно опасной форме для прусского короля и земельного дворянства. Но для того времени и это было шагом вперед.

⁹ Не надо забывать также и того, что период неприкрытых классовых норм, т.е. период, примерно, от Маркса до коммунистического общества, будет с точки зрения исторической продолжительности лишь эпизодом по сравнению с периодом прикрытых норм, который обнимает тысячелетия.

¹⁰ Некритическое употребление слов «мораль», «этика» и т.д. по отношению к пролетарским нормам есть, в сущности, остаток если не буржуазной идеологии, то буржуазно-феодальной терминологии. Этим несколько грешат некоторые из марксистов.

¹¹ См. прекрасное описание одного из таких эпизодов в «Автобиографических рассказах» Горького (Красная новь. 1923. № 2 (12). С. 15).

¹² Тов. Троцкий чрезвычайно ярко и убедительно показал в своих речах и статьях, как от небольших неточностей, как от пренебрежения мелочами проигрываются сражения. Следовало бы подсчитать, сколько ежегодно теряет Республика на так называемой нашей «халатности» и не достаточна ли теряемая сумма для покрытия дефицита в нашем бюджете и для стабилизации рубля.

¹³ Я думаю, излишне доказывать, что пролетарские интересы требуют самой энергичной борьбы с проституцией, поскольку она коренится не только в социальных условиях, вызывающих ее предложение, но связана со спросом на нее, в том числе со спросом в среде самого рабочего класса.

¹⁴ Буржуазный индивидуализм приходит в ужас от одной только мысли о возможности такого искусственного полового подбора в интересах сохранения и укрепления расы. И это в то самое время, когда он считает естественным подчинение формы семьи и половых связей интересам частной собственности.

¹⁵ Это влияние враждебной нам культуры заметно кое-где на рабочих факультетах, где рабочая молодежь нередко подпадает под влияние чуждых нам элементов из преподавательской среды. С этими идеологическими шатаниями нашей молодежи нам придется еще не один год бороться.

¹⁶ В коммунистической среде в последнее время много говорят о браках коммунистов с лицами из других классов и много спорят о том, насколько это допустимо. В сущности, здесь нет проблемы, рассуждая принципиально. Это область частных дел, хотя, понятно, неудачный брак может влиять вредно на деятельность коммуниста. Но так может влиять и многое другое, что мы обыкновенно не привлекаем к обсуждению как дело личное. Вообще же, если член партии поступает не по-коммунистически, то надо его судить за объективные поступки по существу, не вдаваясь в изыскания, почему так вышло. Но что социально важно в рассматриваемом вопросе, так это следующее. Если коммунист женится на женщине из буржуазной среды, то к этому как-то стихийно, бессознательно отношение будет гораздо более снисходительное, чем когда бы коммунистка вышла замуж за нэпмана. На таких фактах легче всего проверить, как глубоко еще сидит у нас в «нравах» азиатчина женского неравноправия и двойной морали.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОТ НЭПА К СОЦИАЛИЗМУ (ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ РОССИИ И ЕВРОПЫ)*

В первой аудитории Московского Политехнического музея, по давно установившейся практике, читались лекции для работников, которые не удовлетворялись полученными в школе знаниями и продолжали образование в свободные часы. В 1970 г. здесь шли лекции по истории великой русской революции, привлекавшие большое количество слушателей. Эти лекции одновременно слушались рабочими и в других районах, которые были соединены радиосвязью с первой аудиторией. Лекции читал профессор русской истории и в то же время слесарь железнодорожных мастерских Минаев.

Курс Минаева начинался с первой русской революции 1905 г. и заканчивался эпохой гражданской войны в Европе. Историк не только учил своих слушателей пользоваться методами исторического материализма на разборе конкретных исторических фактов, но и сообщал слушателям ряд конкретных исторических сведений из рассматриваемой эпохи, главным образом экономического характера [...]

*Лекция шестая***

Система хозяйства России после ликвидации военного коммунизма. Восстановление земледелия России в первое десятилетие нэпа

В период так называемого «военного коммунизма», существовавшего до весны 1921 г., структура хозяйства в Советской России была более простой, чем в дальнейшем. Если не считать хозяйства кочевников (киргизы, калмыки, буряты и т.д.), в экономическом организме страны существовало два различных типа хозяйства: социалистическая крупная промышленность с ориентацией на плановое производство и плановое распределение продуктов и мелкое производство крестьян и ремесленников с системой рыночного распределения. Попытка Советского государства осуществить систему принудительного распределения продуктов сельскохозяйственного производства без изменения самой системы мелкобуржуазного производства кончилась неудачей. Вместо принудительного изъятия из деревни излишков сельскохозяйственного

* Из книги Е.А. Преображенского «От нэпа к социализму (Взгляд в будущее России и Европы)», изданной в 1922 г.

** В книге восемь лекций – с 5-й по 12-ю. Из них в настоящем издании четыре лекции не публикуются: 5-я – Введение. Европейский капитализм в тупике; 8-я – Система заработной платы. Подготовка квалифицированных рабочих. Красные инженеры; 9-я – Организация государственной промышленности; 12-я – Крах капитализма и гражданская война в Европе.

производства и их планового распределения вместе с продуктами городской промышленности, т.е. вместо приспособления мелкобуржуазного производства к системе крупного социалистического производства пришлось, наоборот, приспособить теперь крупное государственное производство к рыночному распределению мелкого товарного хозяйства. Социалистическому производству предстояло теперь подчинить себе мелкое крестьянское хозяйство и ремесло на основе рыночного распределения, т.е. прежде всего методами капиталистического крупного хозяйства. Это неизбежно повлекло за собой большую пестроту форм во всем хозяйственном организме страны. Крупная государственная промышленность в значительной мере стала работать на рынок. Но все государственное хозяйство не перестало быть в известной мере все же плановым хозяйством. Только планировать теперь приходилось лишь применительно к рынку, и все плановые наброски неизбежно были весьма приблизительными. Отсюда и пестрота во всем хозяйстве. Рядом с органами капиталистического регулирования, как государственный банк и подчиненная ему сеть кредитных учреждений, рядом с биржами, синдикатами и т.д. существовали органы государственно-планового руководства хозяйства, как Госплан, Высший совет народного хозяйства, Наркомпрод, органы планового распределения заработной платы (Цекфонд, Высший тарифный совет). Пестрота еще более увеличивалась, поскольку рядом с чисто государственными предприятиями начали возникать смешанные государственно-капиталистические общества и предприятия, затем шли кооперативные объединения, игравшие огромную роль не только в области распределения, но и имевшие в своих руках много производственных предприятий. Одно за другим стали возникать концессионные предприятия с вложением иностранного капитала. В торговле развился и усилился частный капитал, овладевший преимущественно мелкой и средней розничной торговлей. Наконец, господствующей формой хозяйства было мелкое крестьянское производство в деревне, мелкое ремесло в городе. Самой низшей ступенью было патриархальное хозяйство кочевников на окраине. Весь этот пестрый смешанный тип хозяйства пытались тогда неудачно назвать государственным капитализмом. Это название было неудачно, потому что оно совершенно не охватывало всей пестроты хозяйственных взаимоотношений и было похищено у другой формы хозяйства, у настоящего государственного капитализма, т.е. такой системы, где капиталистическое государство срачивается с объединенным в тресты и возглавляемым банками частным капиталистическим производством. Капитализм, существовавший тогда (и выросший, главным образом, на почве частной торговли), был очень мало государственным, а государство не имело ничего общего с капитализмом в том смысле, что являлось организацией пролетариата для сокрушения капитализма. Этот смешанный тип хозяйства можно было бы изобразить в форме пирамиды, разделенной на части, где главная часть ($\frac{4}{5}$ стоимости всего годового производства) состоит из двух десятков миллионов мелкобуржуазных хозяйств с прослойкой патриархально-родового хозяйства. Над этим мелкобуржуазным базисом гораздо более тонкая полоска мелких и средних капиталистических предприятий в торговле и промышленности, не регулируемых государством; еще более тонкая полоска капиталистических отношений, регулируемых государством (смешанные общества и т.д.). Еще выше полоса кооперативного производства и кооперативного обмена, и наконец вся верхняя часть пирамиды – это слиток социалистических отношений, которые не являются господствующими, но борются за это господство. В целом всю эту систему, по двум ее основным звеньям: верхнему – социалистическому и нижнему – звену мелкого товарного производства, можно было бы назвать товарно-социалистической системой хозяйства.

Сначала все эти различные типы хозяйства не могли размежеваться друг с другом, не заняли определенных позиций по отношению друг к другу и не установили между

собой тесной хозяйственной связи. В дальнейшем это довольно скоро было достигнуто. Крупная промышленность и транспорт остались почти полностью в руках пролетарского государства, средняя промышленность поделилась на две половины: одна – государственная, другая – частная, в большинстве на основе аренды предприятий частными лицами, артелями и кооперативами у государства. Оптовая торговля была большей частью в руках государственных торговых органов, смешанных торговых обществ и в руках кооперации, и лишь отчасти в руках частного торгового капитала. Иными словами, крупная торговля в значительной мере была обобществлена либо подчинена государству прямо или косвенно. Наоборот, мелкая торговля в большинстве была в руках частного капитала и отчасти в руках кооперации. Почти все земледелие и мелкая промышленность находились в руках самостоятельных товаропроизводителей.

Связь между всеми этими типами хозяйства начала осуществляться прежде всего путем торговли. В эпоху военного коммунизма между крупной государственной промышленностью и крестьянским хозяйством существовал резкий разрыв. Какая-либо мануфактурная или обувная фабрика сдавала всю свою продукцию государству. Эта продукция в подавляющем большинстве шла для армии, распределялась среди рабочих в виде прозодежды и т.д. и лишь в небольшой части попадала в деревню. Да и там она распределялась не по признаку: кто больше дал хлеба городу, тот больше получает из города товару, а часто как раз наоборот: кто был бедней и кто освобождался от разверстки, имел больше шансов получить ту же мануфактуру, чем отдавший свои излишки городу кулак. Эта тоненькая связь городской промышленности с земледелием осуществлялась через государство. Более непосредственной связи между крестьянским хозяйством и крупной промышленностью не существовало, если не считать продажи рабочими небольшой части продукции, которую они получали в виде заработной платы, и если не считать того, что разворовывалось и нелегально продавалось в деревню. Наоборот, при новой экономической политике та же мануфактурная фабрика сотнями нитей связывается с крестьянским хозяйством и с отдельными предприятиями, государственными и частными. Во-первых, эта фабрика, входя в текстильный трест, производственная программа которого была утверждена Госпланом, а кредиты получают от Госбанка, включалась в систему государственного социалистического хозяйства. Но в то же время она находилась в оживленных связях и с необобществленной частью хозяйства: продавала ситец крестьянству через кооперацию, покупала у него хлеб или лен, питала этим ситцем частную торговлю, а через нее и через кооперацию связывалась с частными предприятиями всех родов; хлопок фабрика приобретала у декхан Туркестана и т.д. Точно так же какой-либо предприниматель с арендованного мыловаренного завода, будучи со своим предприятием частицей необобществленной части хозяйства, включался тем не менее во всю

хозяйственную систему в целом. Он продает мыло не только крестьянам, но и государственным учреждениям, он покупает сырье не только у крестьян, но и в государственном оптовом магазине, транспортирует свои грузы по государственным железным дорогам, кредитруется в Государственном банке или в кредитном учреждении, которое связано с Государственным банком. Так осуществлялся хозяйственный переплет между различными и по своим тенденциям враждебными друг другу системами хозяйства.

Вас должен интересовать вопрос, как социалистическая форма хозяйства в этом винегрете разных хозяйственных форм сделала господствующей и сначала подчинила, а затем растворила в себе все остальные. Это господство было приобретено долгой и упорной борьбой, и в первое время победа отнюдь не заключалась в распространении социалистической формы хозяйства, как таковой.

Был период, когда крупное производство, только что вышедшее из стадии военного коммунизма, довольно беспомощно барахталось в условиях денежного товарообмена. Его забивало одно время мелкое кустарное производство, как иногда мелкие шавки в состоянии довести до изнеможения сильного медведя. Его обкрадывали, над ним издевались; часть бывших капиталистов, сидевшая в органах управления промышленности, делала все возможное, чтобы принести вред государственной крупной промышленности и нажиться на неумении рабочих руководить всеми сторонами хозяйства, и особенно на неумении торговать. Рабочие крупного производства одно время зарабатывали меньше, чем рабочие в ремесле, не говоря уже о самостоятельных ремесленниках и кустарях. В это время даже среди некоторой части коммунистов, правда, ничтожной численно и исключительно интеллигентской, раздавались панические и дезертирские возгласы: не отдать ли побольше, если не все, в аренду капиталистам, все равно сами не справимся. Но об этом не писали, а больше думали про себя, как показывают мемуары из этой эпохи. Однако этот критический период был пережит. Крупное производство становилось на ноги, и постепенно перед ним стала почтительно расступаться мелкота, жившая до этого хищнической растратой рабочей силы, воровством у крупного производства, при своем почти монопольном положении на вольном рынке.

В первые годы новой экономической политики хозяйство страны стихийно стремилось занять довоенные позиции. Пропорции довоенного хозяйства – вот была та модель, под которую строилась вся хозяйственная жизнь. Разумеется, с теми изменениями, что вся верхушка производства, т.е. крупная промышленность и транспорт, вся кредитная система и часть оптовой торговли находились теперь в руках нового класса и способ регулирования хозяйства был исторически более высоким, чем при капитализме.

Я уже говорил вам, какие позиции занимали в экономике страны отдельные виды хозяйства, вот с этих-то исходных позиций и началось поступательное движение вперед. В первые годы изменения в хозяйстве были скорее количественного свойства (лишь в дальнейшем количество переходит в качество). Обрисованные мною формы хозяйства, установившиеся в период военного коммунизма, наполнялись содержанием. Самые формы эти начали меняться лишь во втором периоде развертывания хозяйства, когда они оказались слишком узкими для дальнейшего движения вперед.

Уже в первый хозяйственный год выяснилась зависимость развития промышленности от успеха земледелия. Были месяцы, когда, несмотря на страшный товарный голод и истощение всех товарных запасов в стране, в особенности же в деревне, крупная промышленность вследствие неурожая не могла быстро сбывать свою продукцию, что объяснялось *не только* неналаженностью торгового аппарата. Дальнейшее развитие промышленности было возможно лишь при условии расширения ее сельскохозяйственной базы. Опыт показал, что, когда все сельское хозяйство страны производило 2 млрд пудов зерна, промышленность могла лишь дышать на ладан. Правда, важнейшие отрасли промышленности и транспорт получали большинство продуктов питания не столько путем покупки

у крестьян, сколько из источников продналога. Но размер сбора по продналогу также зависел прежде всего от размеров продукции всего сельского хозяйства в целом.

Благоприятный урожай 1922 г. открывает собой период поступательного движения вперед всего хозяйства. В сущности, элементы этого движения вперед наметились уже в 1921 г., но голод сорвал этот процесс и не позволил промышленности быстро и без перебоев разворачиваться уже с осени 1921 г. В 1922 г. в сельском хозяйстве было собрано на 800 млн пудов зерна больше, чем в предыдущем году. Это означало возможность для промышленности разворачиваться значительно шире размеров 1921 г., поскольку это разворачивание не зависело от других условий, как наличие сырья, топлива и т.д.

Крестьянское хозяйство начало довольно быстро восстанавливаться. Сократившаяся почти на 30% в сравнении с довоенными посевная площадь начала из года в год увеличиваться. Перед этим в северных губерниях были обращены под пашню земли, никогда не бывшие в обработке. Удача первых элементарных улучшений в деле обработки земли, за которые вел агитацию Народный комиссариат земледелия, подняла веру крестьянства в агрономическую науку, пробудила огромный интерес к дальнейшим улучшениям. Кроме того, отдельными струйками и ручейками начали пробиваться ростки новой сельскохозяйственной культуры в отдельных хозяйствах и в отдельных районах: этому способствовал переход крестьянских общин на поселки и на хутора. Улучшалось также хозяйство в тех коммунах и артелях, которые не разложились под влиянием нэпа. После удачи первых крупных кампаний за ранний взмет пара, вспашку под зябь, рядовой посев, засев засухоустойчивых культур на Юге и Юге-Востоке началась борьба за переход в массовом масштабе от трехполья к многопольной системе, получала все большее распространение культура корнеплодов, способствовавшая поднятию скотоводства, увеличению удойности молочного скота и увеличению размеров навозного удобрения, кое-где в отдельных хозяйствах пускала корни грядковая культура и ленточный засев. Тысячами путей проникали в деревню новые сведения об улучшениях обработки земли. Сельскохозяйственные кампании Наркомзема, статьи в газетах и сельскохозяйственных журналах, сельскохозяйственные брошюры, удачные опыты совхозов, агрономические лекции, сельскохозяйственные выставки, которые стали ежегодно устраиваться по районам и во всероссийском масштабе, почин красноармейцев, прослушавших курс агрономических лекций в казарме, почин бывших военнопленных, которые видели и усвоили более высокую сельскохозяйственную культуру в Германии и Австрии, – из всех этих источников просачивались в деревню нужные ей новые знания. Эти знания падали на плодородную почву, вспаханную великой рабоче-крестьянской революцией. Мировая война, революция и война Гражданская бросали миллионы людей в разные стороны, расширяли их горизонт и в корне изменили застойную, консервативную психологию русского крестьянина. Деревня проснулась не только к политической жизни, но и для новой сельскохозяйственной культуры. Если на протяжении столетия перед этим способ обработки земли подавляющего большинства крестьян почти не изменился, то теперь в одно десятилетие произошла полная революция. Крестьянство было охвачено жадной расширением посевной площади и увеличения урожайности, причем голод в Поволжье имел некоторое положительное значение в том отношении, что сильно увеличил в массах крестьянства интерес ко всем мерам, которые делают засуху менее опасной для крестьянского хозяйства.

Сильнейшим стимулом к расширению посевной площади и к поднятию урожайности явилось быстрое развитие городского товарного рынка и внешней торговли. В период военного коммунизма крестьянин не только не имел права продавать хлеб, потому что все излишки должны были сдаваться государству, но в большинстве случаев и не имел особенного интереса к такой продаже, потому что городской рынок не мог обеспечить крестьянину выбора нужных ему товаров. Рядом с недоеданием от неурожая вслед-

ствии распада хозяйства в деревне наблюдалось и обратное явление: стремление крестьянства потребить все, что производилось, потому что продавать хлеб и покупать нужные товары было почти невозможно или невыгодно. Теперь же каждый лишний пуд хлеба, проданный за деньги, давал возможность добавочных закупок на рынке всего, что только нужно было крестьянину. Вместе с тем с каждым годом росли обороты внешней торговли. Крестьянство в состоянии теперь было покупать также и заграничные изделия, прежде всего сельскохозяйственные машины. В то же время рос спрос и росли цены на сельскохозяйственное сырье и технические растения, особенно на лен, пеньку, шерсть, кожу и т.д. Этот спрос шел не только со стороны развивавшейся собственной промышленности, но также и со стороны промышленности иностранной. А это, в свою очередь, оказало огромное влияние на восстановление тех культур, которые начали приходить в упадок, т.е. прежде всего культур технических растений. Эти культуры на Севере и Северо-Западе вытеснялись в период Гражданской войны культурами зерновыми, потому что льна и пеньки нельзя было продать хотя бы по ценам их производства и в то же время трудно достать было хлеб. Вместо покупки хлеба и продажи технических растений крестьянство Севера и Северо-Запада переходило к культуре зерновых хлебов вместо технических растений. Это могло продолжаться до тех пор, пока промышленность была в состоянии развала, а для работавшей ее части хватало старых запасов, пока внешней торговли не было вследствие блокады. Наоборот, теперь началось восстановление в довоенных пропорциях переработки технических растений и торговля ими с границей, цены на эти продукты росли, и крестьянское хозяйство указанных районов вновь стало возвращаться к культуре технических растений. А так как в голодные годы в этих районах пахотная площадь вообще была расширена по сравнению с довоенным временем, то это открывало возможность для этих районов, при условии достаточного снабжения хлебом, не только достигнуть уровня довоенной продукции технических растений, но и превзойти его. Такое перераспределение культур в сельском хозяйстве в сравнении с периодом военного коммунизма привело к тому, что северные и северо-западные губернии производили экономически более выгодные технические культуры, в то время как Черноземный центр, Юг и Юго-Восток специализировались на чисто зерновых культурах. Точно так же восстановилась культура хлопка в Туркестане, которая в голодные годы была вытеснена зерновыми хлебами. В общем, земледелие России благодаря неуклонному расширению посевной площади и улучшению обработки стало увеличивать из года в год свою продукцию приблизительно на 10%. Такое успешное восстановление сельского хозяйства обеспечило возможность развертывания промышленности на этом твердом базисе, а с другой стороны, дало возможность в широких размерах приступить к экспорту зерна за границу.

Наибольшим препятствием к развитию сельского хозяйства в районах зерновых культур служил недостаток скота и повторные неурожаи в некоторых районах. Особенно большие опустошения в составе рабочего скота произвел голод в Поволжье и на Юге Украины. Все это потребовало чрезвычайных усилий со стороны советской власти в деле массовой закупки и распределения рабочего скота. Лошади покупались не только в районах кочевого скотоводства, которое также сократилось от бескормицы, но также и во всех других районах республики. Недосток скота имел также два совершенно различных с экономической точки зрения результата. С одной стороны, он вызвал огромный интерес у крестьянства к мотокультуре, которая с огромным успехом стала применяться на площадях Юга и Юго-Востока. Здесь возникли первые крупные сельскохозяйственные концессионные предприятия, главным образом германского капитала, и колониальные переселения безработных европейских рабочих. С другой стороны, увеличилась закупка советским правительством тракторов для безлошадных крестьянских хозяйств. Было создано большое количество тракторных отрядов, которые пахали

крестьянскую землю на основе определенных договоров с правительством. Недостаток мотористов был устранен, с одной стороны, благодаря притоку квалифицированных иностранных рабочих, которые эмигрировали в Россию отчасти под влиянием безработицы, отчасти по идейно-классовым мотивам; с другой стороны, путем развития профессионально-технического образования внутри России. Сначала эсеровские и народнические круги из агрономов и экономистов относились иронически и недоверчиво к возможности развития мотокультуры в России, тем более что такие успехи хоронили все их реакционные мелкобуржуазные надежды на жизнеспособность индивидуального мелкого хозяйства. Но годы усиленного распространения мотокультуры показали полную возможность применения ее, особенно на Юго-Востоке России, каковой район не только годен для мотокультуры по условиям местности, но, кроме того, лежит на пути транспорта нефти из Баку вверх по Волге.

Отсутствие скота вызвало другую, противоположную, тенденцию в крестьянском хозяйстве, радовавшую сердца всех мелкобуржуазных утопистов. Там, где не было ни достаточного количества рабочего скота, ни тракторов, крестьянское хозяйство получило временно уклон к китайскому типу земледелия, или типу подгородного огородничества. В этих местах стала практиковаться грядковая культура пшеницы. Плуг часто заменялся за отсутствием конной тяги железной лопатой и мотыгой. Такая культура на прекрасном черноземе давала великолепные результаты с точки зрения урожайности с каждой отдельной десятины, но, с другой стороны, привела к сокращению посевной площади и к превращению в пустыри оставлявшейся без обработки части земли. Но эта система хозяйства не могла долго удержаться. Как только хозяйство обзаводилось лошадью, оно бросало эту систему, сохранив лишь некоторые положительные стороны этой интенсивной культуры для небольшой части посевной площади.

Таким образом, мы видим, что описанный нами первый период развития сельского хозяйства заключался прежде всего в возвращении крестьянского земледелия на довоенные позиции и в ряде элементарных улучшений, не практиковавшихся в деревне до войны. Исключение представляли лишь районы, где развилась мотокультура и где крестьянству удалось перейти к многопольной системе хозяйства. В общем же и целом техническая база мелкого крестьянского хозяйства осталась прежней.

Но все это движение вперед потребовало величайших усилий от самого крестьянства и советского правительства. Наиболее серьезная помощь была оказана советским правительством крестьянскому хозяйству семенными ссудами, особенно в неурожайных районах, и долгосрочным сельскохозяйственным кредитом. Этот кредит сыграл огромную роль как для поднятия крестьянского хозяйства, особенно маломощных его слоев, так и для установления теснейшей экономической связи крестьянского хозяйства с крупной промышленностью и банковской системой Советского государства. Кредит сначала был невелик, но увеличивался с каждым годом, особенно когда к этому делу был привлечен иностранный капитал. Долгосрочный кредит осуществляло сначала при Госбанке особое отделение долгосрочного кредита. В дальнейшем это отделение превратилось в особый сельскохозяйственный банк на паях, в котором главную роль после Госбанка играл Наркомзем. Его пайщиками были также те тресты, продукция которых передавалась на основе долгосрочного кредита крестьянству, прежде всего трест заводов сельскохозяйственных орудий и заводов искусственных удобрений. Сельскохозяйственный банк выдавал денежные суммы, а также и товары в натуральной форме, например сельскохозяйственные машины, искусственное удобрение. Когда валюта государства была еще неустойчива, для банка было абсолютно необходимо, чтобы не терять огромные суммы на падение курса рубля, получать погашение ссуды не обесценивающимися бумажками, а в виде реальных продуктов сельского хозяйства, равноценных по стоимости выданным ссудам с процентами. Но эта форма расплаты имела смысл

не только вследствие падения валюты, но она имела под собой и важное экономическое основание вообще. Система натуральных ссуд и натуральных уплат по ссудам приводила к уничтожению частных торговых посредников между крестьянством и крупной государственной промышленностью. От этой системы выигрывали обе стороны, поскольку возможная прибыль частного посредника оставалась в кармане, с одной стороны, государства, с другой – крестьянства. Такая связь крестьянства с государственной промышленностью и государственным банком сохранилась и после того, как бумажная валюта стала устойчивой. В результате, государство помимо продналога стало получать без всяких посредников все растущее количество сельскохозяйственных продуктов, причем получение этих продуктов было обеспечено ему во всяком случае, даже при не особенно хороших урожаях. Это был более или менее твердый фонд, на который вместе с продналогом могла уверенно рассчитывать развивающаяся промышленность. Получаемые банком сельскохозяйственные продукты поступали, разумеется, не только в уплату за продукцию тех заводов, которые работали на крестьянство, но распределялись также между всеми промышленными предприятиями, которые имели дело с банком непосредственно, либо через торгово-промышленный банк. Получаемое от крестьянства по ссудам сырье отчасти распределялось между государственными предприятиями, отчасти шло в фонд внешней торговли. Из этого источника Государственный банк получал иностранную валюту, дававшую ему возможность платить по своим обязательствам за границей. Дело в том, что государственный банк, кредитуя крестьянское хозяйство, сам пользовался кредитом у крупнейших заграничных капиталистических фирм, особенно таких, которые сбывали в Россию товары, нужные крестьянину. Иностранный капитал, стремившийся сначала завязать непосредственные связи с деревней, вынужден был в конце концов пойти на такую форму экономических связей с крестьянством России, которая осуществлялась *через органы Советского государства*, в данном случае – через банк долгосрочного кредита. Средства Государственного банка вместе со средствами промышленности плюс иностранный кредит и специальные займы составили фонд для долгосрочного кредитования русской деревни. Скрепка крестьянского хозяйства с промышленностью через банковскую систему, или смычка, как ее назвал в свое время Ленин, нарастала сначала медленно и первое время была незначительна по сравнению с размерами обыкновенной торговли города с деревней через кооперацию и частный торговый аппарат. Но через несколько лет эта скрепа стала приобретать все растущее значение и оказалась более прогрессивной формой распределения, чем все другие формы обмена товарно-социалистической системы хозяйства.

В этом пункте, т.е. со стороны торговли в кредит и со стороны кредита вообще (в том числе и мелиоративного кредита), наметился наиболее благоприятный пункт для воздействия на крестьянское производство вообще. Воздействие социалистического государства на крестьянское хозяйство, потерпевшее неудачу в форме разверстки эпохи военного коммунизма, оказалось более жизненным в этой новой форме, которая оказалась для крестьянства вполне понятной и приемлемой. *Получатель уплаты по ссудам делался постепенно контролером качества получаемого продукта и заказчиком, к запросам и требованиям которого должно было приспособляться крестьянское хозяйство.*

Вы спросите, через какие же посредствующие звенья сносился банк долгосрочного кредита с крестьянским хозяйством?

Роль таких низших звеньев играли, с одной стороны, кредитные товарищества, с другой – специальные организации кредитующих, созданные Государственным банком и его местными отделениями, организации, которые способствовали распределению кредитов и следили за уплатой по ссудам. Сначала мелкобуржуазные и реакционные народнические элементы пытались организовать кредитную кооперацию, как нечто целое, централизовать ее и противопоставить государственным органам.

Но очень скоро на практике работы обнаружилось, что верхушка этой организации, а также верхушка сельскохозяйственной кооперации являются совершенно бесполезным балластом между государством как производителем и крестьянством как покупателем сельскохозяйственных машин, удобрений и другой продукции промышленности. Тем более что эти верхушки занимались политиканством и способствовали не объединению, а разъединению между деревней и городом. Существование этих верхушек вступило в противоречие с основным принципом самой кооперации, требующим избегать всяких излишних посредников между производителями и потребителями. В данном случае, кроме того, сама кредитная кооперация имела совершенно ничтожные собственные средства и без кредита государства-производителя и иностранного капитала, в особенности в период неустойчивости валюты, вообще не могла бы существовать. Кредитные товарищества вместе с крестьянскими обществами кредитусеких и с другими видами кооперации составили тот организационный посреднический механизм, который пригонял крестьянское хозяйство к крупному социалистическому производству. Благодаря этому аппарату, а также разветвленной системе банковской инспекции риск сельскохозяйственного банка в его кредитных операциях с деревней сводился до минимума.

Чтобы закончить характеристику сельского хозяйства за тот период, мне необходимо сказать еще несколько слов о социальных группировках в деревне, которые наметились в это время. С переходом к новой экономической политике классовые противоречия в деревне, естественно, стали обостряться. Та часть кулачества, которая не была окончательно разорена политикой комитетов бедноты в 1918 г., начала возрождаться. Кроме того, из среды среднего крестьянства выделился слой более зажиточных элементов. Сюда входила хозяйственно наиболее крепкая часть среднего крестьянства, которая имела в достаточном количестве скот и инвентарь и в первую очередь воспользовалась всеми выгодами новой экономической политики. При открывшейся возможности торговать продуктами сельскохозяйственного производства кулачество и эта часть среднего крестьянства в первую голову бросились на расширение посевной площади и образовали первые кадры торгового земледелия, которое почти исчезло после Октябрьской рево[люции] [...] [по]литикой комитетов бедноты в 1918 г., начала возрождаться. [...] * больших хлебных цен именно эти слои наиболее успешно использовали благоприятную конъюнктуру на хлебном рынке. В то время как все крестьянство было охвачено жаждой расширения посевной площади, только эта часть деревни имела для такого расширения максимальные *материальные возможности*. Среди этого слоя в первую голову наметилась тяга на хутора, желание получить землю в собственность, а также проявилось сильнейшее стремление к улучшению обработки земли. В другом положении находилась маломощная или совсем обнищавшая часть крестьян, в большинстве случаев не имевшая лошадей. Желая сохранить во что бы то ни стало свое хозяйство, маломощная часть крестьянства должна была нанимать лошадей, брать семена в ссуду и т.д. у первой группы и вследствие этого попадала в тяжелую экономическую зависимость от зажиточных элементов деревни. Та же часть беднейшего крестьянства, которая не могла обработать своих наделов, сдавала землю в аренду тем крестьянам, которым было тесно на своих наделах. Эти слои крестьянства превращались отчасти или полностью в рабочих по найму у кулачества либо шли в город на различные государственные работы, вроде лесозаготовок, сплава дров, ремонта железнодорожного пути и т.д. При поддержке сельскохозяйственного банка значительная часть маломощного крестьянства стала на ноги, превратившись в крестьян-средняков. Наоборот, другая часть скатилась в ряды бедноты и хозяйственно начала подниматься только в следующем периоде, когда началось массовое развитие полной производительной сельскохозяйственной кооперации. Главную же

* Здесь и ниже – пропуск текста. Типографский брак.

массу в деревне составляли середняцкие хозяйства. Хозяйство этого основного слоя деревни чрезвычайно сильно расшаталось в период Гражданской войны и повторных неурожаев, но теперь в урожайные годы этот слой начал становиться на ноги. Среднее крестьянство извлекло также некоторые выгоды от высоких цен на хлеб, хотя продавало оно очень мало вследствие ничтожности его излишков. Этот слой проявил большой интерес к кооперации, но в деле улучшения способа обработки земли в массе своей оказалось более консервативным и менее подвижным, чем первая, зажиточная, группа.

Это расслоение деревни и отчетливое выделение хозяйственно крепких и зажиточных элементов, а также развитие наемного труда в деревне не могли, однако, принять таких размеров и таких форм, которые привели бы в дальнейшем к организации если не крупных, то, по крайней мере, средних капиталистических хозяйств (мы не говорим, разумеется, о крупных капиталистических сельскохозяйственных предприятиях иностранных концессионеров). Причина этого заключалась в следующем: с одной стороны, политическое господство пролетариата в городе, который поддерживал неимущие слои деревни против имущих и ослаблял эксплуатацию, которой они подвергались со стороны имущих слоев. Государственные органы законодательным путем ограничивали эксплуатацию беднейших слоев деревни, отменяли кабальные договоры и тем задерживали процесс капиталистического накопления. Затем, государство осуществляло прогрессивно подоходное обложение не только в городе, но и в деревне, и тем самым использовало капиталистическое накопление на одном из полюсов деревни, для так называемого первоначального социалистического накопления. Наконец, третьей причиной явилась медленность всего этого процесса вообще, который и в благоприятных для сельскохозяйственного капитализма условиях растягивался обыкновенно на многие десятки лет. В данном же случае история не оставила большого срока для такого процесса, ибо во второй части рассматриваемого нами периода началось органическое влияние крупного производства города и электрификации на мелкое крестьянское хозяйство, в результате чего начался процесс перерождения всей технической основы крестьянского хозяйства вообще. При этих условиях процесс капитализации был загнан в тупик в результате массового кооперирования сельскохозяйственного производства. Однако мы уже немного забегаем вперед, и поэтому вернемся к рассматриваемому периоду и посмотрим еще, что сделалось с советскими хозяйствами и коллективами.

Советские хозяйства, переведенные на так называемый хозяйственный расчет, после нескольких лет развития в нормальных условиях очень скоро стали на ноги и начали играть крупнейшую роль прежде всего в деле помощи и улучшения всего крестьянского хозяйства вообще. Почти все они производили улучшенные семена и, производя обмен своего зерна на крестьянское зерно, в сильнейшей степени способствовали поднятию урожайности крестьянских хозяйств. Они обзавелись питомниками улучшенных пород скота и благодаря широкой сети случайных пунктов сильно способствовали поднятию крестьянского животноводства. С другой стороны, период высоких хлебных цен внутри страны и на мировом хлебном рынке делал весьма выгодным приложение государственного капитала к развитию крупных зерновых хозяйств. Большие успехи сделало также пролетарское земледелие, причем многие совхозы, которые Наркомзем считал бездоходными, стали приносить доход после того, как они были переданы в эксплуатацию фабрикам и заводам. Правда, стихийное стремление заводов обзаводиться во что бы то ни стало собственными земельными хозяйствами ослабело с того момента, когда общий хлебный голод в стране был ликвидирован и когда цены на продукты крупной промышленности по сравнению с хлебными ценами достигли почти довоенных отношений. Рабочие совхозы в дальнейшем получали уже не столько экономическое, сколько гигиеническое значение, превращаясь в пункты связи промышленности с земледелием и очаги летнего отдыха для городских рабочих и их детей.

Большое значение приобрели новые совхозы на окраинах, где государство пустило под обработку большую площадь пустовавшей до того земли и где было создано также несколько крупнейших животноводческих хозяйств, которые служили источником увеличения конского состава для крестьянского хозяйства и в больших размерах производили сырье для внешней торговли. Это строительство крупных хозяйств особенно усилилось, когда обнаружились успехи первых крупных концессионных хозяйств иностранного капитала на Юге и Юго-Востоке России, которые после отчисления, согласно договорам, от 10 до 15% своей продукции государству все же оставляли их владельцам очень большой доход.

Из 15 тыс. коммун и артелей, которые насчитывались вначале рассматриваемого периода, часть разложилась, причем некоторые из бывших коммунаров превратились в очень исправных и прогрессивных хозяев зажиточного типа. Другая часть коллектива сохранилась до того момента, когда в связи с влиянием крупной промышленности и электрификации началась массовая тяга к кооперированию во всем крестьянском хозяйстве.

Таким образом, на протяжении первой половины рассматриваемого периода крестьянское хозяйство России не только достигло довоенного уровня продукции, но и перевалило через него.

Однако в течение первого десятилетия крупная пролетарская промышленность подчинила себе крестьянское хозяйство главным образом через обмен (торговля, долгосрочный кредит) и лишь в небольшой степени на производственной почве, через совхозы. Более существенные перемены начались лишь во втором десятилетии; как это произошло, мы скажем ниже, после того как рассмотрим то, что делалось в области государственной промышленности.

Лекция седьмая

Промышленность Советской России за десятилетия нэпа

В настоящей лекции мы рассмотрим с вами, как развивалась промышленность в Советской республике в течение первого десятилетия так называемой новой экономической политики.

После перехода от военного коммунизма к нэпу именинниками оказались прежде всего те государственные предприятия, которые могли чем-либо торговать на вольном рынке. Наоборот, тяжелая индустрия Советского государства продолжала еще оставаться в очень тяжелом положении, поскольку она продавала на вольный рынок лишь небольшую часть своей выработки, большую же часть продукции отдавала или, если хотите, продавала государству и государственным предприятиям, которые были весьма неаккуратными плательщиками. В особенности же в тяжелом положении оказался транспорт, доходы которого были значительно меньше расходов. Дефицит транспорта при дефиците во всем государственном бюджете не покрывался полностью, и восстановление основного капитала транспорта подвигалось крайне медленно. Однако и начавшие торговать области промышленности, при ничтожной покупательной способности населения, одно время вновь начали проситься на лоно государственного снабжения, т.е. попросту просили уделить им часть ресурсов, которые получало государство путем продналога, денежных налогов и выпуска бумажных денег. К этому же периоду относятся вопли хозяйственников о так называемом кризисе сбыта. Урожай 1922 г. изменяет картину. В связи с урожаем увеличился спрос в деревне на продукты промышленности, и торгующая, т.е. фактически бульшая часть государственной промышленности увеличивает свои ресурсы из источников вольного рынка. Кризиса сбыта

как не бывало. Наоборот, начались крики о товарном голоде, о том, что деревня берет все нарасхват, что промышленности не хватает сырья.

С другой стороны, продналог собирался более успешно, и государство, имея на содержании сокращенную армию и уменьшенный бюрократический аппарат, в состоянии было полностью удовлетворить потребности промышленности в продуктах сельского хозяйства, сталкиваясь иногда здесь тоже со своего рода «кризисом сбыта». В этот период национализация крупной промышленности и транспорта сыграла колоссальную роль для развития всего хозяйства страны вообще, поскольку правительство из государственных средств поддерживало такие общественно необходимые отрасли, как транспорт, топливная промышленность и металлургия, которые, будучи предоставлены судьбе рынка, не только развалились бы окончательно, но и потащили за собой в пропасть всю остальную промышленность. Огромное значение имела также поддержка электрической промышленности и постройка новых электростанций. Государственная промышленность этого периода получала необходимые ей сырьевые, топливные и продовольственные ресурсы из двух источников: путем закупок на вольном рынке и путем закупок у государственных предприятий и самого государства, поскольку государство располагало большими ресурсами от продналога. Продукция промышленности также распределялась на две части: на ту часть, которая продавалась на вольном рынке, и ту, которая продавалась государству и государственным предприятиям. Эти отношения купли и продажи внутри предприятий государственного круга хотя и носили внешне капиталистическую оболочку, но, по существу, были лишь особой формой распределения ценностей внутри социалистического круга. Для понимания этого периода, как и дальнейшей эволюции социалистической промышленности, прежде всего необходимо различать две стороны: *связь крупной промышленности через рынок с необобщественной частью хозяйства и связь на основе купли и продажи государственных предприятий друг с другом*. Государственные предприятия, сообразно этому, делились на две группы: те, которые *большую часть* необходимых им элементов производства получали путем обмена веществ с не национализированной частью хозяйства на основе частного рынка, и те предприятия, которые большую часть своей продукции оставляли *внутри социалистического круга*, безразлично, государству ли бесплатно или государственным предприятиям за плату. Крайними примерами обоих типов были: мануфактурная фабрика, которая всю или почти всю продукцию продавала на вольном рынке и там же покупала все сырье, а ее рабочие – все продовольствие; крайним примером другого типа был, например, какой-либо завод военного снаряжения или паровозостроительный завод, который почти всю продукцию оставлял *внутри государственного круга* и лишь на очень небольшие суммы что-либо продавал или закупал на вольном рынке. Чтобы определить степень связи с вольным рынком всей социалистической промышленности в целом, надо было бы суммировать все купли и продажи государственных предприятий, совершенные с необобщественной частью хозяйства, и сравнить их с суммой взаимных сделок государственных предприятий друг с другом и с государством. Такой анализ обнаружил бы огромное различие в положении предприятий первого и второго типа и двойственность в положении тех предприятий, которые приблизительно одинаково были связаны как с государством, так и с частным хозяйственным кругом. Предприятия, которые существовали *главным образом* обменом веществ с частными хозяйствами, конечно, находились в полной зависимости от своих рынков сбыта и рынков сырья, т.е. от состояния крестьянского хозяйства, т.е. от урожая. Вторая же группа зависела прежде всего от размеров продналога и от свободных средств государства, которые могли быть даны для поддержания тяжелой промышленности и транспорта, рынком для которых являлось само государство или государственные предприятия, работающие на рынок. Государство являлось здесь *главным источником* покрытия дефицитов, как обстояло дело с транспортом; либо оно являлось

единственным рынком сбыта, как это имело место с военной промышленностью; либо оно являлось собирателем капитала для нового строительства, как обстояло дело с постройкой новых электрических станций. Правда, и размеры продналога также зависели в последнем счете от урожая, но не так непосредственно, как в первом случае, поскольку продналог собирался также и в неурожайные годы, когда у крестьян для закупок продуктов работавшей на рынок промышленности оставалось очень мало ресурсов.

Во всяком случае в 1920-х гг. положение промышленности было таково, что груз тяжелой индустрии и транспорта был не по плечу той части промышленности, которая работала на рынок. Этот груз рухнул бы и задавил и легкую индустрию своей тяжестью, если бы государство не пришло на помощь тяжелой промышленности теми ресурсами, которые оно получало путем налогов, натуральных и денежных, с неопибличенной части хозяйства, т.е. прежде всего с мелкого производства. В этот период промышленность вырабатывала лишь около $\frac{1}{5}$ части своей довоенной продукции, тогда как доходность крестьянского хозяйства, ремесла и кустарной промышленности сократилась лишь в два раза в сравнении с довоенным уровнем. Политическая власть в руках пролетариата была, таким образом, могущественным фактором для перераспределения всего национального дохода, была фактором поддержки крупного производства из ресурсов менее разрушенного мелкого хозяйства. В этот период закончились постройки также крупнейших электростанций вроде Каширской, Кизеловской, Уткинской, Волховской гидростанций и ряда более мелких. Разумеется, такое восстановление основного капитала тяжелой индустрии без поддержки государства было бы абсолютно невозможным. Так, при помощи государства тяжелая промышленность продержалась до лучших времен. Одновременно с этим легкая промышленность, работавшая на крестьянский рынок, благодаря урожаю и поднятию покупательной способности крестьянства сама стала более платежеспособной. Она имела теперь возможность уплачивать полностью за перевозки транспорту, за топливо угольным трестам, за машины и оборудование механическим заводам, за электрическую энергию электростанций и с этого конца оказала поддержку тяжелой индустрии.

Но промышленность в первые годы развивалась все же медленней, чем это можно было бы ожидать при наличии того огромного толчка вперед, который ей давали успехи земледелия. В самом деле, если благодаря успешному сбору продналога, с одной стороны, и усилившемуся товарообороту с деревней — с другой, промышленность в состоянии была переработать сырья на 200–300 млн золотых рублей больше, чем в предыдущие годы, то это означало возможность расширения промышленности не на эту, а на гораздо большую сумму, поскольку эта цифра в процессе переработки и прибавления ценностей удваивается и утраивается (пример: сырая кожа покупается, допустим, за 10 золотых рублей, а выделанные из нее кожаные вещи стоят, скажем, 50 руб. и т.д.). Однако развертывание промышленности задерживалось вследствие того, что после создания оборотного капитала ей пришлось восстанавливать свой основной капитал и значительно повышать из года в год заработную плату. Что же касается увеличения числа работающих предприятий, то здесь расширение было еще более медленным, так как промышленность этого периода вследствие неполной нагрузки отдельных предприятий давала очень дорогой продукт, несмотря на низкую заработную плату. Задача хозяйственных органов заключалась не столько в том, чтобы пустить в ход как можно больше предприятий, сколько в том, чтобы заставить работать полным ходом уже работающие. Эта концентрация производства привела к удешевлению цен на промышленные продукты и весьма усилила обмен веществ между городом и деревней. Быстрое расширение количества работающих предприятий началось только тогда, когда относительно начали падать хлебные цены.

Посмотрим теперь, как развертывались за это десятилетие отдельные отрасли промышленности с точки зрения количественных размеров выработки.

Наиболее быстро стали восстанавливаться, разумеется, отрасли, работавшие главным образом на крестьянский рынок и не требовавшие особенно больших затрат на восстановление основного капитала. Довольно быстро восстанавливалась текстильная промышленность и часть железодельной, работавших для деревни. Но мануфактурная промышленность очень скоро столкнулась с другим препятствием – с недостатком хлопка. Хлопководство в Туркестане восстанавливалось гораздо медленнее, чем мануфактурная промышленность. Государству пришлось закупать огромными партиями хлопок за границей. На эти закупки отдана была значительная часть золотых резервов Республики. В дальнейшем же судьба текстильной промышленности оказалась в полной зависимости от успеха нашей внешней торговли. Затруднение увеличивалось, оттого что наша нефтяная промышленность несколько лет оставляла очень небольшие излишки для вывоза за границу и главными экспортными товарами были лес, пушнина, платина и во все растущем количестве хлеб. Что касается льна, пеньки и животноводческого сырья, то внешняя торговля этими товарами начала развиваться лишь после того, как крестьянская продукция этого сырья стала превышать потребности собственной промышленности.

Что касается топливной промышленности, то Донецкий бассейн за пять лет достиг довоенных размеров продукции, Уральский, Сибирский [районы] и подмосковные копи значительно превысили ее. Добыча торфа была выше довоенной уже в начале этого периода, и в связи с рядом изобретений в области добычи и сжигания торфа эта отрасль промышленности быстро шла в гору. Нефтяной кризис 1923 и 1924 гг. был ликвидирован как благодаря увеличению продукции собственными средствами, так и при помощи иностранных концессионеров. Значительно усилилась добыча нефти в Эмбенском районе. Металлургическая промышленность восстанавливалась одновременно с успехами каменноугольной промышленности. Metallургия Юга достигла уровня довоенной продукции раньше Урала, который вследствие хищнических истреблений лесов в предыдущий период оказался в тупике, и только благодаря соединению его железнодорожной магистралью с Кузнецким районом начал развиваться на основе кузнецкого кокса. В первое же десятилетие началась разработка вновь открытых медных залежей в Богословском районе и железной руды в районе Курской [магнитной] аномалии.

Механическая промышленность развивалась в двух направлениях: в области сельскохозяйственного машиностроения и в области производства орудий производства для индустрии и транспорта. Так как главным недостатком заводов сельскохозяйственных орудий было то, что они вырабатывали машины самых различных систем, то основная задача здесь заключалась в унификации производства. Достигнуть этого было тем более трудно, что специальных заводов по выработке сельскохозяйственных машин в России было немного, и сельскохозяйственным машиностроением большинство механических заводов занималось, как побочным делом. Постройка же новых заводов требовала больших специальных средств, которыми государство не располагало. В это же время начало налаживаться производство тракторов. Другая часть механической промышленности, которая работала на самую промышленность и транспорт, развивалась первое время главным образом за счет ресурсов государства, от которого получало постоянные субсидии. Главными центрами ее кроме Юга были Петроград и Урал, поскольку для Петрограда топливная проблема была разрешена постройкой Волховской гидроэлектростанции. Транспортная промышленность уже в первые десятилетия достигла довоенного уровня. Точно так же, при поддержке английского капитала, было восстановлено судостроение для внутренних водных путей. Что касается морского транспорта, то вследствие дешевизны фрахтов английского флота и возможности покупки нужных судов за границей создание собственного торгового флота для Советской России оказалось нецелесообразным. Большие успехи в России сделала аэропланная промышленность, которая развивалась при содействии

германского капитала. В области химической промышленности следует отметить за этот период быстрый рост производства искусственных удобрений. Больших размеров достигла разработка фосфористых залежей Вятской, Костромской, Тульской, Орловской и Черниговской губерний. Эти разработки, начатые сначала полукустарным способом, превратились постепенно в одну из важнейших отраслей нашей промышленности вообще, которая работала не только для внутреннего потребления, но и для экспорта. Следует отметить также постройку в Сибири маслобойных заводов для переработки в массовом масштабе кедрового ореха.

Положение транспорта в начале этого периода было самым трагическим. Транспорт — это та отрасль, которая может поддерживаться и развиваться лишь при достаточном полнокровии всего хозяйственного организма и при оживленном обмене веществ внутри него. Он существует и развивается за счет жировых отложений капитала в остальном хозяйстве. Между тем в начале рассматриваемого периода вообще вся промышленность еле держалась на ногах. Тем хуже приходилось транспорту. Начавший разрушаться уже со второго года мировой войны, он жил в годы революции растрацией своего основного капитала и страшной эксплуатацией рабочей силы. Кроме того, он был по количеству верст пути непропорционально велик для того уровня всего хозяйства, которое давало по промышленности $\frac{1}{5}$, а по земледелию половину довоенного национального дохода. Улучшение с продналогом и с финансовыми ресурсами государства, а также увеличение доходов легкой промышленности, работавшей на рынок, развитие торговли вообще и платного грузового движения увеличили ресурсы транспорта. Некоторую поддержку транспорту оказали также небольшие железнодорожные займы за границей, главным образом в форме необходимых железнодорожных материалов. Возрождение транспорта в его целом в первые годы оказалось невозможным. Сначала пришлось восстанавливать наиболее важные магистрали, ведущие к портам и связывающие столицы с Югом, Кавказом и Сибирью. Остальная сеть стала подниматься лишь в следующую очередь, и притом довольно медленно. Новое железнодорожное строительство началось лишь на пятом году новой экономической политики и выражалось главным образом в том, что достраивались прежде начатые линии и подъездные пути. В это же время начал постепенно развиваться автомобильный и авиационный транспорт. Еще в начале новой экономической политики езда на автомобилях была доступна лишь очень узкому кругу лиц, прежде всего так называемым «комиссарам», о которых вы читаете теперь так много в исторической литературе о великой революции. Простому рабочему эта машина была недоступна. Но уже в половине десятилетия каждый завод и фабрика имели автомобили не только для грузовых перевозок и для поездов администрации, но и для обслуживания также рабочих и их детей. Автомобиль также стал постепенно вытеснять извозчиков, сделав езду на лошадях в конце десятилетия в крупных центрах роскошью или забавой.

Теперь мне остается сказать несколько слов об успехах электрификации за этот период. Если бы вы знали, товарищи, в какой нищете жила страна во время революции! Если описать вам ежедневное меню среднего рабочего и его семьи, вы бы поняли, каким героизмом, какой дерзкой храбростью в борьбе с разрухой было со стороны Республики приступить уже в этот период к осуществлению плана электрификации. Всякие новые сооружения, которые дадут производственный результат лишь через несколько лет, могут осуществляться лишь в обществе, где накопление идет достаточно успешно, где часть прибавочной стоимости (если дело идет о капитализме) или избыточного продукта (если дело идет о социализме) может быть отвлечена от текущих затрат на поддержание рабочей силы и воспроизводства в старых размерах на новые постройки. В Советской России с 1920-х гг. таких излишков, конечно, не было. Наоборот, самые элементарные потребности ее населения, и в частности рабочего населения, не были удовлетворены. При таких условиях постройка новых районных электрических станций означала вычет

из голодного бюджета рабочего и крестьянина во имя будущего, была великим массовым жертвенным порывом народа в его стремлении вперед. План электрификации Советской России был рассчитан на 10 лет. Но в первоначальном виде он не был осуществлен за этот срок, хотя, с другой стороны, было осуществлено в этой области кое-что, не предусмотренное планом. В частности, после постройки электростанций: Шатурской, Каширской, Уткиной Заводи, Кизеловской, Волховской гидроэлектростанции под Петроградом были затем построены районные электрические станции: Донецкая, Нижегородская, Челябинская, заново электрифицирован Бакинский район, построена станция на Днепровских порогах и т.д. Кроме того, специально организованное Русско-Германское транспортное общество приступило к изысканию постройки электрической сверхмагистрали Берлин – Москва – Иркутск – Владивосток, которая требовала сооружения ряда новых электрогидростанций по линиям магистрали. Кроме того, усиленно развивалась мелкая электрификация. Каждый уездный город считал делом своей чести иметь небольшую электростанцию, обслуживающую ближайшие деревни, если не мог включиться в сеть ближайшей районной электростанции.

Все эти новые электростанции начали оказывать огромное влияние как на экономическую жизнь, так и на социальные и бытовые отношения Республики. Электрификация того периода, даже в тех размерах, которые нам кажутся теперь ничтожными в сравнении с нашими достижениями, привела: 1) к огромной экономии топлива во всех предприятиях, которые были переведены на электрическую энергию; 2) к огромной экономии транспорта, освободившегося от перевозки лишних десятков миллионов пудов дров, каменного угля и нефти (большинство электростанций работало на местном топливе, т.е. на местном угле, торфе, сланцах и т.д.); 3) к огромному сбережению рабочей силы в предприятиях, где была осуществлена после электрификации механизация труда и грубый физический труд заменялся машиной (колка и пилка дров, погрузка и разгрузка и т.д.). По приблизительному подсчету, уже за этот период электрификация давала экономию ежегодно более чем на 1 млн годовых рабочих сил.

Этим я закончу пока рассказ о состоянии промышленности и в следующей лекции остановлюсь на положении рабочего класса и на системе распределения того периода.

Лекция десятая

Новые формы оплаты труда. Бунт нэпа против пролетарской диктатуры

Нам, людям, живущим 50 лет спустя после описываемого периода, не вполне понятна психология того времени. 1920-е гг. нам всем рисуются годами величайшего героизма как в области военной, так затем и в области хозяйственной. Поколение наших дедов мы склонны рассматривать в едином ослепительном, ярко-красном свете, в героических тонах. Одним словом, поэзия без прозы. От этой психологической ошибки трудно бывает отделаться даже историку, когда он приступает к изучению документов эпохи и хочет уловить тонус тогдашней жизни, быт, пестроту реальной исторической картины. Вам, например, трудно поверить, что великие дела этой эпохи совершали люди с такими слабостями, недостатками, иногда преступными наклонностями, почти всегда с необычайно низким культурным уровнем, как это было в действительности, поскольку мы говорим об общей массе, а не об отдельных единицах или небольших группах. В хронике газет этого времени: «Правде», «Известиях», «Рабочей газете», «Бедноте» и др. рядом с каким-нибудь историческим декретом или известием о таком начинании, плодами которого

мы пользуемся до сих пор, вы встретите извещение о расстреле группы граждан за похищение двух ящиков спичек из вагона, о суде над взяточниками из какого-либо хозяйственного органа, о спекуляциях советских работников из бывших купцов и промышленников, вопли о воровстве государственного имущества и т.д. Самый замечательный поэт этого времени, Демьян Бедный, пишет полные сарказма и негодования слова про «совдуров» (советских дураков, которые дают водить себя за нос всяким жуликам из советских учреждений), вы прочтете в газетах того времени статьи талантливого публициста-бытовика Сосновского о какой-либо афере буржуазных специалистов, вы натолкнетесь с изумлением на статью Троцкого о том, что надо чистить сапоги и не бросать окурков на пол. Мало того, вы можете прочесть о преступлениях даже самих коммунистов, на которые большинство толкала ужасающая нужда. С одной стороны, великое дело строительства социализма и героическая борьба за него с оружием в руках, с другой – присвоение двух пудов казенной муки. Является ли это преступление слишком большим и позор сделавшего бесконечным в сравнении с великим делом, за которое этот человек борется, или, наоборот, величие дела слишком безгранично в сравнении с ничтожеством преступления? Оценка со стороны общественного мнения позднейших поколений пошла по второй линии. Но если даже мы восстановим реальную обстановку того времени и поставим все на свое место, если выдержим пропорции света и тени, то это отнюдь не заставит разочароваться в оценке этой эпохи. Наоборот, я лично думаю, что если тысяча людей строит огромный мост, то эта тысяча достойна большего удивления, если она состоит не из здоровых и сытых, а из голодных, больных людей, с язвами на руках и ногах, спорящих из-за кусочка хлеба. То же и с социалистической стройкой. Когда эту стройку делают люди, сами испорченные капитализмом, с психологией, которая представляет из себя поле сражения между «вчера» и «завтра», люди, которые в массе несут на себе все варварство капитализма и ту некультурность, в которой он держал народные массы, то это лишь увеличивает наше изумление перед эпохой.

Так обстояло дело с людским материалом при восстановлении государственной промышленности. Коммунисты не учились перед этим ни руководить предприятиями, ни торговать, ни вести банковское дело. Всему этому научились в процессе работы, как перед этим научились строить армию, управлять ею и побеждать. Здесь только вследствие сложности самого дела процесс растянулся на большой срок. Первое время масса бывших торговцев, предпринимателей и просто ловкачей всякого свойства обкрадывала государство, вела дело, как им было выгодно, и т.д. Но постепенно эти кадры были выброшены из государственного аппарата; из специалистов выделился слой надежных и честных людей, а с другой стороны, значительная часть самой коммунистической партии поступила в обработку через высшую школу, специальные школы и курсы, проходила курс практикантства при существующих органах государственной торговли и промышленности. Затем, по мере того как обнаруживалось, что частная торговля и промышленность не имеют особенно большого простора для развития, а главное, не имеют будущего, лучшие представители побежденного класса уже сознательно и за совесть начали работать для государства. Особенно благоприятная реакция произошла здесь после неудачи буржуазно-кулацкого восстания, которое произошло в конце рассматриваемого периода и о котором более подробно мы скажем ниже. В промышленности же решающее значение получили инженеры из рабочих, которые строили государственную промышленность, как свое родное дело, при поддержке части инженеров-специалистов, понявших дух времени, понявших, что социалистическое государственное производство выше по своему типу капиталистического, дает больше простора для развития производительных сил, для прогресса науки и техники.

Большое значение имел также известный перелом в самой психологии коммунистической партии, особенно среди коммунистической молодежи. В период Гражданской войны для коммуниста всезнайство, хотя бы и самое поверхностное, было абсолютно необходимо. Революция бросала коммунистов от десятков одних дел к сотням других, причем они вследствие саботажа старой интеллигенции должны были выполнять роль этого класса либо комиссарствовать при нем. Наоборот, задача организации государственной промышленности, торговли, банковского дела и социалистического просвещения, в широком смысле этого слова, потребовала от партии отказа от верхоглядства и всезнайства, заставила специализироваться ее кадры на определенных областях практической работы и науки и обстоятельно изучать то дело, которое каждый себе выбирал или на которое был поставлен партией. Это способствовало образованию в рядах коммунистической партии кадров подлинных специалистов в различных областях.

Нас с вами, работников социалистического общества, превращающегося постепенно в коммунистическое, отделяет целая эпоха от рассматриваемого периода еще в одном отношении: я говорю о стимулах к труду при капитализме и социализме. Вы видели из предыдущего изложения, что военный коммунизм не давал психологических стимулов ни к увеличению производства на отдельном предприятии, ни стимулов к увеличению производительности труда со стороны каждого отдельного рабочего. Спрашивается, как же обстояло дело с этими стимулами в рассматриваемом нами периоде?

Мы уже видели с вами, что при новой экономической политике в этом отношении произошел поворот к стимулам капиталистическим, которые начали играть роль уже в период военного коммунизма. В конце концов сдельная плата стала господствующим видом оплаты труда там, где она применима по условиям производства. В общем, рабочий тем больше получал, чем больше была его индивидуальная выработка. И все предприятие получало ресурсов больше от рынка или от государства, если больше выработывало.

Эта система начала постепенно меняться, поскольку государство как для ликвидации искусственного кризиса сбыта, так, с другой стороны, прежде всего вследствие роста его ресурсов увеличивало из года в год заработную плату. Опыт показал, что нет никакой необходимости добавочную плату выдавать по методу сдельщины. Наоборот, эта добавочная плата могла стать более могучим орудием увеличения производительности труда, если распределялась в форме коллективного премирования. Уже опыт коллективного снабжения, введенный в первый год нэпа, показал, что, когда увеличение заработка отдельного рабочего поставлено в зависимость не только от того, сколько он сам выработал, но и от того, сколько выработало все предприятие в целом, среди рабочих усиливался в огромной степени интерес к работе соседа по мастерской, соседнего цеха, наконец интерес к работе всего предприятия в целом. Рабочий следит тогда не только за самим собой, но и за другими, как и другие следят за ним. Выработывается нечто вроде общеобязательной производственной морали. К стимулам индивидуальным прибавляется коллективный стимул. А это уже более высокая ступень производственной дисциплины в сравнении с индивидуальной ответственностью каждого и индивидуальными расчетами с каждым. Поэтому государство при увеличении заработной платы, оставляя старый капиталистический стимул для одной части заработка рабочего, одновременно с этим вводило коллективное премирование рабочих тех предприятий, которые выполняли производственную программу или превышали задания. При этом от предприятия требовалось не только известное количество изделий, но и соответствующее качество их. В то же время само предприятие из соображений хозяйственного расчета было заинтересовано в наименьшей трате материалов, топлива, в максимальной нагрузке всего предприятия и т.д. Коллективное премирование, в сущности, было декретировано одно время еще в период военного коммунизма, но оказалось тогда мертворожденным, потому

что в тех случаях, когда было за что премировать, нечем было премировать, и рабочие, в сущности, бывали обмануты. В этот период государству было не до премий, потому что оно не могло обеспечить минимума питания не только для рабочих, но даже и для армии. Правда, в период военного коммунизма были отдельные предприятия, которые проявили величайший героизм на хозяйственном фронте при том скудном питании, когда рабочий падал в обморок у станка. Героизмом было тогда вообще работать. Это был такой же подъем, как и в борьбе на фронте, но долго он не мог продолжаться, да и производственные результаты его были невелики.

Наоборот, подъем промышленности и увеличение ресурсов государства делали коллективное премирование материально возможным и производственно целесообразным. Приведем пример. На железной дороге происходит съезд представителей различных служб дороги. Из производственного доклада выясняется, что если дорога перевезет установленное количество грузов либо больше, если мастерские депо выступают из ремонта установленное количество вагонов и паровозов, если дорога не израсходует больше топлива, чем полагается, или даже сэкономит в сравнении с нормой, то все работники дороги получают премию в таком-то размере. Съезд решает от имени всех служб добиться максимальной премии, обо всем этом делается известно по линии каждому сторожу, каждому стрелочнику, каждому кочегару. Все заинтересованы в том, чтобы паровозы и вагоны ремонтировались усиленным темпом, чтобы топлива сжигалось меньше и оно не раскрадывалось, чтобы грузы доставлялись в целостности и т.д. Все хозяйство дороги ведется уже под наблюдением тысяч глаз. А вместе с тем сохраняется и сдельная плата там, где она возможна технически и полезна, как стимул.

Это коллективное премирование явилось зародышем новой формы оплаты, которое свойственно социализму. Новая форма вырастает на основе коллективной ответственности работников за результаты производства, на основе взаимного контроля и наконец на основе большей культурности и сознательности всего рабочего класса вообще. Если сдельщина побуждает к соревнованию между отдельными рабочими цеха, то коллективное премирование побуждает к соревнованию между целыми предприятиями, в дальнейшем — целыми отраслями производства. В такой форме государство, в сущности, распределяет те добавочные ценности, которые произвели работники во всем хозяйстве в целом. В дальнейшем, по мере увеличения производительности труда во всей промышленности, премиальным путем начинает выплачиваться *большая часть* заработной платы вообще. Роль сдельщины в общей сумме заработной платы с каждым годом относительно понижается. Но сдельщина отмирает не только материально, но и психологически, поскольку выполнение определенного среднего минимума работы превращается в своего рода инстинкт труда, который является привычным и за который не дается специального вознаграждения.

Правда, здесь продвижение вперед шло, в общем, очень медленно, потому что победа новой формы оплаты труда теснейшим образом связана, как мы уже говорили, вообще с ростом культурности и сознательности рабочего класса, что не достигается в несколько лет. Насколько трудно продвижение в этом направлении, вы можете видеть и из того обстоятельства, что мы сами еще не осуществили коммунистического распределения. Здесь приходится перерабатывать человеческий характер, ожидая, что инстинктом сделается то, что раньше достигалось принуждением, обещанием пряника либо было актом коллективного подъема и самопожертвованием. Нужна смена поколений и новая система воспитания, чтобы новый коллективный человек сменил индивидуалиста периода товарного производства. Тот момент, когда коллективные стимулы в рабочем классе делаются господствующими по сравнению со стимулами индивидуальными, является торжественнейшим моментом в строительстве социализма, не менее важным для будущего, чем социализация орудий производства. И хотя

мы не достигли коммунистического распределения, однако пошли далеко вперед в сравнении с рассматриваемым периодом, когда работника, как ребенка, надо было доводить до сознания необходимости определенной работы не путем ознакомления со статистикой производства и статистикой потребления в стране, а путем обещания выдачи лишнего пуда хлеба или большей суммы денег.

Что касается работы иностранного капитала в России за этот период, то размеры влияния этого капитала на хозяйственную жизнь внутри страны, по сравнению с ролью иностранного капитала во внешней торговле, были не особенно велики. Причины этого заключались в следующем. Вообще, иностранный капитал мог проникать в Россию как капитал ссудный, промышленный и торговый. Что касается ссудного капитала, то в течение рассматриваемого десятилетия советское правительство заключило несколько займов в разных странах, но это были небольшие займы, преимущественно в товарной форме. Капитал не шел на большие и казавшиеся ему рискованными займы. В области промышленности дело обстояло несколько лучше. Но необходимо помнить, что капитал во всех странах в это время вступил в период старческой дряхлости. Он боялся больших начинаний, больших рисков и по своей старческой трусости не соблазнялся даже большими прибылями. Исключение представлял лишь германский капитал. Иностраный капитал не имел, разумеется, большого интереса идти в те отрасли промышленности, которые работали на внутренний рынок, поскольку этот рынок почти полностью удовлетворялся продукцией русской промышленности. Особенно это относилось к тому периоду, когда произведенные внутри страны товары продавались на бумажные деньги падающей валюты. Иностраный капитал, естественно, тянулся к тем предприятиям, которые производили продукты экспортного значения, например, нефтяная промышленность, золото-платиновая, лесные разработки, медь и т.д. В то же время он был не склонен к таким вложениям капитала, которые могли дать результат через продолжительный срок. Отдавать же иностранному капиталу предприятия, дававшие выгоды без особенно больших затрат, советскому правительству не было смысла, как ни малы были его собственные оборотные средства. Огромным успехом для хозяйства Советской России было привлечение германского капитала вообще, прежде всего для разработки в широком масштабе пустующих пространств Юга, Юга-Востока и Запада Сибири и создания здесь крупных тракторных и больших животноводческих хозяйств. Германский капитал был более предприимчив и более подвижен, чем английский. Он был вынужден рисковать более, чем английский капитал, у которого еще были не вполне использованные возможности в колониях. Германский капитал вклинивался в хозяйство России и, сам того не сознавая, работал в пользу создания единого мощного хозяйственного объединения между русским сельским хозяйством и германской промышленностью, плоды которого в дальнейшем суждено было пожать социализму. От германского же капитала наше сельское хозяйство получило в значительных размерах тот товарный кредит в виде сельскохозяйственных машин и орудий, который позволил сельскохозяйственному банку организовать на широких началах долгосрочный сельскохозяйственный кредит. Что касается американского капитала, то его участие в хозяйственной жизни России после капитала германского было самым значительным. Но он интересовался, главным образом, лишь нашей нефтяной, марганцевой, платиновой промышленностью, т.е. теми отраслями, продукция которых была нужна самому американскому хозяйству.

Что касается внешней торговли с заграницей, то она развивалась с каждым годом, и к концу десятилетия экспорт сырья и хлеба за границу уже превышал довоенные размеры. Советское правительство старалось удержать ту часть иностранного капитала, который интересовался торговлей, на линии оптовой торговли, регулируя ее своим участием в смешанных торговых обществах. Оно стремилось не допускать проникновения частного иностранного капитала в розничную торговлю внутри страны. Таким образом, иностранный

торговый капитал держался на границах государства и в районах внешних портов и не впускался без особой необходимости со своими шупальцами внутрь страны. Это было источником больших недоразумений с иностранными торговцами, особенно вначале, когда иностранные торговые фирмы, в особенности спекулятивного типа, рвались внутрь страны, стремясь к максимальным барышам. В дальнейшем же они примирились с созданным положением, ограничились участием в оптовой торговле и допущением их на крупнейшие ярмарки, где большинство сделок они опять-таки совершали с кооперацией, органами государственной торговли и трестами. Что касается монополии внешней торговли, то она формально была отменена после того, как государство стало фактическим монополистом во внешней торговле. Формальная монополия оставалась лишь для торговли определенным и строго установленным числом товаров.

Во всяком случае никакого заметного разлагающего влияния, как ожидали белогвардейцы, иностранный капитал на систему советского хозяйства не оказал. Его роль в системе советского хозяйства сводилась приблизительно к 10% всей продукции государственных предприятий. Даже во время бунта нэповской буржуазии против диктатуры пролетариата он не смог выступить единым фронтом на поддержку мятежников, разделившись на две группы, из которых одна держалась нейтрально.

К этой последней попытке капиталистической реставрации мы теперь переходим.

С момента проведения в жизнь новой экономической политики резкие проявления классовой борьбы всех буржуазных и части мелкобуржуазных сил против пролетарской диктатуры, имевшие своим апогеем Кронштадтское восстание, совершенно прекратились. Нэп давал пока достаточный простор для капиталистического накопления и вообще для развития капиталистических отношений в пределах экономически возможного для самого капитализма. Производительные силы страны так низко пали, что развитие их могло подвигаться вперед различными путями, причем путь восстановления капиталистическими методами в тех областях, где государство сознательно свернуло свои силы, мог идти параллельно с восстановлением крупной промышленности социалистическими методами. Что же касается восстановления и интенсификации индивидуально-мелкого хозяйства, то, при отсутствии объективных пока данных для восстановления его в форме крупного кооперативного хозяйства, оно было абсолютно необходимым, было основным условием восстановления крупной государственной промышленности. С этой точки зрения нэп представлял из себя комбинированный метод восстановления хозяйства как социалистическими методами (плановое государственное хозяйство, крупная промышленность и транспорт и т.д.), так и чисто капиталистическими методами (рынок, капиталистическая калькуляция даже в государственной промышленности, частнокапиталистические предприятия в торговле и промышленности, концессионный капитал), наконец, методами интенсификации мелкого товарного, главным образом мелкокрестьянского, хозяйства.

В первые годы все эти методы уживались друг с другом; территория для приложения их была достаточно обширна. Но основные направления путей капиталистического метода восстановления и социалистического были совершенно различны. Стихийное стремление всех капиталистических сил и тенденций заключалось в том, чтобы опереться на мелкобуржуазный базис страны, накопить силы, связаться с иностранным капиталом и тем связать с ним мелкобуржуазный базис советской деревни, освободиться от преград, которые ставят социалистическое государство капиталистическому накоплению, превращая его в социалистическое, сбросить Советское государство, денационализировать промышленность и возглавить мелкое товарное производство страны той капиталистической верхушкой, которая существовала в России до революции.

Наоборот, задача социализма заключалась в том, чтобы использовать капиталистические формы для развития производительных сил лишь на определенном этапе, сведя

историческую роль этих форм к роли лесов при постройке социалистического здания. Ему предстояло опереться на них там, где они представляли из себя более прогрессивное начало в сравнении с мелким производством (среднее капиталистическое предприятие выше ремесленного, налаженная частная торговля при господстве в стране товарно-мелкого производства лучше, чем спекуляция и мошенничество, крупный концессионный капитал выше всех этих форм); приспособить капиталистические формы, как низшие, к социалистическим формам, как высшим, где, когда и пока это возможно и полезно для социализма; ликвидировать их там, где приспособление невозможно или ненужно и их можно заменить высшими социалистическими формами. Задача состояла дальше в том, чтобы в деревне дать возможность мелкому товарному земледелию развиваться за счет мелкого натурального потребительского хозяйства. Задача состояла в том, чтобы, опершись временно одной ногой на капиталистические отношения, высвободить потом эту ногу и подогнать мелкое производство деревни вплотную к крупной социалистической промышленности и кооперировать ее.

Теперь нам кажутся смешными опасения наших дедов, которые, заняв такие позиции, как крупная промышленность, транспорт, оптовая торговля, банковское дело и регулирование валюты, имея в руках мощный государственный аппарат и армию, боялись, что их вытеснят и победят Колупаевы и Разуваевы, т.е. представители исторически более отсталого способа производства, клонившегося к тому же тогда к упадку во всех капиталистических странах. Но мы не должны впасть в одну ошибку, которая психологически вполне возможна. Например, феодально-крепостнический способ производства и соответствующая ему форма собственности не могли бы победить буржуазных форм после того, как появилась крупная фабрика и буржуазная революция поставила у власти третье сословие; однако это отнюдь не делало безнадежными *все без исключения* попытки дворянской контрреволюции. В той же Франции нужно было несколько революций, чтобы буржуазия прочно стала у власти. Точно так же обстояло дело и в Советской России времени так называемого нэпа. Капиталистическая форма, представленная убогим спекулятивным капиталом и возрождающимся кулачеством в деревне, была низшей формой в сравнении с социализмом, и основная линия развития заключалась в том, чтобы эти формы также приспособились к социалистическим, как в свое время побежденный, но не добытый феодализм приспособился к буржуазным формам. Однако это не исключало возможности капиталистической реставрации в отдельных случаях. В общем и целом в XX в. победа социализма, как правило, была обеспечена, но это отнюдь не означало неперенной и безусловной неудачи всех контрреволюционных буржуазных восстаний. Дело в каждом конкретном случае зависело от реального соотношения сил. Так же обстояло дело в Советской России рассматриваемого периода.

Посмотрим, каково было тогда соотношение сил между двумя типами хозяйства и между теми классовыми группировками, из которых каждая представляла свой способ производства. Измерить соотношение сил, это значит прежде всего измерить соотношение экономических сил и учесть уровень культуры борющихся групп. Силами капиталистическими были: частная торговля, мелкая и средняя, частная средняя промышленность, главным образом арендованная, хозяйство кулацких и зажиточных слоев деревни, представлявших главную часть торгового земледелия, иностранный концессионный капитал. Кроме того, надо еще учесть кулацкую кооперацию, духовенство, буржуазную интеллигенцию и, наконец, те остатки прежде господствующих классов, которые хотя не имели экономического веса, но обладали «живым человеческим весом». Все эти элементы ориентировались прежде всего на среднее крестьянство, желая получить поддержку этой многомиллионной пехоты, которая вследствие своего промежуточного классового положения выступала исторически то в роли пехоты революции, то как пушечное мясо для контрреволюции.

Силами социалистическими были: городской пролетариат, который уже не был деклассирован в конце этого десятилетия, как в его начале, который теперь был не менее многочислен, чем перед войной; беднейшие слои деревни и те огромные массы маломощного крестьянства, которые пользовались долгосрочным льготным кредитом и судьба хозяйства которых зависела от Советского государства; та часть мелкобуржуазной интеллигенции, которая примирилась с социализмом и составляла большинство в государственном аппарате. Наконец, чисто политические силы Коммунистической партии, Коммунистического союза молодежи, Красной армии и государственного аппарата. Что касается размеров национального дохода, который представляла каждая из этих классовых группировок, то государственный круг представлял большую массу национального дохода, если продукцию среднего крестьянского хозяйства не засчитывать в ту или в другую группировку.

В отношении уровня культуры государственный социалистический круг был если не выше, то немного ниже своих противников. В течение этого десятилетия пролетариат и его государство поняли огромную опасность, которая им угрожает вследствие культурного превосходства побежденных классов, и проделали огромную работу по поднятию культурного уровня всего пролетариата.

Непосредственные социально-экономические причины движения были следующие. Городская частная торговля, успевшая прочно встать на ноги, начала систематически вытесняться со своих позиций государственной и кооперативной торговлей, причем налоги съедали значительную часть торговой прибыли. С другой стороны, известную часть прибыли отбирал Государственный банк в виде процента по ссудам. Зажиточная часть крестьян, которая подвергалась прогрессивно-подоходному обложению, ограничивалась в своих эксплуататорских стремлениях по отношению к крестьянской бедноте и не имела возможности предаться спокойно капиталистическому накоплению, с каждым годом все больше и больше озлоблялась и стремилась вырваться из цепей социалистического государства. Враждебно настроена была в отношении государства также и средняя промышленность, жаловавшаяся на тяжесть государственных налогов и арендной платы.

Но в буржуазном лагере не было единодушия. Целый ряд капиталистических предприятий, как торговых, так и промышленных, так тесно вплелись во всю экономическую систему данного хозяйственного организма, что они были лишены всякой свободы движения, опасаясь в то же время, в случае неудачи буржуазной реставрации, потерять все свои приобретения, сделанные во время нэпа. Не было единодушия и среди иностранного капитала. Принципиально, с точки зрения классовых интересов буржуазии вообще, все были за реставрацию. Но по отношению к данной конкретной попытке реставрации интересы расходились. Победа контрреволюции при существовавшей международной группировке сил означала вытеснение из России германского капитала французским. А так как буржуазия обыкновенно в выборе решений руководится выгодами сегодняшнего дня, то германский капитал в данном случае из антагонизма с французским оказался против реставрации. Французский же капитал, который поддерживал реставрацию [...]*

Идеологами контрреволюционного движения были представители буржуазной интеллигенции. Однако среди этой интеллигенции часть крупнейших специалистов была против реставрации. Со времени Октябрьской революции в этой среде произошли известные изменения. Как известно, большинство русской интеллигенции боролось с самодержавием под социалистическим флагом. Но этот социализм был лишь псевдонимом буржуазной демократии, как показал Октябрь, отбросивший всю интеллигенцию в лагерь буржуазной контрреволюции. Однако десять лет строительства крупного государственного хозяйства при советской власти, в котором принимали участие и буржуазные специалисты, заставил некоторых из них произвести переоценку ценностей. На опыте

*Пропуск текста. Типографский брак.

хозяйственного строительства, особенно на опыте электрификации, они убедились не только в социальном, но прежде всего в техническом превосходстве социалистических форм хозяйства над частнокапиталистическим. И когда в воздухе запахло буржуазно-кулацкой контрреволюцией, которая могла и должна была задержать развертывание крупного производства и отбросить страну на довоенные позиции, эта часть специалистов оказалась вместе с пролетариатом за государственную форму хозяйства. Наоборот, другая часть, главным образом из старой эмиграции, которая в большинстве перекочевала к этому времени в Россию, стала во главе контрреволюционного движения. Но эти группы отнюдь не были представителями кадетских элементов прежней эмиграции. Старая кадетская ортодоксия, изолгавшаяся и потерявшая всякий кредит [доверия], была вытеснена сменевеховцами. Последние, уже на русской территории, явились организующим ферментом как для вернувшейся в Россию эмиграции, так и для оставшейся в России интеллигенции. Они дали интеллигенции идеологию и примирили ее временно с советской властью. Затем они сами раскололись, и правая их часть стала во главе движения. Лозунгами движения были: защита экономического либерализма, борьба со стеснениями для частного хозяйства, борьба против увеличения налогов на частное производство, борьба против непрерывного увеличения заработной платы, которое, по их мнению, вело к задержке экономического развития, борьба за всеобщее избирательное право и парламентаризм. Кроме того, проповедовался ярый антисемитизм. Новая буржуазия, разумеется, имела свою литературу и свою печать, частью легальную, частью заграничную. В первые годы нэпа новая буржуазия, особенно торговая буржуазия и кулачество, были довольно равнодушны к идеологической работе буржуазной интеллигенции. Они были заняты делом накопления, и им было не до политики. К тому же старомодная интеллигентская идеология была для новой буржуазии психологически малопонятной. Но скоро буржуазная интеллигенция нашла пути к душе нэпмана, городского и деревенского, приспособилась к его запросам и начала фабриковать нужную ему идеологию.

Движение началось в городах с крупных демонстраций, самую активную роль в которых играли городские торговцы. Они по взаимному уговору поднимали одновременно продажные цены всех товаров, ссылаясь на высокие налоги, и этим путем стремились стянуть в движение широкие массы потребителей. К этому городскому движению присоединились зажиточные элементы деревни, которые отказывались платить государственные подати и поддерживали оппозицию городских торговцев. Однако все это движение, за исключением некоторых районов на окраинах, где начался кулацкий бандитизм, не могло принять форму открытой вооруженной и организованной борьбы с советской властью и было разгромлено раньше, чем могло создать всероссийский организующий центр. Замешанные в движении представители буржуазии подверглись конфискации имущества. Особенно пострадали группы городских торговцев. Магазины участников были национализированы и включены в сеть государственных кооперативных лавок, а товары реквизированы государством. Кооперативные объединения сельского кулачества также были разгромлены, и за их счет усилены кооперативные организации беднейшего и среднего крестьянства. На участвовавшие в движении кулацкие слои были наложены большие штрафы, однако без разрушения хозяйства участников движения. Последовавшая вслед за подавлением движения «коммунистическая реакция» хотя и не создала нового положения, но ускорила социализацию тех отраслей торговли и промышленности, для обобществления которых создались подходящие условия. В частности, разгром частной торговли повел не только к усилению торговли, государственной и кооперативной, но и способствовал изменению отношений между оставшейся частной торговлей и государством. Эта торговля все более и более превращалась в нечто вроде комиссионной торговли для крупной государственной промышленности и таким образом оказалась включенной в систему государственного планового распределения.

Начало перехода хозяйства на более высокую ступень. Экономический тупик

В предыдущих лекциях я набросал перед вами в кратких чертах экономическое развитие Советской России приблизительно за первое десятилетие новой экономической политики. В течение этого периода, как я уже сказал, были достигнуты и отчасти пре-
взойдены довоенные пропорции хозяйства. Смешанная форма товарно-социалистического хозяйства открывала достаточный простор для развития производительных сил, и капиталистические одежды не были тогда стеснительны для развития хозяйства. Наоборот, только капиталистически калькулируя, рабочий класс вообще мог научиться руководить производством на данном уровне развития крупного производства. Но скоро социалистическое содержание обобщественной части хозяйства стало стесняться капиталистической формой одежды и начало выпирать из нее, требуя новых форм. А вместе с тем и отношения с мелким крестьянским производством вступили в новую фазу, когда торговой и кредитной связи с ним было уже недостаточно для развития всего хозяйства страны в целом. Этот новый период можно поэтому охарактеризовать, как безболезненное и постепенное сбрасывание социалистическим хозяйством шелухи капиталистических форм. Этот процесс был только ускорен неудачным восстанием нэпа против пролетарской диктатуры, но он начался еще раньше, до этого восстания.

В это время существенно изменилось международное положение Советской республики, поскольку в Европе начала нарастать новая волна пролетарской революции, по отношению к которой разгром нэповского восстания в России был некоторым введением.

Но обратимся к России.

Я не буду при рассмотрении этого периода останавливаться на цифровых результатах продукции крупной промышленности, а тем более ее отдельных отраслей. Я буду говорить лишь об изменении хозяйственных форм. Начнем с верха хозяйственной пирамиды, с государственной промышленности. Мы оставили ее в таком положении, когда она финансировалась в огромном большинстве случаев в Госбанке и Торгово-промышленном банке, оперативно руководилась Высшим советом народного хозяйства и Бюро промышленных съездов, калькулировала капиталистически, продавала и покупала за деньги не только в своих торговых сношениях с необобщественной частью хозяйства, но и при торговых сношениях государственных предприятий друг с другом. Этот рыночный хаос внутри самого государственного круга надлежало прежде всего уничтожить, поскольку этот хаос не давал возможности установить строгую пропорциональность в развитии отдельных отраслей крупной промышленности даже там, где рынком был сам государственный круг. Какое-либо государственное предприятие, например мануфактурная фабрика, нуждалось в известном количестве машинного оборудования, топлива и т.д. Поставщиками и того и другого были государственные же предприятия. Но они не знали, каковы на каждый производственный год будут требования на их продукцию со стороны других государственных предприятий. Закупка каждым предприятием производилась там, где дешевле можно было купить. В результате покупки делались территориально дальше, чем было нужно, тратились средства на комиссионные расходы и закупочные аппараты, для транспорта же это означало много встречных перевозок. Плановые хозяйственные органы прежде всего начали с ликвидации рыночного хаоса внутри государственного круга.

Первый шаг, сделанный уже в первые годы нэпа, заключался в том, что все государственные предприятия были обязаны составлять не только финансовые, но и хозяйственные сметы. Эти сметы в сумме перерабатывались ВСНХ таким образом, что все величини-

ны одного рода складывались вместе: выяснялось, сколько нужно нефти, угля, железа и т.д. для самого государственного круга. Таким образом, выяснялись требования к промышленности со стороны самой промышленности и государственных учреждений. Это позволяло, во-первых, заранее знать, какое количество и каких продуктов должно быть произведено для самого государства. Это позволяло, во-вторых, выделить по степени важности те предприятия, которые нуждались в различных продуктах государственной же промышленности, но не могли их полностью оплатить. Благодаря этому устанавливалось, какие предприятия должны получить поддержку из государственных средств на расширение производства. Далее, это позволяло выяснить по всей линии государственных предприятий, какое количество своей продукции они наверняка могли разместить внутри самого же государственного круга и какую часть должны были продать на рынке необобщественной части хозяйства. Это позволяло, наконец, вовремя заметить как грозящее недопроизводство каких-либо продуктов и своевременно предупредить его, так и предусмотреть возможные размеры перепроизводства. При такой системе можно было уже заранее принять меры для закупок недостающих продуктов за границей и ввести принудительное плановое распределение таких продуктов, которых должно было заведомо не хватить для всех государственных потребителей. Совершенно очевидно, что одновременно с этим государству необходимо было знать размеры ожидаемой продукции всех частных предприятий, имеющих не только местное значение, и обязать все частные предприятия представлять государству данные о плане производства и о размерах ожидаемой продукции.

Эта работа социалистического учета началась, как я уже сказал, для важнейших отраслей еще до рассматриваемого периода, теперь же она была осуществлена для всей промышленности, не исключая и важнейших отраслей ремесленной и кустарной промышленности. Следующим шагом за этим было распределение заказов и закупок по определенному плану. Государственные плановые органы отнюдь не желали при этом душировать инициативы отдельных предприятий введением старой системы распределения по ордерам или торговли по ордерам. Но они все же стремились прикрепить определенную группу государственных потребителей к определенным группам государственных производителей по хозяйственному тяготению, исходя из задачи учета и экономии транспорта. В то же время выработан был ряд мер, позволявших покупателям не связывать себя в тех случаях, когда те или иные производители давали неудовлетворительный продукт.

Все эти мероприятия способствовали также тому, что государственная промышленность могла вступать единым фронтом в сношения с необобщественной частью хозяйства и отдельные государственные предприятия не ослабляли позицию всей государственной промышленности на вольном рынке. Новая форма учета и распределения заказов была в то же время гибкой и эластичной: она оставляла достаточно простора для инициативы отдельных трестов, охраняя в то же время интересы целого, интересы наиболее быстрого продвижения вперед всего хозяйства с наименьшей тратой сил.

Однако регулирование производства той части крупной промышленности, которая была повернута к необобщественному, и прежде всего крестьянскому, хозяйству, было очень трудным. Как размеры платежеспособного спроса, так и количество сырья, которое могло доставить крестьянское хозяйство, было трудно учесть сколько-нибудь точным образом. Для хотя бы приблизительного учета продукции необобщественного хозяйства и для предвидения возможной конъюнктуры государство пользовалось всеми видами статистики, корреспондентскими отчетами с мест, показаниями всех торговых и кредитных организаций, соприкасающихся с вольным рынком, которые могли учесть его спрос и его запасы. Раньше чем началась производственная подгонка крестьянского хозяйства к крупной государственной промышленности, в корне изменившая всю ситуацию, огромную роль в деле учета ресурсов деревни и подчинения

мелкого производства заданиям крупной промышленности сыграла система долгосрочного кредита, который был осуществлен в России по отношению к деревне в гораздо больших размерах, чем в любой стране до этого. Уже благодаря широкому применению краткосрочного кредита при посредстве всех видов кооперации и органов государственной торговли обыкновенно весной осенний урожай деревни был отчасти запродан государству за полгода вперед. Крестьянство не только получало товарный кредит, но и денежные задатки под будущий урожай. Эта система применялась при заготовке технических растений (лен, пенька), а также разных видов животноводческого сырья, как шерсть, кожи, щетины и т.д. Такая система торговли в кредит неизбежно требовала учета платежеспособности миллионов кредитуемых хозяйств и во избежание огромных убытков для кредитующего должна была заставить все органы, которые вели это дело, учитывать все ресурсы крестьянского хозяйства. Учет социалистический выростал в конце концов из этого торгового капиталистического учета. Еще большее влияние имел в рассматриваемом отношении долгосрочный кредит. Через специальный сельскохозяйственный банк долгосрочного кредита крестьянство ежегодно получало в кредит сельскохозяйственные машины, удобрение, улучшенные семена и т.д., а также и денежные ссуды на десятки миллионов золотых рублей, ссуды на новые постройки, на покупку скота, на мелиоративные работы и пр. Ежегодная сумма ссужаемых ценностей увеличивалась по мере развертывания промышленности, заграничной торговли и увеличения продукции самого крестьянского хозяйства. Но ежегодно увеличивалась также и сумма крестьянского погашения. Это погашение шло не столько деньгами, сколько натурой: хлебом и другими продуктами питания, сырьем, отчасти трудом, поскольку всякие извозные работы и заготовки дров для фабрик и железных дорог, работа по ремонту пути и т.д. могли служить погашением полученных от государства ссуд. Но долгосрочный кредит не менее, а, наоборот, более, чем краткосрочный торговый кредит, требует учета кредитоспособности клиента. Таким образом, и с этого конца шел учет размеров продукции крестьянского хозяйства и качества этой продукции. Теперь уже не годилась простая разведка рынка. Теперь необходима была постоянная агентура, постоянный, систематический, научно-статистический учет данных крестьянского хозяйства вообще и платежеспособности отдельных крестьян. При долгосрочном кредите крестьянство продает уже не только урожай данного года, но и урожай за несколько лет вперед. Если сложить теперь три величины, то, что получает теперь государство: 1) путем погашения по краткосрочному торговому кредиту и погашения по долгосрочному кредиту, 2) путем продналога* и 3) то, что потребляется в самом крестьянском хозяйстве, и [если] вычесть эти две величины из суммы всей продукции, то в остатке останутся ресурсы крестьянства для вольного рынка. Эта сумма, ускользающая от государства, теперь была уже не так велика, и с каждым годом уменьшалась, поскольку крестьянство было выгоднее иметь дело с государством без посредников. Мы не говорим уже о том, что значительную часть своей продукции крестьянство продавало кооперации. На настоящий вольный рынок крестьянство продавало лишь ту часть сельскохозяйственных продуктов, которая шла в обмен на продукты ремесла, кустарной промышленности и небольшой по размерам частной капиталистической промышленности, а также то, что шло в обмен крестьян друг с другом. Естественно, что учет, о котором говорилось выше, должен был учитывать, выяснять и ту часть крестьянской продукции, которая не попадала в руки государству.

* Хотя продналог после стабилизации валюты был формально отменен и крестьянство могло его выплачивать в денежной форме, однако преимущественно он выплачивался натурой, поскольку крестьянство стремилось избегать посредников, а государству было выгодно для усиления фонда внешней хлебной торговли получать налог натурой. (Прим. автора.)

Во всяком случае при составлении общепроизводственной программы на ближайший год планирующие органы государства не только знали все, что поддавалось учету в самом государственном круге, но также довольно точно могли учесть размеры той части продукции мелкого производства, которая должна была поступить в каналы государственного хозяйства в форме сырья и продовольствия. А в то же время они могли приблизительно учесть и то, сколько продукции крупной промышленности в предстоящем году может поглотить крестьянское хозяйство при среднем урожае. Тут даже не вполне правильно было бы уже говорить о крестьянском рынке в старом смысле, потому что ограничения размеров предоставляемой в кредит крестьянству продукции крупной промышленности проводились уже самим государством, поскольку оно само, во-первых, знало, сколько может дать в кредит, и во-вторых, через шупальца торговых, кредитных и статистических органов и агентов устанавливало, сколько крестьянство может взять в кредит.

Необходимо также упомянуть об огромной роли государственного страхования от пожаров, градобитий, падежа скота и т.д., поскольку это страхование также требовало учета имущества страхуемых и означало мобилизацию значительных средств крестьянства в виде страховых премий.

Таким образом, мы видим, что уже, используя в большинстве случаев капиталистические методы учета и прибавив к ним методы научно-статистического учета, государство было в состоянии не только внутри государственного круга, но и на всей территории соприкосновения его с необобществленным хозяйством наладить общехозяйственный учет. Спрашивается теперь, могло ли государство не только учитывать ресурсы мелкого производства, не только улавливать большую часть его продукции в свои каналы обращения, но также и воздействовать на размеры и качество этого производства? Государству было важно не только знать, что и в каком размере оно в состоянии получить от крестьянства. Оно было также кровно заинтересовано в том, чтобы в согласии с наметенным им планом развертывания промышленности и запросами иностранного рынка крестьянство производило те сорта сырья и продуктов питания, какие были ему нужны, и нужны в определенных количествах. А затем, государство было заинтересовано не только в том, чтобы одни культуры развивались за счет других, а также и в том, чтобы развитие всех культур не отставало от темпа промышленного развития, иными словами, чтобы отсталость земледелия не тормозила процесса развертывания промышленности.

Первая задача оказалась достижимой уже на основе кредитной и торговой связи крестьянского хозяйства с государственной промышленностью. В самом деле, когда планирующие органы государства на основании своих расчетов приходили к выводу, что необходимо: на Севере – увеличить культуру льна за счет хлеба, в Центре – культуру конопли за счет картофеля и т.д. и т.д., то они обращались не только к Наркомзему, но и давали всем органам капиталистического регулирования директиву поставить свои расчеты с крестьянством так, чтобы во всех указанных районах добиться нужного эффекта. Этот эффект достигался тем, что Госбанк, Сельбанк, органы государственной торговли и кооперации объявляли крестьянству: в уплату погашения по ссудам и данных в кредит товаров принимаем лен и пеньку, но не принимаем хлеб, повышаем цены на кожи и шерсть и т.д. В то же время кредитующие органы могли увеличивать ссуды тем крестьянам, которые расширяли продукцию нужных культур. С точки зрения экономики всего хозяйства такие премиальные цены и увеличенные задатки являлись чем-то вроде ссуд на расширение государственно необходимых отраслей производства, были увеличением основного и оборотного капитала данных отраслей хозяйства и должны были практиковаться до тех пор, пока благодаря расширению продукции не достигалось равновесие с крупной промышленностью и ее запросами. Наоборот, уменьшение размеров той или иной культуры достигалось мерами обратного характера, т.е. отказом принимать эти культуры в уплату по ссудам и путем понижения цен на них.

Если в годы военного коммунизма при аналогичной ситуации издавался соответствующий декрет, выезжали в деревню агитаторы, писались энергичные воззвания к крестьянству и все это, при отсутствии нужных экономических стимулов, не приводило к желаемым результатам, то теперь, при достигнутой экономической мощи государства, это достигалось умелым *поворотом рычага цен. Рыночные цены, бывшие раньше стихийным регулятором хозяйства, превращались теперь в руках мощного государства в подсобное орудие планового хозяйства.*

Так трансформировал, приспособлял к себе и заставлял себе служить социализм те капиталистические формы, которые оказались наиболее эластичными и пригодными для хозяйства переходного периода. Движение цен на рынке, которое в начале нэпа заставляло танцевать под свою дудку государственную промышленность и издавалось над плановым хозяйством, сделалось теперь средством социалистического регулирования несоциалистической части хозяйства. Мы увидим ниже, как такое же перерождение произошло с деньгами и их функцией в системе товарно-социалистического хозяйства.

Описанные нами способы регулирования крестьянского хозяйства были до поры до времени достаточны для социалистического государства. Но затем стало обнаруживаться, что темп развития сельского хозяйства начинает отставать от темпа развития промышленности и от запросов внешней торговли. Правда, крупные советские хозяйства на окраинах смягчали наступавший кризис, и их быстрое развитие играло роль некоторой отдушины, но этой отдушины было недостаточно. Требовалось такое изменение во всей технике крестьянского хозяйства, которое означало бы быстрое и решительное увеличение сельскохозяйственной базы для промышленности России и для промышленности экономически связанной с ней Германии. Кредитно-торговая связь с крестьянством могла служить целям регулирования только до известного предела. Когда эти средства исчерпали себя, необходимо было, с одной стороны, перейти к изменению самого способа производства в крестьянском хозяйстве, а с другой – вовлечь в обработку новые площади пустующих земель на Юго-Востоке России и Западной Сибири. Согласно расчетам экономистов и статистиков этого периода задача формулировалась таким приблизительно образом: необходимо при данном количестве рабочих сил, занятых земледелием, увеличить в огромной степени производство хлеба, технических культур, жиров, мяса и животноводческого сырья, необходимого во всех районах; где позволяют условия местности, ввести обработку земли тракторами и электропугами; необходимо ввести все усовершенствования, достигнутые сельскохозяйственной техникой и агрономической наукой; провести плановое распределение культур по районам, усилить переселение на окраины, организовав для переселенцев крупное хозяйство. Все это, во-первых, должно было в огромной степени увеличить урожайность земли, а во-вторых, высвободить из крестьянского хозяйства большое количество рабочей силы, необходимой для разрабатываемой промышленности. В рассматриваемый период в сельском хозяйстве России было занято свыше 100 млн населения, из них около половины работоспособных. Намеченный переворот в технике земледелия должен был высвободить около $\frac{1}{3}$ всех работоспособных. Эти избыточные силы, по мере рационализации крестьянского хозяйства, экономисты предлагали двинуть на колонизацию пустующих площадей на окраинах. Таким образом, путем переворота в технике и перераспределения сил внутри самого земледелия можно было бы пустить под обработку гораздо большие площади земли и улучшить культуру в районах старого крестьянского земледелия. Это обеспечило бы огромное увеличение хлеба и сырья, необходимых для промышленности и экспорта, и на неопределенно долгий срок обеспечило бы советской индустрии беспрепятственный бег вперед.

Но при всей самоочевидной убедительности этих доводов провести этот план более или менее скоро представлялось делом почти невозможным. Препятствия были со всех сторон. Во-первых, районные электрические станции не все были построены, а

для ускорения строительства у государства не было достаточно свободных средств. Эти станции не могли обслужить огромной площади всего крестьянского земледелия; они могли образовать лишь острова электрифицированного сельского хозяйства на безбрежном крестьянском море. [Во-вторых], что касается тракторной обработки, то для обслуживания всей площади, где электропахота была неосуществима, потребовалось бы около 1 млн тракторов, а следовательно, огромное количество мотористов, ремонтных рабочих, бензина, а главное, огромных свободных средств у государства. Третье препятствие лежало в самом крестьянстве. Замечавшееся тогда сильное переселение в деревни и увлечение мелкой интенсивной культурой приводило к застою в земледелии. Образовавшийся многочисленный слой хозяев хуторского типа упорно держался за свои «детские методы» земледелия, которые давали хотя и очень большие урожаи с десятины, но требовали огромной растраты рабочей силы хозяина и его семьи на единицу продукта. И вся остальная крестьянская масса, менее прикованная к своим участкам, чем хуторяне, боялась массовой ломки в системе хозяйства и еще большего массового переселения на окраины, которое было совершенно неизбежно. Прежде, когда в эпоху царизма жизнь на родных местах в обстановке страшного малоземелья была до крайности тяжела, крестьянство имело бульшую тягу к переселению. Но с тех пор как крестьянству на родине удалось поставить на ноги хозяйство, улучшить обработку и поднять урожайность, большинство, особенно пожилых крестьян, отнюдь не хотело порывать с насиженными местами. Только молодежь, которая во время пребывания в городе, в красной казарме, приобрела более высокие потребности, не возражала против массовых перебросок на окраины.

Несмотря на то что эта колоссальная задача не могла быть разрешена в короткий срок силами самой Советской России и для осуществления экономической революции в русском земледелии нужна была политическая революция в Европе, тем не менее кое-что здесь делалось и собственными силами. Механическая обработка уже производилась в некотором, хотя и очень небольшом, проценте крестьянских хозяйств. Точно так же в ряде мест проникла в деревню и электрификация. Предстояло всячески ускорить этот процесс. Точно так же и переселение, хотя опять-таки в ограниченных размерах, происходило каждый год. Государство нуждалось в земледельческих работниках для расширения площади своих крупных совхозов на окраинах и животноводческих хозяйств в степи. С другой стороны, переселенцы вербовались и добровольно, главным образом во внутренних губерниях, наиболее малоземельных, и двигались на окраины по собственной инициативе. Тянуло главным образом молодежь после разделов со стариками. Первое время ввиду отсутствия нужных средств государство ограничивалось лишь тем, что отмежевывало участки на местах переселений для индивидуального крестьянского хозяйства и оказывало самую необходимую помощь при переезде и первоначальном устройстве. На новом месте переселенцы продолжали вести хозяйство по-старому. Но когда государство стало богаче, оно устраивало переселенцев иначе. В местах поселения делались постройки для крупных коллективных хозяйств, снабженных машинами и всем необходимым для крупного земледельческого производства. Поселенцы в этих случаях не только меняли место жизни, но и способ ведения хозяйства. Из индивидуалистов и мелких буржуа они делались работниками коллективного хозяйства, а иногда, если было внутреннее согласие, делались коммунарами. Правда, эти крупные хозяйства не всегда были государственными предприятиями типа совхозов и переселившиеся крестьяне не всегда чувствовали себя рабочими государственного предприятия. Это зависело от содержания того договора, который они заключали с государством при переселении. В тех случаях, когда переселяемые получали оборудование крупного хозяйства в виде долгосрочной ссуды, переселенцы смотрели на крупное хозяйство, как на свое собственное хозяйство. Они свободно располагали продуктами своего труда за исключением той

части, которая шла на погашение ссуд. Таким образом, уже тогда рядом со старой переселенческой политикой государство начало проводить новую социалистическую политику. Рядом с распространением мелкого производства на окраинах, т.е. рядом с мелкобуржуазной колонизацией, начала развиваться также и *социалистическая колонизация окраин*.

Теперь предстояло дать гораздо больший размах всему этому продвижению вперед сельского хозяйства, в частности перейти к постройке новых электростанций специально для электрификации сельского хозяйства. Как уже было выше сказано, такая огромная задача была не под силу Советской республике. Здесь развитие производительных сил России упиралось в необходимость пролетарской революции на Западе и новой перергруппировки производительных сил в европейском масштабе.

Что касается денежной системы, то она оказалась весьма живучей не только для первого из рассматриваемых периодов, т.е. когда социалистические и капиталистические отношения хозяйства существовали рядом, но и для второго периода, когда социализм начал побеждать по всей линии. Денежная система обнаружила большую приспособляемость к новому типу хозяйства, хотя, разумеется, функции денег при плановом хозяйстве резко изменились. Вообще, уничтожение денег является неизбежным в коммунистическом обществе, где нет индивидуального или группового учета того, кто берет и сколько берет. Наоборот, социализм (потому, между прочим, социализм и не есть коммунизм) знает такой учет, хотя в дальнейшем этот учет распространяется только на часть продуктов, поступающих в распределение. Более того, социализм не исключает полностью рынка для тех отраслей хозяйства, например для мелкого производства, которые еще не социализированы. Правда, эти отрасли, а вместе с тем и рынок при социализме постепенно отмирают. Но отмирают они именно постепенно, как сам социализм постепенно превращается в коммунизм, являясь лишь недостроенным, недоделанным, недоразвившимся коммунизмом. Наконец, при социализме развивается так называемая любительская промышленность и любительское искусство, которым работники социалистического государства занимаются после отработки общеобязательного времени и продукты которого обмениваются также на деньги, как это имеет место у нас. Но, конечно, роль денег при таких условиях совсем не та, чем при капиталистической или товарно-социалистической системе хозяйства. Там они являлись мерилем стоимости товаров, средством обращения и средством платежа. Они были одним из средств для стихийного регулирования процесса производства и обмена. Наоборот, когда во всех решающих областях хозяйство делается плановым, а следовательно, делается плановым и обмен веществ между важнейшими отраслями хозяйства, делается плановым накопление, с одной стороны, и распределение средств потребления – с другой, тогда деньги превращаются лишь *в подсобное орудие планового распределения*. Они сохраняют еще свое былое значение лишь для необобщественной части хозяйства, но и то не для всей, а для ее рынка, в узком смысле этого слова, т.е. для того рынка, на котором происходит обмен веществ внутри необобщественной части хозяйства. Но мы уже видели из предыдущего, что мелкое необобщественное производство бросает на вольный рынок лишь меньшую часть своей продукции. А кроме того, в общехозяйственном плане страны эта продукция также уже учтена, и не только производство в мелком хозяйстве, но и все процессы на этом оставшемся рынке во многих отношениях уже регулируются государством. Таким образом, деньги оказываются здесь «в социалистическом окружении» и хозяйственная роль их становится весьма ограниченной.

В рассматриваемом нами периоде государство вполне овладело задачей регулирования денежного обращения. В этой области для него не существовало неразрешимых проблем. Оно разрешило также проблему замены золотого обращения бумажным, с сохранением за бумажными деньгами всех основных функций, выполнявшихся золотом.

Оно не торопилось изгонять деньги из обращения и искусственно ограничивать область денежных расчетов, поскольку, как увидим ниже, безденежные расчеты успешно вытесняли денежные естественным путем. При существовании смешанной системы хозяйства деньги имели огромное преимущество, их не могли заменить никакие «треды»* и прочие искусственно придумывавшиеся методы учета. Однако нечто вроде кризиса денежного обращения все же надвигалось. Корень этого кризиса заключался в следующем. В первое десятилетие нэпа размеры денежного товарооборота из года в год росли, хотя одновременно росли возможности безденежных расчетов в связи с развитием кредита и банковской системы. В период стабилизации валюты деньги уже не перебрасывались из рук в руки, товароборот рассасывал их в огромном количестве; благодаря развитию внешней торговли твердая валюта Российского государства в большом количестве требовалась за границу; кроме того, сильно развилось накопление в денежной форме. Я уже указывал, что правительство и Госбанк воспользовались этой ситуацией для увеличения своих оборотных средств, поскольку ежегодно делали добавочную эмиссию в размерах, которых требовали растущий товароборот и нужды накопления. Теперь же положение начало в корне меняться.

Хотя продукция промышленности и земледелия увеличивалась из года в год, однако денежный товарообмен стал сокращаться вследствие уменьшения области денежных расчетов. Уже плановое распределение заказов внутри государственного круга свело до минимума денежный оборот между самими государственными предприятиями. Деньгами уплачивалась лишь разница при расчетах; сумма же этой разницы по сравнению со всеми оборотами внутригосударственного круга составляла небольшой процент. Что касается способа выплаты заработной платы, то и здесь произошли существенные изменения. Рабочие большую часть заработной платы, а в некоторых районах почти всю заработную плату оставляли в кооперативах и органах государственной торговли, забирая там все необходимое. Кооперативы же покупали свои товары или в государственных предприятиях (большую часть), или на вольном рынке (меньшую часть). В частности, что касается продукции сельского хозяйства, например хлеба, мяса, жиров и т.д., то, если раньше большую часть этих продуктов кооперация покупала в деревне в порядке обычной торговли, теперь она получала в большинстве случаев от государства, имевшего все это в огромных количествах от продналога, погашения банковских ссуд, уплаты за товарный кредит государственных торговых органов и т.д. Таким образом, вместо денежных расчетов государственных предприятий с рабочими, денежных расчетов рабочих с кооперацией и, наконец, денежных расчетов кооперации с государством и его органами было гораздо проще и удобнее кооперации рассчитываться с госорганами при участии банка, так что в денежной форме выплачивалась только разница. Что же касается покупателей-рабочих, то кооперация по договору с государством была обязана при желании рабочего выплатить ему всю заработную плату в товарной форме по рабочей книжке, если бы он этого пожелал. Для этого кооперации отпускался достаточный кредит от государственных органов. Деньгами рабочему выплачивалось в конце месяца лишь то, что он не добрал по рабочей книжке в виде товаров в кооперативной лавке. В большинстве же случаев рабочий набирал больше, чем ему надлежало получить за месяц в качестве заработной платы, потому что он пользовался кредитом в своей кооперативной лавке. Конкретно, если рабочий набирал за месяц на 60 рублей золотом, а должен был получить в качестве заработной платы 70 руб., то при расчете в фабричной конторе он получал деньгами только разницу в 10 руб. В ряде мест, прежде всего там, где рабочие обыкновенно всю или почти всю заработную плату оставляли в кооперативе, стала применяться даже такая система, когда по соглашению заводоуправления с кооперацией окончательный расчет также и деньгами производился в самом кооперативе.

* Треды – синоним – трудодни.

Все это в целом означало вытеснение денег из огромной области товарооборота и расчетов, причем это достигалось без малейшего ущерба как для госорганов и кооперации, так и для рабочих. Расчет крестьянства с государством по продналогу был преимущественно безденежным, расчет по уплате за ссуды Госбанка – также в большинстве случаев безденежным и в значительной мере была безденежной расплата крестьянства с кооперацией за товары, данные крестьянству в кредит. Кроме того, благодаря развитию кредитной системы безденежные расчеты сокращались даже и внутри необобщественной части хозяйства. Поэтому с каждым годом потребность в деньгах все сокращалась. Если они обслуживали раньше весь товарооборот страны, как внутри государственного круга, так и вне его, то теперь они были совсем вытеснены из сферы внутригосударственных расчетов и в огромной мере из сферы обмена между государством и несоциализированным производством. Единственное поле, которое осталось за ними, это вольный рынок, в собственном смысле этого слова, причем емкость вольного рынка вследствие увеличения роли социализированного производства в экономике страны все сокращалась. Область применения денежных расчетов еще больше сократилась, когда было проведено обязательство каждого, не только государственного и кооперативного, но и частного предприятия (кроме мелких) иметь текущие счета в Госбанке, Торгово-промышленном банке и других связанных с ним кредитных учреждениях. Так, Госбанк и другие кредитные органы превратились постепенно не только в коллекторы свободных средств, в казначейство избыточного капитала страны, но и в бухгалтерию всего социалистического хозяйства, не исключая и части предприятий необобщественного круга.

Какова же была роль денег теперь?

Для рабочих, получавших деньгами разницу между забором и месячной платой, это было средством купить что-либо вне кооперации, т.е. средством для более свободной ориентировки на вольном рынке. Для государственных предприятий это было средством расчета между собой, с кооперацией и крестьянством, т.е. деньги были средством платежа. Поскольку эти платежи взаимно не погашались и был остаток, этот остаток был фондом для закупки на вольном рынке, который, в свою очередь, покупал у государственных предприятий. Здесь деньги играли роль средств обращения между двумя системами хозяйства. Были ли деньги средством накопления? Были, но при системе кредита, когда все накопление страны обыкновенно притекает в банки, эти деньги пускались банками в оборот, а при самом взносе в банк играли лишь роль свидетельства на определенную долю национального дохода. Как наконец обстояло дело с важнейшей функцией денег в товарном хозяйстве, с их ролью мерила стоимости? С тех пор, как большая часть продукции страны производилась уже в социализированной части хозяйства, руководимой плановыми органами, с тех пор, как не рынок управлял государственным хозяйством, а государственное хозяйство стало управлять рынком, игравшим теперь лишь роль корректива к плановому хозяйству; когда, в частности, не рынок назначал цены в результате стихийной равнодействующей спроса и предложения, а цена назначалась для рынка, – с тех пор роль денег как средства измерения стоимости постепенно стала отмирать. Обществу уже не нужно идти окольным путем для определения того, что лежит в основе ценности, т.е. для определения количества общественно необходимого труда, потраченного в среднем на тот или иной массовый продукт. Эту величину можно определить прямым путем, т.е. путем вычисления в центральной бухгалтерии и статистике господствующей части хозяйства и затем уже выразить в деньгах. Деньги при таких условиях остаются технически необходимым средством для общедоступного выражения стоимости. То же, что они должны выразить на языке своих цифр, – это им диктует бухгалтерия и статистика социалистического хозяйства. Иными словами, деньги сохраняют те свои функции, которые нужны для планового хозяйства. В основном же они постепенно трансформируются либо в свидетельства на определенную часть националь-

ного дохода, т.е. в данном случае в талоны, либо в свидетельства на получение определенного количества сырья и орудий производства, т.е. в разрешительной квитанции или ордера планового хозяйства. Прежнюю роль они сохраняют за собой лишь на вольном рынке необобществленной части хозяйства, т.е. той части хозяйства, которая сама уже не играет самостоятельной роли в экономике страны. Этот процесс происходит естественным порядком, без потрясения, незаметно, как незаметно товарно-социалистическая система хозяйства при диктатуре пролетариата превращается в социалистическо-товарную, а последняя – в чисто социалистическую.

Что же делалось «с безработными деньгами»? Ведь по законам денежного обращения описанные выше процессы должны были неизбежно привести к систематическому ежегодному падению их курса?

Фактически это явление и наблюдалось. Курс твердого рубля внутри страны начал теперь падать, но падал он не вследствие расстройства хозяйства, а вследствие его прогрессивного развития. Чтобы избежать этого обесценивания, весьма неудобного для хозяйственного развития, было два выхода: или ежегодно уменьшать количество находящихся в стране денег путем их изъятия, уничтожения либо хранения в кладовых банков на память потомству; или регулировать процесс путем ежегодного обмена всех наличных денег в стране на новые деньги, с понижением их номинальной стоимости (скажем, 10 старых рублей приравняется к 9 полноценным новым рублям). Правительство было достаточно сильно и политически, и экономически, чтобы осуществить второе мероприятие, которое с узко финансовой точки зрения было более выгодно. Но эта была слишком громоздкая мера, к которой пришлось бы прибегать к тому же почти ежегодно. Государство предпочло пойти первым путем, т.е. путем дефляции, осуществив для этой цели несколько внутренних займов. Благодаря этому количество денег в стране приспособлялось к нуждам оборота, иными словами, количество их уменьшалось с каждым годом. Деньги теряли не только свои прежние экономические функции, превращаясь постепенно в талоны, но и умирали физически.

Теперь скажем несколько слов относительно судьбы мелкой промышленности в этот период. Во время развала крупной индустрии роль ремесла и кустарной промышленности в огромной степени возросла во всем хозяйстве. Если до войны чистая продукция ремесленников и кустарей по своей стоимости была равна от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{4}$ стоимости капиталистической промышленности, то во время революции стоимость их почти равнялась продукции государственной промышленности. Когда начала восстанавливаться крупная промышленность, когда ее выработка достигла довоенного уровня, роль ремесла и кустарной промышленности стали быстро падать. Это падение еще больше обозначилось тогда, когда государство поставило себе одной из очередных производственных задач убить те отрасли ремесла и кустарной промышленности, в которых мелкое производство давно могло быть заменено машинным и которые существовали в России только потому, что довоенный капитализм варварски эксплуатировал рабочую силу и не имел интереса при низких заработных платах вводить машины в ряд отраслей. В то же время в районах действия электрических станций сохранение некоторых видов ремесла делалось явно бессмысленным с экономической точки зрения. Таким образом, восстановление промышленности не только привело к вытеснению мелкого производства из тех областей, куда оно забралось, пользуясь временным развалом крупной промышленности, но и из тех областей, где оно держалось и перед войной.

Однако ремесло проявляло большую живучесть. Во-первых, в силу того что само улучшение техники в сельском хозяйстве высвобождало часть рабочего времени крестьянина, толкая его на кустарничество как на подсобное и второстепенное занятие. Еще в период военного коммунизма коллективный труд в земледельческих коммунах и артелях, особенно благодаря освобождению женского труда от работы на кухне, приводил к

тому, что у коммунаров, в сравнении с крестьянами соседних деревень, высвобождалась часть времени от сельскохозяйственных работ. Это время коммунары обычно употребляли на различные побочные промыслы. Наконец, у крестьянства вследствие сезонности сельскохозяйственных работ зимой оставалось много свободного времени, которое обыкновенно употреблялось на ручное ткачество и целый ряд кустарных работ. Все эти причины замедляли ликвидацию пережитков средневековья в мелкой промышленности.

Наконец, имело значение и то обстоятельство, что крупная промышленность, заменяя ремесло, не всегда могла поглотить ту избыточную рабочую силу, которая при этом образовывалась. Если, допустим, благодаря машинному производству 1000 рабочих при машинах начинает выполнять работу 5000 ремесленников, то остающиеся 4000 должны где-то разместиться в крупной промышленности. При очень быстром развитии промышленности это размещение вытесненной из ремесла рабочей силы идет более или менее нормально. При задержке же развития крупной промышленности часть разоренных ремесленников остается без работы, что обыкновенно толкает ремесло к попытке конкурировать с крупной промышленностью путем страшной эксплуатации рабочей силы ремесленника и его семьи и путем сведения к минимуму личного потребления.

Но выше мы видели, что быстрое развитие вперед советской промышленности стало тормозиться в определенный момент отсталостью земледелия. Таким образом, в эту ахиллесову пяту, т.е. в застой земледелия, промышленность упиралась и на фронте своей борьбы с ремеслом. И тут все дороги вели в Рим, т.е. к пролетарской революции на Западе.

* * *

Мое краткое изложение экономического развития России может создать у вас иллюзию, что весь процесс борьбы социализма с капиталистическими формами и со всеми силами прошлого, которые окружали социалистический остров пролетарского хозяйства в крестьянской стране, протекал легко и безболезненно, за исключением момента взрыва нэповской контрреволюции. Такое представление было бы ошибочно. Стоит только углубиться в изучение советской печати этого периода, в изучение докладов, прений и резолюций на партийных и советских съездах этого периода, чтобы убедиться, как много опасностей встречал на каждом шагу режим пролетарской диктатуры. Правда, наши деды преувеличивали некоторые из этих опасностей либо слишком поздно замечали реально существующие. Но опасности эти были, и с ними велась жестокая борьба. Пролетарская власть пережила несколько критических моментов в своем существовании. Эти моменты были: период Брестского мира; июль и август 1918 г., когда белогвардейские силы были очень близки к победе, а Красная армия только начинала строиться; период наибольших успехов Юденича и Деникина; момент Кронштадтского восстания. Переход к новой экономической политике отвратил опасность со стороны мелкобуржуазной контрреволюции, которая была тем более серьезна, что часть городских рабочих в обстановке голода и нужды находилась тогда под сильным влиянием крестьянских настроений. Первые годы нэпа были годами довольно спокойного существования Советского государства. Хотя государственная промышленность и была разрушена, а пролетариат в значительной мере деклассирован, но зато и капитализм не собрался еще с силами, он только вступал в эпоху «второначального накопления». Опасность началась с того момента, когда развитие капиталистических отношений стало быстро идти вперед и капитализм в России на хозяйственной почве мог обогнать социалистическое строительство. Эта опасность особенно сильно чувствовалась в первой половине десятилетия новой экономической политики. Рабочий класс и коммунистическая партия в борьбе с капитализмом должны были опираться не столько на свою экономическую базу, сколько на средства внеэкономического давления. А для такого давления было необходимо иметь

все пролетарские и коммунистические силы сжатыми в один кулак, резко противопоставить их идеологически и организационно разлагающим буржуазным и мелкобуржуазным влияниям. Между тем это было до крайности трудно; и в самой задаче заключалось внутреннее противоречие, потому что крупная промышленность могла экономически подчинить мелкое производство и капиталистические отношения не путем экономической изоляции от них, а путем переплета с ними. В этот момент была огромная опасность от культурного превосходства побежденного класса над победившим. Социализм в своем хозяйственном строительстве не мог обойтись без помощи буржуазных элементов, потому что самая стройка требовала более высокой культуры, чем та, которая была доступна пролетариату этой эпохи. Буржуазные специалисты представляли в этот период еще большую опасность, чем в период военного коммунизма, потому что все их буржуазные навыки, психология враждебности к новому строю питались из неиссякаемых источников тех самых капиталистических отношений, которые социализм должен был использовать для развития производительных сил страны. Наиболее опасными, наиболее критическими для пролетарской власти были как раз те годы, когда крупная промышленность еще не стала полностью на ноги, а рабочий класс еще не выделил достаточного передового кадра во всех областях хозяйственного строительства, который сменил бы старых буржуазных спецов. Это был период максимального развития взяточничества, хищения государственного имущества, издевательства буржуазных элементов над неудачами государственного хозяйства; это был период, когда даже часть Коммунистической партии подвергалась опасности разложения. Коммунистическая партия начала энергичнейшую борьбу за поднятие культурного уровня рабочего класса и за завоевание высших школ и науки для пролетариата. Высшая школа благодаря этим усилиям постепенно сделалась действительно пролетарской. С другой стороны, Коммунистическая партия прибегла к новой чистке. Задача этой чистки заключалась в том, чтобы освободиться от тех элементов, которые разложились под влиянием нэпа, которые стали «умеренными» по отношению к буржуазии и которые, в сущности, превратились в агентов противника на командных постах пролетарской диктатуры.

В этот период началась также борьба за нового советского человека, за перерождение самого национального типа русского рабочего. Советская промышленность не могла быстро двигаться вперед, пока не были побеждены в самом рабочем классе не только невежество и некультурность, но и лень, недобросовестность в труде, разгильдяйство. Советская промышленность не могла победить, если бы в ней не была проведена новая научная организация труда и не выработан такой тип рабочего, который соответствовал бы более высокому типу индустрии.

Моя история не есть история культуры советского периода; я не могу останавливаться на всех тех проблемах, над разрешением которых бились наши деды. Эти проблемы они разрешили с честью. Но и в области хозяйственной и культурной борьбы был, следовательно, момент, когда существование пролетарского режима в России в период новой экономической политики находилось под вопросом. Победа социализма выяснилась только тогда, когда восстановление крупной промышленности стало обгонять развитие капиталистических отношений, когда в области культуры рабочий класс стал догонять низвергнутый класс, а в то же время в Западной Европе выявилось хозяйственное банкротство капитализма и начала нарастать новая волна мировой пролетарской революции.

О пролетарской революции в Западной Европе я буду говорить.

Титульный лист журнала
«Вестник Коммунистической
академии». 1926 г.

ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

КНИГА
XVII

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
СЕКЦИЯ ЭКОНОМИКИ

П72

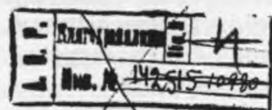
Е. Преображенский.

1926

Экономические Кризисы при НЭП'е.

Стенограмма доклада,
читанного в С. Акаде-
мии 1 ноября 1923 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА—1924.

Титульный лист
книги Е.А. Преображенского
«Экономические кризисы
при нэпе». 1924 г.

к
Е. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ.

2 11 011
П72
П-42

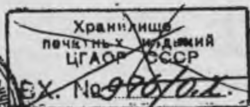
Титульный лист
книги Е.А. Преображенского
«О материальной базе культуры
в социалистическом обществе».
1923 г.

О материальной базе культуры

1068. В социалистическом обществе.

335
1779

(Доклад, сделанный в Центральном
Клубе Московского Пролеткульта
имёни Ф. И. КАЛИНИНА).

Всероссийский Пролеткул
Москва 1923.

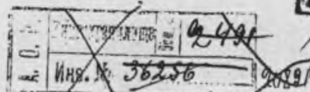
1772

ОТ НЭПА К СОЦИАЛИЗМУ

(взгляд в будущее России и Европы)

Е. Преображенский

Титульный лист
книги Е.А. Преображенского
«От нэпа к социализму
(Взгляд в будущее России и Европы)».
1922 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»
МОСКВА - 1922

Е. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

Титульный лист
книги Е.А. Преображенского
«О морали и классовых нормах».
1923 г.

О МОРАЛИ И КЛАССОВЫХ НОРМАХ

Общ. б-ка

ЦГАОР	Классификация	№ инв.	№ кат.
	Классификация	7582	1

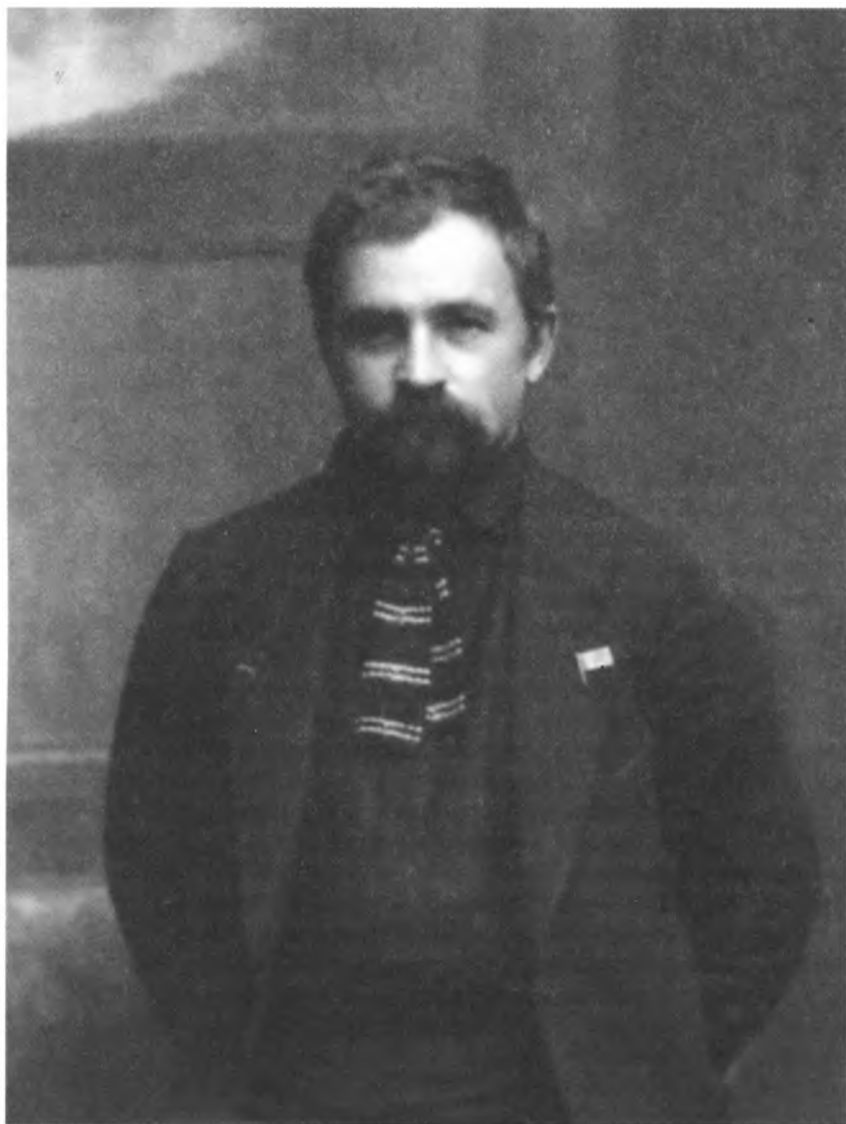
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ХРАНИЛИЩЕ
 МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАДСКО-МОСКОВСКОЕ
 ЦГАОР ССР
 ВХ. № ~~7582~~

Посвящается
Феликсу Эдмундовичу
Дзержинскому.

НАУЧНАЯ
 БИБЛИОТЕКА
 020166
 144619

Посвящение, помещенное
на авантитуле книги
Е.А. Преображенского
«О морали и классовых нормах».
1923 г.

Гиз. № 4905. Главлит. № 10251. Москва. Напеч. 15.000 экз.
„Мосполиграф“. 1-я Образцовая тип., Пятницкая, 71.

*Е.А. Преображенский. Октябрь 1922 г.
Фрагмент фотографии (РГАКФД. Е-445)*

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Е.А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ: ОБЗОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ РАБОТ

В истории политической экономии 1920-х гг. выделяется яркая фигура видного деятеля большевистской партии, члена президиума Коммунистической академии, теоретика-экономиста, журналиста и литератора Евгения Алексеевича Преображенского, 1886 г. рождения. Выходец из семьи священника и законоучителя Болховского приходского училища Орловской губернии, Е.А. Преображенский рано вступил на поприще революционной деятельности¹. Уже в 1905 г., будучи зачисленным в Московский университет, он, ответственный пропагандист Пресненского района, участвует в боях вооруженного восстания в Москве. Преображенского с полным правом можно отнести ко второму, более младшему, поколению большевистской «старой гвардии», вступившей в революционную деятельность в годы первой русской революции.

Дореволюционный путь Е.А. Преображенского вполне типичен для большевика: активная революционная деятельность, работа в социал-демократической ячейке или партийном комитете, затем арест, ссылка, побег и снова революционная деятельность. В сохранившихся документах Департамента полиции он фигурирует как «видный член Российской социал-демократической партии»². В годы подполья и ссылки, что также было довольно типично для большевиков, Е.А. Преображенский сумел самостоятельно познакомиться и изучить основные произведения марксизма, специально исследовать финансовые проблемы, аграрный вопрос, посвятив этим сюжетам ряд публикаций в новониколаевской газете «Обская жизнь» (1912)³. Поэтому не случайно, будучи в 1918 г. на Урале, в Екатеринбурге, Е.А. Преображенский читает курс лекций в Народном университете – по политической экономии, в Уральской областной партийной школе – по истории экономики России, финансовому и аграрному вопросам. Как член редакционной коллегии газеты «Уральский рабочий» вместе с Г.И. Сафаровым он ведет политический и экономический отделы газеты⁴. В это время Е.А. Преображенский получает возможность не только открыто излагать свои экономические взгляды, но и оказывать непосредственное воздействие на формирование линии большевистской партии в хозяйственных вопросах.

Левый коммунист

В январе – феврале 1918 г. Е.А. Преображенский активно сотрудничает в «Правде», где почти каждый день публикуются его статьи на злободневные политические темы. В составе большевистской фракции Е.А. Преображенский присутствует и дважды выступает на заседаниях исторического III съезда Советов: в прениях по отчету о работе СНК

(В.И. Ленин), по национальному вопросу и основам будущей конституции (И.В. Сталин). Конец зимы 1917 г. и начало весны 1918 г. – особый период в истории большевистской партии и Советского государства: это было время установления советской власти и «красногвардейской атаки» на капитал.

Большевики взяли курс на развитие политического и хозяйственного творчества народных масс, накопление практического опыта. Однако практическая реализация «творчества масс» в течение первых месяцев советской власти привела к еще большему обострению социальных и экономических проблем, доставшихся в наследство от Временного правительства. Одновременно сохранявшееся состояние войны с Германией не позволяло сконцентрироваться на решении внутренних проблем, отвлекало значительные силы и средства на удержание линии фронта. Все это подтолкнуло В.И. Ленина к обоснованию идеи «передышки» в ходе войны с помощью немедленного заключения сепаратного и аннексионистского мира с Германией. От чисто военного смысла такого шага В.И. Ленин к весне 1918 г. пришел к более широкой концепции временной остановки революционных преобразований как необходимого тактического шага на пути к социализму. Такой резкий поворот В.И. Ленина вызвал острейшую дискуссию в партии.

Представители образовавшейся фракции «левых коммунистов» со своим органом – журналом «Коммунист» – утверждали, что программа В.И. Ленина грозит сползанием общества к государственному капитализму, ведет к гибели революции. Они сформулировали программу «строительства пролетарского социализма»⁵, которая позже, в годы Гражданской войны и военного коммунизма, получит распространение в РКП(б).

Е.А. Преображенский принимал самое активное участие в теоретической и практической работе «левых коммунистов». 21 января 1918 г. на расширенном заседании ЦК с представителями различных течений по вопросу о заключении Брестского мира Е.А. Преображенский занял позицию, весьма близкую к взглядам Н.И. Бухарина⁶. В марте, когда вопрос о Брестском мире приобрел особую остроту, Е.А. Преображенский полностью солидаризируется со взглядами «левых», широко пропагандирует их в Уральской областной партийной организации. В это же время его литературная деятельность переносится со страниц «Правды» (одновременно с уходом Н.И. Бухарина с поста ее редактора) на страницы «Уральского рабочего». Здесь Е.А. Преображенский публикует серию статей под названием «Война или мир», посвященных проблеме Брестского мира. Вывод его таков: «Весь план т. Ленина является, в сущности говоря, попыткой спасти жизнь советской власти посредством самоубийства»⁷. Почти вся партийная организация Урала поддержала позицию «левых коммунистов»⁸.

Не менее активно участвовал Е.А. Преображенский и во второй части дискуссии, когда в апреле – мае 1918 г. обсуждались вопросы экономической организации общества, а в центре спора оказался вопрос о госкапитализме⁹.

Для понимания первоначальных взглядов Е.А. Преображенского, с которыми он вступил в революцию и которые определяли его более поздние подходы к вопросам экономического строительства, необходимо проанализировать резолюцию Уральской областной партийной конференции, подготовленную и принятую при его непосредственном участии. Преображенский высоко оценивал эту резолюцию, так как считал, что ее положения были не только продуктом теоретизирования, но и результатом первого практического опыта «в деле социалистического переустройства Урала»¹⁰. Прежде всего, мы находим в этом важном документе констатацию наличия двух объективно возможных путей развития производительных сил страны: либо допущение в страну иностранного капитала, восстановление капиталистического режима и постепенная ликвидация всех начатых социалистических преобразований, либо воссоздание промышленности собственными силами, использование иностранного капитала лишь для закупки средств производства, окончательная ликвидация буржуазной собственности и завершение все-

го переустройства хозяйства на социалистических началах. «Между этими двумя единственно возможными и в то же время взаимно исключающими методами (способами) экономического переустройства страны не может быть никакого компромисса, никакого среднего пути», — указывалось в резолюции¹¹. В целом же коммунисты Урала считали «единственно возможным для пролетарской коммунистической партии путь экономического переустройства страны на основе неуклонного, решительного и последовательного строительства социалистического хозяйства»¹². Что же касается практических предложений по организации такого хозяйства, то многие из предлагавшихся тогда экономических мероприятий не выходили за рамки известных положений VI съезда РКП(б): переход к организации всего общественного производства и потребления под непосредственным контролем и руководством производственных рабочих союзов и соответствующих экономических объединений крестьянской бедноты, государственное трестирование крупных отраслей промышленности и привлечение в сферу их влияния мелких и отсталых предприятий, развитие общественной организации производства в сельском хозяйстве, установление правильного продуктообмена между городом и деревней через государственные органы снабжения, организация потребительских коммун с обязательной записью всех потребителей в их состав и др.

В этот же период опубликована и первая, сравнительно крупная работа Е.А. Преображенского «Анархизм и коммунизм». Ее появление было обусловлено тем, что революция способствовала росту популярности среди рабочего класса идей анархо-синдикализма. Поэтому значительное место в книге было уделено сравнительному анализу экономических программ коммунистов и анархистов. Коммунистический идеал организации производства представлялся Е.А. Преображенскому в виде жестко централизованного планового хозяйства, в котором «каждая отрасль промышленности получает свой урок, высчитанный согласно потребности в этом продукте во всей стране»¹³, а «распределение рабочих сил между промышленностью и земледелием также должно удовлетворять сознательно выработанному на основании статистики плану»¹⁴. «При коммунизме, — писал тогда Е.А. Преображенский, — ...растраты общественного труда не будет, потому что роль рынка... будет заменена работой статистика»¹⁵.

Любопытны аргументы, выдвинутые Е.А. Преображенским против «экономического идеала анархизма», являющегося, по его словам, «реакционной утопией», «мелкобуржуазным изданием капиталистического товарного хозяйства», «шагом назад даже в сравнении с развитым капитализмом». Анархисты выступали «за передачу орудий производства не всем трудящимся в целом, а отдельным товариществам, группам, артелям трудящихся», высказывались «против регулирования производства из особого, избранного трудящимися хозяйственного центра», были сторонниками прямого продуктообмена между коммунами производителей на основе добровольного соглашения¹⁶. Е.А. Преображенский указывает на неразрешимое противоречие анархистской доктрины: «...Либо свобода торговли между отдельными коммунами... (купля-продажа тоже добровольное соглашение), тогда распределения рабочих сил можно добиться тем же путем, как при капитализме, но тогда долой всякое равенство, да здравствует свобода конкуренции. ...Либо учет и контроль над производством в масштабе страны, а потом всего мира. Но тогда долой независимые друг от друга коммуны...». Практическим социальным результатом осуществления анархистской экономической модели, по мысли Е.А. Преображенского, явилось бы возникновение сильнейшего неравенства в доходах между различными коммунами, что создало бы почву для гражданской войны внутри рабочего класса. «Каждая самостоятельная коммуна-завод может стать твердыней для защиты узких групповых интересов именно данного завода, а не всех работников общества, и это поведет к тому неравенству в распределении, от которого каждый честный анархист должен прийти в ужас», — писал Е.А. Преображенский¹⁷. Он же привел и

пример (во втором издании книги), как в 1918 г., когда шла ожесточенная Гражданская война, рабочие Черемховских копей, пользуясь повышенным спросом на уголь со стороны железных дорог, взвинтили цены и стали получать в пять раз больше, чем рабочие других предприятий Сибири¹⁸.

Соавтор «Азбуки»

В 1919 г. Е.А. Преображенский отзывается в Москву, где начинает работать в редакции «Правды». От Пензенской губернской организации РКП(б) он делегируется на VIII съезд партии. Е.А. Преображенского избирают вместе с В.И. Лениным, Л.Б. Каменевым, Г.Е. Зиновьевым, Г.Л. Пятаковым, Г.Е. Евдокимовым, П.Г. Смидовичем в президиум съезда. Он вошел также в состав комиссии, которая редактировала и готовила окончательный вариант программы, принятой на съезде. После съезда на материале текста программы Е.А. Преображенский и Н.И. Бухарин всего за три недели написали «Азбуку коммунизма» – популярный учебник коммунистической грамоты для партийных школ, основанный на материалах новой программы РКП(б). Н.И. Бухарин взял на себя в основном освещение общетеоретических аспектов программы¹⁹, а Е.А. Преображенский – написание глав по организации сельского хозяйства, распределения, банков, денежного обращения и финансов в пролетарском государстве. Такое разделение соответствовало и научным интересам каждого из авторов. В результате получилась, по словам В.И. Ленина, «в высшей степени ценная книжка», в которой была «превосходно разъяснена» программа партии²⁰.

Большая глава «Азбуки» была посвящена организации сельского хозяйства и задачам РКП(б) по отношению к крестьянству. Е.А. Преображенский, как и все марксисты в тот период, связывал будущее сельского хозяйства с крупным коллективным производством. При этом его отличал достаточно трезвый и реалистический взгляд на перспективы преобразования деревни в России. «...Какие бы успехи мы ни имели в области организации совхозов и коммун, – писал Е.А. Преображенский, – мелкое крестьянское хозяйство еще долго будет существовать и значительное время будет *господствующей формой земледелия в России...*»²¹ Именно поэтому программа партии намечала переходные меры, которые должны были помочь мелкому крестьянскому хозяйству увидеть преимущества коллективного земледелия. «К социалистическому переустройству земледелия, – отмечал Е.А. Преображенский в своей более ранней работе «Крестьянская Россия и социализм», – нам придется идти не прямым путем, как можно было бы поступить в стране крупного сельского хозяйства, а придется сделать длинное и трудное обходное движение»²².

Однако Е.А. Преображенский не был бы марксистом, если бы не отметил социальной дифференциации крестьянства. Его отношение к кулачеству (как, впрочем, и у В.И. Ленина в этот период) подчеркнуто враждебно: «Кулачество до своей полной ликвидации неизбежно должно выступить в качестве непримиримого врага пролетарского государства и его земельной политики и, в свою очередь, может ожидать от советской власти лишь самой беспощадной борьбы со своими контрреволюционными попытками. Не исключена возможность и того, что советской власти придется проводить планомерную экспроприацию кулачества, мобилизуя его на общественные работы, и прежде всего на работы по мелиорации крестьянских и государственных земель»²³. Отметим, что возможность применения таких мер в отношении кулачества еще не означает их обязательности, увязывается Е.А. Преображенским с «контрреволюционными попытками» со стороны кулаков. Кроме того, не следует забывать, что это написано в разгар Гражданской войны, когда кулачество с оружием в руках боролось против большевистской власти. Впоследствии Е.А. Преображенский изменит свою позицию. Да и в те годы она

не отличалась крайностью. Так, прогнозируя в начале 1918 г. обострение борьбы внутри крестьянства, он призывает партию «заботиться о том, чтобы борьба не вылилась в формы стихийного бунтарства с люмпен-пролетарским уклоном в сторону «поравнения» и заглядывания в сундуки, а привела к экономическому союзу бедноты... которая могла бы перейти к артельной обработке земли»²⁴.

Для Е.А. Преображенского характерно постоянное присутствие в его построениях критерия экономической эффективности, рациональности. В «Азбуке коммунизма», развивая мысли о бедняцких артелях и коммунах, он писал, что «это будет уже не диктатура в собственном смысле бедноты, не господство «голи и дармоедов», как жаловался кулак в период комбедов, и не всегда безосновательно. Это будет господство передового слоя трудящейся деревни, обогнавшего большинство на два столетия»²⁵. В отношении середняка Е.А. Преображенский исходил из знаменитого ленинского «не смей командовать». Он писал: «...Борясь за социалистическое переустройство сельского хозяйства, мы не должны раздражать середняка неосторожностью и поспешностью своих мероприятий, всячески избегая насильственного притягивания его к коммунам и артелям»²⁶.

Немало места уделил Е.А. Преображенский в «Азбуке» и проблемам организации распределения, банков и денежного обращения, финансов. Все было подчинено здесь показу ступеней ликвидации товарно-денежных отношений и переходу к натуральному хозяйственному строю. По мысли Е.А. Преображенского, процесс ликвидации денег пройдет через несколько стадий. Первоначально деньги пропадут в национализированном хозяйстве: на фабриках, железных дорогах, в совхозах и т.д., исчезнут из области расчетов между государством и рабочими и служащими советских предприятий. На второй стадии деньги будут заменены товарообменом в оборотах между государственным и мелким производством. Наконец, на последней стадии деньги уходят из сферы мелкого хозяйства, ликвидируясь как общественное явление «лишь вместе с самым мелким хозяйством»²⁷. Последнее указывало на то, что Е.А. Преображенский достаточно осторожно подходил к конструированию подобных общественных проектов, понимал конкретные условия России, в которых большевикам приходилось реализовывать свой социалистический идеал.

Чуть позже после «Азбуки коммунизма» Е.А. Преображенский продолжит свои исследования в области марксистской теории денег и перспектив денежного обращения в стране. Результатом этого стала вышедшая в 1920 г. книга «Бумажные деньги в эпоху диктатуры пролетариата», высоко оцененная В.И. Лениным. Несмотря на явную печать опыта «военного коммунизма» в области уничтожения денег, данная работа характеризовала научную добросовестность автора. М.С. Ольминский в рецензии на книгу Е.А. Преображенского отметил: «...автор быстрыми шагами идет к освобождению от ходячих глупостей о близком уничтожении денег, знаменующим скоропалительное водворение «социализма»²⁸. Е.А. Преображенский показал в книге, что он хорошо понимал объективные корни товарно-денежных отношений и условия, при которых они неизбежно будут сохраняться. Он писал, что «деньги, как средства обращения и накопления, умрут вместе с товарным хозяйством»²⁹ и что источник товарно-денежных отношений – крестьянское хозяйство – еще долго будет сосуществовать с социалистическим производством. «...Медленное умирание нашего бумажного рубля связано с хозяйственными особенностями России», – подчеркивал Преображенский³⁰. Позже на этой почве у него родится идея введения «серебряной валюты», которую он отстаивал в выступлении на X съезде РКП(б). Речь шла о создании твердой валютной основы денежной части заработной платы рабочим³¹ для покупки товаров у крестьянства через «вольный рынок». Кроме того, «серебряная валюта» должна была стать основой для выпуска новых бумажных денег, позволявших государству ввиду отсутствия других доходов получать особый «эмиссионный» налог.

Во главе финансовой комиссии

Переход к нэпу еще больше усилил потребность в упорядочении денежной системы страны. «Мы поставлены теперь перед необходимостью пересмотреть вопрос о финансовой и тарифной политике во всем объеме», – говорил Е.А. Преображенский на X съезде РКП(б)³². По решению съезда для проведения основных финансовых реформ ЦК партии была назначена комиссия под председательством Е.А. Преображенского. В нее даже вошли Н.Н. Крестинский, А.О. Альский, О.Ю. Шмидт, Ф.Ф. Сыромолотов, И.Т. Смилга, А.М. Лежава, Ю. Ларин, А.С. Киселев, А.М. Краснощеков и Г.Я. Сокольников. Комиссия занималась разработкой основных вопросов кредита, денежного обращения, бюджетного дела и налогового законодательства в условиях перехода к нэпу. Поэтому почти все основные заботы Е.А. Преображенского сводились в первые годы нэпа к разработке финансовых проблем, обоснованию путей стабилизации денежного обращения. Свою позицию он излагал в многочисленных статьях в «Правде», «Экономической жизни», в выступлениях на дискуссиях, в ряде брошюр, посвященных финансовым проблемам. Именно в этот период и как председатель финансовой комиссии ЦК и Совнаркома, и как член коллегии Наркомфина он глубоко вник в механизмы денежного обращения, в формирование статей государственного бюджета, налоговую политику. Вопросы осуществления общей финансовой и денежной реформы ставились Преображенским в контекст существенного улучшения экономического положения как всего народного хозяйства, так и государственного сектора в особенности. А реальность 1921 г. была такова, что единственными источниками государственных доходов были продналог с крестьянства и широкая денежная эмиссия. Поэтому первым шагом к денежной реформе должно было стать ограничение денежной эмиссии, увеличение государственного бюджета за счет налогов и других экономических источников, постепенная ликвидация его дефицита. С этими задачами и пытались справиться в первые годы нэпа члены финансовой комиссии.

Из-за новизны решаемых задач и отсутствия у большевиков опыта проведения финансовых реформ не все при осуществлении практических мер по финансовому оздоровлению хозяйства на первых порах оказалось удачным. Типичным примером является печальная история составления первого бюджета Республики на девять месяцев 1922 г. Заместитель наркома финансов Г.Я. Сокольников отмечал в то время, что «бюджет, который представлял из себя, конечно, громадный шаг вперед, который составляет основу для дальнейшей работы, этот бюджет имел целый ряд недостатков, прежде всего потому, что он был необычайно спешно составлен, и благодаря этой спешности и отсутствию статистических материалов в него вкрались существенные ошибки»³³.

Составленный на январь – сентябрь 1922 г. при участии Г.Я. Сокольникова, Н.Н. Крестинского, Е.А. Преображенского, Ю. Ларина и других, утвержденный IX съездом Советов, «твердый бюджет в золотом исчислении» не сумел обеспечить стабилизацию валюты, сдерживание эмиссии. Наоборот, в конце 1921 – начале 1922 г. произошло резкое увеличение темпа эмиссии, обесценения денег, что было связано прежде всего с неурожаем и голодом 1921 г.

В условиях обострившегося финансового кризиса в марте 1922 г. в Москве собрался XI съезд РКП(б), на котором впервые в истории партии одно из центральных мест занимало обсуждение программы финансовой стабилизации. Е.А. Преображенский сделал на съезде содоклад по финансовому вопросу вслед за Г.Я. Сокольниковым. Докладчики ввиду острого бюджетного дефицита исключали «возможность немедленной денежной реформы, направленной на создание устойчивой денежной валюты»³⁴. Первоочередной задачей в тот момент являлась разработка совокупности специальных экономических

мероприятий, нацеленных на общее финансовое оздоровление народного хозяйства. Резолюция съезда по финансовому вопросу, подготовленная Г.Я. Сокольниковым и Е.А. Преображенским, включала в себя широкое развитие всех видов торговли, денатурализацию народного хозяйства, радикальную разгрузку Советского государства от балласта мелких и средних предприятий, национализированных в годы Гражданской войны, жесткую урезку административного аппарата и др.

Вместе с необходимостью скорейшего финансового оздоровления страны в народном хозяйстве все более ощущалась потребность в устойчивом измерителе стоимости товаров. В экономической литературе, периодической печати, в многочисленных финансово-экономических докладах в 1922 г. развернулось широкое обсуждение вопроса о том, способно ли золото в новых экономических условиях служить мериллом стоимости и масштабом цен. Е.А. Преображенский также не остался в стороне от этих дискуссий³⁵. В ходе них были высказаны три основные точки зрения. Г.Я. Сокольников и его единомышленники в Наркомфине считали, что золото уже начинает выступать как мерило стоимости и именно на него (т.е. на реальный золотой рубль) надо ориентироваться в расчетах. С.Г. Струмилин и некоторые другие полагали, что золото не только не является мерой стоимости, но может быть в своих функциях вообще заменено бумажными деньгами, роль же золота в деле стихийного регулирования хозяйственных процессов возьмет на себя государство, его плановые органы. Наконец, Е.А. Преображенский и довольно большая группа его сторонников в ВСНХ, Госплане считали, что мериллом стоимости в тех условиях может стать довоенный золотой рубль, который и следует использовать до установления твердой бумажной валюты, котируемой за границей и базирующейся уже на золоте как на мировых деньгах. Эта позиция получила не только теоретическое, но и практическое подкрепление. В течение 1921 г. и части 1922 г. большинство основных финансовых операций осуществлялось в стране с помощью так называемого «товарного рубля», т.е. рубля покупательной силы 1913 г., скорректированного на товарный индекс цен 1913–1921 гг. Важно отметить, что Е.А. Преображенский видел преходящий характер этих идей и отнюдь не отрицал необходимости введения на завершающем этапе, когда стабилизируется цена золота, твердой, обеспеченной золотом валюты³⁶. Использование в народном хозяйстве денежных расчетов на базе «товарного рубля» при всех своих недостатках подготовило почву для следующего этапа финансовой реформы: введения червонца и восстановления реального золотого содержания советских денег, которое уже осуществлялось без активного участия Е.А. Преображенского, ставшего к 1924 г. одним из теоретиков «левой оппозиции».

Аграрный вопрос и перспективы нэпа

На XI съезде РКП(б) Е.А. Преображенский выступал не только по вопросам финансовой политики. В самом начале работы съезда он предложил рассмотреть специальным пунктом повестки дня вопрос о политике партии в деревне³⁷. Действительно, в опубликованном в «Правде» 27 января и 12 февраля 1922 г. порядке дня съезда этот вопрос не значился. Е.А. Преображенский подготовил тезисы, в которых попытался с учетом начавшихся процессов развития товарно-денежных отношений в деревне наметить задачи партии в отношении различных слоев крестьянства. Тезисы были первоначально посланы В.И. Ленину. Ознакомившись с ними, вождь большевиков направил письмо членам Политбюро, в котором признал тезисы «неподходящими» и предложил вместо них организовать на съезде совещание делегатов, работающих в деревне, с целью изучения местного практического опыта. «Все тезисы т. Преображенского архи- и переакадемичны; интеллигентщина, кружковщина, литературщина, а не практическая гос- и хозяйственная» – такова была жесткая оценка В.И. Ленина³⁸. Именно потому, что В.И. Ленина

как руководителя партии и правительства в тот момент интересовал первый практический опыт нэпа, он почти не коснулся содержания тезисов.

Между тем оно заслуживало внимания. В тезисах, которые Е.А. Преображенский озаглавил «Основные принципы политики РКП в деревне», речь шла о том, что после отмены продразверстки и в связи с увеличением емкости городского товарного рынка развитие крестьянских хозяйств начинает идти по пути превращения их из хозяйств потребительских в хозяйства товарные. Возобновляется и процесс расслоения в деревне. Хотя, по мнению Е.А. Преображенского, социально-классовые контуры в деревне только начинали вырисовываться, партия должна определить свою политику и свое отношение к этим процессам. Не предвещая наперед вопрос о практических преобразованиях в деревне, он предлагал в тезисах лишь общие принципы, на основе которых партия должна была строить политику в ближайшем будущем по отношению к кулачеству и зажиточному крестьянству, к среднему и маломощному крестьянству, а также к сельскохозяйственному пролетариату.

Важно отметить, что по сравнению с 1918–1920 гг. взгляды Е.А. Преображенского несколько изменились. Многое из того, о чем он писал в 1922 г. в тезисной форме, получит в дальнейшем развитие в его статьях и книгах. В связи с этим уместно подчеркнуть, что уже в 1922 г. у него не было идеи использования внеэкономического принуждения по отношению к крестьянству. Конечно, заключительная фраза тезисов подтверждает, что их автор, как и вся большевистская партия, стоял на позиции создания крупного производства, в том числе и коллективных хозяйств в деревне, как главного условия перехода к социализму. Однако в качестве средств такого перехода для всех слоев крестьянства Е.А. Преображенский указывал только на экономические рычаги.

Наиболее спорным и трудным пунктом аграрной политики партии в годы нэпа, безусловно, оказался «кулацкий вопрос». В тезисах Е.А. Преображенский попытался разработать подходы к его решению. Быстрый рост кулачества и зажиточного крестьянства, по его мнению, – объективный продукт товарного хозяйства в условиях нэпа. Этот слой крестьянства представлял собой необходимое звено в формировании новых экономических отношений в деревне, поскольку он способствовал интенсификации земледелия своими, мелкобуржуазными, методами. Поэтому «политика неприятия этого слоя и грубого внеэкономического подавления его комбедовскими способами 1918 г. была бы вреднейшей ошибкой», – писал Е.А. Преображенский³⁹. Взятая абстрактно, вне конкретной связи политики и экономики, эта фраза совершенно справедлива. Но В.И. Ленин, читавший тезисы в тот сложнейший период нашей истории, мыслил не только научными категориями. Поэтому он возразил, что «война, например, может принудить к комбедовским способам»⁴⁰.

Сказанное Е.А. Преображенским о кулачестве не означает, что в тезисах он выступил как защитник их интересов. Наоборот, указывая на недопустимость внеэкономического принуждения, он говорил о необходимости государственных мер по ограничению эксплуататорских устремлений кулачества с помощью более высокого налогообложения. Было бы грубейшей ошибкой, считал Е.А. Преображенский, поддерживать этот слой в ущерб другим под предлогом скорейшего поднятия сельского хозяйства. В.И. Ленин поддержал это положение, но предложил сформулировать его иначе, вновь указывая на несостоятельность общих фраз, невозможность раз и навсегда данного подхода.

Наконец, большой интерес представляет замечание В.И. Ленина в отношении последней фразы параграфа об отношении к кулачеству. Е.А. Преображенский говорил в ней о необходимости «использовать в доступных размерах начавшийся процесс капиталистического накопления в деревне для накопления социалистического»⁴¹. В.И. Ленин пометил: «Последние слова II параграфа верны, но непопулярны и неразвиты. Подработать надо»⁴². Из этого следует, что В.И. Ленин также размышлял о возможностях ис-

пользования капиталистического накопления в деревне в интересах социалистического строительства. Поэтому, на наш взгляд, те теории социалистического накопления и индустриализации, которые развивали в середине 1920-х гг. Е.А. Преображенский и его оппонент Н.И. Бухарин, были попыткой реализовать разными экономическими методами одну и ту же, поддержанную В.И. Лениным, идею по отношению к богатеющей советской деревне. Однако Н.И. Бухарин обжегся на лозунге «Обогащайтесь!», а Е.А. Преображенский стал «теоретиком троцкизма».

Своими размышлениями о перспективах развития деревни в условиях нэпа Е.А. Преображенский в определенной степени опередил события: то, о чем он писал в тезисах, стало, как известно, актуальным в большевистской партии лишь в 1925 г. Недаром В.И. Ленин несколько раз повторял в замечаниях, что положения автора «архинепопулярны», «не из той оперы». Кроме того, В.И. Ленин не считал необходимым пересматривать на съезде политику партии по отношению к крестьянству, основные принципы которой уже были установлены программой партии и решениями X съезда Советов. Поэтому В.И. Ленин предлагал автору назвать тезисы: «О постановке работы РКП в деревне при условии переживаемого момента», обратив главное внимание на анализ практического ответа. «Надо изложить совершенно иначе, не повторяя голого лозунга «Кооперируйтесь!», а указывая конкретно, в чем практический опыт кооперирования и как ему помочь».

Несмотря на то что на XI съезде РКП(б) В.И. Ленин призвал прекратить «умничать, рассуждать о нэпе»⁴³, потребность в более углубленной разработке теоретических проблем новой экономической политики, особенно по отношению к социалистической перспективе, в партии нарастала. Одним из первых, кто ясно выразил эту потребность и попытался воплотить ее в конкретные разработки, стал Е.А. Преображенский.

На XI съезде РКП(б) он говорил о необходимости теоретического осмысления вопросов, связанных с характеристикой того своеобразного хозяйственного строя, который формировался на основе принципов нэпа, так как, по его мнению, «в этом вопросе у нас в партии существует полное отсутствие какого-либо ясного представления»⁴⁴. Одновременно Е.А. Преображенский поставил перед съездом вопрос о необходимости согласования военно-коммунистической партийной программы с новой политической и экономической обстановкой нэпа.

Возможно, такая постановка вопроса была в 1922 г. преждевременной, поскольку нэп еще не в полной мере укрепился и развился, его первый опыт был недостаточно типичен. Тем не менее как один из авторов «Азбуки коммунизма», участник разработки программы РКП(б), Е.А. Преображенский остро ощущал нарастающее противоречие между практикой нэпа и старыми программными формулировками партии. Побуждаемый этими размышлениями, Е.А. Преображенский пишет в том же году одну из первых обобщающих работ о нэпе «От нэпа к социализму (Взгляд в будущее России и Европы)», где пытается в научно-популярной форме обрисовать перспективы развития страны «за десятилетия нэпа» на пути к социализму. Работа была написана в форме лекций профессора русской истории и одновременно слесаря железнодорожных мастерских Минаева, которые он читал в Москве в Политехническом музее якобы в 1970 г. По форме эта книга – футурологический набросок марксиста-теоретика, по содержанию – результат глубокого понимания существа рождающегося нэпа и основных тенденций его развития.

В книге Е.А. Преображенский достаточно полно и определенно сформулировал свой взгляд на ход экономического и политического развития страны за годы нэпа. Его подход сочетал традиционные марксистские ориентиры того времени (крупное социализированное народное хозяйство, уничтожение денег, пролетарская революция на Западе), новые теоретические конструкции применительно к переходному

периоду (широкое использование товарно-денежных отношений, кооперации), реалистическую оценку экономических возможностей России для быстрого перехода к социализму (слабость мелкотоварной экономики, длительность восстановления производительных сил).

Модель будущего развития, которую построил в книге Е.А. Преображенский, основывалась на понимании экономики нэпа как хозяйства смешанного типа. «Этот смешанный тип хозяйства, – писал Е.А. Преображенский, – можно было бы изобразить в форме пирамиды, разделенной на части, где главная часть (четыре пятых стоимости всего годового производства) состоит из двух десятков миллионов мелкобуржуазных хозяйств с прослойкой патриархально-родового хозяйства... вся верхняя часть пирамиды – это слиток социалистических отношений, которые не являются господствующими, но борются за это господство. В целом всю эту систему, по двум ее основным звеньям – верхнему социалистическому и нижнему звену мелкого товарного производства, можно было бы назвать товарно-социалистической системой хозяйства»⁴⁵.

Как же мыслилось в 1922 г. дальнейшее развитие нэпа Е.А. Преображенскому? На первом этапе нэпа, по его схеме, происходило восстановление промышленности и сельского хозяйства. Связь между ними осуществлялась через торговлю. С развитием товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве довольно быстро начинался процесс социальной дифференциации, причем среднее крестьянство составляло основную, преобладающую часть. Государство ограничивало экономически и административно рост капиталистических элементов в деревне. Параллельно этому укреплялись и росли советские хозяйства в деревне. В течение этого первого десятилетия нэпа, как считал Е.А. Преображенский, сельское хозяйство России не только достигло бы своего довоенного уровня, но и превысило его. Кроме того, с помощью торговли, долгосрочного кредита крестьянство оказалось бы достаточно крепко соединенным с крупной государственной промышленностью. Однако в сельском хозяйстве «более существенные перемены начались [бы] лишь во втором десятилетии»⁴⁶.

Что касается промышленности, то, по мнению Е.А. Преображенского, в течение первого десятилетия нэпа она смогла бы укрепить свою техническую базу, с помощью системы профессионально-технического обучения резко повысить подготовку квалифицированных работников, внедрить смешанную административно-рыночную систему управления и регулирования производства. Однако для Е.А. Преображенского все это означало лишь создание предпосылок для перехода к социализму. «...Задача социализма, – писал он, – заключалась в том, чтобы использовать капиталистические формы для развития производительных сил лишь на определенном этапе, сведя историческую роль этих форм к роли лесов при постройке социалистического здания»⁴⁷.

По мнению Е.А. Преображенского, попытки в будущем сбросить эти «капиталистические леса» нэпа для непосредственного поворота к социалистическому строительству должны будут привести к «буржуазно-кулацкой» контрреволюции. «Лозунгами движения были: защита экономического либерализма, борьба с стеснениями для частного хозяйства, борьба против увеличения налогов на частное производство, борьба против непрерывного увеличения заработной платы... борьба за всеобщее избирательное право и парламентаризм»⁴⁸. Именно таким «восстанием нэпа» и заканчивался первый период – первое десятилетие нэпа. В течение этого периода смешанная товарно-социалистическая система хозяйства открывала достаточный простор для развития производительных сил. Однако скоро развитие по пути нэпа, считал Е.А. Преображенский, должно было затормозиться под воздействием внутренних, неразрешимых противоречий. «Этот процесс был только ускорен неудачным восстанием нэпа против пролетарской диктатуры»⁴⁹. В конце 1920-х гг. страна попадала в экономический тупик (так назывался один из разделов книги), выход из которого, по прогнозу Е.А. Преображенского, могла обеспечить

помощь европейского пролетариата, победившего в европейской революции конца 1920-х – начала 1930-х гг.

Современные читатели могут поразиться совпадению результатов социально-экономического прогноза развития нэпа, сделанного в 1922 г. Е.А. Преображенским. «Опасность, – писал он, – началась с того момента, когда развитие капиталистических отношений стало быстро идти вперед, и капитализм в России на хозяйственной почве мог обогнать социалистическое строительство»⁵⁰. Означает ли это, что Е.А. Преображенский, как утверждают некоторые публицисты, обосновал «сталинский» вариант свертывания и отбрасывания нэпа. Бесспорно, в действиях Сталина конца 1920-х гг. можно найти прямые повторения многих идей Л.Д. Троцкого, Е.А. Преображенского, Н.И. Бухарина и других теоретиков большевистской партии, не говоря уже о В.И. Ленине (сказанные ими в разное время и применительно к различной исторической обстановке). Однако такое объяснение было бы слишком простым: оно свело бы все историческое развитие к «вине» тех или иных исторических личностей и увело бы нас от рассмотрения тех *объективных* факторов, плодом осмысления которых являлись идеи большевистских теоретиков и которые толкали Сталина на принятие решений в конце 1920-х гг.

В самом общем виде следует признать, что после смерти В.И. Ленина развитие представлений о нэпе и социализме среди членов партийного руководства, «старой гвардии» приняло такое направление, которое в конечном счете способствовало созданию как в теории, так и на практике неразрешимого противоречия между нэпом и потребностью в дальнейшем продвижении к социализму, принимаемому как бестоварный социально-экономический строй. В.И. Ленин, увы, не смог направить в последние годы жизни теоретическую мысль в сторону поиска форм совмещения нэпа и социализма, а лишь наметил в последних работах некоторые общие подходы к такому повороту. Поэтому и в 1922 г., и позже нэп рассматривался как путь к традиционной модели социализма. Именно этот путь (без изменения характеристик конечной цели – социализма в России) и описал подробно в соответствии с научной логикой Е.А. Преображенский в книге «От нэпа к социализму». Если бы его опасения «тупиков» нэпа были правильно поняты и вовремя восприняты, то, возможно, итог первого десятилетия нэпа был бы иным.

Теоретик «троцкизма»

Летом и осенью 1923 г. в стране стали нарастать экономические трудности, цены на сельскохозяйственную и промышленную продукцию разошлись, создав острый «кризис сбыта», закупорив крестьянский рынок. Это сыграло роль спускового механизма для выступлений ряда видных членов большевистской партии, в том числе и Е.А. Преображенского, с требованиями пересмотреть содержание экономической и политической линий партии в условиях нэпа, внести в разработку и осуществление большую плановость, компетентность, демократичность⁵¹. Лидером возникшей оппозиции стал Л.Д. Троцкий. Е.А. Преображенский также сыграл важную роль в выработке альтернативной взглядам большинства экономической и политической программы оппозиции, в ее пропаганде и защите: его подпись стоит первой под знаменитым «Письмом 46-ти» – этим манифестом оппозиции; он неоднократно выступал на страницах печати, на важнейших партийных форумах, в том числе дважды – на XIII партийной конференции и один раз – на XIII съезде РКП(б).

«Левая оппозиция» объясняла возникновение экономического кризиса 1923 г. преимущественно субъективными причинами: хаотичностью промышленного строительства и кредитной политики⁵². Отмечалось, что весной и летом 1923 г. происходило усиленное кредитование промышленности и торговли и никаких резервов кредитных сумм

не было создано. Осенью кредит промышленным и торговым организациям неожиданно, без всякого предварительного предупреждения, закрыли. Платить рабочим стало нечем, зарплату не выдавали. Отсюда – рост забастовок. Надо было платить и торговым служащим. В результате торговые организации были вынуждены выбросить множество товаров на рынок тогда, когда крестьяне сдавали сельхозналог и у них не было денег. Обострило ситуацию и недостаточно интенсивное проведение закупки зерна государством для экспорта, что сильно сбilo хлебные цены. В результате этих причин возник кризис сбыта. По мнению авторов «Письма 46-ти», «случайность, необдуманность, бессистемность решений ЦК, не сводящего концов с концами в области хозяйства, привели к тому, что мы... стоим... перед тяжелым общеэкономическим кризисом»⁵³.

Антикризисная программа оппозиции включала в себя несколько компонентов. «Мотор» последующего хозяйственного развития – подъем промышленности, без чего невозможно и подлинное, доходящее до потребителя, снижение цен на промтовары, поскольку при отставании развития промышленности от роста потребностей сельского хозяйства снижение оптовых цен промышленностью не доходит до деревни. Преобладающий на селе частный торговец, купив в городе по дешевке промтовары, затем, пользуясь дефицитом, продает их втридорога в деревне, кладя себе в карман разницу между оптом и розницей. Текущие хозяйственные затруднения предлагалось решить путем снижения цен госпромышленностью и одновременного смягчения дефицита путем ввоза в некоторые местности определенных товаров из-за границы («товарная интервенция»), что должно было сбить цены на промышленную продукцию. В области регулирования хозяйства приоритет отдавался усилению планового начала в деятельности госсектора⁵⁴.

В политической области оппозиция выступала за осуществление глубоких партийных реформ, способных стимулировать коллективную самодеятельность партии, развить широкий демократизм, ликвидировать аппаратные тенденции.

В разгар внутрипартийной дискуссии Е.А. Преображенский попытался дать теоретическое обобщение кризисной ситуации в народном хозяйстве, одновременно продолжая свое общее исследование закономерностей советской экономики периода нэпа. «Мы ничего не можем понять в теперешнем кризисе ни с точки зрения его причин, ни с точки зрения того, как он сейчас протекает, ни с точки зрения ближайших перспектив, если эту проблему реализации мы не поставим, если не выясним, каковы основные элементы пропорциональности при теперешней системе хозяйства и когда обмен веществ между городом и деревней может протекать нормально», – писал Е.А. Преображенский⁵⁵. Впервые в качестве важного направления анализа складывающейся экономической системы им было выделено исследование условий достижения товарной сбалансированности рынка, общей пропорциональности всех составных частей народного хозяйства того времени. Под этим углом зрения он и продолжит свой анализ в последующие годы⁵⁶. Пока же, в 1923 г., Е.А. Преображенский указывал, что, во-первых, пропорциональность рынка как основа преодоления кризисов должна регулироваться государством с учетом динамики основных элементов хозяйства, на базе прогноза конъюнктурных изменений, и прежде всего тех, которые носят сезонный, сельскохозяйственный характер. Во-вторых, советскому хозяйству того времени был необходим единый экономический центр регулирования и учета конъюнктуры и товарно-денежного регулирования вместо существовавшего тогда «пятицентрия» (Госплан, Наркомфин, Госбанк, Комвнуторг, ВСНХ). Одновременно Е.А. Преображенский подверг критике позиции тех экономистов, которые полагались в хозяйственной практике полностью на «организующую волю государства», априори предполагали, что государство окажется сильнее всех «низших», «стихийных» форм хозяйства и сможет таким образом гарантировать отсутствие экономических кризисов. Реальностью же экономики того периода, как уже ранее подчеркивал Е.А. Преображенский, было сосу-

ществование и взаимодействие различных форм хозяйства, и не учитывать того, что основная часть экономики нэпа регулировалась и функционировала на основе стихийных законов товарного производства, было нельзя. «В общем и целом, – указывал он, – все эти формы находятся в непрерывной связи друг с другом, и мы имеем право уже говорить о едином хозяйственном организме»⁵⁷.

После политического поражения в дискуссии 1923 г., находясь на посту заместителя председателя Коммунистической академии, Е.А. Преображенский получил возможность продолжить свои теоретические исследования советской экономики. Опираясь на многие, уже высказанные им ранее идеи, он в течение 1924–1926 гг. работает над своим главным трудом: двухтомником «Новая экономика»⁵⁸, посвященным анализу теоретических закономерностей развития советского хозяйства, конкретных путей перехода к социализму в условиях нэповской России.

После «Экономики переходного периода» Н.И. Бухарина это было, пожалуй, второе серьезное и глубокое исследование на подобную тему, выполненное в советский период большевиком-теоретиком. Его замысел, как мы видели ранее, начал вызревать у Е.А. Преображенского уже в конце 1922 г. Уверенность в необходимости написания такого труда окрепла в 1923 г. в ходе внутрипартийной дискуссии. Не имея более возможности доказывать и защищать свои политические взгляды, Е.А. Преображенский попытался дать развернутую трактовку ряда своих предположений, высказанных в 1922–1923 гг. В частности, речь шла об идеях товарно-социалистического характера советской экономики, о формах и методах достижения народнохозяйственной сбалансированности, динамическом равновесии в ходе процессов социалистического накопления, необходимости опережающего развития промышленности и укрепления плановости в государственном секторе. Вся же книга целиком является своеобразным ответом Е.А. Преображенского на собственный призыв, неоднократно повторявшийся им в этот период, – изучать перспективные тенденции нэпа, теоретически обосновывать дальнейшие шаги в социалистическом строительстве.

Кроме того, существовали и объективные причины, сказавшиеся на занятии Е.А. Преображенским в 1924–1925 гг. проблемами закономерностей развития советской экономики, способами стимулирования более быстрого экономического роста государственного сектора. Еще в 1923 г. стало ясно, что в развитии народного хозяйства возникает опасная диспропорция: восстановление государственной промышленности начинает сильно отставать от аналогичного процесса в сельском хозяйстве. Техническая отсталость, низкая производительность труда, высокая себестоимость промышленной продукции ставили вполне ощутимый предел восстановлению государственной крупной промышленности на основе простого расширения производства и вовлечения в работу бездействующего оборудования. Чем ближе оказывался этот предел, тем яснее становилась проблема поиска источников модернизации и реконструкции промышленности. В условиях длительной запущенности основных фондов промышленности, которые в течение 1914–1924 гг. почти не обновлялись, а только интенсивно изнашивались, решение этой проблемы требовало значительных финансовых средств. В свою очередь, сельское хозяйство страны обладало значительно большей мобильностью не только в плане быстрого восстановления производства (в первый же урожайный 1922 г. продукция сельского хозяйства достигла 75% от довоенного уровня), но и с точки зрения накопления необходимых денежных средств на его расширение и улучшение. В таких условиях государственная экономическая политика сталкивалась с новым кругом взаимосвязанных проблем, решение которых знаменовало бы собой новый этап нэпа. Речь шла о выработке стратегии опережающего развития государственной промышленности на базе ускоренного накопления при одновременном расширении и росте остальных отраслей и сфер народного хозяйства, и в первую очередь крестьянского. Свои проекты выдвигали в то

время почти все деятели большевистской партии, видные экономисты, хозяйственные руководители, в том числе Н.И. Бухарин, Г.Я. Сокольников, Л.Б. Красин, В.А. Базаров, А.В. Чаянов, Н.Д. Кондратьев и др. С подобным научно обоснованным проектом выступил и Е.А. Преображенский.

Первоначальный вариант программы социалистической индустриализации, с которым выступил Е.А. Преображенский в 1924 г.⁵⁹, сразу же вызвал резкий протест со стороны Н.И. Бухарина⁶⁰. А как только вышла первая часть «Новой экономики» в виде отдельной книги, Н.И. Бухарин ответил серией статей в «Правде», озаглавленных «К вопросу о закономерностях переходного периода». Эти ответы Н.И. Бухарина позже неоднократно, в течение 1925–1926 гг., публиковались в различных изданиях, посвященных критике экономических теорий так называемого «троцкизма»⁶¹. В свою очередь, во втором издании «Новой экономики» Е.А. Преображенский поместил ответы Н.И. Бухарину и другим оппонентам.

К сожалению, полемика Н.И. Бухарина с Е.А. Преображенским сразу же вышла за рамки научного спора и приобрела ярко выраженную политическую окраску.

Вновь всплыло «троцкистское прошлое» 1923 г., теперь уже в форме обвинения в создании особой научной теории, обосновывающей троцкистскую политику. Е.А. Преображенский решительно отвергал подобные параллели и был чрезвычайно расстроен тем, что итоги его научных исследований настойчиво преподносились в виде особой политической платформы. Возобновлять же политические дискуссии по этому поводу он был не намерен. «Я, товарищи, выслушал здесь несколько замечаний, имеющих политический характер, – говорил он на обсуждении одной из глав «Новой экономики» в Коммунистической академии. – Мой доклад не является докладом политическим, а научно-теоретическим. Поэтому я с теми товарищами, которые сделали политические выкладки, боя в этой аудитории принимать не намерен»⁶². По мнению Е.А. Преображенского, его «главный» оппонент Н.И. Бухарин «теоретическую добросовестность исследования принес в жертву задачам полемики сегодняшнего дня»⁶³.

В чем же заключалась суть возникшей дискуссии вокруг идей «новой экономики» и какова была при этом действительная позиция Е.А. Преображенского, не искаженная интерпретацией критиков⁶⁴? Изучая, как мы уже видели, закономерности развития советской экономики в конкретных условиях начала 1920-х гг., Е.А. Преображенский в первую очередь выделил двойственный характер того экономического строя, который возник после перехода к нэпу. Несмотря на наличие различных социально-экономических укладов, определяющую роль с точки зрения перспектив дальнейшего развития, по мнению Е.А. Преображенского, играли две хозяйственные формы: государственное плановое хозяйство и мелкотоварное крестьянское производство. Соответственно этому в народном хозяйстве сосуществовали две системы регулирования, одна из которых, как считал Е.А. Преображенский, основывалась на специфических плановых регуляторах, а другая – на товарно-денежных, рыночных, в соответствии с законом стоимости. Общее экономическое движение в таких условиях складывалось в результате взаимодействия этих систем регулирования, а также их взаимной борьбы. Последнее полностью соответствовало ортодоксальным марксистским представлениям того времени, когда социализм рассматривался как бестоварный планомерно организованный строй – антитеза капитализму и товарному производству. Государственная промышленность считалась в основном социалистической или «последовательно социалистической», а мелкотоварное хозяйство составляло основу рыночных отношений. Поэтому вполне правомерен и логичен был взгляд Е.А. Преображенского на советскую экономику как на смешанное «товарно-социалистическое» хозяйство, в котором социализм с его плановостью противостоит укладам, функционирующим на основе частной собственности и рынка. При этом, признавая единство народнохозяйственного организма страны, взаимосвязь всех

его укладов, в вопросе противостояния и борьбы социалистических и товарно-капиталистических форм Е.А. Преображенский был непреклонен, считал отступление с этих позиций меньшевизмом.

Социалистическая перспектива была для него неотделима от роста крупной промышленности, укрепления и расширения государственного хозяйства. Предлагая свой вариант решения возникающих в связи с этим проблем, Е.А. Преображенский понимал, что в условиях России для такого индустриального прорыва необходима помощь всех общественных классов, а не только рабочего класса, который составлял в тот момент меньшинство в обществе. «Рабочий, – писал Е.А. Преображенский, – является не эксплуататором крестьянства, а соучастником в отчислениях, делаемых на расширение производства, которое необходимо не только ему, но и всему обществу в целом, всем трудящимся классам»⁶⁵. Состояние промышленности в первой половине 1920-х гг., когда Е.А. Преображенский разрабатывал рассматриваемый здесь первоначальный вариант политики индустриализации, было таким, что без государственной поддержки (дотация из госбюджета, государственные кредиты) и безвозмездной перекачки части прибавочного продукта крестьянских хозяйств (продналог) промышленность самостоятельно существовать не могла.

Какие способы аккумуляции этого первоначального общественного капитала, необходимого для того, чтобы промышленность «встала на ноги», начала накапливать необходимые суммы самостоятельно, без помощи государства или крестьянства, предложил Е.А. Преображенский? Он воспользовался, как известно, термином, появившимся еще в 1919–1920 гг., – «первоначальное социалистическое накопление». Дело, конечно, было не в термине, который сам Е.А. Преображенский применял в «условном смысле», а в содержании выражаемых с помощью его процессов, поскольку «материальная сущность того, что он обозначает, не перестает существовать»⁶⁶. В годы «военного коммунизма» это содержание выражалась через систему продразверстки, в годы нэпа – через продовольственный, а позже и денежный налог с крестьянства. И то, и другое представляло собой государственное отчуждение (части или всего) прибавочного продукта крестьянских хозяйств в пользу государственного бюджета, средства которого направлялись в основном на нужды промышленности. Уже тогда было ясно, что с развитием рынка, восстановлением промышленности и сельского хозяйства продовольственный или денежный налог с крестьянства как источник государственного бюджета должен был уменьшаться и постепенно исчезнуть, вытеснившись производственными источниками накопления и экономическими связями города и деревни, основанными на эквивалентном обмене. Е.А. Преображенский характеризовал этот период как переход от «первоначального» к накоплению на «производственной основе». Однако подобный переход был делом не очень близкого будущего. Реальностью же 1924 г. был неэквивалентный обмен между промышленностью и сельским хозяйством.

На основе этих рассуждений Е.А. Преображенский попытался выявить общую тенденцию развития экономических взаимоотношений государственного сектора со всеми остальными, и в первую очередь с мелкокрестьянским хозяйством. Он сформулировал «закон первоначального социалистического накопления», который, по его мнению, будет описывать развитие взаимоотношений города и деревни до восстановления нормального эквивалентного обмена между ними на базе создания высокоразвитой социалистической промышленности. Полная формулировка закона была следующей: *«Чем более экономически отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства, чем менее то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны в момент социальной революции, тем относительно больше*

социалистическое накопление будет вынуждено опираться на отчуждение части прибавочного продукта досоциалистических форм хозяйства и тем меньше будет удельный вес накопления на его собственной производственной базе, т.е. тем меньше оно будет питаться прибавочным продуктом работников социалистической промышленности. Наоборот, чем более экономически и индустриально развитой является та или другая страна, в которой побеждает социальная революция, чем больше то материальное наследство в виде высокоразвитой индустрии и капиталистически организованного земледелия, которое получает пролетариат этой страны от буржуазии после национализации, чем меньше удельный вес в данной стране докапиталистических форм производства и чем более для пролетариата данной страны является необходимым уменьшить неэквивалентность обмена своих продуктов на продукты бывших колоний, тем более центр тяжести социалистического накопления будет перемещаться на производственную основу социалистических форм, т.е. опираться на прибавочный продукт собственной промышленности и собственного земледелия»⁶⁷.

Возражения, которые сформулировал Н.И. Бухарин в полемичной статье в «Правде», сводились в основном к следующим положениям. Н.И. Бухарин, признавая наличие неэквивалентного обмена между городом и деревней, не считал возможным использовать при этом термин «эксплуатация». «Можно ли этот процесс назвать процессом эксплуатации мелких производителей? Нельзя. Ибо это и значит упускать все своеобразие процесса, не понимать его объективного значения», – писал Н.И. Бухарин⁶⁸. По его мнению, это своеобразие заключалось в том, что «мы идем вовсе не к закреплению межклассовых отношений, а к их уничтожению. И чем быстрее идет накопление в социалистическом хозяйственном круге и его становящейся социалистической периферии, тем быстрее идет и уничтожение противоположности»⁶⁹. Этот аргумент попадал мимо цели, так как Е.А. Преображенский нигде не трактовал неэквивалентный обмен как явление вечное, закрепляющее навсегда господство пролетариата. Кроме того, «признав и факт, и неизбежность неэквивалентного обмена с частным хозяйством... он (Н.И. Бухарин. – Авт.) признал мою основную постановку вопроса и тем самым лишил себя возможности вести принципиальный спор по существу всех выводов из этого положения», – указывал Е.А. Преображенский⁷⁰.

Второй пункт критики Н.И. Бухариным концепции Е.А. Преображенского заключался в неправильном, «не ленинском», понимании им процесса взаимодействия государственной промышленности и крестьянского хозяйства, при котором первое «пожирает», а не «передельвает», как считал Н.И. Бухарин, второе. В схеме Е.А. Преображенского, кроме того, «нет места для ленинской кооперации, ведущей крестьянство к социализму»⁷¹. В ответ на это Е.А. Преображенский выдвигает весьма любопытные и острые аргументы. Он утверждал, что «т. Бухарин уцепился за слово «пожирание» не для спора по существу... а чтобы приписать мне конкретный план этого пожирания... Сочинив за меня такую схему, которая не имеет никакого отношения к тому, что я фактически говорил, т. Бухарин решительно заявляет, что «все это в корне неверно»⁷². Относительно же роли кооперации в развитии крестьянского хозяйства Е.А. Преображенский указывает на то, что, во-первых, еще два года назад в книге «От нэпа к социализму» он «довольно подробно разобрал этот вопрос»⁷³, а во-вторых, если бы он не был согласен с Лениным насчет роли кооперации, то он прямо бы об этом написал. Свою же осторожность относительно указывания будущих путей развития крестьянского хозяйства на пути к социалистическому земледелию Е.А. Преображенский объясняет тем, что «никто не знает и знать не может, как конкретно будет происходить трансформация крестьянского хозяйства в такой тип производственно-земледельческой кооперации, который будет переходным этапом к социализации зем-

леделия»⁷⁴. «...В статье Ленина «О кооперации», – продолжал он, – нет того, чего т. Бухарин требует от меня, т.е. нет ничего насчет формы и путей *производственного* кооперирования деревни, а есть лишь принципиальное положение о роли кооперации в крестьянской стране. У Ленина и не могло быть ничего об этом, потому что он не любил утопий и сам никогда не занимался сочинением их»⁷⁵.

Изложение спора Н.И. Бухарина и Е.А. Преображенского можно было бы продолжить, но его смысл не изменится от большего количества аргументов и контраргументов с той и другой стороны. На наш взгляд, существо спора этих двух талантливых теоретиков большевистской партии лежало, если отвлечься от политических мотивов, в направлении дальнейшего развития ленинского наследия. Недаром Е.А. Преображенский утверждал, что его «концепция о накоплении не только не противоречит последней статье Ленина «О кооперации», но, наоборот, находится с ней в непосредственной внутренней связи»⁷⁶. Подобную же непосредственную связь с работами В.И. Ленина прослеживал для своих взглядов и Н.И. Бухарин.

Два партийных теоретика, каждый по-своему, прочли работы В.И. Ленина, написанные в период нэпа. Поскольку же теория социалистического пути в условиях нэпа осталась незаконченной и содержала в себе ряд неразрешенных В.И. Лениным теоретических проблем, постольку в работах В.И. Ленина можно найти подтверждение как взглядам Н.И. Бухарина, так и Е.А. Преображенского. Только Н.И. Бухарин, на наш взгляд, делал в 1924–1925 гг. больший упор на развитие крестьянских, рыночных начал в ленинских взглядах на нэп, а Е.А. Преображенский – на промышленное, пролетарское начало. Примечательно, что после резкой схватки в 1924–1925 гг. их позиции начнут сближаться: Н.И. Бухарин будет вынужден признать остроту проблемы индустриализации и ее источников, а Е.А. Преображенский усилит внимание к проблеме товарно-денежного равновесия в ходе общественного воспроизводства⁷⁷. Однако обозначившаяся тенденция к смягчению разногласий по принципиальным вопросам перекрывалась эскалацией политического противостояния, которая закончилась для Е.А. Преображенского исключением из партии и высылкой из Москвы в г. Уральск.

Несмотря ни на что

Ссылка не сломила Е.А. Преображенского. Он ведет переписку с соратниками, анализирует протекающие в стране и в партии процессы. Интересен документ этого времени – тезисы Е.А. Преображенского «Левый курс в деревне и перспективы», помеченный 23 апреля 1928 г.⁷⁸ Анализируя потрясший советскую экономику в начале 1928 г. кризис хлебозаготовок, Преображенский видит в нем подтверждение справедливости экономической программы левой оппозиции. По его мнению, этот «хозяйственный кризис в СССР не является ни кризисом конъюнктурным, ни кризисом только экономическим: это кризис длительный и кризис социальный. В основе его лежат два коренных факта: отставание промышленности от сельского хозяйства, т.е. отставание с индустриализацией страны, во-первых, обострение имманентно присущего нашей системе противоречия между государственным хозяйством и капиталистическим развитием, что до сих пор прежде всего выражалось в растущем сосредоточении сырьевых и хлебных ресурсов деревни в руках кулачества, во-вторых».

Е.А. Преображенский моделирует два возможных альтернативных пути выхода из кризиса:

«Правый курс» – «попытка опираться в развитии сырьевой базы и экспортных ресурсов на все более окулачивающиеся слои деревни, развивающие товарность без затрат

на это государственных ресурсов... Эта политика неизбежно потребовала бы увеличения нажима на рабочий класс в городе (рост хлебных цен, увеличение норм выработки и т.д.), а в деревне была бы связана с ростом аграрного перенаселения, а также с замедлением темпа индустриализации страны». Причем, поскольку кулачество терроризировано применением совсем недавно «чрезвычайных мер», постольку за то, чтобы внушить ему доверие, «пришлось бы заплатить какой-то неслыханной ценой, ценой настолько резкого поворота вправо, что даже самые правые из наших правых... на это не решатся...» На этом пути возникала и опасность утраты политической власти.

«Левый курс» – «политика постепенного, на ряд лет рассчитанного выхода из кризиса на основе поднятия товарности хозяйства середняков и бедноты» на путях производственной кооперации, создания совхозов. Чтобы блокировать контртенденции, объективно порождаемые «левым курсом» (возможное сокращение производства в крупнотоварных зажиточно-кулацких хозяйствах и сложность его компенсирования расширением производства в преимущественно потребительских бедняцко-средняцких хозяйствах), Е.А. Преображенский предложил систему взаимоувязанных мер: 1) «ускорение темпа индустриализации, потому что хлеб у этих (средняцко-бедняцких. – Авт.) слоев можно брать *только экономическими методами* (курсив наш. – Авт.), только товарообменом, добываясь экономическими путями также и уменьшения потребления сельскохозяйственных продуктов в деревне за счет увеличения спроса на предметы потребления индустриального производства»; 2) вести левую политику в Коминтерне, «гарантирующую большую обороноспособность СССР в случае войны»; 3) расширение социальной опоры партии в городе, причем, поскольку значительное улучшение материального положения рабочих объективно невозможно, постольку необходимо «немедленное улучшение правового положения рабочих, особенно внизу, на фабрике, т.е. проведение режима рабочей демократии».

Таким образом, «левый курс» Е.А. Преображенского радикально отличался от сталинской «революции сверху» с характерной для последней экспансией методов внеэкономического принуждения.

Однако предлагавшийся Е.А. Преображенским пакет мер представляется достаточно уязвимым. Подъем товарности бедняцко-средняцких крестьянских хозяйств экономическими методами, в самом деле, предполагал ускорение темпа индустриализации, но последнее, в свою очередь, требовало роста товарного производства сельскохозяйственной продукции (чтобы обеспечить промышленность сырьем, а рабочих питанием). Форсирование же индустриализации за счет «затягивания поясов» рабочих плохо стыковалось бы с предложением расширить социальную опору в городе. Вероятно, Е.А. Преображенский, как и в более ранних своих работах, надеялся на вторую ипостась «левого курса» – революционную политику в Коминтерне, успех которой мог привести к победе социалистических революций в развитых европейских странах, что решило бы и проблему промтоваров для деревни.

В связи с высылкой в 1929 г. за пределы СССР Л.Д. Троцкого и резким «полевением» И.В. Сталина в рядах оппозиции усиливаются колебания. 13 июля 1929 г. в «Правде» публикуется «Заявление в ЦКК бывших руководителей троцкистской оппозиции тт. Е. Преображенского, К. Радека и И. Смилги о разрыве с оппозицией». Е.А. Преображенский и другие лидеры «левых» искренне верили, что большинство ЦК во главе со Сталиным, ударив по «правым», перешло на их позиции⁷⁹. А раз исчезла политическая основа разногласий, надо, отбросив былые обиды, вернуться в партию. Преображенский еще не знал, какими методами Сталин будет бороться за осуществление «генеральной линии». Когда же он это увидел, то полностью поддержать эти методы не смог: «...я мог стрелять так, как я хотел, а не так, как партия стреляла... И вот я был исключен из партии второй раз... (во время горячих боев за коллективизацию в деревне)»⁸⁰.

В промежутке между двумя исключениями из партии Е.А. Преображенскому удается опубликовать ряд работ. Их научная направленность была не случайна. Обстановка в народном хозяйстве страны в конце 1920-х гг. побудила Е.А. Преображенского вновь заняться изучением проблем бумажно-денежного обращения. Дело в том, что государство вновь обратилось к эмиссии денег как источнику средств для проведения форсированной индустриализации, независимой от крестьянского рынка. Это, а также товарный голод, свертывание частнокапиталистического сектора, огосударвление кооперативной торговли, препятствия на пути снижения себестоимости продукции, роста производительности труда государственных предприятий привели к росту цен, дестабилизации валюты. Поворот 1929 г. восстановил в правах командно-административные методы управления народным хозяйством, одновременно означал резкое свертывание нэпа и товарно-денежных отношений.

Поскольку взгляд на содержание и основные черты социалистической системы хозяйства оставался неизменным, постольку Е.А. Преображенский оценивал в те годы перспективы дальнейшего развития народного хозяйства, в том числе и денежного обращения, в контексте планового хозяйства, постепенной ликвидации товарного производства. Интересно его замечание относительно судеб планового хозяйства, которое, по его мнению, начало формироваться в годы «военного коммунизма» (тем самым Е.А. Преображенский, как и многие другие, отождествлял плановое хозяйство с административно-командной системой, натуральным хозяйством). Он писал: «...Плановое хозяйство периода военного коммунизма не было ликвидировано (в годы нэпа. – *Авт.*), а было лишь трансформировано применительно к рыночной системе связи между государственным и частным хозяйством. Этим самым были предreshены и все дальнейшие изменения в природе наших денег, которые происходили уже за период нэпа»⁸¹. В данном замечании Е.А. Преображенский точно и пронизательно схватил смысл процессов, имевших место при переходе от военного коммунизма к нэпу. Действительно, одной из внутренних преград развития нэпа было слабое развитие товарно-денежных отношений в государственном секторе, значительное и длительное сохранение в хозяйственном механизме нэпа административно-командных методов управления. «После периода известного разброда и ослабления планового начала в управлении промышленностью, – продолжал Е.А. Преображенский, – мы вступили в период, с одной стороны, более быстрого восстановления государственного хозяйства и роста его накопления, его продуации, а с другой стороны – в период усиления планового начала внутри государственного круга и увеличения элементов регулирования и регулирующего воздействия этого государственного хозяйства на все частное хозяйство вообще»⁸². С учетом этих тенденций Е.А. Преображенский трактовал многие новые явления конца 1920-х гг. как постепенное приближение к моменту окончательного свертывания бумажно-денежного обращения и ликвидации большинства функций денег. При анализе этих процессов, по его мнению, нельзя некритически переносить законы денежного обращения капитализма на советское хозяйство, и в первую очередь на сферу государственной экономики. В этом проявлялась, с одной стороны, известная позиция Е.А. Преображенского относительно крайне ограниченного действия закона стоимости в государственном секторе, а с другой стороны, на наш взгляд, – научная интуиция, которая подсказывала ему, что, действительно, широкомасштабное вмешательство государства в экономическую жизнь, и в первую очередь в механизмы функционирования товарно-денежных отношений, требовало иного подхода и специального исследования, которого К. Маркс провести не мог. Речь шла, по существу, о дальнейшем развитии марксистской теории денежного обращения.

«Рост дороговизны и обесценение золота, начавшиеся с 90-х годов прошлого столетия, поставили перед теоретической марксистской мыслью вопрос о причинах этого явления», – писал Е.А. Преображенский⁸³. В книге «Теория падающей валюты» он предпринял глубокое исследование общих процессов развития валютных систем в условиях

денежной эмиссии и инфляции. Как мы уже отмечали, советская практика конца 1920-х гг. представляла достаточно материала для исследования этих явлений.

В отличие от анализа законов устойчивого денежного обращения, осуществленного в «Капитале», Е.А. Преображенский сконцентрировался на изучении факторов, выводящих валютную систему из состояния стабильности. В данном случае его интересовали не пути восстановления твердой валютной системы (такой опыт в стране уже имелся), а механизмы денежного обращения в условиях нестабильности валютной системы, ее дестабилизации. Падение валюты, по его мнению, являлось чертой кризиса системы денежного обращения. Поэтому он рассматривал изменения в денежном обращении по аналогии с циклическим кризисом: начало падения валюты, резкое ускорение и крах валютной системы, восстановление и стабилизация валюты и вновь – нарушение равновесия⁸⁴.

Е.А. Преображенский сумел здесь сформулировать одно из перспективных направлений анализа, по которому вскоре пошли многие западные экономисты немарксистских направлений.

Способность мыслить широко, охватывать глубинные тенденции, прогнозировать их последующее развитие подтверждала и другая книга Е.А. Преображенского, созданная в эти годы, – «Закат капитализма. Воспроизводство и кризисы при империализме и мировой кризис 1930–1931 гг.». Тема была поставлена масштабно: в предисловии автор говорил о том, что книга является частью большого труда о современном империализме и его гибели. Мировой экономический кризис, начавшийся в 1929 г., сделал весьма актуальными проблемы изучения перспектив капитализма как системы. Этот вопрос обсуждался в советской экономической литературе, на многочисленных дискуссиях, в печати. Е.А. Преображенский подошел к его разрешению с позиции анализа изменения в период монополистического капитализма капиталистического цикла воспроизводства, по сравнению с циклом времен свободной конкуренции, проанализированным К. Марксом. «Что же случилось в самом механизме капиталистического воспроизводства, вследствие чего капитализм не может уже переходить от одного цикла расширенного воспроизводства к другому, как это было в эпоху свободной конкуренции?», – спрашивал Е.А. Преображенский⁸⁵. В книге он показал, что явления монополизма – следствие концентрации производства – деформируют цикл капиталистического воспроизводства, в результате чего оказывается чрезвычайно затруднен переход во всемирном масштабе к новому циклу расширенного воспроизводства.

Выводы Е.А. Преображенского отличались характерной для того времени «оптимистичностью». Доказав, что в новую эпоху сам механизм капиталистического воспроизводства требует вмешательства в него государства, он, как и большая часть современных ему марксистов, считал, что тем самым наступает «закат капитализма», так как «капитализм и плановое хозяйство – вещи несовместимые. Если капитализм заходит в тупик и начинает нуждаться в плановом хозяйстве, то плановое хозяйство не нуждается в капитализме»⁸⁶. Однако в жизни все оказалось не так просто. Действительно, старый капитализм свободной конкуренции, а также и монополистический капитализм начала XX в. зашли в тупик. Но в «буржуазной» науке были разработаны методы государственного регулирования капиталистической экономики (в частности, Дж. М. Кейнсом). В результате мировой капитализм оказался способным преодолеть структурный кризис 1930-х гг. на путях перехода к системе государственно-монополистического капитализма.

Справедливости ради надо отметить, что научная интуиция все же подсказывала Е.А. Преображенскому, что капитализм может найти выход. В частности, он писал: «... всеобщий экономический кризис при монополизме, если он не приводит к мировой войне или не прерывается технической революцией (курс. наш. – Авт.), неизбежно перерастает в общий не только экономический, но и общесоциальный кризис всей системы капитализма»⁸⁷. Здесь важен не столько неоправдавшийся прогноз о скором «закате капитализма», сколько указание Е.А. Преображенским на возможные резервы будущего «второго дыхания» капитализма: 1) государственное вмешательство в процесс капита-

листического воспроизводства; 2) экспансию военно-промышленного комплекса; 3) использование достижений научно-технической революции.

Проанализированные работы Е.А. Преображенского свидетельствуют о его вступлении в пору творческой зрелости. В 1931 г. ему было 45 лет – расцвет для ученого. Свободно оперируя колоссальным материалом из английских, американских, французских⁸⁸, немецких, российских источников, Евгений Алексеевич выходит на широкие обобщения развития мировых экономических процессов, продолжает разработку фундаментальных проблем политической экономии. Но в печати нарастает травля. Против Е.А. Преображенского вновь выдвинуто убийственное для тех лет обвинение – в «контрабанде троцкизма»⁸⁹. В конце 1931 г. Е.А. Преображенский посылает в редакцию журнала «Проблемы экономики» статью «О методологии составления генплана и второй пятилетки». Статью не печатают, но подвергают разносу. Цитируют из нее несколько абзацев, сопровождая их развернутыми комментариями, а то и просто ограничиваются одними «комментариями»⁹⁰.

Итак, вновь травля в печати, завершившаяся исключением из партии. Хотя на XVII съезде ВКП(б) 31 января 1934 г. Е.А. Преображенский выступил с покаянной речью, это уже не могло существенно повлиять на его судьбу. 13 июля 1937 г. Е.А. Преображенский погиб в сталинских застенках.

М.М. Горинов, С.В. Цакунов

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По политическим причинам многогранная деятельность Е.А. Преображенского длительное время находилась в тени и практически не изучалась в советское время. Упоминания о нем в историко-партийной и историко-экономической литературе носят односторонний и крайне фрагментарный характер.

В англо-американской литературе по проблемам истории советского общества 1920-х гг. взгляды Е.А. Преображенского представлены значительно полнее и объективнее. Edward H. Carr, Robert V. Daniels, Alexander Erlich, Stephen F. Cohen, Alec Nove and others в своих работах характеризуют различные аспекты политической и научной деятельности Е.А. Преображенского. Тем не менее отсутствуют специальные исследования, посвященные его жизни и творчеству. Биографические сведения даются в: Who's who in economics. A Biographical Dictionary of Major Economists 1700–1980. Wheatshet Books, 1983; Who was who in the USSR. The Scarecrow Press, 1972.

На русском языке биографические сведения о нем были опубликованы: Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь «Гранат». Репринтное издание. М., 1989; Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 482–483. См. также: Е.А. Преображенский: Архивные документы и материалы. 1886–1990. М., 2006. С. 24–30.

² ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1908. Д. 12. Ч. 67. Л. 4–4 об.

³ См.: Е.А. Преображенский: Архивные документы и материалы. С. 67–70, 80–86, 131, 132.

⁴ См.: Уральский рабочий. 1918. 25 апреля. 5, 10 мая.

⁵ Осинский Н. Строительство социализма // Коммунист. 1918. № 2. С. 5.

⁶ Подробнее см.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 183.

⁷ Уральский рабочий. 1918. 3, 6, 7, 9 марта. См. также: Е.А. Преображенский: Архивные документы и материалы. С. 229–236.

⁸ Уральский рабочий. 1918. 6 марта.

⁹ Е.А. Преображенский: Архивные документы и материалы. С. 245–250.

¹⁰ Преображенский Е.А. Съезд необходим // Коммунист. 1918. № 4. С. 13. См. также: Е.А. Преображенский: Архивные документы и материалы. С. 247.

¹¹ Уральский рабочий. 1918. 9 мая. См. также: Е.А. Преображенский: Архивные документы и материалы. С. 248.

¹² Там же.

¹³ Преображенский Е.А. Анархизм и коммунизм. М., 1921. С. 44. См. также: Е.А. Преображенский: Архивные документы и материалы. С. 403.

- ¹⁴ Преображенский Е.А. Анархизм и коммунизм. С. 50. См. также: Е.А. Преображенский: Архивные документы и материалы. С. 406.
- ¹⁵ Преображенский Е.А. Анархизм и коммунизм. С. 50. См. также: Е.А. Преображенский: Архивные документы и материалы. С. 404.
- ¹⁶ Преображенский Е.А. Анархизм и коммунизм. С. 43, 55. См. также: Е.А. Преображенский: Архивные документы и материалы. С. 403, 406.
- ¹⁷ Преображенский Е.А. Анархизм и коммунизм. С. 65. См. также: Е.А. Преображенский: Архивные документы и материалы. С. 409.
- ¹⁸ Преображенский Е.А. Анархизм и коммунизм. С. 65. См. также: Е.А. Преображенский: Архивные документы и материалы. С. 414.
- ¹⁹ Подробнее о работе «Азбука коммунизма» и главах, написанных Н.И. Бухариным, см.: Цакунов С.В. Формирование взглядов Бухарина на экономику переходного периода // Истоки. Вып. 1. М., 1989.
- ²⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 157.
- ²¹ Бухарин Н.И., Преображенский Е.А. Азбука коммунизма. М., 1920. С. 265. См. также: Е.А. Преображенский: Архивные документы и материалы. С. 570.
- ²² Преображенский Е.А. Крестьянская Россия и социализм (К пересмотру нашей аграрной программы). Пг., 1918. С. 6. См. также: Е.А. Преображенский: Архивные документы и материалы. С. 383.
- ²³ Бухарин Н.И., Преображенский Е.А. Азбука коммунизма. С. 270. См. также: Е.А. Преображенский: Архивные документы и материалы. С. 573.
- ²⁴ Преображенский Е.А. Крестьянская Россия и социализм. С. 6. См. также: Е.А. Преображенский: Архивные документы и материалы. С. 382–383.
- ²⁵ Бухарин Н.И., Преображенский Е.А. Азбука коммунизма. С. 272. См. также: Е.А. Преображенский: Архивные документы и материалы. С. 574.
- ²⁶ Бухарин Н.И., Преображенский Е.А. Азбука коммунизма. С. 271. См. также: Е.А. Преображенский: Архивные документы и материалы. С. 573.
- ²⁷ Бухарин Н.И., Преображенский Е.А. Азбука коммунизма. С. 286. См. также: Е.А. Преображенский: Архивные документы и материалы. С. 582.
- ²⁸ Ольминский М. Рец. на кн.: Преображенский Е.А. Бумажные деньги в эпоху диктатуры пролетариата // Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 184–185.
- ²⁹ Преображенский Е.А. Бумажные деньги в эпоху диктатуры пролетариата. М., 1920. С. 84. См. также: Е.А. Преображенский: Архивные документы и материалы. С. 645.
- ³⁰ Преображенский Е.А. Бумажные деньги в эпоху диктатуры пролетариата. С. 40. См. также: Е.А. Преображенский: Архивные документы и материалы. С. 620.
- ³¹ Преображенский считал, что с развитием бестоварного социализма заработная плата все больше и больше будет натурализоваться и поступать к рабочим не через рынок, а с помощью аппарата государственного распределения продуктов. Такие взгляды соответствовали как практике «военного коммунизма», так и господствовавшим тогда взглядам.
- ³² X съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963. С. 426.
- ³³ XI съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1961. С. 302.
- ³⁴ Там же. С. 676.
- ³⁵ Подробнее см.: Преображенский Е.А. Теоретические основы спора о золотом и товарном рубле // Вестник Коммунистической академии. 1923. № 3. С. 58–64, 73.
- ³⁶ Там же. С. 73.
- ³⁷ См.: XI съезд РКП(б). С. 6.
- ³⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 44.
- ³⁹ РАСПИ. Ф. 170. Оп. 2. Д. 77. Л. 5.
- ⁴⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 44.
- ⁴¹ Там же. С. 44.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ XI съезд РКП(б). С. 82.
- ⁴⁵ Преображенский Е.А. От нэпа к социализму (Взгляд в будущее России и Европы). М., 1922. С. 19–20. См. также настоящее издание. С. 563.

⁴⁶ Преображенский Е.А. От нэпа к социализму. С. 34. См. также настоящее издание. С. 572.

⁴⁷ Преображенский Е.А. От нэпа к социализму. С. 89–90. См. также настоящее издание. С. 582–583.

⁴⁸ Преображенский Е.А. От нэпа к социализму. С. 93. См. также настоящее издание. С. 585.

⁴⁹ Преображенский Е.А. От нэпа к социализму. С. 97. См. также настоящее издание. С. 586.

⁵⁰ Преображенский Е.А. От нэпа к социализму. С. 115. См. также настоящее издание. С. 596.

⁵¹ О дискуссии 1923 г. см.: Дискуссия 1923 г. Материалы и документы / Под общей ред. К.А. Попова. М.; Л., 1927.

⁵² Подробнее о событиях 1923 г. и экономических проблемах народного хозяйства см.: *Горинов М.М.*

Нэп: поиски путей развития. М., 1990.

⁵³ Там же. С. 61.

⁵⁴ Подробнее о взглядах всех остальных участников экономической дискуссии 1923–1924 гг. см.: *Erllich A.* The Soviet Industrialisation Debate. 1924–1928. London, 1960.

⁵⁵ Преображенский Е.А. Экономические кризисы при нэпе // Вестник Коммунистической академии. 1923. № 6. С. 305.

⁵⁶ Расчеты по товарно-денежной сбалансированности народного хозяйства в 1923 г. Е.А. Преображенский проводил в составе специальной комиссии Госплана по учету продукции вместе с В.Г. Громыным и С.Г. Струмилиным.

⁵⁷ Преображенский Е.А. Экономические кризисы при нэпе. С. 305.

⁵⁸ Об этом см. настоящее издание. С. 3–5.

⁵⁹ См.: Преображенский Е.А. Основной закон социалистического накопления // Вестник Коммунистической академии. 1924. № 8. См. также настоящее издание. С. 102–146.

⁶⁰ См.: Бухарин Н.И. Новое откровение о советской экономике, или как можно погубить рабоче-крестьянский блок. // Правда. 1924. 12 декабря.

⁶¹ См.: Бухарин Н.И. К вопросу о троцкизме. М.; Л., 1925; *Он же.* Некоторые вопросы экономической политики. М., 1925; *Он же.* Критика экономической платформы оппозиции. Л., 1926; и др.

⁶² Преображенский Е.А. Закон ценности в советском хозяйстве. Прения по докладу // Вестник Коммунистической академии. 1926. № 15. С. 232.

⁶³ Преображенский Е.А. Новая экономика. 2-е изд. М., 1926. С. 250. См. также настоящее издание. С. 218.

⁶⁴ В советской литературе по истории экономической мысли не было сделано ни единой попытки объективно, без политических ярлыков оценить спор Е.А. Преображенского с Н.И. Бухариным, не публиковались ответы Е.А. Преображенского своим критикам, которые позволили бы многое прояснить. Это происходило даже тогда, когда стали достоянием научной общественности критические статьи Н.И. Бухарина против Е.А. Преображенского.

⁶⁵ Преображенский Е.А. Новая экономика. 2-е изд. С. 255. См. также настоящее издание. С. 220.

⁶⁶ Преображенский Е.А. Новая экономика. 2-е изд. С. 93. См. также настоящее издание. С. 106.

⁶⁷ Преображенский Е.А. Новая экономика. 2-е изд. С. 138. См. также настоящее издание. С. 130–131

⁶⁸ Бухарин Н.И. К вопросу о троцкизме. С. 69.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Преображенский Е.А. Новая экономика. 2-е изд. С. 253. См. также настоящее издание. С. 219.

⁷¹ Бухарин Н.И. К вопросу о троцкизме. С. 74.

⁷² Преображенский Е.А. Новая экономика. 2-е изд. С. 258–259. См. также настоящее издание. С. 222.

⁷³ Преображенский Е.А. Новая экономика. 2-е изд. С. 260. См. также настоящее издание. С. 223.

⁷⁴ Преображенский Е.А. Новая экономика. 2-е изд. С. 260. См. также настоящее издание. С. 223.

⁷⁵ Преображенский Е.А. Новая экономика. 2-е изд. С. 261. См. также настоящее издание. С. 224.

⁷⁶ Преображенский Е.А. Новая экономика. 2-е изд. С. 261. См. также настоящее издание. С. 224.

⁷⁷ См., например: Преображенский Е.А. Хозяйственное равновесие в системе СССР // Вестник Коммунистической академии. 1927. № 22; *Он же.* Экономические заметки // Правда. 1925. 15 декабря; Большевик. 1926. № 6, 15–16; 1927. № 6; См. также настоящее издание. С. 370 и др.

⁷⁸ Этот документ находится в фонде Л.Д. Троцкого в Harvard University (T-1262). Его копия в свое время была любезно предоставлена в распоряжение авторов профессором В.П. Даниловым.

⁷⁹ См.: Преображенский Е. За что нас исключили из партии (письмо к партийному съезду) // Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. М., 1990. С. 84; Заявление в ЦКК бывших руководителей троцкистской оппозиции... // Правда. 1929. 13 июля.

⁸⁰ XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1934. С. 238.

⁸¹ *Преображенский Е.А.* Экономическая природа советских денег и перспективы червонца // Под знаменем марксизма. 1930. № 4. С. 62.

⁸² Там же. С. 63.

⁸³ *Преображенский Е.А.* Изменение в стоимости золота и товарные цены // Проблемы экономики. 1930. № 1. С. 112.

⁸⁴ См.: *Преображенский Е.А.* Теория падающей валюты. М.; Л., 1930. С. 27.

⁸⁵ *Преображенский Е.А.* Закат капитализма. М.; Л., 1931. С. 5.

⁸⁶ Там же. С. 11.

⁸⁷ Там же. С. 97.

⁸⁸ Е.А. Преображенский опубликовал, в частности, работу «Экономика и политика современной Франции». (М., 1926).

⁸⁹ См.: *Борилин Б.* Против извращений марксистско-ленинской теории на экономическом фронте // Проблемы экономики. 1931. № 10–12.

⁹⁰ См.: *Бутаев К.* К вопросу о материальной базе социализма // Проблемы экономики. 1932. № 1; и др.

ИМЕННОЙ КОММЕНТАРИЙ

Адоратский Владимир Викторович (1878–1945), государственный и политический деятель, историк, академик АН СССР (1932). Участник революции 1905–1907 гг. С 1220 г. один из руководителей Центрального архивного управления. В 1931–1939 гг. директор ИМЭЛ – 38, 45

Андреев Леонид Николаевич (1871–1919), русский писатель – 519

Астров Валентин Николаевич (1898–?), партийный публицист, в 1920-е гг. сторонник Н.И. Бухарина. Подвергался репрессиям; реабилитирован – 252–256, 258, 264

Бабеф Гракх (*Франсуа Ноэль*) (1760–1797), французский коммунист-утопист. При Директории один из руководителей движения «Во имя равенства»; возглавил в 1796 г. Тайную повстанческую директорию, готовившую восстание. Казнен – 34, 75

Балливе, французский синдикалист, рабочий-механик – 60

Бебель Август (1840–1923), один из основателей и руководитель Германской социал-демократической партии и 2-го Интернационала. Неоднократно избирался в рейхстаг. Подвергался репрессиям (всего пробыл в заключении около 6 лет) – 39

Бедный Демьян (*Ефим Алексеевич Придворов*) (1883–1945), русский писатель. Печатался в большевистских газетах «Звезда» и «Правда» – 578

Бентам Иеремия (1748–1832), английский философ – 14–17

Бергсон Анри (1859–1941), французский философ, представитель интуитивизма и философии жизни – 76

Берин, участник дискуссии по докладу Е.А. Преображенского – 295

Бернштейн Эдуард (1850–1932), один из лидеров германской социал-демократии и 2-го Интернационала, идеолог реформизма. Выступал с критикой теоретических основ марксизма, отвергал научное обоснование социализма, считая его этическим идеалом – 38, 40, 63, 66, 69, 73, 77, 79

Берт Эдуард, французский синдикалист, ученик Ж. Сореля – 56, 58, 61, 63, 66, 69, 73, 77, 79

Бирман, немецкий правовед, представитель школы Р. Штаммлера – 91

Бисмарк Отто фон Шёнхаузен (1815–1998) 1-й рейхсканцлер Германской империи в 1871–1990 гг. – 252

Бланки Луи Огюст (1805–1881), французский коммунист-утопист. Заочно (был в тюрьме) избран членом Парижской коммуны. Успех социальной революции связывал с заговором организации революционеров, которых, по его мнению, в решающий момент поддержат народные массы – 29, 31–36, 55, 75

Богданов (Малиновский) Александр Александрович (1873–1928), политический деятель, врач, философ, экономист, большевик. С 1918 г. руководитель Пролеткульта. В 1926 г. организовал и возглавил Институт переливания крови; погиб, производя на себе опыт – 286, 290, 291, 521

Боголепов Дмитрий Петрович (1885–1941), партийный и советский деятель, экономист – 249, 251, 252

Бриан Арнстид (1862–1931), неоднократно в 1909–1931 гг. премьер-министр и министр иностранных дел Франции – 57

Бухарин Николай Иванович (1888–1938), политический деятель, академик АН СССР (1928). Участник революции 1905–1907 гг. и Октябрьской революции 1917 г. В 1917–1918 гг. лидер «левых коммунистов». В 1918–1929 гг. редактор газеты «Правда», одновременно в 1919–1929 гг. член Исполкома Коминтерна. В 1929 г. член Президиума ВСНХ СССР, с 1932 г. член коллегии Наркомтяжмаша. В 1934–1937 гг. редактор «Известий». Член ЦК большевистской партии в 1917–1934 гг. (кандидат в 1934–1937 гг.). Член Политбюро ЦК в 1924–1929 гг. (кандидат в 1919–1924 гг.). Кандидат в члены Оргбюро ЦК в 1923–1924 гг. Репрессирован, реабилитирован посмертно – 103, 196–205, 207–229, 231, 232, 234–242, 245, 247, 249, 250, 255, 258, 276, 278, 279, 283, 297, 314, 355, 481, 485, 489, 493, 495, 497, 499–502, 504, 505, 517, 521, 539

Виванн Рене (1863–1925), французский политический деятель, социалист-реформист. В 1914 г. премьер-министр и министр иностранных дел Франции – 57

Владимир Ильич – см. Ленин В.И.

Вольский Станислав (Соколов А.В.) (1880–?), публицист, философ, социал-демократ, большевик. С 1917 г. беспартийный – 521

Галлффе Гастон Александр Огюст, маркиз де (1830–1909), французский генерал, участвовал в подавлении Парижской коммуны – 314

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831), немецкий философ, создавший на объективно-идеалистической основе систематическую теорию диалектики – 235, 240, 306, 470

Гед (Базиль) Жюль (1845–1922), один из основателей французской Рабочей партии, деятель 2-го Интернационала, пропагандист марксизма – 59, 73, 75, 76

Гейнцен Карл (1809–1880), немецкий публицист радикального направления – 55

Гессе А., немецкий правовед, представитель школы Р. Штаммлера – 91

Гольденберг Э., партийный публицист – 253, 256–260, 300–303, 305, 309

Грнффюель Виктор, французский синдикалист – 79

Громан Владимир Густавович (1874–?), социал-демократ, меньшевик, экономист. Репрессирован – 429–431

Грюнберг Карл (1861–1940), австрийский социал-демократ, юрист, экономист и историк – 37

Гулоян Абрам Абрамович, партийный публицист, экономист, проректор Закавказского коммунистического университета – 454

Давид Эдуард (1863–1930), немецкий социал-демократ, экономист. В 1919 – 1920 гг. министр внутренних дел Германии – 249

Дволайцкий Шалом Монсеевич (1893–1937), политический деятель, экономист. Репрессирован; реабилитирован посмертно – 284–287, 289, 296, 299, 441, 461, 464, 465, 467, 470, 471

Деннкнн Антон Иванович (1872–1947), военный деятель, генерал-лейтенант (1916). Один из руководителей Белого движения. С апреля 1920 г. в эмиграции – 596

Депре Марсель (1843–1918), французский физик и электротехник – 40

Джонстон Джемс (1796–1855), агрокультур-химик – 53

Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926), политический деятель. Один из руководителей революции 1905–1907 гг. В Октябрьскую революцию член партии Военно-революционного центра и Петроградского ВРК. С 1917 г. председатель ВЧК (с 1922 г. ГПУ, ОГПУ) и нарком внутренних дел РСФСР в 1919 и 1923 гг., одновременно с 1921 г. нарком путей сообщения, с 1924 г. председатель ВСНХ СССР. Член ЦК большевистской партии в 1907–1912 гг. и с 1917 г., кандидат в члены Политбюро ЦК с 1924 г. – 495

Диль (у Е.А. Преображенского – *Дил*) **Карл** (1864–1943), немецкий экономист – 91

Дицген Иосиф (1828–1888), немецкий социал-демократ, философ – 521

Достоевский Федор Михайлович (1821–1881), русский писатель, член-корреспондент Петербургской АН (1877) – 519

Дюринг Евгений (1833–1921), немецкий философ; занимался экономикой и правом. Считал насилие важнейшим фактором истории. Выступал против марксизма – 44, 50, 84

Жорес Жан (1859–1914), руководитель Французской социалистической партии, затем СФИО (с 1905). Основатель газеты «Юманите» (1904). Активно выступал против колониализма, милитаризма и войны. Убит 31 июля 1914 г., в канун Первой мировой войны – 59, 66

Зандер – участник диспута по докладу Е.А. Преображенского в Пролеткульте – 517

Кабе Этьени (у Преображенского – *Кабэ*) (1788–1856), представитель французского утопического коммунизма, адвокат – 23–25, 49, 75

Кавеньяк Луи Эжен (1802–1857), французский генерал. В 1848 г. военный министр, глава исполнительной власти Французской республики. С жестокостью подавил Июньское восстание рабочих в 1848 г. – 314, 470

Кан – участник диспута по докладу Е.А. Преображенского в Пролеткульте – 284, 517–519

Кант Иммануил (1724–1804), немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии; профессор университета в Кёнигсберге, иностранный почетный член Петербургской АН (1794) – 545

Капитонов Иван Петрович (1900–?), советский экономист – 266, 276

Карев Николай Афанасьевич (1901–1936), партийный публицист. Репрессирован, реабилитирован посмертно – 266, 276

Кареев Николай Иванович (1850–1931), историк, член-корреспондент АН СССР (1925 г.; ч.-к. Петербургской АН с 1910 г.; ч.-к. Российской АН с 1917 г.), почетный член АН СССР (1929) – 9

Карышев Н.А. (1855–1905), экономист, статистик – 449

Каутский Карл (1854–1938), один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии и 2-го Интернационала, центрист. С начала Первой мировой войны занял пацифистскую позицию, Октябрьскую революцию в России встретил враждебно – 17, 63, 74, 197, 421, 521

Кац, участник дискуссии по докладу Е.А. Преображенского – 284, 285, 294, 295

Квиринг Эммануил Ионович (1888–1937), в 1925–1927 гг. заместитель председателя ВСНХ СССР, в 1927–1930 гг. заместитель председателя Госплана СССР, в 1931 г. заместитель наркома путей сообщения СССР. В 1932–1934 гг. заместитель председателя Комитета товарных фондов СТО. С 1934 г. 1-й заместитель председателя Госплана СССР. С 1930 г. возглавлял экономический Институт красной профессуры, в 1932–1936 гг. экономический институт Комакадемии. Репрессирован – 249, 251

Керенский Александр Федорович (1881–1970), политический деятель, адвокат. Во Временном правительстве занимал посты министра юстиции, военного и морского, министра-председателя, пост верховного главнокомандующего. С 1918 г. во Франции, с 1940 г. в США – 241

Кестнер Фриц, немецкий экономист – 141

Коган, участник дискуссии по докладу Е.А. Преображенского – 298

Кон Александр Феликсович (1897–1941), экономист. С 1935 г. работал в ИМЭЛ над подготовкой нового издания экономических работ К. Маркса – 100, 267, 283, 284

Кондратьев Николай Дмитриевич (1892–1938), экономист. Автор теории больших циклов конъюнктуры, смена которых связана с качественными изменениями в хозяйственной жизни общества. Репрессирован; реабилитирован посмертно – 441

Крицман Лев Натанович (1890–1941), государственный деятель, экономист – 184, 298

Ксенофонтов Ф.К., партийный публицист – 249–251

Кугельман Людвиг (1828–1902), немецкий врач, участник революции 1848–1849 гг. в Германии. Друг К. Маркса и Ф. Энгельса – 91

Лабриола Артуро (1873–1959), один из лидеров и теоретиков синдикализма в Италии (т.н. революционных синдикалистов), экономист – 63, 65, 76, 79

Лаградель (у Е.А. Преображенского – *Ляградель*) **Юбер** (1874–1958), французский анархо-синдикалист, последователь Ж. Сореля, затем социалист. В 1942–1943 гг. министр труда в правительстве Виши. В 1946 г. был осужден за коллаборационизм – 59, 76, 79

Ланге Фридрих Альберт (1828–1875), немецкий философ и экономист, представитель неокантианства – 44

Ларин Ю. (*Лурье Михаил Зальманович (Александрович)*) (1882–1932), экономист, в социал-демократическом движении с 1900 г. С августа 1917 г. в РСДРП(б). После Октября сторонник создания коалиционного правительства с участием меньшевиков и эсеров. В конце 1917 – начале 1918 г. член Президиума ВСНХ. Работал в советских хозяйственных организациях – 236, 265, 441, 445–447

Лафарг Поль (1842–1911), один из основателей французской Рабочей партии, член 1-го Интернационала. Зять К. Маркса, муж его дочери Лауры – 75

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924), российский политический деятель. В 1887 г. поступил на юридический факультет Казанского университета; в декабре исключен из университета и выслан за участие в студенческом движении. В 1891 г. сдал экзамены за юридический факультет при С.-Петербургском университете; помощник присяжного поверенного в Самаре. В 1893 г. переехал в С.-Петербург. В 1895 г. участвовал в создании петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», затем арестован. В 1897 г. выслан на три года в с. Шушенское Енисейской губ. В 1900 г. вместе с Г.В. Плехановым и др. начал издание газеты «Искра». На 2-м съезде РСДРП (1903) возглавил партию большевиков. С 1905 г. в С.-Петербурге; с декабря 1907 г. в эмиграции. В апреле 1917 г. приехал в Петроград. Возглавлял руководство Октябрьским восстанием в Петрограде. На 2-м Всероссийском съезде Советов избран председателем СНК, одновременно (с 1918 г.) председатель Совета рабочей и крестьянской обороны (с 1919 г. – СТО); член ВЦИК и ЦИК СССР. С марта 1919 г. в Москве. В 1922 г. тяжело заболел и с декабря не участвовал в политической деятельности.

Ленин рано стал приверженцем идей К. Маркса и Ф. Энгельса и стремился применить их к решению проблем общественного развития России. Придя к выводу о вступлении России на путь капитализма, отстаивал необходимость буржуазно-демократической революции и ее перерастания в социалистическую революцию – 3, 11, 13, 36, 40, 48,

54, 65, 76, 91, 92, 140, 151, 155, 188, 190, 192, 193, 195, 197, 211, 221, 223, 225, 229, 230, 238, 240–242, 255, 261, 263, 266, 273, 274, 278, 295, 297, 299, 301, 311–314, 428, 446, 463, 464, 467, 469, 470, 488, 492, 493, 495, 497, 504, 550, 560, 569

Леоне, синдикалист – 62–64, 76, 79

Либкнехт Карл (1871–1919), один из основателей Компартии Германии. Зверски убит (вместе с Р. Люксембург) контрреволюционерами – 35

Ллойд Джордж (1863–1945), премьер-министр Великобритании в 1916–1922 гг. – 151

Лукач Дьёрдь (1885–1971), венгерский литературовед и философ. Социал-демократ, затем коммунист – 202

Люксембург Роза (1871–1919), один из руководителей и теоретиков польской социал-демократии, леворадикального течения в германской социал-демократии, 2-м Интернационале. Один из организаторов «Союза Спартака» и основателей (1918) Компартии Германии. Зверски убита (вместе с К. Либкнехтом) контрреволюционерами – 374

Макдональд Джеймс Рамсей (1866–1937), один из основателей и лидеров Лейбористской партии Великобритании, в 1924 и в 1929–1931 гг. премьер-министр – 22

Маркс Карл (1818–1883), мыслитель и общественный деятель, основоположник марксизма. В 1935–1941 гг. учился на юридическом факультете Боннского, затем Берлинского университетов. С 1842 г. редактор демократической «Рейнской газеты». В 1943 г. в Париже Маркс познакомился с представителями социалистического и демократического движения. В период революционных событий в Европе 1848–1849 гг. участвовал в работе международной организации «Союз коммунистов» и вместе с Энгельсом написал ее программу «Манифест Коммунистической партии» (1848).

Маркс был организатором и лидером 1-го Интернационала (1846–1876). В 1867 г. вышел главный его труд – «Капитал» (т. 1); работу над следующими томами он не завершил, их подготовил к изданию Энгельс (т. 2, 1885; т. 3, 1894). В последние годы жизни Маркс активно участвовал в формировании пролетарских партий.

Маркс разработал принципы материалистического понимания истории (исторический материализм), теорию прибавочной стоимости, исследовал развитие капитализма и выдвинул положение о неизбежности его гибели и перехода к коммунизму в результате пролетарской революции – 3, 13, 30, 31, 34–55, 57–58, 64–67, 69, 75, 76, 78, 80–85, 88, 90–92, 94–96, 103, 104, 107, 108, 111, 122–125, 131, 146, 148, 149, 155, 169–171, 174, 175, 181–183, 185–187, 189, 197, 202–205, 211, 213, 217, 240, 247, 249, 259, 261, 262, 267, 280, 283, 284, 288, 292, 295, 297, 298, 301, 306, 320–333, 335, 339–341, 354, 356, 368, 371, 374, 390, 394, 397, 399, 400, 403, 410, 434, 465, 467, 508, 509, 520, 521, 545, 554

Мендельсон Лев Абрамович (1899–1962), экономист – 284–286, 289

Мережин А.Н. (1880–?), партийный работник, публицист – 518

Микоян Анастас Иванович (1895–1978), политический деятель. В 1926–1946 гг. нарком внешней и внутренней торговли, нарком снабжения, нарком пищевой промышленности, нарком внешней торговли СССР; одновременно с 1937 г. заместитель председателя СНК СССР. В 1942–1945 гг. член ГКО. С 1946 г. заместитель председателя, первый заместитель председателя СМ СССР. В 1964–1965 гг. председатель Президиума ВС СССР. Член ЦК в 1923–1976 гг., член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) – КПСС в 1935–1966 гг. (кандидат с 1926 г.) – 484

Мильтеран Александр Этьени (1859–1943) французский политический и государственный деятель, адвокат, публицист. В 1920 г. премьер-министр и министр иностранных дел, затем президент Франции (1920–1924) – 57, 59

Милюков Павел Николаевич (1859–1943), политический деятель, историк, публицист, теоретик и лидер партии кадетов. После Октябрьской революции эмигрант – 521

Милютин Владимир Павлович (1884–1937), политический деятель. С 1917 г. нарком земледелия, в 1918–1921 гг. заместитель председателя ВСНХ. С 1928 г. управляющий ЦСУ, заместитель председателя Госплана СССР. С 1934 г. председатель Ученого совета при ЦИК СССР. Член ЦК большевистской партии в 1917–1918 гг. (кандидат в 1920–1922 гг.). Репрессирован; реабилитирован посмертно – 313, 464, 471

Михайловский Николай Константинович (1842–1904), русский публицист, литературный критик, социолог – 9

Морганы, финансовая группа в США. Сформировалась в конце XIX в. – 518

Моррис Уильям (1834–1896) – английский художник, писатель, теоретик искусства. С 1880-х гг. участник английского рабочего движения – 30

Мотылев Вольф Евнович (1899–1967), экономист – 242, 243, 245–247, 284, 285, 291, 292

Нагиев Дж., публицист – 260–262

Наполеон I (*Наполеон Бонапарт*) (1769–1821), французский император в 1804–1814 гг. и в марте – июне 1815 г. – 314

Оливетти, итальянский синдикалист – 57, 64, 79

Оль П.В., статистик – 451

Оуэн Роберт (1771–1858), английский социалист-утопист – 24–30

Парвус (*Александр Львович Гельфанд*) (1869–1924), участник российского и германского социал-демократического движения – 96, 286

Пашуканис Евгений Брониславович (1891–1937), юрист. С 1936 г. заместитель наркома юстиции СССР. Репрессирован; реабилитирован посмертно – 282, 284, 286, 292

Пеллутье (у Е.А. Преображенского – *Пеллютье*) **Фердинанд** (1867–1901), французский социалист, затем синдикалист – 58–60, 62–63, 73, 76, 79

Петр I Великий (1672–1725), российский царь с 1682 г. (правил с 1689 г.), первый российский император (с 1721 г.) – 76

Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918), политический деятель, философ, теоретик марксизма. С 1880 г. в эмиграции. Один из основателей РСДРП, газеты «Искра». После 2-го съезда РСДРП один из лидеров меньшевиков. В 1917 г. вернулся в Россию, поддержал Временное правительство. К Октябрьской революции отнесся отрицательно (считал, что по степени социально-экономического развития Россия не готова к социалистической революции) – 521

Покровский Михаил Николаевич (1868–1932), историк, политический деятель, академик АН СССР (1929). Участник Октябрьской революции. С 1918 г. заместитель наркома просвещения. Руководитель Коммунистической академии, Института красной профессуры – 108

Прокопович Сергей Николаевич (1871–1955), российский политический деятель, идеолог «экономизма», деятель «Союза освобождения». В 1917 г. министр Временного правительства. После Октябрьской революции работал в Помголе. В 1922 г. выслан за границу – 430–432, 435

Прудон Пьер Жозеф (1809–1865), французский социалист, теоретик анархизма, экономист – 55, 57, 75

Пуже, французский синдикалист – 58

Пятаков Георгий Леонидович (1890–1937) – политический и государственный деятель. В 1917–1918 гг. – комиссар Народного банка; председатель Временного рабоче-крестьянского правительства Украины. С 1920 г. заместитель председателя Госплана РСФСР, председатель Главного концессионного комитета. С 1923 г. заместитель пред-

седателя ВСНХ. В 1927 г. торгпред во Франции. В 1928 г. заместитель председателя, в 1929 г. председатель Госбанка СССР. С 1932 г. заместитель, в 1934–1936 гг. 1-й заместитель наркома тяжелой промышленности СССР. Член ЦК большевистской партии в 1923–1927 гг. и 1930–1936 гг. Репрессирован; реабилитирован посмертно – 310, 465, 466

Рагольский, участник дискуссии по докладу Е.А. Преображенского – 296, 297

Ратенау Вальтер (1867–1922), германский промышленник и финансист. В 1922 г. министр иностранных дел; подписал вместе с К.И. Виртом Рапальский договор с Советской Россией – 15

Ренан Жозеф Эрнест (1823–1892), философ, историк христианства – 76

Рескин Джон (1819–1900), английский писатель, теоретик искусства. Призывал к возрождению средневековых форм организации художественных школ и ремесел – 30

Розенберг Давид Иохелевич (1879–1950), экономист, член-корреспондент АН СССР – 298

Розенгольц Аркадий Павлович (1889–1938), политический деятель. В 1930–1937 гг. нарком внешней торговли СССР. Репрессирован; реабилитирован посмертно – 298

Ронин Соломон Лазаревич (1894–?), экономист – 284, 295

Руссо Жан Жак (1712–1778), французский писатель и философ – 22, 49

Рыков Алексей Иванович (1881–1938), политический деятель. Участник революций 1905–1907 гг. и Октябрьской 1917 г. Нарком внутренних дел (ноябрь 1917 г.) в первом советском правительстве. В 1917–1921 гг. и 1923–1924 гг. председатель ВСНХ, одновременно с 1921 г. заместитель председателя СНК и СТО. В 1924–1930 гг. председатель СНК СССР, одновременно в 1924–1929 гг. председатель СНК РСФСР. В 1926–1930 гг. председатель СТО. В 1931–1936 гг. нарком почт и телеграфов, нарком связи СССР. Член ЦК большевистской партии в 1905–1907 гг., 1917–1918 гг. и 1920–1934 гг. (кандидат в 1907–1912 гг. и 1934–1937 гг.). Член Политбюро ЦК в 1922–1930 гг. член Оргбюро ЦК в 1920–1924 гг. Репрессирован; реабилитирован посмертно – 313

Рязанов (Гольдендах) Давид Борисович (1870–1938), политический деятель, академик АН СССР (1929). В 1921–1931 гг. директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Репрессирован; реабилитирован посмертно – 37

Сен-Симон Клод Анри де Рувруа (1760–1825), граф, французский мыслитель, социалист-утопист – 14–20, 30, 55, 75

Скворцов-Степанов Иван Иванович (1870–1928), политический деятель, публицист. С 1925 г. редактор «Известий», заместитель редактора «Правды», редактор «Ленинградской правды». Переводчик «Капитала» К. Маркса – 39, 42, 81, 290

Смилга Ивар Тенисович (1892–1938), государственный и политический деятель, экономист. С 1921 г. заместитель председателя ВСНХ, заместитель председателя Госплана СССР, ректор Института народного хозяйства им. Плеханова. Репрессирован; реабилитирован посмертно – 465, 481

Смирнов Владимир Михайлович (1887–1937), член РСДРП с 1907 г. После Октября член президиума ВСНХ. В 1918 г. «левый коммунист». Один из лидеров «военной оппозиции» в 1919 г. В 1920–1921 гг. деятель группы «демократического централизма». В 1923 г. примкнул к троцкистской оппозиции. Репрессирован – 211

Сокольников (Бриллиант) Григорий Яковлевич (1888–1938), государственный и политический деятель. В 1921 г. заместитель наркома, в 1922–1926 гг. нарком финансов. С 1926 г. заместитель председателя Госплана. С 1928 г. председатель Нефтесиндиката. С 1929 г. на дипломатической работе. В 1935–1936 гг. 1-й заместитель наркома лесной промышленности СССР. Кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б) в 1924–1925 гг. Репрессирован; реабилитирован посмертно – 193, 276, 282, 472, 511

Солнцев Елизар Борисович (1900–1937), большевик, экономист, историк. Участник троцкистской оппозиции, с 1928 г. находился в ссылке – 284, 297

Сорель Жорж (1847–1922), французский философ, теоретик анархо-синдикализма – 56–66, 68, 69, 72–79

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953), политический и государственный деятель. В 1898 г. вступил в грузинскую социал-демократическую организацию «Месаме-даси». В 1902–1913 гг. шесть раз подвергался арестам, ссылкам, четыре раза бежал из мест ссылок. После 1903 г. примкнул к большевикам. Ревностный сторонник В.И. Ленина, по инициативе которого в 1912 г. кооптирован в ЦК и Русское бюро ЦК РСДРП. В 1917 г. член редколлегии газеты «Правда», Политбюро ЦК большевиков, Военно-революционного центра. В 1917–1922 гг. нарком по делам национальностей, одновременно в 1919–1922 гг. нарком госконтроля, РКИ, с 1918 г. член РВСР. В 1922–1953 гг. генеральный секретарь ЦК партии. С 1941 г. председатель СНК (СМ) СССР, в годы войны председатель ГКО, нарком обороны, Верховный главнокомандующий. В 1946–1947 гг. министр Вооруженных сил СССР – 313

Степанов – см. Скворцов-Степанов

Стецкий Алексей Иванович (1896–1938), партийный деятель, экономист. В 1920-е гг. последователь Н.И. Бухарина – 282, 297, 459–461

Струве Петр Бернгардович (1870–1944), политический деятель, философ, экономист, историк, публицист, академик РАН (с 1917 г., в 1928 г. исключен). В 1890-гг. теоретик «законного марксизма», автор Манифеста РСДРП (1898). С начала 1900-х гг. лидер российского либерализма, один из руководителей «Союза освобождения». С 1905 г. член партии кадетов и ее ЦК. Депутат 2-й Государственной думы. После Октября 1917 г. вел борьбу с большевиками, один из идеологов Белого движения. С 1920 г. в эмиграции – 521

Струмилин (Струмилло-Петрашкевич) Станислав Густавович (1877–1974), экономист и статистик, академик АН СССР (1931) – 429, 431, 437, 472

Тальгеймер Август (1884–1948), немецкий социал-демократ, в 1918 г. один из основателей Компартии Германии. В 1929 г. исключен из КППГ и Коминтерна – 247–249

Тимофеев, партийный деятель – 504

Троцкий (Бронштейн) Лев Давыдович (1879–1940), политический и государственный деятель. В социал-демократическом движении с 1896 г., с 1904 г. выступал за объединение фракций большевиков и меньшевиков. В 1905 г. фактический лидер Петросовета. В 1908–1912 гг. редактор газеты «Правда». В 1917 г. председатель Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Один из руководителей Октябрьского вооруженного восстания. В 1917–1918 гг. нарком по иностранным делам; в 1918–1925 гг. нарком по военным делам, председатель Реввоенсовета Республики; один из создателей Красной армии. Член ЦК в 1917–1927 гг., член Политбюро ЦК в октябре 1917 г. и в 1919–1926 гг. Острая борьба со Сталиным за лидерство в партии закончилась поражением Троцкого – в 1924 г. его взгляды (т.н. троцкизм) объявлены «мелкобуржуазным уклоном» в РКП(б). В 1927 г. исключен из партии, выслан в Алма-Ату, в 1929 г. – за границу. Убит в Мексике агентом НКВД – 118, 193, 257, 310, 311, 465, 560, 578

Тьер Адольф (1797–1877), глава исполнительной власти с февраля 1871 г, в сентябре 1871–1883 г. президент Франции; историк – 59

Фольмар Георг (1850–1922), немецкий социал-демократ, реформист – 249

Фрумкин Моисей Ильич (1878–1938), до 1929 г. заместитель наркома финансов СССР, в 1932–1935 гг. заместитель наркома внешней торговли. Репрессирован; реабилитирован посмертно – 442, 445, 447

Фурье Шарль (1772–1837), французский социалист – 18–23, 30, 31, 49, 72, 75

Черномордик, участник дискуссии по докладу Е.А. Преображенского – 297, 298

Членов Семен Борисович (1890–1937), в середине 1920-х гг. работник Наркомвнешторга, в 1930 г. преподаватель Института красной профессуры, затем в Наркомате внешней торговли, профессор международного права. Репрессирован – 194

Чупров Александр Иванович (1842–1908), экономист – 453

Шанин М. (Шатино Л.Г.), социал-демократ, меньшевик, с 1918 г. большевик. Автор работ по экономике – 501

Шейдеман Филипп (1865–1939), один из лидеров Социал-демократической партии Германии – 22

Шмидт Конрат (1863–1932), немецкий экономист и философ – 38, 45, 262

Штаммлер Рудольф (1856–1938), немецкий теоретик права, сторонник марбургской школы кантианства. Утверждал первичность права по отношению к экономике и государству – 8, 90, 202

Штольцман, немецкий правовед, представитель школы Р. Штамлера – 91

Энгельс Фридрих (1820–1895), мыслитель и общественный деятель, один из основоположников марксизма. Друг и соратник К. Маркса – 3, 13, 14, 30, 34, 36–42, 44–47, 49–55, 66, 67, 78, 81, 84, 85, 205, 261, 262, 283, 290, 291, 301, 520, 521

Эпикур (341–270 до н.э.), древнегреческий философ, основатель философской школы – 116

Эртер, немецкий синдикалист – 70

Юденич Николай Николаевич (1862–1933), генерал от инфантерии (1915), один из руководителей Белого движения на Северо-Западе России. После провала «похода» на Петроград (октябрь – ноябрь 1919 г.) с остатками армии отступил в Эстонию. В 1920 г. эмигрировал – 596

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН	– Академия наук
в.	– век
ВЦИК	– Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
ВЧК	– Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
ВСНХ	– Высший совет народного хозяйства
ГА РФ	– Государственный архив Российской Федерации
Госбанк	– Государственный банк
Госиздат	– Государственное издательство
Госплан	– Государственный плановый комитет
г.	– год
д.и.н.	– доктор исторических наук
ж.-д.	– железнодорожный
ИККИ	– Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала
ИМЭЛ	– Институт Маркса – Энгельса – Ленина
Комвнторг	– Комиссариат внутренней торговли
Коминтерн	– Коммунистический Интернационал
коп.	– копейка
КПГ	– Коммунистическая партия Германии
млн	– миллион
млрд	– миллиард
нарком	– народный комиссар
Наркомзем	– Народный комиссариат земледелия
Наркомпочтель	– Народный комиссариат почт и телеграфов
Наркомпрод	– Народный комиссариат продовольствия
Наркомтяжмаш	– Народный комиссариат тяжелого машиностроения
НКВД	– Народный комиссариат внутренних дел
НКФ, Наркомфин	– Народный комиссариат финансов
нэп	– новая экономическая политика
ОГПУ	– Объединенное государственное политическое управление
Помгол	– Комитет помощи голодающим
Пролеткульт	– «Пролетарская культура»
РАН	– Российская академия наук
Реввоенсовет	– Революционный военный совет
РКП	– Российская коммунистическая партия

РСДРП	– Российская социал-демократическая рабочая партия
руб.	– рубль
СНК	– Совет народных комиссаров
СССР	– Союз Советских Социалистических Республик
СТО	– Совет труда и обороны
США	– Соединенные Штаты Америки
Т.	– том
Тов., т.	– товарищ
ЦК	– Центральный комитет
Центросоюз	– Центральный союз потребительских обществ
ЦСУ	– Центральное статистическое управление
Ч.	– часть
ч.-к.	– член-корреспондент

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителей	3
Предисловие к первому изданию	7

Том I [ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВА]

Часть 1	[Социалистические и коммунистические представления о социализме]	
	Социалистические и коммунистические представления о социализме	12
	[Глава 1.] Великие утописты	14
	[Глава 2.] Коммунисты	31
	[Глава 3.] Французский синдикализм	56

Часть 2	[Основы теории советского хозяйства]	
	Глава 1. О методе теоретического анализа советского хозяйства	80
	Глава 2. Закон первоначального социалистического накопления	102
	Глава 3. Закон ценности в советском хозяйстве	147

Приложения

Приложение 1. Предисловие ко второму изданию	196
Приложение 2. Еще раз о социалистическом накоплении	217
Приложение 3. Ответ гг. Кареву и Капитонову	266
Приложение 4. Прения по докладу т. Преображенского «Закон ценности в советском хозяйстве»	282
Приложение 5. Экономические заметки. О пользе теоретического изучения советского хозяйства	300
Приложение 6. Заявление Е.А. Преображенского в президиум XV конференции ВКП(б)	313

Том II
[КОНКРЕТНЫЙ АНАЛИЗ СОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВА]

Часть 1	[Проблема хозяйственного равновесия]	
	[Предисловие]. Проблема хозяйственного равновесия при конкретном капитализме и в советской системе	320
	[Глава 1.] [Хозяйственное равновесие при капитализме]	322
	[Глава 2.] Хозяйственное равновесие в системе СССР	370
Часть 2	[Конкретный анализ экономики]	
	[Глава 1.] Результаты новой экономической политики Советской России	412
	[Глава 2.] Экономическая политика пролетариата в крестьянской стране	419
	[Глава 3.] Экономические кризисы при нэпе	427
	[Глава 4.] Экономические заметки. О товарном голоде	448
	[Глава 5.] Экономические заметки. [О последствиях товарного голода]	454
	[Глава 6.] Выступление Е.А. Преображенского в прениях по докладу В.П. Милютина «Перспективы хозяйственного развития СССР (Контрольные цифры Госплана)»	462
	[Глава 7.] Экономические заметки. Контрольные цифры Госплана и наши хозяйственные задачи	474
	[Глава 8.] Экономические заметки. Новое в хозяйственной ситуации	481
	[Глава 9.] Заметки экономиста на «Заметки экономиста»	489
Часть 3	[Социалистическая культура и мораль]	
	[Глава 1.] О материальной базе культуры в социалистическом обществе	506
	[Глава 2.] О морали и классовых нормах	520
	Приложение	
	От нэпа к социализму (Взгляд в будущее России и Европы)	562
	<i>Горинов М.М., Цакунов С.В.</i> Вместо послесловия.	
	Е.А. Преображенский: обзор экономических работ	603
	Именной комментарий	627
	Список сокращений	636

Научное издание

Е.А. Преображенский
НОВАЯ ЭКОНОМИКА
(теория и практика):
1922–1928 гг.

Составители:

М.М. Горинов, С.В. Цакунов

Именной комментарий:

С.Д. Гарнюк, Ю.Б. Живцов

Редактор

Ю.Б. Живцов

Художественный редактор

Л.Ф. Егоренко

Компьютерный набор:

Л.Б. Борисова, Н.Н. Грунь

Компьютерная верстка:

Е.В. Горшкова, Л.А. Горшкова, Е.Н. Наумова

Корректоры:

Е.И. Логачева, Г.С. Холодильна

Ответственный за выпуск

Е.М. Сапожников

Подписано в печать 31.01.08. Формат 70x100/16.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная. Печ. л. 40.
Тираж 500 экз. Заказ № 157.

Издательство Главархива Москвы.
117393, Москва, Профсоюзная ул., 80.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО
«Московская типография № 6»
115088, Москва, Южнопортовая, 24

1922—1928

Е.А. ПРИБРАЖЕНСКИЙ

НОВАЯ
ЭКОНОМИКА